

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МЕМОРИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ С.С. МИТУСОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА РЕРИХА

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МЕМОРИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ С.С. МИТУСОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

II – III

САМАРА
Издательский дом «Агни»
1999

ББК 94.3
П-29

Петербургский Рериховский сборник: Вып. II–III. Самара: Издательский дом «Агни», 1999. — 800 с.
ISBN-5-89850-019-7

«Петербургский Рериховский сборник» публикует наследие семьи Рерихов и современные исследования по искусству, культурологии, археологии, естествознанию, источниковедению и другим наукам, освещает актуальные проблемы и достижения в области рериховедения.

Составление, примечания и комментарий
В.Л. Мельников

Вступительная статья
Е.А. Рябинин

Редакционная коллегия:
А.А. Бондаренко (главный редактор), Ю.Ю. Будникова,
Т.М. Занько (литературный редактор), В.Л. Мельников,
Н.Н. Трофимова (научный редактор)

Редакционный совет:
А.А. Бондаренко, Е.П. Маточкин,
В.Л. Мельников (ответственный секретарь), И.В. Руднева, Е.А. Рябинин,
В.В. Селиванов, Н.Н. Трофимова

Редакция благодарит Людмилу Степановну Митусову,
Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, Музей-усадьбу Н.К. Рериха
в Изваре, Межрегиональную общественную организацию
«Центр духовной культуры» (г. Самара)
и семью П.Ф. Беликова (Эстония) за содействие в подготовке издания,
предоставленные материалы и неизменную поддержку.

Адрес редакции:
199155, Санкт-Петербург, Васильевский остров, пер. Каховского, д. 9.
Академическая гимназия Санкт-Петербургского
государственного университета. Каб. 311.
Тел.: (812) 427-99-90; 274-59-59.
Тел/факс: (812) 350-10-76, 427-54-14, 428-48-79.
E-mail: bondaren@ag.pu.ru; alexey.bondar@paloma.spbu.ru.

ISBN-5-89850-019-7

© Петербургский Рериховский сборник, 1999
© Мемориальное собрание С.С. Митусова в Санкт-Петербурге, 1999
© Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета, 1999

НИКОЛАЙ РЕРИХ

АРХЕОЛОГИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

МАТЕРИАЛЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1892—1918

Каждая раскопка, каждое восстановление древности не есть лишь обращение к прошлому, но всегда будет признаком расширения народного сознания.

Н.К. Рерих. Латвия. 1937

Сложная вещь — века. Никто не знает, что отольётся в их горниле. Археологи скажут спасибо и Дарию за его начертания на скалах и пожалеют, что Александр Македонский мало отметил свой путь. Теперь его знаменательные остановки устанавливаются по догадкам со всякими филологическими мучениями. А что бы стоило оставить на скале начертание! Что было бы с законами Хаммураби, если бы они не запечатлелись на камне?! И кто разгадал бы египетские иероглифы без спасительного камня, найденного французскими солдатами. Кто-то скажет, что каждая земная надпись уже тщета и суета. Но скажет это не историк и не археолог.

Н.К. Рерих. Века. 1939

Н.К. Рерих и Е.И. Рерих на Валдае. 1906

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Пересматривая ломкие листы рукописей, перелистывая старые книги и типографские оттиски, разглядывая пожелтевшие фотографии, невольно поражаешься тому, как быстротечно время! С годами многочисленные события творческой биографии отдельной личности как бы сливаются в одно событие — явление человека миру. Таково свойство времени, позволяющее окинуть одним взглядом человеческую жизнь, увидев её в целом. Сохранившиеся в архивах и библиотеках документы делают такой взгляд не только возможным, но и необходимым. Духовная преемственность не должна пресекаться, она должна быть продолжена в будущее. Самосознание народа, его культура развиваются в непрерывном обращении к наследию выдающихся творцов прошлого.

Применительно к Николаю Константиновичу Рериху такой обобщающий взгляд позволяет сказать: великий творческий дух посетил нашу землю. Он оставил великое наследие нам и всем тем, кто будет жить после нас. Настаёт время торжества его идей и, значит, пора пристально изучать обстоятельства их зарождения. Даже самое малое знание об этом поможет приблизиться к тайне творчества, к вечным сокровищам духа, к незыблемым ценностям человеческой культуры, которые утвердил Рерих.

Уникальные материалы, собранные в фондах Императорской Археологической комиссии (ИАК), позволяют непосредственно прикоснуться к его наследию. Нет цены этим свидетельствам — подлинным артефактам: рукописям, рисункам, фотографиям, текущим откликам прессы, публикациям трудов, воспоминаниям.

Содержание разделов этого выпуска "Петербургского Рериховского сборника" вполне соответствует структуре научного наследия Рериха в фондах Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН). Единственным существенным отличием является отсутствие отдельного раздела *фотоматериалов*, что вызвано их распределением по всей книге в качестве иллюстраций.

Рукописи представлены законченными отчётами из архивных дел ИАК и записками, касающимися официальной научной деятельности художника по открытым листам комиссии (раздел I). В них зафиксированы результаты 1892–1904 гг., ставшие достоянием отечественной археологии уже на рубеже XIX–XX вв. Все они относятся к медиевистике Северо-Восточной Европы: точнее, современных Ленинградской, Новгородской, Псковской, Владимирской и Ярославской областей России. Значительная часть рукописей посвящена исследованиям в районе имения Извара, принадлежавшего матери художника.

Переписка полнее раскрывает личный аспект научной работы Рериха (раздел II). Включение писем в книгу обусловлено тем, что без них трудно представить занятия художника в их ежедневном, обыденном течении. В переписке зафиксированы конкретные шаги в период с 1894 по 1922 гг., планы, первые оценки и пояснения, оживляющие сжатый и во многом отстранённый стиль официальных документов. По переписке научная деятельность Рериха представляется более полной и многогранной; и тематически, и географически его интересы выявлены

шире. К уже названным в рукописях областям добавляются Воронежская, Московская, Смоленская, Тверская, Ставропольский край (район Кавказских Минеральных Вод) и зарубежье: Литва, Латвия, Эстония, Германия, Франция, Италия, Греция, Швейцария, Финляндия. Помимо полевых исследований упомянуты занятия по русской палеографии, коллекционирование предметов каменного века, старинных картин западноевропейских художников (преимущественно голландской и фламандской школ), предметов японского и китайского искусства; отмечены первая художественно-археологическая экспедиция семьи Рерихов по русским городам в 1903–04 гг. и выступления в защиту памятников культуры; названы лекции и доклады в Императорских Петербургском Археологическом институте (ИПАИ), Обществе поощрения художеств (ИОПХ), Русском (Петербургском) и Московском археологических обществах (ИРАО и ИМАО); нашла отражение его педагогическая деятельность; зафиксированы творческие контакты с широким кругом деятелей науки и культуры. Среди археологов и историков упомянуты И.Ф. Барщевский, Н.И. Веселовский, В.В. Голубев, А.Л. Липовский, Н.Е. Макаренко, М.В. Муравьёв, В.С. Передольский, А.М. Позднеев, Н.В. Покровский, А.В. Половцов, князь П.А. Путятин, В.В. Радлов, Ревьер де Прекур, К.К. Романов, А.А. Спицын, графиня П.С. Уварова, А.И. Успенский, Л.Н. Целепи; среди искусствоведов и коллекционеров — А.И. Анисимов, А.Н. Бенуа, И.Э. Грабарь, П.В. Деларов, герцог Н.Н. Лейхтенбергский, Ф.М. Плюшкин, Н.Ф. Селиванов, княгиня М.К. Тенишева; среди архитекторов — И.Б. Михайловский, В.А. Покровский, Б.К. Рерих, В.Ф. Свиньин, А.В. Щусев, А.А. Шиловский. Названы политические и общественные деятели, близкие науке. Особое значение имеет часть переписки, касающаяся новгородской археологической экспедиции Музея Допетровского искусства и быта (1910). Учитывая, что отчётных материалов по этой теме сохранилось крайне мало, мы решили перепиской восполнить имеющиеся пробелы в рериховской "новгородике". Переписка воспроизводит напряжённую атмосферу раскопок в Новгороде, обусловленную стечением ряда причин: болезнью и смертью учителя Рериха Архипа Ивановича Куинджи, разлукой с семьёй, оставленной на лечение в Гапсале, хлопотами по Школе ИОПХ и строительству храмов, неурядицами с местными "любителями древностей" и т. д.

Публикации результатов представлены хронобиблиографией изданий ИАК за 1896–1918 гг., т. е. до самого отъезда семьи Рерихов из России (раздел III). Здесь широта научных и общественных интересов Н.К. Рериха раскрывается во всём многообразии тем, эпох, общения, оценок современников, использования его данных другими учёными и т. д. География поистине всемирная. Для примера отметим здесь некоторые события и факты, нашедшие отражение исключительно в этом разделе (в некоторых случаях имела место общая работа с женой Еленой Ивановной и братом Борисом Константиновичем): изучение памятников урало-алтайского звериного стиля (1897–1910); доклады и лекции в ИПАИ (1898–1903); проекты мебели на основе образцов пермского звериного стиля (1899); руководство в ИПАИ группой учёных, работавших над составлением "Археологической карты Петербургской губернии" (1899–1902); археологические экскурсии ИПАИ в Петербургской губернии под его руководством (1899–1903); публикация статьи в первом же выпуске "Известий ИАК" (1901); участие в работе Русского отделения

ИРАО (1899–1911); фотофиксация памятников старины и природы (1902–10); открытие и обследование неолитических стоянок в районе г. Бологое у озёр Кончанское, Шерéгодро, Пирос, Кафтино, Мстино и других (1902–06); изучение средневековых фресок и икон в храмах и музеях России и Финляндии (1903–14); обращение к росписям индийской Аджанты (1905); первая в истории науки демонстрация предметов каменного века, добытых в России, представителям всего мира на Международном доисторическом конгрессе во Франции (1905); выступления в защиту музея княгини М.К. Тенишевой в Смоленске (1908–11); доклады в Петербургском Обществе архитекторов-художников (1908–12); организация Музея Допетровского искусства и быта (1909–11); исследования на Волыни (1909); подготовка выставок коллекции каменного века в Петербурге и Москве (1910–11); участие в работе разряда военной археологии и археографии Императорского Русского Военно-исторического общества (1910–11); участие в деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, в том числе в комиссиях по регистрации памятников Петербургской губернии и по реставрации Ферапонтова монастыря (1910–17); выступления на IV Всероссийском съезде русских зодчих (1911); организация Всероссийского съезда художников (1911); участие в комиссии по реставрации храма Василия Блаженного в Москве (1912); участие в археологической экскурсии Императорского Московского Археологического института (ИМАИ) по маршруту: Ростов Великий — Ярославль — Кострома — Нижний Новгород — Владимир — Москва — Смоленск — Витебск (1914); выступления в печати и на собраниях в защиту памятников в районе сражений и военных строек (1914–17); участие в оформлении историко-художественного издания в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых (1914); участие в решении "дела об эрмитажной реставрации" (1915); участие в деятельности Общества возрождения художественной Руси (1915–17); поездки по Валдаю в районе г. Бологое с посещением святочтимых источников (1915–16); работа в "Комиссии Горького" и Особом совещании по делам искусств (1917) и многое другое.

В значительной степени именно по воспроизводимым в сборнике публикациям современники художника знали о его научной деятельности. Появление материалов о результатах археологических раскопок Рериха в изданиях центрального "министерства древностей" означало несомненное их признание на общегосударственном уровне, делало их известными в самых широких кругах культурной общественности.

Владимир Мельников

Н.К. Рерих в Изваре. 1897. Фото из ОР ГТГ

Е.А. РЯБИНИН

Н.К. РЕРИХ И ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Художественное восприятие **Н.К. Рерихом** русской древности и старины во многом сформировалось под влиянием археологии, в конце XIX века молодой и загадочной науки, к которой будущий художник, учёный и путешественник приобщился ещё в детстве и которой продолжал серьёзно заниматься всю жизнь.

В этом отношении трудно переоценить роль и значение **Императорской Археологической комиссии** (ИАК), с которой была тесно связана деятельность Николая Рериха на протяжении двух с лишним десятилетий: от ученика Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств (ИАХ) и студента Императорского Петербургского университета (ИПУ) до преподавателя Императорского Петербургского Археологического института (ИПАИ), профессора, академика и члена правления многих археологических, архитектурных, историко-реставрационных и иных обществ.

Присущее Н.К. Рериху органичное единство научных и художественных интересов невозможно понять без восприятия тех предпосылок развития гуманитарного знания в России, на основе которых создавался яркий и самобытный Серебряный век нашей культуры. Не вдаваясь специально в эту тему, хочу лишь отметить, что вопросу "художественность и археология" в своё время отдали дань учитель и наставник Рериха **В.В. Стасов**[1] и его коллега **А.М. Васнецов**[2]. Известный историк **П.Н. Милюков** (кстати, с ним Рерих был хорошо знаком), автор многотомных "Очерков по истории русской культуры"[3] и не менее известный глава партии кадетов, оставил свой след в истории археологической науки как автор раскопок славянских (вятичских) курганов в Рязанской губернии[4]. Примеры такого рода можно продолжить.

Возникает закономерный вопрос: почему носители гуманитарного знания (в широком понимании) так естественно находили связь между художественным видением прошлого своих предков и оставшимися следами их проживания на землях нашего Отечества? И здесь мы должны обратиться к истокам.

Самые первые археологические раскопки в России были произведены в начале XVIII в. петербургским пастором **Вильгельмом Толле**. Не позднее 1710 г. в окрестностях Старой Ладоги — первой летописной столицы Древней Руси — им было вскрыто несколько курганных насыпей. С этого времени

вплоть до первых десятилетий XIX в. в истории археологии выделяется период, который условно может быть назван эпохой начального накопления археологических источников[5]. Важными вехами в становлении этого этапа было издание известного указа Петра I (1718) об учреждении в Петербурге кунсткамеры и о передаче в это музейное учреждение "старых вещей", а также начало научной паспортизации древних объектов, инициированное такими крупными фигурами русского Просвещения, как наш первый отечественный историк **В.Н. Татищев** (1686—1750), гениальный энциклопедист **М.В. Ломоносов** (1711—65), известные естествоиспытатели петербургской научной школы **Д.Г. Мессершмидт** (1685—1735), **Г.Ф. Миллер** (1705—83), **И.Г. Гмелин** (1709—55), **П.С. Паллас** (1741—1811), **И.Г. Георги** (1729—1802), **И.И. Лепёхин** (1740—1802). Тогда же производились и некоторые раскопочные работы, не выходившие, однако, даже на уровень требований ещё зарождавшейся и не получившей профессиональной специфики европейской археологии.

Начало XIX в. было ознаменовано становлением музеев и научных обществ, непосредственно связанных с изысканиями в области археологии[6]. Так, в 1806 г. был основан первый на юге России музей в Николаеве, в 1811 г. — музей в Феодосии, в 1825 г. — в Одессе, в 1826 г. — в Керчи. В 1804 г. при Московском университете учреждается Общество истории и древностей российских, в 1817 г. создаётся первое археологическое общество в Прибалтике (Митава), позднее аналогичные организации появляются в Риге (1834) и Дерпте (1838). В 1839 г. возникает Общество истории и древностей в Одессе, в 1846 г. — Императорское Русское археологическое общество в Петербурге (ИРАО). В 1822 г. появляется первое специальное правительственное положение об охране археологических памятников, а с начала 30-х гг. начинаются широкие научные и систематические раскопки на юге России[7]. С 1840-х гг. оживляется археологическая деятельность в Киеве, сосредоточенная вокруг Комиссии по разбору древних актов.

Археологические общества и музеи первой половины XIX в. внесли большой вклад в процесс становления отечественной археологии, в развитие научно-полевых изысканий, в дело систематизации древностей и охраны историко-культурных памятников. Расширение сети таких общественных организаций, создававшихся не только в крупных научных и университетских центрах, но и во многих губернских и даже уездных городах, продолжалось и в последующий период. Они ярко продемонстрировали необходимость создания правительственного (государственного) органа, который мог бы сосредоточить в своих руках надзор и управление остающейся во многом неконтролируемой и часто имеющей случайный характер деятельностью археологических обществ и отдельных лиц.

Ещё до учреждения Археологической комиссии делались попытки осуществления научных мероприятий в государственных масштабах. Инициатором этого выступил страстный любитель археологии **граф Л.А. Перовский** (1792—1856), стоявший во главе Министерства внутренних дел (МВД), а позднее — Министерства уделов. Он сумел создать небольшой коллектив сотруд-

ников, занимающихся исключительно археологической деятельностью и состоящих на внештатных должностях при МВД (с 1853 г. — при Императорском Кабинете). Этой группой была разработана первая программа систематических раскопок памятников на юге России, по её представлениям началось поступление первых правительственных ассигнований на производившиеся археологические исследования.

После смерти графа Л.А. Перовского руководство зарождавшейся археологической службой, перешедшей к этому времени в ведение Министерства Императорского двора, в 1856 г. было возложено на **графа С.Г. Строганова** (1794—1882)[8]. «Главный начальник археологических разысканий в России» граф Строганов — член Государственного Совета, генерал-лейтенант, генерал от кавалерии — был не только придворным высокого ранга, но и ценителем археологии, осознававшим важность создания государственного археологического органа. Его ближайшим помощником в период подготовки к созданию ИАК был чиновник Императорского Кабинета **П.С. Савельев** (1814—59) — известный специалист в области археологии и нумизматики.

В 1858 г. графом С.С. Строгановым на имя министра Императорского двора **графа В.Ф. Адлерберга** (1791—1884) была подана "Записка о современном положении археологических разысканий и предлагаемых в них изменениях"[9]. В ней содержался очерк предшествующей археологической деятельности правительственных учреждений и ставился вопрос о создании государственного археологического органа с чётко регламентированным финансированием и постоянным штатом сотрудников. 140 лет назад, **2 (15) февраля 1859 г.,** Положение о создании Императорской Археологической комиссии было утверждено **Александром II**[10].

Первые 30 лет деятельности ИАК относятся к периоду выработки организационных принципов её деятельности, крайне осложнённой неопределённостью статуса этого учреждения в системе других близких по направленности организаций. Представляется целесообразным кратко коснуться этого сюжета вследствие того, что длительная борьба за признание правомочности ИАК как центрального археологического учреждения России была непосредственно связана с организациями и некоторыми крупными фигурами, в той или иной степени сопричастными научной, художественной, педагогической и организационной деятельности Н.К. Рериха.

Выразителем резкой оппозиции по отношению к ИАК был **граф А.С. Уваров** (а после его кончины в 1884 г. — супруга и многолетний сподвижник этого создателя "уваровского" направления в отечественной науке о древностях **графиня П.С. Уварова**). Вклад графа Уварова в развитие русской археологии является общепризнанным[11]. Один из наиболее активных полевых исследователей (достаточно вспомнить его беспрецедентные по массовости раскопки средневековых курганов во Владимирской земле и работы на юге России), автор многочисленных научных публикаций и первый отечественный учёный, сформировавший развёрнутую и законченную систему общетеоретических взглядов

в археологии. Не менее многогранной была и организационная деятельность четы Уваровых. Это — создание **Императорского Московского археологического общества** (ИМАО) в 1864 г., **Императорского Российского Исторического музея** в Москве (основан в 1872 г., ныне ГИМ) и, наконец, организация периодических **Всероссийских археологических съездов**, сыгравших особую роль в объединении творческих сил археологической науки.

Вместе с тем, "уваровская" школа решительно отвергала особые полномочия ИАК. В 1876 г. по предложению графа А.С. Уварова при МВД была образована специальная комиссия, выработавшая в следующем году "Проект правил о сохранении исторических памятников"[12]. Согласно этому проекту для исследования и охраны историко-культурных объектов предполагалось создание особой комиссии, подведомственной Министерству народного просвещения. В неё должны были входить около 20 отделов, каждый из которых курировал бы свой археологический округ. При признании такого проекта ИАК оказывалась бы ненужной. Однако при его обсуждении на Государственном Совете было особо отмечено, что в России уже имеется орган, специально утверждённый для принятия мер к разысканию древних памятников, их охране и наблюдению над раскопками. Таким органом является Императорская Археологическая комиссия, которой и предоставлены в этом отношении соответствующие права[13].

Исходя из высшего правительственного решения, ИАК приступила к созданию нового проекта своей деятельности и урегулированию правовых отношений с общественными археологическими учреждениями. В 1887 г. её запрос был передан на обсуждение последних, от трёх из которых — ИМАО, ИРАО и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете — были получены соответствующие отношения. Московское и Казанское общества заняли резко отрицательную позицию в вопросе о расширении правомочий комиссии. Более доброжелательное мнение об этом высказало ИРАО, согласившееся признать в ИАК тот государственный центр, который может быть связующим звеном для успешного ведения общего дела.

Итогом многолетних и острых дискуссий явился указ от **11 марта 1889 г.**, согласно которому комиссии предоставлялось исключительное право выдавать разрешение на ведение археологических раскопок на государственных и общественных землях[14]. По этому постановлению «все учреждения и лица, предполагающие произвести подобные раскопки, обязаны... входить в сношения с Императорской Археологической комиссией»[15]. Отмечалось также, что реставрация монументальных памятников древности может производиться только по предварительному согласованию с ИАК и по сношению последней с **Императорской Академией художеств** (ИАХ)[16].

Этот несколько затянувшийся историографический пассаж важен для понимания той обстановки, которая сложилась в гуманитарной (историко-культурной) среде к концу XIX — началу XX в. Нельзя не признать выраженного и сохранявшегося позднее определённого противостояния между офици-

альной петербургской (прежде всего, в лице ИАК) и московской школами, а через последнюю с более связанными с ней на определённом этапе губернскими научными обществами. Остаются запутанными и неясными в организационном плане отношения ИАК с ИАХ, с образованным в 1877 г. Императорским (Петербургским) Археологическим институтом и с возникшим несколько позднее аналогичным Императорским Московским Археологическим институтом (ИМАИ). Но отсутствие запрограммированной жёсткости в сложной системе связей как раз и определялось запросами и веяниями либерального пореформенного периода и нашего Серебряного века, для которых были характерны выход за рамки узковедомственного подчинения, широта мышления и творческих поисков, не сводимых к одной официальной линии, ориентир на личностные ценности, к тому же ещё постоянно меняющиеся, не ограниченные устоявшимися рамками.

Обратимся к примерам. С 1886 г. и до конца существования Императорской Археологической комиссии её председателем являлся известный археолог и политический деятель **граф А.А. Бобринской** (1852—1927)[17]. К моменту прихода Н.К. Рериха в археологическую науку в состав комиссии входили члены И.Е. Забелин, Н.И. Веселовский, Н.П. Кондаков, В.В. Стасов, А.А. Спицын, Ф.А. Браун, К.Е. Думберг, сверхштатные члены комиссии Д.Я. Самоквасов и В.Б. Антонович, члены-корреспонденты Ю.Б. Иверсен, В.В. Радлов, В.В. Латышев, А.Л. Бертье-Далагард, В.К. Мальмберг, К.К. Косцюшко-Валюжанич и др. Остановимся лишь на некоторых фамилиях, составлявших официальное (членское) ядро комиссии[18].

Иван Егорович Забелин (1820—1908) — ведущий представитель историко-этнографической "бытописательской археологии", тесно связанный с деятельностью Московского археологического (т. е. "уваровского") общества и ко времени непосредственных контактов с Рерихом являвшийся управляющим Российского Исторического музея в Москве.

Николай Иванович Веселовский (1848—1918) — известный археолог, профессор Санкт-Петербургского университета и Петербургского Археологического института, член ИРАО (с 1908 г. — руководитель его Восточного отделения), член Императорских Русских Географического и Военно-исторического обществ, непременный участник всех Всероссийских археологических съездов. С 1914 г. — член-корреспондент Российской Академии наук.

Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — учитель и наставник Н.К. Рериха, художественный и музыкальный критик, историк искусства. Почётный академик. Хранитель отдела рукописей и редкой книги Императорской Публичной библиотеки (ныне РНБ).

Никодим Павлович Кондаков (1844—1925) — выдающийся исследователь древнехристианского и византийского искусства. Академик. Во времена деятельности Рериха являлся профессором ИПУ и профессором искусств при Высших женских курсах, главным хранителем Отделения Средних веков и Возрождения Эрмитажа, действительным членом ИРАО.

Н.К. Рерих на раскопках. Из фотографий, посланных В.В. Стасову в 1897 году
Оригинал в ОР ИРЛИ РАН

Александр Андреевич Спицын (1858—1931) — бывший преподаватель гимназии в провинциальной Вятке. После публикации первых научных работ, получивших признание у московских и петербургских археологов и особо отмеченных графиней П.С. Уваровой, он по ходатайству Н.И. Веселовского и С.Ф. Платонова переходит в штат ИАК. Дальнейшая его деятельность в этом учреждении ярко охарактеризована младшим современником Спицына С.А. Жебелёвым: «Нужно признать, что с его появлением в Археологической комиссии русская археология стала занимать в ней надлежащее место, причём речь идёт не только о собственно русской или славянской археологии, а об археологии России вообще»[19]. Именно этому выдающемуся систематизатору отечественных древностей принадлежит заслуга выхода ИАК на качественно новый уровень, включая сюда и разработки организационно-методологического порядка[20]. Спицын явился одним из главных наставников Рериха на археологическом поприще.

Нетрудно заметить, что в выборочном списке членов ИАК представлены специалисты разных областей гуманитарного знания, деятельность которых, как правило, не ограничивалась рамками Археологической комиссии и, тем более,

узкопрофессиональными интересами. И это вполне закономерно, ибо археология как наука о древностях к рубежу столетий охватывала весь обращённый к прошлому духовный потенциал общества. Здесь следует вспомнить крупного русского историка **Сергея Фёдоровича Платонова** (1860—1933) — ещё одного наставника молодого Рериха, о котором последний всегда отзывался с неизменной теплотой и благодарностью. Учёный и прекрасный педагог, преподававший в ИПУ, Платонов сам непосредственно не занимался практической археологией. Однако его "Курс русской истории" и научные работы, посвящённые преимущественно московскому периоду истории, пробуждали живой интерес к отдалённому прошлому России, т. е. "археологии" не в узком понимании этого термина. Существовавшая в то время сопряжённость историко-культурных и археологических разысканий определила заслуженное положение Платонова в качестве руководителя Отделения русской и славянской археологии ИРАО, членом которого с 1897 г. являлся Рерих.

Последние десятилетия XIX и в начале XX века Археологическая комиссия, несмотря на недостаток выделяемых средств, продолжала интенсивные полевые исследования в самых различных областях государства. Но, пожалуй, более важной её задачей являлся контроль за качеством раскопок, осуществлявшихся на местах. Размах археологических работ при малочисленности квалифицированных кадров определял необходимость создания прилагаемых к открытым листам унифицированных полевых дневников (таковые вошли в широкий оборот с 1895 г.)[21] и подготовку соответствующих учебных пособий. Последнюю задачу взял на себя и осуществил А.А. Спицын.

Особое место в многогранной работе ИАК занимала издательская деятельность. Ежегодно, начиная с 1859 г., она издавала **"Отчёты Императорской Археологической комиссии"** (ОИАК), содержащие краткие сведения о производимых ею полевых изысканиях и находимых древностях. За период с 1859 по 1881 г. комиссия издала 21 том отчётов, сопровождавшихся атласами и печатавшихся параллельно на русском и французском языках; ещё один такой двуязычный отчёт-указатель был сводным и содержал материалы за 1882–98 гг.[22] Впоследствии комиссия издавала отчёты только на русском языке[23], последний из которых вышел в свет в 1916 г.

В 1866 г. ИАК приступила к публикации работ в серии **"Материалы по археологии России"** (МАР). До 1918 г. вышло в свет 37 выпусков этого издания, отличающегося подробным характером изложения археологического материала и обилием прекрасно выполненных иллюстраций[24]. Вплоть до настоящего времени "Материалы по археологии России" служат одним из основных источников при изучении древностей, исследованных в дореволюционный период. В них содержится как монографическое описание важнейших археологических памятников, так и обширные отчёты об отдельных раскопках и исследованиях.

В 1901–18 гг. комиссия издала 66 выпусков **"Известий Императорской Археологической комиссии"** (ИИАК). В "Известиях" публиковались отчёты о полевых изысканиях, проводившихся на средства и по поручению комиссии;

содержались обзоры и историко-культурная интерпретация отдельных групп памятников и культур; печатались описания древностей, поступавших в ведение комиссии. Большое внимание в этом издании уделялось памятникам зодчества и задачам их реставрации, охране архитектурно-исторических объектов. Достаточно сказать, что в 1908–18 гг. было опубликовано 19 выпусков "Известий", целиком посвящённых вопросам реставрации[25].

Разумеется, такими важными серийными изданиями не исчерпывалась публикационная научная деятельность комиссии. Её сотрудники активно участвовали и в других русских археологических органах, выпустили в свет немало отдельных монографий и сборников. Один только перечень трудов, выходивших непосредственно под эгидой Археологической комиссии, красноречиво свидетельствует о широком размахе её теоретической, издательской работы. Особо следует подчеркнуть такое важное направление научной практики комиссии, как обработка и издание материалов массовых раскопок, не связанных с деятельностью комиссии и лишь благодаря усилиям её сотрудников введённых в широкий оборот; особая заслуга в этом отношении опять-таки принадлежит самоотверженному труженику комиссии А.А. Спицыну.

С деятельностью комиссии связано и создание крупнейшего в нашей стране специализированного архива. (Именно в нём хранится большинство рукописей Н.К. Рериха, публикуемых в настоящем издании). Начало ему было положено документами, «относящимися до археологической части», переданными комиссии после её образования в 1859 г. из других учреждений: третьего стола первого отделения департамента общих дел МВД, третьего отделения Министерства Императорского двора, Канцелярии Министерства уделов и Комиссии по заведованию археологическими разысканиями ("Строгановской") — всего 298 дел 1728-го, 1820–56 гг. За 60 лет деятельности ИАК в её архиве образовался фонд, насчитывающий свыше 9000 единиц хранения текстологической документации за период 1810–1919 гг. и около 9000 единиц хранения изобразительно-графических материалов. Кроме того, в конце 1880-х гг. в центральный археологический орган поступило около 7000 дел из ИАХ (паспорта старинных церквей и сведения о памятниках искусства, собранные Академией путём анкетирования всех губерний Российской империи). Документы этого периода содержат богатейшую информацию об археологических раскопках и открытии древностей, о разнообразных историко-культурных памятниках, о состоянии и реставрации архитектурно-художественных объектов, фиксируют процесс возникновения и становления археологической службы в России[26].

К периоду деятельности Археологической комиссии относится и создание основы фотоархива Института археологии РАН (в настоящее время эти фотоматериалы хранятся в ИИМК РАН)[27]. В это же время закладывается база самой крупной, по существу единственной специализированной археологической библиотеки СНГ — книжного собрания ИИМК[28]. Таким образом, именно документы ИАК легли в основу всех ныне существующих фондовых подразделений государственного археологического учреждения.

Как показывают материалы настоящего издания, Н.К. Рерих пользовался этими сокровищами и сам активно участвовал в их пополнении.

В деятельность комиссии активно вовлекалась талантливая молодёжь, занявшая достойное место в работе этого органа. Одним из наиболее ярких представителей нового поколения петербургских исследователей, вошедших в археологию на исходе XIX в. и сразу же занявших в ней видное место, несомненно являлся Н.К. Рерих. Тесно связанный с гуманитарными отделениями Петербургского университета, со своей alma mater — Академией художеств и иными учреждениями, так или иначе ориентированными на изучение нашей старины, Рерих органично включается в деятельность Императорской Археологической комиссии.

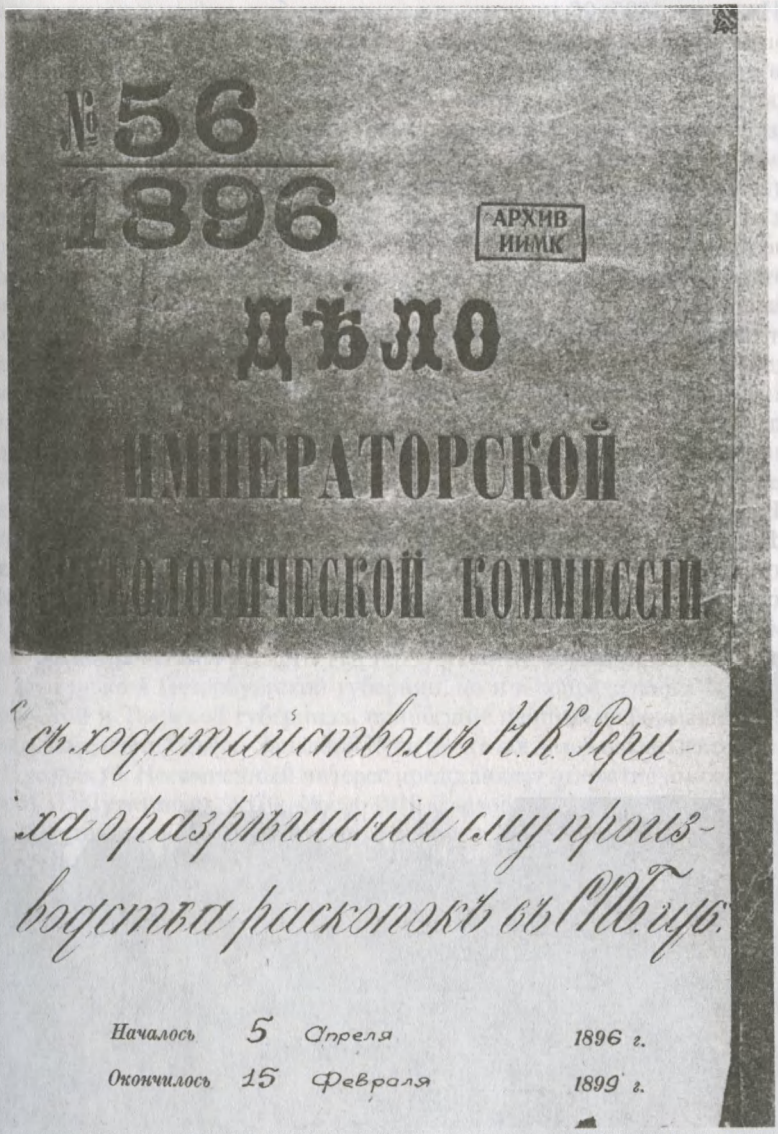
Думается, здесь нелишним будет вспомнить, что ещё в 1892 г. семнадцатилетний учащийся гимназии К.И. Мая производит первые самостоятельные раскопки средневековых курганов в районе своего семейного имения Извара на Ижорском плато в западной части Петербургской губернии. Выход на этот массив памятников был, несомненно, навеян результатами массовых исследований курганно-жальничных могильников, произведённых в том же регионе ассистентом

Уголок Музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре. Современное фото

Медико-хирургической академии **Л.К. Ивановским** (1845—92), который по поручению и на средства ИРАО вскрыл здесь около 6000 погребений в 127 пунктах. Заслугой юного гимназиста следует признать составление полевого отчёта и передачу археологической коллекции в общественный музей (гимназия К.И. Мая)[29].

В 1894 г. по заявлению студента Петербургского университета и вольнослушателя Академии художеств Н.К. Рериха ИАК впервые выдаёт ему открытый лист на производство исследований в пределах Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества. Основание запроса определялось как творческими интересами художника, разрабатывающего тему «русского исторического жанра» в контексте «изучения родной археологии»[30], так и его непосредственным ознакомлением с древними памятниками Петербургской губернии. Молодой исследователь предполагал провести полевые работы за собственный счёт с обязательством предоставления в ИАК полного отчёта о произведённых изысканиях. Из-за плохих погодных условий первый сезон оказался скромным по масштабам и был ограничен вскрытием трёх неясных по культурно-хронологической атрибуции курганов близ д. Сосницы и рекогносцировочным обследованием загадочной по исполнению насыпи в урочище "Серебряный ручей" на р. Хмеленке[31].

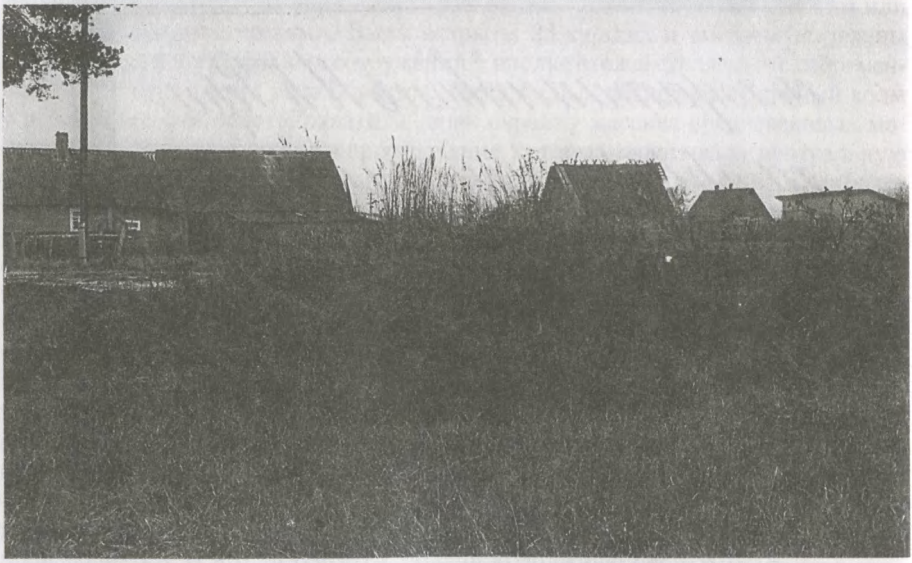
Вследствие этого в 1895 г. Н.К. Рерихом был запрошен открытый лист на право производства полевых изысканий в том же Царскосельском уезде. Исследователем был изучен крупный курганный некрополь у д. Калитино, значительная часть насыпей которого была раскопана в 1876 г. Л.К. Ивановским или разрушена кладоискателями. Были вскрыты 23 кургана и впервые выделены разновидности погребальных сооружений[32], вполне отождествляемые с современной типологией такого рода объектов. Тогда же был обследован плитный холм у д. Сосново. Эти работы охватили лишь окраину массива средневековых могильников, основная зона распространения которых охватывала центральную часть Ижорской возвышенности. Именно здесь ранее производились наиболее масштабные раскопки Ивановского. Это диктовало необходимость переноса полевых изысканий в район наивысшей концентрации памятников. Научное обоснование регионального расширения рамок исследования было изложено Рерихом в письме Спицыну и получило поддержку ИАК в 1896 г. На основе полученного открытого листа были произведены широкие исследования в центральной части плато, в результате которых обследовано состояние 17 ранее известных могильников (в дер. Горье, Сомино, Будино, Роговицы, Волосово, Лисино, Захонье, Сяглицы, Ославье, Рогатино, Рабитицы, Домашковицы, Введенское, Чёрная, Ямки, Заполье, Озертицы) и выявлены новые погребальные памятники (дер. Раково, Тарасино, Грызово, Извара и др.). В шести пунктах раскопано 41 захоронение древнерусского времени[33]. После Ивановского такого масштаба работ при учёте неизмеримо высшего качества полевой документации здесь не производилось. И это, разумеется, получило должную оценку.



Обложка дела ИАК № 56/1896 с ходатайством Н.К. Рериха о разрешении ему производства раскопок в Санкт-Петербургской губернии. РА ИИМК

Именно в 1895–96 гг. установилась тесная близость между известным археологом А.А. Спицыным и начинающим исследователем Н.К. Рерихом. Спицын в это время занимался монографической публикацией "Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского", вышедшей в 1896 г. в рамках серийного издания "Материалы по археологии России" (вып. 20)[34]. Для систематизатора материалов массовых раскопок в крупном регионе крайне необходимыми являлись консультации профессионального археолога (а таковым уже и являлся тогда Николай Константинович) в подаче далеко не совершенной по уровню документации источниковой базы. Поэтому отнюдь не случайно, что в упомянутом классическом труде, вошедшем в золотой фонд отечественной археологии, приведены воспроизведения рисунков памятников, планов и разрезов погребений, принадлежащих Рериху. Замечу, что такое же сотрудничество сохранялось между этими двумя исследователями и в последующее время. С большим уважением относящийся к полевой деятельности и выводам Рериха, старший наставник в публикации материалов его раскопок часто сопровождал свои тексты предоставленными иллюстрациями художника-археолога.

В 1897 г. Н.К. Рерих открывает загадочные "каменные фигуры" близ имения Извара на юге Ижорского плато[35]. Могильник это или не могильник? Если это погребальный памятник, то какого времени и народа? Дискуссии разворачиваются на заседаниях Отделения русской и славянской археологии ИРАО,



Курганный могильник в д. Чёрная Санкт-Петербургской губ. Фото Е.А. Рябинина

на которых и ранее с рефератами о своих курганных раскопках выступал Николай Константинович. Собрание приходит к общему выводу о связи этого оригинального объекта с загадочной финской водью, упоминаемой в русских летописях с XI в. Так это или не так, пока судить трудно. Во всяком случае, сам Рерих, равно как и Спицын, считал, что оригинальные древности води — "чуди", вероятнее всего, будут обнаружены в зоне этнографического проживания её потомков, в районе Копорья и старого водского прихода Каттила (Котлы). Работы последних десятилетий полностью оправдали эти прогнозы[36].

С 1898 г. археологические изыскания Н.К. Рериха в западной части Петербургской губернии были тесно связаны с **Императорским Петербургским Археологическим институтом** — первым отечественным учреждением подготовки гуманитариев широкого профиля. Проводившиеся им совместно с Н.И. Веселовским "археологические экскурсии" членов и слушателей института носили множественную функцию. По выражению Рериха, они должны иметь «кроме раскопочного (опытного)» и «специально научный интерес», выражающийся в ознакомлении участников таких поездок с различными категориями памятников региона (дер. Глумицы, Роговицы, Торосово, Дамище, Пежовицы, Дятлицы, Озёра, Смолькало, сёла Гостилицы, Фёдоровское, станции Елизаветино, Войсковицы, Преображенская и др.)[37]. Результаты "археологических экскурсий" и разведок издавались в трудах ИПАИ, а полученные при раскопках вещевые находки обогащали фонды петербургских музеев.

На рубеже столетий, в 1899–1905 гг., Николаем Константиновичем по поручению и на средства Русского (Петербургского) общества производились работы не только в Петербургской губернии, но и в сопредельных Псковской, Новгородской и Тверской губерниях, принёсшие ценную информацию о средневековом населении Северо-Западной Руси (всего обследовано не менее 240 пунктов в 9 уездах)[38]. Несомненный интерес представляет открытие им совместно с **князем М.П. Путятиным** (1870—после 1919) следов неолитических стоянок близ Бологого, материалы которых, опубликованные в отдельной статье[39], не потеряли до сих пор научной значимости.

Активная полевая деятельность Н.К. Рериха в Северо-Западном регионе России сопровождалась не только осмыслением результатов своих работ. Ему принадлежит инициатива создания первой **"Археологической карты Петербургской губернии"**. При этом выдвигались два направления такой деятельности, частично реализованной в 1899–1903 гг. Прежде всего, это — составление общей памятки-инструкции, рассылавшейся во все уезды с запросами о наличии перечисленных в списке историко-культурных объектов. Такая инструкция была составлена Н.К. Рерихом и отпечатана в ИПАИ в 1899 г.[40] Здесь следует заметить, что созданная в 1911 г. при деятельном участии Николая Константиновича Комиссия по регистрации памятников старины в Санкт-Петербургской губернии при "Обществе защиты и сохранения в России памятников искусства и старины" по существу продублировала эту более раннюю инструкцию[41]. Вместе с тем, ещё на рубеже веков Рерих выступил координатором этих

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ.

26 Мая 1900 г.

№ 932

Открытый листъ.

На 1900 годъ.

Выданъ этотъ листъ г. Преподавателю Археологическаго Института Н.К. Рериху Императорскою Археологическою Коммиссіею на право производства археологическихъ раскопокъ въ теченіи 1900 года на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленіямъ въ предѣлахъ Боровичскаго Валдайскаго и Крестецкаго уѣздовъ Новгородской губерніи

съ обязательствомъ доставить въ Коммиссію отчетъ или дневникъ по произведеннымъ раскопкамъ, а также при особой описи всѣхъ находокъ наиболѣе цѣнные и интересные изъ найденныхъ предметовъ, для представленія ихъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе

Подписалъ:
За Предсѣдателя Императорской
Археологической Коммиссіи, Гелинъ ... Ф. Брегунъ

Открытый листъ получилъ Н. Рерихъ 27 мая 1900 г.

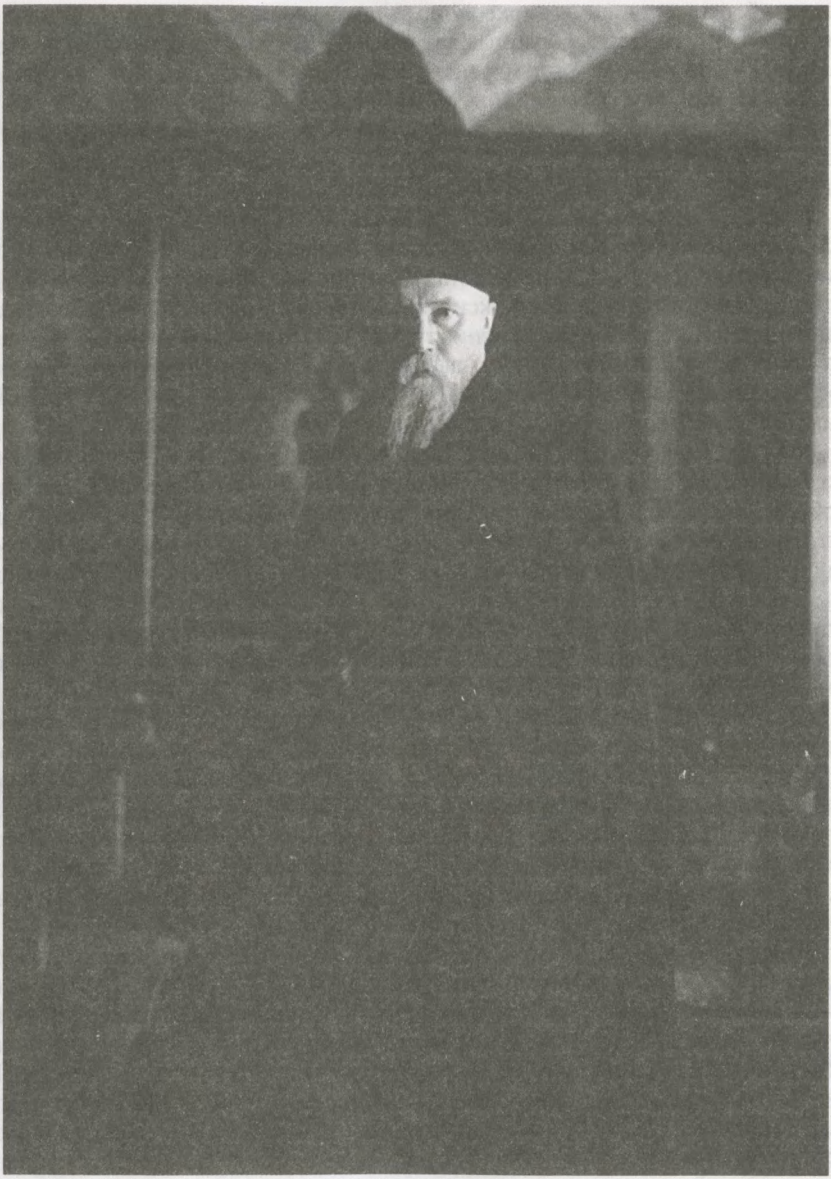
Открытый лист, выданный в 1900 «г. Преподавателю Археологического Института Н.К. Рериху» на Боровичский, Валдайский и Крестецкий уезды Новгородской губернии
Оригинал в РА ИИМК

изысканий, осуществляемых археологами-профессионалами. И этот опыт в целом удался. Материалы, собранные как самим Н.К. Рерихом, так и его коллегами (В.Н. Глазовым, А.Э. Мальмгреном, Л.Н. Целепи и др.) по 8 петербургским уездам (Гдовскому, Новоладожскому, Лужскому, Шлиссельбургскому, Ямбургскому, Царскосельскому, Петергофскому, Санкт-Петербургскому), содержат неоценимую информацию о многих исчезнувших к настоящему времени памятниках археологии[42].

Наряду с погребальными сооружениями, в сферу научных интересов Николая Константиновича изначально входили остававшиеся тогда мало изученными древние поселения — городища — и старинные русские города. Ещё в 1896 г. им была выявлена и зафиксирована земляная крепость на р. Лемовже в южной части Ижорской возвышенности[43]. В 1903 г. в Археологическую комиссию поступает запрос от ИРАО о выдаче открытого листа члену-сотруднику Рериху на исследование городищ в Ярославской и Владимирской губерниях. Примечателен выбор памятников, расположенных близ древних русских городов Ростова, Суздаля, Владимира, Юрьева-Польско́го[44] и по существу документирующих предысторию всех ранних центров Залесской земли. Небольшие по объёму раскопки Сарского городища под Ростовом явились первыми документированными исследованиями ключевого для ранней истории Северо-Восточной Руси памятника конца VII — начала XI вв., которому затем посвящались многочисленные публикации[45]. Именно Н.К. Рерих выступил с резким протестом против варварского разрушения этого памятника карьером по добыче песка[46]. К сожалению, Сарское городище уничтожалось и в последующее время вплоть до полной его гибели в начале 1930-х гг.

В 1911 г. очередной Всероссийский археологический съезд должен был состояться в Новгороде. По традиции, в годы, предшествующие таким съездам, в тех местах, где они созывались, в губерниях или даже в самом городе, производились археологические раскопки. Ни в Новгороде, ни в Новгородской губернии подобных работ не проводили. Современные руководители Новгородской археологической экспедиции В.Л. Янин и Б.А. Колчин объясняют это тем, что учредительница съезда графиня П.С. Уварова, вероятно, унаследовала от мужа недоброжелательное отношение к северо-западным древностям[47].

Именно поэтому Н.К. Рерих от имени созданного по его инициативе Музея Допетровского искусства и быта и при поддержке Петербургского общества архитекторов-художников и Императорского Военно-исторического общества выступает с предложением о проведении предварительных раскопок в Новгородском кремле и расположенного близ Новгорода Рюрикова Городища. На незначительные средства такие исследования были осуществлены им совместно с **Н.Е. Макаренко** (1877—1938, по др. данным — 1937) в 1910 г. Работы в Новгородском кремле можно отнести к разряду начальных раскопок этого древнего города, который затем на протяжении многих десятилетий исследовался и продолжает плодотворно изучаться археологами. Следует отметить высокий профессионализм раскопщиков, которые правильно определили вскрытые ими в



Н.К. Рерих в своём доме в долине Кулу на севере Индии
Фото 1940-х из архива МОО ЦДК

кремле деревянные конструкции как настилы мостовых улиц Новгорода. Даже такой опытный археолог, как Н.И. Репников, приступивший в это же время к изучению Ладожского поселения с прекрасной сохранностью деревянных сооружений, объявил их на обсуждении результатов работ в ИРАО остатками полов какого-то сооружения[48].

Интересные результаты были получены Рерихом и Макаренко при зондаже Рюрикова Городища под Новгородом. Полученные при этих раскопках материалы позволили, по заключению А.А. Спицына, подтвердить, что Городище является одним из древнейших поселений Новгородской земли. Продолжающиеся в настоящее время раскопки действительно показали, что этот памятник может рассматриваться как вероятный предшественник Новгорода, возникший ещё во второй половине IX в.[49] К сожалению, дальнейшие археологические исследования в Новгороде и его округе, за которые активно выступал Рерих, после первого полевого сезона по ряду причин были прерваны.

Особое место в деятельности Николая Константиновича занимала защита историко-культурных памятников от разрушения или небрежной реставрации. Он принимал самое активное участие в посвящённых этой теме заседаниях и собраниях, с горечью признавая, однако, что «несмотря на все запрещения, несмотря на опекунщу старины — Археологическую комиссию, на глазах многих тают целые башни и стены»[50]. По его убеждению, только обращение к самым широким кругам общественности и воспитание народа в духе уважения к творениям своих предков могут спасти бесценные свидетельства прошлого.

Вполне очевидно, что тема "Н.К. Рерих и Археологическая комиссия" объективно выходит за рамки сюжета об участии Николая Константиновича только в работе ИАК. Но такова была действительность того времени, когда область гуманитарного знания оставалась ещё неразделённой профессиональными перегородками. Таков был и сам Рерих — яркий представитель Серебряного века, органично синтезировавший археологическую практику с художественным и историко-культурным видением. Чем глубже раскрывалось перед выдающимся художником и учёным древнейшее прошлое русской культуры, её связи со скандинавским Севером и наследницей Эллады — Византией, тем обширнее становились его мировоззренческие горизонты. «Ясно, если нам углубляться в наши основы, — писал Рерих, — то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища... Мы поняли значение византийских эмалей. Мы поняли, наконец, и ценность наших прекрасных икон... Через Византию грезилась нам Индия; вот к ней мы и направляемся»[51]. Но это уже качественно иная тема в изучении многогранной деятельности Николая Константиновича.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Стасов В.В.*, 1866, 1876.

[2] *Васнецов А.М.*, 1914.

[3] См. современное переиздание: *Милюков П.Н.*, 1993 и др. тт. (первое изд. в 1904).

[4] *Милюков П.Н.*, 1899.

[5] *Лебедев Г.С.*, 1992. С. 27–68.

[6] См. об этом: *Пескарёва К.М., Рябинин Е.А.*, 1984.

[7] *Жебелёв С.А.*, 1923. С. 102–107; *Монгайт А.Л.*, 1955. С. 39, 40; *Амальрик А.С., Монгайт А.Л.*, 1966. С. 28, 29.

[8] См.: "О назначении генерал-лейтенанта графа С.Г. Строганова заведывающим археологическими разысканиями в России". РА ИИМК, ф. 14, № 1.

[9] *Там же*, л. 27–33 об.

[10] *ПСЗ*, 1861. № 34109; *Охрана памятников*, 1978. С. 63–66.

[11] *Формозов А.А.*, 1961, 1986; *Вздорнов Г.И.*, 1986; *Лебедев Г.С.*, 1992; *Клейн Л.С.*, 1995.

[12] См.: "Об установлении порядка в деле собирания и охранения курганных древностей". РА ИИМК, ф. 1, № 69/1887, л. 603–630; *Охрана памятников*, 1978. С. 101–109.

[13] «О представлении в Канцелярию Министерства Императорского двора "Очерка деятельности Комиссии за время царствования Императора Александра II"». РА ИИМК, ф. 1, № 174/1900, л. 1 об.

[14] *Охрана памятников*, 1978. С. 133, 134.

[15] Более полно содержание п. 1 этого указа см. в наст. изд., разд. II, № 121, примеч.

[16] *Протоколы соглашения ИАК...* 1889.

[17] Ранее, до 1882, им был основатель ИАК граф С.Г. Строганов, в 1882–86 — князь А.А. Васильчиков, одновременно являвшийся и директором Эрмитажа.

[18] *Личный состав Императорской Археологической комиссии*. СПб., 1898.

[19] *Жебелёв С.А.*, 1923. С. 114.

[20] См. об этом: *Спицын А.А.*, 1895, 1910; *Пескарёва К.М., Рябинин Е.А.*, 1984. С. 304–305.

[21] См. в наст. изд., разд. I, № IV и VIII (с примеч.).

[22] См. в наст. изд., разд. III, № XVI.

[23] См. в наст. изд., *ОИАК*: разд. III, № I, III–VI, VIII, IX, XVIII, XXIV, XXIX, XXXII, XLII.

[24] См. в наст. изд., *МАР*: разд. III, № II, X, XV, XLVI.

[25] См. в наст. изд., *ВР*: разд. III, № XLVII и LI.

[26] *Пескарёва К.М., Владимирова Т.Т.*, 1980.

[27] *Девель Т.М.*, 1950. С. 290–336; *Томес Т.Б.*, 1968. С. 274–280; *Доманская Э.С., Анищенко Ж.Г.*, 1980. С. 93–96.

[28] *Левина Р.Ш.*, 1980. С. 80–84.

[29] См. в наст. изд., разд. I, № I.

[30] См. в наст. изд., разд. I, № II.

[31] См. в наст. изд., разд. I, № III.

[32] См. в наст. изд., разд. I, № IV, V и VIII; разд. III, № III.

[33] См. в наст. изд., разд. I, № VI и VII.

[34] См. в наст. изд., разд. III, № II.

[35] См. в наст. изд., разд. I, № IX.

[36] См.: *Рябинин Е. А.*, 1997, 1998.

[37] См. в наст. изд., разд. I, № X и XI; разд. II, № 19, 21, 22, 36, 39, 41–45; разд. III, № VII–IX, XII (2), XIV (5).

[38] В публ. Рериха отмечены след. места его раскопок и разведок (деревни, сёла, урочища, реки, озёра, города, погосты). **В Новгородской губ.: Новгородский у.** — не менее 2 пунктов: Новгород, Коломцы. **Боровичский у.** — по р. Мсте и в её бассейне — не менее 67 пунктов: Башево, Белавино, Бельково, Большие Леса, Большие Меглецы или Меглецы, Боровичи, Быково, Великанова могила или Могила великана, Владычно, Власиха, Гверистянка, Глазово, Горка, Городок, Данилово, Демихово, Дерягино, Дорохново, Дубовики, Дурилино, Жаворонково, Колупалово, Кончанское, Коровкино, Косюша, Котово, Крючково, Ланышино, Лединка, Лыткино, Львово, Любань, Люли, оз. Люто, Малые Леса, Малые Меглецы, Милино, Могилино, Мошинский погост, Никольский погост, Обречье, Орехово, Пелавинское или Пелавино оз., Передки, Плужино, Подборье, Подол, Потерпильцы (Потерпилец), Прудище, Рагозно, Сопины, Сорокино, Сорочья, Столбово, Тайново, Тельбовичи, Тумашево, Тухун, Ульяново, Устрик или Устрики, Фалалеево, Фелистово, Федосино, Хлопчиха, оз. Шерéгодро, Юрино, Юхново и др. **Валдайский у.** — по р. Мсте и в её бассейне — не менее 41 пункта: Александрово или Александрова, Баркова, р. Березай, Бобовик, Бологое, Большие Леса, погост Боровно, Валдайка, Велье, Воскресенский Нос, оз. Глубочиха, Горы, Городок, Домовичи, Жалинцы, Жданье, Загубье, Заостровье, Котово, Осиновый Рог, Кравцова, оз. Крюково, Левоча, Львово, Любони, Мельница, Окуловское оз., Окуловка, Островно, Перевоз, Перестово, оз. Пирос, Подлипье, Рютино, оз. Ситно, Старое, Сушанье, Тини, Узмень, Хоромы, Шегрина Гора и др. **Демьянский у.** — в целом. **Крестецкий у.** — не менее 16 пунктов: Березовик, Василёво, Голодаевка, Елагино, Локотцкий погост, Махново, Парахино, р. Перетна, Перéтно, Подберезье, Поддубье, Полище, завод Пасберга, Совино, Поклонная гора, р. Хоринка и др. **Старорусский у.** — ряд дер. и сёл между нижним течением рек Шелони и Ловати — не менее 61 пункта: Барановы, Барок, Белая, Большие Боры, Большое Междуречье, Бор, Борицы, Бородцы, Великое Село, Взгляды, Витень или Витонь, Выбыть, Высокое, Горки, Городок, Городцы, Дуброво, Еваново, Жажванниково, Казнобицы, Калиново, Короваево, Коростынь, Луки, Любынь, Малое Междуречье, Малое Станишино, Малые Боры, Маринницы, Междуречье, Межник, Никулино, Остров, Островок, Парник, Подгощи, Подолье, Подосье, Порожек, Почково, Пузырево, Раглицы или Роглицы, Речные Котцы, Рно, Ручевые Котцы, Ручьи, Сельцо, Солоницкое или Солоницко, Сусалова, Сухарево, Сущево, Тес, Углы, Устицы, Хотигощa, Хотяжа, Чураково, Шилова гора, Шимск, Язвино и др. **В СПб. губ. Лужский у.** — в целом и отд. пункты близ ст. Преображенской. **В Псковской губ. Порховский у.** — ряд дер. и сёл по среднему и нижнему течению рек Шелони и Удохи — не менее 61 пункта: Апраксино, Батино, Блошна, Бор, Боркино, Боровичи, Булавино, Верхние Горки, Водосье или Одосье, Волышево, Вышково, Вязищи, Вязка, Глубокая, Головино, Головицы, Городок, Готовино, Гребня, Дно, Должицы, Дубешна, Дубня, Дубровна, Заборовье, Загорье, Заклинье, Заполье, Заречье, Ильинский монастырь, Казачий Лютец, Каменка, Клопово, Колотилов Клин, Колтово, Крючкино, Лаз, Любитово, Молочково (погост, прежде монастырь), Морино, Немецкая Лука, погост Опоки,

Отрада, Пески, Петровщина, Плосково, Подгривье, Поддубье, Подклинье, Порхов, Пснино, Радилово, Райцы, Ретня, Ручьи, Скново, Сойкино, Сухлово, Уза, Чубарево, Шепуха и др. **В Тверской губ. Вышневолоцкий у.** — в целом и отд. пункты по р. Мсте и в её бассейне: Лялино, Берёзка, Млёво, Академическая, оз. Мстино, оз. Кафтино, оз. Хвошня и др. Отд. пункты в др. уездах вышеотмеченных губерний.

[39] *Рерих Н.К.*, 1905.

[40] РА ИИМК, ф. 37, № 6, л. 5–5 об.; ОР ГТГ, ф. 44, № 580, л. 1–1 об.

[41] *Мельников В.Л.*, 1998а. № 2 (10). С. 3. См. в наст. изд., разд. III, № XXXIX (6), XLI (1, 2), XLIII (2), XLVIII (1).

[42] РА ИИМК, ф. 37 (Н.К. Рериха).

[43] См.: *Рябинин Е.А.*, 1984; в наст. изд., разд. I, № VII (9).

[44] См. о выдаче соответствующего открытого л.: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 152, 153, 176; в наст. изд., разд. II, № 49.

[45] См.: *Леонтьев А.Е.*, 1996. С. 69 и др. Здесь же и библ.

[46] См. в наст. изд., разд. I, № XIII; разд. III, № XXI (2).

[47] *Колчин Б.А., Янин В.Л.*, 1982. С. 9.

[48] См. в наст. изд., разд. II, приложение к № 143.

[49] *Носов Е.Н.*, 1990.

[50] См. в наст. изд., разд. III, № XXI (2).

[51] Индийский путь. 1913. // *Рерих Н.К.*, 1914. С. 260.

I

РУКОПИСИ Н.К. РЕРИХА

3 августа 1892 — 4 марта 1904

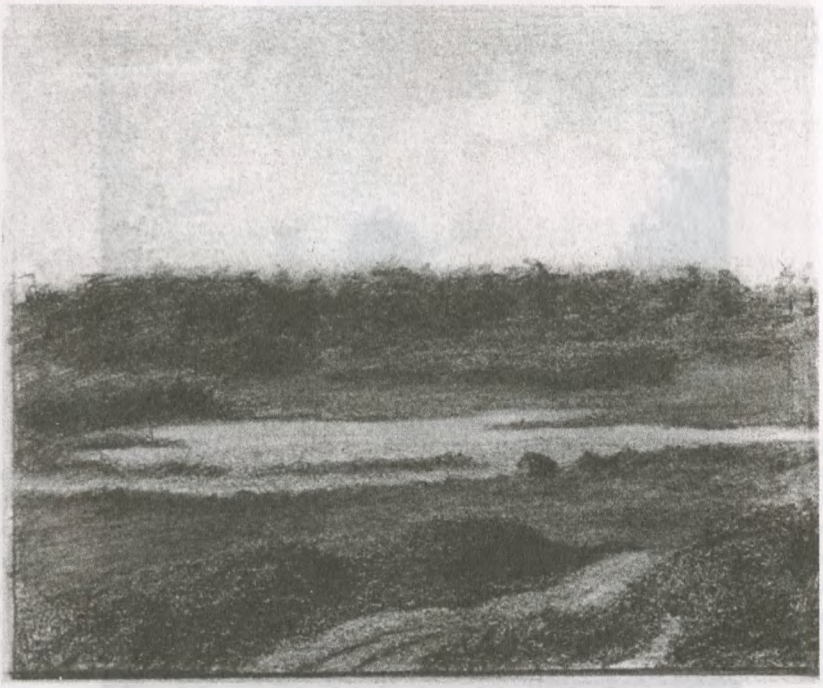
В этот раздел включены рукописи из Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН и Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи: отчёты о раскопках, фрагменты раскопочных дневников, заявления, содержащие археологические сведения, а также записки, связанные с деятельностью комиссии. Рукописи публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, с сохранением некоторых стилистических особенностей оригиналов, а также принятых авторами сокращений. Некоторые встречающиеся сокращения, в том числе инициалы, дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные слова заключены в квадратные скобки. Другие особенности подготовки текста каждой конкретной рукописи оговорены в примечаниях.*

*© 1999. *В.Л. Мельников: подготовка текста и примечаний.*

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Въезд в сельцо Грызово.
7 Июня, 3 часа». 1895. Частное собрание, США

I
Раскопка I. Вещи в гимназии Мая[1]
3 августа 1892[2]

Курганы находятся между **селом Грызовом** и **деревней Озертицы** Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии[3]. Около нескольких растёт в изобилии орешник ещё довольно молодой. Покойники засыпаны землёю с каменьями, иногда даже довольно большими. В головах и в ногах на поверхности земли положено почти во всех по большому камню, что даёт возможность



Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «На Озертицкие озера с курганов. 10 Июля, 11 часов». 1895. Частное собрание, США

приблизительно определить положение тел. Все тела положены лицом к Востоку, лёжа; в одном кургане руки были положены по бокам, в другом — сложены на груди, одна повыше, другая пониже. Земли насыпано над земною поверхностью от $^1/_2$ до $1^1/_2$ арш.[4] Тела под поверхностью земли [от] $^1/_2$ до 1 арш. глубиною. В низких местах кости уже стали мягкими и рассыпаются, а в сухих местах сохранились хорошо. В первом курганчике, расположенном в низине, нашли только запястье № 1[5]. Потом раскапывали курган, находящийся на пригорке, покрытый орешником, и нашли запястья № 2 и № 3; череп № 4; пряжку (на груди) № 5; колечко № 6; камешек на шее № 7; серьги № 8; запястья были одеты около кисти рук. Скелет был совершенно цельный и хорошо сохранившийся. Запястье № 2 было на правой, № 3 — на левой руке.

[Находки:] 1. Запястье; 2. Череп; 3. Запястье левое; 4. Запястье правое; 5. Пряжка; 6. Серьги; 7. Колечко; 8. Камешек; 9. Бусы отдельные.

Раскопка II в 1893, вещи в гимназии К. Мая, в 1894 по открытому листу...[6]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 48, л. 39.

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Плитная горка $1^1/_2$ версты от Соснова, вышиной сажени 3–4. 17 Июля». 1895. Частное собрание, США

II

Заявление в Императорскую Археологическую комиссию[7]

[14] мая 1894[8]

Работая по отделу русского исторического жанра, я поставил себе задачею изучение родной археологии. В прошлом году, собирая сведения и изучая памятники древности в нашей Санкт-Петербургской губернии, я был заинтересован между прочим двумя, по-видимому, археологическими памятниками. Оба они находятся в Царскосельском уезде на земле Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества.

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Около Собачьей горы в Сосницах. 9 Июня, 3 часа». 1895. Частное собрание, США

1. Курган, называемый **"Плитная горка"**, приблизительно в сажень[9] высотой, если не больше; весь накидан из мелкой плиты (с отпечатками раковин, моллюсков и других окаменелостей); находится версты 4 в лесу от жилья; стоит в болотистом месте на берегу ручья. Принимая во внимание его глухое местоположение и плиту (с окаменелостями), мне кажется, что это или древний

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Старое кладбище в Соснове (около часовни). 18 Июля». 1895. Частное собрание, США

погребальный курган, или же это одно из искусственных возвышений, пользующихся известностью места жертвоприношений (в нашем уезде я знаю ещё более обширное плитное возвышение, пользующееся подобной репутацией)[10].

2. В прошлом или позапрошлом году крестьяне на берегу **речки Хмеленки** нашли "сопку" **(Серебряный ру́чей)**[11], которую сообща и начали разрывать.

Под слоем дёрна оказался слой камней мелких, какие бывают на речном дне, а потом шла накидная земля. В этой земле был найден кусок дерева с ещё заметными "зарубками", но крестьяне, не поняв их, бросили это дерево в реку, где оно и пропало. Далее будто бы они докопались до 4-угольной каменной плиты, но тут вода (у самой речки) начала заливать яму, и они принуждены были бросить работу.

Ввиду всего вышеприведённого я имею честь просить Императорскую Археологическую комиссию разрешить мне произвести исследование этих 2 мест[12]; причём обязуюсь представить полный отчёт о моих действиях, с приложением предметов, если что будет найдено, а также произвести все работы на собственный счёт.

Жительство имею:

Васильевский Остров. Университетская набережная. Дом № 25.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 1, 2. Заявление получено канцелярией ИАК 16 мая 1894.

III

Заявление в Императорскую Археологическую комиссию

Сентябрь 1894

Возвращая при сём открытый лист и прочие бумаги, имею честь заявить, что исследовал 3 кургана около **деревни Сосницы**[13], в которых под слоем земли и камней в $^{3}/_{4}$ арш. оказался слой золы и угли (предметы не сохранились). Затем исследовал место, описанное в моей просьбе о выдаче листа под именем **"Серебряный ручей"**. Около речки Хмеленки был курган в 1 саж. высоты; крестьяне соседних деревень занялись раскопкой его, но ключи, открывшиеся при раскопке, прекратили их работу. Когда меня привели к этому месту, я нашёл яму глубиною в 2 человеческих роста и диаметром около 3 саж., наполненною водою. Откачав насколько можно воду, я принялся исследовать дно и, опуская железный стержень в довольно мягкую землю, между прочим среди камней ощупал какое-то дерево. Вода из ключей постоянно прибывала, и рабочим приходилось работать почти по пояс в воде. Откачивая воду и заглушая ключи, наконец добыли ощупанное мной дерево, которое оказалось доской длиною в 2 арш., шириною в $^{1}/_{2}$ арш., а толщиною около 2 дюймов[14]. Доска была не пиленая, а отколотая, с одного конца толще, чем с другого. Между тем открылись новые ключи, и вода с такой быстротою начала прибывать, что работу пришлось оставить, тем более что на дне кроме камня ничего нельзя было ощупать. Но как попала туда доска, притом такая широкая, — я объяснить никак не мог.

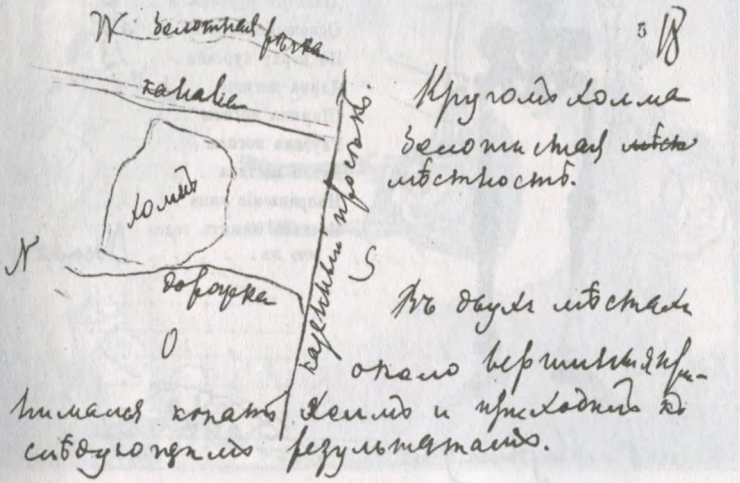
Заняться исследованием других намеченных интересных мест мне помешало весьма дождливое лето и половодье.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 6, 7. Заявление заслушано в ИАК 10 сентября 1894.

IV
Дневник раскопок, произведённых студентом Императорского Санкт-Петербургского университета, вольнослушающим Императорской Академии художеств Николаем Рерихом[15]

30 июля — 11 августа 1895

Местоположение могилы или кургана[16]	Сосницкой волости, $3^1/_2$ версты от **деревни Сосново**
№ кургана	—
Высота кургана	$1^3/_4$ саж.
Диаметр кургана	10 саж.
Основание кургана	—
По верху кургана	—
Длина могилы	—
Ширина могилы	—
Глубина могилы	—
Длина костяка	—
Направление лица	—
Костяк лежит головою на	—
[Дата исследования]	1895 года, июля месяца, 30 числа

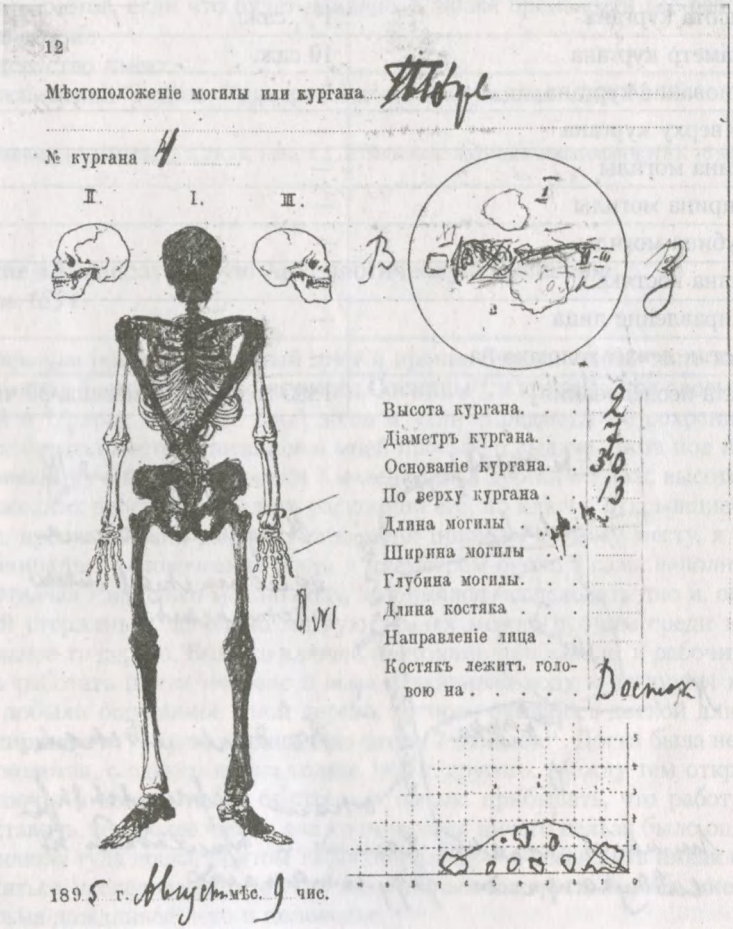


Н.К. Рерих. Запись в дневнике раскопок с планом холма у д. Сосново Сосницкой волости. 30 июля 1895. Оригинал в РА ИИМК

Кругом холма болотистая местность.

В двух местах около вершины я принимался копать холм и приходил к следующим результатам.

Сперва на глубине $^{3}/_{4}$ арш. шла наносная земля, потом на [глубине] 1 арш. песок с плитой и окаменелостями, а затем начинался уже слой плотной плиты (как во всей нашей местности), прекращавший работу. Так как общая высота холма $1^{3}/_{4}$ саж., а на глубине около 2 арш. уже начинается естественный слой плиты, то и приходится признать этот холм природным[17], несмотря на странное положение среди болотистой местности. [...]



Н.К. Рерих. Запись о кургане № 4 из Калитинского могильника
Лист из "Дневника раскопок..." 9 августа 1895. Оригинал в РА ИИМК

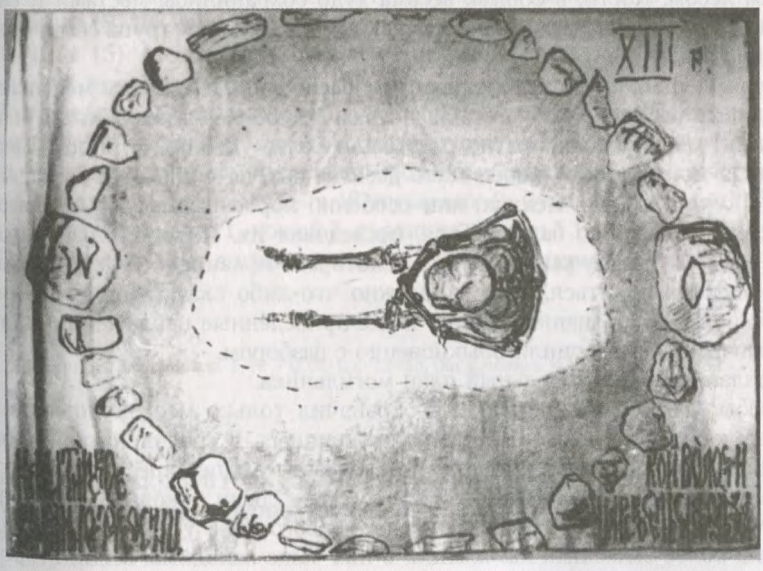
Местоположение могилы или кургана	[В парке **имения Калитино**[18]]
№ кургана	4
Высота кургана[19]	2
Диаметр кургана	7
Основание кургана	30
По верху кургана	13
Длина могилы	—*
Ширина могилы	—
Глубина могилы	—
Длина костяка	—
Направление лица	—
Костяк лежит головою на	Восток
[Дата исследования]	1895 года, августа месяца, 9 числа

В этом кургане 3 слоя золы.

I слой на $^1/_2$ арш. с поверхности кургана *(кучка)*[20].

II — $1^1/_2$ арш. *(пластом)*.

III — у костей на 2 арш. *(кучка)*.



Н.К. Рерих. План кургана с надписью: «Калитинское курганное поле Сосницкой волости Царскосельского уезда. XIII век». 1895. Мемориальная квартира Ю.Н. Рериха, Москва

I тип *курганов*.

Мужской [костяк] сидя — верхняя часть вместе *(в куче)*. Положение рук определить трудно, но, по всей вероятности, были как-то скрещены на груди. *Большие камни в голове и ногах*[21].

[...]

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 16–41.

V

Калитинский могильник. Санкт-Петербургская губерния, Царскосельский уезд, Сосницкая волость, в парке имения Калитино[22]

СПб., 2 октября 1895

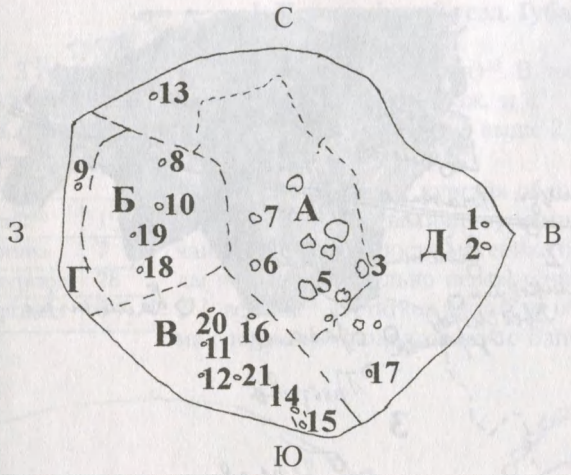
Калитинский могильник, без сомнения, самый значительный по числу и размерам курганов из могильников Царскосельского уезда. Он раскинулся (по определению владельца имения барона Толя[23]) на пространстве 20 десятин. Высота курганов самая разнообразная, от почти незаметной доходит до 2 саж. Числом курганы более 300. Грунт — песок или суглинок. Основание курганов обложено большими валунами, причём иногда замечаются в головах и ногах трупов камни особенно крупные. Почти все курганы поросли более или менее крупным лесом. Кости, в общем, весьма худо сохранились, местами и совсем исчезли. В курганах встречается несколько слоёв золы. (У трупа сбоку и затем на различной глубине).

К сожалению, почти все курганы уже раскопаны. По словам местных крестьян, первая раскопка производилась здесь лет 30–40 назад, а затем бывшие владельцы имения неоднократно разрывали более удобные курганы. Так что, осматривая могильник, я нашёл всего десятка два, по-видимому, не раскопанных ещё курганов (или мелких, или особенно поросших лесом) и, благодаря любезному позволению барона Толя, исследовал их. Подробно ознакомясь с могильником, я нашел как бы следы некоторого правильного устройства его. Хотя, спешу оговориться, вряд ли можно что-либо сказать о могильнике в 300 курганов по раскопанным 23, но ниже приведённые наблюдения дают повод заключить, что хоронили обыкновенно с разбором.

Прилагаю приблизительный план могильника.

Чтобы не пестрить чертежа, я обозначил только местоположение раскопанных курганов и несколько наиболее крупных. В средине сгруппированы наиболее высокие курганы (давшие, по словам очевидцев крестьян, массу разнообразных вещей и особенно оружия*). Затем среди боковых курганов, по-видимому, существует два типа. Курганы первого типа устроены тщательнее, обложены более высокими камнями, и в них чаще находимы вещи; второй же

* Топоры каменные и металлические, копья, мечи и монеты. — *Примеч. Н.К. Рериха.*



План Калитинского могильника. По чертежу Н.К. Рериха. 1895. Оригинал в РА ИИМК

тип курганов, расположенных в лощине **В**, менее аккуратно устроен, курганы меньших размеров, и вещей почти совсем не попадается. Пространство **Б** представляет холм, на котором (может быть, случайно) находились женские курганы (№ 8, 10, 18, 19). Местами несколько курганов сливаются в одно возвышение (№ 14 и 15). Может быть, даже было несколько, так сказать, слоёв курганов, как при кургане № 18.

Таким образом, раскопано мною 23 кургана, из которых 9 заключали остовы мужчин, 4 — женщин, [другие][24] за разрушением костей и отсутствием вещей не определены; причём извлечено: бронзовых браслетов 5, серёг 4, пряжек 3, колец 3, перстень 1, бус каменных 48, янтарных (в мужских курганах) 2[25], женское грудное украшение 1, ножей 3, горшочек 1, копьё 1.

При сём прилагаю дневник раскопок, опись и открытый лист[26].

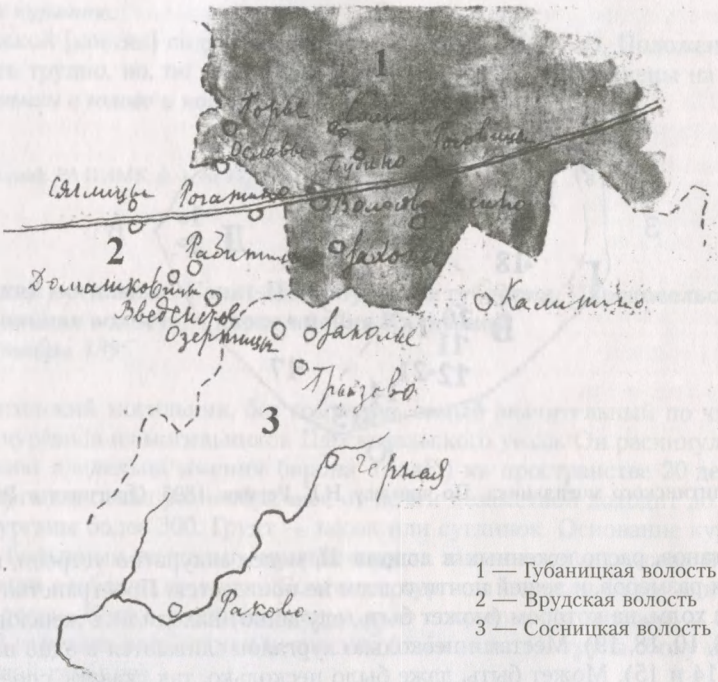
Николай Рерих.
СПб. 2/X 1895.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 12–14. Заслушано в ИАК 23 декабря 1895.

VI
Отчёт о раскопках 1896 года в Ямбургском и Петергофском уездах Санкт-Петербургской губернии, произведённых Н.К. Рерихом[27]

Извара, 1 июня 1896

Наведя предварительные разведки, 16 Мая сего года я приступил к работе, ограничив её следующим районом.



Н.К. Рерих. Район раскопок в 1896 году — смежные волости Петергофского, Ямбургского и Царскосельского уездов Санкт-Петербургской губернии

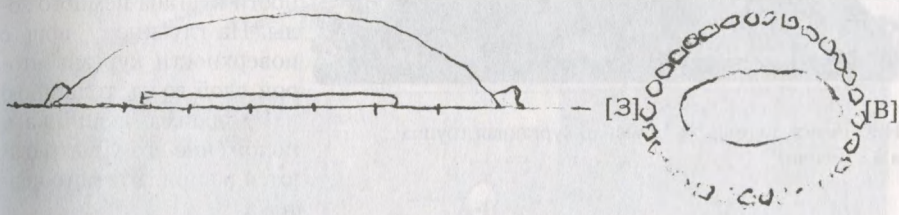
Н.К. Рерих. Курганы Ижорского плато. Извара. Рисунок. 1896

I. Петергофский уезд. Губаницкая волость

1. Горье. 3 группы курганов (2 полевые, 1 лесная)[28]. В лесной группе, состоящей из 4 курганов большого типа (вышина 1 саж. и $1^1/_2$ саж.), уже раскопанных Л.К. Ивановским[29], и 3 курганов низких, не выше 2 арш., последние 3 кургана оказались некопаными.

Высота кургана[30]	$1^1/_2$
Диаметр кургана	7
Основание кургана	28
По верху кургана	$8^1/_2$

№ 1. Основание кургана обложено небольшими, равными (по величине) камнями. Грунт песчаный. На поверхности материка оказался слой золы и углей, тщательно пережжённых, толщиною в $2^1/_3$ вершка[31]. Остатков костей не обнаружено. Форма слоя золы продолговатая с Запада на Восток.



Н.К. Рерих. Курган № 1 (лесная курганная группа в д. Горье)

Высота кургана	1
Диаметр кургана	$6^1/_2$
Основание кургана	25
По верху кургана	7

№ 2. Устройство аналогичное № 1. Форма слоя золы немного круглее. Почти на поверхности кургана найдена кость (коровья), по-видимому, случайная.

Полевые группы оказались раскопанными уже ранее.

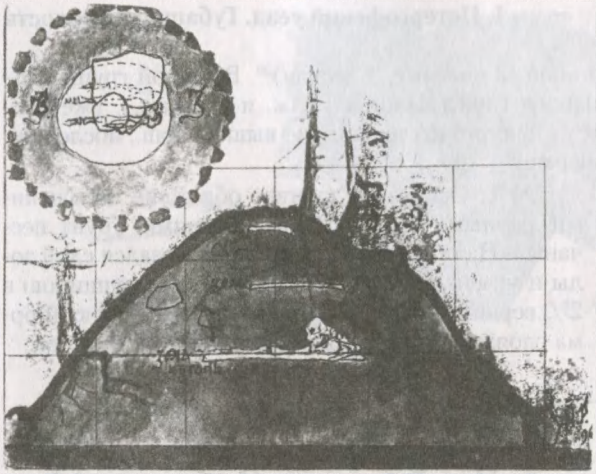
2. Сомино. Большое курганное поле на земле частного владения господина Колокольцева. Почти вс[ё] раскопан[о] Л.К. Ивановским и прежним владельцем господином Герингом[32]. По словам владельца, на многих курганах прежде стояли каменные кресты и камни с надписями, но ни крестов, ни камней не оказалось — все они расхищены. Находимые вещи при прежних раскопках — медные, обыкновенного типа.

3. Будино. В самой деревне несколько курганов[33]. Все уже раскопаны ранее.

4. Роговицы. На крестьянской земле до 10 курганов (полевая группа)[34] — уже раньше раскопаны.

5. Волосово. В самой деревне до 15–20 курганов[35]. Вышина до 1 сажени. Раскопаны Л.К. Ивановским.

6. Лисино. На земле частного владения господина Рейхенбаха лесная группа до 40 курганов, частью уже раскопанных[36]. В группе два типа курганов: в северной части — большие до $2^1/_2$ арш. выш.; к Югу малые до $^3/_4$ арш. выш.



Н.К. Рерих. Курган № 3 (лесная курганная группа в д. Лисино)[37]

Высота кургана	$2^1/_2$
Диаметр кургана	6
Основание кургана	28
По верху кургана	13

№ 3. Большого типа. Обкладка — из небольших камней. На поверхности кургана довольно много камня, хотя нельзя признать, что курган по поверхности обложен камнем. На $^1/_4$ арш. с поверхности кургана немного золы. На глубине $^3/_4$ арш. с поверхности кургана второй слой золы, толщиною в $1^1/_2$ дюйма; величина и положение его усматриваются из прилагаемого чертежа.

На глубине $1^1/_2$ арш. костяк (мужской) в сидячем положении. С левой стороны тазовой кости нож (по описи за № 14[38]). Положение рук ввиду осадка костей определить трудно, хотя, по-видимому, они лежали вдоль тела. Под костями слой золы и углей почти круглой формы диаметром до $1^3/_4$ арш., толщиною до 2 вершков. Среди золы ничего не усматривается. Остальная часть кургана до 1 арш. глубины представляется сло[ем] песка, по-видимому, тщательно умятого, утрамбованного. На поверхности материка ничего не оказалось. Положение костяка видно из чертежа — с Запада на Восток.

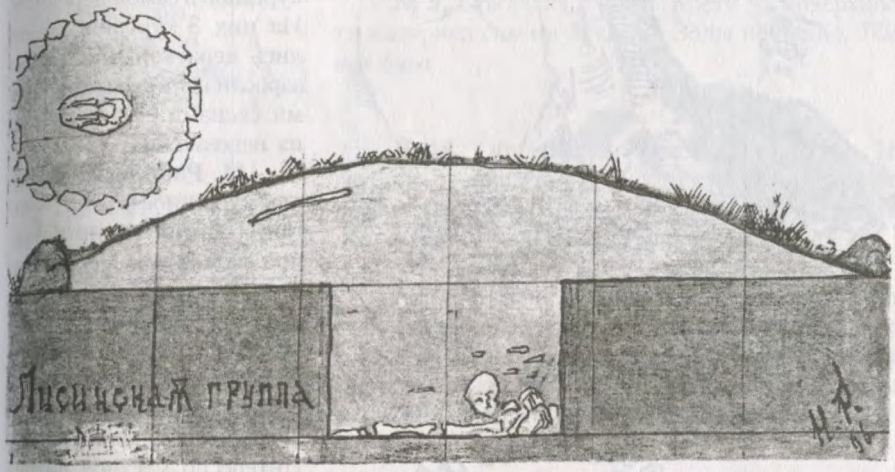
Н.К. Рерих. Курган № 4 (лесная курганная группа в д. Лисино)

Высота кургана	$2^1/_4$
Диаметр кургана	7
Основание кургана	31
По верху кургана	12

№ 4. По общему устройству аналогичный № 3. Камни на основании кургана приблизительно одинаковой величины. На $^1/_4$ арш. с поверхности кургана немного золы в центре кургана. На $^1/_2$ — череп. Остальные кости истлели. На $1^1/_4$ — слой золы диам. 1 арш., толщиною 2 вершка. Остальная часть кургана плотно убита.

Высота кургана	$1^1/_2$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	28
По верху кургана	11

№ 5. Камни в основании ровные. На $^1/_2$ арш. с поверхности кургана немного золы в центре. На $1^1/_4$ арш. костяк (мужской). На груди пряжка (по описи за № 15). Костяк в сидячем положении, с Запада на Восток. Под костями небольшой (диам. $^1/_2$ арш.) слой золы, толщиною 1 дюйм.



Н.К. Рерих. Курган № 6 (лесная курганная группа в д. Лисино)

Высота кургана	$^3/_4$
Диаметр кургана	6
Основание кургана	20
По верху кургана	9
Длина могилы	$1^1/_2$
Ширина могилы	$^3/_4$
Глубина могилы	1

№ 6. Малого типа. Обложен курган камнем по основанию весьма неряшливо. Золы не заметно, только на $^1/_4$ арш. с поверхности кургана кучка золы, показанная на разрезе. Кос як (мужской) в сидячем положении с Запада на Восток. Около головы костяка в обилии перегнившие куски дерева, один из них приложен за № 13. Кости плохо сохранились.

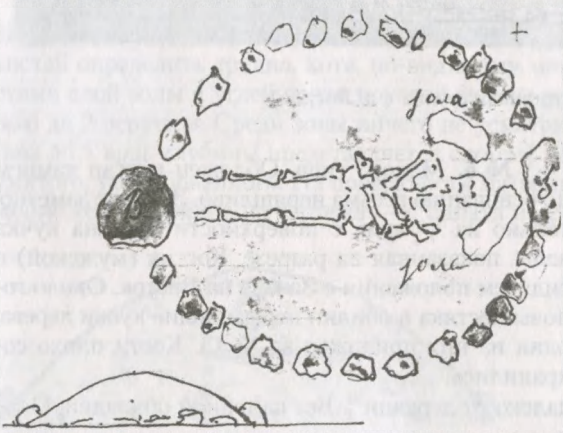
7. Захонье. 1 курган недалеко от деревни[39]. Без каменной обкладки. Оказался уже раскопанным ранее.

II. Ямбургский уезд. Врудская волость

8. Сяглицы. При мызе и деревне того же имени небольшая группа курганов средней величины (1–2 арш.)[40]. Раскопаны все Л.К. Ивановским.

9. Ославье. На земле частного владения господина Моллера две группы курганов, из них одна (лесная) группа ещё не копана и найдена только в

Н.К. Рерих. Тип Рогатинского кургана



Н.К. Рерих. Курган № 7 (Рабитицы-1)

прошлом году[41]. Я обратился письмом к господину Моллеру за разрешением, но такового до сих пор не последовало.

10. Рогатино. Группа курганов в самой деревне[42]. Из них 3 кургана оказались нераскопанными, но заросли настолько большими соснами, что раскопка их невозможна.

11. Рабитицы. Большое курганное поле[43]. [Курганы] самой разнообразной величины. *По словам старожилов*[44], на многих стояли каменные кресты (теперь развезённые по кладбищам) и камни с высеченными надписями, теперь уже не существующие. Интересно местное название кургана, кажется, ещё не встречавшееся в литературе, — "каломище"[45]. Рабитицкие курганы, как и предыдущие, с круглым основанием. Расположены в беспорядке.

Высота кургана	2
Диаметр кургана	6
Основание кургана	27
По верху кургана	9

№ 7. Основание обложено камнем, на Восток и Запад лежат особенно большие камни. Кости на поверхности материка. Костяк (мужской) лежит с Запада на Восток. Положение рук видно из чертежа. Около головы две кучи золы (высыпано). На указательном пальце левой руки кольцо (по описи) за № 2. Грунт кургана песчаный.

Высота кургана	$1^1/_4$
Диаметр кургана	4
Основание кургана	21
По верху кургана	7

№ 8. В основании камни, на Восток и Запад два особенно больших. Костяк мужской — сидя на поверхности материка. Золы не заметно. Лицо обращено на Восток. Основание кургана было, вероятно, плотно убито.

Высота кургана	$^3/_4$
Диаметр кургана	3
Основание кургана	15
По верху кургана	$4^1/_2$

№ 9. Обкладка плохая. Кости на поверхности материка совсем истлели. Золы не видно. *Тёмная буса.*

Высота кургана	1
Диаметр кургана	5
Основание кургана	17
По верху кургана	6

№ 10. Обкладка по основанию ровная. На глубине $^1/_2$ арш. с поверхности кургана в его центре зола (кучкой). Костяк (мужской) сидя, направление лица — на Восток.

Высота кургана	$2^1/_2$
Диаметр кургана	$6^1/_2$
Основание кургана	32
По верху кургана	9

№ 11. Каменная обкладка по основанию. Костяк (мужской) лежит на поверхности материка с Юга на Север. Положение рук, как в № 7. Немного выше костей (над грудью) небольшая кучка золы. Основание тщательно выровнено.

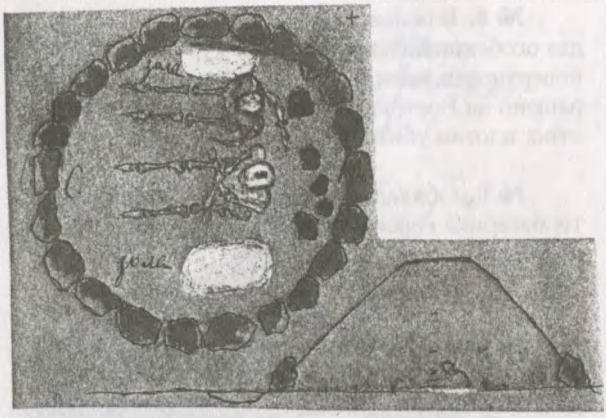
Высота кургана	$1^1/_2$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	10
По верху кургана	7

Н.К. Рерих. Курган № 12 (Рабитицы-1)

№ 12. Обкладка плохая. Костяк (мужской) лежит с Запада на Восток. Руки скрещены на груди. Над костями (как показано на чертеже) кучка золы. Основание утрамбовано.

Высота кургана	$2^3/_4$
Диаметр кургана	10
Основание кургана	36
По верху кургана	15

№ 13. Каменная обкладка плохая. Костяк (мужской) в сидячем положении, лицом на Восток. Золы не заметно. На шее пряжка (по описи) за № 3. *При костяке ещё нож в медных ножнах.*



Н.К. Рерих. Курган № 14 (Рабитицы-1)[47]

Высота кургана	$3^1/_4$
Диаметр кургана	8
Основание кургана	35
По верху кургана	17

№ 14.[46] Обложен по основанию аккуратно большими камнями. Крайний курган с северной стороны курганного поля. Как видно из чертежа, вершина кургана как бы скошена, впрочем, это могло получиться при оседании земли. Вокруг кургана замечается канавка в 3 дюйма (может быть, случайная). На поверхности материка обнаружено два костяка, в сидячем положении, лицом обращённые на Север (с Юга на Север). В середине кургана был мужской костяк со скрещёнными руками (в точности определить их положение невозможно, вследствие осадка костей). Череп этого костяка (при сём представляемый) оказался просечённым. По правую руку рядом с мужским костяком обнаружен женский костяк. На шее женского костяка найдены бусы и бляшка за № 4 и № 6, на правой руке согнутый браслет за № 5. Эта рука (см. чертёж) была откинута за спину. По сторонам костяков найдены кучи золы, отмеченные на чертеже. За головами костяков тоже на поверхности материка лежат в беспорядке несколько слегка обугленных булыжников, но золы, кроме вышеозначенных куч (боковых), не видно. Грунт кургана песчаный. Материк основания, повидимому, тщательно сглажен и даже, может быть, покрыт тонким слоем глины (хотя наверно определить трудно; не случайно ли?).

Высота кургана	$1^3/_4$
Диаметр кургана	7
Основание кургана	22
По верху кургана	8

№ 15. Обкладка основания плохая. Костяк (мужской) лежит на поверхности материка с Востока на Запад (голова на Восток). Золы не видно. На тазовой кости (с левой стороны) лежит нож по описи за № 7. Тут же № 8.

Высота кургана	4
Диаметр кургана	7
Основание кургана	31
По верху кургана	22

№ 16. Очень правильной формы. Расположен в центре курганного поля. От других курганов отделён свободным пространством до $1^1/_2$ саж. Окружён небольшим рвом (см. № 14). Основание тщательно обложено камнями. Вершина, может быть, усечена (см. чертёж). Грунт кургана — плотный песок. На глубине 2 арш. обнаружен слой золы. Костяк (мужской) найден на поверхности материка в сидячем положении, лицом на Восток. Позади кос-

Н.К. Рерих. Курган № 16 (Рабитицы-1)

тяка (в западной стороне) два-три слегка обугленных булыжника. Под костяком тонкий слой золы (см. чертёж). Основание выглажено, глины, как в кургане № 14, не усматривается.

Высота кургана	$2^1/_4$
Диаметр кургана	6
Основание кургана	26
По верху кургана	11

№ 17. Основание обложено камнем, с Запада и Востока два. Костяк (мужской) на материке в сидячем положении, лицом на Восток. На груди пряжка за № 10. На среднем пальце левой руки кольцо № 11. Между ног три сварившихся остатка за № 8. Кучка золы по левую сторону костяка. Грунт — плотный песок, основание выглажено. Вершина срезана (если только не осела).

Высота кургана	$2^1/_2$
Диаметр кургана	7
Основание кургана	21
По верху кургана	15

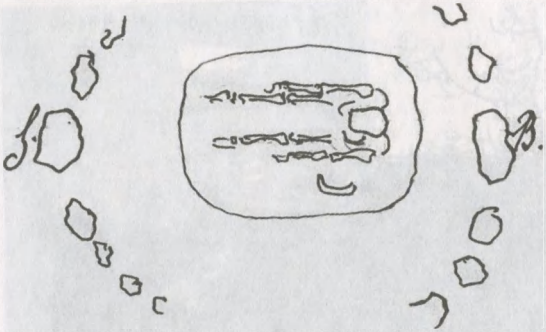
№ 18. Обкладка ровная (по основанию). Костяк (мужской) на поверхности материка, в сидячем положении, лицом на Восток. Золы не усматривается. Кости значительно разрушены.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	4

№ 19. Обкладка по основанию плохая. По-видимому, уже ранее раскопан.

Высота кургана	$1^1/_4$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	20
По верху кургана	8

№ 20. Обкладка по основанию ровная. На поверхности материка костяк (мужской) в сидячем положении; лицо обращено на Восток. По левую сторону костей небольшая кучка золы.



Н.К. Рерих. Курган № 21 (Рабитицы-1)

Высота кургана	$2^1/_4$
Диаметр кургана	8
Основание кургана	27
По верху кургана	13

№ 21. Довольно тщательно по основанию обложен камнями, на Запад и Восток два больших. На глубине $^3/_4$ арш. с вершины кургана обнаружена кучка золы (в центре кургана). Костяк (женский) на поверхности материка, в сидячем положении, лицом на Запад. Около левой руки (см. чертёж) серп по описи за № 24. Под костями довольно толстый слой золы (2–3 вершка), форма — см. чертёж. Основание кургана тщательно выглажено. Вершина не усечена. № 23 найден почти на поверхности кургана.

Высота кургана	$^3/_4$
Диаметр кургана	5

№ 22. Плохо обложен камнем. Уже раньше раскопан.

12. Домашковицы.[48] Небольшое курганное поле. Курганы расположены в беспорядке, большею частью расплывчатой формы. Основание обложено камнями часто небрежно. Грунт глинистый. Место довольно низкое — кости весьма плохо сохранились. Всего до 50 штук.

Высота кургана	$^3/_4$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	17
По верху кургана	10

№ 23. Обложен небрежно. Ширины и длины могилы не определить ввиду общего глинистого грунта. Золы не видно.Слабые признаки костей на глубине $^3/_4$ арш. с поверхности материка. Приблизительно у правого бедра нож по описи за № 21. Погребён, вероятно, в сидячем положении. Нож найден на куске дерева.

Высота кургана	$^1/_2$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	15
По верху кургана	$8^1/_2$

№ 24. Обкладка по основанию ровная. На глубине $^3/_4$ арш. с поверхности материка признак кости (всё истлело). Золы не усматривается.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	7
Основание кургана	18
По верху кургана	$10^1/_2$

№ 25. Обкладка плохая (по основанию). Костяк на поверхности материка. В сидячем положении, лицом обращён к Востоку. Кость худо сохранилась. Золы не видно.

Высота кургана	$1^1/_4$
Диаметр кургана	$6^1/_2$
Основание кургана	19
По верху кургана	10

№ 26. Обложен плохо (по основанию). Слабый признак костей на глубине $^1/_2$ арш. с поверхности материка. Вероятно, в сидячем положении. Золы нет.

II Домашковицкая полевая группа.[49] Расположена рядом с предыдущей. Состоит из 9 курганов немного более тщательно отделанных. Её можно бы считать при первой группе, но некоторое различие в устройстве заставляет меня обособить её. Основания курганов обложены камнем, в головах и в ногах (Запад и Восток) два большей величины.

Н.К. Рерих. Курган № 27 (II Домашковицкая полевая группа)[50]

Высота кургана	2
Диаметр кургана	8
Основание кургана	27
По верху кургана	12

№ 27. Обложен камнем по основанию, на Западе и Востоке два больших. Грунт — глина и песок. На поверхности кургана довольно много камня (булыжники). На глубине $^3/_4$ арш. с поверхности кургана слой камня (булыжника), на $^1/_2$ арш. глубже слой золы довольно тонкий, диам. 2 арш. Костяк (мужской) на поверхности материка, сидя, лицом на Восток. Основание кургана плотно убито.

Высота кургана	$1^1/_4$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	21
По верху кургана	$8^1/_2$

№ 28. Обложен по основанию камнем, на Западе и Востоке два больших. На поверхности кургана много камня. На глубине $^3/_4$ арш. с поверхности кургана немного золы (в центре). Кости на поверхности материка. Весьма истлели. Грунт глинистый.

Высота кургана	$1^3/_4$
Диаметр кургана	6
Основание кургана	$19^1/_2$
По верху кургана	$9^1/_2$

№ 29. По основанию камни, на Западе и Востоке два больших. Камня на поверхности немного. В центре кургана на $^3/_4$ арш. глубины с поверхности кургана небольшая кучка золы. Костяк (мужской) на поверхности материка, в сидячем положении, лицом на Восток. Колечко за № 22 около головы. Грунт глинистый.

Высота кургана	$2^1/_4$
Диаметр кургана	7
Основание кургана	34
По верху кургана	$14^1/_2$

№ 30. В основании камни, на Западе и Востоке два больших. На глубине 1 арш. с поверхности кургана слой булыжника, как в № 27. Кости на поверхности материка. Сильно истлели. Вероятно, сидя. Золы не видно.

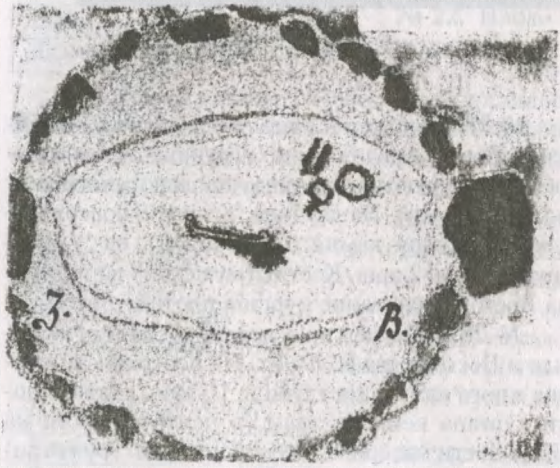
Высота кургана	1
Диаметр кургана	6
Основание кургана	19
По верху кургана	10

№ 31. В основании камни, на Западе и Востоке два больших. Камня мало. Кости на поверхности материка; сильно разрушены. Небольшая кучка золы у правого бока костяка. Вероятно, сидя.

Высота кургана	$1^1/_4$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	20
По верху кургана	$7^1/_2$

№ 32. Аналогичный № 31. Кости совершенно разрушены.

13. Введенское. Полевая группа[51]. Грунт чрезвычайно крепкий, почти не поддающийся лопате; приходилось работать ломами. Внешняя форма конусовидная; меньшие курганы сверху попорчены. Всего 15 курганов. Часть уже раскопана.



Н.К. Рерих. Курган № 33 (Введенская группа)

Высота кургана	$2^1/_2$
Диаметр кургана	9
Основание кургана	28
По верху кургана	13

№ 33. Основание обложено камнями, на Западе и Востоке два больших. На глубине 2 арш. с поверхности кургана слой золы вершка в 4 толщиной. Среди золы найдена кость (берцовая), черепки горшка и пережжённое железо, по описи за № 17, 18, 19. Остальная часть кургана (до поверхности материка) плотно убита и выглажена. Грунт крепкий.

Высота кургана	2
Диаметр кургана	7
Основание кургана	22
По верху кургана	10

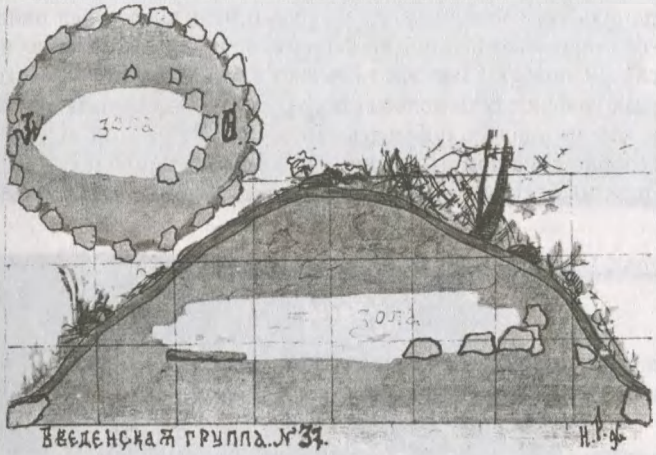
№ 34. Основание обложено камнем, на Западе и Востоке два больших. На глубине $1^1/_4$ арш. слой золы в 2 вершка толщиной. Среди неё остаток кости и нож за № 16. Остальная часть кургана плотно убита.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	6
Основание кургана	21
По верху кургана	9

№ 35. Рядом с № 34, но другого типа. Обкладка ровная. На поверхности материка костяк (мужской), в сидячем положении, лицом на Восток. На груди пряжка за № 20. Намёки золы с правого бока костей. Основание выглажено.

Высота кургана	$1^1/_2$
Диаметр кургана	8
Основание кургана	26
По верху кургана	$10^1/_2$

№ 36. Основание обложено камнями, на Западе и Востоке два больших. На глубине $1^1/_4$ арш. с поверхности кургана слой золы в 2 вершка толщиной. Имеет удлинённую форму с Запада на Восток.



Н.К. Рерих. Курган № 37 (Введенская группа)[52]

Высота кургана	$2^3/_4$
Диаметр кургана	8
Основание кургана	36
По верху кургана	15

№ 37. Стоит отдельно, саженях в 35 от остальной группы. Тщательно обложен по основанию камнем, особо больших не видно.

Грунт кургана, по-видимому, из дёрна и поражает своей твёрдостью, так что поддаётся лишь лому. Рабочие положительно отказывались продолжать его раскопку[53]. На глубине $1^1/_4$ арш. с поверхности кургана обнаружена зола, которая идёт на глубину $^3/_4$ арш. Между золой — угли, перегар. В основании золы в западной части уголь, в котором можно признать остаток конца, вероятно, довольно толстого бревна. У *восточного* края золы несколько обожжённых булыжников, расположенных — см. чертёж. Остальная часть кургана плотно убита. Ни костей, ни предметов не сохранилось.

III. Царскосельский уезд. Сосницкая волость

Относительно **Царскосельского уезда Сосницкой волости** могу сообщить, что при деревне **Чёрной** осталось 4–5 курганов (нераскопанных), но они заросли настолько большими да к тому же святочтимыми в деревне соснами, что раскопка их неудобна[54] (ср. **Рогатино**).

Проверил слух относительно сопки или якобы сторожевого кургана (по местным рассказам) на земле имения **Калитино** барона Толя. Но, по моему мнению, это самородный холм, похожий на исследованный мною в 1894 году (см. дневник за 1894 год)[55] на казённой земле Царскосельского лесничества, Изварской дачи.

Недалеко от деревни **Раково** есть какое-то место, называемое "церковище"[56], по преданию, тут была когда-то церковь и неподалеку был найден колокол с какою-то старинною надписью, перенесённый в **Грызовскую** церковь и сплавившийся при пожаре. Там же, недалеко от имения **Тарасино** господина Парамонова, как говорят, есть полевая полураспаханная группа курганов[57], но в этом месяце мне не удалось побывать там.

При постройке каменного **Грызовского** храма[58] в земле под фундаментом был найден плитный, плоский крест до $^{3}/_{4}$ арш. длины следующей формы

Н.К. Рерих. Курганы при д. Чёрной. 1896[59]

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Грызовская церковь. 10 Июня, 7 [часов]». 1895
Частное собрание, США

(см. чертёж). По состоянию плиты и по совершенно стёршимся надписям очень древний. На верхней части две круглые дырки, как бы для подвешиванья. (Крест этот был обратно заложен в фундамент).

При деревне **Озертицы** большое курганное поле — всё уже раскопанное. При деревне **Заполье** до 10 курганов на поле[60]. По внешности, а также по рассказам людей, рывших их, эта группа аналогична **Введенской** группе.

Если удастся, этим летом (в Июле) я постараюсь побывать в Тарасине и Ракове.

Таким образом, за эту раскопку было исследовано 37 погребений, причём извлечено костяков мужских 18, женских 2. В 12 курганах кости оказались истлевшими. В 6 курганах всё было сожжено. При этом вещей найдено: бус 16, колец 2, пряжек 4, браслет 1,

Н.К. Рерих. Крест в фундаменте Грызовского храма

колечко шейное 1, бляшка шейная 1, ножей 5, гвоздей 2, серп 1, горшок (разбитый) 1, 9 неизвестных (сварившихся) остатков.

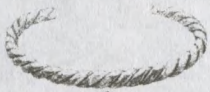
Вещи и опись к ним при сём представляю.

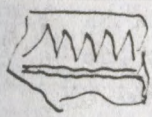
Студент Императорского Санкт-Петербургского Университета, ученик Высшего Художественного Училища

Николай Рерих.

Извара. 1 Июня 1896 года.

IV. Перечневая опись предметам древности, доставленным студентом Императорского Санкт-Петербургского Университета Н.К. Рерихом из раскопок 1896 года, произведённых в пределах Ямбургского уезда (Врудской волости) и Петергофского уезда (Губаницкой волости) Санкт-Петербургской губернии[61]

№	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ	№ кургана	ПРИМЕЧАНИЕ
1°	Буса	9	
2	Кольцо	7	*Не доставлено*
3°	 *Серебряная* пряжка	13	Типа XIV, 7, *но с гранчатыми головками*[62]
4°	 *Оловянная* бляшка	14	Брактеат
5°	 *Медный* браслет	14	Витой без наконечников, *типа IV, 3*
6°	Бусы (15)	14	Тёмно-лиловые
7°	 Нож *в ножнах*	15	Типа XIX, 26

8	3 *органических* остатка	15	При ноже. *Уничтожены*
9	*4 неопределённых железных обломка*	17	*Уничтожены*
10°	 *Серебряная пряжка*	17	*Типа VIII, 1, но иного орнамента*
11°	 *Сломанное ручное* кольцо	17	*Типа V, 19, но с другим орнаментом*
12°	Нож *в ножнах*	13	*Типа XIX, 26*[63]
13	Кусок дерева	6	*Уничтожен*
14	Нож	3	Типа XIX, 26[64]. *Уничтожен*
15°	 *Медная* пряжка	5	Типа XIV, *22, с меньшими головками*
16	Нож	34	*Уничтожен*
17°	 *Железные шило и нож*[65]	33	
18	Неизвестные куски железа	33	*Уничтожены*
19	 Черепки горшка	33	*Уничтожены*

20°	*Медная* пряжка	35	Типа VIII, 1[66]
21°	Нож на куске дерева *в ножнах*	23	Типа XIX, 26[67]
22°	 *Медное височное* колечко	29	*Типа II, 13*
23°	 Обломок *височного кольца*	21	*Типа I, 16*
24	 Серп	21	Типа XIX, 24 *Уничтожен*

Извара. 1 Июня 1896 года. Николай Рерих.

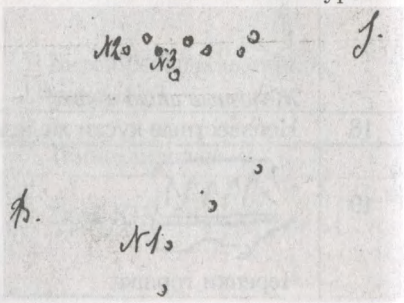
Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 56/1896, л. 14–25, 28, 29, 26, 27, 30 (перепутаны при подшивании), доп. рис.: л. 39. Получен канцелярией ИАК от А.А. Спицына 5 июня 1896.

VII

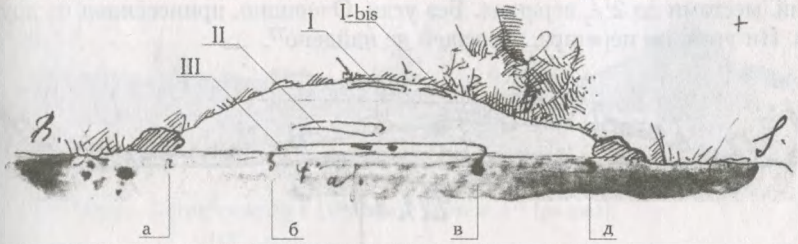
Прибавление к отчёту о раскопках 1896 года, произведённых Н.К. Рерихом[68]

Извара, 1 сентября 1896

Полевая группа при деревне **Лисино**[69], Губаницкой волости Петергофского уезда, почти вся раскопана Л.К. Ивановским. Расположение курганов следующее:



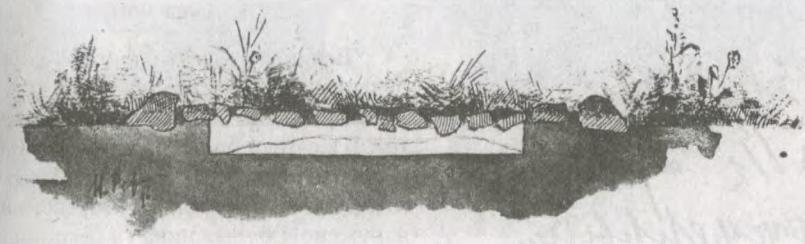
Оказались нераскопанными погребения за № 1–3. Два ясно отличающихся типа. Курганы около № 1 большего типа, в основании кольцо из камня. На Востоке и Западе 2 больших камня. Поверхность плохо сохранилась. Около № 2 и № 3 — малого типа, кое-где заметны камни, на Востоке и Западе 2 больших.



Н.К. Рерих. Курган № 1 (полевая курганная группа в д. Лисино)[70]

Высота кургана	$^1/_2$
Диаметр кургана	7
Основание кургана	23
По верху кургана	10

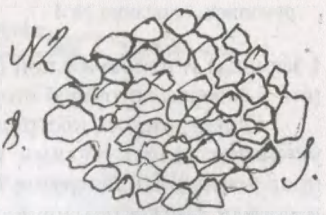
№ 1. При раскопке обнаружено три слоя золы. **I** — на 2 вершка с поверхности кургана (причём эти 2 вершка, очевидно, по составу земли насыпаны позднее). **II** — 5 вершков с поверхности кургана (неправильной формы). **III** — сейчас [же] под вторым толщиною в 2 вершка. Среди золы попадаются угли (от толстого дерева), диам. этого слоя золы 4 арш. Форма слоя золы удлинённая с Востока на Запад. Поверхность материка ***а—б*** и ***в—д*** усеяна мелким перегаром, плотно убита. Среди последнего слоя золы найдены сломанный бубенчик за № 25 и остатки ножа за № 26 (слой **I-bis**)[71].



Н.К. Рерих. Курган № 2. План (Лисино)

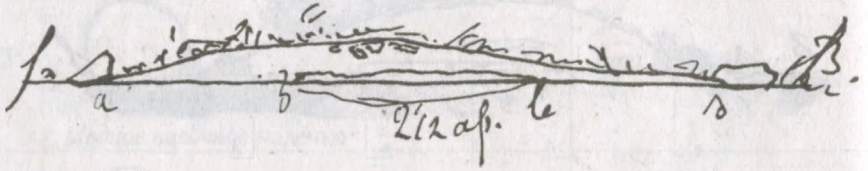
Высота кургана	—
Диаметр кургана	4
Основание кургана	16
По верху кургана	—
Длина могилы	3
Ширина могилы	$^3/_4$
Глубина могилы	$^1/_2$

№ 2. Всё основание кургана выложено сплошь камнем (булыжником). На Востоке и Западе два больших. Усмотрел его случайно — совсем зарос. Внешнее каменное кольцо еле заметно. Могила $^1/_2$ арш. глубиной. На дне её оказался слой золы: местами



Н.К. Рерих. Курган № 2 (Лисино). Разрез

тонкий, местами до $2^1/_2$ вершков. Без угля. Очевидно, принесённая из другого места. Ни угля, ни перегара, ни вещей не найдено[72].



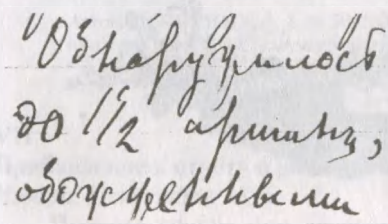
Н.К. Рерих. Курган № 3 (Лисино)

№ 3. Каменное кольцо в основании, на Западе и Востоке два больших. На 1 вершок с поверхности кургана при малом количестве золы и угля несколько мелко рассечённых костей большого животного (лопатка, определить нельзя). На поверхности материка слой золы, разной толщины (до 2 вершков), продолговатой (с Запада на Восток) формы. Остальное основание ***а—б*** и ***в—д*** выглажено. (Грунт песчаный).

Высота кургана	$^1/_4$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	17
По верху кургана	6

[№ 4.] Одиночное погребение в **Тараканов-ском лесу** мызы **Извара** М.В. Рерих[73], Царскосельского уезда Сосницкой волости.

Длина могилы	3
Ширина могилы	2
Глубина могилы[74]	5 в.

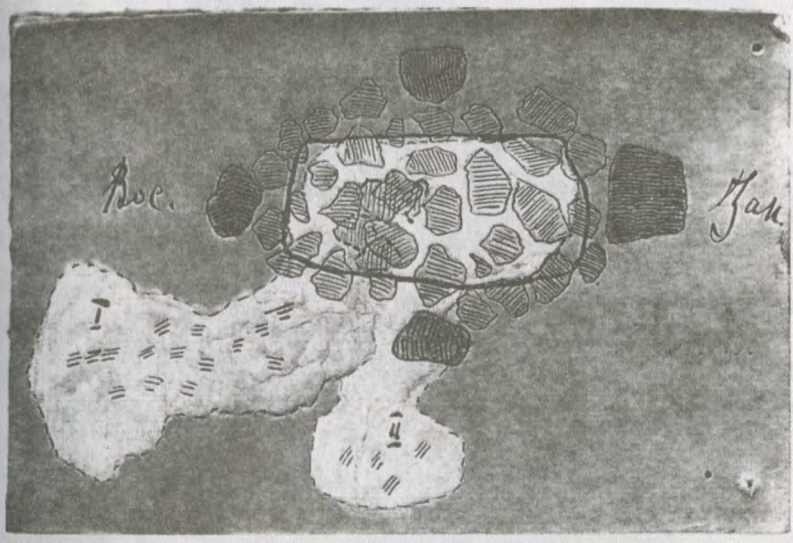


Н.К. Рерих. Фрагмент рукописи, описание № 4

Вся поверхность сплошь обложена булыжником. Форма ромбическая. По углам особенно большие камни (см. чертёж **Б**), самый большой с западной стороны. Под верхним слоем камня, немного к Востоку от середины погребения обнаружено 4 булыжника (в беспорядке), два из них разбиты и все сильно обожжены. Непосредственно у этих булыжников начинается слой золы, рассыпанный по дну могилы, разной толщины (до 1 вершка) и неправильной формы. Слой золы продолжился за черту погребения в северо-восточную сторону.

Обнаружилось кострище **I** (см. чертёж **Б**), диаметром до $1^1/_2$ аршин[75], всё усеянное золою, углями и мелкими обожжёнными булыжниками. **II** — продолжение **I** или другое небольшое кострище. Зола с кострища перенесена в могилу. Ни костей, ни вещей нигде не видно[76]. [Кострище заросло настолько...][77]. Форма могилы довольно неправильная, но приближается к четырёхугольной. Дно могилы не носит следов особой обработки[78].

Н.К. Рерих. Погребение № 4 (Извара). Чертёж А[79] [разрез]



Н.К. Рерих. Погребение № 4 (Извара). Чертёж Б[80] [план]

Н.К. Рерих. Курган № 5 (Рогатино)

Высота кургана	1/2
Диаметр кургана	3
Основание кургана	12
По верху кургана	4

[№ 5.] Деревня **Рогатино**[81], Ямбургского уезда, Врудской волости. Около курганов, раскопанных Л.К. Ивановским, усмотрел небольшой курган, поросший деревьями.

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «На Таракановских покосах. 8 Июня, 4 часа». 1895
Частное собрание, США

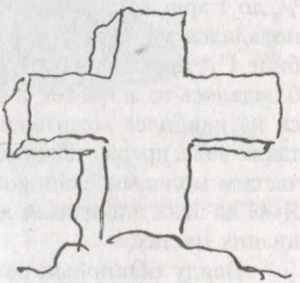
Каменное кольцо из равных по величине камней (булыжников). На $^1/_2$ арш. с поверхности кургана зола, слоем 1 дюйм, неправильной формы. Над золой много плиты, хотя я затрудняюсь признать это умышленным слоем. Основание кургана тщательно выровнено. Грунт кургана — песок. Ни костей, ни вещей не найдено.

Н.К. Рерих. Крест I (Ославье-3)

[№ 6.] На **Ославском** кладбище[82] найдены кресты, привезённые (по словам священника и старожилов) с курганов. З рисунка их при сём прилагаю. Из приложенных рисунков **I** и **II** кресты гранитные, а **III** — плита[83].

[№ 7.] При деревне **Ямки**[84], Врудской волости, я помню крест **[IV]**, теперь разбитый молнией, следующей формы: арш. $1^1/_2$ высотой, грубо тесанный из гранита.

[№ 8.] Куделова гора. Куделова гора, находящаяся на расстоянии 1 версты к Югу от деревни **Сосницы**[85], Царскосельского уезда, представляет из себя каменистый холм (см. чертёж) высотою до $4^1/_2$ саж., диаметром до 40 саж., неправильной формы, имеющий склон на Юге, т. е. к реке, а к Северу значительно крутой.



Н.К. Рерих. Крест IV (Ямки-2)

Н.К. Рерих. Крест II (Ославье-3)

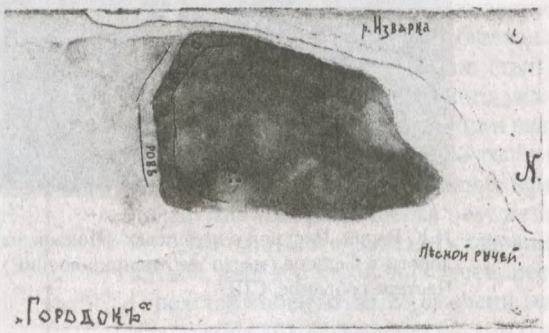
Известна также под названиями Куделова урочища и Кудельской горки.

Существует неясное предание, что тут "что-то" было, собирались туда молиться. В конце Августа я осмотрел это место. Весь холм усеян плитою, лежащею то еле видными, вросшими кучами, местами обугленными, то одиночно. В различных местах горки, как показано на чертеже, были сделаны пробные колодцы, причём среди чрезвычайно твёрдого грунта и плиты (настолько твёрдой, что рабочие единогласно утверждали, что это материк), на глубине [от] $^{3}/_{4}$ до 1 арш. был обнаружен уголь и обожжённые камни в беспорядке[86]. Уголь попадался маленькими, отдельно лежавшими крупинками и точками. На глубине $1^{1}/_{4}$ арш. мы наткнулись на естественный слой плиты. В других ямах наблюдалось то же самое, а в яме, особенно зачерченной на чертеже и находящейся на наиболее возвышенном месте холма, встречено особенно много угля и также зола, прерывающимся слоем на глубине 10 вершков. Весь холм зарос очень частым молодым ельником, кроме некоторых слишком каменистых площадок. Ямы на этих площадках давали большее количество угля, нежели ямы в более низких местах.

Ввиду обширных размеров холма, требующих для систематической раскопки много рабочих рук, я прекратил работу, уверив рабочих, что тут ничего найти нельзя, чтобы крестьяне не попортили этого места, в надежде найти клад.

Н.К. Рерих. Крест III (Рабитицы-1 и Ославье-3)[87]

По словам местного священника отца Александра Румянцева[88], покойный Лев Константинович[89] был весьма заинтересован этим местом и думал непременно его исследовать, равно как и возвышенность между Сосницами и Чёрной, носящую название **"Городок"**.



Н.К. Рерих. Городок[91]

[№ 9.] Городок — одно из красивейших мест этой волости. При слиянии речки Изварки[90] с лесным ручьём возвышается холм высотою от 4–5 сажен, поросший лесом.

С холма открывается чудный вид на Изварку, лентой прорезывающую покосы. Подъём со стороны реки и ручья чрезвычайно крутой. В 60 саженях от северной оконечности холма (см. чертёж) находятся следы бывшего вала и рва, укреплявших городок

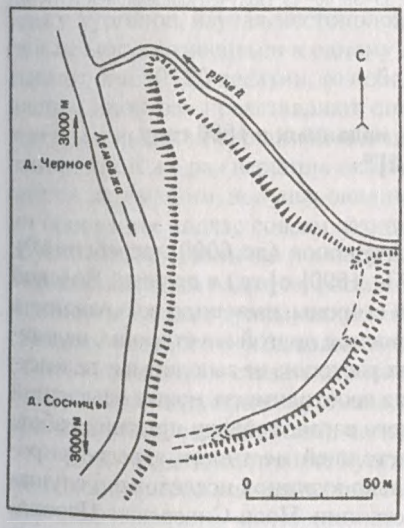
Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Подъём на Куделеву гору около дороги в Селище (место жертвоприношений). 12 Июня». 1895
Частное собрание, США

с южной, естественно не защищённой части. Ширина городка в южной части до 35 сажен. Вышина внешней части вала $1^{1}/_{4}$ арш. Сама площадь городка, к сожалению, густо заросла березняком (до 2 вершков), мешающим разглядеть что бы то ни было.

Из-под корней берёз местами торчат булыжники. В юго-восточной части на открытом месте были найдены две кучи камня (булыжника), почти совсем заросшие. При раскопке обнаружилось, что это остатки очагов или печей. Верхний беспорядочный слой камня (пережжённого до того, что некоторые легко рассыпались) представлял обвалившиеся стенки очага, затем следовал толстый слой (до 5 вершков) очень плотно сбившейся золы и угля и потом слой камня, представлявший дно очага, этот слой был на $^1/_4$ арш. ниже поверхности материка. Обе кучи диаметром до 2 арш., но о форме и устройстве трудно что-либо сказать, так как всё слишком разрушено. Также были взяты две пробные ямы на валу (см. чертёж); причём обнаружилось: сразу после дёрна началась нарывная земля и оказался уголь в большом количестве, по всей вероятности, на валу было высокое деревянное укрепление (тын), давшее при сгорании так много угля. На глубине $^1/_2$ арш. с поверхности вала оказался слой золы вершка в 2 толщиною, а потом началась нарывная земля. Другая яма дала тот же результат.

Н.К. Рерих. Куделова гора. Разрез и план

По-видимому, если не останавливаться перед рубкой и порчей леса (представляющего из себя очень малую ценность), можно при систематической раскопке, снимая верхний слой земли, обнаружить остатки построек, а также и предметы древности; пока же я должен был ограничиться этими



Современная реконструкция городища на р. Лемовже (*Рябинин Е.А.*, 1984. С. 46)

Н.К. Рерих. Два рисунка с надписями: «Грызовский священник. 11 Июня». 1895
Частное собрание, США

пробными колодцами. (Как **Городок**, так и **Куделова гора** находятся на казённой земле Изварской дачи Царскосельского лесничества).

Извара. 1 Сентября 1896 года[92].

Николай Рерих.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 56/1896, л. 31–34 об., 35–38, 40–43. Получен канцелярией ИАК от А.А. Спицына 5 сентября 1896.

VIII
[О материалах раскопок Л.К. Ивановского, изданных в 1896 году Императорской Археологической комиссией][93]

1897

Прошлогоднее издание[94] обширнейших раскопок (до 6000 погребений[95]), систематично ведённых в течение 12 лет (1873—1890[-е] гг.) в древней Водской пятине Новагорода Л.К. Ивановским, с одной стороны, выяснило всю важность добытого этими раскопками огромного материала, с другой же стороны, издателем[96] подчёркнуты некоторые пробелы в отчётах раскопок, не заполнимые вследствие нежданной смерти исследователя, и указана необходимость новых изысканий в этом краю, несмотря на достаточную с первого взгляда цифру прежних работ.

Кроме раскопок Л.К. Ивановского в настоящей местности зарегистрированы ещё следующие работы: в 1878 г. несколько курганов исследовано слушателями Археологического Института близ станции Ново-Сиверская Царскосельского уезда[97]; в 1840[-х] г[г]. раскопан курган в Ямбургском уезде бароном Врангелем[98]; в 1893, 1894 гг. близ дер. Осьмино, около озера Самро, произведе-

ны раскопки господином Мальмгреном[99]; в 1879 г. небольшое количество курганов было раскопано слушателями Археологического Института близ погоста Лосицкого на реке Плюссе[100]; в 1869 г. при постройке батареи близ Красного Села был разрыт курган[101]; в Историческом Музее находятся вещи XI–XIII вв. из неизвестных раскопок в Санкт-Петербургской губернии[102]; в 1866 г. близ дер. Усть-Рудицы госпожою Раевскою были вскрыты могилы ижоры (?)[103]; в Ямбургском и Петергофском уездах попадались отдельные находки монет (арабских)[104]. (Ср.: *А. Спицын.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. С. 35–42[105]).

Таким образом, в одном сравнительно небольшом районе Водской пятины (Санкт-Петербургской губернии), а именно на плоскогорье между Красным Селом и Ямбургом, захватывая песчаные, лесистые верховья реки Оредежа и южные возвышенности с озерами Вердугой, Сяберским, Черменецким, Самро и другими, по сие время было вскрыто более 7000 различных древних погребений. Цифра солидная, но всё же, как оказывается, не обеспечивающая возможности точных и свободных определений и оставляющая открытыми многие интересные вопросы. Сравнительно наиболее изобилующие курганами и другими памятниками смежные волости Царскосельского, Ямбургского и Петергофского уездов — Сосницкая, Врудская, Губаницкая составили район моих настоящих раскопок (1894–1897 гг.).

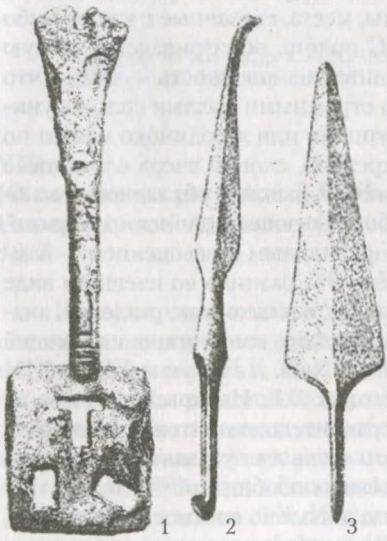
Главным объектом работы являлись курганные древности (всего мною осмотрены 43 курганные группы), а затем могилы, места, связанные с каким-либо преданием, древние кресты, городища и пр. С полёта, всматриваясь в общую массу курганов, изучая местоположение, сравнивая их внешность — видно, что они не могут относиться к одному периоду. То огромными полями сплошь унизывают они 10–20 десятин, то небольшими группами или же одиноко маячат по пашне; иной раз представляют они свежие, крепкие, словно вчера сложенные конусы с высокой вершиной и ясной правильной булыжной обкладкой в основании, иной же раз вершина оказывается глубоко осевшею или вся насыпь является заплывшим, полушаровидным, даже неправильным возвышением — камни основания подчас совсем затянулись землёю. Эта разница во внешнем виде обусловливает различие и в погребальных обычаях и в находках, разделяя, аналогично выводам издателя раскопок Л.К. Ивановского, все курганы настоящей местности на две группы, относя первую к XI и XII вв. и вторую к XIII и XIV. (Говорю: «аналогично выводам в издании раскопок Л.К. Ивановского», ибо не считаю возможным сказать это на основании сравнительно ничтожного количества раскопанных мною курганов, достаточного лишь для указания некоторых оригинальных подробностей, но не таких серьёзных обобщений[106]).

Современное состояние курганов, в общем, довольно сносное, но, конечно, не обходится без распахивания и заезживания, особенно же страдают малые курганы и могилы, имеющие, как увидим[107], для этого края особый интерес. Большинство курганных групп находится под зарослями и лесом, при дер. Чёрной курганы поросли коренастыми соснами, свято охраняемыми местными

крестьянами (см. соответствующий этюд в зале собраний Археологического Общества)[108].

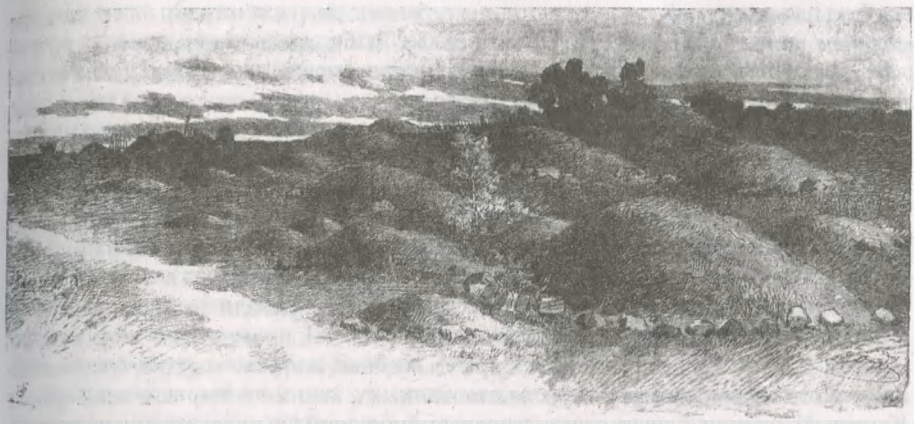
Попутно хочется мне вспомнить следующий юридического свойства вопрос: составляют ли уже исследованные, раскопанные курганы на общественных, казённых и прочих установлений землях по-прежнему неприкосновенную, без особого разрешения, государственную собственность? Насколько мне известно — составляют. Но к чему они? Получается известного рода фарисейство. Если вся сущность их давно вырыта и вывезена, на месте же остаются ни на что непригодные разрытые бугры, которые, постепенно зарастая и сравниваясь, кроме праздного соблазна для будущих археологов ничего дать не могут и только портят лишние десятины невеликих крестьянских ухожи и покоса. А между тем позволение распорядиться этими остатками реликвий по своему усмотрению, думается, хорошо бы отозвалось на прилежании и указании древних мест крестьянами при раскопке, с чем в некоторых местностях приходится считаться. Бояться же, что наряду с исследованными уже курганными полями таким образом исчезнут и нетронутые, — нечего. При некоторой тактичности подобный приём, наоборот, может способствовать лучшему охранению неизвестных ещё памятников.

Кроме древностей XI–XIV веков в издании раскопок упомянуты древности до XI века, добытые из кургана при деревне Озертицы Сосницкой волости (стр. 5)[109]. Зная это место и догадываясь о местоположении кургана, за отсутствием в издании внешнего описания его, могу предположить, что древности до XI века относятся не к большой группе курганов, давшей большое количество предметов XI–XII вв., а к кургану, одиноко стоящему среди поля в полуверсте от группы, особо большой величины (до 4 арш.), тщательного устройства, без обычной каменной обкладки в основании[110].



Вещи X в. из погребения в Озертицах (по предположению Рериха, из отдельного кургана): ключ (1), наконечники стрел (2, 3)

В состав более значительных курганных полей обыкновенно входят самые разнообразные курганы всех периодов различной высоты, от 6 арш. до жальничных погребений без насыпи. Расположены курганы в группах обыкновенно в полном беспорядке, без малейшей системы, так что замечание Ивановского о расположении курганов рядами прибли-



Курганы XI–XII вв. По рисунку Н.К. Рериха. Из книги А.А. Спицына "Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского" (1896)

зительно в шахматном порядке[111], можно объяснить только впечатлением при наблюдении группы в перспективе, при котором, в особенности же желая систематизировать устройство группы, нетрудно найти именно шахматный порядок, исчезающий при взгляде с полета; как это видно из моего же рисунка, на который сделана ссылка в том же издании[112]: перспективное сокращение даёт возможность найти в группе известную систему, на самом деле не существующую. Подобие шахматного порядка легко мог[ло] создаться известной экономией пространства, но и этого не наблюдается, ибо в самом центре густых групп остаются свободными [от] насыпей значительные расстояния, тогда как рядом же курганы настолько теснятся, что заходят друг на друга — сливаются несколько в один неправильный бугорок.

Относясь к группам, содержащим курганы древнейшего периода, XI и XII веков, заметим следующее. Расположение на суходолах, вблизи воды (теперь, бывает, уже несуществующей), соединение в довольно большие группы, средняя высота 1–2 арш., каменная обкладка по окружности основания — вот их характерные внешние черты. Вследствие оседания золы (при погребении с трупосожжением) и тления костяка (при погребении в сидячем положении без сожжения) насыпи часто обваливаются, расплываются, форма становится неопределённой, — каменное кольцо основания затягивается[113].

Древнейший вид курганов, обуславливаемый обрядом трупосожжения, охарактеризован в издании раскопок Ивановского следующей картиной, аналогичной погребениям в курганах Псковской и Витебской губерний, а именно: «покойника в сидячем положении прислоняли спиною, для устойчивости, к *правильно выложенной грудке камней*[114], облагали со всех сторон плахами, сожигали и наконец сооружали над пеплом насыпь в виде кургана» (стр. 7). Далее:

«в большинстве же случаев трупы погребались несожжёнными, но в том же сидячем положении на толстом слое пепла... Выбиралась площадка от 4 до 7 и даже до 9 арш. в диаметре, сравнивалась и уплотнялась, так что получала подобие тока, и по окружности устанавливалась более или менее тесным рядом валунов. В образовавшемся кругу, *обыкновенно по всей его площади*, раскладывался обширный костёр, назначение и смысл которого для нас остается неясным. От таких кострищ в курганах остаётся обыкновенно толстый слой золы и углей, но костей или предметов на них, по-видимому, не было находимо, или же *на состав их не было достаточно обращено внимания*. Труп помещался в сидячем положении в центре кургана, на слое пепла и угля, оставшихся от кострища. Чтоб удержать его в этом положении, *заранее* складывали небольшую груду камней, к которой прислоняли труп спиною... Камни, промежутки между ними и почва у основания сооружения покрыты маркою, жирною массою, состоящею из мелкого и крупного угля и золы, смешанных с каким-то жирным веществом. Камни сохранили ясные следы жертвоприношений, в виде жжённых костей домашних животных (коров, овец и свиней)». *На основании этого наблюдения Л.К. Ивановский описанные кучи камней называет жертвенниками — заключение, с которым трудно согласиться*. Если бы это были жертвенники, то, как

Н.К. Рерих. Землекопы (на раскопках). 1895 (?). Мемориальная квартира Ю.Н. Рериха, Москва

важная часть обряда жертвоприношения, они попадались бы в курганах несравненно чаще, чем встречаются на самом деле, и к тому же незначительный размер их мог быть пригоден разве для сожжения птицы или зайца. Неизвестно, всегда ли камни носят следы огня и всегда ли находятся на них следы чёрной маркой земли... Труп полагался *всегда ногами на Восток (иногда с неизбежным отклонением на Север и Юг), руки сложены у лонного соединения.* В некоторых случаях трупы были поддержаны с боков досками. Иногда куча камней принимает столь малые размеры, что на них опирается одна голова... Как часто в курганах XI и XII вв. трупы помещались в обыкновенном лежачем положении, остаётся неизвестным... Не можем также составить понятия о том, какою именно землёю присыпался труп перед сооружением самой курганной насыпи; по словам Л.К. Ивановского, *«вблизи костяка насыпь обыкновенно заключала вкрапленины довольно крупного угля, а иногда, если погребённые были поважнее, в разрезе её можно видеть второй слой угольной массы, часто с перегоревшими костями животных, который в свою очередь был покрыт песком или грунтом...* И женщины, и мужчины погребались с вещами в их обыкновенном или парадном одеянии. При многих скелетах были помещаемы горшки, почти всегда по одному... Чаще всего они ставились в ногах покойников, но иногда и в стороне, иногда близ каменного изголовья. При покойниках мужчинах оставлялись предметы вооружения, особенно топоры, копья и стрелы, а изредка и мечи, при женских костяках изредка встречаются различные предметы домашнего быта... *Двойные погребения очень редки, но встречаются. Интересно погребение двух костяков (Вопша[115]), из которых на черепе одного, именно женского, видна огромная рана, нанесённая топором»* (стр. 11). Эти отрывки описания, взятые из общих выводов издания раскопок Л.К. Ивановского, вполне соответствуют, что вполне естественно, и моим раскопкам, но к вышеприведённой картине необходимы некоторые замечания и дополнения.

1). Относительно правильности груды камней, поддерживавшей покойника, на основании немногих курганов этого типа, попавшихся в моих работах, я должен заметить, что дошедшая до нас правильность подобных куч очень относительна, чаще же камни находятся в совершенном беспорядке и разбросаны, вероятно, под неправильным давлением земли, при тлении трупа.

2). Было замечено 2 случая несомненных древнейших курганов, где костёр был разложен не по всему кругу основания, а имел (по крайней мере, по свидетельству оставшейся золы) продолговатую форму[116]. Кроме того, я не могу утверждать, что каменный круг основания устраивался ранее сложения и сожжения костра, — припоминаю случай, где под камнями основания были замечены следы золы, впрочем, на это не было своевременно обращено внимания.

3). Среди зольного слоя основания и в моих раскопках также не попадалось ни предметов, ни каких бы то ни было костей.

4). Практика моих раскопок совершенно поддерживает мнение издателя раскопок Ивановского, что груды камней, попадающиеся в курганах, нельзя считать жертвенниками. Если бы это были жертвенники, то они складывались

бы тщательнее и встречались бы чаще, а по крайней мере в моих немногих случаях, относящихся к XI и XII вв., подобных куч в сохранном, хорошем виде вовсе не встречено, опора же трупа, как сказано, представляет или беспорядочные камни, или совсем рассыпалась, или отсутствует.

5). Встречены случаи положения ногами на Запад (по-видимому, относящиеся к женским погребениям, хотя утверждать это неосновательно).

6). Что касаемо до того, что вблизи костяка насыпь обыкновенно заключает вкраплины угля, то это, пожалуй, объяснимо тем, что земля для насыпки кургана бралась кругом его поблизости и под влиянием кострища, конечно, изобиловала углём, исключая его при дальнейшем углублении. Особой странности это не представляет, но вот странно, что Ивановский нигде не упоминает о том, попадались ли ему в верхней части курганных насыпей небольшие многократные прослойки, быть может, следы поминок, попадавшиеся при моей работе, часто и обусловленные, во всяком случае, чем-то другим — не важностью и знатностью погребённых, в курганах которых Ивановский находит второй угольный слой. (Скорее количеством родни покойного или чем другим). Подобных угольных прослоек мне приходилось наблюдать в одном кургане до 4-х, причём низшие из них были настолько близки от головы трупа, что исключали всякое предположение о позднейшем своём происхождении, очевидно появляясь при самом устройстве кургана (обычай?), верхние же две или одну можно по качеству присыпной земли смело считать следами позднейших поминок. И даже (в одном случае[117]) после того, как курган уже [успел] порасти травою — замшиться.

Из оригинальных отличий в устройстве курганов древнейшего периода надо отметить три случая: в первом обычное каменное кольцо основания совсем отсутствовало и в самом кургане камней не оказалось (при худой сохранности костей положение костяка определить было затруднительно, но, должно быть, оно было лежачее)[118]; в другом [случае курган] был весь навален из камня (мелкого булыжника)[119]; а в третьем [случае] при полном сожжении, давшем толстый пласт золы, зола оказалась на искусственном возвышении до $^{3}/_{4}$ арш. высотою, как встречено мною в курганах позднейших (без сожжения)[120]. В [восточной][121] части несколько булыжников (сильно обугленных) представляли бывшую опору трупа. Весь курган был сложен из чрезвычайно плотной земли, может быть мочёной или дерновой, с трудом поддававшейся ударам лома.

В параллель единственному случаю в раскопках Ивановского ([погребение №] XXVI, 5), где курган оказался сплошь выложенным камнем, я могу [также] указать на каменные прослойки во II Домашковицкой полевой группе, встреченные в середине насыпи; неизвестно, досыпная верхняя часть насыпи современна ли нижней или позднейшего происхождения[122].

Нечто похожее на Вопшинское двойное погребение с просечённым женским черепом оказалось у меня в Рабитицком поле: в середине кургана находился костяк пожилого мужчины с просечённым черепом, по правую руку его помещался женский, значительно хуже сохранившийся костяк[123].

Так и нарушения неизвестного обычая, оставлявшего нам традиционное для насыпей XI и XII вв. кострище в основании кургана, — мною встречено несколько случаев, по находкам несомненно принадлежащих позднейшей поре, но в обряде погребения отличавшихся лишь отсутствием зольного слоя основания под костяком[124].

Типы древностей, добытых при раскопке, не дали особой оригинальности, сравнительно с многочисленными рисунками при издании работ Ивановского[125]. Некоторые же отклонения от известного типа и их описание укажу при отдельных характеристиках наиболее выдающихся погребений.

Для погребений второй группы, относимой к XIII и XIV вв., характерным отличием являются, как указано в издании, погребения ниже материка — в могиле и выше материка на особом возвышении до 1 арш. высотой, а также жальникообразные погребения в могилах без насыпей. Сущность обряда погребения в могиле с насыпью заключается в том, что вырывалась овальная (довольно, впрочем, неопределённых очертаний) яма до 1 арш. глубиной такого размера, чтобы труп мог поместиться в ней [в] сидячем положении. Если яма недостаточной глубины, чтобы труп мог опираться исключительно о стенку её, то для опоры его придвигались традиционные валуны или же (в одном случае[126]) валуны были заменены толстыми плахами. Случаи, упомянутые в раскопках Л.К. Ивановского, где, желая поднять голову покойнику, устраивали соответственной формы яму такой глубины, чтобы лишь голова могла покоиться на крае её, — у меня ни разу не встречен[ы]. Взамен этого в моей практике имеется небольшое число случаев, где покойник помещается не в могиле, а на поверхности материка в лежачем положении, причём обычный зольный слой основания превращается в две небольшие кучки по бокам головы или сбоку[127].

Характерен для этого периода приём погребения выше материка на специально устроенном земляном возвышении, не указываемый в дневниках Ивановского. В этом случае[128] устраивалось плотное земляное возвышение диаметром до 6 арш., высотою до 1 арш. Поверхность тщательно уплотнялась и выравнивалась; на не[й] разводился уже знакомый костёр с неизвестным назначением, но (в моих случаях) не по всей поверхности площадки, а в середине до 3 арш. диаметром круговидной формы. Костяк сажался на пепел ногами на Восток, и затем возводилась обычная насыпь всего вышиною до $2^1/_2$ арш. За отсутствием у костяка камней или дерева затрудняюсь указать, чем именно удерживался труп в сидячем положении, быть может, земляным же сооружением, быть может, сейчас же засыпался.

В основании всех курганов находится каменное кольцо, в большинстве случаев на Восток и на Запад с некоторым неизбежным отклонением помещаются валуны особо крупных размеров (факт почему-то Ивановским слабо отмеченный)[129].

На курганах этого периода в прежнее время нередко оказывались каменные, грубо вытесанные из плиты и гранита кресты четырёхконечные Новгородского типа и камни с какими[-то] высеченными надписями и знаками[130]. В

настоящее время кресты давно развезены по современным кладбищам, камни пошли на поделки, так что не представляется никакой возможности восстановить, на каких именно курганах стояли они и что они таким образом обуславливали. Подобные кресты, по словам старожилов, привезённые, были осмотрены и зарисованы мною на Ославском кладбище[131]. По всей вероятности, кресты ставились на курганах уже при сооружении их, хотя одно свидетельство крестьянина, рывшего курганы и будто бы находившего в верхней части его подобие человеческих костей, повергает в некоторое сомнение и даёт место предположению, не есть ли происхождение крестов более позднее, не отмечают ли они вторичные впускные погребения: ввиду расхищения крестов в настоящее время этот вопрос должен остаться неразъяснимым в данной местности.

Впечатление от общей массы черепов есть преобладание признаков приближения к долихокефализму[132] с меньшим процентом хорошо выраженных брахицефалов[133] и со значительным числом мезокефал[ов][134]. О черепах из раскопок Ивановского[135] и моих профессор Э.Ю. Петри[136] заметил, что тип их смешанный, содержит некоторые черты известных финских, а также славянского типа, так что со стороны антропологии затруднительно приписать их финнам или славянам[137].

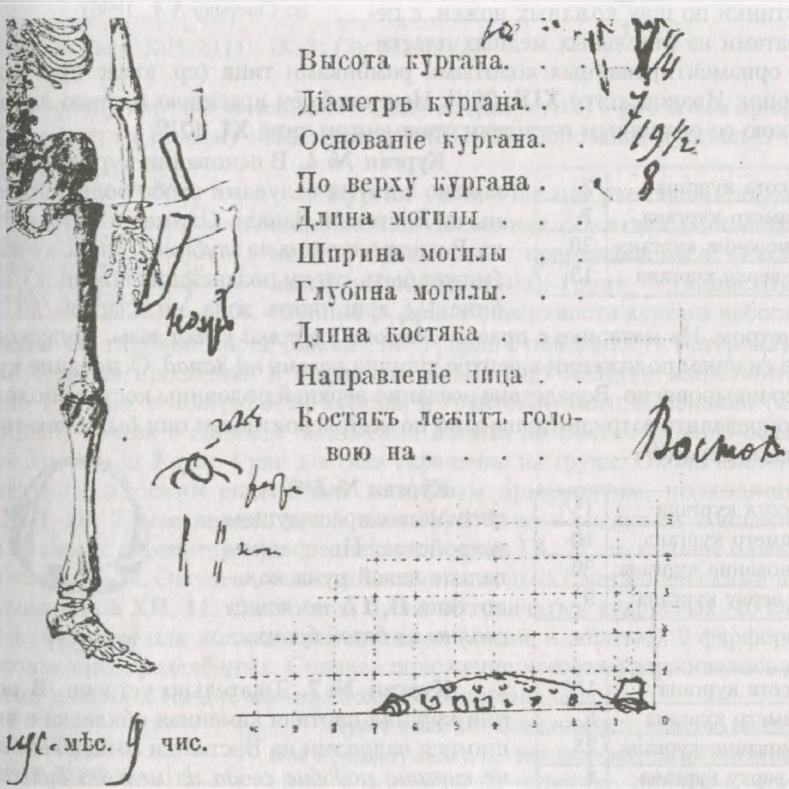
В группах XIII и XIV веков нередки случаи[138], когда курганные насыпи, уменьшаясь до минимума, совершенно исчезают, перерождаясь в грунтовые могилы — переход к жальнику. В издании раскопок Ивановского упоминается каменная обкладка в виде овала или четырёхугольника, в моей практике такие случаи неизвестны — попадавшиеся мне могилы имели все круглое основание, с особо большими валунами на Западе и Востоке и с погребением ногами на Восток, т. е. всё, кроме отсутствовавшей насыпи, соответствовало курганному погребению. Предположение, что кресты и камни на грунтовых могилах встречались чаще, чем на курганах, из моих наблюдений не подтверждается; наоборот, на могилах, входивших в состав курганных групп, насколько можно выяснить из расспросов, кресты и камни вовсе не замечались, составляя принадлежность лишь курганных насыпей.

Предметы, заслуживающие внимания, укажу в отдельных характеристиках, к которым теперь и перехожу.

I. Калитинское курганное поле[139], Царскосельский уезд, Сосницкая волость

Расположено на 15–20 десятинах в парке имения Калитино владения барона Толя, одно из самых обширных полей всего района, содержит более 500 погребений. Почти всё под зарослями и довольно крупными елями. При желании усмотреть какую-нибудь общую систему расположения курганов[140] можно сказать, что в центре поля на суходольной лядине сгруппированы наиболее крупные (до 6 арш.) курганы, крепко сложенные, хорошо сохранившиеся, с высокой вершиной. Окружные курганы, меньшие по размерам, с осевшими вершинами или полушаровидные, по своей топографии распадаются на два типа.

Первый на высоком месте даёт курганы тщательно устроенные, каменное кольцо основания, состоящее из ровных и крупных булыжников, высота средняя до 2 арш.; курганы же второго типа расположились в низкой лощине, характерны небрежным устройством, малым количеством камня в основании и малыми размерами — замшились, поросли вереском и осотою и подчас имеют вид большого кротороя. Расположенные в центре на приличном расстоянии друг от друга, на окраинах курганы до того местами скучены, что совпадают и несколько сливаются в один холмик. Материал насыпей — на высоких местах песчаный грунт с примесью плитняка, в низинах же — торфянистый суглинок. По своему содержанию состав Калитинских курганов для окрестного края очень однообразный — содержит курганы древнейшего периода (XI и XII вв.) лишь с весьма малой примесью позднейших и двумя-тремя грунтовыми погребениями.



Н.К. Рерих. Запись о кургане № 3. Фрагмент листа из "Дневника раскопок..." 9 августа 1895. РА ИИМК

(Из дневника[141])

Высота кургана	$1^1/_4$
Диаметр кургана	7
Основание кургана	$19^1/_2$
По верху кургана	8

Курган № 3. Порос елями. Насыпь почти выложена мелким булыжником. Грунт — песчаный. На глубине 1 арш. в центре насыпи обнаружена зола — кучкой. Мужской костяк на поверхности материка, в сидячем положении, ногами на Восток. Положение рук неизвестно. Сохранность кости средняя. Под костяком слой золы (толщиной $^1/_2$ дюйма) — кострище по всей площади основания кургана. Основание выровнено. С левой стороны таза ножны с рукояткой. Оковка ножен состоит из пластинки по шву кожаных ножен, с перехватами из отдельных медных пластинок, орнаментированных колотыми ромбиками **типа** (ср. атлас при издании раскопок Ивановского) **XIX, 26**[142]. Нож снабжён красивою медною литою рукояткою со сплошным плетёным орнаментом **типа XI, 12**[143].

Тип XI, 12. (Все типы воспроизведены по *Спицыну А.А.*, 1896)

Высота кургана	2
Диаметр кургана	7
Основание кургана	30
По верху кургана	13

Курган № 4. В основании кургана каменное кольцо с двумя валунами особо большой величины на Востоке и Западе. Сложен из плотного песка. В центре кургана на глубине $^1/_2$ арш. кучка золы (может быть, следы позднейших поминок), на глубине $1^1/_2$ арш. опять зола, но пластом до 1 арш. диаметром. На материке с правой *стороны костяка кучка золы.* Мужской костяк в сидячем положении в центре кургана *ногами на Запад.* Основание кургана убито и выровнено. Вследствие оседания верхней половины костяка положение рук определить затруднительно, но по всей вероятности они были как-то скрещены на груди[144].

Высота кургана	$1^3/_4$
Диаметр кургана	10
Основание кургана	30
По верху кургана	9

Курган № 6[145]. Аналогичного с предыдущим устройства. На среднем пальце левой руки кольцо **типа II, 17**, *но концы спаяны из белой бронзы.*

Тип II, 17

Высота кургана	$1^1/_2$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	25
По верху кургана	8

Курган № 7. Тщательно устроен. В основании кургана плотная каменная обкладка с выдающимися валунами на Востоке и Западе. *На вершине кургана подобие свода из мелкого булыжника.* В центре кургана на глубине $^1/_2$ арш. зола кучкой и остатки жёлтых (несожжённых) костей мелкого животного (телёнка, барана?). На глубине $1^1/_2$ арш. — на материке костяк (очень худо сохранившийся)

в сидячем положении ногами на Восток. Под костяком кострище, имеющее овальную форму, не касающееся окружности основания. Грунт кургана песчаный с плитняком. По

Тип XVIII, 26

1 2 3

Типы XIII, 20 (1); IX, 21 (2); XII, 11 (3)

правую сторону костяка маленький горшочек (разбитый) с рубчатым орнаментом. По левую же сторону копьё **[типа] XVIII, 26**. Основание кургана сглажено и убито.

Высота кургана	$^3/_4$
Диаметр кургана	6
Основание кургана	15
По верху кургана	7

Курган № 8. Насыпь расплывчатая, полушаровидная. Каменная обкладка основания из мелких булыжников прерывающаяся. (Расположен у подошвы холма). Грунт — глинистый. На глубине $^1/_2$ арш. с поверхности кургана небольшой слой золы. На глубине 1 арш. (значит, на $^1/_4$ арш. с поверхности материка) вторичная зольная прослойка и кости (несожжённые) мелкого животного. На глубине $1^1/_4$ арш. с поверхности кургана в грунтовой могиле женский (плохо сохранный) костяк в сидячем положении ногами на Восток. *Могила овальной формы длиною до 2 арш.* Руки костяка скрещены на груди. Около кистей рук браслеты: 1) плоский с двойным плетёным орнаментом, подходящий к **типу XIII, 20**; 2) массивный витой **типа IV, 3**[146], но с гладкими концами. На груди пряжка с перевить[ем] в средней части **типа IX, 21**, но меньше и без пунктира на головках. Около головы два височных кольца с металлическими полыми бусами **типа XII, 11**. Около шеи бусы: 10 гранчатых кварцевых, 10 каменных с пунктиром или волнистыми линиями (синие и жёлтые), 2 фарфоровых и несколько неопределённых. Сидячее положение костяка удерживалось деревянными плахами. На дне могилы золы не замечено.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	4
Основание кургана	11
По верху кургана	6

Курган № 10. Внешнее устройство аналогичное предыдущему, но костяк (женский) помещается не в могиле, а на материке, причём в лежачем положении *головою на Восток, руки протянуты вдоль тела.* На $^1/_2$ арш. с поверхности кургана зольная прослойка и остаточки перегорелых костей мелкого животного. Каменное

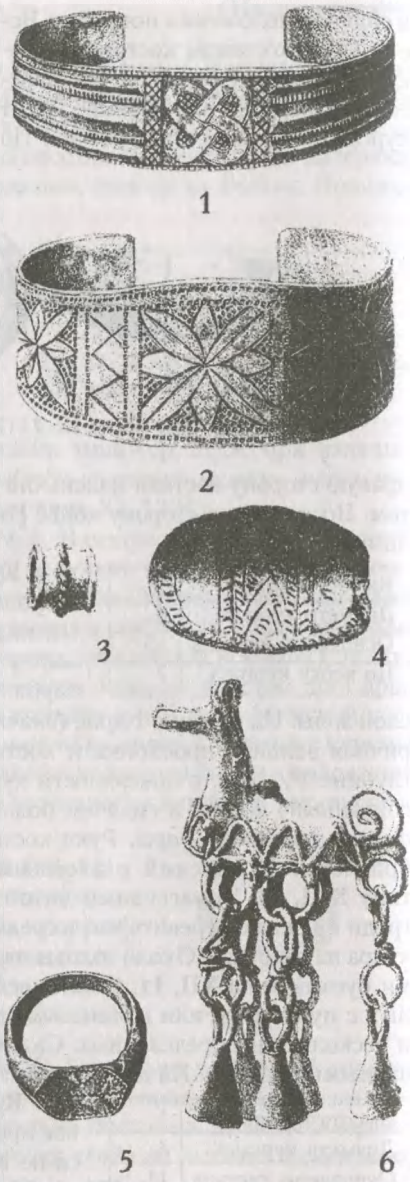
кольцо основания плотно вымощено мелким булыжником. На руках костяка браслеты широкие, плоские с плетёным красивым орнаментом, подходящие к **типам XIII, 13** и **XIII, 32**. На груди пряжка **типа XIV, 7**[147]. Около шеи бусы: одна медная **типа XI, 14**, но посередине гладкое кольцо; каменные — пять тёмных, две с волнистыми линиями, две синие, одна неопределённая. Около головы два височных кольца **типа XII, 11**.

Высота кургана	$^1/_2$
Диаметр кургана	3
Основание кургана	10
По верху кургана	5

Курган № 12. Расположен в лощине. Зарос сорными травами, расплылся; прерывающееся кольцо основания затянуто землёю. Грунт глинистый. В середине кургана следы золы. На глубине $1^1/_4$ арш. с поверхности кургана в грунтовой могиле длиною 1 арш. мужской костяк в сидячем положении ногами на Восток. На среднем пальце левой руки широкий перстень **типа V, 28**. *Чем сохранялось сидячее положение костяка — неизвестно.*

Высота кургана	$^3/_4$
Диаметр кургана	5
Основание кургана	15
По верху кургана	6

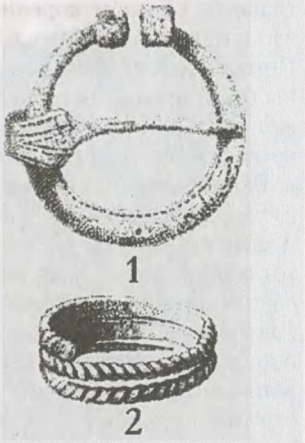
Курган № 18. На холме. Устройство тщательное. Каменное кольцо основания плотное. Грунт песчаный. Глубина могилы $^1/_2$ арш. В верхней части кургана небольшая зольная прослойка. На глубине $1^1/_4$ арш. с поверхности кургана в овальной грунтовой могиле длиною $2^1/_2$ арш. лежит женский костяк хорошей сохранности головою на



Типы XIII, 13 (1); XIII, 32 (2); XI, 14 (3); V, 28 (4); II, 6 (5); VIII, 19 (6)

Восток. Немного выше его кусок человеческой кости (?) неизвестного происхождения, быть может, от соседнего близкого (теперь разрушенного) погребения. На правой руке кольцо **типа II, 6**, но без орнамента. У пояса уточка-привеска **типа VIII, 19** без привесок. На шее бусы — пять фарфоровых, одна медная и три неопределённых.

Курган № 20. Расположен на низком месте. *Обычн[ая] обкладка основания совсем отсутствует*, так что при малой высоте насыпь почти совсем незаметна с первого взгляда. На глубине $1^1/_2$ арш. с поверхности земли в грунтовой могиле длиной до 1 арш. неправильной формы мужской костяк плохой сохранности. В сидячем положении ногами на Восток. На груди пряжечка **типа XIV, 1**, но гладкая. *Золы нигде совсем незаметно.*



Типы XIV, 1 (1); IV, 15 (2)

Из остальных погребений и предметов замечу в **кургане № 21** остаток какого-то деревянного предмета — среди золы; в **кургане № 17** (замечательно плотной, с трудом поддававшейся лому кладки) кольцо типа, подходящего к **[типу] IV, 15**; в **кургане № 13** витой браслет очень старого типа; в **кургане № 19** шейную янтарную маленькую бусинку, вероятно, носившуюся при вороте рубашки. Прочие находки состояли из черепков, сварившихся ножей, каменных бус и прочего (предметы находятся у меня[148]).

[...][149]

Автограф. Черновик. ОР ГТГ, ф. 44, № 85, л. 28–34, 34а, 35-40.

IX

Изварский могильник (предполагаемые погребения древней води)
О раскопках 1897 года в Царскосельском уезде[150]

1897

До сих пор в Санкт-Петербургской губернии в древней Водской пятине было вскрыто до 7000 различных древних погребений и притом приблизительно в одном районе, а именно на плоскогорье между Красным Селом и Ямбургом, захватывая песчаные лесистые верховья реки Оредежи и южные возвышенности с озёрами Вердугой, Сяберским, Черменецким и другими. Казалось бы, такая солидная цифра могла бы обеспечить возможность более или менее точных и свободных определений и заключений, но тем не менее на некоторые небезынтересные вопросы результаты всех этих обширных раскопок ответа пока не дают. В центре Водской пятины, которая, по замечанию исследователей[151], аналогично Обонежской пятине могла называться Водскою не потому, что была

главным образом коренным местопребыванием води, а может быть потому, что граничила с водью, в Царскосельском, Ямбургском и известной уже части Петергофского уезда по найденным древностям и по обряду погребения курганы были признаны славянскими. Изо всех добытых древностей этого края может быть выделено в особую группу[152] лишь небольшое количество предметов из раскопок в с. Мануйлово[153] в северо-западной части Ямбургского уезда и д. Войносолово[154] в западной части Петергофского уезда недалеко от с. Котлы, где водь, ватьялайзет[155], как известно, проживает и до сей поры. Большинство предметов сходны с находками из Эстляндии, Финляндии, Швеции, острова Готланда[156], некоторые, как, например, витые браслеты, подвески-уточки, височные кольца и несколько подвесок-бляшек, имеют русское происхождение. Дневник раскопок не сохранился, так что устройство Мануйловских курганов остаётся неизвестным. В Пюхтице за Наровою в 1892 году профессором Висковатовым[157] были найдены предметы, схожие с мануйловскими; сущность же конструкции курганов была такая же, как и в Царскосельском уезде, в признаваемых исследователем древнерусскими, т. е. курганы, высотою до 7 футов[158], также оказывались иногда окружёнными валунами; костяки лежали головою на Запад и, кажется, на Восток на поверхности материка или в могиле[159]. И по устройству и по древностям совсем такие же курганы раскопаны в Иннис близ Везенберга[160]; по своему местонахождению они должны бы принадлежать эстам, но современные этим курганам эсты, как кажется, имели свой национальный обряд погребения — трупосожжение в каменных клетках. Кому же могли принадлежать Пюхтицкие и Мануйловские курганы? Конечно, может быть, и эсты наряду с трупосожжением в клетках практиковали славянский обычай курганного погребения. Вполне естественно, что и водь могла заходить за Нарову на эстонскую территорию. Издатель раскопок Л.К. Ивановского[161] признаёт эти курганы нерусскими, но, кажется, при недостатке основательных доказательств, здесь может иметь место также такое предположение, что данные курганы оставлены всё же новгородскими славянами, особенно далеко углубившимися и таким образом вошедшими в ближайшие, родственные сношения с коренным местным населением. Нерушимо сохраняя дедовский обычай погребения в курганах, они, вследствие некоторой изолированности от остальных славян и сближения, родства с финнами, оставляют предметы, значительно отличающиеся от находок в несомненных славянских погребениях. Настоящему предположению не может мешать, что предметы, найденные при этом, относимы к XI веку; в Иннисе найден диргем X века; и не противоречит заключение господина Харузина[162], что пюхтицкие черепа вовсе не принадлежат финской расе, а должны быть приписаны какому-нибудь племени, жившему на грани меж двух культурных миров[163].

Профессор Петри о черепах из раскопок Ивановского и моих в курганах, признанных древнерусскими, заметил, подобно заключению господина Харузина, что тип их смешанный, так сказать, славяно-финский, и во всяком случае нет никаких признаков, по которым антрополог мог бы предпочтительно отне-

сти их к славянам или финнам. К подобному же заключению должен был бы прийти антрополог, изучавший теперешнее население многих, по-видимому, русских деревень этого края. Значит, со стороны антропологии, помощь которой, конечно, слишком относительна для археолога, нет препятствий к настоящему предположению о принадлежности Мануйловских и Пюхтицких курганов новгородцам.

Н.К. Рерих. Голова финна. 1900-е. Этюд из собрания ГРМ

Подчеркну, что сказанное сейчас об этих курганах есть только не лишённая некоторой правдоподобности, но всё же необоснованная догадка, как и всё предположенное о них до новых раскопок в этой местности, и так или иначе вопрос относительно погребений води остаётся пока совсем открытым, а между тем водь было племя, хотя небольшое и слабое, но всё же довольно определённое, и как бы рано оно ни подпало полному влиянию славян, всё же могли и должны остаться памятники, в которых проявляются оригинальные водские обряды и предметы водского быта. Пока же тип оригинальных водских погребений не установлен, происхождение многих курганов Санкт-Петербургской губернии будет находиться под сомнением, и о некоторых предметах трудно дать точное определение. Таким образом, ближайшим вопросом в местной археологии является: найти действительно водские погребения и этим разграничить заносный славянский элемент от коренного, местного. Находка водских погребений может отчасти осветить и другой немаловажный вопрос, а именно северо-западную границу поселений новгородских славян. Для этого надо с особою тщательностью и систематичностью начать обследовать места несомненных поселений води, т. е. северо-западную часть Петергофского уезда, вблизи Копорья[164] и Котлов; местность очень мало, можно сказать, совсем неисследованную, за исключением 10 курганных групп, раскопанных Ивановским, дневники которых или слишком кратки[165], или вовсе не сохранились; обряд же погребения и предметы не дали особых отличий от основного типа окружных курганов, кроме поздних предметов из Войносолова, выделенных в особую группу, и погребений в колодах близ деревень Кошкино и Слободка[166], причём неизвестно, основные ли то погребения или впускные позднейшие. Кроме того, уже ближе к Петергофу,

были вскрыты госпожою Раевскою поздние погребения, быть может, ижоры. Других зарегистрированных раскопок в этой местности неизвестно. Этим летом я намерен был начать розыски водских погребений в Петергофском уезде, но по некоторым обстоятельствам не мог начать их, и кроме того, одна моя находка этого года в районе моих прежних раскопок, по-видимому, имеет некоторое отношение к настоящему вопросу и может пригодиться при следующих работах.

Санкт-Петербургская губерния, Царскосельский уезд, Сосницкая волость
Имение Извара, владение Госпожи Марии Васильевны Рерих

[А — разрез] [Б — план]

Длина могилы[167]	$2^1/_2$
Ширина могилы	$^3/_4$
Глубина могилы	$^1/_2$

№ 1. Слой золы — 3 вершка.
Зола смешана с землёй. Слой золы и угля выступает за пределы могилы. Вершина камня ***а*** обтёсана. Под золой грунт — песок.

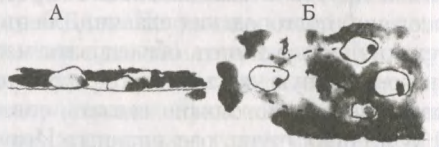
Длина могилы	$2^1/_2$
Ширина могилы	2
Глубина могилы	$^1/_2$

№ 2. Слой золы — 2 вершка.
Зола без земли. По-видимому, могила не засыпалась — зола местами забросана булыжником. Чёрный пласт — наносный перегной. Зола выступает за пределы могилы.

Длина могилы	1
Ширина (?) могилы	$^1/_2$
Глубина могилы	$^1/_2$

№ 3. Слой золы — 1 вершок. В данном случае ширину могилы установить трудно, так как она не ограничена камнями, а слой золы, как и во всех могилах, выступает за пределы её.

Длина могилы	$1^1/_4$
Ширина могилы	$^3/_4$
Глубина могилы	$^1/_2$



№ 4. Слой золы — $1^1/_2$ вершка.

Длина могилы	2
Ширина могилы	1
Глубина могилы	$^1/_2$

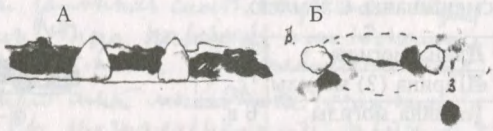
№ 5. Слой золы — 1 вершок.

Длина могилы	$1^1/_2$
Ширина могилы	$^3/_4$
Глубина могилы	6 в.

№ 6. Слой золы — $^1/_2$ вершка.

В золе обнаружены следы ржавчины и как бы остатки (мелкие) железа, при высыхании рассыпавшиеся.

Длина могилы	1
Ширина могилы	$^1/_2$
Глубина могилы	5 в.

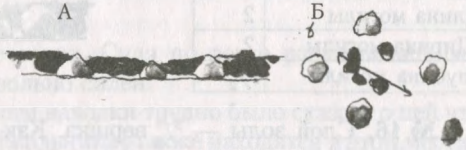


№ 7. Слой золы — 1 вершок. Камни, как и во многих других, поставлены острыми концами наверх. Ширину могилы можно установить только границею более толстого и чистого зольного слоя. Фигура этого слоя — неправильный овал.

Длина могилы	$1^1/_4$
Ширина могилы	1
Глубина могилы	$^1/_2$

№ 8. Слой золы — $^1/_2$ вершка.

Длина могилы	$1^1/_4$
Ширина могилы	$1^1/_4$
Глубина могилы	7 в.



№ 9. Слой золы — $^1/_2$ вершка. Между золой и грунтовым песком замечены следы глины. Не было ли обмазано основание могилы?

Длина могилы	$1^1/_2$
Ширина могилы	1
Глубина могилы	$^1/_2$

№ 10. Слой золы — 1 вершок. Камни основания углублены в грунт.

Длина могилы	1
Ширина могилы	$^1/_2$
Глубина могилы	7 в.

№ 11. Слой золы — $1^1/_2$ вершка.

Длина могилы	$1^1/_4$
Ширина могилы	$^3/_4$
Глубина могилы	6 в.

№ 12. Слой золы — $^1/_2$ вершка.

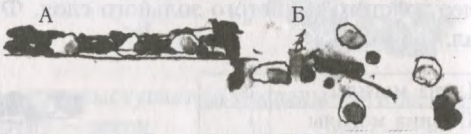
Длина могилы	$^1/_2$
Ширина (?) могилы	6 в.
Глубина могилы	6 в.

№ 13. Слой золы — 1 вершок. В западную сторону слой золы продолжается почти одинаковой толщины, постепенно давая большее количество угля и смешиваясь с землёю.

Длина могилы	$^3/_4$
Ширина (?) могилы	$^1/_2$
Глубина могилы	6 в.

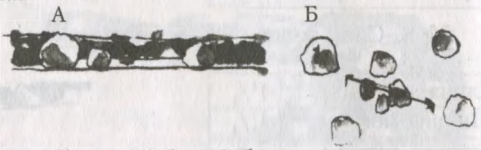
№ 14. Слой золы — 1 вершок. Камни основания неправильно обтёсаны, сложенные вместе дали один булыжник.

Длина могилы	1
Ширина могилы	$^3/_4$
Глубина могилы	5 в.



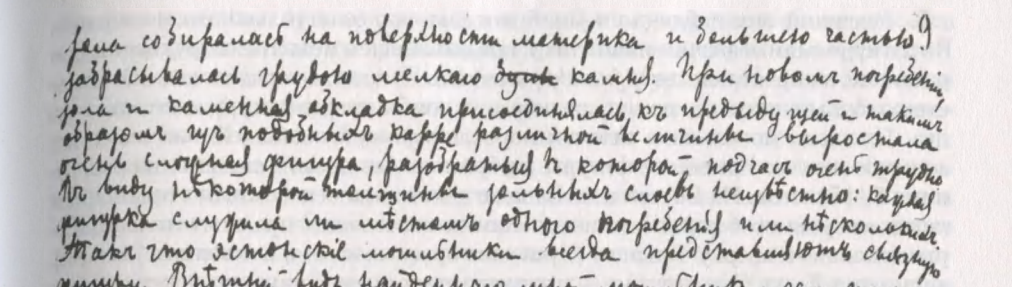
№ 15. Слой золы — $^1/_2$ вершка.

Длина могилы	2
Ширина могилы	2
Глубина могилы	$^1/_2$



№ 16. Слой золы — $^3/_4$ вершка. Как в № 2 и 6 ближе к центру лежит камень бóльших размеров, как и угловые.

В прошлогоднем сообщении[168] я упоминал о находке в Царскосельском уезде Сосницкой волости, в лесу имения Извара, одиночной каменной фигуры, по всей видимости, погребения, сущность которого была в том, что подо мхом оказался слой довольно мелкого булыжника, из которого некоторые [булыжники] носили следы случайного обжога, т. е., я хочу сказать, они, значит, были набросаны на золу после огня и даже на золу, может быть, уже почти остывшую. Непосредственно под булыжником обнаружилась зола, неправильным слоем, толщиною до 2 вершков. Под золою оказался песок материк, не носивший на себе признаков огня. Очертания формы зольного слоя неправильные, но приближаются к четырёхугольнику. Глубина, т. е. расстояние от верхнего мха до песка материка, не превышала 6 вершков. Размеры каменной настилки были: длина 2 арш., ширина $1^1/_2$ арш. Форма настилки была ромбическая; четыре угольных камня торчали надо мхом — по ним могила и была найдена. На Восток и на Запад лежали два валуна особо большой величины. Древностей никаких не оказалось. Слой золы продолжился за черту могилы в северо-восточную сторону, и на 1 арш. от неё обнаружилось кострище, с которого зола могла быть перенесена в могилу. Кострище дало мелкие угольки и бесформенные остатки перегоре-



Н.К. Рерих. Лист из рукописи "Изварский могильник (предполагаемые погребения древней води). О раскопках 1897 года в Царскосельском уезде". 1897

лых косточек, по-видимому, человеческих. Судя по легко раскалывавшимся камешкам и по почве, огонь был довольно силён.

Ввиду случайности и одиночности находки трудно было сказать о ней что-либо. Предположению о жальнике ([жальники] также находятся в этой местности[169]) мешало полное сожжение. Единственно, в факте сожжения, перенесения золы с кострища и ограждения камнями, хотя на иной манер, некоторое сходство можно было найти с трупосожжением в каменных клетках древних эстов.

Этим летом я, проходя по лесу недалеко от указанной прошлогодней находки, обратил внимание на еле заметные вросшие в землю валуны, расположение которых мне показалось симметричным. При раскопке была открыта целая группа каменных фигур, аналогичных только что описанной.

Эстонский погребальный обряд состоял в том, что производилось сожжение трупа в наряде, оставшаяся зола с вещами сносилась в определённое место, где и обставлялась камнями, образуя с камнями соседних погребений какую-нибудь геометрическую фигуру, четырёхугольник, треугольник или что-нибудь подобное в этом роде. Зола собиралась на поверхности материка и большею частью забрасывалась грудою мелкого камня. При новом погребении зола и каменная обкладка присоединялись к предыдущим, и таким образом из подобных каре различной величины вырастала очень сложная фигура, разобраться в которой подчас очень трудно. Ввиду некоторой толщины зольных слоёв неизвестно, каждая фигурка служила ли местом одного погребения или нескольких. Так что эстонские могильники всегда представляют связную фигуру.

Внешний вид найденного мной могильника, если только это могильник, был следующий: в значительном лесу, представившем немалые затруднения при раскопке, на пространстве $^1/_4$ или $^1/_3$ десятины[170] кое-где торчали едва заметные сверху булыжники, где по четыре, образуя ромбическую фигуру, где только по два. Площадь могильника отчасти поросла малиной, любящей, как известно, зольную землю. Каменные фигуры разбросаны без всякой системы на расстоянии 5–15 шагов. На Восток и на Запад с некоторым неизбежным отклонением лежат валуны особенной величины. Камни поставлены предпочтительно острыми концами кверху. В одном случае два краевых камня, сложенные [вместе], дали один валун[171]; в другом — у западного камня вершина оказалась стёсанною, осколки её оказались под самым камнем среди золы[172]. Всех могил я насчитал до 24; место это в общем довольно каменистое, так что при внешнем осмотре легко принять за могилу два камня, лежащие в случайной симметрии, тем более что величина каменных фигур очень разнообразная. Всего исследовано было 16 каменных фигур, наиболее хорошо сохранившихся и тщательно устроенных. Длина фигур колеблется между $2^1/_2$ и $^1/_2$ арш., ширина между 2 арш. и 6 вершками. Глубина, т. е. расстояние от линии горизонта до материка песка, — от $^1/_2$ арш. до 5 вершков. Подо мхом и верхним наносным перегноем показывались мелкие булыжники, набросанные на площади могилы, или же в случаях, если булыжников этих не было, то прямо зола, лежавшая неправильным, но плотным слоем различной толщины от 3 вершков до $^1/_4$ дюйма[173]. Под этим слоем золы сейчас же показывался грунт — жёлтый песок, иногда носивший следы обжога, слишком незначительного для влияния костра. В одном случае поверх песка были следы тонкого слоя глины, площадь могилы могла быть обмазана ею; на глине следов обжога не видно — значит, зола насыпана уже значительно остывшая. Камни, составляющие обкладку фигуры, носят местами следы обжога, но неправильного с внутренней стороны, как это бывает в очаге. Некоторые из настилочных булыжников тоже обожжены и легко раскалываются, но далеко не все — значит, среди этих камней сожжения не было, а они поставлены после огня, обожжены же могут быть случайно на соседних кострищах. Слой золы почти никогда не ограничивается площадью, обложенною камнями, а выступает далеко в стороны, обнаруживая кострища, на которых остался мелкий уголь, тогда как в каменных фигурах везде почти чистая, плотная зола. Камушки, попадающиеся на кострищах, очень пережжёны и носят следы сильного огня, равно как и материк песок. Среди угля кострищ были замечены жёлто-серые мелкие остаточки костей, по-видимому, человеческих. В самих же фигурах ни костей, ни древностей не найдено. В одной лишь могиле были замечены бесформенные кусочки сварившегося железа, при высыхании развалившиеся[174]. Во многих местах между фигур были взяты ямки, и очень часто под верхним перегноем оказывалось большее или меньшее количество золы и угля, так что как бы почти вся площадь была покрыта когда-то сожжениями[175]. Песчаный грунт, оказывавшийся непосредственно под золою, заставляет думать, что нарочно была выбрана подходящая песчаная площадка, так как подобные

песчаные плешины, чуть прикрытые тощим дёрном, встречаются и теперь. Лес мешал прорезать всё место правильными траншеями или пройти на перевал. Я хотел было исследовать золу из этих каменных фигур, но вследствие находки остатков костей на соседних кострищах можно заранее утверждать о нахождении в составе её извести и фосфорных соединений.

Таким образом, насколько можно судить по этим немногим погребениям, общая картина должна получиться такая: на песчаной площадке совершается полное сожжение, наиболее чистая зола собирается в кучку и отмечается двумя валунами на восход и закат, в другом случае[176] зола, дабы не развеивалась ветром, забрасывается ещё несколькими меньшими булыжниками. Так что собственно могилы в буквальном смысле не было. В двух погребениях среди золы заметна земля; принимая во внимание сравнительную толщину зольного слоя и медленное нарастание золы, даже после очень больших костров, можно предположить, что одна каменная фигура могла служить по нескольку раз[177].

По всей местности мне известен только один подобный могильник, хотя их могло быть и много, но сохраниться они могут лишь по лесам, так как по малой глубине погребений при распашке полей всё должно было уничтожаться; кроме того, камни могли разбираться на хозяйственные нужды, а зола, конечно, не могла обратить внимание крестьян.

Кто мог оставить такой могильник? Никакой параллели нельзя подобрать, кроме общего факта сожжения, подобного эстам, но подробности совершенно несходны. К славянам его отнести тоже никак нельзя.

Может быть, этот могильник, т. е. опять-таки если это могильник, оставлен каким-либо неизвестным нам, рано вымершим племенем, но невольно является предположение, не могут ли эти каменные фигуры быть оригинальными погребениями древних вожан, особенно же наталкивает на это некоторое сходство с погребальным обычаем соседей эстов. Немного странно отсутствие предметов и костей в самих фигурах. Но плотная, чистая зола доказывает, что сожжения производились начисто, а отсутствием предметов известны целые огромные курганные группы, это могло быть не просто случайностью, а общим обычаем[178]. Конечно, без предметов нельзя сказать что бы то ни было определённое, но во всяком случае, как кажется, настоящая находка является новинкой в археологической литературе, и при дальнейших работах в Петергофском уезде [её] надо иметь в виду, подвергая особенному осмотру леса, как единственные места, где подобные памятники могли сохраниться неразрушенными[179].

В курганных группах, относимых к XIII и XIV векам, довольно часто приходится встречать среди курганов погребения в могилах без насыпей — переход к жальнику. Настоящие жальники, где насыпи совсем не встречаются, в данной местности (Царскосельский уезд) почти не замечены, поэтому следует отметить остатки жальника близ деревни **Реполка**[180], Сосницкой волости.

Жальник весь разрушен крестьянами, воспользовавшимися массой находившегося на нём камня и песку для починки дороги. Услышав, что там в прежние годы выкапывали древности, я поехал туда и на месте жальника нашёл

огромную песочную яму шагов более сотни диаметром. По краям торчали булыжники, под ними зольная земля. Около одного края была замечена правильная кладка — оказалось, что это край разрушенной могилы. Под тройным чрезвычайно плотно выложенным булыжным сводом замечены остатки полусгоревшего дерева и зола. Глубина могилы была до $1^1/_4$ арш. Затем шёл красный песок. Сверху камней тоже была зола — может быть, новейшего происхождения. По словам крестьян, копавших на этом месте песок, все могилы или, как они их называют, *мóгилы* тщательно выложены камнем. Внешняя форма, насколько можно выяснить из расспросов, была овальная или круглая, арш. в $2^1/_2$. На глубине от 1 до 2 арш. были находимы черепа и прочие кости, довольно хорошо сохранившиеся. Другие находки, как говорят, состояли из браслетов (витых), пряжек, бляшек и картечин, т. е., вероятно, бус или бубенчиков*, — крестьяне думают, что здесь «проходила война»; самое же место называется Немецким кладбищем.

Затем позволю себе обратить внимание на следующие фантастические курганы. Один такой курган я наблюдал в 1894 году. Несколько лет назад на берегу лесной речки **Хмеленки** Царскосельского уезда крестьяне нашли сопку, вышиною около сажени, которую и решили раскопать, в надежде отыскать клад. Судя по их рассказам, внутреннее, к тому же тщательное, устройство кургана было приблизительно следующее[181]: он состоял из последовательных пластов перегноя, свода камня булыжника, песка речного [хвещу (как они называют крупный речной песок)][182]. На глубине $1^1/_2$ арш. с поверхности земли, а с вершины кургана, значит, около $4^1/_2$ арш., наткнулись на куски сгнившего дерева, по их уверениям, с какими-то заметками, там же попадались довольно крупные камни. Под остатками дерева оказался ключ, быстро заливший яму и прекративший дальнейшую работу. Побывав у этого ключа, известного теперь под именем **Серебряного**, я нашёл на месте кургана яму, глубин[ой] аршина 2, диаметром более сажени, наполовину наполненную водою. Откачав насколько можно воду, заглушая ключи, открывшиеся то там, то тут, попробовали взять ещё глубже. Вытащив со дна несколько булыжников, выкидав довольно много земли, ощупали, наконец, какое-то дерево, оказавшееся полусгнившей толстой тесиной длиной аршина $1^1/_2$. Вытаскивая доску, потревожили ключ, начавший бить с такой силой, что работу нельзя было продолжать. Я предположил, что, вероятно, курган был с трупосожжением, давшим немного золы, потому и не замеченной кладоискателями. Одно оставалось необъяснимым — это находка тесины, которую я пытался считать позднейшего происхождения, как принесённую копальщиками для укрепления сползавших глинистых берегов ямы, хотя по внешнему виду дерево должно было пролежать в воде очень немалое время. В настоя-

---

* Найденные предметы тогда же, как говорят, были переданы Л.К. Ивановскому, бывшему поблизости в деревне **Селище**; в его коллекциях эти находки, вероятно, смешались с другими, так как в дневниках упоминание о Реполке не встречается. Несколько предметов оставалось в деревне, но они затеряны ребятишками. — *Примеч. Н.К. Рериха.*

щем году крестьяне, словам которых можно дать веру, рассказывали, что лет 10 назад в 8–9 верстах от Серебряного ручья был также раскопан курган, внутреннее устройство которого тоже состояло из последовательных слоёв булыжника, выложенного сводом, песку, глины, а в конце концов находятся полусгнившие плахи, которыми, как оказывается, заглушён ключ — быстрый подъём воды прекращает работу. Какие же это такие курганы, [сооружённые, и притом с некоторою тщательностью, над ключами][183]?

Александр Андреевич Спицын хотел объяснить их, приводя в параллель многие святочтимые места, например, ямы, которым всякий прохожий считает долгом оказать внимание — бросить в них что-либо — камень, ветку, палку; некоторые ямы, между прочим, слывут бездонными, так как бросаемые предметы оседают, сгнивают и яма всё не заполняется. Может быть, такого же происхождения была яма, верстах в 15 от рассматриваемых курганов, про которую писал в "Известиях" за 1880 год Ивановский[184], что «тут же (т. е. в **Калитине**. — *Н. Р.*) показывают глубокую яму, на дне которой, говорят, есть сруб из чрезмерно толстого леса, внутри которого находили копья, топоры, мечи и др. Теперь там яма, вследствие различных суеверий завалена множеством валунов»[185].

Ввиду правильного устройства курганов и значительной высоты до 1 саж., вряд ли можно представить, чтобы они образовались через случайное набрасывание различных предметов, но что эти ключи были местом священным, почитаемым, это весьма вероятно; при набеге соседей или вследствие какого-либо обычая могла явиться необходимость скрыть их. В народе же существует рассказ, что в ключи опущен клад и над ним сооружён курган[186].

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 8, 17, 16, 17 об., 18, 7 об., 19, 14, 9, 14 об., 10, 11, 12 об., 11 об., 13 (л. перепутаны при подшивании в д.).

X
Раскопка 1898 года при деревне Глумицы Царскосельского уезда и при имении Торосово Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии[187]
1898

Небольшие раскопки, произведённые мною настоящим летом, носили поверочный характер, сосредоточиваясь у центра прежних работ Л. Ивановского. Чем больше приходится знакомиться с местностью, тем бóльшую неточность дневников прежних работ, к сожалению, приходится отмечать, и неточность в большинстве случаев уже невосполнимую[188]. Для примера укажу несходство данных дневников Л. Ивановского с натурою хотя бы на небольшом районе центра его изысканий, верст 30 диаметром. (Иду от центра).

Деревня Озертицы[189]**.** Показаны 2 группы, тогда как на самом деле их там 4, на значительном расстоянии, с насыпями разного типа. Погребение, относимое к X веку, легко могло находиться в отдельно стоящем на поле кургане,

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Брод на дороге в Селище»
1895. Частное собрание, США

особо больших размеров, плотно сложенного, по-видимому, былой конической формы. Озертицкие группы раскопаны Л. Ивановским дочиста[190], так что поверка невозможна.

Деревня Заполье[191]**.** Полевая группа (11 курганов) обычного типа с валунным кольцом основания вовсе не показана. Она раскопана вся Л. Ивановским.

Деревня Захонье[192]**.** Не показан отдельно стоящий на поле курган, раскопанный Л. Ивановским.

Деревня Рабитицы[193]**.** Вместо двух раскопанных групп показана и описана одна, большая; между тем как меньшая (до 20 курганов) по внешнему виду должна была быть характерна.

Деревня Волосово[194]**.** Показаны две группы; одна, состоящая из 300 насыпей, между тем в натуре существует лишь одна меньшая.

Имение Торосово[195]**.** Показана одна лесная группа, а раскопаны две, разного типа.

Имение Калитино[196]**.** Раскопаны две группы, тогда как показана лишь одна.

Имение Ославье[197]**.** Не отмечен раскопанный отдельно стоящий курган.

Деревня Реполка[198]**.** Крестьянами Л. Ивановскому были доставлены предметы древности, найденные ими случайно при добывании песка из древнего могильника. (Быть может, эти предметы находятся в числе находок из **Селища**[199], где в то время Л.К. Ивановский находился).

Имение Тарасино[200]**.** Не показана раскопанная Л.К. Ивановским группа.

Деревня Лисино[201]**.** Вместо трёх раскопанных групп показана лишь одна.

Подобные недомолвки и перестановки, не меняя сущности дела, всё же чрезвычайно мешают всяким обобщениям и заключениям, например, хотя бы о смешанном составе групп.

При **деревне Глумицы**[202] раскопаны мною два кургана, в огородах деревни, вершины насыпей были срезаны для устройства рассадника.

Высота кургана[203]	2
Диаметр кургана	9

Курган № 1. Обычное каменное кольцо основания заменено двумя валунами на Восток и Запад — в головах и ногах. Сложен курган из плотного суглинка. На обычном зольном слое всего основания, в центре, помещался мужской костяк, в сидячем положении, лицом на Восток. На среднем

Н.К. Рерих. Перстень № 1

Тип XIII, 21 (по *Спицыну А.А.*, 1896)

пальце левой руки — перстень № 1[204] [**тип XIII, 21**, но иного рисунка][205], в правой руке монета № 2[206]. Руки сложены у лонного соединения. Кость сохранилась хорошо. У левого колена колечко № 3. Около груди бусы (?) № 10.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	6

Курган № 2. (На Север от предыдущего). Почти вся масса земли кургана содержит вкраплины угля. На зольном толстом слое основания женский костяк, сидя. В левой руке сломанный серп. В основании каменного кольца нет. [Буса синяя № 4, **тип XIII, 12**][207].

Н.К. Рерих. Буса № 4

Тип XIII, 12 (по *Спицыну А.А.*, 1896)

При **деревне Роговицы**[208] раскопано 4 кургана, из них три расположен[ы] рядом с Севера на Юг. Самый большой в северной стороне. За исключением северного, все сильно распаханы. Грунт суглинок. Насыпи полушаровидные.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	5

Курган № 3. Каменное кольцо основания отсутствует. На глубине $^1/_2$ арш. с поверхности небольшой слой золы. На поверхности материка слой золы и угля до 1 вершка толщиной. Ничего не найдено.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	4

Курган № 4. Совершенно аналогичный предыдущему. Около центра в восточной стороне насыпи большой плоский булыжник, сильно обожжённый. Около него слабый признак обожжённой кости.

Высота кургана	$2^1/_2$
Диаметр кургана	9

Курган № 5. По всей поверхности много плиты и булыжника (как бы свод). Сложен плотно. На $^1/_2$ арш. с поверхности небольшой слой золы. На глубине 1 арш. в сидячем положении женский костяк, направленный с Северо-Запада [на] Юго-Восток. (Нельзя ли отклонения от обычного северо-восточного направления объяснить временем года, где солнце заходит?). Под костяком естественный обрезанный пригорок. Это пока единственный случай, где бы для погребения выше уровня было утилизировано естественное возвышение. Под костяком слой золы. Таким образом, картина получается следующая. [...][209] Форма кургана коническая.

Высота кургана	1
Диаметр кургана	?

Курган № 6. Сильно распахан. На поверхности материка слой золы до 1 вершка толщиной. Камня нет.

Имение Торосово. Лесная группа[210] почти вся раскопанная Ивановским. В основании каменное кольцо, иной раз весьма редкое. Земля глинистая. Насыпи расплылись. Кость сохранилась очень плохо.

Высота кургана	$^3/_4$
Диаметр кургана	7

Курган № 7. [...][211] На поверхности материка костяк, плохо сохранившийся, по-видимому, сидя. Под ним небольшой слой золы. С левого бока кусок серпа № 7. Направлен с Северо-Запада на Юго-Восток.

Высота кургана	$^1/_2$
Диаметр кургана	7

Курган № 8. На глубине $^1/_4$ арш. с поверхности кургана череп, плохо сохранившийся. На материке признаки трубчатой кости и тонкий небольшой слой золы. Каменное кольцо основания неровно и прерывается.

Высота кургана	$1^1/_2$
Диаметр кургана	8

Курган № 9. Совершенно аналогичный № 7. Кость плохо сохранилась. По левую сторону костяка остаток ножа № 8. Направление костяка с Запада на Восток.

Полевая Торосовская группа[212], состоящая из 15 курганов, представляющих 2 концентрированных круга. (В 180–200 шагах от предыдущей). Грунт — песок и мелкий плитняк. В основании обычное каменное кольцо, на Востоке и Западе два валуна особой величины. Один курган оказался не раскопан.

Высота кургана	2
Диаметр кургана	6

Курган № 10. На глубине 1 арш. костяк в сидячем положении, лицом на Восток, под ним небольшой слой золы и угля. Под золой песчаное возвышение. [...][213]

Около **деревни Дамище**[214] (Царскосельского уезда) находится большая неисследованная курганная группа (но дорога очень плоха).

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 117/1898, л. 6–9.

XI
Отчёт по раскопке, произведённой 16 мая 1899 года членами и слушателями Археологического института[215], под руководством профессора Н.И. Веселовского[216] и художника Н.К. Рериха, в пределах Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии близ деревни Пежовицы[217]

1899

I

При **деревне Пежовицы**[218] находятся 4 курганные группы, отчасти уже исследованные Л.К. Ивановским. Настоящая раскопка была произведена в 3 группах, давших погребения различных, типичных для Санкт-Петербургской губернии типов. Во всех группах насыпи были ограничены более или менее многочисленным (от 6 до 18) кольцом валунов и были насыпаны из суглинка. 2 группы были полевые и 1 лесная. Устройство курганов и находки были вполне аналогичны описанию из дневников Л.К. Ивановского. **В I полевой**

группе[219] было вскрыто до 14 насыпей[220], давших или полное трупосожжение на материке, или лежачее погребение тоже на материке на обширной зольной подстилке. Предметы не представляли новизны (бусы, браслеты, ножи, кольца, топор, дротик)[221], вполне соответствовали типам в атласе при издании работ Ивановского и относились большинство к XII веку и малые исключения к переходному времени века XIII. **Во II полевой группе**[222] было вскрыто 3 погребения, в них костяк помещался в лежачем положении головою на Запад в неглубокой мошне (глубиной $^3/_4$ арш.) при малочисленном каменном кольце основания. Находки (витой и пластинчатый браслеты) характерны для XIII века. Высота курганов от $^3/_4$ арш. до 2 арш. **В III лесной группе**[223] находок не было сделано; костяки, помещённые лёжа на уровне материка головою на Запад, плохо сохранились. Каменное кольцо основания малочисленно и небрежно, на Востоке и Западе валуны особо большой величины. Высота насыпей от $^1/_2$ арш. до 2 арш. Представляет интерес погребение овальной формы при невысокой насыпи с 6 камнями по овалу. Костяк помещён лёжа, со скрещёнными на груди руками (плохо сохранившийся) в неглубокой четырёхугольной продолговатой могиле глубиною $1^1/_4$ арш. Высота насыпи 6 вершков[224]. Находок не оказалось. Это погребение, помещённое среди более высоких насыпей, интересно как переходное от курганов к погребениям жальничным.

II

I курганная группа. Числом до 40, высотою насыпи до $2^3/_4$ арш.; в основании обложены кольцом валунов, без особо больших на Восток и Запад. Погребения [с] трупосожжением или с помещением несожжённого костяка на зольной подстилке.

Высота кургана	$1^3/_4$
Диаметр кургана	8

Курган № 1. Вокруг каменное кольцо. На материке по всей площади кургана слой золы и угля до $1^1/_4$ вершка толщиною. Предметов не найдено.

Высота кургана	2
Диаметр кургана	9

Курган № 2. Вокруг каменное кольцо. Погребение на возвышении, но очень низком — до $^1/_4$ арш. Костяк на зольной подстилке (плохой сохранности) — головою на Запад. Около висков — височные кольца (одно сломано). На шее нитка бус стеклянных, сердоликовых и мозаичных, две позолоченные бусы. На правой руке кольцо и браслет.

Высота кургана	1 арш. 9 в.
Диаметр кургана	9

Курган № 3. Обложен кольцом валунов. На материке слой золы и угля (до $^3/_4$ вершка), распространяющийся на всю площадь могилы.

Высота кургана	2
Диаметр кургана	7

Курган № 4. Кольцо валунов в основании. Костяк (совершенно истлевший) на материке на зольной подстилке головою на Восток. На правой руке кольцо и браслет. У левого бедра сварившийся ножик.

Высота кургана	1 1/2
Диаметр кургана	7

Курган № 5. Кольцо валунов в основании. Кость истлела. Зольная подстилка (см. чертёж) [...][225]. Находка — пряжка.

II курганная группа. Полевая, содержит до 30 насыпей, большею частью уже исследованных Ивановским. Форма насыпей коническая.

Высота кургана	1/2
Диаметр кургана	5
Глубина могилы	1
Длина могилы	3

Курган № 1. Курган почти по всей поверхности выложен булыжником. Золы не найдено. Костяк помещается в овальной могиле, головою на Запад. Женское погребение (сохранились волосы). Находки: височное кольцо, на шее пряжка, около головы колечко. На правой руке (руки скрещены на груди) браслет.

Высота кургана	3/4
Диаметр кургана	6 1/2
Глубина могилы	1 1/2
Длина могилы	3

Курган № 2. В основании кольцо валунов. Могила овальная. На дне могилы следы золы. Костяк, плохо сохранившийся, помещён головою [на] Северо-Запад. Руки у лонного соединения. На правой руке браслет. Около таза — пряжка. [...][226]

Высота кургана	1 1/4
Диаметр кургана	5
Глубина могилы	1 1/2
Длина могилы	2 3/4

Курган № 3. В основании малочисленное и небрежное кольцо валунов. Золы не видно. Могила овальная. Кость плохой сохранности. Находок не оказалось.

III лесная курганная группа. Числом до 25 (частью уже ранее исследованная). Основания насыпей обложены валунами, на Восток и Запад особо большие. Вследствие сырого грунта насыпи плохо сохранились.

Высота кургана	1/2
Диаметр кургана	3

Курган № 1. На материке на зольной подстилке костяк, головою на Юго-Восток лёжа. Предметов не найдено.

Высота кургана	2
Диаметр кургана	6

Курган № 2. На основании кольцо валунов, на Восток валун очень большой. На глубине 1 арш. в центре насыпи большой камень без следов обжога. На материке на слое золы (зола по всей площади насыпи) костяк головою на Восток, лёжа, со скрещёнными на груди руками. Находок не оказалось.

Высота кургана	1 1/3
Диаметр кургана	5 1/2

Курган № 3. За исключением большого валуна в центре насыпи (отсутствующего) вполне сходен с предыдущим.

Высота кургана	1/2
Диаметр кургана	4

Курган № 4. Оказался повреждённым ранее.

Курган № 5. Продолговатой (с Востока на Запад) формы. На Восток большой валун. Погребение на материке в слое золы. Кость почти

не сохранилась. Находок не оказалось. (Переходное погребение от курганов к жальникам). [...][227].

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 109/1899, л. 10–14.

XII

Отчёт по командировке комиссией для исследования древностей при деревне Дубня Порховского уезда Псковской губернии[228]

4 ноября 1899

Поездка моя в **деревню Дубня**, Порховского уезда, Псковской губернии, вызванная отношением Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, вследствие донесения начальника X участка строящейся ветки от станции Дно (Бологое — Псков) о находке пещер и черепов при разработке балластного карьера[229], выяснила нижеследующее.

Выехав из Санкт-Петербурга (3 Августа) через Псков и Порхов на станцию Дно, я, на земских лошадях, проехал до разрабатываемого карьера, находящегося от станции Дно на расстоянии 15 вёрст. Ещё на станции инженер предупредил меня, что, в сущности, пещер никаких не найдено, а за таковую был принят промежуток, образовавшийся в могиле при истлении трупа, так как карьер разрабатывается на месте бывшего кладбища.

Место карьера представляло обширный песчаный холм, проданный на вывоз крестьянами Правлению железной дороги. Ко времени моего приезда уже около $^3/_4$ холма было выкопано. На пространстве всего холма оказалось старообрядческое кладбище (в деревне Дубня и посейчас много староверов), по словам ямщика, служившее местом погребений ещё в очень недавнее время. Могилы не носили признаков внешнего устройства, не видно ни камней, ни крестов, и расположены в беспорядке.

Погребения имеют направление с Запада на Восток, лицом на Восток. Руки скрещены на груди. Хорошо сохранились остатки гробовищ.

Кости жёлтого цвета, очень хорошей сохранности, в настоящее время собраны в большом количестве в одну общую яму.

Намёк на пещеры, кроме оседания земли, дали ещё старые лисьи норы, прорытые в песчаном грунте холма. Находок, кроме костей и гробовищ, при раскопке никаких не сделано[230].

Таким образом, выяснилось, что кладбище при деревне Дубня археологического интереса представлять не может, вследствие своего позднего происхождения, что и имею честь сообщить Комиссии в дополнение к ведомости издержек, представленной уже ранее[231].

Художник Н. Рерих.

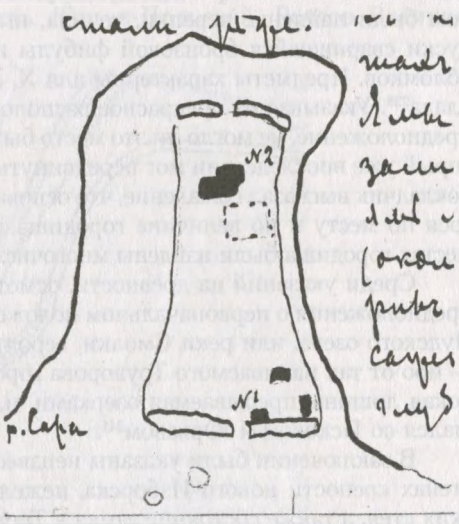
Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 159/1899, л. 14, 14 об.

XIII
Раскопка в Городце на Саре близ Ростова[232]

4 марта 1904

Исполняя поручение Русского Отделения Императорского Археологического Общества[233], летом 1903 года я имел возможность осмотреть городища Добросельское близ Владимира на Клязьме и Городец на Саре близ Ростова. На первом городище раскопка не могла быть произведена, ибо вся площадь городища, до возвышенностей вала, была под овсом. В Городце можно было произвести небольшие раскопки. Состояние этого городища весьма печально; уже много лет оно доставляет материалы для шоссе и железной дороги, поэтому вся площадь его совершенно испорчена разновременными выемками, иногда многоаршинной глубины, даже ниже культурного слоя. Таким образом, не может быть и речи об измерении глубины этого слоя или о правильном его чередовании. Крестьяне и солдаты, здесь работающие, заявляли, что прежде было находимо много предметов (из которых ничего у них не сохранилось). Теперь находки стали реже. В наиболее сохранившихся местах были сделаны 4 ямы.

Ямы около главного вала оказались без находок; лишь в яме № 1 был найден нож № 1[234] (около основания вала). Расширив ямы размерами до 3–4 саженей диаметром и до $2^1/_2$ арш. глубиной, попробовали перенести работы к местности так называемого монастыря, где правильным отвалом на глубину до 2 арш. прошли значительное место (около 8–9 сажен в общей сложности). На глубине $^1/_2$ — 1 арш. было найдено до 30 костяков, лежавших очень близко один от другого, преимущественно лицом на Восток. Руки или сложены на груди, или вытянуты вдоль тела. Кость очень хорошей сохранности. Такие костяки, по словам копальщиков, были находимы почти по всей площади городища. Здесь же удалось напасть на кусок старого культурного слоя[235], причём на протяжении около 3 сажен в чёрном слое перегара, золы и угля были найдены в беспорядке следующие при сём прилагаемые вещи: точила, гребень, ножи, куски слившейся бронзы и железа, скобы, черепки и кости. Слой лежал на глубине $1^1/_2$ арш., но его настоящая глубина неизвестна, ибо, как сказано,



Н.К. Рерих. План из рукописи "Раскопка в Городце на Саре близ Ростова" 4 марта 1904. РА ИИМК

поверхность городища разорена совершенно. Раскопки прекратились вместе с окончанием слоя, разрушенного глубокими ямами для добычи камней. Производство раскопок усложняется тем более, что на поверхности много камня, сложенного для потребностей дорог. При работах для железной дороги, к сожалению, из археологов [никто] не присутствовал.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 86/1903, л. 12, 13. Опубликовано в сокращении: *Спицын А.А.*, 1905а; *Дубов И.В.*, 1989. С. 207 (рис.), 240 (текст).

Приложение I
Н.К. Рерих. Проект записи в протокол собрания
[1903–1904]

Художник Н.К. Рерих сообщил собранию о своей поездке по средней России с художественно-археологической целью летом 1903 года. Согласно поручению Русского Отделения Археологического Общества Н.К. Рерих осмотрел Добросельское городище около города Владимира и произвёл раскопки на Городце на Саре (Сарское городище) близ города Ростова. Последнее городище, уже отчасти исследованное графом Уваровым[236] и господином Титовым[237], в настоящее время оказалось в самом бедственном положении, почти всё разрушенное на нужды железной дороги и шоссе. Тем не менее после нескольких попыток удалось найти часть древнего культурного слоя (перегной, зола и угли), в котором были найдены: черепки, точила, иглы, костяной гребень, ножи, пряжка, куски сварившейся бронзовой фибулы и несколько неизвестного назначения обломков. Предметы характерны для X, XI веков, вроде находок Гнёздовского клада[238]. Указывая на прекрасное расположение городища, докладчик указал на предположение, не могло ли это место быть первым местом старого Ростова, который уже впоследствии мог передвинуться на берег озера Неро. В заключении докладчик высказал сожаление, что основательное исследование этого выдающегося по месту и по величине городища теперь уже невыполнимо[239]. В других местах городища были найдены многочисленные костяки позднейшего времени.

Среди указаний на древности, осмотренные во время поездки, интересны предположения о первоначальном положении города Изборска[240] или на берегу Чудского озера, или реки Смолки, вероятно, весьма полноводной в древности, — ибо от так называемого Труворова городища до Чудского озера имеется широкая лощина, прерываемая озерками, и, таким образом, Изборск легко сообщался со Псковом и Юрьевом[241].

В заключении были указаны неизвестного назначения приспособления на стенах крепости нового Изборска, нежелательные приёмы охранения смоленских стен, а также состояние замка в Троках и желательность сохранения готического фасада в городе Ковно[242].

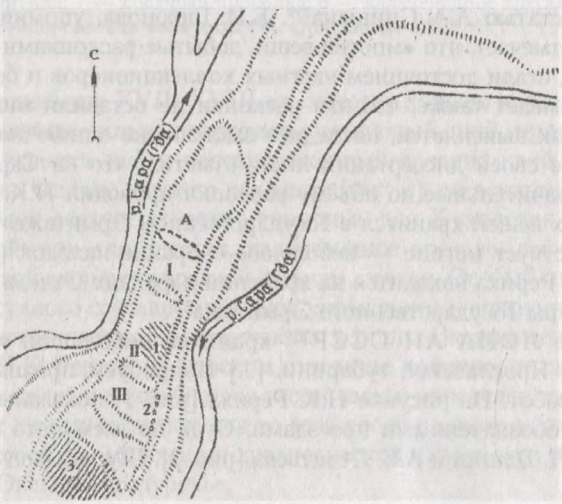
Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 22, л. 9, 9 об.

Приложение II
И.В. Дубов
Н.К. Рерих и его археологические изыскания в Ярославской губернии
1988

Когда говорят об известном русском художнике Николае Константиновиче Рерихе как археологе, то прежде всего вспоминают его широко известные раскопки в Петербургской губернии. Исследователь истории русской археологии А.А. Формозов отмечает, что «раскопки не были случайным увлечением молодого живописца. Рерих мечтал отыскать изначальную красоту — истоки искусства»[243]. К своим археологическим занятиям он относился «не только как учёный, но и как художник, поэт»[244].

В нём счастливо сочетались профессионализм и поэтизированное восприятие давно ушедшего и во многом забытого мира Древней Руси. [...]

О своих занятиях археологией художник писал: «Щемяще приятное чувство первому вынуть из земли какую-нибудь древность, непосредственно сообщаться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед нами заманчивое тридесятое царство». В 1903 г. Н.К. Рерих проводит раскопки в Ярославской губернии на Сарском городище. Его биографы сообщают, что «в 1903 и 1904 годах Николай Константинович и Елена Ивановна посетили более сорока русских городов»[245]. Среди них названы и города Северо-Восточной Руси — Ярославль, Кострома, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польской, Ростов Великий,



План Сарского городища по Д.Н. Эдингу и А.Е. Леонтьеву
(по *Леонтьеву А.Е.*, 1975)

Углич. Девяносто полотен, изображающих древнерусские архитектурные шедевры, стали итогом этого путешествия, имевшего коренное значение для всей жизни и творчества Н.К. Рериха[246]. Серию этих работ назвали "Пантеоном нашей былой славы", в их числе картины *"Ростов Великий"*, *"Воскресенский монастырь в Угличе"* и многие другие. Этими архитектурными этюдами была украшена в 1904 г. выставка "Памятники художественной старины". Тогда же — в 1903 г. — Н.К. Рерих посетил имение М.К. Тенишевой близ Смоленска, где был создан подлинный центр изучения, сохранения и возрождения древнерусской культуры, включавший и музей и художественные мастерские. Всё увиденное привело Рериха в настоящий восторг.

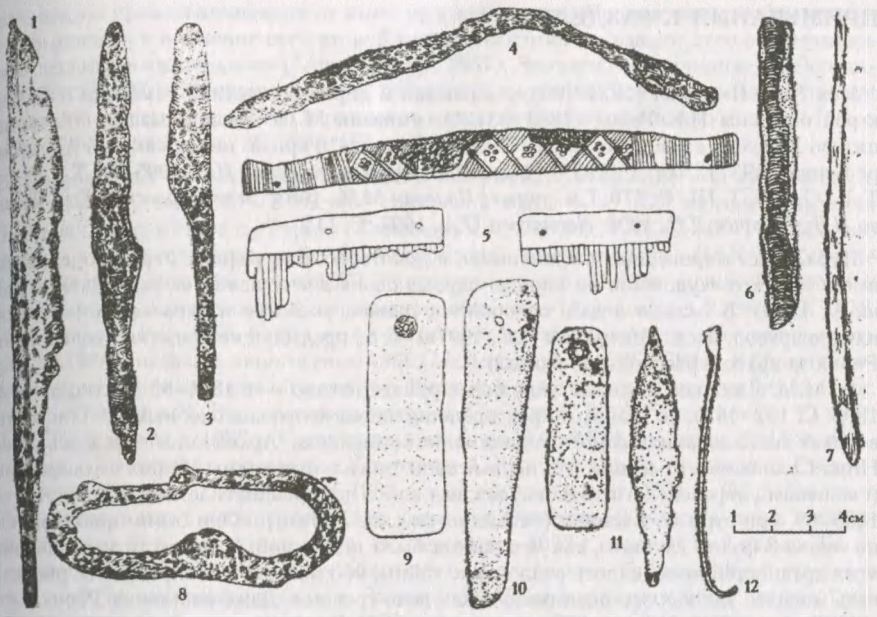
В связи с занятиями археологией художник писал, как «хочется заглянуть вглубь туда, где сумрак прошлого озаряется сверканием истинных украшений»[247].

Одной из таких попыток и были раскопки Н.К. Рериха на Сарском городище близ Ростова Великого (Ярославского). В публикациях информация об этих работах появилась в исследовании А.А. Спицына. «Раскоп Н.К. Рериха 1903 г. на известном Сарском городце, стоящем под долиною Ростовского озера, показал, что он, без всякого сомнения, относится к X в. Полагаем, что это первоначальное место г. Ростова или же отдельное русское укрепление этого времени. При раскопке найдены вещи ростовских курганов X в.: обломки фибулы, железная желобчатая обоймица... костяной гребень... точилка, огниво, черепки с волнистым орнаментом»[248].

В дальнейшем эти скупые сведения стали кочевать из работы в работу. Д.Н. Эдинг лишь добавил, что вещи из раскопок Н.К. Рериха хранятся в Музее Русского археологического общества в Ленинграде[249]. П.Н. Третьяков только ссылается на статью А.А. Спицына[250]. Е.И. Горюнова, упоминая о раскопках Н.К. Рериха, отмечает, что «многие вещи, добытые раскопками П.С. Савельева и Н.К. Рериха, стали достоянием частных коллекционеров и бесследно пропали». Она указывает также, что эти раскопки не оставили никакой документации[251]. Но как выясняется, последнее заключение ошибочно. А.Е. Леонтьев в автореферате своей диссертации лишь отметил, что на Сарском городище «в 1903 г. незначительные по объёму раскопки проводил Н.К. Рерих. Коллекция найденных вещей хранится в Государственном Эрмитаже»[252]. Это утверждение соответствует истине — небольшое собрание находок (25 номеров) из раскопок Н.К. Рериха находится на хранении в фондах Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа[253].

В архиве ЛОИА АН СССР[254] хранится небольшой отчёт о работах Н.К. Рериха в Ярославской губернии. [...] Попробуем проанализировать результаты его работ. На рисунке Н.К. Рериха [рис. 1] показаны два вала городища и оба с обозначенными проездами. Судя по всему, это валы III и I, по нумерации Д.Н. Эдинга и А.Е. Леонтьева [рис. 2]. Шурфы под № 1 были заложены у вала I.

Общее описание состояния городища Н.К. Рерихом полностью соответствует действительности. Тридцать костяков, обнаруженных им, — это остатки



Находки из раскопок Н.К. Рериха на Сарском городище в 1903. 1–2 — железные ножи; 3 — фрагмент пружинных ножниц; 4 — железная дужка; 5 — фрагменты гребня; 6 — футляр для фитиля; 7 — костяная проколка; 8 — калачевидное кресало; 9–11 — оселки; 12 — бронзовая копоушка (?). Оригиналы в ГЭ

христианского кладбища XVII–XVIII вв., которое хорошо известно исследователям и, к сожалению, сильно попортило культурный слой городища. В общем Н.К. Рериху не удалось найти непотревоженный древний слой или какие-нибудь сооружения. Однако, судя по находкам [рис. 3], он вскрывал участок X в. Так, среди находок следует отметить типичные для X столетия формы железных ножей, обоймицу для фитиля, калачевидное кресало, деформированный обломок бронзовой скорлупообразной фибулы, оселки. Особый интерес вызывает фрагмент костяного составного гребня, украшенного орнаментом. Такие гребни были предметом импорта и встречаются в Волго-Окском междуречье в X в.

Раскопки Н.К. Рериха на Сарском городище, конечно, не сыграли решающей роли в его исследовании. Однако и они имели определённое значение для того, чтобы этот памятник раскрылся во всей своей полноте и стал ключевым в изучении процессов формирования древнерусской народности и государственности в Волго-Окском междуречье.

Приводится в сокращении по *Д.Н. Эдингу*. 1928.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ I

[1] *Май Карл Иванович* (1824—95) — владелец и директор частной гимназии в СПб., в к-рой обучался Н.К. Рерих (1883–93). О гимназии М., в к-рой в разные гг. учились пятеро Рерихов, см. в целом ряде "Листов дневника" Рериха: таких, как "Об Александре Бенуа" (1937), "Театр" (1937), "Украйна" (1947) и др.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 148. Т. II. С. 128. Т. III. С. 570. См. также: *Полевая М.И.*, 1983; *Белодубровский Е.Б., Благово Н.В., Лихачев Д.С.*, 1990; *Черкасова О.А.*, 1997. С. 115.

[2] Публ. текст опровергает сложившееся в некоторых биографиях Рериха представление о том, что «художник не записал первых своих впечатлений на раскопках» (*Гидони А.*, 1915). В назв. и в дате содержится ценное указание на «раскопку I», т. е. на начало археол. иссл. (*Мельников В.Л.*, 1997в). Т. о., предыдущие попытки исследований Рерих за археол. раскопки не считал.

М.М. Лихтман указывает ещё более раннее начало — в **1884–85** (*Лихтман М.М.*, 1998. С. 182–183), но нам этот срок представляется неправдоподобным, ибо он противоречит высказываниям самого Рериха в листке дневника "Археология" (см. здесь ниже). Нина Селиванова отметила, что первые свои "могильные холмы" Рерих с товарищами (сыновьями деревенского дьякона) вскрыл ещё в четырнадцатилетнем возрасте, т. е. в **1888–89**, при этом сообщается (очевидно, со слов Рериха): «Они были приблизительно около 3 футов глубины, так что работа была нетрудной. К прелести исследования этих древностей прибавилось очарование тайны, ибо мальчикам запрещалось раскапывать могилы, так как это оценивалось как дело грешное. Даже наставник Рёриха, студент Технологического института, смотрел довольно подозрительно на «отсутствие набожности при осквернении могил» [«impiety of the profanation of tombs»]. Мальчики нашли серебряные и золотые монеты, принадлежавшие к X и XI векам» (*Selivanova N.*, 1922. P. 15). В тех же словах пишет о первых (как видим, небезуспешных) самостоятельных попытках Барнет Конлан: «Когда ему было 14 лет, он, привлечённый зовами Прошлого, начал раскопки курганов в имении своего отца около Петербурга. Находки золотых и серебряных монет X в. ободрили его к дальнейшим изысканиям и неизбежно натолкнули на знакомство со знаменитым археологом А.А. Спицыным...» (*Conlan B.D.*, 1938. P. 3). Но ещё ранее, девятилетним мальчиком (т. е. в **1883**), Рерих присутствовал при раскопках Л.К. Ивановского в окрестностях Извары (*Беликов П.Ф.*, 1960-е. С. 38). Отметим, что в 1883 Ивановский вскрыл 592 насыпи в дер. Волосово, Волковицы, Выползово, Глядино, Малая Горка, Городня, Дятлицы, Лопец, Недолбицы, Соловьёва Гора и Юркино (*Спицын А.А.*, 1896. С. 2). Трудно сказать, в каком из этих пунктов мог тогда побывать Николай Рерих.

Итак, между первым присутствием при раскопках Ивановского и первой собственной «раскопкой I» 9 лет учёбы и подготовки. Подробно об Ивановском см. ниже примеч. 29.

Вот что пишет о «вещах в гимназии Мая» Н.В. Благово: «Николай Константинович, будучи одним из первых археологов в районе Извары, всё, что добывал в летних походах по древней Новгородской земле, приносил в школу, именно его "изварская" коллекция была основой школьного этнографического музея» (*Белодубровский Е.Б., Благово Н.В., Лихачёв Д.С.*, 1990. С. 94). Годы спустя Николай Константинович запишет о школьных раскопках в "Листах дневника" следующее: «От школьных лет в гимназии Мая осталось несколько памяток. Были предметы из первых курганных раскопок вблизи нашего поместья Извара» ("Полвека", 1937); «К раскопкам домашние относились уко-

ризненно, но привлекательность от этого не уменьшалась. Первые находки были отданы в гимназию, и в течение всей второй половины гимназии каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное» ("Археология", 1937). Значительное влияние на Рериха-гимназиста в 1891–93 оказал учитель истории и географии Александр Лаврентьевич Липовский, поддержавший его стремление к практическому изучению истории (см. о нём во II разд. наст. изд., № 156 и 157, с примеч.).

[3] **С. Грызово**, так же как и **дер. Заполье** и **Озертицы**, ближайшие к нему, начиная с 40-х гг. XVIII в. числились в составе Изварской мызы — с 1872 частного владения М.В. Рерих, матери Николая Рериха (*Корнилова А.В., Экк А.Э.*, 1978. С. 118–119). Именно поэтому он мог исследовать кург. на её территории без разрешения ИАК. Сообщение некоторых авторов о том, что в 1892 Рерих производил раскопки между Грызовом и Озертицами «по поручению Археологического общества» (*Корнилова А.В., Экк А.Э.*, 1978. С. 121; *Князева В.П.*, 1994. С. 37), не соответствует действительности, ибо деятельность Рериха в ИРАО началась лишь осенью 1896 (*Мельников В.Л.*, 1996, 1997а). В "Археологической карте Ленинградской области" к с. Грызово и д. Озертицы отнесены четыре кург. группы: «**Озертицы-1**. Кург. группа в центре д. Озертицы. В 1877 г. раскопано 17 кург. XII в. Обследована в 1985 г. Состоит из 4 насыпей выс. 0,5–1,2 м, диам. 5–11 м, с каменными обкладками в основании. **Озертицы-2**. Кург. группа на огородах д. Озертицы, южнее дороги в д. Заполье. В 1881 г. раскопано 30 кург. XIII в. Обследована в 1972 г., сохранилась 1 насыпь выс. 1,1 м, диам. 7 м. **Озертицы-3**. Кург. группа в д. Озертицы, в роще к югу от скотного двора. Обследована в 1972 г., состоит из 2 насыпей выс. 0,7 м, диам. 7 и 8 м, с каменными обкладками в основании. **Грызово**. Кург. группа в 0,7 км к югу от западной околицы д. Заполье, в 0,15 км к западу от церк. погоста Грызово, на северном берегу оврага. В 1877 г. раскопано 70 кург. XII–XIII вв. В 1927 г. отмечено 49 насыпей. К 1985 г. сохранились 11 кург. выс. 0,2–1 м, диам. 5–11 м» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 96, 97). Предшественником Рериха в Грызове и Озертицах был в 1877 и 1881 Л.К. Ивановский (*Спицын А.А.*, 1896. С. 72–74). В материалах Рериха есть и другие указания на древности около Грызова и Озертиц: описание креста, заложенного в основание грызовской церк. апостолов Петра и Павла; их рисунки, а также портреты грызовского священника; описание места недалеко от озера, где стоял святопочитаемый дуб; упоминание о кург. поле при Озертицах; описание отдельно стоящего кург. у Озертиц, предположительно X в. (последний памятник в "Археологической карте Ленинградской области" не зафиксирован) и др. Об этом см. ниже в наст. разд., № VI–VIII, X. В итоговой статье 1900 Рерих писал: «При дер. Озертицы 3 группы курганов, а помечено только две. Кроме того, в Озертицких курганах оказалось одно погребение с очень ранними для этого края предметами, относимыми к X веку. Способ погребения и внешность кургана не отмечены. Рассматривая курганы Озертиц, думается, не могло ли это интересное погребение относиться к высокому кургану, стоящему среди поля совершенно в стороне от всех остальных. Внешность этой насыпи отличается тем, что в основании нет обычного каменного кольца валунов» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105). См. также в статье А. Семёнова, помещённой в приложениях.

[4] *Аршин* (тюрк.) — мера длины в ряде стран, в России с XVI века; равна 16 в. (0,7112 м).

[5] Соответствует номерам в описи находок, к-рая не сохранилась.

[6] Последнее предложение — более поздняя приписка. В 1894 Рериху был впервые выдан открытый лист ИАК (№ 594 от 25 мая). Он давал право на раскопки в пределах Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества Царскосельского у. СПб. губ. Подписал лист председатель ИАК граф А.А. Бобринской. См. также в наст. разд., № II.

[7] В литературе появлялось сообщение об этом заявлении: *Полякова Е.П.*, 1973. С. 18.

[8] Датируется по черновику: ОР ГТГ, ф. 44, № 44, л. 23.

[9] *Сажень* — русская мера длины. 1 саж. = 3 арш. = 7 футам = 2,1336 м. Известны маховая саж. (1,76 м), косая саж. (2,48 м).

[10] Как сообщал Николай Константинович три года спустя, в Царскосельском у. ему были известны три "молитвенные горки" (все в Сосницкой волости): **"Плитная горка" у д. Сосново, Куделова или Куделева гора** (она же "Куделово урочище" и "Кудельская горка") у **д. Сосницы** и холм **в имении Калитино**, наибольший по размерам. (Рерих обнаружил такие объекты и в др. у.). Об исследовании "Плитной горки" в 1895 см. ниже в наст. разд., № IV. В "Археологической карте Ленинградской области" ни одна из выявленных Рерихом "молитвенных горок" не зафиксирована. Первое опубликованное известие об исследованиях Рерихом этих объектов: *Спицын А.А.*, 1899. С. 329–330. В 1898 в статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" Рерих писал: «...Видел ворон и другое!.. Пировал он также остатками богатой яствы, что бывала на лесных холмах, далеко от жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богам. Уже и кресты были на шеях, а всё посещались давние излюбленные места». К этому фрагменту Рерих сделал примечание: «По всей окрестности известны многие лесные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнем; на глубине $^1/_4$ арш. — $^1/_2$ арш. находятся обильный уголь и зола. Предметов на подобных холмах не найдено. Про них в народе ходит смутное предание, что "тут что-то было", "собирались молиться"» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 20). В черновиках Рериха имеется ещё одна запись об этих возвышенностях: «Существование их по всей местности, красивое их положение обыкновенно вблизи воды и отсутствие вблизи каких-либо курганов наводят на мысль, что эти холмы места мольбищ, куда могли сходиться окрестные жители для совершения общих обрядов» (в автографе перечёркнуто; ОР ГТГ, ф. 44, № 12, л. 32). Г.С. Лебедев, применительно к этим холмам, развивал мысль о «сакральных объектах Древней Руси, до сих пор в должной мере не изученных и лишь в последние годы осваиваемых археологами» (*Лебедев Г.С.*, 1995. С. 62). Он же привёл источники по теме.

[11] О насыпях над ключами с опущенными в них кладами см. в наст. разд., № IX (с примеч.).

[12] Разрешение было дано. В деле ИАК сохранилась расписка Рериха: «Подлинное предложение, открытый лист, журнал раскопок по установленной форме и бланки препроводительных с вещами ведомостей получил 25 мая 1894 г. Н. Рерих» (РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 3). См. также примеч. 6 к разд. I.

[13] В "Археологической карте Ленинградской области" не отмечены. В итоговой статье 1900 Рерих писал: «Между дер. Сосницами и Раковом лесная группа курганов, частью раскопанная Ивановским; она тоже не отмечена»; там же он указал на отдельно стоящий курган по дороге в Сосницы (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105, 106). О "Куделовой горе" в 1 версте к югу от Сосниц см. в наст. разд., № VII и примеч. 3.

[14] *Дюйм* (от голл. duim, буквально — большой палец) — 1) дольная единица длины в системе английских мер: 1 д. = $^1/_{12}$ фута = 0,0254 м; 2) русская дометрическая единица длины: 1 д. = $^1/_{12}$ фута = 10 линиям = 2,54 см.

[15] Публ. фрагменты. Ряд др. фрагментов воспроизведён в наст. разд., № VIII, в примеч. и в ил. Официальное сообщение в печати об иссл. Рериха, зафиксированных в этом дневнике, появилось в 1897 (см. в наст. изд., разд. III, № III). В начальной части бланков дневника, отпечатанных в тип., приведены "Некоторые указания для пользующих-

ся дневником": «1. Сохранившиеся кости скелета отмечаются на рисунке с помощью затушёвки. 2. Иное положение конечностей костяка обозначается соответственной перерисовкой. 3. На костяке зарисовывается положение найденных при нём вещей, детали зарисовываются отдельно. 4. Сетчатая схема назначается для нанесения на неё профиля кургана (а также и могилы), круг — для зарисовки погребения по горизонтальному разрезу кургана. 5. Удобнее в каждой новой группе курганов и в каждом новом могильнике вести отдельную нумерацию погребений. 6. На свободной странице между рисунками костяков описывается внешний вид кургана, его внутреннее устройство, особенности погребения; здесь же помещаются дополнительные рисунки. 7. На приложенных в конце дневника страницах заносятся: план местности и план могильника, а также всякого рода дополнительные сведения, рисунки и чертежи. Здесь же помещаются сведения о древностях, собранные попутно во время разъездов и раскопок и др.».

[16] Первый столбец табл. является типовым перечнем того, что предлагалось фиксировать при иссл. кург. или могил. В данном случае во 2-м столбце табл. зафиксированы параметры холма. Здесь и далее одно деление сетки соответствует 1 арш.

[17] Видимо, по этой причине этот объект не включён в "Археологическую карту Ленинградской области".

[18] В "Археологической карте Ленинградской области" о калитинских древностях сообщается следующее: «**Калитино**. Кург.-жальничный могильник в парке быв. имения барона Толя в д. Калитино. В 1876 раскопано 147 курганов, в 1895 — еще 23 насыпи. Кон. XII — нач. XIV вв. Обследован в 1927 и 1972. Сохранилось 569 насыпей выс. 0,5–2,3 м, диам. 5–10 м и жальничных погребений с оградками круглой и четырёхугольной формы. **Ирман**. Кург. группа у быв. хутора Ирман, в 1,5 км к юго-востоку от д. Калитино, в 1 км к югу от дороги Волосово—Глумицы, в роще среди поля. В 1972 зафиксирована 21 насыпь выс. 0,4–1,8 м, диам. 4–10 м, с каменными обкладками в основании» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 95).

К древностям имения Калитино и ближайшей к нему округи Н.К. Рерих обращался неоднократно в 1895–99. Выступая 29 октября 1896 на заседании ОРСА ИРАО, он сообщал: «Как типичное по своей внешности укажу Калитинское курганное поле, в парке имения Калитино, принадлежащего барону Толю, расположенное более чем на 20 десятинах; по числу насыпей это самая обширная группа — их там более 300. Середину поля занимают большие курганы до 5 арш. высотой — хорошо сохранившиеся, стоящие отдельно друг от друга. Это более древние курганы, относящиеся к XI и XII векам, окружены широким кольцом более новых, XIII века, очень низких; где место повыше, они сохранились лучше, а в лощине замшились и, будучи, как большинство маленьких курганов, устроены небрежно, имеют вид небольших кочек, густо поросших высокими сорными травами. Часто курганы настолько скучены, что сливаются и дают общий холмик неправильной формы» (РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 44). В 1899 в памятке "Археологическая карта Санкт-Петербургской губернии" Рерих охарактеризовал этот памятник более точно: «В парке имения обширное курганное поле, содержащее до 600 насыпей самого разнообразного внешнего вида и устройства. Центр курганного поля занимают крупные конусообразные насыпи до 5 арш. выш. и до 9 арш. диаметром, по краям и особенно с западной стороны насыпи понижаются до $^1/_2$ арш. выс. и приобретают расплывчатую форму. Все насыпи окружены по основанию каменным кольцом, при некоторых более низких насыпях на Востоке и Западе имеются валуны особо большой величины. Крупные насыпи содержали погребение с трупосожжением с находками ножей, копий, топоров и горшков. Меньшие насыпи

содержали погребения на кострище в сидячем и лежачем положении лицом на Восток и два на Юг» (РА ИИМК, ф. 37, № 6, л. 5 об.; ОР ГТГ, ф. 44, № 580, л. 1 об.). Первым в печати эти данные Рериха кратко изложил Спицын: *Спицын А.А.*, 1897. С. 272; *Спицын А.А.*, 1899. С. 327.

Кроме огромного кург.-жальничного могильника Рериху в Калитине была известна ещё одна кург. группа, раскопанная Л.К. Ивановским, предшественником Рериха по археологическим исследованиям СПб. губ., но в отчётах Ивановского она не зафиксирована. Рерих отметил её в итоговой статье 1900: «При имении Калитино две курганные группы. Одна огромная более 400 насыпей, другая через поле от первой состоит из 17 курганов. Дневники Ивановского знают лишь одну группу, тогда как раскопаны им обе» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 106). См. о Калитинских кург. также в № V, VIII и X наст. разд.

В материалах Рериха, относящихся к имению Калитино, кроме кург.-жальничных комплексов, зафиксированы ещё два объекта, возможно, археологического значения. Во-первых, святочтимая "бездонная" яма, «на дне которой, говорят, есть сруб из чрезмерно толстого леса, внутри которого находили копья, топоры, мечи и другое». Рерих ссылается на Ивановского, писавшего, что яма в Калитине «вследствие различных суеверий завалена множеством валунов» (РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 13). Во-вторых, холм — один из отмеченных Рерихом "молитвенных" холмов или горок. 19 сентября 1897 на заседании ОРСА ИРАО Рерих сообщал: «О них существует какое-то смутное предание, что тут "собирались молиться". [...] Озерко около Калитинского холма имеет 4-угольную форму и носит характер вырытого пруда, хотя выкидной земли около не заметно. Наиболее типичен холм Куделова гора близ деревни Сосницы. [...] Калитинский холм ещё больших размеров, на поверхности же меньше камня» (РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 15). См. также в наст. разд., № II, VI и примеч. 10.

[19] Здесь и в др. строках табл. ед. измерения — арш.

[20] Слова, выделенные курсивом, вписаны в дневник А.А. Спицыным.

[21] Ещё одно описание этого кург. приведено ниже в наст. разд., № VIII.

[22] Черновик этого отчёта хранится в ОР ГТГ, ф. 44, № 15, л. 1–2. В целом он мало отличается от публикуемого текста. Приведём некоторые фрагменты, к-рых нет в чистовике: «Копьё найдено в кургане № 7, и, по словам крестьянина дер. Калитино, бывшего при прежних раскопках, в центральных курганах находили топоры, каменные молоты, копья и мечи» (л. 1 об.); «В курганах встречается несколько слоёв золы и угля с остатками костей мелких животных (у костяка обыкновенно сбоку и ещё слоя 2 на различной глубине)» (л. 1 об.). О древностях Калитина см. в наст. разд., № IV, VI, VIII, X и примеч. 18.

[23] В дневнике Николая Рериха сохранилась следующая запись от 10 августа 1895: «Словно бы скупой сижу и перебираю браслеты, кольца, серьги, ножи, глаза горят, руки дрожат. Вчера наконец удалась моя археологическая поездка. Спасибо барону Толю, позволил в его парке сделать раскопку» (ОР ГТГ, ф. 44, № 10). *Толь (Toll)* — дворянский род. Граф Карл Карлович был посланником в Дании, граф Сергей Александрович — СПб. губернатор (начало XX в.). Роберт Т. (род. 1802), известный археолог, составил значительное собрание старинных документов и предметов в своем имении Куккерс; им издано (вместе с Бунге и Пабстом) несколько томов старинных документов, относящихся к истории Прибалтийского края. Его сын барон Гаральд (род. 1848), заведующий дворянским архивом в Ревеле, также известен как археолог и собиратель старин-

ных документов. К этому же роду принадлежит и естествоиспытатель Эдуард Т. Род графов и баронов Т. внесён в матрикулы эстляндского дворянства, а две дворянские ветви этого рода — в матрикулы великого князя Финляндского. (Подробнее см.: *Брокгауза—Ефрона ЭС*).

[24] В черновике (л. 1 об.) здесь: «...10 за разрушением костяков и отсутствием вещей не определились».

[25] В черновике (л. 2) об этом: «...янтарных бус 2 (у мужчин в виде застёжек)».

[26] См. выше в наст. разд., № IV, а также в РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 15–41. На "Перечневой описи предметам древности, доставленным студентом Императорского Санкт-Петербургского Университета, Вольнослушающим Императорской Академии Художеств Н.К. Рерихом из раскопок 1895 г., произведённых в Санкт-Петербургской губернии Царскосельского уезда Сосницкой волости, имение Калитино" более поздняя расписка: «По настоящей описи вещи получил обратно 10 Октября 96 года. Николай Рерих».

[27] Текст публ. с незначительными сокращениями (выпущены повторы). Оп. находок, проиллюстрированная отмеченными в ней типами вещей, помещена в кон. отчёта. Первые опубликованные сообщения об исследованиях Рериха («раскопках в курганах Водской пятины»), зафиксированных в данном отчёте, появились в 1897: *ЗИРАО*. Т. X. Вып. 1–2. С. XLI (протоколы заседаний ОРСА ИРАО); *Спицын А.А.*, 1897. С. 272. Однако более развёрнутое изложение основных результатов вышло в свет лишь в 1899: *Спицын А.А.*, 1899. Там же опубликованы некоторые рис. Рис. "Курганы Ижорского плато" опубликован в книге: *Лебедев Г.С.*, 1977. С. 66. Подписи к рис. приведены в соответствие с текстом Рериха. В них не указывается всякий раз, что взяты они из данного отчёта, написанного в Изваре 1 июня 1896. В тех случаях, когда рис. не из отчёта, а из др. источника, это оговаривается.

В данной рукописи многие рис. выполнены **в цвете**, что явилось новшеством в полевой документации тех лет. Имея в виду прежде всего эту рукопись, Ю.М. Лесман пишет: «...Особенно выделяется выполненная Н.К. Рерихом графическая фиксация — это цветные и чёрно-белые рисунки, впервые регистрирующие стратификацию раскапываемых насыпей. Фиксация стратиграфии в цвете во многом опередила своё время, оставаясь до сих пор редким исключением...» (*Лесман Ю.М.*, 1988. С. 11–12).

[28] В "Археологической карте Ленинградской области" о древностях д. Горье сообщается следующее: «**Горье-1**. Кург. группа в 0,7 км к северо-северо-западу от д. Горье, на опушке леса. В 1876 в трёх группах раскопано 17 курганов XII в., в т. ч. 4 насыпи в группе Горье-1, здесь же в 1896 раскопано 2 кургана. Обследовалась в 1927 и 1985. Сохранилось 7 насыпей выс. 0,4–2 м, диам. 5–12 м. **Горье-2**. Кург. группа в 0,2 км к северо-западу от д. Горье, на песчаном холме. В 1927 отмечено 4 насыпи. Не сохранилась. **Горье-3**. Кург. группа у д. Горье, в поле. Отмечена в 1896. Не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 87). Группе Горье-1 соответствует группа, называемая в отчёте Рериха лесной. В итоговой статье Рерих писал: «При дер. Горье две группы разного устройства, в дневниках же [Ивановского] они смешаны в одну» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 106).

[29] *Ивановский Лев Константинович* (1845—92) — военный врач, археолог и антрополог. Ассистент Медико-хирургической академии. В 1872–85 и 1891 на Ижорском плато им исследовано 5877 кург. насыпей в 127 могильниках; обследовал он также сопки южного Приильменья. Его широкомасштабные раскопки отличались методичностью; добытые древности И. распределил по комплексам. Собранная при этом огромная коллекция, хранящаяся в основном в ГИМ, доныне имеет руководящее значение для русской

кург. хронологии. И. первый сопоставил археол. данные с материалами древнерусских писцовых книг. Материалы его раскопок были изд.: *Спицын А.А.*, 1896. Рерих принимал участие в ил. этого изд. (см. в наст. разд., № VIII; в разд. III, № II). Во всех биографиях Рериха отмечается роль И. в его становлении как археолога (см., например, сообщение об этом в англ. биографии: *Decter J. & NRM*, 1989. P. 19). Причём, как ясно из материалов, публ. в наст. изд., эта роль не сводилась только к контактам 9-летнего Рериха с И. на раскопках. Именно Рериху выпало уточнять данные И. в его собственных полевых иссл. в 1896–1902. См. об И.: *Лебедев Г.С.*, 1977, 1982, 1992, 1995.

[30] Рерих рядом с записью об исследованном кург. указывал также и его характеристики (от 4 до 7 параметров), как правило, в столбик, слева от основного текста. В наст. публ. эти данные сведены в однотипные табл. Во всех случаях в правой части табл. ед. измерения, как и в отчёте Рериха, арш.

[31] *Вершок* — русская мера длины, равная $1^3/_4$ д., или $^1/_{16}$ арш. (4,45 см). Первоначально равнялась длине фаланги указательного пальца. 4 в. = 1 пяди.

[32] Спицын в изд. раскопок Ивановского называет эту д. ***Сумино*** (*Спицын А.А.*, 1896. С. 78–79), с таким же названием этот пункт вошёл и в "Археологическую карту Ленинградской области", где сообщается следующее: «**Сумино-1**. Кург.-жальничный могильник в 0,5 км к северо-западу от д. Сумино, в лиственной роще. В 1876 и 1880 раскопано 174 погребения XII–XIII вв. При обследовании в 1974 зафиксирована 161 насыпь выс. 0,4–2,3 м, диам. 4–8 м, с каменными обкладками в основании и жальничные погребения с круглыми оградками. В конце XIX в. были отмечены несуществующие ныне каменные кресты. **Сумино-2**. Кург. могильник к юго-западу от д. Сумино. В 1879 раскопано 9 кург. Не сохранился» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 85). Сумино-1 соответствует кург. полю, указ. Рерихом. В годы иссл. Рериха в Сумине существовала домовая церк. Нерукотворного Спаса, построенная в 1819 (*ИСС*, 1885. С. 105). *Колокольцев* — возможно, писатель *Вениамин Васильевич К.* (более точных сведений не найдено). *Геринг* — три русских дворянских рода. Первый из них — древнесаксонский. Фридрих Г. выехал при Елизавете Петровне в Россию, служил в артиллерии и был майором (1757). Сын его, Пётр Фёдорович Г., был флота генерал-цейхмейстером и членом адмиралтейств-коллегии (1802–10). Этот род внесён во II ч. родословной книги СПб. губ. Др. два рода Г. позднейшего происхождения.

[33] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Будино**. Кург. группа на южной окраине д. Будино. В 1876 раскопано 29 кург. XII в. Обследовалась в 1896 и 1927. Не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 85).

[34] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Роговицы**. Кург.-жальничный могильник в 0,3 км к западу от д. Роговицы. Первоначально насчитывалось около 200 кург. и жальничных погребений с четырёхугольными оградками. В 1876 раскопано 123 комплекса и в 1898 — 4 кург. В 1985 зафиксирована 1 кург. насыпь выс. 1 м, диам. 6 м» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 95). О раскопках кург. в д. Роговицы Рерих сообщал в реферате "К вопросу о типах погребения в кург. Вотской пятины", доложенном на заседании ОРСА ИРАО 4 ноября 1898. В его рукописи есть следующий фрагмент, посв. Роговицам: «Из курганов при деревне Роговицы, Петергофского уезда, более или менее интересным оказался один. Высота его была $2^1/_2$ арш. Сложен он чрезвычайно плотно. По всей поверхности почти сплошным сводом множество плиты и мелкого булыжника. На глубине 1 арш. с поверхности насыпи обнаружен в сидячем положении женский костяк, лицом на Юго-Восток. (Кстати, нельзя ли частые отклонения от обычного направления с Востока на Запад объяснить временем погребения, т. е. време-

нем года, смотря по восходу и закату). Под костяком обычный слой золы. Интересно то, что остальная часть кургана оказалась по грунту и по его твёрдости не насыпная, а естественного происхождения. Т. е., кажется, вместо искусственного возвышения был утилизирован естественный бугорок. Особого каменного кольца в основании насыпи нет. Остальные курганы при Роговицах обычного типа с трупосожжением, к тому же частью попорчены при пахоте» (Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 49, л. 7 об., 8). В итоговой статье Рерих писал: «При дер. Роговицы помечена большая полевая группа в 200 насыпей, но таковой не оказалось. Если отнести показания дневника к курганной группе на земле мызы Лисино, которая отстоит от Роговиц в $1^1/_2$ версты, то всё-таки данные не сойдутся, ибо дневник говорит о полевой группе, между тем как Лисинская группа исстари лесная и расположена недалеко от сторожки лесника. Кроме того, в Лисинской группе не наберётся 200 насыпей» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 106). См. также ниже, наст. разд., № X.

[35] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Волосово-1**. Кург. группа на огородах южной части д. Волосово, в 0,3 км от станции Волосово. В 1876 и 1883 в двух группах у деревни раскопано 153 кург. кон. XII — нач. XIV вв. В 1927 зафиксирован 1 кург. Не сохранился. **Волосово-2**. Кург. группа в 0,5 км от д. Волосово, в поле. Не сохранилась. **Волосово-3**. Кург. в д. Волосово, в 80 м к югу от шоссе Волосово—Извары и клуба совхоза, на огородах. В 1972 зафиксирована насыпь выс. 0,5 м, диам. 5 м, с каменной обкладкой в основании» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 95–96). См. ниже в материалах Рериха, наст. разд., № X. В итоговой статье о Волосове сообщается так: «При д. Волосово показаны в дневниках раскопанными две курганные группы. Одна небольшая, расположенная на огородах деревни — существующая на самом деле, другая же огромная (до 300 насыпей) показана в $^1/_2$ версты от деревни, из неё добыто много предметов; нераскопанными в ней якобы осталось более 100 курганов, некоторые из них значительной высоты. Подобной группы в окрестности деревни Волосово не оказалось. Распаханною бесследно она быть не могла, ибо курганы в ней показаны до 12 футов. Вероятно, эти данные должны быть отнесены к какому-либо иному месту» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105–106).

[36] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Лисино-1**. Кург. группа в 1 км к югу от д. Лисино. В 1881 раскопано не менее 123 курганов, а в 1896 — 4 насыпи кон. XII — XIII вв. В 1927 отмечены 4 кургана. Группа не сохранилась. **Лисино-2**. Кург. группа на южной окраине д. Лисино. Не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 95). О «6 полевых курганчиках при дер. Лисино» Рерих писал Спицыну 3 мая 1896 (Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 56/1896, л. 5; см.: *ПРС.* № 1. С. 130; факсимиле письма в наст. изд., разд. II, приложение к № 7). Группе Лисино-1, возможно, соответствует группа, наз. в отчёте Рериха лесной. Группе Лисино-2, возможно, соответствует группа, наз. в приб. к данному отчёту полевой. В итоговой статье Рерих указывал на 3 лисинские группы: «При деревне Лисино [Ивановским] раскопано 3 группы, между тем дневниками отмечена только одна» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105). См. также в наст. разд., № VII, X и примеч. 34.

[37] Публ. этого рис.: *Спицын А.А.*, 1899. С. 327. Рис. 28.

[38] Оп. приведена в кон. отчёта; ил. из соответствующих табл. в книге: *Спицын А.А.*, 1896.

[39] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Захонье**. Кург. группа к югу от д. Захонье, у дороги на д. Реполка. Не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 95). См. также наст. разд., № X.

[40] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Сяглицы-1**. Кург. группа у восточной окраины д. Сяглицы. В 1879 раскопано 19 курганов XII в. Обследована в 1971, состоит из 14 насыпей выс. 0,6–1,5 м, диам. 5–8 м, частично с каменными обкладками в основании. **Сяглицы-2**. Кург. группа, «лесная, у истоков Вруды», на южном берегу озера. В 1879 раскопано 22 кургана XII в. В 1927 отмечено 32 насыпи диам. 6–7 м, с каменными обкладками в основании. Группа не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 89).

[41] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Ославье-1**. Кург. группа на западной окраине д. Ославье, у дороги в д. Пожевицы, в лесу. В 1876 раскопано 37 кург. сер. XII — XIII вв. Обследовалась в 1927 и 1986. Сохранилось 27 насыпей выс. 0,4–1,5 м, диам. 5–14 м, с каменными обкладками в основании. **Ославье-2**. 3 кургана в 0,7 км к северо-востоку от д. Ославье, в поле. Обследованы в 1985. Насыпи выс. 1–2 м, диам. 8–12 м, с каменными обкладками в основании. **Ославье-3**. Жальничный могильник в 0,5 км к юго-востоку от д. Ославье, в еловой роще. Обследован в 1985. На территории жальника находилось старое кладбище, почти полностью уничтожившее памятник, среди могил сохранилось несколько овальных жальничных оградок 2×3 м. В кон. XIX в. были отмечены ныне несохранившиеся каменные кресты. **Ославье-Рогатино**. Кург. группа в 0,8 км к юго-востоку от д. Ославье, у дороги в д. Рогатино, в 0,2 км к северу от железной дороги, на опушке леса. В 1972 отмечено 15 кург. насыпей выс. 0,3–1 м, диам. 5–7 м, с каменными обкладками в основании» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 86–87). По данным Е.А. Рябинина, в 1894–1900 Рерих исследовал в Ославье всего 11 кург. (*Рябинин Е.А.*, 1998. С. 85). Упомянутые В.А. Лапшиным «не сохранившиеся каменные кресты» были выявлены Рерихом летом 1896. 3 из них были им зарисованы (см. наст. разд., № VII, VIII, X). Летом 1898, во время поверочных раскопок, Рерих зафиксировал «по дороге в Ославье» отдельно стоящий раскопанный кург. (см. в наст. разд., № X; ср.: *Рерих Н.К.*, 1900. С. 106; в "Археологическую карту Ленинградской области" этот объект не включён). В Ославье находилась деревянная церк. Казанской Божией Матери, построенная в 1847 бароном Врангелем, в её приходе были дер. Рабитицы, Рогатино, Волосово, Горье, Домашковицы, Сяглицы, Введенское, Лисино, упомянутые в отчёте Рериха (*ИСС.* 1885. С. 145). *Моллер* — видимо, потомок или близкий родственник *Фёдора Антоновича фон М.* (1812—75), исторического живописца и портретиста, сына морского министра адмирала А.В. фон М.

[42] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Рогатино**. Кург. группа к западу от д. Рогатино, по обе стороны от дороги в д. Волосово. В 1876, 1877, 1880 раскопан 51 кург., в 1896 — 1 курган. XIII в. Группа не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 96). См. в наст. разд., № VII: раскопки 1 кургана в д. Рогатино летом 1896.

[43] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Рабитицы-1**. Кург.-жальничный могильник к западу от д. Рабитицы, в 0,15 км к юго-востоку от Волосовского шоссе. В 1876 и 1879 в группах у деревни было раскопано 182 кург. и в 1896 — 15 кург. XII–XIII вв. Могильник обследован в 1972, состоит из 120 насыпей выс. 0,3–1,3 м, диам. 3–9 м. По краям кург. могильника расположены жальничные погребения с оградками круглой и четырёхугольной формы. Каменные кресты, упомянутые в кон. XIX в., не сохранились. **Рабитицы-2**. Кург. группа в 1,5 км к юго-западу от д. Рабитицы, в 1,8 км к западу от д. Домашковицы, в роще среди поля. В 1971 зафиксировано 60 насыпей выс. 0,3–0,9 м, диам. 3–8 м, с каменными обкладками в основании. **Рабитицы-3**. Кург. в 0,7 км к юго-востоку от д. Рабитицы, в поле. Обследован в 1972. Насыпь выс. 1,2 м, диам. 8 м. **Рабитицы-4**. Кург. в 0,1 км к юго-востоку от дороги из д. Рабитицы в пос.

Рабитицы, в поле. Обследован в 1972. Насыпь выс. 1,3 м, диам. 12 м. **Рабитицы-5**. Кург. группа в пос. Рабитицы у дороги в д. Захонье. Обследована в 1972. 4 насыпи выс. 0,5–1,6 м, диам. 5–10 м. **Рабитицы-6**. Жальничный могильник в 0,3 км к северо-востоку от д. Рабитицы, у дороги в Волосово, в поле. В 1927 отмечены 3 погребения с овальными и четырёхугольными оградками. Могильник не сохранился» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 96). Группе Рабитицы-1 соответствует «большое курганное поле», иссл. Рерихом, наз. им также «I Рабитицкой группой». Рериху была известна ещё одна группа в Рабитицах, наз. им «II Рабитицкой группой». Выступая 29 октября 1896 на ОРСА ИРАО, он сообщал: «...имеются курганы, окружённые рвом; например, II Рабитицкая группа, уже раскопанная Ивановским, представляет как бы 3 концентрических круга насыпей, из которых два средние, большие по величине, окружены ясными, хотя и заплывшими, небольшими рвами» (Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 44). Во время поверочных раскопок летом 1898 Рерих снова обозначил эту группу — как ранее раскопанную, «до 20 курганов» (см. в наст. разд., № X). В итоговой статье он писал: «При Рабитицах помечена одна группа курганов, тогда как на самом деле их две: одна огромная; из неё мною раскопано до 20 насыпей, предметы были найдены позднейших для края веков XIII и XIV; вторая же группа в 15 курганов начисто раскопана Ивановским, и потому о времени её судить нельзя, но насыпи высокие, камней в основании много, так что она могла быть более раннего происхождения» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105). Кроме этого, Рерих указывал, что один из зарисованных им крестов в д. Ославье привезён из Рабитиц (см. в наст. разд., № VII, крест III; *Спицын А.А.*, 1899. С. 328).

[44] Слова, выделенные курсивом, вписаны Спицыным.

[45] В письменных источниках этот термин ранее встречался. Например, в посыльной грамоте 1534 года Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину. В этом послании говорится, что местные жители хоронят своих близких «в селех по курганам и коломищем». Послание было опубликовано в изд.: *Дополнения к Актам историческим*, 1846. С. 27–28. (Через год–полтора Рерих познакомился с этим источником, когда готовил выпускное университетское соч. и свои лекции в ИПАИ). О "каломищах" и "коломищах" ср.: *ИСС*, 1885. С. 11, 44. (Рерих познакомился с этим изданием в 1899–1900, когда руководил составлением археол. карты СПб. губ.).

[46] Выступая 29 октября 1896 на заседании ОРСА ИРАО, Рерих так описал это погребение: «В I Рабитицкой группе своею отличною сохранностью обратил на себя внимание курган, окружённый рвом. При раскопке его, на поверхности материка, на глубине $3^1/_4$ арш. от вершины, были обнаружены два костяка, в сидячем положении, ногами обращённые на Север. (Такое резкое отклонение от обычного положения на Восток сравнительно редко). В центре кургана находился мужской костяк со скрещёнными руками. Череп этого костяка оказался рассечённым. По правую руку его помещался женский костяк. По сторонам костяков были обнаружены две кучи золы, продолговатой неправильной формы. За спинами их на поверхности материка лежат в беспорядке несколько обугленных булыжников. Вся площадь основания кургана тщательно выглажена и даже обмазана глиной» (Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 48). Об этом и аналогичном кург. из раскопок Ивановского Рерих вспомнит в записях по поводу изд. его материалов (см. в наст. разд., № VIII) и в статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898): «Яркую картину рисует указанное Ивановским погребение, где рядом с мужским костяком оказался женский, на черепе которого была огромная рана, нанесённая топором, или встреченный мною случай, в котором мужской череп, покрытый старыми боевыми рубцами, был просечён, а по правую руку помещался женский

костяк. Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 23–24). Погребение, указанное Ивановским, находилось в д. Вопша.

[47] Публ. этого рис.: *Спицын А.А.*, 1899. С. 326. Рис. 26.

[48] О кург. группах в **д. Домашковицы** "Археологическая карта Ленинградской области" не сообщает ничего. Рерих иссл. «небольшое курганное поле», оно же «I Домашковицкая группа», и «II Домашковицкую полевую группу» (см. ниже).

[49] Об этой группе см. также в наст. разд., № VIII.

[50] Публ. этого рис.: *Спицын А.А.*, 1899. С. 326. Рис. 27.

[51] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Введенская**. Кург. группа в 0,5 км к западу от быв. д. Введенская, в 1 км от д. Домашковицы, в поле. В 1876 раскопано 60 кург. и в 1896 — 5 насыпей XII в. В 1927 отмечено 44 кургана. В 1985 зафиксировано 3 насыпи выс. 0,4–0,5 м, диам. 5–8 м» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 96). Выступая 29 октября 1896 на ОРСА ИРАО, Рерих отмечал: «...Курганов, относящихся к XI и XII векам, мною раскопано свыше 40, из них 10 с трупосожжением. Среди последних обращают на себя курганы Введенской группы. На глубине $1^1/_4$ арш. с поверхности кургана начался слой золы и угля толщиною в $^3/_4$ арш. Таким образом, кострище было устроено не на поверхности материка, а выше его на искусственном возвышении. У [восточного] конца золы оказалось несколько обугленных булыжников, быть может, остатки от кучи, поддерживавшей труп в сидячем положении. Часть основания, не покрытая золою, была тщательно выровнена и плотно убита. Ни костей, ни предметов не сохранилось. В этом случае костёр был почти исключительной величины, если мог дать слой золы толщиною в $^3/_4$ арш». (Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 47–48). Приведённое описание соответствует кург. № 37.

[52] Публ. этого рис.: *Спицын А.А.*, 1899. С. 324. Рис. 25.

[53] В статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898) Рерих писал: «...Если же захотят на вечные века сохранить память о родиче — не поленятся весь погребальный холм сложить из дерновой земли. Наносят воды из соседней реки, смочат е[ё], так уплотнят, словно бы чуют, что когда-то чужие ломы и кирки будут добираться до родного праха. Ну дерновая насыпь может постоять за себя; вместо широкой реки с ярами и обрывами, чуть приметная сухая ложбинка; свалился старик бор, а насыпь всё победно держит высокую вершину, будто чур ходит за ней, бережёт её. (Насыпи, сложенные из дерновой земли, отличаются удивительною прочностью. Каждый ком земли приходится брать энергичным ударом лома. Дерновая земля чаще встречается в Волховских курганах. Суглинок тоже довольно стойко держится)» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 18).

[54] И в 1897 Рерих писал: «...При деревне Чёрной курганы поросли коренастыми соснами, свято охраняемыми местными крестьянами» (см. наст. разд., № VIII). В статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898) он привёл предание, объясняющее почитание кург. сосен в д. Чёрная: «Многие насыпи поросли лесом, деревья насквозь пронизали их своими корнями; невольно вспоминаются курганные сосны при деревне Чёрная (Царскосельского уезда): коренастые, любовно обняли они насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданием, что на смельчака, отважившегося рубить одну из них, напала "трясучка"» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 6). "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Чёрная**. Кург. группа в д. Черная, в 80 м к югу от кладбища, по сторонам дороги в Волосово. В 1876 раскопано 8 курганов сер. XII — XIII вв. В 1972 зафиксировано 6 насыпей выс. 0,6–1,8 м, диам. 5–8 м» (*Лапшин В.А.*,

1990. С. 99). В 3 км к юго-западу от д. Чёрная Рерихом было открыто городище на левом возвышенном берегу р. Лемовжа, на мысу при впадении в неё ручья (см. ниже наст. разд., № VII; *Рерих Н.К.* Археологическая карта С.-Петербургской губернии. // ОР ГТГ, ф. 44, № 580).

[55] Здесь неясность: в архивных делах ИАК есть дневник за 1895, а не за 1894, в нём действительно зафиксировано исследование "Плитной горки", расположенной в Сосницкой волости, в $3^1/_2$ версты от д. Сосново (см. наст. разд., № IV). Впрочем, об этом объекте Рерих сообщал ещё в 1894, в самом первом заявлении в ИАК (см. наст. разд., № II и особ. примеч. 18). Возможно, что дневник за 1894 существовал, но был утрачен уже после поступления в ИАК; в расписке Рериха в деле о раскопках отмечен факт получения им 25 мая 1894 чистого «журнала раскопок по установленной форме» — перед началом исследований (РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 3).

[56] В "Археологической карте Ленинградской области" этот объект не отмечен.

[57] В "Археологической карте Ленинградской области" у **д. Тарасино** на берегу р. Оредеж отмечены только жальничные могильники (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 75). В итоговой статье Рерих писал: «При мызе Тарасино 2 группы курганов — одна в 4, другая в 7 насыпей, — раскопанные Ивановским, не отмечены» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105).

[58] В статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898) Рерих приводит предание об основании грызовской церкви апостолов Петра и Павла: «В погосте Грызове, Царскосельского уезда, рассказывают, что основание существующей церкви положено Петром Великим, после какой-то стычки, собственноручно поставившим на этом месте деревянный крест» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 21). С этим событием, очевидно, связана легенда и о самом названии **Грызово**. Краевед И. Чистопашина пишет: «На этом месте в древние времена была жестокая битва, в которой враги в ожесточении грызлись, как дикие звери. Своеобразным подтверждением этой легенды были находимые при раскопках изварских курганов старинные чугунные ядра, о которых писал священник грызовской церкви А. Румянцев. Церковь эта сохранилась и до наших дней, правда, сильно пострадала во время нашествия гитлеровцев. Её стены и сейчас видны с дороги на Извару и привлекают внимание проезжающих. По народному преданию, церковь эта находилась сперва в Озертицах. Она была деревянной и посвящена Покрову. Когда она сгорела, от неё уцелел только храмовый древний образ Покрова, который был перенесён в новопостроенную церковь во имя Петра и Павла в деревню Грызово» (*Чистопашина И.* Легенда и быль Извары. // *СН.* 29 января 1988. С. 4). В 40-х годах XIX в. храм горел, а зимой 1879 пожар уничтожил его полностью. Прихожане успели вынести из церкви почти всё, кроме шкафа со старинными бумагами. Он стоял под колокольней, куда из-за сильного дыма невозможно было пробраться. В этом пожаре погибла крестьянская девушка М. Яковлева, пытавшаяся спасти икону Покрова. Легенда о ней ещё долго жила в этих местах. Спасённые иконы установили в новом иконостасе восстановленной церкви, а колокола отлили из металла, собранного на пожарище. Несмотря на лютеранское вероисповедание, Константин Фёдорович Рерих, отец Николая Рериха, был попечителем православного храма и постоянно заботился о его дальнейшем устройстве и ремонте. Николай Константинович оставил об этом запись в "Листах дневника":

«Около нашего имения лет 55 тому назад перед Великим постом сгорела церковь. Такое несчастье угрожало всей округе встретить без храма и Страстную Неделю и светлый Христов Праздник. Чтобы не оставить местных жителей без этой духовной радости, отец мой широко пришёл на помощь: пожертвовал одно из строений поместья

с окружающею землёю, и в течение шести недель усиленными трудами строение было преображено в храм. Засияла колокольня, поспел иконостас, и в Вербное Воскресенье было поднятие креста и освящение храма.

Казалось бы, что могло быть плохого в этом благожелательном поступке? Но синодский строитель посмотрел на дело совершенно иначе, ибо постройка была произведена в спешности, без него. Итак, вместо хорошего храмостроительного конца произошла длительная, совершенно неуместная переписка. Правда, моему отцу намекали, что если бы ко всем пожертвованным суммам присоединить ещё некую сумму, то вместо неприятностей последовала бы высокая благодарность. Но отец мой никаких дополнительных сумм не любил и во всём предпочитал путь прямой и правдивый. К тому же искренняя радость всего местного населения конечно была гораздо сердечнее, нежели официальная благодарность» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 510).

Об истории храма, являвшегося центром целого прихода, см. также: *ИСС*. 1883. С. 436. Интересные материалы собрал современный иссл. *А.Н. Селин*, сделавший в 1994 на научном семинаре в СПб. научном центре РАН сообщение "К истории Изварской округи (Покровский Озеретский погост Водской пятины в XVI–XVIII вв.)".

О др. памятниках около Грызова и Озертиц см. в наст. разд., № I, VII, VIII, X и особ. примеч. 3.

[59] В зале собраний ИРАО висел этюд «*Курганы при деревне Чёрной*» (см. наст. разд., № VIII). В "Перечне произведений Н.К. Рериха...", помещённом в монографии "РЕРИХ" (1916), под 1893 значатся 2 этюда *"Курганы"* в собрании ИРАО. Следовательно, этюд *"Курганы при деревне Чёрной"* выполнен ещё в 1893 г., т. е. за три года до создания данного рис. Изначально рис. относился к след. пункту наст. разд., т. е. был передан в ИАК в комплекте с доп. к данному отчёту. Поскольку в доп. нет упоминания о кург. при д. Чёрной, то редакция сочла более уместным поместить этот рисунок в то место основного отчёта 1896, где такое упоминание имеется.

[60] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает : «**Заполье**. Кург. группа в 1,5 км к востоку от д. Заполье, по обе стороны железнодорожного полотна, на краю болота. В 1898 отмечено 11 насыпей и в 1927 — 9. Группа не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 97). В статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898) Рерих передал разговор крестьян — местных жителей. В нём есть такой примечательный фрагмент:

«...Столько сокрыто в недрах земных; вот хотя бы сопки, что подле Заполья, на самых огородах, скажу, довольно достопримечательные, вещицы находили там очень фили... фили... как это говорится-то?

— Филиграновые или филистерские?

— Вот, вот именно!» (*Рерих Н. К.*, 1914. С. 9).

В 1898 Рерих сообщал в ИАК: «Деревня Заполье. Полевая группа (11 курганов) обычного типа с валунным кольцом основания вовсе не показана. Она раскопана вся Л. Ивановским» (см. наст. разд., № X).

В итоговой статье Рерих указывал: «При дер. Заполье, Царскосельского уезда, раскопана Ивановским группа в 10 курганов, не отмеченная в дневниках» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105). См. также в наст. разд., примеч. 3.

[61] «Вещи, на номерах которых отмечены °, сданы в Императорское Русское Археологическое Общество при описи и отношении за № 606. 21 апреля 1898 г.» — Примеч. делопроизводителя ИАК *И.А. Суслова*. «Курганы № 3–6 близ Лисина, № 7–22 близ Рабитиц» — Примеч. члена ИАК *А.А. Спицына*. В 1908 Спицын включил в каталог Музея ИРАО под № 112 вещи из раскопок Рериха на Ижорском плато, в т. ч. и находки 1896: «Вещи из раскопок, производимых в 1896–98 гг. Н.К. Рерихом в смежных волостях

Петергофского, Ямбургского и Царскосельского у., преимущественно XIII–XIV вв. Новых типов вещей не найдено, но раскопки имеют цену для определения обрядов погребения» (*Спицын А.А.*, 1908. С. 28). По данным Е.А. Рябинина, основная часть этих находок ныне хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (*Рябинин Е.А.*, 1998. С. 83). В литературе встречалось сообщение о том, что найденные при раскопках предметы художник зарисовал, а местный кузнец по этим рисункам делал «топоры, копия и мечи древнеславянские», которые должны были служить реквизитом при создании исторических картин (*Корнилова А.В., Экк А.Э.*, 1978. С. 121. Со ссылкой на письмо Рериха Стасову от 14 мая 1897: *Рерих Н.К., Стасов В.В.*, 1993. С. 16).

[62] Здесь и далее в оп. Рерих и Спицын указ. номера предметов по табл. изданных коллекций Ивановского (*Спицын А.А.*, 1896). В наст. публ. оп. проиллюстрирована (в колонке "Перечень предметов") изображениями этих предметов. В колонке "Примечания" даны авторские указ. на то, чем находки Рериха, близкие им по типу, от них отличаются. В 3 случаях (№ 4, 17 и 19) даны рис. из самой оп.

[63] То же, что и № 7.

[64] То же, что и № 7.

[65] Первоначально в этот пункт Рерих вписал: *«2 гвоздя»*, но Спицын перечеркнул, указав свою атрибуцию.

[66] Изображение то же, что и в № 10.

[67] То же, что и № 7.

[68] Первые опубликованные сообщения об исследованиях Рериха, зафиксированных в данном приб. (так же как и в основном отчёте), появились в 1897: *ЗИРАО*. Т. X, вып. 1–2. С. XLI; *Спицын А.А.*, 1897. С. 272. Однако более развёрнутое изложение основных результатов вышло в свет лишь в 1899: *Спицын А.А.*, 1899. Публ. с незначительными редакционными изменениями (убраны повторы, продолжена нумерация иссл. объектов и сгруппированы фразы, касающиеся ославских крестов). Ед. измерения в табл. — арш.

[69] См. в наст. разд., примеч. 36. До сих пор не всеми исследователями чётко осознан представленный здесь материал. Это отчасти вызвано тем, в каком виде хранится отчётная документация архивных дел № 74/1894 и № 56/1896. Листы в делах перепутаны, рис. пришиты к корешку без всякой системы. Кроме этого, в д. № 74/1894 имеются утраты (рукопись на л. 50 обрывается). Поэтому неудивительно, что многие так и не смогли разобраться с порядком следования с. и с соответствием рис. тексту. Отсюда и невключение всего имеющегося материала в научные построения и, как следствие, появление в публикациях фраз типа «характер вымостки до конца неясен» (применительно к погребению № 2).

[70] Подписи к рис. из отчёта приведены в соответствие с текстом Рериха. В них не указ. всякий раз, что взяты они из данного приб. к отчёту, написанного в Изваре 1 сентября 1896. В тех случаях, когда рис. не из приб., а из др. источника, это оговаривается.

[71] Здесь и далее Рерих ссылается на оп. находок, к-рая являлась продолжением оп. от 1 июня 1896, заканчивающейся на № 24. В фондах ИАК этого продолжения не обнаружено.

[72] Отметим, что называя первоначально это погребение «курганом», Рерих в дальнейшем будет считать его «грунтовой могилой». Выступая 29 октября 1896 на заседании ОРСА ИРАО, Николай Константинович говорил: «Кроме курганов было встречено

два случая грунтовых могил. Первая из них находилась среди Лисинской курганной группы. Круг её основания был сплошь выложен булыжником, на Восток и Запад были 2 камня большего размера. Могила глубиною была $^1/_2$ арш. четырёхугольной формы. На дне её был слой золы. Местами совсем тонкий, местами до $2^1/_2$ вершков толщины. Ни костей, ни предметов в ней не оказалось» (РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 50). Рис. разреза, атрибутируемый нами как относящийся к этому погребению (РА ИИМК, ф. 1, № 56/1896, л. 43), полностью проясняет его характер. Вместе с рис. плана он даёт ясное представление о том, что это действительно *погребение* (а не «естественное образование», как полагают некоторые авторы), ибо налицо каменная кладка, ограничивающая его, и могила с неравномерно насыпанным в неё прахом в виде золы. Почти все исследователи не считали эти рис. за изображение одного объекта и отмечали, таким образом, ещё одну грунтовую могилу в Лисино, чего на самом деле не было. Второй упомянутый 29 октября 1896 случай — это погребение в Таракановском лесу (№ 4 по тексту ниже).

[73] *Рерих Мария Васильевна* (урожд. *Калашникова*) (1845—1927) — мать Н.К. Рериха.

[74] Глубина могилы указана в вершках.

[75] Н.В. Хвощинская прочитала это место рукописи буквально так: «до $^1/_2$ аршина», что является ошибкой. Надо считать за диаметр кострища **I** не 35,5 см, а 106,68 см, т. е. в *три раза больше*, ибо так на самом деле написано у Рериха (см. воспроизведение фрагмента рукописи в тексте). Такой размер никак не позволяет использовать его как довод в утверждении, что из-за своей малости и скученности кострища не могут быть остатками трупосожжений на месте (*Хвощинская Н.В.*, 1983. С. 46).

[76] Следует отметить, что "противоречие", к-рое усмотрели в отчётной документации Рериха некоторые авторы относительно наличия или отсутствия в могилах остатков костей, не принципиально. В тексте приб. к отчёту Рерих имеет в виду *кости*, иначе говоря, достаточно хорошо сохранившиеся, т. е. оформленные фрагменты скелета. Таковых им найдено не было. В рукописи "Изварский могильник..." (наст. разд., № IX) Рерих отмечает, что обнаруженное им рядом с могилой кострище «дало мелкие угольки и *бесформенные остатки* [выделено мною. — *В. М.*] перегорелых косточек, по-видимому, человеческих», т. е. неоформленные мелкие части костей, разложившиеся настолько, что назвать их *костями* нельзя. Следует признать, однако, что "противоречиям" способствует некоторая нечёткость выражений: «...Зола с кострища перенесена в могилу. Ни костей, ни вещей нигде не видно. Форма могилы довольно неправильная...». Создаётся ощущение, что какие-то слова пропущены. На это наталкивает вполне определённая логическая цепочка — переход от характеристики "кострища" к характеристике "могилы". Конец первого предложения явно указывает на начало характеристики "могилы", в третьем предложении говорится уже о её форме. Логично отнести среднее между этими двумя предложениями к её содержанию. Тогда полный вид среднего предложения таков: «Ни костей, ни вещей нигде в могиле не видно». Но в таком случае нет и намёка на "противоречие", ибо Рерих указывал на «бесформенные остатки перегорелых косточек» не в могиле (а потом и в *могилах* всего Изварского могильника), а в кострище рядом с ней (а потом и во всех кострищах). Рерих чётко отметил в характеристике всего Изварского могильника в целом: «Среди угля кострищ были замечены жёлто-серые мелкие остаточки костей, по-видимому человеческих. В самих же фигурах ни костей, ни древностей не найдено».

[77] Эта фраза в рукописи замазана чернилами. Судя по рукописи "Изварский могильник..." (см. в наст. разд., № IX), кострище заросло малиной.

[78] Выступая 29 октября 1896 на заседании ОРСА ИРАО, Николай Константинович продолжал (начало см. в примеч. 72): «Другая могила была случайно найдена в лесу вдали от курганных групп. По четырём углам её поставлены крупные валуны. На Запад один особенно больший, так что внешняя форма могилы была ромбическая. Вся поверхность выложена мелким булыжником. Под слоем камня почти непосредственно следует слой золы, рассыпанный [...]» — и на этом рукопись его выступления обрывается, след. л. отсутствуют. Т. о., более подробное, чем в тексте приб., описание могилы (могилы именно в Таракановском лесу, а не у Лисино, как думают мн. иссл.) в архиве ИАК утрачено. Вероятно, оно было известно Спицыну, к-рый писал:

«Особенную заслугу Н.К. Рериха составляет открытие в Изварской даче (Царскосельского у.) своеобразных погребений типа жальничных, но с сожжением.

В 1897 г. [так в тексте Спицына; правильно: *в 1896 г. — В. М.*] господин Рерих нашёл здесь одиночную каменную фигуру, носившую следы погребения. Под мхом оказался слой довольно мелкого булыжника (размеров 2×1$^{1}/_{2}$ арш.), отдельные камни которого носили следы незначительного обжога. Непосредственно под булыжником обнаружилась зола в виде неправильного, ромбической формы, слоя, толщиною до 2-х вершков. Находившийся под золою слой материкового песку признаков огня не имел. Глубина всего погребения не превышала 6 вершков. По сторонам стояли сравнительно высокие 4 камня, выходящие наружу, по которым могила и была открыта; на восточной и западной сторонах находились валуны особенно большой величины. Слой золы продолжался за черту могилы в СВ сторону, и на 1 арш. от неё обнаружилось кострище, с которого зола могла быть перенесена в могилу. Кострище дало мелкие угольки и бесформенные остатки перегорелых косточек, вероятно, человеческих. Судя по легко рассыпающимся камешкам и по обгоревшей почве, огонь кострища был довольно силён. В следующем году господин Рерих вблизи описанной могилы открыл целый ряд таких же» (*Спицын А.А.*, 1899. С. 328–329).

В архиве Рериха, хранящемся в ГТГ, удалось обнаружить черновик выступления, процитированного выше. Вот как должна продолжаться оборванная рукопись из РА ИИМК: «Под слоем камня почти непосредственно следует слой золы разной толщины неправильной формы, рассыпанной по дну могилы, так что могила естественно представляет углубление до 5 вершков, в самом глубоком месте. Очертания могилы по поверхности материка довольно неправильные, но приближаются к четырёхугольнику. Слой золы продолжился за черту могилы в северо-восточную сторону, и на 1 арш. от могилы обнаружилось кострище, с которого, очевидно, зола и была перенесена в могилу. Ни костей, ни предметов, несмотря на тщательные поиски, не обнаружилось». Таким образом, нет сомнений, что выступая 29 октября 1896 на заседании ОРСА ИРАО, Рерих имел в виду могилу в Таракановском лесу мызы Извара.

О её значении, как и о значении обнаруженного рядом с нею в 1897 могильника (sic!), состоящего из подобных же захоронений, Рерих высказал «догадку — не есть ли это следы погребений вожан, ещё не утерявших оригинальные особенности своего национального погребального ритуала, весьма вероятно, исчезнувшего впоследствии под влиянием соседей новгородцев» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 108). Более подробно см. в наст. разд., № IX.

[79] Публ. этого рис.: *Спицын А.А.*, 1899. С. 328. Рис. 30.

[80] Публ. этого рис.: *Спицын А.А.*, 1899. С. 328. Рис. 31.

[81] См. в наст. разд., № VI и примеч. 42.

[82] См. справку о древностях **д. Ославье** в наст. разд., № VI и примеч. 41.

[83] Выступая 29 октября 1896 на заседании ОРСА ИРАО, Рерих сообщал:

«В прежние годы изредка на курганах встречались камни с грубо высеченными надписями (по словам одной помещицы, шведскими) и кресты четырёхконечные древнего, так называемого Новгородского типа, но теперь все камни исчезли, а кресты развезены местными крестьянами по кладбищам. Один из подобных крестов был указан мне на Ославском кладбище, рисунок которого предлагаю Вашему вниманию; по уверению местных жителей, он привезён с кургана, да и по положению его на могиле видно, что он поставлен к ней не так давно». В данном случае имеется в виду крест **III** и его рис., здесь воспроизводимый. «Представляю также рисунки двух крестов, с того же кладбища, но несколько иного типа, вросших в землю, — как уверяют, старинных, местных. Ославское кладбище очень старое. Подобные кресты, по слухам, находились также в I Рабитицкой и Соминской группах. Неизвестно, были ли они ставимы при первоначальном устройстве кургана или когда-либо впоследствии. Быть может, эти курганы служили и для вторичных погребений, более новых, — по словам местных крестьян, при раскопке Ивановского, кроме основных погребений, в верхних слоях насыпей иной раз попадались истлевшие остатки кости» (Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 44, 45). Здесь уже речь о крестах **I** и **II** и их рис.

О крестах «Новгородского типа» Рерих писал, что они нередко ставились наверху курганов т. н. "второго периода" — XIII и XIV вв. Этот период «характеризуется помещением трупа в сидячем или лежачем положении в неглубокой грунтовой могиле [...] К этому же периоду должны относиться погребения выше материка и погребения в лежачем положении на поверхности земли, причём зольный слой основания перерождается в две зольные кучки по бокам головы» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 22–23).

Крест **III** Спицын включил в свою классификацию в качестве намогильного креста без круга 1-й разновидности. Характеризуя эту разновидность, Спицын писал: «Кресты со слегка расширенными и скошенными под углом концами. По аналогии со Стерженским и Воймерицким крестами, эту форму следует признавать древнейшею, например, средины или конца XIII в. Следует отметить, что в средокрестии этих крестов обыкновенно выбит небольшой крестик той же формы. Таких крестов известно очень немного» (*Спицын А.А.*, 1903а. С. 220).

Ославские кресты Рерих отметил и в рукописи, публикуемой в данном разд. след. (№ VIII).

[84] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Ямки-1**. Кург. группа в 0,5 км к востоку от д. Ямки, на надпойменной террасе безымянного притока р. Вруда. В 1876 и 1879 раскопано 59 кург. В 1927 отмечено 74 насыпи выс. 0,5–2 м, диам. 2–7 м, с каменными обкладками в основании. Группа не сохранилась. **Ямки-2**. Каменный крест в д. Ямки у дороги отмечен в 1885. Не сохранился» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 97). Местный благочинный отмечал: «В дер. Ямки и Летошицы, у дороги стоят высеченные из плиты кресты грубой работы. Крестьяне считают их памятниками убитых во время шведской войны воинов» (*ИСС*, 1885. С. 369).

[85] В "Археологической карте Ленинградской области" не отмечена. О древностях около **д. Сосницы** (в том числе о **Куделовой горе**) см. в наст. разд.: № II, III, IV и примеч. 10, 13, 18. Куделову г. Рерих иссл. и позднее, в период с нач. сентября 1896 по нач. сентября 1897. Об этом свидетельствует разница в числе указанных шурфов, сделанных на горе, в документах 1896 и 1897. На рис. из приб. к отчёту 1896 отмечено 10 таких колодцев. Выступая 19 сентября 1897 на заседании ОРСА ИРАО, Рерих упоминал уже о «более 12 колодцах», кроме этого, он уточнил и др. параметры холма, например, его высоту.

«Я хотел указать некоторые места СПб. губ., связанные с преданиями и имеющие, по-видимому, археологическое значение. Во-первых, холмы. О них существует какое-то смутное предание, что тут "собирались молиться". Таких холмов мне известно 5. 3 в Царскосельском уезде между собой на расстоянии 15, 20 верст. 1 в Петергофском и 1 в Ямбургском. Осмотренные мной 4 подобных холма расположены в лесу, отличительным признаком их служит близость воды и масса камня на поверхности. [...] Наиболее типичен холм Куделова гора близ деревни Сосницы. Он представляет из себя плитную возвышенность высотою до 5 саж., диаметром до 30 саж., неправильной формы; общий склон на Юг к речке, протекающей у подошвы его. Северный спуск значительно [более] крутой. Весь холм усеян плитняком и булыжником, где кучами, где одиночно. В разных местах холма было взято более 12 колодцев, причем на $^3/_4$ или 1 арш. среди чрезвычайно плотного плитного грунта были обнаружены угольные точки и обожжённые мелкие плитянки. Под этим тонким угольным слоем скоро начинался естественный слой плиты. Наибольшее количество угля найдено на высшей точке холма. Весь холм густо зарос молодым ельником, кроме нескольких особенно каменистых площадок» (Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 15 об.).

[86] В статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ)" (1898) Рерих приводит иную глубину слоя: «на глубине $^1/_4$ арш. — $^1/_2$ арш. находятся обильный уголь и зола». Правда, в данном случае он имеет в виду *среднюю* глубину подобных слоёв на всех "молитвенных горках", им исследованных.

[87] Публ. этого рис.: *Спицын А.А.*, 1899. С. 328. Рис. 29; *Спицын А.А.*, 1903а. С. 227. Рис. 373.

[88] О священнике Петропавловской церкви с. Грызово *А.В. Румянцеве* см.: *Кутепов Н.М.*, 1899. С. 354.

[89] Л.К. Ивановский.

[90] В современной литературе этот левый приток **р. Лемовжи** часто называют тоже Лемовжа.

[91] Публ. этого рис.: *Рябинин Е.А.*, 1998. С. 98.

[92] Первым сообщил об этом иссл. в специальной литературе Спицын: *Спицын А.А.*, 1899. С. 330. "Археологическая карта Ленинградской области" фиксирует объект так: «**Сосницы.** Городище в 3 км к северо-востоку от д. Сосницы и 2 км к юго-западу от д. Чёрная, на левом возвышенном берегу р. Лемовжа, на мысу при впадении в неё ручья. Обследовалось в 1896, 1972, 1977. Площадка городища на выс. 8–10 м над уровнем реки, подтреугольной формы 140×70 м. Площадь 0,65 га. Вал с юго-восточной, напольной, стороны шириной 5–6 м, выс. 0,5 м, и ров шириной 6 м. Слой 0,1 м без находок» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 99). Е.А. Рябинин, исследовавший городище через 80 лет после Н.К. Рериха, писал: «"Городок" на Лемовже, относящийся к простейшему варианту мысовых городищ, характерному для ранних оборонительных сооружений Северо-Западной Руси, возник, вероятно, не ранее начала древнерусского освоения Ижорской возвышенности (XI в.). Более определённо судить о хронологии этого памятника не представляется возможным. [...] Укрепление на Лемовже занимает окраину плато, располагаясь на южной границе курганно-жальничного погребального массива. Не исключено его использование в качестве городища-убежища» (*Рябинин Е.А.*, 1984. С. 52–53). Последнее предположение высказывал и Рерих.

В статью "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ)" (1898) он включил целых три описания этого памятника. Первое, в виде предания, он вложил в уста местного жителя — «словоохотливого попа» (видимо, отца Александра Румянцева):

«...Каждое дельное сведение придется покупать ценою выслушивания бесконечных замысловатых повествований: [...]

— Да, занятное дело — старинное время, — повествует третий, — всё-то разгадать, всё-то произойти! Как вы полагаете, что такое райское блаженство будет? Это, как вам сказать, вечное беспрепятственное познание, недоступное для нас в настоящей суетной жизни. Одни-то будут познавать — наслаждаться, блаженствовать, а другие-то зубы на полку, что на земле узнали, того и хватит. Коли ваше желание будет, интересное местечко могу я вам указать. Изволите ли вы знать городок подле Селищенской деревни — ну, просто скажу, бугор, такой не малый. А рядом с ним и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жил в этом городке задолго когда-то князь не князь, а князёк. Была дочка у него красавица. Красавица такая — теперь таких и не найдёшь! Известное дело, нонче какой народ пошел — мозгляк! Прежде не то было — богатыри, что твой Илья Муромец. Только, не знаю с чего, возьми заболей красавица эта, да и отдай Богу душу в этом самом городке. Её похоронили знатно. Ведь и тогда небось франтихи были, что и теперь. А князёк-то не пожелал больше в этих местах жить. Сопочка-то подле самого бугра, ещё ручей Черченом называется...

Повыудив, что можно дельного, изо всех подобных рассказов, вы приступаете к самой работе» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 8–9).

Второе описание, несмотря на несколько опоэтизированный стиль изложения, уже близко к строгому археол. и содержит к тому же ряд ценных гипотез:

«Из-под облака всё видит ворон; смотрит поверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре. Светлой лентой извивается быстрая речка, один берег ровный, покрытый сочной травою и чащею, другой берег высокий, к реке спуски крутые, обвалы, — песчаные и глинистые оползни! В речку впадает студёный ручей, тоже не маленький. Слилися они, с двух сторон, охватили вплотную продолговатый холм, вышина его по откосу сажени 4–5. В редком месте природа создает такую искусную защиту! На этом холме и поставили город. Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой-рвом — землю сложили валом; на валу тын поставили из славных рудовых брёвен; концы обтесали, натыкали на них черепа звериные, а то и людские на устрашенье врагу! По углам срубы поставили, покрыли их соломой и речным тростником. Состроили вышку — смотреть и наблюдать за вражьими силами или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пуком зажжённой соломы, окрестность оповестить об опасности. Город — место военное, в мирное время тут не живут. Видел ворон и другое! Видел, как пылал тын города, шла сеча! Грызлись и резались насмерть! Напрасно варом кипящим обливали напавшую рать; город пал! Помнил это ворон — пировал он тут сыто» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 19–20).

Третье описание автор приводит в виде примеч. к предыдущему фрагменту:

«Схема описания городка взята с натуры. В Царскосельском уезде существует именно такой городок. На валу раскопкою обнаружены остатки сожжённого оборонительного сооружения, тына. На самой площади городка, теперь густо поросшей лесом, оказалось только несколько грубо сложенных очагов. Следов жилищ вовсе не найдено» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 20).

Четвёртое описание городка Рерих опубликовал в памятке "Археологическая карта Санкт-Петербургской губернии" (1899) в качестве «примера желательных сведений»:

«Между деревнями Чёрная и Сосницы при впадении лесного ручья в р. Изварку расположено, на холме высотою до 5 саж., городище треугольной формы: две стороны длиною до 35 саж. пользуются водной защитой, третья укреплена валом, на котором раскопкою обнаружены следы сгоревшего деревянного сооружения. На площади горо-

дища, теперь густо поросшей березняком, найдены очаги, сложенные из булыжников, содержащие много золы. Въезд в городище в средней части со стороны, защищённой валом» (РА ИИМК, ф. 37, № 6, л. 5 об.; ОР ГТГ, ф. 44, № 580, л. 1 об.). Е.П. Полякова пересказала это описание: *Полякова Е.И.*, 1973. С. 19.

[93] Возможно, один из вариантов след. в данном разд. рукописи отчёта (на это указ. некоторые повторения). В публ. сохранена авторская орфография и пунктуация, сделаны незначительные сокращения (например, убраны повторы одного и того же слова в одном предложении). Общая характеристика Калитинского могильника вошла в обзор: *Спицын А.А.*, 1899. С. 327. Некоторые положения рукописи Рерих включил в статью "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ)" (1898): *Рерих Н.К.*, 1914. С. 1–26. Ед. измерения в табл. — аршин.

[94] См.: *Спицын А.А.*, 1896 (наст. изд., разд. III, № II).

[95] «Всего за 12 лет раскопок им было исследовано в 127 группах 5877 курганных насыпей, средним числом почти по 500 курганов в лето» (*Спицын А.А.*, 1896. С. 3).

[96] На титульном л. значится: «Обработал для издания А. Спицын, Член Императорской Археологической Комиссии».

[97] См.: *Данилов И.Г.*, 1879; *Спицын А.А.*, 1896. С. 14, 46, 47, 103; *Спицын А.А.*, 1897. С. 272. "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Новосиверская-1**. Кург. группа в д. Новосиверская, в 50 м от левого берега р. Оредеж, в 120 м к северо-востоку от плотины. В 1873 раскопано 13 кург. XII в. В 1974 зафиксировано 15 насыпей выс. 0,2–0,4 м, диам. 3–6 м, с каменными обкладками в основании. **Новосиверская-2**. Кург. группа в 0,27 км к востоку от д. Новосиверская, на правом берегу р. Оредеж. В 1873 раскопано 210 кург. XIII–XIV вв. В 1974 зафиксировано 4 насыпи выс. 0,3–0,4 м» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 74).

[98] См.: *Врангель А.*, 1859. С. 151–153; *Спицын А.А.*, 1897. С. 272. Последний отмечал: «В 1840-х гг. раскопан был один курган в Ямбургском уезде бароном Врангелем. На верху насыпи навалено было много булыжника; скелет лежал головою на Восток, на плите, которая была обставлена с боков плитами же. В ногах найдено много угля».

[99] *Мальмгрен Александр Эдуардович* — петербургский археолог родом из Митавы (современная Елгава в Латвии), швед по происхождению. Проживал на Васильевском острове, 7 линия, № 16. Член ИПАИ и ИМАО. Сотрудник Рериха по составлению "Археол. карты СПб. губ." (1899–1902). Когда в научный архив Рериха (редактора этой карты) поступят материалы о памятниках Гдовского у., М. и В.Н. Глазову будет поручено их систематизировать и обобщить. Есть в этих материалах и данные об Осьмино и Самро (см.: РА ИИМК, ф. 37, № 3, л. 100–111, 127–130). Рукопись М., относящаяся к археол. описанию Гдовского у., сохранилась в архиве Рериха (см. в разд. III, № XV (6). По данным ОИАК, М. производил иссл. в у.: Лужском (1893–94), Гдовском (1894–95), Петергофском (1897); в д. Байкайня близ Кейдан Ковенской губ. (1898) и др. местностях. Автор публ.: Отчёты о раскопках в с. Осьмино. // *Археологические известия и заметки ИМАО*. 1894. № 2. 1895. № 7–8; Раскопки курганов в Гдовском уезде. // *Там же*. 1894. № 2. 1895. № 3; Раскопки курганов в Петергофском уезде. // *Там же*. 1897. № 5. С. 350–351; Выставка Археологического института в С.-Петербурге. // *Там же*. 1899. № 1–2. С. 21–26; Геральдическая выставка в Митаве. // *ИВ*. 1903 и др. Упом. в текстах Рериха (например, в очерке "На кургане...", 1898). Кроме вышеназванных публ. и рукописей, об иссл. близ д. Осьмино см. в РА ИИМК, ф. 1, № 90/1893 и 75/1894; *Спицын А.А.*, 1896. С. 3, 18; *Спицын А.А.*, 1897. С. 272. В последнем источнике Спицын

отмечал, что Мальмгрен «раскапывал курганы близ с. Осьмино, расположенного на возвышенной, по-видимому, с давних пор обитаемой местности, в средине которой находится большое оз. Самро и которой принадлежат самые древние вещи в коллекции Л.К. Ивановского». М. иссл. кург. группу на восточной окраине пос. Осьмино, на правом берегу р. Сабы, по берегам ручья Кровавого — по современной терминологии это объект **"Осьмино-1"**. В 1893–94 им было раскопано 29 кург., содержавших ингумации на материке и в насыпи. До наших дней сохранилось 9 насыпей выс. до 1 м, диам. 5–8 м, с каменными обкладками в основании. О др. памятниках в Осьмино, а также о памятниках в районе оз. и д. Самро см.: *Лапшин В.А.*, 1990. С. 46–47, 51, 52 (№ 311–314, 363, 365–368, 372–375).

[100] См.: *Данилов И. Г.*, 1880; *Спицын А.А.*, 1897. С. 272. В последнем источнике уточнено место раскопок: дер. Полицы и Межник. Данные о древностях погоста Лосицкого (с. Лосицы) см. также в научном архиве Рериха: РА ИИМК, ф. 37, № 3, л. 15, 58–67.

[101] См.: *Савельев А.И.*, 1877; *Спицын А.А.*, 1897. С. 272–273. "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Красное Село**. Грунтовый могильник в 0,5 км к западу от быв. Красного Села, у быв. д. Карлино, к северу от дороги в Ропшу. В 1869 при земляных работах обнаружены погребения, при них медные кольца, топоры, нож, а в 1932 — безынвентарные трупоположения» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 78).

[102] См.: *Спицын А.А.*, 1897. С. 273. Со ссылкой: *Указатель памятников Российского Исторического музея*, 1893. С. 189–191.

[103] См.: *Раевская А.М.*, 1876; *Спицын А.А.*, 1897. С. 276. Как указал Спицын, «измерение добытых г. Раевскою черепов, сделанное Богдановым, помещено в *Антропологической выставке*, т. III, стр. 471». "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Усть-Рудица**. Грунтовый могильник в 4 км к юго-востоку от быв. д. Усть-Рудица, на берегу р. Коваша в урочище Чёрное. В 1866 раскопано 8 погребений в грунтовых ямах, ориентированных головой на юг, в одном из них монета Ивана III. Остальная часть могильника обрушилась в реку» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 80). См. также: *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 75.

[104] См.: *Врангель А.*, 1859. С. 151–153; *Спицын А.А.*, 1897. С. 277; *Марков А.К.*, 1910. В предпоследнем источнике приведены пункты в Ямбургском и Петергофском у.: д. Буяницы и «близ Ропши, на мызе Боровской» соотв. (по современной терминологии — **"Буяницы-2"** и **"Боровская"**).

[105] Имеется в виду отд. оттиск обозрения: *Спицын А.А.*, 1897. С. 268–278. Т. о., Рерих подчёркивает, что все сведения, приведённые им в этом абзаце, заимствованы у Спицына.

[106] Эту мысль более развёрнуто раскрывает Спицын: «Раскопки... несмотря на сравнительно небольшое количество исследованных курганов, представили любопытные сведения в дополнение к тем немногим и не вполне точным, которые мы получили от Ивановского. В смысле находки новых древностей, при обилии предметов, найденных ранее, конечно, раскопки г. Рериха не могли дать неизвестных типов вещей; главный интерес его раскопок заключается в установлении подробностей погребального обряда и в обилии рисунков, сообщающих работе наглядность и точность» (*Спицын А.А.*, 1899. С. 323–324). Возможно, данную рукопись Рериха Спицын использовал при подготовке публ. о его раскопках.

[107] Данная фраза позволяет предположить, что эта рукопись сохранилась не полностью. В ней ничего нет о «могилах, имеющих для этого края особый интерес», т. е., надо думать, о грунтовых захоронениях, обнаруженных Рерихом в **д. Лисино** и в **Таракановском лесу мызы Извара** в 1896–97. (См. № VII и IX наст. разд.).

[108] О кург. при **д. Чёрная** и об их этюдах см. в наст. разд., № VI, примеч. 54 и 55.

[109] «В Озертицах найдено погребение (... трупосожжение), которое не может быть отнесено ко времени позднее X в. В нём найдены: своеобразные наконечники стрел и копий... которые имеют... характер литовской работы, витая шейная гривна... пряжка [типа] Люцинского могильника... браслет типа атласа г. Аспелина, № 1917 (с слегка расширенными концами, орнамент почти исключительно точечный), три поясные бляшки типа сочинения г. Бранденбурга... и Люцинского могильника... три бусы (из них одна сердоликовая), нагрудная цепочка с бубенчиком... вески, коробчатый замок и к нему ключ... железная обоймица в виде желобка, с ушком на конце, смятые удила, два звена железной цепочки из костыльков, пять очень подержанных ножей, коса. Вещи принадлежат к типам, встречаемым в древностях Люцинского могильника и в курганах приладожской чуди» (*Спицын А.А.*, 1896. С. 5). Изображения трёх предметов (ключа и наконечников стрел), взятые из **табл. XVII, 17**; **XVIII, 3**; **XVIII, 6**, помещены здесь в тексте.

[110] Это предположение Рерих опубликовал: *Рерих Н.К.*, 1900. С. 105. См. об **Озертицах** в наст. разд., № I, VI, X и примеч. 3.

[111] «Курганы расположены рядами, приблизительно в шахматном порядке» (*Спицын А.А.*, 1896. С. 6).

[112] *Спицын А.А.*, 1896. С. 7. См. также рис. в № VI наст. разд.

[113] Далее в черновике перечёркнут след. фрагмент: «В издании раскопок Ивановского подробно описана картина обряда погребения в Псковских курганах (характерн[ая] для древнейших [курганов] в раскопках Ивановского и моих), так что воспроизведение этой картины вторично было бы излишне, можно только ограничиться наброском её частной картины на основании двух–трёх наиболее хорошо сохранившихся и поддавшихся тщательному исследованию курганов из моих раскопок» (л. 31–32).

[114] Здесь и далее курсивы соотв. подчёркиваниям Рериха.

[115] "Археологическая карта Ленинградской области", в разделе IIIа Гатчинского р-на ("Течение р. Суйда — левого притока р. Оредеж") сообщает следующее: «**Вопша-1**. Кург.-жальничный могильник в 1,5 км к юго-западу от д. Вопша, в 0,1 км к северу от шоссе Никольское — Высокоключевое, в лиственной роще. В 1873 в могильнике "на Сиворицкой границе" раскопано 22 кург. XII–XIII вв. В 1974 зафиксировано 47 комплексов: кург. выс. 0,4–1,5 м, диам. 4–9 м с каменными обкладками в основании и жальничных погребений с круглыми и четырёхугольными оградками. **Вопша-2**. Кург. группа у д. Вопша. В 1873 в "полевой" группе раскопано 3 кург. XII–XIII вв. Не сохранилась. **Вопша-3**. Кург. группа у д. Вопша. В 1873 раскопано 23 кург. XII–XIII вв. Не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 73).

[116] Здесь скорее всего имеются в виду кург. в группе **"Горье-1"** и в полевой группе у **д. Лисино**: № VI (1) и № VII (3) наст. разд. Здесь и далее такая запись сообщает о конкретном захоронении (кург. или могиле). Номер, указ. в скобках, соотв. порядковому номеру, под к-рым захоронение отмечено в соотв. рукописи.

[117] Возможно, имеется в виду кург. в полевой группе у **д. Лисино**: № VII (1) наст. разд.

[118] Скорее всего это № VIII (20) из **Калитина** (см. ниже по тексту). Менее вероятно, это № VI (7) в **д. Захонье**.

[119] Скорее всего это № VIII (3) из **Калитина** (см. ниже), но, м. б., и насыпь № VII (5) из **д. Рогатино**.

[120] Очевидно, имеется в виду № VI (37) из **Введенской** полевой группы.

[121] В оригинале стоит «Западной», но, учитывая поправку Спицына, сделанную им в отчёте Рериха от 1 июня 1896, мы сочли необходимым сделать такое исправление.

[122] См. № VI (27), с рис. и № VI (30).

[123] См. № VI (14) из группы **"Рабитицы-1"** (с рис.).

[124] Таковы кург. № VIII (8, 10, 20) из **Калитинского** могильника (см. ниже по тексту) и кург. № VI (8, 9, 13, 15, 18, 23–26) по "Отчёту о раскопках..." от 1 июня 1896 — из **Рабитиц** и **Домашковиц**.

[125] В изд. помещено 464 воспроизведения вещей на 19 табл. в приложении и по крайней мере 3 воспроизведения рис. Рериха в тексте.

[126] Очевидно, имеется в виду кург. № VI (6) из **Лисинской** лесной группы.

[127] Таковы кург. № VIII (4, 6) из **Калитинского** могильника (см. ниже по тексту) и кург. № VI (7, 17, 20, 31, 35) из **Рабитиц**, **Домашковиц** и **Введенского**.

[128] Таковы кург. № VI (3–5) из лесной группы при **д. Лисино**.

[129] Далее в черновике перечёркнут след. фрагмент: «Среди курганов последнего периода нередко встречаются погребения в могиле без насыпи — насыпь уменьшается до минимальных размеров и даже вовсе исчезает — переход к жальнику» (л. 36). Эта мысль возникает в тексте ниже.

[130] См. подробную, богато ил. (в т. ч. и рериховскими рис.) классификацию этих крестов: *Спицын А.А.*, 1903а.

[131] См. в наст. разд., № VI, VII (кресты I–III) и особ. примеч. 41.

[132] *Долихокефалия* (от греч. dolichos — длинный и kephalē — голова), или длинноголовость, в антропологии — такое соотношение длины и ширины головы, при к-ром ширина составляет менее 0,75 длины.

[133] *Брахикефалия (брахицефалия)* (от греч. brachye — короткий и kephalē — голова), или короткоголовость, в антропологии — такое соотношение длины и ширины головы, при к-ром ширина составляет более 0,81 длины.

[134] *Мезокефалия* (от греч. mesos — средний и kephalē — голова), или среднеголовость, в антропологии — такое соотношение длины и ширины головы, при к-ром ширина составляет от 0,75 до 0,80 длины.

[135] «До 2500 черепов из раскопок г. Ивановского находится в С.-Петербургском Антропологическом Обществе и сравнительно небольшое число — в Антропологическом Музее в Москве. Первая коллекция изучена была в 1896 г. А.П. Сутугиным-Павловым, но лишь со стороны аномалий, которых в этих черепах оказалось весьма значительное количество. По словам Л.К. Ивановского, черепа раскопанных им петербургских курганов относятся к типу короткоголовых прямолицых. Рост погребённых в курганах он называет высоким» (*Спицын А.А.*, 1896. С. 37).

[136] *Петри Эдуард Юльевич* (1847—99) — русский географ и антрополог. С 1887 — профессор ИПУ, товарищ председателя Петербургского Антропологического общества. В Кабинет географии и этнографии ИПУ, руководимый П., поступали черепа из раскопок Ивановского и Рериха. Автор монографий "Антропология" (2 тт., 1890–95), "Методы и принципы географии" (1892) и др.; ред. "Большого всемирного настольного атласа Маркса" (1905, закончен Ю.М. Шокальским) — одного из лучших географических атласов своего времени. См.: Петри Э.Ю. Некролог. // *Землеведение*. 1899–1900. Кн. 4.

[137] Несколько подробнее это положение Рерих развил в след. рукописи (№ IX наст. разд.).

[138] Здесь, видимо, имеются в виду прежде всего № VIII (12) из **Калитинского** могильника (см. по тексту ниже), № VI (24) (**д. Домашковицы**), № VII (1–3, 5) (**дер. Лисино** и **Рогатино**).

[139] Подробную справку об изучении Рерихом древностей **Калитина** см. в наст. разд., примеч. 18. Самая ранняя рериховская характеристика могильника относится к октябрю 1895 (см. наст. разд., № V). Недатированная рукопись Рериха о раскопках Калитинского могильника хранится также в ОР ГТГ, ф. 44, № 15, л. 1–2.

[140] План могильника помещён в № V наст. разд.

[141] В подлинном "Дневнике раскопок, произведённых студентом Императорского Санкт-Петербургского университета, вольнослушающим Императорской Академии художеств Николаем Рерихом", сохранились записи о Калитинских курганах, относящиеся ко дням их раскопок 9 и 11 августа 1895 (см. в РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 18 об.–42). От представленных здесь описаний они отличаются предельной сжатостью и схематичностью, что вызвано теми условиями, в к-рых они делались: что называется, на месте, "по горячим следам" (см. № IV наст. разд.).

[142] Воспроизведение этого типа см. в № VI наст. разд., "Перечневая опись...", пункт 7.

[143] В "Дневнике раскопок..." описание этого кург., сделанное 9 августа 1895, таково (курсивом выделен текст, потом дописанный Спицыным): «Зола опять выше *горизонта кургана* на $^1/_4$ арш. *и лежит кучкой.* Кругом камни. *Насыпь кургана вымощена.* Мужской. Сидя, *ноги протянуты. Полож[ение] рук неизвестно.* Костяк на глубине $1^1/_4$ арш. *с верха* кургана — похор[онен] верно на земле. Порос лесом» (см. в РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 21).

[144] Описание из "Дневника раскопок...", сделанное 9 августа 1895, см. в наст. разд., № IV, там же и воспроизведение л. со схемами погребения и скелета.

[145] Параметры кург. (в табл.) взяты из "Дневника раскопок..." (указ. д., л. 23 об.).

[146] Воспроизведение этого типа см. в № VI наст. разд., "Перечневая опись...", пункт 5.

[147] Воспроизведение этого типа см. в № VI наст. разд., "Перечневая опись...", пункт 3.

[148] В деле ИАК сохранилась след. запись об этом: «Коллекция вещей из раскопок 1895 г. выдана г. Рериху в его распоряжение, так как раскопки произведены на частной земле. А. Спицын» (РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 6). ОИАК за 1895 год сообщал, что находки Рериха в дер. Калитино и Сосново назначены в ИПАИ (см. № III разд. III наст. изд.).

[149] На этом сохранившаяся часть рукописи заканчивается.

[150] В данной публ. сделаны незначительные сокращения (убраны повторы слов в одном предложении). Название *"Изварский могильник (предполагаемые погребения древней води)"* написано рукой автора на л. 8 рукописи реферата. Название *"О раскопках 1897 года в Царскосельском уезде"* взято из отчёта В.Г. Дружинина о работе ИРАО в 1897 г. (РА ИИМК, ф. 3, № 401, л. 152). В публ. Рериха и Спицына эта же рукопись (как *реферат*, доложенный на заседании ОРСА ИРАО) фигурирует ещё и под названием *"Раскопки 1897 г. в курганах СПб. губ. (1897)"* (см. *Спицын А.А.*, 1899. С. 330; *Рерих Н.К.*, 1914. С. 4).

На л. 8 рукописи автографы — графа А.А. Бобринского: «Доложен комиссии в заседании 10 апреля 1898 г. К делу. Б[обринской]» и А.А. Спицына: «В 1897 г. Н.К. Рерихом раскопки были произведены лишь в им[ении] Извара Царскосельск[ого] у., причём находок предметов сделано не было. Настоящая статья представляет реферат об

этих раскопках, читанный г. Рерихом в Импер[аторском] Русск[ом] Археолог[ическом] Обществе. А. Спицын». Т. о., данная рукопись была представлена дважды — в ИАК и в ИРАО.

Изучение архива ИРАО, во-первых, дало точную дату того заседания, на к-ром была доложена эта рукопись (называемая в документах ещё *рефератом* и *сообщением "О раскопках 1897 года в Царскосельском уезде"*), — это заседание ОРСА ИРАО 19 сентября 1897; во-вторых, позволило воссоздать авторский порядок следования текста — по протоколу упом. заседания, ибо л. в рукописи перепутаны и их содержание не всегда однозначно определяет их порядок.

Чтобы у читателя была возможность проверить правильность такой реконструкции, здесь мы воспроизводим "рериховскую" часть протокола (Рерих выступал на заседании первым):

«Н.К. Рерих прочитал реферат о своих раскопках, произведённых нынешним летом в Царскосельском уезде (мыза Извара). Обширные раскопки (7000 погребений) в Санкт-Петербургской губернии не дали пока возможности твёрдо установить тип и характер погребений древней води и её древностей; с этою целью необходимо исследовать северо-западную часть Петергофского уезда. Исследованные докладчиком каменные фигуры — могилы — на мызе Извара обнаружили следующий характер погребения: после полного сожжения зола собирается с кострища (на материке же) и отмечается двумя или четырьмя камнями (ромбическая фигура). Площадь фигуры забрасывается иногда мелким булыжником. Докладчик видит в этом некоторую аналогию с каменными клетками древних эстов, почему он и делает предположение о принадлежности этих фигур древней води.

А.А. Спицын возразил, что ввиду близкого сходства древностей близ Пюхтицы с древностями на острове Эзеле едва ли можно считать первые (Пюхтицкие) за славянские, — они принадлежат води. С.Ф. Платонов и князь П.А. Путятин сделали несколько дополнений к реферату» (РА ИИМК, ф. 3, № 409, л. 176; публ. протокола: *ЗИРАО*. Т. X. Вып. 1–2. СПб., 1898. С. 379).

На этом же заседании Рерих сделал ещё одно сообщение — о некоторых местах Санкт-Петербургской губернии, связанных с преданиями, — авторские записи к нему хранятся вместе с данной рукописью. Заседание 19 сентября было единственным в 1897, на к-ром Рерих выступал с сообщениями (но не единственное, на к-ром он присутствовал).

В оригинальном виде данная рукопись-реферат не была опубликована. После первого сообщения о ней в печати в 1898 (вышеназванная публ. протокола) зафиксированные в ней данные изложил Спицын: *Спицын А.А.*, 1899. С. 328–329. В 1900 Рерих сам сообщил в печати о своих изварских открытиях и масштабно проанализировал их, с привлечением всех известных параллелей и аналогий из археологической литературы: *Рерих Н.К.*, 1900. С. 107–114. Некоторые положения из рукописи Рерих включил и в статью "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898): *Рерих Н.К.*, 1914. С. 1–7.

В конце жизни, уже в Индии, Рерих вспомнит об Изварском могильнике в листе дневника "Диковины" (без даты, 1930–40-е гг.): «...Неожиданным образом около Извары был открыт древний могильник на месте, о котором менее всего можно было предполагать. На коровьем выгоне, где ежедневно дважды проходило большое стадо, из земли торчали сглаженные временем еле заметные камни. Но всё же удалось рассмотреть повторность этих камней и исследовать их» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 606).

Т. о., и в 1900, и в конце своей научной деятельности Рерих был убеждён, что в 1897 в Таракановском лесу мызы Извара он обнаружил именно *могильник*, в чём теперь

сомневаются некоторые исследователи (см.: *Кольчатов В.А.*, 1982; *Хвощинская Н.В.*, 1983; *Лапшин В.А.*, 1990. С. 97; *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 22–23).

Др. археол. памятники в Изваре становятся достоянием науки только в наше время. Интересные сведения о них сообщил современный иссл. *С.М. Чернов*, представивший в 1994 на научном семинаре в СПб. научном центре РАН реферат "Археологические исследования в усадьбе Извара в 1993 году". См. также выше в наст. разд., № VII.

В литературе встречалось сообщение о фотографии, на к-рой «Рерих изображён во время археологических раскопок» (*Корнилова А.В., Экк А.Э.*, 1978. С. 121), по-видимому, весной 1897. Фотография была приложена к письму Рериха Стасову из Извары от 14 мая 1897. Оригинал в ОР ИРЛИ РАН, ф. 294, оп. 1, № 449, 1897 (см. её воспроизведение во вступительной статье наст. изд.).

[151] См., например, в источниках, знакомых Рериху. «Представленные объяснения названий половин в пятинах: Водской, Шелонской, Обонежской и Бежецкой — показывают, что и здесь, как для пятин, названия были заимствованы от оконечностей, от направлений, которые надобно было принять ехавшему из Новгорода в ту или другую половину, от путей» (*Неволин К.А.*, 1853. С. 66); «По справедливому замечанию проф. С.Ф. Платонова, самое название пятины Водскою, по аналогии с пятинами Обонежскою и Бежецкою, скорее всего показывает, что водь жила лишь на её окраине» (*Спицын А.А.*, 1896. С. 37). Полный очерк о води с подробными историческими сведениями, данными о происхождении этой народности и библ. см.: *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 16–23.

[152] «Древности финского племени води, обитавшего издавна в северо-западном углу губернии, ещё не определены с достаточною точностью. Мы приписываем этому племени курганы XI в., раскопанные Л.К. Ивановским близ д. Мануйлово в долине р. Луги недалеко от Ямбурга, и курганы XIV–XV вв., раскопанные им же близ д. Войносолово» (*Спицын А.А.*, 1897. С. 276).

[153] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Мануйлово**. Кург. группа в 0,7 км к северо-западу от д. Мануйлово, в поле. В 1891 раскопаны 24 и в 1903 — 21 курган XII–XIII вв. В 1932 отмечено 15 насыпей. Не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 103).

[154] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Войносолово-1**. Кург. группа в 0,5 км к югу от д. Войносолово на левом берегу р. Толда. В 1885 в 2 кург. группах у деревни раскопано не менее 138 кург., в том числе материалы XI–XII вв. и XV–XVI вв. Группа не сохранилась. **Войносолово-2**. Могильник в 0,3 км к северо-западу от д. Войносолово, в 0,7 км к северу от правого берега р. Толды. Сохранилось 2 жальничных комплекса с четырёхугольными оградками 2×2 и 1,7×1,7 м и каменный крест. Из этого могильника, видимо, происходят материалы XV–XVI вв. (раскопки 1885). **Войносолово-3**. Скопление каменных крестов в 40 м к востоку от д. Войносолово, в 150 м к югу от шоссе Ленинград — Кингисепп. Обследовано в 1971. 8 крестов XIII–XIV вв. Из д. Войносолово происходит ещё один каменный крест XIV в.» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 102).

[155] Известно несколько написаний самоназвания води, например, «ваддьялайзет» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 107), "вадьялайн" (*БЭС*, 1998. С. 215). См. также: *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 20.

[156] См.: *Арсеньев С.В.*, 1891.

[157] *Висковатов (Висковатый) Павел Александрович* (1842—1905) — историк литературы, редактор "Русского мира", проф. русской словесности Дерптского (Тартуского) университета, затем директор гимназии в СПб.

[158] *Фут* (англ. foot, буквально — ступня) — 1) ед. длины в системе англ. мер, обозначается ft. 1 ф. = 12 д. = 0,3048 м; 2) ед. длины в системе русских мер. 1 ф. = $^1/_7$ саж. = 12 д. = 0,3048 м.

[159] См.: *Висковатов П.А.*, 1893; *Новости*. 13 октября 1886. № 282; *ЗИРАО*. Т. II. Вып. 3. СПб., 1886. С. CLXV.

[160] *Везенберг* — офиц. назв. г. Раквере в Эстонии до 1917.

[161] Т. е. *Спицын*.

[162] *Харузин Алексей Николаевич* (род. 1864) — этнограф и антрополог. В 1891 назначен в Ревель (Таллинн) чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе, затем был секретарём нескольких местных комиссий. Редактировал "ВЭГ". Автор трудов "Степные очерки" (М., 1888), "Киргизы Букеевской орды" (М., 1889 и 1891), "Курганы Букеевской орды" (М., 1890), "Древние могилы Гурзуфа и Гугуша на южном берегу Крыма" (М., 1890), "Тайны южного берега Крыма" (М., 1891), "К вопросу о корпоративном строе студентов в Дерпте" (Ревель, 1893), "К антропологии населения Эстляндской губернии" (Ревель, 1894), "Босния – Герцеговина" (СПб., 1901) и др. Сочинение "Крестьянское землевладение в Эстляндской губернии" (в 2-х тт., Ревель, 1895) удостоено золотой медали АН.

[163] См.: *Харузин А.Н.*, 1893. Обо всех вышеназванных пунктах раскопок и находок см. также в изд. раскопок Л.К. Ивановского, в разд. IV ("Древности води"): *Спицын А.А.*, 1896. С. 48–52.

[164] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Копорье**. Каменная крепость в пос. Копорье на берегу р. Копорки. Раскопки проводились в 1970–73. Вскрыты деревянные укрепления XIII в. и первоначальная каменная стена конца XIII в., слои XIII–XVIII вв.» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 82).

[165] См.: РА ИИМК, ф. 3, д. 624–631.

[166] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Слободка-1-я**. Кург. (?) могильник у д. Слободка-1-я. В 1891 раскопано 3 безынвентарных ингумации. **Слободка-2-я**. Кург. (?) могильник у д. Слободка-2-я. В 1891 раскопано 7 безынвентарных ингумаций. **Кошкино**. Кург. (?) могильник в д. Кошкино. В 1891 раскопано 2 безынвентарных трупоположения» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 107).

[167] Во всех табл. ед. измерения арш. Там, где ед. измерения вершок, после цифры стоит в.

[168] Имеется в виду заседание ОРСА ИРАО 29 сентября 1896. См. в наст. разд., примеч. 78.

[169] Таковы, например, жальники **"Ославье-3"**, **"Курковицы"**, **"Рабитицы-6"**, **"Лемовжа-2"**, **"Муравейно"** и др. (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 86, 95, 96, 100, 103).

[170] В итоговой статье даётся иная площадь могильника: «на пространстве $^3/_4$ десятины в лесу в разных местах торчали из-под корней и земли булыжники» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 107). Видимо, искажённое наборщиком «$^1/_4$ — $^1/_3$».

[171] Имеется в виду фигура № 14.

[172] Имеется в виду фигура № 1. Явное свидетельство искусственного происхождения фигуры.

[173] Т. о., Рерих указывает мощность слоя золы от 6 до 133 мм, а не от 20 до 130 мм, как указано Н.В. Хвощинской (*Хвощинская Н.В.*, 1983. С. 45).

[174] Имеется в виду фигура № 6.

[175] Место в рукописи, на основании к-рого Н.В. Хвощинская утверждает: «Н.К. Рерих пришёл к парадоксальному для себя выводу, что зола повсеместно покрывает всю площадь предполагаемого могильника, и, следовательно, исследованные им фигуры ничего не выделяют» (*Хвощинская Н.В.*, 1983. С. 45). Однако такого вывода в текстах Рериха нет. То, что слой золы «выступает далеко в стороны, обнаруживая кострища, на которых остался мелкий уголь», свидетельствует не о "повсеместности" слоя (если б это было так, то тогда бы Рерих выразился иначе — примерно так, как выразилась Н.В. Хвощинская), а именно о его *локальности* (здесь "выступать" означает выделяться относительно чего-то, что отличается от выделенного по существу) и *направленности* (от фигур к трупосожжениям-кострищам). Последняя характеризуется *неоднородностью слоя* — изменением его качественного состава от чистой, плотной золы в фигурах к золе с вкраплениями мелкого угля и «жёлто-серыми мелкими остаточками костей» в трупосожжениях-кострищах. Из-за скученности фигур и "накладывании" друг на друга разных трупосожжений-кострищ могло образоваться некое подобие "повсеместности" многих искусственных слоёв — но никак не одного однородного слоя. Именно *подобие* "повсеместности", ибо Рерих не пишет "вся площадь", а отмечает: «как бы почти вся площадь была покрыта когда-то сожжениями».

[176] Имеется в виду фигура № 2.

[177] В итоговой статье Рерих так описывает Изварский могильник: «В 1897 году мною был раскопан неизвестный могильник при мызе Извара, Царскосельского уезда. Устройство и внешность его была следующая: на пространстве $^3/_4$ десятины в лесу в разных местах торчали из-под корней и земли булыжники, где по два, где по 4, образуя тогда ромбическую фигуру, удлинённую всегда по направлению от Востока на Запад. При раскопке обнаружилось погребение такого рода: на ровной песчаной площади (местный грунт) совершалось полное трупосожжение; зола и угли собирались в кучу, которая обозначалась двумя или четырьмя валунами и в немногих случаях покрывалась тонким слоем земли и забрасывалась булыжниками по всей поверхности. Предметов, кроме бесформенных остатков железа, в этих могилах находимо не было, так что при определении раскопки, очень новой для данной местности, приходилось руководствоваться лишь обрядом погребения. По аналогии с обрядом погребения древних эстов — финской еми, состоящим, как известно, в трупосожжении при каменной обкладке могил, образующих общую иногда очень сложную фигуру, можно было усматривать некоторую связь исследованного могильника с погребениями финскими. В самом деле, и сожжение, и мелкое погребение, и обрамление могилы камнями — всё было одинаково; оставалось различным — одиночность погребений и отсутствие бронзовых и серебряных предметов, что, зная бедность водского племени, вызывало догадку, не есть ли это следы погребений вожан, ещё не утерявших оригинальные особенности своего национального погребального ритуала, весьма вероятно исчезнувшего впоследствии под влиянием соседей новгородцев. Но за отсутствием находок заключения дальше этой догадки идти не могли, заставляя в чем-то ином искать разгадку погребений води» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 107–108). Непонятно, что в этом тексте заставило Н.В. Хвощинскую утверждать: «В дальнейшем при публикации материала все оговорки и неясности Н.К. Рерихом были сняты, и изварский комплекс вошел в литературу как могильник води», при этом делать ссылку на приведённый выше фрагмент из статьи Рериха. Но именно, что и следует из последних слов Рериха, за отсутствием находок он не считал возможным признать Изварский могильник водским и призывал дальше работать над разгадкой оригинального водского погребального ритуала. Повторяя публикацию статьи "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898) в 1913, Рерих не

посчитал возможным внести изменения в ту её часть, к-рая касалась древностей води: «...Водские древности пока ещё не установлены. Некоторые исследователи приписывают все местные древности вожанам, но в сущности тип водских погребений ещё неизвестен и может быть выяснен только новыми изысканиями» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 3). Т. о., и в 1913 Рерих не считал открытый им могильник водским, в противном случае он бы выразился иначе.

[178] Далее в рукописи перечёркнуто предложение: «Или же водь была племенем слабым и, как можно представить, бедным, так что утварь и украшения были слишком дороги» (л. 11).

[179] О том, как в наше время "разгадываются" погребальные и др. обряды води, см.: *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 16–60.

[180] Современная "Археологическая карта Ленинградской области" об этом пункте не сообщает ничего, однако он отмечен в сводной публ.: *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 63, 74. См. также в наст. разд., № X.

[181] См. также в наст. разд., № II и III.

[182] Слова в скобках в рукописи перечёркнуты.

[183] Слова в скобках в рукописи перечёркнуты. В статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898) Рерих воспроизводил "диалоги" крестьян явно под впечатлением известных ему данных о насыпях над ключами:

«В стороне слышится тихий разговор.

— В Красной одного сидячего нашли; рядом ложка чугунная положена и ножик. В головах-то горшок.

— Точно поужинать собрался, а тут его и накрыли!

— В Хлебниковой даче мост оказался через Ржавую мшагу, на сажень его туда засосало. Слышно, там война шла. Вот потопнуть-то можно...

— А вот мы заправду чуть не потопли. Приходит ко мне это раз Васька Семёнов; слышь ты, говорит, нашёл я сопку у Вязовки, невдали от Княжой Нивы. Кругленькая, хорошая сопка, и огонёк по ней порхает. Клад — беспременно. Собьём-ка артель да раскопаем. Вдвоём-то неспособно: и сопка-то больша, в сажень казённую будет, да, пожалуй, и страхи пойдут. Ладно! Сбили мы артель, пошли. Сопка правильная и от речки недалеко. И насыпана она неспроста: кругом выложена камнем, сверху песок да земля; потом прутняк — уже перегной. За ним хвощь да глина. Дерево сгоревшее и негорелое. Видим — уже грунт показался. Васька щупом хватил вниз — слышит грохот — дерево, значит. Хватил правее — звякнуло что-то, значит, близко. Свечерело уже. Только смотрю я, сочится с боков вода и снизу точно проступает. Васька и Фёдор нагнулись, руками щупают, — нащупали дерево, тянут наверх — не идёт, будто держит его. Ещё потянули, глядят — старая-престарая доска — сопревши вся. И хлынула из-под той самой доски вода. Ключ открылся; пошла садить; уж не то что клад — сами-то рады из ямы выбраться. Ударишь щупом — звякает что-то, котёл, что ли!

— Так и не допустила вода?

— Ещё бы тебе допустить! Оно ведь тоже заклятье какое положено! Вот в Берёзовском пруду золотая карета да 5 стволов золота опущены, старики в ясные дни ещё видали чуть-чуть! А поди-ка вытащи. Всем знатко, а не взять, потому заклятье, зарок» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 11–13).

Известно высказывание Рериха о подобных объектах почти через полвека. Многолетний опыт наблюдений и раскопок в разных регионах планеты претворил его из-

варские поиски курганов над ключами в такое обобщение: «...Понятны некоторые древние обычаи сокрытия знатных погребений. Легенды говорят о погребении на дне временно отведённой реки» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 126).

Сведения о кладах под плитами в ключах использованы Рерихом при написании сказки "Клады" (1912) и рассказа "Клады захоронённые" (кон. 1920-х). См. также статью С.М. Шамина в приложениях наст. изд.

[184] *Ивановский Л.К.*, 1880.

[185] "Археологическая карта Ленинградской области" об этом объекте умалчивает. О подобном читаем в статье "На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)" (1898). След. сведения Рерих слышал от «книжного волостного писаря»: «... в Лохове не так давно были ступени плитные древнейшего храма языческого, а поблизости нашли сруб, из него разные предметы добывали. В настоящее время ступени выломаны на плиту, а сруб завален камнями — известно: дурак народ!» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 8). Лохово, видимо, намеренно заменяет здесь Калитино.

[186] Два последних абзаца в рукописи перечёркнуты.

[187] Резолюция графа А.А. Бобринского на первом л. рукописи отчёта: «Заслушано в Комиссии 26 октября 1898 г. Постановили: просить г. Рериха, по отпечатании, доставить экземпляр в Комиссию». В данной публ. сделаны незначительные сокращения (убраны повторы). На данных отчёта базировался реферат, доложенный в заседании ОРСА ИРАО 4 ноября 1898 (*"К вопросу о типах погребения в курганах Водской Пятины"*). Первая публ. этих данных: *Рерих Н.К.*, 1900. С. 102–114. Ед. измерения в табл. — арш.

[188] Раскопки Спицына в 1912 близ д. Войсковицы тоже подтвердили существующие сомнения в точности многолетних раскопок Ивановского. См. в РА ИИМК, ф. 1, № 108/1912; *ОИАК за 1912 год*. Пг., 1916. С. 72–73. Ср. отношение современных иссл.: *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 23–24.

[189] Сводную справку о древностях у **д. Озертицы** см. в наст. разд., примеч. 3.

[190] 3 августа 1892 и Рерих иссл. кург. группу, расположенную между с. Грызово и д. Озертицы (см. № I наст. разд.).

[191] См. в наст. разд., примеч. 3 и 60.

[192] См. в наст. разд., примеч. 39.

[193] См. в наст. разд., примеч. 43.

[194] См. в наст. разд., примеч. 35.

[195] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Торосово-1**. Кург. группа в 0,8 км к северу от д. Торосово, у дороги на Низковицы. В 1877 раскопано 15 из 30 насыпей, в 1898 — ещё 3. XII–XIII вв. В 1985 отмечены остатки четырёх насыпей. **Торосово-2**. Кург. группа в 0,1 км от группы Торосово-1, в поле. В 1898 раскопан 1 из 15 кург. Группа не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 84–85). В итоговой статье Рерих писал: «При имении Торосово раскопаны две совершенно различные группы, дневник же говорит лишь об одной из них — лесной» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 106).

[196] См. в наст. разд., примеч. 18.

[197] См. в наст. разд., примеч. 41.

[198] См. об этом пункте в наст. разд., № IX и примеч. 180. В итоговой статье Рерих писал: «При дер. Реполка крестьяне, свозя песок для дамбы, разрушили жальник, а добытые предметы по их свидетельству доставили Ивановскому, бывшему тогда неподалеку в

дер. Селище. Боюсь, не попали ли они в список предметов из Селища, ибо отдельного о них упоминания нигде нет» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 105).

[199] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Селище**. Грунтовый могильник у д. Селище. В 1885 раскопано 57 погребений XV–XVII (?) вв. Не сохранился» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 99).

[200] См. в наст разд., примеч. 58.

[201] См. в наст. разд., примеч. 36.

[202] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Глумицы**. Кург. группа между д. Глумицы и д. Старые Раглицы. В 1876 раскопано 19 кург. кон. XII — нач. XV вв., в 1898 — 2. Группа не сохранилась» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 94).

[203] Без вершины. — *Примеч. Н.К. Рериха.*

[204] Здесь и далее Рерих ссылается на "Перечневую опись предметам древности, доставленным Николаем Константиновичем Рерихом из раскопок 1898 г., произведённых в деревне Глумицы, Царскосельского уезда, и имении Торосово, Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии", хранящуюся вместе с данной рукописью в деле ИАК (л. 10). В ней перечислены 10 предметов и есть запись Спицына: «Означенные вещи г. Рерих просит передать в распоряжение Имп[ераторского] Русск[ого] Археологич[еского] Общества». Так и произошло — 3 марта 1899 находки были отправлены в ИРАО. В итоге они вошли в коллекцию предметов из раскопок, производимых в 1896–98 Рерихом в смежных волостях Петергофского, Ямбургского и Царскосельского уездов, преимущественно XIII–XIV вв., хранившуюся в Музее ИРАО (*Спицын А.А.*, 1908. С. 28).

[205] Фраза в квадратных скобках вставлена из пункта 1 упомянутой "Перечневой описи...". Оттуда же здесь воспроизведён схематический рисунок перстня.

[206] Находка этой монеты до сих пор широко обсуждается исследователями. Например, Е.А. Рябинин пишет: «Сложный процесс начального освоения Ижорского плато разными по происхождению группами древнерусских переселенцев и их предполагаемое смешение с местными финскими коллективами определяли нелинейность развития ритуала и возможность длительного переживания в глухих уголках региона архаических форм погребальных сооружений. Наиболее яркий пример такого рода выявлен самим Н.К. Рерихом при раскопках кургана 1 у д. Глумицы. Здесь в основании насыпи обнаружено одно из позднейших датированных захоронений возвышенности — мужское трупоположение с новгородской деньгой 1420 г. Этот случай рассматривается исследователями как отражение живучести старых форм погребения на окраине Новгородской земли. Открытие Рериха является археологической иллюстрацией к интереснейшему историческому документу — посыльной грамоте 1534 г. новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину об искоренении остатков язычества» (*Рябинин Е.А.*, 1998. С. 88; ср. *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 54). Сам Рерих впервые опубликовал этот случай в 1900 году (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 102–103). В последующие гг. он неоднократно вспоминал о нём в своих очерках и "Листах дневника", например: "Подземные жители" (1923), "Нумизматика" (1937), "Грамоты" (1939). В последнем Рерих писал: «...Были особенные курганные находки: копейка вольного Новгорода 15-го века в руке костяка в кургане, считавшемся 11-го века».

[207] Фраза в скобках вставлена из пункта 4 по упомянутой "Перечневой описи..." (л. 10). Оттуда же здесь воспроизведён схематический рисунок бусины.

[208] Сводную справку о древностях в **д. Роговицы** см. в наст. разд., примеч. 34.

[209] В рукописи здесь рис. кург. № 5 (акварель, чернила).

[210] По В.А. Лапшину, это группа **"Торосово-1"**.

[211] В рукописи здесь схематическое изображение кург. № 7.

[212] По В.А. Лапшину, это группа **"Торосово-2"**.

[213] В рукописи здесь схематическое изображение кург. № 10.

[214] "Археологическая карта Ленинградской области" о древностях д. Дамище (Даймище) сообщает: «**Даймище**. Кург. группа в 0,3 км к северу от д. Даймище, в 0,5 км от правого берега р. Оредеж. Известна с 1898. В 1975–78 исследована полностью: раскопан 71 курган XI — первой половины XIII вв.» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 74).

[215] *Императорский Петербургский Археологический институт* — научно-учебное учреждение для подготовки археологов и архивистов. По сообщению В.Н. Самошенко, основан в 1877 по инициативе Н.В. Калачова. До конца XIX в. готовил только архивистов, с 1899 — и археологов. Находился в ведении Министерства народного просвещения, с 1883 получал правительственные субсидии (6 тыс. руб. в год, с 1896 — 18 тыс., с 1912 — 25 тыс.). Лица с высшим гуманитарным образованием принимались в действительные студенты (с 2-летним сроком обучения), со средним — в вольнослушатели (с 3-летним сроком обучения; с последних взималась плата в размере 30 руб. в год). Преподавалось 12 дисциплин, в т. ч. архивоведение, палеография, метрология, древняя, христианская и первобытная археология, церк. древности и др. Среди преподавателей — И.Е. Андреевский, А.П. Воронов, Н.П. Лихачёв, Д.И. Прозоровский, Н.К. Рёрих, В.И. Сергиевич, А.И. Соболевский, И.А. Шляпкин и др. Институт возглавляли Н.В. Калачов (1877–85), И.Е. Андреевский (1885–91), А.Н. Труворов (1891–96), Н.В. Покровский (1897–1917). Педагогическими делами ведал совет, хозяйственными — правление. В институте имелось собрание рукописей, археол. памятников, библиотека (свыше 17 тыс. тт.; свою библиотеку в дар институту передал Н.В. Калачов). Издавались: "Сборник Археологического института" (т. 1–6, 1878–98), *ВАИ* (т. 1–23, 1885–1918), в к-рых публ. информация о деятельности института, архивных учреждений, об археол. раскопках и др. До 1912 институт — научно-методический центр для губернских учёных архивных комиссий. В 1922/23 учебном г. преобразован в Отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук Петроградского университета. За время существования институт окончили свыше 1500 чел. См.: *Отечественная история*, 1994. Т. I. С. 120. Интересные сведения см. также: *Лебедев Г.С.*, 1992. С. 156–157.

[216] *Веселовский Николай Иванович* (1848—1918) — археолог, востоковед. Член-корреспондент РАН (с 1914). В.Я. Петрухин сообщает о В. след. биографические сведения. Из мещан. Окончил арабо-турецкое отд. факультета восточных языков ИПУ. С 1878 доцент, зав. кафедрой истории Востока, проф. ИПУ. Член ИРАО (с 1881; с 1908 возглавлял Восточное отд. об-ва). В 1884 иссл. городище Афрасиаб близ Самарканда, изучал архитектурные памятники (Шахи-Зинда, Гур-Эмир, Биби-Ханым и др.). Член-корреспондент (с 1886), действительный член (с 1889) ИАК. В 1891–1900 иссл. кург. и др. памятники в Мелитопольском у., в Крыму, на Кубани, в т. ч. Майкопский кург. (1897), скифские и др. кург. у ст. Костромская и др. В 1891 избран проф. первобытной археол. в ИПАИ. В 1913–16 иссл. кург. Солоха. Опубликовал многочисленные работы о скифских и средневековых древностях Средней Азии, о "каменных бабах", по истории Золотой Орды. Среди его работ — "История Императорского Русского Археологического Общества, 1846–1896" (1900). См.: *Отечественная история*, 1994. Т. I. С. 377. Неоднократно упом. в текстах Рериха: *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 35; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 241.

Т. II. С. 107, 163, 250; *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 132, 133, 157, 162, 167–169, 171, 179. О нём в связи с Рерихом см.: *Лебедев Г.С.*, 1992. С. 238 и др.; *Ларичев В.Е.*, 1993. С. 28–30; *Мельников В.Л.*, 1997а. С. 22; *Мельников В.Л.*, 1997г. С. 4; *Мельников В.Л.*, 1998а. С. 3; *Мельников В.Л.*, 1998г. С. 47; *Фосдик З.Г.*, 1998. С. 351. 4 неопубликованных письма Рериха В. (1897–1900) хранятся в РГАЛИ, ф. 118. Письмо В. Рериху хранится в ОР ГТГ, ф. 44, № 657.

[217] Текст составлен из двух взаимосвязанных ч. Назв. 1-й ч. вынесено в заглавие всей публ. Автограф этой ч. оканчивается подписью: «Художник Н.К. Рерих», часть эта упомянута в письме директора ИПАИ Н.В. Покровского от 16 февраля 1900, сопровождавшем её присылку в ИАК (см. наст. изд., разд. II, № 19). 2-я ч. — это рукопись, подшитая в д. ИАК сразу за 1-й, в автографе озаглавлена *"Раскопка при Пежовицах"*, и на ней стоит резолюция графа А.А. Бобринского: «Комиссия заслушала в заседании 21 мая 1900 г.». В данной публ. большинство сокращённых слов воспроизводится целиком; сделаны незначительные сокращения. Ед. измерения в табл. — арш. Краткое описание раскопок у **д. Пежовицы** (близ **ст. Вруда**) Рерих сообщил на заседании ОРСА ИРАО 4 марта 1900 (см. в РА ИИМК, ф. 3, № 410, л. 22–23). Первая публ. данных: *Рерих Н.К.*, 1900. С. 102–104. Первое сообщение в печати в след. заметке: «9 мая в СПб. Археологическом Институте состоялся торжественный акт. Из отчёта, прочитанного директором учреждения, профессором Н.В. Покровским, видно, что деятельность Института быстро расширяется, число слушателей возрастает, преподавательский персонал увеличивается. В числе профессоров в отчётном году прибавились два специалиста: Н.Н. Дебольский (по кафедре "Московские приказы XVII в.") и Н.К. Рерих (по кафедре "Художественная техника в применении к археологии"). В течение года в Институте происходили собрания его членов и слушателей, читались рефераты, посвящённые различным вопросам археологии. 16 мая слушатели и члены Института под руководством проф. Н.И. Веселовского и художника Н.К. Рериха совершили археологическую экскурсию на ст. Вруда (Балтийской ж. д.). В ней приняли участие: Н.Н. Селифонтов, А.В. Половцов, М.Е. Бибиков, Н.Д. Покровский и др., всего 45 чел. Благодаря своему новому деятельному директору, Институт в близком будущем получит важные привилегии» (Мелкие известия. // *ИХП*. 1899. № 9–10. С. 830).

[218] В "Археологической карте Ленинградской области" о древностях **д. Пежовицы (Пожевицы)**, находящейся близ ст. Вруда быв. Балтийской ж. д., сообщается след.: «**Пожевицы-1**. Кург.-жальничный могильник в 0,3 км к югу от д. Пожевицы, в роще на поле. Раскопано 16 кург. в 1876 и 14 — в 1899. XII–XIII вв. Обследован в 1927 и 1972, состоит из 20 кург. выс. 0,3–0,7 м, диам. 4–8 м, с каменными обкладками в основании. В северной части могильника жальничные погребения с четырёхугольными оградками. **Пожевицы-2**. Кург. группа в 0,18 км к юго-востоку от д. Пожевицы, в роще у дороги в д. Кальмус. Раскопано 22 кург. в 1876 и 3 — в 1899. XII–XIII вв. Обследована в 1927 и 1972, состоит из 36 насыпей выс. 0,4–1,8 м, диам. 3–10 м, с каменными обкладками в основании. **Пожевицы-3**. Кург.-жальничный могильник в 0,25 км к северо-западу от д. Пожевицы, у дороги в д. Горки. В 1876 раскопано 23 кург. кон. XII — XIII вв. и в 1899 несколько безынвентарных трупоположений, в том числе одно жальничное в овальной оградке. В 1927 отмечено 27 насыпей выс. 1–2 м, диам. 4–8 м, с каменными обкладками в основании. Не сохранился. **Пожевицы-4**. Кург.-жальничный могильник в 0,4 км к юго-западу от д. Пожевицы, в поле. В 1972 зафиксировано 50 кург. насыпей выс. 0,4–1,3 м, диам. 4–10 м, с каменными обкладками в основании. В северо-восточной части могильника расположены жальничные погребения с четырёхугольными оградками» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 88–89).

[219] По В.А. Лапшину, это группа **"Пожевицы-1"**.

[220] В итоговой публ. Рерих отметил до 15 иссл. насыпей в этой группе: *Рерих Н.К.*, 1900. С. 103.

[221] Документы о находках хранятся в одном д. с рукописью (л. 9, 15–21). Это — фотография находок, описи, запись Спицына и письмо Покровского.

[222] По В.А. Лапшину, это группа **"Пожевицы-2"**.

[223] По В.А. Лапшину, это группа **"Пожевицы-3"**.

[224] В итоговой публ. Рерих указал 7 вершков: *Рерих Н.К.*, 1900. С. 104.

[225] В рукописи здесь схематический рис. кург. в плане.

[226] В рукописи здесь схематический рис. кург. — план и разрез.

[227] В рукописи здесь схематический рис. кург. — план и разрез.

[228] На отчёте имеется резолюция графа А.А. Бобринского: «Доложено Комиссии 30 Ноября 1899». По отчёту была подготовлена публ. результатов в ОИАК за 1899 г. (см. в разд. III, № VIII). Др. опубликованные материалы об этих раскопках см.: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 139, 170 (письмо делопроизводителя ИАК И.А. Суслова к Рериху от 29 июля 1899, расписка Рериха о получении открытого л. и документов на раскопки от того же числа и др. данные об этой командировке Рериха). В наст. публ. большинство сокращённых слов воспроизводится целиком и сохранена авторская пунктуация.

[229] 6 июля 1899 в ИАК поступило отношение от строительной конторы Московско-Виндавской линии ж. д. "Об открытии пещеры с человеческими черепами при работах на X участке". 7 июля 1899 Суслов телеграфирует графу Бобринскому «с просьбой экстренно командировать А.А. Спицына для исследования пещеры». 9 июля 1899 граф Бобринской телеграфирует старшему члену ИАК Ф.А. Брауну «с просьбой передать А.А. Спицыну просьбу осмотреть пещеру». 13 июля 1899 Ф.А. Браун телеграфирует графу Бобринскому: «Спицыну ехать неудобно. Предлагаю витебского инженера Сергеева, пользующегося даровым проездом, или Рериха. Телеграфируйте кому предложить». В тот же день ревизору движения С.И. Сергееву последовало предложение в письме от Брауна. 24 июля 1899 ИАК повторно просит ответить Сергеева на свою просьбу-предложение. 27 июля 1899 Сергеев в телеграмме Суслову отказывается от этой командировки. 29 июля 1899 Суслов направляет письмо Рериху с обещанием выплатить 75 руб. авансом вместе с открытым л., «вследствие выраженной [им] готовности принять на себя труд по исследованию пещер». В тот же день Рерих даёт расписку в получении всех необходимых документов на раскопки (в их числе открытый л. на весь Порховский у. Псковской губ.). ИАК отправляет 2 уведомления о командировании Рериха «для исследования пещер» — порховскому уездному исправнику и в строительную контору Московско-Виндавской линии. В последнем документе делопроизводитель Суслов писал, что ИАК «имеет честь сообщить строительной конторе, что для исследования пещер, открытых на строящейся ветви от ст. Дно до ст. Ново-Сокольники, командирован г. Рерих, который 30 Июля выезжает на место работ» (указ. д., л. 1–10, 15).

[230] Учитывая, что в 1899 Рерих работал в Дубне по открытому л., выданному на целый Порховский у., следует отметить, что в др. пунктах этого у. им были произведены тогда обширные иссл. и сделаны важные для региональной археологии открытия. Были и находки, поступившие в распоряжение ИРАО. В 1908 Спицын включил их в каталог Музея ИРАО в разд. "Древности кривичей" (под № 103) со след. пояснением: «Вещи из Порховских курганов XI–XII вв. и жальников, раскопанных в 1899 г. Н.К. Рерихом (6 таблиц), преимущественно в районе прихода с. Дубровны на р. Шелони. Раскопки важны для определения культуры XI–XII вв. настоящего русского населения

Новгородской обл. Оказывается, что в курганах Водской пятины, полуинородческих, заключаются именно те самые вещи, которые найдены в Шелонских (особенно характерны височные кольца с треугольными привесками), но с присоединением многих финских форм» (*Спицын А.А.*, 1908. С. 26).

[231] Рерих имеет в виду 3 своих автографа (указ. д., л. 11–13). Приведём их полностью в том порядке, в каком они хранятся в деле ИАК. «В Императорскую Археологическую комиссию. Имею честь при сём представить счёт в израсходовании мною 32 руб. 85 коп. на производство порученного мне Императорской Археологической комиссией расследования в Порховском уезде близ деревни Дубня. Художник Н. Рерих. 19 Авг. 1899 г.». «Расходы Н.К. Рериха по поездке в деревню Дубня (Порховского уезда Псковской губернии). Билет II класса до Пскова, до Дна и обратно — 19 руб. Извощики и прогоны от Дна до Дубни и обратно (30 вёрст) — 6 руб. 35 коп. Рабочим, старосте и на чай — 1 руб. 10 коп. Ночлеги и продовольствие — 6 руб. 40 коп. [Итого] 32 руб. 85 коп. Художник Н. Рерих». Расписка на талоне к ассигновке на получение 32 руб. 85 коп.: «Талон получил. Н. Рерих. 13 Сент. 99 г.».

[232] Как следует из записи графа А.А. Бобринского на рукописи, этот отчёт был заслушан ИАК в заседании 4 апреля 1904. Существует ещё один вариант рукописи — под названием *"Городец на Саре близ Ростова"* (ОР ГТГ, ф. 44, № 22, л. 19, 27). Приведём его текст полностью:

«Согласно поручению Императорского Русского Археологического Общества в Июне 1903 г. мною была произведена раскопка на Сарском городище близ г. Ростова. Сарское городище, одно из самых обширных в крае, уже несколько раз подвергалось исследованию. Впервые Городец был исследован (отдельными ямами) графом Уваровым, а затем А.А. Титовым.

На мысу, образованном извилистым течением р. Сары, Городец был защищён валами, почти отвесно спускающимися, местами, на приречный луг. Где именно были производимы прежние раскопки, теперь трудно узнать, так как теперешнее состояние городища очень печально. Для шоссе и железной дороги, проходящей близ Городца, в течение многих лет брали камни и песок, выбирая почти до $1^1/_2$ сажени с поверхности. Этими выемками собственно Городец почти уничтожен, и остаётся лишь пожалеть, что во время земляных работ не присутствовали сведущие люди, ибо, по словам крестьян, были находимы разнообразные предметы, в настоящее время неизвестно где находящиеся. Выбрав наименее тронутые места около внутренней стороны вала, у входа, а также в середине Городца, была произведена раскопка траншеей до 2 арш. глубины, или с первоначальной около 3–4 арш. Среди культурного слоя углей, золы и перегноя, после которого начинался чистый плотный песчаный грунт, в беспорядке были находимы у вала черепки горшков и железный нож, а в центре Городца осколки костей животных и рыб, несколько костяков, вероятно, сравнительно позднего погребения (в гробах на Восток, со скрещёнными руками) и сильно пережжённые булыжники. Из предметов были найдены: 1 костяной гребень, 1 костяное шило, 3 точила, 1 маленький нож, 1 железный предмет вроде шульи от дротика, железные скобы и стержни и бронзовые слитки».

В архиве Н.К. Рериха сохранился ещё один его автограф, имеющий отношение к иссл. 1903 г., видимо, проект записи в протокол собрания. (Этот текст приведён в приложении I). Можно предположить, что Рерих предполагал выступить с отчётом на одном из заседаний ОРСА ИРАО, заранее заготовил запись о своём сообщении для секретаря (такая практика известна и была обычной в те годы), но по какой-то причине это выступление в ИРАО не состоялось, оно прошло в ИОПХ. О публ. данных см. также в наст. изд., разд. III, № XXI (2) и XXIV, а также: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 176 (примеч. 108).

Интересные сведения собрал директор Государственного Музея российской этнографии проф. *И.В. Дубов*, подготовивший публ. и устное сообщение "Археологические исследования Н.К. Рериха в Ярославской губернии" (*"В поисках истоков..."*, 1996. С. 2). И.В. Дубов дал комментарий к данной рукописи Николая Константиновича. Здесь он приведён в приложении II.

[233] В архиве ИАК сохранилось официальное письмо ИРАО от 17 мая 1903 (за подписью секретаря В.Г. Дружинина), в к-ром говорится об этом поручении (см. в наст. изд., разд. II, № 49). См. также письмо В.Г. Дружинина к Рериху от того же числа: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 152–153.

[234] Здесь, очевидно, Рерих указ. номер предмета на табл. с находками, переданной им в ИАК. Всего было подготовлено 2 табл. с вещами из раскопок Рериха в 1903 на Сарском городище. Отд. оп. в д. ИАК не обнаружена. ИАК отправила их 21 мая 1904 в ИРАО. В 1908 А.А. Спицын включил находки в каталог Музея ИРАО в раздел "Вещи из русских городов и городищ" (под № 125), со след. пояснением: «Вещи из известного Сарского городища близ Ростовского озера, из раскопок, произведённых на нём в 1903 г. Н.К. Рерихом: обломки скандинавской фибулы, огниво, костяной гребень, железная обоймица, черепки. Все находки могут быть относимы к X в. Они представляют собою лучшее доказательство, что русское укрепление X в. было собственно здесь, а не в Ростове. Дар исследователя» (*Спицын А.А.*, 1908. С. 31). Вещи описаны (25 номеров), причём впервые 12 из них воспроизведены *И.В. Дубовым* (см. в приложении II).

[235] Толщиною от 2 вершков до $4^1/_2$ и 5 вершков. — *Примеч. А.А. Спицына.*

[236] *Уваров Алексей Сергеевич, граф* (1825–84) — археолог, член-корреспондент (1856), почётный член (1857) Петербургской АН, один из основателей ИРАО, ИМАО, ГИМ, Всероссийских археол. съездов. С кон. 1840-х гг. У. предпринял археол. раскопки на Черноморском побережье, позднее исследовал курганы в р-не Ростова и Суздаля. На основе полученного материала подготовил публ. "Меряне и их быт по курганным раскопкам" (1871). После смерти отца (президента АН графа С.С. Уварова) унаследовал богатейшее фамильное собрание произведений искусства и древностей в усадьбе Поречье Московской губ. Был выпущен "Указатель Порецкого музеума для посетителей" — один из ранних образцов путеводителя по частным музеям и коллекциям России. В бытность владельцем Поречья У. существенно изменил направления в пополнении коллекции. Его стараниями сюда стали стекаться русские древности, археол. и этнографические памятники, старопечатные книги. Посвятивший всю свою жизнь их иссл. и сбережению, У. заботился не только о расширении коллекции, но и о её систематизации, изучении, введении в научный оборот. Его вдова Прасковья Сергеевна У. продолжила работу, начатую мужем. Под её руководством архимандрит Леонид подготовил к печати "Систематическое описание славяно-российских рукописей графа А.С. Уварова" (в 4-х тт.); сама графиня составила "Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова" (в 4-х тт.). Особ. много он сделал в рамках возглавляемого им ИМАО. Г. Лучинский писал: «У. умел направить работу об-ва, и его инициатива положена в основание многих трудов и научных предприятий об-ва. По его мысли начаты были: палеографические сборники надписей, находящихся на вещественных предметах, археол. словарь и критический и библ. отд. при журналах об-ва, сб. археол. материалов, "Археологический синодик", изд. альбомов древностей Новгорода, Пскова, Рязани и Троицко-Сергиевской лавры. Он возбудил вопрос об устройстве археол. выставки во время археол. съезда в М. По его инициативе составлялось руководство для раскопок в кург. и для производства изысканий. По его предложению было произведено иссл. кург. кривичей, городищ северян и древностей тверской Карелии, он первый заинтересовался первопечатником Иваном Фёдоровым и содействовал составлению его биографии. В 1881 г.

вышел I т. его соч.: "Археология России. Каменный период". Завершилась его деятельность устройством Исторического музея в М. К июню 1883 г. коллекции были собраны и ч. музея открыта. Кроме трудов, отд. издававшихся, граф У. поместил много своих соч. в "Древностях", изд. Московского Археол. об-ва, а также в "Археологическом Вестнике". В то же время ИАК отмечала чрезвычайно низкий уровень методики раскопок графа Уварова и их дилетантский характер. Полный перечень его трудов в кн.: "Незабвенной памяти графа А.С. Уварова" (Казань, 1885)». См. о нём: *Брокгауза—Ефрона ЭС*; *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 52, 87, 103, 138–145 и др.; *Лебедев Г.С.*, 1992. С. 94–101 и др.; *Полунина Н., Фролов А.*, 1993. С. 151.

[237] *Титов Андрей Александрович* (1845—1911) — краевед, коллекционер, писатель и этнограф. Ростовский купец 1-й гильдии, учредитель торгового дома "А. Титов и Ф. Малоземов", занимавшегося продажей мануфактурного, суконного и пушного товара, позднее вступил в фирму "И.А. Вахромеев и К°". Ценность его усилий по защите памятников Древней Руси Рерих отметил в статье "По старине" (см. раздел III, № XXI (2). Один из организаторов реставрации Ростовского кремля (с 1883) и устройства в нём "Ростовского музея церковных древностей" (1885), хранителем которого был в дальнейшем. «По инициативе Т. в новом музее было учреждено отд. рукописей. Древние манускрипты были его страстью... В общей сложности в коллекции имелось более четырёх с половиной тысяч рукописей. Владелец дорожил такими реликвиями, как Евангелие XIII–XIV вв. на пергаменте, Евангелие XVI в. с изображением евангелистов... Т. принадлежал к тому типу коллекционеров, к-рые не ограничиваются поиском и приобретением, но занимаются классификацией и изучением своих собраний. Им были составлены и опубликованы каталоги принадлежавших ему памятников древней письменности, и до последнего часа на его рабочем столе оставался незавершённым очередной труд. Всё своё собрание ещё при жизни владелец принёс в дар Императорской Публичной библиотеке» (*Полунина Н., Фролов А.*, 1993. С. 149). Автор ряда кн. по истории отечественного искусства и культуры, среди них важнейшая — "Кремль Ростова Великого" (1905). Отд. издал: "Ростовский уезд, Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание" (М., 1885), "Деятельность ростовского земства по народному образованию и по охранению народного здравия", "Сведения о кустарных промыслах в Ростовском уезде", "Кураковщина, историко-этнографический очерк", "Юридические обычаи села Николо Перевоз, Ростовского уезда"; "Вкладные и кормовые книги Борисоглебского монастыря, Ростовского уезда, Ярославской губернии", "Вкладная книга Печерского Нижегородского монастыря", "Дозорные и переписные книги древнего города Ростова", "Кунгурские акты XVII в.", "Сибирь в XVII в.", "Угличский летописец" и др. Описание рукописей собрания Т. вышло в 4 тт.; кроме того, Т. описаны "Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Русского Археологического общества И.А. Вахромееву". В бытность правителем дел Ярославской учёной архивной комиссии, Т. изд. 2 вып. трудов этой комиссии. См. о нём также: *Брокгауза—Ефрона ЭС*; *Иваск У.Г.*, 1911; *СГ.* Ноябрь 1911. № 11. С. 55; *Рудаков*, 1912; *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 175, 177, 216, 288, 289, 312, 328, 330, 345, 346.

[238] Имеется в виду клад, найденный в **д. Гнёздово** Смоленской губ. *Гнёздово* — комплекс археол. памятников X–XIV вв., расположенный у д. Гнёздово, в 11–15 км к западу от Смоленска, вблизи выхода древнего пути по мелким рекам и волокам из Западной Двины в Днепр (путь "из варяг в греки"). Ядро комплекса — Центральное городище. Оно окружено селищем (площадь 17,5 га) и 8 кург. группами (до 3000 насыпей). Комплекс включает одно позднее городище. Раскопки велись с 1874 до наших дней (М.Ф. Кусцинским, В.И. Сизовым, С.И. Сергеевым, Д.А. Авдусиным). Вскрыто 1300 кург. и более 5 тыс. м^2 площади поселений. Полностью раскопано Центральное городище. Два типа погре-

бальных обрядов: трупосожжение (господствует) и трупоположение. Открыто более 100 трупоположений, в т. ч. в кург. с погребальными камерами. Найдены 7 монетных и монетно-вещевых кладов (X в.), а также утварь, украшения, керамика, орудия труда, монеты (арабские и византийские), оружие (мечи, скрамсаксы, топоры, копья, стрелы, шлемы, щиты). Найден (1949) сосуд с древнейшей русской надписью (X в.), состоящей из одного слова "горушна", процарапанного на поверхности обожжённой корчаги. Среди погребённых (знать, рядовые представители об-ва) — скандинавы, славяне. Гнёздово было, вероятно, центром сбора княжеской дани и ремесла. Подробное описание Гнёздовского могильника с экскурсом в историю его изучения см. в монографии В.И. Сизова "Курганы Смоленской губернии. Вып. 1-й. Гнёздовский могильник близ Смоленска" (*МАР.* № 28. СПб., 1902) и в статье В. Грачёва "Гнёздовский могильник" (*ИИАК.* Приб. к № 58. (*ХБ.* № 28). Пг., 1915. С. 76–78). См. также о Гнёздове как о ключевом пункте на пути "из варяг в греки": *Лебедев Г.С.*, 1992. С. 170–171; *Лебедев Г.С.*, 1996. С. 20. Рерих участвовал в раскопках в Гнёздове и его окрестностях (1909, 1914). См. об этом разд. II, № 76, 77, 79, 136; разд. III, № XXXVIII (7), XLV (1).

[239] О последующих иссл. этого памятника см.: *Эдинг Д.Н.*, 1928; *Дубов И.В.*, 1989. С. 203–207; *Милюков П.Н.*, 1993. С. 424; *Рябинин Е.А.*, 1997. С. 157, 158, 168–170. В последнем изд. приведена полная библ. Отметим, что в современной научной литературе **Сарское городище** принято считать за остатки поселения племени меря, впоследствии — древнерусского (VIII–XIII вв.).

[240] *Изборск* — один из древнейших русских городов (ныне с. Старый Изборск), в 30 км от Пскова. Впервые упом. в 862. В XIII–XVI вв. крепость, защищавшая Псковскую и Новгородскую земли от немецких крестоносцев. Сохранились стены и башни крепости XIV–XV вв. По преданию, в Изборске правил легендарный князь Трувор, брат Рюрика.

[241] Не ясно, какой Юрьев имеется в виду. Скорее всего речь идёт о г. Тарту в Эстонии, Юрьевом этот город назывался в 1030–1224 и 1893–1919. Не исключено, что Юрьев — это древнейший Юрьев (Георгиев) монастырь в Новгороде. Основан на левом берегу Волхова (ныне в черте г.) не позднее 1119 (или около 1030). Сохранился Георгиевский собор (заложен в 1119, зодчий Пётр) — величественный 6-столпный 3-главый храм с фрагментами фресок XII в.

[242] О последних упомянутых памятниках см. в наст. изд., разд. III, № XX, XXI, XXXVIII–XL (по Изборску), XX, XXI, XXXI, XXXIII, XXXVI, XXXVIII–XL, XLV (по Смоленску), XX, XXI (по Трокам и Ковно).

[243] *Формозов А.А.*, 1986. С. 204.

[244] *Короткина Л.В.*, 1985. С. 104.

[245] *Беликов П.Ф., Князева В.П.*, 1972. С. 69.

[246] *Фёдорова Н.А.*, 1971.

[247] "Радость искусству" (1908). // *Рерих Н.К.*, 1914. С. 118.

[248] *Спицын А.А.*, 1905а. С. 84.

[249] *Эдинг Д.Н.*, 1928. С. 15.

[250] *Третьяков П.Н.*, 1941. С. 91.

[251] *Горюнова Е.И.*, 1961. С. 95.

[252] *Леонтьев А.Е.*, 1975. С. 4.

[253] ГЭ ОИПК. 1903 г. Коллекция № 1038.

[254] Ныне РА ИИМК РАН.

II

ПЕРЕПИСКА Н.К. РЕРИХА И ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1894 — 1922

В этот раздел включены заявления, прошения и письма Н.К. Рериха; отпуски писем председателя, членов и делопроизводителей — из архивных дел Императорской Археологической комиссии; фрагменты переписки Н.К. Рериха с женой, братом, друзьями, коллегами — из архивов и частных собраний Санкт-Петербурга, Москвы и Новгорода; другие документы, имеющие отношение к научной работе Н.К. Рериха и его коллекциям. Все материалы публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, с сохранением некоторых стилистических особенностей оригиналов. Встречающиеся в переписке сокращения, в том числе инициалы, дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные авторами слова заключены в квадратные скобки, подчёркивания выделены курсивом. Значительная часть текстов из ОР ГТГ публикуется по копиям из личного архива П.Ф. Беликова в Козе-Уэмыйза (Эстония).*

* © 1999. *В.Л. Мельников: подготовка текста и примечаний.*

1. Н.К. Рерих — Л.М. Антокольскому[1]

[СПб.] Конец апреля — начало мая 1894

«Воистину воскрес!»

Достойнейший друже, дорогой мой!

Спасибо, вечное спасибо за память.

Так будем же мы художественными братьями — обнимемся заочно и навсегда заменим Вы — Ты. Я, может быть, и поколебался бы раньше сделать этот шаг — но Твоё последнее письмо окончательно убедило меня в том, что Ты действительно друг, что Ты — брат, с которым можно поделиться невзгодой в трудную минуту и встретить сочувствие, которому можно передать радость и надеяться найти искренний отголосок. Ещё раз за всё говорю нерушимое спасибо и крепко жму руку Твою. Прочитав Твои вопросы относительно моих летних начинаний, я не мог усидеть за книгой и под предлогом ответить Тебе поскорее позволил себе хоть на время отвлечься и заглянуть вперёд. За лето, если всё будет благополучно, думаю нарисовать портрет Михаила Осиповича Микешина[2] (нашего щиропочитаемого батька) и затем написать большой исторический этюд (одна фигура)[3], но какой — это моя тайна, которую никто не знает (кроме опять же Михаила Осиповича Микешина), да и никогда, может быть, и не узнает, если этюд не удастся.

Для успеха этих двух работ мне бы весьма хотелось провести это лето в житии в деревне, но мои враги-доктора гонят меня к морю (из-за катара и сердца, только не подумай, что тут начинаются дела сердечные). Не хотелось бы мне следовать совету врача. Экзамены университетские, вероятно, до конца не доведу — ей-Богу — надоело! Всё-таки скука порядочная. Должно быть, отложу на 2-й курс. Михаил Осипович Микешин хотел мне выхлопотать бумагу от Труворова[4] о позволении производить изыскания и раскопки археологические[5]. [...]

Всею душою предан Тебе и люблю Тебя — брата художественного. Пиши о твоих работах.

Н. Рерих.

Автографы. РГАЛИ, ф. 698, оп. 1, № 19. Фрагменты писем Рериха Антокольскому опубликованы: *Короткина Л.В.*, 1985. С. 22–27, 29; *Румянцева О.В.*, 1985. Полностью (за исключением письма, помещённого в наст. разд. под № 6) переписка Рериха и Антокольского издана: *Рерих Н.К., Антокольский Л.М.*, 1993. По этому изд. и приводится текст всех писем Антокольскому; по нему дополнены некоторые примеч.

---

[1] *Антокольский Лев Моисеевич* (1872—1942) — художник. Сокурсник Рериха по ИАХ, ученик И.Е. Репина, племянник знаменитого русского скульптора М.М. Антокольского. Л.В. Короткина пишет: «...Рерих живо интересовался творчеством друга, радовался его успехам. Антокольский писал пейзажи, портреты, жанровые сцены (произведения Л. Антокольского — портреты и картины из быта еврейской городской бедноты — имеются в ОХМ). Он был человеком очень скромным, дорожил вниманием, которое

оказывал ему Рерих, и всю жизнь хранил его письма. [...] В 1912 Антокольский переехал в Москву, где стал заниматься монументально-декоративной живописью. В частности, он расписывал кинематографы "Одеон" и "Модерн", участвовал в выполнении росписей павильонов Всероссийской сельскохозяйственной выставки. В 1930-х гг. Антокольский расписывал ряд общественных зданий. В 1930–32 работал заместителем редактора и художником журнала "Малярное дело", в 1933 издал свою книгу "Справочник по малярным работам". Умер Л. Антокольский в 1942 в Стерлитамаке» (*Короткина Л.В.*, 1985. С. 54).

[2] *Микешин Михаил Осипович* (1835–96) — скульптор, живописец, график. Учитель Рериха и друг его отца, Константина Фёдоровича Рериха. В 1869 получил звание академика. Автор проектов памятников "Тысячелетие России" в Новгороде, адмиралу А.С. Грейгу, "Победам Черноморского флота" и матросу Шевченко в Николаеве, Б. Хмельницкому в Киеве, Екатерине II в СПб. и Екатеринодаре, адмиралам В.А. Корнилову, П.С. Нахимову и В.И. Истомину в Севастополе, императору Александру II в Ростове-на-Дону, Ермаку в Новочеркасске, К.З. Минину в Нижнем Новгороде, португальскому королю Педро IV в Лиссабоне. М. был также иллюстратором произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Т.Г. Шевченко. Особ. выделяются его ил. к "Вию" Гоголя и к "Кобзарю" Шевченко. В молодости пользовался известностью и как остроумный карикатурист. В журнале "Пчела" и др. изд. вышло несколько его статей и воспоминаний. О М. в связи с Рерихом см.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 148. Т. II. С. 100. Т. III. С. 347, 569, 570; *Беликов П.Ф., Князева В.П.*, 1996. С. 13; *Полякова Е.И.*, 1973. С. 21; *Короткина Л.В.*, 1985. С. 17; *Мельников В.Л.*, 1995а. Сохранилось несколько писем М. Рериху (хранятся в ОР ГТГ и МСССМ).

[3] Речь идет о картине *"Пскович"*: картон, пастель, гуашь, 144×95. Частное собр., М.

[4] *Труворов Асколон Николаевич* (1819–96 — историк, археограф. Н.В. Калачовым привлечён к занятиям в Императорской Археографической комиссии, с 1865 член комиссии для разбора дел, хранящихся в архиве Св. синода. Автор четырёхтомного сочинения "Розыскные дела о Фёдоре Шакловитом и его сообщниках". В 1891–96 директор ИПАИ; по слову современника, «деятель практической складки» (*ИИАК.* Приб. к № 6. (*ХБ.* № 4). СПб., 1903. С. 10).

[5] В мае 1894 Рерих обратился в ИАК с такой просьбой, и она была удовлетворена. См. в наст. изд., разд. I, № II.

2. Н.К. Рерих — Л.М. Антокольскому. *Извара. 29 мая 1894*

Мыза Извара, $^{29}/_{V}$ 94

По Балтийской железной дороге. Станция Волосово.

Наконец-то, дорогой мой, чувствую себя способным написать пару строчек. И я теперь тоже на лоне природы. Приехал с целью недельки 2 совсем отдохнуть — а вышло иначе. Сразу, как приехал, засел за работу. Написал 1 рассказ, нарисовал 3 этюдика и начал мазать мой большой этюд — только не знаю, будет ли из него толк.

Мои экзамены сошли вполне благополучно, я к одному успел приготовиться в 2 дня (500 стр.). Ты вот писал мне, что я, вероятно, удивлён, услышав о Твоих, не относящихся к жанру, этюдах, об этом я хочу высказаться. Я думаю,

что если бы люди не были ограничены в средствах, а главное — во времени (vita brevis est[1]), то в работе не ограничивались бы узкими специальностями, а захватывали как можно шире всё, как и даже мы стремимся. Тогда не были бы художники-специалисты, а были бы идеальные художники вообще. Но мы во всём ограничены, и потому, помня это, ввиду большей пользы для общества, nolens-volens[2] должны заключать себя в более или менее узкие рамки. Если на дороге лежат 2 камня, один большой, а другой маленький, то, по-моему, лучше убрать с дороги несколько маленьких камней и спасти общественный экипаж от маленьких толчков, чем тщетно стараться над большим и всю жизнь провести всё-таки без пользы. Всегда, по-моему, лучше двигаться по определённой дороге, раз уж намеченной, и даже если бы в середине и был виден сворот на более удобную дорогу, то уж не сворачивать, пока не дойдёшь до цели. Конечно, можно простить, если усталый путник свернёт в сторону, чтобы напиться или чтобы сорвать душистый цветок. Но если он забудет о том, что он шёл успокоить больного друга, и останется собирать цветы, как цель своего пути, то уж такой поступок непростителен — он потерял путеводную звезду. Если учёный, изобретая что-либо, воздушный шар, по дороге остановится и отвлечётся изображением подходящей шёлковой ткани, то это ничего, если даже он и увлечётся немного, но вот коли он бросится всецело на изображение тканей и забудет о шаре, да потом ещё перескочит на другую специальность, то он перестанет быть учёным и делается дилетантом. В первом случае он отдаёт долг своей любознательности, не упуская цели; а во втором — любознательность, страсть берёт верх; а ещё Платон[3] говорил, что рассудок в голове должен быть, мужество — в груди и страсти в нижних частях тела. Также и художник: отвлекаясь от своей специальности только минутами, не упуская главной цели из виду, — он отдаёт долг своей художественной натуре, и коль скоро основная цель ускользнула от взора, он перестаёт быть художником и делается всецело художественной натурой, и это мы даже сплошь и рядом видим на выставках. Конечно, кто будет стоять за узкую специальность, если бы отстранить ограниченность в средствах и времени? Но при данности положения дела только специальностью и можно оказать пользу обществу, не оказаться пустоцветом. Всё это, [что] я сказал, не относится к Твоим этюдам! Ты писал, что на одном этюде стена монастырская, а ведь это для жанриста вещь необходимая, так что тут, мне кажется, Ты действовал для достижения цели, которая, как неясное облако причудливой формы, смутно подымается из-за дремучего леса, через который нам предстоит пройти. В этом лесу и тигры, и змеи ядовитые, и вредные растения; одному по этому лесу трудно пройти — ведь тропинок нет, как раз заблудиться и уж тогда трудно выбраться на верный путь (но что трудно одному, то легко многим), и потому сформируем, брат, дружину и, запасшись щитом знания и копьём опытности, тесной македонской фалангой пойдём смело в лес, и тогда, быть может, по звёздам да по ветру, под охраной Бога и выберемся на дорогу торную, яснее увидим цель и так, рука об руку, и пройдём до конца дороги, а в конце вижу — какая-то чёрная яма виднеется, — все туда придём...

Н.К. Рерих. Буквица к стихотворению графа Ф. де ла Барта "Песнь трубадура"
Из "Литературного сборника произведений студентов..." (СПб., 1896)

В Академии какая-то ерунда происходит — ничего не поймёшь. Сперва все мастерские были запружены конкурентами, а теперь многие, говорят, разъехались. На днях Археологическая комиссия высылает мне открытый лист для раскопок[4]. Просто беда — из редакции наседают, требуют обещанных статей, а они ещё не переписаны, а иллюстрации ещё даже не сочинены[5]. Надо, очевидно, работать, настроение у меня грустное, но об этом в следующем письме. Прости, голубчик, что пишу не ясно и безграмотно, кажется, письма всегда пишу с налёту, быстро. Отвечай скорей. Я Твои письма сохраняю, и Ты мои — тоже. Осенью всё надеюсь собрать человек 5 и собираться толковать[6]. [...]

Всего лучшего. Пиши и пиши. Люблю тебя братски.

Н. Рерих.

[1] Жизнь коротка (лат.).

[2] Хочешь не хочешь; волей-неволей (лат.).

[3] *Платон* (428 или 427 — 348 или 347 до н. э.) — древнегреч. философ. Ученик Сократа, ок. 387 основал в Афинах школу. Главные положения его школы таковы. Идеи (высшая среди них — идея блага) — вечные и неизменные умопостигаемые прообразы

вещей, всего преходящего и изменчивого бытия; вещи — подобие и отражение идей. Познание есть анамнесис — воспоминание души об идеях, к-рые она созерцала до её соединения с телом. Любовь к идее (Эрос) — побудительная причина духовного восхождения. Идеальное государство — иерархия трёх сословий: правители-мудрецы, воины и чиновники, крестьяне и ремесленники. П. интенсивно разрабатывал диалектику и наметил развитую неоплатонизмом схему основных ступеней бытия. (*БЭС.* 1998. С. 918).

[4] Открытый л. Рерих получил сам 25 мая 1894 (см. в наст. изд., разд. I, № II, примеч.).

[5] Рерих в студенческие гг. сотрудничал в изд.: "Литературный сборник произведений студентов Императорского Санкт-Петербургского университета" (1896, под ред. Я.П. Полонского, А.Н. Майкова, Д.В. Григоровича), "Звезда" (СПб.; 1886–1905, изд.-ред. П. Сойкин и др.) и "Всемирная иллюстрация" (СПб.; 1869–98, изд. Г.Д. Гоппе).

[6] Рерих имеет в виду 1-е собрание "Кружка художников для взаимного самообразования". См. об этом: *Короткина Л.В.*, 1985. С. 24–26; *Храмченко В.В.*, 1991б; *Алёхин А.Д.*, 1993. С. 94–95; *Алёхин А.Д.*, 1994. С. 112; *Бондаренко А.А.*, 1997; *Бондаренко А.А.*, 1998. С. 13–17.

3. Н.К. Рерих — Л.М. Антокольскому. *Извара. 28 июля 1894*

[...] На днях напал на след интересной рукописи по части археологии — теперь разыскиваю её по деревням[1].

В августе приступлю к раскопкам. [...]

---

[1] Рерих отметит в статье "На кургане..." (1898) т. н. "записи кладов": «...И клады знакомы воронам! Не найдёшь их, коли тебе неведомы древние книги и записи, что о них говорят. Писали те книги старые люди. Клады лежат по укромным местам. Знают наказы о кладах не только вороны, но и многие старые люди, а кладов всё не найдут. Верно, положен на них кровавый зарок». И здесь же к этому фрагменту он сделал такое примеч.: «Такие записи кладов действительно ходят в народе. Мне один мужичок предлагал купить такую книжку, купленную им от старого нищего. Рукопись была писана на русском, польском и эстонском языках. Внешние даты, по-видимому, списаны с натуры» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 20–21). «Один мужичок» — это, видимо, Сергей Яковлев (см. след. № наст. разд., а также статью С.М. Шамина в приложениях).

4. Лесник Илья Агафонов — Н.К. Рериху
Сосницкая волость, Санкт-Петербургская губерния
13 сентября 1894

Николай Константинович, имею честь уведомить вас, что на нашей Сосницкой земле охоту производить можно только с дозволения обчества. Обчество наверное дозволит, но только придётся поставить $^1/_2$ ведра водки на угощение обчества. На обчественной земле зайцев среднее число, вальдшлепов много и частью белых куропаток, тетерева тоже есть, но только на чучела летят плохо, потому что не видно, много ещё листа на деревьях. Если вам будет угодно

приехать на охоту, тогда приезжайте, только что в хорошую погоду, до свидания. Всегда готов услугам вашим Казённый Лесник Илья Агафонов.

Николай Константинович, вы мне просили написать Адрес нашего мужичка, у которого книжка (?), про которую я вам говорил.

То Адрес его: Литейный проспект, дом № 40, квартира № 56. Сергею Яковлеву.

Автограф. МСССМ, ф. Н.К. Рериха. Публ. в оригинальной орфографии.

5. Н.К. Рерих — в ИАК. *СПб. 8 мая 1895*

В Императорскую Археологическую Комиссию

Студента Императорского Санкт-Петербургского
Университета, Вольнослушающего
Императорской Академии Художеств
Николая Константиновича Рериха

Заявление.

Так как, вследствие дождливого прошлого лета, я не мог произвести всех предполагаемых раскопок (в Царскосельском уезде), то имею честь покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию возобновить открытый лист, выданный мне на 1894 год[1] и возвращённый мной в комиссию в Сентябре этого года, чтобы расследовать интересующие меня места.

Николай Рерих.

1895 года Мая 8 дня.

Жительство имею: Васильевский Остров. Университетская набережная, д. № 25, кв. № 8[2].

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 9. На заявлении пометы делопроизводителя ИАК: «Получено 8 мая 1895 г.», «Заслушано 10 мая 95 г.». Сбоку более поздняя расписка Рериха: «Отчёт о раскопке 1895 года получил 10 сентября 1897 года. Николай Рерих». Два предыдущих (относящихся к 1894 г.) заявления Рериха см. в наст. изд., разд. I, № II и III.

---

[1] Открытый л. № 594 от 25 мая 1894 на раскопки в пределах Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества Царскосельского у. СПб. губ. Возобновлённый л. на 1895 г. Рерих получил 20 июня 1895, о чём свидетельствует его расписка в деле ИАК (указ. д., л. 11).

[2] О раскопках Рериха в 1895 см. в наст. изд., разд. I, № IV, V, VIII.

6. Л.М. Антокольский — Н.К. Рериху. *Вильно[1]. 15 июня 1895*

Дорогой, милый друг мой!

Много радости доставило мне твоё письмо; уже одно то, что это письмо от лучшего моего друга, заставляло меня с наслаждением перечитывать твои строки.

Успехи, какие ты делаешь в искусстве, меня несказанно радуют, дай Бог тебе и впредь успевать так, чтобы ни один день не пропал даром без твоего художественного развития. Я вполне понимаю и сочувствую твоей радости по поводу пробуждающейся у тебя художественной самостоятельности. Недаром я ещё в начале весны назвал тебя симфонистом, а самый жанр, который тебе наиболее подходит, — народный эпос — уже давно признан тебе бесспорно свойственным. Если быть последовательным в своих убеждениях относительно моего отношения к успехам моих товарищей, то я должен буду выразить тебе комплимент. Ничто не может быть более желательным и драгоценным в жизни художника, как пробуждение его самостоятельности. Я с радостью вижу, что ты уже «на пути...». Остаётся тебе только неуклонно следовать по избранному тобою пути и совершенствоваться в этой сфере до тех пор, пока русский народный эпос в твоём лице не найдёт своего лучшего выразителя. Итак, вперёд, вперёд без оглядки!..

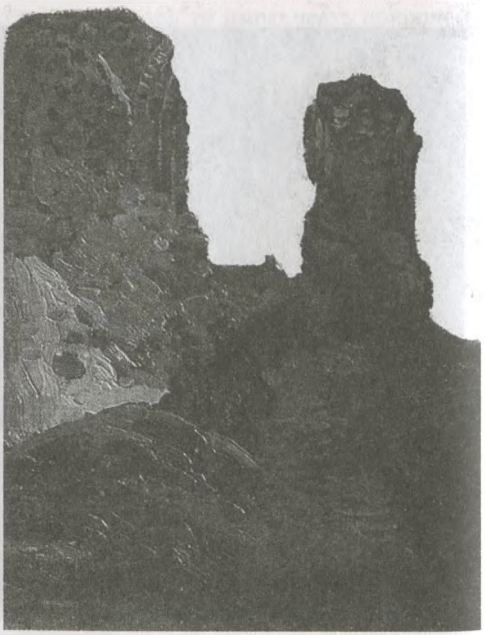
Я здесь живу с матерью на даче в местности, название которой послужило корнем для нашей фамилии, — а именно в Антоколи. Это чудная гористая местность. Наш дом стоит на возвышении, и с балкона открывается великолепный вид на всю долину вплоть до отдалённых синих лесов на горизонте. Неба страшная масса, и ежедневно по вечерам прямо против балкона занимается заря, ежедневно меняясь в мотивах. В двух шагах от дома — еловый лес, в

Н.К. Рерих. Иван Царевич наезжает на убогую избушку. 1894–95. Из "Литературного сборника произведений студентов..." (СПб., 1896)

15 минутах ходьбы за лесом — поля с густой рожью, встречаются мужицкие семьи в возах, едущие в город в народных платьях. Одно, что омрачает нашу обстановку, это то, что у нас на 2-м этаже лежит смертельно больной старик, хороший наш знакомый, с раком в животе; над домом нашим кружится ворона и наводит унылую тоску.

В конце нашей долины расположено старое польское кладбище с развалившимися могилами и крестами... Ещё дальше — военный госпиталь, превращённый во время польского мятежа из роскошного дворца князей Радзивиллов[2], — печальный свидетель ещё более печальных событий с гербами, с уничтоженными инициалами, нишами без статуй; ещё на одних воротах этого дворца сохранились два бюста владельца и владелицы. Поблизости тоже памятник старины — костёл Святых Петра и Павла с чудной стенной живописью и целой тысячью скульптур[3]. На стене (наружной) этого костёла красуется надпись: regina pacis, funda nos in pace[4], которая имеет ещё одно значение, кроме дословного, так как основатель и строитель этого храма назывался *Рас.*

За то время, что я здесь, я успел немного, так как из 3 недель одну я был занят со сдачей своего заказа. Теперь мне не дают покою виленские заправилы, предлагая наперерыв всевозможные заказы, но я этим всё же нисколько не прельщаюсь, за то я Данишевскому[5] рекомендовал один заказ, с которого он заработает рублей 150. В его положении это прямо большое счастье. Написал я два этюда (пейзажные) — один — вид с балкона, а другой — уголок старого кладбища. Сделал один рисунок своего будущего эскиза "средние века", начал портрет своей матери и наконец занялся я теперь иллюстрациями к Надсону[6]. Кроме заглавного листа я пока нарисовал 3 рисунка в виде виньеток. К концу лета думаю сделать около 50 рисунков. В эскизе своём я хочу фигуру женщины-христианки заменить фигурой христианского епископа в роде Петра Амьенского[7], который будет ходить рядом с конём рыцаря. В следующем письме нарисую тебе план эскиза (расположение фигур); просил бы тебя тоже нарисовать содержание твоих этюдов и план "Ивана Царевича" в следующем



Н.К. Рерих. Вильно. Остатки замка Гедимина 1903. Собрание ГМВ

твоём письме[8]. Вообще не мешало бы нам наши письма иллюстрировать — вышла бы интересная коллекция.

Теперь ничего не рисую здесь, так как очень тороплюсь, нужно все три письма, какие я сегодня написал, отвезти в город.

До свидания, друг мой, не оставляй меня без своих писем, а Скалону[9] напишешь — поклонись, Федоровичу[10] я сам напишу, а Скалона адрес в следующем письме сообщи мне.

Целую тебя и жму руку. Твой любящий тебя

Леон Антокольский.

Автограф. МСССМ, ф. Н.К. Рериха. Публ. фрагмента: *Мельников В.Л.*, 1997б. Др. письма Антокольского хранятся в ОР ГТГ, ф. 44, № 567–570, 573, 574. Все они опубликованы: *Рерих Н.К., Антокольский Л.М.*, 1993.

---

[1] *Вильно (Вильна)* — офиц. назв. г. Вильнюс (Vilnius) до 1939.

[2] *Радзивиллы* — княжеский род Великого княжества Литовского (с XIV в.), затем Речи Посполитой, в XVIII–XX вв. — России и Пруссии. Крупные земельные магнаты, занимали высшие государственно-административные и военные должности.

[3] Относится к XVII в.

[4] Владычица мира, утверди нас в мире (лат.).

[5] *Данишевский Семён Исаакович* (1870—1944) — живописец. Род. в Вильно. Учился в ИОПХ и в студии кн. М.К. Тенишевой у И.Е. Репина, затем в Париже. Жил в Сухуми.

[6] *Надсон Семён Яковлевич* (1862—87) — поэт.

[7] *Пётр Амьенский*, или *Пустынник*, — аскет, воодушевивший западных христиан к первому крестовому походу. Собрав большое ополчение в Средней и Северной Франции из крестьян, нищих и крепостных, он прошёл по Германии, переправился через Дунай и пришёл к Константинополю. При Никее крестоносцы были уничтожены сельджуками в 1096, после чего П. примкнул к армии герцога Бульонского. После взятия Иерусалима он вернулся на родину. Ум. в 1115. (*СИ*, 1998. Т. II. С. 298–299).

[8] Картину *"Иван Царевич наезжает на убогую избушку"* (1894–95) Рерих уничтожил. Она воспроизведена в "Литературном сборнике произведений студентов..." (см. в наст. изд.). В ГРМ хранится рис. *"Всадник"* (1894) — предположительно набросок к этой картине: бумага, графитный карандаш, тушь, перо, № Р-50546. Замысел картины развивался под впечатлением народных представлений и сказок, собранных А.Н. Афанасьевым. С кн. последнего Рерих был хорошо знаком, на что указ. его выписки из них, сохранившиеся в его архиве: ОР ГТГ, ф. 44, № 88, л. 14б об. В письме Антокольскому 11 июня 1895 он писал: «Познакомился я тут с народными представлениями о Иване Царевиче и о сказках. Ведь это не что иное, как весенний луч, проникающий в царство смерти и зимы, чтобы освободить красавицу — лето. Чудная это вещь — эпическая поэзия. Совсем она меня в полон забрала». В письме Антокольскому 24 июня 1895: «Какая глубина в этой народной старине! Например: Иван Царевич — ведь это весенний луч, пробивающийся сквозь царство смерти, зимы, чтобы освободить красавицу Лето. Не узкая, а общая, всесветная идея».

[9] *Скалон Александр Васильевич* (1874—1942) — художник, друг юности Рериха, соученик по ИАХ. Сын Василия Юрьевича Скалона — общественного деятеля и публициста, ред. *РВ* (с кон. 1899).

[10] *Федорович Владимир Николаевич* (род. 1871) — художник, приятель Рериха, соученик по ИАХ. Преподавал в Рисовальной школе ИОПХ с 1913.

7. Н.К. Рерих — в ИАК. *СПб. Апрель 1896*

В Императорскую Археологическую Комиссию

Студента Императорского СПб. Университета
Николая Константиновича Рериха

Прошение.

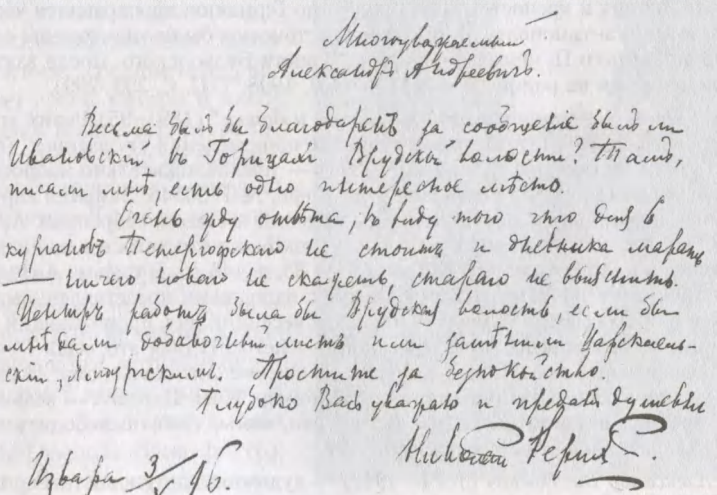
Желая продолжать раскопку курганов в Петербургской губернии, имею честь просить Императорскую Археологическую Комиссию выдать мне разрешение на производство раскопок в Губаницкой волости Петергофского уезда и Врудской волости Ямбургского уезда, а также на земле деревни Верести Сосницкой волости Царскосельского уезда[1]. (Ввиду того, что в Верести[2] ещё никто не заезжал из исследователей).

Николай Рерих.

Жительство имею: Васильевский Остров. Университетская набережная, 25[3].

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 56/1896, л. 1. На прошении пометы делопроизводителя ИАК: «Входящий № 343. Получено 5 Апреля 1896 г.», «Заслушано 13 Апреля 96 г.». Сбоку более поздняя расписка: «Отчёт о раскопке 1896 года получил 10 Сентября 1897 года. Николай Рерих».

Н.К. Рерих — А.А. Спицыну[4]. *Извара. 3 мая 1896*
[Приложение к № 7]



Многоуважаемый
Александръ Андреевичъ.

Весьма былъ бы благодаренъ за сообщеніе былъ ли Ивановскій въ Горицахъ Врудской волости? Тамъ, писали мнѣ, есть одно интересное мѣсто.

Очень жду отвѣта, въ виду того что дня въ кургановъ Петергофскаго не стоитъ и дневника марать — ничего новаго не скажешь, стараго не выяснить. Центръ работъ была бы Врудская волость, если бы мнѣ дали добавочный листъ или замѣнили Царскосельскій, Ямбургскимъ. Простите за безпокойство.

Глубоко Васъ уважаю и предаю душевно

Николай Рерих.

Извара 3/V 96.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 56/1896, л. 5, 5 об. Публ. текста: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 130–131.

[1] Открытый л. № 832 на раскопки в пределах Петергофского и Царскосельского у. был подписан председателем ИАК графом А.А. Бобринским 24 апреля 1896 (см. в РА ИИМК, указ. д., л. 2–3, 8) и в тот же день выслан Рериху вместе с сопровождающим отношением старшего члена ИАК Н.И. Веселовского (см. в ОР ГТГ, ф. 44, № 577).

[2] В "Археологической карте Ленинградской области" не отмечена.

[3] О раскопках Рериха в 1896 см. в наст. изд., разд. I, № VI–VIII.

[4] *Спицын Александр Андреевич* (1858—1931) — историк и археолог. В 1882–92 жил в Вятке, преподавал в гимназии, занимался историческим краеведением, в том числе археологией. Член ИАК (с 1892), ИРАО (с 1891 член-сотрудник, с 1907 действительный член), хранитель Музея ИРАО (с 1907); член-корреспондент АН СССР (1927). С 1909 — приват-доцент по кафедре русской истории ИПУ и создатель Археол. кабинета при ней (1910); с 1914 — преподаватель кафедры исторической географии ИПАИ; после Октябрьской революции — проф. факультета языка и материальной культуры Петроградского-Ленинградского университета (1918–27); с 1919 по 1929 — действительный член, заведующий разрядом русской археол. Этнографического отделения, член комиссии по раскопкам Российской Академии истории материальной культуры. Автор нескольких первоклассных монографий по русской и славянской археол., чем существенно поднял её роль в науке. Был крупнейшим знатоком древностей бронзового века, волжско-камских и славянских. Составил картотеку археол. памятников, находящихся на территории СССР. Одним из первых начал осуществлять соединение археологии и истории. Вот что пишет о начале общения Рериха и Спицына Нина Селиванова: «За год до окончания гимназии [т. е. в 1892. — *В. М.*] он навестил знаменитого археолога А.А. Спицына относительно некоторых раскопок. Спицын дал ему доступ во внутренние хранилища археологических коллекций, где он мог взять любой экспонат, его заинтересовавший, и внимательно исследовать» (*Selivanova N.*, 1922. P. 16–17). Впоследствии Рерих и С. состояли в переписке (см. опубликованные письма 1896 и 1902: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 130–131, 150). Имя С. неоднократно упом. в публ. Рериха. Вот только несколько примеров. «..."Старая археологическая русская школа, — говорит А.А. Спицын в своей статье "О сопках и жальниках", — гоняющаяся в раскопках за одними предметами ради них самих, здесь, как и всюду, оставила нам плохое наследство". Пусть исследователи отнюдь не упускают из вида этого заключения» (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 114). «Очень важно одно из последних заключений А. Спицына о длинных курганах озёрного и верхнеднепровского районов. В них видели памятники славянские, теперь же он отодвигает их к финнам» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 156–157). «...Мы высоко ценили и историков-археологов Латвии. С покойным Спицыным мы не раз упоминали их, обращая глубокое внимание на значение латвийской археологии» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 72). «...Спасибо вам, изварские курганы. Ещё недавно напомнились мне изображения их в трудах Спицына...» (*Рерих Н.К.*, 1974. С. 85). «В бытность в университете Спицын и Платонов провели в члены Русского археологического общества, где я потом был пожизненным членом. Этим путем произошло сближение со всею археологическою семьёю» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 107). «Во время университетского зачётного сочинения, шутки ради, была написана "грамота" об иконописании. Случайно она оказалась при мне в Археологической Комиссии, и я прочёл её Спицыну. При этом был и Веселовский. К моему изумлению, а затем и к ужасу "грамоту" начали читать всерьёз и даже научно обсуждать её. По некоторым выражениям нашли, что "грамота" может быть киевского происхождения. Спросили, где именно она найдена? Напечатана ли? С превеликим трудом удалось чем-то прервать опасный разговор и уйти, не обидев доброжелателей» (*ПРС.* № 1. С. 33–34).

8. Н.К. Рерих — в ИАК. *СПб. 31 марта 1897*

В Императорскую Археологическую Комиссию

Имею честь просить, по примеру прошлых лет, выдать мне открытый лист на право производства раскопок в 1897 году в пределах Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии[1].

Ученик Высшего Художественного Училища
при Императорской Академии Художеств
Николай Рерих.

Адрес: Васильевский Остров, Университетская набережная, № 25[2].

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 1. На прошении резолюция графа А.А. Бобринского: «Комиссия в заседании 31 Марта 1897 г. постановила: выдать открытый лист. Бобринской».

---

[1] Открытый л. № 573 на раскопки в пределах Петергофского у. был подписан графом А.А. Бобринским 5 апреля 1897 (см. в РА ИИМК, указ. д., л. 3–4). 16 апреля 1897 датируется отношение ИАК Рериху, подписанное Бобринским и его делопроизводителем И.А. Сусловым (см.: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 131). На отпуске отношения Рерих оставил расписку: «Подлинные предложения и открытый лист, дневник и бланки описи получил 17 Апреля 1897 г. Николай Рерих» (см. в РА ИИМК, указ. д., л. 2).

[2] О раскопках Рериха в 1897 см. в наст. изд., разд. I, № IX.

9. ИАК — в Имп. Российский Исторический музей[1]
СПб. 1 апреля 1898

Препровождая при сём для коллекций Императорского Российского Исторического Музея две модели курганов Петергофского уезда, исполненных в 1897 г. художником Н.К. Рерихом, Императорская Археологическая Комиссия имеет честь покорнейше просить уведомить её о получении их. Одна из моделей изображает курган с трупосожжением, другая — курган с погребением трупа в сидячем положении, на кострище[2].

Председатель Граф А. Бобринской[3].
Делопроизводитель Илья Суслов[4].

Отпуск отношения № 516. РА ИИМК, указ. д., л. 6.

---

[1] *Исторический музей в Москве* (ГИМ) — центральный государственный музей. Основан в 1872, открыт в 1883. Крупнейшее хранилище памятников отечественной истории и культуры.

[2] 16 января 1898 на заседании ОРСА ИРАО Рерих продемонстрировал «опыт скульптурных изображений погребений» (см. в РА ИИМК: ф. 1, № 74/1894, л. 51; ф. 3, № 409, л. 184). Очевидно, именно показанные в ИРАО модели попали в распоряжение ГИМ (см. также наст. разд., № 12).

[3] *Бобринской (Бобринский) Алексей Александрович, граф* (1852—1927) — председатель ИАК за всё время археол. иссл. Рериха в Европейской России. Из рода графов Бобринских, ведущего своё нач. от внебрачного сына императрицы Екатерины II и Г.Г. Орлова. С.А. Степанов сообщает о графе А.А. Бобринском след. биографические сведения. «...Общественный и политический деятель, историк, археолог, сенатор (1896), обергофмейстер (1916)... В 1870–72 учился на юридическом факультете Петербургского университета (курса не окончил), затем служил в канцелярии Кабинета министров. С 1875 петербургский уездный и в 1878–98 губ. предводитель дворянства, председатель Петербургской городской думы, председатель Совета Русско-английского банка. В 1886–1917 председатель Археологической комиссии, член многих иностранных археологических обществ и архивных комиссий, Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Обследовал около 1 тысячи курганов, главным образом в Керчи и Киевской губернии. Материалы раскопок опубликовал в труде "Курганы и случайные находки близ м. Смелы" (тт. 1–3, 1887–1901), в котором установил собственную классификацию курганных периодов, а также в "Отчётах Императорской Археологической комиссии" (1882–1907) и "Известиях Императорской Археологической комиссии" (вып. 14, 16–18, 35, 37–40). Собрал уникальную коллекцию старинной бронзы. Часть своих обширных археологических и антропологических коллекций передал Московскому обществу естествознания. В 1889 вице-президент Академии художеств. С 1892 почётный опекун Петербургского опекунского присутствия. В 1893–96 управлял столичными сиротскими домами Ведомства учреждений императрицы Марии. В 1894 председатель Вольного Экономического общества, член Сельскохозяйственного совета Министерства земледелия, председатель Кустарного комитета... В период первой мировой войны товарищ министра внутренних дел (март — июль 1916), министр земледелия (июль — ноябрь 1916)...» (*Отечественная история*, 1994. Т. I. С. 246. Здесь же приведена библ.). Рукой графа Б. подписано большинство разрешений на право раскопок Рериха, к-рый, в свою очередь, неоднократно отмечал выдающуюся роль графа в развитии отечественной археол. См. об этом ниже в наст. изд., разд. III, № XXXIII (8) и LII (7), а также: *Рерих Н.К.* Письмо графу А.А. Бобринскому. СПб. 31 января 1907. // *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 159–160; *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 111–112. Рерих и граф Б. были соучредителями *ОВХР* (апрель 1915).

[4] *Суслов Илья Андреевич* (род. 1836) — историк. Делопроизводитель ИАК. В ОПИ ГИМ хранится его архив с перепиской по работе ИАК (ф. 163, 9 ед. хр.).

10. Н.К. Рерих — в ИАК. *СПб. Май 1898*

В Императорскую Археологическую Комиссию

Художника Николая Константиновича Рериха

Заявление.

Известившись о некоторых новых пунктах, требующих осмотра и по всей вероятности раскопок (в пределах моих прежних археологических разысканий), имею честь покорнейше просить, по примеру последних лет, выдать мне открытый лист на право производства раскопок в пределах Сосницкой волости, Царскосельского уезда и Петергофского уезда[1].

Николай Рерих.

Васильевский Остров. Университетская набережная, 25.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 117/1898, л. 1. На заявлении резолюция графа А.А. Бобринского: «22 мая 1898 г. Прошу выдать открытый лист. Бобринской». Имеется запись А.А. Спицына: «Н.К. Рерих ходатайствует, чтобы о выдаче ему разрешения уведомлён был г. Петергофский исправник».

---

[1] Открытый л. № 918 на раскопки в пределах Петергофского у. и Сосницкой волости Царскосельского у. был подписан графом А.А. Бобринским 23 мая 1898 (см. в РА ИИМК, указ. д., л. 2, 5). Тогда же было послано уведомление ИАК СПб. губернатору о выдаче открытого л. Рериху — «для извещения об этом гг. местных исправников» (указ. д., л. 3).

11. Н.К. Рерих — в канцелярию ИАК. *Извара. 1 июня 1898*

Не имея возможности в скором времени приехать в Петербург за открытым листом, покорнейше прошу Канцелярию Императорской Археологической Комиссии выслать мне открытый лист пакетом по адресу: Балтийская железная дорога. Станция Волосово. Мыза Извара. Николаю Константиновичу Рериху[1].

С почтением Николай Рерих.

Извара. 1/VI 1898.

Автограф. РА ИИМК, указ. д., л. 4.

---

[1] О раскопках Рериха в 1898 в пределах Царскосельского и Петергофского у. см. в наст. изд., разд. I, № X.

12. И.Е. Забелин[1] — в ИАК. *Москва. 30 декабря 1898*

В Императорскую Археологическую Комиссию

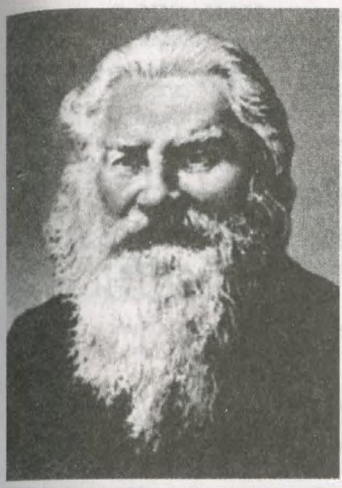
Управляющий Императорским Российским Историческим Музеем с благодарностью имеет честь уведомить о получении препровождённых для коллекций Музея, при отношении Комиссии от 1 Апреля сего года за № 516, двух моделей курганов Петергофского уезда, исполненных в 1897 году художником Н.К. Рерихом.

Товарищ Председателя Тайный Советник Иван Забелин.

Автограф на бланке Имп. Российского Исторического музея, № 1027. РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 20. Отметка делопроизводителя ИАК о получении 4 января 1899.

---

[1] *Забелин Иван Егорович* (1820—1908) — выдающийся историк, археолог, археограф, музейный деятель, коллекционер, действительный тайный советник (1908), почётный доктор истории Московского (1884) и Петербургского (1885) университетов, действительный член ИАХ (1892), почётный член РАН (1907, член-корреспондент с 1884). В июне 1859 зачислен младшим членом в штат ИАК, в 1859–73 руководил раскопками на юге России, разработал методику раскопок кург., в 1862–63 раскопал кург. Чертомлык (по результатам работ назначен старшим членом ИАК). В 1869–72 руководил раскопками Фанагории, в 1873 — Ольвии. В 1876 вышел в отставку. С 1873 З. дей-



И.Е. Забелин

ствительный член Московского Исторического музея, член Комиссии по постройке его здания, с апреля 1885 товарищ председателя (фактический научный руководитель) Исторического музея. Под руководством З. фонды музея возросли с 15 тысяч (1885) до нескольких сотен тысяч экземпляров (1908). З. поддерживал контакты с крупнейшими коллекционерами (мн. из них благодаря ему завещали музею свои собрания). Не получив специального исторического образования, З. во время работы в Оружейной палате (1837–48) самостоятельно освоил палеографию и др. специальные исторические дисциплины. В ОПИ ГИМ хранится его обширный архив: ф. 440, 1601 ед. хр. Там же хранятся письма Рериха З. (1896), а также черновики писем З. в ИАК. Письмо Рериха З. от 7 февраля 1896 опубликовано: *Короткина Л.В.*, 1985. С. 52. Ответное письмо З. Рериху от 10 февраля 1896 хранится в ОР ГТГ, ф. 44, № 789. Вот каким увидел З. его современник в те гг.: «...Был в это время глубоким старцем, болезненным и почти не выходившим из своей квартиры, помещавшейся в здании музея. В своей библиотеке проводил свои трудовые дни этот самоучка, вышедший из писцов и начавший свою карьеру служителем второго разряда в Оружейной палате. Высокий, с седой бородой, переходящей в желтизну, с гривой белых волос, с подслеповатыми добрыми глазками, он обычно был молчалив. Он говорил только тогда, когда затрагивали интересующую его тему, и охотно давал советы и исчерпывающие справки. Один, только с дочерью, тоже уже старушкой (в ту пору ей было лет под шестьдесят), прожил он долгую свою жизнь затворником» (*Бондаренко И.Е.*, 1993. С. 25). А вот слово др. современника, Н. Павлова-Сильванского: «Характеристические черты его — вера в самобытные творческие силы русского народа и любовь к низшему классу, крепкому и здоровому нравственно народу-сироте, народу-кормильцу. В связи с этим Забелин стремится выдвинуть при изучении исторического процесса народную "общую правду". Глубокое знакомство со стариной и любовь к ней отражаются в языке Забелина, выразительном и оригинальном, необыкновенно красочном и богатом, с архаическим, народным оттенком... Ослабляя значение родоначальника, он говорит, что "отец-домодержец, выходя из дому и становясь в ряды других домохозяев, становился рядовым братом; братский род представлял такую общину, где первым и естественным законом жизни было братское равенство"...» (*Брокгауза—Ефрона ЭС*; там же и краткая библ.). Интерес Рериха к наследию З. определялся тем, что он был крупнейшим знатоком истории древнерусского искусства и участвовал в комиссиях по реставрации древней живописи в Благовещенском и Успенском соборах Московского Кремля, в Успенском соборе во Владимире. Его перу принадлежат труды: "О металлическом производстве в России до конца XVII века" (СПб., 1853), "Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России" (СПб., 1853), "Домашний быт русского народа" (М., 1862–69), "Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве" (*ВЕ*. 1871. № 1 и 2), "Опыты изучения русских древностей" (1872–73), "История русской жизни с древних времён" (1876, 1879), "Черты самобытности в древнерусском зодчестве" (*ДНР*. 1878. № 3 и 4), "Минин и Пожарский, прямые и кривые в Смутное время" (М., 1883), "Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы" (М., 1891–94), "История города Москвы" (М., 1902, 1905; неокончена) и мн. др.

13. Н.К. Рерих — в ИАК. *СПб. 7 мая 1899*

В Императорскую Археологическую Комиссию

Художника Н.К. Рериха

Заявление.

Покорнейше прошу Императорскую Археологическую Комиссию о выдаче мне открытого листа на право производства раскопок в пределах Боровичского уезда Новгородской губернии[1].

Н. Рерих.

7 Мая 99.

Васильевский Остров. 16 линия, 15.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 107/1899, л. 1. На заявлении резолюция графа А.А. Бобринского: «Комиссия 10 Мая постановила: выдать открытый лист. Граф А. Бобринской». Имеется запись А.А. Спицына: «Вследствие перенесения раскопок в другие местности, в Боровичском уезде раскопок не было произведено». (В Боровичском у. были сделаны разведки, см.: *Рерих Н.К.*, 1899. С. 7, 29).

---

[1] Открытый л. № 774 на раскопки в пределах Боровичского у. Новгородской губ., оформленный на «г. Преподавателя Археологического Института Н.К. Рериха», был подписан графом А.А. Бобринским 12 мая 1899 (см. в РА ИИМК, указ. д., л. 2). Тогда же было послано уведомление ИАК Новгородскому губ. «о предполагаемых раскопках Н.К. Рериха» (указ. д., л. 3).

14. Н.В. Покровский[1] — в ИАК. *СПб. 9 мая 1899*

Честь имею покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию выдать Археологическому Институту открытый лист на производство раскопок курганов в Санкт-Петербургской губернии, под руководством профессора Н.И. Веселовского и преподавателя Института Н.К. Рериха[2].

Директор Археологического Института профессор Н. Покровский.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 109/1899, л. 1.

---

[1] *Покровский Николай Васильевич* (1848—1917) — окончил Сибирскую Духовную академию, в к-рой в 1880-е гг. состоял инспектором и проф. по кафедре церковной археологии и литургии. С 1897 занимал должность директора ИПАИ, где ранее уже служил проф. Член-сотрудник ИАК. Доктор церковной археол. Создатель церковно-археол. музея СПб. Духовной академии, где также служил ординарным проф. Действительный член Обществ — ИРАО, Распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви и Вспомоществования студентам СПб. Духовной академии. Главные труды: "Происхождение древнехристианской базилики" (СПб., 1880), "Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства" (Одесса, 1887), "Миниатюры евангелия Гелатского монастыря XII века" (СПб., 1887), "Стенные росписи в древних храмах греческих и русских" (СПб., 1890), "Евангелие в памятниках иконо-

графии преимущественно византийских и русских" (СПб., 1892), "Лицевой иконописный подлинник Антониева Сийского монастыря" (СПб., 1898), "Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии" (СПб., 1909). Редактор *ЦВ*, автор многочисленных статей в этом изд., а также в *ХЧ*, трудах археол. съездов, *ЗИРАО*, *ВАИ* и др. Один из первых в русской науке обратил внимание на отношение искусства к учению церкви и текстам литургии и внёс в науку богатейшие материалы православно-восточного происхождения, восполнив т. о. односторонние иссл. западных протестантских и католических учёных (*Брокгауза—Ефрона ЭС*). Письма Рериха к П. (13 марта, 26 июля 1898, 15 сентября 1901 (адресовано в Совет ИПАИ), 15 января 1903 (совместно с М.П. Боткиным и Ю.С. Нечаевым-Мальцевым), 28 февраля 1908) и письмо П. к Рериху (2 апреля 1898) опубликованы: *Жук А.В.*, 1997. С. 96–102; *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 134–135, 152.

[2] Об этих раскопках см. в наст. изд., разд. I, № XI.

15. Герцог Н.Н. Лейхтенбергский[1] — великому князю Константину Константиновичу[2]. *Усадьба Горы. Новгородская губ. 7 сентября 1899*

Ваше Императорское Высочество,

Брат зовёт меня к себе на неделю за границу; но отпуск я просил только во все города России. Позволяю себе поэтому беспокоить Ваше Императорское Высочество покорной просьбой распространить данный мне отпуск и на поездку за границу.

Одновременно с этим пишу и Голицыну[3] о том же, для доклада.

Обращаюсь ещё к Вашему Императорскому Высочеству как Президенту Академии Наук.

Недалеко от моей усадьбы, на крестьянской земле, имеется интересный курган. По местным преданиям, здесь в древние времена находился монастырь, который "во время литвы" взят неприятелем и разграблен. Около этого монастыря, которого я тщетно искал следы, в густом кустарнике и находится курган.

Насколько я понимаю, в этом случае мы имеем дело с древнейшим курганом, чуть не языческого периода; действительно весь курган покрыт был гранитными плитами, из которых многие видны над поверхностью земли, а кругом были врыты остроконечные плиты в виде венца или ограды. Эти остроконечные плиты и заставляют меня предполагать, что курган из древнейших.

Может быть, Ваше Императорское Высочество найдёте возможным сообщить о кургане кому-нибудь из специалистов по раскопкам; и если найдётся охотник исследовать курган, то прошу его ехать прямо ко мне. Всё нужное для работ — рабочих, лошадей, инструменты и т. д. — я могу предоставить в распоряжение исследователя. Прошу только дать мне телеграмму накануне выезда (Окуловка, Герцогу Лейхтенбергскому). Ехать же следует до станции Окуловки, Николаевской железной дороги; я просил бы также лицо, желающее взяться за это дело, приехать не позже 15 сентября или после 10 октября.

Погода у нас ужасная; ежедневно дождь; овсы ещё не всюду созрели; созревшие невозможно убирать из-за дождя.

Семья, слава Богу, здорова. Жена просит передать Вам и её Императорскому Высочеству её поклон.

Прошу Ваше Императорское Высочество принять выражение глубокой моей преданности, с которой имею честь быть,

Вашего Императорского Высочества покорнейший слуга
Поручик Герцог Лейхтенбергский[4].

Автограф, машинопись. РА ИИМК, ф. 1, № 233/1899, л. 1–2. Опубликовано: *Беляева Н.А.*, 1995. На письме след. записи: «Письмо Его Высочества Герцога Лейхтенбергского поступило в Комиссию от г. Председателя Императорского Русского Археологического Общества графа И.И. Толстого. Делопроизводитель Комиссии Илья Суслов»; «26 Октября 99 г. Комиссия сего числа постановила: предложить генералу Бранденбургу, не считает ли возможным предпринять исследование этого кургана. Бобринской».

---

[1] *Лейхтенбергский Николай Николаевич, герцог* — сын герцога Николая Максимилиановича Л. (1843—90), князя Романовского, внук герцога Максимилиана Л. (1817—52), сына вице-короля Италии во времена первой французской империи. Род Л. перешёл в Россию после брака герцога Максимилиана с дочерью императора Николая I великой княгиней Марией Николаевной и был причислен к Российскому Императорскому дому. Т. о., герцог Н.Н.Л., в 1899–1900 поручик Лейб-гвардии Преображенского полка, — правнук императора Николая I. Семейное собрание герцога Л. Рерих вспоминал в "Листах дневника" (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 394, 591). Отмечал Рерих герцога и среди значительных деятелей ИОПХ, к-рые вносили труды свои на пользу этого учреждения (*Там же*. Т. I. С. 53). Известны занятия герцога по истории Конной гвардии в 1910-х: *ИИАК*. Приб. к № 56. (*ХБ*. № 26). Пг., 1914. С. 19.

[2] *Константин Константинович, великий князь* (1858—1915) — сын великого князя Константина Николаевича, внук Николая I. Начал службу на флоте. Участник русско-турецкой войны (1877–78). Поэт ("К. Р.") и переводчик. Президент (с 1889), почётный академик по разряду изящной словесности (с 1900) РАН. Председатель ИРАО. В 1891 назначен командиром Лейб-гвардии Преображенского полка, в 1910 — генерал-инспектором военно-учебных заведений. Рерих в "Листах дневника" воспроизвёл такой эпизод: «Занятно было выслушивать различные мнения на наших выставках. Помню, как Президент Академии наук в. князь Константин Константинович поносил выставку за "декадентство". Почему-то он обрушился на безобидный этюд Браза: «Зачем фонарь кривой?» Пришлось пояснить: «Вероятно, сломался». Ответ сильно не понравился» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 626–627). Это же событие было освещено в прессе того времени так: «28 февраля [1903] Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович посетил в залах Императорского Общества Поощрения художеств пятую художественную выставку журнала "Мир Искусства". Объяснения Его Высочеству давал секретарь Общества Поощрения художеств Н.К. Рерих. Великим Князем на выставке приобретена гравюра А. Остроумовой "Ворота в Павловском парке"» (*Знамя*. 2 марта 1903. № 57).

[3] Возможно, имеется в виду *князь Николай Николаевич Голицын*, указанный в справочнике "Весь Петербург", — государственный и военный деятель. Его место службы то же, что и герцога, — Лейб-гвардии Преображенский полк.

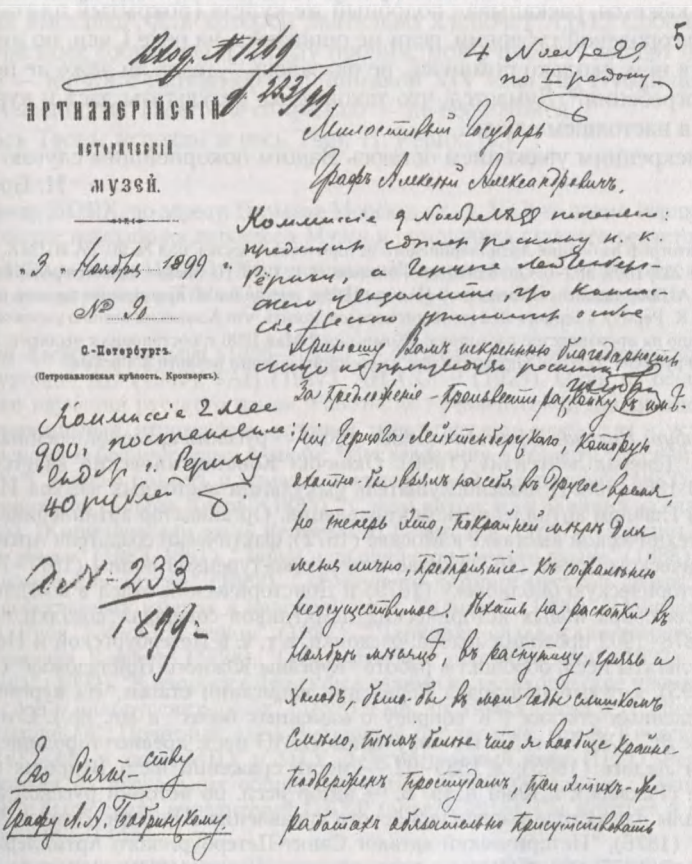
[4] 31 октября 1899 ИАК направила директору Артиллерийского исторического музея Н.Е. Бранденбургу предложение исследовать указ. герцогом Н.Н. Лейхтенбергским «древнейший курган». Отпуск этого предложения опубликован: *Беляева Н.А.*, 1995; на

нём помета И.А. Суслова: «Ответ генерала Бранденбурга передан Н.И. Веселовскому 6 Ноября». Упом. ответ Бранденбурга ниже.

16. Н.Е. Бранденбург[1] — графу А.А. Бобринскому. *СПб. 3 ноября 1899*

Милостивый Государь Граф Алексей Александрович.

Приношу Вам искреннюю благодарность за предложение произвести раскопку в имении Герцога Лейхтенбергского, которую охотно бы взял на себя в другое время, но теперь это, по крайней мере для меня лично, предприятие, к сожалению, неосуществимое. Ехать на раскопки в Ноябре месяце, в распутицу, грязь и холод, было бы в мои годы слишком смело, тем более что я вообще



Н.Е. Бранденбург. Письмо № 16. Фрагмент. Пометы графа А.А. Бобринского

крайне подвержен простудам, при этих же работах обязательно присутствовать безотлучно и, следовательно, приходится рисковать весьма скверными последствиями.

Что касается будущей весны, то до неё ещё далеко и мало ли что может впереди случиться. Обнадёжить Вас и потом отказаться от обещанного я бы не хотел, а ручаться за исполнение не могу, — всё будет зависеть от обстоятельств.

Поэтому для исполнения предложения Герцога будет надёжнее подыскать кого-нибудь другого, который был бы более, нежели я, обеспечен от тех или других случайностей, а относительно меня лично вопрос может только остаться открытым.

По поводу самого кургана позволю себе высказать предположение, что, по моему мнению, едва ли он оправдает ожидаемые научные интересы. Лет 20 тому назад я, кажется, раскапывал подобный же курган (покрытый плитами) на Севере Новгородской губернии, если не ошибаюсь, на реке Сяси, но ничего интересного в нём, сколько помнится, не оказалось, — едва ли даже не позднейшие лишь погребения![2] Думается, что таковые же результаты даст и курган, намеченный в настоящем случае.

С искренним уважением остаюсь Вашим покорнейшим слугою

Н. Бранденбург.

Автограф на бланке Артиллерийского исторического музея, под № 90. РА ИИМК, ф. 1, № 233/1899, л. 5–6. Опубликовано: *Беляева Н.А.*, 1995. На письме имеются резолюции графа А.А. Бобринского: «Комиссия 9 Ноября 1899 г. постановила: предложить сделать раскопку Н.К. Рёриху, а Герцога Лейхтенбергского уведомить, что Комиссия весною уполномочит особое лицо на производство раскопок»; «Комиссия 2 Мая 1900 г. постановила: выдать г. Рериху 40 рублей». Все они хорошо видны на воспроизведении первого л. письма.

---

[1] *Бранденбург Николай Ефимович* (1839—1903) — русский археолог, военный историк и писатель. Генерал-лейтенант (1896). Окончил Константиновский кадетский корпус (1858). В 1860–70-х гг. вольнослушатель факультета восточных языков ИПУ. С 1872 служил в Главном артиллерийском управлении. Организатор артиллерийского отдела на Политехнической выставке в Москве (1872), фактически создатель Артиллерийского исторического музея (1872). Участник русско-турецкой войны (1877–78). Организовал Историческую библиотеку (1879) и Доисторический отдел в возглавляемом им музее. Для сбора новых исторических памятников совершал поездки по монастырям. В 1878–1902 проводил археол. раскопки, в т. ч. в Петербургской и Новгородской губ., результаты иссл. обобщил в работе "Курганы Южного Приладожья" (*МАР.* № 18. СПб., 1895), к-рую использовал Рерих при написании статьи "На кургане..." (1898), многочисленных статьях ("К вопросу о каменных бабах" и мн. др.). Сотрудничал в журналах *ВС*, *АЖ*, *ОС* и др. По поручению ИРАО иссл. древнее городище и крепость в Старой Ладоге (1885); в 1889–92 — места сражений на р. Ведроша (1500), при Ракоборе (Раквере), г. Каян и др. Б. — автор иссл. по истории русской артиллерии: "Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ Артиллерии. 1701–20" (1876), "Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея" (ч. 1–3, 1877–89), "500-летие русской артиллерии" (1889). Действительный член ИРАО (1879), член Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (1883),

член-корреспондент ИМАО (1886), почётный член ИПАИ (1888) и др. См. также: *Печёнкин Н.М.*, 1905; *Крылов В.М.*, 1994. С. 283; *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 111.

[2] «В моём журнале раскопок в Приладожье, находящемся в Императорской Археологической Комиссии, вероятно, имеются сведения об этой раскопке» *(Примеч. Н.Е. Бранденбурга).*

17. Н.К. Рерих — Л.М. Антокольскому. *СПб. 6 ноября 1899*

Голубчик Леон, хотя я и не бываю теперь регулярно в Обществе[1], но полагаю, что Ты застанешь меня там во вторник часа в $3^1/_2$. Сочувствую мысли о записках о Микешине, при сём случае напишу Тебе несколько о нём замечаний.

[...] В половине декабря открывается в Археологическом институте палеографическая выставка[2], для которой деятельно хлопочет А.[И.] Соболевский[3] (добывает частные собрания) и, между прочим, мои ученики[4] делают несколько снимков — копий с миниатюр подлинников XIV века (из Публичной библиотеки). Псевдонима Твоего не открываю — не беспокойся.

Радуюсь Твоим успехам и весь Твой Н. Рерих. [...]

---

[1] Имеется в виду ИОПХ, по адресу: Большая Морская ул., д. 38. В то время Рерих работал в Об-ве в качестве помощника директора Музея и помощника главного редактора *ИХП*.

[2] В декабре 1899 в залах ИПАИ (Екатерининский канал, № 14) состоялась выставка рукописей с миниатюрами XIV–XV вв. из Имп. Публичной библиотеки и частных собраний.

[3] *Соболевский Алексей Иванович* (1856—1929) — филолог, историк, палеограф. Академик Петербургской АН (1900), РАН (1917), АН СССР (1925). Один из основателей исторического изучения русского языка. Работы по древнерусской письменности, палеографии, топонимике, этнографии, истории древнерусского искусства и устной поэзии, украинскому и белорусскому языкам: "Исследования в области русской грамматики" (1881), "Светская повесть и роман в древнерусской литературе" (1883), "К вопросу об исторических судьбах Киева" (1885), "Следы литовского влияния на славянские языки" (1885), "Кирилловская часть Реймсского Евангелия" (1887), "Лекции по истории русского языка" (1888, 1891), "Звуки церковно-славянского языка" (1888), "Общеславянские изменения звуков" (1889), "Заметки по истории русской драмы" (1889), "Заметки о собственных именах в великорусских былинах" (1890), "Образованность Московской Руси XV–XVII веков" (1892), "Церковно-славянские стихотворения конца IX — начала X веков" (1892), "Очерк русской диалектологии" (1892), "О типе Ильи Муромца" (1892), "К вопросу о финском влиянии на великорусское племя" (1893), "Несколько слов о малорусских думах" (1893) и мн. др. Издал также 6 тт. "Великорусских народных песен". Почётный член Публичной библиотеки, проф. Киевского университета (1882–88) и затем ИПУ и МГУ. Действительный член ИРАО. Рерих и С. соприсутствовали на нескольких общих собраниях ИРАО (например, 2 мая 1903 и 30 марта 1907); были среди учредителей ОВХР (апрель 1915). См. портрет и др. упом. ниже, разд. III, № LII (1).

[4] Имеются в виду слушатели курса "Художественная техника в применении к археологии", к-рый в ИПАИ читал Рерих.

18. Граф А.А. Бобринской — великому князю Константину Константиновичу. *СПб. 12 ноября 1899*

Ваше Императорское Высочество.

Помощник Председателя Императорского Русского Археологического Общества граф И.И. Толстой[1] передал Старшему Члену Императорской Археологической Комиссии Н.И. Веселовскому письмо Его Высочества Герцога Лейхтенбергского, от 7 сентября 1899 г., адресованное к Вашему Императорскому Высочеству по поводу раскопки кургана, находящегося на крестьянской земле близ усадьбы Горы, недалеко от станции Окуловки. Герцог Лейхтенбергский, сообщая об этом кургане, выразил готовность оказать со своей стороны полное содействие к раскопке его доставлением рабочих, лошадей, инструментов и т. п. и просил лицо, которому будет поручена раскопка, приехать к нему не позже 15 сентября или после 10 октября сего года.

Императорская Археологическая Комиссия, глубоко ценя такое внимание к задачам археологии со стороны Герцога Лейхтенбергского, сейчас же вступила в переговоры со специалистами по раскопке северных курганов, с целью командировать сведущее лицо на раскопки к указанному Герцогом Лейхтенбергским сроку; но состояние погоды, крайне неблагоприятной для земляных работ в осеннее время, вынудило отложить осуществление этого намерения до весны будущего года.

О вышеизложенном имею честь сообщить Вашему Императорскому Высочеству. С чувством глубокого уважения имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

Граф Алексей Бобринской.

Отпуск письма. РА ИИМК, № 233/1899, л. 7–8.

---

[1] *Толстой Иван Иванович, граф* (1858—1916) — член ИАК (1886–91), вице-президент ИАХ (1893—1905), археолог и нумизмат. Секретарь (1885–90), помощник председателя (с 1899) ИРАО. Председатель Русского общества печатного дела (с 1900). Министр народного просвещения (1905—06). Городской голова Петербурга (1913–16). Автор трудов по славяно-русской, византийской и восточной нумизматике, археологии, истории, искусству: "Древнейшие русские монеты Великого Княжества Киевского" (1882), "Der Munzfund von Njeschin" (1883), "Русская до-Петровская нумизматика" (1884, 1886), "Знамя первых наших христианских великих князей" (1887), "О византийских печатях Херсонской фемы" (1887), "О монете Константина Мономаха, с изображением Влахернской Божией Матери" (1888), "Клад куфических и западноевропейских монет, заключавший в себе обломок монеты Владимира святого" (1888), "О русских амулетах, называемых змеевиками" (1888), "Новая книга о Китае и китайцах" (1888), "Поддельные ассирийские древности" (1890), "О древнейших русских монетах X и XI вв." (1893). Вместе с академиком Н.П. Кондаковым граф Т. предпринял изд. "Русские древности в памятниках искусства" (6 вып., 1889–99). Принимал деятельное участие в вопросе о снаряжении нескольких экспедиций художников. Предполагалось обследовать весь север России, в частности Сибирь, и сделать зарисовки русских древностей. План работы был составлен Н.К. Рерихом. Экспедиция не состоялась из-за недостатка средств. См.

о нём: *Суриков В.И.*, 1977. С. 322; *Гурулёва В.В.*, 1991. С. 92–96; *Рерих Н.К., Стасов В.В.*, 1993. С. 7, 12–15; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 101, 250, 294. Сохранилось несколько офиц. посланий графа Т. Рериху. Например:
«Императорская Академия Художеств

Его Высокородию Н.К. Рериху

Милостивый Государь Николай Константинович.

Приступив, по поручению АВГУСТЕЙШЕГО Президента ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств, к рассмотрению вопроса об упорядочении постановки учебного дела в Высшем художественном училище, имею честь просить Вас не отказать в Вашем содействии в порученном мне деле.

Не изволите ли Вы найти возможным пожаловать в зал заседаний Совета Академии в четверг 17-го сего Апреля в 3 часа дня, для обсуждения возникших вопросов в следующем составе: Вы, А.Н. Бенуа, А.Я. Головин, Д.Н. Кардовский и В.А. Серов.

В случае невозможности быть в заседании не откажите об этом уведомить.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. И. Толстой.

8 Апреля 1908 г. № 1187» (ОР ГТГ, ф. 44, № 1419).
Своеобразный ответ на это приглашение Рерих поместил в "записном листке" "К охранению картин" (*ВМИ.* 1908. № 14–16. С. 27). См. также ниже, примеч. к № 139 наст. разд.

19. Н.В. Покровский — в ИАК. *СПб. 16 февраля 1900*

Честь имею при сём препроводить в Комиссию составленный Н.К. Рерихом отчёт о произведённой 16 Мая 1899 года членами и слушателями Института близ деревни Пежовицы (Петергофский уезд Санкт-Петербургской губернии) раскопок курганов, с приложением списка найденных при этом предметов. Самые предметы будут переданы в Комиссию профессором Н.И. Веселовским[1].

Директор Археологического Института профессор Н. Покровский.

Автограф. РА ИИМК, № 109/1899, л. 8.

---

[1] Предметы из этих раскопок ИАК передала в ИПАИ. См. наст. изд., раздел III, № VIII.

20. Н.В. Мятлев — Н.К. Рериху. *Могилёв. 18 марта 1900*

Многоуважаемый Господин Рерих,

Надеюсь, Вы не посетуете на меня за то, что я не имел удовольствия личного знакомства с Вами и знал Ваши имя и отчество лишь по начальным буквам, обращаюсь к Вам с настоящим столь необычно озаглавленным письмом, тем более, что вызвано это письмо интересом к той науке, на поле которой Вы уже искушённый в боях воин, я же лишь новобранец призыва 1893 года, ставлю эту дату, т. к. в этом году производил свою первую раскопку с князем Путятиным[1] на Бологовском озере[2]. Вызвано моё письмо следующим обстоятельством: в № 2 "Вестника Всеобщей Истории" в отделе "Из области археологии" на стр. 260 напечатано résumé сообщения Вашего в Археологическом Институте

11 Ноября 1899 года: "Некоторые древности Шелонской пятины"[3], из коего видно, что исследования Ваши захватили часть Старорусского уезда.

Старорусский уезд мне хорошо знаком, т. к. я до 1898 года ежелетно проживал в г. Старой Руссе месяцев 5, причём старательно собирал сведения о курганах, жальниках, городищах и случайных находках в уезде, сам ездил по уезду и раз с тем же князем П.А. Путятиным производил пробную раскопку близ села Б. Витони, Коростынской волости, на основании добытых данных мною составлена археологическая карта Старорусского уезда (по программе карт Антоновича[4] и Покровского[5]). Карта эта была осмотрена и одобрена В.Б. Антоновичем и предполагалось её представить XI Археологическому Съезду, но по не зависящим от меня причинам ни я, ни карта на Съезд не попали.

В настоящее время я очень этому доволен, так как моя карта без сведения о Ваших раскопках в пределах Старорусского уезда была бы далеко не полна, что и могло бы мне быть поставлено в немалый упрёк. Пополняя по мере накопления сведений свою карту, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать мне в сообщении сведений: 1) какие и при каких сёлах Старорусского уезда сопки и жальники Вами исследованы? 2) что оказалось в сопках и жальниках (погребения или сожжение? какие вещи? какая эпоха?) и 3) какие ещё, кроме исследованных, известны Вам сопки и жальники в уезде? Надеюсь, что сообщение этих сведений, для меня драгоценных, Вас не затруднит, если же сведения о раскопках Ваших (более подробнее, чем упомянутая заметка в "Вестнике Всеобщей Истории") где-либо уже напечатаны или напечатаются, прошу лишь указать издание. Если моя карта Вас интересует, то я с удовольствием доставлю Вам, ранее её издания, рукописную копию с неё и объяснительные записки[6]. Долгое время я был оторван от Новгорода и жил на юге, но с весны перебираюсь в Новгород на службу и тогда пополню свою карту личными исследованиями и примусь за Крестецкий и Демьянский уезды. Ещё раз прошу Вас извинить меня за беспокойство.

В надежде на благоприятный ответ остаюсь уважающий Вас готовый к услугам Н. Мятлев.

Адрес: г. Могилёв-Губернский. Товарищу Прокурора Николаю Владимировичу Мятлеву.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 1030. На письме запись Рериха карандашом: «Послан оттиск "Древностей Шелонской Пят[ины и Бежецкого конца]"» (имеется в виду: *Рерих Н.К.*, 1899).

---

[1] *Путятин Павел Арсеньевич, князь* (1837—1919) — археолог, антрополог, востоковед. Коллекционер. Член многих отечественных и зарубежных научных и худ. об-в, в т. ч. ИОПХ и ИРАО. Вышел в отставку в чине штабс-капитана. Близкий родственник Е.И. Рерих и С.С. Митусова. В его имении в Бологом Рерих познакомился со своей будущей женой. Неоднократно упом. в "Листах дневника" Рериха и др. источниках о жизни и деятельности семьи Рерихов. См.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 53, 379. Т. II. С. 163. Т. III. С. 370, 591; *Фосдик З.Г.*, 1998. С. 93, 325, 326; *Иванов М.А.*, 1992. С. 42–55; *Тихонов И.Л.*, 1995. С. 107–108; *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 108–109, 112, 116. 2 письма Рериха князю П. (1905, 1909) опубликованы: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 154–158, 161. Не-

сколько др. писем (приглашения на различные мероприятия ИОПХ и др.) хранятся в РА ИИМК, ф. 15 (архив князя П.), № 76.

[2] *Бологовское озеро и Бологое* как место знаменитой неолитической стоянки, открытой князем П.А. Путятиным, было хорошо известно Рериху (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 14; *Рерих Н.К.*, 1905. С. 9). Подробная библ. о стоянке: *Спицын А.А.*, 1903б. В 1899 Рерих иссл. в 10 верстах от Бологого т. н. Глубочихинские кург. и жальник в д. Подлипье: «В местности Глубочихе при деревне Подлипье, тоже на берегу озера, расположен интересного вида небольшой жальник, раскопка которого, к сожалению, не могла состояться, так как посреди его стоит почитаемая местными крестьянами часовня, и сам он считается старым кладбищем. По внешнему виду жальник у Подлипья очень характерен. Несколько могил окружены каменным кольцом, другие отмечены двумя валунами на Восток и Запад, а 4 могилы устроены очень тщательно: обложены крупными продолговатыми валунами и плитами, на Восток и Запад помещены стоймя, очень большие камни до $^1/_2$ аршина вышины. Одна из таких могил была зарисована» (*Рерих Н.К.*, 1899. С. 26–29). В 1900 Рерих отмечал, что «в Валдайском крае курганы с сидячим или лежачим на материке погребением встречаются особенно редко, оставляя основной тип различным сожжениям, так что описанные мною в прошлогоднем отчёте курганы при Глубочихе в местности Бологое являются необычным для района типом» (*Рерих Н.К.*, 1901. С. 65). Сохранились имена жителей, с к-рыми мог иметь дело Рерих, когда бывал в Бологом и его окрестностях; некоторые из них могли быть типажами для его зарисовок. Согласно описи "Земельный инвентарь", в Валдайском у. значились: 1) Бологая Гора, сельцо; 2) Бологое Новое, село; 3) Бологое Старое, село. Все пункты относились к Медведевской волости. «Сельцо Бологая Гора» и «деревня Подлипье, что была пустошь» принадлежали в разных долях крестьянам Подлипья, бывшим Бутенёвых и Смяровского, купцу Михаилу Васильевичу Бельтихину, наследникам Василия Ивановича Сороколетова и «1-я часть деревни Подлипья с частью Бологой Горы» — жене коллежского асессора Елизавете Афанасьевне Вилькиной. Отнесённое к д. Огрызково с. Новое Бологое принадлежало дворянам Александру, Сергею и Вере Алексеевичам Зарубиным и Ольге Николаевне Василисиной (почти пополам), кроме этого ещё ч. Обществу Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. «Сельцо Бологое, что ныне село (Старое Бологое)», включало земельные наделы и усадьбы след. владельцев (приводим так, как названы в инвентаре, и в порядке величины наделов), а именно: князь Павел Арсеньевич Путятин; валдайские купцы Ездра и Елья Гершковичи Коловские; крестьянин Кемецкой волости Константин Дмитриев Зуев и мещанин Николай Юстус Иогансон; крестьянин Тверской губ. и у., Васильевской волости, д. Стрельникова Пётр Ильин Клюканов; крестьянин Тверской губ. и у., д. Новинок Алексей Николаев Тупицын; крестьянин Тверской губ., Кашинского у., д. Якшина Василий Петрович Чуренков; новоторжский мещанин Иван Иванович Сверчков; СПб. мещанин Мовша Лейба Кригер; купеческие сыновья Василий, Яков и Петр Алексеевичи Каретниковы; купчиха Прасковья Дмитриевна Гречина; лугский мещанин Александр Корнеевич Лаврентьев; губ. секретарь Николай Николаевич Рыкачёв; дочь действительного статского советника Елена Карловна Геккер; вышневолоцкий купец Иван Никитич Экстров; крестьянин д. Кафтинского городка Сергей Филиппов Манухин; валдайский мещанин Михаил Кириллович Гудовский; мещанка Опеченского посада Мария Михайловна Капустина; мещанин Опеченского посада Василий Владимирович Туркин и крестьянин д. Забелья Филипп Васильев.

[3] См. также: *Отчёт о состоянии ИПАИ в 1899–1900 гг. // ВАИ.* 1901. Вып. 14. С. 15.

[4] *Антонович Владимир Бонифатьевич* (1834—1908) — один из основоположников украинской археол., историк, с 1878 проф. русской истории Киевского университета, в 1880–83

декан историко-филологического факультета Киевского университета. Иногородний сотрудник ИАК (проживал в Киеве). Член-корреспондент АН (1901). См. о нём: *Зуев В.Ю.*, 1997. С. 51. В связи с археол. картой: *Антонович В.Б.*, 1893; *Антонович В.Б.*, 1895.

[5] Имеется в виду *Н.В. Покровский.*

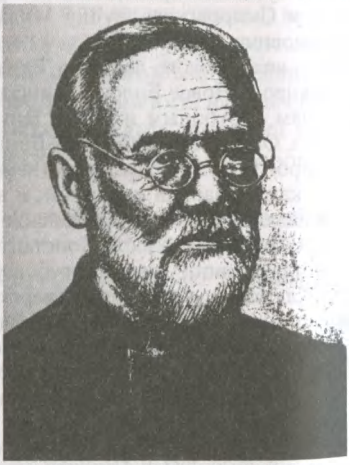
[6] Карта Мятлева могла заинтересовать Рериха, ведь в ИПАИ в 1899–1903 он руководил составлением подобной же археол. карты СПб. губ. Видимо, поэтому Мятлев доставил ему "Объяснительную записку к вопросному листу для собрания сведений об остатках старины в Новгородской губернии" (4 с., тип. оттиск с правками Н. Мятлева), но произошло это уже в 1902. Упомянутая "Записка..." сохранилась в архиве Рериха — редактора-составителя археол. карты: РА ИИМК, ф. 37, № 12. В ней среди проч. отмечено след.: «Независимо от помянутых в этой записке памятников и остатков древности, конечно, могут оказаться в той или другой местности губернии совершенно неизвестные или малоизвестные в литературе Русской археологии, а потому не подошедшие ни под одну из рубрик объяснительной записки. Эти памятники безусловно заслуживают особенного внимания, и указания на них будут приняты с особой благодарностью. Таковы, например, замеченные покойным археологом Л.К. Ивановским искусственные, ограждённые валами заливы по берегам Ловати и сооружения из дикого камня и плиты в Заробьенских лесах Старорусского уезда и круги из камней, найденные Н.К. Рерихом в Коростынской волости того же уезда» (указ. ед. хр., л. 2 об.).

21. А.А. Спицын — в канцелярию ИАК. *СПб. 2 мая 1900*

Старший Член Императорской Археологической Комиссии Н.И. Веселовский заявляет, что Археологическим Институтом весною 1900 г. предполагается производство археологических раскопок в Петергофском уезде, и от имени Института просит Комиссию выдать на эти раскопки открытый лист художнику Н.К. Рериху.

Член Императорской Археологической Комиссии А. Спицын.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 93/1900, л. 1. Резолюция графа А.А. Бобринского: «Комиссия 2 Мая 1900 г. постановила: выдать открытый лист».



А.А. Спицын

22. ИАК — в ИПАИ. *СПб. 5 мая 1900*

Императорская Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Институт, что, согласно заявлению старшего члена её Н.И. Веселовского о вновь предпринимаемых Институтом раскопках, Комиссиею выдан открытый лист на производство в 1900 г. археологических раскопок в Петергофском уезде преподавателю Института Н.К. Рериху[1]; Комис-

сия считает долгом покорнейше просить Институт не отказать в своевременном доставлении ей отчёта о тех раскопках, которые будут произведены г. Рерихом по упомянутому открытому листу[2], а равно и найденных при этих раскопках предметов[3]. [...]

Отпуск письма. РА ИИМК, ф. 1, № 93/1900, л. 2.

---

[1] Открытый л. № 773 от 5 мая 1900 на имя «г. Преподавателя Археологического Института Н.К. Рериха» на Петергофский у.: указ. д., л. 3.

[2] Отчёта о раскопках ИПАИ в 1900 в деле ИАК нет. Однако он существовал даже в двух вариантах и был опубликован. Наиболее полный отчёт составил *Н.А. Штофф*, действительный член ИПАИ: *Штофф Н.А.*, 1901. Основные выводы и данные иссл. изложил в опубликованном отчёте и сам Рерих — руководитель раскопок, см. в наст. изд., разд. III, № VII. Раскопки прошли в окрестностях **мызы Гостилицы**, лежащей в 22 верстах к юго-западу от Петергофа. Как писал Штофф, «на юго-восток от Гостилицы, на небольшом кряже, расположена длинной линией с востока на запад **деревня Дятлицы**, к северу и к югу от которой находятся два курганных поля, которые в настоящем отчёте значатся под названиями **"1-е и 2-е Дятлицкие поля"**. На юго-запад от Гостилицы, по шоссе, у **харчевни "Груша"** и на гостилицких полях у **деревень Перелесье** и **Варварино** было раскопано по 2 кургана». В архиве Рериха сохранились фрагменты полевого дневника с подробным описанием 23 насыпей (ОР ГТГ, ф. 44, № 28, л. 17–18). См. об этих пунктах в современной "Археологической карте Ленинградской области", где они названы соотв. **Дятлицы-1**, **Дятлицы-2**, **Гостилицы-1**, **Гостилицы-2** и **Гостилицы-3** (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 80. № 579–583). См. также: *Рябинин Е.А.*, 1998. С. 86.

[3] Предметы из этих раскопок в Петергофском у. были оставлены в распоряжении ИПАИ. См. в наст. изд., разд. III, № IX.

23. Герцог Н.Н. Лейхтенбергский — [Ф.А. Брауну[1]]

Красное Село. Лейб-гвардии Преображенский полк[2]. 21 мая 1900

Ваше Сиятельство,

В ответ на сообщение Ваше от 16-го сего Мая, имею честь уведомить Вас, что я лично могу быть свободным не ранее 28–29 Июня или в половине Июля. Поэтому если Н.К. Рериху неудобно отложить раскопку жальника до одного из вышеприведённых сроков, то я буду лишён возможности лично оказать ему содействие. В таком случае прошу Вас сообщить мне, когда Н.К. Рерих намерен ехать, чтобы мне своевременно сделать распоряжение о высылке ему лошадей и приготовлении помещения в моей усадьбе. Затем в распоряжение Н.К. Рериха будет дана лодка и телега для доставки добытых вещей. Если нужно, то могу уведомить и местные власти. Рабочих предоставлю столько, сколько возможно будет уделить из экономии. Конечно, лучше было бы отложить раскопку до второй половины августа, когда у меня работают солдаты, которых с удовольствием предоставил бы в распоряжение командированного преподавателя[3].

Здание в бывшей усадьбе Горы Валдайского уезда. (Дом управляющего?). Фото 1997

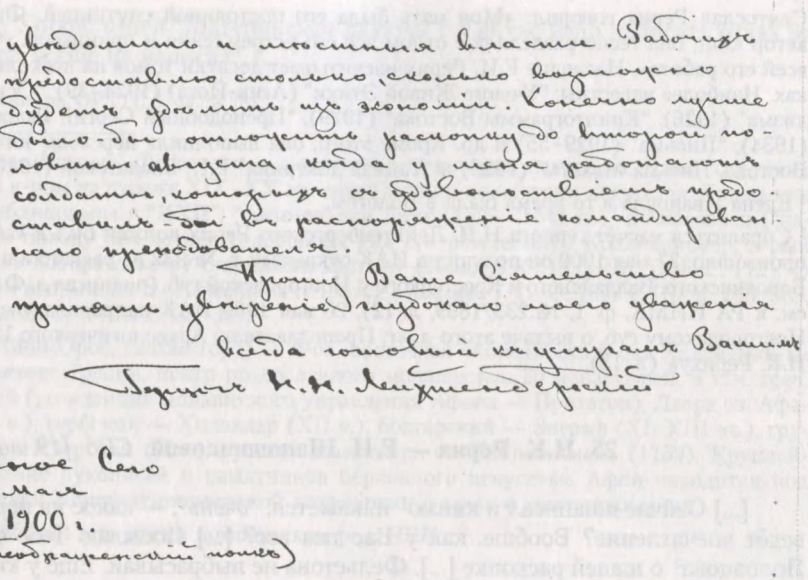
Прошу Ваше Сиятельство принять уверение глубокого моего уважения, всегда готовый к услугам Вашим.

Герцог Н.Н. Лейхтенбергский.

Автограф. РА ИИМК, № 233/1899, л. 14, 14 об. Опубликовано: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 142. На письме помета И.А. Суслова: «Получено от Ф.А. Брауна 11 Июля 1900 г.». Копию с этого письма Суслов послал Рериху 11 июля 1900 — «для сведения Вашего Высокоблагородия» (указ. соч.).

---

[1] *Браун Фёдор Александрович* (1862—1942) — выдающийся филолог-романист, проф., декан историко-филологического факультета ИПУ (1905), член-корреспондент РАН, действительный член ИРАО, старший член ИАК. Проф. Высших женских курсов, Высших историко-литературных курсов (Раева), член Учебного комитета Министерства торговли и промышленности. Председатель Неофилологического об-ва при ИПУ. После революции эмигрировал в Германию. Его лекции Рерих слушал во время учёбы в ИПУ (см.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 163). Вот что писал о нём современник: «Научная деятельность Брауна направлена на изучение культурных взаимоотношений германского и славянского миров; в первом периоде её интерес его был сосредоточен на роли в этом отношении готов; сюда относятся, главным образом, работы: "Die letzten Schicksale der Krimgoten" (СПб., 1890) и "Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. Первый период: годы на Висле"... Последнее время Браун работает над варяжским вопросом, владея в одинаковой степени скандинавским и русским материалом. Браун дал в этой области много ценного; назовём издание им первой найденной в России скандинавской рунической надписи ("Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани" — в "Известиях Императорской Археологической комиссии", 1907, вып. 23), статью об именах Днепровских порогов (в "Сборнике в честь графа Бобринского", 1911), небольшое исследование "Hvem var Yngvarr eum vidforli?" (шведский журнал "Fornvannen", 1910); (то же по-русски: "Кто был Ингвар-путешественник?" в 4-м вып. "Записок Неофилологического общества", 1910); "Фриланд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана" ("Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук", т. VII, кн. 1, 1902) и др. Брауну принадлежит целый ряд историко-литературных статей в изданиях сочинений Шекспира, Байрона (изд. Брокгауза—Ефрона), ряд научных и критических статей в "Живой Старине" ("Мариупольские греки", 1901, ян-



Герцог Н.Н. Лейхтенбергский. Фрагмент письма № 23

варь и др.), "Образовании" и 82-томном "Энциклопедическом Словаре" Брокгауза—Ефрона. Как педагог Браун был одним из первых, кто указал на необходимость пересмотра методов преподавания новых языков и содействовал этому пересмотру рядом публичных лекций» (*Брокгауза—Ефрона ЭС*). Духовный облик этого замечательного учёного ярко выявлен в его письме к Ф.И. Щербатскому 8 апреля 1921 (*СР*, 1997. С. 415).

[2] *Красное Село* — поселение в окрестности Петербурга, летний лагерь Имп. гвардии.

[3] Рерих был приглашён к руководству этими раскопками снова как преподаватель ИПАИ. Раскопки состоялись 19–21 августа 1900 (см. письма ниже). Публ. результатов: *Рерих Н.К.*, 1901; *ОИАК за 1900 год.* СПб., 1902. С. 85, 86 (см. в наст. изд., разд. III, № VII и IX).

24. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой[1]. *СПб. 26 мая 1900*

[...] Мне хочется скорее к Тебе ехать, числа 8 надеюсь быть[2]. Завтра справлюсь насчёт герцога[3]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 157.

[1] *Шапошникова Елена Ивановна* (1879—1955), в 1900–01 — невеста Н.К. Рериха, с 28 октября 1901 — его жена, называемая им Ладой, Мисиком, другиней, вдохновительницей, Урусвати (Свет Утренней Звезды). Активно участвовала в археол. иссл. Рериха.

Святослав Рерих говорил: «Моя мать была его постоянной спутницей. Философ и автор книг, она тесно разделяла с отцом все его устремления и принимала участие во всей его работе». Наследие Е.И. Рерих насчитывает десятки томов на нескольких языках. Наиболее известны: "Учение Живой Этики" (Агни-Йога) (1924–39), "Основы буддизма" (1926), "Криптограммы Востока" (1929), "Преподобный Сергий Радонежский" (1934), "Письма" (1929–55) и др. Кроме этого, она выполнила переводы книг: "Чаша Востока. Письма Махатм" (1925) и "Тайная доктрина" Е.П. Блаватской (1940).

[2] Елена Ивановна в то время была в Бологом.

[3] Справиться насчёт герцога Н.Н. Лейхтенбергского Рерих должен был в ИАК. Так и произошло: 27 мая 1900 он получил в ИАК открытый л. № 932 на раскопки в пределах Боровичского, Валдайского и Крестецкого у. Новгородской губ. (подписал л. Ф.А. Браун; см. в РА ИИМК, ф. 1, № 233/1899, л. 12). 26 мая 1900 ИАК направила уведомление Новгородскому губ. о выдаче этого л. «г. Преподавателю Археологического Института Н.К. Рериху» (л. 13).

25. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *СПб. [19 июня] 1900*

[...] Сейчас я написал и князю[1] и, кажется, *"очень"*, — какое на него произведёт впечатление? Вообще, как у Вас там все? [...] Посылаю Тебе фельетон Половцова[2] о нашей раскопке [...]. Фельетона не выбрасывай. Ещё у князя есть мои прошлогодние фельетоны — прочитай второй. Нашёл у себя целую охапку писем ([...] Половцова и др.), на все их надо ответить[3] [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 156. Здесь и далее предполагаемые даты даны по ст. ст.

---

[1] Упомянутое письмо Рериха *князю П.А. Путятину* в отечественных архивах не обнаружено (как, впрочем, и большинство др. писем Рериха князю).

[2] *Половцов Анатолий Викторович* (1841—1905) — заведующий общим архивом Министерства Императорского двора, историк, писатель, журналист. Окончил юридический факультет ИПУ и курс ИПАИ. Редактировал "Сборник материалов о сельской общине". Изд. несколько работ по истории искусства и археол. ("Царьград и византийское искусство", "Прикладное искусство" и др.). Член ИРАО, ИПАИ, ИОПХ и др. об-в. В последние гг. жизни близко сошёлся с Рерихом, поддерживая его во всех начинаниях. См. также: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 169.

[3] Все сохранившиеся письма Рериха Половцову (15) и Половцова Рериху (3) 1899–1904 опубликованы: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 137–153.

26. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *СПб. [22 июня] 1900*

Четверг, вечер.

[...] Видал Селиванова[1]; он показывал привезённые с Афона[2] вещи. За одно Евангелие, купленное им за 30 рублей, здесь ему дают уже 900 рублей.

Половцов, конечно, очень неважно написал, ну да он лучше-то и не в со-

стоянии. Хорош отдел "Материнская любовь"!! Сейчас надо написать отказ от редактора, я ещё не написал[3]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 181.

---

[1] *Селиванов Николай Фёдорович* — искусствовед, историк искусства. Член-сотрудник ИОПХ, в к-ром на рубеже XIX–XX вв. читал лекции по истории искусства. Две из них были опубликованы в "ИХП": "Антонис ван Дэйк (1599—1641 гг.)" и "Веласкец ("памятка" по поводу 300-летней годовщины дня его рождения)". Коллекционер, к-рый «толкнул к собирательству старинных картин» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 112). О нём Рерих вспоминал с неизменной теплотой (*Там же.* Т. II. С. 109. Т. III. С. 248, 589, 591; *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 35–36).

[2] *Афон* (Айон-Орос, святая гора) — п-ов, восточная оконечность п-ова Халкидики на северо-востоке Греции, центр православного монашества. 20 монастырей, в т. ч. греч. Карейский (резиденция монашеского управления Афона — Протатон), Лавра св. Афанасия (X в.), сербский — Хиландар (XII в.), болгарский — Зограф (XI–XIII вв.), грузинский — Иверский (X в.), русский монастырь св. Пантелеймона (1169). Крупнейшее собрание рукописей и памятников церковного искусства. Афон находится под юрисдикцией Константинопольской патриархии с правом самоуправления.

[3] Рерих работал в то время помощником ред. *ИХП*.

27. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *СПб. 24 июня 1900*

Суббота, 4 часа. Вернулся из мастерской.

[...] Сегодня написал имение Лейхтенбергского[1], вышло прилично. Вставлю в раму и подарю ему, а в Августе, когда приеду к нему, он, может быть, будет ко мне внимательнее — надо сделать его своим. Надо всеми силами вербовать партию, иначе съедят. Лучшее золото лежит глубже другого, хорошего трудно достичь. Тем лучше; если доведётся достичь власти и всего, то снисходительнее будешь и лучше поймёшь настоящих людей. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 182.

---

[1] Возможно, Рерих писал имение Лейхтенбергских Сергиевка, расположенное в Старом Петергофе. Ныне парк имения объявлен государственным заказником и на его территории размещается Биологический научно-исследовательский институт СПбГУ (платформа "Университет" Балтийской ж. д.).

28. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *СПб. 22 августа 1900*

Среда. 2 часа дня.

Милая моя, дорогая моя, хорошая, отчего Тебя нет со мной?

Вернулся я домой сегодня, в Среду, в 7 часов, оказалось, все наши[1] уехали вчера вечером в Псков на неделю, к знакомым в имение... И пусто, и душно, и

скучно мне одному. И как вспомню, что мы могли быть вместе, так ещё хуже становится и хочется мне быть около Тебя и смотреть на Тебя. Мы говорили, что письма лишнее; какое же это лишнее, которое необходимо! Хоть бы сейчас, — я не могу не писать Тебе. Если бы Ты знала, как мне хочется с вечерней почтой получить Твоё письмо. Когда же это мы заживём одною жизнью! И вместо репетиции отправимся в настоящее путешествие — поездочку богатырскую по заморским краям неизведанным. Как окончилось Твоё странствие? Я долго следил за Тобою из вагона[2], как пошла Ты обок с какой-то семьёю священника, пошла спешною, деловитою походкою, словно бы шла по определённому делу. Думаю, Тебе не очень-то ловко было одной на чужой станции. Где же Ты ходила там? Попала ли на поезд? А главное, — что вышло дома? Не было ли раздражений, а если были смешки, то какие? Вероятно, у княгини[3] и слово, и мимика не уступали друг другу. Эти дни я чувствовал себя не худо, удушья не было, насморк малый, хриплость небольшая, так что даже читал вслух. Но боюсь, что в городе опять начнётся неспаньё, что-то с утра уже мало воздуха и тяжело как-то. Боюсь, не наделала ли беды вчерашняя верховая прогулка, ибо я, проскакав на чудесном коне вёрст 20, сел на холодном ветру писать этюды. Впрочем, доктор (я сейчас от него) говорит, что простудного ничего нет, а всё это чисто нервное. Дал успокоительное, а затем собирается травить меня мышьяком.

1.

2.

3.

Постройки в быв. усадьбе Горы Валдайского уезда Дома обслуги (1), дом садовника и обслуги (2), каретная мастерская (3). На горизонте виднеется озеро Боровно. Фото 1997

Н.К. Рерих. Охота. Эскиз. [1900–01]. МСССМ

Теперь моё пребывание в Окуловке[4]; сперва общий вывод, затем частности. Общий вывод такой: я положительно начинаю верить, что иногда могу быть интересен, занимателен и когда хочу, тогда могу заполонить людей. За 3 дня моей бытности там я направил на Герцога и Герцогиню такой фонтан всякой всячины, и археологической, и художественной, и фантастической, и литературной и всякой прочей, что в результате последовали самые радушные приглашения опять приехать в Окуловку и непременно быть у них в городе, а также желание быть у меня. Попал я прямо к обеду. Сперва мне было жестоко не по себе, ибо я не знал, о чем говорить, а главное, в каком тоне. Они не знали, что я художник, и разговаривали, как с преподавателем Археологического Института. После обеда в кабинете за кофе Герцог вспомнил, что видал мои ящики, и, как причастный искусству, спросил, работаю ли я. На мой утвердительный ответ — вопрос: «Выставляете ли Вы?» — «Выставляю». — «Где?» — «На Академической выставке, мои картины "Поход" и "Старцы"». Герцог вскакивает: "Так это Ваши картины? Простите, я не знал, в отношении ко мне Вас назвали преподавателем, а не художником". После этого разговор пошёл уже из другой оперы, археология отступила на задний план, и выступило художество. Сперв[онач]ал мне было трудно с ним сговориться, ибо он противоположного лагеря и дружит с художниками Санкт-Петербургского Общества, которых ведь я не люблю, но затем мне удалось вставить несколько таких словечек, что он невольно начал говорить моими мыслями, а когда я набросал эскиз (охоту на кабана — он большой охотник), то он: «Уж увольте, а я конфискую эту вещь, она мне очень нравится, только подпишитесь»[5].

Герцогиня оказалась очень добрая и простая, и Герцог иногда (в последний день моего пребывания, когда перестали меня стесняться) говорил ей (при мне) такие вещи, что анекдоты Бологовские — младенчество. За 3 вечера о чём только мы не говорили! Я ему подарил мои статьи. Герцогиня, узнав, что я писательствую, притащила альбом свой, чтобы вписать туда что-нибудь, говоря, что соседи недурные — как Апухтин[6] и К. Р. Пришлось набросать маленькое стихотворение на тему:

«Я мёртвых искал. Мне хотелось
Жизнь в смерти далёкой найти...»,

но, мол, около смерти холодно и неприветно, а около живых, встретившихся мне во время поисков мёртвых, — мне лучше и теплее. Дописал этюд имения и подарил Герцогине. «Здесь, мол, ему не худо висеть». — «Как, Вы его оставляете?» — «Да, Вам». — «Это мило, но уж позвольте мне взять его в город, ему место в городе, а не в деревне»[7].

В первый обед сделал неловкость: съел суп не той ложкой. На раскопке Герцог всё время присутствовал. В научном отношении она довольно интересна, ибо дала кострище до 6 вершков толщиною, а в нём осколки костей коня и шлаки. Герцог будет о ней писать в "Nature". Как хорошо было прокатиться верхом; лошадь — вороной казак — превосходная; скачет спокойно, и ход широкий. Может быть, сердце Герцога, как хозяина, и сжималось, но я проскакал последние три версты в опоре. Жалко, не пришлось поохотиться, первые 2 дня работал, а 3-й с утра было жестоко холодно — всего 4. [...]

Крепко, крепко Тебя целую и надеюсь, что оспа до 1-го пройдёт, и Вы вернётесь. Хорошая, хорошая, милая, милая — пиши подлиннее. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 211. Публ. фрагмента: *Мельников В.Л.*, 1997а. С. 21.

---

[1] *Семья Рериха* — его мать Мария Васильевна (урожд. *Калашникова*) (1845—1927), сестра Лидия (в замуж. *Озерова*) (6 мая 1867 по ст. ст. — после 1931) и братья Борис (28 мая 1885 по ст. ст. — 1945) и Владимир (20 апреля 1882 по ст. ст. — 1952, по др. источникам 1951). Отца к тому времени уже не было в живых. См. также: *Беликов П.Ф.*, 1979–82. С. 27.

[2] Елена Ивановна отправилась в Бологое, в имение князя П.А. Путятина.

[3] *Путятина Евдокия Васильевна, княгиня* (урожд. *Голенищева-Кутузова*, в первом браке *Митусова*) (1855—1925) — мать С.С. Митусова, тётя Е.И. Рерих, на музыкальное развитие к-рой оказала существенное влияние. В 1878 окончила СПб. консерваторию по классу сольного пения проф. К. Эверарди. Несколько сезонов успешно выступала на сцене Мариинского театра, в частности, в партиях Церлины в "Дон Жуане" и Джильды в "Риголетто". Её выступления пользовались успехом и за границей: 28 апреля 1877 в Париже почитатели поднесли ей венок с надписью: "Русской Патти". См.: *Казанская Л.*, 1990. С. 82. После смерти мужа (1919), в нач. 1920-х выехала в Европу на жительство к своим дочерям. Умерла в богадельне. Неоднократно упом. в "Листах дневника": *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 44. Т. II. С. 279. Т. III. С. 370.

[4] В отчётной статье Рерих отмечал, что в самой **Окуловке** «нет ни курганов, ни жальников» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 29).

[5] Во всех опубликованных перечнях произведений Рериха под 1899 ошибочно указан акв. эскиз *"Охота"* в собственности герцога Н.Н. Лейхтенбергского. Как свидетельствует это письмо, он был создан в августе 1900. Наст. местонахождение неизвестно.

[6] *Апухтин Алексей Николаевич* (1840—93) — поэт.

[7] Семья герцога проживала в СПб. по адресу: ул. Моховая, № 9.

29. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *СПб. 25–26 августа 1900*

[...]

Суббота. 9 утра

Сейчас отправлю письмо, не дождавшись Твоего. Ложась спать, опять думал о нашем будущем заграничном житье и всё более восторгаюсь им. Мы на покое укрепим нашу технику, совместно проштудируем всю историю живописи и музыки, а также наиболее важные философии. (Прочти у Ницше[1], "вторая плясовая песнь" — не правда ли, прелесть — это в конце Заратустры. Какие у него глубокие символы!). И таким образом проработав год, мы вернёмся домой во всеоружии, более близкие к выполнению нашей задачи кружка. Для руководительства необходимы также факты, а их у нас пока мало, — надо этот пробел восполнить, а восполнить его нам удастся лишь вдали от Петербурга. Правда, Мюнхен (а это самый подходящий для нас художественный центр[2]) много шумливее Питера, но та жизнь нам чужда, и мы несравненно глубже погрузимся в себя и поработаем. Методичность и система окружающей немецкой работы внесут и в нашу российскую нервность порядок, и мы будем трудиться, забывая наши теперешние больные вопросы: «А в силах ли я?», «Могу ли я?», «К чему всё это?» и прочее, что нас теперь волнует.

Непременно напиши мне, что думаешь о таком плане, я уверен, что он Тебе будет по душе, ибо Ты просмакуешь, каково полезен он и для Тебя, и мне.

Возвращаюсь к Ницше. Чем больше читаю его, тем больше убеждаюсь, что написано это отнюдь не для особо сильных умов, а для всех и за этим учением великое будущее. Непременно почитай Заратустру и увидишь, что мы с Тобой природные ницшеанцы.

По тону моих писем, я думаю, Ты видишь, насколько за этот приезд мой Ты стала мне ещё ближе. Сегодня уже 26-е, стало быть, уже скоро переедете, ибо про оспу что-то не слышно, и во всяком случае она в более низких слоях, с которыми Ты никаких сношений не имеешь, так что вероятие заразиться настолько же велико, как и от нищих, которым Ты подаёшь в Бологом. Вчера был Рылов[3], я ему говорил, что думаю надолго [выехать] за границу весною, он сказал, что многие спрашивают у него, почему я до сих пор не был за границей. Непременно поедем. Целую Тебя крепко (вспоминаю вечера у князя в кабинете[4]) и Екатерину Васильевну[5], и всех, и тётю Л[ю]дю[6].

Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 162. Публ. фрагментов: *Бондаренко А.А.*, 1998. С. 23; *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 112

[1] В оригинале "Ничште". *Ницше (Nietzsche) Фридрих* (1844—1900) — немецкий писатель и философ. Представитель философии жизни. В мифе о "сверхчеловеке" индивидуалистический культ сильной личности ("Так говорил Заратустра", 1883–84; "Воля к власти", 1889–1901) сочетался у Ницше с романтическим идеалом "человека будущего".

[2] В **Мюнхене** были и до сих пор существуют АН и Академия изящных искусств; университет; Баварский национальный музей, Глиптотека, Старая и Новая пинакотеки, музей этнографии и др.; театры; позднеготические церкви Фрауэнкирхе (XV в.) и Старая ратуша (XV в.), барочный дворец Нимфенбург (XVII–XVIII вв.).

[3] *Рылов Аркадий Александрович* (1870—1939) — живописец-пейзажист, соученик Рериха по мастерской А.И. Куинджи в ИАХ. Участник выставок "Мира искусства", член Союза русских художников. Неоднократно упом. в "Листах дневника" и в др. текстах: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 55. Т. II. С. 45, 46, 158. Т. III. С. 43 и мн. др.; *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 470.

[4] В связи с «вечерами у князя П.А. Путятина в кабинете» интересно привести след. фрагмент из недавно опубликованных дневников З.Г. Фосдик: «Сегодня Е.И. опять очаровательно рассказывала, как она первый раз познакомилась с Н.К., когда он приехал в Бологое, имение её тётки княгини Путятиной, где она тогда гостила. Приехал он вечером. «Сначала, — говорит Е.И., — через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога или, вернее, пыльный сапог». Е.И. подошла к окну, а Н.К. спрашивает: «Здесь живёт князь Путятин?» Е.И. пошла в комнату своей тётки и говорит: «Тётя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал». Та велела ей обратиться к лакею, чтобы он провёл его к мужу. Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то, его ещё никто не видел. Тётя говорит: «Археолог, какое-то старьё, положить его спать у князя в **кабинет** [выделено нами. — *В. М.*]». На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким, и решили ему дать комнату для приезжих. Пробыл он там три дня. Е.И. говорит, что он расположил их себе тем, что дипломатично и тонко завёл разговор о старине своей фамилии Рерих и своего рода, а вся семья Путятиных увлекалась старинными родословными» (*Фосдик З.Г.*, 1998. С. 92–93). О самом кабинете кн. Путятина см.: *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 112.

[5] *Шапошникова Екатерина Васильевна* (урожд. *Голенищева-Кутузова*) (1857—1913) — мать Е.И. Рерих и тётя С.С. Митусова.

[6] *Рыжова Людмила Васильевна* (урожд. *Голенищева-Кутузова*) (1859—1917) — тётя Е.И. Рерих и С.С. Митусова.

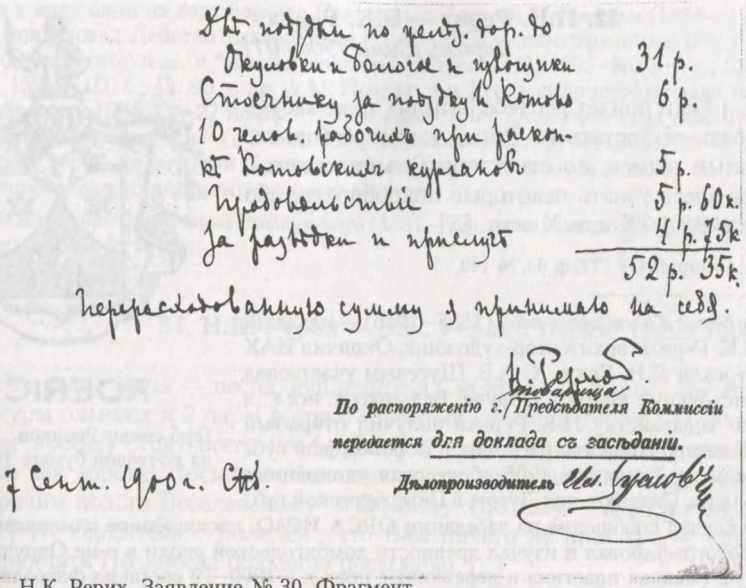
30. Н.К. Рерих — в ИАК. *СПб. 7 сентября 1900*

В Императорскую Археологическую Комиссию

Художника Николая Константиновича Рериха

Заявление.

Имею честь при сём представить Комиссии отчёт о раскопках, произведённых мною минувшим летом в Валдайском уезде, который я находил бы наиболее удобным поместить в трудах Императорского Русского Археологического Общества, как идущий в дополнение к работам, выполненным мною для Общества в прошлом году[1]. Вместе с тем представляю расходы мои на раскопку из суммы 40 рублей, ассигнованных на этот предмет Комиссией.


Къ поѣздкѣ по желѣз. дор. до
Окуловки и Бологое и извощики 31 р.
Стоечнику за поѣздку въ Котово 6 р.
10 человѣк. рабочихъ при раскопкѣ Котовскихъ кургановъ 5 р.
Продовольствіе 5 р. 60 к.
За разъѣзды и прислугу 4 р. 75 к.
52 р. 35 к.
Перерасходованную сумму я принимаю на себя.
Н. Рерихъ
Секретаря
По распоряженію г. Предсѣдателя Коммиссіи передается для доклада съ засѣданія.
Дѣлопроизводитель
7 Сент. 1900 г. Спб.

Н.К. Рерих. Заявление № 30. Фрагмент

Две поездки по железной дороге до Окуловки и Бологое и извощики	31 р.
Стоечнику за поездку в Котово	6 р.
10 человек рабочих при раскопке Котовских курганов	5 р.
Продовольствие	5 р. 60 к.
За разведки и прислуге	4 р. 75 к.
[Итого]	52 р. 35 к.

Перерасходованную сумму я принимаю на себя.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 233/1899, л. 16. На заявлении имеются резолюции В.В. Латышева: «К докладу в Комиссии. 28/IX» и графа А.А. Бобринского: «Доложено Комиссии 10 Октября 1900 г. 12 октября 1900 г. К делу».

---

[1] Отчёт в виде статьи "К древностям Валдайским и Водским (раскопки 1900 года)" был опубликован в *ИИАК*. См. в наст. изд., разд. III, № VII.

31. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *Берлин. 22 сентября 1900*

[...] Мне было нужно пройти к промышленному Музею [...]. Какие здесь Музеи-то! [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 330.

32. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху[1]

Париж. [Зима 1900–01]

Герб семьи Рерихов на почтовой бумаге 1930-х

[...] Если придёт [к] Тебе [Ли]ля[2], то не забудь попросить её достать из Риги[3] наш герб (просто сургучный оттиск, но отчётливый); мне кажется, удастся здесь узнать некоторые подробности, ибо герб, кажется, IX или X века. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 140.

---

[1] *Рерих Борис Константинович* (1885–1945) – младший брат Н.К. Рериха, архитектор-художник. Окончил ИАХ в мастерской Л.Н. Бенуа. С А.В. Щусевым участвовал в реконструкции храма в Овруче. Вел археол. иссл.: в 1905 по ходатайству Н.К. Рериха получил открытый л. ИАК на производство раскопок в Воронежской губ., в бассейне р. Усмани; в 1908 обследовал удлинённые кург. близ д. Ситенки, под Лугою в Петербургской губ.; в 1909 сделал сообщение на заседании ОРСА ИРАО, посвящённое каменному веку; в 1909 фотографировал и изучал древности домонгольской эпохи в р-не Овруча Волынской губ. (мелкая пластика и деревянные церк.); в 1909–10 составил фотоальбомы памятников Киева, Пскова и Новгорода, частично опубликованные И.Э. Грабарём в "Истории русского искусства"; во время археол. работ в Новгороде в 1910 изучал стены Новгородского кремля. Вёл преподавательскую работу в Рисовальной школе ИОПХ. 4 июня 1925 был избран заместителем председателя Комитета Общества поощрения художеств и как мог продолжал начатое старшим братом дело худ. просвещения. В начале 1930-х гг. репрессирован; в заключении работал над проектами зданий для государственных учреждений. После освобождения жил в Москве. Неоднократно упоминается в "Листах дневника": *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 185, 352. Т. III. С. 66, 67 и мн. др. По данным 1916, Б.К. Рериху принадлежали след. произведения брата: рис. к картине *"Сходятся старцы"* (1898), рис. *"Натурщики"* (1900), *"Лучник"* (1901), *"Валдай. Стены Иверского монастыря"* (1904), эскиз *"Охота"* (1904), этюд дерева (1905), ил. к Метерлинку *"Семь принцесс"* (1906), эскиз *"Собирают дань"* (1908), *"Пантократор"* (1909), этюд к картине *"Путь великанов"* (1910), эскиз костюма к "Пер Гюнту" (1912).

[2] *Лиля* — так домашние наз. *Лидию К. Рерих* (в замуж. *Озерова*), старшую сестру Н.К. Рериха.

[3] О рижских корнях рода Рерихов см.: *Рудзите Г.Р.*, 1978. С. 123; *Беликов П.Ф.*, 1979–82. С. 25–28; *Карклиня И.*, 1997. С. 7–19.

33. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Париж. [Зима 1900–01]*

[...] Здесь был Позднеев[1] (из Пекина), с ним я послал маме и Лиле (сердитой) по брошке. Маме чёрная, Лиле серая; их передаст Вера Константиновна Голстунская[2]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 141.

[1] Имеется в виду один из двух братьев *Позднеевых*. *Алексей Матвеевич* (1851—1920) — филолог, монголовед. Действительный член ИРАО (1894; член-сотрудник с 1881). Проф. ИПУ. Неоднократно упом. в "Листах дневника": *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 55. Т. II. С. 45, 46, 158. Т. III. С. 43, 90, и др. А.М. Позднеев и Рерих присутствовали на двух общих собраниях ИРАО — 27 ноября 1897 и 4 мая 1899. Основной труд А.М. Позднеева — "Монголия и Монголы" (в 2-х тт, 1896–98). *Дмитрий Матвеевич* (1865—1937) — востоковед. Работы по истории Японии и её внешних сношений, а также по истории Китая. Репрессирован; реабилитирован посмертно.

[2] Дочь *Константина Фёдоровича Голстунского* (1831—99), монголоведа, проф. ИПУ, члена-сотрудника ИРАО (с 1865).

34. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Париж. [Зима 1900–01]*

[...] Чучело у меня — песца, купленное в Сибирском Отделе[1], где ещё купил 2 шкуры оленьих и 2 пары рогов с черепами (оленя и тура). Шкуры (превосходные ковры) стоят всего по 4 рубля, и песец то же самое, а ведь одна шкура его как дорога! Посылаю несколько карточек, ответь ими приславшим, между прочим пошли Веселовскому[2] и Войтову[3] (по две) — адреса в адресной книге. [...] Не сердитесь с Володей[4], что Вам ничего не прислал, — совестно было затруднять Позднеева большою посылкою. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 139.

[1] Имеется в виду отдел Всемирной Парижской выставки 1900, названной современниками "вековой", "столетней".

[2] Имеется в виду Н.И. Веселовский.

[3] В адресной книге 1900 ("Весь Петербург") есть только один *Войтов — Александр Михайлович*, действительный статский советник, директор Департамента Полиции МВД, член Совета по делам торговли и мореплавания, проживающий по адресу: Воскресенский пр., 17. В адресной книге 1901 появился ещё один Войтов — *Исаак Иванович*, без указ. рода занятий; адрес: Школьный пер., 4.

[4] *Рерих Владимир Константинович* (1882—1952, по др. источникам 1951) — брат Н.К. Рериха. Агробиолог, педагог. В 1910-х жил в Симбирске. Участвовал в Белом движении. С 1930-х жил в Харбине, где и скончался. По данным 1916, В.К. Рериху принадлежало произведение брата — пейзаж к картине *"Человечьи праотцы"* (1911).

35. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *Париж. 30 марта 1901*

[...] Согласился в здешнем Hôtél des Savantes прочесть лекцию о русском искусстве; пришлось многое выписать для этой цели, ибо аудитория бывает многочисленная. Надеюсь прочесть недели через 3. Веду переговоры с Московским Историческим Музеем о подарке туда моих бедных "Старцев"[1]; если дело обставится почетными условиями, то, конечно, подарю; всё же лучше, чем отдавать их в заграничные руки за бесценок. [...]

Н.К. Рерих. Идолы. Рисунок. 1902. Собрание ГРМ

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 188.

[1] Имеется в виду картина *"Сходятся старцы"* (1898. Х., м. 198×412). См. о её судьбе: *Энтин Д.*, 1997; *ПРС.* № 1. С. 143, 172.

36. Н.К. Рерих — Е.И. Шапошниковой. *СПб. 12 июля [1901]*

Дорогая моя, Голубчик мой Ладушка, — вот уже Четверг, а письма Твоего всё ещё нет. Как-то Ты там? Принцесса[1] назначила мне быть у неё в Петергофе завтра в Пятницу в 11 часов утра. Буду и затем отпишу Тебе. Во Вторник я сделал важное приобретение для Общества[2]; познакомился с известным знатоком искусства Деларовым[3]. Он вступил в Члены Общества, сказав, что при Собко[4] не желал вступать в Общество. Обещал дать ряд чтений по искусству и начнёт первым 1 Октября "О связи старого искусства с новым"[5]. Вчера меня потащили Члены Археологического Института недалеко от Павловска в село Фёдоровское, где будто бы найдены подземные ходы[6]. Ходы эти оказались просто провалом подземной речки. Но всё-таки прогулка оказалась ничего себе, ибо вечер был превосходен.

Всё не могу дождаться рам. Знаешь, думаю в "Идолах"[7] сделать одно изменение. На правой стороне пробить забор и показать уходящих воинов — они, вероятно, более свяжут картину и более выдвинут понятие похода по реке. Городок[8] выходит не худо. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 376.

[1] *Ольденбургская Евгения Максимилиановна, принцесса* (1845—1928) — председатель и попечительница ИОПХ и Общины сестёр милосердия Красного Креста им. Св. Евгении. Организатор многочисленных благотворительных мероприятий (например, выставок художников). Внучка Николая I, тётя герцога Н.Н. Лейхтенбергского. Её премия ежегодно присуждалась от ИОПХ трём лучшим работам по гравированию на дереве. О ней спустя более 30 лет Рерих записал: «Всегда находила доброе слово принцесса Евгения Максимилиановна» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 627).

[2] Имеется в виду ИОПХ.

[3] *Деларов (Деляров, Деляр) Павел Викторович* — один из крупнейших СПб. коллекционеров рубежа XIX–XX вв. Действительный статский советник, магистр гражданского

права. Служил юрисконсультом в Министерстве путей сообщения. Подробную, хотя и нелестную, характеристику Д. дал в своих воспоминаниях Бенуа: *Бенуа А.Н.*, 1993. Т. II. С. 319–323. Занятный эпизод в связи с Рерихом приведён в дневнике З.Г. Фосдик: «Интересные воспоминания у Н.К. об известном антикваре и коллекционере Делярове. Тот, желая в каком-то доме что-либо купить, обыкновенно говорил хозяйке дома: "Как же вы такую картину повесили. Ведь у вас же дочери, взрослые дочери!"» (*Фосдик З.Г.*, 1998. С. 99). А вот высказывание Рериха: «Про Делярова говорили, что он смывает спиртом подписи для удешевления. Два раза он пытался лишить нас двух хороших картин. Дал я антиквару Напсу прогладить Э. ван де Вельде. Прихожу за картиной, ничего не сделано. Напс уверяет, что краска так поднялась, что всё равно вся отвалится, и настойчиво предлагает купить картину. Другой раз почти то же произошло с ван дер Нером. Напс показал мне нашу картину в самом ужасном виде — вся размыта, в пятнах, в белых налётах. Опять предлагает купить картину и извиняется за порчу. Я понял, что ужасный вид наведён умышленно, и настоятельно спросил Напса, для кого он устроил всю эту комедию. Напс был пьян и не выдержал: "Да всё Павел Викторович пристаёт, чтобы я достал от вас эти картины"» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 592).

[4] *Собко Николай Петрович* (1851—1906) — искусствовед, историк искусства и библиограф. До 1899 секретарь ИОПХ, до 1900 ред. *ИХП*. Составитель "Словаря русских художников" (изд. частично), пропагандист искусства передвижников. Кроме мн. статей по библ., издал "Древние изображения русских царей и их посольств в старых и новых гравюрах", "Русские и славянские календари и месяцесловы за 100 лет, 1725–1825" (Берлин, 1879), "В.Г. Перов, его жизнь и произведения" (СПб., 1883), "Иллюстрированный каталог Всероссийской выставки в Москве в 1882 году" и др. Значительная ч. его коллекции поступила в Публичную библиотеку. Упом. Рерихом многократно. Например: «Не только М. Боткин, но и большинство членов Академии искали случая, чтобы обругать "Мир Искусства". Из-за этой ненависти разошёлся я с Собко...» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 626).

[5] В заметке "Деятельность Императорского Общества Поощрения Художеств" Рерих писал: «С первого октября [1901 г.] в Обществе начнётся ряд чтений по различным художественным вопросам. Будут читать члены Общества: Н.П. Кондаков, П.В. Деларов, И.Я. Павловский и др. В Музее Общества по праздничным дням для учащихся будет давать объяснения член Общества И. Лазаревский» (*ХСР.* 1901. Т. I. № 7).

[6] И в "Археологической карте Ленинградской области" этот пункт не упом. Об экскурсиях ИПАИ под своим руководством Рерих оставил воспоминание спустя почти 40 лет: «Археологический Институт просил устроить экскурсии, в которых принимали участие не только члены Института, но и гости, например, Милюков, Беклемишев, Глазов...» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 107).

[7] Об *"Идолах"* в 1901 г. см.: *ПРС.* № 1. С. 173; *Маточкин Е.П., Мельников В.Л.*, 1999а.

[8] В.В. Соколовский упом. под 1901 картину *"Город. Утро"* (х., м. 66,5×210; собр. СГХМ), являющуюся верхней ч. некогда единого полотна (нижняя ч. — это *"Зловещие"* из ГРМ) (*Соколовский В.В.*, 1978. С. 264).

37. ИРАО — в ИАК. *СПб. 10 мая 1902*

Императорское Русское Археологическое Общество покорнейше просит Императорскую Археологическую Комиссию о высылке ему установленных открытых листов на право производства археологических раскопок в текущем

году Членами Общества Н.К. Рерихом в Боровичском и Крестецком уездах Новгородской губернии[1] и В.Н. Глазовым[2] в Холмском и Торопецком уездах Псковской губернии.

Секретарь Общества В.Г. Дружинин[3].

Автограф на бланке ИРАО. РА ИИМК, ф. 1, № 99/1902, л. 1.

---

[1] Публ. результатов: *Рерих Н.К.*, 1903. Ср. в наст. изд., разд. III, № XIV (1, 2, 4), № XVIII.

[2] *Глазов Владимир Нилович* — археол., автор и соавтор публ., привлёкших внимание Рериха (см., напр., в наст. изд., разд. III, № XV). Член-сотрудник ИРАО и ИПАИ, земский начальник Гдовского у. СПб. губ. (в 1898–1900). Вёл археол. раскопки в СПб. (1898–1904), Псковской (1899–1902), Тамбовской (1902), Новгородской (1903), Владимирской (1904), Смоленской (1906), Вологодской (1906–07), Самарской (1907), Костромской (1908–10), Саратовской (1909), Воронежской (1910) и др. губ. В статье "Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца" (1899) Рерих писал: «Выбор района Порховского уезда явился у меня из желания связать исследования в Новгородской губернии с раскопками г. Глазова в Псковской губ. и в Лужском уезде СПб. губ., чтобы покончить с этим краем и иметь возможность перенести работы в Валдайский и Боровичский уезды» (*Рерих Н.К.*, 1899. С. 6). Г. был сотрудником Рериха по составлению "Археологической карты Петербургской губернии" (1898–1903) на базе ИПАИ. Передал ему в тот период 2 свои рукописи — "Список старинных могильников, жальников, отдельных курганов, городищ и других памятников древности Гдовского уезда. (К археологической карте 1899 года)" (2 марта 1899) и "Материалы для составления археологической карты Гдовского уезда, собранные В.Н. Глазовым" (17 апреля 1900), а также саму "Археологическую карту Гдовского уезда, составленную в 1899 году В.Н. Глазовым". На полях рукописей Г. Рерих оставил свои записи (см. в РА ИИМК, ф. 37, № 3, л. 18 об.–19). 11 ноября 1902 на заседании ОРСА ИРАО Рерих сделал несколько доп. замечаний к только что прозвучавшему сообщению Г. о произведённых им летом 1902 раскопках в Торопецком и Холмском у. Псковской губ.

[3] *Дружинин Василий Григорьевич* (1859—1936) — историк, археограф, публицист, коллекционер. С 15 апреля 1890 — секретарь ИРАО. В 1900-е гг. — член Археографического Комитета Министерства народного просвещения, действительный член Императорских Русского Географического и Русского Технического обществ, ИРВИО, член Уральского общества любителей естествознания и Тверской губ. учёной архивной комиссии. Уполномоченный съезда уральских горнопромышленников. Действительный и впоследствии почётный член Киевской Духовной академии. В 1903–18 член Комитета попечительства о русской иконописи. С 1914 — почётный член ИПАИ, где в 1918–19 преподавал курс палеографии старообрядческих рукописей. Автор многочисленных сочинений, главным образом, по писаниям старообрядцев: "Раскол на Дону в конце XVII века" (1889), "Священноиерей Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним" (1908), "Словесные науки в Выговской поморской пустыни" (1911), "Поморский торжественник" ("Сборник в честь профессора Платонова", СПб., 1911), "Попытки Московского государства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века" (1911) и др. В 1918 член Совета Союза архивных деятелей. Член-корреспондент РАН (1920).

38. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. 10 мая 1902*[1]

Приехал в СПб., а тут дождь и слякоть и холодина ещё большая, чем вчера вечером. Приехал — а в комнатах пусто[2] и Мисеньки[3] моей нет, и мне стало сей-

час же очень скучно ещё и писать-то нечего, а написать уже хочется.

Мисенька, Ты такая хорошая, такая славная, и я Тебя ужасно люблю.

Посылаю счёт за мою дорогу. Проспал с 2 до $6^1/_2$ часов очень хорошо. Посылаю ещё письмо Спицына — ведь, пожалуй, от раскопок не отказаться? Не знаю, можно ли Бобу[4] послать одного на разведки? Может ли он? Напиши мне об этом; иначе буду говорить с Володей, а Бобу возьму лишь в виде вольноопределяющегося. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 260.

Карта из путеводителя И.П. Золотницкого "По Новгородской дороге". 1885

---

[1] Письмо адресовано в Окуловку, где Рерихи снимали дачу. В 1902 Рерих создал целую живописную сюиту на темы Окуловки (всё м.): *"Озеро"*, *"Лес"*, *"Сосны"* (принадлежали Е.И. Рерих), *"Лес"* (принадлежала принцу П.А. Ольденбургскому) и *"Домовичи"* (местонахождение неизвестно).

[2] Рерихи в то время жили на ул. Галерной, № 44.

[3] *Мисенька*, *Мисёк*, *Мисик*, *Мис*, *Лада*, *Ладушка* — так называл в письмах свою жену Рерих.

[4] *Рыжов Борис Николаевич* (около 1878 — после 1941) — кузен Е.И. Рерих и С.С. Митусова. Крёстный отец Л.С. Митусовой. По сообщению Е.И. Рерих, его деятельность была связана с быв. Имп. фарфоровым заводом (*Рерих Е.И.*, 1950–55а). По свидетельству Л.С. Митусовой, в 1920-е гг. он был председателем колхоза в пос. Выра Ленинградской обл. Ему принадлежала работа Рериха — эскиз фриза *"Звери"* (1904).

39. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. 13 мая 1902*

Голубчик Мисенька. Просто меня завалили работою[1] и Комитетские протоколы и приглашение на Собрание и на Акт, — он будет 19 Мая[2]. Вчера был в Археологическом Институте. Думал, что удастся избежать этой экскурсии, но не тут-то было — из-за меня перенесли на 23-е Вознесенье, но т. к. я вовсе не рассчитываю из-за археологии не ехать к Тебе, то скажусь больным или по неотложным делам отлучусь из СПб. [...]

Мама не пускает Володю ехать на разведки, придётся чего доброго отказаться всё-таки от части предложенного. В Обществе идет невероятная суета! Не дают приткнуться. Зарубин[3] ходит в Буфф, а я не буду ходить, — сегодня встал в $8^1/_2$ часов и работал. Вчера было так тепло, так хорошо, и тем более хочется удрать отсюда к Тебе. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 261.

---

[1] Рерих работал секретарём ИОПХ, являясь при этом его действительным членом.

[2] Такое информирование объяснимо тем, что в то время Елена Ивановна принимала самое деятельное участие в деятельности ИОПХ, будучи его офиц. членом-соучастником.

[3] *Зарубин Виктор Иванович* (1866—1928) — живописец-пейзажист. Соученик Рериха по ИАХ, к-рую окончил в 1898. Был секретарём ИОПХ после того, как Рерих оставил этот пост, став директором Рисовальной школы в 1906. Преподаватель орнаментального класса школы в 1905–06. В 1909 — академик ИАХ. О нём Рерих оставил несколько упом.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 46, 258, 293. В очерке "Мастерская Куинджи" писал: «Виктор Зарубин дал любимые им Украину, Харьковщину, Межигорье с обозами, паломниками, с далями, полными его настроения. Странники по лицу земли уходят за холмы, блестят степные речки, залегли курганы, и шепчутся тёмные сосновые боры. Привет Зарубину!» (15 октября 1936). Наиболее известные произведения: "Заповедная роща", "На поклон старине", "Летняя пора", "У забытой часовни", "Рыбаки", "Тени облаков", "Грозное небо". З. принадлежала картина Рериха *"Меч мужества"* (1912).

40. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих
СПб. [16 мая] 1902

И.Э. Грабарь

Голубчик моя Мисенька, напиши мне, что Ты делаешь, как и что, а то мне скучно. Хорошо, что вчера Грабарь[1] сидел до двух часов ночи, так что после него я прямо свалился в постель, а то бы было очень худо. Я вижу, что особенно скверно мне будет по вечерам. Сегодня утром я писал "Старцев" — теперь вместо большой передней фигуры — фигура поменьше и сидячая; вышло лучше, чем было, — больше цельности, а то этот бедный, который всё шёл и не мог дойти, наскучивал. Сейчас пишу в Обществе и потому не могу сосредоточиться. [...]

Мама очень неохотно говорит о поездке Володи на разведки; опять разговоры, что все дети разъедутся, и она одна останется; на это Боря сказал: «Дети разъедутся, а две собачки останутся, Боря да Изварка».

Ходили ли ещё куда-нибудь? Был ли доктор, и не было ли разговора об охоте? [...]

Целую крепко. Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 243.

[1] *Грабарь Игорь Эммануилович* (1871—1960) — художник, историк искусства, музейный деятель, реставратор, архитектор. Знаток старинной деревянной архитектуры Севера России. С 1902 участник выставок "Мира искусства". Автор многочисленных статей в *МИ*, "Весах", *СГ*, "Аполлоне", "Ниве" и т. д. Попечитель ГТГ (с 1913). Народный художник СССР (1956). Действительный член АН (1943) и АХ СССР (1947). Г.-художник создал жизнерадостные, пронизанные светом пейзажи, натюрморты, портреты. Один из основоположников музееведения, реставрационного дела и охраны памятников искусства и старины. Г. пригласил Рериха в ред. совет серийного изд. "История русского искусства" (М., изд. И. Кнебель, 1909–16), где публ. фотоматериалы Рерихов. (Кроме Рериха, в выработке отд. ч. серии приняли участие знатоки старины А.Н. Бенуа, барон Н.Н. Врангель, С.П. Дягилев, Н.П. Кондаков, Г.Г. Павлуцкий, А.В. Прахов, Н.И. Романов, М.И. Ростовцев, А.А. Спицын, В.К. Трутовский, [А.И.] Успенский, Б.В. Фармаковский, архитекторы О.О. Горностаев, В.А. Покровский, И.А. Фомин, А.В. Щусев и др.). Неоднократно упом. в "Листах дневника" (ч. — переписка Рериха с Г. 1944–47): *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 191, 476. Т. II. С. 10, 36 и др. Т. III. С. 43, 53, 90 и мн. др. «Грабарь сам пробил свой путь — без богатых и сановных родственников. Елена Ивановна и я одинаково ласково относились к Игорю и радовались его достижениям» ("Грабарь", 1936).

41. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [17 мая] 1902*

Спасибо за письмецо, голубчик Лада, — калоши непременно привезу, лампу тоже. Я думаю, что выеду не вечером в среду, а с почтовым поездом, так что буду на месте в 9 часов вечера. А археологи пускай с носом остаются. [...] Вчера написал Спицыну, что никого пригодного для разведок не имею и потому взять все три района не решаюсь и взял бы лишь Боровичи, по Мсте[1]. [...]

Как бы я бросил всё здешнее и приехал к Тебе. Открыли ли какие-нибудь красивые места? [...]

Н. Р.

Летят ли по вечерам вальдшнепы?

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 242.

[1] В отчётной статье Рерих писал о **районе Боровичей**: «В северной части Боровичского уезда мне известно уже несколько примечательных мест, обусловленных местными указаниями. Красивые, высокие места, богатые лесами и озёрами с разнообразной снедью, должны быть, повторяю, обитаемы издавна» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 26). О памятниках каменного века в этом регионе см.: *Гарновский В.В.*, 1966. Памятники последующего периода вошли в сводную работу: *Орлов С.Н.*, 1969. Об истории православных храмов в Боровичах см.: *Секретарь Л.*, 1998.

42. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [17–18 мая] 1902*

Мисик милый, дорогой мой, вчера, проезжая мимо дачи, я выглянул в окно, и мне показалось, что одно окно как будто светилось. Неужели в 2 часа

1.

2.

Каменные обкладки на поверхности захоронений (1); удлинённый курган (2). Снимки из фотоальбома семьи Рерихов. 1902 (?). МСССМ

ещё не всё было потушено. Уезжаю на 4 дня, а мне как-то скучно, словно уехал на месяц.

Утром, 9 часов

Сейчас еду к Принцессе. Доклад будет длиннейший. Тороплюсь, ибо хочу хоть несколько строк послать Тебе. Вчера был Грабарь, советовался насчет издания "Ист[ории Русского] Искусства"; сегодня вечером буду в Редакции "Мир Искусства"[1], у них там по этому же поводу собрание, и Грабарь меня пригласил. [...] По-видимому, можно будет, чтобы не ехать на Преображенку[2]. Дай Бог теперь с делами в Обществе к 15 Июня справиться. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 449.

---

[1] Редакция *МИ* помещалась в квартире С.П. Дягилева на Фонтанке, № 21 (ныне дом под № 11).

[2] Имеется в виду экскурсия ИПАИ, к-рая всё-таки состоялась (см. ниже).

43. Н.К. Рерих – Е.И. Рерих. *СПб. 18 мая 1902*

[...] С археологией устроился так, что взял себе один район около Боровичей и мне сказали: что бы и сколько бы я ни израсходовал, всё будет возмещено обществом[1]. В Понедельник пишу извинительные письма Покровскому и Веселовскому о том, что по непредвиденным обстоятельствам должен отлучиться из города и потому не могу быть на экскурсии, и чёрт с ней! Ты вот, может быть, не

поверишь, что говорю искренно, а право, уже миновало для меня время дешёвой популярности. Скучна она! [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 272.

---

[1] Имеется в виду ИРАО.

44. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [21 мая] 1902*

[...] Как мне не хочется ехать в Преображенку, тем более, что через Тосно нельзя и придется возвращаться в СПб. и сейчас на Николаевский вокзал[1]. Всё-таки попробую отвязаться от этой поездки. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 271.

---

[1] Ныне — Московский вокзал в СПб.

45. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [23 мая] 1902*

[...] Вчера вечером и сегодня утром в поте лица зарабатывал Этнографический Музей. Свиньин[1] держал меня до 3 часов ночи, а сегодня я провожал его в Петрозаводск. Говорит, против меня очень многие, граф Иван Иванович[2] навязывает ему Борисова[3], Шмарова[4], Кандаурова[5], но *что во всяком случае* он даст мне *большой* зал, где 2 картины по 16 саж. и 4 поменьше, — есть где размахнуться. Разговор длиннейший, — в письме не уписать его.

Эти дни совсем плохо работается и плохо думается — надо в деревню к Мисику. Сегодня еду в Преображенку[6] [...]

Вчера просто измучил меня Свиньин, что ему передают, что я его надуваю, отношусь к нему вовсе не хорошо и т. п. Потом часа $1^1/_2$ читал про свой инцидент — ну да для такой вещи, как Музей, можно и пострадать — ведь это памятник на всю жизнь[7]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 452.

---

[1] *Свиньин Василий Фёдорович* (1865—1939) — архитектор. Окончил ИАХ в 1889. Служил архитектором в ИАХ и Русском музее. Оформлял интерьеры особняка Спиридонова (ул. Петра Лаврова, 58. 1895–97). Провёл реконструкцию здания Михайловского дворца, приспосабливая его под экспозиции Русского музея (Инженерная ул., 4. 1896–97). Построил дом для служащих Русского музея (наб. канала Грибоедова, 2б. 1900-е). Руководитель строительства храма в Абастурмани (Грузия). Самая заметная его постройка в Петербурге — здание Этнографического музея (Инженерная ул., 4а. 1900–11). См.: *Горюнов В.С., Тубли М.П.*, 1994. С. 257, 345. Очевидно, о предполагаемых росписях последнего сооружения идёт речь в этом письме.

[2] Граф И.И. Толстой.

[3] *Борисов Александр Алексеевич* (1866—1934) — живописец, много работавший на Крайнем Севере. Был послушником в одном из северных монастырей. Соученик Рериха по классу А.И. Куинджи в ИАХ (окончил в 1897). Упом. Рерихом: «...Борисов — поэт Севера, баян льдов и полуночного солнца» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 46). В ГРМ находятся его полотна "Страна смерти", "К полюсу", "Маточкин шар", "Туманный штиль", "Берег Новой земли", "Карские ворота", в ГТГ — "Весенняя полярная ночь", "В области вечного льда" и др.

[4] *Шмаров Павел Дмитриевич* (1874—1950) — живописец, график, иллюстратор. В 1920 уехал во Францию.

[5] *Кандауров Антон Иванович* (1863—1930) — живописец. Соученик Рериха по классу А.И. Куинджи в ИАХ. Упом. Рерихом: «...Помним его "Скифскую могилу" в Музее Академии» (*Там же*).

[6] Об этой экскурсии ИПАИ см. в наст. изд., разд. III, № XII (2). Были произведены разведки в окрестностях **ст. Елизаветино** и в **д. Смолькало (Смольково)** и вскрыты 2 кург. в **д. Озёра**. В отчётной статье Рерих писал: «Все осмотренные курганные группы приурочены к какому-либо водному бассейну реки или озера и большею частью расположены на высоких доминирующих местах; исключение составляют низкие песчаные насыпи с трупосожжением, находящиеся в так называемых "сопочных борах", в мелких хвойных порослях, граничащих с моховыми болотами. Точное повторение таких курганов встречено мною в Лужском уезде, близ станции Преображенской; там, также в хвойных лесах, разбросаны низкие песчаные насыпи, круглые и продолговатые, очень многочисленные, без всяких находок, иногда окружённые ровиком» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 15–16).

[7] Рерих давно мечтал выполнить монументальную роспись. Ещё 27 июня 1899 он писал А.В. Половцову: «Последнее время я мучим несбыточной мечтою, чтобы мне предоставили зало [sic!] какого-нибудь музея, чтобы написать в нём "Начало Руси", покрыть все стены живописью от пола до потолка, растолковать целый период, чтобы вошедший в это помещение сразу переносился в эту поэтичную эпоху. Впрочем, у нас национальность стоит так низко, что сочувствовать моей национальной задаче могут лишь немногие, подобные Вам, отзывчивые люди. А это была бы работа, которой стоит посвятить всю жизнь, можно внести столько нового и в искусство и в науку» (*Рерих Н.К.*, 1998а. С. 138).

46. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих

Село Потерпилец. Новгородская губ. [22 июня] 1902

Мисик, остановились ночевать в 3 верстах от Борович, село Потерпилец[1]. Место красивое.

Доехали хорошо. Погода хороша, да есть тучи — назавтра имение Тверистонка[2], где думаем найти ночлег, — прелесть. Пустит ли управляющий, не знаю. Целую крепко, крепко.

Тороплюсь послать с обратным ямщиком.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 451. Ср. полевой дневник Рериха в СР ГРМ, ф. 100, № 135, л. 1.

---

[1] «На земле **деревни Потерпилец** найдено 3 группы курганов. Эти группы расположены на расстоянии $1–1^1/_2$ верст друг от друга... Курганы при Потерпильце находятся на песчаных местах, поросших мелким хвойным лесом. Форма курганов большею частью

расплывчатая; в основании насыпи иногда заметны слабые ровики. Во всех группах более высокие насыпи раскопаны... причём при раскопке были найдены бусы, ножи, браслеты и пряжки. Первая группа расположена на берегу озера Крюково, в 4-х верстах от Потерпильца... Вторая группа расположена на другом берегу озера Крюково, в так называемом Сопочном бору. Внешний вид насыпей такой же, как и в первой» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 31–32). В полевом дневнике записано: «Сергей Дмитриев Цыганов, деревня Потерпилец» (СР ГРМ, ф. 100, № 135, л. 31 об.); в др. месте дневника: «Сергею за 8 дней 5 р. На еду ему 1 р. 40 к.» (*Там же*. Об. обложки). Есть и в др. местах дневника подобные упом. Сергея. Т. о., **С.Д. Цыганов** — участник археол. экспедиции Рериха в июне 1902.

[2] Возможно, то же, что и **д. Гвериштяна**, упом. (с искажением?) в отчётной публ.: *Рерих Н.К.*, 1903. С. 43.

47. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих

Село Потерпилец. Новгородская губ. [23 июня] 1902

Николаевская железная дорога.
Станция Окуловка. Дача Кунёва[1].
Её Высокородию
Елене Ивановне Рёрих.

Хороший мой Мисик, пишу из Потерп[и]льца. Ночь провели скверно; напали клопы, и мы должны были к часу ночи уйти на улицу, ходили по дождю и больше не спали. Копали сегодня; нашли только золу.

Утром завтра (в Понедельник) выезжаем на Меглецы[2], а затем на Мошинский погост[3]. Остальное всё ладно, но сегодня мы бродим сонные и вялые — после неудачной ночи.

Место очень красивое — Мста широка. Целую Мисика крепко, крепко всю. Как [было] бы хорошо, если бы Мисик [мог] здесь побывать. В будущий Понедельник, пожалуй, вернёмся, надеюсь.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 265.

Памятник Н.Н. Миклухо-Маклаю в Окуловке. На заднем плане здание быв. купеческого собрания. Фото 1997

[1] Из источников известно о «даче Кунёва» следующее: «В Заозёрской волости Крестецкого у. Новгородской губ. находилась усадьба Кунёво г-жи Филипповой при Николаевской ж. д. и р. Чернявке в 3 верстах от ж.-д. ст. Окуловка». В усадьбе 3 жилых строения, где проживают 1 муж. и 2 жен. «С Кунёвом смежна усадьба Верино (Чернявка) г. Иващенкова, где 2 жилых строения и проживало 6 муж. и 3 жен.

Гл. занятие — садоводство. С усадьбами Верино и Кунёво смежны ж.-д. казарма (6 муж. и 4 жен.) в 2 верстах от Окуловки и сторожевая будка на 235-й версте (4 муж. и 3 жен.) в 2 верстах от Окуловки» (*Список*, 1909). (Сообщила Т.М. Иванова, комитет культуры Окуловского р-на Новгородской обл.).

[2] Рерих отмечает **дер. Малые Меглецы** и **Большие Меглецы**; в тексте его отчёта: «Д. Меглецы. Жальник в сосновой роще. Местами заметны четырёхконечные каменные кресты. На жальнике ежегодно служат панихиду. Раскопки невозможны» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 32). Согласно "Земельному инвентарю", в Боровичском у. под № 1207 числится "Меглецы Большие деревня" и под № 1208 "Меглецы деревня" (*ЗИ-БУ*. 1914. С. 78).

[3] В отчётной статье Рерих писал: «Кладбища старого происхождения, служащие для погребения и до сих пор... были осмотрены в... **погосте Мошинском**, Боровичского уезда... В них наряду с новейшими погребениями встречаются древние Новгородского типа каменные кресты... **Мошинской погост.** Во дворе земской больницы находится сопка высотою до $2^1/_2$ саж.; вершина срезана, и на ней устроены беседка и скамьи. Раскапывать неудобно» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 16, 32).

48. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Меглецы. Новгородская губ. [24 июня] 1902*

24-го Понедельник, 8 вечера

Сидим на Меглецкой станции — не дают лошадей. Завтра — в самом дальнем пункте нашей поездки в Мошинском. Сегодня ночевали у незнакомых людей — много комичного.

Сейчас ехали по сквернейшей дороге — устали. Раскопка неважная, вещей не нашли. Хорошо, что дождь щадит, Бобина[1] фуражка упала в лужу, пришлось стирать.

Хотя и сопряжено с трудн[остями], но хорошо бы Тебе, Мисик, так поездить по Руси.

Что Ты делаешь? Ждёшь ли Майчика? Я стремлюсь вперёд невероятно, спроси Бобу потом.

Всё-таки сговорился о лошадях, и сейчас поедем ещё дальше за 12 верст — хотя бы ночью туда приехать. Целую моего славного Мисика крепко, крепко. Уверен, что если бы Ты увидала, какой я энергичный, то порадовалась бы.

[В] будущий Понедельник вернёмся. Сегодня сделаем 60 верст на лошадях.

Сейчас Боба потерял мой нож и пошёл искать его. Но верно кланяется. Славный, милый, хороший Мисик — люблю Тебя.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 236.

---

[1] *Боба* — Б.Н. Рыжов.

49. ИРАО — в ИАК. *СПб. 17 мая 1903*

Императорское Русское Археологическое Общество имеет честь покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию о высылке установленного

открытого листа на имя члена-сотрудника Общества Н.К. Рериха, которому поручается произвести доследование следующих городищ Суздальского края: Сарского близ г. Ростова, Ильинского близ г. Юрьева, Васильковского близ г. Суздаля и Добросельского близ г. Владимира[1].

Секретарь Общества [В.Г. Дружинин].

Автограф. По делопроизводству № 47. РА ИИМК, ф. 1, № 86/1903, л. 5. Ср. отпуск письма В.Г. Дружинина Рериху от 17 мая 1903: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 152–153.

---

[1] Об этих раскопках см. в наст. изд., разд. I, № XIII, с приложениями, а также: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 176. В архиве Рериха сохранилась земская подорожная, по к-рой можно судить о дате посещения Владимира: «Предъявителю сего Секретарю Императорского

Н.К. Рерих. Москва. Вид Кремля из Замоскворечья. 1903. Собрание ГМВ

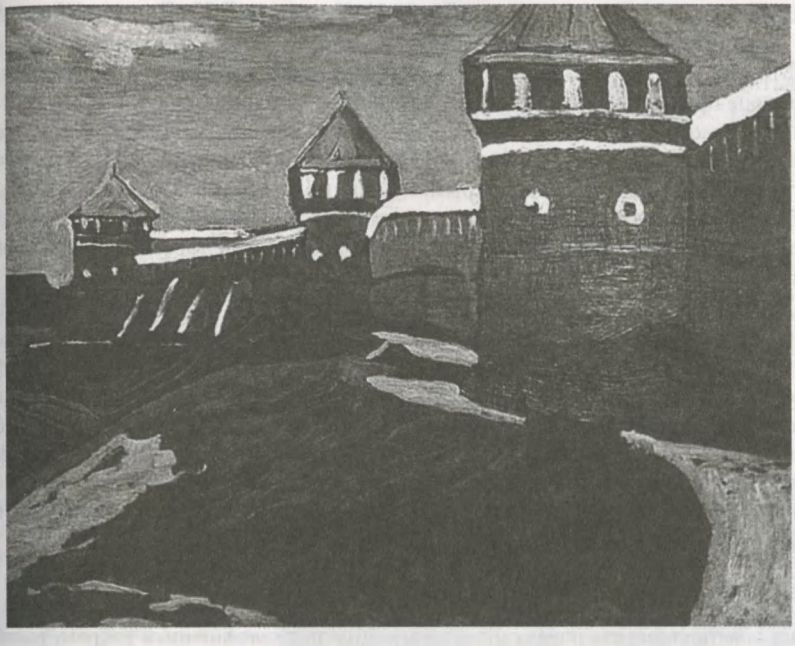
Общества Поощрения Художеств Николаю Константиновичу Рериху на пространстве всей Владимирской губернии в течение одного месяца, т. е. [с] 23 Июня 1903 г. по 23 Июля 1903 г., предписывается давать из земских пунктовых [лошадей] 3 лошади с 1 повозкою и с 1 проводником со взиманием с него узаконенных прогонов. Сия подорожная выдана г. Секретарю Императорского Общества Поощрения Художеств Н.К. Рерих[у] Июня 23 дня 1903 года. Член управы [подпись неразборчива]. За секретаря Ф. Гаврилов» (ОР ГТГ, ф. 44, № 475).

50. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Ростов Великий. 1 июля 1903*

Дорогой Боря.

Пишу из Ростова. Здесь прекрасно — красиво и древностей много[1]. Вчера получил Твоё письмо. Можешь теперь писать: Москва, Кокоревское подворье[2], а затем: Смоленск, до востребования. Пробудем в Ростове с неделю. В Москве дня 3; в Смоленске неделю. Материала много. Из Москвы вышлем плёнки. Проявляй их, пожалуйста. Но купи за наш счёт большую ванну — нельзя ли проявлять дюжинами, а то иногда передвигались [номера] не точно и поодиночке как бы не перерезать. Поцелуй маму, очень рады, что она себя хорошо чувствует. Что наши путешественники? Как Твоя работа? Твой Н. Р.

Н.К. Рерих. Ростов Великий. Теремки княжеских палат. 1903. Собрание ГМВ



Н.К. Рерих. Суздаль. Стены Спасо-Евфимиева монастыря. 1903. Собрание ГМВ

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 128. Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Публ. фрагментов: *Журавлёва Л.С.*, 1978. С. 110; *Журавлёва Л.С.*, 1995. С. 259.

---

[1] *Ростов*, известный с 862, расположен на берегу озера Неро в Ярославской обл. В XII–XVII вв. — Ростов Великий, в X в. — центр Ростово-Суздальского, в 1207–1474 — Ростовского княжеств. В 1970 объявлен городом-заповедником. Особо примечательны: Успенский собор (XVI в.; фрески XVII в.); ансамбль кремля со стенами и башнями (XVII в.), надвратными церк. Воскресения (1670) и Иоанна Богослова (1683), церк. Спаса на Сенях (1675), Богоматери Одигитрии (1698) и др., каменными теремами и палатами (XVI–XVII вв.); классицистические торговые ряды (XIX в.); комплексы Авраамиева (XVI–XIX вв.) и Яковлевского (XVII–XIX вв.) монастырей.

[2] По имени *Василия Александровича Кокорева* (1817—89), российского предпринимателя, коллекционера-мецената, публициста, почётного члена ИАХ (1889). В 1884 на р. Мста, близ Вышнего Волочка, устроил Владимиро-Мариинский приют для русских живописцев (считал, что природа Тверского края должна больше вдохновлять отечественных живописцев, чем развалины Помпеи). Позднее здесь разместилась Академическая дача ИАХ, где в 1895–97 и позднее бывал Рерих, ныне — Дом творчества им. И.Е. Репина. *"Кокоревское подворье"* — громадная гостиница на Софийской наб. против кремля, сооружённая на средства В.А. Кокорева и переданная им впоследствии государству в зачёт долгов. См. о нём: *Полунина Н., Фролов А.*, 1993. С. 128; *Барышников М.Н.*, 1998. С. 194–195.

51. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *[Июль 1903]*

Миленький Мисик. Какой я был идиот, пропустив два хороших дня, — дождь льёт проливной. Написал под дождём этюд, вышел недурной, но при лучшей погоде мог бы быть великолепным. Ужасно обидно. Сейчас ещё сделаю рисунок, и больше ничего не сделаешь. И то промок, по палитре вода лила ручьём, с зонтика капало. Этюд весь мокрый, — ещё не знаю, пожалуй, почернеет. [...]

Вчера говорил с очень симпатичным стариком — монахом Евфимием. Прощаясь говорит мне: «Вы должно быть очень хороший человек. Приятно побеседовать».

Надеюсь в Смоленске найти письмо от Тебя. Я Тебя очень люблю, миленький Мисик. Теперь, если бы и Ты была, горевали бы вдвоём, и скучно не было бы. [...]

Всю дорогу ехал под дождём. Выезжаю в 11 часов и в 11 утра буду в Смоленске. С 9 часов до 11 часов придётся сейчас сидеть на грязной станции. [...] Палитра так разбухла, что с трудом упихал в ящик. В монастыре масса богомольцев. Очень красив иконостас собора. Весь убран басмою[1], и тёмные фигуры святых в прорезях. Басма даёт приятный блеск. Живопись верно тоже была хорошая. Целую крепко Мися милого моего. Ужасно страшно за все мои Смоленские надежды. Мульку[2], Юшку[3] целую.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 390.

---

[1] *Басма* —металлическая оправа икон с тиснёным и прочеканенным узором, то же, что оклад (ср. риза).

[2] *Мулькой, Мулечкой* или *Мулей* Рерихи наз. между собой мать Елены Ивановны Екатерину Васильевну Шапошникову, к-рая подолгу жила в их семье.

[3] Первенец Рерихов — *Юрий*. Родители его наз. *Юшкой, Юханчиком, Юсиком, Юриком*.

52. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *[Первая половина сентября 1903]*

[...] Сегодня видал Спицына. В Пятницу вечером пойду к нему[1] читать статью о церквах[2]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 410.

---

[1] Справочник "Весь Петербург" указывает, что А.А. Спицын проживал в доме № 8 на Провиантской ул.

[2] Видимо, это статья Рериха "По старине". См. в наст. изд., разд. III, № XXI (2).

53. ИАК — в ИРАО. *СПб. 29 сентября 1903*

Императорская Археологическая Комиссия, препровождая при сём, по прилагаемой описи, вещи из раскопок, произведённых на средства Общества в

1899 г. Н.К. Рерихом в Псковской и Новгородской губерниях[1], имеет честь покорнейше просить о получении их не оставить Комиссию уведомлением.

Товарищ Председателя Комиссии В. Латышев[2].
Делопроизводитель А. Раевский[3].

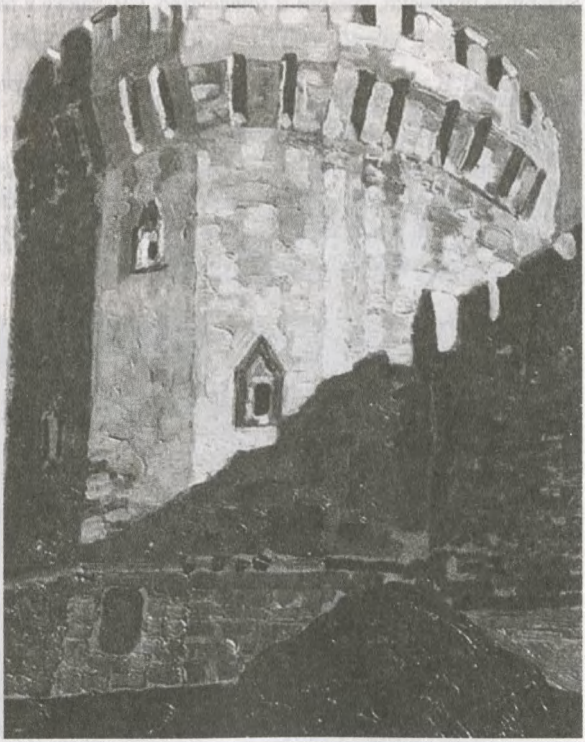
Отпуск письма № 1931. РА ИИМК, ф. 1, № 107/1899, л. 5.

---

[1] "Перечневая опись предметам древности, доставленным Н.К. Рерихом из раскопок, произведённых в 1899 г. в Псковской и Новгородской губерниях", заполненная А.А. Спицыным, хранится в РА ИИМК, указ. д., л. 7–8. В оп. названы след. места находок: **с. Дубровна**, **д. Поддубье**, **д. Вышково**, **д. Булавино**, **д. Каменка**, **д. Водосье**, «иные местности Порховского уезда», **озеро Глубочиха у Бологое**. К оп. приложены 5 фотографий находок (указ. д., л. 9–13), на них под каждым предметом подписано, где найден, и № по оп.; на двух — надпись: «Бологое, курган» (л. 11 и 13).

[2] *Латышев Василий Васильевич* (1855—1921) — выдающийся филолог-классик, историк античности, эпиграфист, специалист по византийской агиографии. Основные труды по древней истории и греческим надписям Северного Причерноморья, византийской литературе. Член-корреспондент Петербургской АН (1893), академик РАН (1917). Создатель и редактор *ИИАК* (1900). Член Совета министра народного просвещения, товарищ председателя ИАК. До мая 1914 в его библ. значилось 209 трудов и ред. работ, см.: *Материалы...* 1915. Т. I.

[3] *Раевский Александр Сергеевич* (род. 1872) — с 1902 делопроизводитель ИАК. Член-сотрудник ИРАО и Петербургского общества архитекторов-художников. Проф. СПб. Политехнического института. Вошёл в «комиссию по организации всероссийской подписки на исследование древнейших русских городов и собирание музея до-Петровского зодчества и всего древнего быта», созданную по инициативе Н.К. Рериха (см.: *БВ.* 16 октября 1909. № 11366. Веч. вып. С. 4).



Н.К. Рерих. Смоленск. Башня. 1903. Собрание ГМВ

54. ИАК — в ИРАО. *СПб. 22 января 1904*

Императорская Археологическая Комиссия, препровождая при сём в Общество, при описи, коллекцию вещей из раскопок, произведённых для Общества в 1902 г. Н.К. Рерихом в Боровичском уезде Новгородской губернии[1], имеет честь покорнейше просить о получении её не оставить Комиссию уведомлением.

Товарищ Председателя Комиссии В. Латышев.

Делопроизводитель А. Раевский.

Отпуск письма. По делопроизводству № 179. РА ИИМК, ф. 1, № 99/1902, л. 57.

---

[1] "Перечневая опись предметам древности, доставленным Н.К. Рерихом из раскопок, произведённых в 1902 г. в Новгородской губернии" подшита в д. вместе с отпуском этого письма (л. 58). На ней виза графа А.А. Бобринского: «17 Января 1904. А.А. Спицыну. Бобринской». В оп. перечислены предметы из Крестецкого у. (**д. Полище** и **им. Жалинцы**) и Боровичского у. (**д. Столбово**, **с. Кончанское** и **д. Подол**). Ч. коллекции была воспроизведена в отчётной публ.: *Рерих Н.К.*, 1903. Табл. I–III. Это вещи из **с. Кончанское** — янтарные привески, кремни и гончарство. См. также в разделе III, № LIII (4), с примеч.

55. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Пароход Тверь — Углич; Углич. 1 июля 1904*

8 часов утра

Переспал ночь недурно. Всё едем и едем, скучные берега. Сейчас будем стоять 2 часа в Савелове. Со мной в каюте оказался опять славный старикан. Разговорились. Оказался кто бы думаешь? Доктор Смоленский[1]. Просил Тебе кланяться. Он очень симпатичный. [...]

Н.К. Рерих. Воскресенский собор в Угличе. 1904. Собрание ГРМ

Научил меня, что обратно из Калязина надо ехать на лошадях на Кашин, а оттуда через Бологое — так ближе. Как трудно у нас попадать даже в ближайшие пункты. Если бы с Мисем, я бы нисколько не жалел день протащиться по-черепашьи, а одному трудно. Всё-то хочется поскорее. Боюсь, что и в работе буду торопиться.

Смоленский сказал, что осмотреть в Кашине. [...]

10 часов вечера

Углич. Первое впечатление лучше, чем [от] Романова-Борисоглебска. Масса старых церквей, так что, пожалуй, на Калязин и времени не хватит. Масса интересного. Завтра с пяти часов за осмотр и за работу. Этюды все будут довольно забелённые. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 392.

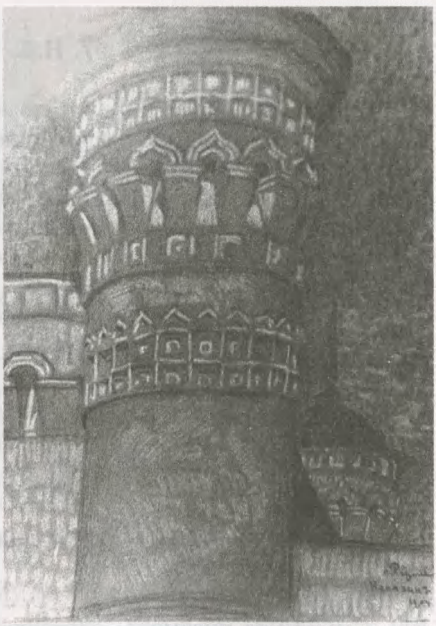
---

[1] Видимо, *Смоленский Иван Фёдорович* — по справочнику "Весь Петербург" доктор медицины, чья деятельность связана с СПб. родовспомогающими заведениями: Повивальным Институтом практических врачей и Школой сельских повивальных бабок.

56. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Углич. 2–3 июля 1904*

Вечер. 10 часов

Миленький, дорогой мой — знаешь, сегодня я писал этюды 8 часов. 3 часа утром с 9 до 12 и 5 часов с 2 [до] 7 вечера. Написал [этюды:] внутренность — маленький и большой сложный — всю внешность церкви. Назавтра оставлю тоже два, один малый и другой большой. В 3 дня управлюсь с Угличем. И тогда через Калязин и Кашин домой. По дню на оба города. Дворец Димитрия мало интересен, но положение нескольких церквей просто прелесть. Обидно, что сильный ветер, не везде можно писать. Ел сегодня собственно один раз. Комната у меня хорошая и даже без местных обитателей. В Угличе есть старые дома с изразцами. Но всё-таки устал я сильно; спина болит. Может, купить не придётся. На днях приезжал специальный скупщик, вывесил объявление и всё поскупил. А были, говорят, интересные. Не представляю, когда Ты получишь отсюда



Н.К. Рерих. Калязин. Башня. 1904
Собрание Д.А. Сигалова, Киев

Юрий Рерих с няней в Берёзке (?). 1904
Фото из МСССМ

мои письма и когда я получу. Завтра утром пойду на почту — узнать. Сейчас буду спать. Встану в 7 часов. Сегодня встал уже в 6 часов.

Что-то Ты делаешь? Как глаза и прочее? Сегодня мужик, что носит ящик, после второго этюда сказал: ну, барин, и здоров же ты работать, я, даже ничего не делая, и то устал сидеть.

Поцелуй на ночь своего Майчика. Скучно Мисикам. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 457.

57. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Углич. 6 июля 1904*

Сегодня в Воскресенье что-то не заладилось с этюдами. Даром прошёл 8 вёрст — в монастыре, и там всё подновлено и писать нечего. По жаре тащился, уже $10^1/_2$ часов, а ещё этюда не написано, досадно. Вчера проработал 9 часов, написал 3 этюда, из них один пятичасовой большой.

Сегодня в 8 часов вечера выезжаю в Калязин и через Кашин обратно. [...]

Купил двух каких-то каменных человеков или, вернее, два рисунка по камню, найденных в Волге, — древние [...]

Ужасно боюсь, что 6 этюдов[1] мало на Углич, но времени не терял. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 391.

---

[1] В каталоге Соколовского указ. только 4 этюда Углича: *"Церковь царевича Дмитрия"*, *"Воскресенский монастырь"* (ГРМ), *"Крыльцо церкви Иоанна Предтечи"* и *"Углич с Волги"* (*Соколовский В.В.*, 1978. С. 267).

58. Н.К. Рерих – Б.К. Рериху. *[Берёзка[1]. Тверская губ.] 30 июля 1904*

Дорогой Боря.

Спасибо за письмо. Поздравляю с 24-м, не писал, ибо как раз это время был в переездах около Звенигорода и Смоленска. Только вчера вернулся. Курганы без разрешения лучше не копай — не попасть бы в неприятность. Вернусь,

так обдумаем, как лучше быть. Очень хорошо провёл время в Смоленске. Видел кучу интересных вещей. [...]

Не соберёшься ли побывать у нас? Посмотреть озёрную область. Может быть, и мама приехала бы. Ведь путь не Бог весть какой! Следует написать раньше — насчёт лошадей. [...]

Твой Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 129.

---

[1] О творческой жизни Рерихов в **с. Берёзка** на берегу **озера Имоложье** (современный Вышневолоцкий р-н Тверской обл.), где они жили летом 1904, 1905, 1908 и предположительно 1909, а также о самом с. см.: *Эрнст С.Р.*, 1918. С. 60; *Соколов Б.С.*, 1997. С. 77; *Мельников В.Л.*, 1998г. Упом. в письмах ниже (№ 153, 154). См. также в разд. III, № XXII, с примеч.

59. А.А. Спицын — в канцелярию ИАК. *СПб. 7 марта 1905*

Художник Н.К. Рерих ходатайствует о выдаче открытого листа на производство раскопок в 1905 г. в Воронежской губ. в бассейне реки Усмани его брату, ученику Императорской Академии Художеств Борису Константиновичу Рериху[1].

СПб. 1905 $^{III}/_{7}$. А. Спицын.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1, № 45/1905, л. 1.

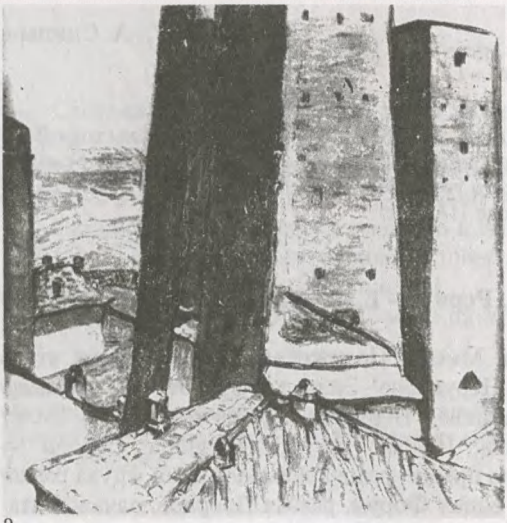
---

[1] Об этом эпизоде см. в наст. изд., разд. III, № XXXII. Б.К. Рериху были выданы 2 открытых л. на 1905 — в пределах «Воронежской губернии в бассейне реки Усмани» (№ 527 от 23 марта 1905) и «Бобровского уезда Воронежской губернии» (№ 690 25 апреля 1905). Отчётных документов в деле ИАК нет.

60. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Рим. [11 июня] 1906*

Милый и дорогой и хороший Мисик. Положительно выясняется, что в Среду днём мне уже можно ехать в Перуджию[1]. Значит, в Субботу или *Пятницу* вечером я буду во Флоренции[2]. Напиши в Перуджию, когда выезжаешь. Билет мой: Флоренция, Болонья[3], Равенна[4], Падова (Падуя)[5], Виченца[6], Верона[7] — чтобы и Тебе тоже тут быть. Рим, по правде, разочаровывает меня. Груда развалин, красноватого цвета[8]. Сегодня видел Форум, развал Дворцов, начало катакомб, Via Appia[9], Porta Furba, Дворец короля, Forum Traiani[10], Капитолий, Музей Капитолия. Завтра Ватикан, Святой Пётр, Сикстинская капелла, Галерея изящных Искусств. В Этнографическом Музее отличный каменный век. Есть и фигурки вроде наших[11] — все из Италии. Да, был ещё в St. Giovanni — там кардинальская служба и отличная мозаика абсиды, но всё остальное позднейшее. Сегодня письма не получил — верно, завтра утром.

1.



2.

Н.К. Рерих. Сан Джемениано. 1906. Собрание ГТГ (1). Грозненская картинная галерея (2)

Когда переезжаете? Не просидеть бы хорошую погоду в городе! Сегодня очень жарко. Ты бы сморилась, а я ничего, ходил себе, даже гид удивился: какой жар, говорит. И сейчас — вечер, голова-то всё-таки мокрая. Какое чудесное местное вино (50 сантимов). Какой аромат — прелесть. Напиши в Перуджию, когда выезжаешь, — быть в Женеве и не приехать во Флоренцию — ужас! Ведь когда у нас ещё такой заработок будет, чтобы до Женевы-то доехать? Ты мне даже каменный век уложила[12] и Швейцарский путеводитель[13] — поедешь, не ищи.

Приезжай, Миска!!! Целую крепко всех. Юсик бережёт ли маму?

Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 295. Одно из 22 писем к Е.И. Рерих, посланных во время путешествия по Италии.

---

[1] *Перуджа* (Perugia) — г. в Центральной Италии, административный центр обл. Умбрия и провинции Перуджа. Университет (с XIII в.). Национальная галерея Умбрии, Археол. национальный музей Умбрии, музей собора, Городской музей. Остатки городской стены этрусков (IV–II вв. до н. э.). Готическая церк. Сант Эрколано (XIII — нач. XIV вв.) и Палаццо Комунале (ныне Национальная галерея Умбрии; XIII–XV вв.).

[2] *Флоренция* (Firenze) — г. в Центральной Италии, административный центр обл. Тоскана и провинции Флоренция. Университет (с XIV в.). АХ, Тосканская АН и литературы. Консерватория. Старейший в Европе Ботанический сад (с 1545). Галерея Уффици, Галерея Палатина, Музей собора, Национальный

музей, Галерея АХ, Каса Буонарроти, Археол. музей. Уникальные худ. комплексы средних веков и Возрождения; Собор Санта Мария дель Фьоре (с XIII в., купол — 1420–36, архитектор Ф. Брунеллески) и баптистерий (XI–XIII вв., двери работы Л. Гиберти и др.), Палаццо Синьория (XIII–XV вв.). Церк.: Санта Мария дель Кармине (XIII–XVIII вв., фрески Мазаччо), Санта Мария Новелла (XIII–XIV вв., фрески П. Уччелло, Д. Гирландайо и др.), Санта Кроче (с XIII в., фрески Джотто и др.), Сан Лоренцо (1422–46, Ф. Брунеллески; капелла Медичи, с 1520, Микеланджело). Ренессансные дворцы (Питти, Медичи-Рикарди, Ручеллаи). Улица Уффици (1560–85, Дж. Вазари и др.). В письме к Елене Ивановне от 29 июня 1906 Рерих писал: «Флоренция очень хороша...» (ОР ГТГ, ф. 44, № 276).

[3] *Болонья* (Bologna) — г. в Северной Италии, административный центр обл. Эмилия-Романья и провинции Болонья. Старейший в Европе университет (с XI в.). Национальная пинакотека, музеи Сан-Стефано, Сан-Доменико и др. С конца VI в. до н. э. Болонья (Фельсина) — центр этрусков. В средние века славилась школой права. Комплекс романских церк. Сан Стефано (XI–XIII вв.), наклонные дома-башни (XI–XII вв.), готические палаццо (XIII–XV вв.), церк. Сан Петронио (XIV–XVII вв., ренессансный скульптурный портал, 1425–38, Якопо делла Кверча). Дворцы в стиле ренессанса (Бевилаква, XV в.) и барокко.

[4] *Равенна* (Ravenna) — г. и порт в Северной Италии, на Адриатическом море, административный центр провинции Равенна. Национальный музей Равенны, Пинакотека Академии изящных искусств, Архиепископский музей. Сохранились украшенные мозаиками мавзолей Галлы Плацидии (V в.), христианские базилики (Сант Аполлинаре Нуово), 8-гранная церк. Сан Витале, мавзолей Теодориха — все VI в., остатки т. н. дворца Теодориха (VI–VIII вв.), гробница Данте (памятник XV в., П. Ломбардо).

[5] *Падуя* (Padova) — г. в Северной Италии, связанный каналом с Адриатическим морем, административный центр провинции Падуя. В XV–XVII вв. Падуя — крупный культурный центр, славился её университет (основан в XIII в.; преподавали Помпонацци, Везалий, Галилей). Городской музей, музей "Боттаччини". Остатки римских построек. Церк. Сант Антонио (начата в XIII в., музей), Капелла дель Арена (Скровеньи; начало XIV в., Джотто), ораторий Сан Джорджо (XIV в.).

[6] *Виченца* (Vicenza) — г. на северо-востоке Италии, в обл. Венеция, административный центр провинции Виченца. Остатки древнеримских театра, моста и акведука, готической церк. Сан Лоренцо (1280–1344). Постройки А. Палладио: базилика (перестроена в 1549–1614 из дворца Раджоне), дворцы Тьене, Кьерикати (оба начаты в 1550), лоджия дель Капитанио (1571), театр Олимпико (1580–85, окончен архитектором В. Скамоцци).

[7] *Верона* (Verona) — г. в Северной Италии, в обл. Венеция, административный центр провинции Верона. Транспортный узел на подступах к перевалу Бреннер в Альпах. Университет. Романские церк. Сан Дзено Маджоре (V–XII вв.) и Палаццо дель Комуне (начато в XII в.); готические Палаццо дель Говерно (XII–XIII вв.) и замок Кастельвеккьо (XIV в.) с мостом Скалигеров. В Вероне Рерих приобрёл несколько фигурных поделок из кремня (см. примеч. А.А. Спицына к публ.: *Рерих Н.К.*, 1907б. С. 18).

[8] О том же Рерих писал в то время и княгине М.К. Тенишевой, см.: *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 158. См. также лист дневника "Рим" (7 октября 1943): *Рерих Н.К.*, 1974. С. 259–260.

[9] *Via Appia* — Аппиева дорога, первая римская мощёная дорога, проложена при цензоре Аппии Клавдии в 312 до н. э. между Римом и Капуей (350 км); в 224 до н. э. доведена до Брундизия. Сохранилась почти вся.

[10] *Траян* (Traianus) (53—117) — римский император с 98, из династии Антонинов. В результате завоевательных войн Траяна империя достигла максимальных границ.

[11] О неолитических кремнёвых фигурках (в т. ч. изображающих людей и животных) из коллекции Рериха см.: *Рерих Н.К.*, 1907б; *Спицын А.А.*, 1907. С. 233; *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 35; *Замятнин С.Н.*, 1948; *Мельников В.Л.*, 1997а. С. 22; *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 113–115; *Мельников В.Л.*, 1998г. № 2. С. 45–47.

[12] Этот факт Рерих вспомнил спустя почти тридцать лет в очерке "Каменный век", вошедшем в книгу "Врата в Будущее" (1936): «...Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далёким собратиям» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 155–156. Более полно процитировано ниже, в примеч. к № 161).

[13] Сохранились конспективные записи Рериха, по всей видимости, сделанные во время путешествия по Италии; составлены как своеобразный путеводитель-задание для др. путешественника (ОР ГТГ, ф. 44, № 25, л. 17–18, частично опубликованы: *Полякова Е.И.*, 1973. С. 114–115). Приведём из них сведения, касающиеся его научной деятельности. В **Парме** Рерих отметил фрески *Корреджо* (Correggio) (ок. 1489—1534), представителя Высокого Возрождения; пинакотеку Стюард; памятники династии герцогов Пармы и Пьяченцы Фарнезе; библиотеку монастыря Святого Павла; записал: «По менялам — попадаются майолики». В **Мантуе** отметил фрески *Андреа Мантеньи* (Mantegna) (1431—1506), представителя раннего Возрождения — росписи "Камеры дельи Спози" в замке Сан-Джорджо (1474); постройку *Джулио Романо* (Giulio Romano) (1492 или 1499 — 1546) — палаццо дель Те. В **Виченце** — фрески А. Мантеньи в соборе. В **Мазере** — фрески *Паоло Веронезе* (Veronese) (1528—1588), живописца эпохи Возрождения, — в вилле Барбаро-Вольпи (ок. 1561) и живопись *Джорджоне* (Giorgione) (1476 или 1477 — 1510), одного из основоположников искусства Высокого Возрождения (оба — представители венецианской школы). В **Венеции** — роспись *Джованни Баттиста Тьеполо* (Tiepolo) (1696—1770), венецианского живописца, рисовальщика, гравёра, — в палаццо Лабиа (ок. 1750); мебельный салон Бессереля; антикварий Тугенхейма; музей стекла на острове Мурано и другие достопримечательности. Из **Римини** Рерих отправился на экипаже в республику **Сан-Марино** (древнейшее из современных государств Европы), где отметил собор и музей. Во **Флоренции** Рерих отметил некрополь, фабрику новых майолик "Societa ceramika anonima" и записал: «Музей и фабрика подражаний; все мясники продают древности; нет ли каноника, у которого достопримечательности. [...] Над Флоренцией леса королевские». На греческом **острове Керкира (Корфу)**, куда добрался из Неаполя через Бриндизи, отметил Ахиллеон и записал: «Пароход в *Патрас*, оттуда в *Олимпию*». (Следовательно, Рерих посетил и Грецию). В **Риме** отметил виллы Капраролла и Альбани, мозаику парусов собора Святого Петра, ризницу Сан Марко и др. места. В **Салерно** — «Морелли занавес». В **Эболи** — собор и ризницу. В **Неаполе** — «каскады, мраморные статуи»; галерею фон Виллера Каподимонте; отсюда отправился на остров Сицилия, где посетил ряд городов. В **Палермо** отметил романскую постройку с отд. элементами арабского и византийского зодчества — церковь Марторана (XII–XVI вв.), Капеллу Палатина XII, палату Рожеров и музей (неясно какой; в Палермо есть музеи: Археол. национальный, Епархиальный, Этнографический Дж. Питре и Национальная галерея Сицилии); посетил *Салинаса*, сотрудника одного из музеев, к-рый дал «профессиональные рекомендации по Сицилии», и поехал берегом к **Мессине** и **Чефалю**, где осмотрел остатки византийского храма и мозаики. Далее в **Таормине** отметил греч. театр и записал: «Aci Reale курорт принадлежит графам, у них монеты Сицилии» (что за графы, остается неясным). На родине Архимеда в **Сиракузах** отметил музей и в нём статую "Афродита Сиракузская". Записал: «По южному берегу остатки греческих городов. Недалеко от Палермо Марсала». В переписке фигурируют др. пункты, к-рые он посетил: **Орвието**, **Сиена**, **Сан-Джеминиано** (см. в наст. изд. воспро-

изведение 2 этюдов, выполненных в этом пункте), **Виеж**, **Пиза**, **Генуя**. В 1906 Рерих посетил и **Милан** («видел Бильбасова — русский отдел как всегда не готов»), где получил почётный диплом Международной худ. выставки по секции декоративного искусства (хранится в ОР ГТГ, ф. 44, № 482). Вскоре после поездки была написана сказка "Старинный совет" (1906) на основе исторических данных, полученных Рерихом из «одной старинной итальянской рукописи, кажется, пятнадцатого столетия» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 290–293). См. об итальянском путешествии также: *Ростиславов А.А.*, 1918. С. 39–41, 54.

61. Н.К. Рерих — Аксели Галлен-Каллела[1]

Лохья. Финляндия. 16 июня 1907

Наш искренний привет! Восхищены церковью[2] и Вашей очаровательной племянницей. Н. Рерих.

Открытка с видом церк. в финском г. Лохья. Текст написан по-французски. Публ. по изд.: *Сойни Е.Г.*, 1981.

---

[1] *Галлен-Каллела, Аксели Вальдемар* (1865—1931) — крупнейший художник финского модерна. Живописец и график. Неоднократно упом. в "Листах дневника" и письмах: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 254, 357. Т. III. С. 276, 428 и др; *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 114. О дружбе и переписке Рериха и Галлена см.: *Сойни Е.Г.*, 1987. С. 22–46.

[2] О храме в Лохья см. в наст. изд., разд. III, № XXXIV (1, 2).

62. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Финляндия. Июнь–июль 1907*

Russland. Петербург, Васильевский Остров.16 линия, д. № 5
Его Высокородию Борису Константиновичу Рериху

Дорогой Боря!

Сегодня едем в Гельсингфорс и Або[1]. Успенский[2] ещё не работает, потому что я всё не получаю доски. Покупкою восточных монет не увлекайся, — всё равно коллекции им полной не составишь[3].

Когда думаешь вернуться? Если в Июле, то я хотел бы тебе предложить проехать вместе в Кексгольм[4], Коневец, Валаам, Сердоболь[5]. Напиши, когда думаешь вернуться? Написал я 8 этюдов, есть довольно удачные[6]. Будет не бесполезно, если поедешь с Макаренкой[7] на могильники. Он хороший человек и введёт тебя немного в местную археологию. Из металлических орудий мне ничего не нужно, а из каменных там, пожалуй, ничего не встретишь[8].

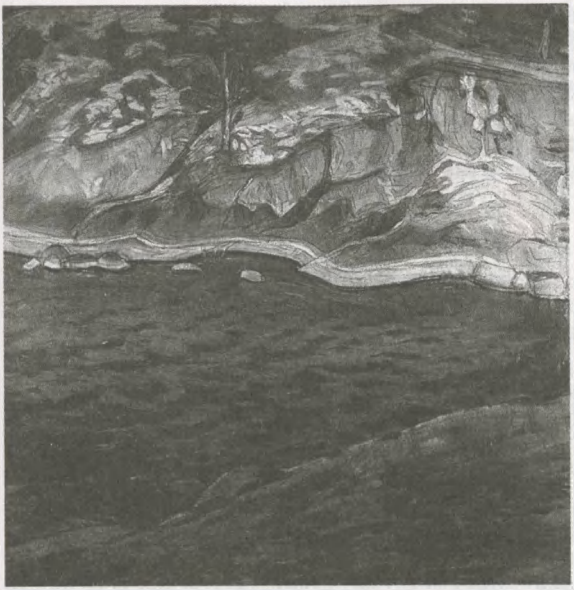
Всё время у нас довольно ветрено, но воздух всегда превосходен. Последние 3 дня были дожди.

Очень приятно, что у Вас всё хорошо и мама здорова. Пиши, когда будет что — напишу.

Маму и Лилю все целуем.

Поклон Макаренке, как его нога? Написал бы он!

Целую крепко. Н. Р.



Н.К. Рерих. Вентила. Из этюдов, созданных в Финляндии. 1907

Юрик и Света[9] здоровы. Вчера был Иванов день — жгли кокку[10]. Тебе непременно надо приехать к нам. Какая разнообразная природа.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 133. Публ.: *Сойни Е.Г.*, 1981.

---

[1] Гельсингфорс (Helsingfors) и Або (Abo) — шведские названия гг. Хельсинки и Турку.

[2] Видимо, *Успенский Александр Иванович* (1873—1938) — искусствовед, исследователь древностей, историк русского искусства, археол. Был директором ИМАИ. Ред. "Трудов" комиссии по изучению памятников церк. старины Москвы и Московской епархии, приват-доцент Харьковского университета по кафедре истории и теории изящных искусств. Главные труды У.: "О художественной деятельности евангелиста Луки" (М., 1900), "Судьба первой церкви в Москве" (М., 1901), "Значение иконописного подлинника в современной церковной живописи" (М., 1901), "Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов" (М., 1906), "Царские иконописцы в XVII веке" (СПб., 1906. Т. I), "Виктор Михайлович Васнецов" (М., 1906) и др. В РНБ хранится экземпляр его книги ("Очерки по истории русского искусства", т. I, М., 1910) с автографом: «Глубокоуважаемому Николаю Константиновичу на добрую память от автора. 1910. 15 ноября» (*Голубева О.Д.*, 1991. С. 154). См. также: *Рерих Н.К.*, 1992а. С. 157; в наст. изд., разд. III, № XXXI (7, 8), XXXVIII, XXXIX (5, 12), XLIV, XLV (1).

[3] О нумизматической коллекции Н.К. Рериха см.: *Аукцион Собрания Русских Монет, принадлежащего Н.К. Рёриху.* [Каталог]. СПб.: ИОПХ, 1908. 18 с.; Нумизматика. [1937]. // *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 108. См. также в заключительной ч. наст. изд., в статье С.М. Шамина.

[4] *Кексгольм* — название г. Приозерска в 1611–1948.

[5] *Сердоболь* — название г. Сортавала в Карелии до 1918.

[6] В.В. Соколовский указывает 19 этюдов, созданных в 1908 в Финляндии, среди них — *"Вентила"*, *"Иванов огонь"*, *"Иматра"*, *"Камни"* (Киев, частное собрание), *"Лавола"*, *"Лес"*, *"Мох"*, *"Нислот. Олафсборг"* (США, частное собрание), *"Озеро"*, *"Пейзаж с валунами"* (ГРМ), *"Полянка"*, *"Пунка-Харью"* (ГТГ), *"Священное место"*, *"Седая Финляндия"* (ГРМ), *"Скала"* (Киев, частное собрание) , *"Сосны"*, *"Туман в лесу"* (Владивосток, Приморская картинная галерея) и др. (*Соколовский В.В.*, 1978. С. 268).

[7] *Макаренко Николай Емельянович* (1877—1938, по др. данным — 1937) — художник, искусствовед, археол., реставратор. Помощник инспектора (1906–10), преподаватель общерисовальных классов (с 1908–17), лектор истории искусств (1912–17) в Рисовальной школе ИОПХ, где был также одним из организаторов экскурсий учащихся в старинные русские города для изучения древнерусской живописи и зодчества. Секретарь Комиссии Музея Допетровского искусства и быта (1909–17). Автор монографии "Школа Императорского Общества Поощрения Художеств" (1914), являющейся и поныне наиболее полным источником о школе, к-рой руководил Рерих. Член-сотрудник (1907), действительный член (1910) ИРАО. Сотрудник ИАК. В 1910 вместе с Рерихом проводил раскопки в Новгороде Великом (кремль и Рюриково Городище). В 1913 совершил поездку с научной целью в Сольвычегодск, по результатам её опубликовал монографию "Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской" (1918). Начиная с 1914 выходили выпуски его "Путевых заметок и набросков о русском искусстве". В МУРИ хранится вып. I этого изд. (Белозёрский край) со след. дарственной надписью Рериху: «Дорогому Николаю Константиновичу Рёрих. Любимому художнику, высокоценимому товарищу, доброму человеку, истинному любителю древнерусского искусства. Искренне любящий Н. Макаренко. 1 Мая 1914 года. P. S. Первый экземпляр. Н. М.» До 1919 жил в СПб.-Пг.; внештатный член, кандидат, ассистент, помощник хранителя Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа. В 1920–24 — директор Музея искусств им. Б.И. Ханенко (ныне Киевский музей западного и восточного искусства), проф. Киевского университета. В 1925 впервые арестован, но вскоре по ходатайству руководства Всеукраинской АН отпущен "на поруки". В 1920–30-е член-корреспондент нескольких рериховских организаций в Америке, Европе и Индии. В 1930-х работал в АН Украины. В 1930–31 раскопал поздненеолитический Мариупольский могильник (III тыс. до н. э.) в Донецкой области, к-рому посвятил иссл. "Маріюпільський могильник" (Киев, 1933). Единственный член специальной комиссии, не поставивший свою подпись под решением о сносе Михайловского златоверхого собора в Киеве, что стало главным основанием для репрессий против него со стороны властей. В начале 1934 арестован «за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в противопоставлении проводимым мероприятиям» и выслан в Казань на три года. В 1937 арестован как участник кадетско-монархической контрреволюционной повстанческой организации "Союз спасения России" и осуждён к высшей мере наказания, в 1938 расстрелян в Томске. Реабилитирован посмертно в 1960–65, 1989. Неоднократно упом. в "Листах дневника" и др. источниках, связанных с жизнью и деятельностью Рериха. См.: *Рерих Н.К.*, 1992б. С. 4; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 185, 254. Т. III. С. 212; *СР.* 1997. С. 69, 82, 319, 327, 502, 506, 508–511; *Мельников В.Л.*, 1998в. С. 331–332. По данным 1916, М. принадлежал рериховский эскиз костюма к опере "Князь Игорь" — *"Игорь"*.

[8] Как следует из *ОИАК за 1907 год*, Макаренко производил раскопки в двух местностях — в д. Вороная Екатеринославской губ. и в Полтавской губ.

[9] Второй сын Рерихов *Святослав*. Родители наз. его *Света, Светик*.

[10] *Kokko* (фин.) — костёр в ночь под Иванов день.

63. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Выборг. Финляндия. 17 августа 1907*

Дорогой Боря.

Спасибо за письмо. Как жаль, что мама не приехала. Теперь опять погода хорошая, а ехать сюда гораздо лучше, чем в Печоры, и ближе, и удобнее.

[...] Сегодня весь день всё залито солнцем. [...] Как фотографирование идёт? Смотрела ли мама "Золотое Руно"?[1] Нет ли сведений о каменных орудиях? [...] Пиши.

Твой Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 130. Место написания определено по штемпелю конверта, хранящегося вместе с др. письмом Б.К. Рериху (от 30 июля 1904; указ. ф., № 129).

---

[1] В 1906–07 имя Рериха встречалось почти в каждом номере московского журнала *ЗР* (ред.-изд. Н.П. Рябушинский), во мн. номерах публ. его "Записные листки художника" ("Безобразие", "Восстановления", "Итальянская легенда", "Марес и Бёклин", "На японской выставке", "Спас Нередицкий", "Странный музей" и др.), иногда появлялись репродукции. Вся худ. часть № 4 за 1907 была посвящена ему (статья С.К. Маковского).

64. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Париж. [22 ноября 1907]*

Четверг. 6 часов вечера

Милый и дорогой Мисик.

Сейчас было открытие[1]. Хорошо обошлось. Много народу. Отзывы прямо восторженные. Голубевы[2] взяли этюд (400 фр.)[3]. Княгиня[4] — ангелов (450 фр.)[5]. Архитектор Алёшин[6] — Руслана (180 фр.)[7]. В Субботу будет Министр. Завтра начнётся пресса!

Спешу послать. Из [...][8] посольства никого не было. Верно, Принцесса надула. Поклон от Ривьера[9], Жакена[10].

Целую крепко

Майчик.

Завтра — у доктора. Ривьер — князю[11] поклон. Страшно устал — [с] 1 часа до 6 ч[асов] на ногах.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 354.

---

[1] Открытие *Выставки Нового Русского искусства* в Париже, устроенной кн. М.К. Тенишевой. Участвовали Н.К. Рерих, И.Я. Билибин, архитекторы А.В. Щусев, В.А. Покровский и скульптор К.К. Рауш фон Траубенберг. Также было представлено немало изделий талашкинских мастерских кн. М.К. Тенишевой. На этой выставке любители приобрели у Рериха 10 картин. См.: *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 243–247. Отклик Н.С. Гумилёва на это событие приводится в приложении к письму (см. ниже).

[2] Семья *Виктора Викторовича Голубева* (1878—1945), «историка искусства и археолога, талантливого исследователя древностей» (*Полевая М.И.*, 1997. С. 181). Известен также как востоковед и коллекционер, участник Русского кружка художников (иначе — Русского артистического кружка) в Париже. Ему посвящён очерк Рериха "Индийский путь" (1913) (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 258–261). Известны др. упом.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 115. Т. III. С. 333. О *Голубеве и Голубевых* см.: *Шапошникова Л.В.*, 1987. С. 9; *Рожнов В.*, 1993; *Полевая М.И.*, 1994а, 1994б.

[3] По спискам произведений Рериха, это один из финляндских этюдов — *"Иванов огонь"* (1907). Местонахождение неизвестно.

[4] *Тенишева Мария Клавдиевна, княгиня* (1867—1928) — общественный деятель, коллек-

ционер, меценат, художник-эмальер, иссл. русского народного искусства. Почётная гражданка Смоленска. Почётный член Римского археол. общества. Действительный член Общества изящных искусств, член Союза декоративно-прикладного искусства во Франции. Основала худ. студию в СПб. (1894), Рисовальную школу (1896) и Музей русской старины (1898) в Смоленске, худ.-промышленные мастерские в Талашкино (1893), ставшем центром русской худ. жизни 1890–1910-х; целый ряд др. учреждений и установлений. С 1916 — в Париже. Рерих сотрудничал с Т. до самой её смерти, поддерживал её творческие и исследовательские поиски. Неоднократно упом. в "Листах дневника" Рериха и др. источниках, связанных с его жизнью и деятельностью; Т. Рерих посвятил несколько статей, очерков, "писем в редакцию" и интервью. См.: *Талашкино*, 1905; *Рерих Н.К.*, 1914. С. 100, 106 и др.; *Тенишева М.К.*, 1930. С. 8–13; *Рерих Н.К.*, 1974. С. 77, 100 и мн. др.; *Рерих Н.К.*, 1986; *Тенишева М.К.*, 1993; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 434, 435. Т. II. С. 76, 96 и мн. др. Т. III. С. 11, 19 и мн. др.; *Осокин В.Н., Рыбченков Б.Ф., Чаплин А.П., Фёдоров В.В.*, 1967. С. 25–39; *Журавлёва Л.С.*, 1969; *Полякова Е.И.*, 1973. С. 89–93; *Пруслина К.Н.*, 1974. С. 75–82; *Журавлёва Л.С.* Рерих и Смоленщина. Буклет. Смоленск, 1974; *Журавлёва Л.С.*, 1978, 1990; *Данилевич Н.*, 1992; *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 5, 7 и др.; *Александрова Л.* Княгиня. // *ВП.* 13 декабря 1994; *Журавлёва Л.С.*, 1995; *Фосдик З.Г.*, 1998. С. 547; *ПРС.* № 1. С. 18 и др. По данным 1916, Т. принадлежали след. живописные и графические произведения Рериха: *"Идолы"* (1901), 9 пастелей эскизов к *"Сибирскому фризу"* (1903), *"Архангел"* — эскиз для картины *"Сокровище ангелов"* (1904), два этюда *"Сосны"* (1905), *"Изба смерти"* (1905), *"Озеро"* (1905), картон для эмали *"Заморские гости"* (1906), *"Ангелы у престола"* (1906), *"Озеро"* (1906), эскиз декорации к "Снегурочке" *"Слобода"* (1908), эскизы к "Князю Игорю" *"Двор Владимира Галицкого"* и *"Владимир Галицкий"* (1909), *"Пленница"* (1909), эскиз фриза для дома Бажанова *"Вольга"* (1909), картон для мозаики над входом в церк. в Талашкино *"Спас"* (1909), эскиз для той же церк. *"Царица Небесная над рекой жизни"* (1910), *"Книга голубиная"* (1911), *"Городище"* (1911), *"Садко"* (1911), *"Пречистый град врагам озлобление"* (1912), эскизы декораций для II и III актов к опере "Тристан и Изольда" (1912), эскизы декораций к "Снегурочке" *"Слобода Берендея"* и *"Ярилина долина"* (1912), *"Слушай веления Бога"* (1912).

[5] Имеется в виду картина *"Ангелы у престола"* (1906). Местонахождение неизвестно.

[6] *Алёшин Павел Федотович* — архитектор. Упом. Рерихом: «С Алёшиным делались богатырские фризы у Бажанова...» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 110). Эта работа относилась к 1910. Дом Ф. Бажанова находится на ул. Марата, № 72 (ныне филиал Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина). После революции работал главным архитектором Киева. О творческих контактах Рериха и А. см.: *Настенко Л.* Невідомі листи М. Реріха. // *Прапор комунізму.* Київ. 13 жовтня 1986. № 240 (2636). С. 4. *Пам'ятники України.* Київ, 1987. № 2. С. 48.

[7] По спискам произведений Рериха, Алёшину принадлежала ил. к поэме А.С. Пушкина "Руслан и Людмила" — акварель *"Голова"* (1906).

[8] Край письма оборван.

[9] *Ривьер (Ривье) де Прекур* — фр. антрополог и археол.; по оценке Рериха, один из лучших знатоков каменного века. В архиве Рериха сохранился л. с адресами, среди к-рых написан его адрес (см. ниже в примеч. к письму № 80). Несколько раз в своих текстах Рерих опирается на его авторитет, например, в статье "Радость искусству" (1908): «Достоинство отделки русского неолита очень высоко. Особенно радует, что можно спокойно сказать: эта оценка не есть "домашнее" восхищение. На последнем доисторическом конгрессе 1905 г. в Перигё (департамент Дордонь) лучшие знатоки французы: Мортилье, Ривьер де Прекур, Картальяк и Капитан приветствовали образцы русского

неолита восторженными отзывами, поставив [их] наряду с лучшими классическими поделками Египта» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 148–149). Эти же слова Рерих повторил в книге "Адамант" (1923). Порой Рерих не соглашался с некоторыми оценками и теориями, устоявшимися среди французских учёных: «Помню, как мне приходилось показывать предметы, несомненно неолитические, и даже такие крупные величины, как Мортилье, Капитан и Ривьер де Прекур, были склонны относить их ко временам гораздо более древним. Так, между прочим, происходило и на Доисторическом Съезде в Перигё. Ещё недавно приходилось читать о приблизительности Солютрейского типа, накопления которого оказывались в совершенно неожиданных местностях. Можно придумывать множество теорий, и всё же они останутся предположениями» ("Каменный век". Пекин. 22 января 1935. // *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 155). См. также: *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 109.

[10] *Жакен* (ум. 1932) — фр. художник. В Париже помогал кн. М.К. Тенишевой обогатить цветовую палитру эмали. Она писала о нём: «...Неустанный искатель, с тревожным умом, который всегда производил какие-то опыты, исследования. Чего-чего только он в своей жизни не переделал... Когда он занимался живописью, то, несмотря на достигнутые результаты, не мог удовлетвориться масляными красками и добивался старинного писания воском, искал особых матовых красок, потом занимался гравюрой, тоже стараясь восстановить старинный способ гравировки по дереву в красках, потом долго увлекался керамикой, добиваясь способа делать по самым огнеупорным глинам цветную поливу, что обыкновенно очень трудно удаётся. Это был очень симпатичный, милый человек, с живым умом, никогда не перестающий чем-либо увлекаться» (*Тенишева М.К.*, 1991. С. 241). Упом. в переписке Рериха с Тенишевой (см.: *Журавлёва Л.С.*, 1989. С. 147).

[11] Имеется в виду *князь П.А. Путятин.*

Н.С. Гумилёв[1]. Выставка нового русского искусства в Париже

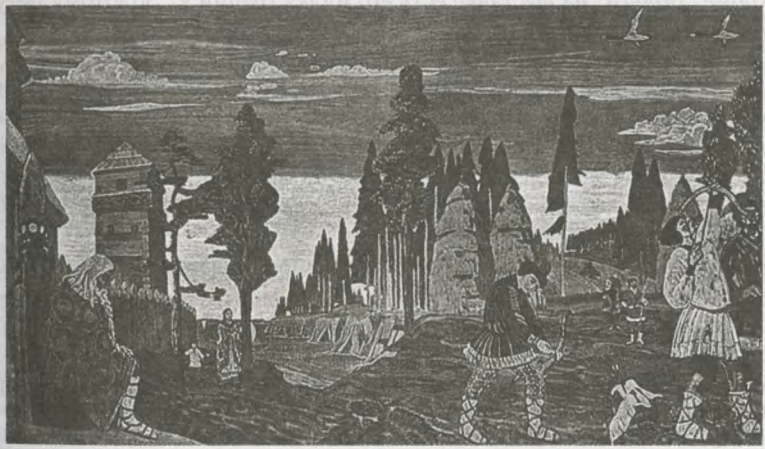
Письмо из Парижа[2]. **[Приложение к № 64]**

5 декабря н. ст. состоялась l'inauguration выставки нового русского искусства в Париже. Нужды нет, что в ней участвуют всего пять артистов и что помещение на rue Caumartin очень мало, — оригинальность замысла, дополненная большим художественным вкусом, искупает всё. Устроители хотели здесь представить ту часть русского искусства, которая занимается воскрешением старинного стиля и, что ещё интереснее, — старинной жизни. Поэтому здесь старательно изгнан элемент антикварности или подражательности, и художники ещё раз хорошо доказали мысль, что тот, кто действительно поймёт и полюбит русскую старину, найдет её только в своём воображении.

Королём выставки является, бесспорно, Рёрих (выставивший 89 вещей). Мне любопытно отметить здесь его духовное родство с крупным новатором современной французской живописи, Полем Гогеном[3]. Оба они полюбили мир первобытных людей с его несложными, но могучими красками, линиями, удивляющими почти грубой простотой, и сюжетами дикими и величественными, и, подобно тому, как Гоген открыл тропики, Рёрих открыл нам истинный север, такой родной и такой пугающий.

Из больших картин Рёриха наиболее интересна изображающая "Народ

Н.К. Рерих. Поморяне. Вечер. 1907. Частное собрание, США



Н.К. Рерих. Поморяне. Утро. 1906. Собрание ГХМ

курганов"[4], где на фоне северного закатного неба и чернеющих елей застывши сидят некрасивые коренастые люди в звериных шкурах; широкие носы, торчащие скулы — очевидно, финны, Белоглазая Чудь. Эта картина параллельна другой[5], бывшей в Salon d'Automne. Там тоже северный пейзаж, но уже восход солнца, и вместо финнов — славяне. Великая сказка истории, смена двух рас, рассказана Рёрихом так же просто и задумчиво, как она совершилась, давно-давно, среди жалобно шелестящих болотных трав.

"Песня о викинге"[6] — вещь изысканная по благородству красок, серых, синей и бледно-оранжевой: от сбегающего вечера ещё суровее старые стены дедовского дома; белокурая грустная девушка поёт о ком-то далеком, а пред нею, среди сверкающего облака в яростной схватке сшиблись две призрачные ладьи.

"Сокровище Ангелов"[7] — камень с изображением дракона на одной стороне и распятого человека на другой. Это вековое сопоставление добра и зла, и его ревниво охраняют толпы ангелов, прелестных ангелов XIII века монастырской России.

Интересна была мысль поставить рядом Рёриха и Билибина[8], одного — как представителя скандинавских и отчасти византийских течений в русском искусстве, другого — как поборника течений восточных. Билибину удалось создать ряд вещей чарующих и нежных, des petites merveilles, как сказал один известный француз, говоря о его картинах. Наверно, такие же грёзы смущали сон Афанасия Никитина[9], Божьего человека, когда, опираясь на посох, он шёл по бесконечным степям к далекому и чудесному царству Индийскому. Былина о Вольге, это самое величественное произведение русского духа, нашла в Билибине чуткого ценителя и иллюстратора, передавшего всю её своеобразную красоту. Кроме "Вольги" на выставке есть его иллюстрации к "Золотому петушку", "Царю Салтану" и вещи, рисованные для "Золотого Руна"[10].

Княгиня Тенишева выставила свои эмали и керамику и, кроме того, работы крестьянок Смоленской губернии, сделанные под её наблюдением. Она и проповедуемое ею крестьянское искусство имеют большой успех в Париже, так что многие вещи уже проданы, некоторые даже французскому правительству.

Два остальные экспонента — архитектор Щусев[11] и скульптор барон Рауш фон Траубенберг[12] выставили очень мало, но оба, особенно последний, обнаруживают вкус и любовное изучение старины.

Выставка, несмотря на свою миниатюрность, производит вполне законченное впечатление.

Весы. М. Ноябрь 1907. № 11. С. 87–88. Текст выверен по публ.: *Гумилёв Н.С.*, 1991. С. 284–285.

---

[1] *Гумилёв Николай Степанович* (1886—1921) — поэт. В 1910-е один из ведущих представителей акмеизма. Для стихов характерны апология "сильного человека" — воина и поэта, декоративность, изысканность поэтического языка (сб. "Романтические цветы", 1908, "Костёр", 1918, "Огненный столп", 1921). Автор многочисленных переводов. Расстрелян как участник контрреволюционного заговора; в 1991 дело в отношении Г. прекращено за отсутствием состава преступления (*БЭС*. 1998. С. 320). Г. принадлежал эскиз к картине Рериха *"Строят ладьи"* (1903). Интересны упом. имени Г. в текстах Рериха. Например: «Не забуду, как приходил вечерами Гумилёв. Как горел он о благе, о совершенствовании. Задумывал поэму о граде Китеже. Толковали о постановке её. Может быть, он уже начинал её, но собраны ли все его писания?». См. также: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 190, 191, 357.

[2] 19 декабря 1907 (1 января 1908) из Парижа Гумилёв писал В.Я. Брюсову: «Сейчас получил Ваше письмо и спешу поблагодарить Вас за Ваше внимание ко мне. Меня крайне обрадовало, что моя заметка о выставках принята Вами для "Весов". Ведь это моя первая напечатанная проза...» (*Брюсов В.Я.*, 1994. С. 459).

[3] *Гоген (Gauguin) Поль* (1848—1903) — фр. живописец. Один из главных представителей постимпрессионизма, близкий к символизму и стилю модерн, использовал синтетические обобщения и упрощение цвета и линий. В декоративных, эмоционально насыщенных по цвету, статичных по композиции плоскостных полотнах, главным образом, на темы быта и легенд народов Океании, создал поэтический мир гармонии человека и природы ("А, ты ревнуешь?", 1892, "Брод", 1901). (*БЭС*. 1998. С. 289). Интересны высказывания Рериха о Гогене: *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 11, 245; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 80, 140 и мн. др. Т. III. С. 624.

[4] Имеется в виду картина *"Поморяне. Вечер"* (1907), х., м., 160×285,5. Университет Брандайс, США.

[5] *Поморяне. Утро*. 1906. Х., т., 165×285,5. ГХМ.

[6] *Песнь о Викинге*. 1907. Х., т., 41,8×80. Частное собрание, США.

[7] *Сокровище ангелов*. 1905. Х., м., 315×366. Собрание Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской, Россия. Об этом произведении см.: *Короткина Л.В.*, 1998б.

[8] *Билибин Иван Яковлевич* (1876—1942) — график и театральный художник, фотограф. Член "Мира искусства" и "Союза русских художников". Выполнил ил. к русским сказкам и былинам в декоративно-графической орнаментальной манере, основанной на стилизации мотивов русского народного и средневекового искусства; мотивы его пейзажей чисто русские: то грустные, стилизованные пейзажи далёкого севера, стены древних городов, деревянные церковки, то пёстрые причуды старинного орнамента. Большое значение для его худ. развития имели поездки в 1902–04 в Вологодскую, Олонецкую и Архангельскую губ., куда он был командирован Этнографическим отделом Музея Александра III для собирания этнографических материалов и фотографирования памятников древнерусской деревянной архитектуры. В Рисовальной школе ИОПХ вёл класс графики. Неоднократно упом. в "Листах дневника" и др. источниках по жизни и деятельности Рериха: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 55. Т. II. С. 187, 211. Т. III. С. 43, 212 и мн. др.; *Билибин И.Я.*, 1998. Письма Б. Рериху хранятся в ОР ГТГ, ф. 44, № 615–624.

[9] *Никитин Афанасий* (?—1474/1475) — русский путешественник, тверской купец. Совершил путешествие в Персию и Индию (1468–1474). На обратном пути посетил африканский берег (Сомали), Маскат, Турцию. Путевые записки Никитина "Хождение за три моря" — ценный литературно-исторический памятник. Отмечен многосторонностью наблюдений, а также необычной для средних веков веротерпимостью в сочетании с преданностью христианской вере и родной земле. (*БЭС*. 1998. С. 806). Интересны высказывания Рериха о Никитине: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 70, 502. Т. II. С. 243. Т. III. С. 199, 217, 334, 550.

[10] Об этих работах см.: *Каталог произведений И.Я. Билибина. // Билибин И.Я.*, 1970. С. 297, 299–301.

[11] *Щусев Алексей Викторович* (1873—1949) — архитектор, градостроитель, рисовальщик, офортист, декоратор, реставратор, теоретик и историк архитектуры, педагог; по выражению Рериха, «один из самых замечательных архитектурных творцов». Обращался к традициям русского средневекового зодчества, к классическому наследию. Окончил ИАХ в 1897 в мастерской Л.Н. Бенуа. В 1897 участвовал в археол. экспедиции в Самарканд. Исполнил архитектурные обмеры гробниц Тамерлана Гур-Эмир и соборной мечети Биби-Ханум. В 1898–1910-х выполнил ряд проектов и построек частных домов в Кишинёве (его родина) и СПб., а также нескольких церк. и часовен; провел реставрацию храма Василия в Овруче (XII в.). В 1905 сделал доклад "Мысли о свободе творчества в религиозной архитектуре". В Рисовальной школе ИОПХ вёл класс композиций (1906–08). Член Комиссии Музея Допетровского искусства и быта (с 1909).

С 1910 — академик архитектуры ИАХ. В 1911 исполнил проект самой значительной своей постройки до 1917 — Казанского вокзала в Москве (строительство в 1913–26, 1941). Член "Мира искусства". Рерих и Щ. были среди учредителей ОВХР (апрель 1915). Председатель Всероссийского союза зодчих (с 1917). В советский период его творчество чрезвычайно обширно, масштабно и разнообразно. Исполнил последовательно два деревянных и последний — в камне мавзолея В.И. Ленина на Красной площади в М. (1924–26). Директор ГТГ в 1926–29. Председатель Московского архитектурного общества (1922–29), основатель Музея русской архитектуры (ныне — Научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева). Академик АН СССР (1943). В 1945–49 был зав. сектором архитектуры Института истории искусств АН СССР. Автор нескольких архитектурных проектов, в к-рых Рерих участвовал в качестве художника: Казанский вокзал (1911–16), Троицкий собор в Почаевской лавре (1912), памятник на могиле А.И. Куинджи (1913–15), часовня в Пскове (1913) и др. В связи с этим см. письма Щусева Рериху: ОР ГТГ, ф. 44, № 1518–1539. Неоднократно упом. в "Листах дневника" Рериха и др. источниках, связанных с его жизнью и деятельностью: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 55. Т. II. С. 110, 111 и мн. др.; *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 418; *Соколова-Покровская З.К.*, 1960; *Короткина Л.В.*, 1989; *Короткина Л.В.*, 1998а. По данным 1916, Щ. принадлежал вариант эскиза мозаики над воротами в Почаевской лавре *"Князья святые"* (1910).

[12] *Рауш фон Траубенберг Константин Константинович, барон* (1871—1935) — скульптор, экспонент VI выставки "Союза русских художников" (1908). Был привлечён к работе на Императорском фарфоровом заводе (1909–15). Автор портретных статуэток и декоративной скульптуры малых форм. Интересные высказывания о нём см.: *Бенуа А.Н.*, 1993. Т. II. С. 334–335, 379, 450–451.

65. Н.К. Рерих. Письмо в редакцию газеты "Новое время". *20 марта 1908*

Милостивые Господа. Не откажите дать место нижеследующему разъяснению о музее княгини М.К. Тенишевой, затронутом господином Н. Энгельгардтом[1] в статье "Расхищение народных святынь" ("Новое Время", № 11502). Сейчас я не буду касаться вопроса о продаже церковных предметов, — церковь, конечно, должна хранить то, что стало её достоянием, но мне, знакомому с делом, хочется выяснить, почему княгиня М.К. Тенишева являлась покупательницей этих предметов.

Княгиня М.К. Тенишева дарила весь свой замечательный музей городу Смоленску, для чего уже выстроила особое здание, стоившее несколько десятков тысяч рублей. Ближайшею задачею княгини являлось спасти и сохранить всё относящееся к смоленским древностям. Естественно, узнавая о том, что церковные предметы могут попадать к торговцам на сплав, княгиня стремилась спасти эти вещи и поместить их в прочно обставленное хранилище.

Вместо помощи и признательности смоляне с господином Жиркевичем[2] во главе внесли имя княгини в статьи о расхищении церковных предметов. Смоляне отказывались защищать музей во время неспокойных дней. Смоляне спокойно заслушали предложение Жиркевича не принимать этого дара княгини. И наконец, когда княгиня предложила получить обратно церковные предметы, то

получила неожиданный ответ приблизительно того смысла, что не желает ли она ещё приобрести что-либо...

Незадолго до нападок на покупку княгини господин Жиркевич письменно предлагал ей приобрести от него тоже церковные предметы (не знаю, из какой церкви). Словом, всё это дело обставилось такими специфическими подробностями, что приходилось только изумляться, куда может довести почтенное стремление спасти от гибели древние предметы. Если ещё вспомнить, что Смоленск отказал отвести под музей одну из своих полуразрушенных башен, несмотря на предложение княгини сохранить историческую внешность башни, то выяснится та обстановка, та голгофа искусства[3], на которой самоотверженно приходится появляться русскому культурному собирателю.

Н. Энгельгардт всегда заботится о сохранении смоленской старины. Почему же он в статье о разрушении народных святынь не осветил должным порядком собирательские труды княгини М.К. Тенишевой? Стыдно сознаться: только за границей, после выставки в Лувре, по достоинству оценили музей княгини. Мне известно, сколько городов желают получить такой дар; неужели Россия примет все меры, чтобы его лишиться?[4]

НВ. 20 марта 1908. № 11503. Публ. по вырезке, хранящейся в деле ИАК "Смоленская крепостная стена": ф. 1, № 18[А]/1888, т. II, л. 79.

---

[1] *Энгельгардт Николай Александрович* (род. 1866) — писатель. Сын Александра Николаевича Э. Тесть Н.С. Гумилёва. Учился в Лесном институте, откуда вышел до окончания курса. Принимал участие в *СПб.В*, затем в "Вестнике Иностранной Литературы" и "Неделе"; впоследствии деятельный сотрудник *НВ*. Член совета "Русского Собрания". Отд. изд.: "Сказки" (1890), "Стихотворения" (1890), "История русской литературы" (1902–03).

[2] *Жиркевич Александр Владимирович* (1853/57—1927) — военный следователь. Лестью и услугами старался заводить престижные знакомства. Переписывался со мн. известными людьми: А.П. Чеховым, М.В. Нестеровым, Е.И. Репиным, кн. М.К. Тенишевой. Почётный член Смоленской учёной архивной комиссии. Постоянно с кем-нибудь судился (в советское время с поэтом Янкой Купалой). Подал заявление в Виленский окружной суд на Тенишеву с обвинением в клевете. 27 июля 1909 Рерих выступил на судебном заседании в качестве свидетеля.

[3] *"Голгофа искусства"* — так Рерих назвал отд. очерк, посв. культурной деятельности Тенишевой (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 100–102).

[4] Все факты и события, затронутые в этом письме, в том числе клеветнические выпады Н.А. Энгельгардта и А.В. Жиркевича, развёрнуто проанализировала Л.С. Журавлёва в своей монографии (*Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 250–258). Сам Рерих ещё раз вернулся к этой истории спустя двадцать с лишним лет — в очерке "Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой" (*Рерих Н.К.*, 1992а. С. 156). Следует отметить, что в том же деле ИАК хранились и др. вырезки, касающиеся полемики вокруг смоленских церк. аукционов (л. 76, 78, 80–82). Это анонимные заметки "О музее княгини Тенишевой" и "Нам пишут из Смоленска", корреспонденция кн. Е.К. Святополк-Четвертинской "Смоленский музей" (*Русь*. 12 ноября 1907. Приложение к № 303), статья Н.А. Энгельгардта "Расхищение народных святынь" и письмо кн. М.К. Тенишевой из Парижа 25 марта 1908 (*НВ*. 1908. № 11514). См. эти и др. материалы в наст. изд., разд. III, № XXXIII (1–7).

Фрагмент карты Новгородской губернии. 1 — озеро Шере́годро и с. Кончанское; 2 — озеро Люто; 3 — ст. Окуловка; 4 — озеро Боровно и им. Горы; 5 — озеро Пирос; 6 — д. Мшенцы; 7 — ст. Бологое; 8 — озеро Кафтино; 9 — ст. Мста и с. Млёво; 10 — озеро Шлино; 11 — ст. Академическая и д. Берёзка; 12 — озеро Мстино и Академическая дача

66. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих

Талашкино[1]. Смоленская губ. [Начало июня 1908]

Милый, славный трогательный Мисик. Утро. $7^1/_2$ часов. Уже встаю. Солнце. За ночь передумал разные вещи и с Мисем не мог поделиться! Ведь это крупнейшее дело в искусстве такое единение таких единиц. И, наконец, мне без всякого к ним служебного отношения можно будет послужить искусству и широко двигать его. Хорошо намечается. Здесь я на каком-то особом положении. С меня подают. Княгиня рассказала мне историю аукциона и разных её дел. [...] Прямо просила достать хоть небольшое собрание каменного века — у ней ничего нет и даже за деньги нельзя достать. Хотела бы сделать первобытную комнату, но именно этот отдел самый немногочисленный. Как-то Ты там живёшь? Повезёт в Смоленск показывать здание Музея[2]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 397.

---

[1] О **Талашкино** см.: *Родник*, 1903; *Талашкино*, 1905; *Белогорцев И.*, 1950; *Репин И.Е.*, 1952; *Врубель М.А.*, 1963; *Всеобщая история искусств*. Т. VI. М.: Искусство, 1966; *Осокин В.Н., Рыбченков Б.Ф., Чаплин А.П., Фёдоров В.В.*, 1967. С. 26–39; *История русского искусства*. Т. X, кн. 2. М.: Наука, 1969; *Русская художественная культура конца XIX — начала XX века (1895–1907)*. Кн. 2. М.: Наука, 1969; *Журавлёва Л.С.*, 1969, 1971, 1974, 1978, 1989, 1994, 1995; *Стернин Г.Ю.*, 1970; *Серов В.А.*, 1971; *Талашкино*, 1973; *Пруслина К.Н.*, 1974. С. 75–82 и вышеотмеченные публ. (Н.К. Рериха, В.П. Нечаева, Л.С. Журавлёвой и др.).

[2] О музее "Русская старина" см.: *Историко-этнографический музей княгини М.К. Тенишевой в Смоленске*. Каталог. Смоленск, 1909. (Приложение 1911 г.); *Серебренников А.П.*, 1926; *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 222–249.

67. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Neuenahr. Германия. [15 июля] 1908*

[...] В Бонне познакомился с Лешке[1] и Якоби[2]. Смотрели музей. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 409.

---

[1] *Лешке Г.* — археол., историк, проф., один из «шести самых известных немецких учёных» кон. XIX — нач. XX в. (*СР.* 1997. С. 58). Рерих использовал его труды в своих публ., например, впервые на русском языке опубликовал результаты Лешке по могильнику около Нейгаузена (*Рерих Н.К.*, 1900. С. 110).

[2] Лицо не установлено. Возможно, *Г.Х. Якоби (G.H. Jacobi)* — немецкий геолог, минералог и историк науки.

68. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Neuenahr. [16 июля] 1908*

Милый, родной Мисик. Сейчас за столом получил Твою открытку. Когда в Кёльне было крушение, при Тебе или раньше. Как-то дальше поедешь?

Юрий Рерих в имении князя П.А. Путятина в Бологом. 1908 (?). Фото из МСССМ

[...] Вчера в Бонне чуть не купил каменное орудие за $2^1/_2$ марки, но решил, что лучше этот рубль для Ключина[1] пригодится. [...] Скажи князю[2], что прирейнский каменный век не очень интересен — очень много позднейшего полированного.

Там ли Стёпа[3]? Могу прислать ему несколько "драгоценных" открыток.

Целую крепко, крепко Тебя.

Н.

Адрес барона Рауша: Юго-Восточная железная дорога. Станция Евдаково. Имение Высокое.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 353. Письмо адресовано в Бологое.

---

[1] *Ключино* — одно из мест археол. находок и разведок семьи Рерихов на Валдае, в бассейне р. Мсты. Упом. несколько раз в письмах, помещённых ниже (№ 78, 153). С Ключиным были связаны добрые воспоминания: «...Время завтрака; хотим остановиться; но скачут какие-то всадники и зовут ехать дальше. Там приготовлен дастархан от киргизских старшин. На узорчатых ярких кошмах очень картинно разложены горки дынь, арбузов, груш, яиц, жареных кур и посреди — запечённая половина барана. Круглые с дырками и ямочками жёлтые лепешки точно сорвались с картины Питера Эртцена. Это напомнило милое Ключино, Новгород, раскопки каменного века и радушного Ефима. И здесь те же кафтаны и бороды, и пояса цветные, и шапочки, отороченные мехом волка или речным бобром. И трудно себя уверить, что эти люди не говорят по-русски»; «Опять сидим в маленькой глинобитке. В комнатке хлопочут касатки — под балкой их гнездо. И опять вспоминаем Подольскую или Казанскую губернию. Вспоминаем Ефима из Ключина» (*Рерих Н.К.*, 1992в. С. 130, 261).

[2] Имеется в виду *князь П.А. Путятин.*

[3] *Митусов Степан Степанович* (1878—1942) — музыкант, музыковед, поэт, художник, педагог. Двоюродный брат Е.И. Рерих. См. о нём: *ПРС.* № 1. С. 361, 410. Ему принадлежали десятки произведений Рериха, среди них — эскиз *"Древняя жизнь"* (1904), *"Камни"* (1907), *"Могила великана"* (1908), *"Жальник"* (1909). Неоднократно упом. в опубликованных и неопубликованных текстах всех членов семьи Рерихов.

69. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Neuenahr. [26 июля] 1908*

Сейчас получил Твоё письмо. Ладушка, милая, не ругай меня напрасно. У меня щеки пятнами пошли, когда читал начало Твоего письма. Ведь не виноват

же я, что почта русская известна своею бессовестностью. Правда, ведь я не виноват. Вот один раз и Твои 2 письма через 3 часа пришли. [...]

Устрой, чтобы Миша[1] отдал камни в музей, а то ведь и я не соглашусь на другие комбинации, ведь не только он, но и я отдаю. Здесь их выставят, а в другом месте куда-нибудь запрячут.

Хотелось бы поскорей удрать отсюда, а пока издалека целую мою миленькую "сердитую" Ладушку.

Поцелуй Стёпу и князя — если они Тебе полезны и приятны.

В сущности, без них кто же ещё останется в Бологом? Кто из ребят больше меня вспоминает? [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 240. Письмо адресовано в Бологое.

---

[1] *Путятин Михаил Павлович, князь* (1870—после 1919) — сын кн. П.А. Путятина, археолог-любитель. Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус. Он и его брат Павел «женились на дочерях одесского градоначальника генерала Павла Зелёного — Екатерине и Ольге. После женитьбы они жили своими семьями в бывшей усадьбе князя Д.А. Эристова в Бологое-2 (Высокое)» (*Иванов М.А.*, 1992. С. 42). Проводил вместе с Рерихом в 1904–05 разведки и раскопки в районе озера Пирос (см.: *Рерих Н.К.*, 1905). В 1905 привёз (совместно с отцом кн. П.А. Путятиным) коллекцию находок Рериха на Доисторический конгресс в Перигё в департаменте Дордонь на юго-западе Франции. См.: *L'Homme Préhistorique*. Paris. 1905. № 11. С. 351; *Мельников В.Л.*, 1998г. № 2. С. 45.

70. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Neuenahr. [26 июля] 1908*

[...] Посылаю письмо княгини. Отвечу ей, что если бы Военно-Исторический Музей дал бы мне большой заказ, то я бросил бы общество. Понимаешь?

Отдаст Мишка камни-то? [...]

Сахар[1] говорит: "Когда соберёте коллекцию каменного века, сделайте предложение нашему правительству купить, а когда вам официально и письменно откажут, то продайте в Америку. Ведь интересно собирать, а не держать в ящиках?".

Я думаю, Ладушка, мы ещё хорошо поживём! [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 222.

---

[1] *Сахар* — лицо не установлено. Ему принадлежали произведения Рериха — этюд *"Углич. Церковь царевича Дмитрия"* (1904) и рисунок *"Рыбак"* (1905).

71. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Neuenahr. [30 июля] 1908*

[...] Как съездили в лес? Удивляюсь, что нет писем от Ефима[1] — ведь там вода в зависимости только от шлюзов. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 221.

[1] *Ефим* — крестьянин д. Ключино на Валдае, у к-рого любили бывать Рерихи. Несколько раз упом. в текстах Рериха. Приведём некоторые упоминания.

«Однажды, в поисках каменного века, посреди бурного Новугородского озера, потекла лодка. Вода быстро прибывала. Пробовали заткнуть течь — не помогло! А ветер крепчал. Гребцы сумрачно переговаривались. Один грёб изо всех сил, другой вместе с нами двумя откачивал воду.

— Не доедем.

— Говорил, нужно было взять у Кузьмы новую лодку.

— Не доехать. Сиверко захлёстывает.

— А плавать умеете?.

— Нет, не умеем.

— Ну тогда ещё хуже.

Моя милая Лада и тут проявила твердость и спокойствие.

— Всё-таки глупо тонуть, — только и сказала, а сама работала не хуже гребца. Вот у кого учиться мужеству. И почему это слово от мужа, когда пример часто придёт от женщины?

Вдали показалась синяя пологая коса. Гребец осмелел:

— Ин доедем.

Но другой продолжал настаивать:

— Куда тебе! Того гляди все полотнище высадит.

А через полчаса авральной работы стало ясно, что мы продвинулись к берегу:

— Бывать, и корабли ломать, а бывать, и не ломать.

— Не иначе, что преподобный Сергий вынес из западни. А была западня, вот уж западня! Ну теперь огонёк запалим, обсушимся.

Не прошло и часу, как мы причалили к илистой косе. Где тут обсушиваться, когда на песке блеснули вымытые волнами стрелки и скребки.

— Спину-то, Елена Ивановна, пожалейте. Не подённая работа, — улыбается Ефим, а сам легко ступает в лаптях по топкому илу. Славный Ефим» ("Западни", 1937).

«Как же не вспомнить Ефима, Якова, Михайлу, Петра и всех прочих раскопочных и путевых друзей» ("Народ", 1938).

«В наших встречах с народом много раз радовали чуткость к прекрасному, верный глаз к краскам, истинная любовь к художеству. Сколько друзей искусства мы встречали в деревне! Яков, Ефим, Андрей, Пётр — множество мудрых тружеников радовали своими разумными беседами» ("Радостно", 1943).

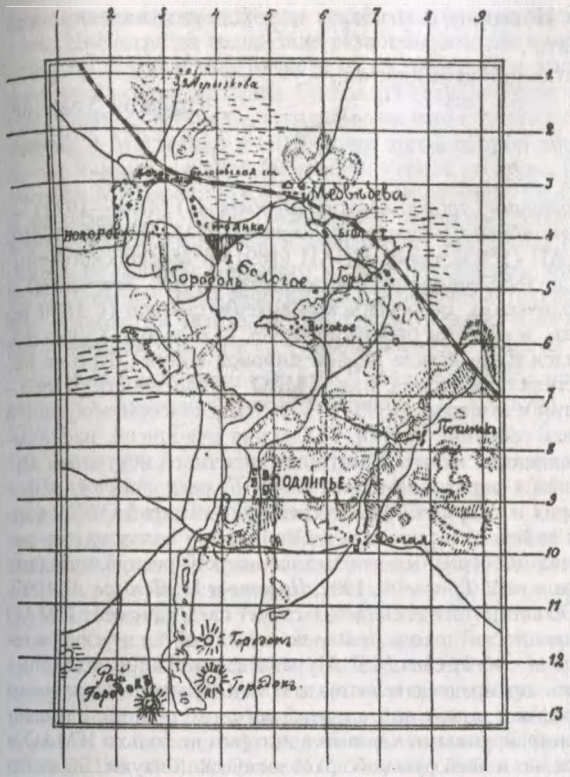
«Добром поминаем наши собрания. А когда каменный век искали в разливах новугородских озёр, Е.И. целый день не разгибала спины. Ефим усмехался: "Вот бы наши бабы знали бы так работать!"» ("Собрания", 1945).

См. также примеч. к письму № 68.

72. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Neuenahr. [31 июля] 1908*

Милая, родная моя Ладушка! Письмо Твоё принесли вечером, читал и перечитывал его. Значит, через неделю я выезжаю. [...]

Нельзя ли, чтобы князь до моего приезда достал мне разрешение покопать Рай-Городок[1]. Или у него уже есть разрешение? Думаю, что в Берлине не остановлюсь — скорей проеду к Ладушке. Очень хочется. Хочется с Тобою погулять, поездить! Это так хорошо. Перед такой хлопотливой зимой и



Бологое и окрестности. Карта составлена князем П.А. Путятиным. (*Спицын А.А.*, 1903б)

высидев месяц на месте, ведь нужно пошевелиться[2]. Правда? Поищем камушки? [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 224.

---

[1] *Рай-Городок* — пункт на южной оконечности озера Глубокого, соединённого искусственным проливом с Бологовским озером (см. воспроизведение карты "Бологое и окрестности").

[2] В архиве Рериха сохранился документ, свидетельствующий о том, что желание поездить по Валдаю было реализовано: «Удостоверение Пристава 3-го стана Валдайского уезда Новгородской губернии. Августа 19 дня 1908. № 1524. Село Рождество. Предъявитель сего Директор Рисовальной Школы Императорского Общества Поощрения Художеств Николай Константинович Рерих отправляется по делам службы и имеет право проезда по земским станциям за прогоны. В чём удостоверяется подписью и приложением Казённой печати. Пристав Е. Камерский» (ОР ГТГ, ф. 44, № 476). С. Рождество расположено на р. Граничной, притоке р. Шлины, в современном Вышневолоцком р-не Тверской обл.

73. Графиня П.С. Уварова[1] — М.В. Муравьёву[2]. *Москва. 29 мая 1909*

Милостивый Государь, Михаил Валерианович.

Очень грустно, что Вы, ничего ещё не сделав, уже затеваете между собою ссоры. Совершенно по-русски! Видимо, всё то же: «Земля наша широка и обильна, но порядка в ней нет». При таком положении дела далеко не уедешь!

Нельзя ли Вам подумать, как бы избавиться от всех этих дрязг, заинтересоваться единодушно делом[3], заставить так или иначе работать, а споры оставить [...]

Я собираюсь приехать в Новгород 1-го Июля пароходом и надеюсь, что погода позволит мне это сделать[4].

Пока очень кланяюсь и говорю до свидания.

Графиня Уварова.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 140, л. 77.

---

[1] *Уварова Прасковья Сергеевна, графиня* (урожд. княжна *Щербатова*) (1840—1924) — археол., организатор науки, коллекционер и меценат; председатель ИМАО (1885–1918). Почётный член ИРАО (1892) и АН (1895), проф. ИПАИ (1891) и Московского университета (1910). Организатор (до 1884 совместно с мужем графом А.С. Уваровым) и председатель оргкомитета периодических Всероссийских археол. съездов (с 1869 по 1911 в М., СПб., Новгороде и др. гг. России было проведено 15 съездов; XVI съезд, намечавшийся в 1914, не состоялся из-за начала первой мировой войны). При её непосредственном участии осуществлялись период. изд. ИМАО — "Древности" (1865–1916) и "Археологические известия и заметки" (1839–99). В её московском особняке в Леонтьевском переулке хранились собрание картин, коллекция рукописей, насчитывающая более трёх тысяч ед., коллекция монет, памятники античного искусства. Др. собрание, в пополнении и изучении к-рого принимала участие У., располагалось в фамильном им. Поречье под М. Рерих и графиня У. были среди учредителей ОВХР (апрель 1915). В годы гражданской войны эмигрировала в Сербию, где пользовалась денежной поддержкой Министерства иностранных дел Чехословацкой республики (так называемая «Русская акция»). См. о ней: *Фролов А.*, 1992; *Полунина Н., Фролов А.*, 1993. С. 152 (там же и краткая библ.). Об авторитете У. свидетельствует след. документ ИМАО — обращение к "научной общественности", рассылаемое во многие об-ва и установления в апреле 1910 (приводится по экз. из архива М.В. Муравьёва): «30 апреля текущего года исполняется двадцать пять лет председательства в ИМАО графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. Заслуги графини в деле археологии настолько обширны и важны, что будут отмечены, несомненно, крупными чертами в истории не только ИМАО и русских археологических Съездов, но и всей русской археологической науки. Было бы делом справедливости отметить предстоящий юбилей каким-либо знаком внимания со стороны всех интересующихся изучением старины и почтить выдающуюся общественно-научную деятельность графини соответственным приветствием» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 65).

[2] *Муравьёв Михаил Валерианович* (род. 1867) — археол., знаток русской генеалогии и новгородских древностей. Член-учредитель и председатель правления НОЛД. Член Новгородской губ. земской управы (с 1907), Новгородской губ. архивной комиссии (в 1910 и др. годы). Владелец им. Малые Теребóни в Новгородской губ. Фактический воссоздатель НОЛД в 1908; при нём состав об-ва насчитывал более 200 чел., из к-рых 19 закончили ИПАИ и имели хорошую археол. подготовку (см.: *Жервэ Н.Н.*, 1995. С. 96). Организатор сезонных археол. курсов и экскурсий в Новгороде, на к-рых читали лекции проф. ИПУ и ИПАИ Н.В. Покровский, С.М. Середонин, В.В. Майков, С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин, А.А. Спицын и др. Ч. лекций изд. отд. брошюрами, см., например, в наст. изд, разд. III, № LIII (4). Один из инициаторов проведения XV Всероссийского археол. съезда в Новгороде. Главный ред. "Сборника НОЛД" (до 1914), автор нескольких первоклассных научных и публицистических статей. Из последних отметим выступление в защиту исторической панорамы Новгорода, к-рое не могло пройти мимо внимания Рериха (*НВ.* № 14562. 19 сентября 1916). Инициатор соединения усилий НОЛД и Комиссии Музея Допетровского искусства и быта для

организации первых научных археол. раскопок на территории Новгородского кремля в 1910. Несмотря на возникшие разногласия и как следствие отказ Муравьёва активно помогать Рериху, Макаренко и их сотрудникам в этих работах, его вклад в организацию этих иссл. неоспорим. Благодаря сохранившимся в архивах Муравьёва и НОЛД уникальным сведениям, сегодня возможно с разных сторон оценить результаты иссл. Рериха и Макаренко в 1910, более того — даже зримо представить ход этих самых драматичных в научной биографии Рериха раскопок (см. ниже). Интересную характеристику Муравьёву дал в своих воспоминаниях Н.Г. Порфиридов: «Внешне скромный и малозаметный, принадлежавший к одной из ветвей знаменитой фамилии, давшей и Муравьёвых-декабристов, и Муравьёвых-вешателей, председатель общества М.В. Муравьёв не занимал большого места в губернском чиновничестве... Муравьёв не был настоящим научным работником и даже по-настоящему сведущим в области истории или археологии человеком. Но дело это любил и не без успеха много лет руководил историческим обществом» (*Порфиридов Н.Г.*, 1982. С. 243).

[3] Имеется в виду организация XV Всероссийского археол. съезда в Новгороде. См. об этом: XV Археологический Съезд. // *УР.* 4 января 1909; *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 162, 179.

[4] 16 июля 1909 Рерих писал кн. П.А. Путятину: «Возвращаемся из Новгорода» (*Рерих Н.К.*, 1998а. С. 161). Возможно, его поездка в июле 1909 в Новгород была приурочена к приезду туда гр. П.С. Уваровой, у к-рой он хотел получить поддержку в будущих новгородских иссл. Читаем у Рериха в очерке "Великий Новгород" (1909): «В 1911 году Великий Новгород будет праздничным. После долгих сомнений справедливо решено собрать в Новгороде археологический съезд. Во главе съезда опять будет отзывчивая гр. П.С. Уварова. Она умеет поднять людей, умеет и взять дело пошире. В ней есть то, чем "любитель" часто одолевает "специалистов". Ко времени съезда Новгороду придется показать многое из того, что скрыто сейчас. Моё предложение образовать музей допетровского искусства и открыть всероссийскую подписку на исследование Новгорода, древнейших городов русских было встречено очень многими сочувственно. Мне кажется, не откладывая, следует всеми силами начать собирать средства» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 198–199). Графиня П.С. Уварова одобрила иссл. Рериха в Новгороде в 1910, но материально их не поддержала (см. ниже).

74. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Смоленск. [15 июня] 1909*

[...] Княгиня[1] теперь здорова и выглядит хорошо и бодро. Приготовлены две раскопки курганов[2]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 191.

---

[1] Имеется в виду *кн. М.К. Тенишева.*

[2] Как указывает Л.С. Журавлёва, в каталоге Тенишевского музея значатся памятники из «могильников на Смоленщине близ Березников, Лопина, Талашкина, Дубровки [...] В 1908 году в Смоленске создается учёная архивная комиссия и Мария Клавдиевна избирается её почётным членом, а 5 июля 1909 года она присутствовала на заседании. Она соглашается финансировать раскопки на древнем месте Смоленска — Смядыни» (*Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 266). В 1909, 1910 и след. гг. Рерих проводил раскопки в Ковшарах, Гнёздово и др. пунктах под Смоленском (см. ниже).

75. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Смоленск. [16–17 июня] 1909*

Н.К. Рерих. Смоленск. Кремлёвские стены
1909. Рисунок для журнала "Огонёк"

Вторник

Милый и дорогой Мисик, знаешь ли, Твоё письмо от Пятницы должно сюда дойти лишь во Вторник к вечеру. Сегодня раз 5 принимался идти дождь, недалеко был град.

Но всё-таки листва здесь хорошая. Невольно несколько раз сегодня обращал на неё внимание.

Завтра едем за 6 вёрст раскопать курганы.

Сегодня были во Флёнове. Церковь[1] очень интересна по живописным плоскостям. Купол и абсида имеют удивительно сочные линии. И Мария Клавдиевна и Екатерина Константиновна[2] — обе имеют веселый вид. Чувствуется, что Талашкино опять живёт нормальною жизнью. Пиши, мой миленький Мисик, что у Тебя хорошего. Что ребятишки? Здесь есть маленькая белая ослица и пони.

Целую очень крепко.

Среда, утро

Опять дождливо. Не знаю, можно ли ехать на курганы. Вспоминаю о калошах. Ожидаю писем. Ещё раз крепко целую милого Мисика.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 194.

---

[1] *Церковь Святого Духа* в Талашкино, с мозаиками по картонам Рериха *"Спас"* и *"Дух святой и светила небесные"*, выполненными В.А. Фроловым (1910–14), и внутренней росписью, выполненной самим Рерихом: *"Царица Небесная над рекой жизни"* (главная абсида), *"Князья святые"*, *"Отроки святые"*, *"Трон Невидимого Бога"*, *"Николай Угодник"*, *"Земной свод"*, *"Святые"*, *"Ангелы"* (1911–14). См.: *Фролов А.*, 1970; *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 17–18.

[2] *Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна, княгиня* (ум. 1942) — подруга и сподвижница кн. М.К. Тенишевой. В статье "Памяти М.К. Тенишевой" (1929–31) Рерих посвятил ей такие строки: «Поистине, такие друзья и соратники, как княгиня Екатерина Константиновна Святополк-Четвертинская, редки. Она шла рука об руку с покойной княгиней, по всем горным тропинкам творческих восхождений. Она знала смысл жизни княгини и сама в неустанном жизненном творчестве неуклонно шла и идёт к культурному, духовному, к прекрасному. Только высококультурный дух может запечатлеть и охранить ценность своего близкого. И княгиня Екатерина Константиновна не только охраняет, но и неустанно творит, духовно обогащая всю окружающую её атмосферу. Истинная радость наблюдать, как она, полная житейского опыта, и обо-

дрит нуждающихся в ободрении, и пожурит падающих духом, и скажет справедливое слово, избегая пересудов и клеветы. И всюду она поспеет, и всюду вы можете положиться на её точность и верность, ибо в них её герб благородства. Охранить старое, творя новые возможности, — какая это незабываемая услуга Культуре со стороны княгини Святополк-Четвертинской» (*Рерих Н.К.*, 1992а. С. 161). Значительны и др. высказывания Рериха о княгине: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 433–434. Т. II. С. 217. Т. III. С. 284, 401. По данным 1916, ей принадлежала п. Рериха *"Кочевники"* (1904).

76. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Смоленск. [17 июня] 1909*

Милый мой Мисик.

Здесь какой-то поток от ливней. Сегодня начали раскопку курганов. Завтра придётся кончать. Очень жду присылки размеров [в] квадратных аршинах. Это нужно мне.

Хотя и дожди, но листва здесь пышная. Кудрявится, друг друга заслоняет, даже не рассмотришь в этой путанице листвы рисунка, но чувствуется что-то плотное.

Покои ещё не могут начать, так залило.

Сейчас вечер, Среда, а от Тебя ещё нет ни одного письма. Впрочем, сюда письма идут так далеко.

Завтра утром едем во Флёново. После завтрака — на раскопку к Оболенским[1]. Послезавтра — в Гнёздово копать.

Не знаю, успеют ли к будущей весне подготовить церковь холстами. Чтобы кончить в 4 года, необходимо начать в будущем году.

В Москве я думаю остановиться на Боярском Дворе. Как-то у Тебя всё? Целую крепко и очень жду писем.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 190.

---

[1] *Оболенские* — видимо, близкие родственники *князя Георгия Васильевича Оболенского* (1826—86) — смоленского губ. предводителя дворянства (1880), открывшего в 1884 дворянский пансион-приют в Смоленске и закончившего там же сооружение памятника М.И. Глинке. Из его родственников были знакомы с Рерихом: *кн. С.В. Оболенский* (1874—1936), *кн. А.В. Оболенский* (1877—1969) и *кн. О.А. Оболенская*, избранные вместе 19 декабря 1909 в Совет ОЗСРПИС. В 1910 в Совет этого об-ва был избран и Рерих. *Кн. Алексей Васильевич О.* (внучатый племянник князя Г.В.О.) имел самые непосредственные контакты с Рерихом как председатель Комиссии по реставрации Ферапонтова монастыря, образованной в 1911 указ. об-вом (Рерих был членом этой Комиссии, см. ниже, раздел III, № XLI (2), с примеч.). Др. представители этого княжеского рода, ведущего свое нач. от Рюрика, современники Рериха: *Иван Михайлович О.* (1854—1910) — с нач. 1900-х херсонский, затем харьковский губ., в 1904–06 генерал-губ. Финляндии; *Алексей Дмитриевич О.* (1855—1933) — с 1905 член Государственного совета, с октября 1905 обер-прокурор Св. синода; *Владимир Андреевич О.* (1869—1951) — писатель, автор книги "Очерки минувшего" (Белград, 1931); *А.А. Оболенская* — основатель первой женской частной гимназии в СПб. По свидетельству А.Н. Бенуа, Оболенские являются родственниками Тенишевых (*Бенуа А.Н.*, 1993. Т. II. С. 193).

77. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Талашкино. [20 июня] 1909*

Суббота, 9 утра

Милый Мисик.

Вчера, с $7^1/_2$ до $10^1/_2$ часов, весь день провели в Гнёздове. *Устал.* Нашли немного, но хорош один орнаментированный топор. Сегодня опять дождь. Думаю выехать из Смоленска в Четверг вечером, на Москву, *Боярский Двор.* Истрачу рублей 60–70. Сегодня надо посвятить день церкви, а завтра опять с 7 утра до 10 вечера в Гнёздове, на лошадях. Сниму план домика школы, где княгиня думает сделать дачу. Дом немного на припёке, но, может быть, это и хорошо.

В Четверг письмо Твоё одно получил, ожидаю сегодня второе. Очень рад, что ребята — Слава Богу.

Целую Тебя очень хорошо и крепко, и всех.

Иду пить чай. Помещаюсь я опять в мастерской, где и прошлый год.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 193.

78. Е.И. Рерих — Н.К. Рериху. *[Берёзка. Тверская губ.] 21 июня 1909*

Воскресенье

Дорогой Майчик!

Сегодня у меня праздник — приехал Андрей[1] и привёз кремешков, есть хорошие экземпляры, хотя и не очень много. Он ездил также на озеро Хвошню[2], но нашёл всего две стрелы и несколько черепков, говорит, очень трудно брать по причине большой воды и крутых берегов. И, к сожалению, вода в этом озере никогда не усыхает. Стрелы ничем не отличаются, черепки же чёрные и толще, вроде Ключиневых.

Целый день сегодня разбирала их — есть очень славная вещица, подобные нам уже попадались, но эта сравнительно большая и очень хорошей отделки[3].

Затем пришёл один мужик с озера Тубос[4], принёс раки, я и вспомнила, что мы с Тобой ездили как-то на Тубос, а на берегу и на пашнях видели много кремней — показала ему стрелку и скребок, говорит, что у них не много, а попадаются, а сейчас в озере небывалая малая вода и продержится так долго, ибо озеро это хотят упразднить. Сообщил ещё одно интересное сведение: на том же Тубосе против деревни Еванково на крестьянской земле есть курганы маленькие, говорит, очень аккуратные и обложенные камнями. Из некоторых высыпаются какие-то разноцветные и плоские, вроде пятаков, кругляшки. Я просила принести мне их показать. Как Ты думаешь, что бы это могло быть? А вдруг янтари? Находил же Ты их в Боровичах[5]. Надо будет съездить покопать. Пожалуй, это письмо будет последним, если они сюда доходят лишь на 4-й день.

По-видимому, Тебе очень нравится природа в Смоленске, насколько я помню, она, правда, очень пышная и красивая, но я во всём, даже в листве, люблю более определённые контуры.

У нас сейчас гостит Валя Кутузова[6], мама захватила её статью из Бологое.

От Твоих нет никаких известий, и два дня как не получаю писем на Твоё имя.

Передай мой сердечный привет Марии Клавдиевне и Екатерине Константиновне. Избалуют они Тебя за эту неделю.

На этих днях поеду в Бологое, надо навестить новую племянницу и больную Златочку[7], та всё ещё плоха, бедняжка. В Августе тётя Дуня[8] пошлет её в Крым. У нас все здоровы.

Целую крепко.

Лада.

1.

2.

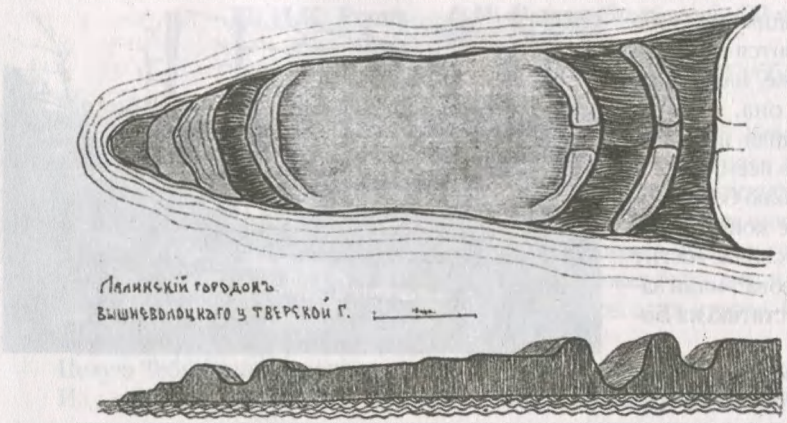
Деревня Берёзка. Вид с холма, где стояла церковь (1). Дом священника нач. XX в. (2). Современное фото

Светкина любовь ко всему живому простирается и на дождевых червей, улиток и прочих мерзостей. Набрал этой гадости целую массу, все ведёрки и банки заняты этой коллекцией, и не позволяет выбрасывать, приходится делать это потихоньку.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 192. Опубликовано: *РВ*. 1989. № 1.

---

[1] *Андрей* — служитель ИОПХ. Упом. в листе дневника "Служители" (б. д.): «Крепкий служака был Андрей Одноглазый — на войне глаз потерял» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 596). См. также в примеч. к письму № 71. В 1994, комментируя это упом. (*Мельников В.Л.*, 1994), мы ошибочно приписали его Андрею Николаевичу Римскому-Корсакову.



Н.К. Рерих. Лялинское городище в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. [1904]

[2] *Хвошня* — озеро у истока Волги, в Осташковском р-не Тверской обл.; так же наз. маленькое о., из к-рого вытекает р. Хвощенка, впадающая в озеро Пирос в его северной части.

[3] Контуры схематического изображения, приведённого в письме Еленой Ивановной, в общем совпадают с контурами одной подлинной поделки из археол. коллекции Рериха, ныне хранящейся в МСССМ.

[4] *Тубос* — озеро в 10 км от д. Берёзка, в Бологовском р-не Тверской обл.

[5] О находке янтарных украшений в р-не г. Боровичи см.: *Рерих Н.К.*, 1903; *Орлов С.Н.*, 1973; *Ивановский Г.*, 1974а, 1974б; *Трояновский В.*, 1974; *Зимина М.П.*, 1981.

[6] *В.С. Голенищева-Кутузова, графиня* (урожд. княжна *Оболенская*) (1846—1934) — супруга *графа Александра Васильевича Голенищева-Кутузова*, владелица имения в д. Лялино на противоположном Берёзке берегу озера Имоложье. Дальняя родственница Е.И. Рерих по линии матери. Была популяризатором исторических знаний и произведений искусства; в Лялино у Кутузовых бывал известный публицист и критик В.А. Зайцев. В 1904 Рерих иссл. городище у д. Лялино — так называемый "Лялинский городок" и выполнил его план-схему, несколько раз публ. А.А. Спицыным вместе с данными Рериха о нём: *Спицын А.А.*, 1905б. С. 90–91; *Спицын А.А.*, 1927. С. 89. Рис. 115 (см. воспроизведение). Спицын включил этот памятник и в свою книгу под названием "Городище тверское".

[7] *Митусова Злата Степановна* (1908—42) — старшая дочь С.С. Митусова, племянница Е.И. Рерих.

[8] *Княгиня Евдокия Васильевна Путятина* — тётя Е.И. Рерих.

79. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Талашкино. [22 июня] 1909*

Понедельник, 8 утра

Милый и дорогой Мисик, получил Твоё славное письмо; вижу, что у Тебя всё хорошо. Слава Богу! Выезжаю в Четверг вечером на Москву (*"Боярский Двор"?*). *О выезде дам телеграмму.* Вчера целый день были около Гнёздова, на

двух городищах, вблизи курганов, которые мы раскапывали[1]. На берегу Днепра чудные места[2]. Княгиня была в восторге. Но дождь выгнал нас раньше вечера. Сегодня у нас заседание по храму, чтобы всё хорошо кончить, надо установить полную планомерность.

Целую крепко.

Нашли вещей не очень много, но есть отличный топорик, стрелы и горшки с клеймами.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 195.

---

[1] «Неотделимо от Смоленска имя прославленного русского художника Николая Константиновича Рериха... Именно ему довелось участвовать как художнику и учёному-археологу в раскопках знаменитых Гнёздовских курганов близ Смоленска...» (*Осокин В.Н., Рыбченков Б.Ф., Чаплин А.П., Фёдоров В.В.*, 1967. С. 36).

[2] *В.И. Сизов* писал: «Известный гнёздовский могильник находится верстах в 8–9 от Смоленска на запад, у Витебского шоссе; он занимает пространство от старого шоссейного станционного дома на юг до возвышенного берега Днепра, за которым уже начинается низменная долина этой реки. Ширина всей этой полосы, идущей с севера на юг, равняется $^1/_4$ версты. Длина же могильника по линии железной дороги, которая прорезывает его южную окраину, доходит до 4-х вёрст. Всё это пространство пересекается с севера на юг низменной долиной, по которой протекает небольшая речка Свинка, впадавшая, вероятно, когда-то в Днепр и проходившая к старому городищу, валы которого прорезаны железной дорогой; в недавнее время речка запружена у усадьбы владельца Гнёздова» (*Сизов В.И.*, 1902. С. 3).

80. Неизвестный антиквар — Н.К. Рериху. *Париж. 15 июля 1909*[1]

Господин [Рерих], из подлинных исторических предметов достоверных местностей, которыми мы располагаем в настоящее время, мы позволяем адресовать Вам нижеследующий краткий список, в котором отмечены оригинальные образцы, как нам кажется, представляющие для Вас интерес.

Мы будем Вам признательны, если Вы рассмотрите этот список и дадите нам знать, не можем ли мы адресовать Вам из указанных образцов какие-либо определённые предметы.

В ожидании удовольствия от Вашего письма, мы просим Вас, господин, быть уверенным в наших лучших чувствах[2].

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 484. На фр. языке. Перевод Ю.Ю. Будниковой.

---

[1] Вместе с этим письмом хранится худ. оформленный, отпечатанный на большом плотном л. бумаги членский диплом на немецком языке: «Археологическое Общество ПРУССИЯ считает своим действительным членом Господина Николая Рериха, Директора Школы Императорского Общества Поощрения Художеств, С.-Петербург. Кёнигсберг в Пруссии. 3 Сентября 1906 г. Председатель [неразборчиво]».

[2] Следует отметить, что как раз в 1909 Рерих избирается действительным членом Национального общества антикваров Франции (см.: *ВМИ*. 1909. № 2–3. С. 51). О прямых

контактах Рериха с западными учёными, коллекционерами, антикварами и простыми торговцами древностей, в т. ч. и с целью пополнения его коллекции, свидетельствует следующий листок с адресами (большинство парижские), обнаруженный в его архиве (слова, выделенные курсивом, в рукописи подчёркнуты):
«Société Préhistorique de France. Hôtél des Société Savante. 28, Rue Serpante. Paris.
École d'Anthropologie et Société d'Anthropologie. 15, Rue de l'École de Médecine. Paris, 15.

Продажа каменных орудий

Alexandre Stuer. Paris, 4. Rue de Castellane, 4.
M Charles Schleicher, Librairie C. Reinwald. 15, Rue des Saints-Pères. Paris.
M Emile Tadé. 9bis, Rue Michel-Ange. Paris, XVI^{a}.
Doctor von Luchan. Berlin S.W. 120, Königzätrerstrasse.
Edouard Kause. Conservatoram Königliche Museum vür Völkerskunde.
Adrien de Mortillet. Paris. Avenue Reuill[y], 10bis. Président de la Société préhistorique de France.
M dr Capitan. Paris. 36, Rue Geoffroy de Saint Hilaire. Président de la Société d'Anthropologie à Paris. Pavillon de Buffon, узнать всё в Tagrafen du M Emile Cartailhac.
M dr Verneau. 148, Rue Broca. Eusceu président de la Société d'Anthropologie de Paris. Redacteur du Journal Anthropologie.
Baron Joseph de Baye. Paris. Rue d'Assas, 72.
M Manouvrier. 50, Avenue Bosquet. Анатом.
M Enule Riviére de Precourt. Paris, Auteu[i]l, 63, Rue Boul[ai]nvillier[s], Président d'Honeur de la Société préhistorique de France.
Maison Anglado (Antiquites). 2, Rue Ménar[s] (près du Boullevard des Italiens)».
(ОР ГТГ, ф. 44, № 23, л. 8, 8 об.).

81. Графиня П.С. Уварова — М.В. Муравьёву. *Москва. 22 октября 1909*

Императорское Московское Археологическое Общество, не получая никакого извещения касательно деятельности Общества по вопросу об устройстве Археологического Съезда в Новгороде, позволяет себе выразить предположение, что известий не получается потому, что за истекший год ничего Обществом не сделано. Ввиду подобного предположения Московское Археологическое Общество позволяет себе ещё раз напомнить Новгородскому Обществу Любителей Древности, что до Съезда в распоряжении Общества остаётся по-настоящему только один год, то есть наступающий 1910-й, в котором, если Общество не будет работать, то и созывать Съезд в Новгороде не стоит, ввиду того, что и самому Обществу неприятно будет предстать пред Съездом при совершенной бездеятельности. Рассчитывать же на то, что помимо наступающего 1910 года пред Съездом в распоряжении Общества будет ещё 6 месяцев 1911 года, не следует, ибо долголетний опыт указал, что год Съезда должен быть употреблён местными силами на устройство выставки, подвоз к ней материала, составление каталога, устройство помещений под заседания Съезда, членов и пр. [...]

Председатель Графиня Уварова.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 140, л. 122–123.

82. И.А. Шляпкин[1] — М.В. Муравьёву. *Белоостров. 20 ноября 1909*

[...] Раскопки на юге Детинца[2], вероятно, дадут большие результаты, и, если время позволит, я непременно приеду в Новгород. [...]

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 140, л. 142 об.

---

[1] *Шляпкин Илья Александрович* (1858—1919) — историк, археол., коллекционер, член-корреспондент АН (1907), проф. ИПУ, действительный член ИРАО. Член учёного комитета при Министерстве народного просвещения. На археол. курсах, организованных НОЛД летом 1910, читал вещевую палеографию (ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 36). Рерих хорошо знал его труды и иногда ссылался на них в своих публ. Например: «Во всём пришелонском округе заботливо повторяется предание "об Игоревом серебряном гробе", надпись о котором находится на камне, открывающемся в меженную воду на Ильмене в местности Коростыня; камень этот, как известно, был осмотрен г. Шляпкиным» (*Рерих Н.К.*, 1899. С. 26). Наиболее известны след. труды Ш.: "Шестоднев Георгия Писида" (1882), "Повесть о Василии Златовласом" (1882), "Слово Даниила Заточника" (1884), "Святой Димитрий Ростовский и его время" (1891), "Царевна Наталья Алексеевна и театр её времени" (1898). Под ред. Ш. изд. "Полное Собрание Сочинений А.С. Грибоедова"; в 1903 Ш. выпустил ценное комментированное изд. бумаг А.С. Пушкина. В статье "Разрушители культуры" (1919) Рерих упом. его среди выдающихся учёных, пострадавших от власти большевиков.

[2] Имеется в виду Новгородский кремль. *Детинец* — название внутреннего укрепления в русском средневековом городе вокруг резиденции князя или епископа. С XIV в. заменяется термином "кремль".

83. Н.К. Рерих — М.В. Муравьёву. *СПб. 27 ноября 1909*

Новгород. Ярославово Дворище. Председателю Новгородского общества любителей древности.

Благодарю за добрые чувства, выраженные Вашим письмом. Ваши предложения внесу на обсуждение Комиссии[1]. Приветствую идею совместной дружной работы на пользу родной старины.

Рерих.

Телеграмма. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 140, л. 155.

---

[1] Имеется в виду Комиссия Музея Допетровского искусства и быта, во главе к-рой до 1911 (*Эрнст С.Р.*, 1918. С. 100) стоял Рерих. О ней см. в наст. изд., разд. III, № XXXVI–XXXIX.

84. Я.И. Смирнов[1] — М.В. Муравьёву. *СПб. 9 декабря 1909*

Многоуважаемый Михаил Валерианович.

Мне очень неприятно сообщать Вам неприятные для Вас известия по поводу проектов работ подготовительных к Новгородскому Съезду. Тем неприятнее,

конечно, что я сам до некоторой степени виноват в этих неприятностях; а если решение Вашего Общества просить содействия Петербурга в деле раскопок в Детинце основывалось лишь на моих разговорах в Новгороде прошлой весною, то я оказываюсь и главным виновником неудачи столь незаслуженно и несправедливо постигающей ныне первое крупное предприятие Вашего молодого Общества[2].

Ваше письмо о предполагаемых раскопках в Детинце, кончающееся просьбою о материальном содействии со стороны Археологического Общества[3], получилось в Обществе как раз к заседанию, на котором обсуждался вопрос об участии Русского Отделения на Новгородском Съезде и читался доклад В.К. Мясоедова[4] о его работах[5]. Специально ради этого пришли С.Ф. Платонов[6], Н.В. Покровский, Д.В. Айналов[7]. Предложение Вашего Общества о содействии ему поддерживал Н.В. Покровский, а отчасти Д.В. Айналов и я, но вопрос сразу перешёл на трудность этого предприятия и на дороговизну работ. А.А. Спицын указывал, что при прежних пробных раскопках и выемках земли в Детинце обнаружены огромнейшие насыпи позднейшего времени и лишь очень мало относящиеся ко временам древним, что раскопки-де поэтому дадут мало, а требуют и огромных расходов, и весьма опытных копателей. Граф И.И. Толстой тоже находил, что столь большие и важные раскопки требуют больших средств, и поэтому это — дело казны. Словом, постановили предложение Ваше отклонить. Раскопки же наше Общество в пределах 600 рублей будет производить, вероятно, в Старой Ладоге (о тамошнем городище читал как раз в этом заседании Н.И. Репников[8]) и, вероятно, ещё где-либо по курганной части по избрании места А.А. Спицыным, который и ранее составлял проект всех наших раскопок.

Однако и результаты работ Мясоедова с братией произвели должное впечатление[9], под влиянием которого во вчерашнем заседании Совета Общества А.А. Спицын предложил (что и было принято) просить у Общего Собрания Общества перечисления в смету 1910 года 580 рублей (экономия нынешнего года по изданиям Русского Отделения) на непредвиденные расходы, имея в виду продолжение Мясоедовских работ или что иное по Новгородской части, т. к. в заседании Отделения было постановлено просить желающих гг. членов внести какие-либо конкретные предложения к Новгородскому Съезду. Пока таковых ещё нет, но, надо думать, будут. Впрочем, и в Совете, и в Общем Собрании раздавались голоса, и громкие, против вообще приноравливания деятельности Общества или отделений его к каким бы то ни было посторонним Обществу предприятиям и событиям. Так что полной уверенности в успехе какого-либо из ожидающихся проектов также быть не может. Исключительно материальное содействие, т. е. денежное, отрицалось всеми, и в том числе мною, т. к. оно являлось бы свидетельством неработоспособности нашего Общества; из наших же членов ехать в Новгород на предполагаемые раскопки никто не вызвался[10].

Таким образом, как видите, здесь содействия раскопкам в Детинце не находится. Боюсь даже, как бы Археологическая Комиссия не отказала Вашему Обществу в самом разрешении производить их[11].

Простите, что впервые я собрался писать Вам по столь неприятному поводу, и примите уверения в совершенном моём почтении и преданности.

Я.И. Смирнов.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 140, л. 149–150 об.

---

[1] *Смирнов Яков Иванович* (1869—1918) — историк искусства, востоковед, археол., энциклопедист. Ученик С.Ф. Платонова и Н.П. Кондакова. Коллега последнего по работе в Православном Палестинском об-ве, ИАК и Эрмитаже. Действительный член ИРАО (с 1897), хранитель (с 1899; старший — с 1909) Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа. Член-корреспондент (1909), академик (1917) РАН. Приватдоцент ИПУ. «Я.И. Смирнов был превосходным знатоком восточного, сасанидского, византийского, русского, европейского искусства. На протяжении всей жизни его привлекали памятники восточной торевтики. [...] Говоря о Я.И. Смирнове, нельзя не отметить, что это был человек необычайной отзывчивости и доброты. Ему совершенно не было знакомо чувство соперничества или зависти. Интересы науки всегда стояли у него на первом месте, подчиняя все другие. Всегда и всем он был готов прийти на помощь, щедро и бескорыстно делился своими мыслями, знаниями и материалами» (*Каковкин А.Я.*, 1991. С. 50, 53. Там же его библ. о нём). В статье "Разрушители культуры" (1919) Рерих упом. академика С. среди выдающихся ученых, пострадавших от власти большевиков. Рерих и С. присутствовали на общих собраниях ИРАО 21 ноября 1897, 4 мая 1899, 2 мая 1903 и 30 марта 1907 (на последнем собрании и Рерих, и Смирнов выступали), на заседаниях ОРСА ИРАО 2 октября 1898, 30 марта 1899, 4 марта 1900, 4 марта 1906 и 2 марта 1907 (под протоколом последнего заседания Рерих расписался — см. воспроизведение: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 157).

[2] Имеется в виду НОЛД, основанное в 1894 по инициативе и при деятельном участии В.С. Передольского. К концу 1896 НОЛД практически прекратило свою деятельность из-за открытого противодействия местных властей. Лишь в 1908 деятельность НОЛД возобновилась под руководством М.В. Муравьёва, именно поэтому Я.И. Смирнов называет об-во *молодым* (см.: *Жервэ Н.Н.*, 1995. С. 94–95). Предвидя неизбежное возрождение об-в, подобных новгородскому, Рерих писал: «Около старины нужны чуткие люди. Кроме учреждений "археологических", должны появляться общества друзей старины. Верю, что такие общества народятся скоро. Городскому Управлению Новгорода, где есть очень богатые промышленники, скажем словами из одной моей старой статьи о старине: "Добрые люди, не упустите дело доходное. Чем памятник сохраннее, чем он подлиннее — тем он ценнее..."» ("Восстановления", 1908; см. в наст. изд., разд. III, № XXXV (1). 28 марта 1908 НОЛД зарегистрировало свой Устав, в к-ром, в частности было указано: «Новгородское Общество Любителей Древности учреждается в Новгороде. Оно имеет целью изучение памятников Новгородской старины, находящихся преимущественно в пределах Новгородской губернии, наблюдение, в возможных случаях, за их сохранностью и содействие правительственным учреждениям в охранении их» (ГАНО, ф. 138, оп. 1, № 3623, л. 90 об.).

[3] Имеется в виду ИРАО.

[4] *Мясоедов Владимир Константинович* (1885—1916) — историк искусства и реставратор; учился в ИПУ у Д.В. Айналова. Автор работ по русской средневековой живописи. Член ИРАО. Под его руководством или при его непосредственном участии производилась реставрация росписей целой группы древних новгородских церквей (Спас-Нередица, Успенская в Волотове и др.). Посмертно издана его монография "Фрески Спаса-Нередицы" (Л., 1925). См. о нём: *СГ.* Январь-февраль 1916. № 1–2. С. 111.

[5] На заседании ОРСА ИРАО 19 ноября 1909 В.К. Мясоедов прочёл доклад "Некоторые наблюдения над Новгородскими и Псковскими памятниками..." и иллюстрировал его отличными фотографиями, в т. ч. снимками фрески "Страшный Суд" Нередицкой церкви (*СГ.* Декабрь 1909. № 12. С. 696).

[6] *Платонов Сергей Фёдорович* (1860—1933) — историк. Зав. ОРСА ИРАО, проф. ИПУ, академик РАН (1920). Известны его труды: "Заметки по истории Московских земских соборов" (1883), "Царь Алексей Михайлович" (1886), "Легенда о чуде св. Дмитрия, царевича Углицкого" (1888), "Книга о чудесах преподобного Сергия. Творение Симона Азарьина" (1888), "О начале Москвы" (1890), "Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени" (тексты 19 сказаний, повестей и житий, с предисловием, в 13 тт., изд. Императорской Археографической комиссией, СПб., 1891), "К истории опричнины XVI века" (1897), курсы лекций по русской истории, издания русской публицистики кон. XVI — нач. XVII вв. Редактировал XI том "Полного собрания русских летописей". Оказал существенное влияние на становление Рериха как учёного. По слову современника, проф. П. отличала твёрдость убеждений и поведения, он всегда излагал суть дела чётко и ясно (*Ендольцев Ю.А.*, 1997. С. 15). Рерих высоко оценивал личность и научные заслуги П.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 107, 163, 449. В грозные дни 1941 Рерих советовал своим последователям: «Иногда почитайте "Смутное время" Платонова...». Письма Рериха П. 1897–99 опубликованы: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 132–134, 139, 140.

[7] *Айналов Дмитрий Власьевич* (1862—1939) — историк искусства. Действительный член ИРАО (1897). Проф. Казанского и СПб. университетов. Член-корреспондент АН (1914). Известен трудами, посв. эстетическому и историко-культурному истолкованию византийского, русского, итальянского искусства: "Мозаики IV и V веков" (СПб., 1895), "Эллинистические основы византийского искусства" (СПб., 1900), "Памятники христианского Херсонеса" (М., 1901), "Этюды по истории искусства Возрождения" (СПб, 1908) и мн. др. Из архивных источников известны след. факты. 25 апреля 1906 Рерих присутствовал на заседании ОРСА ИРАО и прослушал реферат А. о летописных сведениях о Палестине (РА ИИМК, ф. 3, № 413, л. 15–16 об.). На этом заседании был утверждён и подписан присутствующими действительными членами протокол предыдущего заседания от 4 марта 1906 — и подписи Рериха и А. стоят рядом вместе с другими (*Там же*, л. 14). 30 марта 1907 Рерих и А. присутствовали на годовом общем собрании ИРАО — на этот раз выступал Рерих (РА ИИМК, ф. 3, № 403, л. 148–173). Имя А. не раз упом. в текстах Рериха; в "Листах дневника" Рерих обширно цитирует его соч., например, курс истории русского искусства, прочитанный Айналовым на историко-филологическом факультете ИПУ: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 158. Т. III. С. 470, 474, 476.

[8] *Репников Николай Иванович* (1883—1940) — археолог. Член ИПАИ, ИРАО и Российского Антропологического общества при ИПУ. В 1902 совершил иссл. кург. и жальников на территории быв. Бежецкого верха и Деревской пятины; иссл. Страшевский могильник и Конецкий жальник в Новоладожском у. СПб. губ. Начиная с 1903 вёл раскопки в Старой Ладоге и её окрестностях, всё более раскрывая роль этого культурного центра как "столицы" Северной Руси в VIII–IX вв. В 1903 (совместно с Н.Е. Макаренко) и в 1904 (единолично) произвёл раскопки могильника Суук-Су близ Гурзуфа. В 1904, 1907 и 1908 производил иссл. в Днепровском, Мелитопольском и др. у. Таврической губ. В 1905, 1909 и 1910 произвёл сборы и раскопки в Тихвинском у. Новгородской губ., в Новоладожском и Шлиссельбургском у. СПб. губ. В 1908 произвёл раскопки в г. Херсонес (совместно с Р.Х. Лепером) и иссл. Изборска. Автор и инициатор целого ряда др. археол. иссл. в 1910–30-х. См. о его иссл.: *ИИАК.* № 6. СПб., 1904. С. 12–20; *Сборник НОЛД.* № 6 и 7. Новгород, 1912 и 1915; *Лебедев Г.С.*, 1995. С. 64–65. С резуль-

татами его работ в Старой Ладоге сравнивались результаты раскопок Рериха и Макаренко в Новгороде в 1910, и сам Р. участвовал в обсуждении доклада Макаренко об этих раскопках на заседании ОРСА ИРАО 28 февраля 1911 (см.: *Изложение и обсуждение доклада Н.Е. Макаренко о раскопках в Новгороде летом 1910 г.* // В наст. разд., приложение к № 143; *Арциховский А.В.*, 1956. С. 9; *Носов Е.Н.*, 1990. С. 22). Кроме этого, Рерих и Р. присутствовали: на общих собраниях ИРАО — 2 мая 1903, 30 марта 1907 (Рерих выступил против присуждения золотой медали об-ва П.П. Покрышкину) и 18 ноября 1907; на заседаниях ОРСА ИРАО — 19 февраля 1905 (Рерих сделал сообщение "О каменном веке на озере Пирос"), 25 апреля 1906, 26 ноября 1906 (Рерих сделал сообщение о находимых в Новгородской губ. каменных фигурках, изображающих людей), 2 марта 1907 и 17 марта 1907.

[9] Работы производились в Волотове, где находился утраченный во время Великой Отечественной войны выдающийся памятник русского искусства — церк. Успения (1352, росписи ок. 1380). Рерих отметил эти работы в 1910–13: «На Волотове Мясоедов, Мацулевич и Ершов изучают и восстановляют (sic!) стенопись» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 216). Наиболее полные сведения о них (в т. ч. уникальное собрание фотографий Л.А. Мацулевича) и библ. см. в изд.: *Алпатов М.В.*, 1977.

[10] В результате раскопки произвели 2 члена ИРАО — Рерих и Макаренко, но их иссл. происходили по линии др. об-в и организаций. Впрочем, о результатах Макаренко доложил именно на заседании ОРСА ИРАО 28 февраля 1911 (см. в наст. разд., приложение к № 143); в обзорах ИАК эти раскопки также фигурировали в разделе о деятельности ИРАО. В заявлениях о выдаче открытых л. (см. ниже № 90) Рерих и Макаренко тоже указали о своём членстве в ИРАО. См. в разд. III, № XXXIX (2, 3).

[11] Так и случилось.

85. Н.К. Рерих — М.В. Муравьёву. *СПб. 23 декабря 1909*

Новгород. Ярославово Дворище. Председателю Новгородского общества любителей древностей Муравьёву.

Очень жалею, что не пришлось увидаться. По постановлению Комиссии имею войти с Вами [в] соглашение. Когда приедете в Петербург?

Рерих.

Телеграмма. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 140, л. 167.

86. Н.Е. Макаренко — М.В. Муравьёву. *СПб. 2 марта 1910*

Г. Председателю Новгородского Общества Любителей Древности.

Имею честь обратиться к Вам с покорнейшею просьбой — не найдете ли возможным сообщить Комиссии Музея Допетровского искусства и быта в возможно непродолжительном времени решение НОЛД, по вопросу о совместных работах его с Комиссией Музея Допетровского искусства и быта в Новгородском Кремле[1].

С искренним уважением

Секретарь Комиссии Музея Допетровского искусства и быта

Николай Макаренко.

Мой адрес: СПб., Миллионная, Императорский Эрмитаж.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 218. На письме помета Муравьёва: «Ответ 13/III [1]910. № 48».

---

[1] Приведём выписку из журнала 15-го заседания НОЛД, проходившего 14 февраля 1910 в зале Новгородской городской думы (3-й пункт в повестке дня). «Председателем были доложены: 1) ответы Императорских Археологической Комиссии, Русского Археологического Общества и Археологического Института на ходатайство Общества о выдаче субсидии на производство раскопок в Детинце, каковые учреждения и Общество, по различным причинам, не имеют возможности выдать таковую, 2) уведомление Новгородской Городской Управы, что Новгородская Городская Дума в заседании 11 декабря 1909 г. уступила безвозмездно Обществу для археологических раскопок на 1910 и 1911 гг. огородное место в Кремле за церковными домами на левой стороне от дороги к часовне Спасителя, находящееся на аренде у А.Ф. Пивина, для чего нарушила с последним договор, при условии, что по окончании раскопок огородные места должны быть приведены Обществом Любителей Древности в прежний вид, т. е. заровнены с сохранением культурного слоя земли, 3) и, наконец, переписка с Председателем Комиссии по устройству Музея Допетровского искусства и быта Н.К. Рерихом, из коей видно, что означенная Комиссия постановила войти с нашим Обществом в соглашение для совместной работы. Общее собрание, обсудив создавшееся положение вещей, ПОСТАНОВИЛО: поручить Правлению войти в сношение с Комиссией Музея Допетровского искусства и быта и о результатах таковых доложить на следующем собрании» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 22, л. 1, 1 об.).

87. Н.К. Рерих — М.В. Муравьёву. *СПб. 15 марта 1910*

Новгородское Ярославле Дворище. Председателю Общества Древностей Муравьёву.

Прошу телеграфировать результаты наших переговоров[1].

Рерих.

Телеграмма. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 215.

---

[1] Сохранилось письмо М.В. Муравьёва И.В. Аничкову от 11 марта 1910, где есть такие строки: «В воскресной экскурсии в Юрьев Вы, вероятно, теперь участия не примите. Придётся без Вашего участия созвать Правление, а может быть, и Общество (предложение Рериха)» (ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 22 об.).

88. Н.К. Рерих — великой княгине Марии Павловне[1]. *[СПб.] 16 марта 1910*

Имею счастье доложить, что исследование великой русской святыни — Новгородского Детинца в настоящее время близится к осуществлению.

16 марта решено образовать смешанную комиссию из 10 членов: пять членов от Комиссии Музея Допетровского искусства и быта и пять членов от Новгородского Общества Любителей Древности. При этом городское управление предоставило для раскопки всю южную часть Детинца.

Таким образом, благодаря денежному пожертвованию от княгини М.К. Тенишевой — 1000 рублей, Комиссия Допетровского Музея может приступить к исследованию Детинца ближайшим летом, и если находки будут значительны, то нельзя сомневаться, что к делу придут новые средства и в историю отечественной жизни и искусства будут внесены ценные сведения[2]. [...]

Автограф находится в Государственном архиве Российской Федерации (до 1992 — Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР). Текст воспроизводится по сокращённой публ.: *Козочкина А.М., Перегудова З.И.*, 1974.

---

[1] *Мария Павловна, великая княгиня* (урожд. *принцесса Мекленбург-Шверинская*) (1854—1920) — супруга великого князя Владимира Александровича, дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II. Президент ИАХ. Поддерживала многие начинания Рериха.

[2] По содержанию с этим письмом перекликается очерк Рериха *"Всенародное"*, приведённый в приложении к этому письму. Второе письмо см. в наст. разд., № 139.

Н.К. Рерих. Всенародное. *1909.* [Приложение к № 88]

Общество архитекторов-художников согласилось с моим предложением. Решено открыть всероссийскую подписку на исследование древнейших русских городов Новгорода и Киева[1]. Признано, что в деле общекультурных устоев страны уже пора обращаться не только к правительственным учреждениям, но прежде всего к народу. Уже надлежит народу знать свою историю, знать свои сокровища, беречь свои богатства.

Встретились два приятеля.

— Слышали, будете собирать деньги на исследование городов?

— Будем. Скоро начнём. Уже слышим сочувственные отклики.

— Только вам на эти дела не дадут денег-то.

— Отчего? Разве на худое подбиваем?

— Кому какое дело до исследования прошлой жизни? Кому надо знать прошлые культуры? У нас города без фонарей, без водопровода, без путей сообщения, а вы о раскопках...

— Не клевещите на народ. Из ста тридцати миллионов людей если одна двадцатая часть задумается о значении древности, и то составится крупная сумма. По рублям полмиллиона соберётся.

— Хотите держать пари, что ваша подписка плохо пойдёт?

— Лет десять назад согласился бы с вами. Но с тех пор страна перешагнула большие культурные грани. Умы задумались над такими неожиданными задачами, что немыслимое мыслимым стало. Уже стало почётным участвовать в исследовании забытой поучительной жизни. Уже поняли былинную красоту древности. Даже грубейшие люди стали понимать, что древности составляют подлинные сокровища.

— Всё-таки трудно вам отыскать сочувствующих. Слишком велика страна. Слишком трудно вам найти друг друга.

— В этом вы правы. Нашему спросу и предложению встретиться нелегко. Обиднее всего сознавать, что и сейчас, в эту самую минуту, где-то на Руси сидит кто-нибудь и придумывает, к чему бы приложить свои средства.

— А если вы соберёте мало, всего тысяч десять, двадцать, разве стоит с такими средствами приниматься за большие дела?

— Всегда стоит. Даже с самыми малыми средствами можно добыть превосходные памятники прошлого. Слишком земля насыщена находками. Кроме того, во время самой работы легче всего могут подойти средства. Первые удачные находки могут всколыхнуть новую волну интереса.

— Значит, уповаете на своё упрямство?

— Именно так. Только кремнёвым упрямством можно двигать культурные дела. Вспомните, как составился музей в Нюрнберге[2] или как Северный музей в Стокгольме создался лишь частными силами. Одна всенародная лотерея в Швеции дала для музея на наш счёт полтора миллиона рублей. Неужели большая Россия, по-вашему, хуже и глупее, нежели маленькая Швеция?

И у нас есть примеры единоличных, сильных начинаний. Хотя бы посмотреть, как быстро двигает музей Академии Наук В.В. Радлов[3]. Это дело растёт прежде всего его сильным желанием сделать полезное.

— Конечно, всё это так. Но всё-таки я опасаюсь за ваше дело.

— Что же, по-вашему, наше дело скверно, нечестно, недостойно, спекулятивно, глупо?

— Конечно, нет. Когда-нибудь поверят, что ваши доводы были своевременны и полезны, а теперь убоятся новых выступлений.

— Наконец-то вы договорились. Вы сказали истинное слово "убоятся". Во всё можно уверовать. Всякий спрос найдёт предложение. Всякая воля может быть убеждена полезностью дела, но "страх" труднее всего побороть. В нашей русской жизни слишком много страха, маленького, серого страха. Мы боимся будней. Мы боимся громко заговорить. Боимся высказать радость. Боимся переставить вещи. Боимся подумать ясно и бесповоротно. Мы легко примиряемся с тем, что нам что-то не суждено. Мы боимся заглянуть вперёд. Боимся обернуться назад в беспредельную, поучительную жизнь, нужную для будущего. Но от страха, наконец, нужно лечиться. Пора перестать бояться темноты и призраков, в ней живущих. Всё-таки я верю, что Россия, неожиданная, незнаемая Россия, готова для бодрой культурной работы.

— Хочу верить подобно вам. Исследуйте старинную жизнь. Заодно исследуйте и живущих людей, наших общих знакомых. Когда-нибудь непременно расскажите, как и кто отозвался на ваши призывы. У вас составятся любопытные воспоминания.

В безверии ушел один приятель.

Другой хотел ободрить.

— Ну, что ж, если средств не найдётся, то, по крайней мере, хоть полезный разговор выйдет.

Опять разговор. Неужели опять только всенародный разговор?
Должно, наконец, в России начаться и дело.
Будем твердить и верить.

Текст дан по изд.: *Рерих Н.К.*, 1914. С. 192–195. Черновик см.: ОР ГТГ, ф. 44, № 89.

---

[1] Как сообщал хроникёр *СГ*, на заседании Об-ва архитекторов-художников 15 октября 1909 Рерих прочёл доклад "До-Петровское искусство". В заключение своего выступления он предложил объявить указ. подписку. Его предложение было единогласно поддержано, для организации подписки была избрана особая комиссия. Подробнее см. в разд. III, № XXXVI (8–10).

[2] Видимо, здесь речь идёт о Германском национальном музее. Кроме этого, в Нюрнберге имеются Городские худ. собрания и музеи: ремесла, игрушек и Дом А. Дюрера, к-рый род. в Нюрнберге. (*БЭС*. 1998. С. 823).

[3] *Радлов (Radloff) Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм)* (1837—1918) — востоковед-тюрколог и этнограф. Один из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Руководитель нескольких экспедиций в Срединную Азию в 1860–90-х (например, Турфанской и Орхонской). Расшифровал (одновременно с В. Томсеном) орхоно-енисейские надписи. Действительный член ИРАО (с 1887) и ИПАИ. Директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН. Поддерживал научную деятельность Рериха и его усилия по сохранению памятников старины. Известно письмо Рериха Р. (1909), в к-ром он соглашается выставить своё археол. собрание в Кунсткамере (*Храмченко В.В.*, 1991а. С. 5–7). Неоднократно упом. в "Листах дневника", например: «Как-то очень давно или от директора Музея Академии Наук В.В. Радлова, или от сибирского путешественника Потанина я слышал сказочку, вывезенную откуда-то из глубин Монголии. [...]» (1929); «Было огромное [собрание] каменного века — предполагалось отдать в музей Академии Наук. С В.В. Радловым уже было сговорено» (24 апреля 1945). Эти и др. упоминания см.: *Рерих Н.К.*, 1992б. С. 30; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 95. Т. III. С. 283, 391. В статье "Разрушители культуры" (1919) Рерих упоминает академика Р. среди выдающихся учёных, пострадавших от власти большевиков.

89. Комиссия Музея Допетровского искусства и быта — М.В. Муравьёву. *СПб. 28 марта 1910*

Господину Председателю
Новгородского Общества Любителей Древности.

Заслушав письмо Ваше за № 50 от 16 Марта сего года на имя Н.К. Рериха, Комиссия Музея Допетровского искусства и быта в заседании своём 22 сего Марта постановила согласиться на условия совместного исследования Новгородского Детинца, Вами предложенные.

Дело исследования Новгородского Кремля, начинаемое будущим летом, обуславливается следующими положениями: 1. Исследование производится под наблюдением комиссии, состоящей из пяти членов от Комиссии [Музея] Допетровского искусства и быта и пяти членов от Новгородского Общества

Любителей Древности. Председателем означенной комиссии состоит Председатель Комиссии [Музея] Допетровского искусства и быта. Ближайшее же руководство исследованиями поручается Николаю Емельяновичу Макаренко. 2. Средства для исследования состоят в текущем году из 1000 р., ассигнуемых Комиссией Музея Допетровского искусства и быта, и из средств, ассигнуемых НОЛД. 3. Предметы, найденные при исследованиях, поступают в Музей Допетровского искусства и быта, временно помещающийся в Императорской Академии Наук. Дублеты же и вещи равноценного значения, равно как и вещи громоздкие, могут быть помещены по усмотрению НОЛД. Все найденные предметы выставляются на выставке XV Археологического Съезда в Новгороде. 4. Хлопоты по исходатайствованию разрешения на право производства раскопок берёт на себя Комиссия Музея Допетровского искусства и быта, а Новгородское Общество Любителей Древности принимает на себя все переговоры и ближайшее сношение с Новгородским Городским Управлением и местной администрацией. 5. Комиссии предоставляется приглашать для участия в исследованиях лиц, могущих оказать пользу своим личным участием. 6. В комиссию по исследованиям Новгородского Детинца со стороны Музея Допетровского искусства и быта выбраны: Н.К. Рерих, В.А. Плотников[1], А.Е. Элкин[2], Б.К. Рерих, Н.Е. Макаренко.

Председатель Академик Н. Рерих.

Секретарь Н. Макаренко.

Машинопись. Автографы. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 217 с об. На бланке Общества архитекторов-художников ИАХ.

---

[1] *Плотников Владимир Александрович* (1873—1947) — физикохимик и художник. Вёл в Рисовальной школе ИОПХ иконописную мастерскую (с 1913). Изучал памятники старины русского Севера. Участвовал в росписи церкви на 2-й Рождественской ул. в СПб. (1915). В 1932 выбран в члены-корреспонденты АН СССР. Автор трудов по неводным растворам.

[2] *Элкин (Елкин) Алексей Ефимович* — архитектор. Окончил ИАХ в 1898 в мастерской Л.Н. Бенуа. Совместно с Л.А. Ильиным вёл класс на "Женских курсах высших архитектурных знаний В.Ф. Багаевой" (1910-е). Делегат IV съезда русских зодчих (1911). После доклада Рериха ("Новгородские стены") на этом съезде взял слово и предложил «ходатайствовать от имени съезда перед Государственной Думой об ассигновании средств» на поддержание Новгородского кремля.

90. Н.К. Рерих — в ИАК. *СПб. 30 марта 1910*

В Императорскую Археологическую Комиссию
Действительного члена Императорского Русского
Археологического Общества Академика
Николая Константиновича Рериха

Заявление[1].

В течение целого ряда лет я имел честь получать открытые листы на право

Софийский собор в Новгородском детинце. 1045–50. Южный фасад
Фото из изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 1. Вкладка

производства раскопок от Императорской Археологической Комиссии, причём Комиссия и Императорское Русское Археологическое Общество неоднократно высказывали одобрения по поводу выполненных мною задач. В настоящее время имею честь покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию о выдаче мне открытого листа на право производства раскопок в пределах Новгородского уезда и самого города Новгорода. По примеру прошлых лет мною будет представлен полный подробный отчёт о произведённых работах, со всеми необходимыми чертежами, обмерами, фотографиями и изображениями[2].

Академик Н. Рерих.

30 Марта 1910 г.
Мойка, 83.

Текст заявления написан рукой Н.Е. Макаренко (?). Автограф Рериха — подпись, дата и место. РА ИИМК, ф. 1, № 62/1910, л. 1. На заявлении расписка: «Открытый лист получил 6 Апреля 1910. Н. Рерих».

---

[1] Идентичное заявление «от члена-сотрудника И. Р. А. О. художника Н.Е. Макаренко» хранится след. в том же деле ИАК, что и это заявление (л. 2). Также в д. хранится первый экз. открытого л. на имя Рериха — «на Новгородский уезд и сам город Новгород», подписанный 6 апреля 1910 В.В. Латышевым, за № 688 (л. 3). На нём пометка о выдаче такого же л. на имя Н.Е. Макаренко (№ 689), но самого л. Макаренко в д. нет, что само по себе нонсенс. (По регламенту ИАК в результате в д. должно было сохраниться 4 открытых л.: два Рериха и два Макаренко). Второй экз. открытого л. Рериха

сохранился в его архиве: ОР ГТГ, ф. 44, № 578. Последний документ в этом деле — это уведомление ИАК за № 690 (л. 4) новгородскому губернатору от того же числа о выдаче Рериху и Макаренко соотв. открытых л.

[2] Следует отметить, что Рерих и Макаренко, обязавшиеся представить свой отчёт в ИАК, так этого и не сделали. Об этом свидетельствует "ОИАК за 1909–10 годы", изд. в 1913 (см. наст. изд., разд. III, № XLII). И всё же есть все основания полагать, что отчёт существовал, как и др. материалы раскопок 1910, но в наст. время местонахождение их неизвестно, несмотря на неоднократно предпринимаемые различными иссл. поиски. Были и чертежи, и обмеры, и фотографии, и находки. Сам Рерих оставил такое указание: «Часть нашего неолита была в Музее имени Д.В. Григоровича при Обществе Поощрения Художеств. Живёт ли этот Музей имени автора "Антона Горемыки"? Там же были и наши раскопки из Новгородского Кремля» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 391). О судьбе музеев в структуре ИОПХ см.: *Конова Л.С.*, 1996. Осенью 1929 музеи (и само об-во) были ликвидированы (об этом Рерих узнал уже в Гималаях: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 271), их ф. были распределены между государственными хранилищами и Секцией гравёров и акварелистов ГАИМК (кстати, правопреемнице ИАК), так что найти оригинальные отчётные материалы новгородских раскопок — большая проблема. Возможно, ч. материалов попала в библиотеку ныне существующего СПб. худ. училища им. Н.К. Рериха, правопреемника школы ИОПХ (*Романовская Э.*, 1996). См. об этом также ниже.

91. НОЛД — Н.К. Рериху. *Новгород. 3 апреля 1910*

Господину Председателю
Комиссии Музея Допетровского искусства и быта.

Новгородское Общество Любителей Древности, заслушав в заседании 29-го Марта с. г. о результатах переговоров Председателя Общества с Вашим Превосходительством по вопросу о совместных раскопках южной части Новгородского Детинца, [...] предоставляя детальную разработку условий соединённой комиссии, постановило: 1) считать непременным условием, чтобы равноценная в археологическом отношении половина найденных предметов осталась в распоряжении НОЛД для постоянной их выставки в самом Новгороде, а все обязательно были даны для выставки 15-го Всероссийского Археологического Съезда 1911 г.; 2) избрать в комиссию по ведению раскопок из среды членов Общества пять человек, при таком же числе членов от Комиссии Музея Допетровского искусства и быта, причём высказать пожелание, чтобы во главе смешанной комиссии стоял Н.К. Рерих; 3) поставить также условием, что если бы были при раскопках обнаружены значительные остатки древних сооружений, то они, если будут представлять интерес, должны остаться в таком виде, для постоянного обозрения; 4) ассигнованные Белозёрским и Демянским уездными земскими собраниями на работы к Всероссийскому Съезду 150 р. употребить на раскопки в Детинце; 5) просить Новгородский Предварительный Комитет тоже ассигновать некоторую сумму на предполагаемые раскопки, так как они дадут богатый материал для выставки на 15-м Археологическом Съезде; 6) затем закрытой баллотировкой в члены вышеуказанной комиссии избраны: М.В. Муравьёв,

Л.Н. Целепи[1], А.И. Конкордин[2], И.С. Романцев[3], С.К. Матвеевский[4] и в кандидаты И.В. Аничков[5] и А.И. Анисимов[6].

Проведённые условия почти совпадают с условиями, выработанными Комиссией Музея Допетровского искусства и быта, сообщёнными в письме 28 Марта с. г., полученном после заседания Общества. Некоторое разногласие представляет только вопрос о принадлежности находок (п. 3 условий комиссии и п. 1 условий Общества), но Правление НОЛД полагает, что по этому вопросу вполне достижимо соглашение на заседании смешанной комиссии, а повторное их обсуждение в каждом из Обществ порознь только затянет решение вопроса и отложит работу.

К сему считаем долгом присовокупить, что уже состоялось постановление Новгородской Городской Думы[7] о предоставлении юго-восточной части Детинца (часть между Пискуплей улицей и восточным пряслом стены) для производства археологических раскопок [с] сохранение[м] культурного слоя земли.

Председатель [подпись].
Секретарь [подпись].

Отпуск письма. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 219. Текст уточнён по журналу 16-го заседания НОЛД от 29 марта 1910 (указ. ф., № 22, л. 5–6; № 141, л. 63–64 об.).

---

[1] *Целепи Леонид Николаевич* (род. 1856) — археолог, палеограф, историк культуры. Окончил юридический факультет ИПУ. Член ИПАИ, НОЛД, ИМАО (с 1911) и др. обществ. Член Предварительного комитета XVI Всероссийского археол. съезда в Пскове и Новгороде. Его палеографическое собрание хранится в рукописном отделе БАН. 21 рукопись относится к XV и XVI вв. (Всего в собрании 55 ед. хр. XV–XVIII вв.). Биографические материалы и семейная переписка Целепи за 1847–1913 хранятся в архиве СПбОИИРАН (ф. 233). Ц. был сотрудником Рериха по составлению "Археологической карты Петербургской губернии" (1898–1903) на базе ИПАИ (курировал Лужский у.). Передал ему в тот период две свои рукописи — "К археологической карте Санкт-Петербургской губернии. Восточная часть Лужского уезда, Водская пятина" (13 л.) и "К археологической карте Санкт-Петербургской губернии. Восточная часть Лужского уезда, Шелонская пятина" (19 л.) — см. в РА ИИМК, ф. 37, № 7 и 8. Участвовал в археол. экскурсиях ИПАИ под руководством Н.К. Рериха и Н.И. Веселовского (см., например, в наст. изд., разд. III, № XIV (5–7). В архиве ИАК зафиксированы данные о след. раскопках Ц.: в дер. Княжая гора и Речка Лужского у. (1899), в д. Любуницы Новгородского у. (1900), в Передольской волости Лужского у. (1900), в дер. Оредеж, Боршово, Ерышово того же у. (1905), в с. Никольском Лодейнопольского у. Олонецкой губ. (1907), в Лужском у. (1908), в Новгородском у. (1908, 1910) и др. В архиве М.В. Муравьёва сохранилось письмо Л.Н. Целепи от 2/15 апреля 1910 (СПб.): «Многоуважаемый Михаил Валерианович. Я не приехал на заседание 29 Марта потому, что, пробыв 26 и 27 Марта в Любани и вернувшись оттуда в СПб., мне вновь приходилось выезжать в Новгород 29 Марта, да кроме того в этот же самый день у меня по другим Обществам было 2 общих собрания; на заседание же о выставке я получил повестку в день заседания и потому физически попасть в Новгород не мог. Мне совершенно неясны функции смешанной комиссии по раскопкам в Детинце. Кто же собственно фактически будет производить раскопки? И в чём выразятся роли остальных членов комиссии. Я слышал весть, что раскопки будет производить Макаренко. Так ли это? [...] В Военно-Историческом Обществе меня спрашивали, когда Вы думаете сделать сообщение

о Новгородском Кремле. [...] Новгородику классификую [sic!], но вот вопрос, когда я её окончу, то печатать её не будет денег и она будет всё равно обречена на долголежание впредь до лучших дней. С совершенным почтением. Л. Целепи» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 66–67).

[2] *Конкордин Анатолий Иванович* — протоиерей, настоятель новгородского Знаменского собора. Секретарь Новгородской консистории, краевед. Сотрудник древлехранилища, созданного в Новгороде архиепископом Арсением в начале XX в. В очерке "Подземная Русь" (1911) Рерих упом. его среди новгородцев, проявивших интерес к раскопкам в кремле. О его открытиях в алтаре Знаменского собора прекрасно сохранившихся фресок работы костромских иконописцев XVII в. см.: *ИИАК*. Приб. к № 56. (ХБ, № 26). Пг., 1914. С. 107–108.

[3] *Романцев Иван Степанович* — новгородский краевед и археолог. В очерке "Подземная Русь" (1911) Рерих упом. его среди новгородцев, проявивших интерес к раскопкам в кремле. Участвовал в выемках культурного слоя на территории кремля (были произведены 16 июня 1910, накануне раскопок Рериха и Макаренко). В соединённой комиссии по раскопкам, возглавляемой Рерихом, Р., пожалуй, оказался самым активным членом из новгородцев (см. ниже). Ещё до раскопок, 15 апреля 1910, Рерих опубликовал обращение ко всем «знающим что-либо касающееся древностей новгородских пятин», в к-ром призвал поддержать усилия Р. по составлению археол. карты Новгородской губ. (см. в наст. изд, разд. III, № XXXVII (8)". В ходе этой работы, как писал Р. В.А. Подобедову (1911), «всего получено от корреспондентов 213 заполненных программ с указанием около тысячи названий мест нахождения археологических памятников», «при этом проверка и отчасти пополнение этих сведений произведены по указаниям литературы». В списке литературы — публикации А.А. Спицына, Н.И. Репникова, М.В. Муравьёва и три статьи Н.К. Рериха (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 142, л. 254 – 258 об.). Своеобразным итогом этой деятельности стал ценный указатель Романцева "О курганах, городищах, жальниках Новгородской губернии" (Новгород, 1911), к-рый явился «первым сводом уже имеющихся находок и сведений» (*Жервэ Н.Н.*, 1995. С. 96).

[4] *Матвеевский Сергей Константинович* (род. 1870) — живописец, новгородский краевед. Член-учредитель НОЛД (см.: ГАНО, ф. 138, оп. 1, № 3623, л. 99 об.). Сотрудник Новгородского Губмузея в первые годы Советской власти. В очерке "Подземная Русь" (1911) Рерих упом. его среди новгородцев, проявивших интерес к раскопкам в кремле.

[5] *Аничков Иван Васильевич* — филолог, археолог, новгородский краевед, «историко-археологическая деятельность которого занимает видное место в изучении новгородских древностей» (*Жервэ Н.Н.*, 1995. С. 97). Из древнего новгородского боярского рода. Секретарь студенческого научно-литературного общества ИПУ (1887); исключён из университета за участие в студенческих выступлениях, происходивших 9–10 декабря 1887 (см.: *Вернадский В.И.*, 1988. С. 217–218, 282–283). Член-учредитель НОЛД. Возглавил его после отъезда М.В. Муравьёва из Новгорода. Член Предварительного комитета XVI Всероссийского съезда в Пскове и Новгороде. В 1910-х выбран действительным членом ИРАО и ИМАО. Составил "Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии" (1910-е). Имение А. Жданье в Боровичском у. Новгородской губ. Рерих посетил ещё в 1902, записав: «при имении 1 сопка» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 40). В переписке Муравьёва с А. с полной откровенностью зафиксированы все намерения и надежды тогдашних "отцов" новгородской археологии, касающиеся раскопок в кремле, не всегда совпадающие с декларированными публично. Сообщая о прошедшем 29 марта 1910 собрании НОЛД, Муравьёв писал А. (Новгород, 30 марта 1910): «...Вчера у нас было общее собрание, на котором из больших вопросов прошло (собрание в Музее было

малолюдно — 21 член): приняты принципы работы по раскопкам в Детинце вместе с Рерихом (по 5 представителей от каждого Общества, Рерих выправляет открытый лист, находки пополам, [все] на выставку XV Съезда, если будут найдены большие остатки сооружений, то оставить их нетронутыми). Ввиду Вашего обязательного летнего отпуска Вы в комиссию избраны только кандидатом» (ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 26–26 об.). Живую характеристику А. дал Н.Г. Порфиридов в своих воспоминаниях: «Знакомясь с кем-либо и рекомендуясь, он отчётливо [...] называл [свою фамилию] и следил за правильным её произношением, которое многие искажали ударением на первой букве. Этого он не переносил. [...] Внешне это был тип породистого русского дворянина, как мы представляем этот тип по классической литературе. Высокий, корпулентный, на массивном туловище маленькая голова. Очень живое лицо с выразительной мимикой: то серьёзное, то детски лукавое, то с вытаращенными глазами и опущенными уголками рта, совсем би-ба-бо. По свойству своего легкомысленного характера Иван Васильевич не давал себе труда ни в устной, ни в письменной речи, говорил быстро и ещё быстрее писал какими-то каракулями, которых после и сам не мог разобрать» (*Порфиридов Н.Г.*, 1982).

[6] *Анисимов Александр Иванович* (1877—1937, по др. данным 1932) — выдающийся реставратор, филолог, историк искусства, археолог, публицист, коллекционер. Окончил историко-филологический факультет МГУ (1904), «покинул Москву и поселился в Новгороде, где в течение десяти лет преподавал историю и географию в уездной учительской семинарии, помещавшейся к тому же не в самом Новгороде, а в селе Григорово в трёх километрах от города» (*Вздорнов Г.И.* От составителя. // *Анисимов А.И.*, 1983). Член-корреспондент (с декабря 1911), действительный член (с марта 1914) ИМАО. Начиная с 1918 (после возвращения в Москву) и до 1930 (начала преследования со стороны властей) А. — проф., ведущий сотрудник ЦГРМ. Из множества его работ в мастерских отметим наблюдение за расчисткой икон Феофана Грека, Андрея Рублёва и Даниила Чёрного из иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля в 1918–19. Проф. и декан Ярославского университета (с 1918). Зав. отделом религиозного быта ГИМ (с 1921). Зав. живописно-реставрационным подотделом Главмузея (1920-е). Один из 14 советских авторов, осмелившихся участвовать в зарубежном сб. в честь Я.И. Смирнова, вышедшем в октябре 1928 в Праге (2-й т. трудов Семинария им. Н.П. Кондакова). Видимо, это выступление послужило формальным поводом для начала репрессий против него. А. был арестован органами НКВД и отправлен на Соловки, а потом на трассу Волго-Балтийского канала. «Официальная справка о его расстреле в 1937 году, по всей вероятности, соответствует истине, о чём появлялись сообщения в газетах и воспоминаниях Д.С. Лихачёва, опубликованных в "Нашем наследии"» (*Вздорнов Г.И.*, 1993. С. 91). А. объективно оценивал значение археол. иссл. Рериха и Макаренко в Новгороде в 1910 — как в печати, так и во время дебатов на собраниях НОЛД. Его предложение о продлении соглашения НОЛД с Комиссией Музея Допетровского искусства и быта было поддержано большинством голосов на собрании 6 мая 1911 (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 23, л. 3–7). При непосредственном участии А. производилось одно из важнейших предприятий НОЛД "второго призыва" — открытие фресок 2-й половины XIV в. церк. Фёдора Стратилата, построенной в 1360. В. Лукомский указал, что эта работа, в отличие от многих современных ей "поновлений", производится «совершенно на иных основаниях, под наблюдением лиц знающих и чутких к прекрасному». Участники XV Археологического съезда (1911) были подробно ознакомлены на месте с производившимися работами, «при этом А.И. Анисимовым даны были ценные объяснения» (см. в разд. III, № XL (2). Рерих ещё раньше отметил эти работы: «...Мы знаем, что у Фёдора Стратилата на Торговой Стороне очищают фрески (и пока хорошо очищают).

[...] Кажется, что Новгород зашевелился; кто-то его пытается пробудить» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 216). В 1910–30 под наблюдением А. расчищались фрески Феофана Грека в церк. Спаса Преображения (1378). В 1927–29 под наблюдением А. была расчищена примерно одна шестая часть росписи Спасо-Мирожского монастыря и отд. композиции и фигуры святых в соборе Снетогорского монастыря во Пскове. Благодаря усилиям А. на выставке XV Археологического съезда (1911) была представлена коллекция икон новгородского письма. Ещё раньше, в апреле–мае 1910, он подготовил церковно-археол. выставку в Новгороде (см.: *Анисимов А.И.*, 1910). А. — автор целой серии замечательных статей в период. печати (мн., вышедшие до 1917, Рерих знал) и монографий по вопросам древнерусского искусства: "Реставрация фресок церкви св. Феодора Стратилата в Новгороде" (1911); "Церковная старина на выставке XV Археологического съезда в Новгороде" (1911); "Реставрация иконостаса церкви Спаса на Бору" (1912); "Письмо в редакцию" — о фресках Спаса Нередицкого (1913); "Новооткрытые фрески Новгорода" (1913); "Икона Варлаама Хутынского в Новгородском епархиальном древлехранилище" (1914); "Уничтожение древнего Новгорода" (1916); "Новгородская икона Фёдора Стратилата" (1916); "Реставрация древней русской живописи в Ярославле, 1919–26" (1926); "Владимирская икона Божией Матери" (1928), "Домонгольский период древнерусской живописи" (1928); "Автопортрет русского скульптора Авраама" (1928); "La peinture russe du XIV siècle (Theophane le Grec)" (1930); "L'ancienne histoire de la peinture russe" (1930) и ряд др. Имя А. упом. в заметке Рериха "За Новгород" (см. в наст. изд., разд. III, № LII (4)". Статья А., к-рую отметил в этой заметке Рерих: *Анисимов А.И.*, 1916. Рерих мог познакомиться с заграничной выставкой русской иконописи, прошедшей с большим успехом в 1929–32 в Германии, Австрии, Англии и США. А., граф Ю.А. Олсуфьев и Е.И. Силин были её организаторами и авторами-составителями каталога, вышедшего на нескольких языках (см. англ. изд.: *Catalogue of Russian Icons.* Lent by the American Russian Institute. Chicago, [1931]). Полный биографический очерк об А. с приложением списка его печатных и архивных работ см.: *Советское искусствознание.* М., 1982. № 1. Замечательный "Портрет искусствоведа и реставратора А.И. Анисимова" выполнил Б.М. Кустодиев (1915; собр. ГРМ) — воспроизведён в наст. изд. ниже. (Цветное воспроизведение см.: *Капланова С.Г.*, 1979. Ил. 18).

[7] Об этом читаем в отношении городского головы в адрес НОЛД: «Постановлением Городской Думы 11 Декабря 1909 г., сообщённом Управою Обществу 22 того же Декабря за № 6545, было уступлено бесплатно Обществу для производства археологических раскопок в 1910 и 1911 гг. огородное место в Кремле за церковными домами, на левой стороне от дороги к часовне Спасителя, для чего Городским Управлением был нарушен договор с арендатором означенного огородного участка» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 142, л. 147–147 об.). См. также примеч. к № 86.

92. Н.К. Рерих — М.В. Муравьёву. *СПб. 5 апреля 1910*

Новгородское Ярославле Дворище. Председателю Общества Любителей Древностей Муравьёву.

Будем [в] Новгород [в] Воскресение одиннадцатого. Просим собрать заседание комиссии [в] восемь вечера.

Рерих.

Телеграмма. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 216.

93. М.В. Муравьёв — И.В. Аничкову. *Новгород. 11 апреля 1910*

[...]

— Сейчас вернулся из заседания смешанной комиссии (предст[авителей] от нашего Общества, комиссии Музея Рериха и Предварительного Комитета), на которой было установлено соглашение о дележе предметов, а равно и ход раскопок. Ход предполагается такой: в Мае приезжают Рерих и Макаренко и производят пробные изыскания (открытые листы на них), а сами раскопки систематические начнутся в Июне или Августе и будут продолжаться последующие года. Не только Уварова знает об этих раскопках (и одобряет их), но одобряет их Великая Княгиня Марья Павловна, и на днях об них будет доложено Государю.

— Это всё небесполезно для нашего Общества, и надо будет это взвесить, учесть. Предметы, найденные при раскопках, будут распределяться по принципу, что мы получаем дублеты и вещи равноценного значения, а равно вещи громоздкие.

Дело в том, что, благодаря открытым листам на Рериха и Макаренку, в их руках все преимущества[1].

— Помимо предметов для нас важно точное определение былых сооружений, т. е. установление древней историографии Детинца. [...]

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 28–29.

---

[1] В архивах ИАК и НОЛД сохранились след. документы об открытых л. 6 апреля 1910 Рерих и Макаренко получили открытые л. «на Новгородский уезд и сам город Новгород» (см. примеч. к № 90). 6 апреля же НОЛД направило в ИАК отношение (№ 68) с просьбой выслать открытые л. и на НОЛД. 15 апреля ИАК (подписал В.В. Латышев) ответила на это: «ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссия ... имеет честь покорнейше просить Общество не отказать уведомить её, в каких именно местностях и какие памятники старины Обществом предположено исследовать в 1910 году, каким лицам исследования будут поручены и имеют ли эти лица надлежащую опытность в производстве раскопок» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 85). НОЛД ответило ИАК не сразу — отношением от 19 мая 1910 (№ 117). Ответ удовлетворил Комиссию, и 9 июня 1910 в НОЛД были отправлены «шесть открытых листов на право производства Обществом в текущем году археологических раскопок в пределах Новгородской губернии», при этом ИАК в своём отношении просила «по окончании работ и не позже 1 января 1911 года доставить в комиссию (с возвращением открытых листов) отчёт о произведённых раскопках и могущих быть найденными древностях» (подписал В.В. Латышев). На лицевой стороне этого документа имеется помета о выдаче 22 июня 1910 открытых л. И.С. Романцеву, Л.Н. Целепи, И.В. Аничкову, М.В. Муравьёву и об их возвращении в ИАК 12 февраля 1912 (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 133).

Раскопки древнего Новгорода. Беседа. [Приложение к № 93]

Вчера возвратился из Новгорода академик Н.К. Рерих, Председатель Комиссии Допетровского Музея и комиссии по исследованию Новгорода. Цель поездки была подготовить будущие раскопки в Новгородском Детинце.

Н.К. Рерих, как выяснилось из разговора, доволен результатами поездки.

С Московским Обществом Любителей Древностей[1] установлено полное соглашение: средства на исследования первого года, вероятно, достигнут 2000 рублей, а если находки будут хороши, то и размер средств увеличится.

От Новгородского Общества в состав комиссии вошли: М.В. Муравьёв, И.С. Романцев, Л.Н. Целепи, С.К. Матвеевский, протоиерей А.И. Конкордин и кандидат А.И. Анисимов.

— Член комиссии И.С. Романцев занят сейчас очень ценным трудом составления Археологической карты Новгородской губернии; надо надеяться, что все, знающие что-либо о древностях Новгородского края, не откажут сообщить ему свои сведения, так как одних сведений от казённых установлений ещё мало, а труд может иметь большое значение для будущего изучения края.

— Раскопки наши будущим летом сосредоточатся в южной части Детинца, в пределах бывшей улицы Пискупли; в этой местности могли быть княжеские терема и прочие княжьи службы. Намечена также в близкую очередь раскопка Рюрикова Городища[2], где кроме доисторического [по]селения долгое время было местопребывание княжеских семейств.

Высказано также предположение исследовать дно Волхова около старого моста — свидетеля великих исторических событий.

Производство самих работ возложено на секретаря комиссии Н.Е. Макаренко, который зарекомендовал себя уже многими образцовыми археологическими изысканиями.

— Словом, будем работать, — кончил Н.К. Рерих, — и если посчастливится, то могут быть обнаружены великолепные остатки лучшей великокняжеской поры. Заманчиво!

БВ. 15 апреля 1910. Веч. вып. С. 6.

---

[1] Имеется в виду ИМАО.

[2] Полная история иссл. этого памятника изложена в монографии: *Носов Е.Н.*, 1990.

94. Н.К. Рерих — М.В. Муравьёву. *СПб. 24 апреля 1910*

Многоуважаемый Михаил Валерианович.

Рассуждая о будущих приездах в Новгород, мы натолкнулись на вопрос о помещении, так как жить летом в гостинице более чем тягостно. Не найдёт ли возможным губернатор[1] или Городское Управление предоставить нам помещение для остановок? Для Н.Е. Макаренко это обстоятельство очень важно.

Как идут находки у И.С. Романцева?

Искренно Вам предан

Н. Рерих.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 228–229.

[1] *Башилов Пётр Петрович* — новгородский губернатор (до февраля 1911), член-учредитель и почётный член НОЛД (см. о нём: ГАНО, архив "Канцелярии Новгородского Губернатора": ф. 138, оп. 1). Возглавил новгородскую делегацию на 1-м заседании Предварительного комитета по организации XV Всероссийского археол. съезда, проходившем 3 января 1909 в М. в доме гр. П.С. Уваровой. Неизвестный обозреватель сообщал, что на это заседание из Новгорода «приехала целая депутация с губернатором П.П. Башиловым и городским главой во главе, с просьбой устроить Съезд в Новгороде. Указывалось на необходимость возможно скорого исследования новгородской старины, ибо она приходит в упадок, расхищается, уничтожается временем. В дебатах по этому вопросу приняли участие, кроме г. Башилова и Новгородского городского головы, такие ученые, как Покровский, Павловский, Миллер, Самоквасов. Словом, почти все ораторы указывали на важность Новгорода и древней Новгородской области в истории русского искусства и настоятельно рекомендовали устроить Съезд именно здесь» (*ГМ.* 4 января 1909). Что и решили. А вот что сохранил журнал 20-го заседания НОЛД от 2 марта 1911: «Председатель от имени Правления Общества высказал сожаление об уходе из Новгорода П.П. Башилова, всегда содействовавшего начинаниям Общества. Пётр Петрович на Предварительном Съезде в Москве 4 января 1909 г. деятельно поддерживал необходимость созыва XV Всероссийского Съезда в Новгороде, для заседаний Общества и его библиотеки предоставил помещение в Музее Древностей, по ходатайству Общества учредил две комиссии — одну для наблюдения за сохранностью Кремлёвской стены, другую для Управления Музеем Древностей, с введением в обе комиссии представителей Общества Любителей Древности. Таким образом, Детинец и Музей, поставленные под общественный контроль, не рискуют в будущем переживать время запустения и упадка» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 23, л. 1 с об.). Совсем иную грань деятельности Башилова отметил историк искусства и археолог Н.Г. Порфиридов: «Новгородские губернаторы последних десятилетий ничем особенным не отличались и не оставили по себе памяти, кроме разве Башилова, учредителя борделя, получившего в честь его у обывателей название "башиловка"» (*Порфиридов Н.Г.*, 1982. С. 241). Башилов несколько раз упом. в текстах Рериха, посв. раскопкам в Новгороде. Идея Рериха — законсервировать (по крайней мере до XV Археол. съезда в июле 1911) раскопочную траншею в кремле была встречена им враждебно, и траншея была засыпана за неимением средств для её поддержания (см. об этом ниже). В письме к И.Э. Грабарю в апреле 1946 Рерих вспоминал: «Новгородский губернатор велел зарыть наши раскопки в Кремле, ибо свиньи могут упасть в траншеи» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 390).

95. НОЛД — в Новгородский предварительный комитет XV Археологического съезда. *Новгород. 31 апреля 1910*

В настоящее время между НОЛД и Комиссией Музея Допетровского искусства и быта состоялось соглашение, вследствие которого смешанная комиссия из представителей этих 2-х учреждений с академиком Н.К. Рерихом во главе летом 1910 года приступит к производству раскопок южной части Новгородского Детинца, предоставленной для сего Новгородской Городской Думой НОЛД[1].

Смешанная комиссия для означенных раскопок располагает в настоящее время 1150 рублями, каковой суммы для доведения их до конца, конечно, очень недостаточно.

По состоявшемуся соглашению все предметы, добытые при раскопках южной части Детинца, должны быть экспонированы на выставке 1911 года, а так как раскопки будут несомненно продолжаться и летом 1911 года, то в них могут принять участие и те научные силы, которые сосредоточит в Новгород XV Археологический Съезд, и что служит гарантией, что раскопки эти будут вполне использованы наукой.

Ввиду этих важных для XV Археологического Съезда раскопок в Детинце [...] и изъявленного в письме графини П.С. Уваровой на имя М.В. Муравьёва за № 505 принципиального согласия Московского Предварительного Комитета дать некоторую сумму на означенные раскопки, НОЛД в заседании своем 29 Марта с. г. постановило просить Новгородский Предварительный Комитет тоже ассигновать некоторую сумму на предполагаемые раскопки, и каковую сумму Новгородский Предварительный Комитет, очевидно, может получить от Московского Предварительного Комитета[2].

За Председателя Секретарь.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 220.

---

[1] 14 мая 1910 Муравьёв так писал об этом соглашении Аничкову: «С Рерихом состоялось соглашение согласно с выработанными общим собранием условиями, но с видоизменением, что деньги получает Комиссия Музея Допетровского искусства и быта и разрешения на раскопки в Новгороде» (см.: ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 36–36 об.).

[2] В результате это прошение не было удовлетворено.

96. Комиссия Музея Допетровского искусства и быта — М.В. Муравьёву. *СПб. 14 мая 1910*

Его Высокородию Михаилу Валериановичу г. Муравьёву.

Вследствие заявления Председательствующего о желательности избрать Товарища Председателя комиссии по раскопкам в Новгороде Комиссия Музея Допетровского искусства и быта в заседании своём 7 Мая с. г. единогласно избрала Вас Товарищем Председателя в комиссию по раскопкам в Новгороде, о чём настоящим имеем честь сообщить Вам.

Переходя затем к обсуждению вопроса о времени раскопок текущим летом в Новгороде комиссия постановила, имея в виду ограниченные средства и озабочиваясь возможно большею экономиею, — не разделять работы на две очереди, а приступить к ним в конце Июля, посвятив весь Август месяц[1]. Причём комиссия, име[я] в виду, что самый древнейший культурный слой можно ожидать на Рюриковом Городище[2], постановила произвести разведочные раскопки в Кремле и раскопки на Рюриковом Городище.

Председатель Н. Рерих.
Секретарь Н. Макаренко.

Автографы. Машинопись. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 230.

[1] Об этом же Рерих пишет в статье "Великий Новгород", помещённой в приложении к этому письму. Однако раскопки проходили в более ранние сроки — с 5 по 21 июля. Архитектурные иссл. кремля — с 1 июля до первой декады августа (с перерывами).

[2] К этому же результату для ранних славянских поселений в Новгороде и его окрестностях пришла и вся последующая археол. наука. Приведём два важнейших вывода, сформулированных Е.Н. Носовым: «1. Многолетние раскопки Городища показывают, что поселение здесь было основано не позднее середины IX в. (вопрос о более ранней дате открыт) и представляло собой укреплённый торгово-ремесленный и военно-административный центр на пересечении водных путей, по типу близкий древней Ладоге. 2. На территории собственно Новгорода, в разных его концах, в том числе в ключевых точках (детинец, Ярославово дворище и т. д.), не обнаружено слоёв ранее середины X в. (для Неревского раскопа, видимо, ранее 30–40-х гг. X в.)» (*Носов Е.Н.*, 1995. С. 5).

Н.К. Рерих. Великий Новгород. *1910.* [Приложение к № 96]

«Бояху-бо ся звериного их нрава», — замечает о новгородцах Никоновская летопись[1].

Боялись князья идти управлять сильными, непокойными ильменцами.

Но напророчила Марфа Посадница[2]. Стал Великий Новгород самым скромным, самым тихим из русских городов.

Притаился.

Скрыл свой прежний лик. Никто не представит себе, как тянулся великий, пёстрый, шумный Ганзейский город на вёрсты до Юрьевского монастыря, до Нередицы, до Лядки. Никто не признает жилым местом пустые бугры и низины, сейчас охватившие Новгород.

Даже невозможно представить, чтобы когда-нибудь новгородцы «были обладателями всего Поморья и до Ледовитаго моря и по великим рекам Печоры и Выми и по высоким непроходимым горам во стране, зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодныя реки: тамо бо беруще звери дики, сиречь соболи».

Трудно поверить, как ходили новгородцы до моря Хвалынского (Каспийского) и до моря Венецийского.

Невообразимо широк был захват новгородских "молóдых людей". Молодая вольница беспрерывно дерзала

Георгиевский собор Юрьевского монастыря в Новгороде. 1119. Зодчий Пётр

Фото из изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16 № 1. С. 3

Церковь Николы на Липне в Новгороде. 1292
Южный фасад
Фото из изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 2. С. 191

и стремилась. Успех вольницы был успехом всего великого города. В случае неудачи старейшинам срама не было, так как бродили люди "молодшие". Мудро!

Но везде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду всё ценное несли они в новгородскую скрыню. Хранили. Прятали крепко.

Может быть, эти клады про нас захоронены.

В самом Новгороде, в каждом бугре, косогоре, в каждом смыве сквозит бесконечно далекая обширная жизнь.

Чёрная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпича всех веков, обломками изразцов и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицам и переулкам города, можно из-под ноги поднять и черепок X–XII века, и кусок старовенецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати...

Глядя на жирные пласты прошлых эпох, не кажется преувеличенным сообщение В. Передольского[3], что жилой слой новгородской почвы превышает семь саженей[4].

Вы идёте по безграничному кладбищу. Старое, изжитое место. Священное, но ненужное для жизни.

Всякая современная жизнь на таком священном кургане кажется неуместной, и, может быть, не случайно сейчас глубоко усыплён временем Великий Новгород.

Пора серьёзно опять обратиться к старому Новгороду.

Обстоятельства создают и собирателей. Но их мало.

Собрание Передольского с его широкими, но путаными замыслами лежит под спудом, а между тем оно важно для Новгорода так же, как собрание Плюшкина[5] близко Пскову.

Да оно и много лучше собрания Плюшкина.

Следует помогать таким собирателям. Но не хватит у города находчивости из этих собраний сделать продолжение своего расхищенного музея.

Поймут ли "отцы города", что в их руках сейчас не рыбное, не лесное, не хлебное дело, а единственное подлинное сокровище — былое Новгорода со всеми его останками?

В 1911 году Великий Новгород будет праздничным.

После долгих сомнений справедливо решено собрать в Новгороде археологический съезд.

Во главе съезда опять будет отзывчивая графиня П.С. Уварова. Она умеет поднять людей, умеет и взять дело пошире. В ней есть то, чем "любитель" часто одолевает "специалистов". Ко времени съезда Новгороду придётся показать многое из того, что скрыто сейчас.

Моё предложение образовать музей допетровского искусства и открыть всероссийскую подписку на исследование Новгорода, древнейших городов русских было встречено очень многими сочувственно.

Мне кажется, не откладывая, следует всеми силами начать собирать средства.

Находки из этих исследований, — а их будет огромное количество, — должны поступить в музей допетровского искусства и быта. Как ни странно, но до сих пор в столице нет многоцельного историко-бытового музея.

Отдельные находки сосредоточены в Эрмитаже, в археологическом обществе и археологическом институте. Небольшие отделы находятся в Академии наук, в артиллерийском музее, в хранилищах университета, но всё это разрознено, часто трудно доступно.

Нужен в Петербурге музей, равный по значению московскому историческому. И России, где находки ещё только начинают выявляться, следует подумать о материалах для такого хранилища. Конечно, начнём с Новгорода и Киева.

Несколько обществ, несколько издательств могут приняться за это большое культурное дело.

В первую голову принялось за дело исследования городов общество архитекторов-художников, которое собирается в Академии Художеств в Петербурге. И это правильно.

Вот почему. Во-первых, исследование городов должно быть ближе всего зодчим. Они — творцы лица государства.

Церковь Благовещения на Городище в Новгороде. 1343

Фото из изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16 № 2. С. 196

Зодчим поручается многое в укладе нашей жизни — велико должно быть к ним доверие.

Именно зодчим должны быть ведомы условия нарастания городов. Они больше других должны чувствовать всю захороненную житейскую мудрость прежних устройств.

Строительная молодёжь, которая собирается вокруг общества архитекторов-художников, будет крепнуть на таких исторических изысканиях, развивая свой вкус и опыт для нового творчества.

Во-вторых, общество архитекторов-художников — молодо. Пока — вне всяких скучных, запретительных традиций. Общество быстро развивается и не боится новых дел. В общество охотно идут, и таким путем складывается кадр многосторонний, пригодный для крупных начинаний.

Молодому обществу удалось уже многое спасти, многое выяснить. Зоркие молодые глаза усмотрели уже много вандализмов и громко указали на них.

Обществу покровительствует Великая Княгиня Мария Павловна, новый президент Академии Художеств. Великая Княгиня с большим рвением занялась новой работой. Она окажет самое горячее покровительство широкому, общегосударственному делу, близкому каждому любителю искусства и старины.

Церковь Фёдора Стратилата на Ручье в Новгороде
1360–1361. Зодчий Пётр
Фото из изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 1. С. 5

Следует начать подписку. Помощь будет.

Уже в 1911 году, к съезду, работа может дать первые результаты.

В конце июля Комиссия Допетровского Музея начнет раскопку южной стороны Детинца, где стояли княжьи терема, а также пять старых храмов. В то же время возможна раскопка и на старом городище, где долгое время жили княжьи семьи.

Люблю новгородский край. Люблю всё в нём скрытое. Всё, что покоится тут же, среди нас.

Для чего не надо ездить на далёкие окраины: не нужно в дальних пустынях искать, когда бездны ещё не открыты в срединной части нашей земли. По Новгородскому краю всё прошло.

Прошло всё отважное, прошло всё культурное, прошло всё верящее в себя. Бездны нерас-

крытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски.

Слишком много со всех сторон очевидного. Чему дать первенство? Упорядочению церквей, нахождению старых зданий, раскопкам в городе или под городом в самых древних местах?

Наиболее влекут воображение подлинный вид церквей и раскопка древнейших мест, где каждый удар лопаты может дать великолепное открытие.

На Рюриковском Городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, всё полно находок. На огородах из берегов беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно.

Чувствуется, как после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах при [истоке] Волхова [из] Ильменя, жизнь разрасталась по более высоким буграм через Городище, Нередицу, Лядку — до Новгорода.

Башня Кукуй (Кокуй) Новгородского кремля. XV–XVII вв.
Фото из изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16 № 1. С. 284

На Городище, может быть, найдутся остатки княжьих теремов и основания церквей, из которых лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславом Владимировичем[6].

Какие поучительные таблицы наслоений жизни может дать исследование такого старинного места. Обидно, когда такие находки разбегаются по случайным рукам.

Кроме Городища целый ряд пригородных урочищ спорит о древности своего происхождения.

Коломцы (откуда Передольский добыл много вещей каменного века), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Раком[о] (бывший дворец Ярослава), Мигра, Зверинцы, Вяжищи, Радятина, Холопий городок, Соколья Гора, Волотово, Лисичья Гора, Ковалёво и многие другие урочища и погосты ждут своего исследователя.

Но не только летописные и легендарные урочища полны находок.

Прежде всего, повторяю, сам город полон ими. Если мы не знаем, чем были заняты пустынные бугры, по которым, несомненно, прежде тянулось жильё, то в пределах существующего города известны многие места, которые могли оставить о себе память.

Часозвоня и церковь Сергия Радонежского в Новгородском кремле. XV–XVII вв.

Фото из изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 2 С. 273

Ярославле Дворище (1030 г.), Петрятино Дворище, Двор Немецкий, Двор Плесковский, два Готских Двора, Княжий Двор, Гридница Питейная, Клеймяные Сени, Дворы Посадника и Тысяцкого, Великий Ряд, Судебная Палата, Иноверческие ропаты (часовни), Владычни и Княжьи житницы, наконец, дворы больших бояр и служилых людей — все эти места, указанные летописцами, не могли исчезнуть совсем бесследно.

На этих же местах внизу лежит и целый быт долетописного времени.

Всё это не исследовано.

Дико сказать, но даже Детинец новгородский и тот не исследован, кроме случайных хозяйственных раскопок[7].

Между тем Детинец весьма замечателен. Настоящий его вид не многого стоит. Слишком всё перестроено.

Но следует помнить, что место Детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княж-Двор [и Владычный двор], и с Владычной стороны святая София видела слишком многое.

Уже в 1044 году мы имеем летописные сведения о каменном Детинце. Юго-западная часть выстроена князем Ярославом, а северо-восточная — его сыном св. Владимиром Ярославичем. Хорошие, культурные князья! От них не могло не остаться каких-либо прекрасных находок.

Словом, огромный новгородский курган не раскопан. Можете начать его, откуда хотите, откуда удобнее, откуда более по средствам и силам.

Хотите ли заняться восстановлением церквей? У вас тоже есть всюду работа, так как в каждой старой церкви что-нибудь нужно во имя искусства исправить.

Возьмём, что легко вспомнить.

Красивая церковь Петра и Павла, на Софийской стороне, испорчена отвратительной деревянной пристройкой. Уровень храма был на целый этаж ниже. На стенах, несомненно, были фрески. В церкви Фёдора Стратилата у Ручья замазаны фрески. Их следует открыть.

В Николо-Дворищенском соборе на стенах совершенно непристойная живопись. Были фрески: вероятно, что-нибудь от них сохранилось.

У Фёдора Стратилата, на Софийской стороне, замазаны цветные изразцы.

В Благовещенской церкви, на Рюриковом Городище, фрески далеко не исследованы.

Также не исследованы вполне стенописи в Волотове и Ковалёве. В Ковалёве ясно видны три слоя живописи. Из них нижний слой, конечно, наиболее интересен.

Можно привести длинный список всего, что нужно исправить в церковной старине Новгорода.

Длинен мог бы быть и список непоправимого.

Умерло многое уже на наших глазах.

Под непристойной работой Сафоновской артели погиб Софийский храм. Приезжие иностранцы недоумевают о такой невообразимой для первоклассного собора росписи. Чуждыми и странными кажутся случайно сохранившиеся ещё иконостасы и отдельные иконы[8].

Без горести нельзя вспомнить о погибшей внешности Нередицкого Спаса[9].

Сиротливо стоит Новгородская глава на новых византийских плечах. Нелепы византийские формы при глубоко ушедших в землю фундаментах. Нестерпимо сухи вновь пройденные карнизы и углы[10].

Смотрю на Спаса и ещё раз мысленно говорю Покрышкину[11], что он сделал со Спасом прескверное дело. Поступил не по-христиански[12].

На собрании общества архитекторов-художников после моего доклада о Спасе[13] Покрышкин только сказал: "Дело вкуса".

Он прав. Ничего другого ему сказать не оставалось. И на это сказать тоже нечего. Странный, бедный вкус!

В середине Спаса теперь часто копошатся художники.

Зарисовывают.

Вспоминаю, что во время моих первых поездок по старой Руси не встречалось так много работающих над стариною.

Значит, интерес растёт. Наконец-то!

Случайная встреча ещё раз подсказывает, что в Новгороде искать надо.

Ехали мы на Коломец, к Ильменю.

От Юрьевского скита закрепчал "боковик". Зачёхала вода по бортам. Перекинуло волну. Залило.

Ковалёво. Снимок из фотоальбома семьи Рерихов. МСССМ

Затрепетала городская лодка. Подозвали мы тяжёлую рыбачью ладью; в ней пошли на Коломец.

Старик рыбак держал рулевое весло. За парусом сидела дочка. На медном лице сияли белые зубы.

Спросили её:

— Сколько лет тебе?

— А почем знаю.

— Да неужели не знаешь. Ну-ко, вспомни. Подумай!

— Не знаю, да, верно, уж больше двадцати.

И сидели рыбаки, крепкие. Такие помирают, но не болеют.

На Коломце скоро заторопил старик обратно:

— А то, слышь, уеду! Лодки-то сильно бьёт!

Заспешили. Забрались на рыбачью корму, но городская лодка с копальщиками не сходила с берега.

Трое гребцов не могли тронуть её.

— Али помочь вам? Садитесь вы все! — пошла по глубокой воде дюжая новгородка.

Взялась за лодку и со всеми гребцами легко проводила в глубину. С воды прямо взобралась на корму.

Сущая Марфа Посадница.

А рядом, на высокой корме, сидел её старик. Суховатый, орлиный нос. Острые, запавшие глаза. Тонкие губы. Борода — на два больших кудряша. И смотрел на волны зорко. Одолеть и казнить их собрался.

Сущий Иван Грозный[14].

Марфа Посадница, Иван Грозный! Всё перепуталось, и стала встреча с диковатыми рыбаками почему-то нужною среди впечатлений.

Такой народ ещё живет по озерам. Редко бывает в городе. Так же, как земля, умеет он хранить слова о старине. Так же, как в земле, трудно узнать, откуда и с чего начать с этим народом.

Церковь Спаса Преображения на горе Нередице в Новгороде с северо-западной стороны. 1198. Фото Н.К. Рериха из его публикации "По пути из Варяг в Греки. Заметки" (1899)

Везде нетронуто. Всюду заманчивые пути творчества. Всегда богатые находки.

Придут потом другие. Найдут новые пути. Лучшие приближения. Но никто не скажет, что искали мы на пустых местах. Стоит работать.

Текст приводится по изд.: *Рерих Н.К.*, 1914. С. 196–206.

То же после реставрации и ремонта. 1903–04. Фото ИАК

---

[1] *Никоновская летопись* — общерусский свод XVI в. Компиляция многочисленных источников по истории России. Составлена около 1539–42. В 40–60-х гг. XVI в. на основе Н. л. составлен Лицевой летописный свод. Один из списков Н. л. (сер. XVII в.) принадлежал патриарху Никону (*БЭС*. 1998. С. 808).

[2] *Марфа Посадница* — вдова новгородского посадника И.А. Борецкого. Возглавила антимосковскую партию новгородского боярства. После присоединения Новгорода к Московскому государству в 1478 взята под стражу и казнена. Об интересе Рериха к Марфе Посаднице см.: *Мельников В.Л.*, 1998г.

[3] *Передольский Василий Степанович* (1833—1907) — археол.-любитель, новгородский краевед, собиратель памятников старины. Присяжный поверенный в Новгородском окружном суде (1860–80-е). Отец В.В. Передольского — антрополога, этнографа, археол., путешественника. В 1880–90-х П. производил иссл. в Новгороде и Новгородской губ. Почётный член ИПАИ (с 1889). Член Русского Антропологического об-ва при ИПУ. В архиве П. (ГАНО, ф. 717), кроме его творческого наследия (рукописи и переписка), хранятся документы, собранные им, — "Жития святых", "Уложение 1649 г.", "Сборник писем Петра I" и др.; есть отд. собрание правовых актов на владение земель в Новгородской губ. Голенищевыми-Кутузовыми, предками Е.И. Рерих (оп. 1, № 57). Рериху были известны труды П.: "Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века" (СПб., 1893) и "Новгородские древности" (Новгород, 1898), "Краткий очерк состояния Велико-Новгородской старины в 1889 г." (*Сборник НОЛД*. № 3. Новгород, 1910) и ряд др. Ещё в 1899 Рерих посетил Передольских, о чём упомянул в печати: *Рерих Н.К.*, 1899. С. 5. Кроме этого, Рерих отметил иссл. П. сопок при Любыни в Старорусском у. (*Там же*. С. 25). В работе 1902 Рерих использовал данные П., полученные в урочище "Коломцы" (известная неолитическая стоянка): *Рерих Н.К.*, 1903. С. 23. При подготовке к иссл. 1910 Рерих и Макаренко во многом опирались на сообщения П. о культурном слое Новгородского детинца и о состоянии стен кремля. О вкладе П. в новгородику см.: *Жервэ Н.Н.*, 1992, 1994, 1995.

[4] Читаем у А.В. Арциховского: «В изданной В.С. Передольским книге "Новгородские древности" археологическая аргументация отсутствует, и только это давало ему возможность говорить, что Новгород возник ещё до нашей эры, и т. д. Небрежность его наблюдений превосходит всякое вероятие. Он утверждал, например, что на Торговой стороне толщина культурного слоя «доходит до 7 сажен», а на Софийской — «не превышает одной сажени». Странно, что такие грубые ошибки были допущены через 90 лет после точных измерений Е.А. Болховитинова. Теперь мы знаем, что предельная толщина слоя на Торговой стороне не 15 м, а 8,5 (улица Кирова), а на Софийской — не 2 м, а 7,5 м (Дмитриевская улица, место раскопок 1951 г.)» (*Арциховский А.В.*, 1956. С. 8).

[5] *Плюшкин Фёдор Михайлович* (1837—1911) — собиратель древностей, уроженец Валдая, из небогатой семьи. «В целом собрание Плюшкина насчитывало до миллиона (!) образцов искусства и старины. Особую гордость хозяина составлял мюнц-кабинет — более ста тысяч монет, хранившихся в 84 ящиках. Наиболее полно были представлены монеты Пскова и торговавших с ним городов и государств... Любой церковно-археологический музей мог позавидовать собранию принадлежностей богослужения. По части истории, этнографии здесь было собрано едва ли не всё возможное, что рассказывало о быте, привычках псковичей. Отдел рукописей включал в себя грамоты Ивана Грозного, письма Суворова, Потёмкина, автографы Гоголя и других писателей. Более тысячи произведений насчитывала картинная галерея, и удивительно было видеть в собрании провинциального собирателя образцы столь высокого уровня, как полотна Левицкого, Брюллова, рисунки Орловского, из западных мастеров — Пуссена, Тенирса, Грёза, Буше» (*Полунина Н., Фролов А.*, 1993. С. 136). Рерих неоднократно обращался к собранию Плюшкина. См. в наст. изд., разд. III, № XXXV (3), XXXIX (7–9), XLV (2).

[6] *Мстислав Владимирович* (1076—1132) — великий кн. киевский (с 1125), сын Владимира Мономаха. С 1088 княжил в Новгороде, Ростове, Смоленске и др. Участник княжеских съездов и походов против половцев. Организовал оборону Руси от западных соседей. По современным данным, *церковь Благовещения*, отмеченная Рерихом, выстроена не в эпоху Мстислава Владимировича, а в 1343 на месте церкви 1103, построенной, как предполагают некоторые иссл., зодчим Петром — автором Георгиевского собора Юрьева монастыря. До наших дней от неё сохранились лишь развалины. См. о ней: *Булкин В.А., Овсянников О.В.*, 1981. С. 156–159; *Носов Е.Н.*, 1990. С. 13.

[7] Все данные об этом, как до **1910**, так и после, собраны в публ.: *Петрова Л.И., Трояновский С.В.*, 1995. До **1910** производили работы: в **1839** Департамент военных поселений — на внешней стороне Пречистенско-Борисоглебского, Борисоглебско-Дворцового, Дворцово-Спасского, Спасско-Княжого, Княжого-Кокуй, Кокуй-Покровского, Покровско-Златоустовского, Златоустовско-Воскресенского, Владимирско-Пречистенского прясел и Покровской и Златоустовской башен; в **1861** — В.С. Передольский наблюдал за рытьём котлована под фундамент памятника "Тысячелетие России"; в **1878** — Н.Г. Богословский и Новгородский губ. статистический комитет сделали разведочные шурфы к западу от церк. Андрея Стратилата и в 30 м от неё в сторону Судейского городка; в **1890-е** — В.С. Передольский сделал разведочные шурфы у церк. Покрова и Андрея Стратилата и у Златоустовской башни; о выемках **1910**, сделанных накануне раскопок Рериха и Макаренко, см. в наст. разд., № 102 и 123.

[8] О пресловутой *артели Н.М. Сафонова* Рерих возмущённо писал ещё в 1899 ("По пути из Варяг в Греки. Заметки". // *ИХП*. 1899. № 9–10. С. 727–728). Но тогда критика Сафонова не достигала цели, ибо его артель работала под покровительством некоторых влиятельных деятелей церкви; в околоклерикальных кругах даже раздались голоса в защиту «русских простецов-богомазов» (см., например, *Соловьёв М.*, 1899). К сожале-

нию, Сафонов "успел" во многих местах: он сплошь переписал фрески Успенского собора во Владимире (1884–95), ему была поручена реставрация фресок Благовещенского собора в Московском Кремле (закончена в 1895), он грубо поновил живопись в Успенском соборе Свияжского монастыря (1899) и т. д. (*Вздорнов Г.И.*, 1986). В XX в. мн. авторы отрицательно оценивали деятельность сафоновской артели, но лишь Порфиридов указал, что её стимулировала низкая культура некоторых архиереев: «Новгородские архиереи конца XIX — начала XX в. много повредили Софийскому собору неумелыми ремонтами и реставрациями, ремесленной росписью стен. Сколько ещё подобных тихих погромов испытали на себе другие, менее заметные соборы, монастыри, церкви» (*Порфиридов Н.Г.*, 1982. С. 244).

[9] О создании и последующей истории храма см. в подборке, приуроченной к 800-летию Спасо-Нередицкой церк. (авторы статей *В. Булкин, Н. Пивоварова, Т. Рождественская, А. Анисимов*; репродукция картины *Н.К. Рериха "Спас Нередица"*, 1899): *София*. Новгород: изд. Новгородской епархии при участии журнала "Нева", 1998. № 3. С. 9–20.

[10] Рерих имеет в виду реставрацию и ремонт, выполненные в 1903–04 П.П. Покрышкиным. См. сведения о ней: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 177–178. Рерих неоднократно выступал в печати с отрицательной оценкой этой реставрации (хотя качество проделанного ремонта у него не вызывало возражений). «Неудачная реставрация в 1904 году, чуть было не погубившая всю живопись» — такова общепринятая её оценка и в современной литературе (см., например: *Ковалёва В.М.*, 1977. С. 5). О дальнейшей трагической судьбе Спасо-Преображенской церкви на Нередицком холме см.: *Булкин В.А., Овсянников О.В.*, 1981. С. 151–155; *Булкин В.А.*, 1998. С. 13–14.

[11] *Покрышкин Пётр Петрович* (1870—1921) — архитектор, академик архитектуры, видный реставратор и иссл. памятников древнерусского зодчества. Действительный член – штатный архитектор ИАК (с 1902). Так получилось, что Рерих и Покрышкин получили звание академика одновременно — на заседании ИАХ 26 октября 1909 (*Макаренко Н.Е.* Новые Академики. // *Аполлон*. Ноябрь 1909. № 2. С. 17). См. о Покрышкине: *Грабарь И.Э.*, 1922; *Сычёв Н.* П.П. Покрышкин. [Некролог]. // РА ИИМК, ф. 21, № 1616, л. 1–5; ниже в наст. изд., разд. III, № XXVIII, XXXI (3–6) и др.

[12] Пафос этих слов имел вполне реальную основу. После реставрации и ремонта, проведённых Покрышкиным, буквально через два-три года резко ухудшилось состояние Нередицких фресок, на что было указано мн. специалистами, посетившими храм. Потребовалось специальное вмешательство ИАК. 10 мая 1910 П.П. Покрышкин, Г.О. Чириков и В.К. Мясоедов осмотрели фрески Нередицкой церкви и составили акт, доложенный на очередном Реставрационном заседании ИАК. И.С. Китнер и П.П. Покрышкин предложили «открыть и промыть фрески». В.В. Суслов, А.А. Спицын и М.Т. Преображенский выступили категорически против этого, полагая, что не в этом причина ухудшения их сохранности. Это же отметил Б.В. Фармаковский, указав (на замечание Китнера — «приступать к этому делу когда-нибудь после не будет ли поздно»), что «фрески сохраняются тысячи лет». А.А. Спицын настаивал на чрезвычайной ответственности дела открытия Нередицких фресок, отметил, что существует огромный риск поручить это дело «не вполне опытным, хотя и добросовестным рукам», и «предложил выдать разрешение на отмывку фресок более ответственному лицу, чем имеющееся в виду» (*ИИАК*. № 36. (*ВР*. № 6). СПб., 1910. С. 42–43). Вот как охарактеризовал состояние Нередицких фресок в те годы архитектор Г.М. Штендер: «Во время работ в кладке стен и штукатурке был применён мало известный для того времени материал — цемент, вредно отразившийся на состоянии фресковой живописи, начавшей разрушаться (цемент лишал стены естественной вентиляции и способствовал распространению сырости

и плесени). В связи с этим возникла крайняя необходимость ликвидации цементной облицовки» (*Штендер Г.М.*, 1959. С. 8). Только в 1919–20 это удалось осуществить (по предложению самого Покрышкина), что спасло тогда уникальную живопись от разрушения (см.: *Покрышкин П.П.*, 1919).

[13] Об этом собрании см. также в очерке "Восстановления": наст. изд., разд. III, № XXXV (1).

[14] *Иван IV Грозный* (1530—1584) — великий кн. «всея Руси» (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын Василия III. Внутренняя политика И. сопровождалась массовыми опалами и казнями, усилением закрепощения крестьян. (*БЭС*. 1998. С. 431).

97. Новгородское губернское по земским и городским делам присутствие — в НОЛД. *21 мая 1910*

Имею честь уведомить, что состоявшееся 30 минувшего Апреля постановление Новгородской Государственной Думы об уступке части вала под постройку здания для офицерского собрания 22 артиллерийской бригады 20 текущего Мая Губернским по земским и городским делам присутствием отменено[1].

Губернатор [подпись]
Непременный член [подпись]
За секретаря [подпись]

Автографы. Машинопись на бланке. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 126. Подписал губ. П.П. Башилов.

---

[1] Это решение стало возможным исключительно благодаря твёрдой позиции целого ряда деятелей науки, искусства и культуры как в столице, так и в самом Новгороде. Среди возвысивших свой голос в защиту древнего новгородского вала был и Н.К. Рерих. Об этом свидетельствует сохранившийся журнал 17-го заседания НОЛД от 16 мая 1910 (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 108–114). Вот как зафиксирована в нём речь *М.А. Прокофьева*, председателя Новгородской губ. земской управы: «Новгородская Городская Дума после вторичного рассмотрения ходатайства командира 22 артиллерийской бригады г. Злотарского об отводе 28 погонных сажень городского вала для устройства офицерского собрания 30-го прошедшего апреля изъявила на это согласие, обусловив, что получить разрешение на это пользование частью городского вала от Археологической комиссии лежит на обязанности командира бригады. По этому поводу со стороны некоторых гласных Городской Думы, членов Новгородского Общества Любителей Древностей, академика Рериха, Общества Петербургских архитекторов, корреспондента "Нового времени" и разных других лиц возникли протесты, в которых утверждают, что городской земляной вал как памятник древности не может быть использован, даже в самой ничтожной части его, для удовлетворения указанной выше потребности военного ведомства. Рассматривая эти протесты, мы находим, что они основаны исключительно на недоразумениях, и в действительности никаких поводов к возникновению их не существует [...]». Др. выступавшие (А.И. Анисимов, И.В. Аничков, П.И. Дворянский, кн. А.Н. Голицына, М.В. Муравьёв и В.А. Подобедов) высказывали противоположную точку зрения, к-рая в конечном счёте и возобладала. Приведём два наиболее ярких мнения. *И.В. Аничков*: «По вопросу о предоставлении исторического вала 22 артиллерийской бригаде нашему Обществу следует стоять только на прин-

ципиальной точке зрения: можно ли уничтожать памятник древности, имеющий историческое значение и напоминающий об одном из важнейших событий в истории Великого Новгорода — отражения нападения суздальцев. Прежде чем городу прийти к решению о необходимости уничтожить вал, он должен вступить на этот шаг только по зрелому размышлению, но до такого решения он не должен отдавать вал на уничтожение по частям: сегодня бригада, завтра богадельня или школа, но не встав на этот путь сознательного охранения памятников старины — на ответственности городского самоуправления будет лежать неуважение к своей старине». *А.И. Анисимов*: «Крепостные сооружения, валы и рвы относятся к разряду данных археологии не менее стен, башен и вообще любых старинных зданий. Наивно исходить, в отрицании за ними археологического значения и цены, из материала, который лёг в основу их, т. е. из земли: в археологии материал, взятый сам по себе, не играет никакой роли. Существенно важно только назначение и способ устройства старинного предмета или сооружения из того или иного материала. Неосновательно также указание на значительность пространства, занимаемого валом и рвом: на этом основании следовало бы застроить в городах старинные площади, в большинстве случаев центральные и доходные места. Но археология, если бы то было в её средствах и власти, не позволила бы тронуть даже знаменитой китайской стены, хотя она и тянется на сотни вёрст». См. публ. журнала 17-го заседания: *Сборник НОЛД*. № 4. Новгород, 1911. С. 162–169.

98. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Гапсаль*[1]. *25 мая 1910*

[...] Древностей нет! Этюды плохи. Сейчас едем в Ревель[2]. [...]

Твой Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 135. Открытое письмо. Штемпель Ревеля с указ. датой.

---

[1] *Гапсаль* — офиц. назв. г. Хаапсалу (Haapsalu) в Эстонии до 1917. Известен с 1279. Расположен на берегу залива Хаапсалу Балтийского моря. Грязевой и климатический курорт. Есть краеведческий музей. (*БЭС*. 1998. С. 1302). Вот что вспоминал о Г. (иначе — Упсале) великий кн. Кирилл Владимирович, посещавший его в детстве: «...Нас дважды возили на лечение в Упсалу, прекрасную лечебницу в Эстляндии, известную своими грязями... В Упсале мы остановились в доме, любезно предоставленном в наше распоряжение двумя очень милыми старыми девами графинями Бреверн де ла Гарди, которые иногда навещали нас... Упсала — восхитительное местечко, и мы там прекрасно отдыхали: купались в море, прогуливались по борам, посещали концерты и танцевали с находящимися на каникулах девочками из "Патриотического института"... Нас наблюдал медик — доктор Юниус, милейший старичок, типичнейший прибалтийский немец. Он хорошо разбирался в сортах яблок и слив, которые в изобилии росли в его саду, всегда открытом для нас» (*Кирилл Владимирович*, 1996. С. 46).

[2] *Ревель* — офиц. назв. г. Таллин (Tallinn, с 1918 столица Эстонии) в 1219–1917. Известен с 1154 (в русских летописях) под назв. Колывань, в ливонских хрониках — Линданисе. В XIII–XVI вв. под властью Дании, затем Швеции, в 1710 присоединён к России. В Вышгороде — замок (XIII–XVI вв.) и готическая Домская церк. (XIII–XV вв.); в Нижнем городе — ратуша (XIV–XV вв.), здание Большой Гильдии (XV в.), готические церк.: Олевисте (XV — нач. XVI вв.), Нигулисте (XIII–XV вв.) и Пюхавайму (Св. Духа; XIV в.), городские укрепления (XIV–XV вв.), многочисленные жилые дома (XV–XVIII вв.), дворец Кадриорг (XVIII в.). В наст. время 19 музеев, в т. ч. исторический,

худ., морской, природы, парк-музей народного зодчества и быта. (*БЭС*. 1998. С. 1117). Вот что вспоминал Рерих о **Гапсале** и **Ревеле** в 1937:

«"Рутте, рутте" — это было первое эстонское слово, выученное нами, когда мы ехали в большой старинной карете четверкою в Гапсаль. Эта поездка запомнилась. Ведь она была первым выездом из нашего поместья Извара, а в пятилетнем возрасте все впечатления особо четко запоминаются. Мелькнули серые стены Нарвы, очень понравился старый Ревель с башнями и островерхой киркою. Было необычно ехать по песчаным дюнам и мелкому плитняку до Гапсаля. Лошади бежали медленно, и потому ещё услышанное на Ревельском вокзале "рутте, рутте" весьма пригодилось. Проезжая мимо пашни, мы были удивлены, слыша какой-то стеклянно-каменистый звук. Оказалось, что почва состоит из мельчайшего плитняка, и тем удивительнее было видеть, что под трудолюбивой рукой и такая почва могла сделаться плодородной.

В Гапсале привлекли внимание развалины старого замка. Особенно же присмотрелись мы к ним, когда услышали легенду о белой даме, появляющейся в готическом полуразрушенном окне. Скептики уверяли, что при известном положении луны получались очертания фигуры, но хотелось верить, что это не отсвет лунный, а сама белая дама, появляющаяся перед чем-то особенным. Тогда же рассказывали нам и легенды древних ревельских башен, и сказания о замках Лоде и Таубе — все это было необычно, и после тишины изварских лесов и озёр шум морского прибоя тоже гремел какую-то увлекательную северную сагу.

Второй приезд в Гапсаль — через много лет — был уже в 1910 году. Там же были написаны несколько картин. "За морями земли великие" — эта картина была впечатлением побережья. Северянка, навстречу дальнему ветру, мечтает о неведомых чудесных землях, о той сказочной стране, которая живёт в сердце человеческом. Тогда же был написан эскиз к "Пути Великанов". Там же оформился "Варяжский мотив", а дума о ревельских башнях послужила для картины "Старый Король". В то же время подготовлялись и эскизы для храма в Талашкине, имении княгини М.К. Тенишевой. "Царица небесная на берегу Реки Жизни" была закончена именно в Гапсале.

Таким путём целый ряд впечатлений дала Эстония. Из дома Бреверн де ла Гарди была нами куплена отличная мебель петровских времен, которая долго напоминала нам эти края» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 76).

99. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Гапсаль — Ревель. 27 мая 1910*

[...] Закрыл ли Макаренко выставку? Газет мы не видим. Если есть — вырежи. [...]

Н.К. Рерих. Дочь викинга. 1910. Собрание ГМВ

Если готовы новые таблицы для камней, пусть Пётр[1] пришлёт 6 таблиц. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 134. Открытое письмо. Штемпель Ревеля с указ. датой.

Н.К. Рерих. За морями — земли великие. 1910

[1] *Пётр* — слуга, выполнявший самую разнообразную работу. Швейцар-сторож в Рисовальной школе ИОПХ (см.: *Гурвич И.Н.*, 1962–69). Конюх Рерихов (см.: *Фосдик З.Г.*, 1998. С. 558). Служитель-санитар при умирающем А.И. Куинджи (см.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 293). В своих воспоминаниях Рерих отметил сразу двух служащих ИОПХ, имевших имя *Пётр*: «В столетней истории Общества Поощрения Художеств, кроме покровителей, деятелей, профессоров и учащихся, должны быть помянуты и служители. Они принимали и прямое, и косвенное участие в деятельности Общества. Они знали всё и не раз даже оказывали своё воздействие. Славные работники были Пётр Мартынов и Пётр Захарычев. Много трогательного можно о них сказать. Мартынов помер. Жив ли Захарычев?» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 596). В архиве Рериха сохранилась недатированная записка *Петру*: «Пётр! Выдай И.И. Лазаревскому мою картину *"Красные горы"* — была в кабинете около двери в переднюю, на доске длиною около 2 арш. 4 верш. — тёмно-красные горы. Если придёт г. Вайнштейн, покажи ему большую тёмную картину с большими фигурами (из Бологое) — она стояла у Антона на пост[оянной] выставке. Надеюсь, всё идет хорошо! Н. Рерих» (ОР ГТГ, ф. 44, № 122). См. также в примеч. к письму № 71.

100. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Гапсаль. 18 июня 1910*

Отчего давно не пишешь? У нас все дни — *как один*. Особенных изменений печени не видно. Когда решил посылать людей в Новгород? Видел ли Макаренку, — он напишет Муравьёву, чтобы отвели помещение. Поцелуй маму. Пиши. Твой Н. Р. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 136. Открытое письмо. Штемпель Гапсаля с указ. датой.

101. Н.Е. Макаренко — М.В. Муравьёву. *СПб. 22 июня 1910*

Его Высокородию Михаилу Валериановичу г. Муравьёву.

Честь имею покорнейше просить Вас, не найдёте ли Вы возможным предоставить помещение для отправляющихся в Новгород для обмера южной части Кремлёвской стены трёх лиц с Борисом Константиновичем Рерихом[1]. Так как эти

работы ведутся в связи с исследованием Кремля, не можете ли Вы предоставить помещение, согласно выраженному уже Вами желанию, где-нибудь в гимназии или по Вашему усмотрению. Означенные лица выедут в Новгород 1 Июля.

Секретарь Комиссии Музея Допетровского искусства Н. Макаренко.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 233.

---

[1] О результатах этих работ см. в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (1, 7), XL (3), XLVII.

102. ИАК — новгородскому губернатору П.П. Башилову. *СПб. 30 июня 1910*

Около 20 июня в Новгородском Детинце были произведены Новгородским Городским Управлением самовольные раскопки[1], причём осмотр выкопанных четырёх ям специалистом (членом комиссии Б.В. Фармаковским[2]) убеждает, что лица, производившие выемки, не имеют, очевидно, представлений о том, как должны быть производимы археологические исследования. [...]

За Председателя Комиссии Товарищ Председателя В. Латышев.

Делопроизводитель И. Сутуло.

Автографы. Машинопись. ОПИ НГОМЗ, ф. 5, оп. 1, № 20, л. 155.

---

[1] Эти раскопки явились причиной серьёзных трений Комиссии Музея Допетровского искусства и быта и НОЛД в 1910. Сохранившиеся в архиве НОЛД документы свидетельствуют о том, что общество офиц. привлекалось к ним Городской управой. Рерих и Макаренко, узнав из печати (см.: разд. III, № XXXVII (9) об участии в раскопках некоторых членов НОЛД (например, И.С. Романцева, к-рый к тому же входил и в соединённую комиссию по раскопкам), восприняли это как нарушение ранее согласованного плана совместных иссл. Следует отметить, что любые выемки культурного слоя, а тем более до материка и в детинце, должны были происходить с разрешения ИАК, чего сделано не было. Точная дата события выясняется из отношения Городской управы в НОЛД от 15 июня 1910: «Городская Дума в экстренном заседании 14 сего Июня единогласно постановила уступить Министерству Народного Просвещения землю в Кремле для постройки Реального училища, за церковью Андрея Первозванного, налево от дороги, ведущей к часовне Святого Спаса. Необходимо поэтому и вследствие просьбы г. Попечителя С.-Петербургского Учебного округа исследовать в этом месте грунт, для чего решено в среду в 1 час дня начать копать несколько пробных траншей, дабы определить глубину залегания материка и иметь возможность описать его качества. О вышеизложенном Городская Управа согласно упомянутого постановления Думы честь имеет уведомить на тот случай, не пожелает ли Общество Любителей Древности присутствовать при этих земляных работах. Вместе с тем Городская Управа покорнейше просит ОЛД, ввиду состоявшегося постановления Думы, не отказать принять меры к тому, чтобы предполагавшиеся раскопки в этой части Кремля были произведены в нынешнем году, дабы не случилась задержка с этой стороны к постройке Реального училища, которая может начаться в будущем 1911 году. За Городского Голову Ст. Петров. Городской секретарь [подпись]» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 231). Т. о., несанкционированные раскопки состоялись уже 16 июня, т. е. через день после решения новгородской думы. Естественно, НОЛД не успело бы опротестовать это решение,

даже если бы и захотело это сделать. М.В. Муравьёв предпочёл прислать своих представителей «присутствовать при земляных работах», что, однако, было воспринято в ИАК как потворствование незаконным раскопкам, за к-рые можно попасть под суд (см. об этом также ниже: наст. раздел, письмо № 121, приложение к письму № 144 и разд. III, № XXXVIII (7)).

[2] *Фармаковский Борис Владимирович* (1870—1928) — археолог, историк античности, историк искусства. Член-сотрудник (1896), действительный член (1897) ИРАО, управляющий Классическим отделением ИРАО (с 1919). Учёный секретарь Русского археол. института в Константинополе (1898–1901). Действительный член ИАК (1901–18), по заданию к-рой проводил систематические раскопки в Ольвии (1896, 1901–15, 1924–26). Преподаватель, затем проф. Петербургского историко-филологического института (с 1904) и Высших женских (Бестужевских) курсов (с 1905). Приват-доцент (с 1905) кафедры истории и теории искусств ИПУ, проф. ИПУ после Октябрьской революции. Член-корреспондент Петербургской АН (с 1914). Один из создателей, действительный член (1919) и учёный секретарь (1921–28) Российской Академии истории материальной культуры. Хранитель ГЭ (1924–28). Известен трудами по античной археол. и искусству. В работе "Архаический период в России" (1914) впервые опубликовал реконструкцию Майкопского кургана, выполненную в 1897 Н.К. Рерихом (см. в наст. изд., раздел III, № XLVI). См. о нём: *Жебелёв С.А.*, 1915; *Фармаковская Т.И.*, 1988; *СР.* 1997. С. 63, 66 и мн. др.

103. Н.Е. Макаренко — М.В. Муравьёву. *СПб. 1 июля 1910*

Милостивый Государь Михаил Валерианович.

Чтобы не затягивать раскопки в Новгороде, мы приедем в Новгород (я и Николай Константинович Рерих) в Субботу вечером[1]. Считаю своим долгом сообщить Вам об этом.

Секретарь Комиссии Музея Допетровского искусства и быта
Н. Макаренко.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 237.

---

[1] Т. е. 3 июля по ст. ст., или 16 июля по новому.

104. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. 1 июля 1910*

[...] Милый Мисик. Сейчас будем обедать с Борей в "Вене"[1]. Жарко. Я отобрал ящичек кремешков таблиц на 5 и посылаю Тебе, на имя Мулички[2]. Это всё я вынул из прочих слишком густо наложенных. В Новгороде помещения нам не дают и предлагают остановиться в гостинице женского монастыря. Может быть, это и лучше. [...] Решено, что едем в Субботу в *3 часа* (в Новгороде в 10 часов вечера). [...]

1 час дня

Должен остаться до Понедельника. Хочу организовать постоянное дежурство докторов и постоянное присутствие друзей. Вероятно, придётся дня

через 4 приезжать из Новгорода. Что-нибудь надо устроить для Архипа[3]. Так уехать невозможно. Очень жду от Тебя письма. Как у Вас там[4]. Пиши, миленькая. Вот какие положения! Какой Твой совет.

Твой Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 367.

---

[1] *"Вена"* — ресторан И.С. Соколова на углу Гороховой и Малой Морской улиц. «"Вена" — ресторан интеллигентного делового Петербурга. С момента открытия — 12 часов дня — и до закрытия ресторана — в 3 часа ночи — кого только не встретите вы в нём. Представители делового промышленного и торгового мира, люди свободных профессий — писатели, журналисты, художники, адвокаты, артисты, — администрация и служащие больших расположенных неподалёку от "Вены" фирм, интеллигентная публика театров, окружающих кольцом район, в котором расположен ресторан, — всё это наполняет изо дня в день уютные залы ресторана, то закусывая наскоро на ходу, у буфетной стойки, то расположившись компаниями за столиками для более или менее продолжительного препровождения времени, для деловой или дружеской беседы за завтраком, обедом или ужином» (*Десятилетие ресторана "Вена"*, 1913. С. 108, 110).

[2] *Е.В. Шапошникова*, мать Е.И. Рерих.

[3] Рерих принимал самое деятельное участие в организации помощи умирающему учителю — *Архипу Ивановичу Куинджи*, о чём оставил воспоминания через тридцать с лишним лет (см. ниже). *А.И. Куинджи* (1841—1910) — российский живописец-передвижник, «первый русский импрессионист и учитель широкого мировоззрения» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 363). Для его пейзажей ("Берёзовая роща", 1879; "Ночь на Днепре", 1880 и мн. др.) характерны романтическая приподнятость, панорамность композиций, декоративная звучность колорита, до иллюзии близкие к натуре эффекты освещения. Вспоминая о прозвище учителя среди его учеников, Рерих писал в 1945: «Однажды В. за глаза назвал его просто Архипом, но Куинджи услышал. Вечером, когда мы все собрались за чаем, Куинджи сказал: "Вот вы называете меня Архипкой, а кем же вы тогда будете?"» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 340).

[4] В это время Елена Ивановна с матерью и детьми отдыхала в Гапсале.

105. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [2 июля] 1910*

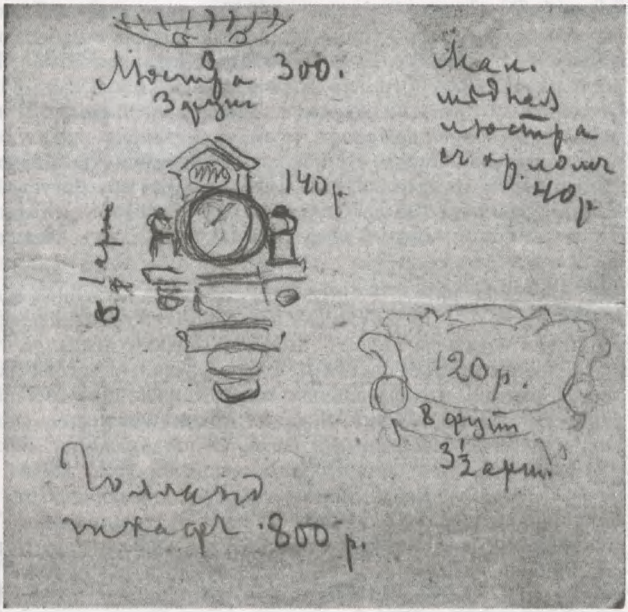
Пятница. 11 вечера

Милый Мисик, сейчас вернулся от Архипа. Пойду опять в 7 часов утра. Решил ехать в Новгород в Воскресенье в 3 часа дня. Хотел было у Архипа устроить бесконечное дежурство учеников и докторов. И народ собрал, и все довольны. Но теперь жена Куинджи[1] находит, что мы разоряем платою докторам и фельдшерам. Пожалуй, из самых лучших намерений Бог знает что выйдет. Пусть делает как хочет, всё-таки она хозяйка. Архипа физическое здоровье окончательно хорошо, теперь всё дело в психике, которая быстро падает. Сегодня ударил кого-то и спокойно толкнул Зарубина и назвал его «какой-то Зарубин». Вообще чувствуем без силы быть полезными. Всё-таки дежурство художников будет. Моя очередь через 4 недели. Всех чудодейств и не передать в

письме. [...] Как дело с мебелью? Хотелось, чтобы Тебе удалось её купить, и шкафы особенно[2].

Настроение после сидения у Архипа совсем разбитое; не дай Бог видеть сумасшедших.

Пётр просит, чтобы его оттуда уволили. По всей вероятности, всё кончится буйными припадками[3]. Кажется, что я что-то уж очень давно из дома уехал. Что у вас там творится? Верно, завтра будет письмо. Всё Ты спишь теперь? После жары сегодня вечером идёт сильный дождь. Что-то у вас. Ну, покойной ночи, мой ненаглядный Мис. Как Твоё сердце?



Н.К. Рерих. Запись о покупке мебели. [1910]. МСССМ

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 247.

---

[1] *Куинджи Вера Елевфериевна*, урожд. *Шаповалова-Кетчерджи*.

[2] Старинная, петровских времён мебель была куплена. На это указывает, во-первых, упоминание в листке дневника "Эстония" (см. примеч. к письму № 98 наст. разд.), во-вторых, сохранившийся в МСССМ (ф. Н.К. Рериха) автограф Рериха — запись о покупке 5 предметов со схематическими изображениями трёх из них (см. воспроизведение этого автографа в тексте). В записи названы: *люстра*, 3 фута (ок. 91,5 см) диаметром, стоимостью 300 руб., *маленькая медная люстра с орлом* за 40 руб. и *голландский шкаф* за 800 руб. Кроме этого не названы, но изображены *часы*, высотой 1 арш. (71,12 см), стоимостью 140 руб., и *диван*, длиной 3,5 арш., или 8 ф. (ок. 2,4 м), стоимостью 100 руб. До наших дней в МСССМ сохраняются вещи из квартиры Рерихов на Мойке, 83. Среди них есть *Петровский шкаф* (назв. предмета, устоявшееся в семье Митусовых), вполне соответствующий эпитету *голландский*. По указанию хранительницы МСССМ Людмилы Степановны Митусовой, после покупки Петровский шкаф был Рерихом отреставрирован (обновлён полуциркульный верх). Возможно, тогда же были вставлены новые замки производства С.Г. Волковысского (СПб.) и поправлена инкрустация. Изображённый в записи *диван* вполне отвечает (и размерами, и очертаниями) тому дивану, к-рый был передан в 1984 сёстрами Митусовыми в Музей-усадьбу Н.К. Рериха в Изваре и ныне находится там в постоянной экспозиции. Перечисленная мебель действительно

могла быть куплена Рерихами в 1910 в доме графов Бреверн де ла Гарди в Гапсале (кстати, граф Бреверн упомянут дважды в связи с мебелью — в очерке "Эстония" и в письме Е.И. Рерих от 10 июля 1910, см. ниже. — *В. М.*). Как считает Г.К. Беликова, «есть вероятность того, что эта же мебель стояла и в 1852 году, когда этот городок Эстляндской губернии посетила императорская семья. Для принятия гостей как раз и был приготовлен дом графа де ла Гарди, находящийся у самого города и обыкновенно называемый замком. Не исключено, что ящичками секретера заинтересовался сам Император, в то время как на кресле сидела его Августейшая супруга!» (из письма В.Л. Мельникову, 1994). Как следует из воспоминаний великого кн. Кирилла Владимировича (см. примеч. к письму № 98 наст. разд.), посещения императорской семьи были и в последующие гг.

[3] В "Листах дневника" Рериха этим событиям посвящен отдельный фрагмент:

«Тяжко кончался Куинджи. Невольно вспоминается народная пословица, что "добрые люди трудно помирают". Болезнь сердца, удушье со страшными болями, всё это сломило крепчайший организм. Болезнь развивалась быстро, и в 1910 г. уже не оставалось сомнения, что фатальный конец близок. Летом меня вызвали из Прибалтики ввиду ухудшения болезни. Я застал Архипа Ивановича сидящего нагим на постели, а вокруг него помещалось несколько членов Академии: Беклемишев, Позен и другие. Архип Иванович говорил странные вещи, и я сразу понял, что он от страданий своих не в себе. Отозвав Беклемишева, я обратил внимание на эту новую сторону болезни, но Беклемишев замахал руками и сказал: "Ничего подобного". Не успел он вернуться к своему месту, как Куинджи позвал служителя, санитара Петра, и, указав ему на сидевших членов Академии, горько сказал: "Пётр, ты простой человек, посмотри, что за люди меня окружают". После этого Беклемишев понял. Конечно, только припадки боли вызывали возбужденное состояние, и тогда мышление туманилось. Но боль утихала, и Куинджи пристально вглядывался в нас и говорил: "Эт-то, давайте сегодня говорить глупости".

Бывали и жуткие минуты: когда я и Зарубин дежурили ночью, Архип Иванович вдруг привстал на постели и, вглядываясь куда-то между нами, глухо спросил: "Кто тут?" Мы ответили: "Рерих и Зарубин". — "А сколько вас?" — "Двое". — "А третий кто?" Было жутко. Архип Иванович хотел повидать всех своих учеников. Но сделать это было очень трудно. В летнее время все были в разъезде. Вроблевский был в Карпатах, Пурвит в Риге, Рущиц за Краковом, Богаевский и Латри — в Крыму, и остальные все далеко. Я сделал целое расписание — кому и куда написано. В минуты облегчения от страданий Архип Иванович требовал этот лист и обсуждал, когда к кому могло прийти письмо, когда кто откуда мог выехать, по какой дороге. Осведомлялся, нет ли телеграммы, спрашивал: "Но ведь они торопятся? Они знают, что спешно?" Это было очень трагично. Куинджи любил учеников. Это была какая-то особенная любовь, которая иногда существует в Индии, где понятие Учителя — гуру — облечено особым пониманием. Незадолго до конца в припадке боли Куинджи пытался выброситься из окна. Значителен и мудр был лик его в гробу». (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 293).

Другой вариант рассказа Рериха о конце Куинджи в дневнике Фосдик (5 августа 1922):

«...Перед смертью он заболел, вызвали Н.К. Он приехал и видит: сидит около него масса людей, а он говорит ужасную чепуху. Тут Н.К. говорит: "Да ведь он с ума сошёл". Все на него набросились. Он говорит: "Я его уважаю, а вы, очевидно, — нет, ведь вы же слышите, что он говорит". Позвали психиатров — те подтвердили. И вот тут такое происходило. Сидят все около него, и чуть начинает он говорить, один за другим начинают пятиться от него и говорить: "Да, ты велик, ты велик". А был у него служитель Пётр, который раньше у Н.К. служил. Куинджи многое понимал и, бывало, говорил:

"Видишь, Пётр, ты человек простой, смотри, что вокруг меня делается"» (*Фосдик З.Г.*, 1998. С. 88–89).

У биографа Куинджи О.П. Вороновой последним дням посвящены следующие строки:

«Последние дни были очень тяжёлыми, даже морфий не снимал страданий. Архип Иванович метался, просил дать ему яду, даже делал попытку выброситься из окна. "Я в медицину верю. Но почему среди вас нет талантов? — жаловался он Гурвичу [одному из лечащих врачей]. — Вот вы учёный человек, и перед вами лежит Куинджи. Смотрите, он весь здоров. Вот мои мускулы. — Он показывал свою руку и заставлял играть мышцы. — И только здесь что-то, в груди! В природе должны быть средства для борьбы с этим, не верю, чтобы не было... Но вы не умеете найти!" [...]

Его уже не радовали ни великолепно расцветший кактус, ни залетевший в комнату воробей, тоска расставания с жизнью подавляла всё. "Он умирал, как Прометей, — вспомнит потом Богаевский. — У него было сознание всего... Иногда кричал: да знаете ли, кто умирает? Ведь Куинджи умирает... Поди, раствори балкон, крикни им, что Куинджи умирает..."» (*Воронова О.П.*, 1986. С. 230).

106. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [4 июля] 1910*

Воскресенье. 12 часов дня

Милый Мис. Сейчас собираюсь в Новгород. Мой фавор у Архипа кончился, и вчера он уже относился ко мне скверно. Это очень к месту. Вчера уговорили было переехать в лечебницу. Велел взять комнату, а потом вдруг раздумал. Двукраев[1] именем доктора прямо запретил мне присутствовать около мозговых заболеваний. Из Новгорода телеграфирую адрес. Надеюсь получить много писем от Тебя. [...]

Для начала раскопки идёт проливной дождь. Миленькая, пиши, мне надобно [знать], что у вас творится. 5 дней я без одного известия.

Целую крепко, и иду уложиться, и приготовлю телеграмму для Новгорода Тебе.

Поцелуй Муличку, и Юрика, и Светку. Пусть напишут.

Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 248.

---

[1] *Двукраев Александр Арсеньевич* — врач, почётный лейб-медик, доктор медицины; тайный советник; председатель Об-ва ревнителей военно-санитарных знаний и Комитета Российского Об-ва Красного Креста. Жил в 1910 по адресу: ул. Можайская, 2-а (см.: *Петрицкий В.А.*, 1995. С. 30). Д. был лечащим врачом семьи Рерихов. О нём и его коллегах Рерих оставил несколько интересных упом.: «За всю жизнь в разных странах довелось часто встречаться с врачами. Сейчас хочется записать не о их профессиональных достижениях, но об одной общей для многих врачей черте. Они оказывались собирателями и горячими любителями искусства. Вспоминаю Голоушева, Лангового, Сергея Боткина, Вяжлинского, Двукраева, Бертенсона и многих других в разных русских городах, которые любовно и самоотверженно устремлялись к разным областям искусства» (*Врачи*, 1939); «...Конечно, и в прошлом было немало болезней — и печень, и пневмония, и всякие виды инфлюэнцы. Требовался и Кисловодск, и Нейенар. Врачи —

Двукраев, Романовский, Цейдлер, Бертенсон иногда даже устрашали. Бодрее всех был Двукраев. Его формула "ближе к земле" запомнилась» (*Больной год*, 1939). См.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 247, 262. В МСССМ хранится альбом Рериха с натурными зарисовками и записями для памяти; в записи от 22 июля 1910 отмечена выплата гонорара Д. в размере 5 руб. Д. принадлежала п. Рериха *"Городище"* (1909).

Н.К. Рерих. Панорама Волхова на Городище. 1910. Набросок в альбоме. МСССМ

107. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *На пути из СПб. в Новгород. [4 июля] 1910*

Гапсаль (Эстляндской губ.)
Угол Рыцарской и Замковой. Дача Юргенс.
Ее Высокородию Елене Ивановне Рерих.

Воскресенье, 11 вечера. Пароход.

Милый Мисик, едем с Макаренкой в Новгород. Постараемся остановиться в гостинице Десятинного Монастыря[1]. Софийская Сторона. Архип, кажется, опять помирился с женою. Последнюю ночь у него ночевал доктор; он ему нужнее всех нас. Завтра с утра отправляемся в Кремль. Потом к Муравьёву. Потом на Городище. Потом к губернатору. Сегодня в 8 часов вечера мне стало очень скучно. Не было ли нужно меня? Как ни странно, но с особенною любовью дышу я воздухом Волхова. Что-то здесь более приятное, нежели в Эстляндии. Ехали мимо Сыркова[2], всё-таки хорошо стоит старый дом. Здесь мне как-то ближе, нежели Schloss'ы. Воздух же нисколько не тяжелее, но даже ароматнее. Больше травами пахнет. Боря едет в Четверг к нам. Боюсь, что с новгородцами будут всякие препирательства; мысленно приготовил им много реприманов[3]. Скоро подъезжаем. Опущу письмо на пристани. Так бы хорошо, чтобы и Ты была здесь. Теперь, значит, 2 недели до 20-го. Эти 4 дня в СПб. могут считаться для меня за два месяца по тяжести впечатлений. Целую Тебя и обнимаю. [...]

Твой Н.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 300.

[1] Вряд ли такое желание Рериха было случайным. В те гг., когда Рерих посещал Новгород, в одной из комнат ("келий") *гостиницы Десятинного женского монастыря* на Со-

фийской стороне в Людине (или Гончарском) конце жила столетняя **старица Мария Михайловна**, дивная новгородская подвижница и прозорливица. Вот как охарактеризовал её В. Мусатов: «...К ней стекались посетители не только из Новгорода, но и из Москвы, Петербурга, Одессы, других городов. Старица молилась, трудилась, забывая о пище и сне, отдавая все подносимые ей средства на устроение храмов... Были случаи, когда старица снимала тяжёлую порчу, предотвращала дурные случайности, многие исцелялись по её молитвам... Знавшие Марию Михайловну запомнили несколько излюбленных и часто повторявшихся ею речений. "У меня ничего нет, — говорила она, — всё чужое, не моё, Божие". При жизни она любила напоминать: "Страшен суд Твой, Господи!" А незадолго до своей кончины говорила посещавшим её людям: "Простите меня, благословите меня, молитесь за меня"» (*Мусатов В.*, 1998а). Императрица Александра Фёдоровна (супруга Николая II) посещала старицу и запомнила её в 1916 такой: «Она лежала на кровати в маленькой тёмной комнатке, а потому мы захватили свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга. Ей 107 лет, она носит вериги (сейчас они лежат около неё). Обычно она беспрестанно работает, расхаживает, шьёт для каторжан и для солдат, притом без очков. Никогда не умывается, но, разумеется, никакого дурного запаха или ощущения нечистоплотности. Она седая, у неё милое, тонкое, овальное лицо с прелестными, молодыми, лучистыми глазами, улыбка её чрезвычайно приятна» (*Там же*). Здание гостиницы, где жила в своей "келье" старица Мария Михайловна и где хотел остановиться Рерих в июле 1910, сохранилось до наших дней. Кроме этого, в Десятинном монастыре, основанном в XII в., сохранились незначительные остатки церкви Рождества Богородицы (1397) и др. постройки. См. о монастыре, чья история связана также с именем С.В. Рахманинова: *Каргер М.К.*, 1966. С. 149; *Жервэ Н., Секретарь Л.*, 1998. В декабре 1998 в Десятинном монастыре, в одном из его зданий, прошла выставка "Николай Рерих из собраний США", подготовленная специалистами МОО "Центр духовной культуры" (г. Самара).

[2] *Сырково* — д. в 5 км от Новгорода, где расположены руины древнего Сыркова монастыря. «Строителем этого монастыря был московский дьяк Фёдор Дмитриевич Сырков... Монастырский собор Владимирской Богоматери был выстроен в 1554 году... Необычное для новгородского зодчества пятиглавие и особенно характер декора фасадов придают архитектурному облику собора Сыркова монастыря откровенно московский характер... Трапезная церковь Вознесения, выстроенная в 1690 году, в архитектурном отношении маловыразительна» (*Каргер М.К.*, 1966. С. 284, 286). Более подробно о Сырковом монастыре см.: *Жервэ Н.Н.*, 1998а. С Сырковом связана жизнь прозорливой Веры Молчальницы (ум. 1861), см. о ней: *Мусатов В.*, 1998б.

[3] *Реприманды* — выговоры (фр.).

108. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. [5 июля] 1910*

Милый Мисик, голубчик. Переезжаем из Новгорода в Городище. Будем копать там. Жить в церковном училище. Я рад, что будем не в городе. Воздух лучше, и красивее местность. Весь день бегали по Новгороду. Были у Дирина[1]. Милый старик, любезный. Жалуется, что 20 лет его держат вице-губернатором. У него есть много хороших вещей. Мебель красная с золочёными частями. Есть портреты. Квашонкин[2] обещает достать два кресла (красного дерева с позолоченными ручками деревянными) и стол круглый Екатерининский, обещал также свезти в старое имение Лутовиново[3]. Говорит — много вещей. От

города 22 версты по железной дороге. Не пригодится ли оно нам для дачи? Уверяет, что достанет картины от Данилевич[4].

Закупили припасы для Городища. Чаю, сахару, грудного порошку. Наняли прислугу. Кушания будут готовить у священника. Конечно, главная пища: молоко, яйца, цыплята. Избегаем встреч с новгородскими членами нашей комиссии. Раз они без нас начали раскопку в Кремле, то мы без них начнём на Городище. Ежедневно, или в крайнем случае через день, будем посылать в город за почтою. Был я на почте, но ничего "до востребования" не нашёл. Очень сердился, так как сегодня 7-й день, а Ты хотела писать через 2 дня. Жду завтра чего-нибудь. У жида видели любопытные броши времени Александр[а] I[5]. Очень тонкая работа: слоновая кость и золото. Интересуют ли Тебя они? Работа очень тщательная. Третья — только золотая птичка. [...][6] Квашонкин уверяет, что что-нибудь достанем. Приезжай, устроим Тебя, вроде как в Печорах[7], на сеннике свежесшитом. Кругом Городища — далёкие горизонты[8]. Воздух лучше, чем в Гапсале. Кругом чудятся какие-то фундаменты. Всё-таки приятнее, чем в городе. Тороплюсь послать. Сейчас вынимают почту. Очень, *очень* жду Твоих писем. Всё-таки неделя без единого известия, а я пишу восьмое письмо. Несправедливо. Губернатор Башилов был ужасно предупредителен. Поцелуй Муличку и ребят. Целую крепко. Завтра рано едем на новую квартиру.

Твой Н.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 425.

---

[1] *Дирин С.Н.* — новгородский вице-губернатор, член НОЛД. (См. о нём: ГАНО, архив "Канцелярии Новгородского Губернатора": ф. 138, оп. 1).

[2] *Квашонкин (Квашёнкин, Квашенкин)* — новгородский антиквар, перекупщик старинных вещей и древностей. С его помощью в 1910–16 Рерих приобретал на новгородских аукционах и распродажах мебель и средневековую живопись. Он также выполнил ряд мелких поручений Рериха и Макаренко во время "раскопочной эпопеи" в кремле (например, его наняли для организации засыпки раскопочной траншеи, после того как новгородцы отказались сохранить её).

[3] Ныне даже не обозначено на карте. Владение *Лутовиновых*. Располагалось в непосредственной близости от платфомы *Лутовиновской*, ныне разобранной ветки ж. д. на Старую Руссу, между современными дер. Воробейка и Борок (тоже быв. ст. этой ветки). Упом. в путеводителе И.П. Золотницкого: «В двух верстах железнодорожного пути от вокзала Борок по направлению к Новгороду — пассажирская платформа, а вблизи её — усадьба г. Лутовинова с большим парком» (*Золотницкий И.П.*, 1885. С. 21).

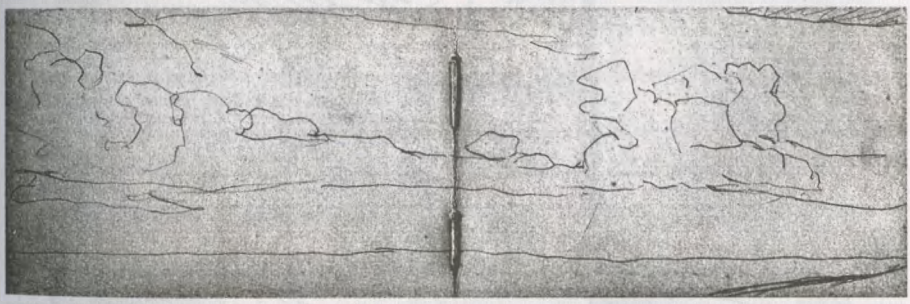
[4] *Данилевич Екатерина Станиславовна* (ум. в 1916) — жительница Новгорода, владелица произведений, привлёкших внимание Рериха. Её имя, отчество, фамилию и адрес («Собственный дом на Газоне. Софийская сторона») Рерих записал в альбоме для натурных зарисовок и записей — на наброске панорамы Волхова (см. воспроизведение в тексте). 16 июля 1910 по ст. ст. Рерих посетил Данилевич; краткий рассказ об этом визите приводит сам Н.К. Рерих и З.Г. Фосдик в своих дневниках (см. ниже, письмо № 124).

[5] *Александр I* (1777—1825) — российский император с 1801. Старший сын Павла I.

[6] Приведены схематические рис. 3 предметов.

[7] *Печоры* — слобода Псково-Печерского Успенского мужского монастыря, основанного в сер. XV в. в пещерах. Ныне г. в Псковской области, железнодорожная ст. Печоры Псковские.

[8] О вдохновлённости Рериха горизонтами, воздухом, небом на Городище свидетельствуют наброски облаков в его альбоме для натурных зарисовок из МСССМ (см. воспроизведения 6 набросков в тексте). Наблюдение за "небесным зодчеством", использование его в своих произведениях — одна из характерных особенностей худ. метода Рериха, художника-космиста. Примечательно, что чаще всего возможность понаблюдать за небом появлялась именно на раскопках или на охоте, о чём спустя годы Рерих записал в дневнике: «От самых ранних лет "небесное зодчество" давало одну из самых больших радостей. Среди первых детских воспоминаний прежде всего вырастают прекрасные узорные облака. Вечное движение, щедрые перестроения, мощное творчество надолго привязали глаза ввысь. Чудные животные, богатыри, сражающиеся с драконами, белые кони с волнистыми гривами, ладьи с цветными золочёными парусами, заманчивые призрачные горы — чего только не было в этих бесконечно богатых, неисчерпаемых картинах небесных. Без них и охота и первые раскопки не были бы так привлекательны. И в раскопках, и в большинстве охот глаз всё-таки устремлён вниз, и это не наскучит, лишь зная, что вверху уже готова заманчивая картина. Сколько раз из-за прекрасного облака благополучно улетал вальдшнеп или стая уток и гусей спасалась неприкосновенно. Курганы становились особенно величественными, когда они рисовались на фоне богатства облаков» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 259). См. также: *Смирнов Б.А.*, 1978. С. 68.



Н.К. Рерих. Облака на Городище. 1910. Набросок в альбоме. МСССМ

109. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. 6 июля 1910*

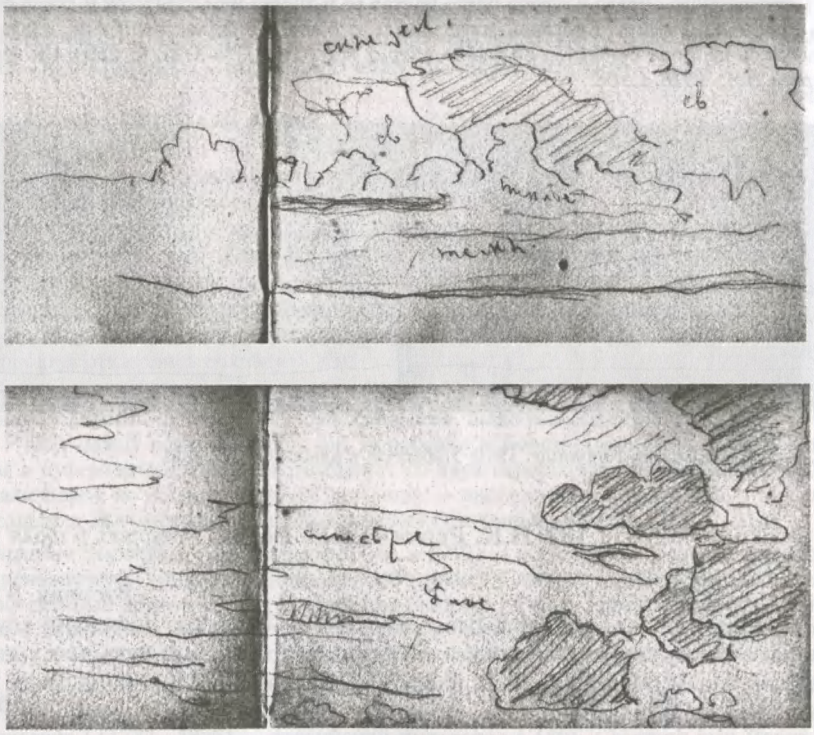
Вторник, 9 утра

Сейчас едем на Городище. Всё идёт хорошо. Посылаю на всякий случай, если бы сегодня вечером некого было послать в Город. Туда ведь почту не доставляют, и нам нужно посылать нарочного. Таковы нравы страны. Боря приедет в Четверг. Макаренко очень кланяется. Целую всех. Жду писем. Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 311. Почтовая карточка. Датируется по штемпелю. Штемпель Гапсаля 8 июля.

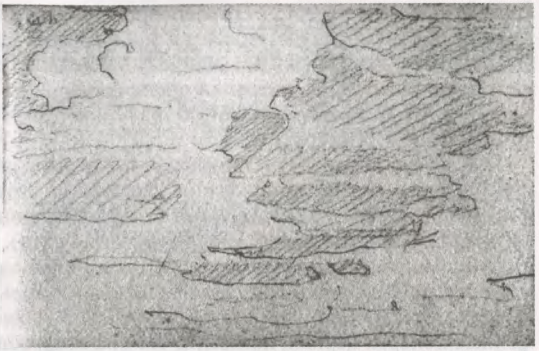
110. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Городище. Новгород. [6 июля] 1910*

Милый Мис, получил Твою телеграмму. Воображаю, какое толстое письмо от Тебя будет со всеми раньше написанными. Устроились мы очень примитивно. Сегодня питались только яйцами и молоком. Молоко хорошо, но воду пить не могу; вся ржавая и мутная. Спать решили попробовать на сене. Завтра напишу, каково было это предприятие. Но если жизнь здесь примитивна (как в Печорах), то здесь всё-таки превосходно. Широкий горизонт. Направо — Новгород. Налево — Юрьев монастырь[1]. Как раз идут покосы. Спеют овсы. Зеленятся луга. Тут и косят, и рыбу ловят, и баржи тянут, и копают, и стада ходят — и всё это в одном взгляде. Всё-таки хорошо. Сегодня не жарко. Без дождя. Тихо. Вечером звонят в монастырях. Есть во всём какая-то тишина. Начали раскопку[2]. Кажется, обнаруживаются края какого-то здания. Вещей пока особенных нет. Печать, обделанная кость, часть каменного креста, конечно, много черепков. Оказывается, на Городище стоял дворец Меншикова[3], подаренный ему Пет-



Н.К. Рерих. Облака на Городище. 1910. Наброски в альбоме. МСССМ

ром[4]. Теперь нет и следа. Здесь же жил и Иван Грозный. Найдём что или нет, но Бог даст или картины, или хорошую мебель достанем, и то хорошо! А может быть, в Лутовинове и дача хорошая найдётся. Почему-то название Лутовиново мне нравится, вроде Кузлова. К тому времени как Ты приедешь, не знаю, будем ли здесь или переберёмся в Кремль, но, пожалуй, и Тебе было бы куриозно побыть здесь, а не в городе. Каждое утро в 4 часа мальчик будет ходить в город. Напиши, могут ли Тебя заинтересовать вещи (кость с золотом), о чём я вчера писал. Ну, несут сено. Будем устраиваться. Хорошо, если бы Ты скорей приехала. До завтра!



Н.К. Рерих. Облака на Городище. 1910. Набросок в альбоме. МСССМ

Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 423.

---

[1] Интересные сведения о *Юрьевом монастыре* — древнейшем мужском монастыре в Новгороде в публ.: *Карева И.И.*, 1975; *Золин П.М.*, 1979.

[2] Приведём полностью обобщающее описание раскопок Н.К. Рериха и Н.Е. Макаренко на Городище, принадлежащее перу **Е.Н. Носова** (ссылки на источники приведены по унификации, принятой в наст. изд.):

«В делах Архива Археологической комиссии есть только краткие упоминания об этих раскопках, а сам отчёт отсутствует. Некоторая информация о результатах работ содержится в хранящемся в архиве и опубликованном изложении доклада Н.Е. Макаренко, сделанном им в феврале 1911 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, и в выступлениях при обсуждении доклада (*О раскопках Н.К. Рериха и Н.Е. Макаренко в г. Новгороде и его уездах.* // РА ИИМК, ф. 1, № 62/1910, л. 1–4; *Протоколы ОРСА ИРАО за 1908–14 гг.* // *Там же*, ф. 3, № 415, л. 124–126; *Годовые отчёты ОРСА ИРАО за 1908–15 гг.* // *Там же*, № 416, л. 13; *О доставлении в Министерство народного просвещения ежегодных отчётов о деятельности ИРАО за 1905–17 гг.* // *Там же*, № 302, л. 59; *Изложение и обсуждение доклада Н.Е. Макаренко о раскопках в Новгороде летом 1910 г.* // В наст. разд., приложение к № 143). В очерке Н.К. Рериха "Подземная Русь" также коротко говорится о работах на Городище (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 209–211; см. в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (7). В фотоархиве ИИМК РАН имеется фотография сосуда из раскопок 1910 (№ II 14683).

К северу от Сиверсова канала, в разных местах городищенского холма, в частности, за абсидой церкви Благовещенья, Н.Е. Макаренко и Н.К. Рерих заложили 5 траншей, а также сделали обрез у обрыва северного берега канала. «Ни в траншеях за абсидой существующей церкви, ни в других местах массивного слоя не встречено, за исключением слоя у обрыва, подходящего под избы и дорогу» (*Изложение и обсуждение*

доклада Н.Е. Макаренко...). В траншеях найдены небольшое количество черепков с волнистым орнаментом, костяной свисток, обломки стеклянных браслетов, костяной гребень, украшенный кружками, и другие предметы. Наряду с гончарной была обнаружена и лепная керамика, «черепки очень древние, — отмечал А.А. Спицын, — подобные тем, какие Н.И. Репников нашёл близ Старой Ладоги» (*Там же.* С. 355; *ОИАК за 1909–10 гг.* СПб., 1913. С. 165).

К северо-востоку от Благовещенской церкви, на холмике "Никола", Н.Е. Макаренко и Н.К. Рерих раскопали основание деревянной сгоревшей церкви размером 7,8×8,6 м с выступающей на 4,3 м абсидой и частично сохранившимся известковым полом (заливка лежала прямо на песке, как и основание стен). В северо-западной части церковки под полом найдены медная цепочка и глиняный сосудик, отнесённый Н.Е. Макаренко к XI–XII вв. В алтарной части зафиксированы уголь и зола и обнаружены шлаки перегоревших металлических предметов, в том числе медного литого образка. 2 траншеи, заложенные поперёк церкви, показали, что она построена уже на культурном слое со значительным количеством зольных прослоек и ям (*Протоколы ОРСА ИРАО...* Л. 124 об.). При обсуждении доклада план деревянной церкви В.К. Мясоедовым и Я.И. Смирновым «признаваем был весьма близким к каменным церквам домонгольского времени», а К.К. Романов «в остатках абсиды усматривал многогранность, свойственную и XVI, и XVII вв., среди которых встречаются и столь же близкие по плану к квадрату, как церковь, стоявшая на Городище» (*Изложение и обсуждение доклада Н.Е. Макаренко...*). «В письменных источниках [...] деревянная Никольская церковь упоминается как в домонгольское время, так и в XVI и XVII вв. Более вероятно, что при раскопках были открыты остатки позднейшей церкви» (*Носов Е.Н.*, 1990. С. 22–23, 34–35).

Как указывал Рерих, вещи, найденные на Городище, должны были быть размещены вместе с предметами из Новгородского детинца на 30 таблицах (см. письмо № 139). Ч. вещей была тогда же передана в Новгородский Музей (см. письмо № 148).

[3] *Меншиков Александр Данилович* (1673—1729) — сподвижник Петра I, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727).

[4] *Пётр I Великий* (1672—1725) — российский царь с 1682 (правил с 1689), первый российский император (с 1721), младший сын Алексея Михайловича.

Н.К. Рерих. Набросок в альбоме 1910 г. Лагерь монахинь Десятинного монастыря на берегу Волхова. МСССМ

111. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Городище. [7 июля] 1910*

1 час дня. Среда. Милый Мисик, пишу с раскопки. Сидим на бугре. День облачный, тёплый. Обнаружилась обгоревшая церковь. Это Никольская церковь 1201 года[1]. Вещей пока нет. Так, разные мелочи. Каменный крест, черепки, бронза. Главное обидно, что неизвестно, где стоял

Н.К. Рерих. "Каменные круги" юго-западного Приильменья. Набросок в альбоме 1910 г. из МСССМ

Рисунок "Священный холм" из ГРМ

терем. Ели сегодня яичницу. Из города принесли ветчины. Здесь только и есть яйца и простокваша. Впрочем, её ещё не пробовал. Приехал Шиловский[2] (от Бори); сам Боря приедет в Пятницу. Хорошо в раскопках то, что сидишь поневоле целый день на воздухе. Встал сегодня в $5^1/_2$ часов. Ложимся в $9^1/_2$. Сейчас передо мной весь Новгород, а сзади блестит из-за бугра Юрьев монастырь. Посланный ходил в город, но писем не было. Воображаю, как долго сюда письма идут. Думаю, что Тебе здесь понравится. После Чухляндии здесь как-то больше воздуха, больше приволья. На другом берегу Волхова стоит целый лагерь белых палаток. Оказывается, монахини Десятинного монастыря выехали на полевые работы. Без Мися худо ездить. При Тебе всё хозяйственно и порядок есть и есть уверенность, что всё самое дорогое с собою. Всё тут с собою. А теперь всё как-то сиротливо. Я думаю, что здесь на Городище дольше 5 дней не прокопаем. Придётся вернуться в Кремль. Очень надеюсь, что Квашонкин что-нибудь устроит, для меня лично это особенно важно. Очень боюсь, как бы Зарубин опять в СПб. не позвал. Это будет ужасно, так как я вспоминаю о днях в СПб. даже со страхом. Можешь представить: полная картина покойного отца. Если нам придётся жить в городе, то лучше всего в Духовом монастыре[3], в той гостинице, которая строилась. Комнаты там хорошие и пока без всяких запахов. Гораздо лучше, чем в Городской Гостинице. Сегодня придётся нам обедать простоквашей и кусочком ветчины: больше ничего нет. Будем есть и Мися вспоминать. Что у Тебя нового? Пиши. Когда думаешь собраться? Целую и всегда о Тебе думаю. Твой Ни.

Муличку поцелуй.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 459.

---

[1] О Никольской церкви на Городище см. в след. письме, а также в изд.: *Носов Е.Н.*, 1990. С. 13–14.

[2] *Шиловский А.А.* — архитектор. Обмерщик в группе Б.К. Рериха, посланной ИРВИО в распоряжение Н.К. Рериха. *Шиловские* — старинный русский дворянский род, ведущий

своё происхождение от «цесарские державы мужа славна и честна и добра рода» Константина Ш., жившего в начале XIII в. Есть ещё несколько дворянских родов Ш., более позднего происхождения.

[3] *Духов женский монастырь* на Софийской стороне за городским валом на Неревском заполье. Обратимся к описанию М.К. Каргера:

«Среди архитектурных памятников, расположенных к северу от земляного вала, опоясывающего Софийскую сторону, возле Ленинградского [*ныне — Санкт-Петербургского*] шоссе, расположены постройки Духова монастыря, возникшего ещё в XII веке. В 1357 году в монастыре был выстроен каменный храм [Св.] Духа, не сохранившийся доныне.

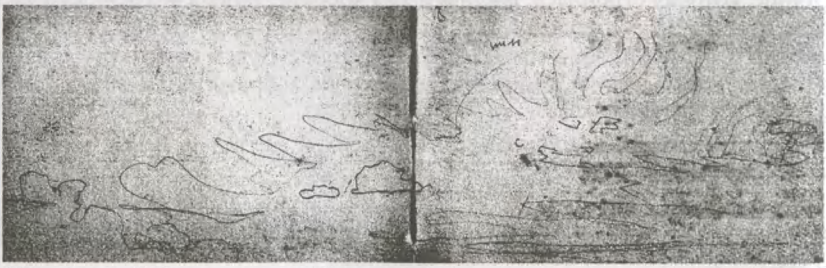
Из древних монастырских построек заслуживает внимания трапезная церковь [Св.] Троицы, выстроенная около 1557 года. Это небольшой бесстолпный храм на подклете, к которому с западной стороны примыкает трапезная палата. Плоские и мелко профилированные лопатки, на которые опираются килевидные арки, поясок из пятиугольных нишек, тянущийся по верхней части апсид и продолжающийся на северном и южном фасадах храма, нишки с килевидным завершением на лопатках и другие элементы декора сближают трапезную Духова монастыря с другими новгородскими постройками середины XVI века... Все эти постройки отражают новые московские веяния в зодчестве Новгорода» (*Каргер М.К.*, 1966. С. 170–171).

В альбоме Рериха 1910 из МСССМ, предназначенном для натурных зарисовок, имеется набросок элементов декора Троицкой церкви Духова монастыря — как раз те самые килевидные нишка и арка (см. воспроизведение в тексте).

112. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Городище. [8 июля] 1910*

Четверг, 8 часов утра

Милый Мисик. Сегодня Макаренко получил письмо из дому, а я всё ещё ничего не получил. Жду письма сегодня из города. Погода нам благоприятна. Опять — чудный день. Встали в 5 часов. Обнаружились вполне очертания церкви 1565 года; но это неинтересно. Интересно, остались ли под нею остатки церкви, построенной в 1165 году и сгоревшей в 1201 году. Вот эти остатки могут быть любопытны. Вещей что-то мало. Мы думаем, что если и в Кремле находки будут также незначительны, то придётся рублей 200 оставить просто на раскопку курганов Макаренкой, где вещей всегда много.



Н.К. Рерих. Облака на Городище. 1910. Набросок в альбоме, использованный для эскиза декорации “Великая жертва” к балету И.Ф. Стравинского “Весна священная”. МСССМ

Сейчас принесли Твоё письмо от 5 Июля. Очень, ужасно обрадовался. Доволен вестями, рад, что думаешь обо мне. Рад, и что Юрик любит. Вместе с Твоим письмом пришло и письмо Белого[1]. Пишет, что Бертенсон[2] удалил от Архипа всех посетителей[3]. Физически ему лучше. Борются с действием морфия. Если можно, черкни Стравинскому[4] открытку о том, что я в отъезде (Устилуг Волынской губернии)[5]. Мне сдаётся, что здесь в Новгородской губернии воздух здоровее Гапсаля. Положительно бодрее себя чувствуешь. После 3 дней на солнце сильно загорел. Одно плохо — мало еды. Молоко, яйца, ветчина. Вечером к 9 часам бываешь таким усталым, что засыпаешь моментально. Ведь с 6 часов утра до 8 часов вечера на воздухе.

Хорошо, что погода стоит хорошая. Ходят тучки, но все без дождя. Послал письмо Ефиму; но ответ, верно, сюда не скоро дойдёт. Воображаю, как хорошо у Тебя таблицы выходят. Таблицы у сторожа неважно нашиты. Дал бы Бог подыскать хорошее имение для дачи. Вот приедешь — спросим у Дирина. У него самого 3 имения; в Крестецком и в Старорусском уездах[6]. С нетерпением жду Воскресенья — съездить с Квашонкиным в Лутовиново. Напиши о брошках; интересуют ли Тебя? Боря приедет в Пятницу, завтра. Верно, к вечеру. Жаль, вещей мало находим. Сейчас сижу на стуле, а передо мною копают траншею, чтобы посмотреть, нет ли ниже найденного основания церкви ещё чего-нибудь более древнего. Думаю, что в Субботу мы переберёмся в Кремль. Конечно, продолжай писать по этому адресу, а я сделаю заявление на Новгородской почте. Скажи Юрику, что я рад, что он обо мне заботится, а Светке, чтобы копал дальше. Право, жаль мне вас, сидите там в дыре, а здесь-то какой простор. Берега у Волхова — песчаные. Хорошо, что бросаешь грязевые все ванны. Ведь этим идиотам местным врачам верить нельзя. Значит, сидим, копаем, Тебя вспоминаем, писем ожидаем. Тебя обнимаем. Люблю Тебя очень. Надеюсь тут с Тобою поездить.

Твой Н. Р.

Сейчас налетела туча. Начинается дождь.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 460.

---

[1] *Белый Александр Фёдорович* (1874—1934) — живописец. Окончил ИАХ (1900). Руководитель худ. мастерских Рисовальной школы ИОПХ (с 1902). Один из немногих жителей Пг., получавший от Рериха письма в нач. 1920-х. Ему принадлежали произведение Рериха – *"Этюд старика"* (1902) и ряд вещей семьи Рерихов. О них Рерих впоследствии писал с горечью: «Пропали вещи у Белого» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 594).

[2] *Бертенсон* — один из братьев Бертенсонов: *Лев Бернардович* (1850—1929) — учёный-медик, врач и музыкальный деятель; *Василий Бернардович* (1853—1933) — врач. Л.Б. Бертенсону Рерих подарил «рисунок 1-го акта "Пер Гюнта"» *"Мельница в горах"* (1911; Е.П. Яковлева относит его к 1913). См.: *Рерих Н.К.* Письмо С.Л. Бертенсону. 18 апреля 1913. // *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 64, 183.

[3] Читаем у О.П. Вороновой: «...Наступил день, когда к нему перестали пускать и учеников, Архипа Ивановича утомляло всё, и они подолгу сидели на лестнице, ожидая, когда в квартиру войдёт и выйдет врач, или постоянно дежуривший там фельдшер,

или измученная бессонными ночами и горем, бледная, как тень, Вера Елевфериевна» (*Воронова О.П.*, 1986. С. 230).

[4] *Стравинский Игорь Фёдорович* (1882—1971) — композитор и дирижёр. Сын Ф.И. Стравинского. В России до 1914, затем постоянно жил за рубежом, с 1939 в США (с 1945 — гражданин США). Ранние балеты — "Петрушка" (1911), "Весна священная" (1913; автор либретто, декораций и костюмов — Рерих) — связаны с русским фольклором, обрядовостью. Творчество С. при образно-стилистической многоплановости отличается целостностью и органичной связью с традициями русской музыкальной культуры. Оперы "Соловей" (1908–14; либретто С.С. Митусова), "Мавра" (1922), хореографическая кантата "Свадебка" (1923), балеты "Жар-птица" (1910, 2-я ред. 1945), "Орфей" (1947), "Симфония псалмов" (для хора и оркестра, 1930, 2-я ред. 1948) и др. (*БЭС*. 1998. С. 1154). С. принадлежали произведения Рериха — эскиз костюма к "Князю Игорю" *"Половчанка"* (1909) и эскиз декорации к "Весне священной" *"Великая жертва"* (1910; 2-й вариант). См. по теме "Рерих и С.": *Косачёва Р.*, 1966; *Митусов С.С., Стравинский И.Ф.*, 1994–97; *Стравинский И.Ф.*, 1998.

[5] Реакция на открытку, пересланную Е.И. Рерих мужу из Гапсаля. О том, что такая открытка была, ясно из письма Стравинского Рериху (Ля Боль. 14 (27) июля 1910): «С нетерпением жду от Вас известий, открытку отправил в Гапсаль по адресу: Прибалтийский край, г. Гапсаль, Рериху — быть может, дойдёт. Первое письмо послал по Петербургскому адресу и до сих пор не знаю, получили ли Вы его или нет. Напишите, ради Бога, Ваш адрес как следует, а то я в полном неведении, куда писать и как писать. А между тем мне очень много есть что писать о нашем будущем детище» (*Стравинский И.Ф.*, 1998. С. 231). Имеется в виду балет "Весна священная". Видимо, вести о Стравинском (см. также следующее письмо от 9 июля 1910) побудили Рериха помыслить о "Весне".

В его альбоме для натурных зарисовок, заполненном, главным образом, во время новгородских раскопок, появляются рис. — прообразы будущих вариантов декорации *"Великая жертва"* (1910). Во всех трёх вариантах изображён обобщённый вид подлинных археол. объектов — "каменных кругов" юго-западного Приильменья, первооткрывателем к-рых в 1899 был Рерих (см. о них: *Рерих Н.К.*, 1899. С. 25–26; *Лебедев Г.С.*, 1982. С. 30–31; *Носов Е.Н.*, 1982. С. 66–68). Отметим, что в первых двух вариантах 1910 "реконструирован" и языческий обряд, совершаемый, по мысли Рериха, нашими далёкими предками на этих несомненно сакральных объектах Древней Руси. Уникальным (провидческим) дополнением к этой живописной "реконструкции" явилось и либретто балета "Весна священная", принадлежащее Рериху. Сам балет на сцене некоторые современники восприняли тоже как подлинный обряд. Князь Сергей Волконский писал: «"Священная Весна" не есть "балет". Это — ритуал, это древнее обрядовое действо» (*Аполлон*. 1913. № 6. С. 72).

Археологи продолжают анализировать эти интересные и до сих пор наименее изученные памятники российского Северо-Запада, высказывая самые различные предположения. Наиболее обоснованная (и, что следует подчеркнуть особо, наиболее близкая к рериховской худ. "реконструкции") интерпретация предложена В.Я. Конецким (*Конецкий В.Я.*, 1985. С. 37–44). Прообраз декорации — схематический рис. вершины холма с "каменным кругом" из упом. альбома — воспроизведён в тексте. На др. рис. из этого альбома, также здесь помещённом, изображено облачное небо, увиденное художником-археологом во время раскопок на Городище. Явно просматривается личина из облаков, перенесённая впоследствии на первый вариант *"Великой жертвы"*, принадлежавший Е.И. Рерих. (Отличные воспроизведения всех декораций см.: *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 122–123). Известны и др. произведения Рериха с изображениями "каменных

кругов", например, *"Изба смерти"* (1909; собрание В.А. Дудакова и М.К. Касуры, М.) и *"Священный холм"* (б. д.); см. воспроизведения в тексте. Личина из облаков также использована Рерихом в монументальном полотне *"Путь великанов"* (1910. Национальная галерея Армении).

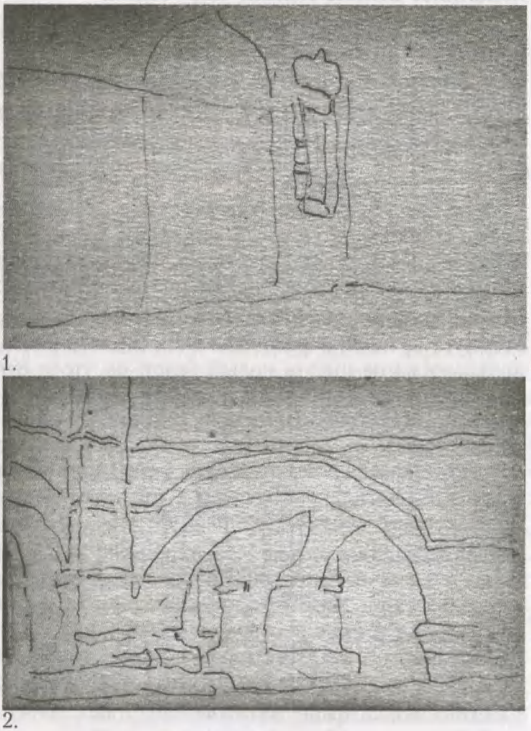
[6] В альбоме Рериха 1910 из МСССМ имеется краткая запись, скорее всего относящаяся к им. Дирина в Крестецком уезде: «Крестецкий уезд. Село *Замлино. Сытино* деревня. Чертовщина. Токи (сопки). [В] Замлино в речке есть сруб» (ф. Н.К. Рериха). На карте Новгородской губ. нач. XX в. в западной ч. Крестецкого у., в 4 км к востоку от озера Ильмень, обозначен пункт *Сытенский (Кунья Гора)*. На карте 1990 на этом же месте обозначен пункт *Замленье*. Очевидно, Рерих отметил одно и то же имение, в к-ром в непосредственной близости друг от друга находились **с. Замлино** (поселение с церк.) и **д. Сытино**.

113. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Городище. [9 июля] 1910*

Пятница. 3 часа дня

Миленький и любимый Мисик, получил заказное письмо. Так и не понял, отчего Бакст[1] в восторге. Одно я понял, что в Париже Стравинский всё-таки понял, что меня знают[2]. Сегодня вечером мы переезжаем в Новгород[3]. Здесь что-то никаких вещей не найти. Если остановимся в Духовом монастыре, я припишу адрес. Приехал к нам инженер Михайловский[4]; довольно симпатичный, говорит, что так мечтал со мной познакомиться, что даже в СПб. хотел просто на квартиру явиться. Вечером ожидаем Борю.

Оказывается, Михайловский отлично знал Ивана Ивановича[5] и превосходно о нём отзывается; он же ценил и книги после смерти Ивана Ивановича. Говорит, там было книг тысячи на полторы. Один увраж[6] (внутренние обстановки) даже у букиниста стоит 250 руб. Кроме того, я, говорит, отобрал целую папку акварелей Ивана Ивановича, и, можете себе представить, вдова



1.

2.

Н.К. Рерих. Наброски в альбоме. Элементы декора Троицкой церкви Духова монастыря (1). Подклет Никольского собора Вяжищского монастыря (2) 1910. МСССМ

всё это продала за 300 руб., а один студент у Мелина на Литейной[7] купил папку акварелей за 25 руб. Какие там книги были! Была "История иск[усства]" Горностаева[8]. Очень жалеет Михайловский книги Ивана Ивановича, хорошие были!

Сам Михайловский очень симпатичный. Горюет: у его сына кровохаркань. Сейчас укладываемся, чтобы ехать в Новгород. Вещи пошлём со стражниками на лодке, а сами пешком.

Переехали хорошо. Адрес: *Гостиница Духова Женского Монастыря. Софийская Сторона.*

Квашонкин обещает достать какие-нибудь хорошие вещи. Послали сегодня Боре телеграмму, чтобы ехал немедленно [...] Пишу это у Соловьёва[9] — куда зашли съесть телячью котлету. Макаренко привёл в великое смущение и краску монахиню, спросив, нет ли в монастыре бани. Теперь я его попрошу спросить, где у них "ватер", опять будет конфуз. В общем он себя держит очень мило, исполняет всякие мелкие поручения.

Хоть и хорошо было спать на сене, но сегодня с удовольствием посплю на постели, если только монастырские клопы не слишком породисты.

Ну, покойной ночи, милый и хороший Мисик. Значит, через 11 дней жду Тебя. Очень люблю Тебя, хорошо люблю, Твой Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 342.

---

[1] *Бакст* (наст. фамилия *Розенберг*) *Лев Самойлович* (1866—1924) — российский живописец, график, театральный художник. Член "Мира искусства". С 1909 жил главным образом в Париже. Как декоратор "Русских сезонов" стилизовал античные и восточные мотивы, создавая утончённо-декоративное фантастичное зрелище. (*БЭС*. 1998. С. 93).

[2] Рерих получил письмо Стравинского, к-рое было написано в два приёма — начато в Устилуге 19 июня и закончено в Ля Боле 29 июня. В нём были такие строки: «Дягилев предложил мне писать новый балет, на что я ответил, что занят сочинением нового балета, о сюжете которого не желал бы до поры до времени говорить. Дягилева это взорвало! Как, говорит, от меня секрет? От меня, мол, все делают секреты, то Фокин, то Вы (то есть я) — я ли, мол, не из кожи лезу etc, etc, etc. ... Делать нечего, вижу, что не выкрутиться, прошу только не разглашать и говорю, что я, мол, с Рерихом задумали нечто. Он (Дягилев) с Бакстом в восторге. Бакст говорит, что это очень благородно с моей стороны!» (*Стравинский И.Ф.*, 1998. С. 225).

[3] Возможно, такое решение было принято после прямого обращения М.В. Муравьёва к Рериху, о чём он сообщал И.В. Аничкову 9 же июля: «Сюда приехал Рерих, но начал копать на Рюриковом Городище, не созывая даже нашей смешанной комиссии, — буду ему сегодня писать о необходимости копать Детинец» (ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 37 об.–38). Муравьёв в июле серьёзно заболел, поэтому вынужден был писать, не имея возможности обсудить назревшие вопросы лично.

[4] *Михайловский Иосиф Болеславович* (1864—1939) — архитектор, реставратор, гражданский инженер, историк архитектуры и искусства. Проф. теории и истории архитектуры. Преподавал в Петербургском институте гражданских инженеров. Действительный член ИРАО. Во время раскопок 1910 в детинце вёл траншею у Княжой башни. См. в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (7).

[5] *Шапошников Иван Иванович* (1833—98) — отец Е.И. Рерих. Архитектор. Академик (1882). Статский советник. Окончил ИАХ (1864). Преподаватель черчения и впоследствии акварельного рисования в строительном училище (с 1864). Преподавал в Петербургских институте гражданских инженеров (1864–85) и Технологическом институте (1882–98). Архитектор и член Главного инженерного управления (с 1882). Член Санкт-Петербургского Императорского Об-ва архитекторов. Автор многочисленных каменных и деревянных построек в СПб. и пригородах. В журнале *ИХП*, где работал помощником редактора Н.К. Рерих, была помещена краткая заметка на смерть Ш. «Из построек его необходимо упомянуть на первом плане, — сообщалось в заметке, — еврейскую синагогу в Петербурге, проектированную им совместно с Брахманом» (*ИХП*. 1899. № 4–5. С. 409). Его дочь оставила уникальные сведения об отце и его роде: *Рерих Е.И.*, 1950–55б; Сны и видения. // *Рерих Е.И.*, 1993. Пользовался благорасположением св. Иоанна Кронштадтского (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 44). Интересные данные о Ш. приведены в работах: *Кайдаш С.*, 1993. С. 142–144; *Аникина И.*, 1998.

[6] *Увражи* (фр. ouvrage — искусно выполненная вещь) — назв. дорогого худ. изд., обычно альбома гравюр большого формата с видами города, пейзажами и т. п., а также сами эти гравюры (*Власов В.Г.*, 1993. С. 224).

[7] Магазин тов-ва *"В. Меллин и К°"*, имевшего свои магазины и в др. городах, например, в Риге.

[8] *Горностаев Иван Иванович* (1821—74) — архитектор, рисовальщик, акварелист, историк искусства. Академик (1854). Сотрудник Императорской Публичной библиотеки (1856–70). «Основным в деятельности Горностаева за пределами Публичной библиотеки было чтение лекций по истории искусств в Академии художеств (в 1860–74), а также работа над книгой по этому предмету. Этот труд, оставшийся неопубликованным, был удостоен Демидовской премии (1862) как первый сводный курс истории искусств в России. В 1858–59, по поручению Русского археологического обшества, Горностаев объездил ряд районов Новгородской и Псковской губерний для проведения историко-археологических изысканий и изучения русского церковного зодчества. В 1864 он с той же целью обследовал ряд западных губерний. С 1867 Горностаев был также архитектором Петербургского университета, где составил проект перестройки одного из старых университетских зданий для размещения университетской библиотеки, физического кабинета и других учебных помещений. С 1870, по приглашению Общества поощрения художеств, устроил и вёл там художественно-промышленный класс» (*Острой О.С.*, 1995. С. 166–168). "История искусства" Горностаева, упом. Рерихом, это целый ряд изданий: "История искусства и костюма у народов Древнего мира" (СПб., 1860); "История искусства и костюма Древнего мира и Средних веков" (Кн. 1-3. СПб., 1861–63); "Искусство у народов Италии. Этруски" (СПб., 1862); "Древнехристианское искусство" (Отд. I. СПб., 1864); "История искусства Средних веков. Романский стиль" (СПб., 1864); "История искусства Средних веков. Живопись и скульптура готической эпохи" (СПб., 1864); "История египетского искусства" (СПб., 1865); "История искусства у народов Западной Азии" (СПб., 1866); "История искусства в Малой Азии" (СПб., 1870); "История искусства в Центральной Америке" (СПб., 1870).

[9] Здесь имеется в виду *"Соловьёвка"* — гостиница купцов Соловьёвых. Здание гостиницы, расположенное на углу Большой Московской и Буяновской улиц, сохранилось. *Соловьёв* — один из наследников почётного гражданина Новгорода Александра Соловьёва, которому к 1871 году принадлежали здания гостиницы. Из наследников наиболее высокого положения добился *Александр Александрович Соловьёв*: он был в начале XX в. городским головой, членом городской Думы и уездного земского собрания, старостой Софийского собора.

114. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. [10 июля] 1910*

Суббота, 8 часов вечера

Милый Мисик, сегодня вышел какой-то глупый день. Шёл несколько раз дождь. Только что мы из дома, как и дождь тоже начинает идти. Кроме того, верно, вследствие раннего вставанья сегодня весь день нам хочется спать. В 4 часа на минуту прилегли, а сейчас только встали. Теперь начнётся неприятная история с новгородцами, которых за начатую без нас раскопку Археологическая Комиссия требует предать суду. В Понедельник вечером у нас будет заседание Комиссии, полное всяких кляуз. Сегодня была полицейская расценка огорода, на котором мы будем копать. Арендатор огорода опротестовал решение выборных и полиции. Сейчас едем к Дирину выяснить, в чём дело и как лучше быть. Посылаю Тебе письма Зарубина и Стёпы[1]. Где ему письма писать! Обрати внимание на его приписку. Приехал Михайловский, только что ездил в Вяжищи[2], нашёл там чудные постройки XVII века. За 12 вёрст от города. Пришёл Квашонкин, завтра едем. Чтобы послать сегодня, кончаю писать и мысленно крепко целую милого Мисика.

Пусть Юрик и Светка напишут.

Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 343.

---

[1] Имеется в виду *Степан Степанович Митусов*. След. фраза, видимо, связана с рождением второй дочери Митусова — *Людмилы* 10 мая 1910 по ст. ст. (23 мая по н. ст.).

[2] Об изразцах Вяжищского монастыря см.: *Воронов В.*, 1917. Там же краткий экскурс в историю и описание построек монастыря, помещены пять фотографий, в т. ч. две изразцов. 3 фотографии (в т. ч. одна изразцов), сделанные И. Аникиной в декабре 1998, помещены в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (7).

О *Вяжищах* вдохновенно писал М.К. Каргер:

«Прямая дорога по живописной местности ведёт от Сыркова монастыря в Вяжищский монастырь. Монастырь был основан ещё в XIV веке, но от построек той поры не осталось никаких следов. Сохранившиеся доныне соборная церковь Николая и трапезная церковь Иоанна Богослова являются замечательными постройками конца XVII века. Монастырский собор Николая, выстроенный в 1685 году, представляет собою пятикупольный храм на подклете. Только скупо декорированные наличники окон разбивают гладь северного, южного и восточного фасадов храма, расчленённых плоскими лопатками на три части. К западному фасаду примыкает исключительное по богатству архитектурного замысла крыльцо с двумя лестницами.

Крытый переход соединяет собор с трапезной церковью Иоанна Богослова, выстроенной в 1698 году. Почти вся плоскость фасадов этого храма декорирована рельефными изразцами, не имеющими себе равных по разнообразию рисунка и цветовой палитры. Вяжищские изразцы не уступают прославленному декору ярославских церквей XVII века» (*Каргер М.К.*, 1966. С. 286–287).

Замечательно описаны Вяжищи в публ.: *Жервэ Н.Н.*, 1998б. О внешнем устройстве монастыря в XV–XVI вв. можно судить по единственному документу — рис. в публ.: *Малков Ю.Г.*, 1983.

В альбоме Рериха 1910 из МСССМ имеется 3 архитектурных наброска — различные детали собора Николая в Вяжищах. Это декор одного из столпов подклета, общий вид части подклета (см. воспроизведение в тексте) и правая лестница крыльца.

115. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. [10 июля] 1910*

Суббота, 12 ночи

Милый Мисик, завтра едем с утра на извощиках в Вяжищи, а потому пишу весточку перед сном. Возвратились из комиссии; я всячески миролюбиво вёл дело. Новгородцы молчали и ничего не делали. Так и не успели сегодня вычислить по деньгам, сколько дней можем ещё копать. Уже завтра придётся вечером это устроить. Когда торчишь над ямой с 7 [утра] до 7 вечера, имея один час на обед, то ничего не успеваешь сделать. Макаренко сегодня подобрее. Мешков[1] смешит. Конечно, результат работы очень важен, но вещей мало. Теперь в одной траншее деревянные срубы, а в другой каменные здания[2]. Обидно, что, может быть, отзовут в СПб. Михайловского. У него сын болен чахоткой, и телеграммы плохие. А он как раз ведёт одну траншею. День простоял отличный, жаркий. Завтра думаю взять в Вяжищи пастели, но удастся ли надолго засесть — не знаю. Думаю, что Стволонский[3] должен телеграфировать Бреверну[4], что есть желающий взять некоторые вещи, которые институту не нужны. Если ещё и дачу не найдём здесь — тогда плохо, не удалось ничто. [...] Ну, пора на покой, с 6 утра до 12 вечера — большой день. Целую и ожидаю, а то и нам-то не долго здесь быть. Писем Юрика и Светки не получил. Боря уже спит, но верно послал бы поклон. ([Помощники] его работают в башнях).

Очень, очень люблю Тебя. Н.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 455.

---

[1] *Мешков Василий Никитич* (1867—1946) — живописец, график, педагог. Народный художник РСФСР (1943). Отец живописца В.В. Мешкова. Портреты В.Н. Мешкова отличаются наблюдательностью, правдивостью характеристик (например, "В.Р. Менжинский", 1927). Во время раскопок 1910 в детинце работал непосредственно на траншее у Княжой башни. См. в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (7).

[2] О ходе раскопок в **Новгородском детинце** и об их результатах Н.К. Рерих и Н.Е. Макаренко сообщали в печати и на собраниях учёных об-в (см. в наст. изд., разд. III, № XXXVII–XLIII, XLVII); сохранилось несколько воспоминаний Рериха спустя 10–30 лет после раскопок, в общем они повторяют то, что уже было высказано ранее (см., например: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 60). Офиц. отчёт о раскопках с описаниями раскопочных траншей, фотографиями, чертежами, рис.

Раскоп у Княжой башни Новгородского кремля
Июль. 1910. Фото Б.К. Рериха

несомненно существовал, но ныне след его затерялся. Также неясна судьба найденных при раскопках предметов (см. об этом выше, в примеч. к письму № 90). Как указ. Рерих, вместе с предметами с Городища они должны были размещаться на 30 табл. (см. письмо № 139). Ч. вещей была тогда же передана в Новгородский музей (см. письмо № 148). Сообщение Макаренко о них на заседании ОРСА ИРАО 28 февраля 1911 см. ниже, в приложении к № 143 (а также отклики на это сообщение в разд. III, № XXXIX (2, 3). Макаренко охарактеризовал раскоп **против Кукуевской башни**. Краткое описание этого раскопа и раскопа **у Княжой башни** опубликовал и Рерих (см. в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (7). 2 фотографии раскопа у Княжой башни, сделанные Б.К. Рерихом, публ. в наст. изд., причём одна впервые, воспроизводится здесь по копии из ОПИ НГОМЗ (№ НВ 9333–1, ИП–1879). (На копии архивариус ошибочно написал: «Рерих, б[ашня] Кукуй»). 2-я фотография взята из публ. доклада Н.К. Рериха на IV съезде русских зодчих в 1911 (см. ниже, в разд. III, № XL). И.С. Романцев в письме № 127 упом. о ещё одном раскопе — **у Дворцовой башни** (кроме широких траншей «в двух местах у садов священников»), сделанном, по его словам, к 17 июля 1910. Рерих, Макаренко, др. очевидцы и участники раскопок об этом раскопе умалчивают. Видимо, здесь имела место оговорка.

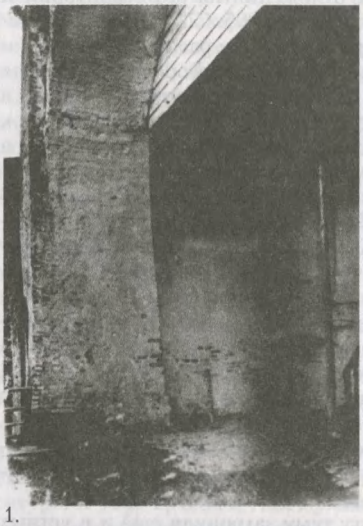
Существующая литература об этих раскопках почти ничего не прибавляет по существу к тому, что опубликовали Рерих и Макаренко. Информативно *"Изложение и обсуждение доклада Н.Е. Макаренко..."*, увидевшее свет **в 1913** (см. в наст. разд., приложение к № 143). В нём приняли участие А.А. Спицын, Н.И. Репников, В.К. Мясоедов, Я.И. Смирнов и К.К. Романов. Кратко и не совсем точно пересказал **в 1930** основные результаты раскопок в кремле *М.М. Лихтман* (*Лихтман М.М.*, 1998. С. 186). Его статья, вышедшая в изд. Американского археол. института в Вашингтоне, ценна тем, что является пока единственной англоязычной публ., упом. эти раскопки в специальной литературе. **В 1956** археолог *А.В. Арциховский* сообщал о раскопках Рериха и Макаренко в кремле в обзорной монографии "Археологическое изучение Новгорода": «...Эти раскопки прошли бесследно для науки, хотя были проведены, вероятно, на уровне тогдашних научных требований» (*Арциховский А.В.*, 1956. С. 9). Он же отметил также, что Рерих и Макаренко высказали правильное мнение о том, что при раскопках в детинце ими найдены (отметим, впервые) остатки уличных мостовых, а не полов каких-либо помещений, как полагали в то время некоторые учёные (например, Н.И. Репников). **В 1973** высоко оценила раскопки искусствовед *Е.И. Полякова* (*Полякова Е.И.*, 1973. С. 103–104). **В 1974** краеведы *А.М. Козочкина* и *З.И. Перегудова* подготовили уникальную для советского периода публ. вновь обнаруженных материалов о раскопках (*Козочкина А.М., Перегудова З.И.*, 1974). Ими опубликованы фрагменты 2 писем Рериха великой кн. Марии Павловне (см. в наст. разд., № 88, 139). В сопровождающей статье отмечалось: «Исследователи нашего времени, развивая начатое Николаем Константиновичем, уточняют некоторые его выводы и оценки. Однако благодаря необыкновенному "чувству истории" Рерих как своими открытиями, так и догадками предвосхитил ряд достижений советских археологов, работающих в Новгороде...». **В 1982** археологи *Б.А. Колчин* и *В.Л. Янин* в статье, посвящённой 50-летию раскопок в Новгороде, высоко оценили профессионализм Рериха и Макаренко (*Колчин Б.А., Янин В.Л.*, 1982. С. 8). **В 1989** этнограф и археолог *И.В. Дубов* дал след. характеристику: «...Не только могилы предков или седая старина эпохи камня интересовали Н.К. Рериха. Особое пристрастие он питал к древнейшим русским городам. Он неоднократно бывал и работал в Старой Ладоге. В 1910 г. в Новгороде его раскопками был открыт многослойный подземный город — семь культурных слоёв. Тогда же Н.К. Рерих попытался музеефицировать свой раскоп, законсервировав его. К сожалению, эта попытка оказалась безуспешной» (*Дубов И.В.*, 1989. С. 239). **В 1995** вышел *НИС*, приуроченный к 950-летию основания Новго-

родского детинца, в к-ром в нескольких публ. отмечены раскопки 1910. Впервые появилась возможность представить историю иссл. Новгородского кремля в целом и оценить перспективу, открытую Н.К. Рерихом, Б.К. Рерихом и Н.Е. Макаренко для будущих поколений учёных. *Л.И. Петрова* начала свою статью так: «Первые раскопки, осуществлённые в 1910 Н.К. Рерихом и Н.Е. Макаренко в южной части Новгородского кремля, показали прекрасную сохранность древних отложений на его территории и большие научные перспективы их изучения» (*Петрова Л.И.*, 1995. С. 18). Впервые раскопки 1910 получили своё точное обозначение на сводном плане раскопов, шурфов и участков наблюдений за земляными работами на территории Новгородского кремля (*Петрова Л.И., Трояновский С.В.*, 1995). Отдельное место этим раскопкам отведено в публ.: *Трояновский С.В.*, 1995. С. 93–94. Её автор предположил, что материалы раскопок остались у Макаренко, но (если отталкиваться от слов Рериха, приведённых выше в примеч. к письму № 90) это маловероятно. Нельзя согласиться с рядом оценок С.В. Трояновского относительно уровня проведённых в 1910 иссл., о чём мы уже писали **в 1998** (примеч. в публ.: *Рерих Н.К.*, 1998. С. 178–179). **В 1996** вышла ещё одна статья "Раскопка в Новгородском кремле. История о том, как Н.К. Рерих с новгородцами поссорился" (*Трояновский С.В.*, 1996), само назв. к-рой ошибочно. Материалы данного изд. показывают, что Рерих летом 1910 с новгородцами не только «не поссорился» (несмотря на трения из-за несанкционированных ИАК раскопок и бездеятельность местных "любителей древности"), а напротив — в мае 1911 НОЛД снова обратилось к Рериху с просьбой продолжить *совместные* раскопки на принятых ранее условиях (см. в наст. разд., № 144 с приложением). **В 1998** мы включили сведения о новгородских раскопках Рериха в обзорную статью: *Мельников В.Л.*, 1998а. Наконец, в том же году появилась публ. *С.М. Шамина*, обобщившая большинство сведений о раскопках, известных по литературе. Статья заканчивается мыслью, что имя Рериха «с благодарностью будут вспоминать многие поколения исследователей» (*Шамин С.М.*, 1998. С. 137).

Следует отметить, что в последние 3–4 года эту тему затронули ещё и в устных сообщениях несколько учёных, обнаруживших в отечественных архивах новые материалы или взглянувших на уже известные документы по-новому. Таковы доклады *Г.С. Лебедева* (Славяно-русские археологические исследования Н.К. Рериха в перспективе последовавшего столетия. // *"Феномен Института Урусвати..."*, 1994; Перспектива продолжения исследований Н.К. Рериха на Новгородской земле. // *"В поисках истоков..."*, 1996 и ряд др.), *В.Л. Мельникова* (К летописи научной деятельности Н.К. Рериха: история, археология, природоведение, фольклор. // I Источниковедческий семинар. СПб. филиал ИИЕТ. 24 марта 1995 и ряд др.), *Е.А. Рябинина* (Роль Н.К. Рериха в изучении древностей Северо-Запада. // *"Феномен Института Урусвати..."*, 1994; Н.К. Рерих и его идеи в приложении к современной славяно-русской археологии. // *"В поисках истоков..."*, 1996), *А.В. Семёнова* (Участие Н.К. Рериха в подготовке XV Всероссийского Археологического Съезда в Новгороде (1910–11). // *"В поисках истоков..."*, 1996 и ряд др.). Особо следует отметить сообщение *Л.К. Маковской* "Автографы Н.К. Рериха в документальном фонде Государственного Военно-исторического музея" (*Маковская Л.К.*, 1996), в к-ром она впервые обнародовала письма Б.К. и Н.К. Рерихов (26 и 29 июля, 13 ноября 1910) и ряд др. документов, существенно дополнивших известную картину новгородской "раскопочной эпопеи".

[3] *Стволонский* — сотрудник "Патриотического института", упом. в этой же фразе. Более полных сведений о нём не обнаружено. *Патриотический сиротский институт* — женская средняя школа, в основном для сирот, учебное заведение благотворительного "Императорского женского патриотического об-ва", основанного в Петербурге в 1812 и вошедшего затем в ведомство учреждений императрицы Марии. В Гапсале находилась каникулярная дача института, в к-рой летом отдыхало до 30 девочек (*Кирилл Владимирович*, 1996. С. 46).

[4] *Бреверн де ла Гарди (De la Gardie), граф* — представитель старинного дворянского рода, владевшего домами и замками в Швеции и Эстонии (Ревель и Гапсаль); потомок маршала графа Якоба Делагарди, возглавлявшего шведскую интервенцию в Россию в XVII в.; ближайший родственник графинь Бреверн де ла Гарди, о к-рых упом. великий кн. Кирилл Владимирович в своих воспоминаниях (см. в примеч. к письмам № 98 и 105). Упом. в очерке Рериха "Эстония" (1937).



1.

2.

Покровская башня (1). В башне Кукуй (Кокуй) (2). Новгородский кремль. Июль 1910. Фото Б.К. Рериха

116. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих

Новгород. [11 июля] 1910

Воскресенье, 1 час дня

Родной мой Мисик, сейчас мы вернулись от Лутовиновых. Закусим и тотчас же едем в Вяжищи в монастырь. Вернёмся вечером. У Лутовиновых интересный дом, но кроме 3–4 портретов нет ничего. Указали мне как возможные дачи — имение Сперанского[1] (8 вёрст от Новгорода), имение Строганова[2] (3 версты от Шимска) и имение Васильчикова[3]. Обо всём наведу справки[4], а когда приедешь, то и съездим вместе. Сегодня наша усталость прошла. Кажется, сейчас нам предстоит отвратительная просёлочная дорога, 12 вёрст. День стоит облачный без дождя. Квашонкин поехал в Шимск покупать стол и два кресла (красного дерева, спинки корытами и золочёные поручни). Не очень-то ему верю, пока не увижу сам.

Едем. Бори до сих пор нет. Ничего не понимаю!

8 часов вечера

Вернулись из Вяжищ. Интересный монастырь времени Никона[5], масса изразцов. Но вернулись мы в большом огорчении. Игумен[6] не дал изразцов.

Сейчас телеграмма. Скончался Куинджи. Еду вечером в СПб. Думаю, что вернусь в Новгород через 3 дня. Как-то не везёт! Просто беда! Целую крепко.

Твой Н.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 446.

[1] *Сперанские* — старинный русский дворянский (с 1839 — графский) род, давший России видных государственных деятелей, деятелей культуры, науки и искусства, священников. Рерихи отмечали графа *М.М. Сперанского* (1772—1839), примкнувшего к духовному движению масонов. Из современников Рериха укажем след. Сперанских: протоиерей *Александр Васильевич* (1833—1910), прослуживший полвека в Васильевском храме в д. Васильевское под Новгородом в Поозерье, сын известного протоиерея Свято-Духова монастыря; *Михаил Несторович* (1863—1938) — филолог, академик РАН (1921), академик АН СССР (1925), автор трудов в области славяноведения и византологии, в т. ч. "Славянские апокрифические евангелия" (1895); *Георгий Несторович* (1873—1969) — педиатр, член-корреспондент АН СССР (1943), академик АМН (1944); *Николай Иванович* (1877—1952) — певец (бас), с 1901 выступал на сценах различных оперных театров, в 1905–16 в Оперном театре С.И. Зимина, к его стихотворению "Соловью" Рерих выполнил заставку в "Литературном сборнике произведений студентов..." (1896; см. воспроизведение: *ПРС*. № 1. С. 35); в письме Рериха Елене Ивановне (Париж. 1900) упоминается певица *М[ария] Сергеевна Сперанская* (ОР ГТГ, ф. 44, № 203).

[2] *Строгановы* — русские купцы (родоначальник — богатый новгородский купец второй половины XIV в. Спиридон), крупные промышленники (XVI–XX вв.), получившие дворянство, звание баронов, а затем графский титул (XVIII в.). Рерих в "Листах дневника" упоминает о «собирателях Строгановых» (см., например: *Рерих Н.К.*, 1974. С. 242). В СПб. в принадлежащем им дворце хранилась богатейшая коллекция худ. произведений, созданная стараниями президента ИАХ *А.С. Строганова* (1738—1811), основателя ИАК *С.Г. Строганова* (1794—1882) и *П.С. Строганова* (1825—1911). В 1920–30-х это собрание перешло в ГЭ. В Риме имелась коллекция картин *Г.С. Строганова* (1882—1910), большая ч. к-рой после смерти владельца продана с аукциона в Париже, но некоторые произведения из неё по завещанию перешли в ГЭ (см.: *Рерих Н.К.*, 1974. С. 508). В начале XX в. прямым потомком фамилии являлся *граф Сергей Александрович С.* (*Барышников М.Н.*, 1998. С. 346).

[3] Упом. во фрагменте воспоминаний Н.Г. Порфиридова, освещающем период формирования Новгородского Губмузея в первые годы Советской власти: «Из усадьбы князей Васильчиковых Выбити, когда был свёрнут существовавший в ней некоторое время музей быта, поступил ряд портретов таких крупнейших мастеров, как Боровиковский, Павел Чистяков, Крамской» (*Порфиридов Н.Г.*, 1982. С. 258). *Васильчиков* — прямой потомок *князя Александра Алексеевича Васильчикова* (1832—90), писателя, искусствоведа, историка, археол. и коллекционера; председателя ИАК в 1882–86, директора Эрмитажа; автора пятитомной монографии "Семейство Разумовских" (СПб., 1880–94); одного из наследников гетмана К.Г. Разумовского; одного из организаторов нашумевшей выставки русского исторического портрета в СПб. (1870). *Выбити* — с. на р. Колошка в 6 км к юго-востоку от г. Сольцы и в 21 км от г. Шимска Старорусского у.

[4] Карандашная запись об этих имениях сохранилась в альбоме Рериха 1910; слова записаны в столбик: «[Река] Струпинка / Шимск / [Имение] Васильчикова / Управляющий / [Имение] *Бор*» (МСССМ, ф. Н.К. Рериха; слово "Бор" обведено овалом). Следуя указ. Рериха об им. Строганова в 3 верстах от Шимска, его можно однозначно соотнести с пунктом **Бор**, упом. в этой записи и отмеченном на всех картах XIX–XX вв. в 3 верстах от Шимска и 1,5–1,8 км от впадения **р. Струпенки** в р. Шелонь (это же подтверждает и высказывание об им. Строганова в письме № 124). И.П. Золотницкий в своём путеводителе отмечал, что в более или менее близком от вокзала Шимска расстоянии «расположено несколько деревень, в которых можно иметь недорогие дачи в крестьянских избах» (*Золотницкий И.П.*, 1885. С. 22). Рерих упом. **Шимск** ещё в 1899: «Возвращаясь к дому с Шелони, я дожидался поезда в Шимске. Среди многочисленных

В башне Кукуй (Кокуй). Новгородский кремль
Июль 1910. Фото Б.К. Рериха

вокзальных объявлений бросался в глаза изящный плакат Дрезденской художественной выставки, и невольно думалось: что Шимску искусство? Да и будет ли когда оно для Шимска — не пустым далеким звуком?» (*Рерих Н.К.* По пути из Варяг в Греки. Заметки. // *ИХП.* № 9–10. С. 730). Как следует из письма № 129, Рерих посетил Шимск 21 июля 1910.

[5] *Никон (Минов Никита)* (1605—81) — русский патриарх с 1652. Провёл церковные реформы, вызвавшие раскол. В 1658 оставил патриаршество. Собор 1666–67 снял с него сан патриарха. Сослан на Север. Храмы в Николо-Вяжищском монастыре построены уже после его смерти.

[6] *Архимандрит Вячеслав.* См. в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (7).

117. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. [11 июля] 1910*

Воскресенье, 11 вечера

Дорогой Мисик. Вернулись из Вяжищ. Не везёт нам. Архимандрит врал, врал и ничего нам не дал. Только жарились на солнце и тряслись по ухабам. Миха[й]ловский уехал в город проведать сына, которому хуже. Макаренко бедствует о том, что мало находок. Мешков завтра на два дня уезжает. А мне всё это надоело, и уж очень я не привык быть без Мися. Не у кого совет спросить, не с кем поговорить, некого около себя чувствовать своего, родного. Посмотреть бы нам дачу да ехать домой. Этюдов делать не приходится — неловко бросать одного Макаренко на работе, а вечером в 6 часов мы так усталы и так сожжены солнцем, что нечего и думать куда-нибудь идти. Если бы находки были прекрасны, тогда другое дело, а ещё без особых находок уже не дело, а просто копка. Сейчас будем подсчитывать наши финансы. Кажется, их не много остается, верно, рублей 400. Ну, будем считать[1].

Пришли Боря и Мешков. Покойной ночи Тебе, мой родной, единственный Мисик. Хотя бы Мулька Тебе не очень досаждала. Боря шлёт приветствия.

Твой Мис.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 461.

[1] В альбоме Рериха 1910 из МСССМ имеются денежные расчёты. Они состоят из 2 записей — первая сделана за несколько дней до 20 июля, вторая запись сделана не-

посредственно 20 июля, в день окончания раскопок в Новгороде. Самое главное, что можно вынести из этих расчётов, — это, во-первых, то, что на тот момент Рерих располагал только тысячей рублей, и, во-вторых, его установка на равнодолевое распределение этой суммы. На это указывает уже самая первая запись расчётов: «1000 р. 50[%] Боре / 50[%] моих», т. е. всего имеется тысяча рублей, к-рые пополам делятся на обмеры прясел и башен кремля (ими непосредственно заведовал Б.К. Рерих) и на раскопки на Городище и в детинце. Однако соотношение трат получилось иное — это ясно из дальнейших записанных здесь расчётов (см. также ниже в примеч. к письму № 129) и из высказываний Н.К. Рериха в очерке "Подземная Русь": «Откликнулась княгиня М.К. Тенишева и для начала дела прислала тысячу рублей. [...] К нашему делу присоединилось и военно-историческое общество и уделило пятьсот рублей на обмеры башен и стен южной части Детинца» (см. ниже, разд. III, № XXXVIII (7). Впоследствии Рерих подчёркивал, что тысяча рублей, пожертвованная княгиней М.К. Тенишевой, была *единственным* вкладом в это дело (см., например: *Рерих Н.К.*, 1992а. С. 157; в наст. разд., письмо № 88). То, что Рерих рассчитывал на более мощное финансирование — со стороны особ Императорского Дома, со стороны НОЛД, к-рое, в свою очередь, ожидало дополнить свой так и не вложенный вклад в 150 руб. субсидией в 850 руб. от Московского предварительного комитета XV Археол. съезда (см. в наст. разд., № 95), со стороны некоторых сочувствующих ревнителей старины, — это факт, но денег найти так и не удалось, что и стало главной причиной сворачивания раскопок. Очевидно, 500 руб. от ИРВИО на обмеры поступили уже после сворачивания раскопок, и этим объясняется, почему группа Б.К. Рериха продолжала работы после отъезда Н.К. Рериха из Новгорода ещё две-три недели, вплоть до первой декады августа.

118. Н.Е. Макаренко — [М.В. Муравьёву]. *Новгород. [11–12] июля 1910*

М[илостивый] Г[осударь].

Вследствие экстренного (на 3 дня) отъезда Председателя комиссии по раскопкам в Кремле Н.К. Рериха в СПб., заседание, назначенное на 12 июля, откладывается впредь до [его] возвращения.

Секретарь комиссии Н. Макаренко.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 236.

119. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [12 июля] 1910*

Понедельник. 11 утра

Милый Мисик, опять для меня неприятные дни. Хождение на панихиды, а затем ночёвка в пустой квартире на 16 линии[1]. Поеду в Новгород в Среду в 3 часа прямо после похорон в Александро-Невской Лавре. Умер Архип Иванович на лестнице, побежал броситься вниз, но не добежал и упал. Перед [этим] опять раскусил и жевал градусник[2]. К 12 часам иду к нему, там соберутся несколько человек, чтобы обсудить дела. Я думаю, Ты пожалеешь меня за все эти невольные переезды. Возлагаем с Зарубиным венок от учеников[3]. Вышло так, что с 29-го по 12-е я получил всего одно письмо Твоё, а другое заказное с

чужими письмами. Очень скучно, что так мало от Тебя имею. Надеюсь, что в Новгороде меня ожидают три, четыре письма.

Сегодня ехал с 11 вечера до 7 утра и вследствие пересадки всё время не спал. В Петербурге очень скучно. Так жаль, что Тебя нет со мною. Когда Тебе можно будет выехать? Вечером допишу, после панихиды.

6 часов вечера.

На панихиде было очень мало народу. Беклемишев[4], Крыжицкий[5], Залеман[6], Позен[7] и ещё два, три человека. Архип Иванович лежит замороженный. Лицо спокойно. Были мы на Смоленском кладбище, купили очень хорошее место двойное за 540 руб. Мы с Зарубиным возложили венок в 30 руб. Великая Княгиня Мария Павловна прислала венок, и тут же лежит крошечный веночек «дорогому Архипу Ивановичу от швейцара Кирилла». Жене оставил 10 000 р. и 2000 р. в год. Брату[8] 10 000 р., остальное обществу[9]. В 8 часов опять на панихиду. Да, оказалось, что у Архипа Ивановича 100 моих писем, и все подшиты. Жена его очень хорошо говорила обо мне Зарубину и письма показывала. В Среду сразу с кладбища еду в Новгород. Какая пестрота и быстрота! Просто беда. А Тебя к себе всё-таки дождусь! Милого, хорошего, дорогого.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 465. Публ. фрагмента: *Алёхин А.Д.*, 1974. С. 8.

---

[1] На 16-й линии, в доме № 15 семья Рерихов жила с 1899, куда переехала из своего старого дома по Университетской наб., 25. Дом этот был приобретён на имя М.В. Рерих ещё в 1890. Не сохранился. Как указывает Л.В. Короткина, этот адрес был постоянным для Н.К. Рериха в 1899–1902 (*Короткина Л.В.*, 1985. С. 219).

[2] Вот как описывает последние часы Куинджи О.П. Воронова: «...На ночь [ученики] — расходились. Разошлись и в ночь на одиннадцатое июля. Куинджи не спал всю ночь, в полусознании порывался встать на ноги, фельдшер не мог успокоить его. На рассвете Вера Елевфериевна спустилась к швейцару — послать за лекарствами. Заметил ли Архип Иванович её отсутствие? Сразу же после ухода жены он велел фельдшеру позвонить врачу, торопил, настаивал и, когда тот вышел, вдруг — никто не знает почему — поднялся с постели и пошёл за ним. Добрёл до лестничной площадки и рухнул. Подбежавший фельдшер помог ему встать и, поддерживая, потащил назад, в спальню. Не довёл — Архип Иванович умер на пороге своей квартиры» (*Воронова О.П.*, 1986. С. 230–231).

[3] О нём Л.В. Короткина пишет: «На венке из фарфоровых роз была надпись: “Учителю — ученики”» (*Короткина Л.В.*, 1985. С. 170).

[4] *Беклемишев Владимир Александрович* (1861—1920) — скульптор. С 1894 — проф., руководитель Высшего худ. училища при ИАХ; с 1900 — ректор ИАХ. Сочетал позднеакадемические традиции с чертами, близкими искусству передвижников (статуи Св. Варвары, П.И. Чайковского, “Как хороши, как свежи были розы”, “Деревенская любовь” и др.).

[5] *Крыжицкий Константин Яковлевич* (1858—1911) — живописец-пейзажист. Академик. Председатель Об-ва им. А.И. Куинджи. Сочетал реалистические тенденции с элементами салонного искусства.

[6] *Залеман Гуго Романович* (1859—1919) — скульптор и педагог. Академик. Проф. ИАХ.

[7] *Позен Леонид Владимирович* (1849—1921) — скульптор. Академик. Участник передвижных выставок с 1882.

[8] *Куинджи-Золотарёв Спиридон Иванович* — старший брат А.И. Куинджи.

[9] Имеется в виду Об-во им. А.И. Куинджи. См. об участии в нём Рериха: *Короткина Л.В.*, 1985. С. 167–170.

120. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [13 июля] 1910*

2 часа, Вторник

Милый мой Мисик, на меня все напасти, Макаренко пишет, зовёт скорей в Новгород. Там кутерьма с новгородцами. Тенишева телеграфирует и требует, чтобы я приехал дать заключение о штукатурке (значит, всё-таки *работа идет?!*).

Н.К. Рерих (?). Богоматерь Фёдоровская с предстоящими ангелами и избранными святыми. Мозаика над западным входом Фёдоровского собора в Царском Селе. Мастерская В.А. Фролова. Архитектор В.А. Покровский при участии В.Н. Максимова. 1909–12. Фото 1944–46. МСССМ

Сейчас ей написал, что приехать не могу, а приеду в конце Августа с красками и сделаю пробу. Тогда, мол, и штукатурка обсохнет. М[еня] порадовало, что, значит, всё-таки дело не прекращается[1]. В Новгород она приехать почему-то не может. Утром на 16-й [линии] я взял ванну, потом архитектор[2] потащил на Буддийский храм. И вот вернулся, сижу в душной нашей квартире, пишу. Пётр сделал чай.

Пойду в Канцелярию. Там Стёпа. Совсем меня растащили. И туда и сюда! Сегодня несём Архипа в церковь. А завтра со Смоленского я прямо на поезд, к 3 часам.

Завтра пошлю Тебе только открытку о том, что существую, так как в 9 часов выеду из дому. Напиши, когда Тебе можно приехать. Так хочется Тебя повидать. Покровский[3] говорил тоже об образе для Царского, тоже весною сделаем пробу на стене.

До скорого свидания теперь! Очень целую моего [Мисика, жду] милого письма. Ведь сложилось же так, что на мои 14 писем я получил Твоё одно. Ну верно в Новгороде найду целую кипу!

Зарубин едет за границу в Субботу до 25 Августа. Муличку поцелуй. Что-то без меня Квашонкин достанет! Как у Тебя с мебелью? Часто думаю, что удастся Тебе достать!

Думаю о Тебе и целую крепко. Юрку, Светку поцелуй.

Н. Р.

Народа на панихидах мало.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 341

---

[1] Имеется в виду подготовка к росписи церкви Св. Духа в Талашкине.

[2] *Барановский Гавриил Васильевич* (1860—1920) — архитектор. Ред. журнала "Строитель". Автор многотомной "Архитектурной энциклопедии второй половины XIX века" и др. изд. по вопросам архитектуры. Среди построек Барановского в СПб. — торговый дом Елисеевых (Невский пр., 56. 1902–03), здание Императорского Русского Географического общества (пер. Гривцова, 10. 1907–10), *Буддийский храм* (Приморский пр., 91. 1909–15) и др. См. о нём и строительстве Буддийского храма: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 332–333; *Беликов П.Ф., Князева В.П.*, 1996. С. 102; *Короткина Л.В.*, 1985. С. 144–146; *Андреев А.И.*, 1992а, 1992б; *Горюнов В.С., Тубли М.П.*, 1994. С. 81, 100, 318, 331.

[3] *Покровский Владимир Александрович* (1871—1931) — архитектор. Родился в Москве. В 1892–97 учился в СПб. в ИАХ в мастерской Л.Н. Бенуа. В 1907 — декан Высших женских политехнических курсов. В 1912–17 преподавал в ИАХ. Проф. Петербургского Института гражданских инженеров. С 1913 — архитектор Высочайшего двора. В 1908 принимал участие в выставке VIII Международного конгресса архитекторов в Вене. Участвовал в выставке Объединённого совета художников в Лондоне. Строил на Украине и в Нижнем Новгороде. Наиболее значительные его работы в Петербурге и пригородах: церк. на Пороховых заводах в г. Шлиссельбурге (художник Н.К. Рерих; мозаичист В.А. Фролов. 1906–07), усыпальницы на Новодевичьем кладбище и в Александро-Невской лавре (1900-е), Фёдоровский собор в Царском Селе (при участии В.Н. Максимова; среди художников — М.В. Нестеров и Н.К. Рерих, мозаичист — В.А. Фролов; ныне в г. Пушкин, Академический пр., 32. 1909–12), павильон Царского

вокзала в Царском Селе (при участии М.И. Курилко, ныне в г. Пушкин, Академический пр. 1911), казармы Третьего стрелкового полка в Царском селе (при участии А.А. Юнгера и И.И. Шаркова, ныне в г. Пушкин, бульвар Киквидзе, 21–23. 1914–17). Построил в Москве здание Ссудной кассы в Настасьинском пер. (совместно с Б.М. Никитиным. 1901). По его проекту под Лейпцигом построен храм-памятник Битве народов в 1911–13, а также в 1915 — церк. русских посольств в Риме и в Гааге. (См.: *Горюнов В.С., Тубли М.П.*, 1994. С. 343–344). Член Комиссии Музея Допетровского искусства и быта (с 1909). О совместной работе с Покровским Рерих оставил несколько упом.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 146, 420, 524, 525. По данным 1916, П. принадлежали след. произведения Рериха: эскизы росписи церкви в Пархомовке *"Успение"*, *"Борис и Глеб"*, *"Нерукотворный Спас"*, *"Пётр и Павел"*, *"Михаил Архистратиг"* (1906) и акварель *"Колдун"* (1906).

121. Новгородское городское управление — П.П. Башилову

Новгород. 13 июля 1910

[...] Управа не может со своей стороны не выразить протеста против признания ИМПЕРАТОРСКОЮ Археологическою Комиссией нарушения Управою ВЫСОЧАЙШЕГО повеления 11 Марта 1889 года[1], так как пункт 1 сего повеления говорит о раскопках археологического свойства, чего в данном случае не было, так как произведённые Управою раскопки, как сказано выше, носили чисто технический характер, и если согласиться с мнением Комиссии, то в таком случае ни город, ни один из домовладельцев не могли бы производить различных необходимых для них технических раскопок под постройки, прокладку труб и т. д., так как в нашем городе каждая пядь земли с археологической точки зрения ценна[2]. [...]

Машинопись. Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 5, оп. 1, № 20, л. 158–159.

---

[1] На об. всех открытых л. ИАК пропечатано след.: «Открытый лист этот выдан на основании Высочайшего Государя Императора повеления, последовавшего 11 Марта 1889 года: "1) Исключительное право производства и разрешения, с археологическою целию, раскопок в Империи, на землях казённых, принадлежащих разным установлениям, и общественных — предоставить Императорской Археологической Комиссии. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которого состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорскою Археологическою Комиссиею. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы в Императорскую Археологическую Комиссию, для представления на Высочайшее воззрение"».

[2] О причинах такого объяснения см. выше, письмо № 102. К письму приложена "Пояснительная Записка к исследованию грунта внутри Кремля для постройки Реального училища", в к-рой, в частности, сообщалось: «На площади внутри Кремля между церковью Андрея Стратилата, Кремлевскою стеною и дорогой, ведущей к часовне Св. Спаса, были вырыты 4 ямы, означенные на представленном плане под № 1, 2, 3 и 4. Глубина ямы № 1 — 1,33 саж., № 2 — 1 саж., № 3 — 1,08 саж., № 4 — 0,95 саж. При вырывании ям наносный слой земли залегает на глубину 0,9 саж., ниже 0,9 саж. появился глинистый

грунт [...] Городской Секретарь». Т. о., толщина культурного слоя в этом месте — 1,92 м. Скорее всего Рериху была известна эта информация ещё до начала раскопок в кремле, её мог сообщить И.С. Романцев — член соединённой комиссии по раскопкам, участвовавший в несанкционированных выемках. Тогда тем более понятно желание Рериха перенести раскопки в места, где ожидается более мощный (к тому же непотревоженный) культурный слой, а значит, и большее число напластований, в т. ч. самых ранних, разнообразнее материалы, больше находок. По данным Л.И. Петровой, в районе раскопок Рериха и Макаренко культурный слой в пределах 3,6–5,7 м, т. е. в среднем более чем в 2,4 раза толще (*Петрова Л.И.*, 1995).

122. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *СПб. [14 июля] 1910*

Среда, $9^1/_2$ утра

Милый, дорогой Мисик. Сейчас встал. Упаковал мои манатки. Пойду на погребение. Со Смоленского прямо зайду домой и на вокзал. Вчера накормил обедом Стёпу. Он живет у Рыжовых[1] в Павловске. После обеда бродили по набережной (до панихиды) $1^1/_2$ часа. Говорит, что в Бологом скука невероятная. Что старуха Потоцкая сказала, что пора Диме[2] наконец приняться за Бологое, иначе, мол, он терпит убытки. Так что жить Стёпе там неприятно. Боба влюбился в Зарембу[3], которая очень подозрительная особа, просит подарки, и у неё идёт карточная игра с плутовством. Мне было страшно спать в пустом доме. Пока до свиданья. Всех целую, ну, конечно, Тебя совсем иначе.

Н. Р.

На выносе народу много[4].

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 364.

---

[1] *Рыжовы* — две близкие и дружественные друг другу ветви древнего рода Рыжовых, родственного Голенищевым-Кутузовым, Митусовым, Малевским-Малевичам, Потоцким и Рерихам. *Николай Александрович Рыжов*, к-рый, по словам Е.И. Рерих, «крупный городской деятель в Петрограде», «получил образование в Военно-медицинской академии, практиковать не стал и пошёл по городской службе, был членом городской управы», женат на *Людмиле Васильевне*, урожд. *Голенищевой-Кутузовой* — тёте Е.И. Рерих, С.С. Митусова (*Рерих Е.И.*, 1950–55а); по словам Э.Ю. Рыжова, глава "невских" Рыжовых «дядя Николай Александрович трагично умер довольно молодым, оставив свою семью без всяких средств» (из его письма Л.С. Митусовой. Стокгольм. 1 февраля 1992). Дети "невских" Рыжовых, кузены и кузины Е.И. Рерих и С.С. Митусова: *Людмила* (в замуж. *Герст* или *Херст*), *Борис* (*Боба*), *Николай*, *Ксения* (*Сана*, в замуж. *Муромцева*). *Фёдор Александрович Рыжов* — глава "васильевских" Рыжовых, брат Н.А. Рыжова, был женат на *Елизавете Юльевне*, урожд. *Малевской-Малевич*; их дети: *Юрий (Георгий)*, *Варвара* (в замуж. *Шестерикова*), *Людмила* (в замуж. *Шмитт*). По свидетельству Э.Ю. Рыжова (сына Ю.Ф. Рыжова), после внезапной смерти Николая Александровича "васильевские" Рыжовы «обеспечили экономически» "невских".

[2] *Потоцкая* — мать *Дмитрия Николаевича Потоцкого*, «георгиевского кавалера в первую войну с немцами» (*Рерих Е.И.*, 1950–55а). Д.Н. Потоцкий — муж Софии Павловны, урожд. княжны Путятиной, сводной сестры С.С. Митусова, кузины Е.И. Рерих.

[3] *Заремба* — из польского рода, давшего России замечательных музыкантов и математиков. Видимо, дочь *Владислава Ивановича З.* (1833—1902), композитора, пианиста, издателя педагогических сб. "Маленький Падеревский"; племянница *Николая Ивановича З.* (1821—79), проф. и директора СПб. консерватории, в доме к-рого жили М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков и др. композиторы, сестра *Сигизмунда Владиславовича З.* (1861—1915), композитора, дирижёра, виолончелиста.

[4] Фото, запечатлевшее этот момент, публ. несколько раз, например: *Беликов П.Ф., Князева В.П.*, 1996. Ил. 16; *Князева В.П.*, 1994. С. 17. Рерих идёт среди учеников Куинджи, несущих гроб.

123. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих

На пути из СПб. в Новгород; Новгород. [14–15 июля] 1910

Среда. 8 часов вечера

Милый мой и дорогой Мисик, пишу с парохода. Как начали гроб опускать в могилу, мне пришлось быстро уехать. Сейчас идёт дождь. Серо. [...] Народу было много. Верно, в "Огоньке" в Субботу будут снимки. Была Мария Павловна. Я порядочно расцарапал руку о гроб. Архипа заморозили, а лицо и руки натёрли каким-то маслом, и они были мягкие. Хотя и лежал три дня, но нисколько не испортился.

Не было ли у Тебя письма из Талашкина, не пойму из телеграммы, отчего княгиня не может приехать. Но в сущности я доволен, не придётся возиться с ней в Новгороде, а то ещё что-нибудь не угодило, или гостиница оказалась бы плоха. [...]

Если можно достать "Речь" от Вторника (вчера), там Бенуа[1] назвал Архипа малокультурным. Любопытно, что через два дня из Италии статья получилась. Значит, была раньше написана!

Теперь остаётся по моему счёту 5 дней до Твоего приезда. Телеграфируй, когда выедешь, я приеду на пароходе встретить, а то ведь пароход в 12 часов ночи приходит.

Четверг, 8 утра

Приехал в Новгород под проливным дождём. Нашёл два Твоих письма. Кажется, Ты права и Квашонкин ничего не сделает, но уверяет, что нашёл дачу в имении Строгановых. И каменный век там же. Боря здесь с Мешковым. Отчего только 23-го можешь выехать? Чем скорей, тем лучше. Боря зовёт пить кофе. О количестве находок Ты тоже права. Целую и ожидаю.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 301. Штемпели на конверте: Новгорода 15 июля и Гапсаля 17 июля.

---

[1] *Бенуа Александр Николаевич* (1870—1960) — художник, историк искусства, худ. и музыкальный критик. Сын Н.Л. Бенуа. Идеолог "Мира искусства". В живописи, графике, театральных работах ("Версальская серия", 1905–06; иллюстрации к "Медному всаднику" А.С. Пушкина, 1903–22) тонко передавал стиль прошедших эпох. В искусствоведческих трудах сочетал пропаганду классического наследия с проповедью

"свободного искусства". Худ. руководитель "Русских сезонов" (1908–11), режиссёр (МХТ, 1913–15). Написал либретто балетов "Павильон Армиды" Н. Черепнина и "Петрушка" И. Стравинского. Член Совета и впоследствии директор ГЭ (1917–26). С 1926 жил во Франции. Автор "Воспоминаний" и "Истории русской живописи", высоко ценимой Рерихом. Многократно упом. Рерихом в его текстах на протяжении полувека. См.: *Рерих Н.К.*, 1993а; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 34, 53 и др. Т. II. С. 10, 35 и мн. др. Т. III. С. 18, 19 и мн. др. Неизданные письма Рериха А.Н. Бенуа 1902–17 хранятся в СР ГРМ, ф. 137, № 1468; письма А.Н. Бенуа Рериху хранятся в ОР ГТГ, ф. 44, № 606–610. Тема "Н.К. Рерих и А.Н. Бенуа" затрагивается во многих работах, посвящённых жизни и творчеству этих художников; см., например: *Бенуа А.Н.*, 1993. Т. I. С. 473, 484, 485. Т. II. С. 383–384 и мн. др.; *Князева В.П.*, 1994. С. 74, 77–78, 92, 109; *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 13–15, 19, 21 и мн. др.; *Фосдик З.Г.*, 1998. С. 76, 450, 557; *Бондаренко А.А.*, 1998. С. 17, 18, 27; *Мельников В.Л.*, 1998в. С. 303–305. Рериху принадлежало произведение Б. — эскиз декорации ко 2-й картине балете "Павильон Армиды" (1907); Б. принадлежал к. Рериха *"Египет"* — эскиз декорации к "Пер Гюнту" (1912).

124. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. [16 июля] 1910*

Милый Мисик, сегодня я послал Тебе 250 руб. Довольно ли пока? Квашонкин говорит, что имение Строганова стоит на высоком берегу Шелони. Дом старинный, полный красного дерева. Перед имением островок песчаный с каменным веком. Оттуда он привёз мне большую бусу из янтаря и большие черепки. То-то дело сразу перед домом! Большая бережёная роща рядом, масса белых грибов. Как приедешь, так и пойдём посмотреть. От Новгорода это 3 часа железной дорогой, а от СПб., значит, 9 часов. Ведь занимательно! Боря говорит, что будет стараться, если смокву получит. Теперь хозяйством заведует Мешков. Заказывает обеды. Довольно смешно. Право, приезжала бы Ты скорей, что там сидеть в Гапсале, да и будут ли ещё ванны полезны? Хорошо бы Тебе приехать! А то ещё дожди пойдут. 25 Июля или 27-го Макаренко собирается уехать. Был я у Данилевич, обещала Тебе показать картины, но о продаже всё мнётся[1]. Дождь шёл раза три на дню. Какая-то у вас там погода?

В траншее в Кремле открывается целая улица, жаль, что при дожде земля липнет.

На телеграмму Твою я ответил сейчас же, но меня не сразу смогли застать. Неужели мои письма не идут правильно, а ведь я каждый день посылаю. Очень жду Тебя. Может быть, не 20, а хоть 21 или 22 приедешь. Жду и всё о Тебе думаю.

Твой Майчик.

Кланяются Боря, Мешков, Макаренко.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 340.

---

[1] Некоторые подробности этой встречи записала в своём дневнике З.Г. Фосдик: «Н.К. рассказывал, как однажды в Новгороде его пригласила старушка смотреть её картины.

Отличные были копии, но на одном портрете не было глаз. Н.К. ей сказал, а она говорит: "Не может быть". Он ей говорит: "Да нету, посмотрите сами". Она ответила: "Наверно, золой на Рождество прочистили, ибо раньше были". А на другом отличном портрете на руке было шесть пальцев вместо пяти — мы много смеялись этому» (*Фосдик З.Г.*, 1998. С. 565). А вот как вспомнил это событие сам Николай Константинович: «...Владелица отличных голландских портретов на моё замечание о том, что на одном из них, к сожалению, совершенно стёрты глаза, также заметила, что это не может быть, ибо никто этих портретов со стены не снимал. Впрочем, когда я настоял снять портрет со стены и указал на непоправимую порчу, владелица, вздохнув, допустила очевидность со словами: "Верно, к празднику песком вычистили"» (*Рерих Н.К.*, 1991а. С. 38–39). См. также ниже, письмо № 159.

125. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. 16–17 июля 1910*

Пятница. 11 утра

Дорогой и родной Мисик, сижу и дожидаюсь губернатора. Надо устроить, чтобы он дал арестантов для работы. Им платят 60 копеек, а рабочим — 1 рубль 20 копеек, для работы — это разница.

В траншее постепенно выступают очертания старого города, но, по правде говоря, больше хлама, чем дела.

Макаренко остеклился почему-то за последние дни. Довольно грубый господин. Мешков чудак и пресмешной. Долго сегодня ждал Твоё письмо, так и не дождался. Право, лучше Тебе пораньше выбраться, пока погода не испортилась у нас.

Завтра у нас заседание Комиссии. Сейчас $11^1/_2$ вечера, а в $5^1/_2$ часов надо встать.

Целую Тебя крепко, всею душою Твой Н.

Майчик.

Макаренко предполагает, что к 25 Июля наши раскопки могут кончиться, так что лучше приехать числа 21-го, чтобы посмотреть дачу и прочее, числа 27-го, 28-го ехать домой. Приезжай пораньше. *Телеграфируй*, когда приедешь. Сегодня уже 17-е, значит, по приходе этого письма нужно выяснить. Раскопки числа 25–27-го верно кончатся. Значит, жду Тебя.

Н.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 245.

126. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. [17 июля] 1910*

Суббота, 2 часа дня

Милый и родной Мисик, сейчас получил Твоё письмо и разволновался. Отчего у Тебя лёгкое недомоганье? [...] Сегодня мы выясним, сколько дней нам ещё можно оставаться здесь, но думаю, что уеду 26–27 Июля, вряд ли позднее...

Что-то мало находок, а времени для работы не хватает. Боря здесь будет тоже до 26-го. Ездил я на разведки в Холопий Городок[1]; но тоже ничего не нашли. Каменный век как-то лучше! Сегодня встали в 6 часов утра, и посреди дня клонит ко сну. Завтра едем копать в Вяжищский монастырь. Добывал для музея изразцы[2].

Думаю, что княгиня больше не приедет. Ну да Бог с нею — так-то лучше! Лишь бы работа-то состоялась. Находок, значит, мало. Макаренко злится; мне скучно. Хотя бы сохранить часть денег на будущее для Музея! Напиши, а лучше телеграфируй, как здоровье и когда думаешь выехать. Конечно, показать почти нечего, но дачу не худо посмотреть. Я думаю, в Гапсале возмутительно скучно! Жалею Тебя очень и люблю, и хотел бы видеть скорей. Неужели [Мулька][3] хоть на месяц не может сохранить [ум][4]. Идём опять в Кремль. Деньги (250) верно уже получили?

Твой Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 310.

---

[1] Об этом пункте см.: *Строков А.А.*, 1936.

[2] Рерих мог искать отделившиеся от стен изразцы у целого ряда ветхих построек Новгорода, требовавших ремонта. В XVII в. изразцами были украшены Троицкая церк. Свято-Духова монастыря, церк. Фёдора Стратилата на Щиркове ул., Знаменский собор, Преображенский собор Хутынского монастыря и др. Цветные изразцы были найдены и в раскопе у Княжой башни.

[3] Зачёркнуто.

[4] Зачёркнуто.

127. И.С. Романцев — М.В. Муравьёву. *Новгород. 17 июля 1910*

Многоуважаемый Михаил Валерианович!

Как я говорил, так оно и есть — посмотрите постановления, которые я посылаю Вам официальн[о] (уж извините насчёт формы, может быть, не совсем хороша она).

Недовольство — большое: и квартиры не подыскали мы, и рабочих-арестантов насилу достали они (а должны были мы), и средства от Предварительного Комитета будут ли, не выяснили, и пособий вообще не оказывали, и если это всё не сказано, то ясно в намёках.

Вообще — неладно идёт дело.

Что делать с "постановлениями", прямо не знаю, посылаю их Вам, если у Вас есть возможность, то уж будьте добры, сделайте, что надо.

Сверх того, имеется особое постановление о приискании квартиры: сейчас они находятся в гостинице Духова монастыря, но на будущее время г. Председатель просит озаботиться приискать квартиры во избежание лишних расходов.

А я и не знал, что они просили подыскать квартиру.

Раскопки ведутся пока широкими траншеями, в двух местах у садов священников и у Дворцовой башни. Находок мало. В последнем месте обрисовывается каменная пристройка с кирпичным полом[1].

Заседание было только сегодня.

Уважающий Вас И. Романцев.

Не надо ли что сделать.

Господину Председателю НОЛД.

Милостивый государь Михаил Валерианович!

Соединённая комиссия НОЛД и Комиссии Музея Допетровского быта и искусства поручила мне: 1) «просить НОЛД поставить в известность Городское Управление города Новгорода относительно состоявшегося соглашения с Комиссией [Музея] Допетровского быта и искусства об исследовании Новгородского Кремля» и 2) «просить выяснить вопрос о предоставлении юго-восточной части Кремля для производства археологических раскопок НОЛД на два года. До выяснения предыдущего вопроса в Городской Думе комиссия по раскопке в Кремле, руководствуясь правилами обычной этики, не считает возможным приступить к работам на указанном участке и должна сосредоточиться на юго-западной части, неся особые расходы по оплате испорченных огородных овощей, что ложится новым бременем на раскопочный бюджет комиссии».

Свидетельствуя Вам моё совершенное почтение, имею честь быть Вашим покорным слугой.

И. Романцев.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 222–225. Отметка М.В. Муравьёва о получении 18 июля 1910.

[1] Здесь, скорее всего, Романцев оговорился. «Остатки пола из уложенного в ёлку кирпича» были обнаружены при раскопе основания каменной пристройки к *башне Княжой*. См. в наст. изд., разд. III, № XL.

128. М.В. Муравьёв — И.В. Аничкову. *Теребóни. 18 июля 1910*

[...] Сходите в Фёдора Стратилата, а самое главное — сходите, пожалуйста, к Николаю Константиновичу Рериху (они с Николаем Емельяновичем Макаренко живут в Соловьёвке), ведь они уже приступили к раскопкам Детинца. Вы кандидат от нашего Общества и за моим отсутствием должны вступить (членами ещё: Целепи, Конкордин, Матвеевский, Романцев — кандидат также Анисимов). Надо настоять, чтобы собралась комиссия и наметила, как копать, а надо копать [там], где пробные ямы сделаны Городской Управой для будущего Реального училища — если начнут, может быть, строить через год, и тогда никогда там нельзя будет копать[1]. [...]

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 40 с об.

[1] Здание Реального училища на этом месте так и не было построено.

129. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Новгород. [19 июля] 1910*

Понедельник, 9 утра

Милый Мисик, сижу вместо Миха[й]ловского на траншее. Прохладное утро. Макаренко молит Бога, чтобы хоть грунт показался, чтобы иметь право отстать от этих ям с черепками. Верно, дворцы стояли под поповскими домами. Лучше оставить бы нам рублей 200 да купить на них каких-то древностей[1]. Макаренко говорит, что у него ещё никогда в жизни такой раскопки не было. Чтобы столько выкопать и так мало найти. Боюсь я и за Квашонкина. Что-то много говорит, а делает мало. [...]

Сегодня после завтрака пойду сделать хоть один этюд, а то даже неловко за 3 недели ничего не сделать[2]. Но какое счастье, что я не отложил раскопки на Август. После таких скверных результатов, да прямо в город. А в Старой Ладоге Репников нашел какие-то особенные вещи, говорят! Вчера от Тебя письма не было! Сегодня жду.

Понедельник. 7 часов вечера

Письма от Тебя не было. Выяснилось, что новгородцы не дают денег на раскопки и потому мы решили ехать тем более, что Макаренко вызывает жена.

Послал Тебе телеграмму. Жду ответа, чтобы не разъехаться. Думаем выехать в Среду вечером. Завтра я съезжу в Шимск осмотреть дачу. Прилагаю письма княгинь[3]. Какое с ними свинство сделали в Русском Музее! Больше писать не буду. Дам из СПб. телеграмму о выезде[4]. Очень буду рад увидеть родного Мися. Так ждал сюда. Сегодня *3 недели*. Любящий Тебя горячо Майчик.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 462.

---

[1] Из денежных расчётов Рериха, сохранившихся в альбоме для натурных зарисовок (МСССМ, ф. Н.К. Рериха), следует, что к 20 июля 1910 в распоряжении экспедиции Музея Допетровского искусства и быта оставалось 510 руб. 98 коп. До этого «40 [руб.] в СПб. истрачено» — первая запись. Видимо, эта трата была связана с закупкой оборудования и расходных материалов. В траты, сделанные до 20 июля, Рерих вписал ещё две суммы: 367.53 и 80.88. Можно предположить, что первая сумма ушла на раскопки, вторая — на обмеры кремля. Все перечисленные суммы, сложенные вместе, дают как раз ту тысячу рублей (999.39), к-рую имел в распоряжении Рерих (см. выше, в примеч. к письму № 117). Из расчёта 20 июля следует, что имеющуюся в наличии сумму (почти 511 руб.) Рерих распределил след. образом: 125 руб. — «ликвидация» (очевидно, раскопочных траншей), 6 руб. 65 коп. — «дано Макаренко» на дорогу, 1 руб. 35 коп. — потребовал «перевоз вещей», 4 руб. 10 коп. — стоили «телеграммы в Новгород», оставшаяся сумма 374 руб. 90 коп. — «подлежит возврату в Музей».

[2] В опубликованных списках произведений только одна работа 1910 относится явно к Новгороду: *"Церковная дверь (Новгород)"* (принадлежала М.К. Ушкову).

[3] Имеются в виду *кн. М.К. Тенишева* и *кн. Е.К. Святополк-Четвертинская*. След. фраза разъяснена в монографии: *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 256–257.

[4] В альбоме для натурных зарисовок из МСССМ сохранилась ещё одна запись о расходах, косвенно свидетельствующая, что уже в среду 22 июля 1910 Рерих был в Петер-

бурге: «22 Июля. Сласти 3.80. Пудра, одек[олон] 4.75. Игрушк[и] 10.15. Краски 5.40. [Всего:] 24.10. Двукраеву 5. Извощик 1. [Всего:] 30.10». (С врачом А.А. Двукраевым Рерих мог встретиться только в Петербурге).

130. М.В. Муравьёв — И.В. Аничкову. *Село Малые Теребóни. 26 июля 1910*

[...] Из газет знаю, что раскопки наши в Детинце становятся интересными[1], Вы, вероятно, на них наведываетесь. Принимали ли Вы участие в заседаниях раскопочной комиссии? И.С. Румянцев мне писал, что у Рериха очень недовольный тон[2]. Я полагаю, делёжку находок надо отложить до окончания раскопок. А где хранятся находки? В Музее? [...]

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 41 с об.

---

[1] До этого дня сообщения о раскопках поместили след. газеты: *БВ.* 8 июля 1910. № 11804; *Колокол.* 9 июля 1910. № 1289; *НВ.* 22 июля 1910. № 12341; *SPbH.* 23 июля 1910. № 1910. См. также в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (2).

[2] По сообщению Л.К. Маковской, в ф. Военно-исторического музея хранится письмо Б.К. Рериха, написанное в этот же день 26 июля в Новгороде. В письме, адресованном коллегам по ИРВИО, обстоятельно, в спокойной манере, Б.К. Рерих изложил некоторые факты новгородских иссл. и с сожалением сообщил о вынужденной приостановке раскопок в детинце (*Маковская Л.К.*, 1996).

131. И.С. Романцев — М.В. Муравьёву. *Новгород. 28 июля 1910*

Многоуважаемый Михаил Валерианович.

Только позавчера получил Ваше письмо и сейчас отправил его Рериху. Он и почти вся его компания исчезли из Новгорода, исчезли как-то странно: на заседании говорили о том, что работы продолжат до следующей субботы в самом крайнем случае, а то и далее, но не в субботу, а раньше, в среду или четверг, они исчезли. Предупреждали они кого-нибудь или нет, не знаю; в каком положении раскопки, что сделано, что найдено, когда Рерих приедет опять и приедет ли, не знаю, не знаю и не знаю. От такого поведения "знатных иностранцев" я потерял голову и впал в грусть, тем более что никого, как думал, нет: С.К. Матвеевского нет дома, посылал узнавать; И.В. Аничкова — тоже не видно; Анисимов в отъезде, А.И. Конкордин — сидит у себя в Консистории, заваленный делами. И в довершение всего ко мне сегодня пришел Б.К. Рерих (брат Н.К.) и просил принять меры к устройству крыши над местом раскопок. Сделать можно, но, по словам Б.К. Рериха, денег у них нет, следовательно, это делать надо на средства Общества, т. е. на 150 р. Как быть, что делать. Знать — не знаю. К своей радости поймал Ивана Васильевича: оказывается, он сидит в суде всё время. Завтра мы с ним посоветуемся о положении вещей, а Вам всё-таки я почёл необходимым сообщить сегодня же.

Надо ли делать крышу, не может быть сомнения: надо. Но на "общественные" ли деньги? Сомневаюсь.

Рерих и К° так игнорировали местную группу (всё делал один, без комиссии, на нашем участке не копали), с находками не познакомил, не оставил даже чернового перечня их, вообще говоря, так странно вёл себя, что я сомневаюсь, надо ли нам (одной договаривающейся стороне) соблюдать все обстоятельства, раз другая сторона не соблюдала их решительно. Впрочем, может быть, я не прав. Постройкой крыши я распоряжусь только тогда, когда получу от Вас ответ, а затем посоветуюсь с нашими членами[1].

Целепи искал по гостиницам: нет.

Уважающий Вас И. Романцев.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 226 с об.

---

[1] НОЛД ничего не сделало, чтобы сохранить, хотя бы до лета 1911, когда в Новгороде соберётся XV Всероссийский археол. съезд, первые раскопочные траншеи в детинце, представляющие все многовековые напластования до материка, хотя само же утвердило в соглашении с Комиссией Музея Допетровского искусства и быта след. пункт: «...поставить также условием, что если бы были при раскопках обнаружены значительные остатки древних сооружений, то они, если будут представлять интерес, должны остаться в таком виде, для постоянного обозрения» (см. письмо № 91). НОЛД ничего не сделало, хотя И.С. Романцеву, уполномоченному от НОЛД члену соединённой раскопочной комиссии, даже после отъезда Рериха и Макаренко была очевидна необходимость сохранения траншей, пусть даже и сделанных не на «нашем участке» (Романцев пишет в этом письме: «Надо ли делать крышу, не может быть сомнения: надо»). Видимо, бездействие НОЛД очень способствовало решительному отказу губ. П.П. Башилова помочь. По сообщению Л.К. Маковской, в документальном ф. ВИМ хранится офиц. письмо Н.К. Рериха — руководителя работ, проходивших под эгидой ИРВИО, написанное 29 июля 1910 «в знак протеста против новгородской администрации, которая не только не помогала, но просто мешала работать...». В письме выражена большая тревога учёного за сохранение прекрасного памятника русской старины — сделанного раскопа: «Тон письма взволнованный, чувствуется, что Рерих очень огорчён, он дважды в небольшом письме обрушивается на новгородцев, справедливо обвиняя их в том, что памятник может погибнуть» (*Маковская Л.К.*, 1996).

132. М.В. Муравьёв — И.В. Аничкову. *Село Малые Теребóни. 5 августа 1910*

[...] Здоровье моё оправляется медленно, [...] когда буду в Новгороде, не знаю, между тем археологические наши дела требуют действия, подразумеваю всё поведение Рериха и [...] статью в № "Нового Времени" от 1/VIII[1]. Рерих всё время уклоняется от совместной работы, комиссию собрал пред концом работ (для очистки совести) и, наконец, появляется статья в "Новом Времени", каковую если писал не он или Макаренко, то во всяком случае кто-либо из них придал ей это клеветническое освещение.

Возражать против этого необходимо, более всего в курсе дела И.С. Роман-

цев, но за отсутствием Рериха и неимения ему заместителя[2] — комиссия наша возражать не может, а, следовательно, должно возражать Общество. Самое лучшее, думается, было бы потребовать от Рериха возражения как Председателя комиссии, ибо в статье неверно "половинные расходы" и [вклад][3] Общества. Созовите Правление и обсудите — очень откладывать такое дело нельзя.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 43–44.

---

[1] Приводится в приложении к этому письму.

[2] Судя по др. документам, заместитель был — Б.К. Рерих. Ему было поручено окончательно решить вопрос о консервации раскопов, а при невозможности консервации он должен был проследить за их ликвидацией. Кроме этого, он и его сотрудники продолжали архитектурные иссл. башен и прясел кремля.

[3] Слово малоразборчиво.

[Корреспонденция из Новгорода]. [Приложение к № 132]

Раскопки в Новгородском Кремле, так удачно начатые академиком Рерихом и художником Макаренко, должны были прекратиться, так как Новгородское Общество Любителей Древности, участвовавшее в половинных затратах, не изыскало средств для исследования Кремля и, кроме того, не уберегло Кремль от ненаучных раскопок, сделанных Городской Управою с ведома Архивной комиссии. Академик Рерих надеется изыскать новые средства, чтобы по возможности шире раскрыть картину древнейшей жизни Новгородского Кремля. Уже вскрытые основания строений позволяют ожидать в будущих работах ещё более многочисленных находок, а также установить полное распределение зданий и улиц всей южной части Кремля, где стояли княжеские терема и несколько храмов. Места раскопок остаются открытыми до Археологического Съезда будущего года; охрана и покрытие этих траншей поручены Новгородскому Предварительному Комитету Съезда. Обмеры башен Кремля, предпринятые Военно-Историческим Обществом, продолжаются. Работают Б. Рерих и ученики Академии Художеств.

НВ. 1 августа 1910. № 12351.

133. М.В. Муравьёв — Н.К. Рериху. *[Новгород]. 16 августа 1910*

Многоуважаемый Николай Константинович.

Хотя последнее моё личное нездоровье и лишило меня [возможности] активно участвовать в археологических раскопках, но не менее прошлого продолжаю ими интересоваться и был неприятно удивлён тому неверному освещению, которое анонимный корреспондент "Нового Времени" (в № 12351 от 1 сего Августа) придал сообщению о ходе раскопок в Детинце.

В этой корреспонденции (не знаю, читали ли Вы её) говорится, что удачно начатые Вами и Николаем Макаренко раскопки Новгородского Кремля «должны были прекратиться, так как Новгородское Общество Любителей Древности, участвовавшее в половинных затратах, не изыскало средств для исследования Кремля и, кроме того, не уберегло Кремль от ненаучных раскопок, сделанных Городской Управою с ведома Архивной комиссии».

Здесь всё неправда. Что касается [сотрудничества] Новгородского Общества Любителей Древности с Комиссией Музея Допетровского искусства и быта, а именно: 1. Комиссия давала 1000 р., мы же 150 р., и лишь. 2. Мы изыскивали средства у Предварительного Комитета, который по этому вопросу сносился с графиней Уваровой, и окончательного ответа не последовало. 3. Уберечь Детинец «от ненаучных раскопок Городской Управы» НОЛД не могло, потому что узнало об [этом] post factum[1]. Да даже, если бы НОЛД и заблаговременно бы было извещено — то могло бы только протестовать или обжаловать решение Городского Управления взятия проб грунта как нарушающее наш договор с Городск[им Управлением]. 4 ямы, выкопанные Городским Управлением, хотя и не с соблюдением археологических приёмов, нисколько не препятствуют дальнейшим научным раскопкам на этом участке. Насколько же Городское Управление [действовало] с ведома Архивной комиссии, хотя и состою её членом, совершенно не знаю. Равно я не знаю [о решениях] нашей соединённой комиссии (заседание 12 июля было Вами отменено [...][2]) по вопросу, кто и на каком основании производит в Детинце раскопки.

Ввиду всего изложенного я счёл своим долгом написать Вам своё мнение о помянутой корреспонденции "Нового Времени" (которую мне прислали недавно — этой газеты не получаю) в совершенной уверенности, что Вы как Председатель нашей соединённой комиссии не откажете печатно восстановить истину.

Пользуюсь случаем уведомить Вас в совершенном моём уважении и преданности.

[М. Муравьёв]

Автограф. Черновик. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 234–235. Данных о том, было ли это письмо отправлено Н.К. Рериху, не обнаружено. Но как следует из приложения к № 144, Рерих узнал суть изложенного из др. письма НОЛД к нему — от 12 сентября 1910 за № 146 (местонахождение этого документа не установлено).

---

[1] Однако, как следует из примеч. к письмам № 102 и 121, в НОЛД узнали о раскопках не post factum, а накануне, за два-три дня. Представители НОЛД (И.С. Романцев и В.А. Подобедов) присутствовали при раскопках (см. также ниже).

[2] Три слова неразборчиво.

134. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Смоленская губерния. [18] августа 1910*

Милый Мисик, подъезжаю к Смоленску. [...] Жалею, что Тебя не было в Риге; вместе бы посмотрели, а Тебе там многое бы понравилось. [...] Думаю о

Тебе, о картинах, о стар[инных] вещах. Но, конечно, о втором и третьем по поводу Тебя и Твоих мыслей. Очень, очень люблю и целую.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 306. Почтовая карточка, штемпели Смоленска и Гапсаля 18 и 20 августа.

135. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих
Талашкино. [19] августа 1910

Милый Мисик. Абсида моя всем ужасно понравилась. [...] Завтра собираются на раскопки[1]. [...] Из брянских лесов прислан идол (большое изображение фаллоса) — правда странно[2]. [...] Борщевский[3] говорит, что в Смоленске есть старые голландцы[4]. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 305. На конверте штемпели Смоленска и Гапсаля 22 и 24 августа. Публ. фрагментов: *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 274; *Журавлёва Л.С.*, 1995. С. 271.

Н.К. Рерих. Старая Рига. 1903

[1] Л.С. Журавлёва пишет, что здесь имеются в виду раскопки Рериха **в Ковшарах** — «княжеском кургане недалеко от Талашкина» (*Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 274). Это сведение необходимо уточнить: раскопки велись на **Ковшаровом городище** (то, что именно там, подтверждает и слово "Городище" в след. письме), хотя *ОИАК* за 1909–10 утверждает, что раскопки не производились. ИАК выдала в 1910 открытый л. на Смоленскую губ. Смоленской учёной архивной комиссии, к-рая и вела иссл. (см.: РА ИИМК, ф. 1, № 55/1910). Руководил работами товарищ председателя комиссии И.Ф. Барщевский. 15 октября 1910 состоялось общее собрание комиссии, на к-ром он прочитал «доклад о произведённых им текущим летом раскопок в Смоленском уезде, близ деревни Покровской — Ковшарова городища, омываемого рекой Сожью и ручьем Солянкой, в 30 верстах от Смоленска». «Найдено при раскопках довольно большое количество разного рода металлических, костяных, глиняных и других вещей, относящихся к XI–XII вв. Постановлено доклад напечатать в сборнике комиссии» (*СВ.* 17 октября 1910. № 229; *НВ.* 5 ноября 1910. № 12447). Т. о., речь может идти лишь об участии Рериха в раскопках И.Ф. Барщевского, а никак не о производстве им самостоятельных раскопок. См. также: *Журавлёва Л.С.*, 1969. С. 7.

[2] В апреле 1946 Рерих вспоминал: «Много памяток! [...] Замечателен и каменный фаллос в смоленских лесах» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 391).

[3] *Барщевский (Борщевский) Иван Фёдорович* (1851—1948) — руководитель керамической мастерской в Талашкине, создатель интересных высокохудожественных изделий; собиратель и хранитель талашкинской коллекции памятников старинного искусства.

В Талашкине с 1897. Соавтор (наряду с С.В. Малютиным и кн. М.К. Тенишевой) проекта церкви Св. Духа в Талашкине (1900–05). В 1907 в Лувре он принимал участие в создании экспозиции талашкинского музея старины. Главный хранитель музея "Русская старина" в Смоленске (с 1911). Выдающийся фотограф (начал заниматься фотографией в 1877). «Барщевский первый задался целью сфотографировать все здания русского стиля и предметы старины. Совершая ежегодные поездки по России, под руководством В.В. Суслова, он постепенно образовал коллекцию, состоящую из 30 000 снимков» (*Аполлон*. 1913. № 5. С. 74). Его снимками воспользовался И.Э. Грабарь в "Истории русского искусства" (1909–16). В 1913 вышло 5 вып. изд. "Русские древности по снимкам И.Ф. Барщевского" (М.: изд. Строгановского училища). По инициативе В.В. Стасова собрание фотографий Б. было приобретено Императорской Публичной библиотекой (см.: *Сотрудники РНБ*... 1995. С. 499). По данным *Брокгауза—Ефрона ЭС*, в собрании, кроме снимков с владимирских, ростовских, переяславль-залесских, ярославских, новгородских и др. архитектурных памятников, имеются воспроизведения из след. музеев: 1) Императорской АН, особенно части Востока; 2) Оружейной палаты Московского Кремля; 3) Белой палаты в Ростове Великом; 4) Палаты Романовых в Москве; 5) Малороссийского музея Тарновского в Киеве; 6) Среднеазиатской коллекции Блудова в Москве. Б. был известен и как археолог. Член-сотрудник ИМАО (с 1883). Руководил раскопками на древнем месте Смоленска — Смядыни (1908–10) и в др. пунктах. В советское время был удостоен звания заслуженного деятеля искусств РСФСР. См. о нём также: *Рерих Н.К.*, 1992а. С. 157; *Осокин В.Н., Рыбченков Б.Ф., Чаплин А.П., Фёдоров В.В.*, 1967. С. 26; *Журавлёва Л.С.*, 1969. С. 6–7; *Журавлёва Л.С.*, 1989. С. 25–27, 36, 41, 44, 48, 129; *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 236, 253, 254, 267.

[4] По свидетельствам биографов, нач. собирания Рерихом старинной европейской живописи (преимущественно голландской, нидерландской и фламандской) относится к 1909. Уже в октябре 1912 в искусствоведческой литературе появился термин «коллекция Рериха» — упоминание в связи с голландской живописью в одном ряду с крупнейшими собраниями — ИАХ, Большого Царскосельского дворца и П.П. Семёнова-Тян-Шанского (*Трубников А.*, 1912. С. 20). В сентябре 1914 Рерих назван среди «серьёзных собирателей» картин фламандских, французских, английских и польских (*Аполлон*. 1914. № 9. С. 61). В архиве художника-учёного сохранились разрозненные списки картин и записи по его коллекции — отмечено около 270 работ, названо более 180 разных художников (ОР ГТГ, ф. 44, № 23, 25–27). Об этом семейном увлечении Рерих несколько раз упом. в "Листах дневника", например: «...Старинные картины. Грабарь напрасно журит за собирание только голландцев. Были и итальянцы, и французы, а главное, тянуло Е.И. и меня к примитивам. Это собрание дало нам много радости и перевалило за пятьсот. Где оно? Грабарь уверяет, что оно в Эрмитаже, но некие американцы покупали картины нашего собрания в Вене у антиквара. Бывало и в Париже — чего только не бывало! [...] Бывало, возвращаешься поздно после какого-нибудь заседания и видишь, как ярко освещены два окна. Значит, Е.И. до поздней ночи возится с картинами. Наверно знаешь, что найдено что-то интересное» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 283). Ценнейшие указания в листе дневника "Собирательство" (1937): «Без конца памятных эпизодов» (*Там же*. Т. II. С. 112–113) и др. В 1915 изд. Общины св. Евгении выпустило открытку с изображением полотна из рериховской коллекции (*Аполлон*. 1915. № 6–7. С. 97). О коллекции живописи см. также: *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 35–36, 74; *Рерих Н.К.*, 1992а. С. 58–59; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 562 и др.; *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 635; *Рерих С.Н.*, 1993. С. 54, 68; *Эрнст С.Р.*, 1918. С. 100–101; *Ростиславов А.А.*, 1918. С. 27–28; *Selivanova N.*, 1922. P. 71–72; *Лихтман М.М.*, 1998. С. 187–188; *Короткина Л.В.*, 1985. С. 126; *Мокина Т.М.*, 1998.

Н.К. Рерих у строящегося храма Святого Духа в Талашкине
Фото 1910. МСССМ

136. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Талашкино. [20 августа] 1910*

Голубчик Мисик. Опять вернулись с Городища в 7 вечера. Обидно, что в течение каких-нибудь 10 часов (в 2 дня) вещей накопано больше, нежели в Новгороде за две недели. Интересен крест-корсунчик, костяной, узорная рукоять ножа, амулеты, стремена, масса разнообразных бус, копья, топоры, пряжки и пр. Вроде Гнёздовских вещей по типу. Глядя, как деревенские ребята рылись за вещами, я вспоминал наших. То-то бы было волнение находить самим настоящие вещи. Городище кончили. Завтра буду пробовать краски и вообще посвящу

день храму. [...] После целого дня, проведённого на холме, — приятная усталость. Старик Колосов[1], Имшенецкий[2], сапёр Лимонин-Иванов[3] целый день рылись в земле — первый раз были на раскопке, и всем страшно понравилось. Оля[4] только и играет теперь, что в музей. Нашивает и раскладывает черепки. Думаю, что в церкви всё удастся. Так хорошо, что не вся церковь, а только алтарная часть. Гораздо ценнее выйдет. [...]

Привёз Борщевский снимки идолов — чудеса да и только! Чтобы в лесах да сегодня стояли такие штуки.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 307. На конверте штемпели Смоленска 22 августа и Гапсаля 24 августа. Публ. фрагментов: *Журавлёва Л.С.*, 1978. С. 117; *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 274–275; *Журавлёва Л.С.*, 1995. С. 272.

---

[1] *Колосов Сергей Павлович* — гусляр-этнограф, певец, педагог. Совершил ряд фольклорных поездок по глухим "озёрно-лесным" чащам России. В 1880-х работал учителем пения в Катыни (Смоленская губ.), затем в Талашкино (с 1887). В ОР ГТГ, ф. 44, № 847 хранится его письмо Рериху. Ему принадлежал рисунок Рериха *"Прокопий Праведный отводит каменную тучу от Устюга Великого"* (1913). См. о Колосове: *Журавлёва Л.С.*, 1989. С. 158–160; *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 39–40, 195; *Журавлёва Л.С.*, 1995. С. 277.

[2] *Имшенецкий (Имшеницкий) А. З.* — ботаник, выпускник МГУ, приглашённый кн. М.К. Тенишевой для составления гербария Смоленской губ.

[3] Лицо не установлено.

[4] *Оля* — внучка кн. М.К. Тенишевой.

137. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Талашкино. 21 августа 1910*

[...] В Понедельник с утра в Смоленск. Там хочу показать Музей Энгельгардту[1], который сейчас туда приехал. 24-го вечером я выеду из Москвы и буду 25-го утром в СПб. и буду Тебя поджидать. [...]

Твой Н. Р.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 308. На конверте штемпели Смоленска 23 августа и Гапсаля 25 августа. Публ. фрагмента: *Журавлёва Л.С.*, 1978. С. 117.

---

[1] Трудно сказать, кто из *Энгельгардтов* имеется в виду, хотя более вероятен первый из перечисленных ниже. *Николай Александрович* — историк литературы, литературовед, публицист, выступавший по самым разным вопросам, в т. ч. писал об охране памятников старины (см. в др. местах наст. изд.). *Михаил Александрович* (1861—1915) — писатель. Н.А. и М.А. — дети *Александра Николаевича* (1828—93), выдающегося учёного, сельского хозяина и публициста, наследники его родового им. в Батищево (Смоленская губ. Дорогобужский у.). *Борис Михайлович* (1887—1942) — литературовед. *Василий Павлович* (1828—1915) — астроном.

138. М.В. Муравьёв — И.В. Аничкову. *Село Малые Теребóни. 28 августа 1910*

[...] О Рериховской истории и корреспонденции в "Новом Времени" 1 Ав-

Н.К. Рерих на лесах абсиды строящегося храма Святого Духа в Талашкине. Фото 1910. МСССМ

густа мы, очевидно, с Вами одного мнения — предлагаю вопрос разрешить следующим образом: Рериху посылается письмо лично (как Предс[едателем] Общ[ества] и имевшим с ним первоначальные переговоры) — если он печатает удовлетворительное опровержение пресловутой корреспонденции — то вопрос исчерпан, если он уклоняется от этого или продолжает поддерживать в своём опровержении хотя бы и часть неправды — то мы вопрос выносим на общее собрание. В случае если Вы и Правление согласитесь с таким решением вопроса — и согласитесь с редакцией прилагаемого моего при сем письма Рериху — то будьте добры его послать[1]. [...]

Если действительно Археологическая Комиссия имела в виду исходатайствовать субсидию у Государя на раскопки Детинца, то, зная, что мы об этом хлопочем, — она должна была нас, хотя бы частным образом, об этом известить.

Думается, что с Рерихом соглашение надо нарушить ввиду несоблюдения им условий и двигать иначе дело раскопок Детинца. [...]

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 45–46 об.

---

[1] Имеется в виду письмо № 133.

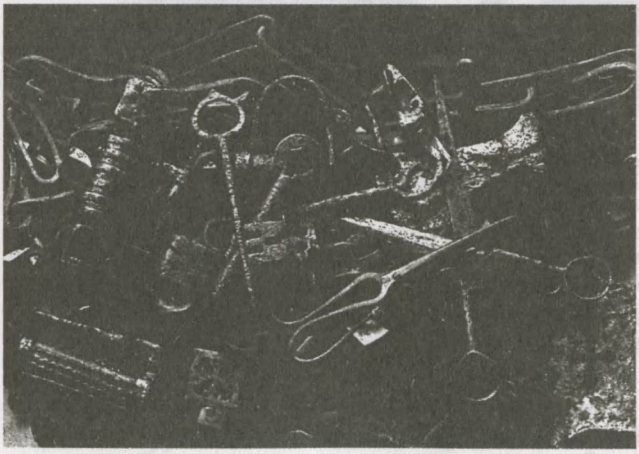
139. Н.К. Рерих — великой княгине Марии Павловне. *СПб. 5 сентября 1910*

Ваше Императорское Высочество.

Когда я имел счастье видеть Ваше Императорское Высочество на погребении нашего любимого учителя А.И. Куинджи, я не доложил, что раскопки в Новгородском Кремле уже начались. Теперь же считаю долгом своим доложить о ходе работ по исследованию Новгорода, так как значение этого дела поистине общенационально.

Исследования начались с Рюрикова Городища, причём были открыты основания древней Никольской Церкви, уничтоженной пожаром в 1201 году. Кроме того, было выяснено, что лучшая часть Городища уже давно смыта бурным течением Волхова.

Проследив культурные слои Городища, посредством пробных траншей, мы начали раскопку в Кремле. Не скрою, что с большим трепетом приступали мы к этой работе, так как опасались, что слои в Кремле давно перемешаны. Но, к счастью, наши первоначальные надежды оправдались и Кремль оказался нетронутым. Очень осторожною раскопкою мы выяснили, что до глубины $6^1/_2$ аршин почва Кремля насыщена остатками всевозможных древних построек, наверху каменных, внизу деревянных, повреждённых пожарами.



Кузнечные изделия из раскопок Великого Новгорода

Выявились древние деревянные помосты улиц, остатки деревянных тынов и

срубы от строений разных величин. Для науки эта картина очень поучительна, так как мы слишком мало знаем древние деревянные города. Как мы и предполагали, раскопками была захвачена часть бывшего Княжего Двора, в местности башни Кукуй и Княжой. За израсходованием сумм работы были прекращены, но можно смело сказать, что при милостивом внимании Вашего Императорского Высочества начато дело, которое в будущем даст замечательное свидетельство жизни Древней Руси.

Великий князь Владимир Александрович

Добытые при раскопке разные бытовые предметы: цветные изразцы, гребни, пряжки, ножи, сосуды, иглы, кресала, обломки ядер и оконной слюды и прочие остатки древности будут размещены на 30 таблицах и составят основание зала До-Петровского Музея, которое будет посвящено незабвенной памяти Великого Князя Владимира Александровича[1]. Надеюсь, что Ваше Императорское Высочество разрешить соизволите представить находки наши на милостивое личное воззрение.

Докладывая о вышеизложенном, имею счастье почтительнейше принести глубокую мою благодарность за сочувственное отношение Вашего Императорского Высочества к моим начинаниям. Ваше высокое внимание к исследованию Русской Старины и Ваше милостивое одобрение моих трудов по Школе Императорского Общества Поощрения Художеств, высказанное минувшею весною, наполняют меня чувством сильнейшей благодарности и дают силы на дальнейшую работу. При милостивой поддержке Вашего Императорского Высочества, Августейшего Вождя Русского Искусства, верим, что русское искусство сумеет отринуть заветы настоящего "декадентства" и вступит на новый путь, справедливый погружением в мудрые примеры истории, в её лучших расцветах.

Простите, Ваше Императорское Высочество, слово лишнее, но вылившееся из самых искренних помышлений, так как мы уже видели широкие и справедливые взгляды Вашего Императорского Высочества на развитие родного искусства.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

Академик Н. Рерих.

Ксерокопия автографа предоставлена К.И. Новосельским. Подлинник хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Публ. фрагмента: *Козочкина А.М., Перегудова З.И.*, 1974.

---

[1] Приведём о нём справку из *Брокгауза—Ефрона ЭС*: «*Владимир Александрович* — великий князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, сенатор, третий сын императора Александра II. Родился 10 апреля 1847, умер 4 февраля 1909. Во время войны 1877–78 годов командовал 12-м корпусом и состоял на левом фланге Восточного или Рущукского отряда Наследника Цесаревича (впоследствии Императора Александра III); дважды отразил нападения Сулеймана-паши на наши позиции у Мечки, между Ломом и Янтрою (14 и 30 ноября 1877). С 1884 по 1905 был

главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. [...] Он принимал участие в деятельности ИАХ, состоя с 1869 товарищем президента, а с 1876 президентом её. Не раз исполнял важные поручения общегосударственного характера, например, осмотр гидротехнических работ по Мариинской водной системе, открытие Екатерининского порта на Мурманском берегу. [...] В память участия великого князя в освободительной войне болгарами в селе Горный Студень основан дом-музей его имени. В память его одно из СПб. военных училищ наименовано Владимирским. С 16 августа 1874 состоял в супружестве с дочерью великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II, Марией Павловной; имел сыновей: великого князя Александра (1875–77), Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, дочь Елену Владимировну».

В текстах Рериха упом. в связи с А.И. Куинджи (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 101, 250, 294). В 1897 великий кн. Владимир Александрович и граф И.И. Толстой потребовали его отставки из проф. ИАХ за то, что тот вступился за учащихся. В знак протеста группа учеников Куинджи (в т. ч. и Рерих) заявили о своём выходе из ИАХ. Тогда же Рерих сочинил былину, широко разошедшуюся в списках (*Рерих Н.К., Стасов В.В.*, 1993. С. 14–15). В ней он высмеял обидчиков своего учителя.

В биографии великого кн. Владимира Александровича следует отметить ещё одно его деяние, не прошедшее мимо внимания Рериха и мн. его современников. Именно он, как главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, 9 января 1905 отдал приказ о применении оружия (см.: *Рерих Н.К.*, 1986. С. 102–103).

Сохранилась след. телеграмма, адресованная Рериху: «Петербург, Морская, 38, Николаю Константиновичу Рериху. 31/VII 1906. Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Александрович, приняв под своё покровительство выставку русского искусства в Париже в сентябре, поручил мне просить Вас принять участие некоторыми произведениями Вашей работы. Граф Иван Толстой. Миллионная, 27» (ОР ГТГ, ф. 44, № 1418).

140. Л.Н. Целепи — М.В. Муравьёву. *СПб. 16 сентября 1910*

Многоуважаемый Михаил Валерианович.

Получив вчера Ваше письмо и с трудом его прочтя, я, согласно Вашей просьбе, чтобы узнать в СПб. ли Рерих, позвонил к нему по телефону. К телефону подошёл он сам; завязался между нами длинный разговор, затем он просил меня приехать к нему. Передать весь разговор в письме нет никакой возможности, надо исписать много листов, да и всё-таки всего не напишешь. Рерих дал мне черновой ответ на Ваше письмо[1], который я привезу 26 сентября, покажу Вам, обсудим, как поступить в дальнейшем. [...]

С совершенным почтением Л.Н. Целепи.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 214 об.

[1] Ответ на письмо № 133, см. ниже № 141.

141. Н.К. Рерих — М.В. Муравьёву. *СПб. Середина сентября 1910*

Мил[остивый Государь] Михаил Валерианович.

Всегда я готов восстановить истину возможно полнее, но прежде чем по-

мещать что-либо в печати, во избежание дальнейших недоразумений, прошу Вас указать мне, согласны ли Вы с нижеследующим.

1) Никакие [ни] Общество, ни Дума, ни Управа не могли предоставлять никакого права на раскопки. Это право принадлежит лишь Императорской Археологической Комиссии и открытым листом предоставляется. Только приобретением в собственность земли получаются и те прочие на неё права. Земля же в Новгородском Кремле в частную собственность приобретена Обществом не была.

2) Мне до сих неизвестно, каким образом протестовало Новгородское Общество Любителей Древности против ненаучных действий Управы, хотя бы узнав об этом post factum. Полный текст протеста мне необходимо знать для полноты моих разъяснений.

3) Новгородское Общество приняло на себя задачу кроме 150 рублей изыскивать 850 рублей. Были ли сделаны какие-либо шаги к этому, кроме обращения к Предварительному Комитету, и насколько неоднократно и настойчиво Общество испрашивало скорей ответить Предварительный Комитет, мне неизвестно.

4) Мне неизвестно, почему г. Аничков, замещавший г. Председателя Общества, отклонил наше предложение о сохранении траншеи до будущего Археологического Съезда и предложил с этим обращением адресоваться не в Общество, а в Предварительный Комитет, который не приложил никаких трудов, чтобы сохранить полный разрез культурных слоёв Новгородского Кремля до будущего Археологического Съезда, что возбудило бы несомненный научный интерес.

В заключение не скрою, что даже в маленьких уездных городах обыкновенно предоставляется помещение для приезжих исследователей (не говоря уже о радушии помещиков), в Новгороде же мы вынуждены были остановиться за городским валом, в то время как г. Мясоедову было отведено удобное помещение, пригодное для проявления снимков и прочих специальных работ.

По получении Вашего ответа я готов сделать разъяснения в печати[1]. Ещё раз сожалею о Вашей болезни, ибо уверен, что при Вашем деятельном участии многое сложилось бы совершенно иначе.

[Н. Рерих.]

Копия. Автограф Л.Н. Целепи, на нём надпись М.В. Муравьёва: «Копия чернового проекта Рериха, привезённого мне Целепи, чтобы узнать, удовлетворюсь ли им». ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 238–239. Сам черновик на 3 л. см. в ОР ГТГ, ф. 44, № 108.

---

[1] Сведений об ответном письме М.В. Муравьёва не обнаружено; "опровергающего" выступления Рериха в печати осенью–зимой 1910 на эту тему не было (см. приложение к № 144). В приложении приведены краткие сообщения на эту тему А.А. Ростиславова, второго секретаря Комиссии Музея Допетровского искусства и быта, знавшего все подробности непосредственно от участников раскопок. См. также в наст. изд, разд. III, № XXXVIII.

[Из хроники журнала "Старые годы"]. [Приложение к № 141]

[Ноябрь 1910][1]. Раскопки в Новгородском Кремле, произведённые Н.К. Рерихом летом текущего года, в достаточной степени, по словам "Русского Слова"[2],

подтвердили предположение, что до материка, в толщине от 4 до 7 аршин, Кремль «насыщен всякими строениями разных веков. Кстати, энергично возбуждённое, по инициативе Н.К. Рериха, ходатайство Общества архитекторов-художников о сохранении Новгородск[ого вала][3], на месте котор[ого] предположено было построить офицерское собрание, уважено.

[Декабрь 1910]. Характерная история разыгралась с раскопками, произведёнными этим летом в Новгородском Кремле Н.К. Рерихом и Н.Е. Макаренко. Была вырыта траншея в 7 аршин глубины. В ответ на просьбу сохранить траншею до предстоящего Археологического Съезда в Новгороде, Председатель Комитета Съезда Новгородский губернатор заявил, что Комитет не имеет необходимых для этого 150 рублей.

На вторую телеграмму Рериха: «Если Предварительный Комитет и губернские власти даже во имя науки бессильны охранить траншею до Съезда, я вынужден принять меры засыпать» — в продолжение трёх недель не было ответа. Боясь ответственности, г. Рерих должен был нанять подрядчика и засыпать траншею. Заметим, что это первый здесь опыт прорезать все культурные наслоения до материка и что работы на средства, данные княгиней Тенишевой, обошлись не дёшево. *Александр Ростиславов*[4].

[Май 1911]. Утверждён Устав Музея до-Петровского искусства и быта[5]. Вопрос о помещении Музея всё остаётся открытым. Возможно, что ему будет уделено место в этнографическом отделе Музея Александра III. Деятельность комиссии Музея выразилась в раскопках прошлым летом Рюрикова Городища и Новгородского Детинца, доклад о которых, сделанный в Археологическом обществе, недавно был повторен в "Обществе защиты"[6]. На скромные средства Н.К. Рерихом и Н.Е. Макаренко было сделано всё возможное: выяснен план существовавшей в Городище древней деревянной церкви и прорыта в Детинце до материка траншея, обнаружившая ряд культурных слоёв, причём найдено немало разных предметов. *Александр Ростиславов.*

СГ. Ноябрь–декабрь 1910. № 11. С. 43. № 12. С. 45. Май 1911. № 5. С. 47.

---

[1] К ноябрю 1910 относится и заседание ИРВИО, на к-ром были доложены результаты новгородских иссл. По сообщению Л.К. Маковской, в ф. ВИМ хранится записка Н.К. Рериха, написанная **13 ноября 1910**. В ней он объясняет, что не может присутствовать на заседании ИРВИО из-за болезни, и очень сожалеет, что сам не может доложить о работах в Новгороде, «*...в основу которых*, — как пишет Рерих, — *было положено качество, но не количество*» (*Маковская Л.К.*, 1996).

[2] Имеется в виду корреспонденция: *РС.* 8 августа 1910. № 176.

[3] Устранена явная описка (в оригинале было: "Новгородской стены"). См. в примеч. к № 97 наст. разд.

[4] *Ростиславов Александр Александрович* (1860—1920) — искусствовед, критик и акварелист. Автор книги о Рерихе (Пг.: изд. Н.И. Бутковской, 1918). Вошёл вместе с Рерихом в "Содружество" (1905–06). Секретарь Комиссии Музея Допетровского искусства и быта (1909–17). Принёс в дар две свои акварели 1908 Музею русского искусства при Рисовальной школе ИОПХ (основан в 1915 Рерихом). Ему принадлежали работы Рери-

ха: два этюда монастыря в Калязине *"Башня"* (1904; воспроизведён в наст. изд.) и *"Вход в монастырь"* (1904). Упом. в "Листах дневника": *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 130, 378, 450.

[5] См. об этом также в разд. III, № XXXIX (4).

[6] См. ниже: № 143, приложение к № 143 и в разд. III, № XXXIX (6–8).

142. Графиня П.С. Уварова — в НОЛД. *Москва. 30 ноября 1910*

Не имея давно никаких известий о работах и занятиях Общества и очень обеспокоенная этим молчанием, ввиду остающихся до Новгородского Съезда только семи месяцев, позволяю себе обратиться в Общество с покорнейшею просьбою сообщить нам, что сделано им этим летом, что подготовляется к выставке, каким образом осуществляются все те пункты, которые были намечены нами в последнее пребывание моё в Новгороде, составлены ли списки предметов, которые предполагается привлечь на выставку, и когда намечается собирание выставочных предметов в назначенное им помещение.

В ожидании ответа прошу всех членов Общества принять уверение совершенного моего к ним уважения и лучших пожеланий успеха во всех предпринятых ими работах.

Графиня Уварова.

Автограф. Машинопись. Отношение № 1203 на бланке ИМАО. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 190.

143. В.К. Мясоедов — М.В. Муравьёву. *СПб. 3 марта 1911*

Многоуважаемый Михаил Валерианович.

[...] Читал в газетах о большой перемене у Вас в Новгороде. Кто же это так скопал бедного Петра Петровича — дворяне, Столыпин[1] или сам владыка Арсений[2]? [...] Вам теперь ничего не остаётся, как поторопиться с избранием нового Председателя Предварительного Комитета. Кстати, не знаете ли, что намерен теперь делать В.А. Подобедов[3]?

В понедельник в Археологическом Обществе был доклад Макаренки о раскопках в Городище и в Детинце[4].

Их результаты оказались крайне бедными, на что указывал и сам референт. Находки, демонстрировавшиеся на заседании, были совершенно незначительными и, по моим понятиям, ничего существенного не дают. Смешно вспомнить, какая шумиха сопровождала это предприятие. Инициатор его Рерих — отсутствовал. Отчёт об этом заседании есть в сегодняшнем "Новом Времени"[5].

Больше новостей нет никаких. Нижайший поклон Людмиле Анатольевне[6].

Искренне преданный Вам

Вл. Мясоедов.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 242.

[1] *Столыпин Пётр Аркадьевич* (1862—1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министра Российской империи (с 1906). В 1907–11 определял правительственную политику.

[2] *Преосвященный Арсений*, в миру *Стадницкий Авксентий Георгиевич* (1862—1936) — с декабря 1910 архиепископ Новгородский и Старорусский.

[3] *Подобедов Валериан Александрович* — секретарь Новгородского губ. статистического комитета. Член Новгородской учёной архивной комиссии. Член-учредитель НОЛД. Участвовал в выемках культурного слоя на территории кремля без санкции на это ИАК (произведены 16 июня 1910, накануне раскопок Рериха и Макаренко).

[4] См. в приложении к письму.

[5] См. в наст. изд., разд. III, № XXXIX (3).

[6] *Муравьёва Людмила Анатольевна* — урожд. *Мамонтова*. Её портрет кисти В.А. Серова (по выражению Н.Г. Порфиридова, «девочка в розовой кофточке») находится в картинной галерее НГОМЗ (*Порфиридов Н.Г.*, 1982).

Изложение и обсуждение доклада Н.Е. Макаренко о раскопках в Новгороде летом 1910 года. *28 февраля 1911.* **[Приложение к № 143]**

Н.Е. Макаренко прочёл доклад "*О раскопках в Новгороде летом 1910 года*", сопровождая его демонстрацией фотографий и чертежей, исполненных им при раскопках, а также образцами самих находимых вещей.

Раскопки производились на средства Музея Допетровского искусства и быта докладчиком в сотрудничестве с Н.К. Рерихом.

На Рюриковом Городище было проложено в разных местах пять траншей и сделаны обрезы у обрыва для выяснения мощности так называемого культурного слоя. Ни в траншеях за абсидой существующей церкви, ни в других местах массивного слоя не встречено, за исключением слоя у обрыва, подходящего под избы и дорогу. В этих траншеях найдено небольшое количество черепков с волнистым орнаментом, костяной свисток, обломки стеклянных браслетов, костяной гребень, украшенный кружками, и другие предметы.

В расстоянии 300 метров от Благовещенской церкви, на холмике, называемом "Никола", открыто основание деревянной сгоревшей церкви размером 7,8×8,6 м, с выступающей на 4,3 м абсидой; часть церкви на уровне основания сохранила известковый пол; заливка лежит прямо на песке, как и основания стен. В северо-западной части церкви под полом найдены грубый глиняный сосудик века XI–XII и медная цепочка. В алтарной части сосредоточено особенное количество угля и золы, найдены шлаки перегоревших металлических предметов, в том числе медного литого образка (выше пола на 5–6 вершков). [То, что] церковка построена на культурном слое со значительным количеством зольных прослоек и ям, нам показали две траншеи, проложенные поперёк её.

Раскопки в Кремле, против Кукуевской башни, дали целый ряд культурных наслоений, насыщенных остатками деревянных сооружений хозяйственного характера. Слои оказались неперерытыми и залегали ровными, иногда мас-

сивными, пластами. Кроме многочисленных черепков с орнаментами и без них найдены долблёные бочки и в них сапоги, деревянный ковш, валёк, деревянный кружок для покрытия сосуда, медная чашечка, деревянные ложки, гребни с кружковым орнаментом, грузило, медный браслет, пряжки, костяные поделки, точилки (бруски), деревянная чашечка, трехгранный поливной миниатюрный изразец, кремни, кресала, части каменного креста и проч. В верхних слоях обломки поливных и красных изразцов, монеты, подковы (широкие плоские) и много др. предметов. Наидревнейший слой в этом месте Кремля X века.

По поводу доклада А.А. Спицын предложил некоторые хронологические заключения по находкам, сделанным в обоих местах раскопок: у Городища оказываются черепки очень древние, подобные тем, какие Н.И. Репников нашёл близ Старой Ладоги; их можно приписать финнам и относить к эпохе до прихода в Новгород русских. В Детинце же не найдено ничего, что могло бы быть ранее X века: костяные вещи и деревянные гребешки — века X; разнообразные черепки — разных времён, но времён более поздних. Таким образом, подтверждаются прежние предположения, что древнейшие места поселений у Новгорода были на Городище и, вероятно, на Ярославовом Дворище, т. е. на низменных, удобно доступных с реки местах, высокий же холм Софийской стороны в X в. не был ещё заселён. Продолжение раскопок желательно поэтому вести на Торговой стороне, так как там могут быть остатки более древней поры, нежели в Детинце.

Н.И. Репников относительно найденных в Детинце помостов заметил, что, судя по ладожским находкам, то, что найдено Н.Е. Макаренком, это — не мостовые улицы, а остатки полов каких-либо помещений. План деревянной церкви на Городище В.К. Мясоедовым и Я.И. Смирновым признаваем был весьма близким к каменным церквям домонгольского времени, но К.К. Романов[1] в остатках абсиды усматривал многогранность, свойственную в XVI и XVII вв., среди которых встречаются и столь же близкие по плану к квадрату, как церковь, стоявшая на Городище.

Протоколы ОРСА ИРАО за 1911 г. // *ЗОРСА ИРАО*. СПб., 1913. Т. X. С. 354–356.

---

[1] *Романов Константин Константинович* (1882—1942) — архитектор, историк архитектуры, археол., проф., действительный член ИРАО и ИРВИО, член и один из организаторов Российской (позднее Государственной) академии истории материальной культуры (1919–37). Специалист по истории и архитектуре Древней Руси. Один из 14 советских авторов, осмелившихся участвовать в зарубежном сборнике в честь Я.И. Смирнова, вышедшем в октябре 1928 в Праге.

144. М.В. Муравьёв – Н.К. Рериху. *Новгород. 7 мая 1911*

Милостивый Государь Николай Константинович.

Новгородское Общество Любителей Древности, обсудив в своём заседании 6 сего Мая условия Комитета Музея Допетровского искусства и быта о

совместных раскопках в Детинце летом 1911 года, каковые условия были переданы Председателю Общества от Комитета Музея 6 Марта сего года лично Н.Е. Макаренко, постановило:

1. Признать, что соглашение Комитета и Общества в 1910 г. не состоялось.

2. Производить летом 1911 г. на выработанных весною 1910 г. условиях *совместные* раскопки в юго-восточной части Детинца.

3. Просить Комитет Музея Допетровского искусства и быта половину находок 1910 г. отдать в Новгородский Музей древностей.

К сему считаю нужным присовокупить: 1. что Общество остановилось на юго-восточной [части] Детинца (уступленной Обществу Городом для раскопок) на том основании, что, возможно, в 1912 г. на этом участке будет возводится Реальное училище, 2. что Общество настаивает на том, чтобы раскопки производились совместные, понимая под совместностью разделение труда по наблюдению за раскопками между всеми членами комиссии.

4. [Состав] смешанной комиссии [сформировать] из представителей Комитета и Общества, причём место начала раскопок, время их начала и способ будут находиться в зависимости от выработанного совместной комиссией.

Ожидая ответа Вашего, прошу Вас принять уверение в совершенном моём уважении и преданности.

[М.В. Муравьёв.]

Черновик. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 142, л. 274–275.

Из журнала 21-го заседания НОЛД[1]. *6 мая 1911.* [Приложение к № 144]

Председатель [М.В. Муравьёв] докладывает, что 6 Марта с. г. к нему, по поручению Комитета Допетровского Музея, приезжал Секретарь Комитета Н.Е. Макаренко со следующими предложениями Комитета:

1) Признать, что в 1910 году наше соглашение не состоялось.

2) На основании прежнего согласия производить в Детинце раскопки в 1911 году.

3) Комитет отдаёт в Новгородский Музей половину всех находок при раскопках Детинца 1910 года.

Затем Председатель читает как всю переписку, которая велась между Правлением Общества и Академиком Рерихом о раскопках в Кремле, так и газетные статьи, направленные против Новгородского Общества Любителей Древностей, Городской Думы, Архивной комиссии и Новгородского Предварительного Комитета.

Ввиду противоречий газетных сообщений (*Новое Время*, 1 Августа 1910 года, № 12351[2]) с действительным положением вещей, совещание Правления Новгородского Общества Любителей Древностей с членами раскопочной комиссии от Общества поручило Председателю Общества М.В. Муравьёву обратиться к Председателю соединённой раскопочной комиссии Н.К. Рериху, прося

его, как Председателя этой комиссии, восстановить печатно истину, о чём и было написано Н.К. Рериху 12 Сентября 1910 года за № 146, но Н.К. Рерих от сего уклонился.

Затем Председатель излагает ход переговоров и самих раскопок.

Город предоставил Обществу участок земли в восточной части Кремля для раскопок. Общество вошло в соглашение с Комитетом Музея Допетровской Эпохи о совместном производстве раскопок, обещав ему своё содействие и материальную помощь в размере 150 рублей, и было возбуждено ходатайство об ассигновании от Предварительного Комитета ещё 850 рублей.

Для производства раскопок была образована комиссия под Председательством Н.К. Рериха, М.В. Муравьёв был избран Товарищем Председателя. От Общества в комиссию вошли, кроме М.В. Муравьёва, Л.Н. Целепи, А.И. Конкордин, И.С. Романцев и С.К. Матвеевский и кандидатами к ним И.В. Аничков и А.И. Анисимов.

Раскопки были произведены Н.К. Рерихом, но в других частях Кремля, а не в том месте, которое отведено Обществу Городской Думой. Общество и члены соединённой комиссии по раскопкам в известность о начале таковых г. Рерихом поставлены не были. В это время Городская Дума, предполагая отвести место в Кремле для постройки здания Реального училища, пробовала грунт на отведённом Обществу участке, для чего сделала на нём 4 небольшие ямы. Эти ямы в газетных статьях признаны раскопками и произведёнными беспорядочно[3].

Из членов комиссии М.В. Муравьёв всё лето серьезно проболел. А.И. Анисимов по делам Предварительного Комитета уехал в северные уезды Новгородской губернии. Другие члены, хотя часть лета и были в Новгороде, но Н.К. Рерих, как Председатель соединённой раскопочной комиссии, не извещал их о своих работах. Было одно заседание комиссии за 2 дня до отъезда г. Рериха, и поэтому оно не могло иметь никакого влияния на раскопки. В настоящее время г. Рерих предлагает Обществу снова производить раскопки совместно. Председатель просит высказаться по предложению Комитета Музея Допетровского быта.

В.А. Подобедов. Я с самого начала, как Городская Дума предоставила Обществу место для раскопок, и Общество входило в общение с Музеем Допетровской Эпохи, был противником этого соглашения[4]. Я чего-то опасался, и мои опасения оправдались. Все приезжающие в Новгород профессора, знатоки истории и археологии никогда не обходят Общества и людей, скромно здесь служащих науке. Н.К. Рерих этого не сделал. Чем это объяснить, я не знаю. Отшатнувшись от Новгородского Общества Любителей Древности и игнорируя его, он само собою стал одиноким в своей работе. Он обвиняет нас в индифферентном к нему отношении. Но я спрошу — да желал ли он нашего участия? Не буду судить, насколько справедливы его обвинения, но я лично оказывал ему своё содействие во всём, за чем он ко мне ни обращался. Я доставил ему и лестницы, и другие материалы, нужные для его работ. Он упрекает Городскую Думу в небрежном производстве раскопок и в не научном отношении к этому делу. Как гласный Городской Думы, я протестую против этого. Дума раскопок

не производила, а в своих решениях выкапывать ямы для тех или иных исследований она совершенно права. Новгородский Детинец не стоит в полосе отчуждения от Города, он городское достояние. Нельзя Думе запретить делать исследования. Если на всё класть запреты, то значит лишить Город и возможности устраивать водопроводы, и класть прочные фундаменты, и вообще делать то, что требуется жизнью и благоустройством. Но насколько законно поступила Городская Дума, выкопав ямы для исследований, нас[т]олько она была корректна и по отношению к науке. Дума пригласила Учёную Архивную комиссию и Общество Любителей Древности наблюдать при её изысканиях. Раскопками Думы ничего дурного не сделано, находок по существу дела нет, а откопанный обгорелый уголь занесён на бумагу И.С. Романцевым.

Меня вводит в полное недоумение отношение самого Н.К. Рериха к раскопкам. Н.К. Рерих согласился вести раскопки совместно с нашим Обществом. Но, узнав о желании[5] графини Уваровой производить раскопки в Городище, он сам начинает там копать. Раскопки в Городище не удались, и Н.К., бросив их, переходит в Кремль и раскапывает совсем не то место, которое должно раскапывать по соглашению с Обществом. Закончив последнее, он предлагает Предварительному Комитету принять траншеи раскопок на своё попечение и охранять до Археологического Съезда. Предварительный Комитет отказывает, и Н.К. Рерих это ставит в упрёк Комитету. Принять на своё попечение траншеи раскопок Н.К. значило для Комитета принять большую ответственность и произвести большие расходы по укреплению их. Такими средствами Комитет далеко не располагал, а охранять кое-как лучше было не браться. Траншеи могли обсыпаться, могла весенняя вода подмыть их, и ко времени Съезда они могли представлять из себя неопределённую яму, а Н.К. имел бы возможность укорить Комитет в небрежном и, пожалуй, невежественном отношении к делу. Обходя членов комиссии в производстве работ, Н.К. Рерих игнорировал их и в конце: без сообщения членам комиссии он поручил Квашонкину закопать траншеи[6].

Я не нахожу никаких данных к обвинению Н.К. Рерихом Новгородского Общества Любителей [Древности], Городской Думы, Архивной комиссии и Предварительного Комитета, но предлагаю Собранию с осторожностию отнестись к новому его предложению, а то и совсем уклониться от него. Прошлогодняя "эпопея раскопок" и взаимных отношений этого требует.

Н.В. Волков[7] (спрашивает). Что найдено при раскопках?

Председатель. Раскопки дали мало находок, найденные вещи не ценны и особенного научного интереса не представляют. Вещи увезены Рерихом.

В.А. Подобедов разъясняет, что найденные при раскопках вещи должны поступить в распоряжение ИАК, которая, не имея собственного Музея, рассылает их в провинциальные музеи.

Н.В. Волков. Раскопки прошлого года не дали Обществу ничего в смысле находок, но ведь раскопки важны для определения "былого" Новгорода в смысле расположения улиц, характера стройки и т. д. Интересно знать, есть ли хоть план и журнал раскопок Рериха.

Председатель докладывает, что план и журнал раскопок, по всей вероятности, велись, но у Общества их нет. Общество и не могло их получить, так как было обойдено Н.К. Как Председатель г. Рерих только раз собрал комиссию 17 Июля, когда объявил, что отъезжает в субботу, и, без уведомления, уехал в среду.

Протоиерей Конкордин, как присутствовавший на заседании 17 Июля, говорит, что о совместной работе на этом заседании не было и речи. Н.К. желал от Общества только материальной помощи. Когда А.Н. Куприанов[8] доложил, что графиня П.С. Уварова отказала в содействии раскопкам, то для него стало ясным, что раскопкам конец. Отказ графини Уваровой о. Конкордин считает причиной скорого отъезда Н.К. Рериха. Следует вопрос: каким образом и от кого Н.К. Рерих приобрёл право и землю для раскопок в Кремле в другом месте, а не там, где земля предоставлена Городской Думой для раскопок?

В.А. Подобедов. Городская Дума не давала Рериху земли для раскопок. Земля, где производились раскопки, сдана в аренду огородникам. Очевидно, что Н.К. Рерих вошёл в соглашение с ними.

А.И. Анисимов. В настоящем вопросе о раскопках 1910 года и прениях, которые он вызвал, надо различать две стороны. Одна — это личное неудовольствие, другая — совместное служение делу. Личного неудовольствия много, слишком много, но надо совладать с ним.

Считаться с корреспонденциями, да ещё без подписи, я считаю несправедливым; мало ли кто и что пишет. Можно иметь дело только с той корреспонденцией, под которой стоит подпись. Фельетон в "Русском Слове"[9] дал мне повод лично объясниться с Н.К., но я этот разговор оставляю в стороне. Если же обратиться к существу дела беспристрастно, то придётся вывести такое заключение: мы можем обвинять, но и нас имеют право обвинять.

Раскопки должны были производиться в согласии с Обществом, между тем о начале их Общество не было поставлено в известность. Это я признаю серьезным упущением со стороны Н.К. Рериха. Соглашаюсь и с тем, что не следовало бросать участка, предоставленного Городом для раскопок, и производить таковые в другом месте. С научной стороны, конечно, нечего было бояться 4-х ям, которые сделала Дума при своих исследованиях грунта. Поэтому я думаю, что именно там, в юго-восточном углу Детинца, и надо было производить раскопки. Ведь если Город там построит здание, то надолго, если не навсегда, это место будет утеряно для науки. В своё время я говорил об этом и Н.К. Но с другими обвинениями по адресу Н.К. я никак не могу согласиться. Раскопки произведены в другом месте! Но как же Общество и комиссия допустили это и не протестовали? Обвиняем в перенесении раскопок, а сами имеем протокол 17 Июля, так сказать, санкционирующий их. Далее, Н.К. прав, что для него мало сделано; даже квартиры не было отведено. Мы оправдываемся тем, что он нас не известил о своём приезде. Но наше дело было приготовить всё заблаговременно. Ему действительно тяжело было работать, и расходов, помимо раскопок, у него было много. Наконец, несомненно, что наши члены приходили на раскопки, но принимали ли они какое-либо реальное участие в раскопках? Я

знаю и утверждаю, что нет: они были только зрителями, а таких, конечно, Н.К. было не надо.

Перехожу к современному положению. В 1910 году на раскопки мы ничего не затратили: мы обещали и ничего не дали. Мы ничего не потеряли, и земля наша не раскопана. Мы не должны поднимать вопроса о том, что траншеи раскопок засыпаны: их никто от Н.К. не принимал, а оставить их так было невозможно. Но если производить раскопки Собрание найдёт нужным, то я думаю, что, во имя науки, мы должны забыть прежние недоразумения, от которых мы ничуть не пострадали, и, обеспечив себя подробным контрактом, идти с Н.К. рука в руку по его предложению.

Н.В. Волков. На раскопки 1910 года возлагалось много надежд, но они не оправдались. Н.К. Рерих ни помощи от нас не получил, ни раскопки его не увенчались успехом, и тем не менее его энергия не упала: он снова предлагает вести их. Общество признаёт необходимость раскопок в Детинце. Следует со всем этим считаться и на предложение Н.К. откликнуться.

Отец А. Конкордин. А.И. Анисимов обвиняет комиссию, что она не приняла участия в раскопках. Я был не раз на раскопках, но с Н.К. Рерихом там только раз встретился, и то в то время, когда раскопкам был конец.

Председатель возражает А.И. Анисимову относительно квартиры исследователям — таковая им была обеспечена в мужской гимназии к концу Июля, когда они первоначально и предполагали начать раскопки (письмо Рериха и Макаренко от 14 Мая 1910 года[10]), а когда они перенесли приезд свой на более раннее время, то в любезно предоставленном им Н.В. Волковым помещении шли ещё ремонты.

Затем вносится предложение Правления Общества в ограждение интересов науки ходатайствовать пред Императорской Археологической Комиссией о принятии Кремля в её непосредственное ведение и об отчуждении его из состава Городских земель, в целях производства систематических раскопок по образцу Ольвиополя, Киева, Ладоги.

В.А. Подобедов поддерживает это предложение. По его мнению, отсутствие средств при раскопках 1910 года не дали этим раскопкам возможности быть ни строго научными, ни систематичными: он предполагает, что и вновь будет тоже. Рассчитывая, что постройка Реального училища в Кремле начнётся не ранее 1912 года, и возможно, что и позже, он предлагает войти с ходатайством в Императорскую Археологическую Комиссию и просить её произвести в данном месте раскопки возможно скорее.

А.И. Анисимов. Я согласен с ведением систематических раскопок. Но здание училища будет строиться в 1912 году. Зимой раскопок не ведут. У Общества для раскопок одно нынешнее лето. Надо его использовать, а Н.К. Рерих это нам и предлагает. Для будущего же надо непременно войти в соглашение с Императорской Археологической Комиссией. Говорят, что у Н.К. Рериха нет денег. Их не было, правильно говоря, и в 1910 году, и я не вижу ничего предосудительного в том, что приступая к раскопкам, Н.К. Рерих, как утверждают

некоторые, рассчитывал найти что-нибудь необычайное и тем привлечь к раскопкам внимание. Действительно, кто теперь даст денег на дело, результат которого неизвестен. Я вполне предполагаю возможность того, что Н.К. надеялся найти что-нибудь и более ценное, чем полуистлевшие брёвна и ржавые ножи, и тем самым привлечь средства, столь необходимые для дела. Работает с Рерихом Н.Е. Макаренко, а он сотрудник ИАК, значит, и дело раскопок в хороших руках. Я не вижу препятствий к тому, чтобы откликнуться сочувственно на предложение Н.К. Рериха. Нам надо только требовать от него дела, да и самим работать вместе с ним.

Председатель. Не благоугодно ли будет Собранию согласить предложение А.И. Анисимова с предложением Правления?

Собрание единогласно принимает предложение Правления войти с ходатайством в ИАК о признании Кремля в полосе отчуждения и ходатайствовать о начатии в нём раскопок по образцу Ольвиополя, Ладоги и Киева.

С.Н. Дирин вносит новое предложение о незастройке Новгородского Кремля, для чего ходатайствовать пред Императорской Археологической Комиссией о признании его в смысле застройки на особом положении.

Затем продолжаются прения по предложению Комитета Музея Допетровского быта о совместных раскопках в Детинце.

А.И. Анисимов. Не могу не указать, наконец, что вопрос о так называемых "раскопках с Рерихом" по существу дела ведётся не с лицом, а с учреждением: с Музеем Допетровского искусства и быта. Императорская Археологическая Комиссия может нам ответить через месяц, через два, а может быть, и через два года. И раскопки может начать после Ольвии, Ладоги, Киева. Раскопки же не могут не представлять интереса для Археологического Съезда. Забудем неудовольствия! Не будем создавать распри! Будем работать с Н.К. Рерихом, стоя на реальной почве. Соглашение с ним возможно: он идёт нам навстречу. Следует поручить Правлению войти в это соглашение.

В.А. Подобедов. Возражает против спешности такого решения. Кремль в настоящем виде был целые столетия и не знал раскопок. Подождёт раскопок 10–15 лет, но тогда раскопки будут систематичны, что ценно и важно для исторической науки.

Н.В. Волков, соглашаясь с вышесказанным, говорит о том, что постановление Собрания о незастройке Кремля мо[жет] остановить серьёзное дело постройки Реального училища, которое необходимо для Новгорода.

С.Н. Дирин. Какое выйдет сочетание: Кукуй и здание в новейшем стиле!

Председатель ставит на голосование предложение о совместной с Н.К. Рерихом работе по раскопке Кремля летом сего года.

Предложение большинством 22 против 5 голосов принято, и постановлено производить раскопки на принятых в 1910 году с Комитетом Музея Допетровского быта прежних основаниях, ассигновав на это 150 рублей.

Машинопись. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 23, л. 3–7. Машинописный текст местами поправлен — где карандашом, где чернилами. Публ.: *Сборник НОЛД.* № 6. Новгород, 1912. Раздел

"Журналы заседаний". Воспроизводимая по рукописи ч. журнала относится к 11-му пункту повестки.

---

[1] Заседание проходило под председательством М.В. Муравьёва. Присутствовали — действительные члены: А.И. Анисимов, В.В. Билинский, священник А. Ваучский, Л.В. Вильконский, Н.В. Волков, С.Н. Дирин, К.П. Драницын, А.Н. Дьяков, В.А. Иванов, протоиерей А.И. Конкордин, П.М. и Е.М. Костливцевы, В.П. Куроедова, А.С. Кондрашев, А.А. Левитт, К.П. Мозовской, Л.А. и М.В. Муравьёвы, В.А. Подобедов, А.М. Покровский, О.М. Полубояринова, священник С. Соболев, Н.Ф. Уткина, А.П. Шумейко, Н.Л. Элькин, Р.Р. Эргле и священник А. Цветков; член-сотрудник Н.П. Бодовский и гости: г-жа Элькин и г-жа Шокальская. Заседание проходило в Новгородском музее.

[2] См. в наст. разд., приложение к № 132.

[3] Здесь М.В. Муравьёв намеренно недоговаривает. Как следует из документов, публ. в наст. разд. (№ 102, 121 и др.), такая оценка была дана прежде всего ИАК — офиц. органом, в ведении к-рого находились все археол. иссл. в Российской империи. Газеты только интерпретировали офиц. оценку.

[4] Здесь В.А. Подобедов намеренно или невольно искажает последовательность событий. Как следует из документов, здесь публ. (письмо № 83 и примеч. к письму № 86), начало «общения с Музеем Допетровской Эпохи» относится к ноябрю 1909, тогда как решение Новгородской думы последовало 11 декабря 1909.

[5] Слово "желании" написано над зачёркнутым словом "просьбе", изначально напечатанном в протоколе.

[6] Тоже не соответствует истине. В конце июля 1910 Рерих предупреждал новгородцев о вынужденной ликвидации раскопочных траншей в том случае, если они не будут взяты ими под присмотр (см. в наст. разд., примеч. к письму № 131 и др.).

[7] *Волков Н.В.* — директор Новгородского реального училища, действительный член НОЛД.

[8] *Куприанов А.Н.* — член-сотрудник НОЛД.

[9] Имеется в виду корреспонденция: *РС.* 8 августа 1910. № 176.

[10] См. письмо № 96.

145. М.В. Муравьёв — графине П.С. Уваровой. *Новгород. 12 мая 1911*

Милостливая Государыня Графиня Прасковья Сергеевна.

[...] В конце мая здесь будет Н.В. Покровский, обещавший нам помочь в датировке предметов церковной старины. Обществом Любителей Древности 6 мая было решено <производить раскопки в Кремле на участке, отведённом нам для этой цели Городом, причём производить их совместно с комиссией Музея Допетровского искусства и быта (решено это не единогласно), а также заняться подготовкой гидов (по памятникам)>.

Дело движется. [...]

Ваш покорный слуга М. Муравьёв.

Черновик. ОПИ НГОМЗ, № 6, оп. 1, № 142, л. 101. Слова в угловых скобках в черновике перечёркнуты.

146. М.В. Муравьёв (?). Письмо в редакцию газеты "Русские ведомости"

Новгородские археологические учреждения деятельно готовятся к предстоящему в июле Всероссийскому Археологическому Съезду. Предварительный Комитет организует при Съезде выставку, на которую стала уже поступать масса вещей из церквей и от частных лиц. Отдел портретов обещает быть особенно богатым, так как многие помещики откликнулись на призыв Комитета.

В связи со Съездом решался на последнем заседании Новгородского Общества Любителей Древности и вопрос о раскопках в Детинце (Кремль). Обсуждение этого вопроса приняло общий характер в силу специальных причин.

В прошлом году Общество Любителей Древности вошло в соглашение с Председателем Комиссии Музея Допетровского быта и искусства в Петербурге Н.К. Рерихом. По этому соглашению Общество давало уступленную ему Городом для раскопок юго-восточную часть Кремля, Комиссия Музея давала деньги и главных работников. Найденные предметы поступали в Новгородский и Петербургский Музеи, если не оставались в Императорской Археологической Комиссии. Опираясь на то, что Городская Дума выкопала в юго-восточной части Кремля четыре небольшие ямы, пробуя грунт для постройки Реального училища, комиссия Петербургского Музея в лице Рериха начала самостоятельные раскопки в юго-западном углу Детинца, сообщив Новгородскому Обществу о нарушении соглашения только тогда, когда раскопки уже кончались. Все найденные предметы были увезены в Петербург, а прокопанные траншеи осенью засыпаны. Всё это сильно настроило многих из местных археологов против Комиссии Допетровского Музея и её отношения к делу раскопок в Новгороде. Весной этого года комиссия снова предложила Обществу вступить в новое соглашение и приступить совместно к раскопкам в Детинце, обещая половину найденных в этом году вещей отдать в Новгородский Музей. В заседании Общества голоса резко разделились, и часть членов восставала против нового соглашения с Н.К. Рерихом. Однако одержала верх та группа, которая призывала забыть личные счёты и временные недоразумения и объединиться во имя научных интересов для новой работы.

Таким образом, скоро опять начнутся раскопки в Кремле, которые, быть может, представят значительный интерес для будущих членов Съезда. Кроме того, Новгородское Общество Любителей Древности постановило ходатайствовать о том, чтобы Новгородский Детинец никогда более не застраивался никакими новыми зданиями и чтобы проект Городской Думы об устройстве в юго-восточном углу Кремля Реального училища не получил осуществления.

РВ. 17 мая 1911. № 112.

147. Н.Е. Макаренко — в НОЛД. *СПб. 18 мая 1911*

Получив сообщение Новгородского Общества Любителей Древности от 7 мая 1911 г. за № 9 — о совместных работах в Детинце, в течение лета 1911

года[1], честь имею сообщить следующее: задачи Комиссии Музея Допетровского искусства и быта, для исполнения их в течение лета 1911 года, намечены были собранием в других местах России и значительно ранее (до 1 Мая текущего года) получения означенного сообщения Новгородского Общества Любителей Древности, причём были распределены и суммы на работы между приглашёнными частными лицами, и в силу этого изменение программы работ текущего года не представляется удобным, а потому совместные работы с Новгородским Обществом Любителей Древности текущим летом, к сожалению, не могут быть произведены.

Секретарь Комиссии Музея Допетровского искусства и быта
Николай Макаренко.

Автограф. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 142, л. 282 с об.

---

[1] В архиве НОЛД отпуска этого документа не обнаружено. Местонахождение архива Комиссии Музея Допетровского искусства и быта неизвестно.

148. Н.Е. Макаренко. Письмо в редакцию газеты "Русские ведомости"

Царское село. 23 мая 1911

По поводу напечатанной в № 112 "Русских Ведомостей" корреспонденции из Новгорода[1] прошу поместить настоящие сведения, разъясняющие истинное отношение к делу со стороны Музея Допетровского искусства и быта.

1) По поводу археологических раскопок в Новгородском Кремле Н.К. Рерих ни в какие единоличные соглашения с Новгородским Обществом Любителей Древности не входил, как об этом дважды повторяется в корреспонденции, соглашение же было заключено Комиссией Музея Допетровского искусства и быта.

2) Новгородское Общество Любителей Древности не могло дать или не дать для раскопок ту землю, право на раскопки которой принадлежит исключительно Императорской Археологической Комиссии, и лишь лица, имеющие открытые листы от этой Комиссии, имеют право производить раскопки в Кремле, не входя с Городом в соглашение.

3) По условию между Новгородским Обществом Любителей Древности и Комиссией Музея Допетровского искусства и быта для раскопок в Кремле Новгородское Общество обещало ассигновать сумму, равную ассигнованной Музеем Допетровского искусства и быта.

4) Ямы, вырытые в юго-восточной части Кремля неизвестным во время начала археологических раскопок для Комиссии Музея Допетровского искусства и быта автором, налагали на комиссию обязанности простой этики — не начинать работ там, где уже их кто-то начал, по крайней мере до официального выяснения истинного виновника этих ям.

5) Соединенное заседание раскопочной комиссии от Новгородского Об-

щества Любителей Древности и Комиссии Музея Допетровского искусства и быта, на котором выяснилась неосуществимость участия Новгородского Общества в предпринятых раскопках за отсутствием средств, состоялось не тогда, «когда раскопки уже кончались», а во время первой половины работ.

6) Естественно, что предметы, добытые Музеем Допетровского искусства и быта на его средства и наличностью своих сил, поступили в этот Музей, но и здесь должна быть восстановлена истина: часть вещей была немедленно же передана с места раскопок в Новгородский Музей.

7) Что касается сведений и сожалений о засыпанной траншее, оставшейся после раскопок, то Музею Допетровского искусства и быта приходится сожалеть об этом более новгородцев, отказавшихся в лице Председателя Предварительного Новгородского комитета по устройству Археологического Съезда[2] [её сохранить], о чём хлопотал неоднократно Музей Допетровского искусства и быта.

8) По условию, Новгородское Общество Любителей Древности получает дублеты найденных предметов и все громоздкие архитектурные части, а не какую-то странную "половину", о которой сообщается в корреспонденции[3].

Восстановление истины заставило меня занять, быть может, много места, столь дорогого газете. Извиняясь в этом, прошу принять моё глубокое уважение.

Секретарь Комиссии Музея Допетровского искусства и быта
Николай Макаренко.

РВ. 27 мая 1911. № 120.

---

[1] См. № 146 наст. разд.

[2] Имеется в виду новгородский губернатор П.П. Башилов.

[3] Что вполне соответствует положениям в № 89 наст. разд.

149. Н.К. Рерих — ИМАИ и княгине М.К. Тенишевой. *Около 30 мая 1911*

Императорское Общество Поощрения Художеств, Общество архитекторов-художников, Комиссия Допетровского Музея искусства и быта, Общество защиты и охранения памятников искусства и старины, Общество Мир искусства приносят Московскому Археологическому Институту свои искренние поздравления по случаю получения великолепного дара, составившего ныне справедливую гордость Института, и горячо приветствуют княгиню Марию Клавдиевну — щедрую жертвовательницу. Княгиня твёрдо и неуклонно осуществила свою заветную мечту собрать музей искусства и старины и передать его в народное пользование. Только собиратель может оценить, сколько трудов, любви и знаний нужно положить, чтобы создать такое прекрасное, такое целесообразное для изучения хранилище, какое отдаёт отечеству княгиня Мария Клавдиевна. И в самом назначении Музея обслуживать не только столицы, но именно областные центры сказывается особенная любовь, особенная вера в рост жизни России. Государство, в котором есть такие идейные, бескорыстные работники

во славу народа, и общественные установления, охраняющие искусство и старину, должны гордиться и от всей души, лучшими пожеланиями приветствовать новое данное народу древнехранилище и его собирательницу. От пяти учреждений передаю "Славу" княгине и поздравляю Московский Археологический Институт[1].

[Н.К. Рерих.]

Черновик. ОР ГТГ, ф. 44, № 30. Пунктуация и орфография подлинника.

---

[1] Предназначалось для торжественного акта передачи музея "Русская старина" кн. М.К. Тенишевой ИМАИ, состоявшегося 30 мая 1911 в Смоленском Дворянском собрании. (Этому событию предшествовала неудачная попытка передать музей "Русская старина" в ведение Русского музея имени Александра III. В специальную комиссию по передаче входили гр. Д. Толстой, князь С. Гагарин, Н. Рерих, Е. Волков, В. Лобойков и Н. Могилянский). При передаче были зачитаны многочисленные приветствия и выступили депутации от мн. об-в. Зачитаны телеграммы от П.А. Столыпина, министра просвещения Л.А. Кассо, ИАК, ИАХ и т. д. О событии 30 мая 1911 и о самом музее см.: наст. изд., разд. III, № XXXIX (11); *Журавлёва Л.С.*, 1994. С. 255–262. Л.С. Журавлёва воспроизвела уникальную фотографию, запечатлевшую участников передачи (второй слева на лестнице — Н.К. Рерих). Сразу после передачи был создан совет музея, в к-рый вошли: кн. М.К. Тенишева (пожизненный председатель), Н.К. Рерих, Е.К. Святополк-Четвертинская, А.И. Успенский, Е.Н. Клетнова. Позже в совет вошли проф. ИМАИ Д.В. Цветаев и В.К. Мальмберг. И.Ф. Барщевский стал главным хранителем. О сотрудничестве Н.К. Рериха с МАИ см. в наст. изд., разд. III, № XXXI, XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XLV. Интересные сведения собрал В.А. Росов, подготовивший сообщение "Деятельность Н.К. Рериха в Московском Археологическом Институте (по материалам архива МАИ)" (*В поисках истоков...* 1996).

150. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Neuenahr. [28–29 июня] 1911*

Милый мой Мисик, голубчик мой Ладушка, вернулся из Бонна. [...] Купил одну русскую штуку — послал на Общество. В письме не хочу писать, скажу на словах. Кажется, не худо. Потом купил для Школы воспроизведения старинного исторического оружия — чудно сделано[1]. Там будут и для ребят два маленьких меча. Например, щит — весь в узорах — 18 марок. Шлем — 16 марок. Копьё — 8 марок. Большой скандинавский меч — 15 марок. Для натурщиков это так нужно. Обещали мне и картины достать. Вообще, городок очень чистый и культурный. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 297.

---

[1] Делая эти покупки, Николай Константинович действовал как лицо, офиц. командированное ИОПХ, о чём свидетельствует след. документ на фр. яз. из его архива: «Императорское Общество Поощрения Художеств, состоящее под Высочайшим покровительством Их Императорских Высочеств. С.-Петербург, 27 Мая 1911. Большая Морская, 38. *Свидетельство.* Настоящее свидетельство выдано господину Николаю Рериху, Акаде-

мику Императорской Академии Художеств, художнику, Директору Школы Императорского Общества Поощрения Художеств, командированному за границу с целью посещения художественных и художественно-промышленных школ, а также музеев, заводов [usines] и памятников старины. Общество имеет честь просить правительственные институты и местные власти способствовать г. Рериху в успешном осуществлении его миссии. Вице-Президент Боткин. Секретарь Виктор Зарубин» (ОР ГТГ, ф. 44, № 478). Такие же документы (с небольшими изменениями) выдавались Рериху и в др. гг. Например, два свидетельства от 7 и 8 мая 1913, подписанные Нечаевым-Мальцевым и Зарубиным (ОР ГТГ, ф. 44, № 480, 481). Во втором свидетельстве указывалось, что Рерих «командируется Комитетом Общества за границу с целью посещения некоторых музеев и художественных школ, а также для приобретения некоторых образцов по керамической, рукодельно-ткацкой и др. мастерских».

151. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху

Мазальцево. Смоленская губ. 12 августа 1911

Сейчас едем 80 вёрст в бывшее Потёмкинское имение с дворцом Растрелли[1]. Вернёмся — напишу. Всё ладно[2].

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 132. Открытое письмо. Место и дата написания определены по штемпелю.

---

[1] *Потёмкин Григорий Александрович* (1739—91) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784), один из участников дворцового переворота 1762, фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II. *Растрелли (Rastrelli) Бартоломео Карло* (1675—1744) — скульптор и архитектор. По происхождению итальянец. С 1716 работал в СПб. Его произведениям свойственны барочная парадность и пышность, умение передавать фактуру изображаемого материала. (*БЭС*. 1998. С. 948, 998).

[2] В архиве Рериха сохранились дорожные документы, имеющие прямое отношение к его научным поездкам в пределах Смоленской губ.: «Билет № 8 на взимание обывательских лошадей за указанные прогоны. Смоленская Губернская Земская Управа удостоверяет, что предъявителю сего Директору школы Императорского Общества Поощрения Художеств, Академику Николаю Константиновичу Рерих должно быть отпускаемо обывательских лошадей с проводником при проезде по непочтовым трактам Смоленской губернии за плату по три (3) копейки от версты за каждую лошадь, по каковому расчёту деньги должны быть уплачены при самом получении лошадей. Января 5-го дня 1911 года. Срок сему билету по 5 Января 1912 г. Председатель [подпись неразборчива]. Член [неразборчиво]. Секретарь А. Петровский» (ОР ГТГ, ф. 44, № 477); «Свидетельство. Предъявителю сего Директору ... Академику Николаю Константиновичу Рерих ... при проездах по делам службы по Смоленской губернии... Смотрители почтовых станций и почт-содержатели имеют отпуск по требованию его почтовых лошадей преимущественно пред лицами, проезжающими по частной надобности, при том без взимания платы за повозку и смазку колёс. В удостоверение сего, дано ему Рерих... настоящее свидетельство, за моим подписом [sic!] и с приложением казённой печати сроком от нижеписанного числа три месяца, по истечении какового срока он обязан возвратить это свидетельство в мою Канцелярию [в] Смоленск. Августа 11 дня 1911 года. Смоленский Губернатор Двора Его Величества Камергер Суковкин. За правителя Канцелярии [подпись неразборчива]» (ОР ГТГ, ф. 44, № 479).

Семья Рерихов на Оредеже (?). Фото 1910-х. МСССМ

152. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Москва. Гостиница «Метрополь». [1912]*

[...] Зарубину я сообщил, что задержан комиссией Василия Блаженного[1].

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 415. Датируется г. участия Рериха в упом. комиссии.

---

[1] *Храм Василия Блаженного (Покровский собор что на рву)* в Москве, на Красной площади, памятник русской архитектуры, ныне филиал ГИМ. Построен в 1555–61 зодчими Бармой и Постником (по некоторым предположениям, это одно лицо) в ознаменование покорения Казанского ханства. Сооружение из 8 столпообразных храмов, группирующихся вокруг центра — 9-го (шатрового) столпа, объединённых общим основанием и внутренними переходами. О комиссии по реставрации храма Василия Блаженного и об участии в ней Рериха см. в наст. изд., разд. III, № XLIII (1).

153. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих
Поезд Санкт-Петербург — Кисловодск. [Июнь] 1913

К Москве.

Родная моя Ладушка. Еду мимо Берёзки; видел Окуловку. Жаль, что мы не в Берёзке. День-то хороший. И неестественно, что я всё без Тебя. Бедный Ты бедный Мисик. Такого лета ещё и не было. На Кавказ что-то мало тянет, хоть бы уж не так плохо вышло. [...] Уж очень хороши наши, наши озёра, уж очень мы хорошо ездили! А как поехал мимо Ключина, даже чуть не заплакал, об этом уже совестно было в открытке писать. Милый Ты мой, любимый Мисик. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 404. Датируется по последующим письмам с Кавказа.

154. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Кисловодск. [26 июня] 1913*

Родная моя Ладушка [...] После 3-х ездили с Власьевыми[1] на Рым-гору[2] (Боря был там). Гора — бывший городок. Набрал там черепков, точно на раскопках. Одно место был крутой подъём, а у меня подошвы заполировались, всего несколько шагов, а не пройти, наконец, Власьев тянул за палку, а я отправился на четвереньках, и так и взобрался. Власьевы очень милые люди — страшно стесняющиеся и лишь год начавшие жить самостоятельно. Мечтают подбирать коллекцию, она думает об обстановке. Всё советуются: «следует ли им ходить в "Бродячую собаку"[3]» и т. п. вопросы. Когда ехали обратно между буграми на тройке, так мне вспомнились наши поездки в Берёзке. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 382. Датируется по косвенным упом. событий и дат в нескольких письмах с Кавказа.

---

[1] *Власьевы* — семья собирателей предметов искусства и старины. По данным 1916, *Б.Г. Власьеву* принадлежали произведения Рериха *"Охотники"* (1907), *"Святовитовы кони"* (1910), *"Великая жертва"* — 3-й вариант декорации к "Весне священной" (1910), *"Поцелуй земле"* — вариант декорации к "Весне священной" (1912) и *"Вестник"* (1915). *Б.Г. Власьев* — один из сыновей петербургского историка генерал-лейтенанта Г.А. Власьева (*Яковлева Е.П.*, 1996. С. 51). Картины, бывшие у В., отмечены Рерихом в листе дневника "Сколько" (1942).

[2] Среди кавказских этюдов (1913) Рериха есть т. *"Гроб гора"*.

[3] *"Бродячая собака"* — артистическое кабаре в СПб., организованное 31 декабря 1911 по адресу: Михайловская пл., 5. Просуществовало до 1915. Организаторы — Б. Пронин (директор), граф А.К. Толстой (инициатор), С. Судейкин (художник-оформитель) и др. Творческая жизнь "Бродячей собаки" вдохновлялась утопической мечтой об оазисе возвышенной артистической жизни в искусстве. Среди друзей кабаре и посетителей его вечеров были артисты МХТ, члены царской семьи, звёзды императорских театров, известные писатели, художники (М. Добужинский, Н. Кульбин, А. Ахматова, Н. Гумилёв, Н. Евреинов и др.). Иногда в творческой жизни "Бродячей собаки" участвовал и Н. Рерих.

155. Н.К. Рерих — Е.И. Рерих. *Кисловодск. [7 июля] 1913*

Родная моя Ладушка [...] Новые картины надумываются. Это уже хороший показатель. Сегодня надумал: "Прокопий Праведный отводит каменную тучу от Устюга Великого"[1]. Камни должны были упасть на Устюг, а он их отвёл. Каменное поле, а вдали город и Прокопий молится. Тема такая примитивная. Вообще, если бы биржа нас поддержала, можно бы написать капитально картин 10, не выпуская из дому, а потом и сделать целое явление. Если появляются мысли о явлениях, то, значит, ещё порох имеется. Когда это будет? Знаешь, в Августе мы съездим на Оредеж[2] покопать курганы с ребятами, там ведь два часа езды. Кажется, удастся привезти ребятам кое-что из минералов. [...]

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 388. Датируется по косвенным упом. событий и дат в нескольких письмах с Кавказа.

[1] *"Прокопий Праведный отводит каменную тучу от Устюга Великого"*. 1913. Рис. Принадлежал С.П. Колосову. Наст. местонахождение неизвестно. В 1914 Рерих выполнил ещё две работы с назв. *"Прокопий Праведный отводит тучу каменную от Устюга Великого"*. Принадлежали Бежецкому и Е.В. Бурцеву (т.).

[2] На современной "Археологической карте Ленинградской области" **в бассейне р. Оредеж** отмечено 78 археол. памятников — кург. и кург.-жальничные группы, жальничные и грунтовые могильники, каменные кресты, сопки, селища, городища и др. Значительная их часть была хорошо знакома Рериху (см., например, в наст. изд., разд. I, № VIII). В непосредственной близости от **пос. Оредеж** располагаются следующие памятники: «**Оредеж**. Сопка в 0,6 км к востоку от пос. Оредеж, на пологом северном берегу оз. Лужицкое, на поле. В 1979 зафиксирована насыпь выс. 2,4 м, диам. 26 м. **Кашицы**. Кург.-жальничный могильник в быв. д. Кашицы на северной окраине пос. Оредеж. В 1905 насчитывал около 30 кург., окружённых жальничными погребениями с круглыми оградками и каменными крестами. Тогда же были раскопаны 2 кург., содержавшие безынвентарные трупоположения на материке. В 1927 зафиксировано 22 кург. выс. до 0,7 м, диам. 5–6 м, с каменными обкладками в основании и 1 жальничное погребение с квадратной оградкой; 6 каменных крестов сохранилось у часовни. Могильник не сохранился. **Ворота-1**. Кург. группа в 1 км к северу от пос. Оредеж, у быв. им. Ворота, в 0,3 км к югу от озера Антоновское, на поле. В 1927 отмечено 2 насыпи выс. 1 м, диам. 6 м. Не сохранился. **Ворота-2**. Кург.-жальничный могильник у быв. им. Ворота, в 1 км к северу от пос. Оредеж, в 70 м к югу от берега озера Антоновское, на восточном склоне холма. Занят современным кладбищем. В 1927 отмечено 15 кург. и 26 жальничных погребений с овальными и прямоугольными оградками. К 1980 сохранилось 8 кург. насыпей выс. 0,4–1 м, диам. 3–5 м, с каменными обкладками в основании и 2 жальничных погребения с прямоугольными оградками 2×3 м» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 16–17).

156. Н.К. Рерих — А.Л. Липовскому[1]. *Смоленск. 26 июня 1914*

Петербург, Васильевский остров. 14 линия, 39.
Гимназия К.И. Мая.
Его превосходительству
Александру Лаврентьевичу Липовскому.

Дорогой Александр Лаврентьевич, мне хочется, чтобы Вы прочли в "Русском Слове" мою заметку "Достижения" от 14 июня сего года. Там я отметил Ваш исторический кабинет. Шлю сердечный привет.

Ваш Н. Рерих.

26 июня 1914, Смоленск.
Почтовый ящик, 30.

Автограф. Открытка с воспроизведением интерьера музея кн. М.К. Тенишевой в Смоленске. Оригинал в Музее-усадьбе Н.К. Рериха в Изваре. Публ. в сокращении, с воспроизведением лицевой стороны: *Полевая М.И.*, 1986. Воспроизводится по публ.: *Полевая М.И.*, 1991. С. 38.

[1] *Липовский Александр Лаврентьевич* (1867—1942) — историк, филолог, библиограф, педагог, общественный деятель. Учитель Н.К. Рериха во время его первых самостоятельных раскопок 1892–93 (см. в наст. изд., разд. I, № I), учитель его братьев и сыно-

вей в гимназии К.И. Мая, где преподавал историю и географию; с 1906 избран директором учебных заведений К.И. Мая. См. о нём: *Полевая М.И.*, 1986; *Белодубровский Е.Б., Благово Н.В., Лихачёв Д.С.*, 1990; *Полевая М.И.*, 1991. С. 35–37.

Н.К. Рерих. Достижения. [Приложение к № 156]

Пишут. Сообщают.

Пастушонки нашли пещеры с фресками, а от пещер идут подземные ходы.

В старой турецкой крепости открыта комната, полная цветных изразцов.

Из косогора сами вылезли кости какого-то особенного животного, породы плезиозавра.

Выпахан клад арабских монет в серебряной чаше. По бокам чаши — охота на вепря.

При торфяных работах вскрыты костяные орудия.

Спускалась к реке баба — споткнулась о сасанидское блюдо. Там же были три серебряных обруча и чашечка.

Собака объездчика вырыла в барсучьем бугре череп, а при черепе — серьга с птичками из эмали.

Для печной трубы отбивали штукатурку в церкви и обнаружили фрески.

Много разных известий. Всё случайно. Всё само в руки далось. Каждый сообщает по-своему, в пределах своих знаний. Слышатся или простодушие, или гордость, или удивление.

Летом, солнцем согретые, поверьте. Загоритесь протянуть руку. Взять кусок красоты, раздаваемой без счёта.

В нашу обыденную видимость, в наши будни может войти что-то чудесное, веками освящённое, всегда радостное.

И входит. Хотя и с трудом, но подлинное, новое понимание красоты входит в жизнь нашу.

Пошли по забытым путям. Вышли многие руководящие культурные издания. Оценены справедливо, разбираются охотно. Мелкие споры уступают дружному изучению.

"Старые Годы", "Русская Икона", "София", "История живописи" Бенуа, "История русского искусства" Грабаря... Сколько их! Сколько заботливости, и обдуманности, и любви!

В каждом доме одно из хороших изданий должно находиться. К этому идёт.

Молодёжь в складчину, на скудные копейки, стремится выписать хорошую книгу. Трогательно. Заманчиво.

Даже повседневные журналы расширили круг понимания искусства. Поняли. Собираются коллекции. Появляется, вернее — возобновляется благородный обычай жертвовать прекрасные вещи в общее пользование.

Школы искусства заполнены. Это уже не мода. Только искреннее массовое устремление может создать такое наполнение. Аудитории лекций об искусстве,

аудитории археологических институтов, тех, которые поживее, вроде московского, полны.

Сознательное поколение обернулось к искусству, к живой древности. Но не только старшие вспомнили о красоте, о самопознании. Устремление пошло глубже.

Средняя школа, с младших ступеней, задумалась над тем, что ещё недавно оставалось откинутым. Считалось смешным.

Созданное для смысла жизни, для красоты входит в кругозор младших школьников.

Это уже победа! Очарование перейдёт в жизнь.

Очень радуюсь. Смотрю на книжечку. Мы с вами таких книг не видели. Появиться она могла только теперь.

«Учебно-вспомогательные учреждения гимназии и реального училища К.И. Мая, под редакцией директора А.Л. Липовского. I. Исторический кабинет».

Я давно знаю светлую работу Александра Лаврентьевича Липовского и радуюсь, что именно он руководит в новых завоеваниях средней школы в области истории и искусства.

Просмотрите книжечку. Посмотрите, чем вооружает гимназия своих питомцев с первых ступеней сознательного кругозора.

Все лучшие издания налицо. Все вспомогательные таблицы. Воспроизведения картин лучших художников. Живое единение древности с современным искусством.

Заботливо вливаются в художественную обстановку личные работы учеников. Лепка. Рисунки. Воображаю, сколько радости малышам прилагать и своё умение к такому строительству.

Кроме изданий, картин и моделей, при кабинете свой музейчик подлинных вещей.

Эту сторону кабинета можно развивать ещё обширнее. Если каждый ученик принесёт хоть по одному предмету искусства и старины — сколько сот вещей сразу прибавится! А ученики понесут. Каждому интересно оставить хоть одну вещь на общую пользу и радость.

Сами принесут. Сами научатся живо и точно описать вещь и охранить её прочно.

Живое дело. Нас не подпускали к нему. Перед молодёжью новые пути. Этими путями обновится вся жизнь, и надо всеми силами помочь средней школе наилучшими мерами расширить задачи, которые поведут к завоеваниям прекрасным.

Радуюсь я движению средней школы и потому, что, сходя до малых, захватывая широкий круг, изучение искусства и древности выйдет за пределы чего-то особенного, за пределы патриотизма и национализма и перейдёт, подобно обычной грамотности, в широкую область чувств и знаний общечеловеческих.

Перейдёт к мудрой, спокойной оценке и радости.

Пока значение искусства укрепится, если кто скажет, что во имя искусства упрекают его и злословят, скажем:

Разве враждующие могут помешать радоваться, работать, творить? Помешать знать и творить не может никто.

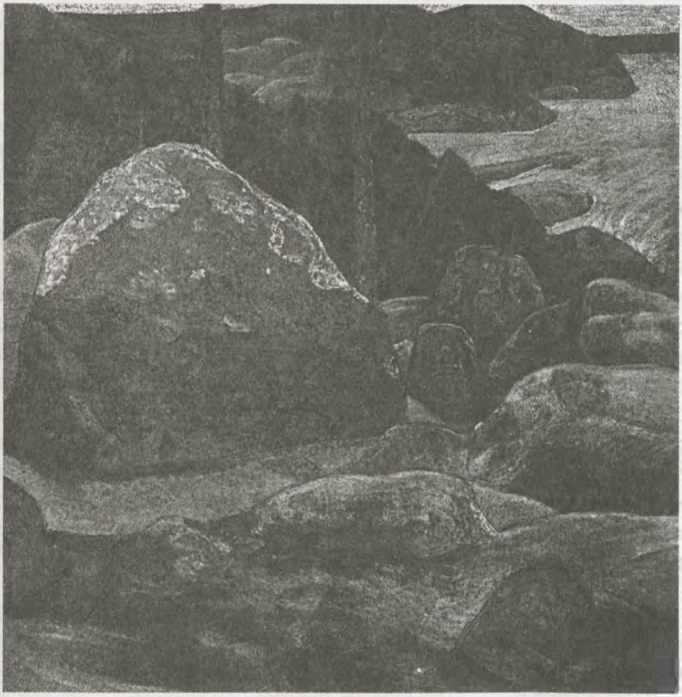
РС. 14 июня 1914. Воспроизводится по публ.: *Полевая М.И.*, 1991. С. 39–40.

157. Н.К. Рерих — А.Л. Липовскому. *30 ноября 1915*

Дорогой Александр Лаврентьевич,

С большой радостью узнал я, что 1 Декабря исполняется 25 лет Вашего славного и самоотверженного служения делу народного просвещения. От души жалею, что простуда лишает меня возможности лично передать Вам привет мой с пожеланием долгой, столь же полезной работы, сил и бодрости для ведения любимого Вами трудного дела.

Бывают слова, не произносимые в обыденной жизни, но при утверждении жизненных вех, в особые дни их можно сказать. Можно сказать нам, Вашим бывшим ученикам, уж давно вышедшим на путь.



Н.К. Рерих. Седая Финляндия. Этюд. 1907. Собрание ГРМ

Мне пришлось видеть Вас с самого начала Вашей учебной деятельности. Вы несли нам знания, незапылённые, с любовью устремлялись к истокам человеческой мысли. Устои жизни, история оставляли в нас след потому, что Вы любили Ваше дело и убеждали нас углубиться в века. И не только как наставник любимого предмета, но именно как руководитель живого дела. Вы выдержали путь долгий и должны сейчас видеть, что около Вас выросли всходы. Дело Ваше окрепло. Полное лучших наступательных мыслей и стремлений, дело гимназии заняло прочное общественное место, и каждый, окончивший гимназию Мая и шедший под Вашим руководством, может с радостью и гордостью сказать об этом.

Прошу Вас, сохраните на память о Вашем бывшем ученике мою картину "Седая Финляндия". Вы учили нас работать, и мы помним это, работаем и учим.

Крепко жму Вашу руку и глубоко душевно шлю Вам сердечный привет.

Искренно Вам преданный

Н. Рерих.

Автограф. Оригинал в Музее-усадьбе Н.К. Рериха в Изваре. Опубликовано в сокращении: *Полевая М.И.*, 1986. Воспроизводится по публ.: *Полевая М.И.*, 1991. С. 38.

158. А.И. Анисимов — Н.К. Рериху. *Григорово. Новгород. 14 декабря 1915*

Многоуважаемый Николай Константинович,

До нашей деревни, особенно в теперешнее военное время, вести приходят с большими опозданиями. Потому и о наступлении четвертьвекового юбилея Вашей работы я узнал только теперь[1].

Когда-то возникшая жизненная встреча наша, начавшаяся так хорошо, была уродливо прервана, не по моей вине. Если Вы впоследствии дали себе труд просмотреть отчёты о заседаниях в Новгородском Обществе Любителей Древности в сборниках этого Общества[2], Вы могли [бы] убедиться, как далеки Вы были от истины, доверяя словам, которые самовольно приписали мне о Вашей деятельности в Новгороде молодые и старые безответственные петербургские сплетники. Я хотел бы, чтобы люди уважали меня не за хорошие, а за правдивые слова, а в той правде, которую я говорил о Вашей работе в Новгороде, не было ни одного слова, которое могло бы оскорбить Ваше достоинство. Потому-то я, в свою очередь, был глубоко оскорблён тем излишним и необоснованным доверением, которое Вы придавали измышлениям петербургских болтунов, отнимая, таким образом, это доверие и надлежащее уважение у меня.

Всё это оставило горькие следы в моей душе, но эта горечь воспоминаний не мешает, напротив, более того, обязывает меня быть объективным к Вам в эти дни Вашего "двадцатипятилетия". Своим долгом считаю я в эти дни с благодарностью думать о Вас, о Вашем прекрасном таланте, которому я, вместе со многими другими, обязан столькими незабываемо-светлыми переживаниями, о Вашей глубокой — удивительной, как всё, что от Бога, душе художника, открыва-

Даниил, Давид и Соломон. Икона из иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Около 1497. Находилась в собрании А.И. Анисимова. Ныне в ГТГ

ющей нам нас самих, со всеми глубокими извилинами нашего духа, ведущими начало ещё от древнего человека. Частицею своих богатств обязан Вам каждый из тех, кто имел и имеет при себе ключ от сокровищницы Вашего искусства и кто имел счастливую возможность, забыв всё, погружаться в эти богатства всею душой и уходить в жизнь уже преображённым и обогащённым. «Всё мелкое, ничтожное разъединяет, всё великое соединяет», — говорит Михаэль Крамер у Гауптмана[3]. Искусство — великое, и оно не может не заставить меня, отбросив всю временную мелочь и ложь, благодарить Вас за то, чем зритель, один из многих миллионов, обязан художнику — одному из немногих тысяч.

Желаю Вам много лет здоровья и радости.

Александр Анисимов.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 558.

---

[1] О праздновании 25-летия худ. и литературной деятельности Н.К. Рериха см. в наст. изд., разд. III, № L.

[2] См. в наст. разд., приложение к № 144.

[3] *Гауптман (Hauptmann) Герхарт* (1862—1946) — немецкий драматург. Лауреат Нобелевской премии (1912).

159. А.И. Анисимов — Н.К. Рериху. *Григорово. Новгород. 10 января 1916*

Многоуважаемый Николай Константинович,

В дни пребывания своего в Новгороде Вы навещали здесь некую г-жу Данилевич[1] и, сколько помнится, пытались приобрести у неё два женских портрета (один на дереве — поменьше, другой на полотне — побольше). Тогда владелица не продала их Вам. Теперь она умерла и эти портреты пойдут с аукциона.

Местные скупщики уже охотятся за ними, а также и родственники покойной, известный Вам Гинтовт, обладатель Зегерса[2], оцениваемого им не в сотни, а в тысячи. При помощи тоже известного Вам Квашёнкина вещи эти, т. е. портреты (оба или один) могут быть приобретены для Вас, если Вы укажете предельную сумму, но рассчитывайте её так, чтобы можно было заплатить прилично и Квашёнкину за хлопоты, так как наводить дипломатию аукциона будет он, даже если я лично буду там присутствовать. Рисковать деньгами, особенно крупными, Квашёнкин не решается, так как боится, что эти портреты останутся без сбыта у него на руках. Тем менее могу рисковать на это я, особенно же ввиду того, что я не большой любитель этой школы и тратить большие суммы на эти вещи не хочу. Но способствовать Вам и не дать скупщикам захватить эти портреты я буду рад. Поэтому, если хотите приобрести их, сообщите мне незамедлительно, до каких пределов можно давать за ту и за другую вещь на аукционе и сколько Вы находите возможным прибавить к этой сумме за услуги Квашёнкину. Устранить его от этого дела я не считаю удобным, так как он стоит на страже столько же Ваших, сколько и своих интересов, и сам просил меня снестись с Вами, когда я отклонил его предложение купить эти портреты для меня, не рискуя на серьёзные расходы, и напомнил ему о Вас. С ответом мне, пожалуйста, поспешите, так как я боюсь, что аукцион состоится не сегодня-завтра: его откладывают со дня на день, и сами наследники, у которых я сегодня был, не знают, когда он состоится. С расстройством путей сообщения теперь особенно приходится спешить.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего доброго.

Искренне Вас уважающий

Александр Анисимов.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 559.

---

[1] См. выше, письма № 108 и 124.

[2] *Зегерс (Сегерс) Герард* (1591, Антверпен — 1651, Антверпен) — голландский художник. Учился у антверпенского художника Абрахама Янсенса. В 1608 принят в гильдию живописцев Антверпена. Между 1611–21 жил в Италии и Испании, затем обосновался в Антверпене. Писал, главным образом, на религиозные сюжеты, а также бытовые сцены. В собрании ГЭ находятся его полотна: "Отречение апостола Петра" (до 1915 в собрании П.П. Семёнова-Тян-Шанского), "Раскаяние апостола Петра" (поступило в 1921 из ГМФ) и др.

160. А.И. Анисимов — Н.К. Рериху. *Григорово. Новгород. 16 марта 1916*

Многоуважаемый Николай Константинович,

Я сам собираюсь написать Вам[1], вот уже более полутора недель, но болезнь, продержавшая меня эти дни в постели, мешала мне сделать это. Дело в том, что в конец масленицы было у нас в Музее заседание правления Общества Любителей Древностей. На заседании этом должны были решаться кое-какие

серьёзные дела в присутствии П.П. Покрышкина и К.К. Романова, в этот день ко мне заезжавших. Поэтому поехал в город и я. В Музее — до заседания — ко мне обратился один из членов правления, поляк, с просьбой — сходить с ними и ещё двумя представителями польской колонии в Новгороде посмотреть «два замечательных портрета», которые «продаются с аукциона». Я догадался и ответил уклончиво. А когда знакомый мне член Правления, оставшись один, сообщил мне, что два его земляка — богатые люди (один управляющий казёнными имениями в губернии) — хотят их купить и просят меня, «как человека понимающего», сходить с ними посмотреть, собираясь дать на аукцион большую сумму, я принуждён был откровенно сказать ему, что я картины уже видел. Он добавил, что «Рерих давал за них *за каждую* тысячу, а Квашёнкин хочет дать ещё больше». Тогда я уже просто сказал, что Вы даёте за портреты не больше *за оба* 800 и что Ваша оценка, конечно, самая высокая, как человека действительно понимающего; что Вы просили меня дать на аукционе эту цену, что я и исполню по мере сил; что его знакомые, разумеется, могут давать сколько им угодно и Квашёнкин также, ибо дуракам закон не писан. О роли Квашёнкина я нарочно умолчал и вот почему. Я тогда же понял, что эти богатые и невежественные поляки будут набивать цену, пока не поленятся, так как для этих людей всё равно, за что заплатить тысячу — за какого-нибудь Бодаревского или за Миревельта[2]. Потому надо оставить резерв в виде Квашёнкина, на случай, если ввиду всего происшедшего Вы захотите идти в цене выше. На аукционе я демонстративно прекращу на 800 рублей, дав понять, что дальше цена становится несерьёзной, а Квашёнкин, если хотите, может бороться дальше с этими господами. Лишний раз при этом вспомнив ещё и пожалев, что вы — питерцы не "умеете" покупать вещей в провинции и часто портите самим себе. Не надо было Вам тогда фотографировать и давать серьёзную цену, а то теперь Ваше же имя становится Вам поперёк дороги. Есть ещё одно печалящее меня обстоятельство: Квашёнкина берут в солдаты и чуть ли не сегодня-завтра. Положим, найдутся люди, которые известят меня об аукционе, найдутся и подставные лица, которые могут повести цену дальше меня, в случае если эти поляки станут давать больше 800 рублей. Ведь они серьёзно до сих пор считают одну из этих особ за "дочь Лютера"[3]! Что касается цветов, я должен Вас несколько огорчить. Как Вы помните, я ничего не писал Вам о них, потому что, увидевши их в первый раз, решил попытаться купить их для себя именно за их "декоративность". Впрочем, и в этом деле я Вам не конкурент, ибо ста рублей за вещь я ни за что не дам, и если она дойдет до этой цены, то я, конечно, *непременно куплю их для Вас* и не дам им уйти в другие руки, — разумеется, если эти поляки опять не набьют цены выше ста. Ужасно худо, что владелица завещала всё это "польской колонии": последняя заинтересована теперь в том, чтобы вырученная сумма была возможно выше.

В начале письма я упомянул Вам о Романове и вот зачем. Эти поляки не удовольствовались моим категорическим заявлением и потащили туда Константина Константиновича. Я заранее предупредил его, и как он ни отказывался,

Тайная вечеря. Икона из иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Около 1497. Находилась в собрании А.И. Анисимова. Ныне в ГРМ

говоря, что он ничего не понимает и не интересуется голландцами, они, кажется, всё-таки затащили его туда. Для них археолог — всезнайка. Чем кончилось его путешествие туда, я не знаю, как не знаю и того, состоялось ли оно, в конце концов. Если Вы знаете Константина Константиновича лично (а это, наверное, так!), то позвоните ему и узнайте сами. Может быть, он расскажет Вам и ещё что-нибудь любопытное.

Ужасно жаль, что дело, казалось, начавшееся так хорошо, стало принимать такой зловеще-глупый оборот. Того гляди, что уплывут эти голландцы в гостиные, где их с успехом и бóльшей пользой для хозяев могли бы заменить приложения к "Ниве". Во всяком случае, напишите все Ваши мысли по поводу изложенного выше и давайте бороться до конца.

Извините, что так спешу: запустил массу корреспонденций, так как только недавно оправился.

Крепко жму Вашу руку уважающий Вас

Александр Анисимов.

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 560.

[1] Указание на то, что Рерих писал Анисимову. Местонахождение писем Рериха Анисимову неизвестно.

[2] *Миревельт Янс Михил Ван* (1567, Дельфт — 1641, Дельфт) — голландский живописец и гравёр. Придворный портретист у Насау Оранских.

[3] *Лютер (Luther) Мартин* (1483—1546) — деятель Реформации в Германии, нач. к-рой положило его выступление (1517) в Виттенберге с 95 тезисами против индульгенций, отвергавшими основные догматы католицизма. Основатель лютеранства. Сын рудокопа; в 1505 поступил в августинский монастырь; в 1511 отправился по делам ордена в Рим. Л. открыто проповедовал свободу совести и др. противоречащие офиц. церкви положения. В 1521 был отлучён от церкви, на него была наложена опала. В 1524 Л. сбросил рясу монаха и вступил в брак. (*БЭС*. 1998. С. 668; *СИ*. 1998. Т. 2. С. 153–154).

161. Н.К. Рерих — Б.К. Рериху. *Нью-Йорк. 3 июля 1922*

Захвати хороший набор каменного века[1]. Нет ли моей юбилейной книги[2] (большой спрос). Где масонские знаки? Где примитивы? Где хорошие японцы и китайцы[3]?

[Рерих.]

Текст на приглашении в США. Публикуется по копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония). Оригинал в ОР ГТГ, ф. 44 (?).

---

[1] О своей коллекции каменного века Рерих оставил целый ряд ценных упоминаний. Приведём здесь некоторые его высказывания.

«Я коллекционировал старинные картины и предметы каменного века. В монографиях отмечалось значение моих художественных коллекций и признавалось, что моя коллекция каменного века является самой обширной — в этом был просто неотъемлемый факт» ("Наскоки", 1931).

«Вспоминаю наше собрание каменного века. Оно, наверно, уничтожено. Где-то за границей передавали, что ценное содержимое нескольких ящиков выброшено в канал. Везде ли так бывало? Пройдите с таким отрицанием по всем хранилищам и сокровищницам, многое ли переживёт такие шаги? Кто-то, когда-то, нашедший груды каменных орудий, не будет ли изумляться смешанности типов? А ведь собирались они именно с целью сопоставлений, сравнивалась техника американских, и северных, и азиатских образцов. Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной всюду

не забывались и каменные изделия и привозились к их далёким собратиям. И Франция, и Бельгия, и Венгрия, отовсюду притекали образцы. Особенно поучительно было сопоставлять их с нашим неолитом, который дал образцы очень высокой техники. Всё это рассеялось. Обидно то, что не только оно рассеялось, но навсегда перемешалось, и никто более в этих сотнях тысяч образцов не разберётся» ("Каменный век", 1935).

«В 1902 году в Бежецком Конце Новугородской Пятины мною были вскрыты курганы с очень необыкновенным содержанием. Среди каменных неолитических орудий было найдено несколько сот янтарных украшений. Многие из них были в обломках, но их удалось в значительной степени склеить и восстановить. Они были на выставке в Археологической Комиссии. Древность находки приблизительно была определена в 2000 лет до н. э. Археологическое Общество Кёнигсберга весьма заинтересовалось этими явными сношениями с Прибалтикой и считало найденные янтарные поделки происходящими из окрестностей именно Кёнигсберга. Но тогда же в докладе моём в Археологическом Обществе я указывал, что ни к чему обращаться за аналогиями так далеко, когда они могут найтись ближе, а именно на Рижском побережье. Вспомнились наши ранние поиски янтарей, и было ясно, что такие дары моря, естественно, издавна обращали на себя внимание и, вероятно, очень ценились. Во всяком случае, такое соединение неолитических орудий с хорошо обработанными янтарными изделиями считалось весьма важною находкою» ("Латвия", 1937).

«Кроме многочисленных коллекций каменного века русского, удалось собрать и в Европе» ("Археология", 1937).

«Исчезла наша коллекция каменного века» ("Терпите", 1941). (К счастью, это не так; десятки тысяч предметов этой коллекции ныне хранятся в ГЭ, несколько десятков в МСССМ и в Музее истории литературы, искусства и культуры Алтая (г. Барнаул). — *В. М.*)

«Разве не удивительна тождественность культуры каменного века во всех частях света? Повсюду встречаете ту же технику, тончайшую, доселе не разгаданную. Кроме множества находок в пределах России, мы собирали каменные поделки во Франции, в Швейцарии, в Италии, в Египте, в Монголии, в Китае, в Индии, в Америке... Только сопоставляя, можно было изумляться общечеловечностью творчества, давшего одинаковую и неповторимую технику каменного обихода. [...]

Где теперь все наши каменные собрания? Мелькнул нелепый слух, что их выбросили в Мойку. Всяко бывало! Это уже палеолит!» ("Каменный век", 1944).

«Спрашиваете, какие у меня были собрания. Сызмальства любил собирать. [...] Было огромное каменного века — предполагалось отдать в музей Академии Наук. С В.В. Радловым уже было сговорено. [...] Говорили, что каменный век выброшен в Мойку, — вот и такое возможно!» ("Собрания", 1945).

«Много памяток! На пути к суворовскому Кончанскому у самой дороги привлекли внимание маленькие стёртые временем курганы. Оказались погребения с сожжением — с каменными орудиями, а главное, с сотнями янтарных поделок. Подобные вещи из янтаря были в музее Кёнигсберга. Значит, уже в неолите были значительные сношения. [...] А неолит на озере Пирос и впервые найденные каменные человекообразные фигурки! На съезде в Перигё их очень отметили. Где всё это? Весь наш каменный век был подарен нами Музею Академии Наук, и В.В. Радлов принял дар от имени Академии. Часть нашего неолита была в Музее имени Д.В. Григоровича при Обществе Поощрения Художеств. Живёт ли этот Музей имени автора "Антона Горемыки"? Там же были и наши раскопки из Новгородского Кремля» (Письмо И.Э. Грабарю, апрель 1946).

В архиве Рериха сохранились разрозненные записи, имеющие отношение к его коллекциям, в т. ч. коллекции каменного века. Имеется листочек в клетку из отрывного блокнота, очевидно, с общей оценкой всего состояния Рерихов в середине 1910-х:

«...Ст[арые] кар[тины] 35 000. Кам[енный] век 10 000. Бумаги 32 000. Наличн[ые] 12 000» (ОР ГТГ, ф. 44, № 23, л. 5). А вот запись на оборванной половине большого линованного листа, возможно, набросок плана лекций о каменном веке; часть плана Рерих мог проиллюстрировать вещами из собственной коллекции: «1. Альтамирский плафон. 2. Скульптура (Магдал[ен] (очевидно, имеется в виду мадленская культура. — *В. М.*). 3. Орудия. Шельские. 4. Скребок. Мустье. 5. Острия. Солютрейские. 6. Жезл или ручка кинжала. Магдал[ен]. 7. Человекообразные изображения. 8. Орнамент оленей из Коломцов. 9, 10. Орнаменты гончарства. 11. Свайные постройки. 12. Янтарные украшения, гарпун, крючк[и]» (ОР ГТГ, ф. 44, № 26, л. 1). Ниже приводится фрагмент оп. небольшой экспозиции вещей каменного века из коллекции Рериха.

Литература о коллекции и занятиях каменным веком: *Рерих Н.К.*, 1998а (Письмо кн. П.А. Путятину. 1905). С. 154–158; *Рерих Н.К.*, 1907а, 1907б; *Спицын А.А.*, 1907; *Маковский С.К.*, 1907; *Эрнст С.Р.*, 1918. С. 57; *Selivanova N.*, 1922. P. 35; *Conlan B.D.*, 1938. P. 3–5, 11, 30; *Рерих С.Н.*, 1993. С. 54; *Лихтман М.М.*, 1998; *Замятнин С.Н.*, 1948; *Маточкин Е.П.*, 1984; *Князева В.П.*, 1994. С. 85 (предложение о выставке из Хельсинки); *Мельников В.Л.*, 1997в, 1998б, 1998г.

[2] К юбилею Рериха (25-летие худ. и литературной деятельности) успела выйти только одна монография: *Гидони А.И.*, 1915. В 1916–18 в СПб. вышли ещё 3 монографии: *Рерих Н.К.*, 1916; *Эрнст С.Р.*, 1918; *Ростиславов А.А.*, 1918. Здесь скорее всего Рерих имеет в виду наиболее капитальную из всех монографию издательства "Свободное искусство".

[3] В архиве Рериха сохранилась след. краткая оп. (авторство не установлено):

«Японская коллекция состоит: Какемоно (По всей видимости, кимоно. — *В. М.*) — 242. Ширм рисованных — 4. **Хоксая** (Имеется в виду **Хокусай Кацусика** (1760—1849), японский живописец и рисовальщик, мастер цветной ксилографии, представитель школы укиё-э. — *В. М.*): 1) рисунков от руки — 265; 2) гравюр — 2860; 3) иллюстраций в книгах — 640. **Различных художников**: 1) оригинальных рисунков — 1850; 2) отдельных репродукций — 6000; 3) эстампов в книгах — 10 000; 4) эстампов в два листа — 300; 5) эстампов в три листа — 200. Систематизированных художественных раскрашенных фотографий — 1300. Для России стоимость 75 000 рублей» (ОР ГТГ, ф. 44, № 1557).

Образованию китайской коллекции много способствовало намечавшееся участие Рериха в оформлении оперы И.Ф. Стравинского "Соловей" (1908–13, либретто С.С. Митусова по одноимённой сказке Х.К. Андерсена). Вот что писал Митусов Стравинскому из СПб. 24 июля 1913: «Видел Рериха. Писать декорации к "Соловью" будет он. [...] Да, материалы китайские действительно очень интересны (Рерих накупил всякой китайщины), по крайней мере то, что я видел, а видел я меньше половины» (*Митусов С.С., Стравинский И.Ф.*, 1994–97. С. 326).

И китайская и японская коллекции могли пополняться через аукционы ИОПХ, организация к-рых долгое время была в ведении Рериха.

Следует отметить, что чету Рерихов в Петрограде знали как неутомимых собирателей. Их часто можно было видеть в антикварных магазинах и на аукционах (*Беликов П.Ф., Князева В.П.*, 1996. С. 93). Поскольку в "Хронике и библиографии", опубликованной ИАК, есть о таких аукционах интересные упом. (*ИИАК*. Приб. к № 59. (*ХБ*. № 29). Пг., 1916. С. 52; Приб. к № 64. (*ХБ*. № 31). Пг., 1917. С. 69–70), остановимся на них особо.

Уже в Гималаях Николай Константинович вспоминал о тех финансовых трудностях, с к-рыми ему приходилось сталкиваться как директору школы ИОПХ. «При возникновении новых расходов, — писал он в листе дневника "Нужда" (1939), — Комитет [ИОПХ] всегда предлагал повысить плату учащихся. Указывалось, что если расширяются мастерские, то Общество имеет право ожидать сочувствия со стороны учащихся, тем более что у нас было шестьсот бесплатных. Действительно, так и было, но менее

всего хотелось отягощать учащихся, среди которых было много неимущих. Плата в нашей школе была самая низкая, и эта основа должна была быть нерушимой. Составление бюджета было самым злосчастным днём. Знаешь о всех нуждах, а доходные статьи — не резиновые! Советуют — "прибавьте на художественные аукционы или на выставки". Но такие прибавки проблематичны. Легко приписать ноль, а как его выполнить! А если народ не придёт на аукцион или не захочет купить на выставке?». Описание одного из подобных аукционов приведено в "Археологической хронике". В здании ИОПХ на Большой Морской, 38 был специальный аукционный зал.

«Аукцион старинных лубочных картин и гравюр. 30 октября [1916] в залах Императорского общества поощрения художеств состоялся аукцион старинных лубочных картинок, по преимуществу французских и итальянских, гравюр в красках японских мастеров и всевозможных старых репродукций. Аукцион собрал значительно меньше публики, чем аукционы картин в том же помещении, но всё же распродажа шла довольно бойко. Наиболее удачно были проданы цветные японские гравюры Кунисада, Тайскуни и Хорошиге, некоторые из коих пошли до 25 рублей за лист. Из старых европейских гравюр особенно бойко раскупались гравюры Фр. Бартолоцци (1730—1813), доходившие до 15 рублей за штуку, и английские гравюры XVIII века. Небольшая сравнительно коллекция лубочных картин, представляющая мало характерных воспроизведений, по преимуществу видов городов, храмов и дворцов, пошла с молотка по очень недорогим ценам: от 50 копеек до 7 рублей 50 копеек за экземпляр» (*ВВ*. 31 октября 1916. № 1648). О японских мастерах Хоксае (К. Хокусае) и Хорошиге (А. Хиросиге), упом. в данном примеч., см.: *Румянцева О.В.*, 1979. С. 39–40; *Румянцева О.В.*, 1982. С. 133.

Н.К. Рерих
[Фрагмент описи экспозиции каменного века из коллекции Н.К. Рериха]. [Приложение к № 161]

[Кремнёвые орудия.]
[...][1]

№ 2. IV. Скребки — 23. Из них некоторые замечательной отделки. 2 ножика со вторичной обивкой. 21 нож без обивки (3 из них с широким[и] основаниями (особая форма). Навёртышей — 4. 1 орудие 4-угольной формы с одним острым концом. 2 широких ножа; в одном из них признак окаменелости морской. 9 орудий миндалевидной формы. 1 грубый резак (tranchet).

№ 3. I. 4 хороших nucleus'a. 55 ножей. Узких и широких со вторичной обивкой и без неё. Один довольно значительных размеров. 2 острия больших правильных.

№ 3. II. 1 шиферная точилка с отверстием, проделанным с двух сторон. 1 tranchet или долото. 1 прекрасный наконечник копья или кинжал. 1 копьё. 2 дротика. 2 миндалевидной формы орудия для насадки как палица. 11 скребков. 2 наконечника стрелы. 3 лавролистных орудия. 2 tranchet. Одно остриё. 1 полулунное орудие и 1 Bukde perroquet. 1 насадка массивная полированная для палицы.

№ 3. III. Полушаровидное долото. 6 стрелок, впервые найденных на

Севере, со скошенным основанием для насадки. 22 скребка. 12 стрелок. Дротиков — 4. 4 лавролистных острия. 1 хорошо обработанное неизвестное орудие, заострённое по диагонали. 2 долота. 4 навёртыша.

№ 4. I. 34 ножа неправильной формы. 2 навёртыша. 21 скребок, один замечательный с кристаллизацией и маленький красного цвета. 1 вогнутая пилка со вторичной обивкой. 2 орудия, напоминающие американские пилки. 2 острия. 2 неопределённых средних орудия, одно хорошей вторичной обивки.

№ 4. II. 10 скребков. 2 пилки. 1 навёртыш. 3 острия [заострённые] по диагонали. 5 остриёв. Ножи неопределённой формы — 16. 1 нуклей. 1 грубая пилка. 1 остриё грубое. 1 большой скребок, грубый. 1 насад для палицы.

№ 5. I. *Случайные* между № 1 и 2. 32 дротика. 2 стрелки, одна с полукруглой выгнутой насадкой и другая с ровной насадкой, [найденные] впервые на севере России. 1 копьё. Стрелки — 8, разнообразных типов (одна узкая — хорошая). 1 орудие с выемкой и вторичной обивкой. 4 скребка (один скребок и остриё). 5 ножиков (один скребок со вторичной обивкой). 2 острия. 1 грубый навёртыш.

Гончарство.

A. Кромки сосудов с различными орнаментами.

B. Ямочный орнамент.

C. Мелкий ямочный [орнамент], сделанный палочкой и костями животных. 6 черепков с отверстиями для подвешивания сосудов. Рисунок штампами. 1 верёвочный орнамент.

D. Рисунок штампами и зигзагообразный орнамент.

E. Крапчатый орнамент, напоминающий орнаменты ярославские; фатьяновские типы[2]. 1 часть дна сосуда. Орнамент резью (лучиной) и прочие, сходные с [орнаментами из] коллекц[ии] Бологовской[3].

Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 46, л. 14 с об; № 49, л. 15, 16 об.

---

[1] Начальная часть оп. в архиве Рериха не обнаружена. Возможно, имелось заглавие, поясняющее назначение оп.

[2] Имеется в виду археол. *фатьяновская культура* бронзового века (2 тыс. до н. э.) в Верхнем Поволжье и Волжско-Окском междуречье. Названа по **д. Фатьяново**, близ Ярославля. Характеризуется грунтовыми могилами с каменными и медными орудиями и оружием, керамикой, украшениями и проч.; хозяйство: скотоводство, отчасти земледелие. (*БЭС*. 1998. С. 1266).

[3] О Бологовской коллекции кн. П.А. Путятина см. в примеч. к № 20.

III

Н.К. РЕРИХ В ПУБЛИКАЦИЯХ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1896 — 1918

Настоящий раздел включает в себя все публикации Н.К. Рериха в изданиях Императорской Археологической комиссии, включая материалы, отмеченные в "Хронике и библиографии" — приложении к "Известиям Императорской Археологической комиссии", а также тексты, содержащие упоминание имени Н.К. Рериха и ссылки на его труды в "Отчётах", в "Известиях", в "Материалах по археологии России", в "Вопросах реставрации" и других изданиях комиссии. Кроме этого здесь помещён ряд материалов, имеющих прямое отношение к жизни и творчеству Н.К. Рериха и его семьи. В некоторых случаях в качестве параллелей и дополнений использованы документы Н.К. Рериха из Отделов рукописей Российской государственной библиотеки и Государственной Третьяковской галереи, Сектора рукописей Государственного Русского музея, Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН, Мемориального собрания С.С. Митусова в Санкт-Петербурге и других хранилищ. Материалы раздела распределены по годам выхода в свет. Примечания даются в конце каждого года. Для всего раздела введена сквозная нумерация изданий ИАК римскими цифрами, и, таким образом, каждое издание ИАК является отдельным подразделом. Внутри подразделов все приведённые материалы пронумерованы арабскими цифрами (в том случае когда их не менее двух). Все тексты публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, с сохранением некоторых стилистических особенностей оригинала. Встречающиеся сокращения, в том числе инициалы, дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные авторами или наборщиками слова заключены в квадратные скобки; курсивы и выделения жирным шрифтом сохранены.*

---

* © 1999. *В.Л. Мельников: подготовка текста, комментариев и примечаний.*

1896

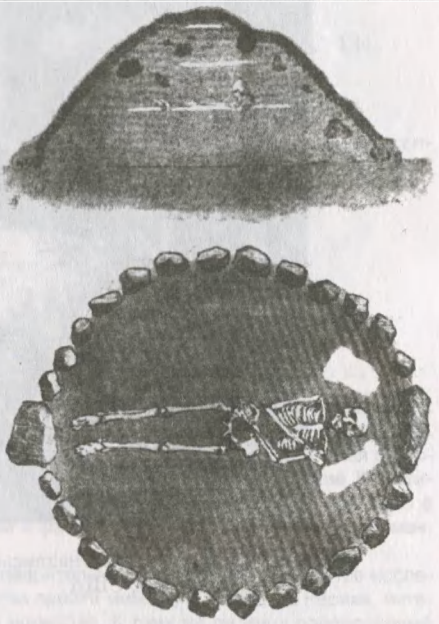
I

Отчёт Императорской Археологической комиссии (*далее — ОИАК*) **за 1894 год**
СПб.: тип. Главного Управления Уделов, 1896

В тексте отчёта есть место, где имеются в виду исследования Н.К. Рериха в Петербургской губернии.

В 1894 году Императорской Археологической Комиссией было разрешено производство раскопок на землях казённых, принадлежащих различным установлениям и общественных: в 14 губерниях и областях Империи (Виленской, Калужской, Костромской, Московской, Новгородской, Пермской, Самарской, Петербургской, Смоленской, Таврической и Тифлисской губерниях и областях Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и Терской); 3 учреждениям и 17 частным лицам. Отчёты о произведённых этими учреждениями и лицами раскопках своевременно представлены в Комиссию, а вещи поступили в правительственные и общественные музеи.

Все данные об исследованиях Н.К. Рериха в 1894 (отчёт, сведения о памятниках, находках и проч.) собраны в отдельном деле, названном «О раскопках студента Н. Рерих в Изварской казённой даче Царскосельского лесничества» (№ 74/1894)[1]. Туда же поступили материалы исследований 1895 года.

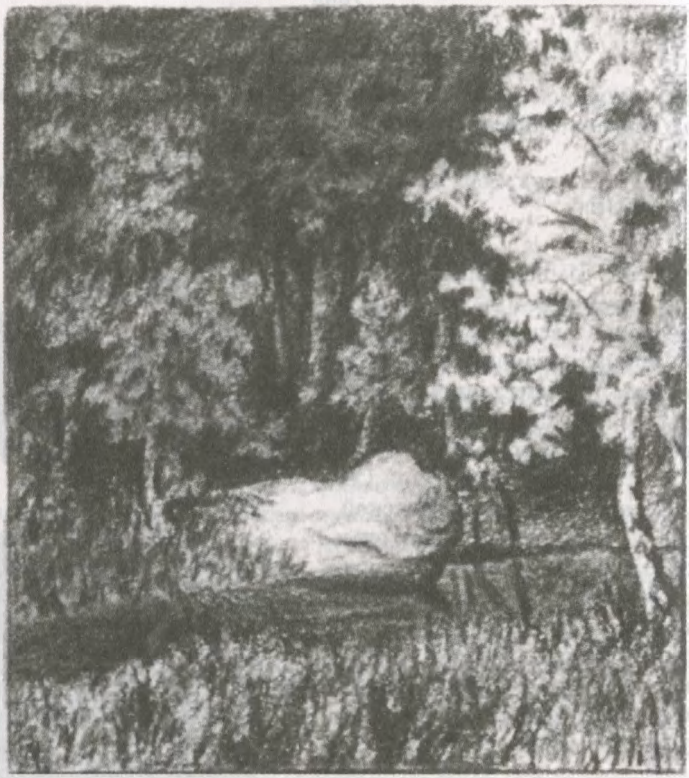


Н.К. Рерих. Курган XIII–XIV вв. Санкт-Петербургская губерния.1896 (*Спицын А.А.*, 1896. Рис. 6 и 8)

II

Материалы по археологии России (*далее — МАР*)**. № 20. А.А. Спицын Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского**
СПб.: тип. ГУУ, 1896

Имя Н.К. Рериха впервые появилось в этом издании комиссии. Рерих выполнил рисунки, и по ним были сделаны соответствующие иллюстрации, причём одна из них открывала изобразительный ряд всей книги, являясь как бы его историко-художественным



Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «Изварка. 5 июня в 12 часов». 1895
Частное собрание, США

символом. Она была помещена во 2-м разделе — «Курганы XI–XII вв.»[2]. Другие иллюстрации по рисункам Н.К. Рериха вошли в 3-й раздел — «Курганы и могилы XIII–XIV вв.». Сопоставление целого ряда рефератов, выступлений, отчётов и статей Н.К. Рериха периода 1895–97 (в том числе и публикуемых в настоящем издании[3]) с текстом книги "Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского" позволяет высказать предположение, что молодой петербургский художник-учёный Николай Рерих, тогда ещё студент юридического и вольнослушатель исторического факультетов ИПУ, участвовал не только в оформлении книги, но и её обсуждении с автором ещё до выхода в свет. При этом иногда Рерих высказывал мнения, отличные от мнений А.А. Спицына, далеко не всегда разделял оценки Л.К. Ивановского, а порой даже спорил с некоторыми его выводами. Общение со Спицыным было настоящей школой для Рериха — он помог ему сформировать собственный взгляд на многие вопросы археологии и истории. Многочисленные корректирующие пометки Спицына в ранних рукописях Рериха понадобились для шлифовки стиля научных работ. Это подтверждают и воспоминания Спицына о сотрудничестве с молодыми учёными, среди которых он упомянул

Рериха. Спицын вспоминал: «Мне вообще всегда нравилось "выводить в люди" начинающих археологов, и я не жалел времени на редактирование их работ»[4]. «Глубоко Вас уважаю и предан душевно...» — такими словами заключал Рерих письма к Спицыну в то время[5].

ПРИМЕЧАНИЯ К № I, II

[1] Хранится в РА ИИМК, ф. 1. См. материалы Рериха из этого дела в наст. изд., разд. I: заявления и отчёты — № II, III, V; фрагменты дневника раскопок и др. рукописей — № IV и в примеч. к № I, VI и VII; разд. II: заявление № 5.

[2] См. в наст. изд., разд. I, № VIII. Вновь опубликовано: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 134.

[3] Особенно это относится к рукописи № VIII в разд. I.

[4] *Спицын А.А.*, 1928. С. 334.

[5] Письмо А.А. Спицыну. Извара. 3 мая 1896. // *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 130–131. Факсимиле письма см. в наст. изд., разд. II, № 7, приложение.

1897

III
ОИАК за 1895 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1897*

В XI приложении к отчёту ("Распределение древностей из раскопок, произведённых частными лицами на собственные средства на казённых и общественных землях") назван Н.К. Рерих. Сообщается о местности его раскопок в 1895 — Петербургская губерния, Царскосельский уезд, Сосницкая волость, **деревня Сосново** и **имение Калитино**. Указывается хранилище, куда назначены находки, — ИПАИ. Приводится дело в архиве ИАК, где хранятся все материалы о раскопках, — № 74/1894 (см. в примеч. к № I настоящего раздела).

В этом же выпуске помещена первая предварительная публикация результатов исследований в Пермской губернии. Она не могла пройти мимо внимания Н.К. Рериха, интересующегося публикуемыми памятниками искусства. К тому же он имел определённый интерес к древностям Урала, что нашло своё отражение и в его художественном творчестве спустя годы[1].

Пермская губерния[2]

Член Пермской Учёной Архивной Комиссии ***С.И. Сергеев***, которому Археологическая Комиссия поручила исследование городищ и могильников в Чердынском уезде, произвёл значительные раскопки могильников близ сёл Искора и Верх-Боровского и деревень Ратеговой и Малой-Аниковской[3]. Им вскрыто до 200 могил, причём не найдено ни одного цельного погребения и пришлось удовольствоваться немногими находками.

Удачнее оказалось исследование костища на реке Колве близ деревни Подбобыки, Ныробской области. Левый берег этой реки был засыпан толстым слоем

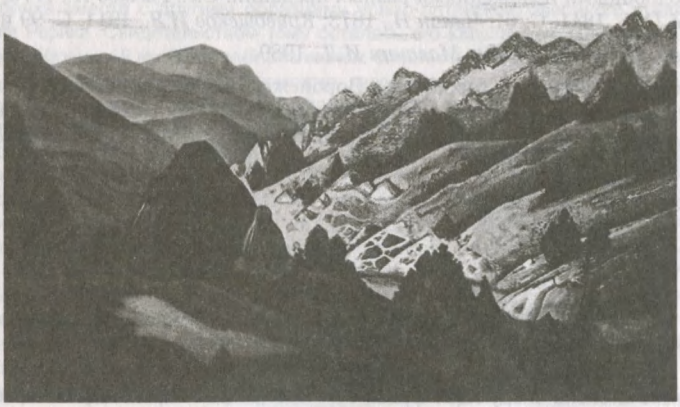
Полая прорезная пронизка X–XI вв. Найдена в д. Малая Аникова на р. Каме. Бр., л. 9,6×4,4 см. ГЭ

щебня, образовавшимся от добывания на этом берегу известкового камня. Добычей камня разрушен и выход верхнего горного известняка, носивший название камня "Светика". По рассказам крестьян, в этом камне[4] была небольшая пещера. Здесь, копая хрящ, крестьяне часто находили разные предметы, как-то: наконечники костяных и железных стрел, литые изображения животных, идолов и проч. В коллекции урядника А.Н. Береженцова, приобретённой Археологической Комиссией, имеется несколько предметов, найденных у камня "Светика". Господин Сергеев избрал для своих раскопок место у одного из снесённых выступов известняка. Сняв пласт щебня, он нашёл в слое чёрной жирной земли огнище, состоящее из речной колотой и обожжённой гальки, перегорелого слоя земли и значительного количества костей и зубов животных, преимущественно лошади, медведя и коровы. В соседстве огнища найдены литые изображения как человеческих фигур, так и разных животных: медведя, куницы или соболя, жабы и проч., и фантастического животного, называемого ящером[5]. Из этих вещей — одни не позже VI–VII вв., а другие относятся к X и следующим векам.

Материал для решения вопроса о том, остатки чего представляют собою так называемые чудские ямы, известные в северо-восточной России в значительном количестве, даёт раскопка нескольких таких ям, произведённая господином Сергеевым близ села Верх-Боровского. На дне всех этих ям оказались огнища, при которых найдены такие же орнаментированные черепки глиняных сосудов, какие находят в тамошних могильниках, железные ножички, шлак, конские зубы — все предметы из обстановки жилого помещения. Из городищ, осмотренных господином Сергеевым на известном Дивьем камне (там найден кремнёвый наконечник стрелы), и у деревни Ратеговой, и близ села Искора, позднейН.К. Рерих. У Дивьего камня неведомый старик поселился. 1910. Первоначальный набросок композиции. Рисунок в альбоме. МСССМ

шим, судя по найденным предметам, можно считать последнее. Дивья пещера, известная ещё со времени [капитана Николая] Рычкова, оказалась состоящей из нескольких камер, сырых и неудобных для обитания. Подробный отчёт господина Сергеева частью напечатан в 3-м выпуске Трудов Пермской Учёной Архивной Комиссии за 1896 год, частью появится в Записках Уральского Общества Любителей Естествознания[6].

Н.К. Рерих. У Дивьего камня неведомый старик поселился. 1910
Местонахождение неизвестно



Н.К. Рерих. Неведомый старик (Отшельник). 1941. Собрание ГМВ

Многозначащие полотна Рериха *"У Дивьего камня неведомый старик поселился"* (1910)[7] и *"Неведомый старик (Отшельник)"* (1941)[8], по-видимому, основаны на преданиях вокруг вышеназванного Дивьего камня на реке Колве[9], хотя не исключена связь с "дивьими камнями" Волговерховья[10] и Дивьими Горами у впадения реки Сосны в Дон[11].

ПРИМЕЧАНИЯ К № III

[1] См.: *Соколовский В.В.*, 1978. С. 268, 270 и др.; *Новосельский К.И.*, 1984; *Маточкин Е.П., Мельников В.Л.*, 1999б. См. также ниже в наст. разд., № V, IX и X.

[2] Публ. в сокращении.

[3] Из **д. Малая Аникова** происходит бронзовая пронизка, найденная в 1900 Н.Н. Новокрещённых (см. ил.). Она привлекла внимание Рериха, и он поместил её изображение на кальке (разд. III, № V). Изображён грифон, обнимающий соболя или др. подобное животное. Почти все исследователи видят в пронизке работу талантливейшего художника и «напряжённость и драматизм схватки» (*Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 85). Но схватка ли это? Скорее, здесь изображено сочетание разных качеств, олицетворяемых животными, о чём писал ещё Ф.А. Теплоухов.

[4] *Камень* — так на Урале и в некоторых областях центра и севера Европейской ч. России наз. каменистую гряду; скалистые обрывы берегов рек; отд. гору (как в данном случае). Кроме этого, *Камень* — старинное название гор Урала (Каменный пояс).

[5] Описание этих предметов помещено в статье Ф.А. Теплоухова: "Чудское жертвенное место на р. Колве" в 3-м вып. трудов Пермской Учёной Архивной Комиссии, изд. 1897 г. — *Примеч. ред. ОИАК.*

[6] *Сергеев С.И.*, 1901.

[7] Местонахождение неизвестно; первоначально в собрании И.Г. Каменского. Т., п. Публ.: *Рерих Н.К.*, 1916; *Эрнст С.Р.*, 1918.

[8] Т., х. 46,8×79,6; собрание ГМВ.

[9] Об этом памятнике ко времени исследований Рериха существовала литература, насыщенная подробными изложениями разных преданий. См.: *Рычков Н.*, 1770. С. 117–122; *Мельников П.И.*, 1841. С. 61; *Чупин Н.*, 1873; *Кривощеков И.Я.*, 1911. С. 99 и др.

[10] См. о них: *Попов А.С.*, 1981; *Маланин И.Д.*, 1989.

[11] Имеется в виду Маяцкое городище в Воронежской губернии: «Известные нам письменные памятники, почему-либо упоминающие о местности городища, знают её под именем "Дивьих Гор", "Девичьих гор", "Дивногорья", "Дива"» (*Макаренко Н.Е.*, 1911. С. 5).

1898

IV
ОИАК за 1896 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1898*

Примечательна следующая фраза в отчёте (раздел "Производство археологических раскопок и разведок"), из неё ясны условия, на которых ИАК давала разрешения исследователям.

Комиссия разрешила некоторым учреждениям и частным лицам производство, на собственные их средства, раскопок на казённых и общественных землях [...] с тем, чтобы добытые из этих раскопок древности, как государственное достояние, поступили в главные правительственные и местные общественные музеи, а отчёты о произведённых работах были доставлены в Археологическую Комиссию, которая в случае неопубликования их, в течение 5 лет, лицами, произведшими раскопку, предоставляет себе право издать эти отчёты по своему усмотрению.

С отчётами Н.К. Рериха о раскопках в 1896 получилось нечто подобное. Несмотря на то, что они были представлены и оформлены по всем правилам уже к 5 сентября 1896 (см. дело ИАК № 56/1896 «с ходатайством Н.К. Рериха о разрешении ему производства раскопок в Санкт-Петербургской губернии»), отчёты так и не были опубликованы в том виде, в каком были составлены автором (см. в разд. I, № VI и VII). Лишь в 1899 в своём изложении их опубликовал А.А. Спицын.

1900

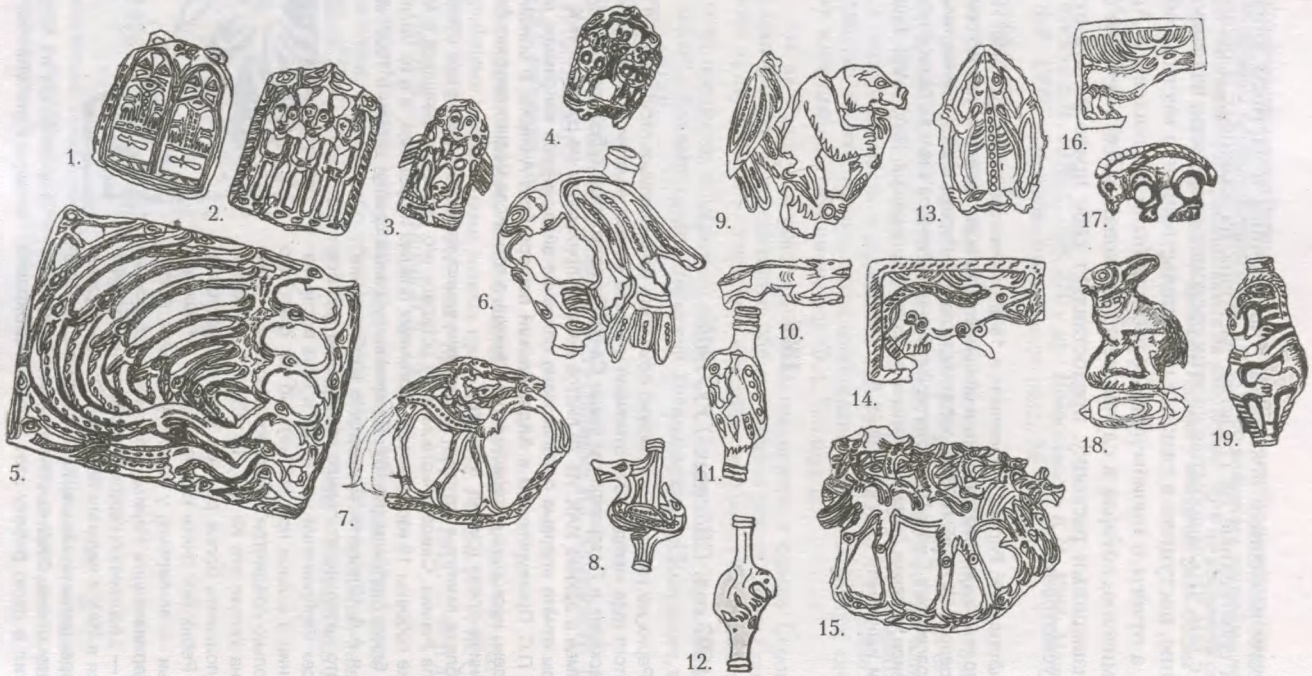
V
ОИАК за 1897 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1900*

Н.К. Рерих не упомянут, что можно объяснить почти полным отсутствием в его раскопках этого года находок. Это отмечено и в деле «О разрешении Н.К. Рериху производства раскопок в Петергофском уезде Санкт-Петербургской губернии» (№ 54/1897), хранящемся в архиве ИАК. Из 20 листов дела 14 приходятся на рукописи Н.К. Рериха[1].

В этом отчёте впервые опубликовано описание айдашинской коллекции, собранной в 1897 П.С. Проскуряковым в **Айдашинской пещере** близ Ачинска. В описании воспроизведено несколько интересных памятников, в том числе медная ажурная бляха с изображением оленя (см. ил. в тексте)[2].

Эта бляха вместе с другими образцами урало-алтайского звериного стиля заинтересовала Рериха. Свидетельством тому осталась его калька, хранящаяся в МСССМ[3]. На кальке собраны 19 изображений различных бляшек и пронизок, и в их числе айдашинская бляха с оленем (№ 16)[4]. Возможно, художник сделал кальку в 1906, когда вышла статья А.А. Спицына "Шаманские изображения" (на это наталкивает полное совпадение масштаба всех изображений на кальке и всех воспроизведений в атласе при статье)[5], но тот факт, что несколько предметов использовалось им и раньше (на кальке это № 1, 5, 10, 13, 16), позволяет предположить более раннюю дату её изготовления. Рерих мог снять кальку ещё до публикации статьи — во-первых, у самого Спицына, всегда поддерживавшего Рериха в его исканиях, во-вторых, — с подлинных картонов изображений, хранившихся в ИАК в ведении барона В.Г. Тизенгаузена. Возвращаясь к айдашинской бляхе с изображением оленя, следует отметить, что Спицын поместил в свою работу этот типично сибирский

Чудская бляха из Айдашинской пещеры близ Ачинска. VIII–IX вв.



Н.К. Рерих. Калька с изображениями чудских бляшек и пронизок. *[1902–06]*. МСССМ

Н.К. Рерих. Звери. Эскиз фриза. 1904. Настоящее местонахождение неизвестно
Первоначально принадлежал Б.Н. Рыжову (?)

памятник для аналогии с бляхой, изображающей оленя из Истяцких юрт (на кальке № 14). Аналогия, позволяющая рассматривать пермский стиль как вариант более общего урало-сибирского звериного стиля, наиболее близкий зауральскому его направлению. Мотив оленя, знакомый всем северным народам, не раз разрабатывал художник[6].

Кроме этого, в отчёте ИАК за 1897 приведены данные о раскопках А.Э. Мальмгрена близ **села Новая Буря** Петергофского уезда Петербургской губернии (находки поступили в ИПУ)[7]. Именно Рерих первый сообщил результаты этих раскопок на заседании Русского отделения ИРАО 16 января 1898[8].

О предметах из **Майкопского кургана**, впервые отмеченных в этом отчёте, см. ниже (№ XXVII, XLVI, XLIX). Без них невозможно "оживить" реконструкцию этого памятника, выполненную в красках Рерихом (1897).

ПРИМЕЧАНИЯ К № V

[1] См. в наст. изд., разд. I, № IV (фрагменты в примеч.), VII (тоже), IX (целиком рукопись); разд. II, № 8 (письмо в ИАК 31 марта 1897). Кроме того, из этого дела опубликованы — письмо ИАК Н.К. Рериху (СПб., 16 апреля 1897): *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 131; письмо И.Е. Забелина в ИАК (М., 30 декабря 1898): наст. изд., разд. II, № 12.

[2] Впервые опубликована Д.Н. Анучиным в 1899 в масштабе 1:4: *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 125. Рис. 82а. В *ОИАК за 1897 год* изображение бляхи дано в масштабе 1:2.

[3] Тушь, перо. 26×47 см.

[4] Её изображение на кальке в $^{2}/_{3}$ натуральной величины.

[5] См.: *Спицын А.А.*, 1906.

[6] Например, его произведение *"Звери"* — 2 эскиза разных частей фриза (1904). Акв., б. Один из эскизов был первоначально у Б.Н. Рыжова, СПб. Возможно, именно он опубликован в Ежегоднике общества архитекторов-художников за 1908 (№ 3. С. 22). Эскизы были воплощены в деревянном рельефе — резном украшении талашкинского шкафа (см.: *Талашкино*, 1905. Рис. 121). В целом тема эскизов — земной мир. Помещённый здесь эскиз соответствует третьему ярусу шкафа; правую половину его занимают козлы, левую — олени. Среди них главенствующее место отведено зверю с большими ветвистыми рогами над головой и спиной. Стилистической основой этому образу послужила прорезная айдашинская бляха. Олень на 2-м эскизе близок скорее оленю истяцкой бляхи (на кальке № 14). На этом ярусе присутствуют и бегущие звери — подобия волков из Истяцкого клада. См.: *Маточкин Е.П., Мельников В.Л.*, 1999б.

[7] См. в РА ИИМК, ф. 1, № 91/1897. На "Археол. карте Ленинградской обл." это пункт **Новая Буря-1**: «Кург. группа у д. Новая Буря в урочище Ореховая роща. В 1897 раскопано 7 насыпей выс. 0,7–1,7 м, диам. 3–6 м, с каменными обкладками в основании, содержавших ингумации в подкурганных ямах» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 81).

[8] См. текст и конспект этого выступления (в документах ИРАО названо "Новые данные о курганах Петербургской губернии") в РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 51–57. Протоколы заседания, на к-ром было сделано сообщение, и упом. о нём в документах ИРАО — там же, ф. 3, № 402, л. 32 об.; № 409, л. 183 об., 184. Документы о раскопках А.Э. Мальмгрена собраны там же, ф. 1, № 91/1897.

1901

VI
ОИАК за 1898 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1901*

Н.К. Рерих назван среди лиц, производивших раскопки «на собственные средства на казённых и общественных землях по открытым листам, выданным Императорской Археологической Комиссией» в 1898. Местом его раскопок названы **деревня Глумицы** Царскосельского уезда и **имение Торосово** Петергофского уезда. Указывается хранилище, куда назначены находки, — ИРАО. Приводится дело в архиве ИАК, где хранятся все материалы, — "О раскопках художника Н.К. Рериха в Царскосельском и Петергофском уездах Санкт-Петербургской губернии" (№ 117/1898)[1].

VII
Известия Императорской Археологической комиссии (далее — *ИИАК*). № 1 *СПб.: тип. ГУУ, 1901*

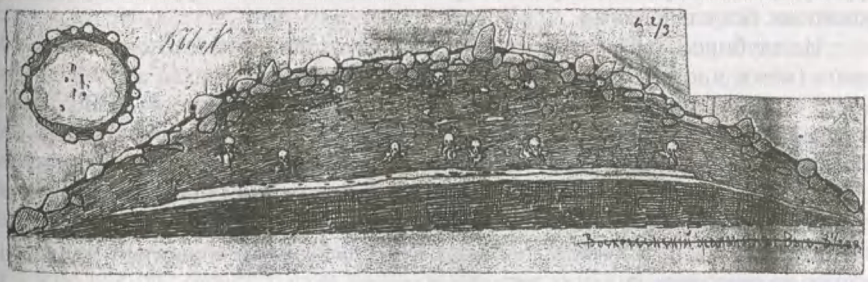
Первому выпуску "Известий Императорской Археологической Комиссии" как новому для отечественной археологии изданию была предпослана редакторская статья, объясняющая его цели и задачи. Основой издания предполагалось сделать «мелкие статьи или заметки по частным археологическим вопросам или описания отдельных памятников». В "Известиях" намечалось помещать следующие труды: отчёты об археологических исследованиях и раскопках, производимых по поручению и на средства комиссии (именно к этой категории относится статья Н.К. Рериха в первом выпуске); научные обзоры отдельных групп археологических памятников и целых культур; описания находок, поступающих в ведение комиссии; сведения о старинных памятниках зодчества и их реставрации; архивные материалы комиссии; руководящие статьи о приёмах раскопок и исследований; труды по охране памятников старины в России и за границей. К этим основным материалам нового издания предполагалось со временем присоединить ещё отделы библиографии и разных известий. Выходящие в последующие годы в качестве "Прибавлений" к выпускам "Известий", эти отделы были названы "Археологическая хроника" и "Библиография". Именно на них приходится большинство сообщений об исследованиях и действиях Н.К. Рериха, опубликованных ИАК.

Среди авторов первого выпуска — И.А. Владимиров, К.Е. Думберг, К.К. Косцюшко-Валюжинич, В.В. Латышев, А.А. Спицын и Н.К. Рерих[2].

Н.К. Рерих
К древностям Валдайским и Водским. (Раскопки 1900 года)

С 1899 года, как известно, Императорское Русское Археологическое Общество предприняло ряд повременных исследований в пределах Псковской и Новгородской губерний, с целью выяснения типов славянского погребения. Разыскания этого года сосредоточились в Старорусском уезде Новгородской губернии и в Порховском уезде Псковской; в 1900 году были произведены раскопки в Псковском и Опочецком уездах Псковской губернии, так что ближайшими областями, подлежащими исследованию, являются теперь уезды Боровичский (древний Бежецкий уезд) Новгородской губернии и Вышневолоцкий Тверской губернии. Таким образом, нижеописанная раскопка в Валдайском уезде — промежуточном между означенными уездами и, кстати заметить, также неполно исследованном — по месту и (как оказалось) по результатам является очень целесообразной для дальнейших работ Общества в Новгородской губернии. Предметом раскопки в Валдайском уезде были: могильник, исследованный мною по предложению Императорской Археологической Комиссии и при ближайшем участии и содействии Герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского, и 4 кургана на земле имения Котово, в местности былых раскопок слушателей Археологического Института, произведённых на земле господина Рогачева в урочище "Осиновый Рог".

Могильник, раскопанный по предложению Герцога Лейхтенбергского, расположен в 10 верстах от станции Окуловка на берегу озера, смежного с именем Герцога Горы. Урочище, где находится могильник, носит название "Воскресенский Нос"; это название производится от будто бы стоявшего на том месте монастыря, уничтоженного в "Литовское разоренье". (Это определение усвоено по всей окружности памятникам, как курганным, так и могильным, более или менее значительной древности, ибо, как мне приходилось замечать, новейшие жальники приписываются "забыдущим родителям", староверам, но не "Литовскому разоренью"). Воскресенский могильник представляет холм



Н.К. Рерих. Могильник в урочище "Воскресенский Нос" близ Окуловки
Оригинал в РА ИИМК

(см. рис.), расположенный в расстоянии сотни шагов от озера, которое, судя по прежнему высокому берегу, в настоящее время значительно отступило от прежней границы. Форма холма расплывчатая, слегка возвышенная в южной его стороне. Высота холма $3^1/_2$ арш., через вершину 26 арш. Весь холм зарос плотным кустарником и деревьями, пронизавшими корнями всю возвышенность и много затруднявшими работу. Вся поверхность холма усеяна камнями разной величины и формы, иногда глубоко запавшими в землю. Часто плоские валуны и плиты поставлены стоймя; на одной лежавшей плите, на её исподней части был усмотрен намёк на осьмиугольный выбитый крест, оказавшийся на внутренней части плиты, вероятно, вследствие её падения. Камни, занимающие поверхность холма, лежат в полном беспорядке, не образуя никаких очевидных фигур, и некоторую симметрию можно видеть лишь в основании холма, обложенном местами прерывающимся, но всё же правильным рядом крупных валунов. Величина валунов на поверхности холма иногда достигает очень крупных размеров и при работе требовала усилий 6–8 человек.

Н.К. Рерих. Крест, найденный около вершины урочища "Воскресенский Нос". Оригинал в РА ИИМК

При раскопке оказалось, что камни на поверхности лежат не в один ряд, а местами в два и даже в три слоя; иногда нижний слой камня лежал почти непосредственно на костяках. Под дёрном около вершины холма был найден выбитый из красноватого песчаника крест (см. рис.)[3] величиною $^3/_4$ арш. Под верхним слоем камня обнаруживалось много золы и угля, а также, особливо под крупнейшими валунами, черепки горшков, сделанных на круге, неорнаментированных, без следов огня.

На глубине $^3/_4$–$1^1/_4$ арш. от поверхности холма оказался целый слой костяков (всего числом более 30), часто почти соприкасавшихся друг с другом. Кость — жёлтая, хорошей сохранности. Направление костяков — с Востока на Запад, лицом на Восток. Положение — лежачее, руки вытянуты вдоль или прикасаются к тазу. Около костей многочисленные вкраплины угля, а также черепки горшков (таких же, как под верхними камнями), помещённых преимущественно около черепа. Конечно, об отыскании формы и величины отдельных могил нечего было и думать, так как весь грунт холма — рыхлый песок. При костях не оказалось никаких вещей.

При дальнейшей работе было замечено, что песок под костяками не материковый, а имеет характер насыпной и содержит уголь и зольные прослойки, и

раскопка, продолженная вглубь, дала на глубине $2^1/_2$–$2^3/_4$ арш. новый слой костяков. Относительно зольных прослоек следует заметить, что, быть может, первоначально они и имели какую-нибудь систему, но впускными погребениями были совершенно перемешаны и сбиты.

Второй слой костяков, меньший по общему числу их — всего открыто 13 погребений в разных частях насыпи, — был сравнительно с первым худшей сохранности; кость хрупкая, сероватая. Черепа с ясным долихокефализмом. Положение костяков сидячее, лицом на Юг, т. е. перпендикулярное предыдущим. Под костями золы не найдено, так же как и вещей при костях, кроме нескольких черепков чёрного горшка, оказавшихся при одном погребении.

Почти непосредственно под вторым слоем костяков, на большем или меньшем расстоянии (ибо глубина погребений не одинакова), начался слой золы и угля, толщиною от $2^1/_2$ вершков, местами около центра даже $5^1/_2$ вершков, т. е. толщины очень редкой. Раскопка обнаружила кострище, простиравшееся на значительную площадь основания насыпи. Среди кострища были обнаружены следы дубовых обгорелых плах, лежавших в направлении от Востока к Западу, осколок обгорелой берцовой кости какого-то крупного животного и несколько массивных шлаков и сплавов железных, в одном случае как будто со следом меди. Под кострищем идёт подстилка толщиною от 2 до 3 вершков из чистого белого песка, площадью почти во весь холм. Под песочной подстилкой лежит плотный красноватый песок — грунт.

Итак, общая картина Воскресенского могильника получается следующая. Небольшое естественное возвышение приготовлено для какого-то огромного сожжения. Возвышение усыпано ровным слоем белого песка. Само сожжение, совершённое на возвышении, как сказано, должно было быть весьма значительно, ибо оставить от 3 до $5^1/_2$ вершков золы на широком пространстве мог только большой огонь, истребивший огромную массу материала. Над этим сожжением возводится насыпь из жёлтого песка почти в сажень высотою; в насыпи идут какие-то зольные и угольные прослойки. Верх и основание насыпи устанавливаются крупными валунами, почти сплошь. (Следует заметить, что большинство верхних камней носят следы сильного огня, от которого легко рассыпаются, но неизвестно, чему современен этот обжог, — основному ли кострищу, или верхним углям при черепках). Эта насыпь над сожжением впоследствии служит местом разновременных впускных погребений, сперва сидячих на глубине $2^1/_2$ арш., а затем многочисленных погребений лежачих на глубине 1 арш. Малая глубина верхних погребений заставляет относить их к допетровскому времени, в которое начались более глубокие погребения. Верхняя каменная обкладка подвергалась перестановке, вероятно, не раз и потому дошла до нас в столь бесформенном виде.

Последовательность времени погребений Воскресенского могильника можно расположить, без большой ошибки, по следующим периодам: основное сожжение — X век; глубокие погребения с сидячим положением костяков — XII–XIII вв.; и, наконец, верхние мелкие погребения с лежачими костяками —

XV в., а также начала XVI в. Располагая погребения по этим периодам, всё же трудно решить, к какому именно роду древностей следует приписать Воскресенский могильник, т. е. относить ли его к жальникам или к виду курганных погребений. В пределах окрестных уездов известны и жальники с сидячим положением и приблизительно такою же сохранностью кости (Солоницко, Старорусского уезда), и также курганы, содержавшие многотрупное погребение на возвышении: в селе Любитове Порховского уезда в кургане в нижнем слое насыпи найдены 4 костяка в сидячем положении и над ними один костяк лежачий (очень мелко погребённый); направление верхнего и нижних костяков было взаимно перпендикулярное; при костяках вещей никаких не найдено; как видно, получается хотя и сильно уменьшенная, но почти полная копия теперешнего Воскресенского могильника (за исключением нижнего сожжения). Таким образом, если рассматривать Воскресенский могильник как курганное погребение (в отношении двух верхних слоёв погребений), то он может уяснить одну местную археологическую особенность, а именно отсутствие в окрестностях обычных курганов средней величины, содержащих лежачее или сидячее погребение на материке или на возвышении. Вместе с тем Воскресенский могильник заставит обратить особое внимание на раскопку и прочих жальников Валдайского и Боровичского уездов и не ограничиваться раскопкою лишь верхней части жальников, расположенных всегда по буграм и возвышенностям, ибо эти бугры могут быть, как видно, и не природного происхождения. В заключение о Воскресенском могильнике надо отметить крупную каменную о[б]кладку основания, редкую по ближайшей окрестности.

Недалеко от Воскресенского могильника на том же берегу озера расположен небольшой жальник. Могилы представляют продолговатые, с направлением с Востока на Запад, отдельные друг от друга клетки, уставленные небольшими валунами. Раскопка обнаружила в $1^{3}/_{4}$–2-аршинных могилах лежачие костяки очень хорошей сохранности, головою на Запад, со скрещёнными на груди руками. Ввиду небольшой древности этих могил и отсутствия находок дальнейшая работа была прекращена; всего было вскрыто 5 погребений.

В той же местности (в 4 верстах от "Воскресенского Носа") мне были указаны два небольших кургана, расположенных недалеко от лесного озера. Вышина курганов — $1^{1}/_{2}$ арш., форма расплывчатая, без камней в основании. Оба кургана уже были раскопаны, но всё же я попробовал прорезать один из них, замечая, что он подвергся неполной раскопке. На уровне материка оказалось кострище, во всю площадь основания насыпи на кострище лежали не тронутые прежней раскопкой кости ног, но остальные кости были уже сбиты и перемешаны, хотя, судя по центральному положению ножных костей, первоначальное положение костяка легко могло быть сидячее.

В общем интересно отметить, что в Валдайском крае курганы с сидячим или лежачим на материке погребением встречаются особенно редко, оставляя основной тип различным сожжениям, так что описанные мною в прошлогоднем отчёте курганы при Глубочихе в местности Бологова являются необычным для

района типом[4]. К курганам с сожжением относятся раскопанные мною в 12 верстах от Бологова на земле имения Котово 4 кургана. Курганы расположены попарно недалеко от берега озера; окрестность — высокая, песчаная, покрытая мелким редким сосняком и лишаями. Камни в устройстве курганов совершенно отсутствуют; форма насыпей — конусообразная, для рыхлого песчаного грунта очень хорошо сохранившаяся. Высота насыпей: большей — $3^1/_4$ арш., меньшей — $2^1/_2$ арш. (по окружности 52 арш. — 41 арш.). Обряд погребения в этих курганах — полное сожжение на возвышении. В большем кургане возвышение достигло до 1 арш. высоты, в меньших не превышало $^1/_2$ аршина. В верхних частях насыпи найдено по одной или по две небольших угольных прослойки. Ни костей, ни предметов не найдено.

Белый песок в основании Воскресенского могильника просится на близкое сопоставление с курганами Санкт-Петербургской губернии, исследованными слушателями и членами Археологического Института весною 1900 года.

Чтобы придать этой экскурсии специально научный интерес (кроме опытного, раскопочного), для экскурсии была выбрана местность в окрестности села Гостилицы, Петергофского уезда. В намеченных курганных группах хотя и были уже ранее произведены раскопки Л.К. Ивановским, но дневники раскопок (частью утерянные) не объясняли ни подробного строения курганов, ни их характерных отличий, а между тем таких интересных подробностей нашлось (для сравнительно небольшого числа исследованных насыпей) не мало.

Я не буду касаться подробно этой раскопки в ряду прочих работ в Санкт-Петербургской губернии, так как о положении этих работ приходилось писать уже не раз, и кроме того, дневники раскопки будут подробно обработаны господами членами Археологического Института. (Отчёт экскурсии имеет появиться в ближайшем выпуске "Вестника Института"[5]). Здесь я укажу лишь некоторые интересные детали, которые ещё раз доказывают, насколько условно понятие о «достаточно исследованной» местности. Из исследованных курганов прежде всего

Н.К. Рерих. Камни. Этюд к "Зловещим". 1901. Астраханская картинная галерея им. Б.М. Кустодиева

интересны два погребения, расположенные далеко в стороне от прочих групп. В этих насыпях при наличности всех старых погребальных элементов всё же чувствуется какая-то их новая комбинация. Устройство и содержание этих насыпей следующее. В первом случае встречено погребение на возвышении в 1 арш. при общей насыпи в 2 арш. На возвышении оказываются две подстилки: 1) подстилка из белого песка (про который, кстати, копальщики заметили, что такого цвета песок находится верстах в 3 от курганов на материке или же у Петергофа в море); 2) подстилка зольная (вероятно, не кострище) толщиною до 2 вершков. На зольной подстилке помещается сидячий костяк (сильно истлевший), лицом обращённый на Северо-Восток. При костяке найдены предметы: пряжка, кольцо, нож железный, кусочек ткани с приставшим осколком бронзы, серебряная бляшка (на правой руке) и сломанная серебряная монета г. Наумбурга[6] XI века. В верхней части насыпи находится небольшая зольная прослойка. Второй курган при насыпи, высотою также в 2 арш. (но более расплывчатой формы), содержал погребение также сидячее, в том же направлении, но не на возвышении, а на материке. Под костями — слой золы и белого песка. Кости (плохой сохранности) иногда носили слабую окраску бронзы, но сами предметы уже исчезли. Среди золы в области ступней найдена серебряная монета епископа Кёльнского Пилигрима, XI века. Как в первом, так и во втором случае камней в насыпях или в основаниях их вовсе не оказалось; это в окрестности редкая особенность и объясняется во всяком случае не отсутствием камня, который на окрестных полях находится в обилии. И обособленное местонахождение этих курганов, и отсутствие каменного кольца основания, и непременное нахождение монет — всё это заслуживает отметки и внимания. В следующей исследованной курганной группе, а именно около деревни Дятлицы (в 5 верстах от Гостилиц), необходимо отметить факт необычайного разнообразия устройства насыпей. Остаётся только пожалеть, что большая часть 1-й Дятлицкой группы уже исследована Л.К. Ивановским и дневники его слишком незначительны, ибо первоначально картина разнообразия насыпей этой группы, несомненно, была гораздо полнее.

Из сравнительно небольшого числа погребений, раскопанных в 1-й Дятлицкой группе (всего их раскопано там 14), 11 курганов дают характерные отличия. Насыпи отличались следующими особенностями:

I. Обложенное ровным кольцом валунов сидячее погребение, обращённое лицом на Восток, с опорой позади костяка (большой валун). Около таза с левой стороны кучка золы.

II. Погребение на толстом кострище на возвышении высотою в $^3/_4$ арш. Костяк лежит головою на Юго-Запад. Около левого бедра серп. Курган обложен крупными булыжниками; на глубине 6–7 вершков от поверхности насыпи общий сводик из мелких валунов.

III. Погребение без кострища в лежачем положении головою на Запад. У правой ноги железный топорик. В массе насыпи в различных местах встречаются маленькие прослойки и вкраплины золы и угля. На глубине $^3/_4$ арш. от вершины много камней, не образующих правильного свода.

IV. Сидячее погребение, обращённое лицом на Восток, на материке. Золы не встречено. Снаружи весь курган сплошь выложен булыжником. Находки: браслет, височное кольцо и бубенчики древнего типа.

V. Расплывчатый курган, высотою $1^1/_2$ арш. По окружности 4 больших валуна, приблизительно по странам света. На материке костяк в сидячем положении. Находки: нож железный, два перстня древнего типа и широкий браслет финского характера.

VI. Высота 1 арш. Весь курган сплошь выложен каменным сводом. На материке рядом 3 костяка, лежащих головами на Юго-Запад. В области черепов значительная кучка золы. Находка: 2 браслета.

VII. Лежачее погребение на материке. Череп лежит на земляном возвышении, лицом на Восток. Золы и дерева вовсе не найдено. Основание кургана обложено ровными булыжниками. Находки: литой браслет, 2 бусины (одна — чёрная стеклянная, вторая — голубая смальтовая).

VIII. Лежачее погребение на материке головою на Запад. Костяк покрыт доскою (ширина её 10 вершков, толщина $^3/_4$ вершка, длина 1 арш. 12 вершков). Интересно [отметить] влияние деревянного покрытия на сохранность кости: кость вне покрытия исчезла совершенно, тогда как под покрытием сохранилась удовлетворительно. Под костяками подстилка из белого песка, толщиною в 3 вершка. Золы не найдено.

IX. Лежачее погребение на материке, обращённое лицом на Восток. Под костями несколько кучек углей. Правая рука костяка закинута за череп.

X. Лежачее погребение на материке. Высота насыпи 2 арш. Вокруг насыпи каменное кольцо. В разных частях насыпи вкраплины золы и угля. Под костяком кострище. Находки: топор (у правого бедра) и пряжка.

XI. На глубине $2^1/_2$ арш. на материке лежачий костяк на зольной подстилке. Погребение в ясно выраженной колоде, но без покрытия. Находка: браслет (на правой руке).

Таково разнообразие устройства Дятлицких погребений; объясняя это разнообразие прежде всего разновременностью насыпей, нельзя не допустить ещё и другой догадки, а именно: на разнообразие погребений, свидетельствующее как бы о неустановившемся, колеблющемся погребальном ритуале, не мог ли иметь влияния местный финский состав населения, перенимавшего курганные погребения от соседей славян?

Жаль, что неполные дневники окрестных раскопок не выведут это предположение дальше вероятия.

ПРИМЕЧАНИЯ К № VI, VII

[1] См. в наст. изд.: разд. I, № X; разд. II, № 10. К этим иссл. относится и письмо В.Г. Дружинина Н.К. Рериху (СПб., 24 мая 1899): *Рерих Н.К.*, 1998. С. 136–137, 169.

[2] См. наст. разд., № IX.

[3] Вновь опубликован: *Спицын А.А.*, 1903. С. 230. Рис. 384.

[4] Этот отчёт напечатан в "Записках Императорского Русского Археологического Общества". Т. XI (Труды отделения славянской и русской археологии, кн. 4). С. 349–377. — *Примеч. Н.К. Рериха.*

[5] См. примеч. к № 22 в разд. II наст. изд.

[6] *Наумбург (Naumburg)* — г. в Германии, земля Саксония-Анхальт, на р. Заале. Готический собор XIII в., знаменит скульптурой западного хора. (*БЭС.* 1998. С. 787).

1902

VIII
ОИАК за 1899 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1902*

В отчёте приводится информация о трёх разных делах, заведённых ИАК в 1899: «О раскопках господина Н.К. Рериха в Боровичском уезде Новгородской губернии» (№ 107/1899), «О раскопках Археологического Института в Царскосельском и Петергофском уездах» (№ 109/1899) и «Об открытии пещер с человеческими черепами при работах на X участке железнодорожной линии Москва—Виндава» (№ 159/1899). Как следует из этих дел, Рериху было выдано в этом году четыре открытых листа — редкий случай в истории комиссии.

В разделе отчёта "Разрешение учёным учреждениям и частным лицам производства раскопок на казённых и общественных землях" сообщается, что ИРАО получило открытые листы на право раскопок в **Старорусском уезде** Новгородской губернии и в **Псковском** и **Порховском уездах** Псковской губернии, и что источником сведений об этих раскопках является статья Рериха "Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца" (1899)[1]. На неё же даётся ссылка в записи о рериховских раскопках в **Валдайском уезде** Новгородской губернии. Из отчёта явствует, что ИПАИ получил открытый лист на право раскопок в Петергофском, Царскосельском и Ямбургском уездах Санкт-Петербургской губернии, но в действительности раскопки были произведены членами и слушателями ИПАИ лишь в пределах **Петергофского уезда** близ **деревни Пежовицы** (в современной литературе — Пожевицы) под руководством профессора Н.И. Веселовского и художника Н.К. Рериха[2]. В разделе "Производство археологических исследований. Псковская губерния" говорится о раскопках, произведённых Рерихом на средства комиссии в **деревне Дубня Порховского уезда**[3].

В июне отчётного года Комиссия получила из официального источника сведение, что в Порховском уезде Псковской губернии, близ деревни Дубня, при разработке балластного карьера на устраивавшейся тогда железнодорожной ветви от станции Дно Бологово-Псковской линии до станции Ново-Сокольники Московско-Виндавской линии, открыты пещеры и [найдены] черепа.

Вследствие этого Комиссия поручила преподавателю Археологического Института Н.К. Рериху произвести исследование означенных пещер. При исследовании оказалось, что в обширном песчаном холме, где разрабатывался карьер, находилось старообрядческое кладбище, служившее местом погребений ещё в очень недавнее время и не представлявшее археологического интереса, а за пещеры были приняты пустые пространства, образовавшиеся в могилах вслед-

ствие истления гробов, а также старые лисьи норы. Никаких находок при раскопках, кроме костей очень хорошей сохранности и гробовищ, не было сделано.

Находки Рериха в Валдайском и Старорусском уездах Новгородской губернии были назначены в ИРАО. Находки в деревне Пежовицы остались в распоряжении ИПАИ.

IX
ОИАК за 1900 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1902*

Раздел отчёта "Производство археологических исследований. Новгородская губерния" полностью посвящён раскопкам Н.К. Рериха.

Его Светлость герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский обратил внимание на курган, находящийся близ станции Окуловка Николаевской железной дороги, на границах его имения Горы, и возбудил вопрос об исследовании этой

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ

ЗА 1900 ГОДЪ.

СЪ 1 ТАБЛИЦЕЮ И 300 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ.
Моховая, № 40.
1902.

местности пред Его Императорским Высочеством Великим Князем Константином Константиновичем, который благосклонно предоставил выполнение этой задачи Императорской Археологической Комиссии. По поручению последней курган был раскопан ***Н.К. Рерихом***. Насыпь оказалась интересною, так как заключала обряд погребения ещё неизвестный. Она имела вид очень разложистого возвышения, высотою до 2,50 м, в диаметре чрез верх до 19 м. В основании, ограждённом кольцом крупных камней, обнаружены остатки огромного кострища в виде слоя золы и угля, толщиною от 0,11 до 0,24 м, расположенного на довольно массивной прослойке чистого белого песка, принесённого со стороны. На кострище найдены остатки обгорелых плах дерева, лежавших в направлении от Востока на Запад, часть кости крупного животного и несколько кусочков железного шлака. На самом кострище и в разных горизонтах несколько выше его обнаружено 13 костяков в сидячем положении, лицом на Юг, впущенных в насыпь, по всей вероятности, в разное время. Самый верх кургана был занят позднейшим русским жальником, состоявшим приблизительно из 30 неглубоких погребений, ограждённых плитами и булыжником, уже передвинувшимися и утратившими всякую симметрию во взаимном расположении. Камни лежали не только в один, но даже в два и три слоя. Большинство камней жальника носит следы действия огня. Тут же найден опрокинутый небольшой каменный четырёхконечный крест. Вещей никаких не найдено. До дальнейших изысканий невозможно определить ни время описанного коллективного погребения в нижнем слое Горского кургана, ни назвать народность, которою он оставлен.

Образок VIII–IX вв. Выпахан близ д. Усть-Кишерти Кунгурского уезда. Опубликован в статье А.А. Спицына (1906). ГЭ

Образок VIII–IX вв. Найден в д. Пешковой Соликамского уезда. ГЭ

Материалы приведённого выше исследования собраны в деле ИАК "О предложении Герцога Лейхтенбергского расследовать курган, находящийся на крестьянской земле близ станции Окуловка" (№ 233/1899)[4].

В разделе "Разрешение учёным учреждениям и частным лицам производства раскопок на казённых и общественных землях" сообщается, что ИПАИ получил на имя своего преподавателя Н.К. Рериха открытый лист на право раскопок в **Петергофском уезде** Санкт-Петербургской губернии, при этом указано, что отчёт о раскопках, произведённых под руководством Н.К. Рериха членами и слушателями Института 13 и 14 мая 1900 **в районе Гостилиц**, напечатан в статье Рериха "К древностям Валдайским и Водским. (Раскопки 1900 года)" (см. выше, № VII) и в статье **Н.А. Штоффа** "Отчёт о раскопках, произведённых Санкт-Петербургским Археологическим Институтом 13–14 мая 1900[5] года". Дело ИАК с немногочисленными документами об этих раскопках называется аналогично — "О раскопке Археологического Института в Петергофском уезде" (№ 93/1900). Находки остались в распоряжении ИПАИ.

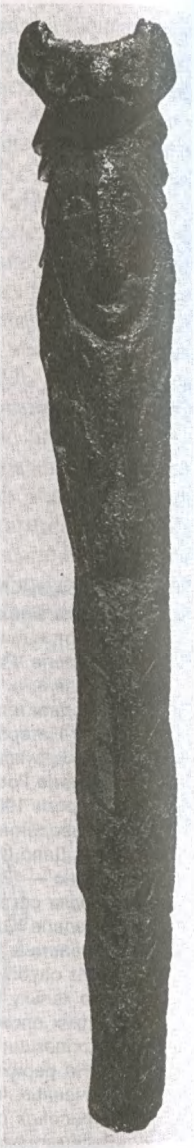
В разделе "Случайные находки и приобретения" комиссия продолжила публикацию так называемых "чудских образков" — оригинальных памятников пермского звериного стиля. Из опубликованных изображений два заинтересовали Рериха — он поместил их на свою кальку, хранящуюся ныне в МСССМ (см. выше, № V). Спицын отнёс их к группе «редких сложных изображений»[6]. Первый образок относится к VIII–IX вв., происходит из коллекции чудских вещиц, выпаханных близ деревни Усть-Кишерти Кунгурского уезда. На рериховской кальке (№ 7) воспроизведён в $^{2}/_{3}$ натуральной величины. Контуры утраченных частей прорисованы Рерихом, и его прорисовка несколько отличается от прорисовок отчёта ИАК и Спицына (см. рис.). Последний об этом памятнике писал: «Весьма важно изображение... представляющее лося с головою сулде[7] на шее; это как бы воплощение сулде в лося»[8]. Древние "чудины" не ограничивались только констатацией своих божеств (как на айдашинской бляхе) — они изображали их в действии, в сложных взаимоотношениях. Мы можем только догадываться о тех космических процессах, которые в символической форме хотел отразить древний мастер. Созвездие Большой Медведицы на Русском Севере и сейчас называется Лосем, Сохатым,

Лосихой. Как считает Б.А. Рыбаков, одинокую голову лосихи в композиции, подобной той, что перенёс на свою кальку Рерих, можно связать с верховным женским божеством — хозяйкой Вселенной, Великой Матерью, как представляли её народы Сибири[9].

На образке из Усть-Кишерти — всадник на двупалом лосе. Всадник очень напоминает сулде, но без шлема; у него руки и крылья, острый нос, широкие отвислые уши. Морда животного непомерно растянута, с длинным перистым ухом, из неё выходит голова кричащей птицы с длинными ушами; по тонкому туловищу кант, на ногах бахромы волос. Под ногами орнаментированное поле, сбоку кайма из 5 голов животных; из них нижняя с ушами. Над головой сулде голова и крыло хищной птицы, у руки голова неопределённого животного. Каждая деталь выполнена глубоко осмысленно, олицетворяет какие-то сакральные качества, которые для нас, живущих на исходе XX века, практически не восстановимы.

Другое изображение, представленное Рерихом на кальке (№ 15), также интересно и значительно — как по изяществу форм, так и по смыслу (см. рис.). Оно было найдено Н.Н. Новокрещённых вместе с коллекцией литых чудских образков в деревне Пешковой Соликамского уезда, на устье реки Кондаса, в 20 верстах ниже Усолья[10]. Это тоже всадник, но на этот раз на трёхголовом и трёхпалом лосе. Спицын описывает его так: «Всадник представлен лишь одною головою сулде с головою кричащей птицы. Кроме того, на лосе выступают отдельно три лосиные же головы и семь голов кричащих птиц (с хохлами и длинными ушами). У лося широкая шея, в три складки, короткий пушистый хвост, ямочки на коленах, представляющие, быть может, мозолистые колена верблюда. В ногах четыре головы животных»[11]. Числа 3, 4 и 7 не случайно составляют основу композиции этого образка. Число "три", олицетворяющее всеобщую тринитарность мироздания, возможно, здесь соответствует представлению древних о трёх мирах или планах бытия. Число "семь" у многих народов было священным и связано с космическими циклами (например, лунного календаря)[12]. Столько же главных звёзд и в Большой Медведице — символе Матери Мира и Семи Великих Братьев.

Своеобразным документом, свидетельствующим об увлечённости Рериха пермским звериным стилем, является эскиз декорации *"Терем Кикиморы"* (1910)[13] к сюите А.К. Лядова "Кикимора". К сожалению, до нас дошла лишь чёрно-белая репродукция эскиза[14]. Привязка рериховской работы к древностям Рифея (Урала) объясняется в программе к партитуре, где говорится, что Кикимора живёт-растёт «у кудесника в Каменных горах»[15]. Монументальность чудских образков позволила художнику преобразовать миниатюрные персонажи металлопластики в крупные, соразмерные человеку фигуры. Весь эскиз буквально насыщен популярными образами искусства Прикамья[16]. Можно выделить не менее 15 фрагментов, где Рерих цитирует известные памятники пермского звериного стиля, в том числе и те, что были впервые опубликованы в отчёте ИАК за 1900. Так,



Идол зооантропоморфный IX–X вв. из д. Пешковой Бр., л. 12,6×1,8 см. ГЭ

прототипом двух отдельно стоящих фигур в виде столбиков, подпирающих стропила, мог послужить зооантропоморфный идол IX–X вв. в форме вертикального стержня, завершающегося человеческой личиной и выпуклой головой птицы[17].

X

МАР. № 26. А.А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. *СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1902*

На эскизе Рериха к лядовской сюите можно найти ещё несколько "реплик" чудских вещей — на этот раз из коллекции **Александра Ефимовича** и **Фёдора Александровича Теплоуховых**[18].

В левом углу эскиза, на стене терема, изображение сказочной фигуры, в основе которой могло быть несколько прототипов. Ближе всего бляха с литничком VII–VIII вв. с изображением полусогнутой фигуры сулде на ящере в обрамлении птиц и голов зверей. Происходит из Верхнего Прикамья (см. рис.)[19].

В серии геометрических узоров, маленьких коньков и всадников, вышитых на покрывале Кикиморы, проявилась самостоятельная трактовка известных художнику символических форм пермского звериного стиля — коньковых подвесок VIII–IX вв., богато представленных в коллекции Теплоуховых (см. рис.).

Серия всадников на резном центральном столбе терема вызывает композиционные ассоциации с бляхой X в., найденной в деревне Загарье на реке Иньве (см. рис.).

1. 2. 3.

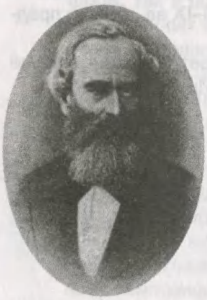
Вещи из коллекции Теплоуховых. 1 — бляха VII–VIII вв. из Верхнего Прикамья. Бр., л. 11,7×4,7 см; ПОКМ; 2 — коньковые подвески VIII–IX вв.; 3 — бляха X в. из д. Загарье

Такое широкое использование подлинных археологических находок в одном художественном произведении сразу захватывало зрителя и погружало его в атмосферу неведомых сил природы, заклятий и тайн Кикиморы.

О том, что Н.К. Рерих был знаком с коллекцией Теплоуховых, свидетельствует также и его очерк, опубликованный в 1899, в котором он воспроизвёл проекты мебели, выполненные на основе образцов пермского звериного стиля. Теплоуховские вещи Рерих описал так: «медные изображения ящера с рогом», «орнамент чудской бляхи с изображением драконьих голов» и «чудской образок о 3-х человеческих фигурах». В 1899 он познакомился с ними по публикации Д.Н. Анучина[20].

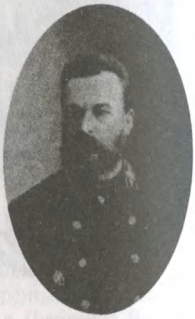
Н.К. Рерих
Нехудожественность наших художественных магазинов
(ИХП. 1899. № 11. С. 914–918)

Художественные магазины наши продают у себя немало антихудожественного. Продаются там, например, плохонькие копии с картин слишком сомнительного достоинства; подчас, вместе с копиями, висят и оригиналы, от которых тоже не легче становится, несмотря на то, что под многими встречаются имена, когда-то небезызвестные в художественном мире, но давно пережившие эту известность. В силу традиций публика, мало осведомлённая в делах художества, продолжает, однако, благоговеть перед подобными произведениями и по инерции всё ещё раскупает их, не обращая внимания на их малое значение. Особенно непривлекательны покупатели, ставящие первым условием приобретения того или иного произведения его размеры: «хорошенькая вещица, только для меня она, пожалуй, не подойдет, — вот если бы в длину вершка на 3 побольше». Мне случалось заставать у Дациаро или Авацо покупателей, весьма интеллигентного вида, приезжавших на собственных лошадях и без стеснения предъявлявших требования такого сорта, — насколько их внешность далека от внутреннего содержания!



А.Е. Теплоухов

Ищущим рисунки для различных декоративных поделок обыкновенно в художественных магазинах предлагаются сочинения пребезобразные, словно магазин собирался удовлетворять исключительно лавочные потребности. Между тем спрос на оригиналы декоративных сочинений теперь, очевидно, увеличивается: везде обращается сугубое внимание на всякие художественные рукоделия (живопись, резьба, выжигание), в женских средне-учебных заведениях этот предмет делается обязательным, — значит, открывается новое широкое поле для посева правильных художественных понятий в обществе. К сожалению, все эти запросы не нахо-



Ф.А. Теплоухов

дят себе ответа, и часто, когда нападёшь на неудачный выбор рисунка, приходится слышать справедливую оговорку, что ничего лучшего нельзя было найти.

Д.Н. Анучин

«Сама знаю, что худо, а где лучше взять? Ходила, ходила, смотрела, смотрела — совсем нет выбора, всё в таком же роде», — оправдывается какая-нибудь трудолюбивая барышня, и садится изображать амуров с колчанами за плечами или букет с таким сочетанием тонов, что хоть дымчатые консервы надевай. (Надо прибавить, что кроме безобразия, большинство изданий декоративных мотивов поражает еще несообразною дороговизной у нас: так, например, издание "Dekorative Vorbilder", составленное почти сплошь из банальностей, стоит 7 р. 80 коп., а отдельные выпуски по 1 р. 20 коп. — это ведь уже слишком!) Прибегать к самой естественной помощи в исканиях орнаментаций — к помощи натуры — у нас не принято, точно так же, как мало принято искать мотивы в области древностей. Между тем если извлечение орнаментов из природы требует значительной подготовительной работы, то памятники старины дают вполне готовый материал (о чём мне приходилось уже говорить в статье "Искусство и археология"[21]). Если не гнаться за шаблоном, то пользоваться этим источником — нетрудно и вполне целесообразно.

Ещё недавно, при чтении новой, весьма интересной работы Д.Н. Анучина ("К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. Из материалов по археологии восточных губерний, изданных Императорским Московским Археологическим Обществом", т. 3, М., 1899), меня невольно остановили на себе иллюстрирующие её древности, по своей непосредственной пригодности к применению для мотивов мебели. Большая часть этих древностей словно была вырезана специально именно с такою целью и могла бы идти в дело без каких бы то ни было изменений. Например, для спинок к сиденьям или бочку люльки.

Н.К. Рерих. Проекты элементов мебели на основе образцов пермского звериного стиля
Рис. 1899

Приложенные же проекты кресел и стульев являются достаточно ясным тому доказательством: я нарочно набрасывал их почти механически, без всякой компоновки и изменений, да и то они дали интересный звериный стиль, могущий украсить любое помещение, а выделка их несложна и доступна даже простому плотнику, ибо вряд ли древние чудины располагали большим мастерством, нежели наши костромичи. Помещённый здесь рисунок для резной спинки стула, изображающий многоголового змея с драконьими головами, если бы только не было подписи, что он взят целиком из чудских древностей, — наверное, некоторые лица с удовольствием пристегнули бы к декадентству!

Н.К. Рерих. Проекты мебели на основе образцов пермского звериного стиля
Рис. 1899

Н.К. Рерих. Рисунок для резной спинки стула. 1899

Возвращаясь к художественным магазинам, нельзя не заметить, что одну из доходных статей их составляют, как видно, ничего общего с искусством не имеющие фотографии садовых артисток-кривляк: точно для этой продажи нет более подходящего места, точно и среди художественных принадлежностей непременно надо напоминать об этих наших, вовсе не культурных, проявлениях.

Там же продаются и различные багеты для рамок — характерные выразители шаблона, всосавшегося в плоть и кровь нашей современности; но, по счастью, теперь, кажется, начинают сознавать, какую важную и нераздельную для картины часть составляет рама, а потому сбыт фабричного багета ограничивается более средою закоренелой буржуазии.

Однако если все эти товары художественных магазинов: плохие копии, пошлые оригиналы, не идущие к делу фотографии, багеты — противны для искусства, то ещё противнее их, в первую голову, так называемые руководства к живописи: что-то дурное в корне, просто какой-то преднамеренный разврат сказывается в них.

Первоначально я думал, что эти книжки не имеют ровно никакого значения: никто их не покупает, никто в них не заглядывает; но, оказывается, они выходят повторными изданиями, и любители прямо ссылаются на них как на авторитет. Один товарищ рассказывал мне, как его ученик достал себе подобное руководство и заявил ему, что стоит лишь запомнить рекомендованные в книге сочетания тонов, а писать вовсе не трудно! Странные советы преподают эти руководства. Одно, например, советует заучить известные общие эффекты, составить себе грамматику эффектов. Другое (одно из самых распространённых, изданное в 1896 году) восстаёт против такого шаблона, против манерности, и совершенно справедливо замечает, что «манерность приводит к односторонности и вычурности в

Бляха VI–VIII вв. из собрания П.И. Щукина
Вывезена с р. Ухты
Бр., л. 8,5×14,0 см. ГИМ

ущерб верности природе». Затем оно же пытается сказать ещё нечто глубокомысленное: «за последнее время мы замечаем новое движение, зародившееся во Франции и оттуда перенесённое в Бельгию и Италию. Движение это — погоня за новизной, приведшая к самым нежелательным странностям, особенно в ландшафте. Причудливый колорит, зелёный воздух, голубая растительность и прочие нелепости, не внёсшие с собой ни силы, ни глубины, — вот последствия этого нового направления. В Германии, особенно в Мюнхене, это направление, совершенно пренебрегающее колоритом, дошло в своих курьёзных странностях до полного неразумия».

Фигурка лягушки или жабы из пос. Висим. VII—VIII вв. Бр., л. 8,4×5,4 см. ГЭ

Покончив таким образом с новым направлением, руководство начинает уже руководить, предлагая:

«Солнце можно писать, смотря по обстоятельствам, — неаполитанской жёлтой с белилами и немного киновари».

«Облака вообще пишут чёрной и белой с красной или синей. Для блестящих тонов берут киноварь, для сумрачных — индейскую красную».

«Облака в ландшафте, освещённом луной, требуют: чёрную с ультрамарином или кобальтом; чёрную с флорентийской коричневой и кобальтом, также с madderbraun и индиго».

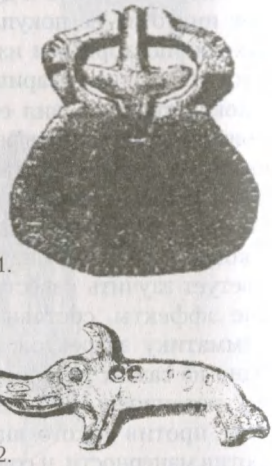
«Луна: светлая охра с белилами» (и коротко, и ясно!).

«Для сероватой воды: ауреолин с синей и madderbraun или пурпуровым крапом; кобальт с madderbraun и сиеной, чёрная и белила и др.».

«Для скота светлого цвета служат преимущественно: жёлтая охра, одна или с жжёной сиеной, с жжёной светлой охрой, с киноварью и др. Специально для овец и коз: жжёная охра, золотистая охра, одна или с вандиком коричневым, потом умбра (все краски с более или менее значительной примесью белил)».

«Для мужских одежд мы рекомендуем преимущественно брать тёмные краски, для женских и детских — яркие».

«Чтобы придать эскизу более законченный вид, например, в эскизе отдельно стоящих деревьев, на заднем плане помещают как бы в тумане ис-



1.

2.

Вещи VIII–IX вв. из коллекции Теплоуховых: пряжка (1); фигурка ящера с рогом (2)

чезающий лес, который набрасывается несколькими мазками серо-фиолетового тона или сгущённого тона неба. Впечатление получается чрезвычайно благоприятное».

Рецепты в том же духе продолжаются на 200 страницах, словно обнаруживая неистощимый юмор автора. Если только они изданы не для шутки, то, очевидно, необходимо принять против них какие-нибудь (разумеется, не полицейские) меры, как против всяких непристойных изданий.

Идол птицевидный VIII–IX вв. Найден на р. Ухте. Бр., л. 17,5×14,6 см. ГИМ

Бляха 1-й половины II в. до н. э. из Истяцких юрт. Медь, л.

У каждого предложенного Рерихом проекта мебели существуют реальные прототипы.

1. *Проект спинки стула.* Точное цитирование оригинальной шаманской поделки из коллекции М.К. Сидорова, вывезенной им с реки Соплес (среднее течение реки Печоры) Усть-Сысольского уезда, датируемой весьма условно VIII–IX вв. Изображённая птица с длинными узкими крыльями и развильчатым хвостом Д.Н. Анучину напоминала коршуна[22]. На груди — личина с усами и бородой. Обращают внимание характерные каннелюры, впоследствии не раз варьировавшиеся в живописи Рериха.

2. *Проект бочка люльки.* Точное цитирование прорезной бляхи из собрания П.И. Щукина (Москва), происходящей с реки Ухты. Анучин так описал этот памятник: «...Представляет существо с распростёртыми крыльями (каждое о трёх перьях), но с человеческой головой (в профиль), над которой, тоже в профиль, изображена ещё звериная голова; тело существа внизу расходится как бы в две ноги, но они сливаются затем с ободком изображения и заканчиваются глазками; подобные же глазки видны ещё в трёх местах...»[23]. Спицын уточнил это описание,

Фигура летящей птицы (?) VIII–IX вв. из собрания П.И. Щукина Найдена на р. Ухте. Бр., л. 3,6×7,3 см. ГИМ

отметив, что это «сулде, бегущий самостоятельно», и в его фигуре нет ничего воинственного[24].

3. *Проект бочка люльки.* Точное цитирование большой прорезной бляхи из собрания Казанского общества археологии, истории и этнографии, найденной в Спасском уезде Казанской губернии. По Анучину, «представляет хищную птицу со схематично выраженными крыльями и хвостом… на брюшной стороне которой изображена человеческая фигура с согнутыми в локтях и поднятыми руками и с головой, заостряющейся кверху (в шапке, похожей на башлык); верхние части крыльев птицы состоят из звериных голов, пара коих обращена мордами кнаружи, а пара квнутри, к голове человека»[25]. Спицын ещё отметил, что у фигуры «лицо финское, голова острая, кажется, с космами». По его мнению, подобные изображения птиц (с человеческой головой и без неё) являются едва ли не важнейшими шаманскими изображениями, идущими от ранней поры и до очень поздней[26]. К этому можно добавить, что изображения птиц с распростёртыми крыльями присущи многим культурам земной цивилизации. В статье Анучина, которая так вдохновила Рериха, даны удивительные параллели: изображение летящей птицы, найденное в могильнике Камбульта (Кавказ); бронзовые фигуры крылатых существ, найденные в Ване (Персия); рисунок "Александр, возносимый на небо птицею" — из росписи плафона Палатинской капеллы в Палермо (Италия); буддийская икона "Garuda Yantra" (Тибет); изображения летящих птиц на медных бляхах из могил вогулов (Русский Север); изображение мифического человека-птицы на сосуде из Аризоны (США); золотые изображения летящих птиц и птиц-зверей из Гватемалы (Центральная Америка) и ряд других. Конечно, все эти научные и художественные данные не прошли мимо внимания художника-учёного и послужили новым толчком к углублённому изучению звериного стиля.

4. *Проект стула.* Спинка — фигурка лягушки или жабы со спины (на кальке Рериха из МСССМ значится под № 13, см. рис.). Найдена в посёлке Висим Пермского уезда. Происходит из собрания графов Строгановых, куда была доставлена старшим из династии Теплоуховых — Александром Ефимовичем, управляющим строгановских имений на Урале. Сиденье — интереснейший археологический памятник из собрания Щукина: круглая бляха VII–VIII вв., с Ухты, основу композиции которой составляет свернувшийся в кольцо хищник, в центре кольца обозначены три человеческие головы, внизу — двухголовый ящер[27]. Анучин заметил у голов стоячие волосы, а хищника определил как змея без ног, «но голова его, соприкасающаяся с другой такой же, выказывает все признаки

Бляха VIII–IX вв. из коллекции Теплоуховых. Найдена на р. Колве. Медь, л.

Бляха VIII–IX вв. из коллекции М.К. Сидорова Вывезена с р. Соплес

драконьей»[28]. Спицын в хищнике предположил змею или рыбу, но в голове, с которой голова хищника соприкасается, увидел голову медведя[29].

Ножка стула — возможно, свободная интерпретация орнаментального мотива, заимствованного с поясной пряжки VIII–IX вв. из коллекции Теплоуховых (см. рис.). Во всяком случае, здесь Рерих отошёл от материала, предоставленного статьёй Анучина, и сам нашел нужный стилистический образ.

5. *Проект кресла.* Для его создания использованы сразу три разных археологических памятника.

Спинка — ещё один бронзовый предмет из коллекции Сидорова. По мнению Анучина, на нём изображен сокол, «причём три точки на туловище намечают, очевидно, человеческое лицо»[30]. Спицын отметил дополнительные придатки на крыльях, орнамент на три отчерка и характерный кант, а также сходство с вещами Егозовского клада, найденного в Кузнецком округе Тобольской губернии[31].

Ручки — медное изображение ящера с рогом VIII–IX вв. из коллекции Теплоуховых, найденное в деревне Зобачевой на реке Ломоватовке Пермского уезда (см. рис.).

Края сиденья — ажурная бляха VII–VIII вв. из коллекции Теплоуховых, найденная в деревне Михалево Гаинской волости Чердынского уезда. Ясно видны семь лосиных и семь птичьих голов[32]. Сравнительно частый вариант изображения 7 сулде (культ Семерых — Братьев, Старцев, Богов?). Сюжет этой бляхи позже будет использован для театральной декорации *"Терем Кикиморы"* (1910).

6. *Проект стула.* Спинка — большой птицевидный идол VIII–IX вв. из собрания Щукина со стилизованной человеческой фигурой на груди (см. рис.). Отдельная находка на Ухте в Чердынском уезде. Спицын видел в этой поделке фигуру филина[33]. По мнению Анучина, все подробности этого изображения (в том числе условная передача крыльев, каждое с тремя, отходящими с боков тела дугами, с неровными зазубренными краями) придают ему характер уникума[34].

Сиденье — медная круглая выпуклая бляха с блестящей поверхностью с нацарапанными на ней абрисами трёхголовой птицы, бобра, зайца и ещё какого-то маленького зверька (см. рис.). Происходит из Истяцких юрт, по современным данным — 1-я половина II в. до н. э. С самого начала в собрании ТМЗ. Спицын считал изображённую на бляхе птицу религиозной фигурой[35].

Характерен кант по краю сиденья, типа канта ажурной бляхи, включённой в пятый проект.

7. *Проект кресла.* Спинка — прорезная выпуклая подвеска VII–IX вв. с изображением двух животных и головы быка из коллекции Теплоуховых, найденная в Верхнем Прикамье. В статье Анучина подвеска воспроизведена с наброска Н.Н. Новокрещённых, с неправильной ориентацией[36]. В проекте Рериха ориентация приведена в соответствие с назначением подвески (голова быка обращена вверх) и нет двух верхних выступов — они бы нарушили форму кресла[37].

Ручка — фигура летящей птицы (?) с изогнутым туловищем из собрания Щукина. Отдельная находка на Ухте в Чердынском уезде. Датируется VIII–IX вв. Под

Бляха VI–VIII вв. из коллекции П.И. Щукина
Вывезена с р. Ухты. Бр., л. 12×16 см. ГИМ

Н.К. Рерих. Гады. Эскиз декоративного фриза. 1904. Собрание КОМИИ

ногами птицы лежащее на спине животное с двумя головами, похожее на змею[38]. Анучин описал этот памятник, не скрывая восхищения: «...Самым замечательным, по смелости концепции, можно признать мифическое существо, изображённое на рисунке... Это — настоящий крылатый дракон, представляющий характерное смешение птичьих и звериных форм. Удлинённое тело его (с рядом перьев по спинной линии) поддерживается двумя ногами и продолжается в длинный, перистый хвост. Голова его снабжена длинными, откинутыми взад и как бы тоже перистыми ушами, а напереди заканчивается длинной мордой, закинутой вроде хобота на лоб...»[39]. Спицын считал этот предмет за «отдельное изображение кричащей птицы, очень характерное» (см. воспроизведение из его атласа)[40].

8. *Проект стула.* Спинка — чудской образок о трёх фигурах из коллекции Теплоуховых, найденный на реке Колве в Чердынском уезде (см. рис.)[41]. Спицын относил его ко времени расцвета шаманских изображений — VIII–IX вв.[42]. Представлены три человекоподобных существа с заострёнными головами, из которых средняя фигура немного выше крайних; руки и прочие подробности только намечены. Средняя и левая фигуры — по-видимому, существа мужского пола. Лосиные головы образуют небосвод; ящер изображён без конечностей.

«Судя по числу найденных экземпляров, — писал Ф.А. Теплоухов, — среди пермской чуди пользовалось наибольшим уважением божество, в свите которого полагалось два человекообразных существа с звериными головами и животное, в котором нетрудно узнать... ящера...»[43]. В проекте рериховского стула представлена только эта Троица древних биармийцев, без ящера, оказавшегося ниже поверхности сиденья. По мнению исследователей, ящер в чудских композициях является собирательным образом "нижнего", подземного и подводного царства. Как выразился академик Б.А. Рыбаков, «ящер — фундамент земного мира»[44].

Ножки стула — совершенно уникальный экземпляр из коллекции Сидорова, вывезенной им с речки Соплес (см. воспроизведение из атласа Спицына)[45]. Уникальность его состоит в том, что на темени изображённых семи сулде (возможно, восьмой персонаж отломан) представлены головы кричащих птиц, а не лосей.

9. *Проект спинки стула.* Спинка имитирует ажурную бляху VII–VIII вв. с изображением летящих кричащих птиц с поднятыми вверх 7 длиннейшими головами лосей. Кро-

Пронизка VIII–IX вв. из коллекции Теплоуховых Найдена в д. Антоновцы Бр., л. 5,8×1,9 см. ПОКМ

ме этого, на бляхе изображено не менее 15 голов других птиц и животных (см. рис., а также на кальке из МСССМ № 5). Первоначально хранилась в собрании Щукина, куда попала с Ухты. Данная бляха использована Рерихом ещё в двух произведениях: на эскизе декоративного фриза *"Гады"* (1904) из собрания Костромского музея[46] и в проекте уже упомянутого выше талашкинского шкафа, опубликованном в готовом виде в 1905.

Пронизка VII–VIII вв. из коллекции Теплоуховых Найдена в д. Плёс. Бр., л. 5,3×6,1 см. ПОКМ

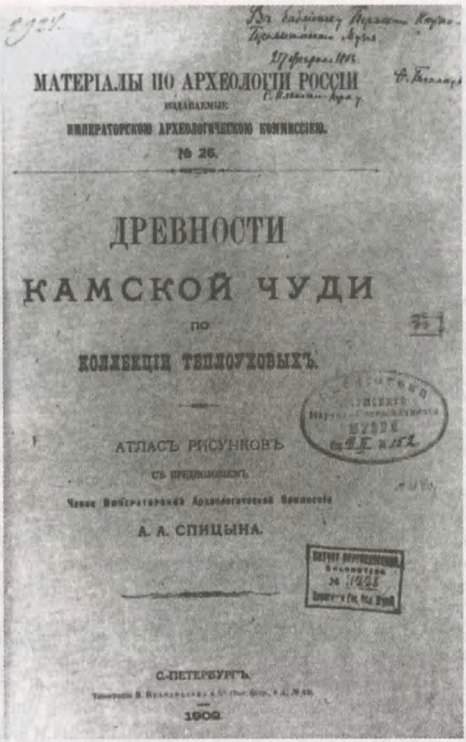
Мы намеренно так подробно остановились на проектах мебели. Возможно, это подтолкнёт современных умельцев воплотить в жизнь мечты художника об украшении быта[47]. Рассматривая прототипы, можно прийти к убеждению, что выделка такой мебели не только «несложна и доступна даже простому плотнику», но к тому же особенно желательна в наш технократический век.

О хорошем знании коллекции Теплоуховых свидетельствует и упоминавшаяся нами неоднократно рериховская калька из МСССМ. Ещё три предмета из этой коллекции перенёс на неё Рерих.

На кальке под № 6 помещена полая пронизка VIII–IX вв. Находилась в коллекции Теплоуховых, среди 18 других подобных по стилю экземпляров. Сделана на основе трубочки, имеющей, при естественном положении изображённых животных, вертикальное направление и служащей для продевания через неё ремня или шнура. Спицын отмечал совершенство техники и композиции этого изображения и видел в ней фигуру орла, клюющего голову какого-то животного. Кант — в косую верёвочку. Найдена в деревне Плёс Аннинской волости Чердынского уезда (современный Гаинский р-н Пермской обл.). На кальке Рериха представлена в натуральную величину. Прекрасное воспроизведение пронизки (и тоже в натуральную величину) было дано в издании коллекции Теплоуховых. Как писал Ф.А. Теплоухов, подобные пронизки «пользовались, по-видимому, особым спросом и популярностию, так как они встречаются довольно часто и притом в весьма различных местностях»[48].

Под № 9 на кальке отмечена в натуральную величину полая пронизка VII–VIII вв., изображающая орла, медведя и голову лося (см. рис.). Как полагал Спицын, и как считают все современные исследователи[49], это продольная пронизка. Однако Рерих расположил её на кальке так, как будто она предназначена для вертикального ношения, подобно всем другим. На ногах медведя кружок. Голова медведя отведена от туловища. Найдена тоже в деревне Плёс.

Данная пронизка — яркое свидетельство медвежьего культа, наиболее развитого среди народов Урала. Об этом замечательно пишет В.А. Оборин: «Один из героев народного эпоса коми носил имя Кудым-Оша ("ош" — медведь). Охотники носили медвежьи клыки как амулеты, которым приписывали также лечебные свойства. У коми-пермяков были пасы — знаки собственности, названные именем медведя»[50]. Конечно, Рерих знал, что «пермская чудь питала к медведю более чем простое уважение»[51]. Этот культ в обобщённой, применимой ко всем первобытным народам Евразии форме получил отражение в нескольких его полотнах, таких как *"Человечьи праотцы"* (1911) и *"Чара звериная"* (1943). Ф.А. Теплоухов дал интересную трактовку подобных пронизок, ныне почти забытую.


МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ
ИЗДАВАЕМЫЕ
ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОМИССІЕЮ.
№ 26.
ДРЕВНОСТИ
КАМСКОЙ ЧУДИ
ПО
КОЛЛЕКЦІИ ТЕПЛОУХОВЫХЪ.
АТЛАСЪ РИСУНКОВЪ
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Члена Императорской Археологической Комиссіи
А. А. СПИЦЫНА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

Теперь принято считать, что подобные изображения являют собою разные варианты сцены борьбы хищника с жертвой. Однако Теплоухов предположил иное, а именно: символически представленный процесс сочетания разных качеств и ипостасей, "результатом" которого, возможно, являются фантастические полулюди-полуживотные — сулде. На кальке Рериха таких пронизок пять (№ 6, 9, 11, 12, 19).

Под № 11 на кальке представлена в натуральную величину полая пронизка VIII–IX вв. в виде хищной птицы с изогнутым клювом, когтящей неизвестного зверька. Прекрасное воспроизведение дано в издании коллекции Теплоуховых (см. рис.). Найдена пронизка в деревне Антоновцы современного Ильинского района Пермской области.

По самым скромным подсчётам, других творений Рериха, в той или иной мере связанных с пермским звериным стилем, существует не менее десяти. Многие из них ныне либо вне пределов досягаемости, либо, что самое прискорбное, утрачены навсегда. Однако и по дошедшим до нас воспроизведениям мы можем определённо отметить характерные для Рериха качества: композиционное совершенство, богатство сюжетов и глубоко осмысленное включение отдельных деталей, заимствованных из пермского звериного стиля. "Расшифровка" рериховских художественных интерпретаций этого удивительного по духовной силе и выразительности стиля ещё ждёт своих исследователей[52].

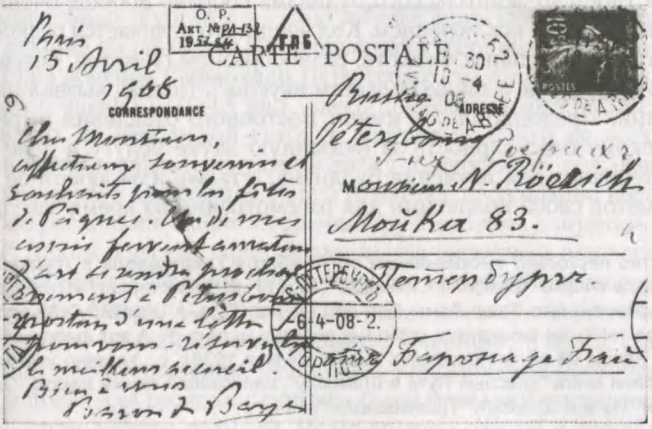
XI
ИИАК. Прибавление к № 2: Хроника и библиография. № 1
СПб.: тип. ГУУ, 1902

С самого первого выпуска "Хроники и библиографии", издаваемой ИАК в качестве прибавления к "Известиям", на её страницах помещались самые разнообразные перепечатки из других изданий, компиляции, обзоры и т. п. материалы, где описывались события, в которых принимал (или мог принимать) участие Рерих; часто упоминались деятели, с которыми Рерих был связан служебными, творческими или даже дружескими отношениями. *Археология* в современном её узкоспециальном значении в некоторых материалах почти отсутствует, на первое же место выступает *новейшая история* во множестве фактов культурной жизни России начала XX века. Трудно в таком издании, каким является "Петербургский Рериховский сборник", вновь воспроизвести из "Хроники и библиографии" все события, так или иначе связанные с жизнью и творчеством Н.К. Рериха. Из-за ограниченности объёма мы приведём только некоторые примеры. За остальными интересными данными предлагаем читателю обращаться к самим изданиям ИАК.

В этом выпуске в "Обзоре статей историко-археологического содержания в русских повременных изданиях за 1901 год" Рерих отмечен как автор первой книги "Известий"; кроме этого, сообщается о публикации Н.А. Штоффом результатов раскопок, производившихся под его руководством.

В разных местах "Хроники и библиографии" даны сведения о событиях "археологической жизни" столицы, которые вполне могли заинтересовать Рериха. Например, в разделе "Разные известия" перепечатана следующая заметка из газеты "Новое время" (№ 9225 за 1901 год).

Известный французский путешественник археолог барон ***И.А. де Бай*** приезжал в начале ноября в Петербург, где пользовался гостеприимством графа С.Д. Шереметева. Почтенный учёный пробыл более двух месяцев в Закавказье, присутствовал в Тифлисе на празднествах по случаю столетия присоединения



Письмо барона де Бая Н.К. Рериху. Париж. 15 апреля 1908. Оригинал в ОР РНБ

Грузии к России, а затем занимался исследованиями по археологии и этнографии Мингрелии* и Гурии.

Из переписки Рериха и Е.И. Шапошниковой, невесты художника, известно, что знакомство Н.К. Рериха с известным коллекционером, археологом, путешественником, посланником французского правительства бароном де Баем (de Baye)[53] и его семьёй состоялось примерно за год до его приезда в Россию. 8 июня 1900 Рерих писал: *«Князь [П.А. Путятин] хочет сказать де Баю про мою картину, он находит, что это было бы очень хорошо»*[54]. О том, что знакомство было весьма полезным и плодотворным, свидетельствуют сохранившиеся письма барона де Бая и его родственников Рериху[55].

XII
ИИАК. Прибавление к № 3: Хроника и библиография. № 2
СПб.: тип. ГУУ, 1902

В "Археологической хронике", составленной по материалам газет за первую половину 1902, помещена следующая заметка.

1. [О заседании Восточного отделения ИРАО 24 января 1902]
(НВ. 26 января 1902. № 9302)[56]

24 января, под председательством академика барона В.Р. Розена, происходило заседание членов Восточного отделения. Прочитан был доклад иностранного корреспондента общества ***А. Грюнведеля***, указавшего на важное научное значение богатого собрания князя ***Э.Э. Ухтомского*** — буддийских статуэток, образов и других предметов буддийского культа. Некоторые из предметов коллекции князя были им любезно демонстрированы в заседании. Вещественных памятников тибетско-монгольского буддизма собрано вообще очень мало. Собрание князя является исключением. Коллекция его отличается редкостью встречающихся типов отдельных божеств, разнообразием сюжетов, безупречной сохранностью предметов, а также большим вкусом[57]. Доклад вызвал оживлённый обмен мнений. Председатель от имени Восточного отделения выразил князю Э.Э. Ухтомскому благодарность за оказанную науке услугу в деле собирания богатых материалов для изучения буддизма, а также и за любезное предоставление предметов своей коллекции для рассмотрения во время заседания.

Известно несколько высказываний об **Альберте Грюнведеле** в трудах Рерихов. Например, в очерке "Шамбала Сияющая" (1928) Н.К. Рерих пишет: «Грюнведель перевел книгу знаменитого Таши-Ламы Пал-ден Йе-ше "Путь в Шамбалу". Мы догадываемся, что под тайными символами спрятана великая истина»[58]. А вот высказывание Е.И. Рерих в одном из её философских писем (24 мая 1938): «...Указано упомянуть о существовании книги "Красный Путь в Шамбалу", написанной одним ламою. Следует не забыть и "Путь в Шамбалу" Грюнведеля»[59].

---

* Мегрелия (Мингрелия) — ист. обл. в Зап. Грузии, населённая мегрелами (*БЭС*. 1998. С. 706).

Н.К. Рерих мог заинтересоваться докладом А. Грюнведеля и уже в 1902 познакомиться как с трудами этого учёного, так и с ним самим. Эту возможность допускает и его воспоминание об участии в деятельности ИРАО, записанное спустя тридцать пять лет: «Кроме Славянского отделения, я посещал и заседания Восточного отдела, бывшего под председательством барона Розена»[60].

Нельзя не отметить здесь и выдающегося учёного — академика Петербургской АН, профессора ИПУ, известного арабиста барона **Виктора Романовича Розена** (1849—1908). Он упоминается в текстах Рериха с неизменной теплотой и почитанием[61].

В "Хронике и библиографии" в разделе, посвящённом ИПАИ, есть сообщение, что **12 мая 1902** в институте состоялся торжественный акт, на котором присутствовали член совета министра народного просвещения тайный советник И.К. Ренар, начальник академии Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Глазов, почти весь совет института с директором Н.В. Покровским во главе и многие слушатели. Директор прочитал отчёт за 1901 академический год. И в нём среди прочего прозвучало: *«Институт составляет археологическую карту С.-Петербургской губернии»*. Известно, что редактором-составителем и руководителем этой работы в институте в 1899—1903 был Рерих.

В этом же выпуске публикуется заметка о продолжении начатых ещё в 1899 археологических экскурсий ИПАИ под руководством Рериха. Ценность заметки в том, что она оказалась единственным официальным сообщением в материалах ИАК о результатах раскопок **около станции Елизаветино в 1902**, что подтверждается и отчётом ИАК за этот год. В дело, заведённое на эти раскопки (№ 112/1902), по каким-то причинам отчёт доставлен не был.

2. [Об археологической экскурсии ИПАИ 23 мая 1902]

(БВ. 24 мая 1902. № 139)[62]

23 мая археологическим институтом была совершена очень интересная в научном отношении экскурсия в окрестности **станции Елизаветино** по Балтийской железной дороге, где преподавателем института ***Н.К. Рерихом*** произведены были предварительные археологические разведки, оставшиеся не без результатов. Здесь много замечательных исторических памятников, во множестве попадаются могильные курганы — надгробные памятники древних племён, обитавших некогда на равнинах Петербургской губернии. Особенно интересны памятники близ **деревни Смолькало** Петергофского уезда[63]. Археологи относят их к языческой эпохе (VIII–IX вв.). Здесь попадаются интересные курганы с зарытыми в них на небольшой глубине костяками, почти во всех случаях в сидячем положении, характеризующем эпоху язычества. К сожалению, владелец леса близ деревни Смолькало, купец Алексеев, неожиданно воспротивился произведению раскопки и запретил арендатору этого леса допускать экскурсантов "рыться". Таким образом, официально задача экскурсии осталась не выполненной, и экскурсанты решили избрать другое место для исследований. Они отбыли в **деревню Озёра** Царскосельского уезда, лежащую верстах в 15 восточнее Смолькало, где находится целое древнее кладбище, и здесь, с разрешения владельца этой земли, господина Виницкого, приступили к раскопке двух курганов[64]. Избранные для раскопки курганы были невелики по размерам: это маленькие, поросшие дёрном холмики. Через полчаса работы в одном из них был обнаружен маленький костяк ребенка. Сначала заступ ударил во что-то сверх

костяка. Это чуть ли не первый случай, что встречается именно известковая прокладка. Обыкновенно костяки, находимые на древних могилах, бывают густо осыпаны золой (так называемая "зольная масса"). Затем начали показываться из земли истлевшие кости буро-коричневого цвета. Постепенно был открыт целый костяк ребенка, лет 6–8, зарытый, очевидно, в лежачем положении. Никаких украшений и утвари не найдено.

В двух шагах — другой курган. Здесь был обнаружен костяк взрослого человека. Положение его лежачее, со сложенными на груди руками. На заплечьях обеих рук найдены покрытые слоем окиси медные браслеты. Один из них имеет форму ленты в $1^1/_2$ сантиметра шириной, без застёжек, другой — витой из довольно толстой проволоки. Кроме того, найдены медная же пряжка овальной формы, очевидно служившая для украшения и вместе с тем для поддержки одежды, и красивые серебряные подвески с бусами.

Эти данные позволяют заключить, что найденный костяк можно отнести к концу XI или к началу XII века, когда здесь обитало финское племя води (Waddijalaiset). Костяк, впрочем, мог принадлежать и одному из новгородцев, часто посещавших эти места с завоевательною целью. За отсутствием руководителей-профессоров института точнее определить эпоху оказалось невозможным. Все найденные предметы принесены в дар институту.

ПРИМЕЧАНИЯ К № VIII–XII

[1] *Рерих Н.К.*, 1899.

[2] См. в разд. I, № XI.

[3] См. в разд. I, № XII. Интересны воспоминания об «археологических поисках» в Псковском крае: «Порховский уезд — один из самых живописных. В нём много старинных усадеб. Одни из самых первых староусадебных впечатлений связаны именно с Порховским уездом...» и т. д. (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 272); «Как-то по поручению Археологической Комиссии я обследовал так называемое "Литовское разоренье" в Порховском уезде. Огромный холм, сплошь набитый безымянными костями. Ни единой вещи, ни единой приметы, разве что два черепа были раздроблены. Было ли побоище, или мор, или какое иное бедствие? Для побоища по тем временам слишком много костей. Ведь в псковской церкви была надпись о том, что "в жестокой сече с ливонскими рыцарями полегло одиннадцать псковичей" — такие были меры» (*Там же*. Т. III. С. 76).

[4] Полная публ. отчёта о раскопках помещена в № VIII наст. раздела (*Рерих Н.К.*, 1901). Др. опубликованные материалы см.: *Мельников В.Л.*, 1997а; *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 142, 143, 171, 172; в разд. II наст. изд., № 15, 16, 18, 23, 24, 27, 28, 30 (с примеч.).

[5] *Штофф Н.А.*, 1901.

[6] *Спицын А.А.*, 1906. С. 53.

[7] *Сулде* — (по Спицыну) человекообразное существо с крыльями и хвостом птицы и с головою и ступнями верблюда или лося.

[8] *Спицын А.А.*, 1906. С. 35.

[9] *Рыбаков Б.А.*, 1979. С. 18–22.

[10] На рериховской кальке в тех же пропорциях, что и предыдущий образок.

[11] *Спицын А.А.*, 1906. С. 53.

[12] *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 33.

[13] Т., первоначально в собрании Н.А. Белоцветова, СПб.; местонахождение неизвестно.

[14] *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 45, 46, 124. Каталог, № 53.

[15] *Михайлов М.К.*, 1962. С. 174.

[16] См.: *Маточкин Е.П., Мельников В.Л.*, 1999б.

[17] Из раскопок Н.Н. Новокрещённых в той же д. Пешковой. *ОИАК за 1900 год*. Рис. 266. С. 119. См. также: *Спицын А.А.*, 1906. С. 62. Рис. 3, 224; *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 68, 161. Ил. 23.

[18] О коллекциях и наследии *Александра Ефимовича Теплоухова* (1811—85) и его сына *Фёдора Александровича Теплоухова* (1845—1905) см. след. литературу: *Теплоухов А.Е.*, 1844, 1848, 1879, 1880; *Теплоухов Ф.А.*, 1871, 1892а, 1892б, 1893, 1897а, 1897б; *Смышляев Д.Д.*, 1891. С. 285–292; *Анучин Д.Н.*, 1899; *Остроумов И.Г.*, 1905; *Сюзев П.В.*, 1906; *Спицын А.А.*, 1906; *Вёдров С.*, [1907–1908]; *Кривощёков И.Я.*, 1911. С. 90–150; *Шмидт А.В.*, 1927. С. 123–164; *Николаев С.Ф.*, 1957; *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988.

[19] *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 101, 170.

[20] *Анучин Д.Н.*, 1899. *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843—1923) — антрополог, географ, этнограф и археолог, один из основоположников антропологии в России, академик (1896) и почётный член (1898) СПб. АН. Президент (с 1890) Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Основал отечественную школу географов. Труды по этнической антропологии и антропогенезу, этнографии, первобытной археологии, общей физической географии, страноведению и истории науки. (*БЭС*. 1998. С. 60).

[21] *ИХП*. 1898. № 3. С. 185–194. 1899. № 4–5. С. 251–266.

[22] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 92, 95. Рис. 4.

[23] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 104, 105. Рис. 30.

[24] *Спицын А.А.*, 1906. С. 37, 53, 97. Рис. 109.

[25] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 102, 103. Рис. 25.

[26] *Спицын А.А.*, 1906. С. 38, 67, 120. Рис. 285.

[27] Ныне в коллекции ГИМ, № 91652. Бр., л. дм 7,2.

[28] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 122. Рис. 76.

[29] *Спицын А.А.*, 1906. С. 35, 36, 52, 96. Рис. 104.

[30] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 95. Рис. 3.

[31] *Спицын А.А.*, 1906. С. 40, 41, 68, 75, 136. Рис. 436.

[32] Оригинал — бр., л. 3,2×11,4; ныне в ПОКМ. См.: *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 96, 170.

[33] *Спицын А.А.*, 1906. С. 38, 65, 115. Рис. 260.

[34] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 98, 99. Рис. 13.

[35] *Спицын А.А.*, 1906. С. 33, 47, 48, 87. Рис. 46.

[36] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 118. Рис. 67.

[37] Оригинал — бр., л. 12,2×5; ПОКМ. См.: *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 84, 169. Рис. 53.

[38] *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 69, 159. Рис. 24.

[39] *Анучин Д.Н.*, 1899. С. 120, 121. Рис. 72.

[40] *Спицын А.А.*, 1906. С. 35, 36, 51, 95. Рис. 102.

[41] *Теплоухов Ф.А.*, 1893. С. 25-26. Табл. III, № 7.

[42] *Спицын А.А.*, 1906. С. 37, 58, 104. Рис. 178.

[43] *Теплоухов Ф.А.*, 1893. С. 21.

[44] *Рыбаков Б.А.*, 1988. С. 278.

[45] *Спицын А.А.*, 1906. Рис. 430.

[46] "*Гады*". Б. на к., акв., белила, тушь; 11,7×48,9; КП № 477. Редакция "ПРС" благодарит научного сотрудника КОМИИ В.П. Прямикову за фотографию этой работы и ценные сведения о ней. На об. эскиза авторские надписи на русском и фр. языках: «Декорат[ивный] фриз. Н. Рерих. 1904. № 15. Fries decorativ. 50 rubles». Поступила из собрания И.А. Рязановского (Кострома, 1947). См.: *КОМИИ*, 1980. С. 170 (в описании допущены неточности).

[47] Интересные суждения на эту же тему высказала в своём докладе московский историк Е.Г. Дэвлет: *Дэвлет Е.Г.*, 1999.

[48] *Теплоухов Ф.А.*, 1893. С. 6.

[49] См.: *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 77, 169. Рис. 42.

[50] *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988. С. 33–34.

[51] *Теплоухов Ф.А.*, 1893. С. 10.

[52] Хорошим подспорьем в осмыслении символики отд. элементов этого стиля могут быть использованы выводы Б.В. Фармаковского (см. ниже, № XLVI), тексты самого Рериха ("Звезда Матери Мира", 1924 и мн. др.), а также работы: *Рябинин Е.А.*, 1981; *Оборин В.А., Чагин Г.Н.*, 1988; *Рыбаков Б.А.*, 1988.

[53] О возможном богатстве его коллекций можно судить хотя бы по воспроизведению интерьера гостиной в стиле ампир в отеле барона де Бая в Париже. (*Зодчий*. 1899. № 12. Раздел "Детали", л. 60).

[54] Автограф. ОР ГТГ, ф. 44, № 208.

[55] Автографы на фр. и англ. яз. ОР РНБ, ф. 1000, поступление 1957.84, л. 6 (открытка: см. факсимиле в тексте), л. 10 (открытка: текст см. ниже, № XLIX); ОР ГТГ, ф. 44, № 586–595.

[56] Публ. в сокращении. Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события с публ.: *БВ*. 26 января 1902. № 25; *ВСПбГ*. 27 января. № 23.

[57] Интересные сведения об этом собрании и краткая библ. приведены в публ.: *Короткина Л.В.*, 1998б. Там же высказана мысль о безусловном знакомстве Рериха с предметами данного собрания.

[58] *Рерих Н.К.*, 1994. С. 25.

[59] *Рерих Е.И.*, 1992–93. [Т. III]. С. 293.

[60] *Рерих Н.К.*, 1974. С. 95.

[61] См.: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 169; *Мельников В.Л.*, 1997а. С. 22.

[62] Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события с публ.: *СПбВ*. 20 мая 1902. № 135; *КС*. 23 мая 1902. № 5164; *ПГ*. 24 мая 1902. № 140; *ПЛ*. 24 мая 1902. № 140. 2 июня 1902. № 149; *ПВ*. 29 мая 1902. № 116; *ЖР*. 2 июня 1902. № 74.

[63] В современной "Археологической карте" этот пункт описан так: «**Смольково**. Кург.

группа на южной окраине пос. Смольково, у дороги в д. Елизаветино, в роще. В 1875 раскопано 32 кург. XIII в. Обследована в 1927 и 1985 174 погребальных комплекса: кург. насыпи с каменными обкладками и жальничные погребения с четырёхугольными оградками» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 72).

[64] "Археологическая карта Ленинградской области" сообщает: «**Озёра**. Кург. могильник к юго-востоку от бывш. д. Озёра, в 0,6 км к северо-западу от д. Село, на берегу озера, в двух рощах. В 1875 раскопано 58 кург. сер. XII — нач. XIII вв. Обследован в 1927 и 1985, включает 289 кург. насыпей и 46 жальничных погребений с четырёхугольными оградками» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 95).

1903

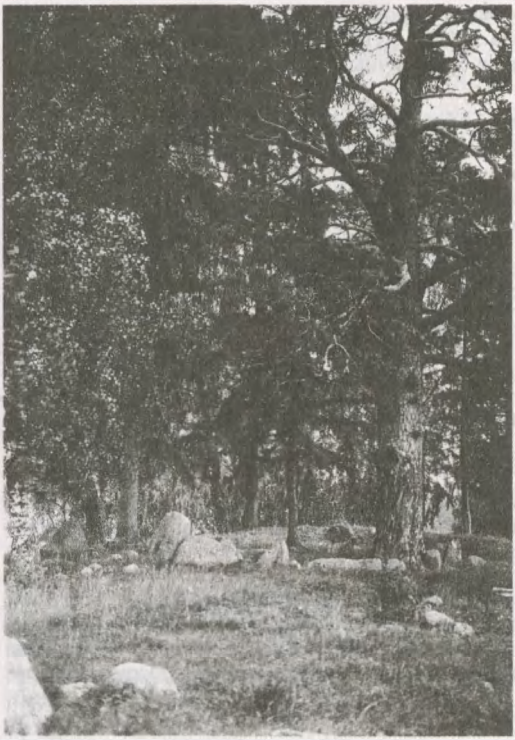
XIII
ИИАК. Прибавление к № 5: Хроника и библиография. № 3
СПб.: тип. ГУУ, 1903

В этом выпуске "Хроники и библиографии", составленной по материалам отечественной периодики за вторую половину 1902, имя Рериха упоминается дважды. Ряд публикаций без упоминания его имени имеет прямое отношение к его научной и общественной работе.

В разделе, посвящённом деятельности **ИРАО**, помещены сообщения о тех заседаниях Русского отделения ИРАО, на которых Рерих присутствовал и брал слово. Так, на заседании 11 ноября 1902 Рерих сделал «несколько мелких замечаний» к сообщению В.Н. Глазова[1]. Сразу за этой заметкой следует другая — о заседании, на котором Н.К. Рерих сам выступил с сообщением.

1. [О заседании ОРСА ИРАО 11 ноября 1902]
(СПбВ. 13 ноября 1902. № 311)[2]

В заседании 11 ноября предметом занятий служили доклады: ***В.Н. Глазова*** "Раскопки в Холмском и Торопецком уездах Псковской губернии в 1902 году" и ***П.А. Сырку*** "Грамота-список молдавского господаря Раду-воеводы от 30 апреля 1625 года о возобновлении прежних дарений Сучавской митрополии". По открытии заседания председатель отделения ***[С.Ф. Платонов]*** сообщил содержание присланного в Общество письма священника Лужского уезда Соколова о находке им в октябре текущего года, близ церкви, скелетов, черепа которых отличаются необыкновенной величиной; здесь же найдена арабская монета. Исследование времени монеты принял на себя профессор ***Н.И. Веселовский***. Затем ***В.М. Иверсен*** сообщил о приобретённой им интересной и чрезвычайно редкой русской монете времени князя Ярослава (XI века). До сих пор подобные монеты известны лишь в числе десяти экземпляров. ***В.Н. Глазов***, уже несколько лет производящий раскопки в Псковской губернии по поручению Общества, сообщил отчёт о своих исследованиях нынешнего года в районе двух уездов: Торопецкого и Холмского. Исследованию подверглись поздние,



Каменные обкладки на поверхности захоронений
Из фотоальбома семьи Рерихов. Предположительно снимок сделан в 1902. Оригинал в МСССМ

главным образом, жальничные погребения (низкие насыпи) XIII–XIV веков. Жальников встретилось мало, большинство их распахано и исчезло для исследова[ни]я. В курганных группах, раскопанных референтом, встретились, между прочим, предметы украшений: височные кольца, бусы, остатки кожи и шёлковой ткани (при деревне Пески), ножик, тройная подвеска, кольца (при деревне Низинке) и пр. Некоторые из предметов были куплены у крестьян, нашедших их при распашке. Форма исследованных курганов овальная и длинная, четырёхугольная. ***А.А. Спицын*** отметил, что материал, собранный референтом, представляет большую научную важность. Предметы, найденные исследователем, дают при помощи аналогии возможность определения периода, когда жило здесь то или другое из славянских племен. Особенное значение имеют длинные курганы[3]. Эти курганы, приписываемые А.А. Спицыным смоленским кривичам, указывают и на поселения этого племени в пределах указанных выше уездов в IX веке. Торопец издавна был во владении смоленских князей. Но племя это жило, как показывают современные исследования, и в Витебской, Новгородской и Ярославской губерниях (в верховьях Волги и на Мсте). Отделение, по предложению председателя, благодарило В.Н. Глазова за его труды на пользу археологии.

2. [О заседании ОРСА ИРАО 30 ноября 1902]. *(ПВ. 3 декабря 1902. № 262)*

В заседании 30 ноября, кроме обычных посетителей, присутствовали известный французский археолог барон де Бай и финляндский археолог Апфельгрен[4]. О важном в научном отношении открытии по первобытной археологии сообщил ***Н.К. Рерих***, исследовавший минувшим летом, по поручению Общества,

древности погребального культа в пределах Боровичского, Валдайского и Крестецкого уездов Новгородской губернии. Докладчиком были встречены — впервые в России — курганы каменного века; вместе с кремнёвыми поделками, в них было найдено около 300 мелких вещиц из янтаря, служивших некогда бляшками и привесками на платье обитавшего здесь человека. Западные учёные уже давно предсказывали возможность подобных находок в России[5]. Основываясь на данных Мюллера, Нидерле, Капитана и в особенности Р. Клебса, господин Рерих относит население, оставившее эти курганы, к неолитической эпохе каменного века, протекавшего здесь приблизительно в I веке до Р. Х. Князь ***П.А. Путятин*** высказался за ещё бóльшую древность курганов, ***А.А. Спицын*** — за недостаточность оснований для точной датировки памятников. Профессор ***С.Ф. Платонов*** указал, что древности найдены на пути волока от Мсты к Мологе. Затем профессор ***И.Я. Гурлянд*** сделал весьма любопытный исторический очерк отношений России к западным странам в конце XVII века, развившихся значительно в царствование царя Алексея Михайловича. Темой доклада послужила деятельность Ивана Гебдона, англичанина, одного из заграничных агентов царя. В обмен на сырьё Россия в то время покупала весьма разнообразные предметы за границею, начиная от певчих птиц и талисманов и кончая оружием и порохом. В это время основано было впервые и "постоянное агентство" за границею.

XIV
ИИАК. Прибавление к № 6: Хроника и библиография. № 4
СПб.: тип. ГУУ, 1903

В этом выпуске имя Рериха появляется неоднократно. В первой же статье "Археологической хроники", составленной по материалам отечественной периодики за первую половину 1903, упоминаются находки Рериха в курганах Новгородской губернии, представленные на **ежегодной выставке ИАК**.

1. Высочайшее посещение выставки [9 марта 1903]
(ПВ. 10 марта 1903. Прибавление к № 55; НВ. 10 марта 1903. № 9703)[6]

9 марта ***Их Величества Государь Император*** и ***Государыня Императрица Александра Феодоровна***, Их Императорские Высочества Великие Князья Сергей Александрович с Августейшею Супругою Великою Княгинею Елисаветою Феодоровною, Димитрий Павлович и Александр Михайлович с Августейшею Су-пругою Великою Княгинею Ксениею Александровною посетили, в помещении Императорской Археологической Комиссии, выставку древностей, собранных при раскопках, произведённых разными лицами в 1902 году. При входе в помещение Комиссии Их Величества были встречены её председателем, сенатором графом ***А.А. Бобринским***, его товарищем академиком ***В.В. Латышевым***, старшим членом Комиссии ***Н.И. Веселовским*** и членами: ***А.А. Спицыным***,

Б.В. Фармаковским и ***П.П. Покрышкиным***. Их Величества и Их Высочества начали осмотр древностей с сибирского отдела, где были выставлены новые приобретения Минусинского музея, добытые при раскопках большого кургана на левом берегу Абакана (приток Енисея) и в других местностях. Затем Августейшие Посетители осмотрели различные предметы, найденные около деревни Тюхтят по реке Козьеру и в других местностях. Особого внимания Их Величеств удостоились предметы, добытые раскопками старшего члена Комиссии Н.И. Веселовского в Кубанской области. Большая коллекция Э.А. Весслера, составленная из предметов, найденных в Елисаветпольской губернии, в курганах большой древности, также привлекла внимание Августейших Посетителей. Прекрасная коллекция представлена Е.С. Токайшвили; она является результатом вскрытых им гробниц на известном Самтаврском могильнике в окрестностях Мцхета. Б.В. Фармаковским при раскопках в местности древней Ольвии были найдены следы разнообразных зданий, а также чёрнолаковая и краснолаковая посуда с фигурами и без них, терракоты, 3 головки мраморных статуй, сосуды в виде животных, оригинальные лампочки, камень с римскою надписью, фибулы, перстни и прочее. Среди коллекции находок К.К. Косцюшко-Валюжинича в древнем Херсонесе Его Величество обратил особое внимание на изображение Евангелиста Луки из кости и большой медный крест-складень с русскими надписями, а также на разнообразные образцы поливной посуды, на чертежи и планы Херсонеса и произведённых там раскопок. Его Величество изволил осмотреть стол с древними драгоценными находками, каковы: великолепная золотая бляха, украшенная тонким филигранным узором, и несколько других вещей восточного происхождения из Бухары. Техника филиграни совершенно тождественна с филигранью шапки Мономаха. Особый интерес представляют: три оригинальные золотые фибулы с камнями XIV и XV веков (из Минской губернии) и коллекции вещей, добытых генерал-лейтенантом Н.Е. Бранденбургом из кургана скифской эпохи, находящегося в Киевской губернии. Далее внимание Августейших Посетителей обратила [на себя] большая коллекция находок при раскопках в Керчи. Посетители осмотрели также коллекции: золотых вещей, найденных в низовьях Днепра, серебряных, золотых и медных вещей из могильника VII или VIII века близ Гурзуфа, большую коллекцию из раскопок В.Н. Глазова в известном Кошибеевском могильнике Тамбовской губернии, а также древности, добытые раскопками А.А. Спицына и его сотрудниками в курганах Тверской губернии, находки Н.К. Рериха в курганах Новгородской губернии, древности, найденные в Костромской губернии, и археологические находки в губерниях Киевской, Таврической, Пермской, Московской, Уфимской, Волынской и других.

После осмотра выставки Их Величествам были поднесены 6 томов последних изданий Комиссии, выпущенных в 1902 году. Их Величества и Их Высочества провели на выставке 45 минут.

Следующая заметка извлечена из раздела “Деятельность учёных обществ”.

2. [О заседании ОРСА ИРАО 12 марта 1903]

(БВ. 14 марта 1903. № 132)[7]

В заседании 12 марта обсуждался вопрос о предстоящих летом 1903 года раскопках на средства общества. Раскопки предположено направить на север Новгородской губернии и в окрестности Старой Ладоги, поручив производство их В.Н. Глазову и Н.К. Рериху. Подробные указания для предстоящих исследований выработаны профессором Н.И. Веселовским и А.А. Спицыным. Ассигновано на раскопки 200 рублей. Рефераты прочитаны были: ***А.А. Спицыным*** — "Кто заселял верховья Волги и Оки в VI и VIII веках" и ***И.А. Шляпкиным*** — "Из поездки в Равенну и Константинополь". А.А. Спицын в реферате своём указал на огромное значение археологии, особенно в тех случаях, когда история молчит. О VI–VIII веках на берегах верхнего течения Волги мы не знаем ничего из истории. Только открытые здесь когда-то таинственные местечки с вещами, имеющими, по-видимому, обрядовое значение, выяснили референту, что здесь в VI–VIII столетиях нашей эры жило восточное финское племя, любившее селиться в лесах и по берегам рек. Доклад вызвал возражения князя ***П.А. Путятина*** и профессора ***С.М. Середонина***. И.А. Шляпкин иллюстрировал свой доклад о древностях Равенны и Константинополя многочисленными фотографическими снимками.

15 января 1903 исполнилось **25 лет деятельности ИПАИ**. К этой дате были приурочены праздничные мероприятия в столице. Благодаря отдельной подборке в "Археологической хронике", посвящённой юбилею, можно представить, как торжественно и значительно отмечали учёные свой праздник.

Среди приветственных посланий, зачитанных в тот день, был адрес от ИОПХ, подписанный вице-председателем общества Ю.С. Нечаевым-Мальцевым[8], директором музея общества М.П. Боткиным[9] и секретарём Н.К. Рерихом. Этот адрес, среди других речей, поздравлений и приветствий, вошёл в специальный сборник, изданный к 30-летию института[10].

Нагрудный знак члена ИПАИ

3. [О торжественном собрании ИПАИ 15 января 1903]

(НВ. 16 и 17 января 1903. № 9651 и 9652)[11]

15 января после молебствия директор [ИПАИ] ***Н.В. Покровский*** прочёл очерк об основании и деятельности института за двадцатилетний период его жизни и метко охарактеризовал тот тернистый путь, который прошёл институт, чтобы достичь своего настоящего положения. Количество слушателей колебалось с года основания до 1895-го между 10 и 50 лицами, а теперь достигло полутора тысяч. Прежде оканчивали курс от 3 до 20 лиц, в прошлом

1.

2.

Озеро на Валдае (1); Б.К. Рерих (?) на кургане (2)
1902 (?). Из фотоальбома семьи Рерихов
МСССМ

же учебном году окончили 168 слушателей и вольнослушателей. Библиотека разрослась до 15 тысяч томов, музей насчитывает свои предметы тысячами. Число губернских учёных комиссий увеличилось до 19. Помимо практически полезного характера институт имеет образовательное национальное значение, развивая любовь к родной старине. Затем были прочитаны телеграммы от Августейших Покровителя института Его Императорского Высочества Князя Сергея Александровича и Президента Императорской Академии Наук Его Императорского Высочества Князя Константина Константиновича. Далее следовало чтение приветственных адресов.

В разделе "Археологической хроники", посвящённом собственно научной деятельности ИПАИ, вновь помещены или упомянуты в общем перечне следующие заметки, посвящённые отдельным эпизодам научной деятельности Рериха.

4. [О докладе Н.К. Рериха на общем собрании ИПАИ 2 марта 1903]

(ПВ. 4 марта 1903. № 50)[12]

На общем собрании 2 марта ***Н.К. Рерихом*** сделан доклад о раскопках в Новгородской губернии, в областях древних Деревской и Бежецкой пятин Великого Новгорода. Район раскопок представляет собою очень красивое озёрное место, наполненное отрогами Валдайской возвышенности, привлекавшее, несомненно, с древнейших времён первобытное население, которое естественно располагалось на жительство по бассейнам рек и озёр. Здесь, главным образом, и сосредоточены курганные насыпи, преимущественно на высоких пунктах, господствующих над окружающею местностью. Все исследованные насыпи докладчик разделил на 9 типов: курганы с погребениями костяка в сидячем и ле-

жачем положении, с признаками трупосожжения и без этих признаков. Наиболее важным является открытие курганов каменного века, в которых вместе с предметами несомненно этого периода найдены янтарные поделки в огромном количестве (267 предметов). Эта находка впервые сделана на севере России, что подтвердил и князь ***П.А. Путятин***, искавший аналогии этим находкам в музеях Вены, Парижа и Берлина. Только в Германии находятся подобные янтарные вещицы. Иностранные учёные давно уже ожидали в России этих находок[13].

Все материалы по нижеописанным раскопкам собраны в отдельном деле ИАК "О раскопках Санкт-Петербургского археологического института в Петергофском уезде" (№ 43/1903, л. 6–9); находки были оставлены в распоряжении ИПАИ.

5. [Об экскурсии ИПАИ 14 мая 1903]
(СПбВ. 15 мая 1903. № 130; ПВ. 20 мая 1903. № 111)[14]

14 мая состоялась, под руководством профессора ***Н.И. Веселовского*** и ***Н.К. Рериха***, археологическая экскурсия членов института, с целью производства раскопок курганов. Местностью для исследования намечены были окрестности **мызы Войсковицы** удельного ведомства, в 3 верстах от станции Балтийской железной дороги того же наименования[15]. Несмотря на неудачную погоду, на место раскопок выехало около 60 археологов[16]. Раскопкам предположено было подвергнуть курганную группу, раскинутую на довольно большом протяжении в мелком еловом леску. Группа эта, указанная институту составителем археологической карты Санкт-Петербургской губернии Н.К. Рерихом, заключала в себе около сотни невысоких погребальных курганов-насыпей, довольно разнообразных форм. Очевидно, исследуемая местность была излюбленным местом погребений местных обитателей в течение нескольких столетий. Это подтвердили затем и типы обнаруженных погребений, и найденные в могилах предметы. По прибытии к назначенному пункту экскурсанты встречены были археологами ***Л.Н. Целепи*** и ***В.Р. Апухтиным***, ещё накануне произведшими исследование нескольких насыпей. Для производства дальнейших раскопок экскурсанты разделены были на две самостоятельные группы: одна под руководством профессора Н.И. Веселовского, другая — инициатора экскурсии Н.К. Рериха. Раскопки были сильно затруднены размокшею глинистою почвою местности. Всего вскрыто было 10 курганов. Встречены были следующие типы погребений: полное сожжение, погребение трупа в сидячем положении, позднейшее, так называемое жальничное погребение, в лежачем положении. Костяки сохранились плохо. Женских погребений встретилось два.

Н.И. Веселовский

Предметы, как это обычно для северных курганов, найдены в очень незначительном количестве. Встречено несколько колец, бронзовых браслетов, ножи, копьё, смальтово-сердоликовые бусы, бронзовый крест на шейной цепочке из того же металла. Крест этот, по мнению некоторых исследователей, мог носиться как амулет и язычниками, не понимавшими христианского его значения. Встретился также бронзовый предмет неизвестного назначения. Судя по типам погребения и по форме найденных предметов, исследованная курганная группа принадлежит славянскому племени, обитавшему в этой местности с XI по XV столетие нашей эры.

6. Поездка археологов *(ПЛ. 15 мая 1903. № 131)*

Вчера, 14 Мая, состоялась поездка группы окончивших в нынешнем году Санкт-Петербургский археологический институт на станцию Войсковицы, Балтийской железной дороги, для разрытия находящихся на земле удельного ведомства курганов. Раскопки производились под руководством профессора ***Н.И. Веселовского*** и местного художника и знатока старины ***Н.К. Рериха***. В курганах, заранее уже любезно подготовленных для исследования археологами господами ***Целепи*** и ***Апухтиным***, было найдено несколько костяков, браслеты, кольца, бусы и ножи, так что результаты поездки оказались довольно удачными.

Один из курганов Ижорского плато. Раскопки Е.А. Рябинина в 1975
Таким же образом подготавливались курганы для учебных раскопок
ИПАИ на рубеже XIX–XX вв.

7. Раскопки членов археологического института *(ИВ. Июль 1903. С. 383)*

Вблизи станции Войсковицы Балтийской железной дороги произведены были под руководством профессора ***Н.И. Веселовского*** раскопки погребальных курганов. В раскопках приняло участие около 60 членов Санкт-Петербургского археологического института. Намеченная для раскопок курганная группа, до сих пор совершенно не тронутая прежними исследователями, указана была институту художником-археологом ***Н.К. Рерихом***, принимавшим также деятельное участие и в самом производстве раскопок. Вскрыто 10 курганов невысокого типа, расположены эти курганы в молодом еловом леску, в количестве около 100 насыпей. Судя по тем немногим предметам, которые обнаружены в курганах (2 кольца, 3 браслета, нож, копьё, бусы, цепочка, крест), насыпи эти принадлежали славянам и относятся к эпохе от XI до XV столетий. Это же доказывается и различными типами погребений, начиная от древнейшего (полное сожжение) и кончая новейшим жальничным погребением в лежачем положении. Костяки сохранились плохо.

В разделе "Библиографические заметки", составленном из переводов и компиляций графа **А.А. Бобринского**, дано несколько интересных указаний на издания, которыми, несомненно, пользовался и Н.К. Рерих. Об этом свидетельствуют, например, его выписки из французских журналов "L'Homme Préhistorique" ("Человек доисторический") и "L'Anthropologie" ("Антропология"), хранящиеся в МСССМ.

Как раз содержанию сдвоенного номера журнала "L'Anthropologie" (сентябрь-декабрь 1902, № 5–6) посвящена статья в "Библиографических заметках", сообщающая среди прочего об исследовании ***К. де Уйфальви*** "Ирано-индийская иконография и антропология". К. де Уйфальви подробно описал подземные храмы **в Аджанте**, причём древнейшие он отнёс ко времени царя Ашоки, т. е. к III веку до н. э. Он также сообщил, что таких храмов найдено 27 и во многих фрески: «Архаические типы. Своеобразный головной убор с рогом спереди. Стенная живопись больших размеров. Большие фигуры Будды»[17].

О большом интересе Рериха к искусству Аджанты известно[18]. Но в рериховедческой литературе знакомство с Аджантой, как правило, относится ко времени поездок Рериха по Индии 1920-х. Одной из первых оспорила это представление Е.П. Яковлева. По её мнению, уже в начале века художник не только интересовался, но и хорошо изучил и, как следствие, по-своему интерпретировал образы Аджанты. «Судя по эскизам к *"Девассари Абунту"* (1905), — пишет Е.П. Яковлева в своей монографии, — ещё не бывавший в Индии Рерих неплохо представлял себе живопись Аджанты»[19]. Знакомство с последней, считает Е.П. Яковлева, могло состояться благодаря вышедшей в 1905 монографии Т. Ваттерса[20]. Однако, как видим, могли быть и другие источники, вдохновившие Николая Константиновича. Редкое в то время исследование К. де Уйфальви, опубликованное к тому же в издании, регулярно читаемом художником, вряд ли прошло мимо его внимания, как и другие источники, упомянутые в следующей заметке.

8. "Скорпион". Pro domo sua *(Весы. М., 1906. № 8. С. 79)*[21]

Наши постоянные читатели, вероятно, помнят прекрасный рисунок Н. Рериха *"Девассари Абунту"*, впервые воспроизведённый в "Весах" в 1905 году (№ 8).

Позже тот же рисунок был приложен при роскошном издании чешского журнала "Moderni Revue" и воспроизведён в чешском художественном журнале "Volné Smery". В настоящее время один из наших доброжелателей указывает нам в письме на источник, которым воспользовался Н. Рерих при создании образа Девассари Абунту. Это древнеиндусский рисунок в одной из пещер Индии, с которым в Европе ознакомились по известной книге Гриффита и который обычно перепечатывается в различных популярных "историях искусств". При письме нам доставлен один из выпусков издания "A. Schutz und Andezen. Kunstgeschichte. Berlin, 1903", где он также воспроизведён. Поза женщины и все украшения её тела, действительно, совершенно *тождественны* в подлинном индусском рисунке и у Н. Рериха. Считая такое сообщение не лишённым интереса преимущественно как материал для характеристики творчества Н. Рериха, мы ни в коем случае не видим здесь какого-либо укора для него. Откуда же художник может взять *тип* древнеиндусской женщины, откуда же он почерпнёт дух того времени, как не из изучения подлинных памятников? Упрекать художника за то, что он близко следовал образцам той эпохи, которую он воспроизводил, всё равно что ставить в вину Вальтеру Скотту верность выведенных им лиц по историческим данным.

13 декабря 1906 в письме в редакцию газеты "Русь" Рерих писал: *«...Всему интеллигентному миру известны знаменитые фрески индусских храмов, деталь которых выражением безгневного покоя и дала мне фигуру и сказку о Девассари»*[22]. Пластическое сходство рериховского эскиза *"Девассари Абунту с птицами"* с фреской матери Будды Маха-Майей из пещеры № 2 Аджанты[23] свидетельствует не только о широких познаниях автора в древнем искусстве Индии, но, и это главное, о "духовной" составляющей его искусства.

XV

МАР. № 29. А.А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова

СПб.: тип. ГУУ, 1903

Издание является продолжением монографии, подготовленной в 1896 при участии Рериха. А.А. Спицын, предваряя его основную часть, писал: «Для удобства справок в настоящем издании даётся указатель и к описанию коллекции Л.К. Ивановского, ввиду того, что она составляет одно целое с коллекциею господина Глазова». Так сложился обобщающий свод находок, представляющий наиболее полное собрание типов древностей, относимых ко всей северной ("кривичской") группе перечисляемых Нестором русских племен от XI до XV века.

В работе Спицына — Глазова впервые опубликованы материалы, хорошо известные Рериху. Ещё в 1899–1900 они оказались в его распоряжении; одна из рукописей Глазова ("Материалы для составления археологической карты Гдовского уезда, собранные В.Н. Глазовым") по сей день хранится в его архиве[24]. Здесь мы приводим извлечения из монографии Спицына — Глазова и соответствующие им материалы из архива Рериха: фрагменты рукописи Глазова, с пометками Рериха — редактора и составителя "Археологической карты Санкт-Петербургской губернии"; а также выдержки из "Сведений о древностях по Гдовскому уезду Петербургской губернии, собранных Санкт-Петербург-

Карта Гдовского уезда. Составлена В.Н. Глазовым. Фрагмент
Опубликована: *Спицын А.А.*, 1903

ским Археологическим Институтом для составления археологической карты губернии"; из "Сведений об археологических древностях...", присланных Гдовским уездным исправником Кильчевским; и рукописи А.Э. Мальмгрена.

1. [Извлечения из монографии А.А. Спицына — В.Н. Глазова]

Местности произведённых В.Н. Глазовым раскопок отмечены на прилагаемой карте.

В 1898 году он произвёл раскопки близ деревень Хрель, Хотил, Большие Поля, Малые Поля, Гостицы, Гостиж Бор; в 1899 году при селе Заянье, при деревнях Засторонье, Гусева Гора, Савиновщина, Бакин Конец, Малая Руя и при мызе Верхоляны; в 1900 году при погосте Ольгин Крест, при сёлах Криуши, Крапивно, Павлов Крест и при деревнях Скарятина Гора, Патреева Гора, Куклина Гора, Борки, Кушела, Калихновщина; в 1901 году при деревне Малая

Каменка, сёлах Павлов Погост и Крапивна[25]. Вся собранная раскопками коллекция исследователем принесена в дар Императорскому Русскому Археологическому Обществу.

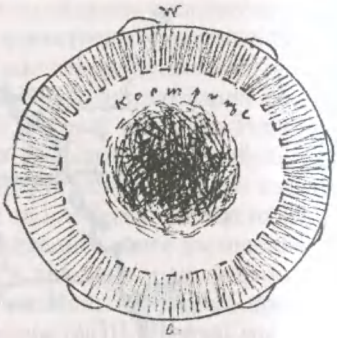
Отчёт о раскопках[26]

Погост Ольгин Крест (1900–1901). В 1901 году вскрыто было 5 курганов; из них третий (см. рис.), обложенный по подошве несплошным кольцом камней, может быть отнесен к XIII–XIV вв.

Погост назван Ольгиным по имени Ольгина креста, вделанного в стену церкви и водружённого на берегу Наровы, по преданию, святой Ольгою[27]. Крест этот имеет в вышину до 1 арш. и совершенно похож на обычные кресты, в обилии встречаемые на местных жальниках.

Деревня Малая Руя (1899). Жальник расположен на правом берегу реки Руйки близ самой деревни, на плоском холме, и состоит из грунтовых каменных могил, большею частью четырёхугольной формы, расположенных рядами, и нескольких невысоких курганов (см. рис.)[28]. Могилы ограждены большими гранитными плитами, поставленными на ребро, и у многих находятся большие и малые каменные кресты с обычными буквами. На обратных сторонах трёх крестов были славянские надписи с именами погребённых (Петра, Стефана и Григория). На небольшой площади жальника расположено не менее сотни погребений. Два кургана и несколько грунтовых могил раскопаны были в 1880-х годах местным священником. Грунт — плотный суглинок. Как в курганных насыпях, так и в могилах местами попадаются мелкий уголь и зола, а также черепки от горшков светлой глины.

Деревня Гусева Гора (1899). Группа из 12 курганов, расположенная в полуверсте от деревни, на ровной отлогости, близ берега речки Руйки[29].



В.Н. Глазов. Курган в д. Гусева Гора. 1899

В.Н. Глазов. Курган погоста Ольгин Крест. 1901

В.Н. Глазов. Курган в с. Крапивна 1901

Село Крапивна (1901). Большая группа курганов (до 100 насыпей), расположенная на правом, высоком берегу реки Плюссы, в полуверсте от села, и тут же до 100 жальничных погребений круглой, овальной и четырёхугольной формы. Насыпи из светлого тонкого песку; костяки сравнительно хорошей сохранности. По всей курганной площадке шёл заметный угольно-пепельный слой до 1 дюйма толщины. XII–XIII вв.

2. А. Нечаев — Н.К. Рериху. *Село Заянье Гдовского уезда. 14 марта 1900*[30]

Министерство Народного Просвещения.
Санкт-Петербургский учебный округ.
Заянское первоклассное сельское училище
Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда.

Его Высокородию преподавателю Санкт-Петербургского Археологического Института Господину Рериху.

Имею честь приложить при сём некоторые сведения касательно составляемой под Вашею редакцией Археологической карты С.-Петербургской губернии, причём прошу имя моё привести в источниках, способствовавших изданию.

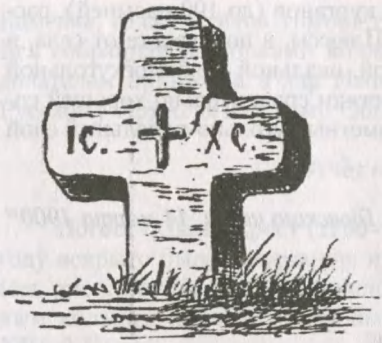
Сведения

Гдовский уезд, Юдинской волости, село Заянье[31]**.** В 1 версте от села Заянья, по направлению к Северо-Востоку, близ озерка, называемого Хоромном, на невысоком холме, на котором построена часовня в честь Покрова Богородицы, находится овальная могила, длиною около 1 саж., а шириною около $^{3}/_{4}$ саж. Креста на могиле нет. Могила вся выложена как бы сводом камня. Могила эта была исследована летом 1899 года, и в ней был найден скелет человека (кости), на руке которого найден металлический браслет; там же найдено ожерелье. Могилу относят к нашествию Литвы. В 1 версте от этой могилы, по направлению к Востоку, находится несколько курганов от 1 саж. до 3-х вышины, а в диаметре от $1^{1}/_{2}$ до 3 саж. Один из курганов ($2^{1}/_{2}$ саж. вышины и $3^{1}/_{2}$ саж. в диаметре) был исследован летом же 1899 года земским начальником Глазовым. В нём, кроме углей, свидетельствующих, что здесь было сожжение, не найдено ничего; курган выложен каменным сводом.

Заведующий Заянским училищем учитель А. Нечаев.

3. В.И. Яновский[32] **— в ИПАИ**
Село Ольгин Крест Гдовского уезда. 8 октября 1901[33]

В церкви находится вытесанный из дикого камня крест, который, по преданию, был водружён на сём месте Св. Княгиней Ольгою в бытность её на рыбной ловле и звериной охоте, почему и село называется **Ольгин Крест**, а местность около села Зверинец, а местность по другую сторону реки Наровы носит



Ольгин крест на р. Нарове. Воспроизведено: *А.А.Спицын*, 1903а

название Князь-село, будто здесь временно находились князья, сопровождая Св. Ольгу.

4. Кильчевский. Сведения об археологических древностях по городу Гдову и Гдовскому уезду. *Гдов. [1899–1901]*[34]

В полуверсте от **деревни Хрель, Константиновской волости**, на горе находится курган, покрытый камнями; высота кургана около аршина и $1^1/_2$ саж. в диаметре, имеет овальную форму. При раскопках, произведённых членом археологического общества господином Глазовым около пяти лет тому назад, найдены в нём черепа, человеческие кости и пр. Курган называется "Доломанова могила"[35]. Предание гласит, что Доломан был разбойник, живший в XVII столетии, — волшебник, которого нельзя было убить пулею, и он был убит серебряною пуговицею.

В двух верстах от **деревни Зажупанья, Старопольской волости**, малая деревянная церковь, в которой хранится каменный крест[36]. Предание говорит, что этот крест был брошен в воду литовским начальником, но, получив болезнь, он велел его вынуть обратно.

5. Материалы для составления археологической карты Гдовского уезда, собранные В.Н. Глазовым 1899–1900. *17 апреля 1900*[37]

Добручинская волость. Деревня Горки. Небольшой жальник с Санкт-Петербургской стороны селения у самой дороги, напоминающий скамью. Общее плоское возвышение жальника, поросшее кустами и большими елями, уцелевшими благодаря преданию, что срубивший их непременно сгорит (т. е. будет пожар). Есть небольшая деревянная часовня среди самого жальника[38].

Крест новгородского типа. Фото около 1910 Из архива семьи Римских-Корсаковых в ОР РИИИ. Передано Н.К. Рерихом семье Римских-Корсаковых для определения стиля будущего памятника на могиле Н.А. Римского-Корсакова

Выскатская волость. Деревня Малая Руя. При деревне с северо-восточной стороны на левом берегу реки Руи, по склону горы расположен небольшой жальник, состоящий из 3–4 низких курганов и грунтовых могил. На могилах есть много больших и малых крестов Новгородского типа. На некоторых на обратной стороне есть имена: *Петра*, Стефана, *Григория*, *Тимофея*[39], высеченные славянским шрифтом.

Близ **деревни Пустыньки**, по народному преданию, есть местность, называемая Попова пустошь, где будто бы была церковь, провалившаяся под землю, и ещё недавно виден был из-под земли крест её.

Тупицинская волость. Село Прибуж. По преданиям, близ церкви была найдена каменная плита с изображением трёх шлемов и руки с мечом.

Узьминская волость. Село Быстреево. Жальник близ церкви; есть и курганы; один длинный, называемый Богатырь.

Ремедская волость. Деревня Гребенево. Лет 8–10 тому назад один местный крестьянин перерыл весь жальник, отыскивая клады; находил кости, витые медные браслеты, бубенчики и в одном из курганов большой горшок с толстыми стенками, наполненный рыбьей чешуёй.

Село Кобылье-Городище. На берегу Чудского озера, по обрывистому склону песчаного мыса, размываемого волнами и сильными северными ветрами, расположено древнее городище, большая часть коего уже находится в озере. По преданию, здесь в XII–XIV веках был псковский город Кобылинск. В ясную погоду на дне озера, на глубине до 1 саж., будто бы виден фундамент церкви. На откосе берега, при осыпях, находят изразцы, кирпичи, обугленные брёвна и однажды был найден золотой крестик. Церковь старинной псковской архитектуры — одноглавая, византийского стиля, построенная из известковой плиты, кажется, князем Ольгердом (?).

Серёдкинская волость. Деревня Дуб. [(Гористое?)][40].

Бельская волость. Деревня Царское Сиденье. По преданию, здесь жил какой-то царь. Близ деревни находят остатки каменных фундаментов, брёвна и кирпичи. [Остановка Иоанна Грозного при Псковском походе? Следы однодневки церкви? — ***Николай Рерих***][41].

Примечания. Большая часть жальников обросла или кустами, или деревцами, часто целыми рощами из старых больших деревьев, спасшихся от топора крестьян лишь благодаря частым суеверным преданиям, вроде того, что кто срубит здесь дерево, тот сгорит, ослепнет, умрёт и т. п.

Почти на всех жальниках Гдовского уезда есть каменные кресты подобного типа (от 1–2 до десятка и более), с расширяющимися концами и обычными надписями «IC — XC — НИ — КА», т. е. «Иисус Христос — Царь Славы». Посредине крестов часто выбит ещё осьмиконечный крест, по сторонам коего и помещаются помянутые буквы. Даты, означающей год сооружения крестов, не наблюдалось. Такие же кресты иногда наблюдались и на вершинах некоторых курганов.

Среди населения уезда есть довольно много старинных преданий и сказаний о разных кладах и богатырских могилах, но сведения эти крайне фантастичны,

неясны и противоречивы одно другому, очевидно, забываемые позднейшими поколениями. Наиболее распространено (в некоторых волостях уезда) предание о какой-то золотой карете, зарытой не то в кургане, не то на дне озера, и о нашествии литвы и шведа. Жальники в народе зовутся обыкновенно *могилами*, а курганы *сопками, гремьями* и просто *холмами*.

6. По объяснительному тексту А.Э. Мальмгрена к археологической карте Гдовского уезда. *1902*[42]

По преданию, свято хранимому жителями Гдовского уезда, уезд этот, в просторечии доныне чаще называемый *вдовским,* принадлежал к уделу вдовствовавшей ***княгини святой Ольги*** и был посещён ею; причём она, после отдохновения на камне, на берегу Наровы, водрузила крест с молитвою, чтобы и здесь славилось имя распятого на нём Богочеловека. Предание это подтверждается тем, что в 45 верстах от Нарвы, на реке Нарове существует погост, издавна известный под именем Ольгина Креста[43].

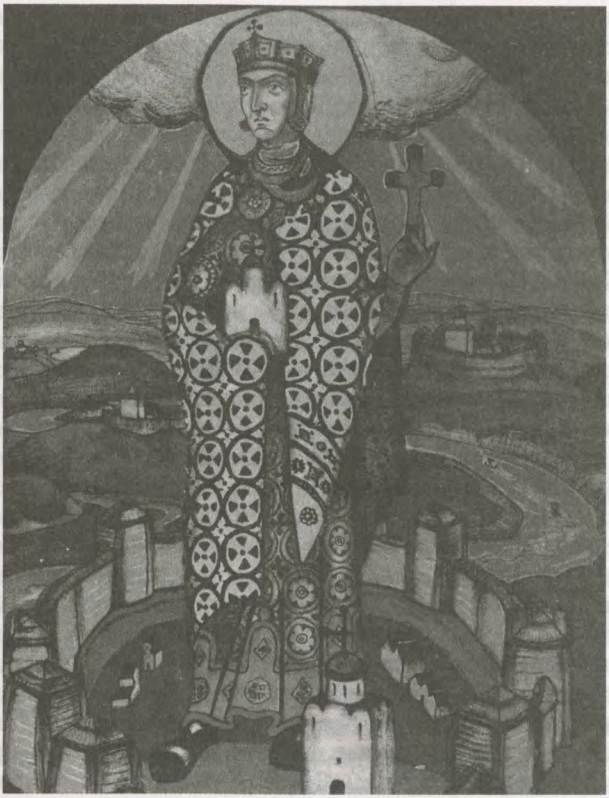
Бассейн реки Наровы. Погост Ольгин Крест, или Наровская церковь. "Историко-статистические сведения" (1885) рассказывают[44], что близ Ольгина Креста на высоком холме возвышается каменный крест, а самый холм называется Ильиной горой (могила Ильи-богатыря), в память Ильи, посадника псковского, в 1341 году ходившего в лодках на немцев и опустошившего их волости около Чудского озера и по Нарове.

В другом месте те же "Историко-статистические сведения"[45] говорят об Ольгином Кресте следующее: «О названии "Ольгин Крест" рассказывают, что Ольга ездила сюда из Пскова, чрез Чудское озеро, раскидывала здесь шатры и занималась звериной охотой. И доныне место, в 300 саж. к северу от церкви, называется Зверинцем. Предание говорит, что Ольга, будучи уже христианкой, водрузила здесь святый крест в память спасения от гибели, угрожавшей ей в Нарвских порогах.

Здешний храм каменный, из плиты, холодный, построен, по преданию, иждивением какого-то псковского купца. На одном старинном колоколе написано, что его вылил 1712 года января 14 дня «псковитянин посадский человек Фома Котельник». Значит, колокола пожертвованы сюда жителями Пскова около времени построения церкви... Храм посвящён Николаю Чудотворцу».

В приходе имеются кладбища: одно старое при церкви, другое — в полуверсте от церкви, открытое в 1852 году. При церкви — деревянная часовня во имя святой Ольги с каменным памятником в виде седалища. Тут будто бы и отдыхала равноапостольная княгиня.

Ефим Андреев пишет[46]: «...Достоверно, что в XV столетии, на берегу Наровы, была церковь, построенная, как думают, псковским посадником Максимом Илларионовичем, который известен был своим благочестием и скончался в монашестве около 1465 года. В 1485 году уже упоминается о "наровском попе", который видел у смерда кабальную грамоту и, донесши о том псковским боя-



Н.К. Рерих. Святая Ольга. Эскиз росписи. 1915
Собрание Е.М. Величко, Москва

рам, был причиною больших смятений во Пскове (грамота была украдена смердами из вечевого ларя). Есть древнейшее свидетельство о том, что в 1585 году церковь на Нарове существовала и, вероятно, построена во времена Грозного. Царь Феодор Иоаннович, в наказе своём боярину князю Феодору Шестунову, велел, для перемирия со шведами «съезду быть на Нарове, у Николы, у Ольгина Креста, или на старом месте, Плюссе». Во времена самозванцев литовские люди ограбили здешнюю церковь. Память святой благоверной княгини Ольги здесь свято чтится. Окрестные жители собираются к божественной службе и к молебнам в часовне, где хранится, из древности, камень, на котором, по преданию, имела отдохновенье (сидела) святая Ольга, во время обозрения сей страны, тогда дикой и пустынной. В память этого события усердные псковичи впоследствии поставили крест, по подобию стоявшего, в их Троицком соборе. В

нише каменного, из плиты, монумента поставлен образ святой княгини Ольги, над ним — столб и глава с крестом».

Бассейн реки Желчи. Село Быстреево. "Историко-статистические сведения" рассказывают[47], что, кроме кладбища у церкви, есть кладбище в $^3/_4$ версты, в Лугском уезде, за деревнею Берёзовые Горки. Из гор замечательна одна, называемая Городок. По преданию, здесь жил когда-то русский царь, во время войны "с шведом да ляхом". Крестьяне деревни Реки иногда находили здесь в глиняных сосудах серебряные монеты. В полуверсте от церкви на месте, называемом Богатырь, были когда-то убиты и похоронены два богатыря.

Село Кобылье-Городище. По запискам Ефима Андреева[48], в 1461 году псковский князь Александр Васильевич Черторыйский, у Желатского острова, на Узолице, построил деревянную церковь Архистратига Михаила, но лифляндцы в том же году сожгли её и с нею — 9 человек псковичей; иконы и утварь увезли в Оденпе (на запад от Пскова). По замирении, в 1462 году, иконы и утварь немцы возвратили, и псковичи, в том же году, на "обидном" месте, построили город Кобылинск и в нём — церковь Архистратига Михаила. Строившие крепость 60 человек псковичей получили за труды 90 рублей, сумму, по-тогдашнему, весьма значительную. В 1463 году Кобылинск выдержал осаду от немцев, которые начали разбивать стены его пушками и выжгли псковские "исады" или пристани. Псковичи отразили немцев, которые, удалившись от Кобылинска, напали на Гдов и на берега Наровы. В 1479 году немецкий орденмейстер Бернгард фон де Борх, 4 марта, вечером, напал с войском врасплох на крепость Кобылинскую, осадил её и утром начал разбивать её пушками, потом пустил по лестницам ратников в город. Посадник Макарий храбро оборонялся, но рыцари обложили город сгораемыми веществами и предали его пламени. Осаждённые погибали, задыхаясь в дыму и пламени. Многие, спасаясь от огня, бросались чрез стены города, но не получали пощады. Немцы били их камнями, кололи и рубили. Таким образом, погибли 3985 псковичей; остальные с посадником взяты в плен.

В 1581 году Кобылинск заняли поляки, и до 1781 года он считался уездным городом, но с тех пор он составляет посад с каменною церковью Архистратига Михаила. У западной части храма около 1850 года построен придел святого Иоанна Предтечи.

Напротив погоста, в 10 верстах, находится остров Желачек, бывший предметом частых ссор между лифляндцами и псковичами. С половины XV века он заселён русскими. Жители его, прихожане Кобыльской церкви, упорные раскольники-беспоповцы. Вообще жители прихода почти не имеют земли, но живут привольно по берегу озера и по островам, занимаются рыбными промыслами и достают много дичи. В приходе протекает речка Чёрная, по древнему названию Лудва, на которой в 1362 году разбойничали лифляндцы.

Бассейн реки Плюссы. Село Заянье. По сообщениям "Историко-статистических сведений" и записок Ефима Андреева[49], погост Заянье, Юдинской волости, находится в 190 верстах от Петербурга и в 55 от Гдова, на берегу реки Яни, подле старой мызы господ Максимовых. (Заянская церковь сперва была

приписною к Лядской церкви или "Выставкою" села Лядов; Николаевская церковь в Лядах была как бы собственною церковью нынешних заянских прихожан. Когда образовался здесь самостоятельный приход, тогда образовалось слово "Заянье", так как крестьяне "ушли за Яню"). Старая деревянная церковь во имя святителя Николая с приделом преподобного Сергия Радонежского, который был пристроен после и освящён 25 сентября 1699 года, как видно из следующей надписи на деревянном осьмиконечном кресте, хранящемся в церкви: «Освятися алтарь Господа нашего Иисуса Христа, во храме иже во святых Отца нашего Николая Чудотворца Мирликийского, при Государе Царе Петре Алексеевиче, по благословению Кир Адриана архиепископа Московскаго, всея России и всех северных стран патриарха, при Иове митрополите Новаграда и Великих Лук, в лето от сотворения мира 7207, а от Рождества Христова в 1699 году индикта 7-го месяца сентября в 25 день на память Евфросинии и преподобнаго Сергия». По свидетельству Синодика, придел устроен Сергием Ивановичем Милославским, стольником, вице-адмиралом.

Новая каменная церковь, во имя св. Николая, с приделами Стефана Нового и преподобного Сергия, освящена в 1865 году; приделы её освящены в 1870–1876 годах. Главный храм — холодный, приделы — тёплые.

В версте от Заянья есть древнее кладбище; видны основания церкви, разорённой шведами в начале XVII века, или, как говорит народ, Литвою. По преданию, она была во имя Покрова, из нее сохранился образ Покрова, находящийся в нынешнем храме. Теперь на холме построена часовня в честь Покрова Богородицы, рядом с нею есть овальная могила, выложенная как бы сводом камня. Могила эта была исследована летом 1899 году, и в ней были найдены металлический браслет и ожерелье. Могилу относят также к нашествию Литвы.

Село Прибуж. По сообщениям "Историко-статистических сведений" и записок Ефима Андреева[50], погост Прибужа или Прибуж существовал из древности, находится в 25 верстах от Гдова, в 220 верстах от Петербурга, в одной версте от Плюссы, при озере Прибужи, на большой дороге из Луги в Гдов, в местности гористой и живописной. Об этом погосте в писцовых книгах 1628 года читаем: «Погост Прибуж на реке на Плюссе, а на том погосте церковь Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа деревянная клецки (т. е. построена в виде клети, избы, бревенчатого сруба), а в церкви образа, и свечи, и книги, и колокола, и всякое церковное строение мирское приходских людей... да на погосте было место дворовое Гостиное, и то место отдано до государева указу попу с соборяны под огород». Близ церкви при разрытии фундамента старой бани был найден обломок каменной плиты с изображением трёх шлемов и над ними распростёртой руки с мечом.

Во времена литовские шайка грабителей напала на Прибуж 6 августа, когда там было при церкви собрание народа по случаю праздника, и, подумав, что это — ратники, чтобы узнать, скрылись в лесу за холмом, и, дождавшись ночи, вечером захватили женщину, идущую за водой, и, выведав у неё о собрании, напали и разорили церковь и село, предав казням жителей. Таково предание

народное. Место древней церкви показывают в недальнем расстоянии от нынешней, посвящённой Преображению Господню.

Близ Прибужа, в одной версте, была в XVIII столетии ещё другая, домовая, церковь Святой Троицы, с приделом преподобного Стефана Савваита, построенная помещиком Хвостовым. Она, по перенесении мызы в Чернево, тоже близ Прибужа, уничтожена. Иконы её, хорошей живописи, находятся в Прибужской церкви.

Из пустошей замечательны следующие: на пустоши Бакло была, по преданию, когда-то церковь; подле пустоши Задние Дубровы также указывают церковь и при ней кладбище; близ пустоши Одворки есть каменный, особенно уважаемый прихожанами крест.

Народ здешний занимается земледелием, и многие — звериной охотой. О своих похождениях они составляют рассказы, где говорится о лесовиках, домовых, денниках (бес полуденный), оборотнях и т. п. В праздник Обновления Царяграда многие не работают, из опасения града или других несчастий; в день Флора и Лавра кормят лошадей пирогами, которые начинены хлебными колосьями. В Ильинскую пятницу также не работают на лошадях.

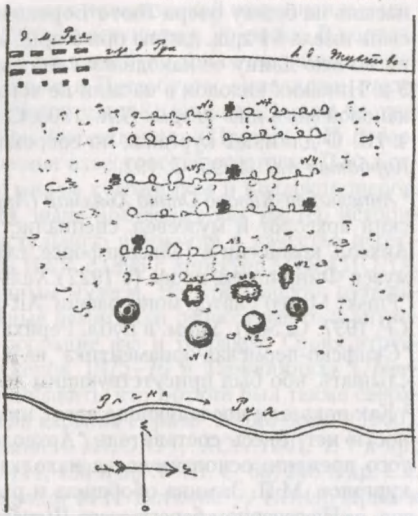
Село Крапивна. По данным В.Н. Глазова 1898–1900 годов[51] и сообщениям "Историко-статистических сведений"[52], в то время когда псковичи отстаивали Гдовский край от немцев, новгородцы, обезопасив от их нападений свои гдовские владения устройством двух городов с крепостями: одного на реке Плюссе, развалины которого видны доныне близ погоста Крапивна, и другого, известного под именем Нового, построенного в 1429 году на берегу Наровы вместо древнего Тесова, отражали нападения на Гдовский край шведов.

Ныне у села Крапивна, Мошковской волости, при впадении речки Крапивенки в реку Плюссу, с правой стороны, имеется небольшой жальник с каменными крестами и грунтовыми могилами.

Село состоит из семи ветхих домов; из них один церковный. У домов разведены сады фруктовые и ягодные, что придаёт посёлку оживлённый вид, особенно в пору цветов и зелени. В селе две церкви (старая, во имя св. Николая, существовала с 1687 года, в 1856 году возобновлена, после пожара), и у каждой особое кладбище. Подле села — деревня Крапивна, из 25 дворов. Село и деревня расположены на правом скалистом берегу реки Плюссы, который высится над уровнем воды на 15 саж. Всей местности придают красоту возвышенность села, храм, река и лес с окружающими полями.

Бассейн реки Руйки. Деревня Малая Руя. По данным Ю.А. Трусмана и сообщениям "Историко-статистических сведений"[53], в деревне Малой Руе на реке Руе имеется часовня Святого Георгия. Находящиеся в ней иконы были увезены врагами из церкви Ольгина Креста и потом отбиты у врагов. Из икон особенно уважается икона Нерукотворенного Спаса, пред которою бывает 16 августа молебен, предшествуемый крестным ходом. Замечательна также икона Архангела Михаила, со стоящими на горе Флором и Лавром; под горой пасутся лошади и пьют воду из озера. По лугу скачут три всадника.

На другом берегу реки Руи есть бесспорно самое замечательное во всей округе кладбище времён набегов литовских или шведских, обложенное каменной оградой, каждая сторона которой тянется шагов на 45. Кладбище сохранилось почти в своём первоначальном виде. По уверению местных жителей, в ночь на Иванов день на нём сами собою являются ямы и опять исчезают. Особенная замечательность этого кладбища в том, что на нём есть два креста с надписями. Один такой крест, вполне правильной формы, находится посреди кладбища. На нём довольно округлёнными буквами написано: «Царь Сил Иисус Христос». На кресте, который находится в восточном углу кладбища (к речке), эти же слова высечены более угловатыми буквами. Посреди этого креста высечено изображение осьмиконечного креста. На нижней части креста находится изображение Адамовой головы.



Съёмка В.Н. Глазова. Курганно-жальничный могильник у д. Малая Руя [Не сохранился]. 1899

XVI

Указатели к ОИАК за 1882–98 годы. *СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1903. С. 19*

Н.К. Рерих отмечен в именном указателе: приведены сведения о его исследованиях в 1898.

В предисловии В.В. Латышев отметил распространённость трудов Археологической комиссии на Западе, чему, по его словам, очень способствует издание её «Отчётов» на французском языке. Объединённые и приведённые в систему, они были изданы французским археологом Соломоном Рейнаком[54]. Таким образом, уже в начале XX века сведения о российских раскопках (в том числе и Рериха) получили мировую известность.

ПРИМЕЧАНИЯ К № XIII–XVI

[1] Протокол заседания: РА ИИМК, ф. 3, № 411, л. 26 с об. Об участии Рериха в заседаниях ИРАО см. также: *Мельников В.Л.*, 1996, 1997а.

[2] Публ. в сокращении. Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события с др. публ.: *Новости*. 13 ноября 1902. № 303; *ПВ*. 13 ноября 1902. № 248; *РИ*. 16 ноября 1902, № 249; *ЖР*. 1 декабря 1902. № 100; *ИВ*. Январь 1903. С. 393.

[3] Рериху также довелось исследовать т. н. длинные кург. В 1902 он вскрыл длинную

насыпь на берегу **озера Люто** Боровичского у. «Расположенная вдоль берега озера насыпь имела 61 арш. длины при 5 арш. ширины и $1^1/_2$ арш. вышины. В основании насыпи во всю длину её находился слой золы и угля, очень неравномерный — от $^1/_2$ в. до 3 в. Никаких находок в насыпи не встречено. В окрестности насыпь называлась Великановой могилой» (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 19, 39). См. об этом кург. наст. разд., № XXI (2), ч. III. О длинных курганах по современным данным см.: *Седов В.В.*, 1974, 1982, 1995; *Курбатов А.В.*, 1995. С. 192.

[4] *Аппельгрен-Кивало Отто Хъялмар (Appelgren-Kivalo Otto Hjalmar)* (1853—1937) — финский археолог и музеевед, специалист по финно-угорским древностям, председатель Археол. комиссии в Гельсингфорсе, глава Доисторического отделения Национального музея Финляндии, проф. (с 1922) Хельсинкского университета, ред. "Suomen Museo" и "Finskt Museo", автор монографии "Alt-Altaische Kunstdenkmäler" (Helsinki, 1931). (См.: *СР*, 1997. С. 504). Упом. в публ. Рериха (например: *Рерих Н.К.*, 1903. С. 22). Его доклад "Скифско-пермская орнаментика" на XV Археол. съезде в Новгороде (1911) Рерих мог слышать, ибо был присутствующим делегатом на съезде.

[5] Как показали последующие иссл., никаких "курганов каменного века" в действительности нет. Здесь составитель "Археологической хроники" повторил ошибку учёных того времени, основанную на находках каменных орудий в насыпях более поздних курганов. М.П. Зимина обобщила и развила результаты Рериха:

«На северном берегу озера Шерéгодро им раскопана группа курганов (*Рерих Н.К.*, 1903. С. 22–23). В южной части самого высокого из них был обнаружен слой охры подковообразной формы, содержащий большое количество янтарных украшений (подвесок, пуговиц, колец). Тем самым Н.К. Рерих открыл древнейший в этом регионе могильник, получивший впоследствии большую известность. С неолитическим погребением он связывал курган и кострище, заполненное золой, кремнёвыми отщепами и орудиями, фрагментами ямочно-гребенчатой керамики с примесью дресвы. Керамике и кремнёвому инвентарю Н.К. Рерих находил аналогии в материалах Бологовской стоянки. Янтарные украшения он, ссылаясь на Р. Клебса, датировал началом I тысячелетия до н. э.

В результате раскопок, произведённых автором [т. е. М.П. Зиминой. — *В. М.*] на могильнике, выяснилось, что курган, раскопанный Н.К. Рерихом, равно как и несколько других, расположен на территории неолитической стоянки, в свою очередь перекрывающей более древний могильник. Кострище, керамика и кремнёвые отщепы, найденные при расчистке погребения, принадлежат культурному слою этой стоянки. Материалы, полученные автором [т. е. М.П. Зиминой. — *В. М.*] при раскопках, позволяют отнести это поселение ко времени не позднее второй половины III тысячелетия до н. э.» (*Зимина М.П.*, 1981. С. 4). См. в наст. разд., № XIV и XXIII.

[6] Публ. в сокращении. Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события по др. публ.: *Знамя*. 10 марта 1903. № 65; *СПбВ*. 10 марта 1903. № 67; *РВ*. 12 марта 1903. № 70; *ОГ*. 21 марта 1903. № 1718.

[7] Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события по публ.: *Знамя*. 15 марта 1903. № 70. См. также: *СПбВ*. 14 марта 1903. № 71. Рерих на этом заседании не присутствовал.

[8] *Нечаев-Мальцев Юрий Степанович* (1834—1913) — крупный промышленник, худ. деятель, собиратель произведений искусства. В его собрании была картина Рериха *"Святой Георгий Победоносец"* (1908). О нём Рерих оставил несколько упом.: Деятельность ИПОХ. // *ХСР*. 1901. Т. I и др.; *Рерих Н.К.*, ЛД, 1995–96. Т. I. С. 53. Т. II. С. 252. Т. III. С. 270. См. также: *Барышников М.Н.*, 1998. С. 101, 238, 315.

[9] «*Боткин Михаил Петрович* (1839—1914) — академик исторической живописи и выдающийся коллекционер, худ. собрания к-рого в 1920 г. поступили в Эрмитаж. В коллекции М.П. Боткина, собиравшейся путём закупок во время его многочисленных путешествий по Германии, Франции и Италии, а также в Петербурге, выделялись такие произведения, как византийские эмали на золоте, французские и немецкие эмали, бронзы романской эпохи и итальянские майолики эпохи Возрождения» (Примеч. *Г.И. Вздорнова* в кн.: *Анисимов А.И.*, 1983. С. 451). «...Из семьи известного чаеторговца П.К. Боткина, многие представители которой связаны с миром художников и коллекционеров. Окончил Императорскую Академию художеств, ныне полузабыт как мастер исторического жанра живописи, но заслуживает пристального внимания в качестве первоклассного собирателя. Боткин был членом Совета ИАХ, с 1896 г. директор Музея ИОПХ. Его дом на Васильевском острове стал подлинным музеем. Из итальянских путешествий 1858–63 Боткин привёз в Петербург ценные памятники ренессансного и античного искусства. Особенно выдающимся было собрание ваз и терракот. Серия этрусских терракотовых масок происходила из раскопок 1875–76 в Тарквиниях» (*Неверов О.Я.*, 1993. С. 57). К этим справкам следует добавить, что Боткин был также сверхштатным членом ИАК. В собрании Боткина была картина Рериха *"Перед боем"* (1900). О нём Рерих оставил несколько упом.: Деятельность ИПОХ. // *ХСР*. 1901. Т. I и др.; *Рерих Н.К.*, ЛД, 1995–96. Т. I. С. 55–55. Т. II. С. 111, 158 и др. Т. III. С. 68, 248 и др. См. также: *Собрание М.П. Боткина*. СПб., 1911; Некролог М.П. Боткина. // *ИИАК*. Приб. к № 46. (*ХБ*. № 26). СПб., 1914. С. 160–161; *Барышников М.Н.*, 1998. С. 70–72, 183, 283, 286. (На с. 71 последнего изд. воспроизведён прекрасный фотопортрет "М.П. Боткин в своей мастерской").

[10] См. публ. адреса: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 152.

[11] Публ. в сокращении. Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события по источникам: *БВ*. 14–17 января 1903. № 24, 25, 27 и 29; *ВГ*. 15–17 января 1903. № 5–7; *ВСПбГ*. 16 января 1903. № 12; *Нива*. 25 января 1903. № 4; *Новости*. 16 января 1903. № 16; *Родина*. 2 февраля 1903. № 5; *ОЛ*. 15 января 1903. № 13; *ЮК*. 19 января 1903. № 7618.

[12] Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события с публ.: *ПГ*. 3 марта 1903. № 60.

[13] Несколько дополняют эту публ. две заметки: «**В археологическом институте.** Н.К. Рерих сделал сообщение "О древностях Бежецкой пятины" [— древностях], представляющих весьма ценные памятники каменного века и вмещающих непосредственную аналогию с соответствующими находками Северного Китая. По наружному виду — это изделие из камня с различными оттисками и заметками. Назначенный на то же заседание доклад М.А. Холодняка по болезни докладчика отложен»; «2 марта под председательством профессора Н.В. Покровского состоялось общее собрание членов и слушателей Санкт-Петербургского археологического института. Художник-археолог Н.К. Рерих прочёл реферат о произведённых им раскопках в пределах Деревской и Бежецкой пятин Великого Новгорода. Предметом исследований послужили 92 селения, причём раскопке подвергся 51 курган. [...] Наиболее важной и интересной представляется находка 267 янтарных подвесок в кургане, относящемся к каменному веку, протекавшему здесь приблизительно в I столетии нашей эры. Открытие это сделано впервые на севере России. Князь П.А. Путятин, маститый русский археолог, известный в Европе своими коллекциями предметов каменного века, высказал своё восхищение пред этим новым открытием и сообщил, между прочим, что он искал аналогии находкам Н.К. Рериха в музеях Вены, Парижа и Берлина и только в столице Германии нашёл подобные

янтарные поделки. У нас же в России, на севере, они совершенно не встречались» (*СПбВ.* 3 и 4 марта 1903. № 60 и 61).

[14] Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события с публ.: *ПЛ.* 15 мая 1903. № 131; *НВ.* 16 мая 1903. № 9768; *Знамя.* 23 мая 1903. № 137; *ИВ.* Июль 1903. С. 383. Ниже приводятся заметки из *ПЛ* и *ИВ.*

[15] В современной "Археологической карте Ленинградской области" этот пункт описан так: «**Войсковицы, учхоз**. Кург.-жальничный могильник в 0,5 км к юго-западу от учхоза Войсковицы, в 0,2 км к западу от шоссе Войсковицы — Черемыкино. В 1903 раскопано 9 кург. и в 1912 — ещё 3 насыпи. В 1927 отмечено 162 кург. При обследовании в 1975 зафиксировано 129 кург. Могильник состоит из двух групп: 75 и 54 насыпи. Курганы выс. 0,5–2 м, диам. 2,5–16 м, с каменными обкладками в основании. Раскопано 7 кург. с ингумациями XII–XIII вв., в т. ч. в одном неполное сожжение» (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 71). См. также в наст. изд., разд. I, № X, примеч. 2.

[16] Газета "Знамя" сообщала, что группа археологов выехала в 8 часов 40 минут утра на поезде.

[17] По современным данным, в Аджанте (населённый пункт в Западной Индии, штат Махараштра) расположен комплекс высеченных в скалах буддийских монастырей II века до н. э. — VII в. н. э. В 29 пещерных залах — архитектурные формы, скульптурный декор, росписи на темы буддийской мифологии, замечательные богатством фантазии, красотой цвета и ритма. (*БЭС.* 1998. С. 19).

[18] См.: "Обеднели мы" (1905), "Девассари Абунту" (1905), "Лаухми Победительница" (1908). // *Рерих Н.К.*, 1914. С. 112, 300–306; "Лакшми Победительница" (1909). // *Рерих Н.К.*, 1997. С. 103; *Рерих Н.К.*, 1992в. С. 19, 22; *Рерих Н.К.*, 1994. С. 61; *Рерих Н.К.*, ЛД, 1995–96. Т. II. С. 235, 368. Т. III. С. 607. Этот же интерес унаследовали его сыновья. См., например: *Рерих С.Н.*, 1994. С. 32–33. Индийская живопись.

[19] *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 10. В монографии даны прекрасные воспроизведения эскизов к *"Девассари Абунту"*.

[20] *Watters T.*, 1905.

[21] Публ. без последней фразы, не имеющей отношения к творчеству Рериха. Название в переводе с лат. означает: "по поводу себя" или "в защиту себя".

[22] То же см.: *Перевал.* М., 1907. № 4.

[23] См.: *Тюляев С.*, 1975. С. 42; *Жукова Н.*, 1998. В последней публ. воспроизведены работы Рериха *"Девассари Абунту с птицами"* и *"Девассари Абунту"* (1905), фрески Аджанты "Мать Будды Маха-Майя" и "Девушка, склонившаяся перед раджой" (V в. н. э.).

[24] Автограф В.Н. Глазова с пометками Н.К. Рериха. Датирован 17 апреля 1900. РА ИИМК, ф. 37, № 3, л. 1–22 об.

[25] См. в "Археологической карте Ленинградской области" (*Лапшин В.А.*, 1990) сведения о памятниках перечисленных пунктов: **Хрель** (с. 64), **Большие Поля**, **Малые Поля** (оба на с. 67), **Гостицы-1, 2** (с. 66–67), **Заяцково**, оно же **Заянье** (с. 64), **Засторонье-1, 2, 3, 4** (с. 64), **Гусева Гора** (с. 65), **Савиновщина** (с. 63), **Малая Руя** (с. 66), **Ольгин Крест-1, 2**, **Криуши** (все на с. 68), **Скорятина Гора** (с. 67), **Патреева Гора**, **Куклина Гора** (оба на с. 63), **Борки**, **Кушела-1, 2** (все на с. 62).

[26] Публ. выборочно, с сокращениями по : *МАР*, № 29, 1903.

[27] По данным "Археологической карты Ленинградской области", не сохранился (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 68). В наст. изд. помещено его изображение по публ.: *Спицын А.А.*, 1903а. С. 229. Рис. 376. См. также: *Курбатов А.В.*, 1995. С. 186. *Ольга* (?—969) — княги-

ня, жена киевского князя Игоря. Правила в малолетство сына Святослава и во время его походов. Подавила восстание древлян. Около 957 приняла христианство. (*БЭС.* 1998. С. 841).

[28] По данным "Археологической карты Ленинградской области", этот кург.-жальничный могильник с каменными крестами не сохранился (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 66).

[29] По данным "Археологической карты Ленинградской области", группа не сохранилась (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 65).

[30] Автограф. РА ИИМК, ф. 37, № 1, л. 8–9. На листах пометки о снятии копии А. Мальмгреном. Публ. фрагмента: *Мельников В.Л.*, 1998а. С. 3.

[31] По данным "Археологической карты Ленинградской области", кург.-жальничный могильник в 1 км к северо-востоку от **д. Заяцково (Заянье)**, на левом берегу р. Руя, у церк. не сохранился (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 64).

[32] *Яновский Виктор Иаковлевич* — с 1896 священник церк. во имя Святителя и Чудотворца Николая, что в погосте Ольгин Крест. «Церковь каменная, однопрестольная. Когда и кем построена неизвестно. В 1887 г. усердием прихожан пристроен к сей церкви каменный придел во имя Св. Блаженныя Великия Княгини Ольги» (*Кутепов Н.М.*, 1899. С. 306–307).

[33] Автограф. РА ИИМК, ф. 37, № 1, л. 16. Публ. фрагмент.

[34] Автограф. РА ИИМК, ф. 37, № 2, л. 2 – 9 об. На л. 1 автограф Н.К. Рериха: "А. Мальмгрену". Публ. фрагменты.

[35] В изд. "Археологическая карта Ленинградской области" этот несохранившийся пункт назван **«урочище Долматова могила»** (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 64).

[36] По данным "Археологической карты Ленинградской области", это пункт **Зажупанье-1**: (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 57). Каменный крест сохранился.

[37] Публ. отд. фрагменты по автографу Глазова В.Н. См. примеч. 24.

[38] По данным "Археологической карты Ленинградской области", этот жальничный могильник с каменными крестами не сохранился (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 66).

[39] Подчёркнуто Рерихом.

[40] В скобках — запись Рериха синим карандашом на полях рукописи.

[41] Запись карандашом на полях рукописи.

[42] Автограф А.Э. Мальмгрена в общем переплёте с предыдущей рукописью. РА ИИМК, ф. 37, № 3, л. 23–199. Публикуются отд. фрагменты, с незначительными редакционными изменениями.

[43] *ИСС.* 1885. С. 113.

[44] *ИСС.* 1885. С. 115.

[45] *ИСС.* 1885. С. 190.

[46] *Андреев Е.*, 1885. С. 165.

[47] *ИСС.* 1885. С. 235–237.

[48] *Андреев Е.*, 1885. С. 170–171.

[49] *ИСС.* 1885. С. 139–141; *Андреев Е.*, 1885. С. 172–173.

[50] *ИСС.* 1885. С. 167–172; *Андреев Е.*, 1885. С. 173–174.

[51] В распоряжении А.Э. Мальмгрена была ещё одна рукопись В.Н. Глазова — "Список старинных могильников, жальников, отдельных курганов, городищ и других памятников

древности Гдовского уезда. (К археологической карте 1899 года)", датированная 2 марта 1899. Как он указывал, она находилась у Рериха в СПб., но в архивах пока не обнаружена. Видимо, здесь он использовал именно её.

[52] *ИСС.* 1885. С. 116, 156–158.

[53] *Трусман Ю.А.*, 1885. С. 196–197; *ИСС.* 1885. С. 219.

[54] Кстати, Рерих был знаком если не с ним самим, то с его трудами. См. упом. об «эпопее тиары Сайтаферна» в очерке "Закрытый глаз" (Гималаи, 1932): *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 36.

1904

XVII
Каталог библиотеки ИАК. *СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1904*

В библиотеке хранился отдельный оттиск вступительной лекции Н.К. Рериха к курсу "Художественная техника в применении к археологии", прочитанному в ИПАИ в 1898/99 учебном году. Название лекции, состоявшейся 28 сентября 1898, — **"Искусство и археология"**[1]. Следует отметить богатство библиотеки, которой, несомненно, пользовался Рерих. В ней хранились ценнейшие источники по отечественной и мировой истории, специально были собраны отдел допетровской эпохи и отдел известий иностранных писателей о России. Особенно широко были составлены отделы по истории искусства, географии, этнографии, языкознанию, словесности, юридическим наукам, антропологии, полиграфии. Хранились труды учителей и коллег Н.К. Рериха — Д.В. Айналова, И.Р. Аспелина, барона И.(Ж.) де Бая, графа А.А. Бобринского, А.П. Богданова, Н.Е. Бранденбурга, Ф.А. Брауна, И.А. Вахрамеева, Н.И. Веселовского, И.А. Виноградова, Ф.К. Волкова, И.Е. Забелина, Л.К. Ивановского, Д.И. Иловайского, К.А. Иностранцева, В.О. Ключевского, Н.П. Кондакова, А.С. Лаппо-Данилевского, А. и Ж. Мортилье, В.В. Латышева, С.Ф. Ольденбурга, В.С. Передольского, Н.В. Покровского, Г.Н. Потанина, князя П.А. Путятина, В.В. Радлова, Д.А. Ровинского, М.И. Ростовцева, Н.П. Собко, В.С. Соловьева, А.А. Спицына, В.В. Стасова, Н.В. Султанова, Ф.А. Теплоухова, графа И.И. Толстого, графини П.С. Уваровой, И.А. Шляпкина и многих других.

Наследие Н.К. Рериха, кроме вышеупомянутого оттиска лекции, было представлено публикациями в русских периодических изданиях: "Известиях ИАК", "Записках ИРАО", "Записках Отделения русской и славянской археологии ИРАО", "Вестнике археологии и истории", издаваемом ИПАИ, журнале "Искусство и художественная промышленность", издаваемом ИОПХ, и других. Были в библиотеке и заграничные журналы, в том числе с рецензиями на публикации Рериха, — такие, как "Zeitschrift für Ethnologie", "L'Homme Préhistorique" и "L'Anthropologie"[2].

XVIII
ОИАК за 1902 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1904*

В III отделе отчёта — "Разрешение учёным учреждениям и частным лицам производства археологических раскопок" — содержится упоминание имени Рериха. Открытый лист ему был выдан по ходатайству ИРАО[3]. Сообщается о местности его раскопок в 1902 — **Боровичский и Крестецкий уезды** Новгородской губернии и даётся ссылка на публикацию результатов[4]. В таблице "Распределение древностей из раскопок, про-

изведённых учреждениями и частными лицами по открытым листам Комиссии" указывается хранилище, куда назначены находки, — ИРАО[5]. Приводится дело в архиве ИАК, где хранятся все материалы о раскопках: "О выдаче открытых листов на раскопки Императорскому Русскому Археологическому Обществу" (№ 99/1902).

XIX
ИИАК. № 6. *СПб.: тип. ГУУ, 1904*

В некоторых материалах этого выпуска "Известий" использованы результаты Рериха: даны ссылки на его публикацию и пересказаны его описания археологических памятников. Например, А.А. Спицын, ссылаясь на статью Рериха "Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца" (1899), приводит описание памятников в районе Глубочицкого протока в Бологом.

Материалы этого выпуска наверняка заинтересовали Рериха и повлияли на программу его исследований. Наиболее близки тематике рериховских работ публикации В.Н. Глазова ("Отчёт о поездке 1903 года в Крестецкий уезд Новгородской губернии"), Н.Е. Макаренко (см. ниже), Н.И. Репникова ("Отчёт о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 году") и А.А. Спицына ("Поездка 1903 года на озёра Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска" и др.).

В альбоме Рерихов из Мемориального собрания С.С. Митусова в Петербурге оказался фотоснимок курганной группы (см. ниже), опубликованный в этом выпуске "Известий". Как он попал к Рерихам — неизвестно, но зато доподлинно известно о многолетних дружеских и деловых отношениях Н.К. Рериха и автора снимка Н.Е. Макаренко. Публикация Н.Е. Макаренко помогла нам атрибутировать указанный снимок из семейного альбома Рерихов.

Курганная группа у д. Дуденёво Тверского уезда, между р. Волгой и долиною р. Тьмы. 1903. Снимок Н.Е. Макаренко в фотоальбоме Рерихов. МСССМ

1. Н.Е. Макаренко
Поездка 1903 года по верхнему течению реки Волги

При вторичном посещении, с экскурсией, устроенной Тверским областным археологическим съездом, на **городище Дуденёвском** мною проложена небольшая траншея по обрыву. Найдено несколько черепков с точечным и рубчатым орнаментом и по обрыву городища несколько осколков кремнёвых поделок типа коллекции князя П.А. Путятина (таблицы XII, № 5, 6, 14, 19 и таблицы XIV, № 18)[6]. При первом посещении этого городища мною сфотографирована расположенная здесь величественная группа курганов, известная уже из раскопок 1902 года[7].

2. А.А. Спицын
Раскопки близ деревни Дуденёвой Тверского уезда

Большая группа курганов, расположенная на возвышенной площадке между берегом реки Волги и долиною реки Тьмы, отчасти на земле крестьян **д. Дуденёвой**, отчасти в казённом лесу. Курганы имеют значительную высоту, тесно примыкают друг к другу, хорошей сохранности и в общем представляют картину редкой красоты и величавости. В верхней части группы насыпи расположены теснее, в нижней — реже. На мысу, на земле д. Дуденёвой, насчитывается до 40 курганных насыпей, из которых до 7 обрезаны проходящею здесь дорогою, 4 уже почти совершенно свалились в Волгу, 12 раскопано в прежнее время. Из оставшейся половины курганов мною в 1902 году раскопано 13 насыпей[8].

Снимок, сделанный с плотины на р. Быстрице недалеко от "Красной Дачи", где в 1888–90 жила семья Н.А. Римского-Корсакова. Из фотоальбома Рерихов. МСССМ

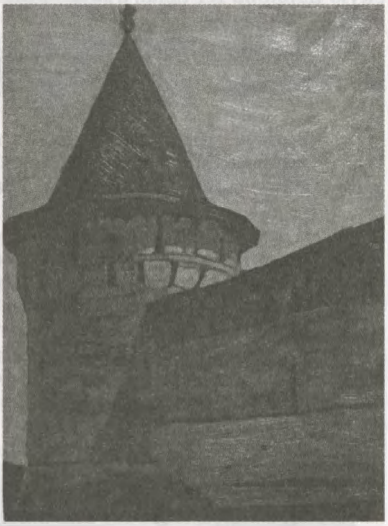
Семейный альбом Рерихов, сохранивший оригинал снимка Макаренко, составлен почти из одних видов природы и археологических памятников. Большинство фотографий сделаны самими Рерихами. Но лишь на оборотах двух снимков имеются пояснительные надписи, сделанные, по-видимому, рукой Е.И. Рерих: *«Ковалёво»* и *«Лужский у[езд], им[ение] б[ывшее] Глинки-Маврина»*[9].

XX
ИИАК. Прибавление к № 9: Хроника и библиография. № 5
СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1904

Хроника этого выпуска "Известий" составлена по периодическим изданиям второй половины 1903. В разделе "Разные известия" приводится заметка следующего содержания.

Этюды русской старины
(ПЛ. 31 декабря 1903. № 359)

Одна из зал постоянной выставки картин в помещении Общества Поощрения худож[еств] (Большая Морская, 38) в настоящее время занята чрезвычайно интересной выставкой этюдов и картин русской старины.



Н.К. Рерих. Кострома. Башня Ипатьевского монастыря. 1903. Из серии этюдов, выполненных во время путешествия по древнерусским городам. Частное собрание, США

Художник ***Н.К. Рерих***, прекрасно знакомый с русской археологией, в течение минувшего лета объездил все места севера и запада России, в которых сохранились археологические памятники. Широкими, смелыми мазками художник запечатлел на холсте старинные стены и боевые башни, некогда охранявшие города и монастыри от неприятелей, виды церквей и монастырей, двери, ворота, колокольни и прочее.

Произведения Н.К. Рериха наглядно знакомят зрителя с современным состоянием знаменитого Костромского Ипатьевского монастыря, с громадными стенами и величественными башнями кремля Нижнего Новгорода и характерными деталями росписи в старинном храме святого Иоанна Предтечи в городе Ярославле. Типичные "звонницы" псковских церквей и замечательные по своей оригинальности окна дома в Пскове переданы художником замечательно верно и жизненно. Вид церквей Ростова Великого с Ростовского озера веет стариной; масса церквей, выглядывающих своими синими главами из-за высоких стен, придаёт картине своеобразный характер... Величественные стены города Смоленска с многочисленными башнями и стены почти забытого города Изборска,

испещрённые крестами, выложенные каменными плитами, воскрешают в памяти сказания о давно минувших временах, о междоусобицах и набегах рыцарей-крестоносцев... Художник побывал в Ковне, где зарисовал замечательный фронтон частного дома в готическом стиле и написал этюды "чёрного костёла". Вблизи города Гродно художник осмотрел и воспроизвёл на холсте знаменитую Коложскую церковь XI века, а в уездном городишке Троках написал этюды с развалин дворца Кейстута.

Выставка устроена по постановлению комитета Общества Поощрения художеств для ознакомления публики с художественными памятниками старины[10].

В отделе "Библиографические заметки" сообщается, что в немецком реферативном журнале "Internationales Centralblatt für Anthropologie und verwandte Wissenschaften" (1903) вышла рецензия кёнигсбергского профессора **Л. Штида**[11] на публикацию Рериха в "Известиях" (см. наст. разд., № VII).

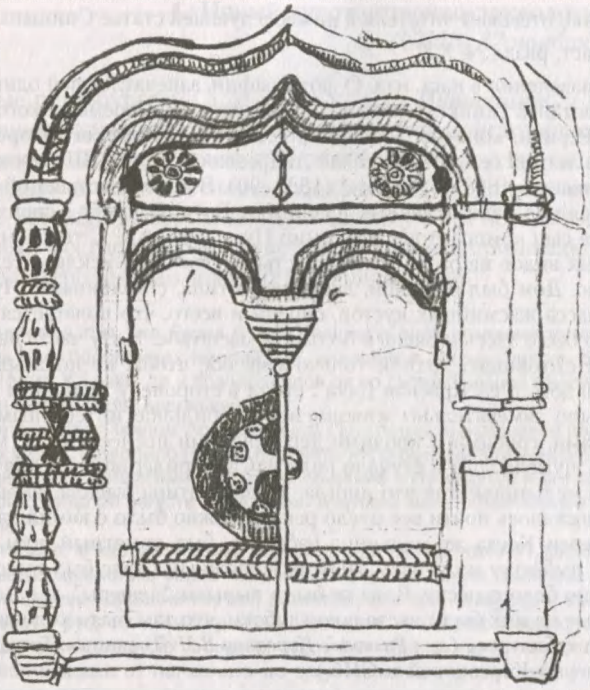
И наконец, в отделе "Обзор повременных изданий" отмечен выход в свет статьи Рериха "Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой" (1903)[12].

В заметке "Второй областной археологический съезд" описана приятная прогулка участников съезда «за 16 вёрст от Твери вверх по Волге в село Дуденёво, где находится много курганов XI–XII веков, часть которых была раскопана А.А. Спицыным в 1902 году» и зафиксирована на снимке, хранящемся в фотоальбоме Рерихов (см. выше, № XIX). Обозреватель сообщает, что живое описание этой экскурсии археологов дал хорошо знакомый Рериху **А.В. Половцов** в фельетоне "Тверские силуэты. I. На Волге XI века"[13].

1.

2.

Н.К. Рерих. 1. Нижний Новгород. Кремлёвская башня. 2. Ярославль. Паперть церкви святого Иоанна Предтечи. 1903. Из серии этюдов, выполненных во время путешествия по древнерусским городам. Собрание ГМВ



Н.К. Рерих. Окно старого дома в Пскове. Рисунок в черновике статьи "По старине". 1903. Оригинал в ОР ГТГ[14]

ПРИМЕЧАНИЯ К № XVII–XX

[1] Оттиск из журнала: *ИХП*. 1898. № 3. С. 185–194. 1899. № 4–5. С. 251–266. Ныне хранится в библиотеке ИИМК РАН, как и большинство книг из бывшей библиотеки ИАК. Многие идеи и положения, высказанные Рерихом в этой лекции, до сих пор вызывают закономерный интерес иссл., причём не только археологов, но и искусствоведов. См.: *Полякова Е.И.*, 1973. С. 45–47; *Короткина Л.В.*, 1985. С. 53; *Князева В.П.*, 1994. С. 54–56; *Сидоров А.Н.*, 1994. С. 56; *Жук А.В.*, 1997; *Никонова А.А., Столяр А.Д.*, 1997.

[2] О книгах Рериха в фондах этой библиотеки в последующие гг. см.: *Мельников В.Л.*, 1998а. № 1 (9). С. 3.

[3] См. в наст. изд., разд. II, № 37–48; *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 150.

[4] *Рерих Н.К.*, 1903.

[5] Археолог Г.С. Лебедев опубликовал фотографию, видимо, из фотоархива ИИМК, дав ей название: «Древнерусские вещи из раскопок Н.К. Рериха в Новгороде, 1902 г.» (*Лебедев Г.С.*, 1992. С. 296). По нашему мнению, её атрибуцию следует уточнить. Вещи относятся не к г. Новгороду, а к Новгородской губ., в которой в 1902 работал Рерих.

[6] См.: *ЗОРСА ИРАО*. СПб., 1903. Т. V. Вып. 1. — *Примеч. Н.Е. Макаренко.*

[7] Далее Макаренко отсылает читателя к нижеследующей статье Спицына (с. 5–11 вып.).

[8] См. также в наст. разд., № XX.

[9] См. их воспроизведения в наст. изд. О фотографии, запечатлевшей один из видов быв. им. генерал-адъютанта Глинки-Маврина в Нежговицах у Черменецкого озера, следует сказать особо. Рерихи, конечно, знали, что семья **Н.А. Римского-Корсакова** провела здесь несколько летних сезонов. Николай Андреевич сочинил "Шехеразаду", "Светлый праздник" (обе вещи в 1888) и "Младу" (1889–90). В непосредственной близости от их дома и находился вид, запечатлённый на снимке. Вот что пишет в своих воспоминаниях об этом месте сын композитора Владимир Николаевич: «...С террасы дома открывалось 7 различных видов на озеро и на монастырь. Это было исключительно красиво и удачно задумано. Дом был большой, дворцового типа, с колоннами. Чудный цветник окружал дом, масса жасминных кустов, сирени и всего, что полагается в помещичьей усадьбе. Всё это было здесь и очень в большом масштабе. В эту часть парка и сады мы, когда жили в Нежговицах, ходили только изредка, чтобы не показываться на глаза хозяевам. А наш дом, т. е. "Красная Дача", стоял в стороне, у мельницы на речке Быстрице. Место было замечательно живописное и обильное интересными прогулками, купанием, ягодами, грибами и прочими деревенскими прелестями. У мельницы была плотина, всегда шумела вода и стучали колёса. Сад, прилегавший к "Даче", подходил к берегу речки за мельницей, так что иногда, когда плотина бывала закрыта и мельница не работала, обнажалось почти всё русло реки и можно было с камня на камень перейти на другой берег. Когда же мельница работала, был приятный шум и можно было ловить мелкую рыбёшку на удочку. Противоположный берег был высокий песчаный, преимущественно белого песку. В песке были вырыты "пещеры", т. е. места, где брали песок. Некоторые из них были настолько глубоки, что там было холодно и сыровато и страшно было углубляться» (см.: *Римский-Корсаков В.Н.* Дневники. Тетрадь 14., л. 52–59. Архив Т.В. Римской-Корсаковой в СПб.).

[10] В этом очерке упом. произведения из т. н. "Архитектурной серии" (1903–04), значительная ч. к-рой ныне в собрании ГМВ (42 этюда). По данным В.П. Князевой, серия насчитывала около 90 произведений (*Князева В.П.*, 1994. С. 64). О посещении выставки Николаем II в день объявления войны Японии см.: *Эрнст С.Р.*, 1918. С. 66.

[11] См.: *Stieda, D'.L.* [Рецензия на публикацию:] N. Röhrig: Über einige Alterthümer im Gebiet von Waldai (Russ.). Nachrichten der K. Archäologishen Kommission. St. Petersburg 1901. Liefg. 1. S. 60–68. Mit 2 Textfiguren. // *Указ. изд.* VIII. Jahrgang 1903. Heft 2. S. 126–127.

[12] *Рерих Н.К.*, 1903.

[13] *МВ.* 19 августа 1903. № 227.

[14] Архив Н.К. Рериха, ф. 44, № 22, л. 4 об. Б., карандаш, в свету 10,3×8,8 см.

1905

XXI
ИИАК. Прибавление к № 14: Хроника и библиография. № 7
СПб.: тип. ГУУ, 1905

Хроника составлена по периодическим изданиям второй половины 1904. В разделе "Музеи" помещена заметка о решении князей **Путятиных** — близких родственников и друзей семьи Рерихов — создать музей.

1. Новый художественно-археологический музей
(СПбВ. 12 ноября 1904. № 311)

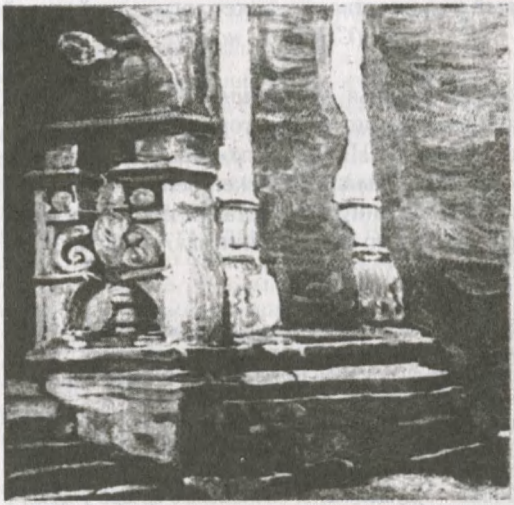
Известные петербургские археологи князья ***Путятины***, у которых находятся богатейшие коллекции различных предметов доисторической эпохи, собранные при раскопках близ станции Бологое, Николаевской железной дороги, решили соорудить в этой местности специальный художественно-археологический музей, который давал бы полную картину этой богатой историческими воспоминаниями местности. В устройстве этого музея принимают участие многие известные петербургские археологи и художники.

Нет сомнений в том, что Рерих был посвящен в план создания музея князей Путятиных, ведь в их бологовских имениях он, его жена и дети регулярно бывали в течение первых 15 лет XX века, да и познакомился он со своей будущей женой именно здесь — в имении князя Павла Арсеньевича.

Общение с князем Павлом Арсеньевичем Путятиным, начавшееся весною 1897 на заседаниях ИРАО, позволило Рериху перенять тот огромный научный опыт, которым князь охотно делился с коллегами. Не это ли общение с Путятиным и его наследием имел в виду Рерих, когда 26 августа 1900 писал будущей жене: *«Вспоминаю вечера у князя в кабинете»*?

Действительно, в кабинете князя (справедливо названном А.Н. Виноградовым ещё в 1878 *музеем*) хранилось много замечательного, что могло привлечь внимание исследователя: ценное собрание картин, эстампов, эскизов, акварелей, архитектурных чертежей работы русских и иностранных мастеров, фотографических, олеографических, литографических и других снимков; огромная археологическая коллекция, включавшая в себя находки от палеолита до средневековья, и, наконец, уникальное палеографическое собрание разных рукописей, старопечатных книг, свитков, столбцов

Н.К. Рерих в имении князя П.А. Путятина в Бологом
Из фотоальбома Рерихов. МСССМ



Н.К. Рерих. Углич. Крыльцо церкви Иоанна Предтечи. 1904. Из серии этюдов, выполненных во время путешествия по древнерусским городам
Настоящее местонахождение неизвестно
Первоначально в собрании князя М.С. Путятина[4]

и другой формы бумаг; также автографы и факсимиле замечательных лиц (от царей Алексея Михайловича и Петра Великого до А.С. Пушкина)[1].

Все эти культурные сокровища, исторически связанные с Валдайским регионом, где они собрались, были открыты для исследователей. Понятно, почему Рерих с такой горечью писал А.Н. Бенуа, узнав о гибели имения князя П.А. Путятина: «Мы очень удивились, узнав, что ты попал в наш Новгород да ещё так недалеко от моего валдайского каменного века. Сообщали нам об эксцессах в том краю. В Бологом у старика Путятина сгорел старый дом. Часть мебели вынесли, но наслоения времени погибли...» (17 июля 1917)[2].

Можно говорить о духовной близости рериховской семьи с князьями Путятиными, ведь Павел Арсеньевич был крёстным отцом старшего сына Рерихов — Юрия. Таинство крещения совершилось 27 августа 1902 в бологовской Покровской церкви[3].

Многие пункты раскопок и разведок Рериха в бассейне реки Мсты и вообще на Валдае находились на землях, принадлежавших либо князьям Путятиным, либо их родственникам. Нет сомнения, что в музее Путятиных были археологические предметы из раскопок Рериха. Известно, что в собрание князя **Михаила Сергеевича Путятина**[5] поступали его живописные работы[6]. Наверняка в заключительной фразе приведённой выше заметки — *«В устройстве этого музея принимают участие многие известные петербургские археологи и художники»* — имеется в виду и художник-археолог Рерих.

В целом роль князей Путятиных в жизни семьи Н.К. Рериха настолько значительна, что ей можно посвятить отдельное исследование[7].

В этом выпуске прибавления к "Известиям ИАК" составитель раздела "Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за вторую половину 1904 года" упомянул брошюру **Н.К. Рёриха "По старине"** — отдельный оттиск из "Отчёта о деятельности ИОПХ за 1903 год", вышедшего в 1904. Ниже приводится полный текст этой брошюры, с указанием вариантов текста по известным рукописям и трём прижизненным авторским её изданиям[8].

2. Н.К. Рёрих. По старине *[Из путевых впечатлений][9]. 1903*

I

Приятно делиться впечатлениями старины с лицами, сочувствующими этому делу, но обращаться и апеллировать к общественному мнению пока ещё у нас является занятием совершенно бесплодным[10]. Мы признали значительность

и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначим в продажу с торгов за 28 000 рублей для слома чудный Ростовский кремль с расписными храмами, с княжескими и митрополичьими палатами, как это было ещё на глазах живых людей, когда только случайность, неимение покупателя спасли от гибели гордость всей Руси*[11].

И ничего больше нашему благополучному существованию не нужно; и никакого места по-прежнему в жизни нашей старина не занимает. По-прежнему далеки мы от сознания, что общегосударственное, всенародное дело должно держаться всею землёю, вне казённых сумм, помимо обязательных постановлений[12].

1904 годъ. XXXIII годъ изданія. 27 Іюня. № 26.

ЗОДЧІЙ.

ЖУРНАЛЪ АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ

ОРГАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО СПБ. ОБЩЕСТВА АРХИТЕКТОРОВЪ.

Старина на Руси.

I.

Пріятно дѣлиться впечатлѣніями старины съ лицами, сочувствующими этому дѣлу, но обращаться и апеллировать къ общественному мнѣнію пока еще у насъ является занятіемъ совершенно безплоднымъ.

Мы признали значительность и научность старины; мы поучили пропись стилей; мы даже постѣснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначимъ въ продажу съ торговъ за 28.000 рублей для слома чудный ростовскій кремль съ росписными храмами, съ княжескими и митрополичьими палатами, какъ это было еще на глазахъ живыхъ людей, когда только случайность, неимѣніе покупателя спасли отъ гибели гордость всей Руси *).

Рис. 1. Терема въ Ростовѣ Великомъ.

И ничего больше нашему благополучному существованію не нужно; и никакого мѣста, по прежнему, въ жизни нашей старина не занимаетъ. По прежнему далеки мы отъ сознанія, что общегосударственное, всенародное дѣло должно держаться всею землею, внѣ казенныхъ суммъ, помимо обязательныхъ постановленій.

Правда, есть и у насъ немногіе исключительные люди, которые, подъ гнетомъ и насмѣшками «сплоченнаго большинства», все же искренно любятъ старину и работаютъ въ ея пользу, но такихъ людей мало, и всѣ усилія ихъ только кое-какъ удерживаютъ равновѣсіе, а о поступательномъ движеніи нельзя еще и думать.

А между тѣмъ, въ отношеніи древности мы переживаемъ сейчасъ очень важное время. У насъ уже немного остается памятниковъ доброй сохранности, нетронутыхъ неумѣлымъ подновленіемъ, да и тѣ какъ-то дружно запросили поддержки. То оказывается неблагополучнымъ Спасъ въ Нередицѣ, то даетъ трещины Иванъ Предтеча ярославскій, то бѣдствуютъ смоленскія стѣны,—и не перечтешь всѣхъ несчастій, да все съ такими первостатейными памятниками. Кстати замѣтить, о необходимости поддержанія высокохудожественнаго Спаса въ Нередицѣ мой голосъ въ печати былъ едва-ли не первымъ въ 1899 году. Теперь слышу, что мечтанія оправдываются,—Спасъ будутъ реставрировать. Но съ какихъ дѣлъ должно начаться это подновленіе? Прежде всего Спаса обезглавятъ; вмѣсто прежней главы, на вѣковыя плечи Спаса одѣнутъ чистенькій мѣдный котелокъ византійскаго фасона..... Какой ужасъ! Конечно, эта реставрація могла бы быть и цѣлесообразною, и новая глава имѣла бы не только старыя формы, но и старое впечатлѣніе, чтобы не нарушилось общее обаяніе старины, которое несомнѣнно вѣетъ теперь надъ этимъ уголкомъ; но на это ли надѣяться..... этого-ли ждать? И ужаснутся мужи новгородскіе, когда на любимомъ, свято чтимомъ Спасѣ засверкаетъ новенькій котелокъ.

Гдѣ бы ни подойти къ дѣлу старины, сейчасъ же попадешь на свѣдѣнія о трещинахъ, разрушающихъ роспись, о провалѣ сводовъ, о ненадежныхъ фундаментахъ. Кромѣ того, еще и теперь внимательное ухо можетъ въ изобиліи услыхать разсказы о фрескахъ подъ штукатуркой, о вывозѣ кирпичей съ памятника на постройку, о разрушеніи городища для нуждъ же-

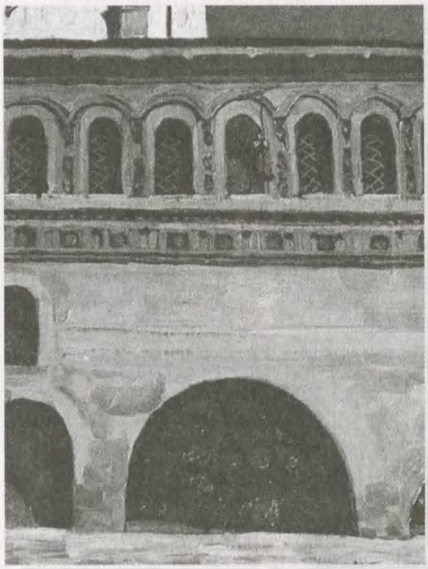
Начальный лист 2-го издания статьи Н.К. Рериха "По старине" в журнале "Зодчий"

Правда, есть и у нас немногие исключительные люди, которые под гнётом и насмешками «сплочённого большинства» всё же искренно любят старину и работают в её пользу, но таких людей мало, и все усилия их только кое-как удерживают равновесие, а о поступательном движении нельзя ещё и думать.

А между тем в отношении древности мы переживаем сейчас очень важное время. У нас уже немного остаётся памятников доброй сохранности, не тронутых неумелым подновлением, да и те как-то дружно запросили поддержки. То оказывается неблагополучным Спас на Нередице, то даёт трещины Иван Предтеча ярославский[13], то бедствуют смоленские стены, и не перечтёшь всех несчастий,

---

* Имена И.А. Вахрамеева, А.А. Титова и И.А. Шлякова, проявивших в деле восстановления Ростовского кремля благородную инициативу, должны быть почтенны для всякого русского. См.: *Очерк деятельности комиссии по восстановлению Ростовского кремля.* Ростов–Ярославль, 1902. — *Примеч. Н.К. Рериха.*



Н.К. Рерих. Ростов Великий. Иераршие терема. 1903. Из серии этюдов, выполненных во время путешествия по древнерусским городам. Собрание ГМВ

да всё с такими первостатейными памятниками. Кстати заметить, о необходимости поддержания высокохудожественного Спаса на Нередице мой голос в печати был едва ли не из первых в 1899 году. Теперь слышу, что мечтания мои оправдываются — Спас будут реставрировать, но с каких дел может начаться это подновление! Прежде всего Спаса обезглавят; вместо прежней главы на вековые плечи Спаса оденут чистенький, медный котелок византийского фасона. Какой ужас! Конечно, и это подновление могло бы быть целесообразным и новая глава имела бы не только старые формы, но и древнее впечатление, которое несомненно веет теперь над этим уголком. Но на это ли надеяться... этого ли ждать? И ужаснутся мужи Новугородские, если на любимом, святочтимом Спасе засверкает новенький котелочек[14].

Где бы ни подойти к делу старины, сейчас же попадаешь на сведения о трещинах, разрушающих роспись, о провале сводов, о ненадёжных фундаментах. Кроме того, ещё и теперь внимательное ухо может в изобилии услыхать рассказы о фресках под штукатуркой, о вывозе кирпичей с памятника на постройку, о разрушении городища для нужд железной дороги. О таких грубых проявлениях уже не стоит говорить, хочется смотреть на них, как на гнилой пережиток. Такое явное исказительство должно вымереть само: грубое насилие встретит и сильный отпор. После знаний уже пора нам любить старину[15], и время теперь уже говорить о хорошем художественном отношении к памятникам.

Пусть они стоят не величавыми покойниками, точно иссохшие останки, когда-то грозные, а теперь никому не страшные, не нужные по углам соборных подземелий; пусть памятники не пугают нас, но живут и веют на нас чем-то далёким, может быть и лучшим.

Минувшим летом мне довелось увидать много нашей исконной старины и мало любви вокруг неё[16].

Последовательно прошл[и] передо мною московщина, смоленщина, вечевые города, Литва[17], Курляндия и Ливония, и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками и много, где памятники стоят мёртвыми.

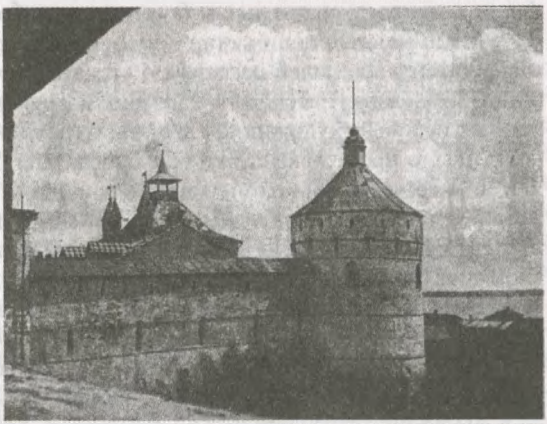
Что же мы видим около старины?

Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными берёзками и кустарником; величавые, полные романтического блеска, соборы задавлены ужасными домишками[18]; седые иконостасы обезображены нехудожественными доброхотными приношениями. Всё потеряло свою жизненность; заботливо обставленный дедовский кабинет обратился в пыльную кладовую хлама. И стоят памятники, окружённые врагами снаружи и внутри. Кому не даёт спать на диво обожжённый кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев; кому мешает стена проложить конку; кого беспокоят безобидные изразцы, и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора.

Так редко можно увидать человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы по душе побеседовать со стариною. Фарисейства, конечно, как везде, и тут не оберёшься. А сколько может порассказать старина родного самым ближайшим нашим исканиям и стремлениям.

Вспомним нашу старую (не реставрированную) церковную роспись. Мы подробно исследовали её композицию, её малейшие черточки и детали, и как ещё мало мы чувствуем общую красоту её, т. е. самое главное. Как скудно мы сознаём, что перед нами не странная работа грубых богомазов, а превосходнейшая стенопись[19].

Осмотритесь в храмах ростовских и ярославских, особенно у Ивана Предтечи в Толчкове. Какие чудеснейшие сочетания вас окружают. Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивейшею охрою. Как легка изумрудно-серая зелень и как умест[ны] на ней красноватые и коричневатые одежды. По тепловатому светлому тону летят грозные архангелы с густыми жёлтыми сияньями, и их белые хитоны чуть холодней фонов. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одной охрою. Стены — это тончайший бархат, достойный одевать дом Божий. И ласкает, и нежит вас внутренность храма, и лучше здесь молитва, нежели в золоте и серебре. Посмотрите теперь, как художники сумели использовать всю живописную плоскость. Чего только ни понаписали они, понаписали непосредственно, с верою в дело своё.



Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Ростов Великий. Терема Кремлёвские»

Привести в гармонию такие большие площади, справиться с такими сложнейшими сочинениями, как, например, Страшный суд у Спаса на Сенях в Ростове, могут только даровитейшие люди. Много

Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Церковь на Ишне под Ростовом»

надо иметь вкуса, чтобы связать картину таким прекрасным орнаментом. Всё это так значительно, стоит так высоко. Недаром же лучшие реставраторы в сильнейших своих местах могут лишь приблизиться к цельности старой работы и то редко: всё больше остаются далеко позади её.

Между прочим в Ростове мне пришлось познакомиться с молодым художником-иконописцем господином Лопаковым и случилось пожалеть, что до сих пор этому талантливому человеку не приходится доказать своё чутьё и уменье на большой реставрационной работе. Способный иконописец и сидит без дела, и около старых икон толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву[20] подлежавшие запрещению касаться святых ликов, богомазы — которых в старое время отсылали с Москвы подальше.

Проездом через Ярославль слышно было, что предстоит ремонт Ивана Предтечи: следует поправить трещины. Но страшно, если, заделывая их, кисть артельного мастера разгуляется и по лазоревым фонам и по бархатной мураве; получится варварское дело, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени*.

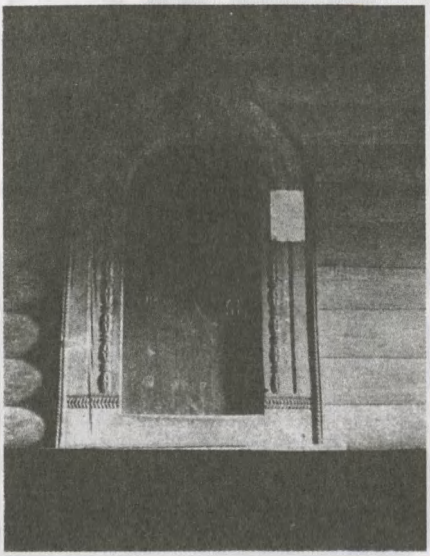
Мало мы ещё ценим старинную живопись. Мне приходилось слышать от интеллигентных людей рассказы о странных формах старины, курьёзы композиции и одежды. Расскажут о немцах и других иноземных человеках, отправленных суровым художником в ад на Страшном суде, скажут о трактовке перспективы, о происхождении форм орнамента, о многом будут говорить, но ничего о красоте живописной, о том, чем живо всё остальное.

Мы переварили западных примитивов. Мы как будто уже примиряемся с языком многих новейших индивидуалистов. К нам много теперь проникает японского искусства, этого давнего достояния западных художников, и многим начинают нравиться гениальные творения японцев с их живейшим рисунком и движением, с их несравненными бархатными тонами.

Для дела всё равно как именно, лишь бы идти достойным путем; может быть, хоть через искусство Востока взглянем мы иначе на многое наше. Посмот-

* Недавно узнал, что это дело в руках Археологической комиссии и живопись храма останется неприкосновенна. Слава Богу! — *Примеч. Н.К. Рериха.*

рим не скучным взором археолога, а тёплым взглядом любви и восторга. Почти для всего у нас фатальная дорога "через заграницу": может быть, и здесь не миновать общей судьбы[21].



Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Дверь в старой церкви на Ишне под Ростовом»

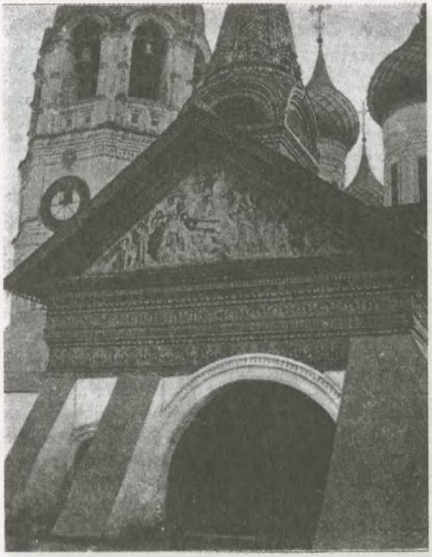
Когда смотришь на древнюю роспись, на старые изразцы или орнаменты, думаешь: «Какая красивая жизнь была. Какие сильные люди жили ею. Как жизненно и близко всем было искусство, не то что теперь, — ненужная игрушка для огромного большинства». Насколько древний строитель не мог обойтись без художественных украшений, настолько теперь стали милы штукатурка и трафарет. И добро бы в частных домах, а то и в музеях и во всех общественных учреждениях, где не пауки и сырость должны расцвеч[ив]ать плафоны и стены, а живопись лучших художников, вдохновляемых широким размахом задачи. Насколько ремесленник древности чувствовал инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую из его рук, настолько теперь процветают нелепый штамп и опошленная форма. Всё вперёд идёт!

II

Мы почитаем память близких покойных. Мы заботимся о достойном поддержании их памятников и всего им дорогого. Грех — если родные, близкие всем нам памятники древности будут стоять заброшенными.

Не нужно, чтобы памятники стояли мёртвыми, как музейные предметы. Не хорошо, если перед стариною в её жизненном виде является то же чувство, как в музее, где, как в темнице, по остроумному замечанию де ла Сизеранна, заперты в общую камеру разнороднейшие предметы; где фриз, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоит на уровне головы; где исключающие друг друга священные, обиходные и военные предметы насильно связаны по роду техники воедино. Трудно здесь говорить об общей целесообразной картине, о древней жизни, о её характерности. И не будет этого лишь при одном непременном условии.

Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, тот ансамбль, в котором он красовался в былое время, — хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и



Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Церковь Николы Мокрого в Ярославле. Внутренность испорчена безобразным подновлением»

сараями; не допускайте в них современные нам предметы — и многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей. Дайте тогда молодёжи возможность смотреть памятники, и она, наверное, будет стремиться из тисков современности к древнему, так много видевшему деду[22]. После этого совсем иными покажутся сокровища музеев и заговорят с посетителями совсем иным языком. Музейные вещи не будут страшною необходимостью, которую требуют знать, купно, со всеми ужасами сухих соображений и сведений во имя холодной древности, а наоборот, отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного, близкого всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной суши, пойдёт молодёжь к живому памятнику, заглянет в чело его, и мало в ком не шевельнётся что-то старое, давно забытое, знакомое в детстве, а потом заваленное чем-то, будто бы нужным. Само собою захочется знать всё относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, как завлекательную сказку схватит всякий объяснения к старине.

Как это всё старо и как всё это ещё ново. Как совестно говорить об этом и как все эти вопросы ещё нуждаются в обсуждениях! В лихорадочной работе куётся новый стиль, в поспешности мечемся за поисками нового. И родит эта гора — мышь. Я говорю это, конечно, не об отдельных личностях, исключениях, работы которых займут почётное место в истории искусства, а о массовом у нас движении. Не успели мы двинуться к обновлению, как уже сумели выжать из оригинальных вещей пошлый шаблон, едва ли не горший, нежели прежнее безразличие. В городах растут дома, художественностью заимствованные из сокровищницы модных магазинов с претензией на новый пошиб[23]; в обиход проникают вещи странных форм, часто весьма мало пригодные для употребления. А памятники, наряду с природой, живые вдохновители и руководители стиля, заброшены, и пути к ним засорены сушью и педантизмом. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишний мусор?[24]

Насильственная стилизация природы, умышленное придумывание новых извивов формы, угловатая громоздкость не создают стиля.

Необъяснимая гармония жизни, чистота инстинктивных стремлений, свежесть чувства, простота восприятия, начало чего-то далёкого и вместе с тем и

близкого, — словом, в области общечеловеческих чувствований, во всей жизни лежит настоящий стиль, а никак не в сознательном мудровании.

Летом я видел один уголок, почва которого может быть плодотворна для истинного стиля. Спокойная весёлая работа, изучение исконных народных творческих сил, целесообразные способы труда наверное отметят многим замечательным это место. Щедро рассыпанные образчики искусства, общая чистая художественная атмосфера выведут многих талантливых людей из смоленского села Талашкино княгини М.К. Тенишевой. Я ехал туда уже подготовленный увидеть нечто значительное, но на деле впечатление оказалось сильнее[25]. Вы видите, как ученики, местная молодёжь, работают с любовью, наряду со специальной техникой развивая и сторону композиции.

Сотнями и тысячами сходятся на работу в Талашкино жители окрестных сел. Узнают они здесь новые мотивы украшений, научатся уже забытым теперь приёмам работы и далеко разнесут оздоровляющую струю непосредственного художества, проникающего во все тайники обиходной жизни. Это не пустые слова, и, когда воочию видишь человека, могущего своими руками изготовить самим сочинённую вещь, начинаешь верить в хорошее, настоящее искусство, знакомое по работам мастеров былых времен, прославленное такими именами, как Микель Анжело, да Винчи, Челлини.

При такой работе могут из предметов обихода исчезнуть аляповатость и тяжесть,

Интерьер гостиной в талашкинском доме Тенишевых (Снимки из книги: *Талашкино*, 1905. Рис. 83 и 87)
На стенах висят произведения Рериха, принадлежавшие княгине М.К. Тенишевой: *"Идолы"* (1901), *"Александр Невский поражает Ярла Биргера"* (1904), *"Каменный век. Север. Олени"* (1904) и др.

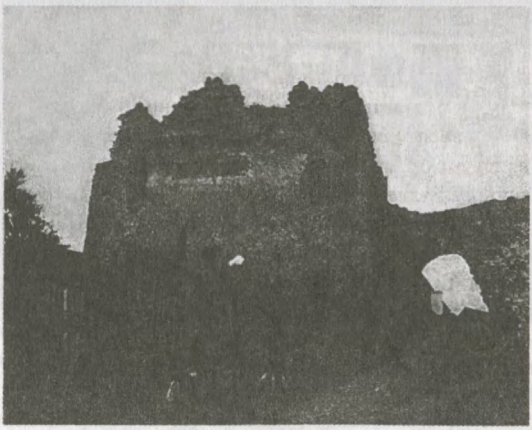
будто бы так необходимые для русского стиля; цвета тканей и вышивок могут сделаться опять благородными и ласкающими. И нет тут "нового" стиля, здесь есть отборный музей, есть здесь природа, есть основные народные способы, есть тут путь к бесконечному дальнейшему совершенствованию. И всё это в здоровых условиях, среди красивейшего смоленского пейзажа.

Вижу красивый теремок; вижу красильню, где варятся не ядовитые химические, скоро выцветающие комбинации, а травы, кора и коренья. Вижу типичную красильщицу-старуху мордовку в народном уборе, в котором каждая часть восходит за многие века. Полоскала она нитки на реке и несёт на коромысле мокрые длинные пряди их приятнейших густых тонов. Дай Бог селу Талашкино расти и развиваться. Не сомневаюсь, что дорога туда будет знакома многим, и среди художественных центров место его может быть большое. Приятно сознавать, что иностранные художественные издания уже отвели должное внимание и по достоинству оценили это замечательное явление в русском художестве.

III

Такие уголки, как Талашкино, — настоящие устои национального развития мысли и искусства; сколько самобытности могут они пролить на обедневший ею народ[26] русский. Только такие посевы могут бороться с гармошкой, пиджаком и фуражкой и со всеми последствиями этих атрибутов. Где песни, где уборы, где вера в себя и в свою кормилицу землю?

В глухих частях Суздальского уезда хотелось найти мне местные уборы. Общие указания погнали меня за 20 вёрст в сёла Торки и Шошково[27]. В Шошкове оказалось ещё много старины. Во многих семьях ещё носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видеть тайное желание продать всё это и не в силу нужды, а потому что «эта старинная мода прошла уже».



Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Развалины замка в г. Ковно, застроенные заборами и домами»

Очень редко можно было найти семью, где был бы в употреблении весь старинный убор полностью.

— Не хотят, вишь, молодые-то старое одевать, — говорил старик-мужичок, покуда дочка пошла одеть полный наряд.

Я начал убеждать собравшихся сельчан в красоте народных костюмов, что носить их не только не зазорно, но

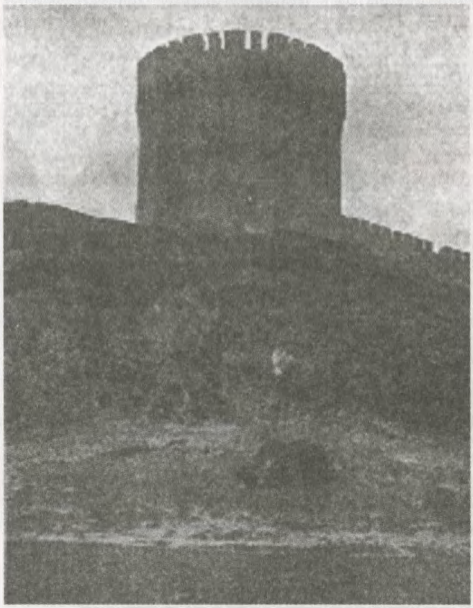
лучшие люди заботятся о поддержании[28] национального костюма. Старик терпеливо выслушал меня, почесал в затылке и сказал совершенно справедливое замечание:

— Обветшала наша старина-то. Иной сарафан или повязка, хоть и старинные, да изорвались временем-то, — молодухам в дырьях ходить и зазорно. И хотели бы поновить чем, а негде взять. Нынче так не делают, как в старину; может, конечно, оно и делают, да нам не достать, да и дорого, не под силу. У меня в дому ещё есть старина, а и то прикупать уже из-за Нижнего, из-за Костромы приходится, и всё-то дорожает. Так и проходит старинная мода.

Старик сказал правду: нечем поновлять нашу ветшающую старину. Оторвались мы от неё, ушли куда-то, и все наши поновления кажутся на старине гнусными заплатами. Видел я попытки поновления старинных костюмов — в высшей степени неудачные. Если положить рядом прекрасную старинную парчу с дешёвой современной церковной парчою, если попробуете к чудной набойке с её ласковыми синими и бурыми тонами приставить ситец или коленкор, да ещё из тех, которые специально делаются «для народа», — можно легко представить, какая безобразная какофония получается[29].

Н.К. Рерих. Готический фасад старого дома в городе Ковно. 1903. Из 3-го издания статьи "По старине" (1904). Собрание Художественного музея в Сан-Франциско, США

Современный городской эклектизм, конечно, прямо противоположен национализму; вместо ни к чему не приводящих попыток изобрести национальный костюм для горожан не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюм не надо придумывать; века сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народ мог жить национальным течением мысли, чтобы он вокруг себя находил всё необходимое для этого образа жизни; надо, чтобы в область сказаний отошли печальные факты, что священники сжигают древние кички[30], «ибо рогатым не подобает подходить к Причастию». Необходимо, чтобы высшие классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не дают народу красивую ткань для костюмов, доступную, негрубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и песне, и музыке, и



Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Башня в Смоленске (снизу вынимают песок)»

пляске. Пусть растёт старинная песнь, пусть струны балалаек вместо прекрасных древних ладов не вызванивают пошлых маршей и вальсов. Пусть и работает русский человек по-русски, а то ведь ужасно сказать, в местностях, полных лучших образчиков старины, издавна славных своею финифтью, сканным и резным делом, в школах ещё можно встречать работы по образцам из "Нивы"[31]. Или ещё хуже того — в Торжке, даже по гимназическим географиям знаменитом своим шитьём, не так давно была устроена земская Школа с целью поддержать это ветшающее рукоделие и обновить его возвращением к старинной превосходной технике. Дело пошло на лад; на Рождестве 1903, на выставке ученических работ в Школе Императорского Общества Поощрения Художеств можно было видеть несколько прекрасных образцов шитья этой Школы. Казалось бы чего лучше — нашлась опытная руководительница, Школа имеет прямое, отвечающее местным запросам, назначение; вы подумаете, что новое земство позаботилось о расширении этого удачного опыта? — ничуть не бывало. Оно нашло Школу излишнею и на днях совсем упразднило её, на погибель бросая исконное местное ремесло. Я не знаю, какие именно люди это сделали, но должно быть «приёмы их дубоватыя и ученье их грязноватое и на этих людей, Государь Пантелей, палки ты не жалей суковатыя». При таких условиях для себя разве сумеет народ сделать что-нибудь красивое? Единственно, если будет прочная почва, можно ждать и доброе дерево. Все знают, сколько цельного и прекрасного сохранили в своём быту староверы. Где только живёт старина, там звучит много хорошего; живут там лучшие обычаи[32]. Вот она старина-то!

Но не умеем мы, не хотим мы помочь народу опять найти красоту в его трудной жизни. Не с радостью собирателя, а бережно, только очень бережно можно отнимать у народа его остатки красоты, его дива дивные, веками им взлелеянные. Только строгими весами можно выверять равноценность сообщаемого нами народу и похищаемого у него.

И страшно жалко должно быть нам хотя бы невзначай затронуть красоту народную. Помню, на озере Люте пришлось мне вскрыть длинный курган. И в дерев-

не, и в пути на челноке с любовью рассказывалось мне про этот курган: «Пришли издалека великаны и стали жить у нашего озера. Через озеро друг к дружке в гости ходили. С берега на берег топоры перекидывали. Шагнул один великан через озеро, оступился и завяз, тут и помер — оттого и озеро Люто. Похоронили его, — большой был, могила-то какая долгая. После того и ушли от нас великаны!» Хотя при рассказе и прибавлялось, что «бабы рассказывают», но видно, как близка всем была эта крупица несбыточной красоты[33]. В учёном рвении удалось мне уверить сельчан, что никаких великанов у них не было, и жалко было видеть потом разрушение мечты о богатырях великанах, облюбовавших именно их озеро. Красивая вера погибла, а много ли дал я им взамен её? Сложим мы обломки самобытной жизни народа грудами в запылённые шкафы, а довольно ли сил есть у нас, чтобы обновить эту жизнь тоже чем-либо истинно красивым?

В том же Шошкове меня поразила церковь чистотою своих форм: совершенный XVII век. Между тем узнаю, что только недавно справляли её столетие. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всем миром и нарочно хотели строить под старину. Сохраняется и приятная окраска церкви, белая с охрой, как на храмах Романова-Борисоглебска[34]. Верные дети своего времени, крестьяне уже думают поновлять церковь, и внутренность её уже переписывается невероятными картинами в духе Дорэ[35]. И нет мощного голоса, чтобы сказать им, какую несообразность они делают[36].

При такой росписи странно было подумать, что ещё деды этих самых крестьян мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно под старину. Положим, это было 100 лет назад и старина могла иметь иной вид.

Теперь же нас — культурнейших — окружают совершенно иные картины. Несмотря на все запрещения, несмотря на опекуншу старины — [Археологическую] комиссию, на глазах многих тают целые башни и стены[37]. Знаменитые Гедеминовский и Кейстутовский замки в Троках[38] пришли в совершенное разрушение. На целый этаж завалила рухнувшая башня стены замка Кейстута на острове. В замковой часовне была фресковая живопись, особенно интересная для нас тем, что, кажется, была византийского характера; от неё остались одни малозаметные остатки, дни которых уже сочтены: из-под них внизу вываливаются

Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Часть украшений собора в Юрьеве-Польском»

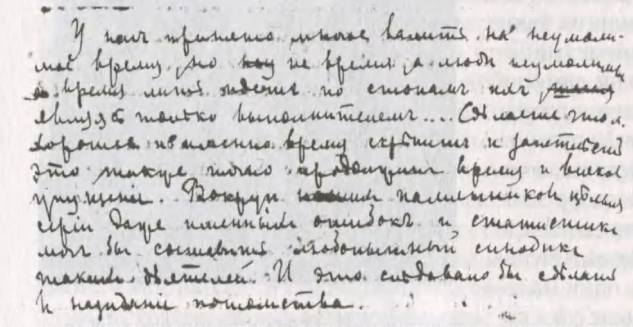
кирпичи. Слышно, что замок в недалёком будущем кто-то хочет поддержать; трудно это сделать теперь, хоть бы не дать пищу дальнейшему разрушению[39]. В Ковне[40] мне передавали, что местный замок ещё не так давно очень возвышался стенами и башнями, а теперь от башни остаётся очень немного, а по фундаментам стен лепятся постройки. (На каком основании, по какому праву появляются эти лачуги на государственной земле, которая должна быть недоступна даже для общественных учреждений?).

В Мерече на Немане я хотел видеть старинный дом, помнящий короля Владислава[41], а затем Петра Великого. По археологической карте дом этот значится существующим ещё в 1893 году, но теперь его уже нет; в 1896 году он перестроен до фундамента. Городская башня разобрана, а подле местечка торчит оглоданный остаток пограничного столба, ещё свидетеля Магдебургского права города Мереча, а теперь незначительного селения[42]. Кое-где видна на столбе штукатурка, но строение его восстановить уже невозможно.

На самом берегу Немана в Веллонах и в Сапежишках есть древнейшие костёлы с первых времен христианства. В Ковне и в Кейданах[43] есть чудные старинные домики, а в особенности один с фронтоном чистой готики. Пошли им Бог заботливую руку — сохрани подольше. Много по прекрасным берегам Немана старинных мест, беспомощно погибающих. Уже нечему там рассказать о великом Зниче, Гедемине, Кейстуте, о крыжаках[44], о всём интересном, что было в этих местах. Из-за Немана приходят громады песков, а защитника леса уже нет и лицо земли изменяется неузнаваемо.

На Изборских башнях только кое-где ещё остаются следы узорчатой плитной кладки и рельефные красивые кресты, которыми украшена западная стена крепости. Не были ли эти кресты страшным напоминанием для крестоносцев, злейших неприятелей пограничного Изборска? Под толстыми плитными стенами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

Знаменитый собор Юрьева-Польского[45], куда более интересный, нежели Дмитровский храм во Владимире, почти весь облеплен позднейшими скверными пристройками, безжалостно впившимися в сказочные рельефные украшения соборных стен. Когда-то эта красота очистится от грубых придатков, и кто выведет опять к жизни этот удивительный памятник?



Н.К. Рерих. Фрагмент черновика статьи "По старине" (1903)

Деревянная церковь на Ишне около Ростова, этот прекрасный образец архитектуры северных церквей, живо переносящий в Олонецкую и Архангельскую губернии,

Н.К. Рерих. Старая Ладога. Крепость. Рисунок. 1899. Из статьи "По пути из Варяг в Греки (Заметки)". (1899)

теперь обносится[46] шаблоннейшим заборчиком, вконец разбивающим впечатление тёмно-серой церкви и кладбища с тонкими берёзами. В медленном разрушении теряют лицо живописные подробности Новгорода и Пскова[47].

И не перечесть всего погибающего, но даже там, где мы сознательно хотим отстоять старину, и то получается нечто странное. После долгого боя отстояли красивые стены Смоленска[48], «с великим тщанием» законченные при царе Борисе[49]. Теперь даже кладут заплаты на них, но зато из старинных валов, внизу из-под стен, вынимают песок. Я хотел бы ошибиться, но во время писания этюдов[50] были видны свежие колеи около песочных выемок, а вместо бархатистых дерновых валов и рвов под стенами бесформенные груды песка и оползни дёрна, точно после злого вражеского погрома. Вот тебе и художественное общее[51], вот и исторический вид. И это около Смоленска, где песка и песчаных свободных косогоров не обнять взглядом*. Обыкновенно у нас принято всё валить на неумолимое время, но не время, а люди неумолимы, и время лишь идёт по стопам их точным исполнителем всех желаний.

Вокруг наших памятников целые серии именных ошибок, и летописец мог бы составить любопытный синодик громких деятелей искажения старины. И это следовало бы сделать на память потомству[52].

IV

Несколько лет назад, описывая великий путь из Варяг в Греки, мне приходилось между прочим вспоминать: «Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с целью охранения наших исторических пейзажей во имя красоты и национального чувства?»[53]

---

* Чтобы составить понятие о грандиозности смоленских стен, см.: *Орлов И.И.*, 1903. — *Примеч. Н.К. Рериха.*

Н.К. Рерих. Окна старого дома во Пскове[56]. 1903
Из 3-го издания статьи "По старине". (1904)

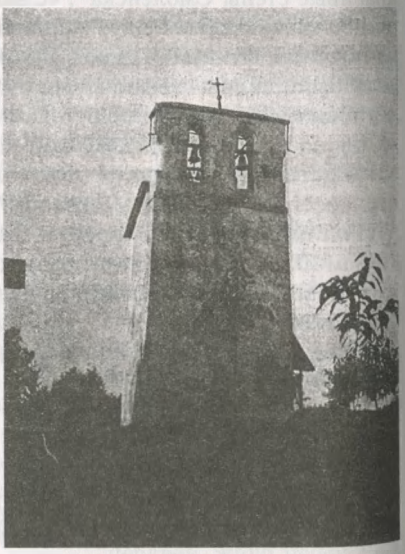
С тех пор я видел много древних городищ и урочищ, и ещё сильнее хочется сказать что-либо в их защиту.

Какие это славные места!

Почему древние люди любили жить в таком приволье? Не только в стратегических и других соображениях тут дело, а хорошо жил и хорошо чувствовал древний. Если хотел он раскинуться свободно, то забирался на самый верх местности, чтобы в ушах гудел вольный ветер, чтобы сверкала под ногами быстрая река или широкое озеро, чтобы не знал глаз предела в синеющих, заманчивых далях. И гордо, "как сыр", светились на все стороны белые вежи. Если же приходилось древнему скрываться от постороннего глаза, то не знал он границы трущобности места, запирался он бездонными болотами, такими ломняками и буераками, что у нас и духу не хватит подумать осесть в таком углу.

Не знал предела в своих движениях древний человек, и дурное выходило из него, правда, отвратительным, но в хороших проявлениях он оставлял за собою памятники, достойные удивления всех веков, перед чем блекнут самые большие размахи нашего времени, несмотря на все готовые к услугам арматуры.

Подле[55] существующих городов часто указывают древнее городище, и всегда оно кажется гораздо красивее расположенным, нежели позднейший город. Знал легендарный Трувор[57], где сесть под Изборском, у Словенского Ручья, и гораздо хуже решили задачу псковичи, перенёсшие городок на гору Жераву. Городище под Новогородом по месту гораздо красивее положения самого города. Городи-



Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Старая звонница в селе С[ен]но[63] под Изборском»

ще Старой Ладоги, рубленый город Ярославля, места Гродненского[58], Виленского[59], Венденского[60] и других старых замков — лучшие места во всей окрестности.

Н.К. Рерих. Псковский погост. (Сенно под Псковом). 1904
Частное собрание, США[54]

Какова же судьба городищ? Цельные, высокие места мешают нам не меньше памятников. Если их не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непременно нужно хотя бы вывезти, как песок. Ещё недавно видел я красивейший Городец на Саре* под Ростовом, весь искалеченный вывозкою песка и камня. Вместо чудного[61] места, куда бывало съезжался весь Ростов, — ужас и разоренье, над которым искренно заплакал бы Джон Рёскин[62].

Если красота, если инстинкт не трогают жестокосердных, то хоть к собственной выгоде не губили бы старины. Пользуйтесь доходом с неё; берите за неё плату. Пусть хоть продаётся зрелище красоты, но пусть она всё-таки существует. И в этом сознании красоты мы почувствуем, что и в нашей серенькой жизни мы окружены не одними только гнетущими буднями, а много около нас крупного и прекрасного, которому мы не сумели ещё отвести надлежащее место.

В древнем рижском соборе святого Петра, полном гробницами и гербами, послушайте орган в вечернее время, и покажется вам, как наполняется собор тяжёлыми шагами рыцарей, за ними станут искусные цехи, купцы, граждане. Заблестит металл, засверкают парча и нагрудные цепи. Старое, художественное целое отбросит вас далеко от современности, и с высоты, на минуту, взгляните потом на муравейник наших хлопот.

Но нам ли искать красивое? До того мы ленивы и нелюбопытны, что даже близкий нам, красивый Псков и то мало знаем.

Никого не тянет посидеть на берегу Великой перед лицом седого Детинца**; многим ли говорит что-нибудь название Мирожского монастыря, куда

---

* Городец на Саре, быть может, представляет не что иное, как первоначальное место Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остатках городища, дала несколько характерных предметов X–XII вв. Гнёздовского типа. — *Примеч. Н.К. Рериха.* См. в наст. изд., разд. I, № XIII.

** Кроме живых слов Костомарова в северных народоправствах, к картине величия Пскова см. материалы: *Ушаков Ф.*, 1902. — *Примеч. Н.К. Рериха.*

Снимки Е.И. Рерих с надписями: «Печоры. Ризница и вход в пещеры», «Печоры. Старая звонница, испорченная пристройкой»

следует съездить хотя бы для одних изображений Спаса и Архангела в приделах. Старинные башни, рынок под Детинцем, паруса и цветные мачты торговых ладей, как всё это красиво, как всё близко от столицы. Как хороши старинные домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащие самым прозаическим назначениям, вроде склада мебели и кладовых. И как мало известно большинству, кислому будто бы от недостатка новых впечатлений. Если и Псков мало знаем, то как же немногие из нас бывали в чудеснейшем месте подле Пскова — Печорах? Прямо удивительно, что этот уголок известен так мало. По уютности, по вековому покою, по интересным строениям мало что сравн[и]тся во всей Средней Руси. Стены, оббитые литовцами, сбегают в глубокие овраги и бодро шагают по кручам. Церкви XVII века, деревянные переходы на стене, звонницы, всё это тесно сжатое дает необыкновенно цельное впечатление.

Можно долго прожить на этом месте, и всё будет хотеться ещё раз пройти по двору, уставленному странными пузатыми зданиями красного и белого цвета, ещё раз захочется пройти закоулком между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдут богомольцы; из которой-нибудь церкви будет слышаться пение, и со всех сторон будет чувствоваться вековая старина. Особую прелесть Печорам придают полуверцы — остатки колонизации древней Псковской земли. Каким-то чудом в целом ряде посёлков сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говор, — очень близкий лифляндскому наречию. В праздники женщины грудь увешивают набором старинных рублей, крестов и

Н.К. Рерих. Печоры. Полуверка (Крестьянка в праздничном наряде). 1903. Из этюдов, выполненных во время путешествия по древнерусским городам. Собрание ГМВ

брактеатов, а середину груди покрывает огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Издали толпа — вся белая: и мужики и бабы в белых кафтанах; рукава и полы оторочены незатейливым рисунком чёрной тесьмы. Странно думать, что так близко от нас, презирающих всякую самобытность, ещё уцелела какая-нибудь[64] характерность и несколько сот полутёмных людей дорожат своими особенностями от прочих.

Часто говорится о старине и в особенности о старине народной, как о пережитке, естественно умирающем от ядовитых сторон неправильно понятой культуры. Но не насмерть ещё переехала старину железная дорога, не так ещё далеко ушли мы, и не нам судить: долго ли ещё могут жить старина, песни, костюмы и пляски? Не об этом нам думать, а прежде всего надо создать здоровую почву для жизни старины, чтобы в шагах цивилизации не уподобиться некоторым недавним просветителям диких стран с их тысячелетней культурой. А много ли делается у нас в пользу старины, кроме казённых запрещений разрушать её?

Поговорите с духовенством, поговорите с чиновничеством и с полициею и увидите, какие люди стоят к старине ближайшими. Ведь стыд сказать: местная администрация, местные власти часто понятия не имеют об окружающей их старине. Не с гордостью укажут они на памятники, близ которых их бросила судьба и которыми они могут наслаждаться, — нет, они, подобно захудалому мужичонке, будут стараться скорее отделаться от скучных расспросов о вещах, их пониманию не доступных, и карты и сплетни куда важнее для них всей старины вместе взятой.

Откуда же тут возьмётся здоровая почва? Откуда сюда придёт самосознание? И мы готовы заговорить хоть по-африкански, лишь

Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Полуверки под Псковом»

Святые врата Ризоположенского монастыря 1688. Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Ефросиниевский монастырь в Суздале»

бы не подумал кто, что своё нам дороже чужого. Старшее поколение, не имея в руках археологии русской, которая занимает своё место лишь за последнюю четверть века, мало знает старину; молодёжь почему-то считает старину принадлежностью стариков. И как выйти из этого заколдованного круга? Каким путём удастся нам полюбить старину и понять красоту её — просто неведомо.

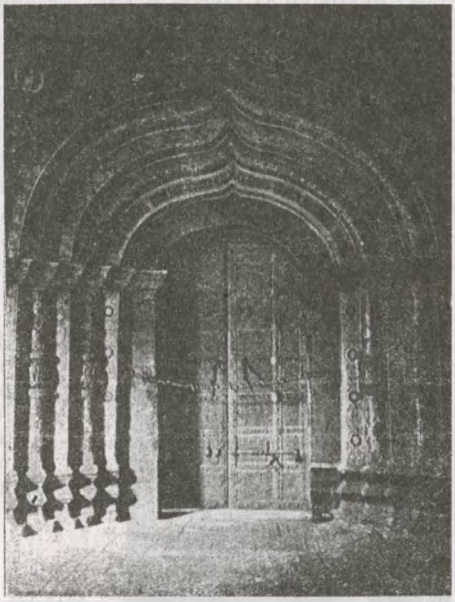
Можно подумать, не нужны ли здесь ещё какие-либо приказания. Не нужно ли ещё отпуска казённых сумм?

Предвижу, что археологи скажут мне: дайте денег, укажите средства, ибо монументальные сооружения требуют и крупных затрат. Но не в деньгах дело; денег на Руси много; история реставрации Ростовского кремля и некоторых других памятников, наконец, сейчас переживаемое нами время ясно свидетельствуют, что если являются интерес и сознание — находятся и средства, да и немалые. Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда археология будет сухо научною, до тех пор без пророчества можно предсказать отчуждённость её от общества, от народа.

Картина может быть сделана по всем правилам и перспективы, и анатомии, и ботаники, и всё-таки может не быть художественным произведением. Дело памятников старины может вестись очень научно, может быть переполнено специальнейшими терминами со ссылками на тысячетомную литературу, и всё-таки в нём может не быть духа живого, и всё-таки оно будет мертво. Как в

Фонарь Рождественского собора XVII в. Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Большой фонарь Суздальского собора на 200 свечей. Высота 1 саж. 6 верш.»

картине весь смысл её существования часто заключается в каком-то необъяснимом словами тоне, в каких-то не поддающихся формуле чёрточках[65], так и в художественном понимании дела старины есть много не укладывающегося в речи, есть многое, что можно только воспринять чутьём. И без этого чутья, без чувства красоты исторического пейзажа, без понимания декоративности и конструктивности все эти разговоры будут нелепой тарабарщиной.



Снимок Е.И. Рерих с надписью: «Двери в церкви Воскресения на Дебрях в Костроме»

Не о лёгком чём-то говорится здесь. Слов нет, трудно не утратить чувства при холодных основах знаний; много ли у нас профессоров-наставников, в которых горит огонь живого чувства?.. Часто, раз только речь касается чувства, получается полная разноголосица, но наученным опытом нельзя бояться её, — всегда из массы найдутся немногие, которым чувство укажет правду, и на этой правде закопошится общий интерес, а за ним найдутся и средства, и всё необходимое.

Бесспорно, за эту четверть века много уже сделано для дела старины, но ещё гораздо больше осталось впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дело старины, чтобы сдать её в археологические и архивные комиссии и справлять триумф её пышными обедами археологических съездов, да на этом и почить.

Всё больше и больше около старины накопляется задач, решить которые могут не одни ученые, но только в единении с художниками, зодчими и писателями.

В жизни нашей многое сбилось, спутались многие основы. Наше искусство наполнилось самыми извращёнными понятиями. И старина, правильно понятая, может быть доброй почвой, не только научной и художественной, но и оплотом жизни в её ближайших шагах.

Я могу ожидать вопрос: «Вы дали неутешительную картину дела старины русской, но что же вы укажете как ближайший шаг к нравственному исправлению этого сложного дела?»

Что же мне оставалось бы ответить на такой прямой вопрос? Ответ был бы очень старый: пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора светским[66] людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться

высоким и значительным, которому они не сумели ещё отвести должное место, что заменит серые будни весёлою, красивою жизнью.

Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение её. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими. Пора зло высмеивать сухарей-археологов и бесчувственных педантов. Пора вербовать новые молодые силы в дружину ревнителей старины — пока, наконец, этот порыв не перейдёт в национальное творческое движение, которым так сильна всегда наша могучая Русь[67].

Николай Рерих.

Н.К. Рерих. Лето. Этюд (В Берёзке). [1904] Местонахождение неизвестно

В этом же выпуске "Хроники и библиографии" помещён целый ряд ценных сообщений и материалов, которые могли заинтересовать Рериха. География, временные рамки, тематика весьма разнообразны и насыщенны; некоторые затронутые проблемы не утратили своей актуальности до сих пор[68].

XXII
ИИАК. № 15. *СПб.: тип. ГУУ, 1905*

Археолог А.А. Спицын ссылается в своих статьях на результаты раскопок Н.К. Рериха.
Упоминаемый в статье "Старейшие русские могильники в Новгородской области" могильник у деревни Фёдово был хорошо знаком Рериху: в нескольких километрах от Фёдовской сопки находилось село Берёзка[69], где Рерихи жили летом в 1904–1909. Село располагалось в пределах некогда обширного имения Волковых-Манзей — близких родственников князей Путятиных и Голенищевых-Кутузовых[70].
В статье "Владимирские курганы" впервые опубликованы данные Рериха по Сарскому городищу[71].

XXIII
ИИАК. Прибавление к № 16: Хроника и библиография. № 8
СПб.: тип. ГУУ, 1905

"Археологическая хроника" подготовлена по периодике за первую половину 1905. В отдельной статье сообщается о выступлении Рериха на заседании **ОРСА ИРАО**.

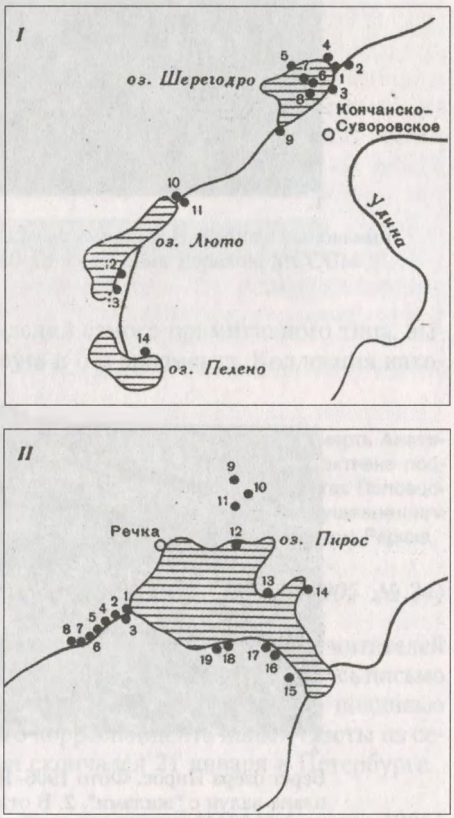
1. [О заседании ОРСА ИРАО 19 февраля 1905]

(ПВ. 22 февраля 1905. № 42)[72]

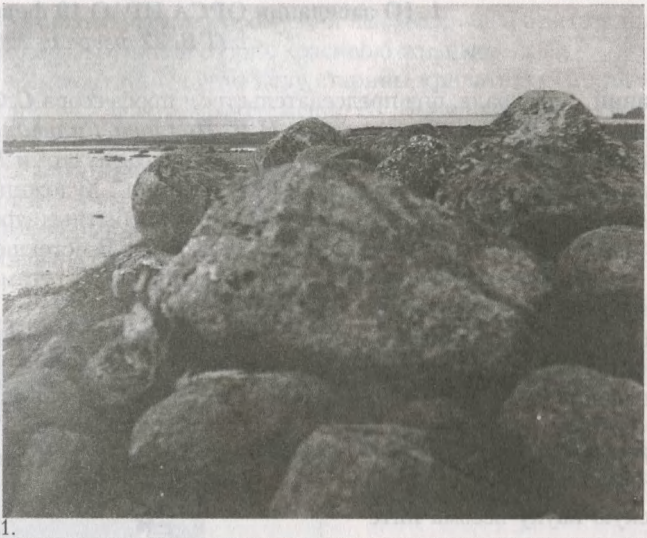
В заседании 19 февраля, под председательством профессора ***С.Ф. Платонова***, предметом занятий служили доклады ***Н.П. Павлова-Сильванского*** *"Местная грамота XIV века из бумаг кабинет-министра Волынского"* и ***Н.К. Рериха*** *"Стоянка каменного века на озере Пирос близ Бологого"*. Художник-археолог Н.К. Рерих давно уже занимается исследованием первобытных древностей в областях, принадлежавших некогда Великому Новгороду. В истекшем году исследованию его подверглись местности, расположенные по берегам озера Пирос, образовавшегося искусственно в сравнительно недавнее время, благодаря устройству шлюзов на реке Березае, при впадении в неё реки Валдайки.

Озёрные плёсы Новгородской и Тверской областей дарили не раз уже археологическую науку весьма интересными и оригинальными находками. Красивая высокая местность, богатая лесами и озёрами, несомненно издавна привлекала к себе первобытного обитателя, обеспечивая ему легкую возможность добывания себе здесь необходимой для него пищи. Находки 1902 и минувшего годов вполне подтверждают это предположение: кроме давно известной, открытой князем П.А. Путятиным, стоянки первобытного человека каменного периода близ станции Бологое, в последнее время открыты ещё два пункта таких же стоянок: по берегам озёр Шере́годро[73] и Пирос. Все эти пункты лежат как раз на известном древнем пути на север, по направлению на Устюжну. Находки по берегам озера Пирос, как принесённые намывом, так и найденные на месте стоянок, и послужили темою доклада Н.К. Рериха.

Исследования производились медленно, путём прорытия многих пробных ям и канавок, просеиванием



Карты распространения неолитических стоянок бассейна р. Мсты (среднее течение)
Районы озёр Шере́годро (I) и Пирос (II)
По данным М.П. Зиминой[74]



1.

2.

Берег озера Пирос. Фото 1906–16 из альбома Рерихов. 1. На переднем плане валун с "жилами". 2. В отдалении лодка на отмели. МСССМ

пласта и пр. Место основной стоянки открыто случайно князем ***М.П. Путятиным***. Находки весьма разнообразны: янтарная привеска, каменные долота, скребки, наконечники копий и стрел, обломки дротиков, ножей, пилок и молот-

Берег озера Пирос. На горизонте среди камней Е.И. Рерих с сыновьями Юрием и Святославом. Фото 1906–16 из альбома Рерихов. МСССМ

ков и т. д., а также остатки гончарных изделий самого примитивного типа, выделывавшихся без помощи гончарного круга и без орнамента. Коллекция находок была демонстрирована в заседании[75].

В этом же выпуске "Хроники и библиографии" опубликованы отклики на смерть **Анатолия Викторовича Половцова,** который в последние годы своей жизни активно поддерживал Н.К. Рериха на поприще науки и искусства. О дружеских контактах Половцова и Рериха свидетельствует их переписка[76]; известно, с каким воодушевлением участвовал Половцов в археологических экскурсиях ИПАИ под руководством Рериха.

2. Б.Д. [На смерть А.В. Половцова]. *(МВ. 24 января 1905. № 24)*

Грустное чувство, без сомнения, невольно охватит постоянных читателей "Московских Ведомостей": на их страницах пять дней тому назад появилось письмо из Петербурга "О выставке союза русских художников" за обычною подписью ***А.В. Половцов***, а теперь этого постоянного корреспондента нашей газеты из северной столицы уже не стало в живых; он скончался 21 января в Петербурге.

3. [На общем собрании ИПАИ 6 марта 1905]

Почтена была вставанием память недавно скончавшегося одного из старейших питомцев института и его действительного члена, начальника архива министерства Императорского Двора, тайного советника ***А.В. Половцова***.

А.Ф. Селиванов и ***С.А. Розанов*** произнесли речи, посвящённые памяти покойного. Юрист по образованию, Анатолий Викторович начал свою государственную службу в земском отделе министерства внутренних дел, но служба не удовлетворяла его: нервный, деятельный и отзывчивый, он всё своё свободное время посвящал науке, литературе и общественной деятельности (по Вольному экономическому обществу). За это время Анатолий Викторович издал несколько трудов, посвящённых быту крестьян, и главным образом, вопросу о сельской общине. Окончив в 1889 году курс в археологическом институте, он отдался работам по археологии. Особенный интерес проявлен был им к архивному делу, в защиту которого им написано в это время несколько горячих статей. С 1889 года Анатолий Викторович стал во главе одного из важнейших русских архивов: общего архива министерства Императорского Двора. Работы по архиву при нём заметно продвинулись вперёд. Материалы были приведены в порядок и систему, выпущено несколько изданий описей документам архива, и облегчена возможность пользования ими для справок и исторических изысканий, построено также новое специальное помещение для хранения архивных дел. До конца жизни Анатолий Викторович не прерывал связи с археологическим институтом, принимая участие в его собраниях и экскурсиях. Покойный был заметным деятелем многих учёных архивных комиссий, а также областных и всероссийских археологических съездов. Анатолий Викторович принимал участие во многих периодических изданиях. Перу его принадлежит много статей по самым разнообразным вопросам.

ПРИМЕЧАНИЯ К № XXI–XXIII

[1] *Виноградов А.Н.*, 1878/79.

[2] *Рерих Н.К.*, 1993а. С. 11.

[3] См. метрику в ЦГИА СПб., ф. 144, оп. 2, д. 138, л. 95–97.

[4] Воспроизведено в "Ежегоднике Общества Архитекторов-Художников" (1908. № 3. С. 122) под назв. "Этюд (Храм)", без указ. даты и владельца.

[5] *Путятин Михаил Сергеевич, князь* (1861—1938) — дальний родственник князя Павла Арсеньевича (см. *Гребельский П.Х.*, 1993. С. 229. № 142); владелец им. Блавское. Член Комиссии Музея Допетровского искусства и быта (с 1909). Редактор "Летописного и лицевого изборника Дома Романовых" (с 1913), в к-ром сотрудничал Рерих. Е.И. Рерих в родословной записи писала: «Младшая линия Путятиных состояла из Михаила Сергеевича и Нила Сергеевича, женатых на сёстрах, на дочерях адмирала Платова. Михаил Сергеевич начал карьеру морским офицером, продолжил чиновником по особым поручениям при Государе и Императорской семье и затем был назначен начальником Царского Села, резиденции Государя. Сергей Михайлович имел двух сыновей. Старший был женат на Великой Княгине Марии Павловне [младшей] после её развода со шведским принцем» (*Рерих Е.И.*, 1950–55в). Сохранилось 2 письма кн. М.С. Путятина к кн. П.А. Путятину 1892 и 1907: РА ИИМК, ф. 15, № 74.

[6] *"Углич. Крыльцо церкви Иоанна Предтечи"* (1904), *"Звенигород. Святые ворота в Саввино-Сторожевском монастыре"* (1904; см.: *ПРС.* № 1. С. 148) и *"Рейн. Хеймерсгейм"* (1909).

[7] См. об этом: *Иванов М.А.*, 1989, 1990; *Иванов М.А.*, 1992. С. 42–48, 53–59, 62, 63, 65;

Кайдаш С., 1993. С. 150–154; *Иванов М.А.*, 1994; *Иванов М.А.*, [1995]. С. 5, 63, 68, 71–75, 81, 84, 91, 92, 95–114, 127; *Багажова И.*, 1995; *Мельников В.Л.*, 1997а, 1997в, 1998а, 1998б, 1998г.

[8] **Первое издание** (под названием "Старина") состоялось в газете "Новое время" 23 декабря 1903. **Второе издание** ("Старина на Руси") вышло в трёх номерах журнала "Зодчий" в июне–июле 1904 (*Зодчий*. СПб. 27 июня, 11 июля, 25 июля 1904. № 26, 28, 30. С. 299–301, 319–322, 343–346). Это издание проиллюстрировано пятнадцатью фотографиями памятников, выполненными Еленой Рерих. По сообщению А.А. Ростиславова, в 1903, во время четырёхмесячной поездки «по России, по Волге, старинным городам Ярославской, Владимирской губ. и Западного края» Е.И. Рерих сделала до 500 фотографий (*Ростиславов А.А.*, 1918. С. 30–31). Николай Константинович оставил такое свидетельство: «...Большое это было хождение по разным историческим местам. Всюду писались этюды — Елена Ивановна всюду снимала фотографии. Часть её снимков вошла и в "Историю искусства" Грабаря, и в другие труды, посвящённые памятникам старины» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 36). **Третье издание** — это то, что названо в "Хронике и библиографии", — вышло тоже в 1904. В нём Рерих поместил репродукции двух своих работ. **Четвёртое** ("По старине") — в собрании сочинений Н.К. Рериха (книга 1), вышедшем в Москве в изд. И.Д. Сытина в ноябре 1913. Кроме этого, в 1993 Д.Н. Поповым издан отрывок **"Памятники"** (1903), по рукописи в ОР ГТГ, ф. 44, № 528, являющейся одним из самых ранних набросков статьи. Ссылки на эту рукопись даются по публ.: *Рерих Н.К.*, 1993б. С. 8–9. Своеобразным развитием темы явилось сообщение Рериха **"из прошлой и настоящей жизни русского искусства"** на заседании Имп. СПб. об-ва Архитекторов 2 ноября 1904. Сообщение вышло в печати «по приблизительной стенограмме» вместе с прениями (*Искусство*. 1905. № 4–8. С. 48–54, 143–151). В прениях выступили князь Путятин, Маковский, Николаев, Лебедев, И.С. Китнер и N. N. (перечисляем так, как в оригинале). В своём сообщении Рерих поделился личными наблюдениями, сделанными в Калязине, Угличе (Воскресенский монастырь), в Саввино-Сторожевском монастыре под Звенигородом, в Иверском монастыре на Валдае и др. Об этом в наст. изд. см. также разд. II, № 55–58.

[9] Подзаголовок обнаружен в одном из черновиков статьи: ОР ГТГ, ф. 44, № 22, л. 22 об.

[10] В 1-м изд. это предложение начинается так: «Писать о старине, да ещё в защиту её, старо и, пожалуй, скучно для многих». В 4-м изд. статья начинается со 2-го предложения.

[11] В черновиках статьи есть другой, видимо, самый ранний вариант первого абзаца: «Писать о старине, да еще в защиту её — старо и, пожалуй, скучно для многих. Мы признали значительность и научность старины; мы перестали явно уничтожать памятники древности — довольно: не к чему нам любить старину и никакого места она, по-прежнему, в нашей жизни не занимает. Долго ли так пройдёт — неизвестно. Если бы не некоторые уголки Запада, на такую тему можно говорить очень печально» (ОР ГТГ, ф. 44, № 22, л. 20).

[12] В 1-м изд. вместо этого абзаца следует одно предложение: «Но всё-таки о старине у нас мало заботятся».

[13] *Иван Предтеча ярославский* — церк. Иоанна Предтечи в Толчково, быв. слободе Ярославля, уникальный памятник русской архитектуры 1671–87, 15-главый храм, украшенный снаружи кладкой из фигурного кирпича, изразцами, росписью. В интерьере фрески 1695. Справку о ремонте и реставрации этого храма по материалам ИАК см.: *ПРС*. № 1. С. 178. См. также в наст. разд., № XXXVI (5).

[14] В отрывке "Памятники" (1903) перед след. абзацем следует текст (с него отрывок и начинается): «Россия с особенной лёгкостью отказывается всегда от прежних заветов культуры. Весь Петербург полон ужасающими примерами. Далеко ходить не нужно.

Для старины мы переживаем сейчас очень важное время. Об этом придётся писать еще много раз».

[15] В других изд. — «полюбить старину». В черновиках есть фрагмент о любви к старине, не вошедший ни в одно изд.: «Единственною заповедью апостола Иоанна было: "Дети, любите друг друга". Он не говорил, как и что из-за этого произойдёт, но знал, что это основной путь к лучшему. Если кто-нибудь скажет: "любите старину", как любить, как сохранять, что с ней делать, всё это второстепенное, а первейшее полюбить её, отвести ей в себе хоть маленькое искреннее местечко» (указ. ед. хр., л. 22).

[16] В черновике далее следует: «В иных местах, где в научном отношении как будто всё и обстоит благополучно, всё-таки не хватает сознательного и любовного отношения к старине; не хватает и художественности, так неразрывно со стариною связанной» (там же).

[17] В черновиках есть отдельная фраза о Литве, не вошедшая в публикации: «Мне хотелось пройти до границы не через окно, а дверью, исконным путем теперешней Литвы» (указ. ед. хр., л. 7).

[18] Конец фразы приводится по 4-му изд. как самому позднему, следовательно, наиболее взвешенному. В отрывке "Памятники" — «кольцом отвратительных хибарок».

[19] В черновике эта мысль раскрыта полнее: "Как мало мы сознаём, что перед нами превосходнейшая живопись "декоративная". (У нас ведь всё ещё принято разделять живопись на "декоративную" и ещё какую-то, очевидно, забывая прямое значение самого определения). Не запомню такого же впечатления, как в древнем храме; рядом с ним совершенно исчезает впечатление современной росписи. Может быть, мне скажут, что и время поработало над старой живописью, — нет дела до этого, кроме времени здесь работали очевидно способнейшие люди» (указ. ед. хр., л. 14, 18).

[20] *"Стоглав"* — сборник решений Стоглавого собора 1551 г. Состоит из 100 глав. Кодекс правовых норм внутренней жизни русского духовенства и его взаимоотношений с обществом и государством (*БЭС*. 1998. С. 1152). Излюбленный исторический источник Рериха, много раз им цитируемый и используемый в течение всей жизни.

[21] В черновиках есть др. вариант этого места: "Научность и важность росписи мы давно заметили, но красоту её, самое то главное, ещё очень плохо почувствовали. За последнее время к нам попадает много японского искусства, — давнего уже достояния Франции. Будем надеяться, что хоть посредством несравненных творений японских художников, мы глубже почувствуем очаровани[я] тонов и общего нашей старой церковной росписи (не реставрированной). Всё у нас приходит через заграничное, пусть хоть через японцев станет на должное место старая роспись. А за этим понятием выдвинется и другое, а именно о необходимости стенописных украшений наших общественных мест» (указ. ед. хр., л. 7).

[22] В отрывке "Памятники" здесь — «делу».

[23] В черновике: «...художественностью заимствованные из сокровищницы магазина Александра» (указ. ед. хр., л. 12).

[24] В 4-м изд.: «...отряхивая весь лишний мусор, собирая осколки прекрасных форм?». Отрывок "Памятники" далее заканчивается абзацем: «Верю: скоро к нашей старине придут многие настоящие люди. Кроме археологических учреждений будут задуманы общества друзей старины. Не скажем больше: "Всё спокойно". Ещё раз изгнать культуру мы, наконец, убоимся!».

[25] В черновике далее следует: «Удивительна цельность этой художественной задачи» (указ. ед. хр., л. 16).

[26] В черновике: «бедный народ» (там же).

[27] Ошибка корректора, правильное название — **Шекшово**. Об истории этих сёл, входящих ныне в состав Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл., см.: *Белов Ю.*, 1998. Там же современное фото автора "Жительница села Шекшово Н.И. Киселёва в национальном костюме".

[28] В 1-м изд.: «о создании и поддержании».

[29] В 4-м изд.: «...какое безобразие получается».

В черновиках есть фрагмент (возможно, первоначальный вариант), соответствующий всем суздальским наблюдениям о национальных костюмах:

«Из всей "серой" Суздальской округи общий голос направлял в села Торки и Шокшово [именно так, а не Шошково, как во всех изд. — *В. М.*]. В Торках наконец сказали, что эта старинная мода уже оставлена, а в Шокшове оказалось ещё много старины. Но вместо желания сохранить её и носить почти во всех дворах замечалось страстное скрытое желание сбыть её во что бы то ни стало. Как только ребятишки [о]повестили о приезде "каких-то за стариною", так со всех концов потянулись бабы с узелочками, предлагая купить фаты, повязки и ленты. Но редко можно было найти полный убор, бывающий ещё в употреблении. Покуда одна такая щеголиха одевала на себя старинную округу, отец её порассказал много интересного, что необходимо иметь в виду Русскому Собранию в его работах о национальном костюме [имеется в виду Русский Музей Александра III. — *В. М.*]. Я начал печаловаться, что старинные уборы не носят, что вся эта типичная красота заменяется шаблоном фабричного ситца и позумента во главе с кофтой и пиджаком. Степенный мужик на это высказал совершенно дельное замечание: «И хотели бы иные носить, да видите дело-то в том: ветшает старинная округа, а подновить-то её нечем. Нынче ничего такого не делают, ни парчей, ни ситцев, ни набоек старинного образца нет, или дороги они несообразно, а из новых образцов тоже не сошьёшь, так и прикончилась старинная мода, и то уж приходится покупать из разных мест: из-за Нижнего, из-за Костромы» (замечание важное для этнографа). И правда, большинство настоящих уборов уже изорвались, и все попытки подновить их оказываются безуспешными. Я видел повязки с пришитыми кусками церковной парчи — зрелище отвратительное, видел ленты шейные, подновлённые новыми бусами, — прескверно. И подумалось мне: не в том дело, что несколько десятков горожан оденутся в плисовые штаны и рубашки, а дело — дать возможность народу продолжать пользоваться их характерным нарядом и вразумить его, насколько он красивее в своих уборах.

Теперь мы переживаем важное время, дружно потребовали обновления ветшающие святыни наши, нужно обратить серьёзное внимание и на национальн[ый] костюм, который во многих случаях такой же ровесник стареющим храмам и требует тоже подновления» (указ. ед. хр., л. 24, 25, 25 об.).

[30] *Кичка (кика)* — старинный русский головной убор замужних женщин, шапочка с твёрдой передней частью в форме рогов или лопатки (*БЭС*. 1998. С. 533).

[31] *"Нива"* — литературно-политический популярный еженедельный журнал, выходил в 1870–1917. Самый популярный "тонкий" журнал в России.

[32] В 1-м изд. окончание фразы такое: «...живут там лучшие обычаи, мало там преступлений».

[33] См. также: *Рерих Н.К.*, 1903. С. 37; *Рерих Н.К.*, 1914. С. 297–299. Стихотворение "Лют Великан" (1908).

[34] *Романов-Борисоглебск* — до 1918 название современного г. Тутаева в Ярославской обл., на р. Волге. Образован в 1822 из гг. Романов (известен с XIV в.) и Борисоглебск (известен с XV в.). Сохранились Воскресенский (1662–70) и Крестовоздвиженский (1668) соборы с росписями XVII в. и многочисленные церкви XVIII в. (*БЭС*. 1998. С. 1236).

[35] *Доре Гюстав* (1832—83) — французский график. Его романтически эффектные, тщательно проработанные иллюстрации к Библии (1864–66) были популярны в различных слоях российского общества в конце XIX в.

[36] В 4-м изд. — «творят». Суздальский журналист, краевед Юрий Белов пишет: «Да, действительно, церковь построена в традициях "декоративного" XVII века, типичный представитель архитектурной школы, сложившейся в Суздальском уезде. Из разговоров с жителями Шекшова я узнал, что церковь закрыта в середине 1930-х годов, была разорена современными варварами. Иконы пошли на изготовление... кормушек для лошадей в колхозной конюшне. Трагедия. Обезглавленный храм производит унылое впечатление. Видел бы Рерих эту поруганную красоту!.. Ужасный век, ужасные нравы...» (*Белов Ю.*, 1998).

[37] В 1-м изд. этот абзац начинается иначе: «Тогда сильнее могла действовать старина и можно себе представить, насколько другой вид имели тогда памятники. Сколько их и совсем безвозвратно погибло с тех пор! И теперь на глазах многих тают целые башни и стены».

[38] *Троки* (с 1917 *Тракай*) — город в Литве, среди Тракайских озёр, основанный в 1341. В XIV–XV вв. резиденция великих князей литовских, начиная с Гедимина (†1341) и его сына Кейстута (†1382). Оборонительный комплекс, в т. ч. замок на о-ве оз. Гальве, XIV — нач. XV вв. Церк. Витуато (XV–XVIII вв.) и др. (*БЭС*. 1998. С. 258, 517, 1217).

[39] Описание замков в Троках см.: *Дроздович И.М.*, 1912. О реставрационных работах в Троках см. в *ИИАК*: 1. № 26. (*ВР*. № 1). 1908. С. 33; 2. № 31. (*ВР*. № 3). 1909. С. 7; 3. № 55. (*ВР*. № 14). 1914. С. 24, 25.

[40] *Ковно* (с 1917 *Каунас*, в 1917–40 столица Литвы) — порт на р. Неман (Нямунас), при впадении в него р. Нярис. Известен с 1361. С 1795 в Российской империи. Замок (XIII–XVII вв.), церковь Витуато (заложена в 1400), собор Пятро ир Повило (XV–XVII вв.), т. н. дом Перкуно (XV–XVI вв.), монастырь камальдолийцев в Пажайслисе (XVII — нач. XVIII вв.), ратуша (XVI–XVIII вв.) и др. памятники.

[41] *Владислав II Ягелло (Ягайло)* — польский король. Под его командованием польская армия и литовско-русские полки кн. Витовта в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 разгромили войска Тевтонского ордена.

[42] Конец фразы приводится по 4-му изд.

[43] В черновиках местечко Кейданы Ковенской губернии упомянуто ещё раз в отдельной фразе, не вошедшей в издания: «Омертвела старина, ни дня она не прекрасна, как никому не страшен грозный Януш Рад[з]ивилл, высохший в бархатном одеянии в подземелии Кейданского Собора» (ОР ГТГ, ф. 44, № 22, л. 13). Об исторических памятниках местечка (в т. ч. и о свинцовом гробе с мощами Януша Радзивилла, хранившемся в величественном реформатском соборе) см.: *ИИАК*. Приб. к № 56. (*ХБ*. № 26). 1914. С. 94.

[44] *Крыжак* (в Польше и Белоруссии *крыжачок*) — народная песня и танец. Музыкальный размер $^{2}/_{4}$ и $^{4}/_{4}$. Темп в начале медленный, постепенно ускоряется. Танцующие пары располагаются крестом.

[45] Имеется в виду *Георгиевский собор* в г. Юрьев-Польский Владимирской обл. Построен в 1230–1234, перестроен в XV в. В. Ермолиным.

[46] В 1-м изд.: «обшит досками и теперь обносится».

[47] Последнее предложение появилось лишь в 4-м изд.

[48] *Смоленск* — г. на р. Днепр, известен с 862, с кон. IX в. в составе Древнерусского государства, с XII в. центр Смоленского княжества, в 1404–1514 в составе Великого княжества Литовского, с 1514 в Русском государстве, с 1611 в Речи Посполитой. Взят русскими

войсками в 1654. В Смоленске церк. Петра и Павла, Иоанна Богослова, Михаила Архангела (все XII в.), кремль (кон. XVI в. — нач. XVII в.), Успенский собор (XVII–XVIII вв.).

[49] *Борис Годунов* (около 1552—1605) — русский царь с 1598.

[50] В 4-м изд. слова «во время писания этюдов» заменены на «под стенами».

[51] В 4-м изд. вместо «художественное общее» — «художественный общий».

[52] В черновиках имеется фрагмент, соответствующий окончанию этой ч. статьи (см. воспроизведение в тексте): «У нас принято многое валить на неумолимое время, но не время, а люди неумолимы, и время лишь идёт по стопам их, являясь только выполнителем.... Сделаете что-либо хорошее, и именно время скрепит и запе[ча]тлеет это, так же точно продолжит время и всякое упущение. Вокруг наших памятников целые серии даже именных ошибок, и статистик мог бы составить любопытный синодик таких деятелей. И это следовало бы сделать в назидание потомства» (указ. ед. хр., л. 17 об).

[53] *Рерих Н.К.* По пути из Варяг в Греки. (Заметки). // *ИХП.* 1899. № 9–10. С. 719–730. С ил. автора.

[54] Воспроизводится по публ. в "Огоньке" (22 июня 1908. № 25. С. 8), где сопровождалась аннотацией: «"Псковский погост" — одна из картин, пропавших в США».

[55] Слово приведено по рукописи (указ. ед. хр., л. 2) и 1-му изд. В др. изд. повторяющаяся опечатка — «после».

[56] Эта работа соответствует снимку Б.К. Рериха "Обработка окон в доме Сутоцкого в Пскове. XVII век" в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 3. С. 291. Ракурс на снимке тот же.

[57] В 1-м изд.: «Знал Трувор»; во 2-м изд.— так же, как и в 3-м; в 4-м: «Знал так называемый Трувор».

[58] *Гродно* — город в Белоруссии на р. Неман, известен с 1128. С 1376 в Литве и Польше. С 1795 в Российской империи, в 1920–39 в Польше. Борисоглебская церковь (XII в.), Старый замок (кон. XVI в.), Новый замок (сер. XVIII в.), иезуитский костёл (XVII–XVIII вв.). См. о Гродно также: *Воронин Н.Н.*, 1954.

[59] *Вильно* (с 1939 *Вильнюс*, с 1940 столица Литвы) — г. упом. с 1323. Столица Великого княжества Литовского. С 1795 в составе России. В 1920–39 в составе Польши. Остатки Верхнего замка (XIV–XV вв.), Старый город с домами XVII–XVIII вв., церкви Анны (XVI в.), Петра и Павла (XVII в.), кафедральный собор и ратуша (XVIII в.). (*БЭС.* 1998. С. 204).

[60] *Венден* (с 1917 *Цесис*) — город в Латвии, на р. Гауя. Известен с 1206. Романско-готическая церковь Яна (XIII в.), орденский замок (XIII–XVI вв.). (*БЭС.* 1998. С. 1333).

[61] В 4-м изд.: «чудесного». Так же и в рукописи (указ. ед. хр., л. 3 об.).

[62] В черновиках статьи имеется фрагмент, не вошедший в издания: «В смысле исторического ансамбля памятника не знаю, кто посочувствует. Помню только, что Рёскин бесплодно говорил почти об этом же» (указ. ед. хр., л. 7). *Рёскин (Раскин) (Ruskin) Джон* (1819—1900) — английский писатель, теоретик искусства. Романтический протест Р. против современного об-ва обусловил его призыв к возрождению средневековых форм организации художественного творчества и ремёсел. Идеолог прерафаэлитов. Произведения Р. о проблемах культуры ("Сезам и Лилии", 1865; "Королева эфира", 1869) отличаются изысканностью слога (*БЭС.* 1998. С. 1013).

[63] В публ. было «Сыдно». В др. текстах встречается также «Седно». Правильно — «Сенно».

[64] В 4-м изд. вместо «какая-нибудь» — «подлинная».

[65] В 4-м изд. здесь: «в какой-то не поддающейся формуле убедительности».

[66] В 4-м изд. это слово опущено.

[67] В 4-м изд. вместо «наша могучая Русь» — «культурная страна»; в конце статьи дата — 1903.

[68] Для примера отметим несколько таких документов: заметка **"Из Екатеринодара"** рассказывает о собрании каменных баб — половецких изваяний, числом более 30, установленных в самом центре города в небольшом павильоне у здания статистического комитета; другая заметка повествует о знаменитой часовне-памятнике на Красной площади **в Ельце**, устроенной на братской могиле 2000 русских воинов, погибших при взятии и разрушении города Тамерланом в 1395 году; интересны сведения о публикациях: **А. Грюнведеля**, трудами которого интересовался Рерих ("Отчёт об археологических исследованиях Турфана и его окрестностей") и **А. Половцова**, с которым Рерих дружил и переписывался ("Отблеск былого. Исторические картинки Ротенбурга") и т. д.

[69] Ныне деревня Вышневолоцкого р-на Тверской обл. По публ. в "Огоньке" (22 июня 1908. № 25. С. 9) здесь воспроизведён этюд, на к-ром изображён маленький Юрий Рерих с няней среди берёз — в Берёзке. О пребывании Рерихов в этом с. см. выше, в т. ч. в разд. II, № 58, 153, 154, с примеч.

[70] О памятниках в этом районе см. выше, а также: *Плетнёв В.А.*, 1903; *Тихомиров И.А.*, 1903; *Ширинский-Шихматов А.А.*, 1906. С. 53–62; *Исланова И.В.*, 1997.

[71] См. разд. I, № XIII, прил. II, с примеч.

[72] См. также протокол заседания ОРСА ИРАО в РА ИИМК, ф. 3, № 413, л. 1–3 об.

[73] См. об этих раскопках: *Рерих Н.К.*, 1905; *Спицын А.А.*, 1907; *Замятнин С.Н.*, 1948; *Зимина М.П.*, 1981. С. 4–6, 10–11; *Иванов М.А.*, 1998; *Мельников В.Л.*, 1998б; а также в наст. разд., № XXIX.

[74] См.: *Зимина М.П.*, 1981. С. 10–11. **I — оз. Шере́годро**; 1–5 — Кончанское I–V; 6 — Зват; 7 — Берёзовец; 8 — Заяц; 9 — Осиновец; 10 — Большое Оберечье; 11 — Малое Оберечье; 12 — Берёзовский рядок; 13 — Размытый полуостров; 14 — Белавинская. **II — оз. Пирос**; 1–8 — Усть-Валдайка I–VIII; 9 — Островская пристань; 10 — Шадомицкая пристань; 11 — Сухоедовская пристань; 12 — Узмень; 13 — Прикол; 14 — Малое Клешино; 15–17 — Рютино I–III; 18, 19 — Велье I, II. А в 1902–06 Рерихом открыты и иссл. стоянки: II–12, II–16 и ряд др. пунктов в эти и последующие гг. См. также: *Зимина М.П.*, 1996.

[75] В фотоархиве РА ИИМК, в ф. ИАК, хранятся 36 негативов и фотографий табл. находок из раскопок Н.К. Рериха в 1904 у оз. Шере́годро: обломки глиняных сосудов с ямочным орнаментом и кремнёвые орудия. Выполнены фотографии в 1905 И.Ф. Чистяковым, на об. каждой надпись: «Архив А.А. Спицына». Шифр Q461/8–25/IIIq438–55; № 5591–5608.

[76] *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 137, 138, 141, 143–150, 153.

1906

XXIV
ОИАК за 1903 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1906*

Как следует из отчёта, в 1903 году Н.К. Рериху по ходатайству ИРАО был выдан открытый лист на раскопки **Сарского городища Ростовского уезда Ярославской губернии**. "О раскопках Императорского Русского Археологического Общества в окрестнос-

тях Старой Ладоги и других местах" — так называется дело № 86/1903, где представлены материалы о раскопках Сарского городища[1].

XXV
ИИАК. Прибавление к № 18: Хроника и библиография. № 9
СПб.: тип. ГУУ, 1906

"Археологическая хроника" составлена по периодическим изданиям второй половины 1905. В разделе "Деятельность учёных учреждений и обществ" отдельной статьёй сообщается о заседании **Восточного отделения ИРАО**, на котором прозвучал новый доклад профессора **Альберта Грюнведеля**. Заседание прошло под председательством профессора барона В.Р. Розена.

В разделе "Сведения о раскопках, памятниках древности, кладах и находках" помещена заметка, сообщающая о находках Рериха в Тверском крае, а в разделе "Разные известия" приводятся сведения о количестве предметов рериховской археологической коллекции.

В "Обзоре повременных изданий" сообщается о выходе в свет статьи Рериха "Каменный век на озере Пирос" (1905)[2].

1. [О заседании Восточного отделения ИРАО]
(ПВ. 1 октября 1905. № 210)[3]

Доклад, прочитанный секретарём отделения ***С.Ф. Ольденбургом***[4], принадлежит перу иностранного учёного ***А. Грюнведеля***, написавшего его, что весьма редко случается вообще, на русском языке, и озаглавлен: *"Заметки о буддийском искусстве в Турфане"*[5]. Турфан, в древности весьма оживлённый узловой торговый пункт в Китайском Туркестане[6], подвергался в продолжение своей долгой исторической жизни самым разнообразным влияниям. На буддийском искусстве в Турфане отразились, по мнению Грюнведеля, влияния: сасанидское, персидское, китайское и даже японское. Против возможности последнего решительно возражал профессор ***Н.И. Веселовский***. Датированы исследованные Грюнведелем памятники весьма приблизительно — VIII веком до Р. Х.

2. Новые археологические раскопки
(СПбВ. 7 августа 1905. № 189)[7]

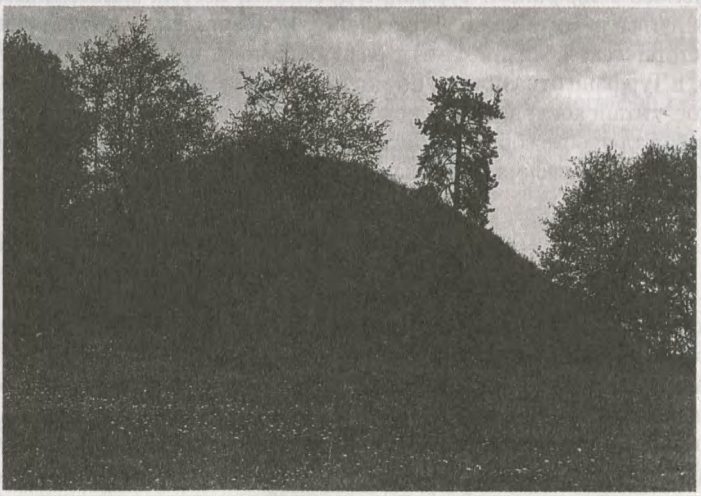
Летом 1905 года произведены очень удачные археологические исследования в Новгородской и Тверской губерниях. Художником-археологом ***Н.К. Рерихом*** найдены превосходные типы кремнёвых орудий и самые разнообразные гончарные поделки и рисунки на кости[8]. В той же местности работал, вместе с известным исследователем князем ***П.А. Путятиным***, археолог ***В.И. Каменский***[9], причём ими произведены изыскания палеолитического слоя в Бологовской стоянке. Там же производил раскопки и местный землевладелец князь ***А.А. Ширинский-Шихматов***[10], занятый по преимуществу раскопкой курганов.

3. Русские археологические коллекции за границей
(СПбВ. 24 ноября 1905. № 268)[11]

На днях вернулись в Россию археологические коллекции, принадлежащие князю ***П.А. Путятину*** и художнику-археологу ***Н.К. Рериху***, находившиеся на международном археологическом конгрессе, состоявшемся на юге Франции в Périgeux (Dordogne[12]). Это был первый опыт демонстрации предметов, относящихся к каменному веку, добытых в России, перед представителями всего мира. Один Рерих послал $1^1/_2$ тысячи номеров, которые крайне заинтересовали таких известных учёных, как Мортилье, Капитэн, Ривьер, и других.

XXVI
ИИАК. № 20. *СПб.: тип. ГУУ, 1906*

В этом выпуске помещён перевод монографии базельского профессора **С.А. Вьеланда** "Охрана памятников и родины в современных законодательствах" (1905). Эта обстоятельная публикация впервые на русском языке достаточно полно и точно освещает проблему охраны культурных сокровищ на материале юридических документов четырёх европейских государств. Рерих, активно выступавший по этой проблеме в начале XX века как в печати, так и в собраниях, мог ознакомиться с нею; известно, что он старался быть в курсе всего, что появлялось в печати на эту тему, и активно использовал в своей деятельности по защите памятников культуры опыт европейских коллег[13]. В прениях по поводу доклада Рериха **"Из прошлой и настоящей жизни русского искусства"**[14] прозвучал вопрос: *«Нельзя ли учредить комиссию и составить содержание законов об охранении наших древних памятников? Нельзя ли пересмотреть па-*



Сопка на озере Пирос в Новгородской обл. Современное фото

1. 2

Конёк-собачка XI–XIII вв. (1). Фигурка зайца VIII в. из окрестностей Томска (2)

раграфы и перейти к более энергичному способу, выяснить, что охранение памятников необходимо...». И далее прозвучала реплика князя Путятина: *«Комиссия под председательством графа Бобринского* [т. е. ИАК. — *В. М.*] *борется за это дело, но это страшно трудно: наша Россия так велика»*[15].
Имя Рериха в выпуске фигурирует дважды — в указателе статей, помещённых в первых 20 выпусках "Известий". (Параллельно с русским приведён французский текст указателя).

XXVII
Альбом рисунков, помещённых в ОИАК за 1882–1898 годы. *СПб., 1906*

В альбоме воспроизведены предметы, хорошо знакомые Рериху: бронзовые ножны из д. Мануйловой (№ 5) и медная привеска в виде конька-собачки из местечка Эсьмоны Борисовского уезда Минской губернии (№ 30). Несколько подобных привесок Рерих имитировал на раме своей знаменитой картины *"Гонец. Восстал род на род"* (1897) из собрания ГТГ[16].
Вновь изданы в альбоме вещи из Майкопского кургана, реконструкцию которого по просьбе профессора Веселовского Рерих выполнил в 1897 (№ 1271–1315).
Здесь же облюбованные Рерихом ещё в 1899 прекрасные образцы пермского звериного стиля: чудские образки, фигурки животных и птиц (№ 1858, № 1899, 1914–1918), бронзовый ящер с рогом, использованный художником для проекта кресла (№ 1900), и другие. На страницах атласа обращают на себя внимание бронзовая фигурка зайца (№ 2029)[17] и медная бляха с изображением оленя (№ 2082). Оба эти изображения были нанесены Рерихом на вышеупомянутую кальку (см. рис. на с. 336).

XXVIII
П.П. Покрышкин. Отчёт о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах. *СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1906*

Рерих негативно оценивал результаты этой работы; несколько раз публично оппонировал П.П. Покрышкину — на заседаниях учёных обществ (например, 30 марта 1907 на общем собрании ИРАО) и в печати[18]. Вот первый опубликованный отклик Рериха на издание отчёта П.П. Покрышкина.

Н.К. Рерих. Новгород. Спас Нередицкий. 1899. Местонахождение неизвестно. Первоначально в собрании И.М. Степанова, СПб.

Н.К. Рерих. Спас Нередица (Новгород). 1904. Частное собрание, СПб.

Записные листки Н.К. Рёриха. XV. Спас Нередицкий
(ЗР. 1906. № 2. С. 95–96)[19]

Синодик погибшей старины вырастает.

Показали снимок незнакомой церкви. «Откуда это?» — «Вот ваш любимый Спас в новом виде».

Б.А. Смирнов-Русецкий. Спас Нередицкий. [1927–30-е]
Собрание Е.М. Величко, Москва[20]

Сделался некрасивым чудный Нередицкий Спас. Нынче летом его переделали. Нашли мёртвую букву Византии; отбросили многое, тоже веками сложенное.

На пустом берегу, звеном Новгорода и старого Городища, стоял Спас одинокий. Позднейшая звонница, даже ненужный сарайчик пристройки, даже редкие ветлы волховские, всё спаялось в живом силуэте. А теперь осталась Новгородская голова на чужих плечах.

Семь лет назад писал я о будущей реставрации Спаса. В 1904 году дошли вести, что Спаса обезглавят, и я писал: «ужаснутся мужи новгородские, если на любимом, святочтимом Спасе засверкает новенький византийский котелок»[21].

Кара времени миновала главу; опустилась на плечи. Ободраны милые северу четыре ската крыши; вызваны на свет уже чуждые нам полукружные фронтоны. По карнизам появились острые сухарики[22]. Откуда они? Зачем? Кто их навязал реставратору, вопреки чутью художника? Даже карнизик барабана главы усеяли эти ненавистные острия.

Зачем полумеры? Отчего пощадили главу? Почему не перекрыли её византийским фасоном? Зачем не снесли позднюю колокольню?

Если во имя буквы нарушать вековую красоту, надо сделать это обстоятельно, во всём пределе изуверства. Достанем из пыли греческий клир. Перешьём из саккоса Адриана[23] портище Алексея Михайловича[24].

Спешите, товарищи, зарисовать, снять, описать красоту нашей старины. Незаметно близится конец её. Запечатлейте чудесные обломки для будущих зданий жизни.

Рерих отрицательно оценивал многие реставрации и ремонт памятников, выполненные под наблюдением или руководством Покрышкина, однако за несколько лет до

революции 1917 его отношение к деятельности Покрышкина несколько изменилось. Сказалось, видимо, участие Рериха и Покрышкина в общих акциях в защиту российской старины. К тому же Покрышкин качественно улучшил методику и при его участии состоялось несколько удачных работ. Уже в 1915 не без самокритики П.П. Покрышкин писал: «Многие неудачные опыты реставраций памятников старины и искусства привели, наконец, специалистов к выводу, что следует всемерно избегать "реставрирования" и ограничиваться лишь простым осторожным ремонтом»[25].

ПРИМЕЧАНИЯ К № XXIV–XXVIII

[1] См. в наст. изд., разд. I, № XIII с приложениями и разд. II, № 49, а также: *Спицын А.А.*, 1908. С. 31; *ПРС*. № 1. С. 176.

[2] *Рерих Н.К.*, 1905

[3] Приводится фрагмент.

[4] *Ольденбург Сергей Фёдорович* (1863—1934) — востоковед, академик Петербургской АН (1900), академик РАН (1917), академик АН СССР (1925). Непременный секретарь Петербургской АН с 1904, РАН с 1917, АН СССР в 1925–29. Один из основателей русской индологической школы. Автор трудов по фольклору, этнографии, искусству Востока, России и Западной Европы, по истории буддизма и востоковедения. Неоднократно упом. в текстах Рериха, см., например: *Рерих Н.К.*, 1992б. С. 20; *Рерих Н.К.*, 1992в. С. 240; Письмо И.Э. Грабарю. 17 ноября 1946. // *Рерих Н.К.*, 1974. С. 421; *Рерих Н.К.*, 1996. С. 37. Крупнейший отечественный рериховед П.Ф. Беликов писал: «...Сохранилась запись Рериха о востоковедческой работе в Российской Академии Наук в 1917–20 гг. В списке перечислены издания серий "Bibliotheca Buddhica" и "Памятники индийской философии", упомянуты сочинения П. Козлова и Г. Цыбикова, перечислены лекции С. Ольденбурга, Ф. Щербатского, Ф. Розенберга, Б. Владимирцова, читанные ими на Буддийской выставке в августе 1919 г. в Петрограде (*Рерих Н.К.* Дневниковые записи (в рукописях) и переписка. Архив Г.Р. Рудзите, Рига). Николай Константинович внимательно следил за всем, что делалось в области востоковедения у него на родине» (*Беликов П.Ф.*, 1972. С. 217). Рерих и О. состояли в переписке (см., например: *Ольденбург С.Ф.* Письмо Н.К. Рериху. СПб. 5 ноября 1912. // *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 163).

[5] См. также: *Грюнведель А.*, 1904.

[6] Самое первое упоминание Н.К. Рериха о Турфане относится к 1899, а именно в обзоре "Художественная хроника": «11 февраля [1899] состоялось собрание Восточного отделения Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества; предметы: 1. Текущие дела и рефераты; 2. Д.А. Клеменца — "О памятниках древности в Турфанском оазисе, археологические результаты Турфанской экспедиции" (были представлены фотографические снимки с фресок и других памятников); 3. В.В. Радлова — "Несколько слов о Турфанских унгурских и руничесих фрагментах"; 4. С.Ф. Ольденбурга — "Несколько замечаний о Турфанских санскритских надписях"» (*ИХП*. 1899. № 8. С. 701). Возможно, Рерих сам на этом заседании присутствовал, во всяком случае он знал, о чём там шла речь. Рерихи посетили Турфан во время Большой Центральноазиатской экспедиции 1923–28, и Н.К. оставил целый ряд интересных упоминаний. См. также в его публ.: "Шамбала Сияющая", "Подземные жители", "Великая Матерь" (1928). // *Рерих Н.К.*, 1994. С. 30, 138, 174; *Рерих Н.К.*, 1992б. С. 4, 21, 65, 79; *Рерих Н.К.*, 1992в. С. 75, 204, 205, 210, 221, 224–226, 280; "Легенда Азии" (1932). // *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 172; "Письмена Азии". // *Рерих Н.К.*, 1995. С. 16–18; "Письмена Азии". [Переводы турфанских рукописей]. // *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 574–577; *Рерих Н.К.*, 1996. С. 57, 86.

В списках произведений Рериха выдающееся произведение — *"Матерь из Турфана"* (серия *"Сикким"*, 1924).

[7] Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить содержание этой заметки по публ.: *Слово*. 7 августа 1905. № 217; *Новости*. 22 сентября 1905. № 185. В последнем источнике: «*Окончание летних археологических раскопок.* Вернувшимся недавно в Петербург художником ***Н.К. Рерихом*** произведены минувшим летом археологические исследования в Тверской и Новгородской губерниях, причём им найдена масса каменных орудий, изделий из кости, глины и т. п. В этой же местности и в том же направлении работал известный археолог князь ***Путятин***, собравший также богатую археологическую коллекцию для музея, находящегося в его имении».

[8] Об иссл. Рериха в этом районе в 1905–06 см. также: *Зимина М.П.*, 1996. С. 193.

[9] В нашей публ. письма Рериха к кн. Путятину (июль–октябрь 1905) допущена неточность. В сокращении «г. Каменский» (т. е. «господин Каменский») «г.» прочитано как инициал. См.: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 156.

[10] *Ширинский-Шихматов Алексей Александрович, князь* (род. 1862) — археолог, коллекционер, общественный деятель. В 1903–04 прокурор Московской синодальной конторы, сенатор, в 1905 товарищ обер-прокурора Св. синода, а в 1906 обер-прокурор Св. синода, с 1907 присутствующий член Государственного совета. В 1901 иссл. более 80 погребений в Фёдовском грунтовом могильнике (см. *Ширинский-Шихматов А.А.*, 1906). Его **им. Островки** располагалось в 2 верстах от ст. Заречье-Академическая. Несомненно, Рерихи бывали в Островках (только минуя это им., можно проехать в Берёзку, где несколько лет летом жили Рерихи), могли познакомиться с коллекциями князя и уникальным храмом-музеем, освящённым 1 декабря 1904. В "Археологической хронике" сообщалось, что построенная князем церковь — это «первый художественный храм-музей церковных древностей, удивляющий знатоков богатством своих редкостных коллекций». К сожалению, советская власть сурово обошлась с этим памятником культуры — ныне у дороги в Берёзку немым укором громоздятся руины взорванного храма. Ш. был председателем комиссии по реставрации Успенского собора в Московском Кремле; участвовал и в др. подобных комиссиях. См. о нём в *ИИАК*: Приб. к № 9. (*ХБ*. № 5). 1904. С. 71; Приб. к № 14. (*ХБ*. № 7). 1905. С. 27; Приб. к № 44. (*ХБ*. № 21). СПб., 1904. С. 110–115 и ряд др.

[11] Составитель "Археологической хроники" даёт ссылку ещё на 2 источника: *Рассвет*. 24 ноября 1905. № 219; *Новости*. 24 ноября 1905. № 233.

[12] *Дордонь* — р. на юго-западе Франции, правый приток Гаронны. По имени р. назван и департамент Дордонь.

[13] В дополнение к ней в вып. 22 "Известий" (1907) Комиссия выпустила перевод ещё одной монографии на эту тему: *Дж. Болдуин Браун*. Попечение о памятниках старины в европейских государствах. Кембридж, 1905. Комиссия продолжала издавать подобные материалы и в дальнейшем. Отметим "Новый итальянский закон об охране предметов древности и изящных искусств" в вып. 37 "Известий" (1910), "Новый устав Австрийской Центральной Комиссии попечения о памятниках" в 45-м (1912), "Новый французский закон об исторических памятниках" в 60-м (1916) и, наконец, работу *Виктора Смолина* "Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России" — в вып. 63 (1917).

[14] Заседание Имп. СПб. Об-ва Архитекторов 2 ноября 1904.

[15] *Искусство*. 1905. № 4–8. С. 151.

[16] При написании картины Рерих мог воспользоваться первой публ. конька в ОИАК за

1889 (с. 48, рис. 14). Были и др. публ. до 1897: К.Х. Тышкевича (1868), И.Р. Аспелина (1876–78), А.К. Жизневского (1890), К.А. Горбачёва (1890), Российского Исторического музея (1893), Тверского музея (1894), Н.Е. Бранденбурга (1895), А.А. Спицына (1896). См. также: *Маточкин Е.П.*, 1998; там же и воспроизведение типичных коньков. Е.А. Рябинин составил исчерпывающую сводку этих памятников, отнеся их к III группе ("Пластинчатые изображения одноглавых животных"), XIV типу ("Пластинчатые литые изображения животных с согнутыми ногами и свёрнутым в петлю хвостом") своей классификации: *Рябинин Е.А.*, 1981. С. 28–31. Он же отметил в общем контексте подобные находки у самого Н.К. Рериха в 1899 в **дер. Каменка** и **Дубровна** Псковской губ. (по каталогу Е.А. Рябинина № 306–308) и впервые опубликовал их оригинальное фото (табл. XII, № 6, 9, 10).

[17] Впервые опубликована в ОИАК за 1896 (с. 95, рис. 363). Полая фигурка была найдена в Томских курганах VIII в. ("Архиерейская заимка"). Памятник имеет, возможно, китайские корни, входит в общий урало-сибирский стиль. Спицын указал, что у китайцев есть замочки такой же формы. На кальке Рериха (№ 18) и в альбоме — в натуральную величину. Кроме вышеназванной публикации, фигурка воспроизводилась в том же томе "ЗИРАО", что и статья: *Рерих Н.К.*, 1899. Обращает внимание ожерелье из прямоугольных гранёных камней на шее зайца. Заячьи фигурки, но иного типа, найдены в разных концах древней Биармии (в д. Скрипуновой Тобольского округа и близ Кыштымского завода Екатеринбургского у.).

[18] См. также в наст. изд., разд. II, приложение к № 96, в примеч.; *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 160.

[19] Черновик статьи см.: ОР ГТГ, ф. 44, № 46, л. 3.

[20] Прежний владелец работы С.А. Мухин и настоящая владелица Е.М. Величко (его жена) намеренно приписывают её Н.К. Рериху и датируют 1912, как и ряд др. работ Б.А. Смирнова-Русецкого, оказавшихся в их распоряжении. На эту фальсификацию указывал сам автор, осмотревший работы у Мухина в 1957: «В его комнатах висели крупные работы Николая Константиновича... а также ряд более мелких работ русского периода. Среди этих работ я внезапно узнал несколько своих этюдов: два этюда Новгородской Софии, два или три этюда Карелии и одну полуфантастическую работу с горами, выполненную темперой, очень близкую по духу работам Николая Константиновича. Обрадованный, я обратился к нему и сказал: "Оказывается, у вас есть мои работы, когда вы их приобрели?" Он посмотрел на меня очень зло и отчуждённо. Я подошёл ближе к работам и увидел на каждой из них... подпись Н.К. Рериха» (*Смирнов-Русецкий Б.А.*, 1997. С. 73).

[21] Несколько переиначенные слова из статьи "По старине" (1903). См. в наст. разд., № XXI (2).

[22] При последней реставрации-воссоздании храма они восстановлены не были. Отлично видны на фото А.Ф. Глазачева начала XX в. (*София*. Новгород, 1998. № 3. С. 10, 12).

[23] *Адриан (Андрей)* (1627 или 1639—1700) — русский патриарх с 1690. Осуждал введение Петром I брадобрития, курения, отмену русской национальной одежды.

[24] *Алексей Михайлович* (1629—76) — русский царь с 1645. Сын царя Михаила Фёдоровича. В правление Алексея Михайловича усилилась центральная власть и оформилось крепостное право (Соборное уложение 1649); воссоединена с Русским государством Украина (1654), возвращены Смоленск, Северная земля и др.; подавлены восстания в Москве, Новгороде, Пскове (1648, 1650, 1662) и Крестьянская война 1670–71; произошёл раскол русской церкви.

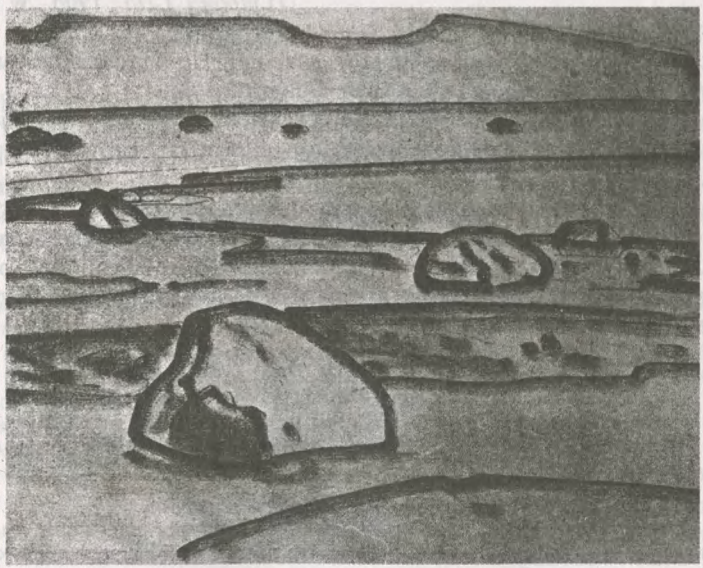
[25] *ИИАК*. № 57. (*ВР*. № 15). 1915. С. 178.

1907

XXIX
ОИАК за 1904 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1907*

В отчёте отмечен князь **Михаил Павлович Путятин**, с которым Рериха связывали не только родственные встречи в Петербурге и Бологом, в его имении Высокое и в имении его отца князя П.А. Путятина, но прежде всего — сотрудничество в области археологии. В известной статье "Каменный век на озере Пирос" (1905) Рерих обобщил результаты «поисков, произведённых с князем М.П. Путятиным»[1]. Как указано в отчёте комиссии за 1904, именно на раскопки по берегам озера Пирос Валдайского уезда Новгородской губернии князь М.П. Путятин получил открытый лист. Правда, при этом отмечено, что он «раскопок не производил» и «отчёт не доставлен».

Однако в своей статье Рерих представляет князя Путятина иначе, а именно как активного исследователя: «Место настоящих находок было случайно найдено князем М.П. Путятиным, обратившим внимание, при проезде земскою дорогою около берега озера, на огромное количество кремней, лежавших в двух пунктах озера. Находка князя М.П. Путятина вызвала нашу с ним поездку, давшую настоящее собрание». Таким образом, его наблюдательность сыграла важнейшую роль. Такую же оценку роли князя М.П. Путятина дал Николай Константинович, выступая на заседании Русского отделения ИРАО[2]. А отсутствие отчёта в комиссии (в деле № 57/1904) объясняется тем, что всю работу по обобщению и публикации материалов взял на себя второй участник раскопок — сам **Н.К. Рерих**.



Н.К. Рерих. Камни. Эскиз. (Берег озера Пирос?). 1910-е
Местонахождение неизвестно

XXX
ИИАК. Прибавление к № 21: Хроника и библиография. № 11
СПб.: тип. ГУУ, 1907

"Археологическая хроника" составлена по периодическим изданиям второй половины 1906. В разделе, посвящённом деятельности **ИРАО**, сообщается о докладах, прочитанных 25 ноября 1906 на заседании Русского отделения: А.А. Спицын — "Алане на верховьях Дона", Н.Е. Макаренко — "Археологические разыскания в Полтавщине в 1906", Н.К. Рерих — "Из области каменного века в России"[3].

В рукописном протоколе заседания о выступлении Рериха осталась такая запись: «Н.К. Рерих сделал сообщение о находимых в Новгородской губернии каменных фигурках, изображающих людей. Аналогичные фигурки, встречающиеся в Западной Европе, вызвали полемику об их подлинности»[4]. На заседании присутствовали, кроме докладчиков и председательствующего С.Ф. Платонова: К.А. Иностранцев, князь П.А. Путятин, С.В. Рождественский, Н.И. Репников (все члены ИРАО) и гости В.Р. Апухтин, А.А. Миронов и А.В. Щусев.

В этом же выпуске помещено переиздание статьи **Михаила Ивановича Ростовцева**[5] "Гибель памятников", нашедшей самый живой отклик у Рериха[6]. По содержанию она созвучна выступлениям Рериха в те годы и во многом выражает те же мысли и тревоги. Как и Рерих, Ростовцев был возмущён неудачной реставрацией Спаса Нередицы и, так же как Рерих, призывал положить конец искажению национальных памятников культуры. Высказанные в этой статье мысли актуальны в наше время.

М.И. Ростовцев. Гибель памятников
(Страна. СПб., 1906. № 177. С. 4)[7]

Охраны большинства памятников у нас нет. Но она должна быть, и русское культурное общество должно её требовать...

Не говорю здесь о дефектах нашего археологического управления: далёк ещё тот час, когда настанет пора реформировать и эту часть государственной жизни...

Напоминать и предостерегать — обязанность каждого, кто видит и знает, и от этой обязанности не освобождает никакая самая бурная эпоха в жизни государства. И пусть будет эта заметка напоминанием о том, что культурные интересы страны не замирают и не могут замереть, и что всегда найдутся люди, которые скажут: caveant consules![8]

XXXI
ИИАК. Прибавление к № 22: Хроника и библиография. № 12
СПб.: тип. ГУУ, 1907

В хронике, составленной по публикациям первой половины 1907, имеется раздел, посвящённый деятельности **ИРАО**, где кратко сообщается о мероприятиях, в которых участвовал Рерих. **2 марта 1907** Рерих присутствовал на заседании Русского отделения ИРАО и среди прочего прослушал сообщения А.А. Спицына "Крымские Готы и их древности", В.Н. Глазова "Отчёт о раскопках 1906 года в Смоленской губернии по пору-

чению Общества" и князя П.А. Путятина "О новых археологических работах в Бельгии, относящихся к эпохе расселения Германцев"[9]. **17 марта 1907** Рерих присутствовал на заседании того же отделения и прослушал сообщения А.А. Спицына "Отчёт С.С. Гамченко о раскопках близ Сестрорецка" и С.Л. Пташицкого "Новая польская "Монография рода князей Сангушков" как материал для истории западной Руси". Ниже публикуются фрагмент из рукописного протокола заседания и заметка, посвящённая раскопкам в районе Сестрорецка.

1. Из протокола заседания ОРСА ИРАО 17 марта 1907[10]

На заседании ***А.А. Спицын*** представил отчёт о раскопках, произведённых в 1906 году по поручению Общества близ Сестрорецка ***С.С. Гамченко***. Раскопки эти побудили докладчика пересмотреть вопрос об удлинённых и длинных курганах, приписывавшихся кривичам и имевших большое значение для исследований о расселении русского племени в VIII–IX веках. Привлекши к старому материалу археологические данные из новейших раскопок в Смоленской губернии В.И. Сизова, в Муромском уезде А.А. Смирнова и на реке Мсте Н.К. Рериха, докладчик усматривает, что многие из удлинённых курганов могут быть относимы к более раннему времени, и что район их распространения в действительности шире, чем предполагалось прежде, и включает местности, где трудно предположить древнее славянское население. Поэтому длинные курганы с большим вероятием можно относить к финским памятникам старины.

2. Археология в вопросе о начале Руси *(СПбВ. 23 марта 1907. № 66)*

В окрестностях Сестрорецка, как оказалось, находятся весьма драгоценные памятники старины, так называемые длинные курганы, в количестве до 160 насыпей[11]. Раскопано несколько десятков курганов. Обнаружены несомненные признаки трупосожжения, заметны следы шатра, очага, на котором сжигался покойник, и остатки кострища. Гнездом длинных курганов, как известно, является Владимирская губерния.

30 марта 1907 Рерих не только присутствовал на общем годовом собрании ИРАО, но и выступил на нём. Судя по документам, его выступление было острым и изменило весь ход собрания. Рерих выступил против предложенного медальной комиссией присуждения П.П. Покрышкину почётной награды общества — золотой медали; его доводы были поддержаны многими присутствующими. В официальной хронике собранию посвящена заметка, но в ней не осталось и следа от бури, разразившейся в зале собраний ИРАО на Литейном проспекте, 44.

3. [О годовом общем собрании ИРАО 30 марта 1907] *(ПВ. 2 апреля 1907. № 74, вечернее приб.)*

В состоявшемся 30 марта под председательством графа ***И.И. Толстого*** общем годовом собрании утверждён годовой отчет о деятельности общества за

1906 год. Деятельность общества заключалась в собраниях членов: общих, русского, восточного, нумизматического и классического отделений, которыми издано также по нескольку томов "Записок"; кроме того, на средства общества произведены раскопки в Смоленской и Петербургской губерниях. В 1906 году общество состояло из 287 членов. Приход сумм заключался в 15 708 руб. 74 коп. Капиталы общества в 1907 году состояли в 33 906 руб. 66 коп. Приняты предложения расширить музей общества и продолжить описание библиотеки. Произведены выборы: в хранители музея избран А.А. Спицын и в казначеи — А.К. Марков.

Медальною комиссиею, с утверждения общим собранием, большою серебряною медалью награждён за выдающиеся труды по археологии архитектор-археолог ***П.П. Покрышкин***. В 1906 году напечатаны были два его больших труда. Один из них издан Академиею художеств под названием: "Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве". Автор делит исследованные им группы памятников Сербии на памятники: а) созданные под далматинским влиянием, б) под византийским влиянием и в) памятники византийского стиля с ясно выраженными чертами самобытности. Второй труд издан Императорскою Археологическою Комиссиею; это "Отчёт о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви (близ Новгорода) в 1903–1904 годах". Труд снабжён 27 таблицами и 13 рисунками в тексте. Отчёт содержит подробную историю этого замечательного памятника древнерусского искусства, историю вопроса о ремонте церкви и отчёт с детальными чертежами храма. Громадную ценность имеют точно сделанные обмеры частей этого любопытного памятника. Отзывы о трудах Петра Петровича дали академик Н.П. Кондаков[12] и архитектор господин Щусев.

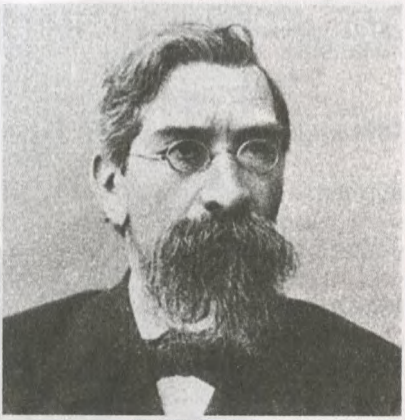
В архиве ИРАО нам удалось найти автографы упомянутых отзывов; ниже приводятся краткие извлечения из них, позволяющие понять, на чём была основана позиция Рериха.

4. Н.П. Кондаков. Отзыв на сочинение П.П. Покрышкина "Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве". *24 марта 1907*[13]

Указанные [в сочинении] взгляды не поддерживаются анализом самих памятников, за исключением разве Студеницкой Великой церкви... В определении фресок автор ограничивается общими эстетическими суждениями, изредка лишь соображениями относительно времени их происхождения. Столь же кратки и сами эстетические приговоры. Между тем издаваемые им памятники заслуживают особенного внимания прежде всего со стороны своего хронологического определения, так как между росписями древних соборов несомненно многие позднейшего времени, и, затем, большинство представляет реставрацию. Иногда же там, где автор, как, например, в церкви Каблара с росписью 1632 года, пытается видеть реставрацию старинной росписи, будто бы исполненной в

XIV веке, мы имеем на самом деле памятник XVII века, весьма близкий по характеру к современным афонским стенописям.

Нам известны любовь автора к древним памятникам церковной архитектуры и его высокие достоинства как учёного архитектора. Мы сами имели случай наблюдать, с какой высокой виртуозностью исполнял он свои архитектурные обмеры древних церквей Македонии, производя их с такою тщательностью во всех деталях плана конструкции и самой постройки, что в результате получался в цифрах некоторый сформованный отливок здания. Ничего подобного, конечно, в настоящем сочинении не могло быть выполнено, но именно подобного рода трудов ожидает от автора русская археологическая наука, и мы считаем своим долгом представить его к награждению [золотой][14] медалью Археологического Общества.



Н.П. Кондаков

В отзыве Алексея Викторовича Щусева выражена солидарность с критическими выступлениями в печати Рериха и Ростовцева по поводу реставрации Спаса Нередицы.

5. А.В. Щусев. Отзыв на книгу П.П. Покрышкина "Отчёт о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах" *[1907]*[15]

В очерке, к сожалению, не имеется данных о времени сооружения купольной главы, ныне существующей.

Судя по описанию ремонта церкви, а также по чертежам и таблицам и тому, что я видел в натуре, ремонт, оставляя в стороне реставрацию перекрытий, произведён хорошо. Об изменении покрытий храма[16] я распространяться не буду, т. к. эта часть ремонта относится уже к реставрации частей памятника, что не входит в предмет моей оценки обследования памятника, к тому же я в принципе не согласен с реставрацией даже и более поздних, но уже освящённых временем наслоений в деталях и частях постройки, производящей в общем художественное впечатление. Этот вопрос является весьма жизненным, по его поводу в последнее время в печати было высказано много справедливых протестов.

Ввиду того, что вопрос о первоначальном посводном покрытии русских церквей XI и XII вв. в истории русской архитектуры остаётся ещё недостаточно выясненным, мне казалось бы, что при реставрации не следовало бы изменять

Церковь Спаса Нередицы после реставрации. Фото В.А. Покровского в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 2. С. 185

так решительно форму существовавшей очевидно давно крыши, даже при такой уважительной причине, как открытие фресок в куполе...

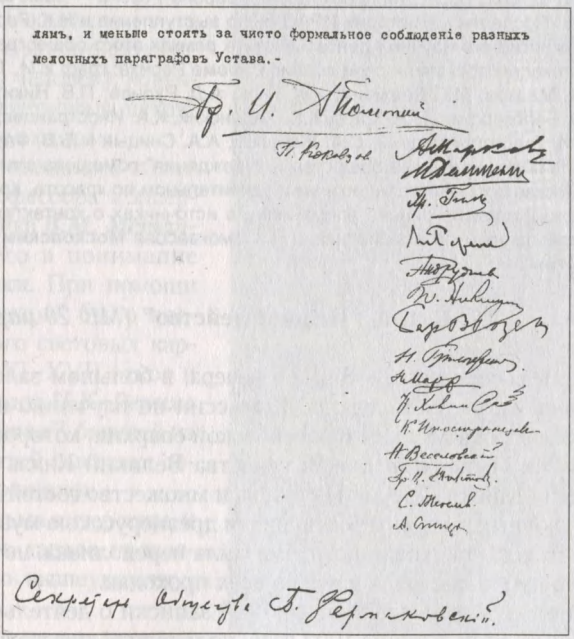
В общем труд обследования памятника составлен очень обстоятельно, издан тоже вполне хорошо и внимательно и заслуживает быть отмеченным наградой от общества.

Собрание ИРАО, на котором прозвучали эти отзывы, проходило под председательством графа И.И. Толстого, при секретаре Б.В. Фармаковском. Присутствовали члены ИРАО: Д.В. Айналов, В.Н. Бенешевич, А.А. Васильев, Н.И. Веселовский, Х.Х. Гиль, М.Г. Деммени, С.А. Жебелёв, В.А. Жуковский, К.А. Иностранцев, П.К. Коковцов, А.К. Марков, Н.Я. Марр, А.А. Миронов, П.В. Никитин, М.В. Никольский, С.Ф. Платонов, Е.М. Придик, князь П.А. Путятин, Н.И. Репников, Н.К. Рерих, О.Ф. Ретовский, барон В.Р. Розен, А.Д. Руднев, С.М. Середонин, Я.И. Смирнов, А.И. Соболевский, А.А. Спицын, В.А. Теплов, граф И.И. Толстой-младший, Б.А. Тураев, К.В. Хилинский, Н.Д. Чечулин, А.В. Щусев[17].
Среди прочего, секретарь представил собранию поступившую на имя председателя ИРАО великого князя Константина Константиновича брошюру иностранного члена-корреспондента **барона де Бая** «Готические гривны» (Baye J. de "Les Gothesen Crivnéc"). Собрание постановило передать брошюру в библиотеку общества.

Я.И. Смирнов прочёл доклад медальной комиссии о представлении к медалям общества за заслуги в науке и деятельности общества. Был выдвинут к награждению П.П. Покрышкин. Прозвучали отзывы Н.П. Кондакова и А.В. Щусева о его трудах, представленных к Большой золотой медали ИРАО. Далее в протоколе собрания следует:

6. Из протокола годового общего собрания ИРАО 30 марта 1907

По выслушании отзывов, ***Н.К. Рерих*** предложил Медальной Комиссии вопрос, что её понуждает присудить П.П. Покрышкину высшую награду — золотую медаль, т. к. в заслушанных обоих отзывах указываются лишь частичные достоинства работ П.П. Покрышкина, а другие стороны работ вызывают даже осуждения. После замечаний ***П.В. Никитина***, что для присуждения высшей награды вовсе не требуется отсутствие каких бы ни было недостатков в работах, и ***Я.И. Смирнова***, что Комиссия вовсе не касалась возбуждённых в журнальной литературе спорных вопросов реставрации Спасо-Нередицкой церкви, председательствующим сначала был поставлен на баллотировку вопрос, давать ли П.П. Покрышкину золотую медаль. Большинством 15 голосов против 14 собрание высказалось против присуждения золотой медали. Затем баллотировался


лямъ, и меньше стоять за чисто формальное соблюденіе разныхъ мелочныхъ параграфовъ Устава.-

Подписи под протоколом годового общего собрания ИРАО, состоявшегося 30 марта 1907. Оригинал в РА ИИМК

вопрос о присуждении П.П. Покрышкину серебряной медали. Серебряная медаль была присуждена большинством 23 голосов против 6.

Затем секретарь прочёл отчёт о деятельности ИРАО за 1906. Прозвучали результаты деятельности ОРСА ("Русского отделения"). На 5 заседаниях отделения свои сообщения читали ряд учёных, в их числе Н.К. Рерих — "Из области каменного века в России". Закончилось собрание по протоколу так:

Действительный член барон В.Р. Розен сказал следующее: В качестве одного из старейших членов Общества он с грустью должен констатировать, что жизни Общества грозит серьёзными последствиями начинающаяся распря. Конечно, переживаемое время само по себе вызывает известный нервный подъём, но в Обществе подкрадывается ещё опасность в виде педантического буквоедства. Если это будет продолжаться, Общество, конечно, пойдёт по наклону вниз и будет идти к гибели. Вот отчего В.Р. Розен позволяет [себе] обратиться ко всем с просьбой проявлять больше уважения к трудам сочленов, больше выказывать любви к Обществу и его деятелям и меньше стоять за чисто формальное соблюдение разных мелочных параграфов Устава.

Это было одно из последних выступлений барона Розена — замечательного учёного и человека. Последним в истории ИРАО было выступление и Н.К. Рериха. Оно завершило десятилетие его научной деятельности в рамках этого общества[18].
Под протоколом поставили свои подписи, кроме Рериха: граф И.И. Толстой, П.К. Коковцов, А.К. Марков, М.Г. Деммени, Х.Х. Гиль, А.Д. Руднев, П.В. Никитин, барон В.Р. Розен, Н.В. Белозерский, Н.Я. Марр, К.В. Хилинский, К.А. Иностранцев, Н.И. Веселовский, граф И.И. Толстой-младший, С.А. Жебелёв, А.А. Спицын и Б.В. Фармаковский.
В разделе "Прочие учёные общества и учреждения" помещена заметка о происходившем в Москве событии, грандиозном и удивительном по красоте. Кроме этого, в заметке содержится самое раннее упоминание в источниках о контактах Н.К. Рериха с недавно основанным по инициативе Д.Я. Самоквасова **Московским археологическим институтом**[19].

7. С. Б-в. "Пещное действо" *(МВ. 20 марта 1907. № 65)*

18 марта, в воскресенье, в 8 часов вечера, в большом зале епархиального дома состоялось открытое заседание Комиссии по изучению памятников церковной старины города Москвы и Московской епархии, которое почтили своим присутствием Их Императорские Высочества Великий Князь Димитрий Павлович и Великая Княжна Мария Павловна и множество гостей из особ высшего общества и духовных лиц, интересующихся древнерусскою музыкой и искусством. Громадная зала епархиального дома была переполнена, не было нигде свободного места, публика стояла даже во всех проходах.

Заседание открылось чтением краткой записки о деятельности комиссии, которая возникла лишь в конце 1902 года, по мысли её председателя, директора Московского археологического института ***Александра Ивановича Успенского***, и в продолжение краткого периода своего существования успела выпустить в

свет 4 объёмистых тома трудов, весьма ценных по своему содержанию и по богатству иллюстраций. Комиссия не получает никаких субсидий, не установила даже обязательных членских взносов, но благодаря сочувствию некоторых лиц, а главным образом, благодаря энергии своего председателя, не останавливалась перед затратами для печатания крупных сочинений по исследованию церковной старины города Москвы и Московской епархии.

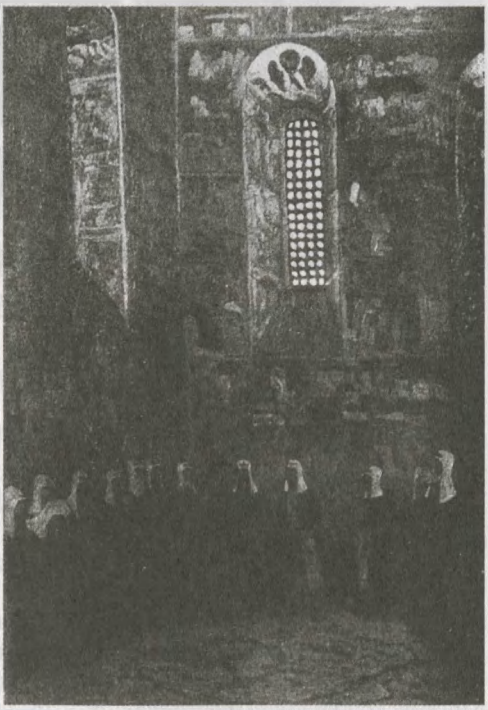
Дальше следовало *Пещное Действо* в исполнении полного хора и отдельных солистов синодальных певчих под управлением известного талантливого композитора ***А.Д. Кастальского***[20], который, на основании старинных крюковых нот, относящихся к *Пещному Действу*, сочинил очень красивую, прелестную музыку; в большей же части *Пещное Действо* оставлено господином Кастальским именно в том виде, в каком оно дошло до нас по крюкам. Самостоятельное творчество господина Кастальского относится к некоторым диалогам "отроков и халдеев". В этой части композитор проявил глубокое понимание древнерусской музыки.

Исполнение *Пещного Действа* было неподражаемо. Слушая восхитительную церковную музыку, мы мысленно переносились в ту интересную эпоху, когда исполнялся названный обряд в Успенском соборе Москвы и в Софийском — в Новгороде. Сила и мощь синодального хора (до 100 человек), конечно, вполне соответствовала патриаршим церковным клирам.

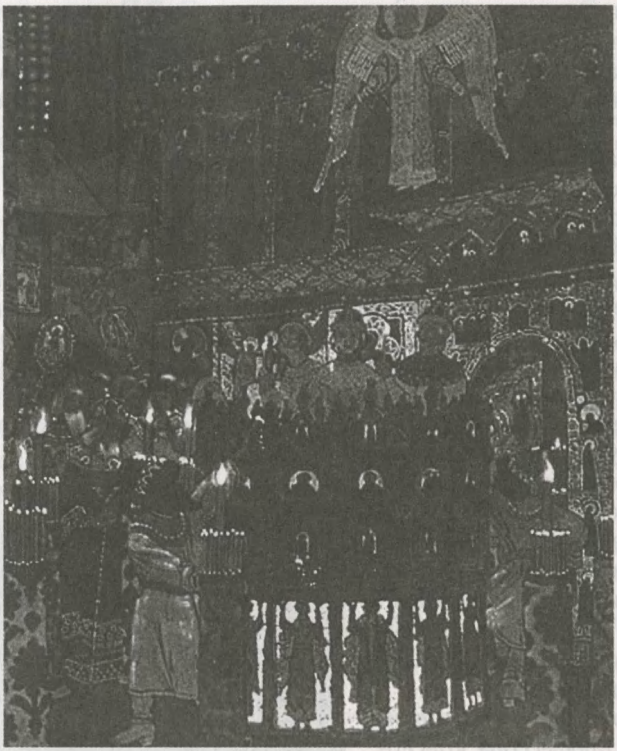
Пение сопровождалось чтением реферата профессора консерватории священника ***В.М. Металлова***[21], вводящего в понимание *Действа* и музыки. При помощи "волшебного фонаря" было воспроизведено много световых картин с миниатюр XI–XVII веков и с последней картины ***Н.К. Рериха — Пещного Действа***[22], бывшей на только что закрытой выставке союза русских художников.

Картины весьма интересны, и всё вместе взятое давало превосходное понятие о вышеупомянутом обряде.

В заключение нельзя не заметить, что постановка *Пещного Действа* (по инициативе председателя



Н.К. Рерих. Владыки нездешние. 1904–07
Частное собрание, США



Н.К. Рерих. Пещное действо. 1905. Собрание ГТГ

комиссии), как мы имели удовольствие видеть и слышать на рассматриваемом заседании, весьма и весьма удачна, и нельзя от души не поблагодарить как инициатора этого дела, так и талантливых исполнителей.

Существует ещё одно описание этого события, точнее, подготовки к нему, не попавшее в поле зрения обозревателя ИАК. Ввиду уникальности описанного приведём и его.

8. Вести отовсюду *(ЗР. 1906. № 11–12. С. 152)*[23]

Приват-доцент ***А.И. Успенский*** организует в недалёком будущем воспроизведение старинной русской религиозной драмы. Идея эта возникла в Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины города Москвы и Московской епархии, состоящей под председательством господина Успенского; на первых порах решили поставить "Печное и пещное действо", представляющее чудо с тремя отроками, ввергнутыми в печь в Вавилонском плену.

"Печное действо" известно московской публике по ставившимся в 1903 году Обществом Истории и Литературы комедиям (о Навуходоносоре[24] и трёх отроках), воспроизведённым по трудам Симеона Полоцкого[25].

Надо сказать, что "действа" эти были "литургическими", т. е. составляли часть богослужебных обрядов и совершались в больших соборных храмах. Профессору отцу ***В.М. Металлову*** посчастливилось найти старинную "лицевую", т. е. иллюстрированную миниатюрами рукопись с песнопениями, переданными крюками с знаменным древним, без примеси западного влияния распевом. Композитор ***А.Д. Кастальский*** взял на себя обработку найденного отцом Металловым материала и аранжирует песнопения для исполнения как хором, так и отдельными солистами московских синодальных певчих. Миниатюры же из рукописи, изображающие различные моменты "действа", будут использованы для диапозитивов и во время пения будут демонстрироваться при помощи "волшебного фонаря" на экране. Такой способ воссоздания древней религиозной драмы в комиссии нашли более удобным, чем представление в костюмах, как это практикуется на Западе, например, в Италии и Германии (Оберраммергау).

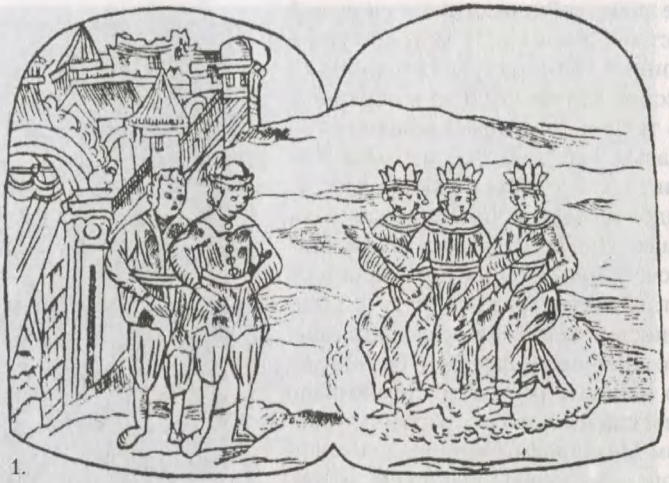
Н.К. Рерих. Эскиз для двери. 1903
Частное собрание, СПб.

Время для представления этой религиозной драмы — 2-я неделя Великого поста, место — московский епархиальный дом.

В литературе уже появлялось сообщение[26] о хранящемся в МСССМ автографе Н.К. Рериха с фрагментами "Пещного действа", видимо, своеобразного конспекта статьи А.А. Спицына "Пещное действо и халдейская пещь" (1901)[27]. Текст автографа Рериха, уточнённый и дополненный по упомянутой статье, публикуется с иллюстрациями, которые были помещены на страницах первоисточника.

9. Н.К. Рерих
Фрагмент "Пещного действа" по источникам XVI–XVII вв.

На отроках одеты стихари с оплечьями бархатейными, на голове — опушённые зайцем венцы деревянные, покрытые кожей, золочёные и расцвеченные красками. [Шествие проходит в алтарь, но на вечерне самого действа не будет,



1.

2.

Изображения на медных досках из Псковской единоверческой церкви во имя св. Николая-чудотворца (1659). 1. «На реках вавилонских тамо седохом и плахомся внегда помянути нам сиона на верьбии по». 2. «И оклеветани быша царю яко повеления его не слушают и богом не кланяются тогда разгневася на них царь» (*Спицын А.А.*, 1901. С. 202)

и отроки с халдеями оттрапезуют на святительской "ключне", а служба сама — назавтра у заутрени.][28]

Учитель отроков, благословясь у владыки «отроков на уреченное место

поставити», вручает отроков халдеям, а те ведут их к пещи, «угрожают пальмами» и чинят вопрос.

[Первый халдей:] «Дети Царёвы!»

[Второй халдей:] «Царёвы!»

[Первый:] «Видите ли сию пещь, огнем горящу и вельми распаляему?»

[Второй:] «А сия пещь [из]готована вам на мучение».

Устрашают отроков халдеи и приемлют ответ:

[Анания:] «Видим мы пещь сию, но не ужасаемся ея, [есть бо Бог наш на небеси, ему же мы служим, той силен изъяти нас от пещи сея».

Азария: «И от рук ваших избавит нас».

Мисаил: «А сия пещь будет не нам на мучение, но вам на обличение».][29]

Ведут халдеи отроков ко святителю и вкупе равно и тихо творят ему поклон, святитель же подаёт отрокам свечи, и оба халде[я] вновь переговариваются.

[Первый халдей:] «Товарищ!»

[Второй халдей:] «Чево?»[30]

[Первый:] «Это дети Царёвы?»

[Второй:] «Царёвы».

[Первый:] «Нашего царя повеления не слушают?»

[Второй:] «Не слушают».

[Первый:] «А златому телу не поклоняются?»

[Второй:] «Не поклоняются».

[Первый:] «И вкинем их в печь»

[Второй:] «И начнём их жечь».

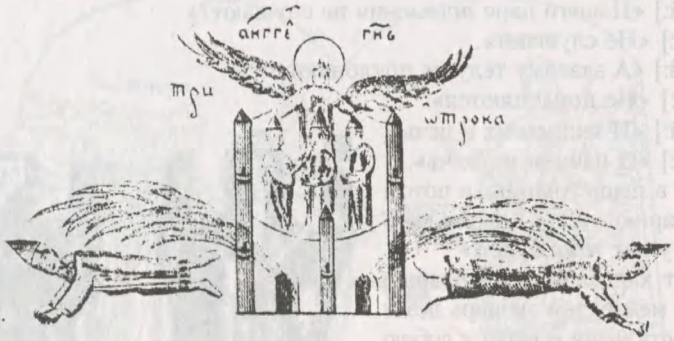
И ведут в пещь Ананию, а потом берутся за Азарию. «А ты, Азария, чего стал? И тебе у нас тоже будет!»

Поставят халдеи в пещь Азарию и Мисаила, а между тем звонарь лезет в нижнюю часть пещи и несёт с собою горн с горящими угольями. Халдеи бегают вокруг пещи, угрожают своими пальмами и жгут около пещи плаун из железных трубок. А певчие [и отроки][31] заливаются трогательною песнью:

[И прави путие Твои.
И судбы Твоя истинны сотворил еси.
На град святых отец наших
Иерусалим
Навел еси вся на ны грех
ради наших.
И заповедей Твоих не послушахом.
Яко же заповеда нам, да благо
нам будет.

Фигуры с новгородского амвона 1533 г., выполнявшего роль халдейской печи. «...Со страхом держат на главах сию святыню» (*Спицын А.А.*, 1901. С. 110). Ныне в ГРМ

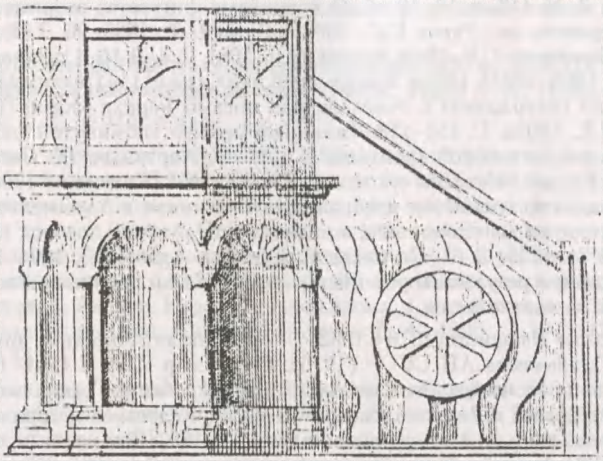
1.



2.

«Егда разгневася на них царь повеле их всадити в пещ огнем горящую». 1. Изображение на медной доске из Псковской единоверческой церкви. 2. Изображение из лицевой псалтири, вложенной Д.И. Годуновым в Калязин монастырь (*Спицын А.А.*, 1901. С. 203)

Истинным судом сотворил еси.
И цареви неправедну и лукавнейшему паче всея земли.
Студ и поношение рабом Твоим, чтущим Тя.
И не остави милость Твою от нас
Израиля ради святого Твоего.
Яко песок вскрай моря.
И есми смирени по всей земли.
Обрести милость пред Тобою.
Яко во тмах агнец тучен.



Салоникский амвон V века (*Спицын А.А.*, 1901. С. 204)

Яко несть студа уповающим на Тя.
И ищем лица Твоего и не посрами нас.
И даждь славу имени Твоему, Господи,
И крепость из сокрушится.
И разумеют, як Ты еси Бог един и славен по всей вселенной[32].

...Протодиакон с своего места кличет: «Ангел же Господень сниде купно с Азариною чадью в пещь, и отъят пламень огненный от пещи, и сотвори среде пещи яко дух хладен и шумящ». При последних словах ключарь спускает ангела в пещь с великими шумом, «в трусе велице зело с громом»...

Первый халдей: «Товарищ!»

Второй халдей: «Чево?»

Первый: «Видиши ли?»

Второй: «Вижу».

Первый: «Было три, стало четыре, а четвёртый грозен и страшен зело, образом уподобися Сыну Божиему»

Второй: «Как он прилетел, да и нас победил...»]*[33]*.

ПРИМЕЧАНИЯ К № XXIX–XXXI

[1] *Рерих Н.К.*, 1905.

[2] См. в наст. разд., № XXIII.

[3] В архивных документах фигурирует ещё одно назв. этого выступления: “Находка в Новгородской губернии каменных фигурок, изображающих людей”. См. в РА ИИМК, ф. 3, № 302, л. 13 об.; № 403, л. 167.

[4] РА ИИМК, ф. 3, № 413, л. 18–19 об. О кремнёвых фигурках, впервые найденных в России Н.К. Рерихом, см.: *Рерих Н.К.*, 1907б; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 107; *Спицын А.А.*, 1907; *Замятнин С.Н.*, 1948; *Зимина М.П.*, 1981. С. 4–6, 10–11; *Зимина М.П.*, 1996; *Мельников В.Л.*, 1996, 1997а, 1998б. В последней публ. (на с. 114) воспроизведены 6 фигурок. Близко по содержанию к теме доклада письмо Рериха князю П.А. Путятину (1905): *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 154–158. Типичный пример упомянутой "полемики" уже был отмечен "Археологической хроникой" в 1905. **Э. Картальяк (E. Cartailhac)** в рецензии на труд Капара "Начатки египетского искусства" (Брюссель, 1904), в котором последний ссылался на кремнёвые изображения, найденные в Архангельской и Владимирской губерниях, выразил сомнение в подлинности русских поделок (*ИИАК*. Приб. к № 14. (*ХБ*. № 7). 1905. С. 61. Со ссылкой: *L'Anthropologie*. Paris, 1904. № 3–4). Прошли годы, прежде чем результаты российских учёных были признаны и вошли в систему европейской палеоэтнологии.

[5] *Ростовцев Михаил Иванович* (1870—1952) — историк античности и археолог, академик РАН (1917), академик АН СССР (1925). Профессор ИПУ в 1901–18. После Октябрьской революции в эмиграции. Главные труды по проблемам социально-экономической истории эллинизма и Римской империи, а также по древней истории Юга России. Подробнейшие сведения о нём содержатся в изд.: *СР*. 1997. Там же интересные упом. о семье Рерихов. Г.М. Бонгард-Левин, биограф и иссл. наследия Р., пишет о его «давней дружбе с семьёй Рерихов, дружбой, начавшейся ещё в Петербурге» (*Бонгард-Левин Г.М.*, 1997б. С. 190). Об этом мы читаем и в статье И.Л. Тихонова и С.В. Швембергера. В 1903 Р. с женой переехали в самый центр СПб. и поселились в двух шагах от Рерихов: Большая Морская ул., д. 34, кв. 10. Почти сразу этот адрес стал местом собраний творческой интеллигенции. У Р. постоянно бывали художники — "мирискусники", близкие Рериху: А.Н. Бенуа, К.А. Сомов, Л.С. Бакст, М.В. Добужинский и др. «Рерих был хорошо знаком с выдающимся учёным-антиковедом, они вместе работали в 1917 году в Особом совещании по делам искусств Временного правительства, переписывались в эмиграции, виделись на выставке работ Рериха в Чикаго в 1921 году» (*Тихонов И.Л., Швембергер С.В.*, 1998. С. 390–391). В фонде Р. в библиотеке особых коллекций Дьюкского университета (США) хранятся письма к нему И.А. Бунина, В.В. Набокова, Н.К. Рериха, К.А. Сомова, С.В. Паниной, А.Л. Толстой, П.А. Сорокина, Н.О. Лосского, Г.Д. Гребенщикова, представляющие «исключительный интерес не только для изучения личности учёного, но и истории русской культуры» (*Бонгард-Левин Г.М.*, 1997а. С. 37). Открытка Н.К. Рериха к Р., посланная из поместья Рерихов в Кулу (Индия) 4 ноября 1935, опубликована. В ней есть такие слова: «Повсюду мне приходилось слышать ценнейшие отзывы о Ваших трудах. Когда после окончания срочных работ увижусь с Вами, буду рад сердечно побеседовать. Конечно, каждое слово от Вас и для меня, и для Юрия всегда радостно» (*СР*. 1997. С. 88). В фонде Р. в архиве Йельского университета (США) хранится автограф его статьи о Н.К. Рерихе, «вернее, конспект будущей статьи или лекции о русском художнике. Творчество Н.К. Рериха рассматривается на фоне развития русской художественной культуры» (*СР*. 1997. С. 450). Н.К. Рерих оставил о Р. целый ряд ценных упом.: *Рерих Н.К.*, 1992б. С. 4; *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 243, 244, 501. Т. III. С. 118, 293, 333; *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 405 и ряд др. В статье "Разрушители культуры" (1919) Рерих упоминает его среди выдающихся учёных, пострадавших от власти большевиков. См. также: *Ендольцев Ю.А.*, 1997; *Фосдик З.Г.*, 1998. С. 574, 593; *Ариаварта*. Нач. вып. СПб., 1996. С. 165, 180, 197. № 1. СПб., 1997. С. 227.

[6] См. ниже № XXXIII (8).

[7] Приводятся три изречения из статьи. Критический отзыв см.: *Веселовский Н.И.*, 1906.

[8] Здесь: *Будьте бдительны!* Точный перевод: «Пусть консулы будут бдительны!» (лат.),

обращение римского сената к консулам, когда он в трудный момент давал им диктаторскую власть.

[9] См. также рукописный протокол заседания: РА ИИМК, ф. 3, № 414, л. 2–3. Под ним Рерих подписался. Воспроизведение подписей см.: *Рерих Н. К.*, 1998а. С. 157.

[10] РА ИИМК, ф. 3, № 414, л. 4–5.

[11] Современная "Археологическая карта Ленинградской области" о т. н. Сестрорецких курганах сообщает след.: «В 1906–08 С.С. Гамченко обследовал и раскапывал в районе **г. Сестрорецк** насыпи, которые он принял за кург. и которые, по-видимому, являлись углежогными ямами. Всего С.С. Гамченко зафиксировал 19 "кург. групп" — общим числом 734 насыпи (круглые, овальные и квадратные) — и раскопал 120 из них. Группы насыпей находились в г. Сестрорецк (в верхнем и нижнем парках), в районе ж.-д. станций **Тарховка**, **Разлив**, **Курорт**, по западному и юго-восточному побережью Сестрорецкого Разлива и у **пос. Дибуны**» (*Лапшин В. А.*, 1995. С. 177). См. также в наст. разд., № LIII (4).

[12] *Кондаков Никодим Павлович* (1844—1925) — историк византийского и древнерусского искусства, академик Петербургской АН (1898), академик РАН (1917). Проф. ИПУ. С 1888 главный хранитель Отделения Средних веков и Возрождения Эрмитажа. С 1920 в эмиграции. Разработал иконографический метод изучения средневекового искусства и его типологических особенностей. См. о нём в связи с Рерихом: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 148, 159, 169, 173; *Росов В.А.*, 1996. С. 158; *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 110. Интересный очерк жизни и творчества К. дан в изд.: *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 220–246. См. также о нём: *Редин Е.К.*, 1897. С. 1–41; *Пятницкий Ю.А.*, 1991.

[13] Автограф. РА ИИМК, ф. 3, № 305, л. 5–6. Приводятся фрагменты.

[14] Слово вымарано теми же чернилами, что и подпись автора.

[15] Автограф. РА ИИМК, ф. 3, № 305, л. 7–10. Приводятся фрагменты.

[16] "Археологическая хроника" ИАК тоже констатировала, что «единственным спорным пунктом реставрации является покрытие храма. Покрышкин взял форму покрытия, подобную той, какая рисуется на изображении Нередицкой церкви на иконе XVI столетия "Видение инока Тарасия". Но можно предположить, что первоначальное покрытие было проще: оно могло быть восьмискатным» (с. 7 наст. вып.).

[17] Протокол. РА ИИМК, ф. 3, № 403, л. 148, 154, 166–167, 173.

[18] См. также: *Мельников В.Л.*, 1996, 1997а, 1998а.

[19] Впоследствии стал именоваться *Императорским Московским археологическим институтом имени Императора Николая II*. В.Н. Самошенко сообщает об институте след. сведения. Имел археол. и археографическое (архивное) отделения. Срок обучения 3 года. Преподавались 24 дисциплины, в т. ч. историческая география, история учреждений и юридические древности, история искусства, архивоведение, музееведение, метрология, хронология, генеалогия, геральдика и др. Среди преподавателей — Н.Н. Ардашев, В.А. Городцов, И.Ф. Колесников, Л.М. Савёлов, М.И. Успенский, А.Н. Филиппов, Н.Н. Фирсов и др. Директор А.И. Успенский. Институт функционировал на средства частной благотворительности, с 1912 получал государственное пособие (15 тыс. руб.). За обучение взималась плата 80 руб. в год. Практические занятия проводились в Московском архиве Министерства юстиции и Московском дворцовом архиве. Издавались "Записки" (тт. 1–40, 1906–16). Филиалы института — в Смоленске, Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде, Ярославле (занятия по сокращённой программе). В 1922 вошёл в факультет общественных наук МГУ. За время существования институт окончили 289 человек. См.: *Отечественная история*, 1994. Т. I. С. 120. Как явствует из документов,

опубликованных в наст. изд. (разд. II, № 159; разд. III, № XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XLV), Рерих активно сотрудничал с ИМАИ.

[20] *Кастальский Александр Дмитриевич* (1856—1926) — композитор и фольклорист. Способствовал развитию русской хоровой культуры. Опера "Клара Милич", кантаты, культовые сочинения, массовые революционные песни и др. Преподаватель Московского синодального училища (с 1887, директор с 1910), преобразованного в 1918 в Народную хоровую академию, к-рой руководил по 1923. Проф. Московской консерватории (с 1922).

[21] *Металлов Василий Михайлович* (1862—1926) — музыкальный историк, палеограф, теоретик и композитор духовной музыки. Преподавал в Московском синодальном училище, с 1901 проф. истории церк. пения в Московской консерватории.

[22] *Пещное действо*. 1905. Б. на к., акв., т. 63×49. Первоначально принадлежала ГРМ. В изд. ГТГ датируется 1907. Подробно об этом произведении см.: *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 11–13.

[23] Автор заметки неизвестен.

[24] *Навуходоносор II* — царь Вавилонии в 605–562 до н. э. В 605 захватил территорию Сирии и Палестины, в 598 совершил поход в Северную Аравию. В 597, затем в 587 (по др. данным, 586) разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увёл в плен большое число жителей Иудеи. При нём сооружены т. н. Вавилонская башня и висячие сады. (*БЭС*. 1998. С. 777).

[25] *Симеон Полоцкий* (в миру *Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович*) (1629—80) — белорусский и русский общественный и церковный деятель, писатель, проповедник, поэт. Полемизировал с деятелями раскола. Наставник царских детей. Организовал в Кремле типографию. Один из зачинателей русской силлабической поэзии (сборники "Вертоград многоцветный", написан в 1678, "Рифмологион", написан в 1678–80) и драматургии. (*БЭС*. 1998. С. 1096).

[26] *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 12.

[27] В свою очередь, Спицын пользовался источниками начала XVI — XVII вв. (*Спицын А.А.*, 1901. С. 95).

[28] В автографе зачёркнуто. А.А. Спицын: «По учению церкви, чудесное спасение отроков в пещи прообразовало тайну воплощения Сына Божия от Приснодевы Марии. Оно служит темою для 7 и 8 песней канона и с особенною силою воспевается в соответственных песнопениях 17 декабря, в день памяти св. отроков. Оно же в старой православной церкви отмечено особою службою на утрени ближайшего воскресного дня (в неделю св. отец или праотец), которая для большей выразительности сопровождалась изображением событий в лицах» (*Спицын А.А.*, 1901. С. 95).

[29] Фрагмент в квадратных скобках вставлен по статье Спицына (с. 101). На его месте в автографе длинное отточие.

[30] На этой строке в автографе написано карандашом: «Ламанский. 13 р.». Запись, видимо, к автографу не имеет отношения и сделана до написания "Пещного действа" на чистом л. бумаги (как и др. карандашные расчёты в столбик выше и ниже этой строки). Очевидно, Рерих записал стоимость какой-нибудь книги *Владимира Ивановича Ламанского* (1833—1914) — историка, академика Петербургской АН (1900), славянофила и панслависта, автора трудов по истории славянской филологии, палеографии, этнографии, руководителя (совместно с П.П. Семёновым-Тян-Шанским) издания "Россия. Полное географическое описание нашего отечества" (1899–1914).

[31] *Спицын А.А.*, 1901. С. 102.

[32] По указанию Спицына, в уставе XVI в. стихов песни помещено значительно больше. Их пели тогда одни только отроки (*Там же*).

[33] Фрагмент в квадратных скобках добавлен по статье Спицына (с. 102–103).

1908

XXXII
ОИАК за 1905 год. *СПб.: тип. ГУУ, 1908*

В отчёте упоминается ученик Высшего Художественного училища ИАХ **Борис Константинович Рерих**. По ходатайству старшего брата, Николая Рериха, ему был выдан открытый лист[1]. В таблице отчёта "Распределение древностей из раскопок, произведённых учреждениями и частными лицами по открытым листам Комиссии" указывается место находок Б.К. Рериха: **Бобровский уезд Воронежской губернии.** Однако в графе "Отметка о назначении вещей" стоит: «отчёт не доставлен». Соответствующее дело ИАК называется «О раскопках художника Б.К. Рериха в Воронежской губернии, в бассейне реки Усмани» (№ 45/1905).

Раскопки Б.К. Рериха в 1905 — малоизученная страница как в истории отечественной археологии, так и в жизни его брата. Возможно, как и в случае с князем М.П. Путятиным, Николай Константинович активно участвовал в этих исследованиях, но документальных подтверждений этому пока не обнаружено. Правда, в опубликованных протоколах и годовых отчётах Воронежской губернской архивной комиссии за 1905 фигурируют материалы археологических работ в Бобровском уезде, но, как и в других случаях, фамилии их руководителей не указываются, и поэтому неясно, имеют ли они отношение к Рерихам. Введение чрезвычайного положения в губернии, революционные беспорядки, да и общая неразбериха в стране в 1905, конечно, не способствовали археологическим раскопкам, и они могли вообще не состояться. Единственное подтверждение пребывания Рерихов в Бобровском уезде Воронежской губернии — это записи, сделанные в книге гостей **Хреновского конезавода**, относящиеся (по сообщению А.А. Шевченко) к началу XX века.

XXXIII
ИИАК. Прибавление к № 26: Хроника и библиография. № 13
СПб.: тип. ГУУ, 1908

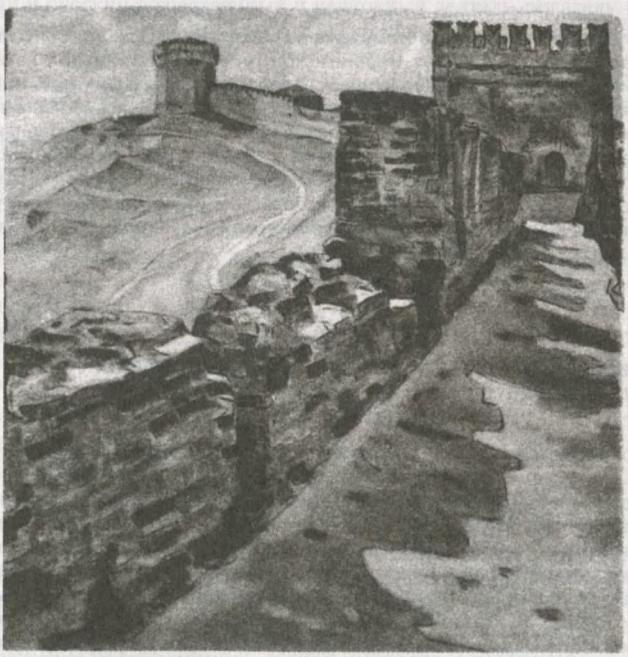
"Археологическая хроника" составлена по периодическим изданиям второй половины 1907.

В разделе, посвящённом деятельности **ИРАО**, сообщается о докладе *А.А. Спицына*, прочитанном **18 октября 1907** на общем собрании: "О коллекциях музея общества". В каталоге музея, опубликованном через несколько месяцев докладчиком[2], кратко описаны коллекции вещей из раскопок Н.К. Рериха 1896–1903, а также перечислены отдельные его дары. Это «две гипсовые копии с янтарных поделок из Померании, в виде коня и медведя», «кремнёвый наконечник копья и кремнёвые осколки, найденные у деревни Подлипье близ Бологого» (поступили в 1899) и «медная пряжка от пояса с фигурами зверей, найденная на Дону против устья реки Хопра, на Сторожевой горе, и принесённая в дар Обществу в 1899 году»[3].

Собрание 18 октября 1907 в истории ИРАО примечательно тем, что явилось последним, на котором присутствовал Н.К. Рерих. В дальнейшем в документах общества он среди присутствующих не значился. Кроме Спицына и Рериха, на собрании присутствовали[4]: граф И.И. Толстой (председатель), Б.В. Фармаковский (секретарь), барон де Бай, В.В. Бартольд, Н.В. Белозерский, Н.И. Веселовский, Ф.К. Волков, Х.Х. Гиль, М.Г. Деммени, С.А. Жебелёв, К.А. Иностранцев, П.К. Коковцов, Н.Я. Марр, А.К. Марков, П.В. Никитин, С.Ф. Ольденбург, барон В.Р. Розен, А.Д. Руднев, Н.И. Репников, граф И.И. Толстой-младший, К.В. Хилинский, Б.М. Якунчиков.

В разделе "Разные известия" помещена статья искусствоведа *Ольги Георгиевны Базанкур-Штейнфельд* (1877—1942/43) "Нужно ли для России искусство?". Статья эта — яркое свидетельство того, как стойко и решительно преодолевала все препятствия княгиня **Мария Клавдиевна Тенишева**, создавая с сотрудниками Музей русской старины в городе Смоленске.

По каким-то причинам составители "Археологической хроники" не поместили целый ряд выступлений в защиту княгини Тенишевой, хотя в архиве ИАК такие материалы имелись и даже хранились в отдельном деле[5]. Составители нашли возможным повторить ряд выступлений явно клеветнического характера, с весьма броскими заголовками. Рерих знал все pro и contra в борьбе за Музей в Смоленске, в конечном счёте — в борьбе за культуру, за просвещение, национальные святыни России. Знал и не был безучастным — активно выступил на стороне княгини. Одним из таких выступлений было его письмо, опубликованное в газете "Новое время" в ответ Н.А. Энгельгардту[6].



Н.К. Рерих. Смоленские стены. 1910. Местонахождение неизвестно

Оно попало в дело ИАК в виде газетной вырезки и хранится вместе с другими небольшими заметками княгини Е.К. Святополк-Четвертинской[7], самой княгини Тенишевой[8], Энгельгардта и ещё несколькими анонимными заметками на эту же тему. Другим выступлением Рериха был "записной листок" в киевском журнале "В мире искусств".

1. Записные листки Н.К. Рериха. Собирательство

(ВМИ. Январь 1908. № 1. С. 13)

Собирательства много.

Во всех городах и углах идёт тёмное собирательство. Назначение этого собирательства неизвестно; судьба его — пропасть без следа; так чаще всего.

Есть ещё собирательство — тёмное и жадное. Больное собирательство, прячущее сокровища свои; забывающее, для чего эти сокровища созданы. Собирательство гномов.

Много и разумных собирательств.

Собирательство — высокое, широко открывающее доступ к восхищению и изучению собраний. Собирательство, публикующее о собранных ценностях для пользы всеобщей.

Но существует ещё одно собирательство, — скажем, собирательство светлое. При нём собиратели не только открывают сокровища для изучающих, но несут собрания туда, где сейчас они нужнее всего. Туда, где сокровища могут выявить наиболее ощутительную силу своей красоты. Такое собирательство — редко; для него нужно счастливое сочетание: любви, силы, средств и близкое причастие к делу.

Пример этого собирательства — выставка Музея княгини Тенишевой Марии Клавдиевны в Париже в Луврском павильоне Marsan.

Эмали собственной работы княгини, выставленные в салоне Марсова поля незадолго до открытия выставки Музея, подчеркнули, как близка художница к искусству и чего ищет она сама, возлюбив народное творчество. Одна из эмалей приобретена в Люксембурге, где русских почти нет.

В газетах писалось, будто княгиня вывезла свои сокровища из Смоленска исключительно из страха за их сохранность во время аграрных бедствий.

Это не так. Конечно, было беспокойство за сохранность народных сокровищ, собиравшихся с таким трудом и упорством. Но первоначальная мысль была гораздо полнее, и эта мысль зародилась уже давно: показать Западу красоту нашей древности и народного уменья. Показать то, что ценно не с узконациональной точки зрения, а то, что близко прекрасному в понимании мировом, о чём в Европе знали лишь с чужих слов или по немногочисленным образчикам иностранных музеев.

Мобилизовать тысячи номеров музейных вещей. Перевезти, разобрать. Снова перевезти на выставку, устроить. Сколь[ко] энергии, сколько силы нужно, а главное, сколько заботы к любимому делу.

И Запад понял, что сделано. Г. Бержер, открывая выставку Музея, подчеркнул значение труда княгини. Статьи в "L'Art et les Artistes", "L'Art et Décoration",

"L'Art Décoratif", "Journal des Débats", "Aurore", "New-York Herald" и в других десятках журналов и газет оценили и художество княгини, и выставку её музея. Оценили с таким вниманием, как мало ещё писалось о русских делах. Княгиня своими выставками угадала ответить на запросы интереса Запада.

Мы несчастливы на людей, преданных искусству. Их мало, часто они отпадают от этой переменчивой области или затихают вовсе. Только такие явления, как княгиня Мария Клавдиевна, выступают всегда бодро в бой за искусство любимое.

Работа ценная. Собирательство светлое.

В течение многих лет замечательно писала о музее княгини Тенишевой и о выставках этого музея на Западе и в России О.Г. Базанкур. Ценность её откликов велика: в них отразилась история уникального явления русской культуры, рассказанная талантливо, непредвзято, живо. К тому же её очерки богаты фотодокументами, помогающими зримо представить дела княгини Тенишевой и её друзей. Они не прошли мимо внимания ИАК и были повторены в выпусках "Хроники и библиографии".

2. О. Базанкур. Русская старина в Париже *(РС. 20 июня 1907. № 140)*[9]

Злоба дня в художественных кругах Парижа — это выставка княгини Тенишевой в Лувре в Musée des arts décoratifs, состоящая из всевозможных предметов древнего русского обихода. Тут, начиная с обуви и кончая головными уборами, начиная с полок и лавок — кончая прялками, посудой, образами, налицо в ярких красочных образах весь быт наших предков.

Странное, оригинальное чувство переживает русский человек, окунаясь в самом центре Парижа в русскую старину, в русскую историю...

Свёртываю в шумную Револи. Вот и украшенный флагами вход в Musée des arts décoratifs.

Вы входите и, повторяю, испытываете какое-то странное, сложное чувство умиления, гордости, уважения и перед родной стариной, и перед той женщиной, которая эту старину так любовно разыскала и возродила к новой жизни... Много художников и художниц зарисовывают в свои альбомы мотивы вышивок, резьбы и проч. Выставлено до 5000 предметов, которые, однако, составляют только *часть* всей коллекции, через несколько времени имеющей занять своё конечное место в специально выстроенном в Смоленске княгиней Тенишевой музее.

Такое же, если ещё не большее, внимание привлекают работы самой княгини, выставленные в салонах Société National (бывший салон Марсова поля — более передовой и свежий по сравнению с большим салоном).

Княгиня задалась мыслью возродить старинное, почти забытое ныне искусство эмалей по меди способом, который французы называют champlevé, а у нас в старину [он] носил название финифти обронной или выемчатой...

На выставке имеется до десяти предметов работы самой княгини Тенишевой, из которых одно блюдо приобретено французским правительством для музея. Честь немалая, для иностранки же в особенности.

В середине будущей зимы княгиня думает устроить выставку современного народного искусства, как в виде производства художественной крестьянской школы, устроенной ею в селе Талашкине, Смоленской губернии, так и других губерний и городов.

Париж, 14 (27) июня 1907 г.

3. О. Базанкур. Нужно ли для России искусство?
(СПбВ. 6 ноября 1907. № 246)[10]

Вопрос, казалось бы, дикий... однако мы встречаемся с такими вестями, фактами, что он возникает невольно.

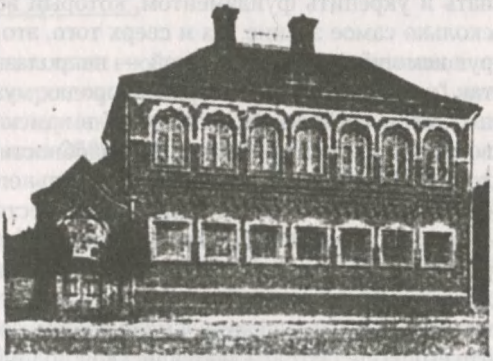
Если, изучая историю других народов, мы видим, как чтились и охранялись национальные памятники, какими почестями и уважением пользовались художники и любители искусств, то у нас — искони какая-то почти лютая ненависть и к родной старине, и к людям, близко стоящим к искусству...

Когда-то Москва чуть было не лишилась Третьяковской галереи, отказавшись от неё за неимением подходящего помещения.

Теперь та же возмутительная история повторяется с Музеем русской старины княгини Тенишевой, который она собирала в продолжение 20 лет и предназначала в дар городу Смоленску. Но здесь даже тех предлогов нет, что были у Москвы, так как музей выстроен уже в Смоленске.

Года два тому назад, во время разгара тяжёлого смутного времени, вещи из музея были увезены, в видах безопасности, в Париж, где и были около полугода выставлены в декоративном музее Лувра. Теперь музей должен был вернуться на свою родину, в своё помещение

1.



2.

Княгиня М.К. Тенишева в своей парижской мастерской (1). Музей "Русская старина" в Смоленске (2). Фото О. Базанкур из журнала "Огонёк" (1908)

в Смоленске, но тут поднялось что-то странное... Ряд выпадов местных газет на музей, на его составительницу, невежественная критика художественной ценности предметов музея... вплоть до предложения городу отказаться от дара...

Общество смоленское сонно молчало и, таким образом, как бы примкнуло к предложению автора статей и согласилось с тем, что музей, действительно, городу не нужен.

Статей хранителя музея Ивана Фёдоровича Барщевского и самой княгини Тенишевой редакция не печатала.

У меня сейчас имеется письмо княгини Четвертинской, горячо всегда работавшей вместе с княгиней Тенишевой на пользу родины, которое ярко рисует те условия, при которых приходится работать нашим культурным деятелям, и то отношение, которое они встречают со стороны тех, для кого собственно и идёт работа.

«Сейчас в № 233 "Смоленского Вестника" я прочла следующие строки за подписью С. Т-в: «Конечно, Смоленск не только не отказывается приютить в своих стенах музей княгини Тенишевой, но и неоднократно свидетельствовал в своей готовности нести всякие возможные жертвы, чтобы оставить музей в городе. Об этом княгине небезызвестно из думских постановлений, сообщавшихся ей».

И мне известно, к сожалению, хорошо известно, и это заставляет меня взяться за перо. Известно мне, как неуклюже-тяжело отстранил город предложение княгини Тенишевой известную всем, пришедшую в ветхость Никольскую башню приспособить для музея[11]. Известно мне, как город отказал княгине в просьбе отвести участок земли против моего дома. Отцы города, между прочим, боялись даже, что музей своим внешним видом испортит благолепие города. Известно мне, и какое место отвёл, наконец, город, чтобы "приютить" музей княгини — на Аврамьевской улице за Никольской стеной. Это — бездонная яма невероятной величины. Прежде чем что-нибудь строить, надо её засыпать и укрепить фундаментом, который встал бы в столько же тысяч рублей, сколько самое здание. Да и сверх того, это был бы прискорбный "приют": вокруг немощёные улицы, зимой — непролазные сугробы. Только на смех можно так "приютить". В культурных городах музеи красуются на лучших центральных местах. Неужели господин Т-в намекает на эту «готовность нести всякие возможные жертвы»? Какая же надобность была для меня сносить мой угловой дом для постройки княгиней специального здания для музея, если бы город отвёл для этого хотя бы "приличное" место?

Мне хотелось ещё указать на неудобство слова "приютить", которое употреблено господином С. Т-м. Музей княгини Тенишевой — вовсе не такая бездомная сирота, которая нуждается в приютах и благотворительности. Не музей нуждается в Смоленске, а Смоленск в музее, — таково моё мнение, и я уверена, что его разделяют все любящие свой родной город смоляне. Не музей осиротеет без Смоленска, а Смоленск без музея».

Не правда ли, после приведённых мною фактов — заглавие настоящей статьи не кажется уже таким диким?

Есть над чем призадуматься, и призадуматься серьёзно. Храни нас Бог, если мы убедимся, что действительно искусство не нужно России!

Извериться в этом — значит почти во всём извериться, ибо там, где не ценится искусство, т. е. красота, истина, без которых нет и жизни... там остаётся только физиологическое, звериное существование.

4. Погибший музей *(НВ. 20 июля 1907. № 11261)*[12]

Характерна история наших исторических музеев. Их у нас [в Смоленске] в последнее десятилетие возникло целых три. "Городской историко-археологический музей", созданный трудами учителя местной гимназии С.В. Писарева и после его смерти влачащий весьма незавидное существование. Прекрасный музей княгини Тенишевой, не нашедший пристанища в Смоленске и помещающийся... в Париже!! Наконец, возникший в 1896 году и уже погибший церковно-исторический музей.

5. О музее княгини Тенишевой
(ПГ. 18 ноября 1907. № 317; НВ. 1908. № 11486)

На днях княгиня Тенишева вернула из Парижа в ризницу Смоленского собора через контору "Надежда" на имя смоленского нотариуса Штраниуса наделавшую много шума кружку госпожи Энгельгардт, две табакерки и другие древние вещи, приобретённые ею из ризниц для своего музея. Тогда же, через того же нотариуса, из средств собора возвращены княгине 700 руб., уплаченные ею за означенные вещи при покупке их из ризниц.

Недавно княгиня Тенишева прислала из своего парижского музея некоторые древности, приобретённые её доверенным из смоленского церковного музея: но они и по сей день лежат на почте, у епархиального начальства не хватает денег на их выкуп, следует что-то около 3500 руб.

6. Николай Энгельгардт. Расхищение народных святынь
(НВ. 1908. № 11502)[13]

Целый музей княгини Тенишевой увезён ею в Париж и вернётся ли в отечество — неизвестно. Княгиня скупала предметы церковной старины по всей России на особых, таинственных аукционах, которые устраивали соборяне, монастырские хранители ризниц, епископские "племянники" и другие лица. Такие торжки в позднее вечернее время, без опубликования о них, учинялись

между прочим соборянами в Смоленске. Торжки имели оправдательным документом разрешение от Святейшего Синода на продажу «ветхих риз и серебряного лома». Но под видом сего лома была между прочим продана госпоже Тенишевой драгоценная митра, ныне оценённая в сорок тысяч рублей, осыпанная бриллиантами и другими камнями, ещё той эпохи, когда древняя смоленская кафедра была митрополичьей. Тяжкую митру эту носили митрополиты смоленского великого княжения, а теперь она в Париже, в коллекции госпожи Тенишевой, приобретённая всего за четыре тысячи рублей.

На смоленской соборной горе аукционы в сумеречные часы велись так. Главными покупателями являлись: агент госпожи Тенишевой, некий студент, и еврей-антикварий из Вильны. Торг начинался с того, что еврей и студент по соглашению давали откупного по 25 рублей всем местным маклакам-евреям, являющимся на торг... Затем уже торговались двое — виленский еврей и тенишевский студент, и так разбирали выставленные вещи. Когда ризница и музей были значительно расхищены, в печати это дело разоблачил писатель, знаток старины и страстный археолог, господин Жиркевич, с большим самоотвержением. После этого разоблачения ему, говорят, ныне весьма не здорово живётся. Нарядили от Святейшего Синода ревизию. Тогда церковный музей вдруг, по несчастной случайности, сгорает. От смоленской церковной старины остаётся лишь пепел. Всё это произошло под сению владыки Петра, ныне за бездействие отправляемого на покой, впрочем, в богатейший монастырь.

7. О. Базанкур. Русские женщины. Княгиня М.К. Тенишева

(Огонёк. 23 ноября 1908. № 47. С. 4)[14]

В смутные годы крестьянских волнений, захвативших и Талашкино, княгиня, совместно со своим ближайшим другом и верной сотрудницей в исполнении всех дел и предначертаний княгиней Четвертинской, захватив драгоценные коллекции русской старины, собранные ею в продолжение нескольких лет по всей России и определённые в дар Смоленску, — уехала во Францию.

Здесь, в центре европейской культурной и художественной жизни, в мировом её сердце — Париже, княгиня М.К. Тенишева приступила с неослабевающей энергией и присущим ей страстным подъёмом к великому делу популяризации русского искусства за границей.

Коллекции княгини М.К. Тенишевой, возвращённые и водворённые в Смоленск, в музей, специально выстроенный княгиней для этой цели, — заключают в себе более 5000 всевозможных предметов старинного обихода и религиозного культа, по которым воссоздаёшь себе яркую картину жизни наших предков. Особенно богат отдел старинных вышивок, кружев, низанье камнями и жемчугом, — есть и работы русских цариц, есть чудной ручной работы, золотом по тончайшей кисее — сарафан императрицы Екатерины II, драгоценные кокошники, ожерелья и многое другое.

Всё это видели и всем этим восхищались Париж и Лондон, и ко всему этому довольно равнодушно отнёсся Смоленск, ещё раз оправдав, что «нет пророка в отечестве своём»...

Отдельный раздел "Археологической хроники", как всегда, посвящён обзору русских повременных изданий. В нём сообщается о публикациях Н.К. Рериха ("Янтари каменного века" и "Фигурные поделки из кремня") и А.А. Спицына ("Из собрания Н.К. Рериха") в "Записках Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Русского Археологического общества" (СПб., 1907. Т. VII. Вып. 2)

В этом же обзоре отмечены публикации Рериха в новом ежемесячнике для любителей искусства и старины **"Старые годы"** (1907—16)[15]. Они выходили под рубрикой "Записные листки Н.К. Рериха". Большой резонанс вызвал очерк № XXVI "Разрушение", опубликованный в первой книге журнала, — *в нём Рерих выступил с критикой в адрес ИАК. Узнав о «нареканиях среди господ членов комиссии», Рерих обратился лично к председателю ИАК графу А.А. Бобринскому с письмом, в котором, в частности, писал: «Относясь всегда с внимательностью к деятельности столь важного учреждения и высоко ценя Вашу просвещённую работу в деле отечественной археологии, я с исключительною признательностью приму факты, которые помогли бы печатно опровергнуть высказанное мною в листке "Разрушения"» (СПб. 31 января 1907). Полный текст этого письма и листка "Разрушение"[16] опубликован в предыдущем выпуске "Петербургского Рериховского сборника"[17]. Здесь мы воспроизводим "листки", в которых Рерих полемизирует с членами ИАК о принципах реставрации и консервации памятников.*

8. Записные листки Н.К. Рериха. XXVIII

(СГ. Март 1907. № 3. С. 100–101)

По поводу моего "записного листка", озаглавленного "Разрушение", мне пришлось выслушать несправедливые укоры. Мне говорили, что я нападаю на деятельность археологической комиссии вообще. Неверно. Я знаю: в комиссии работают и люди почтенные в деле археологии — А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский... Близки комиссии и такие выдающиеся ученые, как Н.П. Кондаков, граф А.А. Бобринской, Я.И. Смирнов, М.И. Ростовцев и некоторые другие.

В моих заметках я говорил лишь об отдельных действиях отдельных членов комиссии.

Среди этих действий, к сожалению, не забывается и недавний "ответ" господина старшего члена комиссии[18] на статью М.И. Ростовцева (статья была напечатана в газете "Страна", ответ — в "Новом Времени")[19]. В своём "ответе" господин старший член вялым тоном ненужно умалял деятельность комиссии и смирялся перед безнадёжностью защиты старины от вандализма.

«Всё спокойно», — сказали нам.

«Но погибает древнее искусство. Памятники расхищают; их охраняют мало; их изучают и берегут мало; не забота и любовь окружают их...», — нервно сказал профессор Ростовцев.

«Всё спокойно», — ответил старший член археологической комиссии. «Надо

Титульный лист журнала "Старые годы"

примириться; нельзя ожидать лучшего; из-за положения древностей не стоит сердиться», — в сонном покое пояснил "старший".

Страшный ответ; в нём нет отчаяния, неверия; в нём нет сознания неожиданного падения; в нём нет призыва к добрым, любящим, сильным...

Это не всё, разумеется. Неоднократно я указывал на "действия" археологической комиссии и менее пассивно прискорбные. Между прочим, по поводу того же "записного листка" многие укоряли меня, почему я так коротко отозвался о прискорбной реставрации Нередицкого Спаса. Хотя я писал об этой реставрации подробно раньше ("Зодчий"[20], "Золотое Руно"[21]), может быть, надо ещё раз повторить самое главное[22].

Я обвиняю лиц, перестроивших Спас в том, что, сохранив прежнюю главу, они переделали плечи храма, не увеличив его общих пропорций открытием старых пропорций фундаментов. Этим придана храму небывалая для него, *случайная* форма.

Обвиняю в том, что был приделан новый карниз, который если и был прежде, то, конечно, вовсе не в таком отвратительном сухарно-инженерном виде.

Обвиняю в том, что вся внешность Спаса перестала быть вековым созданием; точно мёртвая рука сгладила все извилины и неровности мастерства, столь важные в древних строениях. С точки зрения красоты внешность Спаса стала ненужною. А что нам древность без вечных слов красоты?..

Нет, пусть нас мало, но мы не хотим заупокойного служения красоте древности. И есть у нас вера в успех. Мы знаем про спасённый Ростовский Кремль, доведённый "спокойными ответами" до публичной продажи. Мы знаем блестящие частные собрания, приносимые в дар стране, несмотря на все нелепые пре-

пятствия. Мы знаем, что "малое число" вырастает мгновенно, но вырастает именно там, где нет "спокойных" ответов.

Говорю доброжелательно...

За свою десятилетнюю историю журнал "Старые годы" напечатал множество рериховских материалов. В 1936 художник вспоминал: *«Действительно, это не были ежемесячные случайные сборники. В "Старых Годах" отображалась ценность русской Культуры. В прекрасных воспроизведениях и статьях напоминалось русскому народу о замечательных памятниках архитектуры, которые поистине были народною гордостью — по крайней мере, должны были быть такою».*
Типичный пример такого активного "рериховского" напоминания о памятнике являет следующая заметка в "Старых годах".

8. Memento Археологической комиссии *(СГ. Февраль 1907. № 2. С. 60)*

Говорят, что Археологическая комиссия предполагает реставрировать и по собственному произмышлению достроить древнюю Коложскую церковь близ Гродны[23]. Невероятно, но после гибели внешности Нередицкого Спаса всего ожидать можно; там ведь тоже поработала Археологическая комиссия. Напомним лишний раз: поддержать памятник не значит испортить!

В июньском номере "Старых годов" Рерих снова возвращается к теме реставрации Коложской церкви — всё по той же необходимости защитить и охранить. Им двигали не личные амбиции или мелкое критиканство, а наличие действительной опасности потерять уникальный памятник культуры конца XII века.

9. Записные листки Н.К. Рериха. XXIX *(СГ. Июнь 1907. № 6. С. 224–225)*

По отношению ко всякому значительному памятнику старины нельзя понятие реставрации разуметь иначе, как поддержание. Конечно, да.

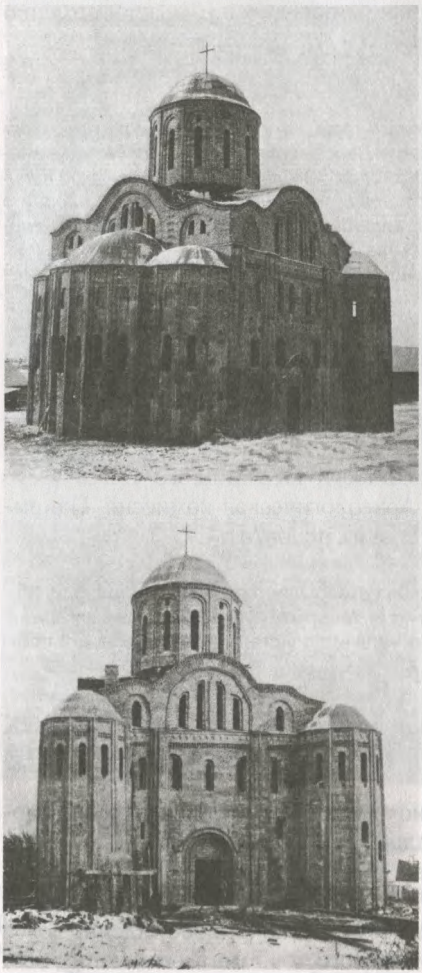
Могут ли быть универсальные правила для такой "реставрации"? Конечно, нет.

Каждый случай требует своего особого обсуждения. Это обсуждение вовсе не произвол "вкуса"[24]. Складывается оно из самого точного взвешивания всевозможных исторических и художественных соображений. Не "вкусом" обусловлена точность этих весов, а вдохновенностью убеждающего проникновения и знанием творящим.

Чувствуете ли бесконечную пропасть между знанием творящим и знанием мертвящим?

Не "вкус", а "чутьё", проверенное знанием, подсказывает и острые границы, отделяющие инженерный остов сооружения от остатков его художественности, хотя бы проявленной мастером вполне безотчётно.

Остовы сооружений могут быть использованы для достройки; в особенности, если зодчий, полный "чутья", показывает при дальнейшем строении



Церковь св. Василия в Овруче
Конец XII в. Реставрация А.В. Щусева
Фото в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 1
С. 153, 155

точную границу бывших, уже утративших форму, остатков.

Но художественность — неприкосновенна, и там, где виден ещё склад художника-украшателя, там всякая достройка может лишь портить заветы времён.

В Овруче[25], на месте известных развалин храма, строится новый храм, причём А. Щусев, полный уважения к древним останкам, при надстройке показывает на всех стенах точную границу развалин, отступая в новой кладке на один кирпич от прежних оснований стен. В этом сказалось тонкое "чутьё" А. Щусева.

Можно ли смотреть на "постройку" в Овруче как на "реставрацию"? Конечно, нельзя. Можно смотреть только как на новый храм, возникающий на староосвященном месте, по древнему плану.

Среди многообразных случаев наших "реставраций" постройка в Овруче является примером того, что может и должно быть обсуждаемо лишь как вновь сооружаемое художественное целое[26].

Но вот стоит Коложская церковь около Гродны... Остались от неё не бесформенные остовы стен без всяких ближайших сведений; в ней ещё виден склад украшателя, и о ней мы знаем — она была устроена с особенным великолепием, и следы его ещё обозначались в XVIII столетии, как говорил Игнатий Кульчинский в своем инвентарном описании Коложи 1738 года. Кроме изразцовых настенных украшений, ещё сохранившихся, мы знаем о фресках, об остатках богатого иконостаса; знаем об оконных свинцовых переплётах; знаем о покрытии крыши и купола цветною глазированною черепицею. Своды храма уничтожены только при осаде Гродно Карлом Двенадцатым[27]. Всё это ещё так свежо и в то же время уже неосязаемо, невосстановимо...

Если Коложской церкви суждено "поддержание", то в каких формах выразится оно?

XXXIV
ИИАК. Прибавление к № 27: Хроника и библиография. № 14
СПб.: тип. ГУУ, 1908

В разделе "Обзор повременных изданий, выходящих в России, за первую половину 1908 года" отмечена статья Н.К. Рериха "Древнейшие финские храмы", изданная в «Старых годах». Статью сопровождала публикуемая ниже заметка Н.Е. Макаренко с иллюстрациями фрагментов стенописи храмов в Nousiainen (№ 1–4).

Ил. 1*

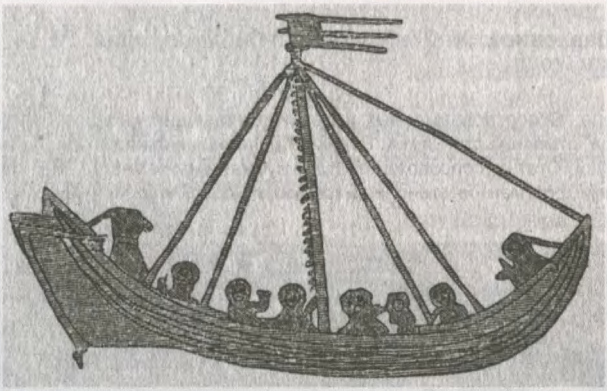
1. Н.Е. Макаренко
Доклады по вопросам искусства в русских учёных обществах
(СГ. Февраль 1908. № 2)

Заседание Общества Архитекторов-Художников[28] **24 января. *Н.К. Рерих*** сделал интересное сообщение, с предметом которого наши читатели знакомы по настоящему номеру: "Древнейшие финские церкви", ввиду этого не пересказываем его содержание. При чтении были показаны снимки с росписей в Lóhja и Hattula и гравюры с росписей в Nousiainen, теперь закрытые штукатуркой. Последние изображения, как близкие древнейшим изображениям на скалах и напоминающие Байонский ковёр (были показаны изображения деталей с него), составили главное значение сообщения. Собрание, ввиду важности художественного и исторического значения этих замечательных фресок, постановило обратиться в финляндское Общество Архитекторов и в финляндскую Археологическую комиссию со следующим ходатайством перед этими учреждениями: не найдут ли они возможным возбудить вопрос о необходимости снятия штукатурки, наложенной на фрески, и открытия столь интересного памятника для всего учёного и художественного мира.

Четыре из интересующих нас фресок воспроизводятся здесь по единственным гравюрам, приложенным к книжке Nervander'a (см. статью Н.К. Рериха).

---

* Ил. здесь и далее воспроизводятся по публ. в *СГ.* 1908. № 2 с сохранением нумерации автора.



Ил. 2

Ил. 3

2. Н.К. Рерих. Древнейшие финские храмы*

(СГ. Февраль 1908. № 2. С. 75–86)[29]

В Финляндии ведуньи ещё варят зелье из змеиных голов. В Финляндии, по холмам, затейливыми, непонятными кругами раскинулись каменные лабиринты, свидетели незапамятных обрядов. Богатыри схоронены в длинных кур-

* Ил. [5, 7–14] к наст. статье воспроизводят части стенописи храма в Lóhja. — *Примеч. Н.К. Рериха.*

ганах. Ещё звучит кантеле[30]. Олафсборг[31] ещё вспоминает о широкой рыцарской жизни, о твёрдых высоких шведах. Знают их древние каменные храмы. Ещё стоят деревянные церкви, звено Норвегии с нашим Севером; такая церковь в Keuro.

Много важного для нас есть на великом северном перепутье — в Финляндии.

В горах бесконечных, в озёрах неожиданных, в валунах мохнатых, в порогах каменистых живёт прекрасная северная сказка.

"Скандинавский вопрос" — повторяю, один из самых красивых среди задач историко-художественных. По глубине сравниться с ним может только вопрос о восточных движениях. Таинственны люди, бесконечной силой своей пронизавшие самые древние страны, напитавшие их сильною культурою своею. Везде скандинавы оставили после себя одни из лучших и самых здоровых влияний. Драгоценное качество — чувство собственного достоинства проникало в государственность народов вслед за северянами. Памятники их полны глубоким благородством[32].

Для русских территорий значение скандинавов особенно значительно. Упсала доставила нам человекообразные божества[33]. Фиорды дали — судоходство. Варяги — боевой строй. В течение нескольких столетий мы привыкали ждать силу и опору с севера. Изучение севера нам близко и важно. Но варяжский вопрос всё ещё числится в будущих задачах. Медленно, как ручной заступ, археология раскапывает пёструю груду измышлений и фактов. Пока дело всё ещё только усложняется. О подробностях начала текущего тысячелетия иногда можно говорить только с точностью до двух веков! Достаточно!

Все детали скандинавского вопроса важны для нас. То, что интересно само по себе, становится значительнее, как звено большого целого. Значение финских древнейших храмов — деталь общего вопроса; как увидим, уяснение этой детали сулит в будущем очень интересные выводы.

Ил. 4

Фрагмент "Сборного листа планшетов съёмки Финляндии и С.-Петербургской губернии...", отпечатанного в июле 1915 г. в Петрограде картографическим заведением Военно-топографического отдела. 1 — Лохья у оз. Наски; 2 — Хаттула; 3 — Хельсинки; 4 — Таллинн
Оригинал в МСССМ

Прежде всего нужно условиться в одном: в очень раннем движении скандинавов на восток, гораздо более значительном, нежели обратное движение новгородцев. Надо признать оседлость скандинавов в западном углу Финляндии в X веке. Следуя за фактами, не покажутся странными обширные каменные католические храмы в зарослях шхер уже в XII и XIII веках.

Быстро ещё раз вспомним шаги скандинавов к востоку. Колонизация эта должна восходить к очень ранним векам. Культура Кёнигсбергских и Курляндских бронзовых и серебряных древностей — богатых и многочисленных; находки Волховские, Мстинские, Верхнего Поволжья, и в более поздних и в ранних проявлениях — всё говорит нам о высокой культуре[34].

Чувствуется, что внесена культура не случайными прохожими; она укреплена среди местной жизни; она сроднилась с общим бытом, принята населением не поверхностно. По типам вещей, может быть, будет возможность отодвинуть северные шаги даже и за X век. Если о России можно говорить так, то очень понятно, что ближайшая к Скандинавии страна, полная мелкими несильными племенами — Финляндия к X веку была уже насыщена влияниями непокойных искателей-викингов. Допуская, что ладожане уже в X веке могли получать дань с тавастов, нужно сознаться, что следы позднейших русских движений остались в Финляндии очень скромные. Несколько могильников, несколько крестов Новгородского типа. Не больше, чем находок куфических монет! Зато могильники приморские и островные говорят о нахождении скандинавов особенно в западной Финляндии.

Жалко кривичей! Жалко всего того, что давно мы полюбили приписывать милым сердцу ближайшим славянам. Их значение колеблется. Финские дан-

ные сокращают круг действия северных славянских племен. Очень важно одно из последних заключений А. Спицына о длинных курганах озёрного и верхнеднепровского района[35]. В них видели памятники славянские, теперь же он отодвигает их к финнам. Г. Неовиус в последнем труде своём[36] о движении скандинавов на Русь указывает на основании данных Стокгольмских архивов в приладожской области в местности Кексгольма[37] озеро Рурика Ярви (шведское произношение Рюрика[38]). Пресловутые сообщения Нестора[39] о приглашении иноземцев самими славянами исследователь вкладывает в уста колонистов-скандинавов, уже мирно осевших по берегам Волхова и Днепра. Странная для славян формула приглашения становится вполне типичною со стороны колонистов-пришельцев, зовущих ближайшего своего Freiherr'а в "свою" землю, где они осели, зовущих для порядка, для защиты торгового пути. Остроумно! И во всяком случае, почтенно желание объяснить дело возможно проще, практичнее, без ненужных уличений. Попутно вспомним, какой красоты места на севере Ладожского озера, вспомним длинный перечень пушных зверей, ещё и теперь наполняющих бесконечный лес северного озёрного края. Такие особенности издалека заманивали смелых людей. Статья Неовиуса называется "Om spår af förhistorisk Skandinavisk kolonisätion in Karden" (*Museum*. 1907. № 2).

С разных сторон, незнакомые друг другу исследователи, как видно, идут по одной северной тропе. Не измышления, но находки ведут их. Нам нужны всякие показатели скандинавского движения на восток. Все данные складывают вполне определённое представление о старинном господстве скандинавов в западной Финляндии. Все данные этого движения значительны, повторяю, тем более, что недавно ещё было стремление, хотя бы вопреки фактам, выдвинуть только новогородские влияния среди финнов.

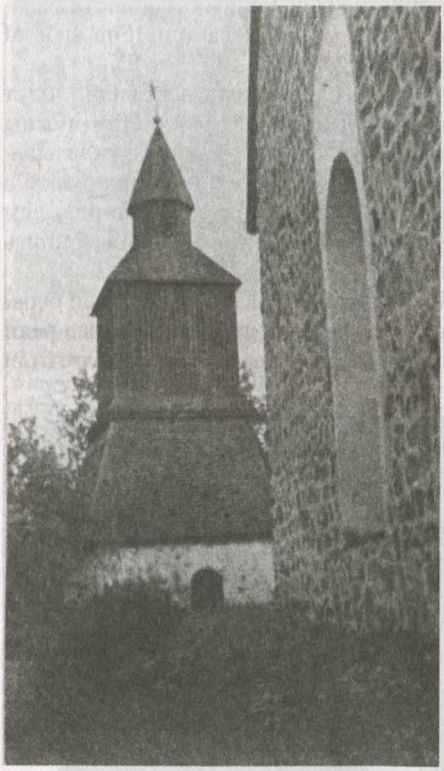
Спокойный морской проход шхерами. Удобные пристани. Высокие берега; лёгкая оборона. Лесные местности, полные зверем и птицею. Рыбные реки и озёра. Все прелести остановок для мореходов прежде всего сосредоточили

Ил. 5

скандинавов на берегах в пределах Porvo—Uusikirkko. В глубину страны такие первоначальные влияния могут быть предположены в пределах Тавастгуса. Этим же путём с запада вошло и католическое христианство. Без больших последствий, кроме отдельных местечек Карелии, остались начинания братии с Валаама и Коневца, несмотря на основание Валаама в 992 году.

Нет ничего удивительного, что к XIII веку, ещё до известных походов на Карелию Торкеля Кнудсона, на западном побережье уже появились каменные храмы. Постепенно, благодаря ревнительству католицизма, храмы расписывались и украшались. Прочная кладка из гранитных валунов, крепчайшая связка соединений сохранили до наших дней древнейшие церкви Финляндии.

Не будем искать "небывалости" в простых строениях храмов, в их высоких фасадах, украшенных символическими крестами, в длинных окнах и низких дверках, теперь почти везде расширенных. Откровения в них не найдём.



Ил. 6. Лохья. Колокольня

То же видим мы в церквах Швеции, Дании и Померании, живописной Норвегии, Шотландии, Ирландии. Почти те же источники вдохновляли художников, те же средневековые, северные легенды и толкования подсказывали трактовку сюжетов. Иногда те же самые епископы, прибывшие из-за моря, призывали работников к делу. И всё-таки группа финских храмов со стенописью стоит в ряду чрезвычайно интересных явлений северного края. Ведь то же самое о заносных влияниях всегда нужно говорить и в отношении русских церквей. Бояться ли нам сравнений с Афоном, Кавказом, Византией, с примитивами Италии? Конечно, нет! Местное влияние, индивидуальное понимание источников везде сказалось. И в ранних стенописях Новгорода, Пскова и Старой Ладоги — в перетолкованиях Византии; в Москве и Ярославле, где запоздало в далёкой дымке прошли итальянские примитивы. И узнавая происхождение стенописей, невозможно представить, чтобы от исследования их поколеба-

лось значение, а главное — обаяние наших памятников. Если будет доказано, что храмы во Владимире и на Нерли строились не русскими, а аланскими руками, разве от этого они станут менее интересными?[40] Преемственность была всегда и везде. То, что красиво, интересно, курьёзно, то остаётся таким же, несмотря ни на что. И этот принцип искусства надо хранить всеми силами. Только пристрастные глаза могут не видеть зримое во имя чего-то иного, виденного когда-то. Я как бы возражаю на довод, что церкви Финляндии не финские, а всецело шведские, что в них нет действительной оригинальности. Ведь разные бывают суждения!

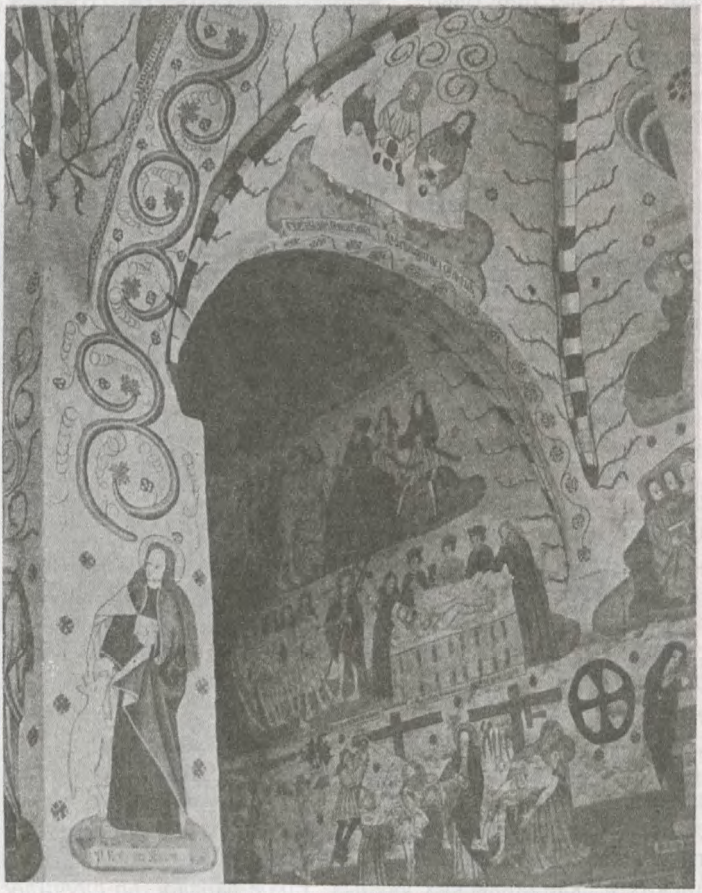
Церковь Покрова на Нерли близ Боголюбова 1165. Фото в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 2 Вкладка

В стенописи церквей финских есть, несомненно, особенности. Печать севера, печать более юного христианства, несомненно, присуща западнофинляндским храмам. На них нужно обратить внимание. Их окружают опасности. Большинство этих церквей теперь в скромных сельских приходах. Интерес к красоте древности там, конечно, очень различен, особенно же к красоте католической. Для многих протестантских пасторов украшения настенные — ненужная роскошь. Как памятники с близким иноземным (шведским) влиянием, старейшие храмы, по существу, не могут быть близкими значительной части населения. После суровых протестантских покровов средневековья большинство живописи ещё и не вскрыто. Мне пришлось видеть белые стены, где красноватыми и тёмными пятнами неясно сквозили какие-то закрытые изображения. При изобилии древних церквей в западной Финляндии можно ожидать открытия целых интересных страниц северных декораций.

Известны также случаи, когда уже вскрытая живопись была замазана снова. Радость вандалам! — было замазано то, что справедливо привлекало внимание английских и скандинавских учёных. Такое варварство случилось, между прочим, в Nousiainen со второю по древности церковью. Первая по древности

считается Mariankirko, до 1300 года бывшая собором. Роспись в Nousiainen почти не опубликована, о ней ничего нет, кроме довольно старых брошюр господина Nervander'a (Kirkollilesta taiteesta Suomesla keskiaikana. Kirjoitta nut E. Nervander. Helsiugissä, 1887–88). Текст брошюр — финский и шведский. Иллюстрации плохи; сделаны шрифтовою манерою. Только за неимением других источников приходится искать в этих брошюрах древнейшие изображения Nousiainen. В художественном виде эта замечательная стенопись издана не была.

Существует ещё одно издание о старинных финских храмах, но вышло оно всего в 200 экземплярах и общественного значения иметь не могло, так как книгопродавцы и достать его даже не берутся.



Ил. 7

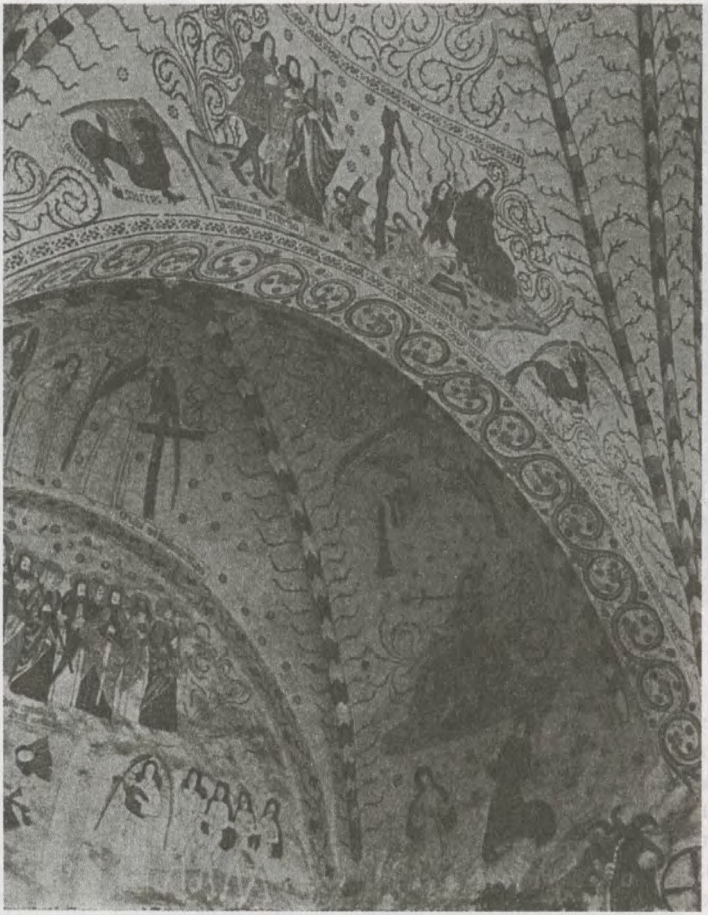
Ил. 8

Содержание изображений в Nousiainen окончательно объяснено тоже не было; часть позднейших наслоений не отбивалась. Теперь же вся церковь выбелена. Только по саркофагу епископа Генриха* — на нём интересные штриховые по меди иллюстрации к жизни епископа и по инвентарной книге можно догадаться, что это та самая церковь, замечательная, из-за которой проделано столько вёрст плохой дороги.

О стенописи в Nousiainen пусть господин Nervander расскажет нам сам. Он видел стенописи в Nousiainen; он почему-то не отстоял их существование; ему скорей подобает умалить их значение, нежели возвеличить. Послушаем его старообразный язык и толкования, может быть устарелые.

«Совершенно особые росписи были открыты в Nousiainen в 1880 году под другими слоями штукатурки. В христианских храмах ничего подобного ещё находимо не было. Вся стенопись была в двух тонах, в кирпично-красном и сером. В том же году эти стенописи были вновь замазаны; вид этих изображений был слишком странным, даже отталкивающим для тех, кто ожидал встретить в

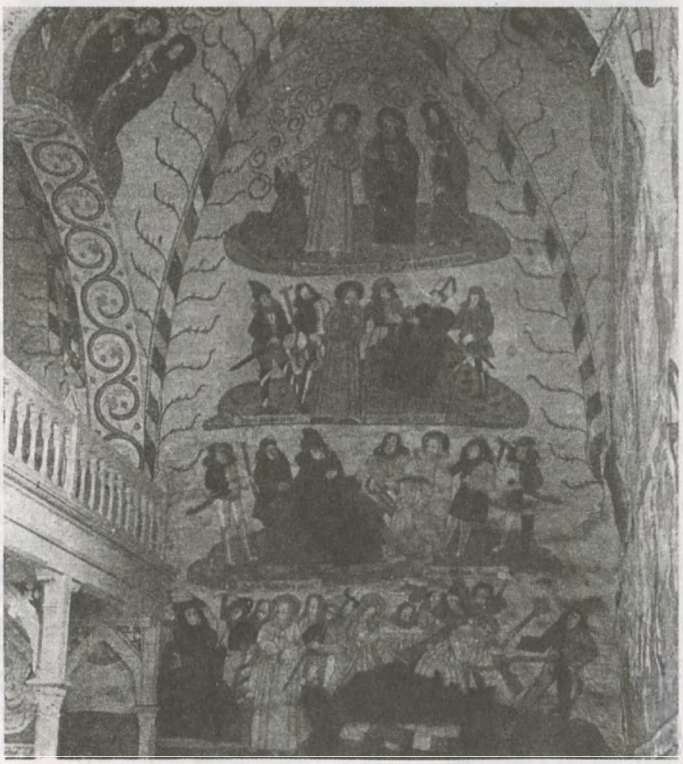
* Мощи св. Генриха были перенесены 18 Июня 1300 г. из Nousiainen в Turku (Або). Епископ Генрих прибыл в Финляндию после 1150 г., когда в Швеции христианство укоренилось более 150 лет. — *Примеч. Н.К. Рериха.*



Ил. 9

храме картины, возвышающие религиозное чувство. Высоко на стенах, на колоннах и на сводах видны были частью симметрические, частью фантастические орнаменты, изображающие огромных птиц. Далее в орнаментах изображались разные звери, лоси, единороги, лисицы, лошади, собаки, волки и фантастические существа — русалки. Кроме этого виднелись изображения щитов и несколько голых святых, обведённых тщательно исполненным сиянием. Затем шли изображения, как бы указывавшие на прибытие скандинавских завоевателей в Финляндию. Хотя слои извести были снимаемы осторожно, но живопись иногда всё-таки страдала, так из лика Христа утрачена большая часть лица.

Следующая часть живописи представляет древнюю ладью с высоким кормчим. Затем на стенописи (очень попорченной) виднелись две фигуры, готовящиеся к поединку: один всадник верхом на коне, перед ним маленькая собака, другой всадник, одетый в остроконечную лапландскую шапку, сидит на звере со многими ногами, около него зверь, похожий на волка. Этот поединок, быть может, символическое изображение борьбы христианства с язычеством. Вероятно, такой же смысл имеет и другое странное изображение: налево дерево с птицами на ветках, ещё одна птица порхает выше и на неё нападают две лисицы. Направо — большой зверь, видимо, лось или единорог с высунутым языком. Приблизительно такими зверями изображался прежде Христос. Ниже — палач, поднявший оружие и держащий за голову маленькое человекообразное существо; палач готовится отрубить ему голову, так же как поступил он с другими, чьи головы уже лежат по другую сторону креста. Если пытаться выяснить смысл этой очень странной картины, которая так плохо вышла в гравюре, то можно бы

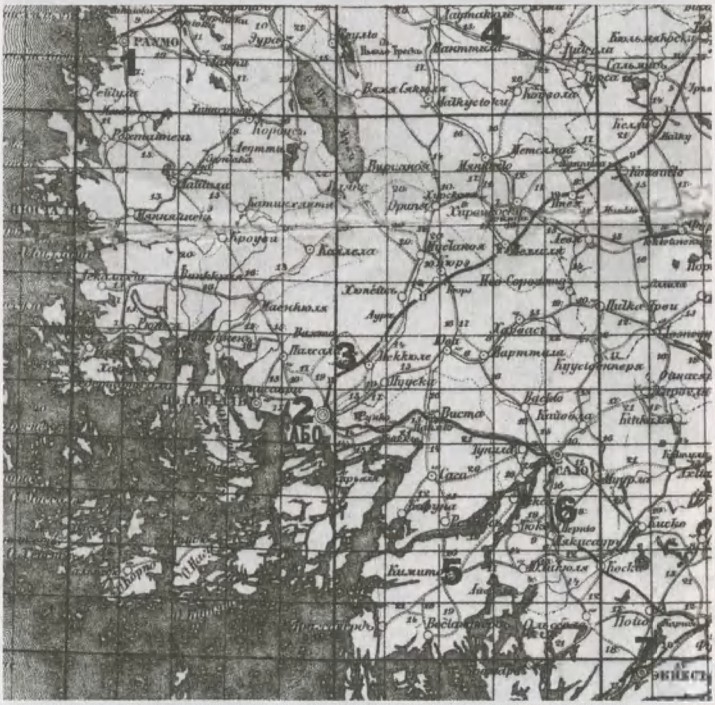


Ил. 10

предположить, что изображает она благополучие тех, кто держится Древа Жизни, между тем как суетный мир с лисьей хитростью подстерегает людские души. Затем изображается Христос — господин жизни и смерти и судьба мучеников.

Эти стенописи являются близким подобием древнейших изображений Ирландии и Шотландии и нашли здесь, в христианской церкви, слишком запоздалое применение. Путь этих рисунков был через Готланд, с жителями которого обитатели Финляндии имели близкие сношения уже с древних времен» (стр. 32).

Судя по иллюстрациям брошюры господина Nervander'a, изображения в Nousiainen напоминали рисунки и насечки на северных скалах "Hällristningar". В них чувствуются границы Палатинской капеллы и Чудских фигур — время, когда христианство наложило руку на священный шаманизм. Надо согласиться с Nervander'ом, что такое украшение церкви совершенно исключительно. Какое поразительное впечатление должен был производить такой высокий, обширный храм, белый, покрытый по сводам, столбам, стенам красноватыми и серыми



Фрагмент "Сборного листа планшетов...". 1 — Раумо (Rauma);
2 — Або (Турку); 3 — Лието (Lieto); 4 — Вентила; 5 — Кимито (Kimito);
6 — Пернио (Pernio); 7 — Экнес

Ил. 11

иероглифами северной жизни, как благородно сочетание таких красок! Несколько черт рисунка могли бы упразднить целые страницы догадок; какая-нибудь подробность, оставленная художником даже бессознательно, могла бы пролить свет на широкий край северного быта и Руси, конечно. Значение такого храма могло быть выше ковра Матильды[41]. А теперь белые плоскости и страх, что драгоценное искусство не только замазано, но, может быть, и навсегда сбито.

Необходимо попытаться освободить эту стенопись. Я верю, если мою заметку прочтут: профессор Aspelin, проф[ессора] Jvar Heikel, J. Ailio, господин Appelgren — лучшие финские археологи, они, с присущей им культурностью, немедленно исправят ошибку прошлого. И сделают они это, может быть, ещё лучше, нежели реставрация в Lóhja, хотя там впечатление древности сохранено очень заботливо.

Сейм не оставит отпустить необходимые суммы на такое нужное дело!

По словам Неовиуса, такая же судьба стенописи в Naantal, Porvo, Sjondea; всё забелено!

Остались ещё фрески в Kimito, Rymältyla, Lóhja, Hattula (1520), Kumlinge, Rauma (стенопись произведена в 1510–22), Tavasjalo (1450), Lieto, Pohja. В 1903 году открыты фрески в Sauvo, и в 1904 году отбита штукатурка в Pernio. В стенописи в Uusikirkko интересно то, что кроме года известно имя художника Petrus Heinricson'a, закончившего труд в 1470 году.

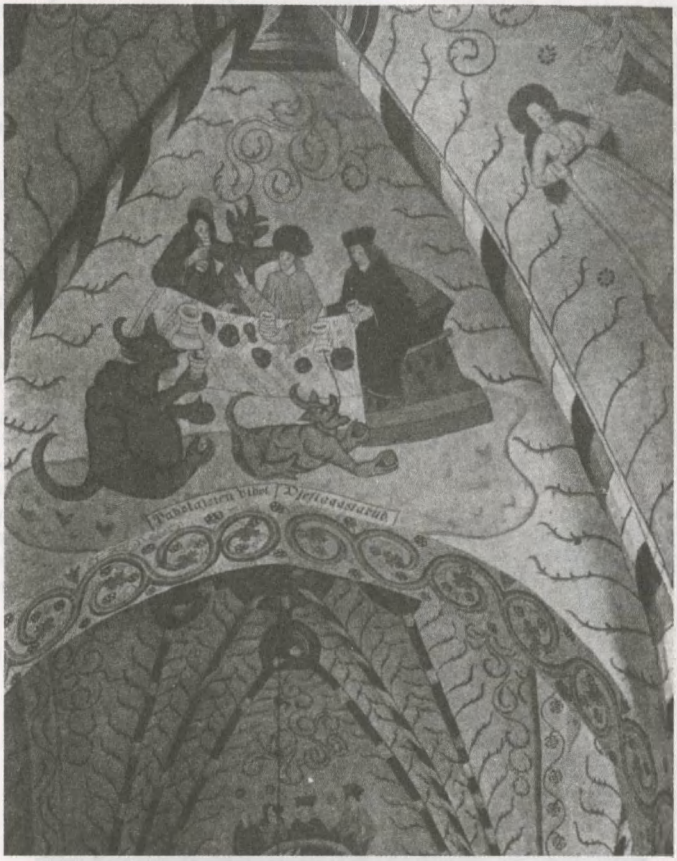
К тому же времени, как и живопись в Nousiainen, т. е. к концу XII или к началу XIII века, относится очень полинялая фреска на внешней стене в Hattula. Фреска изображает Распятого, окружённого Марией и Иоанном. Красивая, простая трактовка живо переносит зрителя в XII век. Растительный орнамент, очень тонко исполненный, красиво расположен вокруг этой замечательной фрески.

Как звено между древнейшею живописью al'secco и более позднею, уже из XV века, можно указать орнаменты в Hattula. Богатые сочетания фруктов и цветов. Краски: зёленая, белая, синяя, красная и серая. Из стенописей XV века прежде всего следует заметить украшения в Tevsala, их время относится к епископу Олафу Магнусону (1450–60); герб его изображён на стенах церкви. Древние изображения в Tevsala должны считаться одними из лучших в Финляндии; тем досаднее, что часть их ещё не вскрыта из-под штукатурки.

Чаще всего стенопись храмов сохранилась лишь частями, так что трудно говорить о впечатлении от общего вида.

Одно из самых полных впечатлений производит церковь в Lóhja. В 1886 году живопись в Lóhja и Hattula была освобождена от штукатурки, и сравнительно благополучно, а четверть века уже сровняли кое-какие красочные шероховатости возобновления. Церковь эта известна уже в 1290 году, когда Lóhja была одним из крупнейших приходов Финляндии. Здание храма — большой продолговатый корабль с двумя боковыми притворами. На высоком фронтоне белый крест, охраняющий здание, по сторонам — символы двух естеств Господа. Подле храма колокольня; нижний этаж сложен из крупных валунов; верх — деревянный. Общий вид колокольни, надо думать, XVI века. Живопись храма относится к 1489–1500 годам, для финских храмов — средний период. Есть указания, что храм был украшен неизвестною нам художницею из числа монахинь монастыря в Naantal близ Або. Части стенописи имеют много общего с изображениями из Breviarium Upsalense 1496 года. Из других вещественных дат мы видим в руках одного из ангелов герб последнего католического епископа Арвина Курка, умершего в 1523 году. Часть изображений, конечно, пострадала при расширении окон и дверей, а также закрыта органом, прислонённым над главным входом.

Притвор храма занят сценами убийства Авеля и проделками дьявола над людьми. Дьявол в виде собаки пьёт молоко из подойника под коровой, чтобы перенести это молоко человеку, продавшемуся ему. Дьяволы сидят на норовистых лошадях; дьяволы помогают палачам, терзающим мученика; дьяволы помогают слугам своим при полевых работах.

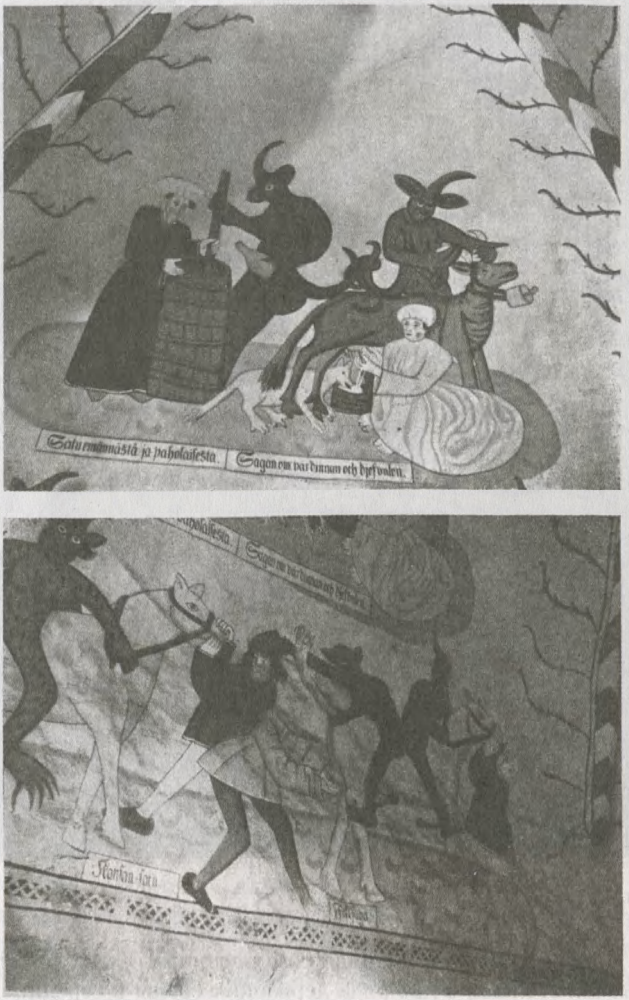


Ил. 12

В самой церкви живопись начинается от вышины плеча и идёт через все своды и стены. На столбах, в два ряда держащих своды в середине церкви, — большие изображения одиночных святых и апостолов.

Большие плоскости и своды заняты изображениями Рая, Изведения из ада, Избиения грешницы камнями, Родословной Христа, Христофора Богоносца, Богоматери и несколькими сценами Страстей Господних. Среди изображений святых особенно излюбленными являются св. Екатерина Шведская (канонизированная в 1479 году)[42], св. Генрих и Лалли. Краски лежат широкими плоскостями в резко очерченных складках.

Между фигурами — орнамент. Пустые места заполнены звёздочками. Фон белый. Мне ясно, почему нужны были такие ярко ограниченные изображения



Ил. 13, 14

на светлой поверхности: при первоначальных размерах низких и узких окон при высоте храма нужна была определённая декорация. Понятен и сумрак храма. Храм — духовная крепость; храм — убежище от врага — должен тонуть в интимном сумраке.

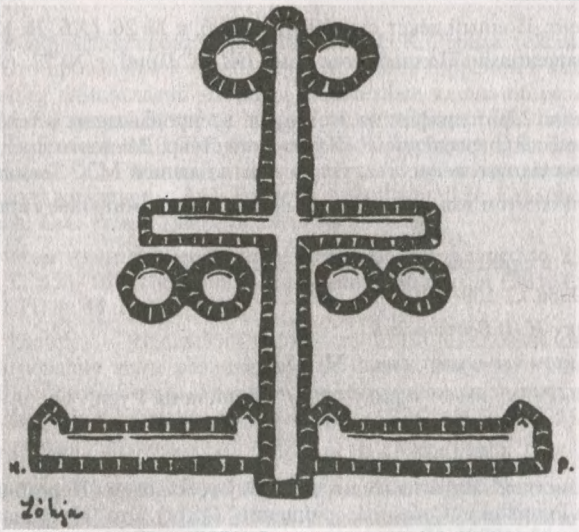
Для душевных откровений не нужен свет площади. Здесь человеческое чувство не уступило букве католицизма. Древние сознавали то, что теперь унич-

тожено нашим безразличием. Люди, увеличившие окна и двери, не знали, что творили. Теперь только в вечернем сумраке можно получить настоящее, первоначальное впечатление декорации. Стены и своды храма, как я говорил, сложены из больших малоотёсанных валунов. Грани камней выходят из поверхности стены и разбивают плоскость неожиданным рисунком углов и извилистых линий. Думали ли создатели о таком впечатлении, но заботливое время украсило и довело простые изображения до сложной мягкости искусства наших дней. Пыль легла на все выпуклости камней, и вместо холодной стены в мягких складках струится шелковистый гобелен. Белая поверхность под патиною времени получила все тепловатые налёты ткани; фигуры не вырезываются более острыми линиями контура; мягко преломляются одежды; орнамент дрожит непонятными рунами. Время сложило красоту, общую всем векам и народам.

Финны, полюбите и сумейте сберечь ваши старейшие храмы!

Не только финская, но и древнерусская стенопись была предметом исследования Рериха. В 1908 редакция "Старых годов" сообщила подписчикам о том, что в её распоряжении имеется **статья Н.К. Рериха "Красота древнерусской стенописи"**, однако в журнале она так, к сожалению, и не появилась[43].

Следует отметить, что в "Старых годах" напечатан ещё ряд "записных листков" и писем Рериха: "Письмо в редакцию" (1907. № 11), "Письмо в редакцию" (1908. № 1), "Ожидания молодёжи" (1909. № 3), "Десятинная церковь в Киеве" (1909. № 5), "Письмо в редакцию" (1910. № 1) и "Новгородским строителям" (1916. № 4–6)[44].



Ил. 15. Н.К. Рерих. Лохья. Символический крест на наружной стене церкви. Рисунок. [1907]

ПРИМЕЧАНИЯ К № XXXII–XXXIV

[1] См. в наст. изд., разд. II, № 59.

[2] Он же и хранитель музея. См.: *Спицын А.А.*, 1908.

[3] Опубликована: *ЗИРАО*. Т. XII. Вып. 1. СПб., 1901. С. 304.

[4] См. рукописный протокол собрания: РА ИИМК, ф. 3, № 403, л. 175.

[5] В д. № 18[А]/1888 *"Смоленская крепостная стена. Том II"*. Л. 76–82.

[6] См. в наст. изд., разд. II, № 65.

[7] *Святополк-Четвертинская Е.К.* Смоленский музей. // *Русь*. 12 ноября 1907. Приложение к № 303.

[8] *Тенишева М.К.* [Письмо в редакцию]. Париж. 25 марта 1908. // *НВ*. 1908. № 11514.

[9] Публ. со значительными сокращениями.

[10] Приводится по повторной публ.: *ИИАК*. Приб. к № 26. (*ХБ*. № 13). 1908. С. 67–68.

[11] Об этом же писал и Рерих: разд. II наст. изд., № 65. См. также: *ИИАК*. № 34. (*ВР*. № 5). 1910. С. 26. Последний источник — это протокол реставрационного заседания ИАК, на к-ром обсуждался вопрос об использовании башни: «...Г.И. Котов решительно высказался в защиту уступок практическим нуждам, хотя бы и ценою некоторого искажения памятников старины. Жизнь терпит неудобства от близости старины, как в данном случае город от своей стены. Это развивает ненависть к старине, которую следовало бы предупреждать должными уступками. Нужно достичь того, чтобы реальные интересы не входили в столкновение с интересами охраны памятников. Башня будет сохраннее, если дать её под эксплуатацию. Эта точка зрения вызвала горячие и дружные возражения».

[12] Публ. фрагмент. Полный текст см.: *ИИАК*. Приб. к № 26. (*ХБ*. № 13). 1908. С. 18.

[13] Публ. с сокращениями. Полный текст см.: *ИИАК*. Приб. к № 27. (*ХБ*. № 14). 1908. С. 80–81.

[14] Публ. фрагмент. 2 фотографии из этой публ. воспроизведены в тексте. 3-я фотография осталась не воспроизведённой: «Парижский Лувр. Выставка предметов старинного русского прикладного искусства, устроенная княгиней М.К. Тенишевой».

[15] Рерих оставил об этом изд. замечательный очерк-воспоминание: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 9–11.

[16] Именно так — в единственном числе — было в *СГ*.

[17] *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 159–161.

[18] Имеется в виду *Н.И. Веселовский*.

[19] Сведения об этом см. в наст. разд., № XXX.

[20] Видимо, здесь Рерих имеет в виду публ. "Старина на Руси". См. о ней в наст. разд., № XXI.

[21] См.: *ЗР*. 1906. № 2, 4, 6. 1907. № 6.

[22] Ч. "записных листков", затрагивающих проблему реставрации Нередицкого Спаса, была вновь включена Рерихом в "Собрание сочинений" (1914). Это "Из Варяг в Греки" (1899), "Спас Нередицкий" (1906), "Восстановления" (1908) и "Великий Новгород" (1910).

[23] См. материалы по Коложской церк. в г. Гродно в протоколах реставрационных заседаний ИАК: *ИИАК*. № 28. (*ВР*. № 2). 1908. С. 76–77. Подробно история реставрации

памятника изложена в отд. статье: *ИИАК*. Приб. к № 46. (*ХБ*. № 22). 1912. С. 128–130. В начале 1914 церк. продолжала разрушаться. См. также в *ИИАК*: 1. Приб. к № 56. (*ХБ*. № 26). 1914. С. 22; 2. № 57. (*ВР*. № 15). 1915. С. 55–57; 3. Приб. к № 58. (*ХБ*. № 28). 1915. С. 11–12. Доп. сведения о Гродно в целом см.: *Воронин Н.Н.*, 1954.

[24] Намёк на П.П. Покрышкина, любившего говорить, что методы реставрации это "дело вкуса". Кстати, Покрышкин участвовал в воссоздании храма в Овруче, упомянутом ниже в листке, в качестве руководителя раскопок. Раскопки потребовались Щусеву, ибо он хотел включить в новые стены «не только остатки стоявших ещё древних стен, но и все те конструктивные части их — арки, карнизы и даже отдельные группы кирпича, которые были найдены в земле иногда на значительной глубине». По расстояниям, отделявшим каждую группу кирпича от стен, с безусловной точностью удалось определить высоту их на стене, и так «постепенно выросли стены целого храма» (*Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 1. С. 154).

[25] *Овруч* — г. на Украине в Житомирской обл., на р. Норин. Известен с 977 как Вручий.

[26] См. материалы об этой постройке-воссоздании древнего храма Святого Василия в г. Овруче Волынской губ. в *ИИАК*: 1. Приб. к № 26. (*ХБ*. № 13). 1908. С. 25–26; 2. № 28. (*ВР*. № 2). 1908. С. 58–61; 3. № 32. (*ВР*. № 4). 1909. С. 1–6; 4. Приб. к № 34. (*ХБ*. № 17). 1910. С. 83–84 (статья *архиепископа Антония* "Русская святыня, восстановленная из развалин"); 5. № 39. (*ВР*. № 7). 1911. С. 50–51. В архиве ИАК хранится отд. д. № 253/1903 *«О реставрации Васильевского храма в г. Овруче»*. Интересные сведения об этом храме см.: *Раппопорт П.А.*, 1972.

[27] *Карл XII* (1682—1718) — король Швеции с 1697, из династии Пфальц-Цвайбрюккен, полководец. В начале Северной войны 1700–21 одержал ряд крупных побед, но вторжение в 1708 в Россию завершилось его поражением в Полтавском сражении 1709. (*БЭС*. 1998. С. 500).

[28] В периодике тех лет зафиксирована дата избрания Н.К. Рериха действительным членом этого об-ва. Это произошло 9 апреля 1909 на общем собрании в зале совета ИАХ. В этом же собрании единогласно избраны в почётные члены об-ва А.И. Куинджи, И.Е. Репин и В.М. Васнецов. В члены honiris causa избраны: Л.С. Бакст, А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, И.Э. Грабарь, М.В. Добужинский, В.Я. Курбатов, Е.Е. Лансере, С.К. Маковский, А.В. Прахов, А.С. Раевский и Л.А. Сакетти. В действительные члены, кроме Н.К. Рериха, избраны живописцы: А.П. Блазнов, А.Ф. Гауш, Д.Н. Кардовский, В.В. Матэ и А.А. Ростиславов. См.: *Речь*. 11 апреля 1909. № 97. С. 5.

[29] Текст дан с учётом немногочисленных изменений, сделанных во 2-м изд. статьи: *Рерих Н.К.*, 1914. С. 154–167. Недатированный автограф статьи (26 л.) хранится в архиве автора: ОР ГТГ, ф. 44, № 68.

[30] *Кантеле* (фин. kantele) — карельский и фин. струнный щипковый инструмент типа цитры. Ранний и поздние типы различаются по форме, размерам, количеству струн (первоначально 5), способам игры. Родственные инструменты: эстонский каннель, латышский кокле, литовский канклес, русские гусли. (*БЭС*. 1998. С. 491).

[31] Об *Олафсборге* (он же *Ольвсборг)* см.: *Вейбулль Й.*, 1994. С. 42.

[32] Последнее предложение этого абзаца в изд. 1914 отсутствует.

[33] Имеется в виду т. н. *Старая Упсала* в 5 км от современной Упсалы, г. в центральной ч. Швеции. Упом. с IX в., религиозный и политический центр древней Швеции. В 1245 сгорела. (*БЭС*. 1998. С. 1253). Интересные сведения об этом пункте см.: *Вейбулль Й.*, 1994. С. 6, 7, 17 и др.

[34] В *СГ* окончание этого предложения было таким: «...богатых и многочисленных; культура Гнёздовская и даже Люцинская; находки Черниговские, Киевские и, понятно, Волховские, Мстинские, Верхнего Поволжья, и в более поздних и в ранних проявлениях — всё говорит нам не о проходной культуре севера, а о полной её оседлости» (с. 76).

[35] См. в наст. разд., № XXXI (1).

[36] Трудам, упом. в этой статье финских учёных, посвящен отд. вып. "Известий": *Гейкель Г.К.*, 1911.

[37] *Кексгольм* — название г. Приозёрск в Ленинградской обл. в 1611–1948. Известен с 1143 как крепость под назв. Корела, в 1611–1710 в составе Швеции, в 1918–40 в составе Финляндии. (*БЭС*. 1998. С. 960).

[38] *Рюрик* — согласно летописной легенде начальник варяжского военного отряда, призванный ильменскими славянами княжить вместе с братьями Синеусом и Трувором в Новгород. Основатель династии Рюриковичей. (*БЭС*. 1998. С. 1045).

[39] *Нестор* — древнерусский писатель, летописец XI — нач. XII вв., монах Киево-Печерского монастыря. Автор житий князей Бориса и Глеба, Феодосия Печерского. Традиционно считается одним из крупнейших историков средневековья — автором первой ред. "Повести временных лет". (*БЭС*. 1998. С. 801).

[40] В изд. 1914 это предложение опущено.

[41] *Матильда (Matilde)* (1046—1115) — маркграфиня Тосканы. В борьбе за инвеституру поддерживала римских пап. В её замке Каносса в 1077 происходила встреча папы Григория VII и императора Генриха IV. (*БЭС*. 1998. С. 702).

[42] Недатированная запись о св. Екатерине Шведской — автограф Н.К. Рериха — хранится в его архиве: ОР ГТГ, ф. 44, № 55, л. 1.

[43] *СГ*. Февраль 1908. № 2. С. 1. Данными о её публ. и местонахождении рукописи мы не располагаем.

[44] Кроме этого, целая группа материалов др. авторов содержит ценные упоминания о Рерихе: о его докладах "Тихие погромы" (1909. № 10), "Допетровское искусство" (1909. № 11) и "Новгородские стены" (1911. № 2), о работе Комиссий «по изучению и описанию старого Петербурга» (1907. № 8–9) и Музея Допетровского искусства и быта (1909–11), о статьях "Радость искусству" (1909. № 5) и в защиту Новгорода (1916. № 7—9), об отд. картинах из коллекции Рериха (1912. № 2, 10), об организации при Школе ИОПХ нового Музея современного искусства (1916. № 1–2), об участии в работе эрмитажной «комиссии по вопросу о реставрации художественных произведений» (*там же*) и др.

1909

XXXV
ИИАК. Прибавление к № 32: Хроника и библиография. № 16
СПб.: тип. ГУУ, 1909

В этом выпуске ИАК публикует подборку материалов о работе всероссийской **«комиссии по вопросу об охране памятников старины»**[1]. Очередной "записной листок" художника-археолога "Восстановления" свидетельствует о том, что Рерих хорошо был

знаком с деятельностью этой комиссии и внимательно следил за всеми сообщениями в печати относительно её работы, участвовал в обсуждении проектов вновь устанавливаемых памятников. Примером тому служит отклик Рериха на заметку "Памятник Святой Ольге" из "Хроники и библиографии". В ответном "записном листке" Рериха высказано предложение построить во Пскове вместо скульптурного памятника княгине Ольге музей-древлехранилище, положив в основу его собрание древностей известного псковского коллекционера **Ф.М. Плюшкина**[2].

1. Н.К. Рерих. Восстановления. *1908*[3]

При министерстве внутренних дел, кажется, начнёт заседать комиссия по выработке положения об охране памятников старины[4]. Трудное и высокое дело — найти формулу защиты лучших слоёв бывшей культуры. Некоторые члены комиссии могли бы быть прекрасными хранителями старины во всём её художественном понимании, но удастся ли им повлиять на коллегиальное решение и установить почти немыслимую букву закона — весьма неизвестно.

Результатом трудов комиссии могут быть точные списки памятников старины, прекрасно редактированные правила, широкие циркуляры от министерства по всем областям и губерниям... Но на чём зажжётся в сердцах толпы горячее стремление оградить красивые останки от разрушения? Каким пунктом правил может быть разъяснено всем народным массам, всем городским хозяйствам, что в разрушении памятников понижается культура страны?

Разойдётся комиссия; в чьих же руках останутся прекрасные правила? В чьих портфелях потонут циркуляры? В каких шкафах будут погребены точные и длинные списки старины?

Будет ли комиссии предоставлено полное право также назвать людей, полезных такому сложному художественному делу?

О памятниках старины теперь много пишется. Боюсь, даже не слишком ли много. Как бы жалобы на несчастья памятников не сделались обычными! Как бы, под звуки причитаний, памятники не успели развалиться. Правила, правда, полезны для охраны старины, особенно сейчас, когда многие остатки древности дошли до рокового состояния; но ещё нужнее наличность людей, наличность настоящей преданности и любви к делу.

Помню значительное по смыслу заседание Общества Архитекторов, посвящённое несчастливой реставрации Нередицкого Спаса в Новгороде. Помню, как оплакав Спаса, начали мечтать о возможных правилах реставрации и кончили утверждением, что каждая реставрация есть своего рода художественное произведение. Каждая реставрация требует, кроме научной подготовки, чисто творческого подъёма и высокой художественной работы. При этом покойный Н.В. Султанов[5], человек большой культурности, выразился совершенно определённо, что обсуждать реставрацию на основании общих правил нельзя и что каждый отдельный случай требует своего особого обсуждения. Всем было ясно, что имеет значение не то, каким путём будут обсуждаться реставрации, но кто именно будет это делать.

Слов нет, на предмет обсуждений очень хороша коллегия. Но главное несчастье коллегии в том, что она безответственна. Вспомним разные неожиданности закрытых баллотировок; вспомним, как никто из членов не примет на себя произошедшей досадной случайности. Процент случайностей в коллективных решениях прямо ужасен. Вся ответственность тонет в многоликом многообразном существе, и коллегия расходится, пожимая плечами и разводя руками.

В коллегиальных решениях отсутствует понятие самое страшное для нашего времени, а именно: ответственность личная, ответственность с ясными несмываемыми последствиями.

Личная ответственность необходима. Начинателю — первый кнут и первая хвала. И можно найти таких людей, которые имеют силы и мужество принять высокую ответственность охраны заветов культуры, памятников старины. Имеются люди, нужные для разных видов[6] древности.

Если есть поборники красоты старины, то кто же будет их слушать и слушаться?

Какими путями можно проникнуть в душу "обывателя", для которого памятник есть только старый хлам? Какими ключами открывать душу ста миллионов людей?

Полные непростительных мечтаний, еще недавно рассказывали мы "повести лирические".

Мы говорили: «Россия с особенною легкостью всегда отказывается от прежних заветов культуры. Пора уже понять, какое место занимает старина в просвещённом государстве. Пусть памятники стоят не страшными покойниками, точно иссохшие останки, никому ненужные, сваленные по углам соборных подземелий. Пусть памятники не пугают нас, но живут и вносят в жизнь лучшие стороны прошлых эпох. Больно смотреть, как памятники теряют всякую жизненность; любимый, заботливо обставленный дедовский кабинет обращается в пыльную кладовую хлама. Мы почитаем близких покойных. Мы всё-таки заботимся почитать их памятниками; некоторое время мы желаем поддержать памятники и всё принадлежавшее нашим близким покойным. Неужели не ясно, что памятники древности, в которых собралось всё наследие былой красоты, должны быть ещё более близкими и ценными в нашем представлении?»[7]

Если душа семьи ещё жива в нас, то неужели душа родовая уже умерла совсем? Неужели всё соединяющая, всё объемлющая душа земли не подскажет народам значение наследства старины? Это не может быть; национализм, правда, не осилил задачу значения древности, но душа земли, более глубокая, нежели дух наций, имеет силы отстоять свои сокровища — сокровища земли, пережившей многие народы.

Не в сумраке темниц должны памятники доживать свой век; они должны светить всей праздничной жизни народа.

Дайте памятнику то "чистое" место, которое он имел при создании — и к такому живому музею пойдёт толпа. При оживлении памятников оживут и тысячи музейных предметов и заговорят с посетителями совсем иным языком;

они сделаются живыми частями целого увлекательного и чудесного. Не опасаясь педантичной суши, пойдёт молодёжь к дедовскому наследию; полная надежды, заглянет она в чело его, и мало в ком не шевельнутся прекрасные чувствования раннего детства, потом засыпанные чем-то очень "нужным".

Около старины нужны чуткие люди. Кроме учреждений "археологических", должны появляться общества друзей старины. Верю, что такие общества народятся скоро[8].

Городскому Управлению Новгорода, где есть очень богатые промышленники, скажем словами из одной моей старой статьи о старине: «Добрые люди, не упустите дело доходное. Чем памятник сохраннее, чем он подлиннее — тем он ценнее. Привлеките к памятнику целые поезда любопытствующих. Бог да простит вас, извлекайте из памятников выгоду, продавайте их зрелища, сделайте доступ к ним оплаченным. Кормите пришедших во имя древности, поите их во имя старины, зазывайте небылицами красивыми, украшайте каждое место легендами (издатели, слушайте!), громоздите эпизоды любовные, устрашайте рассказами жестокими, распаляйте богатствами грабёжными, торгуйте, продавайте и радуйтесь!

(Освяти, отче, средство!) Обложите памятники арендами, запирайте от проходящих затворами, берегите их честно и крепко, как бумаги процентные.

В памятниках вложены капиталы великие; в умелой руке в большом барыше пойдёт памятник; опасны дела торговые, а памятник, что вино, чем старее, тем ценнее!

Чем до сердца доходчивее, тем и думайте; но старину берегите!»[9]

2. Памятник святой Ольге *(НВ. 28 апреля 1909. № 11898)*[10]

Когда возникшее в Петербурге "Всероссийское общество благоверной княгини Ольги" подняло вопрос об устройстве памятника этой знаменитой Славянке, то старинный Псков был облюбован как место, где должен быть воздвигнут этот памятник. Сами псковичи более чем кто-либо желали у себя иметь памятник святой Ольге, и вопрос этот неоднократно дебатировался в думе, земстве, археологическом обществе. Последнее недавно обсуждало вопрос о судьбе 140 000 руб., долженствующих остаться от постройки в Пскове через реку Великую железного моста, которому даётся наименование Ольгина моста. Археологическое общество постановило ходатайствовать, чтобы указанный остаток был употреблён на постройку в Пскове памятника святой княгине Ольге. В городской думе предложение археологического общества обсуждалось 24 апреля и вызвало горячие прения, встретив как сторонников, так и противников.

К сожалению, не нашлось сторонников немедленного разрешения вопроса о поддержке предлагаемого археологическим обществом ходатайства. Дума постановила оставить его открытым. Интересно было бы узнать, сколько поступило пожертвований на сооружение памятника святой Ольге.

3. Н.К. Рерих. Памятник святой Ольге *[1909]*[11]

Собрались ставить во Пскове памятник княгине Ольге. Идут разговоры. Что важнее всего, имеются в наличности деньги. Дело оформилось, и можно о нём сказать.

При обсуждении подробностей памятника возникает масса трудных вопросов. Как решить, какой именно следует поставить памятник? На кого возложить ответственность? Кто поручится, что поблизости поэтичного Детинца не окажется пренеприятное сооружение? Кого призвать к исполнению? Которое место счесть лучшим для памятника?

Открывается бездна хлопотливых соображений; в результате, может быть, тихий забытый Псков "украсится" посредственной фигурой. Вместо празднества произойдут скучные бесконечные нарекания.

Досадно, что предпринимается нечто трудновыполнимое в то время, когда в Пскове уже создался интересный памятник, драгоценный для города, типичный для края. Этот уже сложившийся памятник может быть посвящён святой Ольге.

Говорю об известных собраниях Плюшкина. О всём том, что собрано в сорокалетнем труде рукою псковича, спасшего многие вещи от уничтожения. Несмотря на предметы малой ценности, которые неминуемо нередко попадают в частные собрания, в коллекциях Плюшкина имеются и прекрасные вещи. Из них может составиться целый отдел областного музея, и то, что так спорно для приобретения в Петербурге, сейчас легко может остаться в Пскове.

Часовня во Пскове. 1913. Архитектор А.В. Щусев. Роспись по эскизам Н.К. Рериха. Фото К.С. Синелобова (1976)

Культурное дело древлехранилища имени святой Ольги вполне достойно дел первой княгини. Собранное Плюшкиным ценно именно для псковского края. Начиная от первобытных древностей и кончая обиходными предметами из исчезающих домов псковского дворянства, всё складывает для зрителя поучительную картину, ценный документ. В таком собрании, сложенном самой жизнью без предвзятой идеи, можно установить любопытные наслоения русской областной жизни. Во всём богатстве развернётся перед исследователем пёстрый конгломерат достижений высокой утончённости и полуформенного детского лепета. Яркая русская картина.

Уже немецкие и английские предло-

Н.К. Рерих. Псков. Общий вид кремля. Из серии этюдов, выполненных во время путешествия по древнерусским городам. 1903. Собрание ГМВ

жения будто бы приближаются к собраниям Плюшкина, вывоз русских вещей за границу, может быть, опять становится возможным, к общему нашему смущению. Денег на приобретение собраний ждать нечего, и тут же рядом будет лежать капитал для ольгинского памятника!

Памятники должны вполне отвечать сущности лица, которому они посвящены.

Разве может ответить широко думавшей княгине Ольге памятник-фигура, конечно, вовсе не схожая с оригиналом? Только памятник-музей, который в будущем запечатлеет всю жизнь родного края, может быть достойным памяти святой Ольги.

Памятник-музей приличествует святой Ольге, собирательнице земли. Музей трудно собрать, и надо думать, само время подготовило такой памятник во Пскове. Подумайте и решите!

ПРИМЕЧАНИЯ К № XXXV

[1] С. 41–47 данного вып.

[2] О том, как решилась судьба собраний Ф.М. Плюшкина, см. наст. разд., № XXXIX.

[3] Текст публ. по изд.: *Рерих Н.К.*, 1914. С. 93–97.

[4] Об организации этой комиссии читаем у *Виктора Смолина* (Казань, 1917): «В начале XX века само правительство, в лице Государственного Совета, обратило внимание на крайнюю недостаточность и отрывочный характер содержащихся в действующем законодательстве постановлений, касающихся древних памятников и зданий... “Признав необходимость восполнить этот пробел, Государственный Совет предоставил Министру Внутренних Дел подвергнуть пересмотру действующие постановления относительно древних памятников и зданий и свои по сему предмету предположения внести, по сношении с кем следует, на законодательное решение”. Это мнение Государственного Совета было Высочайше утверждено, и в декабре 1904 г. при министерстве внутренних дел была образована особая комиссия с участием представителей заинтересованных ведомств. В своих работах эта комиссия опять-таки указала на необходимость центрального

охранительного органа, наряду с которым должны существовать и местные учреждения. Эта междуведомственная комиссия в 1908 г. расширила круг своей работы, пожелав рассмотреть все вопросы, касающиеся охранения вообще всякого рода памятников древнего зодчества, по своему происхождению, художественному достоинству, исторической или археологической ценности имеющих значение». О работе комиссии (коллегии) сообщали *ИИАК*: 1. Приб. к № 39. (*ХБ.* № 19). 1911. С. 168–169; 2. Приб. к № 56. (*ХБ.* № 26). 1914. С. 22, 178, 179; 3. № 63. 1917. С. 145–149. В последнем случае читаем: «В 1911 г. комиссия составила новый проект охраны памятников старины, который предполагалось внести в Государственную Думу. Согласно этому проекту, на охрану памятников старины ежегодно от правительства отпускается 48 000 рублей, причём высший надзор за охраной поручается особому Комитету при министерстве внутренних дел... Этот проект вызвал сильную критику на заседаниях "Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины" [членом совета его был Рерих, см. ниже. — *В. М.*]. То же было и на Всероссийском съезде художников в СПб. в декабре 1911 — январе 1912 гг. В своих докладах А.А. Ростиславов, Н.П. Кондаков и граф П.Ю. Сюзор, а также ораторы, высказывавшиеся по поводу этих докладов, подвергли проект резкой критике. Самым ненормальным в нём казалось докладчикам и ораторам зависимое положение Комитета от министерства внутренних дел, к-рое собственно и выбира[ло] весь Комитет. Указывалось и на незначительность суммы, ассигнованной на охрану памятников, тогда как во Франции на этот предмет тратится до 3 000 000 франков» (*Виктор Смолин*).

[5] *Султанов Николай Владимирович* (1850—1908) — архитектор, реставратор. Директор Института гражданских инженеров. Действительный член ИРАО. Член комиссии по реставрации Софийского собора в Новгороде (1890-е). Автор первоклассных публ. по вопросам истории искусства, археол. и архитектуры (см., например: *Султанов Н.В.*, 1885). Рерих с ним переписывался.

[6] В тексте "Собрания сочинений" Н.К. Рериха (1914) здесь стоит «веков», что является опечаткой.

[7] Рерих цитирует статью "По старине" (1903) в немного изменённых выражениях.

[8] Об этом же писал Рерих ещё в 1903, в одном из вариантов статьи "По старине", опубликованном под названием "Памятники": «Верю: скоро к нашей старине придут многие настоящие люди. Кроме археологических учреждений будут задуманы общества друзей старины» (*Рерих Н.К.*, 1993б. С. 9).

[9] Ibidem.

[10] Публ. в сокращении. Автор заметки неизвестен.

[11] Текст публ. по изд.: *Рерих Н.К.*, 1914. С. 189–191.

1910

XXXVI
ИИАК. Прибавление к № 34: Хроника и библиография. № 17
СПб.: тип. ГУУ, 1910

В "Обзоре повременных изданий, выходящих в России, за 1909 год" отмечена следующая публикация Рериха.

1. Записные листки Н.К. Рериха. Десятинная церковь в Киеве[1]

(СГ. Май 1909. № 5. С. 266–267)

2 мая в "Новом Времени" сообщено[2] о желательности воссоздания Десятинной церкви в её первоначальном виде.

Сказано: «Что касается Десятинной церкви, то хорошо известен только план её, благодаря раскопкам, произведённым в прошлом году; очень мало известно о внешнем виде храма и внутреннем украшении его. Однако тех данных, которые имеются, достаточно для начала дела, а если за него возьмутся люди знающие, любящие старину, то несомненно они доведут его до благополучного конца... Необходимо теперь же образовать комитет для подготовки данных по [вос]созданию древнего Десятинного храма».

По поводу такого предложения вспомним, что именно знаем мы о Десятинной церкви.

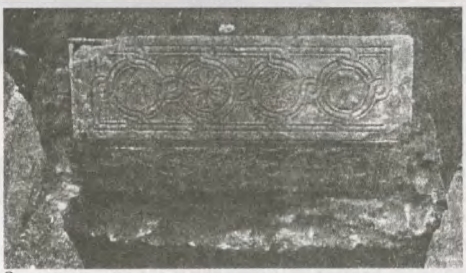
«И бяше Варяг един и бе двор его, идеже есть церкви святая Богородица, юже содела Володимер».

«Посем же в лето 6497 (989 год) Володимер живяше в законе Хрестьянсте, помысли създати церковь пресвятыя Богородици, послав приведе мастеры от Грек и наченшю же здати и яко скончазижа, украси ю иконами, и поручи ю Анастасу Корсунянину; и попы Корсуньския приставы служити в ней и вда ту все, еже бе взял Корсуни, иконы и сосуды и кресты».

«В лето 6504 (996 год) Володимер видев церковь свершену, вшед в ню, и помолися Богу... и рек сице: "Даю церкви сей святой Богородици

1.

2.



3.

Раскопки в местности Десятинной церкви в Киеве, произведённые в 1908 под руководством ИАК. 1. Мраморный "обломок преграды". 2, 3. Саркофаг, обнаруженный снаружи церкви, вблизи северной её стены. Фото из *ОИАК за 1908 год*

4.

5.

6.

Раскопки в местности Десятинной церкви в Киеве, произведённые в 1908 под руководством ИАК. 4–6. Плиты саркофага, обнаруженного снаружи церкви, вблизи северной её стены
Фото из *ОИАК за 1908 год*

от имения моего и от град моих десятую часть". И положи написав клятву в церкви сей, рек: "Аще кто сего посудит, да будет проклят". И вдаст десятину Анастасу Корсунянину».

По словам Дитмара, во время осады Киева Болеславом Храбрым[3] (1018) посередине храма стояли мраморные саркофаги[4] Владимира[5] и княгини Анны.

В 1017 год церковь была сильно повреждена пожаром и по возобновлении её князем Ярославом[6] (1039 год) была вновь освящена.

В 1240 году «граждане создаша пакы другый град около святое Богородице» и пали в битве с Батыем[7]. Храм был разрушен.

В разное время были открываемы части бывшей Десятинной церкви: осколки мраморных колонн, картины, куски мозаичного пола, кафели, остатки мозаики и фресок.

Все эти остатки, так же как и намёки летописи, ясно говорят нам о действительном великолепии Владимирова храма. В мечтах можем мы ярко представлять себе величие и благородство этого памятника, украшенного лучшими предметами греческой работы. И сделанное греческими мастерами в Киеве и, главное, вывезенное из Корсуня[8], без сомнения было высокохудожественно. Чем вернее представим себе древний Киев, [считая] его не захолустным городом, а большим, устроенным центром, тем выше будет наше суждение о первоначальном виде Десятинной церкви.

Жалкими должны показаться всякие попытки сделать подделку под прекрасный памятник древности, от которого мы так резко отделены всем нашим существом. Почтенно всякое познание истины древней жизни. «Будущее в про-

шлом» всегда должно быть не парадоксом, но глубоким девизом. И в силу уважения к красоте древности нельзя думать о подделках.

Поддержать памятник, продлить его жизнь — большая заслуга, но воскрешение мёртвых нам не дано.

Собирайте все вещи, принадлежавшие умершему, но не выдавайте мумию за живого и не затрачивайте деньги на такие дела.

Денег у нас мало. Надо создать комитеты для сбора средств на изыскание древностей. Среди будущих изысканий должно стоять на первом месте исследование древнего Киева.

Год тому назад, по поводу данных о начале Киева, пришлось мне писать: «Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев ещё покоится в земле в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы также и для наших дней. То, что начато сейчас раскопками Хвойко[9], надо продолжить государству в самых широких размерах. Останавливаемся на исследовании Киева потому, что в нём почти единственный путь проследить прошлые наслоения культур. Эти вехи освещают и Византийское влияние, и Скандинавский век и дают направление суждениям о всех временах бронзы»[10].

Готов я повторить эти слова ещё много раз, а в особенности тогда, когда появляются мысли об изыскании средств для Киева[11].

Неохотно принесут люди деньги на подделку храма, зная, что у государства есть головы и руки, пригодные для новых созданий. Но для открытия целой блестящей культуры каждый, с радостью, отдаст свою лепту.

Всероссийская подписка на исследование Киева и Новгорода могла бы дать огромные средства. По мелочам, по копейкам создадутся миллионы. Я убеждён, что каждый из нас, любящих красоту́ древности, примет в таком деле самое горячее участие. Никакой культурный человек не пройдёт безучастно мимо подписного листа, мимо кружки на исследование правды крупнейших моментов жизни.

Пора приступить!

В "Археологической хронике", в отделе, посвящённом деятельности **ИРАО**, сообщается о заседании Русского отделения. Среди выступавших был брат Рериха — **Борис Константинович Рерих**.

2. [О заседании ОРСА ИРАО 28 октября 1909]

(ПВ. 30 октября 1909. № 231)

В заседании 28 октября, на предложение Императорского Московского Археологического общества об участии отделения в подготовительных работах к предстоящему в 1911 году в Новгороде XV Всероссийскому археологическому съезду, отделение постановило посвятить имеющиеся в распоряжении отделения в 1910 году средства, до 700 р., ассигнуемые на раскопки и археологические исследования, исключительно для новгородского съезда и просит общее собрание общества об образовании особой комиссии для выяснения вопроса

Н.К. Рерих. "Звериный" орнамент. [До 1917]. Рисунок из МСССМ

о способах, какими общество могло бы оказать посильное содействие устройству съезда.

Ф.К. Волков[12], производивший истекшим летом этнографические изыскания в Волынской губернии, сообщил о «старинных деревянных церквах на Волыни». Эти интересные памятники для истории русской архитектуры в Волыни сохранились в незначительном количестве. Но в фотографиях многие из давно исчезнувших церквей сохранены в музее местного любителя и собирателя барона Штейнгеля. Докладчиком подвергнуты были обследованию не только храмы, но и колокольни их и часовни (каплицы). Интересны часовни села Заболотья и села Высоцкого, Ковельского уезда, м[естечка] Словуты, Заславского уезда. Общий характер церквей Волыни: три сруба, поставленные по оси с востока на запад, отличаются числом куполов, достигающих до 5. Изредка встречаются храмы с 4 и 5 срубами. Из церквей интересны: Михаила Архангела в Немировке, Овручского уезда, 1760 г., в Замшанах, Ковельского уезда, 1809 г., храм 1748 г., почти разрушенный, но сохранивший следы былого изящества и красоты, красивая церковь Троицы 1794 г. в Новоградволынске, храм, где, по преданию, погребён князь Курбский. В целом ряде демонстрированных рисунков колоколен референт представил полную картину их эволюции: от простейшего четырёхугольного сруба с крышей до сложных архитектурных композиций, напоминающих индийские пагоды. Кроме богатой коллекции рисунков, демонстрировано было референтом собрание деревянных резных крестов, собранных на Волыни.

Вторым докладчиком выступил ***Б.К. Рерих***, собравший вместе с ***Б.Н. Максимовым***[13] в Волынской губернии, преимущественно близ города Овруча, во время производства ими там реставрационных работ, значительную коллекцию древностей, также демонстрированных в заседании. Находки обнаружены в подвалах бывшего католического собора, в оврагах окрестностей Овруча; часть предметов приобретена у местных крестьян. Среди коллекции обратили на себя особенное внимание серебряные серьги из клада, найденного близ деревни Збранки. Всех серёг семь: четыре из них украшены так называемым звериным орнаментом, на трёх — орнамент геометрический. Демонстрированы также каменные орудия, черепки сосудов с разноцветной поливой и другие предметы. Оживлённый обмен мнений возбудил вопрос о весьма распространённых в Малороссии статуях из камня неизвестного назначения, носящих в народе название "фигуры". Возникло предположение, что фигуры эти ставились как средство против свирепствовавших эпидемий чумы и холеры. В преданиях выяснился отрадный

факт заботливости местного волынского архиерея[14] о хранении местных церковных памятников старины. Так, один из древних храмов, которому грозило неминуемое уничтожение, был спасен лишь усилиями архиерея, перенёсшего этот храм на архиерейский двор.

По сообщению Н.Е. Макаренко, на заседании ОРСА ИРАО 28 октября 1909 Б.К. Рерих в дополнение к докладу Ф.К. Волкова «ознакомил собрание с фотографическими снимками, исполненными им с древних деревянных памятников Волыни»[15]. Снимки эти сохранились и находятся в фотоархиве РА ИИМК в виде «выборочной серии фотографий Б.К. Рериха 1909–10 гг. с архитектурных памятников Волынской губернии, а также городов Киева, Пскова и Новгорода»[16].
О том же самом рассказывает и автор заметки, помещённой в разделе "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках".

3. Старожил [Об исследованиях на Волыни в 1909 году]
(ЖВ. 7 ноября 1909. № 288)[17]

Профессор ***Ф.К. Волков***, производивший летом изыскания на Волыни, подробно исследовал не только храмы, но и колокольни их и часовни (каплицы).

Кроме Ф.К. Волкова, на Волыни работали ***Б.К. Рерих*** и ***Б.Н. Максимов***[18], преимущественно в окрестностях города Овруча; во время производства ими реставрационных работ они собрали значительную коллекцию древностей.

Все эти собиратели указывают, между прочим, на отрадный факт — заботливость волынского епископа о хранении местных церковных памятников старины. Ф.К. Волков говорит, что один из древних храмов, которому грозило неминуемое уничтожение, был спасён лишь усилиями архиерея, перенёсшего этот храм на архиерейский двор. Выяснился и весьма печальный факт, что многие сельские священники, в особенности захолустных сел, считая неудобным хранить в православных церквах иконы и книги униатского письма, безжалостно их сжигают со всем тем, что напоминает собою эту эпоху. Рассказывают, что в одной из церквей недавно была сожжена какая-то толстая книга, которую никто не мог читать; ни студент, ни семинарист, приезжавшие в это село, не понимали, на каком языке она писана; некоторые высказывают предположение, что она была написана "глаголицей".

Таким образом постепенно стираются следы, могущие привести нас к началу русской истории. Духовным властям следовало бы оповестить по всем нашим сёлам, что есть у нас в Житомире церковное древлехранилище, есть музей общества исследователей Волыни, и что эти учреждения принимают, исследуют и хранят все остатки старины, из которых некоторые с археологической и исторической точки зрения поистине бесценны.

В разделе, посвящённом деятельности **Общества архитекторов-художников**, помещено сообщение о собрании, на котором Н.К. Рерих выступил с докладом. "Старые годы" сохранили дату этого события: 24 сентября 1909[19].

4. [О собрании Общества архитекторов-художников]

(ВСПбГ. 29 сентября 1909. № 207)[20]

На днях состоялось первое в настоящем сезоне собрание членов Общества архитекторов-художников, под председательством графа ***П.Ю. Сюзора***[21]. Весьма интересный доклад был сделан ***Н.К. Рерихом***: "О тихих погромах", как он назвал современную реставрацию русской старины. Объехав за последнее время много старых русских городов, он пришёл в ужас от того, что творится под видом восстановления древних памятников зодчества по отношению к ценнейшим его проявлениям. В Ярославле, например, храм Иоанна Предтечи зачем-то "промыт", т. е. испорчена замечательная живопись. Всё художественно-религиозное в нём исчезло и заменено работой богомазов. Фрески и чудные зелёные изразцы другого храма — Николая Мокрого закрыты жёлтой масляной краской. Всё это, по словам докладчика, является настоящим погромом, который может выражаться и не в одних разносах и пожарах, а в систематическом уничтожении всего дорогого русскому сердцу. Хуже всего то, что это производится якобы с разрешения Археологической комиссии, в чём докладчик сомневается. Архитекторы решили возбудить ходатайство о прекращении впредь таких реставраций. Второй доклад был прочитан ***Г.К. Лукомским***, только что вернувшимся из заграничной поездки в Берлин, Венецию и Мюнхен, где он посетил все выставки по чистому и прикладному искусству. Докладчик указал на громадный успех русского отдела в Мюнхене и желательность устройства действительно интересного архитектурного отдела России всех эпох на предстоящей международной выставке в Риме.

Обозреватель "Старых годов" отметил, что доклад Рериха вызвал оживлённый обмен мнений, «так как касался последних грубейших и возмутительнейших вандализмов». При обсуждении доклада выяснилось, что ИАК просила местных властей «не представлять к награде медалью (в виде наказания) известного торговца-мясника, давшего средства "на украшение" храма Николы Мокрого в Ярославле»[22].

Как раз в этом выпуске "Хроники и библиографии", в "Обзоре повременных изданий, выходящих в России, за 1909 год" сообщается о статьях Н.К. Рериха под заглавием **"Тихие погромы".** Первая из статей с таким названием вышла в журнале "В мире искусств" (июль 1909, книга 7) — «по поводу "промывки" храма Иоанна Предтечи в Толчковской слободе в Ярославле», вторая — в газете "Биржевые ведомости" (8 августа 1909, № 11250) — «по поводу окраски храма Николы Мокрого в Ярославле».

Обозреватель "Старых годов" называет ещё одну публикацию **"Тихие погромы"** — в "Русском слове", не скрывая при этом своего удивления: «Интересно сведение об идоле из Костромского Музея, "вновь найденного" при раскопке, произведённой с открытым листом Археологической Комиссии. Потрясающими сообщениями являются промывки храма Иоанна Предтечи в Толчкове и окраска масляной краской снаружи Николы Мокрого в Ярославле... Таким образом современная молодежь обучается на основании подложных памятников»[23].

Текст, публикуемый в настоящем издании, относится к 1911 и является последней — объединённой и дополненной авторской редакцией статьи[24].

5. Записные листки Н.К. Рериха. Тихие погромы. *1909—11*

Скучно быть обидчиком и ругателем.

Скажут: «злой человек!»

— Не умеет жить в "хорошем" обществе. Трогает, что не следует. Не умеет вовремя закрыть глаза и заткнуть уши. Только себе вредит.

Сожалеют доброжелатели.

И вот учишься быть благодушным. По возможности не смотреть, меньше знать, делать своё дело. Пусть себе! Снова поклоны становятся внимательнее и взоры мягче. Предполагают: «кажется, летний отдых повлиял благоприятно».

Но дорога русского благодушия полна бесконечных испытаний.

Нельзя выехать никуда. Из дома нельзя выйти.

Каждая встреча приносит престранные сведения.

Как быть с ними?

В каталоге смоленского городского археологического музея приходится читать: «...окаменелые дождевые черви, окаменелые сыроежки, голова идола с чертами, проведёнными масляной краской, и т. п. редкости».

Смеёшься и благодушествуешь:

— Ну, черви так черви! Сыроежки так сыроежки. Шут с ними, и с червями, и с Писаревым, и с Орловским, которые так научно написали.

Рассказывают о бывших исчезновениях предметов из новгородского музея.

Всё-таки благодушествуешь:

— Может быть, вещи попали в более надежные руки. Опять же и предопределение!

Передают о вновь найденном в раскопке идоле, который несколько лет назад пропал из костромского музея. Стал невидим (так не будет ничего преступного).

Неукоснительно благодушествуешь:

— Да процветает научная точность и безукоризненность.

Да здравствуют точные выводы, построенные на фактах из раскопок! Да живёт точное распределение веков и предметов!

Шепчут, как из собраний одного ещё не открытого музея уже стали исчезать вещи.

Собираешься с силами и благодушествуешь:

— Хоть и плохое начало для музея, но хвала Создателю, если начали пропадать вещи ещё до открытия музея, иначе неприятности было бы больше.

Показывают, как в Мирожском монастыре, после недавней "реставрации" Сафонова, обваливается вся живопись; там погибает превосходный памятник.

Приходится уже плохо, но кое-как благодушествуешь:

— Сафонов уже много храмов испортил[25]. Прибавим к этому синодику ещё одно имя, ведь всё равно Сафонову поручат новые работы. Всё равно не остановишь шествия вандалов[26].

Пишут горестные письма и ведут показать, как чудесного седого Николу Мокрого в Ярославле сейчас перекрашивают снаружи в жёлтый цвет, да ещё *масляной* краской. Причём совершенно пропадает смысл желтоватых фресок и желтовато-зелёных изразцов, которыми храм справедливо славится.

Пробуешь неудачно "благодушничать" — так больше похоже на "малодушничать":

— Таков обычай страны...

При этом упорно твердят, что новое варварство в Ярославле делается с ведома Археологической комиссии. Будто бы комиссия разрешила и *масляную* краску.

Опять плохо благодушничаешь:

— Если комиссия избрала холерный цвет, пусть так и будет, теперь в Петербурге холера. И вообще, не обижайте комиссию. Так и говорю. Слышите!

Но здесь благодушничанье окончательно покидает. Становится ясно, что никакая комиссия не может разрешить и знать то, что делается сейчас в Ярославле.

Никто, сколько-нибудь имеющий вкус, не может вынести, чтобы белого Николу с его чудными зеленоватыми изразцами обмазали последствиями холеры.

Это уже невыносимо.

Или тут жестокий поклёп на Археологическую комиссию, или не завелась ли у нас подложная комиссия.

Пусть настоящая комиссия разъяснит в чём дело. Пусть комиссия печатно объявит, что всё, что делается с Николою Мокрым, сделано без всякого её ведома и должно быть строго наказано[27].

При этом пусть комиссия всё-таки пояснит, кто из художников решает в ней живописные вопросы.

По всей России идёт тихий мучительный погром всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползёт бескровный, мертвящий погром, сметающий всё, что было священного, подлинного.

Когда виновниками таких погромов являются невежественные городские управления, когда в погромах действуют торгаши-иконописцы, потерявшие представление о «честном живописном рукоделии», когда презирает святыни спесивая администрация, — тогда всё ясно, тогда остаётся горевать. Остаётся утешаться примерами дикости из прежних веков.

Но когда среди имён вандалов клевещут на Императорскую Археологическую комиссию, тогда в смятении умолкаешь.

Куда же идти?

Кто же защитит прекрасную древность от безумных погромов?

Печально, когда умирает старина. Но ещё страшнее, когда старина остаётся обезображенной, фальшивой, поддельной. Это страшнее всего и больше всего подлежит наказанию.

Кто бывал в Ярославле и видал храм Иоанна Предтечи в Толчковской слободе, тот теперь не узнает его.

Храм "промыт".

Это тот самый храм, про который я уже писал:

«Осмотритесь в храме Иоанна Предтечи в Ярославле. Какие чудеснейшие краски вас окружают! Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивою охрою! Как легка изумрудно-серая зелень, и как у места на ней красноватые и коричневатые одежды! По тепловатому светлому фону летят грозные архангелы с густыми жёлтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одною охрою. Стены эти — тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать великий дом Предтечи!»[28].

Так, искренно, пелось об этом замечательном храме. Теперь дом Предтечи "археологически" промыт. Промыт будто бы под призором Археологической комиссии.

На "промывку" и восстановление потрачено, как говорят, около шестидесяти тысяч рублей.

Вся поэзия старины, вся эпидерма живописи смыта богомазами.

Достоинство храма до "исправления" было безмерно выше. Говорим так небездоказательно.

Каждый из художников, бывших прежде у Иоанна Предтечи, конечно, вспомнит, насколько было лучше.

Было художественнее, было тоньше, было благороднее, было несравненно ближе к стенописям Италии.

Пропал теперь тонкий серо-изумрудный налёт травы; пропали серые полутона всех белых частей стенописи; исчезла синева — выскочила синька.

Словом, всё то глубоко художественное и религиозное, что струилось и горело в живописном богатстве, — всё это небесное стало земным, грубым, грешным.

Искусство, одухотворённое священною кистью времени, "поправили"!

Самомнительно и святотатственно разрешили великую задачу, связующую мудрость природы, работу времени и труды человека.

Пришёл некто "серый" и решил, что всё завершённое временем не нужно, что он — "малый" — знает лучше всех, как следует снять будто бы лишние покровы.

Не кто иной, как он — "маленький", — знает, какие именно были люди, отделённые от нас резкими гранями культуры.

Как далеко такое самомнение от проникновенного стремления сохранить, от желания уважать, любить любовью великою.

Даже храм, прекраснейший своими чертами и красками, не способен был вызвать заботливую, ревнивую любовь.

Да существует ли она на самом деле?

И так, понемногу, в тишине громится духовное богатство Руси.

Незаметно погромляется всё то, что было когда-то нужно, всё то, что составляло действительное богатство и устои народа.

Погром страшен не только в шуме и свисте резни и пожаров, но ещё хуже погром тихий, проходящий незаметно, уносящий за собою всё то, чем люди живы.

Позади остаются мёртвые скелеты. Даже фантастический "танец смерти" не свойственен неподвижным "промытым" остовам.

И вводится в заблуждение народ, и не может отличить он, где источники живые и где мертвящие.

Толкуя о высоких материях, мы учим молодёжь по мёртвым буквам. Учим на том, что "промыто" невежественною рукою. Будем учить по подложному!

Те, кто решается сказать, что сейчас храм Иоанна Предтечи выглядит лучше, нежели был семь лет тому назад,— могут ли они утверждать, что видели его теперь и тогда.

Если не видели, то не должны и говорить.

Если видели и всё-таки скажут, что храм теперь лучше,— тогда пусть займутся сапожным ремеслом.

Стенопись храма Иоанна Предтечи в Толчкове испорчена.

Кто же это сделал? Кто наблюдал?

Защищайтесь!

Не думайте отмолчаться. Не думайте представиться, что вопрос ниже вашего достоинства.

Спрашиваю не я один, беспокойный.

Ждут ответа тысячи людей, которым искусство и красота старины близки.

Даже скромный ярославский обыватель шепчет:

— ...Ведь не мягкой щёточкой, не ситным, а водою да зелёным мылом стены-то мыли. Да и заправляли тоже! А разве новое-то под старину подойдёт?..

Почти безграмотный человек почувствовал возмущение и шепчет его робкими словами.

Дом Предтечи стал просто церковью, где продаются свечи, требы, молитвы.

Кто же следил за этим "делом"?

На какого художника возложила Археологическая комиссия такое ответственное, творческое обновление работы времени и многих неведомых людей?

В комиссии бывают архитекторы, но пусть скажут, кто из художников взялся так нелепо, по-варварски обойтись с прекрасным стенным покрытием?

Пусть непременно скажут.

Такое имечко надо записать "погромче"[29].

Ведь не могли же трогать живопись без живописца.

Это ясно.

Вообще, положение охранения памятников осложнилось ещё тем, что, чем бы ни ужаснулся зритель, ему слишком часто отвечают:

— Сделано с ведома Археологической комиссии.

Неуместный проблеск благодушия.

Не злоупотребляют ли именем Археологической комиссии?

Не завелась ли где-нибудь подложная комиссия?

Теперь так много подлогов.

О надзоре за "промытием" храма Иоанна Предтечи в Толчкове пусть Археологическая комиссия непременно всё разъяснит.

На неё в народе растёт слишком неприятное и очевидное обвинение.

Очерком "Тихие погромы" не исчерпывается тема реставрации в публицистике Н.К. Рериха. В **1915** появляется ещё одна публикация с похожим заголовком. На этот раз в центре внимания так называемое **"дело об эрмитажной реставрации"**, возникшее в результате деятельности реставратора Императорского Эрмитажа Д.Ф. Богословского. Рерих не остался в стороне. Свидетельством тому стали его "Предложения для постановки реставраторского дела в Эрмитаже"[30] и очерк, публикуемый ниже.

6. Записные листки Н.К. Рериха. Тихий погром

(БВ. 28 октября 1915. № 15175, утренний вып. С. 5)

«И так, понемногу, в тишине громится духовное богатство Руси.

Незаметно погромляется всё то, что было когда-то нужно, всё то, что составляет действительное богатство и устои народа.

Погром страшен не только в шуме и свисте резни и пожаров, но ещё хуже погром тихий, проходящий незаметно, уносящий за собою всё то, чем люди живы.

Позади остаются мёртвые скелеты. Даже фантастический "танец смерти" не свойственен неподвижным "промытым" остовам.

И вводится в заблуждение народ, и не может отличить он, где источники живые и где мертвящие.

Толкуя о высоких материях, мы учим молодёжь по мёртвым буквам, учим на том, что "промыто" невежественною рукою. Будем учить по подложному!

Стенописи испорчены.

Кто же это сделал? Кто наблюдал?

Защищайтесь!

Не думайте отмолчаться. Не думайте представиться, что вопрос ниже вашего достоинства.

Спрашиваю не я один, беспокойный.

Ждут ответа тысячи людей, которым искусство и красота старины близки».

Так писал я шесть лет назад по поводу одной из наших варварских реставраций.

Мог ли я думать, что эти самые слова придётся сказать о нашем Эрмитаже, о срединной сокровищнице искусства?

Не буду вновь приводить примеры и доводы, так ярко и убедительно указанные Александром Николаевичем Бенуа в "Речи" и С.П. Яремичем на этих

страницах[31]. Крик души вырвался, мучительно просящий заступиться за искусство.

Чистка картин и икон эпидемии подобна. При таком массовом заболевании глаза слепнут и забывается всё.

Забывается, что картины писались на всевозможных лаковых составах, которые уходят вместе с лаком. Забывается, что иконы покрывались олифою и часто "доводились" уже сверх первого слоя олифы. Забывается, что иногда бывали очень талантливые "поновители", и к таким, часто очень древним заправкам надо относиться очень осторожно. Наконец, упускается из вида, что болезнь каждой картины индивидуальна, а потому и лечение должно быть избрано человеком талантливым, чутким и многоопытным. Непоправимо нарушать очарование мастера, печать века.

Кощунственно — слабою рукою наносить черты чуждые.

Преступно допускать и потворствовать.

Одну из старых статей о вандализмах мне пришлось кончить призывом: «Чем до сердца доходчивей, тем и думайте; но искусство сберегите»[32]. Так и скажем.

В "Археологической хронике", в разделе, посвящённом деятельности **Петербургского Общества архитекторов-художников**, были вновь опубликованы заметки, освещающие начальный этап существования **комиссии Музея Допетровского искусства и быта**, созданной по инициативе Н.К. Рериха. Здесь они дополнены несколькими откликами в печати, не вошедшими в обзор ИАК.

7. Музей Допетровского искусства и быта *(ПГ. 25 октября 1909. № 293)*[33]

При Обществе архитекторов-художников, имеющем уже музей "старого Петербурга"[34], устраивается "Музей древнего русского быта", который предполагается составить из предметов, касающихся постройки и внутренней отделки старых русских городов (Киева, Новгорода и других).

8. [Доклад Н.К. Рериха в Обществе архитекторов-художников] *(БВ. 16 октября 1909. № 11366, вечерний вып. С. 4)*[35]

В обществе архитекторов и художников известный художник ***Н.К. Рерих*** прочёл вчера, 15 октября, интересный доклад о создании музея допетровского искусства.

Общество, по мысли докладчика, должно немедленно приступить к всероссийской подписке на исследование древнейших русских городов и собирание музея допетровского зодчества и всего древнего быта.

Доклад Н.К. Рериха был встречен сочувственно, и собрание единогласно постановило принять его предложение. Для детальной разработки проекта избрана комиссия в составе Н.К. Рериха, академика Покровского, академика Щусева, Раевского, Лукомского, Ростиславова и других.

9. Н.Е. Макаренко
Заседание Общества архитекторов-художников 15 октября 1909
(СГ. Ноябрь 1909. № 11. С. 636)

Н.К. Рерих прочёл доклад "Допетровское искусство". В настоящее время, время усиленной порчи остатков искусства и старины, отчасти под предлогом улучшения старого непрочного, отчасти по другим менее культурным причинам, окончательно уничтожаются лучшие памятники искусства. Многочисленные примеры того, с какой заботой относится к памятникам учреждение, которому вверена охрана их[36], лишний раз убеждает в своевременности выступления частной инициативы в деле сохранения и собирания этих памятников. Музеи Петербурга, разбросанные по различным учреждениям, не в состоянии дать картину Допетровской культуры, насущная же потребность в таком именно собрании ныне ощущается не только отдельными лицами, но и обществом. Богатые искусством прошлого Новгород, Киев и др[угие города] до сих пор неисследованы. Систематическое изучение этих городов представляется делом крайне важным и неотложным. Развивая эти идеи, докладчик предложил Обществу Архитекторов-Художников взять на себя инициативу по объявлению всероссийской подписки на исследование древних городов и устройство Музея Допетровского искусства и быта в Санкт-Петербурге[37].

Предложение докладчика было принято единогласно; для разработки его была избрана особая комиссия.

20 октября комиссия Музея Допетровского искусства и быта в первом своём заседании избрала Председателем инициатора дела Н.К. Рериха и секретарями А.А. Ростиславова и Н.Е. Макаренко.

Председатель доложил о предоставленном академиком В.В. Радловым временном помещении для нового Музея, в Музее Академии Наук.

10. [О первом заседании комиссии
Музея Допетровского искусства и быта]
(Речь. 27 октября 1909. № 295)[38]

В помещении музея Старого Петербурга состоялось первое заседание комиссии музея до-Петровского искусства и быта, только что образовавшейся по инициативе ***Н.К. Рериха*** при Обществе архитекторов-художников. Председателем комиссии избран инициатор, секретарями А.А. Ростиславов и Н.Е. Макаренко, членами комитета: А.В. Щусев, В.А. Покровский, Е.Ф. Шретер, Г.К. Лукомский и Б.К. Рерих. Пока намечен только общий широкий план организации. Предположено устроить всероссийскую подписку, популяризовать идею путём издательства, привлечь заинтересованных лиц в провинции и прочее. Благодаря содействию академика ***В.В. Радлова***, первоначальное помещение для предполагаемого музея уже обеспечено в общем музее Академии Наук.

11. [О собрании Общества архитекторов-художников 5 ноября 1909] *(СПбВ. 7 ноября 1909. № 250)*[39]

В общем собрании 5 ноября, кроме чисто специальных докладов, было доложено об организации при Обществе двух новых музеев, кроме существующего уже при нём музея "старого Петербурга". Один из новых музеев, для которого академиком ***Радловым*** уже предоставлено помещение в музейном здании Академии Наук, будет носить название "Музей до-Петровского быта и искусства", другой — "Современный Петербург".

12. [Издательская деятельность Музея Допетровского искусства и быта] *(СГ. Декабрь 1909. № 12. С. 698)*

Комиссия Музея Допетровского искусства и быта, в заседании 13 ноября, выработала тип изданий монографий о древних городах, которые решено выпустить в целях широкого ознакомления публики с древними художественными памятниками — наследием далёкого прошлого русской земли. Эти монографии постановлено широко иллюстрировать; текст их должен выяснить, в красивой и понятной форме, историческое лицо данного города.

В первую серию комиссией включены двенадцать городов: Киев, Новгород, Псков, Кострома, Ярославль, Ростов Великий, Смоленск, Владимир, Чернигов, Казань, Устюг Великий и Вологда. Книгоиздательское товарищество Сытина приняло на себя издание настоящих монографий, причём предложили выпускать их в двух изданиях: простом (дешёвом) и более художественном.

Комиссией, кроме того, намечены вторая серия монографий о городах и третья серия, посвящённая монастырям.

13. [Издательская деятельность Музея Допетровского искусства и быта] *(ВСПбГ. 26 ноября 1909. № 251)*

Новый музей до-Петровского искусства и быта, устраиваемый в музейном здании Императорской Академии Наук, по инициативе председателя музейной комиссии ***Н.К. Рериха***, решил выпустить для начала своей деятельности целый ряд монографий с популярным изложением описаний древнейших русских городов.

14. А.А. Ростиславов. [Издательская деятельность Музея Допетровского искусства и быта] *(Речь. 2 декабря 1909. № 331)*

Благодаря издательству Сытина, стоит на прочной почве интересное и чрезвычайно важное для пропаганды памятников искусства и старины предприятие комиссии "Музея допетровского искусства и быта", под общим заглавием "Лики древности", иллюстрированное издание брошюр-монографий о старинных го-

родах, где, имея в виду исторический, этнографический и народно-поэтический материал, на основании новейших исторических данных, выявлялись бы в возможно красивой и понятной форме исторические лица городов. Из переговоров издательства с председателем комиссии ***Н.К. Рерихом*** выяснилось, что оно намерено поставить дело в широких основаниях в смысле художественности, количества экземпляров и пропаганды. Авторами брошюр, а также иллюстраций явятся члены комиссии, художники и литераторы. В последнем собрании комиссии в общих чертах уже выработан тип издания и намечены для издательства две серии городов и серия наиболее крупных и интересных монастырей.

15. [Заседание комиссии Музея Допетровского искусства и быта]
(Речь. 19 декабря 1909. № 348)[40]

В последнем заседании комиссии музея до-Петровского искусства и быта постановлено благодарить княгиню ***М.К. Тенишеву*** за её дар на исследование древних городов и просить её быть членом комиссии и участвовать в организации новгородских раскопок[41]. Дело организации музея подвигается вперёд. От членов комиссии уже поступил ряд пожертвований. Приступлено к разработке положения, которое будет согласовано с положением музеев Старого Петербурга и Новой архитектуры, организованных при том же Обществе архитекторов-художников.

16. А.А. Ростиславов. [О печальном состоянии полоцких храмов]
(РР. 31 декабря 1909. № 1245)

Комиссией "Музея до-Петровского искусства и быта" получено письмо председателя Витебской учёной архивной комиссии, где сообщается о печальном состоянии древнего Софийского собора в Полоцке (княжеской эпохи)[42], о постепенном исчезновении остатков замков в Люцине[43], Мариенгаузене[44] (Люцинского уезда), Режице[45], Волькенбурге (Люцинского уезда) и о варварской порче двух картин, приписываемых Сальватору Розе и находящихся в Полоцке и Витебске. Уже произведён ужасный ремонт собора в Полоцком Борисоглебском монастыре (XII века); только что приостановлен телеграммой местного архиерея и местной архивной комиссии варварский ремонт древнего Стисского собора (XII века). Полоцкие соборы принадлежат к крупнейшим памятникам русской старины.

17. Н.К. Рерих. Письмо в редакцию[46]
(РС. 24 декабря 1909. № 295)[47]

За последнее время среди широких кругов общества замечается отрадное явление — возникает подлинный интерес к старине и ко всей минувшей жизни России. Пробуждается сознание, что прекрасные памятники прошлого нужны

не только как музейные редкости, но как самые прочные ступени будущей культуры страны.

Не знающий прошлого не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатлённую в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать ещё не тронутые варварскою рукою древности и дать им значение, давно заслуженное.

Но никакое установление не может выполнить задачу регистрации, охранения и исследования старины, пока народные массы добровольно не отзовутся своими заботами и указаниями. Всякий, знающий что-либо о малоизвестных памятниках старины, не стесняясь изложением, должен считать своим долгом сообщить о них в одно из установлений, работающих над сохранением древностей.

Комиссия музея до-Петровского искусства и быта, основанная при Обществе архитекторов-художников и имеющая в своих задачах собирание предметов старины и исследование древнейших населённых мест России, примет с великою признательностью всякие указания о старине (описания, снимки, слепки, изображения и предметы) и озаботится, чтобы каждый живой отклик, каждая благожелательная лепта с пользою вошла в дело изучения минувшей жизни отечества[48].

Все сведения комиссия просит направлять по адресу: Петербург, Мойка, 83, на имя председателя комиссии.

Председатель комиссии музея до-Петровского искусства и быта

Николай Рерих.

В этом выпуске "Хроники и библиографии" даны сведения о событиях "археологической жизни" Российской империи, которые не могли пройти мимо внимания и участия Н.К. Рериха. На некоторые из них Николай Константинович отреагировал. Например, в разделе, посвящённом **ИМАИ**, анонсируется выставка русских икон, открывшаяся в 1909. Этой выставке Рерих посвятил отдельный "записной листок художника".

18. Записные листки Н.К. Рериха. Иконы. *1910*[49]

Ещё один иноземец уверовал в наши старые, чудесные, красивые иконы. Ришпэн смотрел в Москве выставку, устроенную Московским археологическим институтом, и пришёл в восторг от красоты наших священных изображений. Вспомним, что Морис Дени и Матисс, когда были в Москве, а Бланш, Симон и целая толпа лучших французов, когда видели наше искусство в Париже, воздали заслуженное нашим иконам и нашему старому искусству.

Называю иноземцев, ибо нам, своим, не верили, когда мы, в восторге, говорили то же самое. Даже всего десять лет назад, когда я без конца твердил о красоте, о значительности наших старых икон, многие даже культурные люди ещё не понимали меня и смотрели на мои слова как на археологическую причуду.

Но теперь мне пришлось торжествовать. Лучшие иноземцы, лучшие наши новаторы в иконы уверовали. Начали иконы собирать, не только как докумен-

ты религиозные и научные, но именно как подлинную красоту, нашу гордость, равноценную в народном значении итальянским примитивам.

Слава богу, слепота прошла: иконы собирают; из-под грязи возжигают чудесные, светоносные краски; иконы издают тщательно роскошными изданиями; музеи гордятся иконными отделами; перед иконами часами сидят в восхищении, изучают, записывают; иконами гордятся. Давно пора!

Наконец мы прозрели; из наших подспудных кладов добыли ещё чудное сокровище. Это сознание настолько приятно, что можно даже простить тот снобизм, который сейчас возникает около "модного" иконного почитания. Снобы — этот маленький ужас наших дней — пройдут и займутся новым "сегодняшним" днём, а правдивый "завтрашний" день сохранит навсегда великое сознание о прекрасном русском народном творчестве, выявившемся в старых иконах.

Кроме пополненных музеев, у нас разрослись богатые собрания Лихачёва[50], княгини Тенишевой, Степана Рябушинского[51], Остроухова[52], Харитоненко[53]... Всё это — крепкие, любовные руки, и попавшее к ним будет свято и укрепится в твёрдом месте. Граф Д. Толстой[54] и Нерадовский[55] тоже стараются для русского музея, и при них иконный отдел становится на должную высоту. Давно пора!

Хорошо сделал и Московский археологический институт, что вовремя сумел устроить хотя и небольшую числом, но великую значением выставку.

Радуюсь, что Москва оценила выставку, посещает, любит её. Значение для Руси иконного дела поистине велико. Познание икон будет верным талисманом в пути к прочим нашим древним сокровищам и красотам, так близким исканиям будущей жизни.

При знакомстве с заметкой "Уничтожение древностей", помещённой в "Археологической хронике" за вторую половину 1909, невольно вспоминаются весенняя сказка А.Н. Островского "Снегурочка" и рериховские эскизы к ней под названием *"Ярилина долина"* (1912 и 1919)[56]. Авторство заметки нами не установлено, но созвучность её содержания взглядам Рериха очевидна.

19. С.Ш. Уничтожение древностей *(МВ. 18 октября 1909. № 239)*

В двух верстах от губернского города Владимира, по направлению Нижегородского шоссе, находится большой курган, с которым связаны различные исторические предания. Этот искусственно насыпанный курган относится к типу древних городищ, служивших или местом погребения умерших, или местом нахождения языческих истуканов; с него открывается самый лучший вид на Владимир — этот древний центр русской политической и государственной жизни. Курган расположен на краю долины, носящей среди местных жителей название Яриловой долины; сюда в день Святого Духа собираются крестьяне окрестных селений на деревенскую гулянку. Весьма возможно, что эта гулянка представляет собою остаток языческих празднований в честь бога Ярило, так как, по сохранившимся преданиям, именно на этом кургане стоял истукан

упомянутого языческого бога. После крещения Руси на местах нахождения языческих истуканов и вместо последних, как известно, стали строиться христианские храмы. По преданию, и на кургане Яриловой долины также находился храм. Известный исследователь достопримечательностей Владимирского края господин ***Доброхотов***[57] предполагает, что здесь именно находился загородный дворец великого князя Андрея Боголюбского; этот великокняжеский дворец, по преданиям, помещался на дороге из Владимира в Суздаль, что вполне совпадает с действительностью.

В настоящее время этот исторический курган уничтожается; по распоряжению местного земства он раскапывается, и песок с него увозится на постройку Суздальского шоссе. Местная учёная архивная комиссия проявляет к этому факту уничтожения древностей полнейший индифферентизм; весьма желательно поэтому, чтобы хотя бы столичное археологическое общество обратило на это внимание, так как ещё через несколько времени от этого кургана останется одно лишь воспоминание.

XXXVII
ИИАК. Прибавление к № 37: Хроника и библиография. № 18
СПб.: тип. ГУУ, 1910

"Археологическая хроника" составлена по газетам за первую половину 1910. В разделе, посвящённом **Петербургскому Артиллерийскому музею**, помещена заметка Николая Энгельгардта, в которой он обращается к Н.К. Рериху как основателю **Музея Допетровского искусства и быта**.
Этому музею посвящён отдельный раздел "Археологической хроники".

1. Н. Энгельгардт. [О стрелецком знамени 1699 года][58]
(НВ. 14 января 1910. № 12156)

Из сокровищ сокровище — это стрелецкое знамя 1699 года. Это знамя не носили; оно висело в стрелецкой главной избе, и пред ним присягали[59]. На грандиозном шёлковом полотнище, сажени в две шириною и вышиною, с обеих сторон красками написаны сложнейшие композиции. С одной стороны Страшный суд с сотнями фигур и святых и грешников. Грешники, идущие в пасть змия, всех чинов, состояний и наций, в своих костюмах. С другой стороны не менее грандиозная композиция. По-видимому, это нечто подобное "Тезису" Кариона Истомина: изображение церкви земной и небесной. Живопись — верх совершенства. Чья это кисть? Но хотя бы лик Богоматери с Младенцем — создание превосходного мастера, — прелести и изящества неизъяснимых. Вообще, каждая головка, а их сотни, выписана лёгкой, нежной, совершенной кистью. Что это? Создание изографов старой живописной палаты царей московских? Специалисты должны определить. Но они должны спешить. Величайшее создание изографии XVII века гибнет, и скоро от него останутся одни жалкие

лохмотья. Обращаю внимание на эту драгоценность господина Рериха, недавно заявившего об основании музея древностей именно XVII века.

2. [О собрании Общества архитекторов-художников 7 января 1910]
(ПЛ. 9 января 1910. № 8)[60]

7 января состоялось под председательством графа ***П.Ю. Сюзора*** собрание членов Общества архитекторов-художников, на котором рассматривались проекты положений о двух новых музеях в Петербурге: "Музея до-Петровского искусства" и "Музея современного искусства". После оживлённого обмена мыслями по поводу различных параграфов нового проекта, он был принят для обоих музеев лишь с некоторыми изменениями, хотя на собрании многими скептиками высказывалась мысль о том, что едва ли удастся довести до конца столь обширно задуманную программу, несмотря даже на то, что Академия Наук даёт, по инициативе академика ***Радлова***, безвозмездное временное помещение для коллекций этих двух новых музеев.

3. [Издательская деятельность Музея Допетровского искусства и быта]
(ПГ. 25 января 1910. № 24)

Комиссия при музее допетровского искусства под председательством ***Н.К. Рериха***, одновременно с устройством музея в здании Академии Наук, приступила к обработке историко-археологических очерков, посвящённых древнейшим русским городам.

4. [Новая лепта в Музей Допетровского искусства и быта]
(ВСПбГ. 23 февраля 1910. № 43; ПЛ. 23 февраля 1910. № 53)

Известная меценатка княгиня ***М.К. Тенишева*** принесла на днях новую щедрую лепту русскому искусству. На этот раз ею сделан вклад в новый музей "до-Петровского искусства и старины", устав которого только что разработан по инициативе ***Н.К. Рериха*** и представлен на утверждение через Министерство Внутренних Дел. Княгиней Тенишевой предоставлена музею богатейшая коллекция древнерусского узора и рисунка различных эпох до воцарения Петра Великого.

5. [О коллекциях Музея Допетровского искусства и быта]
(СПбВ. 12 июня 1910. № 130)

В настоящее время идут деятельные работы по приведению в систему коллекций, пожертвованных в новый музей допетровского искусства, для которого директором музея этнографии и антропологии императора Петра Великого, академиком ***В.В. Радловым***, временно отведены две отдельные комнаты. Из

собранных коллекций наиболее замечательной является майолика XV века, попавшая в Россию из Византии и представляющая из себя около 40 прекрасно сохранившихся сосудов, которые предназначались также для Эрмитажа. Не менее интересна коллекция старинных царских грамот и гравюр, пожертвованных новому музею одним частным коллекционером, а также несколько моделей и чертежей старинных московских и ярославских храмов и рисунков типов и видов Москвы до петровских реформ, по преимуществу исполненных заезжими иностранцами.

Но академики В.В. Радлов и Н.К. Рерих сотрудничали не только на почве Музея Допетровского искусства и быта. Оба внесли существенный вклад в палеоэтнологию и особенно увлечённо изучали искусство каменного века, что подтверждает и публикуемая ниже заметка из раздела "Экспедиции, экскурсии, археологические выставки".

6. [О выставке собранных Н.К. Рерихом коллекций каменного века]

(Речь. 5 апреля 1910. № 93)[61]

По предложению директора музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, ***В.В. Радлова***, академик ***Н.К. Рерих*** решил устроить выставку собранных им в течение многих лет коллекций каменного века. Часть этого материала была уже выставлена на международном археологическом конгрессе во Франции в 1905 году. Выставка эта вызвала тогда восторженные отзывы лучших французских археологов. Коллекция Н.К. Рериха заключает в себе свыше 30 тысяч предметов каменного века. Большинство из них найдены в Новгородской и Тверской губерниях. Богато также представлен каменный век Владимирской, Волынской, Тульской и некоторых других губерний. Н.К. Рерих, кроме того, собрал интересную коллекцию предметов каменного века Франции, Италии и Германии. Выставка каменного века будет устроена в новом помещении музея антропологии и этнографии. Открытие её предполагается осенью текущего года. Все предметы будут расставлены по губерниям и странам. К открытию выставки выйдет подробный каталог.

Неизвестно, была ли устроена эта выставка и был ли издан (или хотя бы подготовлен) её каталог, скорее всего, он всё-таки существовал. Возможно, именно к нему относится сохранившийся фрагмент описи экспозиции вещей каменного века[62].
Отдельным пунктом в "Археологической хронике" помещено сообщение о намеченных в 1910 исследованиях в Новгороде. По содержанию оно связано с аналогичными материалами во втором разделе настоящего издания (см. № 92, 93 и приложение к № 93).

7. Соединённое заседание археологических обществ в Новгороде

(РВ. 21 апреля 1910. № 90)[63]

11 апреля под председательством ***Н.К. Рериха*** состоялось первое соединённое заседание представителей трёх археологических учреждений: петербург-

ской Комиссии Музея допетровского быта и новгородских Общества любителей древности и Предварительного комитета. Обсуждался вопрос о совместной работе по ведению раскопок в юго-восточной части детинца, на которые уже получено соответствующее разрешение. Раскопки будут производиться под руководством ***Н.Е. Макаренко***, и предварительные работы начнутся в конце мая. Существенные разногласия грозили возникнуть по вопросу о направлении будущих находок и распределении их между двумя музеями: местным новгородским и петербургским допетровского быта. Последний очень озабочен приобретением в своё распоряжение возможно более полного собрания коллекций, которые всесторонне восстановляли бы картины исторического прошлого нашей страны до XVII века включительно: в Петербурге до сих пор нет ничего подобного даже сравнительно скромным собраниям московского Исторического музея. Между тем и Новгородскому обществу любителей древности хотелось бы возможно серьёзнее поставить свой областной музей, и упускать в столицу предметы, найденные в самом Новгороде и типичные именно для местной истории, представлялось обидным. Сошлись на следующих условиях: все уники поступают в распоряжение петербургского музея, предметы же равноценной археологической стоимости, дублеты и громоздкие вещи остаются в Новгороде. Сумма, имеющаяся пока у комиссии представителей, ведущей раскопки, очень ограниченная: 1500 рублей. Но Предварительный комитет Новгорода надеется получить ещё субсидию из Москвы от комитета, работающего по подготовке XV Всероссийского археологического съезда. Археологи льстят себя надеждами на большие находки, так как именно в юго-восточной части Новгородского кремля пролегала главнейшая в свое время Пискупля улица, ведшая к преслоутому мосту через Волхов, и там же находилась церковь Бориса и Глеба, построенная на месте первой деревянной новгородской Софии. А пока что Общество любителей древности готовит на Пасхе выставку предметов гражданской и церковной старины, имеющихся у частных лиц и различных учреждений только в черте города[64].

К этой заметке по содержанию примыкает сообщение о заседании **разряда военной археологии и археографии Императорского Русского Военно-Исторического общества**[65], на котором получила своё развитие подготовка к исследованиям в Новгороде. Сообщение помещено в отдельном разделе "Археологической хроники", посвящённом деятельности ИРВИО.

На заседании 8 мая 1910, проходившем под председательством профессора *Н.И. Веселовского*, выступали: сам председательствующий ("О несостоявшейся экскурсии во Псков"), *К.А. Военский* ("Таурроггенская военная конвенция 18 (30) декабря 1812 года и её значение для истории 1812 и 1813 годов"), *Н.К. Рерих* и *В.Ф. Найдёнов*; последний познакомил присутствующих с фотограмметрией и применением её при изучении памятников военной старины. Предлагаем вниманию читателей выдержку из текста сообщения, касающуюся выступления Н.К. Рериха.

8. [О докладе Н.К. Рериха на заседании разряда военной археологии и археографии ИРВИО 8 мая 1910]

(РИ. 13 мая 1910. № 103)

Н.К. Рерих сделал доклад о предпринимаемом им в текущем году археологическом исследовании Новгородского детинца и Рюрикова Городища и вместе с тем предложил на обсуждение разряда свои наблюдения о нынешнем состоянии древних новгородских стен. По заключению референта, в ближайшее время южной части крепостной ограды грозит разрушение, так как основания башен её сильно повреждены, а потому необходимо возможно скорее произвести обмеры этой части ограды. Далее Н.К. Рерих поделился с собранием полученными им сведениями из Новгорода о возможной гибели и другого памятника военной старины — знаменитого Новгородского вала, часть которого предполагается срыть для устройства на месте его здания офицерского собрания 22-й артиллерийской бригады[66]. После оживлённого обмена мнений, собрание разряда единогласно постановило осуществить текущим летом обмер южной части новгородской крепостной ограды (четырёх башен с пряслами)[67], а также просить совет общества оказать своё содействие и влияние по сохранению Новгородского вала как выдающегося и неисследованного военно-археологического памятника.

9. Н.К. Рерих. [Письмо в редакцию]

(НВ. 15 апреля 1910. № 12246)[68]

Членом комиссии по исследованию Новгородского кремля ***И.С. Романцевым*** предпринят очень ценный труд составления археологической карты Новгородской губернии. Не буду говорить, насколько подобный труд будет значительным для изучения древнейшего русского края, — это ясно. Ясно также, что все знающие что-либо, касающееся древностей новгородских пятин, в интересах науки должны сообщить свои сведения составителю карты. Сообщаю и усиленно прошу об этом. Адрес И.С. Романцева: Новгород, угол Большой Михайловской и Николаевской улиц. Кому хлопотно пересылать сообщения, может передать их мне: Мойка, 83.

Председатель комиссии по исследованию Новгородского кремля
Николай Рерих.

В разделе хроники "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках" теме новгородских раскопок посвящена ещё одна заметка. В ней говорится о несанкционированных ИАК выемках грунта в Новгородском детинце, накануне исследований Н.К. Рериха и Н.Е. Макаренко. Как явствует из материалов, опубликованных во втором разделе настоящего издания[69], именно эти выемки стали главным препятствием в сотрудничестве Комиссии Музея Допетровского искусства и быта и НОЛД в 1910.

10. ["Нечаянные раскопки" в Новгородском детинце]
(НВ. 20 июня 1910. № 12309)

Для предполагаемой постройки реального училища городом предоставляется место в Кремле, в южной его части, за Обыденной церковью Андрея Стратилата. Обыкновенно это место сдавалось с торгов для пользования огородникам. Для испытания грунта пришлось рыть несколько траншей, глубина которых около четырех аршин. Даже на этой сравнительно небольшой глубине нечаянные раскопки дали несколько находок. В одной из ям найден деревянный гроб с почерневшим костяком; в другой траншее найдены камень наподобие жёрнова или точила и бочка с угольями, в остальных — остатки деревянных построек, сваи, брёвна. В последней траншее на 4-аршинной глубине обрисовывается часть обгоревшего сверху сруба, дающая вместе с прочими остатками общее впечатление какой-то скученности. Особенность этих построек та, что работа производилась лишь топором, следов употребления пилы не видно. Велись работы под наблюдением членов архивной комиссии господ ***Подобедова*** и ***Романцева***, которыми отмечались подробные измерения наслоений, находки и их положение. Сведения, добытые таким образом, могут дать, между прочим, руководящее начало систематичным раскопкам художника Рериха в августе месяце. Посетив раскопки, невольно пришлось снова натолкнуться на неприглядное состояние нашего детинца. Среди обломанных зубцов крепостной стены растут кусты бузины, трава, цветы. Внизу на полянке какой-то заглохший пруд или, вернее, болото. Снаружи на стенах башен в расселинах и углублениях остатков древнего орнамента живописно раскидывается та же бузина. Внутри в необитаемых башнях вьют гнёзда стаи голубей и галок, а в разнообразные углубления, арки и ниши лучше не взглядывать: так велика там мерзость запустения.

ПРИМЕЧАНИЯ К № XXXVI, XXXVII

[1] *Киев* возник в V в. как центр племени полян. В русских летописях известен с 860. В IX — нач. XII вв. столица Киевской Руси. В 1240 разрушен монголо-татарами. С 1362 в Литве и Польше. С 1654 в составе Российской империи. Софийский собор (XI в.; колокольня XVII–XIX вв.), Золотые ворота (XI в.), Выдубецкий монастырь (XI в.), церк. Спаса на Берестове (кон. XI — нач. XII вв.), Кирилловская церк. (XII в.), Киево-Печерская лавра (XI–XVIII вв.), Андреевская церк. (XVIII в., проект В.В. Растрелли), Владимирский собор (XIX в.). (*БЭС.* 1998. С. 523).

[2] *НВ.* 2 мая 1909. № 11902. Повторено: *ИИАК.* Приб. к № 32. (*ХБ.* № 16). 1909. С. 75–76.

[3] *Болеслав I (Boleslaw) Храбрый* (967—1025) — князь польский с 992, король с 1025. Из династии Пястов. Объединил польские земли, учредил в Гнезно архиепископство, в 1018 временно захватил червенские города. (*БЭС.* 1998. С. 141).

[4] См. здесь воспроизведение разных сторон саркофага, обнаруженного снаружи церкви вблизи северной её стены. Предполагалось, что женский костяк в саркофаге — это мощи святой княгини Ольги. О сходстве саркофага с югославскими средневековыми памятниками и его символике см.: *Alojz Benac*, 1967. Ил. на с. 5, 6, 8, 9, 13, 16, 22, 24, 25,

29–31, 34, 36. Стилистическая близость крестов саркофага крестам росписей скандинавских храмов тоже не случайна (см., например, кресты в росписи Nousiainen: наст. изд., разд. III, № XXXIV (1), ил. 3 и 4).

[5] *Владимир I* (?—1015) — князь новгородский (с 969), великий князь киевский (с 980). Младший сын Святослава. Покорил вятичей, радимичей и ятвягов; воевал с печенегами, Волжской Болгарией, Византией и Польшей. При нём сооружены оборонительные рубежи по р. Десна, Осётр, Трубеж, Сула и др., заново укреплён и застроен каменными зданиями г. Киев. В 988–989 ввёл в качестве государственной религии христианство. При нём Древнерусское государство вступило в период своего расцвета, усилился международный авторитет Руси. В русских былинах назван Красное Солнышко. Канонизирован Русской православной церковью. (*БЭС*. 1998. С. 211). Рерих писал: «Дружинники Владимира в знак особого отличия носили золотую гривну. Это напоминает золотую шейную цепь, награду на Западе. Богатыри Владимира имели звание богадура, пришедшее с Востока» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 165).

[6] *Ярослав Мудрый* (ок. 978—1054) — великий князь киевский (1019). Сын Владимира I. Изгнал Святополка I, боролся с братом Мстиславом, разделил с ним государство (1026), в 1036 вновь объединил его. Рядом побед обезопасил южные и западные границы Руси. Установил династические связи с мн. странами Европы. При нём составлена "Русская Правда"(*БЭС*. 1998. С. 1433). В связи с ним и Киевом его эпохи Рерих оставил такое замечание в адрес Г.В. Вернадского: «Святослав послал Неру "Русскую историю" Вернадского, а то здесь мало фактических книг. Хочется восполнить один досадный пропуск. Вернадский поминает о Ярославне, королеве французской, но опустил, что две другие дочери Ярослава были замужем — одна за венгерским королём Андреем, а другая за скандинавским конунгом Гаральдом. Уж очень значительно такое русское проникновение! "Русская Правда", Киевская София — Нерушимая Стена всегда останутся памятками о Ярославе. Лучшие мастера стекались в Киев. Трудно судить о великолепном строительстве по разбитым осколкам. Но всё же каждая весточка являет ценное нам, русским, напоминание» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 56).

[7] *Батый (Бату)* (1208—55) — монгольский хан, внук Чингисхана. Предводитель общемонгольского похода в Восточную и Центральную Европу (1236–43), с 1243 хан Золотой Орды. (*БЭС*. 1998. С. 106).

[8] *Корсунь* — древнерусское (до XV в.) название *Херсонеса*. Древний город, в V–I вв. до н. э. античный полис, с I в. аристократическая республика, зависимая от Рима, с IV в. — от Византии. Развалины на окраине современного Севастополя. Руины стен с башнями, кварталов, храмов, театра, мастерских и др. (*БЭС*. 1998. С. 1311).

[9] *Хвойко (Хвойка) Викентий Вячеславович* (1850—1914) — археолог-самоучка, коллекционер древностей. С 1876 жил в Киеве. Первооткрыватель Кирилловской палеолитической стоянки (1893–1900), исследователь памятников трипольской, скифской, зарубинецкой, черняховской археологических культур, древнерусских памятников, организатор археологического отдела Киевского городского музея (ныне Государственный исторический музей Украины). (*СР*. 1997. С. 412).

[10] Рерих цитирует статью *"Радость искусству"* (1908) по 1-му её изд. в апрельском номере *ВЕ* за 1909. При подготовке текста для *"Собрания Сочинений"* (1914) в неё были внесены изменения (в т. ч. и в цитируемый фрагмент).

[11] О раскопках Десятинной Успенской церк. — споры, полемика, результаты, отзывы в прессе — см. в приб. к след. вып. *ИИАК*: 1. № 26. (*ХБ*. № 13). 1908. С. 28–29; 2. № 27. (*ХБ*. № 14). 1908. С. 43–56; 3. № 32. (ХБ, № 16). 1909. С. 75–76, 122–134; 4. № 34. (*ХБ*. № 17). 1910. С. 169–171; 5. № 39. (*ХБ*. № 19). 1911. С. 100–101; 6. № 44. (*ХБ*. № 21).

1912. С. 66–68, 96–103; 7. № 48. (*ХБ.* № 23). 1913. С. 116–120; 8. № 57. (*ХБ.* № 27). 1915. С. 42–43; 9. № 64. (*ХБ.* № 31). 1917. С. 45. Предварительные результаты раскопок в Киеве вышли в виде богато иллюстрированного доклада в *ОИАК за 1908 год* (1912. С. 132–158, 193–195). О дальнейших раскопках сообщал и *ОИАК за 1912 год* (1916. С. 65, 66, 101). Рерих оставил свидетельство о том, как он познакомился с материалами раскопок в Десятинной церк.; произошло это осенью или в начале зимы 1908. Приведём цитату из его очерка "Радость искусству" (1908):

«Минувшим летом в Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думают, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической Комиссии я видел доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазийского характера работа. Ещё раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный приём. Думаю, палата Рогеров в Палермо даёт представление о палатах Киева.

Скандинавская стальная культура, унизанная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие храмов; чудеса металлических изделий; обилие тканей; лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужи Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту; иначе всё, оставленное ими, не было бы так прекрасно. [...]

Владимир сдвигал массы. Ярослав сложил их во храм и возрадовался об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далёк от воплей современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создался будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега — мужа бывалого и много знавшего. Киев ещё раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Дира. До Аскольда Киев уже платил дань хозарам, и основание города отодвигается к легендарным Кию, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве будто бы был и апостол проповедник. Зачем попал в далёкие леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI–XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточия культа должен был существовать большой центр» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 125, 126, 128–129).

Далее следует абзац, который Рерих цитирует в листке "Десятинная церковь в Киеве".

Ещё раз Рерих отметил Десятинную церк. спустя четверть века в "листке дневника" "Нерушимая Стена" (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 469–471).

[12] *Волков (Вовк) Фёдор Кондратьевич* (1847—1918) — украинский этнограф, антрополог, представитель палеоэтнологического направления в археологии; с 1907 — приват-доцент ИПУ. О нём в связи с Рерихом см.: *Мельников В.Л.*, 1997в, 1998б.

[13] Возможно, опечатка. В "Отчёте о состоянии и деятельности ИРАО за 1909 год" дважды назван ***В.Н. Максимов***. См. в РА ИИМК, ф. 3: № 302, л. 40–41 и № 416, л. 6 об.

[14] Имеется в виду *архиепископ Антоний.*

[15] *СГ.* Октябрь 1909. № 10. С. 596.

[16] Фотоархив ИИМК, ф. ИАК, № О.114; О.373/364–376; О.374/377–400; О.390.

[17] Воспроизводится в сокращении.

[18] Возможно, ***В.Н. Максимов*** (см. примеч. 13).

[19] *СГ.* Октябрь 1909. № 10. С. 596.

[20] Составитель "Археологической хроники" предлагает сравнить описание этого события ещё по публ.: *НВ.* 26 сентября 1909. № 12048.

[21] *Сюзор Павел Юльевич, граф* (1844—1919) — академик архитектуры, председатель Общества архитекторов-художников и Общества музея "Старый Петербург". Активный организатор и участник съездов русских зодчих. Был одним из плодовитых архитекторов своего времени. О нём Рерих оставил целый ряд упом., например: «Когда после первых продолжительных путешествий по России уже оформилось сознание о том, что чем-то нужно повелительно ясно запечатлеть охрану старины, тогда и Председатель Общества Архитекторов-художников граф Сюзор, и очень чуткий архитектор Мариан Перетяткович сердечно сочувствовали и посильно способствовали» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 642). См. также: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 112; *Горюнов В.С., Тубли М.П.*, 1994. С. 319, 346, 347; *ПРС.* № 1. С. 259, 330.

[22] *СГ.* Октябрь 1909. № 10. С. 596.

[23] Ibidem.

[24] Приводится по изд.: *Рерих Н.К.*, 1914. С. 168–176.

[25] Исчерпывающие сведения об этом см. в изд.: *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 147–149, 152–154, 160, 161, 318, 321, 328.

[26] См. записной листок Н.К. Рериха "Неблагополучности" (1908) и примеч. к нему в наст. изд., разд. III, № XXXIX (9).

[27] См. об этом в *ИИАК*: 1. Приб. к № 52. (*ХБ.* № 25). 1914. С. 16–18; 2. № 57. (*ВР.* № 15). 1915. С. 38, 112–118. В первом случае в разд. "Археологической хроники" (из газет за вторую половину 1913), посвящённом деятельности ОЗСРПИС, помещены 2 сообщения о реставрации церк. Николы Мокрого в Ярославле, принадлежащей местному отделу по расквартированию войск Морского ведомства (см. в наст. разд., № XLIV).

[28] Рерих цитирует свою статью "По старине" (1903).

[29] См.: *Брюсова В.Г.*, 1969.

[30] *Рерих Н.К.*, 1998а. № 1. С. 165, 180, 181.

[31] См. также: *Аполлон.* Октябрь–ноябрь 1915. № 8–9. С. 103; Февраль 1916. № 2. С. 39. (Выступления Александра Бенуа, Василия Щавинского и др.).

[32] Рерих цитирует свою статью "По старине" (1903).

[33] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить это сведение ещё публ.: *ВСПбГ.* 30 октября 1909. № 230.

[34] Н.К. Рерих участвовал в **Комиссии по изучению и описанию старого Петербурга**, главным делом к-рой стал **Музей Старого Петербурга**. См., например: *СГ*. Август–сентябрь 1907. № 8–9. С. 462.

[35] То же: *БВ*. 17 октября 1909. № 11367, утренний вып. С. 6.

[36] Имеется в виду ИАК.

[37] Известна ещё одна публикация доклада в печати: «Из вереницы фактов последнего времени вытекает, что в защиту памятников старины должна выступить частная инициатива. Момент для этого созрел. Культурные силы народа тянутся к прошлому. Красотой старины живо интересуется молодёжь. Во многих учебных заведениях возникают кружки друзей искусства и старины. Искусство "становится нужным". Народ уже в состоянии откликнуться на призывы о сохранении памятников старины. Настало время собирать старинные сокровища, в изобилии сохранившиеся в таких городах, как Новгород, Киев и др. Общество архитекторов-художников должно немедленно объявить всероссийскую подписку на изучение памятников старины древнейших русских городов и на собирание предметов, необходимых для музея допетровского зодчества и всего древнейшего быта в самом широком смысле этого слова. Музей древнего быта особенно нужен в Санкт-Петербурге. Всем известно, что древности столицы разбросаны по Эрмитажу, артиллерийскому музею, академиям наук и художеств, музеям университета, археологического института и т. д. Всё это мало доступно для изучения и лишено системы. Петербургу нужен цельный музей» (*СС*. 17 октября 1909. № 654).

[38] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить описание этого события ещё по источникам: *ПГ*. 28 октября 1909. № 296; *СС*. 17 октября 1909. № 654; *Речь*. 22 октября 1909. № 290. Мы добавим к этому упом. в "Художественной хронике" журнала "Аполлон": «Интересно отметить зарождение нового музея допетровского искусства, основанного по идее Н.К. Рериха. Академия Наук, благодаря содействию В. Радлова, уже обещала отвести музею несколько зал для хранения коллекций... Надо надеяться, что общество окажет поддержку этому прекрасному делу» (*Аполлон*. Ноябрь 1909. № 2. С. 15).

[39] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить описание этого события ещё по публ.: *ВСПбГ*. 7 ноября 1909. № 237.

[40] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить описание этого события ещё по публ.: *РР*. 23 декабря 1909. № 1207.

[41] См. о новгородских раскопках в наст. изд., разд. II, № 83–133, 138–148.

[42] Вторая половина XI в.

[43] *Люцин* — офиц. назв. г. Лудза в Латвии до 1917. Известен с 1177.

[44] *Мариенгаузен* — офиц. назв. г. Виляк в Латвии до 1917. Известен с XIII в.

[45] *Режица* — офиц. назв. г. Резекне в Латвии в 1893–1917. Известен с 1285.

[46] Заголовок взят из публ.: *СГ*. Январь 1910. № 1. С. 69.

[47] По данным составителя "Археологической хроники", это же письмо вопроизвели газеты: *НВ*. 18 декабря 1909. № 12131; *РЧ*. 29 декабря 1909. № 274.

[48] В 1936 Рерих так прокомментировал это обращение к русскому народу: «В этих кратких строках выражалась всегда нужная неувядающая идея о культурных посевах и о сохранении всего самого ценного, что слагает основы народа. Эти призывы к охранению Культуры одинаково неотменны при всяких правлениях. Можно надстраивать над существующим домом всевозможные башни и мезонины, но устоят они лишь тогда, если прочен будет фундамент» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 10).

[49] Текст приводится по изд.: *Рерих Н.К.*, 1914. С. 220–222.

[50] *Лихачёв Николай Петрович* (1862—1935) — архивист, палеограф, историк искусства, нумизмат, собиратель огромной коллекции икон. См. о нём: *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 200, 209.

[51] *Рябушинский Степан Павлович* (1874—?) — один из братьев Рябушинских, представитель династии московских предпринимателей. «Рябушинские являлись страстными собирателями древнерусских икон, обладали одной из лучших коллекций в России» (*Барышников М.Н.*, 1998. С. 324). См. о нём также: *Петров Ю.А.*, 1997.

[52] *Остроухов Иван Семёнович* (1858—1929) — художник, коллекционер, музейный деятель, член ИМАО. См. о нём: *Врангель Н.Н.*, 1911; *Муратов П.*, 1914; *Полунина Н., Фролов А.*, 1993. С. 135.

[53] *Харитоненко Павел Иванович* (1852—1914) — сахаропромышленник, общественный деятель, коллекционер произведений искусства. См. о нём: *Нестеров М.В.*, 1985. С. 19, 235, 295, 296, 313, 316–319, 321, 324–326; *Барышников М.Н.*, 1998. С. 366.

[54] *Толстой Дмитрий Иванович, граф* (1860—около 1942) — товарищ управляющего Русским музеем Александра III, директор Эрмитажа, действительный член ИРАО. Его письмо Рериху (СПб. 16 января 1916) опубликовано: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 165.

[55] *Нерадовский Пётр Иванович* (1875—1962) — историк искусства, музейный деятель и художник. Член Нового общества художников. В 1909–32 хранитель, в 1912–29 заведующий Художественным отд. Русского музея. Председатель Об-ва изучения древнерусской живописи, учредительное собрание к-рого прошло 6 августа 1913 (*Аполлон*. Сентябрь 1913. № 7. С. 66).

[56] См.: *Яковлева Е.П.*, 1996. С. 161, 227. Каталог, № 145 и 336.

[57] *Доброхотов Василий Иванович* (1816—1857) — владимирский историк, археол., этнограф. См. о нём: *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 146, 147, 281, 316, 317.

[58] Публ. фрагмент.

[59] В архиве Рериха сохранился его ранний автограф "о нравах стрельцов": ОР ГТГ, ф. 44, № 56, л. 6, б. д.

[60] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить описание этого события ещё по публ.: *СПбВ*. 9 января 1910. № 6; *ПГ*. 17 января 1910. № 16. В последнем случае это интервью графа **П.Ю. Сюзора**: «У нас имеется "музей Старого Петербурга", который охватывает эпоху от Петра I. И вот, дабы можно было ознакомиться с искусством и допетровского периода, наше общество, по инициативе художника Н.К. Рериха, знатока русской старины, решило организовать "Музей до-Петровского искусства". Музей имеет задачей обнять все памятники архитектуры и искусства. Решено производить в этих целях всевозможные исследования в разных местах и прежде всего в Новгороде. Уже стали поступать в музей предметы искусства. Кн. Тенишева пожертвовала 1000 руб. на раскопки...».

[61] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить описание этого события ещё по публ.: *СПбВ*. 24 января 1910. № 19; *СПбВ*. 9 марта 1910. № 54.

[62] См. в наст. изд., разд. II, приложение к № 161.

[63] Публ. в сокращении.

[64] Церковно-археологическую выставку в Новгороде подготовил А.И. Анисимов. Она проходила в апреле–мае 1910. (См. примеч. к № 91 в разд. II наст. изд.).

[65] Первое сообщение в *ИИАК* об **ИРВИО** и его разрядах относится к 1908 (времени, когда Рерих стал участвовать в его деятельности): «Ныне общество управляется со-

ветом. Председателем совета состоит главный редактор "Исторических юбилейных очерков военного министерства" генерал-лейтенант Д.А. Скалон, а его товарищем — профессор генерал-лейтенант А.З. Мышлаевский... Работать решено по специальностям, для чего общество разбилось на особые отделения, которым присвоено старорусское именование "разряды"... Разряд военной археологии и археографии включит в себя, с одной стороны, изучение и разыскание военных памятников, производство военно-археологических раскопок и экскурсий, а с другой — разыскание и изучение архивных дел и документов и описание их, равно как и задачи военного архивоведения". Именно в этом разряде участвовал Рерих. Его возглавлял А.С. Мышлаевский. «Разрядам... дана полная самостоятельность в их внутренней деятельности. Они организуют сами свои собрания, по своему почину намечают предметы занятий и их направление, распределяют доклады, собирают материалы...» (*ИИАК.* Приб. к № 26. (*ХБ.* № 13). 1908. С. 8–9).

[66] См. об этом в наст. изд., разд. II, № 97 (с примеч.).

[67] См. об этом в наст. изд., разд. II, № 90, 101, 115, приложение к № 132 и примеч. к № 111, 117, 129.

[68] Опубликовано в разделе хроники "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках". В тот же день газета *БВ* опубликовала интервью с академиком Н.К. Рерихом о раскопках в Новгороде (см. его текст в наст. изд., разд. II, № 93, приложение).

[69] № 102, 107, 108, 121, 128, приложение к № 132, 133, 141, приложение к № 144, 146, 148.

1911

XXXVIII
ИИАК. Прибавление к № 39: Хроника и библиография. № 19
СПб.: тип. ГУУ, 1911

"Археологическая хроника" составлена по газетам за вторую половину 1910. В разделе, посвящённом деятельности **ИРВИО**, сообщается о заседании разряда военной археологии и археографии 13 ноября 1910 под председательством профессора Н.И. Веселовского[1]. С результатами исследований в Новгородском кремле, произведённых летом 1910 под руководством академика Н.К. Рериха, присутствующих ознакомил архитектор Борис Константинович Рерих. О раскопках Н.К. Рериха и Н.Е. Макаренко в Новгороде Великом информируют и публикуемые ниже газетные заметки из раздела "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках".
В этом же разделе была напечатана статья Николая Энгельгардта в защиту старого иконостаса Успенского собора в Смоленске, содержащая прямое указание на посещение этого памятника Н.К. Рерихом.

1. [О заседании разряда военной археологии и археографии ИРВИО 13 ноября 1910] *(РИ. 19 ноября 1910. № 253)*[2]

Открывая заседание, профессор ***Н.И. Веселовский*** в глубоко прочувствованных выражениях доложил собранию о тяжёлой утрате в лице графа

Л.Н. Толстого, величайшего мыслителя и художника, кончину которого оплакивает весь мыслящий мир.

К.К. Романов доложил собранию о ходе работ по архитектурным обмерам и раскопкам, а также фотографированию Изборской крепости, исполненным под его руководством В.Н. Талепоровским и А.Я. Белобородовым, по поручению общества.

Далее ***Б.К. Рерих*** ознакомил собрание с результатами произведённых им, совместно с Д.М. Коганом и А.А. Шиловским, под руководством академика Н.К. Рериха, архитектурных обмеров и фотографирования южной части Новгородского детинца. Выполнен генеральный план, подробный обмер башни Живоносной и Кукуя (высотой 16 сажен) и прясел. Докладчик сообщил собранию альбомы детальных чертежей и фотографических снимков, представляющих начало научного исследования Новгородского детинца, предпринятого обществом.

В заключение ***А.А. Спицын*** доложил собранию о результатах поездки для отыскания места битвы на Калке.

2. [Раскопки близ старых новгородских стен]
(Колокол. 9 июля 1910. № 1289)[3]

В текущем летнем сезоне будут впервые производиться раскопки близ старых новгородских стен, которые разрешены художнику-археологу ***Н.Е. Макаренко*** Императорской археологической комиссией для будущего исторического музея допетровского искусства имени Петра Великого[4]. Раскопки эти, судя по предварительным изысканиям, должны дать богатейший материал времён принадлежности Великого Новгорода к Ганзейскому союзу, причём, по преданиям, позднейшие наслоения почвы и обвалы стен погребли здесь массу очень ценных предметов, относящихся к этой эпохе.

3. Ольга Базанкур. [Беседа с Н.К. Рерихом о раскопках в Новгороде]
(СПбВ. 31 октября 1910. № 245)[5]

Недавно окончились раскопки Новгородского кремля, столь удачно было начатые, благодаря сочувствию и материальной поддержке таких просвещённых деятелей, как Её Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Павловна, княгиня М.К. Тенишева, графиня [П.С.] Уварова, и других. Главным руководителем раскопок был художник-археолог ***Н.К. Рерих***. Раскопки велись в двух пунктах: в кремле и в окрестностях города на так называемом Рюриковом Городище, которое в значительной своей части погребено под водою. Течение Волхова здесь очень бурно (особенно весною в половодье) и каждый год отрывает громадные куски берега. Исследователям удалось определить толщину жилого слоя и найти множество старинных предметов: браслетов, обломков привесных печатей, бус и т. п.

Наиболее блестящие результаты дал Новгородский кремль в местности Кукуя и Княжой башни. Ниже наносного огородного слоя земли весьма близко от поверхности уже начали показываться мелкие обломки всяких строительных материалов: куски кирпича, цветные изразцы, части слюды, гвозди, скобы. «Любопытная картина начинается ниже второго аршина, — говорит Н. Рерих. — В разных частях траншеи вылезают деревянные срубы: основы каких-то многочисленных, густо стоявших построек. Направлением на Кукуй обнаруживается длинный помост из тёсаных брёвен. Может быть, деревянное покрытие улицы. Вещи становятся интереснее. Гребни, ложки, иглы, кадушки, кресала, ножи, горшки... Уже начался древний деревянный Новгород, о котором мы знаем так мало. Не успевает один слой строений быть снятым и обмеренным, как за ним вслед вылезает следующий. Траншея приобретает фантастический вид. Оба бока наполнены уходящими в стенки брёвнами, тёсаными и круглыми, разных толщин. Где какой-то глубокий срубик, аршина в полтора шириной, где наискось торчит угол, срубленный в лапу. Чем глубже, тем дерево становится всё твёрже, и сквозь черноту земли, под лопатою, сквозит светлое тело бревна. Главная предчувствованная нами задача решена: жилые слои кремля не перекопаны. В пустующей части кремля при достаточных средствах можно раскрыть всё распределение зданий и улиц. Кажется, что старый Новгород зашевелился, кто-то его пытается разбудить». К сожалению, как мы уже говорили, раскопки, за недостаточностью средств, пришлось прекратить на неопределённое время, и опять «Новгород Великий тихо опочил»[6]. Будем надеяться, что теперь уже ненадолго...

4. Н. Энгельгардт. [О реставрации иконостаса Смоленского собора]

(НВ. 11 октября 1910. № 12422)[7]

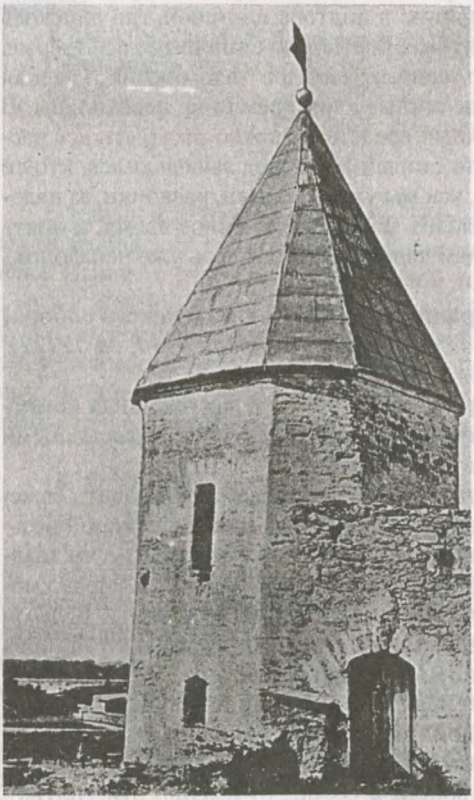
Об иконостасе Смоленского собора я писал, что местная архивная комиссия, совместно с отцами-соборянами, строительным комитетом и различными чинами, решила иконостас «обрезать и вызолотить».

Резной-то иконостас четырнадцать саженей высоты и шестнадцать саженей ширины! Иначе, двести двадцать четыре квадратные сажени ажурной резьбы семнадцатого века[8] по липе, выросшей ещё в XVI и XV веках! Двести двадцать четыре квадратные сажени! И это не считая резных “сеней”. Господа смоленский комитет! Смилуйтесь! Ведь этот иконостас стоит миллионы! Ведь он бесценный! И бесценный он — пока не заменён новой яркой позолотой, пока целы все дивные переливы древних тонов червонной позолоты. Вам кажется, что он в пятнах, так как не ослепляет блеском чистоты, подобно казённому дистилляционному заводу с его “посудой” акцизного ведомства. Вы говорите: иконостас пятнами пошёл. Необходимо капитальное обновление!

Но когда как-то Н.К. Рерих и я вошли в собор, то именно эти “пятна”, которые в ваших глазах равноценны всяким другим “пятнам” — вроде пятен на старом сюртуке или на отсырелой стене, — именно эти “пятна” мистической игрой своей привели в экстаз известного художника.

Был опыт в смоленском соборе. Отцы-соборяне вызолотили резные царские двери, не обратив внимание на то обстоятельство, что подсолнечники на них — с серебряным сердцем, и вообще серебро и золото разных тонов даёт необычайную игру светотеней всего "вертограда". Вызолотили сплошь ярко, жирно, и... погибло художество, вещь уже испорчена. Надо вспомнить басню Крылова о мужичке, который думал поднять достоинство червонца тем, что принялся его драть дресвой, толчёным кирпичом и мелом. И подлинно как жар червонец заиграл, но... потерял, к удивлению старательного мужика, прежнюю цену.

В хронике отмечено ещё одно смоленское событие, которое не могло пройти мимо внимания Николая Константиновича, активного члена Имп. Московского археологического института (ИМАИ)[9]. **1 октября 1910** в Смоленске состоялся торжественный акт открытия публичных лекций ИМАИ, проходивших под руководством его директора **Александра Ивановича Успенского** —выдающегося историка и искусствоведа. В хронике "Известий" дано подробное описание открытия и программы лекций[10].



Довмонтова башня во Пскове. Конец XIII в. Переложена во второй четверти XIX в. Фото в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909—16. № 2. С. 247

В разделе "Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за вторую половину 1910 года" отмечена книга А.И. Успенского "Очерки по истории русского искусства" (Том I. Русская живопись до XV века включительно. М., 1910). Эта книга и теперь поражает читателя не только прекрасным слогом и возвышенными мыслями, но и обилием воспроизведений древнейших мозаик, фресок, икон, рукописей, миниатюр, многие из которых впоследствии были утрачены. Таковы, к примеру, бесценные фотографии фресок церкви Спаса Нередицы, всего 148 (!) наименований, а также 11 видов церкви до и после её реставрации. В РНБ хранится экземпляр книги А.И. Успенского с дарственной надписью Рериху от автора[11].

В разделе "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках" хроники помещена статья некоего **Сальватора** "Камни вопиют", в которой упоминается Рерих. Автор статьи в ярких красках описывает пренебрежение к старине на Псковщине. *«Нигде, пожалуй, так бес-*

цеременно и с таким варварским равнодушием, — пишет Salvator, — *не относятся к старине, как в Псковской губернии. Это какая-то болезнь, маразм чувства. Что люблю, то и гублю!»* Автор перечисляет наиболее возмутительные, по его мнению, *«случаи разорения, преступного равнодушия и кощунственного безразличия»* — варварское использование палат князя Довмонта, самого любимого во Пскове князя-изгоя *(«Его меч с гордой надписью: "Чести моей никому не отдам" висит над гробницей в соборе»)*; "реставрацию" знаменитых на всю Россию Поганкиных палат; ремонт Никольской церкви в Острове, когда извёсткой была замазана редкая надпись в куполе и заштукатурены древние голосники; "поддержание" храма пророка Илии в селе Выбутах, на родине святой княгини Ольги; небрежное хранение древних предметов в Псково-Печерском монастыре и другие случаи. Заканчивая статью, автор восклицает: *«Какую-то грусть, горькую досаду вызывает этот вандализм с памятниками старины. И это в то время, когда Билибин, Рерих, Виктор Васнецов, Маковский и другие лихорадочно рыщут в поисках за седой красотой и с понятной влюблённостью зарисовывают, записывают каждый штрих, каждый клочок красоты, которая не сегодня-завтра исчезнет совсем».*

В этом же выпуске "Хроники и библиографии" помещён "Обзор повременных изданий, выходящих в России, за 2-ю половину 1910 года". В нём отмечена статья Н.К. Рериха **"Поиски древней Руси"**, вышедшая в газете «Русское слово» за 7 октября 1910, № 230. Известны ещё две публикации Н.К. Рериха с таким названием — в журналах "Русский паломник" (1910. № 10. С. 811–815) и "Зодчий" (1911. № 4, 6).

В последнем случае публикация озаглавлена "Доклад Н.К. Рериха — ПОИСКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ" и является одним из разделов стенографического отчета «по художественному отделу IV Съезда русских зодчих»[12]. Как отмечено в отчёте съезда, «доклад этот не был включён в общий перечень [докладов], заслушанных соединённым собранием»[13], однако он был всё-таки выслушан и вызвал целый шквал выступлений. Об этом мы можем судить как по приведённому стенографическому отчёту, так и по публикации в "Трудах IV Съезда русских зодчих, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 5 по 12 января 1911 года". Ввиду особой актуальности для наших дней и непреходящей ценности для будущего всех затронутых Н.К. Рерихом вопросов, здесь его доклад приводится полностью — в двух вариантах стенограммы, вместе с прениями и постановлениями съезда.

5. Доклад Н.К. Рериха — ПОИСКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

(Зодчий. 1911. № 4. С. 29–30. № 6. С. 61–62)

До сих пор мы чрезвычайно мало знаем древнюю Русь; целые блестящие страницы её истории остаются нами не прочитанными, и какая-нибудь случайная находка способна перевернуть наши кабинетные, иногда, по-видимому, и хорошо сложившиеся убеждения. Мы совсем не знакомы с доисторическим периодом нашего бесконечно длинного и богатого по материалу каменного века; ощупью бродим среди значительных скандинавских влияний; боязливо путаемся среди восточных и византийских преемственностей. Полный величавости и культуры великокняжеский период для нас остаётся сказкой; даже татарский период и эпоха первых московских царей ещё содержат для нас немало тайн.

В этом неведении тем легче сознаваться, что за последнее время обращением к первоосновам уже дан толчок к более правильному пониманию древности; путь для ознакомления с действительным положением дела нашей древности состоит в непосредственном изучении памятников. Но то немногое, что уцелело ещё в подлинном виде, доживает свои последние дни или, что ещё хуже,

заменяется грубыми, обманными подделками под громким названием реставрации.

То, что ещё сохранилось, требует самой бережной охраны, самых утончённых укреплений. Но для этого нужны средства, которых, судя по всеобщим отзывам, нет и ждать неоткуда. Конечно, можно предположить, что если десять лет понадобилось для того, чтобы поставить дело изучения старины на степень общественного доверия, то ещё через десять лет явятся на помощь и общественные средства. Но, во-первых, для наших древностей десять лет — срок очень опасный; ещё на днях ушла за границу коллекция эмалей Звенигородского[14]; не простоят десяти лет многие храмы, мечети, поместья, стены и башни, если их серьёзно не поддержать. Во-вторых, и здесь кроется наибольшая опасность, люди слишком привыкают к хорошим словам и начинают смешивать их с делами. Кроме этого, словесные выступления опасны и в другом отношении, привлекая к памятникам особенное внимание вандалов и хищников, которые, под шум долгих и горячих разговоров, успевают использовать эти памятники в своекорыстных целях. Так, самые добрые намерения приводят к самым прискорбным последствиям.

Значит, необходимо теперь же от слов перейти к делу — в форме личного упорного труда и в форме материальных пожертвований, разумея под последними не готовые субсидии из государственных средств, а доброхотные даяния, хотя бы и копеечные, непосредственно из народного кошелька. Для этого докладчик предлагает «нескольким историческим, археологическим и художественным обществам, нескольким культурным издательствам — объединиться с целью устройства всероссийской лотереи, всероссийской подписки и всероссийского церковного сбора для создания фонда древней Руси».

Таким путём вместо малонужных разговоров у борцов за красоту и значение древности может оказаться копилка, которая спасёт от гибели многое прекрасное. А ближайшие труды по этому делу могло бы взять на себя — как самое юное из всего, около старины сложившегося, — недавно народившееся в Петербурге общество охранения памятников старины и искусства.

В прениях по этому докладу приняли участие: господа Лансере, Пясецкий, Стравинский, Щусев, Машков, Михайлов, Магула, Нагорский, Барышников, Каретников, Прахов, Романов, Ильин, Ростиславов, Марков, после чего [художественным отделом съезда] было сделано [следующее] постановление.

Передать в утверждение общего собрания тезис докладчика, заключавшийся в предложении нескольким историческим, археологическим и художественным обществам и издательствам объединиться с целью устройства всероссийской лотереи, подписки и церковного сбора для создания «фонда древней Руси», а также следующие, намеченные отделом меры: обращение в законодательные учреждения — с предложением закона, запрещающего реставрацию без участия компетентных лиц, в министерство внутренних дел — с просьбой проведения положения об охране древних памятников, выработанного комиссией под председательством Н.В. Султанова, а равно и в городские общественные управления, земские управы и Святейший синод.

6. Н.К. Рерих. Поиски старой Руси

Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911. С. 34–37

То, что я хочу сказать, нуждается не в доказательствах. Нужно лишь соглашение. И заговорить об этом соглашении может быть удобнее всего здесь, среди внимания зодчих, творящих уклад нашей жизни. Зодчим виднее всё созидаемое. Зодчие особенно чутко должны прислушиваться к мудрым затеям древности. Сознаемся, до сих пор мы непозволительно мало знаем древнюю Русь. Целые блестящие страницы её жизни для нас всё ещё покрыты седым туманом; всякая случайная находка способна перевернуть наши кабинетные, иногда и хорошо сложенные заключения. И смешно и больно сознаться, что мы совсем не знаем колыбели искусств и жизни — нашего бесконечно длинного и богатого материалом каменного века. До последних дней мы миновали эту эпоху равнодушно. Мы ощупью бродим среди значительных скандинавских влияний. Боязливо путаемся мы среди преемственностей восточных и византийских. Великокняжеский период, полный величавости и культуры, для нас всё ещё — сказка, былина. Даже в татарах, даже в наших первых Московских царях мы не тверды. Даже последующие эпохи для нас ещё полны откровения. Пора сознаться, что в археологии и в нашем старом искусстве ещё многое от нас скрыто. Пора не бояться сознаться в незнании, лишь бы оставалось непременное желание заменить неосведомлённость лучшими подлинными сведениями. Тем легче сознаваться в значительном неведении, что последними справедливыми стремлениями к первоисточникам уже дан несомненный толчок к более близкому и жизненному пониманию древности. Непосредственное изучение памятников старины начало знакомить русское общество с действительным положением дела нашей древности. Нам воочию стало ясно, что немногое сохранившееся в подлинном виде доживает последние свои дни или, что ещё хуже, подменивается грубыми, обманными подделками, под громким названием реставрации. Мы почувствовали многие непоправимые разрушения и разграбления. Полюбившим старину стало очевидным, в каком печальном виде находится это общегосударственное дело и насколько малыми и часто непригодными средствами располагают уже имеющиеся налицо для охраны старины установления. У некоторой, более культурной части общества ещё раз приоткрылись глаза на бедствования старины. Всякая гибель, всякое несчастье инстинктивно вызывает сочувствие. И вот за последнее пятилетие к делу старины подошло много людей сочувствующих, но, конечно, среди них было и немало любопытствующих. О старине заговорили. О старине стали писать. В каждом хорошем издании завели мартирологи старины. Во имя старины стали объединяться в кружки и в общества. Вновь воскресло собирательство и даже приняло характер моды. Во всех этих вновь выступивших данных наступает время разобраться. Надо решить, насколько помогло делу старины выраженное сейчас сочувствие. Нам, уже более 12 лет взывавшим о сочувствии, нам, уверявшим в насущности изучения старины, — время подсчитать, что до сих пор сделано и что

предстоит в будущем. Оговорюсь. Я не хочу никого упрекать сейчас. Верно, что «всякое даяние благо». Знаю, что многие действительно работают на пользу старины, насколько им посильно. Оцениваю и борьбу, которую многим приходится выносить во имя древности. Знаю и многое, что под флагом древности творится. Для жалоб — не время. Похвалы мы всё ещё не заслужили. Поверх всяких случайностей жизни нужно выяснить положение дела старины.

Повторяю, что наши дни для старины очень важны. Настоящего остаётся мало. Молодёжь принуждена будет знать прошлое лишь на основании исковерканных, лишённых облика останков. То, что ещё сохранилось, требует самой бережной охраны, самых утончённых укреплений. Между тем на всё сколько-нибудь значительное у нас, у всех, в разных выражениях ответ один: «нет средств». Всё тот же скучный мертвящий ответ: «нет денег и ждать неоткуда». Мы готовы преданно собираться, без устали твердить и писать, но настоящее дело требует, кроме слов, кроме самых лучших решений, также и крупных затрат. И остаются все наши добрые слова лишь пустыми благопожеланиями. Иногда нам удаётся что-нибудь запретить или отвратить, и мы уже радуемся. Но эта радость короткая, и через 2–3 года, к восторгу вандалов, та же, ещё горшая опасность вновь возникает, ибо мы помогли лишь добрым словом. Времен[ами] перед нами накапливается малая кучка денег, и мы уже ликуем над возможностью что-нибудь провести реально. Но простой подсчёт ясно показывает нам, что наши немногие рубли не более чем плата за право входа; а там, у дела, сейчас же будут нужны десятки тысяч. Плохо начинать раскопку, не имея достаточной лопаты. Смешно только вздыхать подле стен и башен, не имея ни кирпича, ни рабочих, чтобы укрепить их. И опять одним добрым словом не поможешь.

Отсутствие средств для неотложной помощи старине иногда доводило даже до озлобления. В горе приходится писать даже в зазывающем, народном тоне. Написанное одобрялось многими добрыми в самых добрых словах. Ещё ничего,

Н.К. Рерих. Город. Рисунок из альбома 1910 (?). Собрание ГТГ

если бы слова оставались лишь крылатыми, без всяких последствий. Но всякое слово оставляет осадок, и нельзя забывать отрицательные стороны дела, основанного лишь на добром слове. Долгие разговоры порождают много слухов. Где-то далеко, в провинции, кому-то начинает казаться, что дело старины уже имеет почву, уже имеет в столице самый прочный оплот. Если о чём-либо заговорили в столице, то местные силы уже успокаиваются. Говорят: «О наших стенах уже писали в Петербург; теперь верно их зачинят»; «Писали, что нашей церкви осмотр будет, не дадут ей обвалиться»; «В Петербурге о наших башнях вспомнили. Значит, дело в прочных руках». Начинаются милые, простодушные речи; и мы говорим много добрых, искренних слов, а обломок старины стоит по-прежнему одиноко, и каждый месяц подтачиваются его последние силы. Можно, конечно, предположить, что если 10 лет нужно было, чтобы поставить дело старины на степень общественного доверия, то может ещё через 10 лет к делу придут и общественные деньги и средства. Но, во-первых, для наших древностей 10 лет срок очень опасный. Ещё на днях ушла за границу коллекция эмалей Звенигородского, пока у нас думали о средствах на её приобретение. Не простоят 10 лет многие храмы, мечети, поместья, стены и башни, если серьёзно не помочь их дряхлости. Во-вторых, люди слишком привыкают к доброму слову.

После многих слов, после многих вечеров заседаний и газетных полемик начинает казаться, что нечто уже сделано. Печальное, часто повторенное недоразумение. А дело по-прежнему стоит почти на месте. Обычность сочувственных разговоров положительно опасна. Получается самоуслаждающий соус. Нашей старине нужно сейчас не только доброе слово, не только запретительный закон; гораздо более нужны средства и закон поощрительный, в особенности теперь, при наличности уже многих культурных, осведомлённых работников. Каждый из бывавших в работе около старины — насколько нужна осторожность! — припомнит из своей собственной практики разные последствия только добрых слов. Часто памятник, тронутый одними разговорами, тем самым вызывает особое внимание вандалов и хищников, и пока идут долгие разговоры, начинается усиленное разорение и расхищение. Действия одними разговорами настолько опасны, что только с большим чутьём можно распространять в некультурных широких массах чисто практические сведения о значении древностей. Как ни грустно, но именно этим, казалось бы хорошим, путём часто разрастается жадность серых масс к древностям; при полном непонимании сущности дела положение становится ещё более уродливым и часто доставляет самый благоприятый материал, опять-таки, для хищников. Попробуйте достать древность из рук серого крестьянина, прослышавшего, что господа дорожат этими "безделками". Только местный кулак или хищник-скупщик посредством водки найдёт путь к подозрительным, тёмным умам. Всякий из исследователей знает, насколько осторожно надо относиться ко всему, что громоздится около старины. Часто из самых добрых намерений получаются следствия самые прискорбные. Кроме словесных выступлений, мы должны спешно придумывать действия

более значительные. Как ни грустно, мы должны сознаться, что в деле старины ещё ничего резко очевидного не случилось. В сущности, мы только одумались после недавнего постыдного неверия. Мы только начали искать клады, зарытые мудрыми предками; мы теперь почувствовали, что эти подлинные сокровища про нас захоронены и замуравлены. Но мало только уверовать. Мертва без дела вера. Культурные люди России должны не только уверовать, что дело старины насущно для всей жизни; в этом никакой заслуги нет. Культурные люди должны не только говорить о старине, это нетрудно, в этом особой доблести нет.

Культурные люди должны помочь старине делом и средствами. Нам, поднимавшим последнее движение в пользу старины, пора высказать, что ждали мы не только внимания, но и доверия. Мы ждём самих дел во имя старины; ждём жертв личного труда и упорства. Уверовавших в прелесть древности уже много. Пусть все они обратятся в делающих. Повторяю, положение нашей древности требует забот, дел, ждёт объединения скудных, разрозненных средств. И не к правительственным мерам мы должны обращаться. Мы не должны ждать только готовых субсидий.

Всенародное дело должно быть поддержано самим народом, самими стодвадцатью миллионами Российского населения, у которого может найтись в среднем хотя бы по одной копейке на дело национальной старины. Если у народа ещё не находится место для мыслей о значении красот старины, наполняющих его собственную территорию, то нужно, не требуя чрезмерной преданности, создать условия, не лишённые материальных и духовных преимуществ.

Предлагаю нескольким историческим, археологическим и художественным обществам, нескольким культурным издательствам объединиться с целью устройства всероссийской лотереи, всероссийской подписки и всероссийского церковного сбора для создания фонда древней Руси. Можно думать, что сферы влияний архитектурных, археологических и художественных обществ, археологических институтов, музеев и разных издательств могут быть очень обширны.

И синод, и министр финансов, и министр внутренних дел, при высоком сочувствии к делу старины со стороны Государя Императора, конечно, не откажут в своём просвещённом содействии общегосударственному делу. Таким путём, вместо малонужных разговоров, у борцов за красоту и значение древности может оказаться копилка, которая спасёт от гибели многое прекрасное. К тому же в настоящее время в Санкт-Петербурге находятся Общество охранения памятников старины и искусства[15] и музей допетровского искусства и быта, которые, как самые молодые из всего, около старины сложившегося, могли бы взять на себя ближайшие труды по этому вопросу. Полагаю, что съезд зодчих мог бы обратиться в соответствующих кругах с настоящим делом, если только моё предложение вызовет сочувствие и соглашение. Откладывать дело не следует, чтобы у причастных была хоть иллюзия, что многословие в будущем может замениться чем-то реальным и значительным. Народ, претендующий на какую-нибудь культурность, должен не только помнить о своём долге — [он должен] знать своё и своей земли прошлое. Народ должен быть способен выполнить этот свой

долг решительными и разумными действиями. Не знающий своего прошлого не может думать о будущем.

Господин Лансере считает необходимым выработать ясную и точно составленную программу, указывающую цели, на которые будет собираться подписка.

Господин Стравинский просит разъяснить, составляет ли цель сбора поддержание памятников или же их изучение.

Докладчик ставит в первую очередь поддержание их.

Господин Щусев обращает внимание на малые результаты, достигнутые Археологическим обществом и Археологической комиссией.

Докладчик заявляет, что именно ввиду этого печального явления, обусловленного недостатком средств у названных общества и комиссии, автор доклада и предлагает возбудить интерес в широких массах. Это — крик человека, который отчаялся чего-либо добиться прежним путём и ищет содействия путём воззваний.

Господин Машков, считая ценным предложение всенародной подписки, полагает, что, при отсутствии в широких массах серьёзного понимания значения памятников древности и любви к ним, подобная подписка не даст достаточных средств. Необходимо исходатайствовать закон об изъятии из частного, нередко невежественного заведования наиболее ценных памятников (приводится несколько примеров) и о передаче их в более надёжные руки.

Господин Михайлов приводит, в виде исключения, церковь в имении светлейшего князя Д.Б. Голицына близ Вязьмы, попечениями самого владельца поддерживаемую в хорошем состоянии.

Господин Магула предлагает обратиться к Государственной Думе, прося о том, чтобы к поддерживанию памятников старины не допускались лица малокомпетентные.

Господин Эйснер предлагает дополнить проектируемый закон регистрацией памятников и указанием ответственности виновных в их изуродовании.

Господин Машков напоминает о выработанном в своё время министерством внутренних дел, под руководством Н.В. Султанова, проекте организации, предусматривавшем, кроме объединяющего центра в Петербурге, местные областные центры, и такая широкая организация могла бы гарантировать сохранность памятников. Проект этот был предложен на рассмотрение Археологического съезда и разослан во многие учёные общества.

Господин Нагорский отмечает важность предложенной докладчиком меры в том отношении, что одними законами невозможно охранять старину, а необходимо, чтобы и в обществе жила живая идея, любовь к самобытности, ключом к пониманию которой является старина. Предлагаемые лотереи и сборы будут возбуждать интерес к этой старине.

Господин Барышников предлагает, как меру для охранения старины, обращение съезда к городским и земским общественным управлениям о таковой

охране, с изложением общих научных оснований предотвращения разрушения памятников старины (приводит пример охранения Санкт-Петербургской городской думой Чернышова моста, который предполагалось перестраивать).

Господин Пясецкий считает наиболее существенной мерой широкое распространение в народе начал эстетического образования. Пример художественного возрождения стран Западной Европы показывает, что наглядное пояснение во всех, даже низших, школах лучших памятников народного искусства даёт лучшие результаты, чем какое бы то ни было воззвание к невежественному в художественном отношении населению. Поэтому необходимо содействие съезда реформе всех наших школ на эстетической основе и введению преподавания в них истории искусств.

Господин Магула настаивает на необходимости скорейших мероприятий законодательного характера.

Господин Каретников поддерживает предложение В.Н. Пясецкого, указывая, что закон уже есть, но его недостаточно, и что сбор вряд ли даст большие средства; так, например, в Архангельской губернии есть древлехранилище с бюджетом в 300 р., но в прошлом году съезд духовенства уменьшил этот бюджет вдвое. Но есть и исключения, как, например, в селе Панилове (Архангельской губернии), где памятник охранён благодаря местному священнику, любящему старину, и крестьянину, давшему средства.

Господин Щусев, присоединяясь к пожеланиям докладчика, предлагает поддержать ходатайство перед Святейшим синодом о постоянном периодическом сборе в церквах на поддержание церковной старины и об устройстве ризницмузеев в близлежащих городах или же на местах — в монастырях и церквах.

Господин Прахов: Я с глубоким интересом слушал целый ряд благих пожеланий и замечаний, направленных к сохранению нашей родной старины. Мне пришлось иметь с этим дело 30 лет. Разрешите мне к этим пожеланиям, которым я всецело сочувствую, сказать ещё два слова из жизни. Что такое наша старина? В огромном, преобладающем количестве это — церковные памятники. Если сопоставить списки церковных памятников и светских, то последние будут короткими, а первые колоссальными. Каждому из нас ясно, как Божий день, что если охранять памятники, то их надо ценить. А для того чтобы их ценить, — их надо понимать. А теперь перейду к действительной жизни. В чьих руках находятся памятники церковной древности? Они находятся в руках следующих лиц: священника, дьякона и епархиального архитектора. Вот комплект тех лиц, от которых зависит плюс и минус в сохранности памятников церковной старины; прибавьте к этому ещё, как высшую инстанцию, архиерея. Вы думаете, ещё кто-нибудь может влиять? Нет, это может быть только случайно. Может образоваться какое-нибудь маленькое просвещённое общество в губернском городе, интересующееся родной стариной, и начнёт кричать: «Да что вы делаете, образумьтесь!» Фактически же хозяевами являются перечисленные мною лица.

Вот вам живой пример. Я был занят своими работами в Киеве[16] и случайно жил на даче недалеко от Киева. Под вечер, часов в 5, приезжает ко мне дьякон

Софийского кафедрального собора. Я был удивлён его поздним появлением. Он мне говорит: «Вот письмо». Я, должен сознаться, когда прочёл его, вздрогнул, там стояло: «Собор дал по северной стороне трещину; ради Бога, приезжайте и скажите что делать». Я сейчас [же] покатил туда. После семи часов уже там было заперто. Я спрашиваю, что и как случилось, а мне говорят: «Так, просто, беда случилась». И, действительно, вижу, по северной стороне по всем аркам трещины. Мозаика над благовествующим Архангелом выпучилась и дала порядочный живот. Что тут делать? Как это произошло? Мне отвечают: «Да так, по грехам нашим». Оказалось, что порешили восстановить некогда бывшую крытую западную паперть и для этого выкопали яму под папертью, и епархиальный архитектор был настолько невнимателен, что при выкапывании ямы каменный боров из фундамента, длиной в 5 аршин, вывалился. Как только вывалился, пошли трещины. Вот кто должен был быть спасителем древности, это епархиальный архитектор. Если бы он действительно трясся над памятником, этого бы не случилось. Он в частном доме не допустил бы такой оплошности. Что тут было делать?! Мне пришло в голову взять медный холст, наложить его и, натянув, пиронами прикрепить с боков. Достали холст, наложили и притянули. Священники клялись, что будут ходатайствовать, чтобы мозаика была исправлена, но этот кусок медного холста ещё и до сих пор там. Не прошло и года после этой истории, как в Михайловском монастыре в приделе Святой Екатерины тот самый архитектор выкопал опять такую же яму и опять стена дала трещину. Я спрашивал, откуда он пришёл? Откуда же: из Академии Художеств или из института гражданских инженеров мог он прийти?

Нужно сеять среди 150-миллионного населения уважение и страсть к древним русским памятникам и искусству, а прежде всего, это нужно сеять там, где мы находимся, т. е. здесь, в Императорской Академии Художеств. Вы спросите: не урод ли был тот архитектор? Нет, не урод, а разумный человек. В нашем товарищеском кругу позорно скрывать в чём дело. Епархиальный архитектор поставлен в невозможное материальное положение, и если вы хотите приобрести хорошего человека и привлечь его интерес к вашему делу, то надо его поставить в такое положение, чтобы ему не нужно было заниматься одними частными домами, а уделять бы своё внимание также и церкви.

Вот другой пример. Я только что вернулся из семимесячной поездки по России. Проездом через Ярославль, ожидая свидания с губернатором, который был за городом, думал воспользоваться часиком, чтобы осмотреть церковь Святого Ильи, красу Ярославля. Едва я только вошёл в опоясание, первое, что мне бросилось в глаза, это что оно налево зашито досками сверху донизу и висит большой замок. Спрашиваю, что это такое? У нас, говорят, ремонт. Я спрашиваю, почему ремонтируется церковь, а сторож несколько замялся и говорит: «Там у нас неприятность вышла». — «Позвольте поглядеть». Войдя за дощатую перегородку, я увидел, что угол церкви со всеми фресками осел так, что можно засунуть ладонь. Спрашиваю, что такое случилось и отчего? Мне говорят, что между колокольней и церковью устроили выгребную яму. «Но вы

теперь не беспокойтесь, она уже цементирована», — прибавил успокоительно причетник[17].

Вот какие случаи бывают. Кто эти лица, я не назову. Я повторяю, что епархиальный архитектор первый несёт на себе обязанность по охранению важнейших памятников старины и ответственность за неосторожные шаги. Как человек глубоко преданный искусству и родной старине, я прошу всех собравшихся: хлопочите об одном, чтобы в учебных заведениях, из которых выходят хранители нашей русской старины — будь это Академия Художеств или институт гражданских инженеров, — чтобы там внедрялась фанатическая потребность понимания и сохранения русского древнего искусства. Затем, конечно, второе: надо хлопотать, чтобы такой фанатик не попал бы на нищенское содержание, но чтобы он имел возможность своим священным обязанностям уделить надлежащее внимание.

Затем, другими хранителями нашей старины являются священники и дьяконы; они выходят из бурс, академий и семинарий. А известно ли вам, что там из программы предполагается изгнать историю искусства и археологию?! Надо напрячь всё наше внимание и всю нашу энергию, чтобы настоящие фактические охранители наших древностей, все священнослужители и церковнослужители были посвящены в эти познания, чтобы они знали русскую археологию. Это дело можно провести только через Святейший синод, вот куда надо направлять все наши мольбы. А то наши пастыри и архипастыри не будут ценить наших древностей; выходя из школ, они будут смотреть на своё дело с одной только точки. Из моих резких пояснений можно видеть, какая это борьба. Колеблющаяся идея борется с жизнью, а жизнь имеет свои права. Пока здесь не повернёте дела, пока эти просвещённые архиереи, кафедральные протоиереи или просто настоятели церквей или дьяконы не будут сознавать, что надо сохранять то, что им поручено, до тех пор мы бессильны.

Остаётся ещё один из хранителей, фигура довольно скромная: это староста. По большей части он из купеческого звания, нередко из крестьянства. Как это сознание может быть воспитано в крестьянстве и в купечестве? По моему мнению, только путём общей школы. Надо, чтобы (как на это указал один из моих сотоварищей) эстетическое образование было бы шире, чтобы знакомство с памятниками искусства было не только достоянием аристократических домов, но и гимназий, и вообще всех учебных заведений. Моё практическое заключение вот какое: надо брать быка за рога. Этих рогов выставилось у нас два: надо сеять любовь и уважение к родной старине и в художественной, и в церковной школе.

Господин Романов указывает случай, когда Археологическая комиссия воспретила перестройку одного интересного, хотя и не первоклассного памятника старины: тогда технический надзор мотивировал необходимость перестройки нехудожественностью памятника. Нужно поэтому нам самим охранять их.

Господин Машков считает сомнительным успех обращения к синоду, а более действенным — образование местных кружков, которые могли бы воздей-

ствовать на епархиальных архитекторов и на местное духовенство. В виде примера указывает перестройку минувшим летом памятника XVII века в Новоспасском монастыре, несмотря на протесты непосредственного начальства.

Господин Ростиславов предлагает остановиться на мере, предложенной докладчиком, как наиболее реальной.

Господин Марков предлагает ходатайствовать перед Государственной Думой об ассигновании средств.

Секретарь заседания ***господин Ильин***, по предложению председателя, читает следующее резюме мер, предложенных присутствующими для осуществления пожеланий докладчика:

I. Меры немедленного характера. Обращение к законодательным учреждениям с просьбой об издании закона, воспрещающего реставрацию без участия компетентных лиц (господин Магула). Обращение к городским общественным управлениям и земским управам (господин Барышников). Обращение к Святейшему синоду, в заведовании которого большинство памятников старины (господин Прахов). Обращение к министерству внутренних дел с просьбой о проведении положения об охране древних памятников, выработанного комиссией этого министерства под председательством Н.В. Султанова (господин Машков).

II. Меры длительного характера. Популяризация археологических знаний (господин Машков). Повышение художественного развития вообще путём преподавания в школах (господин Пясецкий). Повышение художественных знаний среди епархиальных архитекторов и улучшение их материального положения (господин Прахов). Воспитание в обществе самодеятельности в деле защиты народных памятников (господин Каретников).

Постановлено считать вышеперечисленные меры желательными.

Публикация статьи Рериха в "Русском паломнике" с названием "Поиски древней Руси" является точной перепечаткой из "Русского слова", дополненной доброжелательным примечанием редакции: *«...мы заимствуем [из "Русского Слова"] настоящую интересную статью известного, талантливого художника-академика Н.К. Рериха, которому, наряду с другими, принадлежит чрезвычайно высокая заслуга — возрождение в русском обществе интереса к нашей отечественной старине».*

Сравнение публикаций в "Русском слове" и "Русском паломнике" с очерком "Подземная Русь" из "Собрания сочинений" (1914) показывает, что последний является, очевидно, окончательным вариантом этих публикаций. Ниже приводится текст очерка, с указанием вариантов.

Таким образом, под одним названием "Поиски древней Руси" фигурируют две существенно различные работы Н.К. Рериха.

7. Н.К. Рерих. Подземная Русь *[1910–13]*[18]

Пусть наш Север кажется беднее других земель. Пусть закрылся его древний лик. Пусть люди о нём знают мало истинного. Сказка Севера глубока и

пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озёра задумчивы. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудрые. Зелёные холмы бывалые. Серые камни в кругах[19] чудесами полны. Сами варяги шли с Севера. Все ищем красивую древнюю Русь.

Много лет пришлось помечтать и поговорить о раскопках в Киеве и Новгороде. Немногим любящим старину пришлось стыдить, сердиться. Лишний раз пришлось подивиться на наших скептиков. А скептиков у нас много; особенно в искусстве и в науке. Личина глубокого скепсиса во многих житейских делах очень пригодна.

Но вот вместо холодных, убивающих голосов послышались голоса живые, любящие дело. С высоким вниманием отнеслась к исследованию Новгорода Великая Княгиня Мария Павловна. Откликнулась княгиня М.К. Тенишева и для начала дела прислала тысячу рублей. Графиня П.С. Уварова в личной со мной беседе высказалась сочувственно за исследование Кремля. Энергично помог председатель общества архитекторов-художников граф П.Ю. Сюзор. Поддержали: князь М.С. Путятин, А.В. Щусев, В.А. Покровский и прочие члены Комиссии Допетровского Музея.

И вот юный Допетровский Музей мог на своём щите, прежде всего, вписать: «Раскопка в Новгородском кремле».

Сложилось начало большого дела; в нём будет место многим работникам и многим рублям, многим препятствиям и многим победам.

К нашему делу присоединилось и военно-историческое общество и уделило пятьсот рублей на обмеры башен и стен южной части Детинца. Особенно постарался за Новгород секретарь отдела военной археологии[20] Н.М. Печёнкин.

Было решено приступить к Новгороду немедля. Начать исследование Кремля и для сравнения культурных слоёв произвести разведки на Рюриковом Городище.

Для начала не обошлось без помех. Не подождав нашу раскопку, новгородская городская управа наковыряла ям на месте, ею же отведённом для исследования. Архивная комиссия и губернатор знали об этом, но почему-то спешно не воспрепятствовали, как следовало бы. Приезжал член Археологической комиссии Б. Фармаковский, возмутился действиями управы и архивной комиссии и доложил в Петербург. Археологическая комиссия потребовала предать суду нежданных копателей. Новгородское общество любителей древности не нашлось немедля протестовать против действий управы. Вообще, любезностью и торопливостью новгородцы не отличались. Произошла путаница.

Только стараниями разных учёных обществ нелепое постановление думы было отменено.

Пока шла неразбериха с ямами, накопанными управой, мы с Н.Е. Макаренком, секретарём Допетровского Музея, поехали для разведок на Рюриково Городище. Остановились в церковном училище наискось от жирных стен Юрьева монастыря. Где-то в этих местах Аристотель Фиораванти навёл через Волхов мост для Ивана Грозного, стоявшего на Городище.

Кроме исконного поселения, на Городище долгое время жили Новгородские князья со своими семьями. Московские князья и цари часто тоже стояли на Городище, хотя иногда разбивали ставки и на Шаровище, где теперь Сельцо, что подле Нередицы. Княжеские терема оставались на Городище долго. Вероятно, дворец на Городище, подаренный Петром I Меншикову, и был одним из старых великокняжеских теремов.

Богатое место Городище! Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются — Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сковородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синеет Бронница. Всё, как на блюдечке за золотым яблочком.

Озираемся с бугра, на котором стоит высокий крест. Зовётся место: "Никола". Среди храмов Городища упоминается Никольская церковь, сгоревшая в 1201 году «от грома».

Исследуем бугор и действительно находим основание небольшой деревянной сгоревшей церкви, но существовала она, видимо, и в XVIII веке. Вещи сплавились. Осталась белая смазка пола, как в Нередице, и гончарные плиточки довольно тонкого обжига.

Из пяти церквей, известных на Городище по летописям, теперь сохранилась лишь одна Благовещенская, построенная в 1099 году Мстиславом Великим, сыном Мономаха. В этом храме находилось знаменитое Мстиславово Евангелие. От прочих храмов, от всех теремов ничего не осталось. Даже и развалин не видно. Только в крутых обрывах по Волхову пестреют известь и кирпичи. Явно, что какие-то строения смыты бешеной во время ледохода рекою. Предположения оправдываются. В ризнице церкви находим план Городища 1780 года. На плане видно, что столетие с небольшим Волхов, изменяя своё течение, оторвал около 12 саженей высокого берега. Насколько же раньше выступало вперед Городище! В Волхове покоятся и терема и часть храмов. Словом, вся лучшая часть поселения; всё, что стояло на видных передовых местах. Теперь понятно, почему главную массу старинных предметов находят не на берегу, а весной внизу, подле самой воды. Из-под берегов к нам несут местные находки: браслеты, обломки вислых печатей, бусы, черепки и металлические поделки. Нам ясна толщина жилого слоя и гибель лучшей части Городища, пора спешить в Кремль.

Кремль много раз перестраивался. Начат каменный Кремль при Ярославе. Сильно перестроен и достроен при Андрее (сыне Александра Невского) и при Иване III. Возобновлены были стены при Петре I и при Александре I, и, наконец, часть рухнувшей стены была спешно вновь сложена накануне освящения памятника Тысячелетия. Еще не так давно в башнях были жилые помещения, но теперь почти все башни необитаемы. В высоком Кукуе выломаны лестницы. Княжая башня держится только на "честном слове". В Архивной башне весь архив завален помётом. Вообще, Кремль новгородцам, видимо, представляется

отхожим местом. Все башни грозят падением. Нужны многие тысячи, чтобы не заткнуть, а только починить их. И здесь наши отцы, полные отрицания старины, оставили нам плохое наследие.

Вся южная часть Детинца теперь занята огородами. Прежде здесь стояли многие строения и до 20 церквей. Здесь же проходило несколько улиц и главная улица Кремля Пискупля. Где-то возле Пискупли стоял храм святых Бориса и Глеба, поставленный на месте древней, сгоревшей Софии. На этих же огородах были все княжие постройки и самые терема. Как известно, Княжая башня вела на Княжий Двор.

Трудно всё это представить, глядя на пустырь. Не верится старинным изображениям Кремля, не верится рисункам иноземных гостей. На планах сравнительно недавних (XVIII в.) ещё значатся на месте огорода какие-то квадраты зданий. Куда это всё девалось?

Каким образом прочные старинные стены, трубы, фундаменты изгладились совершенно? Когда каменные кладки превратились в гладкий огород? Неразрешимые вопросы.

Стоим на пустыре среди мирной капусты. Мечтаем о былом виде Детинца. Всячески комбинируются исторические справки. Говорится много предположений. Ясно, что на первую тысячу мы не можем вскрыть многое. Хочется захватить поудобнее, повернее. Наконец, избирается место для длинной траншеи в местности Кукуя и Княжой башни. По догадкам, здесь мы должны затронуть какие-либо постройки Княжого Двора. Конечно, ещё лучше было бы место под домами причта, но оно было застроено без всяких исследований. Место с ямами, накопанными управой, конечно, решено не трогать.

Начинаем копать.

Чувствуется какая-то неуверенность и даже боязнь. Пугает сведение Передольского, что жилой слой Новгорода идёт до 21 аршина. Вспоминаются петербургские пророчества о том, что все слои земли давно перемешаны, перерыты[21].

Ниже наносного огородного слоя очень близко от поверхности земли уже показываются обломки всяких строительных материалов. Куски кирпича, цветные изразцы, части слюды, гвозди и скобы. Самого здания нет. Чуется его близость. Опять подозреваем сады и дома причта. Этот каменного строения мусор оттуда. Черепки из верхних слоёв относятся к недавнему времени и до XVI века. Видно, что слои не тронуты.

Любопытная картина начинается ниже второго аршина. Вылезают деревянные срубы. Основы каких-то многочисленных, густо стоявших построек. Поперёк траншеи направлением на Кукуй обнаруживается длинный помост из тесаных плах. Может быть, деревянное покрытие улицы. Конечно, окончания его неизвестны. Срубы прямо нагромоздились один на другой. Между ними какие-то перемычки из вбитых стоймя брёвен. Продолжения строений заманчиво далеко идут за стенки траншеи. Нам нужно дойти до материка, развлекаться случайной стенкой нельзя. Вещи становятся интереснее. Гребни, ложки, кадушки, кресала, ножи, горшки...

Уже начался старый деревянный Новгород. Очевидно, мы угадали место и находимся где-то на Княжом Дворе. Не успевает один слой строений быть сфотографированным, обмеренным и снятым, как за ним сейчас же вылезает другой. Многие строения, видимо, уничтожены пожаром.

Траншея приобретает фантастический вид. Оба бока наполнены уходящими в стенки земли брёвнами. Тесаными и круглыми. Где высунулся помост. Где какой-то глубокий срубик в аршина полтора размером. Где наискось торчит угол, срубленный в лапу[22].

Главная, предчувствованная нами, задача разрешена. Жилые слои Кремля оказались не перекопанными. Картина древнего Новгорода не тронута. В пустующей южной части Кремля при достаточных средствах можно раскрыть всё распределение зданий и улиц. Конечно, для этого нужны крупные деньги. Тысяч десять. Но зато какая большая задача будет разрешена. Настоящая национальная задача. Вряд ли можно достать казённые суммы.

Это дело частных, богатых, культурных людей. Думаю, что ещё, не обращаясь к Пирпонту Моргану[23], можно дождаться средств на исследование древнейшего пункта Русского Государства. Ведь есть же благодетели на храмы, больницы, школы. Наша археологическая задача тоже не есть прихоть, не есть роскошь. Познание самого себя первая задача. На ней стоит всё будущее. Рискую ещё раз показаться смешным. Во имя искусства и прекрасной древности это не страшно. Буду ждать, что на имя Допетровского Музея в Академию Наук поступят какие-то средства. Раньше я думал начать с подписки[24]. Но во всякой подписке есть какое-то принуждение. Сперва надо испытать, любят ли у нас своё свободно, без указания. Даже курьёзно, неужели никто, подобно княгине Тенишевой, не захочет вписать в свою деятельность: «содействие исследованию древнего Новгорода». Неужели ни в ком из промышленного мира уже не живы, забыты заветы великой взаимопомогающей Ганзы[25].

Осторожно двигаемся глубже. Рабочим неудобно выбирать землю среди нагромождений дерева.

Никому не известно, каким образом громоздились срубы друг на друга в разных направлениях, нарастая в слой 3–4 аршина. Можно думать, по черепкам, что мы находимся в XIII веке. Может быть, даже и раньше, так как А.А. Спицын не раз отодвигал датировку гончарных форм и орнаментов. Горшки такие же, как на Днепре под Смоленском, в славном варяжском гнезде в Гнёздове[26].

Уже кончаем пятый аршин. О материке нет и помина. Рабочим уже тесновато работать.

«А если здесь слой аршин на десять? Что же тогда будем делать?» — недоумевает Макаренко.

В этом вопросе первая мысль о деньгах. Хватит ли довести до материка. Иначе никакой картины кремлёвских напластований не получится, и вся наша работа будет почти ни к чему. Но пока работа кипит.

Вторую траншею закладываем у Княжой башни, которая стояла у Княжего Двора и где заметны какие-то впадины и бугорки. Очевидные следы строений.

Сознаём, что очень глубоко рыть нельзя из-за близости разрушающейся башни. Если башня рухнет вовсе и не по нашей вине, какой вой подымут разные человекоподобные? Но нужно знать, что заключают в себе видимые бугры.

Не глубже как на пол-аршина натыкаемся на каменную кладку. Освобождаются три стены небольшого квадратного помещения, имевшего кирпичный пол, сложенный в клетку. Вероятно, строение примыкало к башне. Около стен обычные находки: изразцы, слюда. Кроме того, осколки ядер и частицы панциря. Кирпичный пол имеет заметные склоны к бокам. Уж не свод ли? Пробуем, под кирпичом идёт насыпной чистый песок, а ещё на 8 вершков начинается знакомый чёрный нажитой слой. По бокам открытого строения заметны следы каких-то деревянных оснований. Сразу намечается сыпь развалин, которая скрыта под всем огородом. Весь Кремль — нераскопанный курган.

На весёлом июльском припёке наблюдаю приятную картину. Рядом помещается неутомимый Н.Е. Макаренко, кругом него мелькают разноцветные рукава копальщиков. Растут груды земли, чёрной, впитавшей многие жизни. У Княжой башни орудуют наши рьяные добровольцы: искренний любитель старины инженер И.Б. Михайловский и В.Н. Мешков. На стене поместился со своими обмерами мой брат Борис. Из оконцев Кукуя выглядывают обмерщики Шиловский и Коган. Взвод арестантов косит бурьян около стены. Из новгородцев интерес проявляют Романцев, Матвеевский, отец Конкордин. Хоть посмотреть приходят.

Кроме того, мы знаем, что у Фёдора Стратилата на Торговой стороне очищают фрески (и пока хорошо очищают). На Волотове Мясоедов, Мацулевич и Ершов изучают и восстанавливают стенопись[27].

Кажется, что Новгород зашевелился; кто-то его пытается пробудить.

Но радость недолгая, по крайней мере, для нашей партии. Деньги уплывают. На новгородцев надежды нет. Скоро придётся отложить работу до новых средств.

О новой траншее уже и не думаем, хотя места для неё так и напрашиваются. Всеми участниками овладела одна мысль: хоть бы до материка дойти. Напряжённо следим за каждым новым ударом лопаты.

Уже спустились на шестой аршин. Срубы не прекращаются. Вещи идут уже из XI–XII веков.

Из боков траншеи уже просачивается вода. Каждое утро приходится её откачивать вёдрами. В сырой земле трудно и неприятно работать. Поэтому появление материка приветствуется одинаково и нами, и рабочими.

Материк показался на глубине 6 аршин 5 вершков. Подчищаем яму и подводим итоги.

Ожидание нас не обмануло. Если год тому назад я писал только по догадке, что Великий Новгород лежит под землёй нетронутым, то теперь могу это повторить уже на деле.

В Кремле культурный слой невредим и ждёт исследователей. В толщине от 4 до 7 аршин. Кремль насыщен всякими строениями разных веков.

Вяжищский монастырь. Никольский собор (1685). Фото 1998

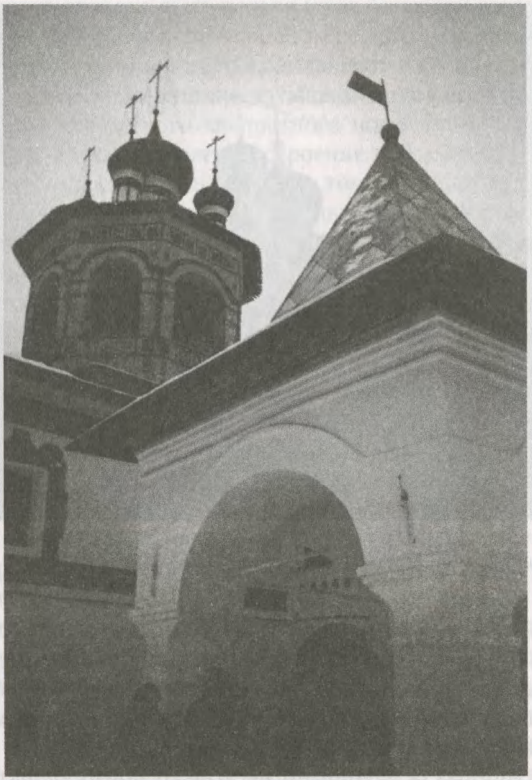
Надо уезжать. Открытую траншею пробуем передать в ведение предварительного комитета будущего археологического съезда, но председатель комитета, местный губернатор, оказался не в силах охранить нашу раскопку до съезда. Придётся тратить последние деньги ещё на засыпку, а съезду нельзя будет представить картину напластований Кремля. Жаль.

На прощанье ещё раз осматриваем несколько пригородных древних мест — Волотово, Ковалёво, Холопий Городок, Лисичью Гору, Вяжицкий монастырь. На всех местах могут быть интересные исследования. В Ковалёве и на Лисичьей Горе ещё вполне видны внушительные монастырские очертания. Но для этих работ нужны большие деньги. Так же как и на поддержание Вяжицкого монастыря.

О Вяжицком монастыре мало знают. Благодаря отвратительной дороге мало кто его посещает. Но сам монастырь достоин большого внимания.

Не сусальный великан, как Юрьев монастырь. Не пограничный терпелец, как Псково-Печерский. Не суровый печальник, как Валдайско-Иверский. Вяжицкий монастырь особенный. Одинокая дорога по непроездным вяжищам упирается в монастырь. Около, на поляне, деревушка. Кругом леса и болота. Дальше и дороги нет.

В марте будущего года монастырь будет праздновать своё пятисотлетие. Жаль, если ему придётся справлять праздник в таком же запущенном виде, как сейчас. Вновь назначенный архимандрит отец Вячеслав с первого дня приезда начал подчищать "нажитые слои". Но денег мало, и задача отца Вячеслава трудна.



Вяжищский монастырь. Крыльцо и фрагмент церкви Иоанна Богослова (1698). Фото 1998

Хотя отдельные помещения монастыря ещё относятся к XVI веку, но общий вид его надо считать Никоновским. При Никоне монастырь обстроился, насчитывал несколько сот монахов, а главное — изукрасился отличными изразцами[28]. Теперь грустно видеть, как обширное хозяйство монастырское обеднело, здания дают трещины, украшения падают. Надо думать, что отцу Вячеславу удастся найти средства поддержать обитель.

Не в далёких пустынях, не за высокими горами всё, всё полно находок, всё ждёт работников, всё нуждается в помощи, а здесь, между нами, в трёх, четырёх часах езды из средоточия страны. Да и обеднел-то не какой-нибудь проходимец, а сам Господин Великий Новгород.

Теперь о старине принято говорить. К старине потянулись. За два последних года в одном Петербурге создалось три Общества любителей старины. Музей Старого Петербурга. Допетровский Музей искусства и быта. Общество

охранения памятников старины[29], поставившее себе первую отличную задачу — хорошо восстановить и поддержать историческое село Грузино.

Сейчас о старине столько пишут, что нам, поднимавшим это движение, даже страшно становится.

Уж не мода ли это? Просто случайная, скоро проходящая мода? Или это следствие культурности?

Только будущее даст верный приговор. Только оно укажет, кто из каких целей занимался стариною.

Одно — пустой, ненужный разговор. Совершенно другое — дело, требующее знаний, труда, затрат и любви.

Пока будем надеяться, что к старине Общество пошло путём искренности и восхищения, живым путём изучения старины для ступеней будущего творчества.

Научаемся верить, что:

— Не знающий прошлого не может думать о будущем.

XXXIX

ИИАК. Прибавление к № 42: Хроника и библиография. № 20

СПб.: тип. ГУУ, 1911

"Археологическая хроника" составлена по газетам **за первую половину 1911**. Отдельная статья в разделе "Разные известия" сообщает об успехе **IV съезда русских зодчих**, на котором дважды выступал Н.К. Рерих.

Вяжищский монастырь. Изразцы в интерьере трапезной палаты (портал). Фото 1998

При съезде были открыты три выставки: 12-я художественно-архитектурная, на которой были выставлены планы-чертежи и модели наиболее выдающихся сооружений за последние 10 лет, выставка художественно-архитектурных фотографий, знакомившая с малоизвестными архитектурными памятниками[30], и строительно-художественная, отражавшая современные успехи техники и искусства в строительном деле. V съезд было предложено созвать в Москве.

1. Итоги IV съезда русских зодчих
(ЮТ. 14 января 1911. № 2855; ПВ. 18 января 1911. № 13)[31]

С 4-го по 12 января текущего года в Петербурге состоялся IV съезд русских зодчих, устроенный под почётным председательством ***Её Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны*** Санкт-Петербургским обществом архитекторов и обществом архитекторов-художников в Санкт-Петербурге. Председатели этих обществ, академики архитектуры ***И.С. Китнер*** и граф ***П.Ю. Сюзор,*** были товарищами Августейшего Почётного Председателя.

Съезд, собравший около 800 человек участников, рассмотрел свыше 100 докладов по разнообразным вопросам, причём главное внимание было уделено вопросам художественным и техническим; вопросы профессиональные играли значительно меньшую роль. Деловые заседания проходили по 4 отделам: художественному, техническо-строительному, техническо-санитарному и строительно-юридическому; вопросы общего характера, а также резолюции по докладам, прочтённым в отделах, рассматривались в соединённых заседаниях всех отделов.

Наибольший общий интерес представляли работы съезда по художественному отделу[32]; эти работы отметили, с одной стороны, то возрождение архитектуры как искусства, которое наблюдается в России за последнее время, а с другой — резко подчеркнули серьёзную необходимость внимательнейшего отношения к памятникам нашего старинного зодчества, зачастую отличающимся высокими художественными достоинствами и гибнущим от невнимания, невежества. Историю возрождения архитектуры, ставящей задачей «постройку украшения», а не «украшение постройки», рассказал в своём докладе господин ***Лукомский***, отметивший падение эклектизма и модернизма в архитектуре, господствовавших в ней до последнего времени; на смену им пришло новое направление, идущее от корней в старине, стремящееся стать национальным и обещающее дать богатый расцвет особенно там, где сохранились архитектурные памятники старины, — в Швеции, Германии, Финляндии. Безмерно богата этими памятниками и Россия, но их не знают и мало ценят. Доклады ***Рериха*** "Поиски старой Руси" и "Новгородские стены"[33] и ***Милеева*** "Деревянное строительство Севера" красноречиво говорили, как гибнет и расхищается великая сокровищница национального творчества, для сохранения которой бессильны немногие общества и кружки, создавшиеся за последнее десятилетие для охраны старины, не говоря уже об усилиях отдельных лиц. Дело охраны старины — всенародное дело, и на него должно быть обращено исключительное внимание. По мнению съезда, необходимо широкое распространение художественного об-

разования, проведение особого закона об охране художественных памятников, а ввиду того, что громадное большинство памятников старины — памятники церковные, желательно введение в духовных академиях и семинариях преподавания истории искусств и археологии. [...][34]

В разделе хроники, посвящённом **ОРСА ИРАО**, отдельной заметкой сообщалось о заседании **28 февраля 1911**, на котором Н.Е. Макаренко сделал сообщение о произведённых им совместно с Н.К. Рерихом раскопках в Новгороде Великом[35].

2. [О заседании Русского отделения ИРАО 28 февраля 1911]

(СПбВ. 2 марта 1911. № 48)

Прочитанные в заседании доклады указали на ту живую и энергичную деятельность, которую проявляет отделение по отношению к наиболее яркому и полному возрождению далёкого прошлого Великого Новгорода. Предстоящим летом Новгород впервые принимает у себя Всероссийский археологический съезд, и работы общества над новгородскими древностями являются, таким образом, одним из оснований для создания наибольшего успеха деятельности съезда. ***Н.Е. Макаренко*** сообщил о произведённых им при участии ***Н.К. Рериха*** раскопках в Новгороде летом 1910 года. Подвергнут был обследованию культурный слой Рюрикова Городища, где, по преданию, находилось первоначальное поселение новгородцев. При этом исследователями сделано любопытное наблюдение: с конца XVIII века, т. е. в течение лишь одного столетия, высокий берег городища, расположенного в 2 верстах от нынешнего города, ополз почти на 15 сажен. Находки в культурном слое принадлежат, по мнению А.А. Спицына, финнам и относятся к X веку нашей эры. На Городище обнаружены были остатки деревянного храма, погибшего, по-видимому, от пожара. Точно установить название этого храма не удалось. Летопись, однако, говорит о постройке на Городище деревянных церквей во имя святого Николы князьями Святославом и Ярославом. В 1201 году церковь Николы, по словам летописи, сгорела от грома. Возможно, что найденные остатки и есть следы сгоревшей церкви. Находка эта любопытна как указывающая план древней деревянной церкви, весьма сходный с планами каменных храмов XIII–XV столетий. Раскопки возле стен Новгородского Детинца дали сравнительно большое количество разнообразных находок, обнаруженных в различных видах культурного слоя, достигающего здесь до 8 аршин глубины. Траншея прорыта была в длину также на весьма значительное расстояние, около 12 метров. Находки заключались: в остатках гончарства с любопытным и своеобразным орнаментом, поделках из кости, дерева и меди. Вторым докладчиком выступил ***А.А. Спицын***. Сообщив о произведённых под его наблюдением раскопках в Новгородской области и основываясь исключительно на археологических изысканиях, докладчик высказал предположение, что славяне появились в Новгороде уже после появления здесь норманнов; вначале же поселения их находились на реке Ловати. Горячо

возражая против этого предположения, противоречащего показаниям летописи, профессор ***Ф.А. Браун*** указал при этом, что скандинавские саги говорят уже о Новгороде как о славянском поселении.

Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить приведённую выше заметку ещё одной публикацией об археологическом изучении древнего Новгорода.

3. Новые исследования памятников старины Великого Новгорода
Кто населял Новгород до призвания туда варягов
(НВ. 3 марта 1911. № 12562)

Происходившее 28 февраля заседание Русского Отделения Археологического Общества посвящено было почти исключительно докладам о результатах произведённых летом 1910 года раскопок и исследований новгородских древностей. Доклады сделаны были ***Н.Е. Макаренко*** "О раскопках в Новгороде летом 1910 года", ***А.А. Спицыным*** "О новейших раскопках и археологических открытиях в Новгородской области" и сопровождались оживлёнными прениями и демонстрированием фотографических снимков и предметов, собранных исследователями. Раскопки Н.Е. Макаренко совместно с известным художником-археологом ***Н.К. Рерихом*** производились в двух пунктах Новгорода: на месте Рюрикова Городища и в Кремле. На Городище в двух верстах от Новгорода обнаружен культурный слой, найдены глиняный сосуд древней формы, цепочка и ряд других мелких предметов. В 300 метрах от существующей каменной церкви найдены следы сгоревшего деревянного храма, дату постройки и гибели которого установить не удалось. Судя по данным летописи, можно предположить, что сгоревший храм есть церковь святого Николы, сгоревшая в начале XIII столетия.

Интересно сделанное докладчиком наблюдение, что с 1780 года Волхов подмыл возвышенный берег Городища на 15 сажен. В Кремле, при раскопках у башни Княжей, найден обширный материал черепков, полив, поделок из кости, дерева и меди. По мнению ***А.А. Спицына***, найденные древности относятся к X веку, ко времени до появления здесь норманнов и принадлежат древнейшим насельникам Новгорода — финнам. Доклад приват-доцента и первого лектора археологии Санкт-Петербургского университета А.А. Спицына содержал, с одной стороны, результаты археологических исследований, сделанных учениками его под его непосредственным руководством в Новгородском крае, с другой — основанную на археологических исследованиях Новгорода гипотезу о древнейших, до прихода норманнов, насельниках Новгорода. Докладчик полагает, что Новгород представлял первоначально финскую слободу. Славяне, привлечённые в этот счастливо одарённый рыбными богатствами озёрный край, колонизировались по Ловати, откуда и перекочевали в Новгород, уже после призвания туда варягов. Гипотеза вызвала оживлённые возражения со стороны профессора ***Ф.А. Брауна***.

В разделе хроники, посвящённом музеям и архивам, обращает на себя внимание заметка, содержащая информацию о завершении организационного периода в жизни **Музея Допетровского искусства и быта**. Существенным дополнением к этой заметке являются сообщения из хроники "Старых годов", принадлежащие перу Александра Ростиславова[36].

4. [Об утверждении устава Музея Допетровского искусства и быта]
(НВ. 11 марта 1911. № 12570)[37]

Министерством внутренних дел утверждён устав *Музея Допетровского искусства и быта*, учреждённого по инициативе художника ***Н.К. Рериха*** Петербургским обществом архитекторов. В основу музея будут положены предметы из раскопок в Новгороде, произведённых минувшим летом, а также коллекций, пожертвованных фон Мерсом из его южнорусских раскопок[38], и других жертвователей. Всеми делами вновь учреждённого музея заведует Комиссия под председательством Н.К. Рериха, состоящая из членов: почётного члена Академии Художеств П.Ю. Сюзора, князя М.С. Путятина, академика А.В. Щусева, княгини М.К. Тенишевой, академика В.А. Покровского и художника В.А. Плотникова.

5. А.А. Ростиславов. [Из хроники журнала "Старые годы"]
(СГ. Март 1911. № 3. С. 42. Декабрь 1911. № 12. С. 77)

[Март 1910]. Недавно в Обществе Архитекторов-Художников были сообщены годовые отчёты Комиссий музеев Старого Петербурга и до-Петровского искусства и быта. В собранные уже коллекции поступают всё новые пожертвования. В коллекциях музея до-Петровского искусства и быта находятся такие ценные пожертвования и приобретения, как коллекция фон Мерс, Н.К. Рериха, грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, пожертвованная госпожой Романовой, ещё три грамоты XVII в., интересные по виньеткам и богатым уцелевшим тканям, клад серебряных монет X–XI вв. и др. Сейчас музей не имеет помещения. Академиком Радловым было обещано помещение в общем музее Академии Наук, за что на одном из собраний Комиссии было постановлено принести ему благодарность (обстоятельство это занесено в протокол). Между тем оказалось, что вместо обещанной комнаты предлагаются всего два шкафа, в которых не может разместиться уже существующая коллекция. Очевидно, академик Радлов поторопился с обещанием, а Комиссия с благодарностью. Профессором Успенским было предложено устроить временно выставку всей коллекции музея в Москве, но на последнем собрании Комиссии, к сожалению, это предложение было отвергнуто большинством голосов. Предметы были бы, по крайней мере, бережно разложены, вместо того чтобы биться и портиться в ящиках.

[Декабрь 1911]. Коллекция музея до-Петровского искусства и быта размещена пока в одном из классов школы Общества Поощрения Художеств.

В разделе "Археологической хроники", посвящённом **Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины**, приведены две заметки, освещающие участие Н.К. Рериха в деятельности этого нового общества.

Как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, в 1910 Н.К. Рерих был выбран в Совет этого общества[39], а в апреле 1911 избран членом двух его комиссий — «по регистрации памятников Петербургской губернии» и «по реставрации Ферапонтова монастыря», навеки прославленного фресками Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира (1502–03)[40]. Заседания Совета часто проходили на квартире «товарища председателя общества, Свиты Его Величества генерал-майора» *Евгения Николаевича Волкова*[41], по адресу: Французская набережная, № 36[42]. Общие собрания членов общества проходили, как правило, в специально снятом для этого помещении по адресу: Воскресенский проспект, № 9. Здесь каждую пятницу организовывались чтения лекций, докладов и обсуждение разных вопросов по искусству и сохранению памятников. Как сообщал обозреватель "Аполлона"[43], чтение лекций «сопровождалось демонстрированием превосходных рисунков и чертежей». Общество затевало также устройство исторических спектаклей «в целях возбуждения интереса к сценическому искусству и восстановления возможно точнее старинных театральных постановок», готовило Всероссийский съезд художников в 1911 и многое другое.

6. [О докладах Н.Е. Макаренко и Н.К. Рериха на заседании ОЗСРПИС 29 апреля 1911] *(СПбВ. 1 мая 1911. № 96)*

29 апреля в обществе состоялись два интересных доклада — ***Н.Е. Макаренко*** и ***Н.К. Рериха***, взаимно как бы дополняющие друг друга. ***Н.Е. Макаренко*** рассказал о результатах раскопок, производившихся осенью 1910 года в Новгороде на средства, пожертвованные княгиней М.К. Тенишевой и военно-историческим обществом. На экране прошёл ряд световых картин, как с современных фотографий, снятых во время раскопок, так и со старинных гравюр и фотографий. Вот старинная гравюра Захарова, сопровождавшего в путешествиях по России Екатерину Великую, изображающая стены палат Меншикова, от которых теперь и следа не осталось, вот тоже со старинной гравюры и тоже ныне не существующий мост через Волхов, наведённый Аристотелем Фиораванти для стоявшего на Рюриковом Городище Ивана Грозного. Раскопки и начались именно с Рюрикова Городища. Здесь долгое время жили новгородские князья со своими семьями, и княжеские терема долго здесь существовали. Вероятно, дворец на Городище, подаренный Петром I Меншикову, и был одним из старых великокняжеских теремов. По исследовании бугра, действительно нашли основание небольшой деревянной сгоревшей церкви. Из древних церквей теперь сохранилась только одна Благовещенская, построенная в 1099 году Мстиславом Великим, сыном Мономаха. По сохранившемуся плану Городища 1780 года видно, что с той поры Волхов оторвал около 12 саженей высокого берега. Поэтому большинство зданий и предметов или унесены течением, или покоятся под водой. Перейдя затем в Новгородский кремль, исследователи избрали для длинной траншеи место между Кукуем и Княжой башней. Ниже наносного огородного слоя, очень близко от поверхности земли, уже начали показываться мелкие обломки всяких строительных материалов. Ниже второго аршина попадались

деревянные срубы; направлением на Кукуй обнаружился длинный помост из тёсаных брёвен, который сначала приняли за улицу, но при ближайшем рассмотрении пришли к заключению, что это пол-избы, так как никаких следов копыт или колёс не было видно. Попадается какой-то маленький квадратный срубик в полтора аршина всего ширины. Попадаются гребни, ложка, иглы, ножи, кадушки и даже... сапоги. Так слой за слоем, наконец, на 7-м аршине исследователи докопались до материка. Разрез траншеи представлял чрезвычайно любопытную картину многовековых культурных напластований. Древний Новгород невредимо сохранился до нашего времени. Но тут пришлось прекратить работы, так как средства иссякли. Это досадное препятствие и натолкнуло другого докладчика и участника новгородских раскопок ***Н.К. Рериха*** на мысль о необходимости более твёрдой материальной почвы, без которой успешная деятельность невозможна, и в своём сообщении он предлагал обществу организовать или всероссийскую подписку, или, испросив соответствующее правительственное разрешение, объявить всероссийскую лотерею. Предложение принято сочувственно, но, ввиду конца сезона, осуществление решено отложить до осени. Пока же доклады Н.К. Рериха и Н.Е. Макаренко будут отпечатаны в возможно большом количестве экземпляров и разосланы по всей России: в учебные заведения, археологические комиссии и все вообще культурные учреждения, чтобы пробудить в населении внимание и интерес к деятельности и целям общества и подготовить таким образом почву для будущего.

7. [О выступлениях Н.К. Рериха на заседании ОЗСРПИС 29 апреля 1911]

(Речь. 3 мая 1911. № 119)[44]

Н.К. Рерих прочитал доклад на тему "Средство к поискам древней Руси". Доклад этот был прочитан на состоявшемся недавно всероссийском съезде зодчих, где он вызвал оживлённые прения. Сущность доклада сводится к следующему. Необходимо подумать о средствах для сохранения старины. Теоретические исследования и добрые пожелания мало помогают в этом отношении. Пока занимаются такими "делами", ценные коллекции уходят за границу, рушатся старинные церкви, стены и мечети, бесследно исчезают замечательные памятники старины. Следует создать фонд древней Руси, который послужил бы источником расходов по сохранению и отысканию древних памятников. В целях создания такого фонда должны объединиться все художественные, исторические, археологические и другие общества. Средства же можно получить путём всероссийской подписки, всероссийского однодневного церковного сбора и всероссийской лотереи.

Собрание отнеслось к докладу сочувственно. Было указано, что церковный сбор мог бы дать около 50 тысяч рублей. Сомнительно только, разрешит ли синод такой сбор. Кроме того, синод, вероятно, пожелает, чтобы полученные таким путём деньги поступили в пользу епархиальных обществ. Можно далее сомневаться, разрешит ли министерство финансов частному обществу устроить

всероссийскую лотерею. Тем не менее совет общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины согласился принять меры к тому, чтобы осуществить предложения Н.К. Рериха. В целях агитации и пропаганды идеи фонда древней Руси, совет общества предполагает отпечатать доклад Н.К. Рериха и распространить его по всей России.

В начале заседания Н.К. Рерих произнёс краткую речь, посвящённую памяти скончавшегося недавно в Пскове ***Ф.М. Плюшкина***. Фёдор Михайлович потратил 45 лет своей жизни на собирание выдающихся коллекций русской старины. Коллекции покойного представляют большую научную ценность. Перед смертью Фёдор Михайлович выразил пожелание, чтобы его коллекции по возможности остались в России. Н.К. Рерих предложил совету общества принять меры к осуществлению воли покойного. Память Ф.М. Плюшкина собрание почтило вставанием.

В дополнение к этим двум заметкам приведём ещё одну на эту же тему. В обзоре ИАК она отмечена не была, но оказалась в поле зрения П.Ф. Беликова, крупнейшего рериховеда XX столетия. Приводится по копии из его архива.

8. Искусство и художники. К отлёту художников
(ПГ. 30 апреля 1911)

Академик ***Н.К. Рерих*** часть лета проведёт за границей и после строгого курса лечения печени приедет прямо в Талашкино для наблюдения за живописными работами по его эскизам Тенишевской церкви.

29 апреля в помещении школы Императорского Общества поощрения художеств состоялось многолюдное общее собрание общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины под председательством Свиты Его Величества генерал-майора ***Е.Н. Волкова***.

При открытии собрания, по предложению академика Н.К. Рериха, была почтена вставанием память умершего псковского коллекционера ***Ф.М. Плюшкина***, затем ***Н.К. Рерих*** сделал доклад "О средствах к поискам древней Руси"; докладчик образно обрисовал значение и положение русских памятников старины и предложил посредством всероссийской подписки и лотереи образовать "Фонд древней Руси". Предложение докладчика было принято с большим сочувствием и передано для детальной разработки в совет общества. В следующем докладе "Об исследовании Новгородского Кремля" ***Н.К. Рерих*** сделал вступление, а ***Н.Е. Макаренко*** подробно изложил о произведённых работах, обнаруживших последовательные культурные слои Кремля начиная с X века. Культурный слой дошёл до 7 аршин толщины. В последовавших прениях приняли участие ***Е.Н. Волков***, ***князь А.[В.] Оболенский***, ***И.Б. Михайловский***, ***Л.Н. Целепи*** и другие. При докладе были выставлены предметы из новгородских раскопок.

Николай Константинович не только говорил, но и писал **о псковском собрании Ф.М. Плюшкина** ещё при жизни собирателя[45]. Последующие события только подтвердили все предчувствия и волнения Рериха.

Сообщения о перипетиях с коллекцией появлялись в газетах и, как следствие, в обзорах ИАК — выпусках "Хроники и библиографии"[46]. В конечном итоге призывы ревнителей старины были услышаны, и государство приобрело коллекцию за 100 000 рублей. Одна её часть к 17 декабря 1913 была перевезена в Петербург, где образовались две особые комиссии — по приёмке коллекции (председатель А.А. Миллер) и по рассортировке её в музеи (председатель граф А.А. Бобринской)[47]. Другая часть осталась во Пскове и 17 мая 1915 официально перешла к Псковскому археологическому обществу[48]. О том, что мог говорить Рерих в связи с собраниями Ф.М. Плюшкина, ясно из следующего "записного листка художника", относящегося к 1908.

9. Записные листки Н.К. Рериха. Неблагополучности
(Слово. 16 августа 1908)

Во Пскове[49] сейчас — две неблагополучности.

Первая: погибает знаменитая стенопись Мирожского монастыря. Вторая: Ф.М. Плюшкину предлагают продать его собрания за границу.

Стенопись собора в Мирожском монастыре отваливается хлопьями. При самом лёгком прикосновении отскакивают большие куски живописи.

Виновата, конечно, сырость. Но почему её не устранили во время недавней "реставрации" храма? Наконец, почему целые долгие века сырость щадила фрески?

Изменились ли какие-нибудь условия храма? Изменилось ли отношение? Переделаны ли фундаменты? Является целый ряд вопросов. Но самый важный из них: как спасти живописные части, которым ещё не угрожает разрушение?

После последней реставрации времени прошло слишком мало, а последствия вышли слишком большие. От старого Пскова остаётся очень мало памятников. После второй реставрации не придётся ли вычеркнуть Мирожский храм навсегда из числа примечательностей?

Во Пскове был П. Покрышкин; конечно, он поторопился сделать для храма что-нибудь полезное и в художественном отношении обойдётся с этим памятником лучше, нежели с Нередицким Спасом. Хотя уже трудно сейчас исправить случившееся, но следует всеми силами сохранить единственные фрески древнего Пскова[50].

Надо сохранить для России и собрания Плюшкина. Не буду перечислять ценность этих коллекций; людям, близким художественной старине, известно, что собрал Ф.М. Плюшкин за 30 лет собирательства. Вспомним редчайшие монеты: псковские, удельные, петровские, екатерининские. Вспомним масонский отдел собраний: ордена, ассигнации, ритуальные предметы. Прекрасны экземпляры народных уборов всего Псковского края. Любопытны серебряные вещи из Изборских кладов. Миниатюры часто исторического значения и в особенности для местного округа; гравюры; лубочные картины; фарфор подчас очень интересных марок. Наконец, священные предметы, курганные находки... Несколько дней необходимо, чтобы подробно смотреть всё собранное 30-летним

упорным трудом. И, конечно, наш старейший край сносил свои достопримечательности под одну кровлю не для того, чтобы материалы жизни Пскова разлетелись по далёким иностранным музеям.

Мы уже допустили вывоз многих ценных русских собраний... Повторять ли, что с каждым днём такое допущение становится непростительнее?

Какие могут быть возражения против собраний Плюшкина? Самое ближайшее возражение — это то, что наряду с предметами первоклассного значения комнаты собирателя заставлены вещами ненужными. Но не следует забывать, что собирательство Плюшкина представляет известную летопись жизни Пскова. Плюшкин принял совершенно верный принцип областного коллекционера. Он принимает всё, что ему приносят. И только в силу этого принципа к Фёдору Михайловичу несут "всё", и ценности также не минуют его рук.

Собрания Плюшкина должно взять правительство. Должно сохранить их твёрдо и прочно. Большой вопрос: куда ближе могут пойти эти предметы — в столицу ли или должны остаться во Пскове как основание настоящего обла-

Церковь святого Сергия "с Залужья" во Пскове. XIV в. Восточная сторона. Фото в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 3. С. 285

стного музея? Это можно решить в будущем.

Теперь же необходимо правительству получить собрания Плюшкина. Что отложено, то потеряно. А что увезено навсегда за границу, то будет вечным стыдом для России.

Псковским бедам надо помочь.

Тему сотрудничества Н.К. Рериха с Императорским Московским Археологическим институтом продолжает газетная публикация в разделе "Археологической хроники", посвящённом деятельности **ИМАИ**. Её дополняет ещё одна заметка, не отмеченная в обзоре ИАК. Приводится здесь по копии из архива П.Ф. Беликова.

Входная дверь в доме Сутоцкого во Пскове XVII в. Фото в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16 № 3. С. 293

10. [Из деятельности Московского Археологического института] *(РС. 25 февраля 1911. № 45)*[51]

Почётный член Московского археологического института художник ***Н.К. Рерих*** предложил институту устроить выставку его богатейшей в России коллекции орудий каменного века[52]. Н.К. Рерих первый из русских художников стал изучать эти орудия с художественной точки зрения. Ему удалось среди многих каменных изделий найти интересные изображения разных животных или же примитивный орнамент. Н.К. Рерих сообщил также институту о том, что он пишет для нового здания института картину исторического содержания. Для того же здания художник ***В.М. Васнецов*** пожертвовал свой эскиз "Спасителя", предназначавшийся им первоначально для храма святого Владимира в Киеве. К постройке собственного здания институт намерен приступить весной текущего года. Проект постройки уже выработан. Здание будет состоять из 3 корпусов: для аудиторий, для музея, архива и библиотеки и для квартир профессоров и служащих. В корпусе для аудиторий будет построена церковь. Отведённое городской управой место под постройку института находится на Мисусской площади, против места, предназначенного под постройку храма в память 19 февраля.

11. Выставка Н.К. Рериха *(УР. 25 февраля 1911. № 45)*

Известный художник ***Н.К. Рерих*** устраивает в скором времени в Москве интересную выставку из предметов своей богатейшей коллекции орудий

каменного века. Н.К. Рерих первый из русских учёных изучал орудия с художественной точки зрения и даже нашёл весьма интересные изображения различных животных, а также очень примитивную орнаментику. Выставка откроется в начале весны в здании археологического института.

Далее "Археологическая хроника" повествует о событии, активным участником которого был Рерих[53].

12. Передача музея княгини Тенишевой ИМАИ 30 мая 1911

(НВ. 8 июня 1911. № 12656)[54]

30 мая в Смоленске в Дворянском собрании состоялось торжество передачи княгинею ***Марией Клавдиевной Тенишевой*** своего историко-этнографического музея, стоящего свыше миллиона рублей, Московскому археологическому институту при условии, чтобы музей на вечные времена оставался в древнем Смоленске. При передаче музея княгиня Тенишева поднесла директору института ***А.И. Успенскому*** особое блюдо, сделанное в Париже из красной меди, покрытое золотом, со следующей надписью: *«Московскому археологическому институту. Придите, владейте, мудрые! Влагаю дар мой в руце ваша. Блюдите скрыню сию, и да пребудут во веки сокровища её во граде Смоленске на служение народу русскому. Блюдо сие построила трудами своими княгиня Мария Тенишева в лето 1911»*.

На торжестве присутствовали: попечитель института бывший министр народного просвещения В.Г. Глазов, попечитель Московского учебного округа А.А. Тихомиров, директор и профессора института, жертвовательницы княгини М.К. Тенишева и Е.К. Святополк-Четвертинская, епископ Феодосий, власти, представители города и земства с губернатором Н.И. Суковкиным во главе. Публики была масса.

Перед молебном ***владыка Феодосий*** сказал краткую речь, в которой, между прочим, указал, что для того, чтобы оценить миллионный дар княгини, нужно ещё знать, каких громадных трудов и энергии стоило его собирание, какими неприятностями сопровождалось его приобретение. После молебна ***генерал Глазов*** передал профессорам и слушателям привет почётного попечителя археологического института ***Великого Князя Александра Михайловича*** и объявил, что совет института постановил: в честь княгинь ***М.К. Тенишевой*** и ***Е.К. Святополк-Четвертинской*** выбить золотую медаль с их изображением как слабый знак той великой благодарности и признательности, которыми преисполнен совет института к жертвовательницам, и поставить портреты их в институте, его отделениях в Смоленске и Калуге и в самом музее. Кроме этого, совет избрал княгиню Тенишеву пожизненным почётным членом.

Директор института в своей пространной речи, между прочим, указал, что институт получает в пожизненное владение богатый, роскошный музей, а равно и участок земли под зданием института, пожертвованный княгиней Е.К. Свято-

полк-Четвертинской. Если музей есть гордость Смоленска, закончил свою речь господин Успенский, женщина, проявившая такую любовь к просвещению, — есть гордость всей России.

Далее говорили: попечитель Московского учебного округа господин Тихомиров, губернский предводитель дворянства князь ***Урусов*** и профессора.

Городская дума со своей стороны избрала княгиню Тенишеву почётной гражданкой города Смоленска, решила поставить портрет её в зале думы, назвать часть Рославльского шоссе, идущего от знаменитых при бое в 1812 году Молоховских ворот до музея, Тенишевским и поднести адрес.

В музее числится около 8000 экземпляров, из коих некоторые составляют исключительную редкость. Пожизненным председателем совета музея будет княгиня М.К. Тенишева.

ПРИМЕЧАНИЯ К № XXXVIII, XXXIX

[1] Интересные сведения об этом заседании сообщила *Л.К. Маковская*. См. в наст. изд., разд. II, приложение к № 141, примеч.

[2] Публ. в сокращении.

[3] Составитель "Археологической хроники" предлагает доп. это сведение ещё публ.: *SPbH*. 23 июля 1910. № 1910.

[4] Очевидная несообразность. Здесь смешаны два музея: Допетровского искусства и быта и Этнографии и антропологии императора Петра Великого (Кунсткамера), директором к-рого был В.В. Радлов. По приглашению В.В. Радлова часть коллекций первого музея временно предполагалось разместить во втором, что, очевидно, и запутало автора заметки.

[5] Составитель "Археологической хроники" предлагает доп. этот материал ещё публ.: *НВ*. 1 августа 1910. № 12351 (см. в разд. II, приложение к № 132); *СПбВ*. 4 августа 1910. № 174; *Штандарт*. 6 августа 1910. № 78; *БВ*. 8 июля 1910. № 11804; *РС*. 8 августа 1910. № 176; *НВ*. 22 июля 1910. № 12341.

[6] Строки поэта *Э.И. Губера* как резюме событий 1477–78, когда пала Новгородская республика:

Время пролетело,
Слава отжита;
Вече онемело —
Сила отнята.
Город воли дикой,
Город буйных сил —
Новгород Великий
Тихо опочил.

(Цитируется по изд.: *Варенцов В.А., Коваленко Г.М.*, 1991. С. 4).

[7] Публ. в сокращении. О реставрационных работах в Смоленском кафедральном соборе см. в *ИИАК*: 1. № 36. (*ВР*. № 6). 1910. С. 53; 2. № 55. (*ВР*. № 14). 1914. С. 124–127.

[8] По данным ИАК, Смоленский собор построен в 1677–1740, его иконостас в 1772.

[9] В архиве А.В. Руманова сохранился автограф Н.К. Рериха, видимо, информация для газеты *РС*, где работал Руманов: «Совет Профессоров Московского Археологического

Института в заседании 23 Декабря [1910] единогласно избрал академика Н.К. Рериха Почётным Членом Института во внимание к его заслугам в области искусства и археологии» (РГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, № 546, л. 33). Офиц. сообщение об этом в печати: *Отчёт о состоянии Императорского Московского Археологического Института им. Императора Николая II в 1912–13 академическом году.* М., 1914.

[10] С. 32–33 хроники.

[11] См.: *Голубева О.Д.*, 1991. С. 154. В наст. изд. текст данной надписи см.: разд. II, примеч. к № 66.

[12] Сообщения о выступлениях Н.К. Рериха на IV съезде русских зодчих см. ниже.

[13] *Зодчий.* 1911. № 4. С. 29.

[14] *Звенигородский Александр Викторович* — издатель, коллекционер.

[15] Имеется в виду **ОЗСРПИС**. См. об участии Рериха в работе этого об-ва: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 162–164, 178–181; *Мельников В.Л.*, 1998а. № 2 (10). С. 2. В наст. изд. см.: разд. II, № 149; разд. III, № XXXIX, XL, XLI, XLV, XLVIII, LII.

[16] Блестящий очерк о работах *Адриана Викторовича Прахова* (в т. ч. о работах в Киеве) см.: *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 132–137, 162 и др. Сохранились 2 письма Н.К. Рериха А.В. Прахову (1 марта 1904 и 25 апреля 1906): СР ГРМ, ф. 139, № 775.

[17] Рерих откликнулся на эти проблемы кратким "записным листком художника": **"Церковь Ильи Пророка в Ярославле"** [1912]. Приведём его текст полностью.

«Любящий и знающий искусство человек только что пишет мне:

— Нужно написать что-либо по поводу опасности разрушения, грозящего церкви Ильи Пророка в Ярославле. Неужели и этот памятник погибнет?

Новых сведений о несчастьях церкви Ильи Пророка у меня нет, но то состояние, в каком я видел храм два года назад, вызвало серьёзные опасения. Если же за это время трещины в сводах не остановились, то недолго и до серьёзного разрушения.

В недавнее время сильно пострадали две выдающиеся церкви Ярославля — Николы Мокрого и Ивана Предтечи. У Николы выкрасили жёлтой масляной краской чудесную белую с зелёными изразцами колокольню. Неслыханное безобразие! Церковь Ивана Предтечи внутри *промыли*; чистили так свирепо, что снесли все нежные налёты красок. Навсегда пропал чудный лазоревый фон и матово-золотистая охра.

Не верю, чтобы после двух обидных недосмотров (выражаясь мягко) и третьему замечательному памятнику Ярославля грозила бы беда разрушения или смывки.

Деньги на поддержание церкви Ильи Пророка должны найтись в изобилии; ведь не оскудел ещё Ярославль богатыми людьми. Самое исполнение работ должно быть безотлагательно поручено знающим и понимающим красоту старины людям. Не жестоким старателям и не холодным чиновникам. Теперь с каждым годом всё пристальнее следят за памятниками старины тысячи любящих глаз.

Церковь Ильи Пророка не должна погибнуть. Прекрасные стены в теплых радостных красках, затканные чудесной живописью, должны стоять. Мы должны знать, что глупое тёмное время, когда расхищались, разрушались народные сокровища, ушло навсегда.

Ярославцы не осрамятся, не забудут про Илью Пророка»

(*Рерих Н.К.*, 1914. С. 187–188).

[18] *Рерих Н.К.*, 1914. С. 207–219.

[19] В *РС* напечатано — «в кручах».

[20] Имеется в виду разряд военной археологии и археографии ИРВИО.

[21] Рерих имеет в виду прежде всего мнение Спицына (см. в разд. II, № 84).

[22] В *РС* этот абзац заканчивался ещё одним предложением: «Чем глубже, тем дерево становится всё тверже, и сквозь черноту земли, лопатою, сквозит светлое тело бревна» — в дальнейшем оно было опущено.

[23] *Морган Пирпонт* происходит из могущественной финансовой группы США, сформировавшейся в конце XIX в. В сфере влияния Морганов банковское дело, обрабатывающая промышленность, ж.-д. транспорт.

[24] «Раньше», т. е. в 1909–10. Эти слова Рерих вставил в текст 1912–13.

[25] Фрагмент текста со слов «Конечно, для этого нужны крупные деньги...» и до слов «...великой взаимопомогающей Ганзы» появился лишь в "Собрании сочинений" (1914). *Ганза* (нем. Hanse) — торговый и политический союз северо-немецких городов в XIV (окончательное оформление) — XVI вв. (формально до 1669) во главе с Любеком. Ганзе, осуществлявшей посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой, принадлежала торговая гегемония в Северной Европе. В Ганзу входило до 100 городов, в т. ч. Ревель (Таллинн), Дерпт (Тарту), Рига и др. С конца XV в. начался упадок Ганзы. (*БЭС*. 1998. С. 250).

[26] Этот абзац несколько отличается от изд. в *РС*. Например, первоначально была более ранняя датировка — XII–XIII и слой указывался толще.

[27] Отрывок со слов «Уже кончаем пятый аршин...» и до сих пор появился лишь в "Собрании сочинений" (1914).

[28] Об изразцах Вяжищского монастыря см. в наст. изд., разд. II, № 114 (с примеч.).

[29] Имеется в виду ОЗСРПИС.

[30] О выставке художественно-архитектурных фотографий, открытой в ИАХ, в этом вып. *ИИАК* сообщала отд. заметка (с. 79–80). Хотя в ней ни слова не сказано о Рерихах, по косвенным данным можно предполагать участие в этой выставке Елены Ивановны Рерих, Б.К. Рериха и, может быть, самого Н.К. Рериха.

[31] Публ. без окончания, к-рое дано в кратком изложении ниже. Составитель "Археологической хроники" предлагает доп. этот материал ещё публ.: *СПбВ*. 9 и 12 января 1911. № 6 и 8; *РУ*. 11 января 1911. № 7; *РС*. 8 января 1911. № 5; *ВСПбГ*. 9 января 1911. № 6; *ПЛ*. 5 января 1911. № 4; *РМ*. 14 января 1911. № 1036; *НВ*. 9, 11 и 12 января 1911. № 12510, 12512, 12513.

[32] Хроникёр *СГ* выразил эту мысль более ясно, указав конкретные доклады, вызвавшие наибольший интерес: «Наиболее оригинальны и, может быть, в случае осуществления, важны по своим последствиям были предложения в докладах Н.К. Рериха и Г.К. Лукомского: учредить "фонд древней Руси" путём церковных сборов, всероссийской подписки, лотерей (правда, по замечанию одного из присутствующих, это предложение скорее "вопль отчаяния") и сохранить памятники путём их популяризирования и финансового использования, сделав возможным широкое ознакомление с ними при помощи устройства осведомительных бюро, особых изданий путеводителей, особых железнодорожных тарифов для туристов» (*СГ*. Февраль 1911. № 2. С. 60).

[33] Текст доклада "Новгородские стены" см. ниже, № XL (3).

[34] Далее в статье сообщалось о других докладах — Лукомского, Милеева, Аплаксина, Карповича, Лялевича, Курбатова, Ваулина, Баумгартена, Пясецкого, Эйснера.

[35] См. публ. протокола этого заседания в наст. изд., разд. II, приложение к № 141.

[36] Частично они уже приводились: разд. II, приложение к № 141.

[37] Составитель "Археологической хроники" предлагает доп. этот материал ещё публ.: *Речь*. 1 и 4 марта 1911. № 58, 61; *СПбВ*. 12 марта 1911. № 57; *ПВ*. 4 марта 1911. № 50. В первом случае это заметка, значимость к-рой трудно переоценить, ибо она содержит уникальные сведения об экспонатах, прошедших через руки Рериха: «В отчётный [1910] год в Музей Допетровского искусства и быта поступило очень много пожертвований. Особого внимания заслуживает коллекция предметов XIII–XIV веков (около 200 номеров), принесённых в дар Н. и К. фон Мерс. Коллекция эта состоит из бронзовых и серебряных браслетов, серёг, пряжек, цепочек и разных украшений, найденных на Кавказе. Н.К. Рерих пожертвовал интересную коллекцию серебряных, бронзовых, медных и каменных предметов, относящихся к XI–XVII вв., найденных в Новгороде. От госпожи Романовой поступила грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, выданная в 1680 году Борисову на различные угодья. На грамоте прекрасная заглавная виньетка, белая государственная печать на золотом шнурке и шёлковая ткань. Среди приобретений одним из лучших является клад серебряных монет X–XI века. Главную особенность этого клада составляет продолговатая серебряная чашечка с позолоченным орнаментальным краем, найденная вместе с монетами. Она относится к XI веку и носит восточный характер. Монеты и чашечка составляют часть клада, найденного близ Новгорода и поступившего два года назад в Эрмитаж. Другим, не менее ценным приобретением являются три грамоты XVII века. Помимо чисто исторического значения, они весьма любопытны и со стороны истории искусств своими пышными виньетками, печатями и богатыми узорными шёлковыми тканями».

[38] По данным ИАК, дворянину К.А. фон Мерсу в 1910 был выдан открытый л. на Кубанскую обл. В *ОИАК за 1909–10 годы* отмечено: «раскопок не производил» (с. 236, 246); указано дело № 63/1910 в архиве ИАК, где собраны все данные.

[39] РА ИИМК, ф. 68, оп. I, № 53, л. 26.

[40] *Там же*, л. 2–3 об.

[41] Письма Е.Н. Волкова Н.К. Рериху хранятся в ОР ГТГ, ф. 44, № 673, 674. Письмо Рериха Е.Н. Волкову (15 февраля 1917) опубликовано: *Рерих Н.К.*, 1998. С. 164–166 (с приложениями).

[42] Например, 14 мая 1910 на его квартире состоялось собрание председателей всех комиссий Об-ва совместно с Советом. На это собрание был приглашен и Н.К. Рерих (РА ИИМК, ф. 68, оп. I, № 53, л. 11).

[43] *Аполлон*. Декабрь 1910. № 12. С. 23.

[44] Составитель "Археологической хроники" предлагает доп. этот материал ещё публ.: *НВ*. 5 мая 1911. № 12622; *Речь*. 29 апреля 1911. № 115. 8 мая 1911. № 124.

[45] См., например, его листок *"Памятник святой Ольге"* (1909) в наст. изд., разд. III, № XXXV (3).

[46] См. в *ИИАК*: 1. *Меньшиков М.* Плюшкинский музей. // Приб. к № 26. (*ХБ*. № 13). 1908. С. 15–19; 2. *Продаётся музей Ф.М. Плюшкина во Пскове*. (И др. материалы). // Приб. к № 48. (*ХБ*. № 23). 1913. С. 90–93. 3. О поступлении части музея Ф.М. Плюшкина в рукописное отделение БАН. // Приб. к № 58. (*ХБ*. № 28). 1915. С. 45.

[47] *ИИАК*. Приб. к № 52. (*ХБ*. № 25). 1914. С. 60–61.

[48] *ИИАК*. Приб. к № 59. (*ХБ*. № 29). 1916. С. 18.

[49] *Псков* известен с 903, с 1348 центр Псковской республики, с 1510 в составе Русского государства. В городе соборы Мирожского (до 1156), Ивановского (до 1243), Снетогорского (1310) монастырей; живописные приходские церк.: Василия с Горки (1413), Косьмы

и Дамиана с Примостья (1463), Георгия со Взвода (1494); каменные палаты Поганкиных (до 1645). (*БЭС*. 1998. С. 975).

[50] О состоянии фресок Спасо-Мирожского монастыря см. в *ИИАК*: 1. № 26. (*ВР*. № 1). 1908. С. 76–86; 2. № 28. (*ВР*. № 2). 1908. С. 78–79; 3. № 31. (*ВР*. № 3). 1909. С. 1–4; 4. *Лазаревский И.* Гибель живописи Спасо-Мирожского монастыря. // Приб. к № 56. (*ХБ*. № 26). 1914. С. 113, 114; 5. *Тарасенков Н.* Спасо-Мирожский монастырь. // Приб. к № 66. (*ХБ*. № 32). 1918. С. 34, 35.

[51] Приводится в сокр.

[52] Видимо, к этому же событию относится автограф Н.К. Рериха из архива сотрудника *РС* А.В. Руманова — информация для газеты: «Коллекция каменного века (неолит и частично палеолит) до 15 000 экземпляров каменных поделок и образцов гончарства. Часть коллекции вызвала лучшие отзывы на одном из международных конгрессов со стороны французских учёных: Мортилье, Картальяка, Ривиер де Прекура, Капитана. Коллекция — из разных местностей России и иностранные образцы» (РГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, № 546, л. 34).

[53] О его участии см.: *Журавлёва Л. С.*, 1994. С. 257 (помещена фотография участников торжества, Н.К. Рерих второй слева). Кроме этого см. в наст. изд., разд. II, № 149 (с примеч.).

[54] Составитель "Археологической хроники" предлагает доп. этот материал ещё откликом: *СПбВ*. 9 июня 1911. № 126.

1912

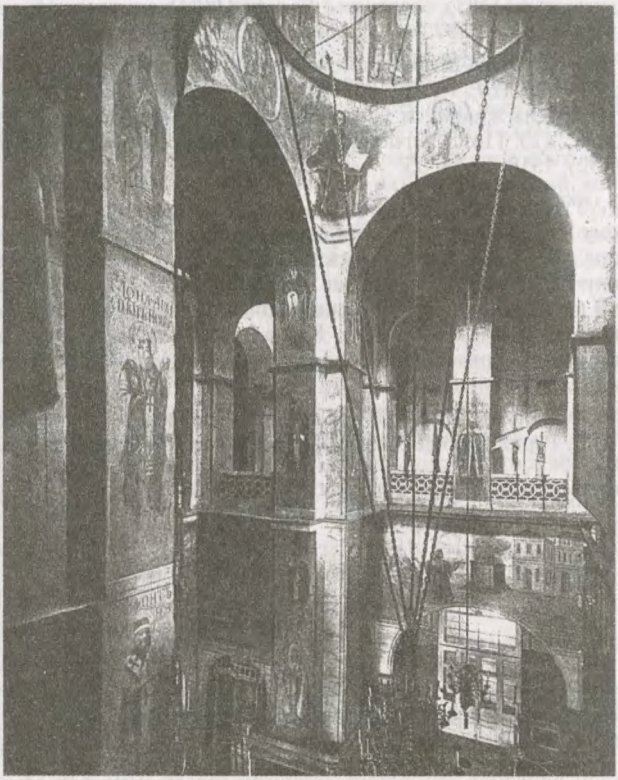
XL
ИИАК. Прибавление к № 44: Хроника и библиография. № 21.
СПб.: тип. ГУУ, 1912

"Археологическая хроника" составлена по газетам за вторую половину 1911. В разделе "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках" помещена нижеследующая заметка.

1. Ценная находка *(СВ. 6 августа 1911. № 173)*

В городе циркулируют слухи, что на днях в музей княгини Тенишевой была доставлена картина чрезвычайной ценности. Картина была доставлена в ужасно загрязнённом виде. Когда картину очистили, она произвела настолько сильное впечатление, что художники Рерих и другие не могли оторвать от неё глаз. Полотну, как устанавливают художники, около 300 лет. Картину приписывают знаменитому художнику Мурильо[1]. Она изображает младенца Спасителя на руках Симеона Богоприимца. По слухам, картина будет отправлена в Эрмитаж.

В "Обзоре повременных изданий, выходящих в России, за вторую половину 1911 года" отмечена статья **Вл. Лукомского** *"XV Археологический съезд в Новгороде"*. В ней упомянут доклад Н.К. Рериха, специально подготовленный для съезда. По неизвестным



Софийский собор в Новгородском детинце. 1045–50. Своды
Снимок И.Ф. Барщевского в изд.: *Грабарь И.Э., 1909–15. № 1. С. 166*
Фото до реставрации

причинам Рерих не стал выступать с докладом, хотя на съезде присутствовал в качестве делегата от ИРВИО[2].
В архиве НОЛД сохранились сведения о том, где Николай Константинович проживал в Новгороде в то время. В числе 69 «членов XV Археологического Съезда», размещённых в духовном училище, названы: Н.И. Веселовский, Н.К. Рерих, Л.Н. Целепи, М.П. и И.И. Юргенсоны[3]. Первое общее заседание съезда состоялось **21 июля 1911**[4].
Здесь мы приводим сокращённый текст этой статьи.

2. Вл. Лукомский. XV Археологический съезд в Новгороде
(СГ. Июль–сентябрь 1911. № 7–9. С. 192–200)[5]

В нынешнем году Археологический Съезд, уже пятнадцатый по счету, состоялся в Новгороде с 22 июля по 4 августа.

Никто не будет отрицать значение этих съездов. Регулярно созываемые, через каждое трёхлетие, они трудами своими хоть несколько будят интерес к родной старине, содействуя охране её и оставляя после себя значительный материал.

Деятельность Новгородского Съезда, как и предыдущих, сводилась, таким образом, к обозрению и изучению памятников местной старины и искусства путём устройства особых экскурсий и представления рефератов на темы, по преимуществу касавшиеся древностей Великого Новгорода.

А их у Новгорода не мало. И, прежде всего, всем известная София, самая древняя и заветная святыня новгородцев, основанная в 1045 году князем новгородским Владимиром Ярославичем. К сожалению, собор реставрирован был в 90-х годах прошлого века и реставрирован неудачно, вследствие чего подлинной старины осталось немного и новая живопись, покрывшая почти всю внутренность храма, возмущает глаз при сравнении с величественною иконописью древнейшего времени, сохранившейся, например, в куполе собора, в образе Всемилостивого Спаса. Обозрением Святой Софии и её ризницы руководил профессор ***Н.В. Покровский***, причём особое внимание уделено было: Иерусалимам или Сионам, работы русских мастеров XII–XIII вв., реликварию, ковчежцу для хранения мощей VIII–IX вв., [ки]ворию византийской работы XI в., кратирам, панагиару, ладоницам и другим редчайшим церковным древностям.

Совершенно на иных основаниях, под наблюдением лиц, знающих и чутких к прекрасному, производится в настоящее время, на средства Новгородского общества любителей древностей, открытие фресок церкви во имя святого Феодора Стратилата, построенной в 1360 году. Члены съезда подробно ознакомлены были на месте с производившимися работами, при этом ***А.И. Анисимовым*** даны были ценные объяснения.

С древнейшими гражданскими сооружениями Новгорода — кремлём, его стенами и башнями — знакомил ***М.В. Муравьёв***, а с топографией Торговой стороны — ***П.Л. Гусев***.

Совершены были поездки и в окрестности. Осмотрена была церковь Спаса Нередицы, построенная в 1198 году князем Ярославом Владимировичем, и её коснулась реставрация, произведённая в 1903–1904 годах П.П. Покрышкиным, однако настенные фрески конца XII в. удалось сохранить в неприкосновенности. Далее Юрьев монастырь, основанный в 1030 году. В XIX веке он заново был перестроен на средства графини А.А. Орловой и возведена колокольня по проекту Росси. Монастырь оставляет неизгладимое впечатление от строгой красоты своих форм, удивительных золотых куполов, отражающих в себе, как в зеркале, весь живописный Новгород, от богатейшей соборной ризницы... В последней, наполненной священными предметами, усыпанными драгоценными камнями, находится, между прочим, старинная итальянская Мадонна с изображением на раме двух гербов, по которым, быть может, удастся сделать некоторые выводы; здесь же хранится немало вещей, принадлежавших лично графине Орловой, как то: миниатюры, ювелирные изделия и т. п., а также щедрые

подарки её архимандриту Фотию. Наиболее ценные монастырские сокровища малодоступны и сберегаются в соборном куполе.

В последующие экскурсии осмотрены были монастыри Антониев и Хутынский. Первый заложен был в 1119 году, однако значительно искажён позднейшими пристройками, в нём сохранились древности, принадлежавшие, по преданию, преподобному Антонию Римлянину. Монастырь преподобного Варлаама Хутынского, хотя и основан также в XII в., но в настоящем виде существует только с 1515 года, хотя и в последующей своей истории очень пострадал от пожара в 1540 году, а в 1611 году был разграблен шведами и Понтус де ла Гарди расположил в нём свою главную квартиру; позднее к собору пристроены были два придела, из которых в северном погребён Державин. Расположен Хутынский монастырь на высоком берегу Волхова очень живописно, и тем более жалко, что, облицованный цветными узорными изразцами, он весь грубо замазан белилами.

Уже после закрытия съезда состоялась поездка во Псков.

Переходя к научной деятельности съезда, я перечислю все доклады, представленные по секции искусства, а из прочих укажу те только, которые так или иначе касались этой области.

Отделение съезда "Памятники искусства и художеств" (под руководством председателей Г.Г. Павлуцкого и В.К. Трутовского) имело 4 заседания, на которых заслушаны были следующие рефераты. ***А.И. Анисимов*** сделал подробное сообщение "О реставрации фресок церкви Феодора Стратилата", указав на выдающееся значение и красоту открываемой древней стенописи храма. Доклад его вызвал живейший интерес и резолюцию: «сохранить фрески церквей Феодора Стратилата и Спаса Нередицы без поправок и реставрации в том виде, как они открыты». По поручению венского профессора ***Иозефа Стржиговского***, госпожа ***Галле*** прочла доклад его на тему: "Неизвестный крупный эллинистический художественный центр в глубине Азии", который познакомил съезд с фресками загадочного летнего дворца первых дамасских халифов в Моавитанской пустыне, в Ксейр-Амре, и остатками буддийской живописи, обнаруженной англо-индийской экспедицией Стейна на далёком Хотане[6].

Профессор ***Григорий Павлуцкий*** представил три небольшие реферата: *"Византийские черты в декоративной обработке фасадов новгородских храмов XIV–XV вв."*, *"Одно из влияний западноевропейского искусства на северорусское деревянное церковное зодчество"* и *"Влияние южнорусского искусства на декорацию московского барокко"*, тезисы их особого обмена суждений не вызывали. Зато резкий протест съезда вызвал доклад об "историческом пути Киева".

Профессор ***Довнар Запольский***, защищаясь от нападок повременной печати, не всегда основательно осведомлённой, решил подробнее ознакомить съезд с проектом сооружения в разных местах Киева ряда памятников, должных олицетворять важнейшие исторические моменты Киевской Руси, под общим наименованием их "Исторический путь Киева"[7]. Инициатива этого проекта принадлежала Киевскому отделу Военно-Исторического общества, а осуществле-

ние его находится в ведении особого комитета, с генерал-губернатором во главе и представителями местных правительственных учреждений и киевской профессуры в составе его. Пока намечены к осуществлению следующие памятники: 1. Монумент "Доисторического Киева" в виде усечённой пирамиды с гербом города Киева, на трёх других сторонах её барельефы: "Доисторический посёлок", "Звериная ловля" и "Прибытие Аскольда и Дира"; 2. "Олег" — фигура его и барельефы "Треки приносят уклад" и "Дань"; 3. "Святая Ольга" — фигура, позади её полузакруглая скамья с барельефами: "Покорение Искоростени" и "Пир Ольги", по бокам центральной фигуры "Андрей Первозванный" и "Кирилл и Мефодий". Этот памятник, ввиду чрезвычайных обстоятельств[8], поставлен в первую очередь и в настоящее время отлит уже из бетона. Далее идут: 4. "Святослав"; 5. "Владимир Красное Солнышко с богатырями"; 6. "Ярослав и Владимир Мономах" («для разнообразия в бюстах») и 7. "Нестор-летописец"; предположены ещё и другие в том же духе. Затея эта осуждена была съездом единодушно. Не касаясь художественной стороны её, так как проектированные рисунки этих памятников не были демонстрированы, а имена исполнителей их не были названы, съезд, с точки зрения исключительно историко-археологической, указал на нецелеобразность "украшения" таковыми памятниками именно Киева, столь богатого своими "красноречивыми" древностями, и разъяснил докладчику ужасающие анахронизмы, которые предположено осуществить в них, как, например: сочетание пирамиды "Доисторического Киева" с христианским гербом его, в щите которого изображён Михаил Архангел; далее: случайность выбранных сюжетов для барельефов — "Звериная ловля", "Пир Ольги", и наконец, всю ненаучность таких изображений, как "Прибытие Аскольда и Дира", "Владимировы богатыри", иконография которых, конечно, никому неизвестна, и задача олицетворить их даже путём "исторической идеологии", принятой комитетом при осуществлении проекта, по крайней мере неуместна.

Последними докладами были ***П.Л. Гусева*** "Об Иоанновском корпусе Новгородского Владычного двора как памятнике искусства" и ***Г.М. Казакова*** "О современном состоянии памятников древнепсковской иконописи и убора к ней". Обещанные по той же секции доклады ***К.К. Романова*** "Исследования Изборска" и ***Н.К. Рериха*** "Исследование южной части Новгородского детинца" не состоялись[9].

Вот и всё. Немного. И, к сожалению, объяснение этому приходится искать в тех постоянных трениях, а в лучшем случае, в той отчуждённости, которые, как это ни грустно, свойственны и учёной среде, и не только между отдельными лицами, но и целыми учреждениями. На съезде не принимали фактического участия Археологическая Комиссия, петербургское Археологическое общество, не прислали представителей от себя и многие другие исторические и художественные общества и даже... Общество Защиты и Сохранения в России памятников искусства и старины, силы которого, казалось, должны были оживить родственную им деятельность археологических съездов.

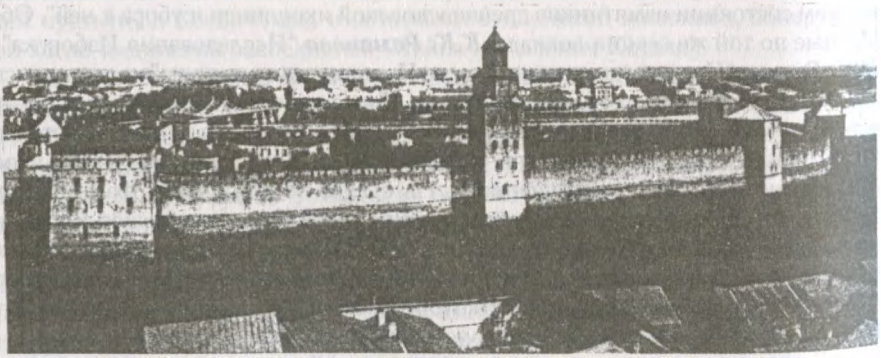
Гораздо успешнее шли занятия в отделении "Древностей церковных" (председатель ***Н.В. Покровский)***[10].

В разделе "Хроники и библиографии", обозревающем новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за вторую половину 1911, упоминается брошюра **Н.К. Рериха** *"Новгородские стены"*. Ниже приводится полный текст этой редкой брошюры по экземпляру, обнаруженному в Российской Государственной библиотеке[11]. Иллюстрирующие брошюру фотоснимки (ил. 1–11), по всей видимости, выполнены Б.К. Рерихом.

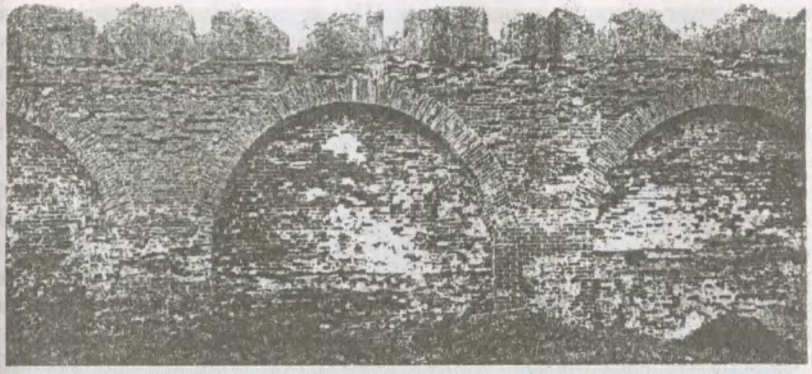
3. Н.К. Рерих. Новгородские стены

1910. Отдельный оттиск доклада автора IV съезду русских зодчих[12]

Число погибших памятников искусства всё увеличивается, каждый год приносит новые жертвы. Оставшиеся ждут своей очереди. К числу наиболее цельных, грандиозных и сравнительно ещё сохранившихся памятников относятся городские кремли и детинцы. До сих пор они оставались неисследованными. Даже Московский Кремль, стоящий у всех на виду, по странному недоразумению, остался незамеченным, никем не замерен, и для его изучения не существует обмерных чертежей. Новгородский кремль также мало исследован, хорошо не описан и не замерен, и теперь, заброшенный, одиноко разрушается, не видя поддержки. Лишь в этом году Императорское Военно-Историческое общество приступило к работам по обмеру Новгородского кремля. Обмеры же являются началом исследования. При переделках и ремонтах они необходимы и должны быть исполнены прежде всего. Кремль Новгородский заброшен. Башни и стены лишены всякого ухода и охраны. Беспрепятственно разрушают и растаскивают кладку и деревянные части башен. Все стены сплошь заросли кустами; даже осмотр их часто является невозможным, не говоря уже о вреде этих зарослей для самой кладки. Поражает особою ветхостью прясло северной части кремля и между башнями Кукуевской и Княжой, в южной части, где вся стена лишена крыши и поросла кустами. Нельзя не подчеркнуть вред от этих зарослей, между тем всё это легко устранимо.



Ил. 1. Вид южной части Новгородского кремля



Ил. 2. Вид стены у Княжой башни

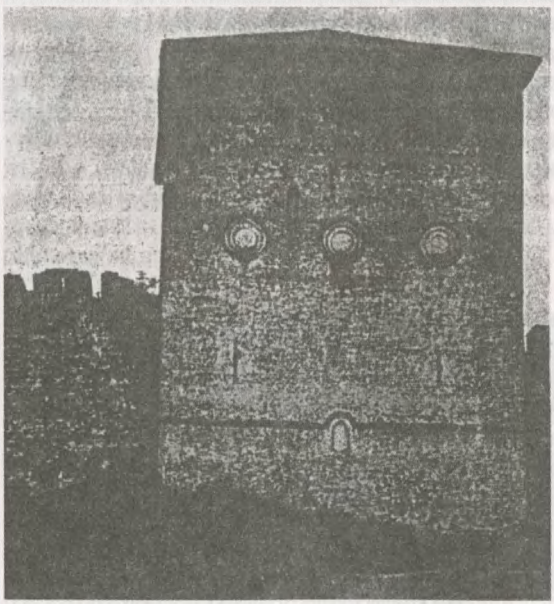
О прошлом Новгородского кремля можно судить по изображениям его в церквах Знаменской, Михайловской, Флоро[лавр]ской и Хутынской. Эти изображения относятся к XVI и XVII векам. Знаменский план Новгорода относят к XVII веку, и некоторые считают его за копию с более древнего рисунка. Михайловское изображение Новгорода представляет один детинец с подробно нанесёнными постройками внутри его. К более ранним изображениям кремля относятся два рисунка — Флоролаврский и Хутынский. Первые три изображения плана Новгорода на иконах Знамения иконописного характера, [значения] не имеют и представляют материал для исторической географии. Лишь Хутынское изображение Новгорода представляет иконографический памятник, богатый и бытовым, и художественным содержанием, и может быть отнесён к XVII, довольно точно к XVI веку. Прочие изображения, ввиду не установленной хронологии их, приходится принимать с большой осторожностью[13]. При восстановлении плана Новгорода до XVI века приходится прибегать исключительно к летописным памятникам.

По летописям первые упоминания о новгородском детинце относятся к 1044 году, когда детинец был окружён рвом и валом с деревянными стенами. Только в 1302 году появляются сведения о каменных башнях и стенах. Проследить первые переделки кремля и установить их хронологию является почти невозможным. Известна лишь перестройка 1490 года. Теперь Новгородский кремль носит следы переделок, произведённых Петром Великим. Это был крупный ремонт, изменивший вид стен и башен; произведён он был в силу военных соображений, для укрепления Новгорода против шведских войск. Характер всей стены и башен указывает на одновременную переделку всего кремля. Детали петровского времени Кукуевской башни, верхние карнизы и наличники дверных и оконных отверстий — сходны с профилями карнизов Покровской церкви в кремле, а время надстройки её может быть точно определено и относится тоже

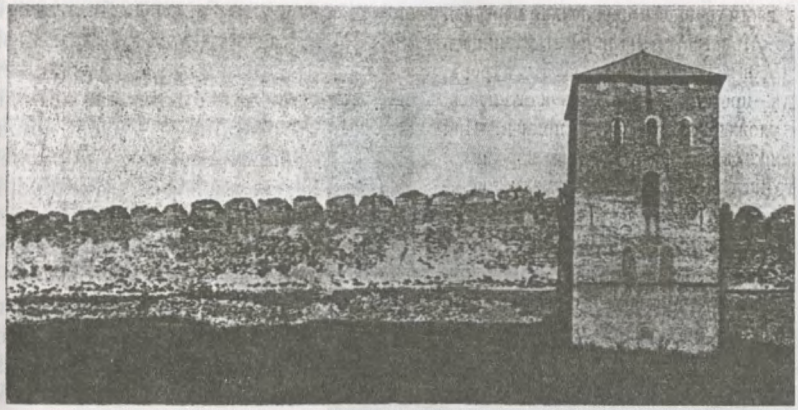
к петровскому времени. Из переделок за XIX век самой значительною является восстановление в южной части кремля стены, рухнувшей в 1862 году. Эту очень неудачную работу можно объяснить только крайней спешностью, с которой было застроено это прясло. Так, рисунок зубцов совсем не сохранён и не похож на зубцы, оставшиеся на старых пряслах. Все прочие ремонты значительными назваться не могут.

Новгородский кремль расположен на правом берегу реки Волхова, на горе. План его — слегка изогнутый эллипс (ил. 1). Он имеет в настоящее время 9 башен, из них 5 башен квадратного плана: Дворцовая, Княжая, Кукуевская, Покровская и Тюремная, ныне музей; 2 башни [имеют] план продолговатый треугольник, изогнутый по радиусу стены; бывшие ворота — Спасская и Владимирская и 2 круглые башни: Митрополичья и Фёдоровская.

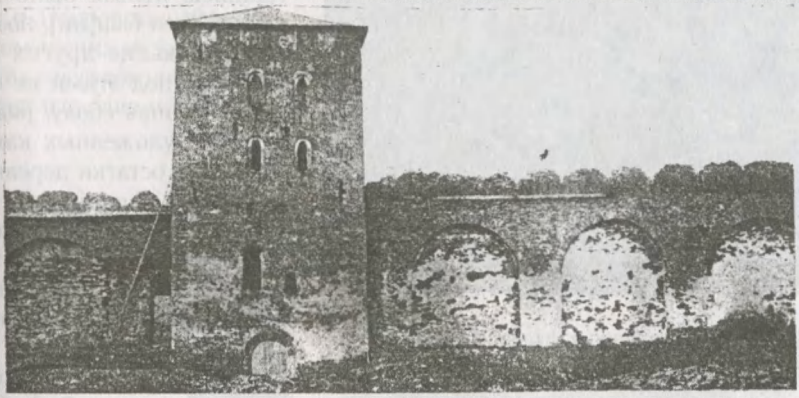
Судя по изображениям детинца на образах, существовали ещё четыре башни: 2 воротные — Воскресенская и Богородицкая, Борисо-Глебская башня, в южной части кремля, и Неревская в северной. 2 башни — Воскресенская и Богородицкая стояли на месте въездов Московского и Петербургского и служили воротами. Ныне воротами являются простые арки в стене Александровского времени. К югу от Богородицких ворот, или Московского въезда в кремль, идёт подновлённая в 1862 году стена. Часть арок этого прясла заделана, и помещение отведено под архив. Затем следует башня Дворцовая, в которой теперь также сохраняется архив. Нельзя не упомянуть о странном состоянии этого архива — он разбросан по полу и покрыт грязью; между тем там могут быть какие-нибудь интересные данные для истории Новгорода. Помещается этот архив в двух этажах башни, третий замурован и входов не имеет. Снаружи фасад башни украшен тремя круглыми интересными окнами. Перекрыта она, как и другие, деревянной четырёхскатной крышей. От Дворцовой башни идёт старое прясло стены с башней Спасской, бывшими Псковскими воротами. В плане эта башня закруглена по тому же радиусу, как и



Ил. 3. Дворцовая башня



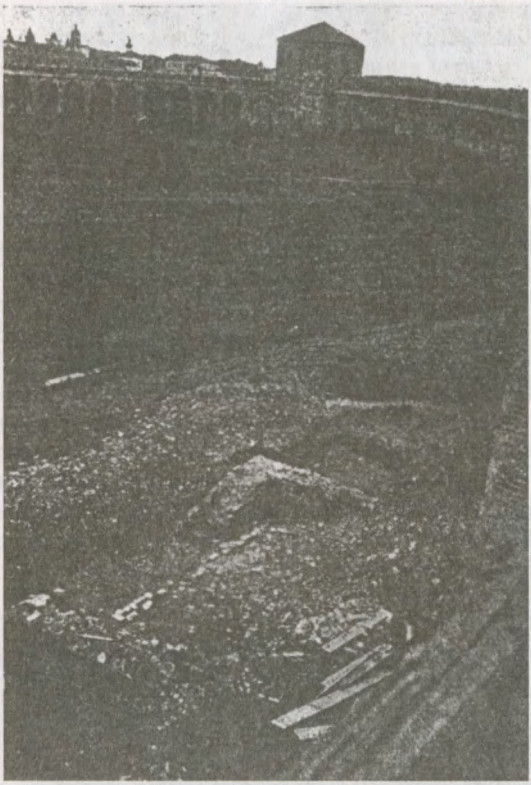
Ил. 4. Княжая башня



Ил. 5. Княжая башня. Вид из кремля

стены. Снаружи к башне пристроена каменная двухэтажная часовня "Живоносного Источника". Состояние башни самое безобразное: во всех стенах трещины, железные связи лопнули, штыри выгнулись. В верхнем этаже башни, в который можно проникнуть со стены, заметны остатки орнаментальной росписи, в виде розеток и кругов. Снаружи башня украшена поясом орнамента из кирпича в виде ёлки.

Следующая за Спасской — Княжая башня. Она служила ещё недавно помещением для склада Новгородскому гарнизонному батальону, теперь же все внутренние деревянные стены и лестницы полуразрушены и висят, еле держась. Башня четырёхэтажная, большинство окон замуровано. Раскопками этого года



Ил. 6. Остатки раскопочных фундаментов пристройки у Княжей башни

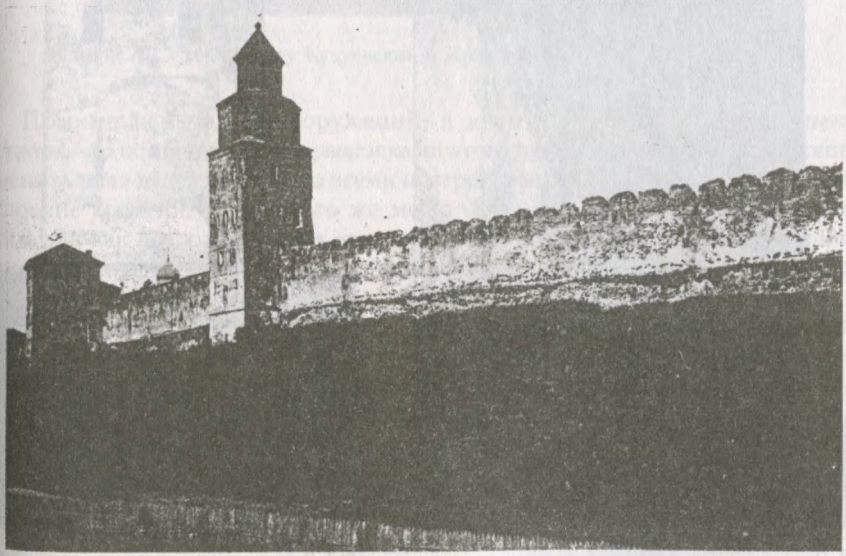
перед башней обнаружены остатки стен и фундаментов постройки к ней. Ввиду ветхости стен башни есть большие трещины — раскоп пришлось вести траншеей параллельно передней стене. Пристройка по ширине равнялась башне, выступая вперед на 10 метров. Вход — против башни. Есть остатки пола из уложенного в ёлку кирпича. При раскопках найдены цветные изразцы и много железных бытовых предметов — петли, замки, ножи и гвозди. Углублять траншею нельзя было из-за слабых стен баш[ни], поэтому существование других фундаментов под этими не обнаружено; лишь сбоку, рядом с группою уложенных камней, оказались остатки деревянного настила. В соседних с Княжей башней пряслах находятся камеры в виде комнат, некоторые из них с опускными колодцами, ведущими наружу кремля.

Далее, к северу, находится так называемая Сторожевая или Кукуевская башня, самая высокая в кремле, высота около 16 сажен. Башня имеет 7 этажей. Кладка из кирпича, нижние же 2 этажа, как и все стены и башни кремля, лишь облицованы кирпичом, внутри же кладка из камней с плитой на известковом растворе. Это указывает на позднюю переделку, при которой первоначальные стены и башни, сложенные из камня и вероятно пришедшие в ветхость, были облицованы кирпичом для укрепления. Пример облицовки можно найти везде, так как во многих местах эта кирпичная кладка отстаёт и обваливается от каменной[14].

Кукуевская башня имеет до шестого этажа квадратный план, который переходит затем, при помощи парусов, в восьмиугольный шестого этажа, над которым, на купольном своде, стоит восьмиугольник седьмого этажа. Все этажи отделяются сводами, по которым были устроены кирпичные полы. Лестницы

были все уничтожены, исключая одну каменную из пятого в шестой этаж. Оконные и дверные проемы имеют кирпичные наличники очень чистой и правильной тёски и кладки. Вопрос, чем венчалась башня, зубцами или просто крышей, решить трудно. На старых рисунках встречаются иногда зубцы. Последнее предположение подтверждается и остатками зубцов на других башнях. Крайне интересна прежде существовавшая пристройка к Кукуевской башне. В 1891 году были исполнены обмеры остатков фундамента и поныне видимого здания перед башней. Очевидно, эта пристройка была довольно высока и доходила до 4-го этажа Кукуевской башни, так как на наружной стене башни есть остатки пят сводов и проёмы, ведущие из башни в пристройку. Проёмы эти — две большие арки — ныне заложены. На высоте первого этажа башни также есть остатки пят сводов пристройки. Интересно, что пяты сводов продолжаются и в соседних с башней пряслах. Вход в башню теперь через помещение в стене, из которого есть и опускной колодец наружу. При существовании пристройки вход в башню был, очевидно, через неё.

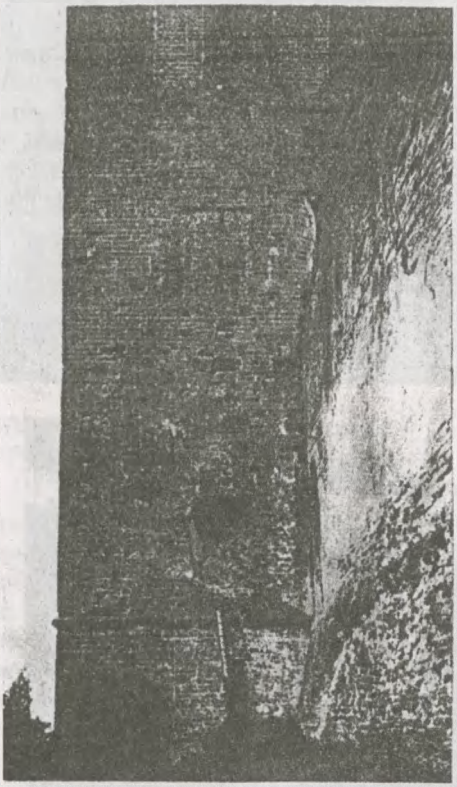
Далее, к северу, идёт Покровская башня, где ныне помещается богадельня. Башня эта обезображена деревянными пристройками убежища[15]. Рядом с ней стоит и Покровская церковь. Следующая [Тюремная][16] башня приспособлена для помещения музея и испорчена переделкой. Ранее там помещалась тюрьма и вокруг существовали многие пристройки. За архиерейскими домами находятся две круглые башни: Митрополичья и Фёдоровская, обе в крайне запущенном



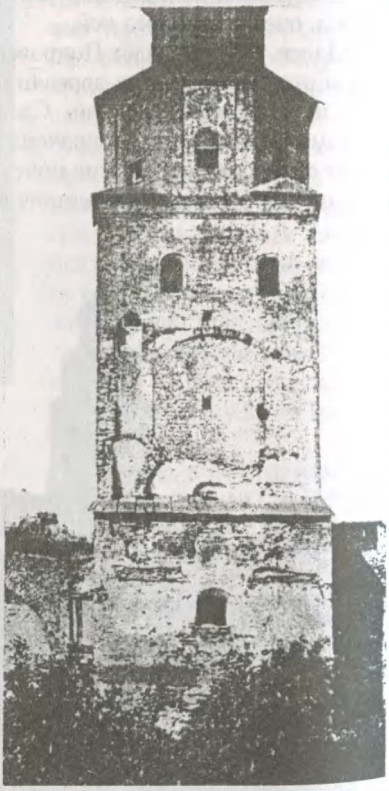
Ил. 7. Кукуевская (Сторожевая) башня

виде. Последняя башня — бывшие Владимировские ворота. В 1311 году за воротами была устроена церковь во имя Владимира архиепископом новгородским Давидом. Церковь эта была затем разрушена. Ныне к башне пристроена снаружи часовня, и ворота заделаны. Башня со стороны сада духовного училища имеет вид полуразрушенный и грозит обвалом.

Судя по изображениям детинца на иконах, во всех надворотных башнях существовали церкви; кроме этих церквей, было ещё 27, расположенных по кремлю. Теперь существует лишь 6, из коих церковь "Входа в Иерусалим" новой постройки. Из числа исчезнувших — знаменитый храм святых Бориса и Глеба, выстроенный в 1173 году Садко Богатым. Находился он в южной стороне кремля и был, судя по рисунку, очень богатой и великолепной постройки. Погиб он окончательно во время шведского разорения.

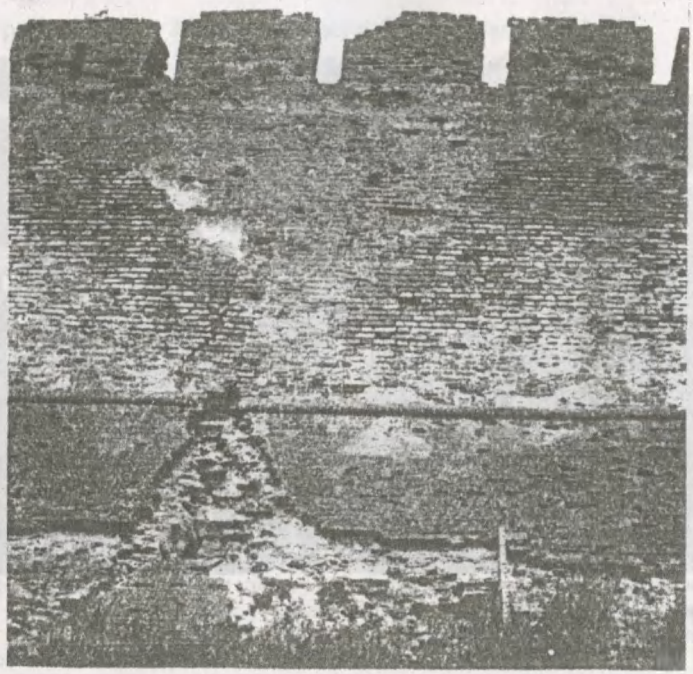


Ил. 8



Ил. 9

Кукуевская башня. Боковая стена (8). Вид из кремля (9)

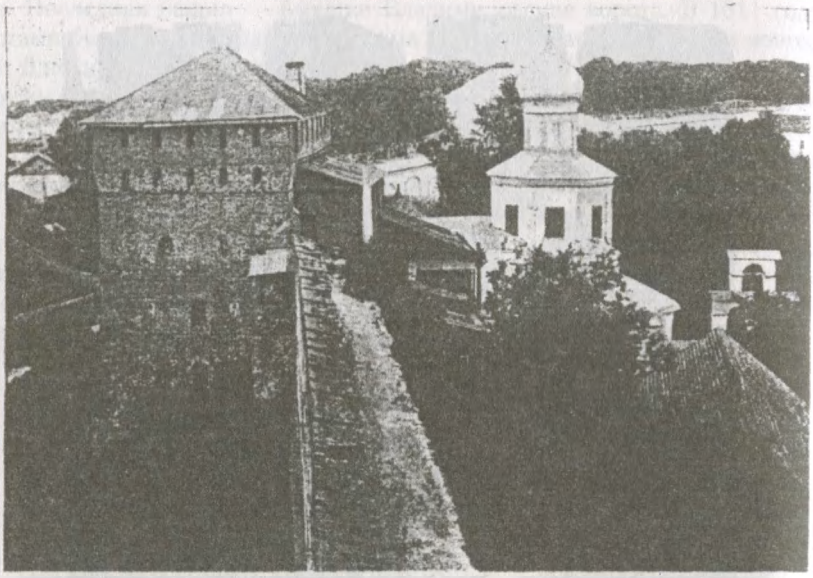


Ил. 10. Стена между Кукуевской и Княжой башнями

Помимо церковных сооружений, в кремле было много гражданских построек, что подтвердилось и раскопками этого года, которые одни могут теперь выяснить план всего детинца со всеми постройками и разобрать хронологически наслоение времени. Свободного же места, т. е. незастроенного, в кремле ещё много, так как вся южная часть занята огородами. Поэтому особенно странной является мысль занять без всяких предварительных исследований эти места зданиями реального училища.

Сам кремль Новгородский, башни его и стены дошли до такого состояния, когда всеми ясно чувствуется необходимость немедленных работ и мер к его сохранению. Я не говорю о капитальном ремонте — на это потребуются очень крупные суммы, для этого необходимы многие подготовительные работы, как обмеры, изготовление чертежей, что займёт много времени и потребует опять-таки большие средства. Я предполагаю мелкие работы, возможные в данное время, тем более, что ежегодно на это отпускаются определённые средства.

Необходимы лишь внимание и желание помочь, и нужны знающие люди. Все те переделки и мелкие ремонты, которые сейчас ежегодно производятся в кремле, не приносят пользы никакой. Работы эти сводятся к забиванию дверей



Ил. 11. Покровская башня

и окон в башнях ставнями и к подправке крыш, но все эти ставни снова растаскиваются на дрова, при полном отсутствии всякой охраны и постоянного надзора за стенами. Даже заросли и кусты на стенах не уничтожаются и продолжают разрушать кладку.

Повторяю, что в данном случае необходимо лишь руководство знающих людей, и оно поможет сохранить ещё надолго один из самых интересных памятников.

Господин Щербина-Крамаренко. Предложение докладчика нужно принять и распространить его на все памятники русской старины. Вопрос о материальных средствах и охранении нужно обобщить и поставить широко, обратив на него внимание высших государственных учреждений.

Господин Элкин предлагает ходатайствовать от имени съезда перед Государственной Думой об ассигновании средств.

Председатель указывает, что вопрос о средствах для Императорской Археологической Комиссии находится уже на очереди в Государственной Думе.

ПОСТАНОВЛЕНО: *внести в общее собрание предложение ходатайствовать пред Государственной Думой об ассигновании средств на поддержание памятников старины*[17].

XLI
ИИАК. Прибавление к № 46: Хроника и библиография. № 22
СПб.: тип. ГУУ, 1912

"Археологическая хроника" составлена по газетам за первую половину 1912.
В разделе, посвящённом деятельности **ОЗСРПИС,** помещены заметки, имеющие непосредственное отношение к научной работе Н.К. Рериха.
Первой заметкой отмечено начало работы **Комиссии по регистрации памятников старины в Санкт-Петербургской губернии**. В неё, кроме Н.К. Рериха, были избраны: граф Б.Г. Берг, П.П. Вейнер, А.Н. Кавелин, П.А. Плетнёв, И.А. Фомин и Н.К. фон Эссен, о чём каждому 18 апреля 1911 было послано извещение. Почётным председателем Комиссии являлась графиня Елизавета Владимировна Шувалова, председателем был петербургский губернатор граф Александр Васильевич Адлерберг, вице-председателем — Алексей Петрович Аплаксин[18]. В работе комиссии принимали участие ведущие историки, архитекторы, археологи, художники, общественные деятели столицы[19].
В архиве сохранилась "Инструкция Комиссии по регистрации памятников старины в Санкт-Петербургской губернии", утверждённая Советом ОЗСРПИС 14 мая 1911. В ней цель комиссии определялась так: «Комиссия, являясь Органом "Общества Защиты и Сохранения в России Памятников Искусства и Старины", имеет целью произвести регистрацию находящихся в пределах Санкт-Петербургской губернии памятников искусства и старины, имеющих художественное, бытовое и историческое значение». К числу таких объектов были отнесены: «Курганы, городища, могильники и кладбища; монастыри, церкви, часовни, придорожные кресты; гражданские сооружения: общественные, дворцовые и частные; поля сражений и памятники всех времён; произведения изящных искусств и драгоценности; церковная утварь, иконы, старопечатные книги, рукописи, грамоты и гравюры; мебель и домашняя утварь; предметы старинного вооружения, музыкальные инструменты, предметы роскоши и прочее»[20].
В этой инструкции узнаётся её предшественница — памятка "Археологическая карта Санкт-Петербургской губернии", составленная Н.К. Рерихом и отпечатанная ещё в 1899 ИПАИ[21]. Инструкция тоже рассылалась во все концы губернии. В ней тоже указано отмечать курганы, могилы, городища, церкви, часовни, церковную утварь и другие объекты, причём дана строгая система характеристик с примерами, руководствуясь которыми предлагалось сообщать сведения о памятниках. И такие сведения были собраны под руководством Н.К. Рериха в 1899–1902. Очевидно, они и легли в основу вновь начатой регистрации[22].

1. [О работе ОЗСРПИС по регистрации памятников старины в Санкт-Петербургской губернии]
(Речь. 9 марта 1912. № 67)

Общество приступает к регистрации памятников старины, находящихся в пределах Петербургской губернии. Составленные обществом специальные регистрационные листки будут разосланы в городские и земские учреждения, земским начальникам, священникам, народным учителям и т. д. На основании ответов будет составлена подробная опись памятников Петербургской губернии.

2. [О деятельности ОЗСРПИС от образования до 1 января 1912]

(СПбВ. 10 июня 1912. № 130)[23]

Общество обращает внимание на развитие в публике интереса к вопросам национального искусства прошлого. С этой целью общество организовало для своих членов ряд докладов, посвящённых, главным образом, русской старине. Со дня существования общества до 1 января 1912 года были прочитаны следующие доклады: ***Г.К. Лукомским*** — "Памятники архитектуры Черниговской губернии"[24], ***В.Т. Георгиевским*** — "Фрески собора Ферапонтова Белозёрского монастыря", ***И.А. Фоминым*** — "К юбилею архитектора Захарова", ***Н.К. Рерихом*** — "О Новгороде", ***Н.Е. Макаренко*** — "О раскопках в Новгороде", графом ***П.Н. Апраксиным*** — "О Воронежском музее", ***М.И. Дворжицким*** — "О Самаркандских мечетях", бароном ***Н.Н. Врангелем*** — "Кипренский и его творчество", ***К.К. Романовым*** — "О соборе Ферапонтова монастыря", ***С.А. Чураевым*** — "О доме Александра I в городе Вознесенске", архитектором ***А.П. Аплаксиным*** — "О Ямбургском соборе", архитектором ***А.Е. Белогрудом*** — "О реставрации Батуринского дворца"[25] и многие другие. Ввиду того, что лучшей пропагандой искусства являются выставки, наглядно показывающие публике творчество художников, общество постановило устраивать ежегодно выставки, посвящённые либо отдельным мастерам, либо целой группе художников. Секретарём общества бароном ***Н.Н. Врангелем*** за отчётное время были устроены в музее Александра III выставки произведений А.Г. Венецианова и О.А. Кипренского. На первой выставке были выставлены 54 картины из частных коллекций Петербурга и Москвы, а на второй — 150. Общество, кроме того, издало две монографии о Венецианове и Кипренском, составленные бароном Н.Н. Врангелем.

Из множества других материалов "Археологической хроники", имеющих отношение к деятельности Н.К. Рериха, упомянем сообщения о **Всероссийском съезде художников**, открывшемся **27 декабря 1911** в конференц-зале ИАХ. В "Трудах" съезда, вышедших в 1914, Рерих назван в числе 42 учредителей и в числе 12 членов Устроительного комитета. Канцелярия съезда помещалась в Императорском обществе любителей древней письменности на Фонтанке, № 34 — это ещё один адрес на "рериховской" карте Петербурга.

По сообщениям хроники, самое интересное из того, что дал съезд, — это **«выставка иконописи и русской старины»**[26].

А.А. Ростиславов составил подробный обзор деятельности съезда, начинающийся так: «Съезд художников оказался огромным. Записалось до 1000 человек, предъявлено до 200 докладов. Заседания в аудиториях и залах Академии Художеств происходили целый день с небольшими промежутками. Всего было восемь отделов... Почётный Председатель съезда — Великая Княгиня Мария Павловна. Товарищи Председателя — граф П.Ю. Сюзор и граф П.С. Шереметев. Секретарь и уполномоченный — Н.З. Панов. Редактор ежедневно выходившего "Вестника" — С.Ф. Годлевский. Председатели отделов: профессор Д.В. Айналов, Л.Н. Бенуа, барон Н.В. Дризен, А.И. Кошелев, В.И. Бейер и другие. Днём заседания происходили во всех отделах, вечером были весьма многолюдные общие собрания в актовом зале Академии»[27]. Отметим лишь малую часть тех докладов и сообщений, которые соприкасались с деятельностью и творчеством Н.К. Рериха: *Н.Ф. Роот* "Воспитание и развитие прикладного искусства и художествен-

ной промышленности в России"; *В.В. Кандинский* "О духовном в искусстве"; *В.Т. Георгиевский* "Художественно-иконописная школа Дионисия и Феодосия в конце XV и начале XVI вв. и её значение в истории русского искусства" (иллюстрировался «на экране интереснейшими диапозитивами»)[28]; *А.И. Анисимов* "Судьба древних русских икон"; *В.А. Фролов* "О мозаичном искусстве"[29]; *В.В. Суслов* "О художественности археологических съездов"; *А.Я. Боровский* "Оберегание произведений искусства"; *Д.Ф. Богословский* "О реставрации картин".

29 декабря 1911 на вечернем общем собрании съезда состоялось отдельное обсуждение "Правительственного проекта охраны старины", внесённого в Государственную Думу. Прозвучали доклады *А.А. Ростиславова*, *Н.П. Кондакова*, *графа П.Ю. Сюзора* и др. Докладчики говорили о «полной несостоятельности оборудования в проекте финансовой стороны и самой организации охраны» (Ростиславов), отмечали «бюрократизм и книжность проекта, незначительность художественного элемента» (Кондаков). Собрание единогласно постановило признать проект неприемлемым.

Многие современники отмечали «несомненную и довольно неожиданную удачу съезда» и ставили её в большую заслугу организаторам, в числе которых был и Рерих. «Организаторы сумели, — писал А.А. Ростиславов, — привлечь некоторые желательные элементы, возбудить некоторые интересные вопросы... Важно самое поднятие крупных вопросов, где сказались совсем новые широкие требования художественной компетенции, где были поставлены задачи выяснить сущность нового искусства, искусства вообще, его новые синтетические основы. Важна, наконец, подлинно художественная атмосфера, которая царила иногда в моменты некоторых отдельных ярких выступлений, особенно на вечерних общих собраниях на докладах, объединённых общей идеей»[30].

ПРИМЕЧАНИЯ К № XL, XLI

[1] *Мурильо (Murillo) Бартоломе Эстебан* (1618—82) — испанский живописец. Президент АХ в Севилье (1660). Идеализированные и сентиментальные образы Мурильо проникнуты мягким лиризмом ("Отдых на пути в Египет", "Мальчики с фруктами").

[2] См. документы об этом: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 162, 178, 179.

[3] ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 142, л. 326–332. Там же сведения о размещении др. участников. В Дворянском доме: 8 иностранцев. В Дворянском собрании: секретарь ИМАО В. Трутовский. В гимназии имп. Александра I: 61 чел., среди них В. Лукомский, Н.В. Покровский, С.Ф. Платонов, барон С.Н. Энгельгардт. В женской гимназии на Николаевской ул.: 41 чел. В женской гимназии на Газоне: 3 женщины. В реальном училище: 29 чел., в т. ч. В.М. Турчанинов. В 6-м городском приходском училище на Знаменской ул. (дом Розова): 8 чел. В 4-м городском приходском училище на Сенной площади (против Водонапорной башни): 3 чел. Всего 223 иногородних делегата.

[4] См. информационное письмо гр. П.С. Уваровой о съезде: ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 142, л. 19.

[5] В этом же вып. "Хроники и библиографии" отмечена публ. *Марии Араловой* "Пятнадцатый Археологический Съезд в Новгороде" (с. 177–194). В ней о Рерихе ни слова.

[6] Об *Ауреле Стейне* и *Хотане* см. в текстах Рериха: *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 36; *Рерих Н.К.*, 1992б. С. 17–18; *Рерих Н. К.*, 1992в. С. 137–164 и ряд др.

[7] См.: *СГ*. 1911. Март. № 3. С. 45–46. Июнь. № 6. С. 47–48. — *Примеч. Вл. Лукомского.*

[8] Имеется в виду открытие саркофага с предполагаемыми останками святой княгини Ольги при раскопках Десятинной церк. в Киеве. См. об этом в наст. разд., № XXXVI (1).

[9] Сообщения Н.К. Рериха и Н.Е. Макаренко "О раскопках в Новгороде" сделаны были

в ОЗСРПИС 26 апреля 1911. — *Примеч. Вл. Лукомского.* По другим данным — 29 апреля 1911. См. выше, № XXXIX (5–7).

[10] На съезде был также отдел "первобытных древностей". Некоторые доклады на нём могли заинтересовать Рериха. Например, доклады доктора **Айлио** "О распространении находок каменного века в Финляндии" (кстати, Айлио принадлежала рериховская т. *"Варяжский мотив"*, 1910) и доктора **Аппельгрена**. Мария Аралова так охарактеризовала последний доклад: «Доктор Аппельгрен в своем докладе "Скифско-пермская орнаментика" трактовал вопрос об антропоморфических и зооморфических бронзовых изображениях, обычно называемых пермскими и скифскими, которые извлекаются из земли по обеим сторонам Уральских гор. На эти изображения долгое время смотрели как на шаманские изображения, т. е. идолы и амулеты, которые употреблялись при шаманских заклинаниях и обрядах. Докладчик в большинстве этих предметов видит только предметы обивки для всякого рода практических целей. Для объяснения находящихся на них украшений он в качестве единственно надежной опоры выдвинул применение сравнительного типологического метода исследования, который археология позаимствовала у наук естественных» (*Аралова М.*, 1911. С. 180–181).

[11] Первоначально оттиск принадлежал Библиотеке генерального и главного штаба. Известна публикация "Доклад Н.К. Рериха (по художественному отделу) — Новгородские стены" в журнале "Зодчий" (1911. № 3. С. 22–23). Она является сокращённой стенограммой выступления на IV съезде русских зодчих и вполне следует по приводимому здесь тексту. См. также в наст. разд., № XXXIX (1).

[12] В оттиске, являющемся извлечением из "Трудов IV съезда русских зодчих, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 5 по 12 января 1911 года" (с. 52–58), ошибочно указан автором Борис Константинович Рерих. В наст. изд. эта опечатка устранена. См.: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 179. Все иллюстрации воспроизведены по вышеупомянутому оттиску.

[13] Большую ч. упом. планов, вместе с видами Новгорода, выполненными иностранными путешественниками, см. во вкладках изд.: *Варенцов В.А., Коваленко Г.М.*, 1991.

[14] См. фотографии Б.К. Рериха, впервые публ. в наст. изд., разд. II.

[15] См. фотографию Б.К. Рериха, впервые публ. в наст. изд., раздел II.

[16] Она же Златоустовская башня.

[17] О дальнейших подвижках в деле реставрации и поддержания Новгородских кремлёвских стен см. в *ИИАК*: 1. № 55. (*ВР.* № 14). 1914. С. 115; 2. Приб. к № 56. (*ХБ.* № 26). 1914. С. 36; 3. № 57. (*ВР.* № 15). 1915. С. 21–28 (3 фотографии Покровской башни и фотография башни "Живоносного Источника"); 4. № 61. (*ВР.* № 17). 1916. С. 82–83.

[18] РА ИИМК, ф. 68, оп. 1, № 53, л. 2, 3 об.

[19] См. также ниже, № XLIII (2).

[20] РА ИИМК, ф. 68, № 24, л. 4.

[21] Оттиски сохранились в 2 архивах: РА ИИМК, ф. 37, № 6, л. 5, 5 об. и ОР ГТГ, ф. 44, № 580.

[22] В наши дни эта работа продолжается в ИИМК РАН и в Ленинградской обл. инспекции охраны памятников. Важным этапом стала публикация В.А. Лапшиным "Археологической карты Ленинградской области" (*Лапшин В.А.*, 1990, 1995). В 1-й ч. этой работы (*Лапшин В.А.*, 1990. С. 4–9) дан краткий очерк истории вопроса (работа Н.К. Рериха и ИПАИ отмечена, но о комиссии ОЗСРПИС ни слова).

[23] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить эту заметку ещё публ.: *Речь*. 8 июня 1912. № 154.

[24] В.Т. Георгиевский, П.И. Нерадовский, Н.К. Рерих и Д.С. Стеллецкий были избраны ОЗСРПИС в **Комиссию по реставрации Ферапонтова монастыря**, о чём 18 апреля 1911 им были посланы извещения (см. в РА ИИМК, ф. 68, оп. 1, № 53, л. 2 об.). Председателем комиссии был князь А.В. Оболенский. Об историке искусства *Василии Тимофеевиче Георгиевском* (1861—1923) см. ниже, № XLV (2) и LII (1), с примеч.

[25] Николай Константинович не остался равнодушным к судьбе «бывшего Тепловского дворца в Батурине», построенного при Елизавете Петровне гетманом Разумовским (архитектор Чарльз Камерон). В архиве Рериха хранятся выписки из переписки Главного инженерного управления с ИАК (1904–06), касающиеся этого памятника (ОР ГТГ, ф. 44, № 98). Они были использованы им при написании записного листка "XXVI. Разрушение" (январь 1907): *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 160–161. О красоте этого шедевра русской архитектуры можно судить по заметке "Остатки старины", помещённой в газете *РЧ* (10 июля 1909. № 145): «В небольшом историческом местечке Батурине, расположенном на красивом берегу реки Сейма, до сих пор ещё живут воспоминания старины. Виднеется когда-то величественный замок... от которого теперь остались одни стены. Цел ещё домик Кочубея, окружённый густым тенистым садом; старожилы указывают "дуб Марии". В церкви, устроенной графом Разумовским, красивый надгробный монумент напоминает о почившем гетмане. Ничего не осталось ни от обстановки замка, ни от картинной галереи, ни от самой столицы Малороссии, так называемого "городка", срытого до основания Петром Великим после измены Мазепы. Только семья камергера графа Разумовского хранит некоторые остатки старины». См. также заметку "Батуринский памятник" (*ИИАК*. Приб. к № 42. (*ХБ*. № 20). 1911. С. 135) и сообщения о консервации и реставрации дворца, под эгидой ОЗСРПИС (*ИИАК*. Приб. к № 46. (*ХБ*. № 22). 1912. С. 26, 29–31, 201; Приб. к № 57. (*ХБ*. № 27). 1914. С. 5). В конечном итоге, по Высочайшему повелению, дворец был передан в распоряжение ОЗСРПИС и к концу 1913 отремонтирован.

[26] С. 69–74 этого вып. *ИИАК*.

[27] *РХЛ*. Январь 1912. № 1. С. 1–2.

[28] Он же дал обзор наиболее выдающихся памятников на выставке иконописи и русской старины.

[29] После этого выступления состоялась резолюция — «запрещение сторожам выколупывать древнюю мозаику Киевского Софийского собора». О *профессоре В.А. Фролове* и его мозаичных работах (из них значительнейшие выполнены по эскизам Рериха) Николай Константинович оставил несколько ёмких определений. См., например, лист дневника "Прочная работа" (1939): *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 237.

[30] *РХЛ*. Январь 1912. № 2. С. 23.

1913

XLII
ОИАК за 1909 и 1910 годы. *СПб.: тип. ГУУ, 1913*

Среди лиц, производивших раскопки в 1910, в отчёте указаны художники Н.Е. Макаренко и Н.К. Рерих. Местом их совместных раскопок названы **Новгород и Новгородский уезд**. При этом отмечено, что «отчёт не доставлен». В архиве ИАК хранится дело, в котором находятся немногочисленные материалы: *«О раскопках Н.К. Рериха и Н.Е. Макаренко в городе Новгороде и его уезде»* (№ 62/1910)[1].

XLIII
ИИАК. Прибавление к № 48: Хроника и библиография. № 23
СПб.: тип. ГУУ, 1913. С. 131

"Археологическая хроника" составлена по газетам за вторую половину 1912. В разделе "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках" приводится заметка, рассказывающая о **Комиссии по реставрации храма Василия Блаженного** в Москве. В её работе участвовал Н.К. Рерих[2].

1. Г. Магула. Храм Василия Блаженного
(НВ. 26 ноября 1912. № 13187)[3]

На печальное состояние храма Василия Блаженного в Москве ещё в прошлом году обращено внимание. Брошюра академика ***В.В. Суслова***, изданная "Обществом охраны старины"[4], напомнила обществу об историческо-художественном значении этого замечательного памятника прошлого и познакомила с современным состоянием храма. Для всех было ясно, что необходимо возможно скорее охранить эту святыню от разрушения. Отсутствие надлежащих забот отразилось крайне печально на благоустройстве храма: он не только в трещинах, но и не был защищён от пожара. Образовалась Высочайше утверждённая комиссия под председательством московского губернатора ***В.Ф. Джунковского***, поспешившая выселить из храма жильцов-сторожей. Пока только. Прошло полгода, состоялось всего два заседания комиссии. В состав комиссии, кроме губернатора В.Ф. Джунковского, входят ***В.[А.] Покровский***, ***П.П. Покрышкин***, ***В.В. Суслов***, ***К.К. Романов***, ***Н.К. Рерих***, духовные лица и вновь избранные архитекторы ***И.П. Машков***, ***И.В. Рыльский*** и другие. Лица несомненно компетентные, но, к сожалению, они ничего не могут предпринять, ибо даже не имеется средств, необходимых для полного детального определения состояния собора (технического изыскания и составления сметы). Синод отказал в просимых комиссией 15 тысячах, и решено теперь исходатайствовать эту сумму через Государственную Думу. Что же касается необходимых средств на реставрацию храма, то члены комиссии высказались в том смысле, что памятник, имеющий столь исключительное историко-государственное значение, должен быть приведён в порядок на средства государственные, которые и должны быть даны Государственной Думой.

Не удивительно ли, что потеряно полгода из-за 15 тысяч. Храм, слава Богу, стоит и, возможно, простоит ещё долго, но уж очень обидно, что на охрану русской святыни невозможно достать у нас даже такой скромной суммы.

Но не слишком ли вяло действует Высочайше утверждённая комиссия? Два заседания за полгода, это не очень "деятельно". Если комиссия будет работать так и впредь, то храм Василия Блаженного успеет и разрушиться[5].

Н.К. Рерих в статье "К природе" (1901) писал: «...Сооружение Больших Гостиных рядов в Москве — дело прекрасное, но отступи оно ещё дальше от Кремля, и Лобное место

не стало бы казаться плевательницей, а Василий Блаженный стоял бы много свободнее...»[6]. В этих словах — глубокое осознание исторической и архитектурной значимости ансамбля Красной площади, жемчужиной которого является храм Василия Блаженного. Уже будучи директором Рисовальной школы ИОПХ, Николай Константинович включил храм Василия Блаженного в план предмета по истории русского искусства[7].

И спустя четверть века в очерке "Итоги" (8 декабря 1935) он записал: «Вспоминаю участие моё в Комиссии по реставрации Василия Блаженного, по Музею Старого Петербурга и по Музею Допетровского искусства»[8].

В этом же разделе хроники помещена ещё одна заметка о деятельности **Комиссии по регистрации памятников старины в Санкт-Петербургской губернии** (см. выше, № XLI).

2. Охрана памятников *(НВ. 18 июля 1912. № 13056)*[9]

По инициативе Санкт-Петербургского губернатора графа ***Адлерберга*** в настоящее время приступлено к обширным исследованиям и розыскам памятников народного творчества, искусства и старины в пределах Петербургской губернии. С этою целью командируются в Лужский и Гдовский уезды археологи, архитектор ***А.Я. Белобородов*** и фотограф ***Павлович*** и в Новоладожский уезд археолог ***Н.И. Репников*** и фотограф ***Машечкин***. Всю работу по регистрации и указаниям по сохранению памятников народного творчества, искусства и старины, находящихся в ведении гражданских и духовных ведомств, они должны закончить текущим летом. Петербургский губернатор особым циркуляром предлагает местным властям оказывать археологам возможное содействие в их работе[10].

ПРИМЕЧАНИЯ К № XLII, XLIII

[1] Об этих раскопках см. выше: разд. II, № 82–96, 100–133, 138–141, 143–148 (со всеми приложениями и примеч.); разд. III, № XXXVI (1, 2, 15), XXXVII (6–9), XXXVIII (1–3, 7), XXXIX (1–5, 7), XL (2, 3), XLI (2). Ниже тоже имеются упом.: № XLIV (1), XLVII, LII (3).

[2] См. высказывание Рериха в письме жене: разд. II, № 152. В предыдущем приб. к вып. *"Известий"* (№ 46) уже были материалы по этому памятнику, в т. ч. статья *Г. Магулы* "Храм Василия Блаженного гибнет" (с. 159–161), но в них упом. о Рерихе отсутствует.

[3] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить это сообщение сведениями из источников: *РУ*. 28 ноября 1912. № 223; *ВВ*. 11 октября 1912. № 273; *ГМ*. 2 декабря 1912. № 278; *РВ*. 13 сентября 1912. № 211; *Земщина*. 6 декабря 1912. № 1180.

[4] Имеется в виду изд.: *Суслов В. В.*, 1912.

[5] См. материалы по реставрации храма Василия Блаженного в *ИИАК*: 1. № 41. (*ВР*. № 8). 1911. С. 61–62; 2. № 44. (*ВР*. № 9). 1912. С. 15–21, 61–64; 3. Приб. к № 46. (*ХБ*. № 22). 1912. С. 159–161; 4. Приб. к № 48. (*ХБ*. № 23). 1913. С. 168–169; 5. Приб. к № 52. (*ХБ*. № 25). 1914. С. 108; 6. № 52. (*ВР*. № 13). 1914. С. 115–116; 7. Приб. к № 56. (*ХБ*. № 26). 1914. С. 98–100; 8. Приб. к № 58. (*ХБ*. № 28). 1915. С. 64–65; 9. Приб. к № 59. (*ХБ*. № 29). 1916. С. 31; 10. Приб. к № 63. (*ХБ*. № 30). 1916. С. 88 (указ. на статью *Византолога* в № 161 и 166 *УР*).

[6] *Рерих Н.К.*, 1914. С. 88.

[7] См.: ОР ГТГ, ф. 44, № 48, л. 22.

[8] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 643.

[9] Составитель "Археологической хроники" предлагает дополнить это сообщение сведениями из источников: *Россия*. 19 июля 1912; *СПбВ*. 21 июля 1912. № 164.

[10] О работе этой комиссии в дальнейшем см. в *ИИАК*: 1. Результаты лета 1912 г. в сообщении о заседании ОЗСРПИС в феврале 1913. // Приб. к № 50. (*ХБ*. № 24). 1913. С. 20–21; 2. Учреждение ряда местных комитетов. // Приб. к № 52. (*ХБ*. № 25). 1914. С. 15; 3. Доклад А.П. Аплаксина на V Всероссийском Съезде Зодчих в Москве. // *Там же*. С. 49–50; 4. Доклад А.П. Аплаксина в Обществе архитекторов-художников на тему "Регистрация памятников искусства и старины — метод их охраны". // Приб. к № 56. (*ХБ*. № 26). 1914. С. 20; 5. Изучение памятников старины Петербургского края. // *Там же*. С. 119–120. Критический отклик на деятельность комиссии: *Лукомский Г.К.*., 1913. С. 48–49.

1914

XLIV
ИИАК. Прибавление к № 52: Хроника и библиография. № 25
СПб.: тип. ГУУ, 1914

"Археологическая хроника" составлена по газетам за вторую половину 1913.
В раздел, где собраны сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках, включена заметка о новгородских древностях. Приведённые в ней факты подтверждают высказывание Н.К. Рериха о том, что в Новгороде и его окрестностях «беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно». «Проходя по улицам и переулкам города, — писал Николай Константинович, — можно из-под ноги поднять и черепок X–XII века, и кусок старовенецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати...»[1].

1. Новгородские древности *(РЗ. 19 ноября 1913. № 261)*

В настоящее время прокладываются водопроводные трубы для строящегося городского приходского училища по Большой Власьевской улице. Голени, черепа, рёбра человеческие торчат по бокам траншей. Привычной рукой режут их лопатами землекопы и так же спокойно крошат попавшуюся на пути огромную плиту... Около церкви святого Власия, существующей 800 лет, было кладбище... Существует предание, что в этой же местности находился и храм бога Велеса, покровителя стад.

Находки данной местности не единичны и лежат неглубоко. Года два назад, также при проводке сточных труб, выбрали груды костей. Даже во время мелких земляных работ частных владельцев находимы были узкогорлые кувшины, черепа животных и т. п. Старое время берегло и легенды о кладах. К сожалению, большинство находок не регистрируется и точных данных не от-

крывает. Члены археологического общества[2], от которых многим хотелось бы слышать уверенное определение, посещают места крупных находок, но чаще с опозданием. То "невежество" рабочих становится на пути ясного и точного, то "осведомленность" их, куда сбывать находки, ведёт их к коллекционерам, помимо археологического общества, как было при разборке старого здания консистории, в силу чего и возникают неразгаданные предположения, как в данном случае, или разного рода вопросы. А предположения для археологии науки — фундамент шаткий. Даже о результатах грандиозной раскопки академика Рериха в Кремле мы, новгородцы, имеем лишь туманные сведения, да и то благодаря газетным сообщениям, идущим из столицы.

В разделе "Библиография" помещена рецензия на первую книгу "Собрания сочинений" Н.К. Рериха, вышедшую в московском издательстве И.Д. Сытина. Рецензия полностью, без сокращений вошла в обзор ИАК. Составитель сознательно поместил подробные данные о книге, на страницах которой деятельность ИАК рассматривается порой остро критически.

2. Н. Александрович. [Рецензия на издание "Н.К. Рерих. Собрание сочинений. Книга первая"] *(День. 9 декабря 1913. № 334)*

«Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего», — гласит надпись на одном портрете Рериха[3]. «Не знающий прошлого не может думать о будущем», — говорит Рерих в одной из своих статей. И, следуя этим заветам, Рерих, писатель и художник, всю свою жизнь, с юношеских лет, с самого начала своей художественно-писательской деятельности, творческой работой художника и терпеливыми изысканиями исследователя воссоздает чудесный мир прошлого, каждый камень которого для него ложится в основу «строения будущего». Рерих — не учёный, не археолог в обычном значении этого слова, при всех своих раскопках и изысканиях он прежде всего художник. Какой-нибудь предмет, найденный во время раскопок, для него не мёртвый остаток прошлого, но живой свидетель былой жизни. Откопанные в курганах Водской пятины два костяка, мужской и рядом женский с проломленным ударом топора черепом, создают в его уме яркую картину трагических нравов и обычаев, давно исчезнувших. Рерих один из первых почуял красоту и понял значение нашей старины. «Учась упорству у камней», он изучал, раскапывал, читал доклады, писал и, наконец, дождался того времени, когда мог сказать: «Сейчас о старине столько пишут, что нам, поднимавшим это движение, даже страшно становится. Уж не мода ли это? Просто случайная, скоро проходящая мода? Или это следствие культурности?» Вместе с Н.К. Рерихом хочется остановиться на последнем предположении, ибо не могут же широкие круги русского общества всегда безучастно относиться к тому богатству, которое таит в себе наша старина и о котором можно судить даже по тому сравнительно ещё немногому, что сделано для его открытия и распространения знаний о нём. Кто узнаёт прошлое, тот не может не заинтересоваться им.

С такою любовью и художественной экспрессией описывает художник-исследователь свои соприкосновения с миром старины, что невольно увлечённый следуешь за ним и по курганам Водской пятины, и в иконный терем Алексея Михайловича, и в «подземную Русь» — в древний, на несколько саженей засыпанный, Великий Новгород, и по длинному, долгому пути «из варяг в греки».

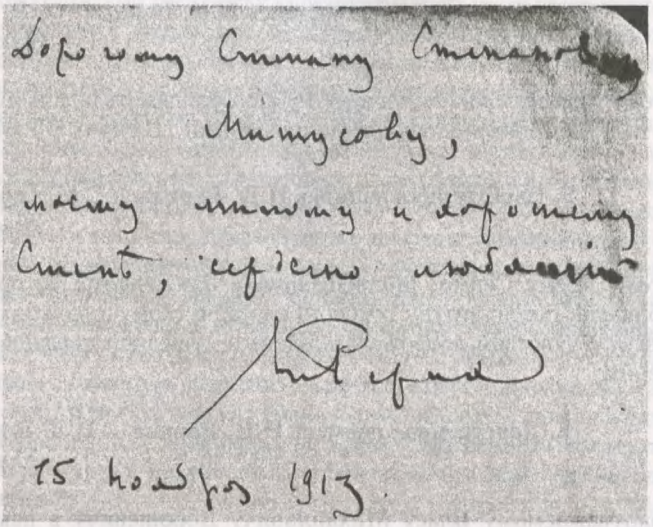
Как нельзя более своевременно издание сочинений Рериха именно теперь, когда интерес к старине так широко разросся, что «даже страшно становится». Достаточно ли так же глубок этот интерес? И не слишком ли уж сильно увлечение? Мудрый художник, так глубоко полюбивший и так проникновенно изучивший мир былого, уже предостерегает: «После спасения старины и умиления ею, как бы не почувствовалось утомление, и, чего Боже упаси, не усумнились бы в будущем современного творчества... Пусть дед не стесняет молодую жизнь... Пусть дедовы законы лягут в основу, но лишь в основу строения будущего».

Главное, что нужно пока, это — спасать старину, ибо, как констатирует Рерих, «по всей России идёт тихий мучительный погром всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползёт бескровный, мертвящий погром, сметающий всё, что было священного, подлинного». Это не только и даже не столько по поводу естественного или насильственного разрушения старины, сколько по поводу её "восстановления", её "реставрации" административными средствами и силами. «Печально, — замечает Рерих, — когда умирает старина. Но ещё страшнее, когда старина остаётся обезображенной, фальшивой, поддельной».

Но не только стариной, не только прошлым живёт Рерих. Все благие начинания в области искусства — Талашкино, псковский музей Плюшкина и смоленский княгини Тенишевой и т. п. встречают горячую его поддержку. В его живой, многогранной душе и современность находит отклик. В отличие от многих, он пишет только о том, что хорошо и значительно, и во всяком факте или человеке, привлёкшем его внимание, умеет он находить то, что есть в нём хорошего. Врубель и Куинджи, Серов и японцы и т. д. — ничто ценное не ускользает от его внимательного, всегда устремлённого к художественному, взора.

Большая заслуга издательства И.Д. Сытина, собравшего и издавшего (в общем, очень изящно, но, к сожалению, с массой грубых, досадных опечаток) первый том сочинений Н.К. Рериха. Всякий, кто интересуется искусством в его прошлом или настоящем, — с интересом будет ждать обещанных дальнейших томов.

Книга эта отмечена не только в разделе "Библиография", но и в разделе "Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за вторую половину 1913 года". В неё вошла целая серия очерков, уже ранее появлявшихся в периодике; многие из них были заново переработаны и дополнены специально для этого издания. Перечислим те очерки, что имеют к научной и собирательской деятельности художника самое прямое отношение: "На кургане" (1898), "Из Варяг в Греки" (1899), "Иконный терем" (1899), "К природе" (1901), "По старине" (1903), "Обеднели мы" (1905), "Голгофа искусства" (1906), "Марфа Посадница" (1906), "Спас Нередица" (1906), "Японцы" (1906), "Древнейшие финские храмы" (1907), "Восстановления" (1908), "Радость искусству" (1908), "Всенародное" (1909), "Памятник святой Ольге" [1909], "Тихие погромы" [1909–11], "Великий Новгород" (1910), "Иконы" (1910), "Подземная Русь" [1910–13], "Земля обновлён-



Автограф Н.К. Рериха на своей первой книге "Собрания сочинений", подаренной С.С. Митусову. МСССМ

ная" (1911), "Клады" (1912), "Миф Атлантиды" (1912), "Церковь Ильи Пророка в Ярославле" [1912], "Глаз добрый" (1913), "Индийский путь" (1913).

На обложке издания стоит 1914, но многочисленные архивные и библиографические данные указывают, что выход в свет первого тома состоялся не позднее 15 ноября 1913. Уже в декабре 1913 стали появляться отклики в периодической печати[4]. Трудности начавшейся войны расстроили выпуск дальнейших книг, и теперь можно только гадать, каким могло бы быть их содержание.

В архиве Рериха имеется длинный список людей и редакций разных периодических изданий, которым эта книга была подарена[5]. Первые лица страны получили от автора эту книгу: Государь Николай II, великие князья Георгий Михайлович и Пётр Николаевич, великие княгини Елизавета Фёдоровна и Мария Павловна, принцесса Е.М. Ольденбургская, П.А. Столыпин. Среди перечисленных в списке лиц значительную часть составляли учёные, деятели культуры, юристы и политики, близкие науке: С.А. Андреевский, П.И. Вейнер, С.Ю. Витте, Е.Н. Волков, барон Н.Н. Врангель, П.П. Гнедич, И.Э. Грабарь, А.Ф. Кони, Б.П. Лопатин, Г.А. Магула, Н.Е. Макаренко, С.К. Маковский, М.О. Меньшиков, П.П. Муратов, В.Д. Набоков, П.И. Нерадовский, князь М.С. Путятин, князь П.А. Путятин, В.В. Розанов, А.А. Ростиславов, княгиня Е.К. Святополк-Четвертинская, княгиня М.К. Тенишева, А.И. Успенский, князь Э.Э. Ухтомский, В.А. Щавинский, А.В. Щусев, С.П. Яремич и другие. Сохранилось также несколько экземпляров с дарственными надписями.

3. Дарственная надпись Н.К. Рериха — С.С. Митусову[6]. *15 ноября 1913*[7]

Дорогому Степану Степановичу Митусову, моему милому и хорошему Стёпе, сердечно любящий Н. Рерих. 15 ноября 1913.

4. Дарственная надпись Н.К. Рериха – А.В. Руманову[8]
15 ноября 1913[9]

Дорогому Аркадию Вениаминовичу Руманову в память общих дум, в память исканий и надежд и доверия. Искренно преданный Н. Рерих. 15 ноября 1913.

5. Дарственная надпись Н.К. Рериха – С.М. Городецкому[10]
20 ноября 1913

Дорогому моему Сергею Митрофановичу Городецкому, автору особенно для меня близких песен; ведуну русского слога; чуткому художнику и сердечному человеку с чувством доброжелательства и душевной преданности. 20 ноября Н. Рерих.

6. Дарственная надпись Н.К. Рериха — В.Л. Дорошевичу[11]
20 ноября 1913

Глубокоуважаемому Власу Михайловичу Дорошевичу в память наших добрых встреч искренно преданный Н. Рерих. 20 ноября 1913.

XLV
ИИАК. Прибавление к № 56: Хроника и библиография. № 26
Пг.: тип. ГУУ, 1914

"Археологическая хроника" составлена по газетам за первую половину 1914[12]. В разделе, посвящённом лекциям, докладам, экскурсиям и выставкам, сообщается о двухнедельной научной экскурсии по старым русским городам. Кроме слушателей ИМАИ, в экскурсии участвовали кн. М.К. Тенишева и художник-археолог Н.К. Рерих.

1. Археологическая экскурсия *(УР. 11 июня 1914. № 133)*[13]

10 июня прибыла в Москву группа преподавателей и слушателей археологического института с директором его ***А.И. Успенским*** во главе. Экскурсия выехала из Москвы 28 мая и проделала следующий маршрут: Ростов-Ярославский, Ярославль, Кострома, Нижний [Новгород], Владимир, Москва, Смоленск и Витебск. Главной целью экскурсии был осмотр памятников старины и производство археологических раскопок. В Ростове-Ярославском и Костроме экскурсанты детально ознакомились с древними храмами и другими памятниками церковной старины. Кроме того, близ Ярославля, Витебска (платформа Свенцицкого) и Смоленска (станция "Гнёздово") экскурсантами были произведены раскопки курганов и "городищ". Раскопки, за исключением обнаружения нескольких мест трупосожжений, сколько-нибудь ценных результатов не дали. В

разрытых экскурсантами Витебских курганах было найдено всего лишь несколько ниток бус, ножичек и другие предметы для украшения и домашнего обихода, которые отнесены к XI веку. Зато успешными по полученным результатам оказались произведённые по предложению Нижегородской архивной комиссии раскопки песчаной дюны на берегу старого русла реки Оки. Еще в 1911 году здесь было найдено много предметов, относимых к доисторическим эпохам. Поэтому с особенным рвением приступили экскурсанты к предложенным архивной комиссией работам. Раскопки дали блестящие результаты. Экскурсантами был раскопан могильник переходной эпохи на границе бронзового и каменного веков. Найдено много каменных предметов, глиняных горшков и 16 бронзовых предметов гальштатской культуры[14]. Орнаментации на всех этих предметах выполнены чрезвычайно тонко и изящно. Особенно красив бронзовый кинжал с рукояткой в виде головы лося и чрезвычайно стильным рисунком. Вся эта коллекция имеет большую археологическую ценность. Экскурсия, таким образом, может считаться удавшейся. Раскопками заведовал преподаватель археологического института ***К.Д. Трофимов***. Кроме слушателей института и упомянутых лиц, в экскурсии принимали участие княгиня ***М.К. Тенишева*** и художник ***Н.К. Рерих***[15].

В связи с участием Рериха в работе **Комиссии по реставрации Ферапонтова монастыря**[16] особый интерес в разделе "Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках" представляет заметка, сообщающая о предпринятых ОЗСРПИС мерах по ремонту обветшавших монастырских построек в Ферапонтове.

2. Ферапонтов монастырь *(Земщина. 18 июня 1914. № 1699)*[17]

Среди памятников древнерусского искусства исключительное, по своей важности, положение занимают древние строения в Ферапонтовом монастыре, Новгородской епархии. Соборный храм Рождества Богородицы, трапезная и пристройки к главному храму, придел во имя преподобного Мартиниана, где покоятся его мощи, — здания, построенные в пятнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом веках, а также уцелевшие здания древних монастырских построек, в том числе шатровые башни, носят на себе следы высокой художественной красоты и являются ценными памятниками русского зодчества, каких с каждым годом становится всё менее и менее.

Но исключительное по своей важности значение эти храмовые постройки имеют, главным образом, потому, что в них хранятся замечательные фрески работы одного из известнейших художников древней Руси Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира[18], являющихся родоначальниками целой школы и учителями ряда других художников, царских и патриарших, отчасти знаменитой школы Строгановской. Произведения Дионисия, ценившиеся в древности так же, как работы другого блестящего русского мастера Андрея Рублёва, составили целую эпоху в истории древнерусского искусства.

Современник Аристотеля Фиораванти, выписанного Иоанном III из Италии, Дионисий работал вместе с ним над украшением Успенского и Благовещенского соборов в Москве, выполнив иконы для иконостаса и расписав фресками эти соборы. Летописец, отмечая эти работы, сообщает, что за один Деисус (т. е. иконы для иконостаса) Дионисий получал «сто рублев», сумму, исключительную для того времени. По сказаниям современников, «иконник-живописец» Дионисий, «пресловущий тогда паче всех в таковом деле», служа высоким образцом для всех современных ему иконописцев, как «хитрый и преизящный не точию иконописец, паче же рещи живописец», на всём почти пространстве тогдашнего Московского царства насаждает своё художество при посредстве своей иконописной артели. Им расписаны храмы в Пафнутьевом Боровском монастыре, в Иосифовом Волоколамском, в Спасо-Каменном и других.

Почти все эти художественные работы погибли для русского искусства: некоторые из них записаны позднейшими мастерами (в Успенском и Благовещенском соборах), некоторые пропали от времени, а в Иосифо-Волоколамском монастыре уничтожен и самый храм, где были его работы. Из всех многочисленных работ Дионисия лишь в глуши Новгородской губернии, в забытом Ферапонтовом монастыре, уцелели фрески, дающие теперь возможность по достоинству оценить художественное дарование этого великого русского художника и его значение в истории древнерусского искусства.

К сожалению, древние постройки Ферапонтова монастыря, и в особенности соборный храм, где уцелели во всей своей первобытной красоте без всяких позднейших исправлений драгоценные фрески Дионисия, пришли в такое ветхое состояние, которое грозит нам погибелью и этого драгоценного памятника славного прошлого нашего искусства. Хотя общество защиты русской художественной старины уже приступило к обновлению древних построек Ферапонтова монастыря, затратив на это около 20 000 рублей, но для того, чтобы довести работы по ремонту обветшавших зданий до конца, необходимо ещё затратить около 35 000 рублей, которых общество не имеет. Поэтому Святейший синод решил прийти обществу на помощь отпуском этой суммы из казённых средств[19].

В Секторе рукописей ГРМ хранится автограф статьи Рериха о живописи Древней Руси[20]. В точном соответствии с рукописью она воспроизводится здесь. Статья под названием "Привет Вам (Письмо художника)" была написана Рерихом для издания "Русская икона"[21], редактором которого был *Сергей Маковский*[22]. В свет статья вышла с тремя иллюстрациями: "Божия Матерь с Младенцем. Итало-греческих писем. XV в.", "Вознесение (деталь). Новгород. XIV в." и "Св. Димитрий Селунский (деталь). Новгород. Начало XIV в. (?)".

Издание "Русская икона" (сборник первый) было включено в "Обзор повременных изданий, выходящих в России, за 1-ю половину 1914 года" со следующей аннотацией материалов: 1. *Павел Муратов*[23]. Ближайшие задачи в деле изучения иконописи; 2. *Николай Рерих*. Письмо художника; 3. *Николай Сычёв*[24]. Икона Божией Матери Млекопитательницы, из собрания Н.П. Лихачёва; 4. *Алексей Соболевский*[25]. Медные Врата, из собрания Н.П. Лихачёва; 5. *Павел Нерадовский*. Борис и Глеб, из собрания Н.П. Лихачёва.

3. Н.К. Рерих. Привет Вам (Письмо художника)

(Русская икона. Сборник первый. СПб., 1914. С. 14–19)[26]

Благодарю редакцию "Русской Иконы" за приглашение написать для первого выпуска.

Закончить что-либо из начатых тем едва ли удастся. Пока лишь искренно приветствую заботы редакции о восстановлении значения нашей прекрасной древней иконы[27].

Ещё не так давно, всего лет двенадцать назад, всякое устремление к иконной красоте считалось почти курьёзом. Называлось архаической причудою. Для не знавших икон служило даже признаком несовершенного вкуса.

Живо помню и знаю, какой приговор всем близким к древним иконам приходилось выслушивать, отстаивая свою уверенность в том, что иконы и религиозная стенопись — великие священным мистическим смыслом — скажут слово тоже великое в будущих шагах нашего искусства[28].

С тупостью варваров множайшие проходили мимо прекрасных изображений. Были закрыты для них магические[29] лики. Были черны для них сверкающие краски. Была недосягаема им чудная изощрённость творчества.

Если одни преступно[30] пренебрегали собственным[31] сокровищем искусства, то другие грубыми руками выхватывали оттуда непонятыми[32] части и старались объяснить их и даже исправить. Правда, горше пренебрежения часто были эти непрошеные исправления и толкования.

Горнюю область искусства старались объяснить мёртвою буквою науки[33]. Знанием холодным убивалось на многие годы то, чем могло жить наше сердце. Отвращался глаз от искусства, скрытого словами неуместными.

Слушая мёртвую речь о прекрасных живописных изображениях, часто думалось, не лучше ли творениям этим погибнуть, нежели вызывать суждения, так далёкие от творчества искусства[34].

Чуждые искусству мудрования вызывали ремесленное отношение к высокому делу. Вместо забвения к иконам устремлялись руки грубые[35]. Гибли памятники безвозвратно. Не закрывалось, но губительно исправлялось ремесленною рукою[36] высокое творчество наших примитивов.

Меньше упрекаем тёмных людей, просто сокрывших не понятые ими творения, нежели надменных исправителей, грубо[37] погубивших памятники великолепные.

Проезжая по Руси, приходилось воочию узнавать несказанное глумление над священными изображениями. С чувством облегчения приходилось слышать об иконах, просто вынесенных в кладовую, и видеть неопасно замазанные фрески.

«В темноте потерпите, теперь недолго уже», — думали мы о сокрытых иконах.

«Белая пелена да сохранит вас», — желали мы скрытым фрескам[38].

Как бы ни была несовершенна культура страны, как бы ни были скудны

познания духовных лиц и начальствующих в мире, но среди людей, преданных иконам, жила твёрдая уверенность в том, что в самое скорое время мы всё-таки познаем высокую ценность наших примитивов[39]. Молодые поймут, что истинное, милое, живописное искусство[40] более не может лежать под спудом, в тёмных углах.

Конечно, движения народные[41] всегда неукротимы. От обидного незнания мы быстро перескочим даже в снобизм. Наряду с прежними уже редкими отрицаниями можно слышать увлечение новоявленное, смешное.

Но лучше пусть увлечение, пусть ослепление светом, нежели мрак. Снобы, зашедшие посмотреть на икону, пройдут. Их увлечение не длинно[42]. Им, скучным, всё наскучит, но и из их ряда выйдет человек[43] и глубоко проникнется красотою старого творчества. Узнает он: какие широкие блестящие пути будущего даёт русская икона.

Последние годы для наших священных изображений были особо опасными. Слишком многое стало искажаться. Точно[44] заторопились вандалы в своём мерзком деле. Испорченное ими стало осыпаться. Многое оказалось предварительно смытым и сбитым.

Приходила на ум страшная мысль. Неужели будущим поколениям придётся изучать древность по фальшивым и грубым искажениям[45]. Что же тогда могло бы запечатлеться в неясных умах, если даже подменная[46] красота ими не была узнана.

Появились лишённые вкуса и понимания иконописные артели. Стала искажаться твёрдая традиция мстерских и холуйских мастеров. К тому же, под маскою[47] улучшения дела, их начали учить рисовать античные гипсы и тем отрывать их от исконного твёрдого знания. Немногие голоса понимающих звучали одиноко, и прекрасные иконные собрания ничто не преображали.

Иноземцы нам и тут помогли. Целый[48] ряд лучших художников Запада начал усиленно указывать на наше забытое сокровище. На Западе об иконах зашумели. Начали их собирать[49]. Стали завидовать.

Иногда и боязливость полезна. Нам, часто боязливым, показалось невозможным не послушаться Запада. Вместо одиноких голосов на защиту иконы поднялись толпы. Понесли иконы в музеи. Понесли на площади для всеуслышания[50].

Пусть иконы поставят на самых видных местах. Пусть на перепутьях, на площадях водрузят их, да светят всем, но [пусть] помнят, что не по всем улицам иконы носить подобает. Мера правильная установит на нашем камне искусства и грань правильную.

Это будем помнить. О прежних укоризнах навсегда забудем.

Научимся смотреть глазом добрым. Будем помнить, что нам нужен не спор, но строительство[51].

В понимании икон за последние дни произошли оценки правдивые. Наконец-то поняли, что иконы творили не простые тёмные силы, а художники, подлинные художники своего времени[52].

Вспомним экстаз написания иконы:

..... «дали ему святую воду и святые мощи, чтобы, смешав святую воду и святые мощи с красками, написал святую и освящённую икону. И он писал сию святую икону и только по субботам и воскресениям приобщался пищи и с великими радением и бдением в тишине великой совершил её» .....

Вспомним ещё раз, как возревновал об иконе Стоглав и Собор царя Алексея Михайловича.

Стоглав требует[53]:

..... «с превеликим тщанием писати образ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА и ПРЕЧИСТЫЯ ЕГО БОГОМАТЕРИ и СВЯТЫХ ПРОРОКОВ ... по образу и по подобию и по существу, смотря на образ древних иконописцев. И знаменовати с добрых образцов».

Собор царя Алексея Михайловича разъясняет:

..... «да иконы лепо, честно, с достойным украшением, искусстным рассмотром художества пишены будут, во еже бы всякаго возраста благоговейная очеса си на тя возводящим к сокрушению сердца к любви БОЖИИ и СВЯТЫХ ЕГО УГОДНИКОВ, подражанию житию их благоугодному возбуждатися и предстояще им мнети бы на небеси стояти себе пред лицы самых первообразных» .....

Не поленимся вспомнить ещё раз, каким словом Окружной Грамоты Тишайший Царь иконы и мастеров иконописцев пожаловал:

..... «[И] яко при благочестивейшем и равноапостольном Царе Константине и по нем бывших царех правоверных церковницы... велиею честью почитаеми бяху, со сигклитом царским и прочиими благородными равенство почитания повсюду приимаху, тако в нашей царьстей православней державе икон святых писателие тщаливии и честнии, яко истинные церковнаго благолепия художницы, да почтуться, всем прочиим председание художником да восприимут и кисть разноличноцветно употреблена тростию или пером писателем, да предравенствуют; достойно бо есть от всех почитаемыя хитрости художником почитаемым быти.

Почтежеся образотворения дело от самого Бога, егда во ветхом завете повел ангельская лица в храме си и над киотом завета вообразити. Прият честь в новой Благодати от Самого Христа Господа, егда изволих лице свое на обрусе Авгарю царю без писания начертати. Почтеся от святых апостолов, ибо святый Евангелист Лука святыя иконы писаша. Почтеся от всея православныя кафолическия церкве, егда на седмом вселенском соборе иконам святым должное утвердися поклонение. Почтеся и от Ангел святых, ибо многажды сами святыя иконы Божиим написаху повелением, яко во святой великой Лавре Киево Печерской, вместо иконописца Алимпия святаго и иногда многащи.

Непреобидимо и непренебрегаемо сие православное рукоделие и от начальствующих в мире во вся предтекшие веки бяше: не точию бо благородных чада, гонзающе праздножительства и безделнаго щапства, многошарного любезно труждахуся кистию, но и самем златый скипетр держателем изряднейшая

бываше утеха, кистию и шары разноличноцветными художеств хитроделием Богу естеству подражати. Кто бе в древнем Риме преславный от Павел Емилий, его же похвалами вся книги историческия исполнишася: сей взыска в Афинах Митродора иконописца, купно и философа, во еже бы научити юныя си крамешнему преславных побед своих начертанию. Коль славный род Фавиев Римских: сих праотец Фавий не меншую стяжа пахвалу иконною кистью, яко прочие мечем и копием острым. А Гречестие премудрии законополагателие толь честно сие судиша быти художество яко же завет им положити, да никто от раб или пленник иконнаго писания вдан будет изучению, но точию благородных чада и советничии сынове тому преславному навыкнут художеству. Толико убо от Бога, от церкве и от всех чинов и веков мира почтеннаго художницы дела в ресноту почитаеми да будут... Сим тако быти хотящим в нашей православнаго царствия державе неизменно выну узаконяем и повелеваем подражающе узаконению благовернаго ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА, ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА, в Стоглаве воспоминаемому в главе 43, да о честных и святых иконех и о иконописателех вся вышереченная в сей грамоте нашей царьстей непреступно хранима и блюдома будут выну».

Настроительно и трогательно слово Тишайшего Царя. Эти речи нам уместно припомнить. Заметьте, пожалованы царским словом не какие-нибудь захудалые, ничтожные мастера. Ценно нам сознавать, что и Соборы, и Цари жаловали именно тех художников, которыми справедливо восхищаемся [и] мы. Возжигая из-под старой олифы первые краски[54], мы видим всю смелость истинно живописного дерзновения. Видим творчество, сложенное глубоким мистическим смыслом. И великое углубление создало восторг, общий многим векам и народам.

Можно временно, как случилось у нас, удалиться от этих красот. По нерадению и неразумию можно забыть о них, но мир бережёт свои клады, и вовремя выходят они из темноты, чтобы светить на новых путях.

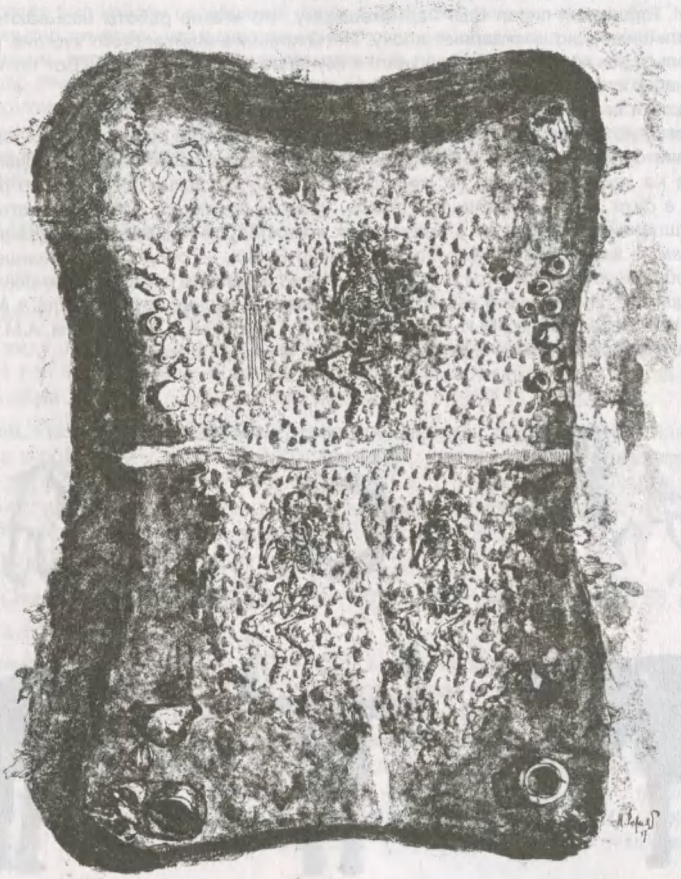
В церковном строительстве уже звучат новые тона. Мы вспомнили, что стенопись должна быть прекрасна красками. Вспомнили о суровой и бездонной значительности старых сочинений. Вспомнили о сочетаниях красок смелых и завидных в своей неожиданности. Вспомнили о том, что об иконах мы знаем слишком мало[55].

Светлыми знамениями выдвинулись иконы в музеях на лучшие места. ГОСУДАРЬ проникновенным словом и примером указал начальствующим всё глубокое значение наших священных изображений. Многие иерархи прозрели на наши подлинные сокровища, которые многие из них прежде по неразумию изгоняли. Молодёжь пошла на поклон иконе[56]. От иконы осветился яркий путь будущих достижений искусства.

Редакция "Русской Иконы" хочет укрепить в массах значение иконы. Доброму начинанию редакции шлю привет, а иконе кланяюсь[57].

Николай Рерих.

В разделе "Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за первую половину 1914 года" названа книга *В.К. Лукомского* "Родословие дворян Митусовых" (Пг., издание С.Н. Митусова). В ней впервые были опубликованы документы по истории древнего рода Митусовых, с которыми семья Рерихов была в близком родстве. В книге помещены портреты нескольких поколений. На последних двух — Степан Николаевич, с которым Рерих сотрудничал в Совете ИОПХ. Упоминается в книге и его сын — Степан Степанович (1), двоюродный брат Елены Ивановны. В 1908 Николай Константинович пригласил его на работу в школу того же Общества. В последующие годы, вплоть до второй мировой войны, будучи за пределами родины, Рерихи переписывались со Степаном Степановичем и его семьёй, которая все эти годы оставалась в Петрограде–Ленинграде. В 1920–30-е годы С.С. Митусов был членом-корреспондентом рериховских учреждений в США.



Н.К. Рерих. План-реконструкция Майкопского кургана. 1897
Оригинал в ГЭ

XLVI
МАР. № 34. Б.В. Фармаковский. Архаический период в России
Пг., 1914

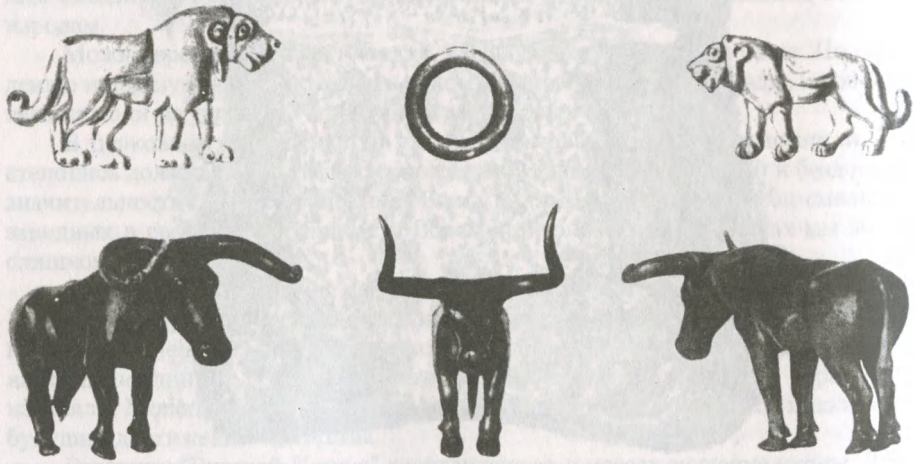
Н.К. Рерих — автор плана-реконструкции **скифского кургана в городе Майкопе**, выполненного им в 1897. Об этом учёный мир узнал благодаря этой книге, являющейся расширенной редакцией доклада Б.В. Фармаковского на II Международном конгрессе историков, состоявшемся в марте 1913 в Лондоне[58].

П.К. Коковцов высоко оценил труд учёного: «Не могу не выразить своего восхищения по поводу появления наконец и у нас в России, на русском языке, таких изданий с такими прекрасными рисунками, среди которых я с радостью заметил много старых знакомых» (письмо автору 27 декабря 1914)[59].

В.И. Горшкевич писал Б.В. Фармаковскому, что «такие работы называются не только "большими", но составляют эпоху. Истолкование Майкопского кургана роскошно! И столько рек потечёт от Вашей книги в изучение истории культуры! Вот так именно великолепно следует издавать основные сочинения» (6 января 1915)[60].

Отклики на книгу в печати отмечали, в общем, те же её достоинства[61].

Возможно, вспоминая о своей реконструкции скифского кургана, Рерих писал в статье "Великое наследие" (1934): *«Почти сорок лет тому назад довелось обратить внимание на замечательные, по стилизации своей, скифские древности и родственные им в духе, так называвшиеся тогда, чудские бляшки»*[62]. Много свидетельств и размышлений оставлено им о скифах и их искусстве, об их изысканном "зверином стиле". *«Самые замечательные учёные*, — писал Рерих, — *обратили внимание на эти наследия великих путников и отдали должное внимание этим необыкновенным стилизациям»*[63]. И в этом его высказывании сказалось знание трудов графа А.А. Бобринского, Н.И. Веселовского, М.И. Ростовцева, Я.И. Смирнова, А.А. Спицына, А.М. Талльгрена, Б.А. Тураева, конечно, Б.В. Фармаковского и многих других.



Золотые вещи из Майкопского кургана. Вторая половина III тыс. до н. э. Раскопки Н.И. Веселовского в 1897 [Б.В. Фармаковский. 1914]

Рерих начал изучать скифские древности ещё будучи двадцатитрёхлетним студентом. Реконструкцию кургана он выполнил тогда в красках по просьбе профессора Н.И. Веселовского и с его слов. Этот курган дал имя целой культуре эпохи ранней бронзы (вторая половина III тыс. до н. э.), с тех пор называемой *майкопской*. По нему уже несколько поколений учёных изучают искусство кочевых переселенцев (как предполагают многие авторы, переселенцев из Месопотамии). Этот памятник даже спустя сто лет после открытия остаётся уникальным по грандиозным масштабам курганной насыпи, по богатству и художественной ценности погребального инвентаря.

Майкопский курган представлял собой захоронение вождя или царя. Погребённый был накрыт покрывалом, расшитым золотыми кружками и бляшками в виде фигурок львов и бычков. Одежда была украшена золотыми, серебряными, бирюзовыми и сердоликовыми бусами. Под головой погребённого лежала прекрасная золотая диадема. При раскопках был найден серебряный сосуд с изображением горного хребта.

Любопытно отметить, что единственно достоверный общий вид кургана был выполнен человеком, непосредственно при раскопках не присутствовавшим. Однако это не помешало Фармаковскому назвать работу Рериха *«бесспорно ценным документом»*. И это притом, что некоторые исследователи подвергали сомнению достоверность выполненной post factum реконструкции, справедливо упрекая Н.И. Веселовского в том, что он не зафиксировал на фотографиях нетронутое погребение Майкопского кургана в момент открытия[64].

ПРИМЕЧАНИЯ К № XLIV–XLVI

[1] См. в разд. II, приложение к № 96.

[2] Видимо, имеется в виду НОЛД.

[3] Имеется в виду открытка с портретом Н.К. Рериха, выпущенная изд. Общины св. Евгении в 1911 (по каталогу издательства № 4353). Факсимиле художника на ней датировано 16 ноября 1910. См.: *Забочень М., Бабинцев С.*, 1982. С. 61, 63.

[4] Об этом свидетельствуют вышеприведённая рецензия и, например, рецензия за подписью "В.", в к-рой такие слова: «Прекрасная мысль издать этот сборник: из него видно, сколько труда и настойчивости Рерих положил, чтобы поднять интерес к русской старине и помочь её, часто бедственному, положению. Будем надеяться, что последующие книги не заставят себя долго ждать» (*СГ.* Декабрь 1913. № 12. С. 44).

[5] Автограф Н.К. Рериха. ОР ГТГ, ф. 44, № 22, л. 26–28.

[6] Справку о *Степане Степановиче Митусове* (1878—1942) см. в разд. II, № 68, примеч. 3.

[7] Оригинал в МСССМ.

[8] *Руманов Аркадий Вениаминович* (1878—1960) — юрист, журналист, коллекционер, меценат. Руководитель СПб. отд. *РС*. Неоднократно упом. в текстах Рериха: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 106. Т. III. С. 68, 460, 486; Р. и его супруга Е.Л. Руманова — владельцы произведений Рериха (по данным до 1916): рис. *"Заморские гости"* (1901), этюд *"Идолы"* (1901), этюд *"Печоры. Полуверки"* (1903), этюд *"Долина Роны (Краски Рафаэлли)"* (1906), *"Илья Пророк"* (1907), *"Дорожка"* (1908), *"Городок"* (1910), *"Древо преблагое глазам утешение"* (1912), два эскиза костюмов к опере "Снегурочка" (1912), раскрашенная автолитография *"Бой"* (1912), *"Туманный замок"* (1913), рис. *"Могила великана"* (1915), *"Холмы"* (1915).

[9] Три экз. книги с надписями А.В. Руманову, С.М. Городецкому и В.Л. Дорошевичу хранятся в РНБ. Текст приводится по изд.: *Голубева О.Д.*, 1991. С. 155.

[10] *Городецкий Сергей Митрофанович* (1884—1967) — русский поэт. Один из организаторов

"Цеха поэтов". В сб. "Ярь" (1907), "Русь" (1910) и др. — темы и образы русского фольклора. Издания его стихов украшались заставками и виньетками Рериха. См.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 191; *Философов Д.* Голубая весна. // *РС*. 20 февраля 1910. № 41. С. 2.

[11] *Дорошевич Влас Михайлович* (1866—1922) — журналист, театральный критик.

[12] Не имея возможности воспроизвести здесь все интересные материалы из этого вып. *ХБ*, хотя бы упомянем некоторые из них. Доклад князя **П.А. Путятина** на заседании ОРСА ИРАО 7 февраля 1914: "Исторические документы времени царей Иоанна и Петра Алексеевичей (1685–87)". Общее собрание Русского генеалогического общества под председательством товарища министра народного просвещения барона **М.А. Таубе** — впоследствии председателя Французского комитета Пакта Рериха. Деятельность **ОЗСРПИС** под председательством уже «управляющего Кабинетом Его Величества» генерал-лейтенанта **Е.Н. Волкова**. В Музей ИМАИ поступили новые дары: от княгини **М.К. Тенишевой** «большая коллекция икон XVI и XVII вв., древней домашней утвари, шитья и пр.»; от **И.К. Голубева** «богатая коллекция... собранная во время путешествия по Индии, Китаю, Японии, Америке, Восточной Сибири и Туркестану». Екатерина Клетнова пишет о раскопках в **Гнёздове**. "Памятник старины" — заметка о **Воскресенском монастыре в Угличе**. Некролог **М.П. Боткина**, с к-рым Рерих работал вместе по ИОПХ около 15 лет. Письмо в ред. Ивана Смирнова: «**В Северном музее в Стокгольме** (Швеция) хранится выставленный для обозрения древний церковный колокол; при нём на шведском языке надпись: "Славянский церковный колокол 1655 года". Интересна вылитая на нём русская надпись: "Звонче звони колокол Божий. За старанием во Славу Божию, ковал сей славенец Стефан"». Новая книга **Н.Е. Макаренко** "Памятники искусства русских славян и их соседей XII века" (с 28 табл. рис. СПб., 1914. 4°). Интересное сообщение из этого вып. о занятиях Церковно-археол. комитета в Смоленске с упом. о **святых Меркуриях Смоленских**. Доклад **Л.Я. Лавровского** "Святой Меркурий епископ Смоленский", сделанный 10 марта 1914, был опубликован в "Трудах Смоленской учёной архивной комиссии" (вып. 3, ч. 2–3), что и было отмечено в 1918 в *ХБ* (№ 32). Автор заметки в *СВ* (12 марта 1914. № 58) указывал, что «некоторые историки смешивают епископа Меркурия с **воином Меркурием**, спасшим г. Смоленск от татар в 1239 г.». Не исключено, что эти сообщения и публикации обратили на себя внимание Рериха и послужили толчком для написания на эту тему сразу двух картин *"Святой Меркурий Смоленский"* (1918).

[13] Обозреватель ИАК предлагает дополнить эту публикацию по источникам: *ГМ*. 11 июня 1914. № 133; *МЛ*. 11 июня 1914. № 133; *Волгарь*. 11 июня 1914. № 156; *РЧ*. 13 июня 1914. № 126; *МВ*. 14 июня 1914. № 137.

[14] *Гальштатская культура* (археол.) — раннего железного века (около 900–400 до н. э.) в Южной и Средней Европе. Названа по г. Гальштат (Hallstat) в Австрии. Остатки поселений, могильники, рудники. Носители гальштатской культуры главным образом иллирийцы и кельты. Хозяйство: земледелие, скотоводство, металлургия. (*БЭС*. 1998. С. 248).

[15] Сразу после вышеописанной экскурсии группа слушателей ИМАИ с директором А.И. Успенским во главе совершили поездку в Звенигород и сёла Вязёмы и Введенское-Першино. Были осмотрены церк. древности Саввино-Сторожевского монастыря, Звенигородского Успенского собора, Вознесенской церк. и храмов названных сёл. Сообщение об экскурсии см.: *УР*. 17 июня 1914. № 138.

[16] В наст. разд., № XLI (2), в примеч.

[17] Обозреватель ИАК предлагает дополнить эту публ. по источникам: *НВ*. 23 февраля 1914. № 13632; *Сельский вестник*. 26 февраля 1914. № 46; *Колокол*. 13 апреля 1914. № 2384 (с рис.).

[18] По современным данным, и ещё одного сына Дионисия — Андрея (см.: *Серебрякова М.*, 1994. С. 110–111).

[19] См. материалы по **Ферапонтову монастырю** в других вып. *ИИАК* и в приб. к ним: *Покрышкин П.П., Романов К.К.* Древние здания в Ферапонтовом монастыре, Новгородской губернии. // № 28. (*ВР.* № 2). 1908. С. 107–155; *Разрушающийся памятник древнерусского искусства.* (Указан адрес «комитета по реставрации Ферапонтова монастыря»: СПб., ул. Моховая, № 5). // Приб. к № 46. (*ХБ.* № 22). 1912. С. 169–170; *Реставрационное заседание ИАК.* // № 50. (*ВР.* № 12). 1913. С. 44; *То же.* // № 55. (*ВР.* № 14). 1914. С. 85–87; *Гибнущие художественные богатства.* (Торжественное собрание в доме духовного ведомства, посв. «чтению о Ферапонтовом монастыре», с к-рым выступил В.Т. Георгиевский). // Приб. к № 56. (*ХБ.* № 26). 1914. С. 58; Указание в обзоре повременных изд. на статью *"Спасение родной старины. Ферапонтов монастырь"* (*Заря.* 27 апреля 1914. № 16. 6 рис.). // *Там же.* С. 172; *Реставрационные заседания ИАК* (обсуждение отношения «комитета по восстановлению зданий монастыря» от 30 марта 1915 и заявления А.В. Щусева от 18 апреля 1915). // № 59. (*ВР.* № 16). 1915. С. 60–62, 72–73.

[20] Авторизованная машинопись. СР ГРМ, ф. 97, № 508.

[21] Вот как представил предысторию этого изд. хроникёр "Аполлона": «Выставка древнерусского искусства", устроенная Московским Археологическим Институтом имени Императора Николая II, пробудила большой интерес к иконописным памятникам нашей старины; и в Москве, и в Петербурге затевается ряд изданий, посвящённых иконам. Между прочим, по инициативе С.К. Маковского и под председательством хранителя художественного отдела Музея Императора Александра III П.И. Нерадовского, учреждено "Общество изучения древнерусской иконописи". Обществом предположено также издавать с будущего 1914 года художественный журнал *"Русская Икона"*» (*Аполлон.* Июнь 1913. № 6. С. 51). Дополнительно о др. вып. *Русской иконы* см. в сообщении о докладе *Б.П. Денике* 15 декабря 1915 в Обществе археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете: *ИИАК.* Приб. к № 59. (*ХБ.* № 29). 1916. С. 16.

[22] *Маковский Сергей Константинович* (1878—1962) — поэт, художественный критик, историк искусства, ред. и изд. журнала "Аполлон".

[23] *Муратов Павел Павлович* (1881—1950) — писатель, историк искусства, переводчик. В 1900–10-е близок к "Миру искусства". См. о нём: *Allen W. E. D.*, 1950; *Анисимов А.И.*, 1983. С. 393; *Богословский А.*, 1994; *БЭС.* 1998. С. 770.

[24] *Сычёв Николай Петрович* (1883—1964) — историк искусства.

[25] *Соболевский Алексей Иванович* (1856—1929) — филолог, историк, палеограф. См. о нём выше, разд. II, № 17, примеч.

[26] В рукописи подзаголовок ("Письмо художника") вписан неизвестной рукой (С.К. Маковского?). Основного заголовка в публ. нет. Судя по публ., рукопись подвергалась ещё ред. и авторской правке. Ниже все существенные отличия от рукописи указаны. Известен ещё черновик этой статьи, хранящийся в архиве автора: ОР ГТГ, ф. 44, № 50, л. 24, 23, 28, 21, 22, 25, 26, 27, 29 (перепутаны при подшивании в д.).

[27] Первые два абзаца автографа в публ. не вошли.

[28] В публ. этот абзац выглядит так: «Живо помнится мне приговор, какой всем близким к древним иконам приходилось выслушивать, отстаивая свою уверенность в том, что иконы и религиозная стенопись, великие священным мистическим смыслом, скажут слово тоже великое в будущем нашего искусства» (с. 14).

[29] В публ. это слово заменено на «священные».

[30] В публ. это слово опущено.

[31] В публ. вместо этого слова стоит «народным».

[32] В публ. вместо этого слова «непонятые ими».

[33] В публ.: «буквою мёртвой науки».

[34] В публ. концовка фразы иная: «...от творчества, от красоты!..»

[35] В публ.: «К иконам устремлялись грубые руки».

[36] В публ.: «Не закрывалось, но ремесленно исправлялось и подновлялось...»

[37] В публ. это слово опущено.

[38] В публ. эти два абзаца-предложения отсутствуют.

[39] В публ. это предложение выглядит так: «Однако, как бы ни была несовершенна культура страны, как бы ни были скудны познания духовных лиц и начальствующих в мире, — среди людей, преданных иконам, жила твёрдая уверенность в том, что в самое скорое время мы всё-таки познаем высокую ценность иконописных памятников» (с. 15).

[40] В публ. начало фразы иное: «Молодые поймут, что истинное, смелое искусство древних художников...»

[41] В публ.: «общественные».

[42] В публ.: «надолго».

[43] В публ.: «кто-нибудь».

[44] В публ.: «Как будто».

[45] В публ.: «подновлениям?»

[46] В публ.: «подлинная».

[47] В публ.: «под личиной».

[48] В публ. это слово опущено.

[49] В публ. это предложение опущено.

[50] В публ. этот абзац сокращён и отредактирован так: «И вот, вместо одиноких голосов на защиту иконы поднялись толпы. Понесли иконы в музеи. Понесли на площади, да увидят!»

[51] В рукописи последнего абзаца нет.

[52] В публ. окончание фразы иное: «...что не простые тёмные силы творили иконы, а художники, подлинные художники своего времени!» (с. 17).

[53] В публ. этих двух слов нет.

[54] В публ. начало предложения иное: «Огненным очищением из-под старой олифы зажигая первоначальные краски...»

[55] Последнего предложения в рукописи нет.

[56] В публ. это предложение звучит иначе: «Молодёжь поняла красоту иконы» (с. 19).

[57] В публ. конец такой: «“Русская Икона” хочет укрепить в русском обществе художественное значение иконы. Доброму начинанию шлю привет, а иконе кланяюсь».

[58] Кроме Б.В. Фармаковского, делегацию России на конгрессе представляли другие учёные: граф А.А. Бобринской, Н.А. Котляревский, Е.М. Придик, Ф.И. Щербатской (*СР.* 1997. С. 257). В конце дополненного текста доклада стоит: СПб., 14 января 1914.

[59] Цит. по: *Фармаковская Т.И.*, 1988. С. 168.

[60] Ibid.

[61] См., например: *Б. В[арнеке].* Рецензия на книгу Б.В. Фармаковского "Архаический период в России" (Пг., 1914). // *ПВ.* 8 февраля 1915. № 31.

[62] *Рерих Н.К.*, 1991б. С. 12.

[63] Ibid.

[64] См.: *Ростовцев М., Степанов П.*, 1917. С. 93. О самих сделанных рисунках кургана М.И. Ростовцев пишет, что они кажутся «вполне точными и документальными».

1915

XLVII
ИИАК. № 57: Вопросы реставрации. № 15. *Пг.: тип. ГУУ, 1915*

На реставрационном заседании ИАК архитектор **П.П. Покрышкин** ознакомил присутствующих с результатами своих поездок в Новгород[1]. Не упоминая имени Н.К. Рериха, своего давнего оппонента, он тем не менее высоко оценил работу последнего в деле научного изучения Новгородского кремля.

В 1910, как уже отмечалось выше[2], под руководством Н.К. Рериха группа архитекторов (Б.К. Рерих, Д.М. Коган и А.А. Шиловский) выполнила обмеры и фотографирование южной части Новгородского детинца, на основе чего были сделаны: генеральный план; подробный обмер башен "Живоносный Источник" и "Кукуй" ("Кокуй") и прясел. Альбомы детальных чертежей и фотографических снимков, запечатлевшие начало научного исследования Новгородского кремля, поступили в распоряжение ИРВИО и ИАК[3].

П.П. Покрышкин, докладывая на заседании ИАК результаты своего осмотра кремля, в частности, сказал: *«Нельзя не приветствовать почина в испрошении единовременного ассигнования нужных средств на ремонт всего кремля, который (почин) сделан господином Новгородским губернатором. Самый ремонт следовало бы организовать таким образом, чтобы прежде него были составлены чертежи, по образцу исполненных Военно-Историческим Обществом, и чтобы за ремонтом неотлучно наблюдал опытный помощник археолога-архитектора, под руководством особой комиссии, с непременным участием представителя Императорской Археологической Комиссии. Лишь при такой организации можно быть уверенным, что излишних поломок не будет, прочная древняя кладка сохранится, а при неизбежных переделках будет соблюдён древний архитектурный стиль»*[4]. Таким образом, чертежи рериховской группы архитекторов были признаны в качестве образца для последующих работ.

XLVIII
ИИАК. Прибавление к № 57: Хроника и библиография. № 27
Пг.: тип. ГУУ, 1915

"Археологическая хроника" составлена по газетам за вторую половину 1914.

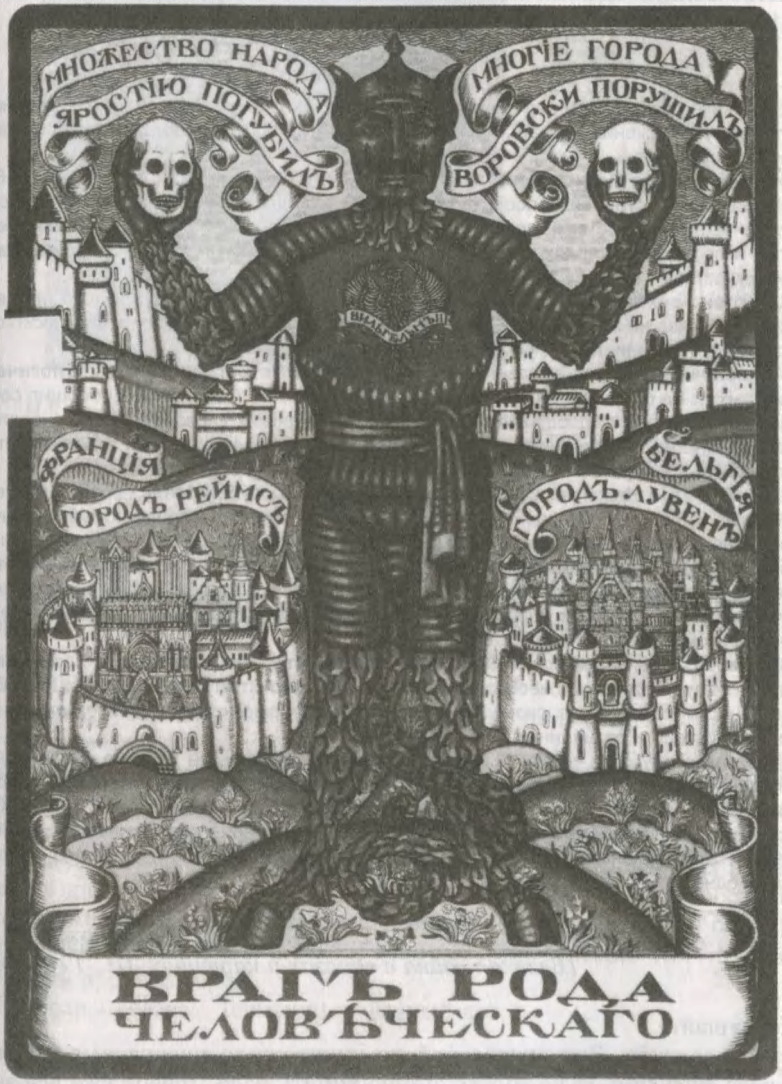
В раздел, посвящённый **ОЗСРПИС**, попали сведения о делах, в которых принимал участие Рерих.

1. Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 год *(ПВ. 9 ноября 1914. № 268)*

В отчётном 1913 году Общество продолжало осуществлять свою задачу: препятствовать разрушению, поддерживать и способствовать сохранению в России всех памятников, имеющих художественную или историческую ценность, независимо от эпохи создания их. Архитектурные постройки, памятники кладбищ, картины, бронза, фарфор, скульптура, гравюры, предметы художественной промышленности — всё это находится под покровительством Общества, деятельность которого, главным образом, направлена на области просветительскую и реставрационную. С этой целью продолжались созывы общих собраний, дабы ближе заинтересовать членов Общества вопросами истории искусства и привлекать новые силы, а также в ряде сообщений и научных докладов знакомить публику с вопросами художественной старины. Собрания происходили два раза в месяц; на них был сделан ряд докладов, из которых наибольшего внимания заслуживают: ***А.П. Аплаксина*** — "Современное состояние Богородицкой церкви в городе Нарве, построенной Иоанном Грозным", ***А.Н. Бенуа*** — "Пеньковый буян" (дворец Бирона), ***П.Н. Столпянского*** — "Легенды и предания старого Петербурга" и "Старый Петербург — Адмиралтейский остров. Его история и план Петровского времени" и др. Сообразно с намеченной советом Общества задачей развивать интерес к искусству Общество устроило в залах Эрмитажа выставку иностранных картин собраний ***С.В. Шереметева*** и ***С.В. фон Ден*** под названием "Наследие Великой Княгини Марии Николаевны"; сюда вошли редчайшие произведения итальянской, французской и голландской школ. Просветительская деятельность Общества встретила широкую поддержку в лице графа ***В.П. Зубова***[5], который пожертвовал Обществу весь валóвый сбор от платы за слушание лекций в его институте истории искусств.

Из деятельности организованных Обществом в минувшем году комиссий[6] для предотвращения от гибели и поддержки памятников искусства следует отметить следующие работы: 1) реставрацию Ферапонтова Белозёрского монастыря, где под собором и под другими зданиями вынуты старые фундаменты и заменены новыми достаточной глубины, деревянные балки под полом собора заменены железными и бетонными, устранена опасность образования новых трещин и проч., и 2) регистрацию памятников Петроградской губернии; при регистрации обнаружен целый ряд весьма ценных памятников церковного зодчества в Гдовском уезде и ряд прекрасных памятников XVIII века в Лужском уезде. Кроме того, был окончен ремонт Батуринского дворца. Общество по мере возможности продолжало оказывать содействие разным учреждениям и лицам в их ходатайствах о поддержке тех или иных художественных и исторических памятников: так, благодаря поддержке Общества, был сохранён в первоначальном виде дом калужской губернаторской дачи, где жил и работал Гоголь, и спасён от переделки его под ресторан; по ходатайству Общества Владимирская епархия признала возможным ремонтировать старинную ограду вместе со свя-

тыми вратами и угловой башней, окружающими суздальский храм Вознесения Господня; Общество содействовало также сохранению в Калуге памятника конца XVII столетия — дома Коробовых — во всём его художественном целом.



Н.К. Рерих. Враг рода человеческого. 1915. Плакат. Хромолитография
Отпечатан тиражом 600 000 экз. (*Рерих Н.К.*, 1998б. С. 48)

Общество участвовало посылкой своих делегатов на V Всероссийский съезд зодчих в декабре 1913 года[7].

К 1 января 1914 года Общество, имея Председателем Его Императорское Высочество Великого Князя Николая Михайловича, двух товарищей председателя и 10 членов совета[8], насчитывало в рядах своих 590 членов.

В хронике опубликован ряд сообщений о протестах различных научных учреждений по поводу уничтожения германцами памятников искусства и старины на оккупированных ими территориях.

Императорское Московское Археологическое общество на общем собрании 18 сентября 1914 постановило послать всем учёным обществам воюющих держав «сочувственные письма с выражением отвращения, которым наполнилось русское сердце при известии о творимых германцами ужасах и безобразиях над памятниками старины и искусства»[9].

Церковно-археологический отдел при Обществе любителей духовного просвещения в Москве на заседании 26 сентября 1914 выразил протест против варварского разрушения Германией Реймсского собора[10].

Аналогичный протест выразил и **Императорский Петроградский археологический институт.** На собрании его членов 21 октября 1914. А.И. Соболевский сообщил собравшимся, что «для выработки протеста против германских варварств на днях состоится соединённое совещание представителей академии наук, духовной академии, петроградского университета и других высших учебных заведений столицы»[11].

1 ноября 1914 **Нижегородская архивная комиссия** опубликовала протест, где, в частности, были такие слова: «Неистовства врагов культуры беспощадно губят драгоценнейшие проявления человеческого духа, в развалины превращают бесценные памятники истории культурного роста народов; грубо уничтожают те святыни, на которых воспитывались целые поколения людей, те творения, которые были свидетелями великих событий в жизни народов. Да будут заклеймены позором эти чудовищные акты человеконенавистничества и варварства»[12].

В ноябре 1914 **Варшавское Общество защиты старины** обратилось с воззванием к польскому населению о необходимости принятия мер к тому, чтобы не пропали окончательно те старинные произведения искусства, которые находятся теперь из-за военных действий в развалинах[13].

Несколько друзей и коллег Н.К. Рериха также отозвались на грозные события наступившей мировой войны и выступили в печати. Например, **А. Ростиславов** опубликовал в "Биржевых ведомостях" статью "Разрушение Реймсского собора"[14], а **В. Курбатов** выступил в "Ежемесячном журнале" со статьёй "Потери искусства во время войны"[15]. Сам Николай Константинович тоже не мог оставаться безучастным. Здесь мы приводим одно из его выступлений на эту тему.

2. Н.К. Рерих. Лувен сожжён. *1914*

(Великая война в образах и картинах. Пг., 1915. № 2)[16]

Послушайте.

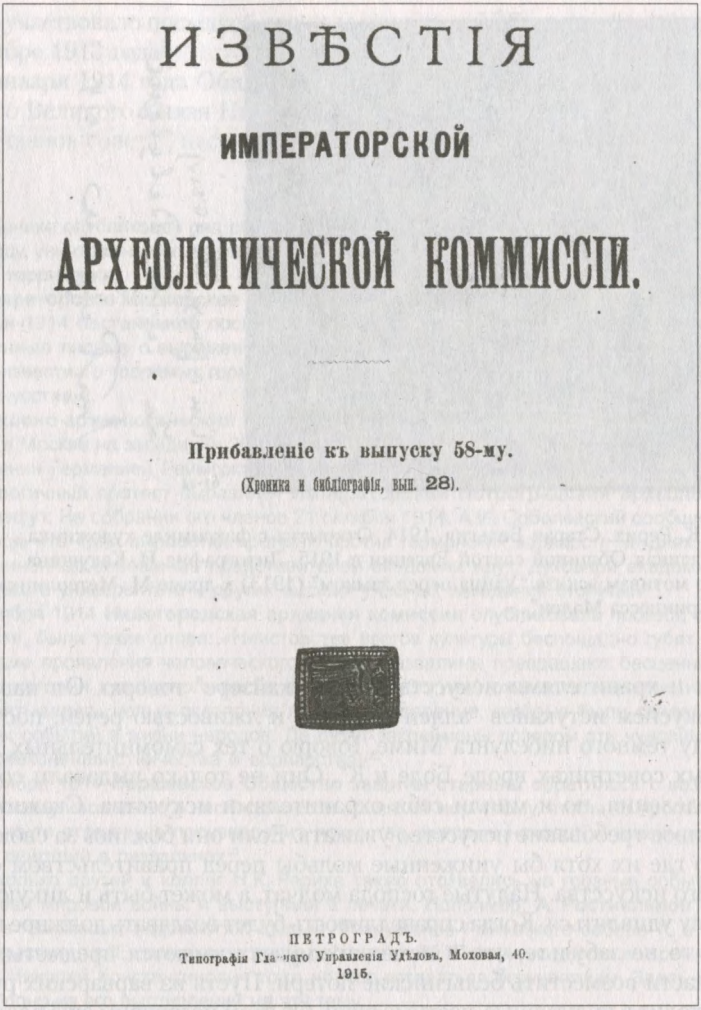
Лувен сожжён. Варварское войско уничтожило прекрасные предметы всемирного значения. И не только армию винить надо. Теперь уже все знают, что немцы дики. Теперь уже пора вспомнить о так кичившейся "культурной" Германии. Надо вспомнить тех людей, которые в Германии называли себя лю-

Н.К. Рерих. Старая Бельгия. 1914. Открытка с факсимиле художника, изданная Общиной святой Евгении в 1915. Литография И. Кадушина
По мотивам эскиза "Улица перед замком" (1913) к драме М. Метерлинка "Принцесса Мален"

бителями и хранителями искусства. Не о "кайзере" говорю. Он навеки явил себя безвкусием истуканов "аллеи Победы" и лживостью речей, построенных по образцу тёмного нибелунга Миме. Говорю о тех самомнительных до наглости тайных советниках вроде Боде и К°. Они не только выдавали сомнительные определения, но и мнили себя охранителями искусства. Скажите, где их справедливое требование искусство уважать. Если они боялись за свою важную шкуру, то где их хотя бы униженные мольбы перед правительством о пощаде всемирного искусства. Надутые господа молчат, а может быть и ликуют. Теперь уже нечему удивляться. Когда справедливость будет воздавать должное геройству Бельгии, то не забудьте, что в немецких музеях имеются предметы, которые могут отчасти возместить бельгийские потери. Пусть из варварских рук искусство переходит в культурные, честные руки. Об этом поговорим ещё после. Теперь только запомните: Король Бельгии сторонился от Лувена, чтобы обезопасить его от случайного обстрела, а немцы жестоко и кровожадно уничтожили этот прекрасный древний город.

Бельгии — слава[17]. Германии — вечный позор.

Александр Ростиславов писал: «Вопреки ожиданию многих, война не только не умалила напряжения художественной жизни, но вызвала в ней, отчасти в связи с широкой художественной благотворительностью, ряд новых интересных явлений и предприятий»[18]. И на этом поприще Н.К. Рерих проявляет поразительную активность, становясь



ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Прибавленіе къ выпуску 58-му.

(Хроника и библіографія, вып. 28).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1915.

во главе нового охранительного движения. Его деятельность направлена на сохранение всего, «чем жив дух человеческий»: он печётся не только о самих памятниках культуры, но и о тех, кто защищал или защищает эти сокровища, т. е. о воинах.

Осенью 1914 он возглавил комитет замечательной выставки **"Искусство союзных народов"**. Выставка устраивалась в залах его родного Общества поощрения художеств усилиями группы художников и коллекционеров. В составе комитета: А.Н. Бенуа, Ф.Г. Беренштам, П.П. Вейнер, А.К. Коутс, Н.Е. Макаренко, Н.Г. Платер (комиссар), И.М. Степанов, Н.Н. Чернягин, С.И. Шидловский, В.А. Щавинский. Весь сбор шёл в пользу Общины святой Евгении, раненых и семей увечных воинов[19].

Появилась редкая возможность ознакомиться с произведениями старинной европейской живописи — фламандской, французской, английской и польской, из малодоступных частных собраний и коллекций. Среди владельцев, предоставивших картины на выставку, были: сам Н.К. Рерих, герцог Н.Н. Лейхтенбергский, П.П. Семёнов-Тян-Шанский[20], князь А.Н. Аргутинский-Долгоруков, И.П. Балашов, А.Н. Бенуа, французское посольство, библиотека ИАХ и многие другие. «Особенностью выставки, — писал Ростиславов, — были отличные музыкальные вечера, устроенные господином Коутсом, Придворным оркестром и другими в выставочном зале на фоне огромного очень интересного гобелена»[21].
Секретарём другого полезного начинания стал **Михаил Васильевич Бабенчиков** (1890—1957), дружба которого с Рерихом началась именно с этого времени[22]. 9 ноября 1914 был освящён и открыт **Лазарет деятелей искусства** на Большой Белозёрской улице, по словам современника, «прекрасно, хотя и просто, оборудованный уже на 70 кроватей». Обозреватель "Аполлона" сообщал, что особенность его — атмосфера художественности, «которую внесли устроители-художники очень простыми средствами, например, шрифтами и лёгкими украшениями надписей над кроватями, портретами крупнейших деятелей искусства — Комиссаржевской, Врубеля, Серова, развешанными кое-где гравюрами и пр. Все кровати — именные, различных обществ, отдельных лиц и в память художественных деятелей»[23]. Свои кровати имели сообщества, напрямую связанные с Рерихом, — "Мир искусства", общество имени А.И. Куинджи, художественное бюро Н.Е. Добычиной и т. д.
Картины и рисунки Рериха появляются на художественных благотворительных аукционах; например, его работы были среди 165 произведений, поступивших на аукцион Багаевой. «Благодаря войне, — сообщал критик, — самые скромные коллекционеры получают возможность приобретать часто по очень невысокой цене работы известнейших художников, которые, при этом виде сборов на нужды войны, только и являются бескорыстными жертвователями»[24].
Осенью 1914 Рерих получил письмо французского посла с выражением благодарности **Президента Франции** преподавателям Школы ИОПХ, пославшим адрес с выражением негодования по поводу разрушения Реймсского собора[25].
Так война объединяла политиков, художников, учёных, военных, деятелей искусства и науки.
Среди других материалов "Археологической хроники" отметим сообщение о планах **ИМАО** «приступить к работам по реставрации нескольких исторических памятников, находящихся на Измайловском Зверинце» (Москва), в том числе **«храма во имя Иоасафа, царевича Индийского, где был крещён Пётр Великий»**[26]. В храмовом почитании на Руси этого святого Рерих видел особенное свидетельство русско-индийских связей в XVI–XVII веках[27].
Кроме того, в выпуске помещён некролог историка **С.М. Середонина** (1860—1914), с которым Рериха связывала многолетняя совместная работа по ИРАО[28].
В "Обзоре повременных изданий, выходящих в России, за 2-ю половину 1914 года" отмечено издание **"Вестник теософии"** (кн. 9–11), с публикацией "Орфические гимны" (перевод Н. Павлиновой).

XLIX
ИИАК. Прибавление к № 58: Хроника и библиография. № 28
Пг.: тип. ГУУ, 1915

"Археологическая хроника", составленная из газет за первую половину 1915, продолжала освещение трагических событий мировой войны: очередная волна вандализма — разрушения, разграбления. И как следствие — новые возмущённые отклики деятелей науки и искусства.

Рерих не переставал выступать в защиту памятников культуры, жертвовал средства на подарки российским воинам, их защищающих[29]. Одно из его выступлений попало на страницы "Археологической хроники".

Ниже приводится подборка статей из хроники о гибнущих памятниках, расхищенных культурных сокровищах, дикости воюющих — страшный синодик в назидание человечеству, напоминающий то, что не уставал повторять Н.К. Рерих и что последующие поколения людей все ещё в массе своей не восприняли: «Берегите старину!»

В первых трёх заметках упомянут **Реймсский собор** — архитектурный памятник зрелой французской готики в городе Реймс, строившийся в течение целого века (1211–1311). В нём до 1825 короновались французские короли. Среди других средневековых построек он выделяется гармоничностью композиции и богатейшим скульптурным убранством[30]. Почтовая открытка с его прекрасным видом появилась у Рериха еще в 1907. На открытке каламбурная надпись княгини М.К. Тенишевой: «Наслаждаемся *Раймсем* и жалеем, что Вас нет с нами», обыгрывающая в названии места его райское великолепие, — и подписи барона И. де Бая, И. Барщевского, Б. Зудина и других.

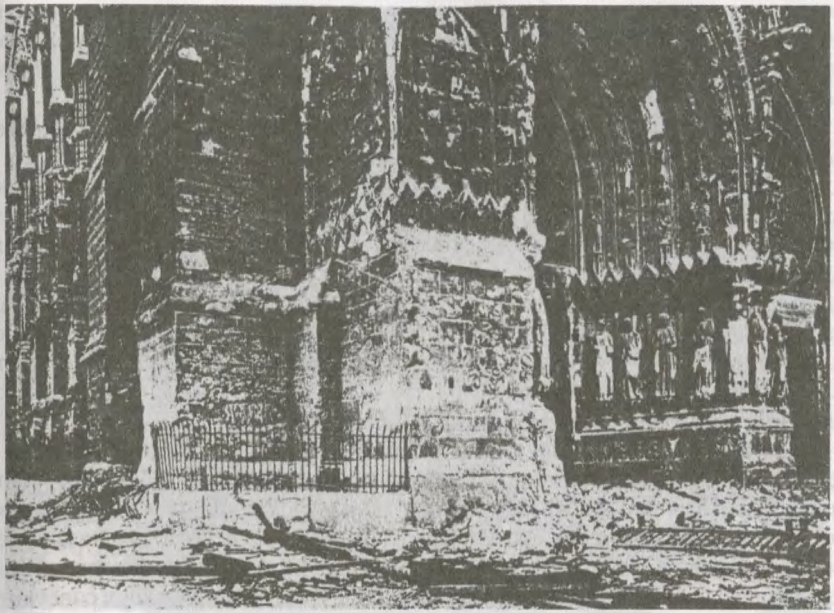
Память о Реймсе, этом священном очаге древней Франции, Николай Константинович (кстати, действительный член Реймсской академии) хранил всю жизнь. С горечью упоминал он в своих книгах и "Листах дневника" о его разрушении и попытках восстановления: *«Мы оплакивали библиотеку Лувена и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто: "Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою"»* ("Знамя Мира". Март 1930); *«Каждому приходилось видеть такие обновлённые памятники и возмущаться, насколько их прежний художественно-убедительный смысл ушёл навсегда. Так, иначе звучит вновь сложенная Кампанилла в Венеции. Ведь и Реймсский собор вновь отстроен, так же, как заделаны разрушения Ипра, Лувена и других мест. Раны памятников закрыты и заклеены, но очарование старины, невозвратимая сочность вековой техники исчезли»* ("Возобновление". 18 января 1935); *«Когда немцы разрушили Реймсский собор и сожгли Лувенскую библиотеку, эти вандализмы вызвали всеобщее негодование. Наш друг Арман Дайо издал потрясающий синодик варварских разрушений. Что дурно — то дурно и не может быть оправдано»* ("Сберегите". 17 декабря 1941)[31].

В подборку из хроники мы включили ещё фрагменты из статьи о гибели Реймсского собора, не попавшей в обзор ИАК, но выделяющейся из всего, что было написано в те месяцы. Это отклик очевидца, видевшего трагедию своими глазами. Судьба собора волновала многих россиян, поэтому статья была оперативно переведена и вышла в журнале, имевшем огромный по тем временам тираж. Она не могла пройти мимо внимания Рериха.

1. Гюстав Жеффруа. Реймсский собор
(Аполлон. Апрель — май 1915. № 4–5. С. 40, 41, 48)

Сообщения французской главной квартиры, кратко составляемые под шум ежедневных сражений, внезапно, 19 сентября в 10 часов вечера, озарились пламенем новым и неожиданным, вырвавшимся из грохота взрывов и крушений: «Германцы, которые, несмотря на яростные атаки, ни на шаг не продвинулись вперёд перед Реймсом, весь день обстреливали собор».

На следующий день, 20 сентября в 15 часов: «Германцы, вне каких бы то ни было военных соображений, настойчиво и непрерывно обстреливают Реймсский собор, который объят огнём».



Развалины Реймсского собора. 1914. Фото из журнала "Аполлон"

Так узнали Париж, Франция, весь мир, со страхом, с отвращением, о том, что одно из прекраснейших творений человеческого гения подверглось нападению. Это преступление было совершено регулярным войском, искусно организованной артиллерией, под руководством вышколенных офицеров, под властью генералов, которые упразднили всё то, что война между "цивилизованными" народами ещё вмещала законного и упорядоченного, по верховной воле государя, опьянённого могуществом, расовой дерзостью, вожделениями военной касты и жадностью промышленников и купцов, которые хотят превратить весь земной шар в одну подвластную им рыночную площадь.

Реймсское преступление — иначе нельзя назвать такое действие, — сади[ст]ское и ненужное, посягающее на священное дело, на величие прошлых веков, разрушившее камни, расписные стёкла, иконы и статуи, которые нам дороги, как кости предков на кладбище, — это преступление свершилось, не вызывая возражений со стороны Ватикана. А могли бы вспомнить обитатели заповедного дворца в Вечном Городе, среди творений бунтующего Микеланджело и прояснённого Рафаэля, что христианский католический храм разрушен немецкими правительственными поджигателями. Но тёмная политика возобладала, и там не осмелились остановить воинственную ярость обезумевших ландскнехтов. Папский престол промолчал перед обрушившейся крышей и разбитым

фасадом прославленного собора так же, как промолчал перед виселицами и расстрелами французских и бельгийских аббатов, перед отвратительными и страшными делами пьяных германских орд, наконец остановленных, на Западе и на Востоке, воинством союзных держав.

Реймсский собор ещё при первом наступлении врага был слегка задет и повреждён могучими снарядами 220-миллиметровых орудий, подбивших несколько внешних изваяний и потрясших расписные окна главного поперечного хода. Окончательная же катастрофа началась 19 сентября нового стиля, когда зажигательные гранаты стали сыпаться без перерыва из орудий, нацеленных на храм с тою же точностью, с какой обстреливают укрепление или станцию железной дороги. Пожар начался на лесах у северо-западной башни, которую в это время чинили. В несколько мгновений они запылали, как стружки. Огни побежали по огромной поверхности крыш собора, и вот занялись исполинские стропила, и сказочный костёр загрохотал как буря. Пламя и дым охватили, сжали стены и башни, опаляя статуи!

Горящие обломки стали падать вовнутрь собора, поджигая солому, на которой лежали раненые германцы. Ещё за немного дней до того один из сыновей Вильгельма II лично приказал разложить эту солому для нужд германского Красного Креста. Волчёнок сказал городскому голове: «Вот вам доказательство моего уважения к этому зданию, я помещу здесь своих раненых; повредить этот шедевр было бы преступлением, какого я ни за что на свете не хочу совершить». Гогенцоллерн сдержал своё слово по обычаю своего рода.

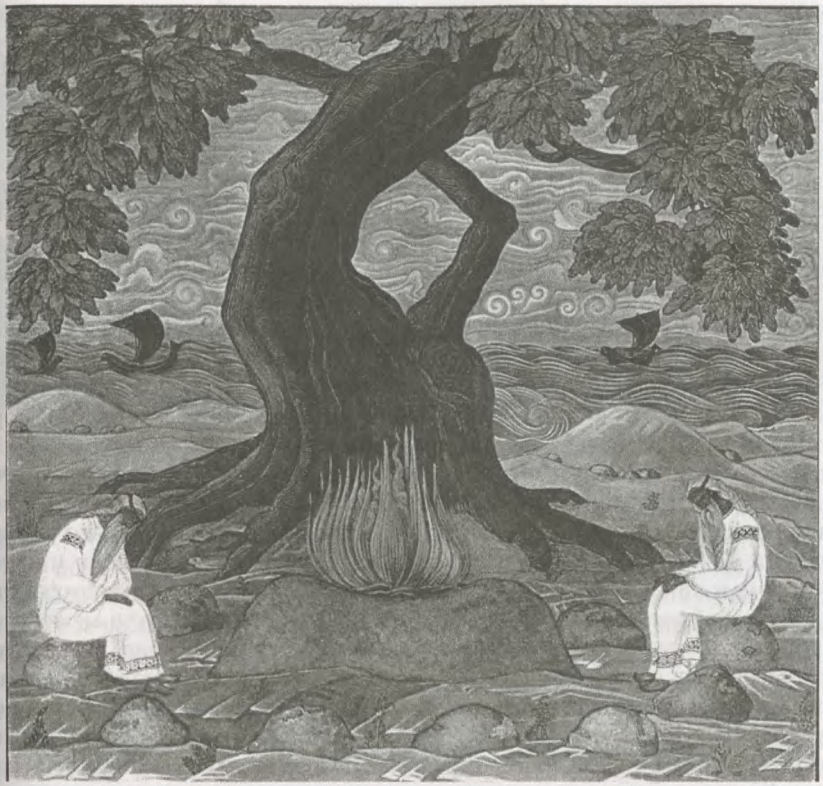
Огонь быстро охватил всё, что внутри было горючего: исповедальные будки, резные заалтарные кресла, кафедры, скамьи; сразу обгорели изваяния внутренней стороны фасада. Несколько людей, достойных удивления, военных, духовных и гражданских лиц, успели вынести раненых, но человек пятнадцать сгорели живьём, как жертвы своих же единоплеменников и братьев по оружию.

На следующий день правительство Франции и многочисленные люди, славные на всех поприщах, возгласили на весь мир свой ужас и своё негодование...

С разрушением собора обрушилась величественная Реймсская декорация истории...

...Лежат обломки одного из пророков. Северные врата на левой стороне фасада почти погибли: Распятие, Обращение Савла, почти все эти прекрасные статуи уничтожены, равно и святой Никазий с ангелом, и королева Клотильда, и святые Ремигий, Дитрихий и Сикст. Великолепные изображения святых Иоанна Крестителя, Стефана, Евтропии испорчены.

Своды обожжены; многие статуи, излизанные страшным огнём, крошатся. Пресвятая Дева и святая Елизавета изранены шрапнелью. Южные врата главного фасада изрешечены. Тимпаны над нишами крайних северных контрфорсов снесены совершенно, как бы отрезаны: с ними погибли группы из жизни Христа и Обретение Животворящего Креста царицей Еленой. Галерея "du Gloria" опустошена. Врата "Красивого Бога" испорчены непоправимо! Не пощажены ни Ева на северном конце поперечного хода, ни изумительная Синагога с повязан-



Н.К. Рерих. Вайделоты. Иллюстрация к "Летописному и лицевому изборнику Дома Романовых" (вып. 2). Цветная автотипия. 1914. Оригинал в частном собрании, Москва

ными глазами — на южном. Даже внутренняя сторона фасада, прежде украшенная чудными изваяниями, теперь являет лишь безобразные обломки...

2. Гибнущие памятники французского искусства
(ГР. 16 февраля 1915. № 398)

14 февраля в конференц-зале Императорской Академии Художеств академик ***С.В. Ноаковский***[32] прочитал лекцию: *"Памятники искусства на французском театре войны"*. Среди неизгладимых потерь, которые понесла страна красоты — Франция, на первом месте стоит Реймсский собор. Насколько велика эта потеря не только для искусства Франции, но и для всего культурного мира,

показывает тот взрыв всеобщего негодования, который вызвала вандальская бомбардировка собора. В то время как собор Парижской Богоматери, этот типичнейший памятник расцвета французской готики, несколько сухой и тяжеловатой, отличается необычайно величественным фасадом, Реймсский собор изумляет своею воздушною легкостью, богатством скульптуры, декорации и орнаментики. Он весь точно одухотворён, как и все украшающие его не телесной красоты статуи. Для сравнения этих двух соборов лектор сделал наброски их, причём сравнение говорит в пользу базилики французских королей — Реймсского собора.

Затем перед собранием на экране проходят разные виды этого собора, снимки со старинных гравюр, изображающие коронации, портреты королей... За Реймсским собором следует ряд других соборов и церквей, представляющих собою каждый прекрасный образец зодчества, дворцы с их поражающей богатством художественной отделкой и обстановкой, театры и частные дома. И на каждом из них положил свою печать гений французского искусства. Во второй части лекции С.В. Ноаковский говорил о замках, расположенных в районе военных действий. Им сопутствуют, главным образом, два стиля: рококо и стиль Людовика XV. Первый лёгкий, игриво-грациозный, чисто французский стиль. В нём господствует во всём ракушка, роскошные цветы, смеющийся веселый орнамент. То же самое и во внешности построек. В них нет колонн и других необходимых принадлежностей прочих стилей, их точно лепил скульптор. Стиль Людовика ещё легче. Всё в нём тонко, орнамент состоит из бус и мелких цветочков, тут же прямые линии и углы. Это уже совсем другой мир, для каких-то других изящных существ. Показав в рисунках особенности и красоту каждого из стилей, лектор перешёл к отдельному описанию памятников искусства прошлых эпох, иллюстрируя каждый световыми картинами. Пред зрителями прошли: Нанси, Шантильи — резиденции герцогов Кондэ, Версаль и много других жемчужин французского строительства, павильоны, сады, целые города, дома, скульптурные произведения, картины, прекрасные образцы прикладного искусства и много других произведений, если ещё не погибших, то стоящих на краю гибели.

3. С. М. Кладоискатели *(БВ. 26 января 1915. № 14635)*

Кладоискательство никогда не исчезало совершенно. Глубокая неистребимая вера в сокрытые в земле клады и драгоценности всегда жила в народных массах, особенно на юге России, где громадные курганы дают такую богатую почву для всевозможных легенд о кладах, зарытых знаменитыми разбойниками или жителями, спасавшимися от вражеского нашествия.

Мировая война 1914–1915 годов ещё более усилила кладоискательство. Во многих местах перед появлением тевтонов жители закапывали в землю свои драгоценности, а теперь предприимчивые авантюристы разыскивают их.

Но нередко кладоискателями выступают и немцы. Незадолго до нашествия тевтонов сокровища антверпенских галерей и храмов — картины Ван Дейка,

Н.К. Рерих. Заставка из "Летописного и лицевого изборника Дома Романовых" (вып. 2, с. 29). Цветная автотипия. 1914

Теньера и пр., — были вынуты из рам и запаяны в медные трубы, а затем в глухую ночь вывезены из Антверпена и зарыты в лесу. Местонахождение этого клада было известно лишь нескольким лицам, которые по горькой иронии судьбы были все перебиты при взятии Антверпена. Однако слух о закопанных сокровищах циркулировал среди местных жителей, и немцы вскоре узнали о них. Начались поиски. Чуть ли не все леса в окрестностях Антверпена были перекопаны, но клада немцы так и не нашли.

Другой клад не даёт теперь покоя многим кладоискателям. При приближении немцев к Реймсу священные сосуды Реймсского собора были вынесены из города и спрятаны в одной из пещер, но где именно — неизвестно. Теперь немцы тщетно разыскивают эти бесценные сокровища.

Беглецы из Ченстохова[33] рассказывают, что перед появлением немцев в Ясногорском монастыре часть сокровищ знаменитого "скарбца" (монастырской ризницы) была замурована в стену одного из монастырских зданий. Проведав об этом, немцы разобрали не одну сажень монастырских стен, но сокровищ нет и нет. Поиски клада продолжаются.

При появлении Черноморского флота у берегов России во многих местах Черноморского побережья началась паника среди местных жителей. Вновь воскресла старая историческая традиция — при приближении врага закапывать в землю всё наиболее ценное. Опять в курганах, пещерах, оврагах стали прятать золото и драгоценности. Но клады, сокрытые в земле, обладают одним скверным свойством: очень часто их впоследствии не может найти и сам хозяин клада. Та же история повторилась и тут. Вернувшись на свои насиженные места, хозяева кладов во многих случаях не сумели их разыскать и теперь безуспешно продолжают свои поиски.

Но всё это, так сказать, случайные кладоискатели. Юг России знает и другой тип кладоискателя — кладоискателя-профессионала. Такой кладоискатель ищет клады "по системе", на основании старых записей, древних книг, опросов старожилов. Такие кладоискатели — фанатики своего дела. Их не остановит никакое препятствие, не разочарует никакая неудача. И нужно отметить, что при всей фантастичности их планов и проектов, иногда их поиски увенчиваются успехами. Учёные археологи немало обязаны этим кладоискателям, получая от них весьма ценные указания для своих научных раскопок[34].

4. Охрана исторических памятников в районе военных действий *(НВ. 7 февраля 1915. № 13976)*

Министром народного просвещения возбуждён перед министром финансов вопрос об отпуске средств на расходы по охранению в районе военных действий исторических памятников и научных коллекций. В составленной ведомством по этому вопросу записке указывается, что военные действия, охватившие западную Польшу и зарубежные русские земли — Галицию и Буковину, уже привели к гибели и повреждению многоценных сокровищ науки и искусства и грозят в дальнейшем окончательным уничтожением сохранившимся пока древностям; ввиду этого Академия Наук постановила принять безотлагательные меры к охранению и спасению научных сокровищ, командировав для этой цели корреспондента историко-филологического отделения Академии действительного статского советника ***Е.Ф. Шмурло*** с предоставлением ему права не только организовать охрану ценных древлехранилищ и музеев, но и, в случае надобности, вывезти таковые. Расход на это мероприятие исчислен в размере 6.000 рублей.

5. А. К. Галицийские древности *(ГМ. 1 марта 1915. № 50)*[35]

В восточной Галиции, оставшейся в стороне от военных событий, ураганом пронёсшихся в XV–XVII веках над Юго-Западным краем и Польшей, сохранилось до наших дней много памятников глубокой старины. Теперь, когда над восточной Галицией гроза мировой войны прошла и сменилась относительной тишиной, всевозможные "любители родной старины" бросились во Львов и его окрестности в надежде добыть по дешёвым ценам старинные редкости.

Но надежды этих "антикваров" не сбылись. По распоряжению генерал-губернатора Галиции графа ***Г.А. Бобринского*** на охрану галицийских древностей было обращено особенное внимание, и все общественные музеи и частные хранилища находятся там под строгой охраной и по сей день. В руки скупщиков попали только маленькие коллекции и отдельные памятники старины, находившиеся в частных руках. Из частных же рук собрана и доставлена в Киевский музей имени Императора Николая II коллекция древних галицийских икон письма XV и XVI веков[36].

Н.К. Рерих. Прибытие князя Михаила Гланды Камбилы на Русь в Великий Новгород. Ил. к "Летописному и лицевому изборнику Дома Романовых" (вып. 2). Цветная автотипия. 1914

6. Н.К. Рерих. Берегите старину! *(БВ. 6 марта 1915. № 14710)*

Сегодня до меня дошли вести, которые если бы даже оказались слухами, то всё-таки заслуживают ближайшего внимания. Мне сообщили, что высланные во внутренние губернии немецкие подданные «при сей верной оказии» занялись скупкою русских древностей. И теперь, если только мы вспомним большое количество высланных и вспомним центральные губернии, изобилующие древностями и художественной стариной, то станет ясно, какой безграничный вред и в этой области могут нанести наши внутренние враги. Дело местной древности находится в руках архивных комиссий, отделов «общества памятников старины» и прочих археологических и художественных учреждений. Хотя, очевидно, война оторвала из этих сфер очень многих деятелей, но и оставшимся необходимо неожиданно уделять силы на борьбу с новыми проделками врагов, очевидно, пользующихся всеми способами, чтобы нанести ущерб русской культуре. Кто бы мог думать, что хищные германцы не оставят в покое такой, казалось бы, удалённой от них области, какую представляют древности и художественная старина наших центральных губерний? Ещё раз, берегитесь немцев и помните, какой скрытый на первый взгляд и огромный по последствиям ущерб могут нанести нашему ещё молодому делу охраны и изучения старины и искусства разосланные внутрь страны враги.

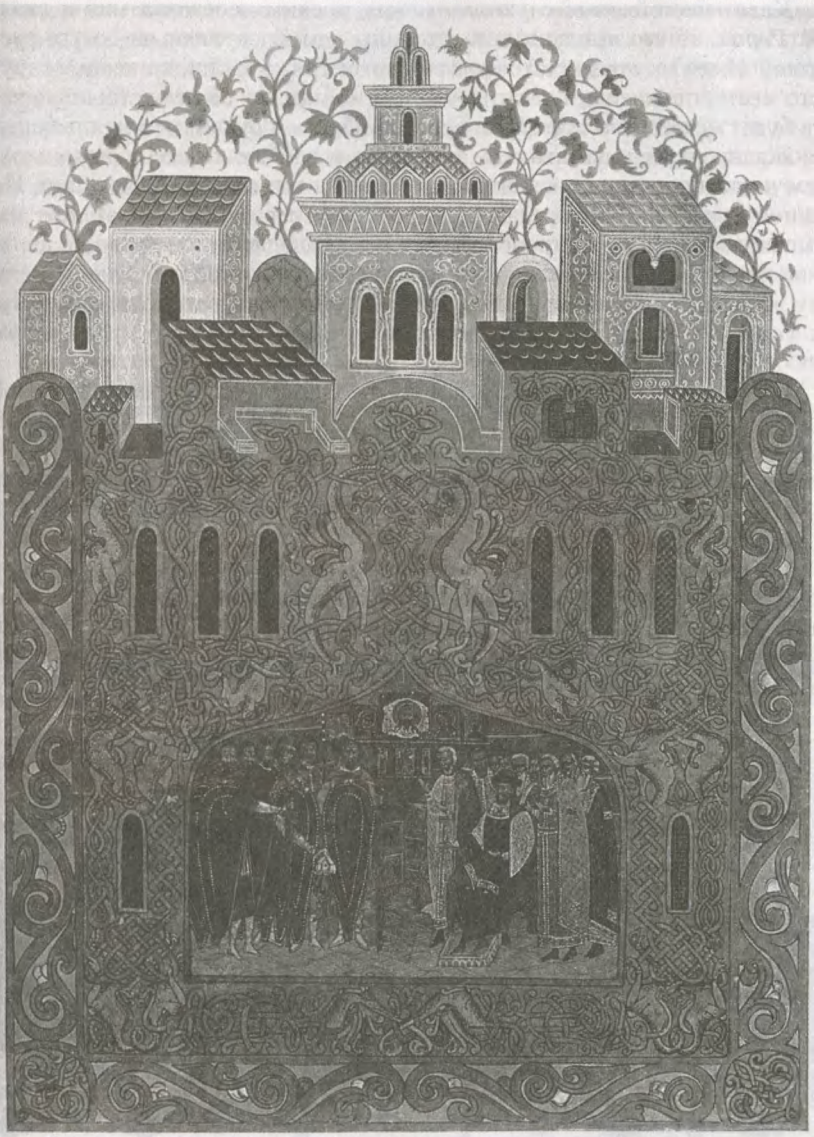
7. Г. Магула. Мирный грабёж *(НВ. 2 апреля 1915. № 14029)*

Охота по русской старине производится иностранцами с давнего времени. Не жалея средств, они скупали памятники русского народного искусства и увозили за границу. Покойный архитектор ***Д.В. Милеев***, путешествовавший по нашему северу, рассказывал мне с грустью:

— Иностранцы ящиками увозят за границу иконы, резьбу, старинное шитьё. Покупают за бесценок, но денег не жалеют, где требуется, платят, сколько спросят. Оно и нетрудно собирать у нас старину: не только крестьяне её не ценят, но и духовенство всегда готово отделаться от «старого хлама»... У иностранцев хорошо организована скупка на севере нашей страны, и они забираются в самые отдалённые, глухие места, не брезгуя ничем.

Последние годы мы много шумим о наших художественных богатствах старины, организуем «общества охраны старины», занимаемся «описью» памятников старины, но никаких действительных мер к её спасению от гибели или увоза за границу не предпринимаем... Сочиняем даже законопроекты, которые проходят различные ведомства, маринуются в Государственной Думе и оказываются в результате всё-таки «негодными к употреблению».

А старина по-прежнему гибнет. Всякое положение способствует этому. Жили мы в мире с немцами — они увозили наши памятники искусства, причём даже Эрмитаж помогал этому, воюем с немцами — они ещё энергичнее подбирают всюду разбросанные у нас памятники прошлого.



Н.К. Рерих. Посольство Великого князя Московского Симеона Ивановича в Твери у Великого князя Александра Михайловича, 1347 год
Ил. к "Летописному и лицевому изборнику Дома Романовых" (вып. 2)
Цветная автотипия. 1914. Оригинал в собрании Б.Н. Окунева, СПб.

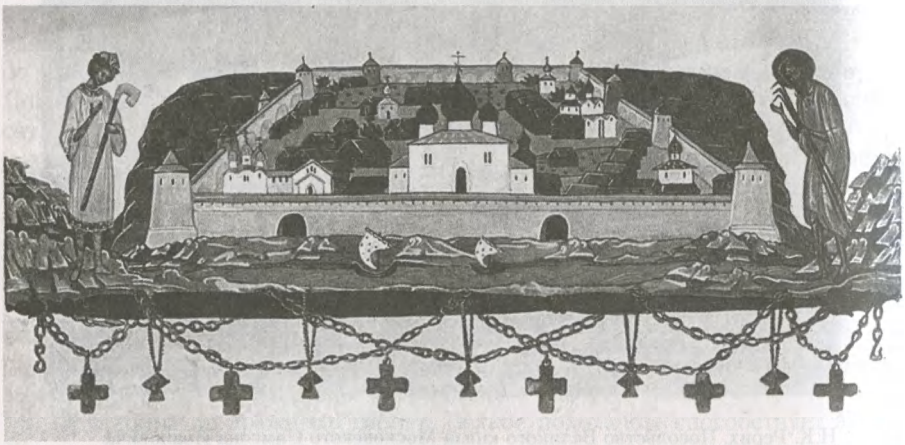
Ходят настойчивые слухи, — между прочим передавал мне и академик ***Н.К. Рерих***, — что высланные из столицы немцы скупают на досуге русскую старину. Имея на это достаточно времени и средств, они, конечно, оберут так чисто места, где находятся, что после них «обществу охраны старины» там делать будет нечего: что возможно будет прибрать к рукам, немцы приберут.

Жадность их к памятникам искусства и вообще ко всему, что «плохо лежит», достаточно ярко проявлялась в Бельгии и в северной Франции. Но там военному грабежу они предавались по праву варваров-завоевателей; народу, засыпанному ядрами, в стране, сожжённой и испепелённой, было не до памятников искусства. Россию же оказалось не так легко предать огню и мечу, и к тому же немцы, расселённые в глубине России, наши военнопленные. При таких условиях обирать Россию допускать нельзя, иначе это будет «курам на смех».

Необходимо проверить слухи и всё, что немцы успели накупить, отобрать у них. Нужно остановить этот мирный грабёж.

8. Запрещение военнопленным приобретать памятники русской старины
(ПгВ. 31 мая 1915. № 119)[37]

До сведения министерства внутренних дел дошло, что размещённые в некоторых губерниях Империи военнообязанные и военнопленные, подданные враждебных нам государств, обладая достаточными средствами, занимаются с коммерческою целью изысканием и скупкою предметов, являющихся памятниками русской старины.



Н.К. Рерих. Заставка из "Летописного и лицевого изборника Дома Романовых" (вып. 2, с. 85). Цветная автотипия. 1914

Пользуясь полным досугом и соприкасаясь в общении своём с лицами, мало осведомлёнными о ценности принадлежащих им предметов искусства и быта отдалённых времен, означенные иностранные подданные с большой лёгкостью приобретают то, что составляет предмет исканий для лиц и организаций, изучающих исторический уклад нашей родины. Признавая недопустимым такое обогащение враждебного России элемента, связанное с прямым ущербом не только для несведущих наших соотечественников, но и для науки изучения России, от которой бесследно уходят не поддающиеся оценке памятники древности, министр внутренних дел просит губернаторов сообщить, насколько сведения эти отвечают действительности, и в утвердительном случае — какие меры приняты к предотвращению столь нежелательного явления.

В разделе "Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за первую половину 1915 года" значится выпущенный малым тиражом ***"Летописный и лицевой изборник Дома Романовых.*** *Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. 1613—1913 годы". Под редакцией князя М.С. Путятина. Выпуск 2. Москва.* Художественным оформлением фолианта руководил Н.К. Рерих. На миниатюрах художника, помещённых в этой книге, заметно влияние образцов русской книжной миниатюры XVI–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ К № XLVII–XLIX

[1] ИАК командировала Покрышкина «для технического осмотра Кремлёвской стены» в начале сентября 1910 и в июне 1914. В первом случае его сопровождали исполняющий обязанности губернского инженера Р.Р. Эргле и председатель НОЛД М.В. Муравьёв (см.: ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 141, л. 157).

[2] См. разд. II, № 101, 111, 115, приложение к № 132; разд. III, № XXXVIII (1, 7).

[3] Своеобразным "эхом" этих работ является интересный документ за подписью инженера-строителя **Р.Р. Эргле**, обнаруженный нами в архиве НОЛД. Из него ясно, какими источниками пользовались архитекторы рериховской группы, кто им помогал в работе, чьи интересы были при этом удовлетворены или ущемлены. Приведём его полностью. «*Сообщение общему собранию членов Новгородского Общества Любителей Древностей 11 апреля 1914 года.* В 1910 году делопроизводитель Строительного Отделения в старых ненужных бумагах, уцелевших от бывшего в девяностых годах в Строительном Отделении пожара, нашёл несколько листов чертежей Новгородской кремлёвской стены. Число листов значительно увеличилось, когда тем же делопроизводителем без сожаления труда были перерыты все груды старых бумаг бывшей строительной дорожной комиссии. Чертежами заинтересовался тогдашний секретарь Статистического Комитета господин В.А. Подобедов, обещавшийся получить разрешение Господина Губернатора на передачу всех чертежей кремлёвских стен Новгородскому музею, где для них было бы и самое подходящее место, так как чертежи представляли собой несомненно старину, изображая фасады стен и башен в таком виде, в каком многие места уже не существуют в натуре. Само исполнение чертежей было очень изящно: показаны все детали архитектуры, по фасадам ясно видны были все изгибы и повышения стен, даже тени исполнены красиво, так что по всему видно было, что чертежи разработаны специалистом-архитектором или инженером и разработаны в совершенстве. Ввиду ожидавшейся передачи чертежей в музей, они были приведены в порядок наклейкой на

коленкор, причём получилось 10 чертежей высотою в лист бумаги и длиною некоторые до 2 аршин. Только что чертежи поступили обратно из Губернской типографии, где производилась их наклейка на коленкор, как в Строительное Отделение явился Б.К. Рерих. Увидав чертежи, он просил предоставить их в его распоряжение на несколько часов. Тогдашний Губернский Инженер Ф.Т. Куранов велел выдать Рериху чертежи на кратковременный просмотр, причём Рерих обещался вернуть чертежи через два–три часа. Прошло много часов, дней и недель, Рериха давно уже не было в Новгороде, не было и чертежей. Тогда делопроизводитель Строительного Отделения, разузнав петербургский адрес Рериха, писал последнему несколько раз, но не удостоился ответа. На одном из заседаний IV съезда зодчих в Петербурге я встретил Рериха и завёл с ним разговор о невозвращении им чертежей Новгородского кремля. Рерих обещал немедленно вернуть, однако на последовавшее новое письмо Рериху делопроизводителя Строительного Отделения последовало следующее сообщение от Совета Императорского Русского Военно-Исторического Общества: «Делопроизводителю Строительного Отделения Новгородского Губернского Правления. Летом минувшего года командированным Императорским Русским Военно-Историческим Обществом в составе экспедиции по измерению и описанию стен древнего Новгородского детинца Б.К. Рерихом были взяты десять планов названного детинца начала XIX столетия, каковые и переданы ныне в Разряд военной археологии и археографии Общества. Разряд, приступая к изданию трудов помянутой экспедиции и встречая надобность в использовании означенных планов, вошёл с ходатайством об оставлении последних в его распоряжении. Подтверждая настоящее ходатайство, Совет имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, о содействии к его удовлетворению. Председатель Общества Дмитрий Скалон». Такова судьба чертежей, которые, по моему мнению, совершенно необходимы для того, чтобы придерживаться их при реставрации детинца, даже при мелких работах по ежегодному ремонту стен, так как показывают вид детинца сто лет тому назад. Я не буду говорить о другого рода значении чертежей, это и так понятно, не буду говорить и о квалификации самого способа приобретения чертежей Рерихом по всей вероятности из желания отличиться перед учреждением, командировавшим его в Новгород, но обращусь с просьбой в Новгородское Общество Любителей Древностей принять возможные меры, чтобы чертежи не пропали для Новгородского музея» (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, № 47, л. 1–2). Судьба упомянутых Р.Р. Эргле 10 чертежей, как и чертежей, сделанных рериховской группой архитекторов, нам неизвестна. Информация о них может храниться в фондах ВИМ и в РА ИИМК.

[4] В данном вып. с. 27–28. Реставрационное заседание 18 сентября 1914.

[5] Доп. сведения о нём см.: *ПО*. 1993. № 29. С. 71–74.

[6] Как свидетельствуют архивные документы, комиссии, перечисленные ниже, были образованы не позднее 18 апреля 1911; см. выше в № XXXIX (5–7), XLI (1, 2), XLIII (2), XLIV, XLV (2). Всего было создано 6 комиссий. Сохранились данные об их составе. **Комиссия по регистрации памятников Петербургской губернии** (состав приводился выше, № XLI). **Комиссия по Ямбургскому собору**: члены Н.Е. Лансере, А.П. Аплаксин, П.П. Вейнер. **Комиссия по реставрации памятников Самарканда**: председатель А.А. Половцев, члены М.И. Дворжицкий и С.В. Цейль. **Комиссия по реставрации Ферапонтова монастыря** (состав приводился выше, № XLI, примеч. 24). **Комиссия по реставрации памятников Архангельской и Волынской губерний**: председатель К.К. Романов, члены А.В. Муравьёв, графиня В.В. Мусина-Пушкина, графиня С.П. Капнист. **Комиссия по реставрации Батуринского дворца**: председатель светлейший князь М.К. Горчаков, члены А.Е. Белогрудов, В.П. Кочубей, А.И. Фомин, Б.И. Ханенко. См. в РА ИИМК, ф. 68, № 53, л. 2–3 об.

[7] В архиве Об-ва сохранился отпуск письма, разосланного многим членам Об-ва в связи с подготовкой этого съезда. В выработке его Рерих принимал участие как член совета (см. *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 163–164).

[8] По архивным документам Об-ва, численность совета была всегда несколько больше, от 13 членов в 1910 до 17 в 1916. Совет формировался след. образом. Председатель — великий князь Николай Михайлович выбран 13 марта 1910; члены, выбранные 19 декабря 1909: П.П. Вейнер, В.А. Верещагин, В.А. Волкова, Е.Н. Волков (товарищ председателя), А.В. Муравьёв, княгиня О.А. Оболенская, князь А.В. Оболенский, князь С.В. Оболенский, И.А. Фомин, А.В. Щусев; член, выбранный в 1910: Н.К. Рерих; член, выбранный 23 апреля 1911: С.Л. Бертенсон; член, выбранный 15 декабря 1913: светлейший князь М.К. Горчаков (см. в РА ИИМК, ф. 68, № 53, л. 26). В совет также входил барон Н.Н. Врангель, будучи с 1909 и до смерти 15 июня 1915 секретарём Об-ва. В дальнейшем произошли изменения. В книге "Венок Врангелю от Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины" (Пг., 1916) приведён такой состав совета: председатель — тот же, товарищи председателя — Александр Н. Бенуа и Е.Н. Волков, секретарь — А.А. Половцов, помощник секретаря — С.Л. Бертенсон, казначей — князь С.В. Оболенский, остальные члены совета те же и двое новых — К.К. Романов и В.А. Щавинский.

[9] С. 7. Со ссылкой: *РУ*. 20 сентября 1914. № 216.

[10] С. 13.

[11] С. 14. Со ссылкой: *БВ*. 22 октября 1914, № 14448 и целый ряд др. изд.

[12] С. 17. Со ссылкой: *Волгарь*. 1 ноября 1914. № 249.

[13] С. 8–9. Со ссылкой: *ПгК*. 6 ноября 1914, № 233; *УР*. 8 ноября 1914. № 275. Спустя годы Рерих с горечью записал в дневнике о новых разрушениях Варшавы и вообще польских памятников: «В старинном городе было немало зданий, хранивших в себе исторические воспоминания. Немало было художественных собраний. В домах хранились семейные реликвии музейного значения. Радио передает, что весь город в развалинах... В Данциге волею судеб уцелела Артусова зала, а в Варшаве исчезли многие народные сокровища... Невозможно подвергать исторические города современным разрушительным осадам. Пусть геройские подвиги проявляются вокруг крепостей, которые и созданы для военного применения. В прошлую великую войну русские войска, оказавшие чудеса храбрости в крепостях польских областей, добровольно отошли от Варшавы, дабы не подвергать город опасностям разрушения» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 256–257).

[14] *БВ*. 11 сентября 1914. № 14250. Отмечена в данном вып. на с. 75.

[15] Кн. 8–9. Отмечена в данном вып. на с. 77.

[16] Приводится по изд.: *Рерих Н.К.*, 1993б. С. 47.

[17] Рерих славил, благодарил Бельгию и в последующие годы. В Бельгии, в Брюгге, в соборе Святой Крови в 1931 было освящено **Знамя Мира** — знамя охранения культурных сокровищ, предложенное Рерихами. Не случайно это произошло там, где «сохранился весь живой уклад старины в такой неприкосновенности» (*Рерих Н.К.*, 1991а. С. 252–255). См. также о деятельности *Камилла Тюльпинка* в Бельгии уже после второй мировой войны: *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 602–603.

[18] *Аполлон*. Ноябрь 1914. № 9. С. 61.

[19] См. также лист дневника "Опять война" (3 сентября 1939): *Рерих Н.К.*, 1995–95. Т. II. С. 217.

[20] С ним Рерих был хорошо знаком; оставил несколько интересных упом. о его коллекции и о нём самом. См., например: *Рерих Н.К.*, 1991а. С. 35–36.

[21] Там же. С. 62. Среди "других" был *С.С. Митусов*, секретарь Школы ИОПХ, многолетний друг и сотрудник Рерихов, организатор и ведущий многих вечеров. О подобных вечерах в здании ИОПХ с его участием сохранили воспоминания его дочь Людмила Митусова и его племянник Святослав Рерих.

[22] *Держава Рериха*. М.: Изобразительное искусство, 1994. С. 434.

[23] *Аполлон*. Ноябрь 1914. № 9. С. 63.

[24] *Аполлон*. Декабрь 1914. № 10. С. 71.

[25] *Аполлон*. Ноябрь 1914. № 9. С. 64. «Н.К. Рерихом от лица Общества Поощрения Художеств были посланы горячие выражения сочувствия президенту Французской Республики и обращение к послу Американских Соединённых Штатов с просьбой вступиться за памятники старины» (*Отражения Войны. // СГ*. Октябрь–декабрь 1914. С. 126). Эту цитату Рерих привёл и в листе дневника *"Старые годы"* (1936): *Рерих Н. К.*, 1995–96. Т. II. С. 10–11.

[26] Составитель хроники приводит заметку из *ГМ* (20 июля 1914. № 166), при этом предлагает дополнить её по публ.: *MDZ*. 22 июля 1914. № 164; *SPbH*. 24 июля 1914. № 201.

[27] Приведём несколько высказываний Рериха **о святом царевиче индийском Иосафе**. «В православной церкви, в старых описаниях "Житий святых" вы найдёте детальное описание жизни Иосафата, сына царя Индии. Вы начинаете понимать, что Иосаф, или Иосафат в неправильном арабском произношении, есть "Бодисаттва". Вы начинаете изучать это длинное повествование, прикрытое вуалью христианской интерпретации, и узнаёте эпизоды из основного повествования о жизни Будды... В ноябре во всех церквях упоминается имя святого индийского царевича Иосафа» ("Сын царя". Алтай. 1926). «Трогательны все объединительные знаки. Буддисты видят икону Святого Иосафа, царевича Индийского, и хотят иметь копию её» ("Майтрейя". Кейланг. 24 августа 1931). «...Ещё одно сходство между тибетскими и русскими иконописцами. И те, и другие поют за работой священные стихиры. И часто русские иконописцы поют старинный стихир про Иосафата Царевича, не подозревая, что они поют про Благословенного Будду» ("Искусство Тибета. (Листы дневника экспедиции)". Шекар Дзонг. 1928). «...Перед нами стоит икона Святого Иосафа, царевича индийского. Ведь это благостные знаки, которыми приходит взаимное понимание!» ("Мир и Культура. Буддийской ассоциации молодежи в Коломбо". Гималаи. 8 мая 1931). Рериху принадлежит публ. духовных стихов: "Стих Иоасафа Царевича о пустыне" и "Стих об Иоасафе Царевиче" (*РВ*. 1992. № 4. С. 47–49). Последняя публ. об этом святом: *Душеполезная повесть о Варлааме-пустыннике и Иоасафе Царевиче Индийском, принесённая из страны внутренней Эфиопии, называемой Индией, во святой град Иерусалим Иоанном Дамаскином, мужем честным и добродетельным, иноком монастыря св. Саввы* (М., 1998). Является переизданием одноимённой книги, вышедшей в 1910 в Сергиевом Посаде (перевод с греч. по древним пергаментным рукописям, хранящимся на святой горе Афон).

[28] См., например: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 171.

[29] См. об этом: *БВ*. 13 марта 1915. № 14724. С. 2.

[30] Трёхнефная базилика с трансептом, развитой восточной частью и двумя западными башнями. (*БЭС*. 1998. С. 1007).

[31] См. также листы дневника "Опасность разрушений" (1934), "Зачем?" (3 августа 1935), "Поддельная Европа" (1943): *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 52, 601. Т. III. С. 128.

[32] *Ноаковский (Noakowski) Станислав* (1867—1928) — польский рисовальщик. Виртуозные, мягкие по светотеневым градациям рисунки с изображениями архитектурных памятников Польши, России, Западной Европы. (*БЭС*. 1998. С. 811).

[33] *Ченстохо́ва (Częstochowa)* — г. на юге Польши. Монастырь паулинов (XVII–XVIII вв., в костёле — икона "Ченстоховская Богоматерь", XIV в.). (*БЭС*. 1998. С. 1344).

[34] Весьма созвучны этой заметке рериховские указания на подобное кладоискательство. Приведём фрагменты из листа дневника "Промыслы" (5 июля 1943): «...Ограбление могил известно уже и в глубокой древности. Египетские некрополи бывали ограбляемы, вероятно, вскоре после погребения. Южностепные курганы нередко носят следы ограбления. При этом грабительская траншея велась с полным знанием внутреннего устройства кургана... Очень умело сибирские старатели извлекали из курганов золотые листы, служившие ложем покойникам. Целые артели с петровских времён промышляли этим прибыльным занятием. Каждому археологу приходилось наталкиваться на разграбленные курганы... Наверно, не всегда одна корысть увлекала копателей. Заманчивое кладоискательство порождало неутомимых своеобразных охотников... Целый замысловатый фольклор собрался вокруг кладоискательства. История слилась с богатой выдумкой. Без устали бродит странник-искатель. И нет в нём разочарования, если ему не посчастливится. Есть и про него клад!» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 126). (О сибирских кладоискателях см.: *Курочкин Г.Н.*, 1995).

[35] Составитель хроники предлагает дополнить этот материал заметками: *МВ*. 3 марта 1915. № 50; *Колокол*. 6 февраля 1915. № 2626; *Киевлянин*. 2 февраля 1915. № 33.

[36] Приведём в связи с этим слова Рериха о Галиции и её культуре из листа дневника "Старые друзья" (21 октября 1939):

«Замечательна былина о Дюке Степановиче, где сопоставляется богатство Галича с Киевом. Выходит, что Галич много превосходит Киев и зодчеством, и товарами, и всем великолепием. Добрыня принял портомойницу за матушку Дюка — в таком богатейшем наряде она была. Впрочем, и в "Слове о полку Игореве" превозносятся богатство и мощность Галича. Старое достояние Руси.

Вот опять русский народ объединён с Галицкой старинной областью. Наверно, произойдут раскопки. Ещё что-нибудь замечательное выйдет наружу. Показания былины о Дюке и "Слова о полку Игореве" недаром устремляют внимание к Галицким взгорьям. И угры, и болгары имели причины стремиться в этих направлениях» (*Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 222. Ср.: *Там же*. Т. III. С. 512).

[37] Составитель хроники предлагает доп. этот материал заметками: *ВМ*. 2 июня 1915. № 153; *ЧС*. 6 июня 1915. № 138; *ТМ*. 7 июня 1915. № 2272; *ПгК*. 12 июня 1915. № 496 и др.

1916

L

ИИАК. Прибавление к № 59: Хроника и библиография. № 29

Пг.: тип. ГУУ, 1916

В "Обзоре повременных изданий, выходящих в России, за 2-ю половину 1915 года" указана публикация в газете "Речь", посвящённая **25-летию художественной и литературной деятельности Н.К. Рериха**. Так Археологическая комиссия откликнулась на событие, стоящее, казалось бы, далеко от основной тематики её обзоров. ИАК не могла

не откликнуться на этот юбилей, т. к. многие её члены видели в Рерихе не только единомышленника, но и друга, коллегу, более 20 лет активно способствовавшего деятельности комиссии.

Кроме извлечений из "Речи", мы приводим здесь и фрагменты других откликов, касающиеся в основном археологии. И это лишь малая толика из того, что опубликовали газеты и журналы в те декабрьские юбилейные дни.

1. К 25-летию художественной и литературной деятельности Н.К. Рериха *(Речь. 10 декабря 1915. № 340)*[1]

[...] В 1904 году в Обществе Поощрения Художеств состоялась отдельная выставка этюдов Николая Константиновича под названием "Памятники русской старины", и в 1909 году в год избрания его академиком была его отдельная выставка в Царском Селе. С 1903 года Н.К. Рерих по приглашению иностранных художественных обществ устроил целый ряд отдельных и частных выставок за границею, давших Николаю Константиновичу широкую известность. Выставки состоялись в Париже, Лондоне, Праге, Вене, Риме, Милане, Венеции, Мюнхене, Дюссельдорфе, Брюсселе, Сан-Франциско, Мальмё. При этом Николай Константинович был избран членом Осеннего салона в Париже, членом Академии в Реймсе [...] и членом Парижских археологических обществ [...].

Работая неутомимо и широко, Николай Константинович уже в школьные годы начал исследовать курганы, впоследствии произведя по поручению Русского Археологического общества и Археологической комиссии ряд раскопок, причём Русское Археологическое общество избрало его действительным членом, а Московский Археологический институт почётным членом.

Доклады и коллекции каменного века, собранные Николаем Константиновичем, обращали серьёзное внимание на Международных конгрессах во Франции. В 1898–99 годах Николай Константинович состоял преподавателем Археологического института в Петрограде. Преимущественно в защиту искусства Н.К. Рерих работал в газетах "Мировые Отголоски", "Слово", "Новое Время", "Русь", "Русское Слово" и в журналах "Искусство", "Весы", "Золотое Руно", "Мир Искусства", "Старые Годы", заграничных журналах [...].

2. И.И. Лазаревский Н.К. Рерих (К 25-летию художественной деятельности)[2]

Из наших художников большее внимание всегда приковывает своими работами Николай Константинович Рерих.

Рериха неотразимо манила всегда к себе красота старины. Но не московская старина, не старина средней России, а седая старина севера, той области, где ещё сохранилось по курганам столько памятников. И любовно разбирается художник в этих памятниках, которыми в громадной коллекции окружил он себя. Уроженец севера, потомок шведских выходцев времени Бирона, Рерих с детства пристрастился к старине севера, роясь в курганах, холмиках, и рано

научился понимать немой язык этих памятников и проникновенно воспринимать от них то, что они передавали ему. Рерих всецело отдался влечению к тому, что скрыто за далями веков, за туманностью невыясненного, что мерещится в сказаниях и преданиях старины. И в этом черпает Рерих сюжеты для своих работ.

В этих работах лишнее искать частностей: в них важна только общность. Благодаря своему удивительному проникновению, Рерих создаёт картины целой эпохи, а не эпизоды той или иной страницы истории.

Своими работами Рерих открывает нам картины забытой жизни древнеславянской земли. Это идолы, заклинания и волхования, тризны, гонцы и советы старцев, это картины норманнских набегов, упорные спокойные постройки городов, зловещие вороны на бесформенных каменных глыбах — всё это говорит нам о бесконечно далёком прошлом.

В 1904 году Рерих предпринял путешествие по городам севера и северо-запада России с целью зарисования художественно-исторических памятников.

Поездка Рериха по городам севера, попутное ознакомление с местными памятниками христианских древностей, внимательное изучение старинной иконописи, сохранившейся кое-где во всей чистоте, не тронутой варварскими руками реставраторов, имели на чуткого художника большое влияние. Творческая фантазия Рериха стала искать иных образов, иных картин. Мерещится, что от жути колдовства, волхований, зловещих воронов и говорящих камней душа художника метнулась туда, где в тихом сиянии лампад и трепетном свете восковых свечей рисуются тёмные величавые лики святителей церкви. Тут начинает он искать пищу своему творчеству и делает многое в этом направлении.

Стремление к религиозной живописи у Рериха явилось при непосредственном, пристальном изучении памятников старины, под впечатлением своеобразной красоты византийского искусства, монументального и строгого, и восточного искусства, особливо персидского, в сказочной прихотливости и неожиданности которого для художника было столько обаятельного.

Инициал "В" из рукописного Евангелия XV века. Воспроизведён в публикации Н.К. Рериха (*ИХП.* Октябрь–ноябрь 1898 № 1. С. 61)

Рериху, художнику неразбросанному, глубоко сосредоточенному, удалось тонко воспринять красоту типичной русской иконописи, не тронутой влиянием иноземных мастеров. Рерих создал несколько замечательных картонов для мозаики; он дал целый ряд эскизов для церковной живописи, изумительных по силе, своеобразной красоте и проникновенности в искусство прошлого.

3. К 25-летнему юбилею художественной деятельности академика Н.К. Рериха *(Огонёк. Декабрь 1915)*[3]

Четверть века искренней, беззаветной работы в области служения Прекрасному поставило имя академика Н.К. Рериха в ряды избранных деятелей искусства. Весь значительный уже период творчества своего художник посвятил проведению в широкие слои общества основной своей точки зрения на истинные задачи искусства, доказывая её всем тем, что вышло из-под его кисти талантливо, ярко и убедительно. *«Назначение искусства,* — говорит он, — *украшать. Украшать жизнь так, чтобы художник и зритель, мастер и пользующийся объединились экстазом творчества и хоть на мгновение ликовали чистейшею радостью искусства».* И, действительно, светлые, красочные, полные глубокого художественного проникновения в области единой, вечной Красоты картины Рериха вполне гармонируют с его художественным символом веры. Исполненные им грандиозные декоративные работы в церквах и общественных зданиях, в театральных постановках красноречиво говорят о верном и последовательном подходе к правильному решению задач настоящего искусства. Волнуемый зачастую творческими сомнениями Н.К. Рерих всё же вышел победителем в важном вопросе о содержании созданных им произведений. Русский художник и по происхождению своему, и по воспитанию, он мог достигнуть своих больших художественных результатов лишь в области русского искусства, лишь путём духовного единения с художественными идеалами своего народа. И он является одним из апостолов того нового, строго художественного, взятого от «земли страдания и земли любимой» направления в искусстве, окрещённого им же «неонационализмом».

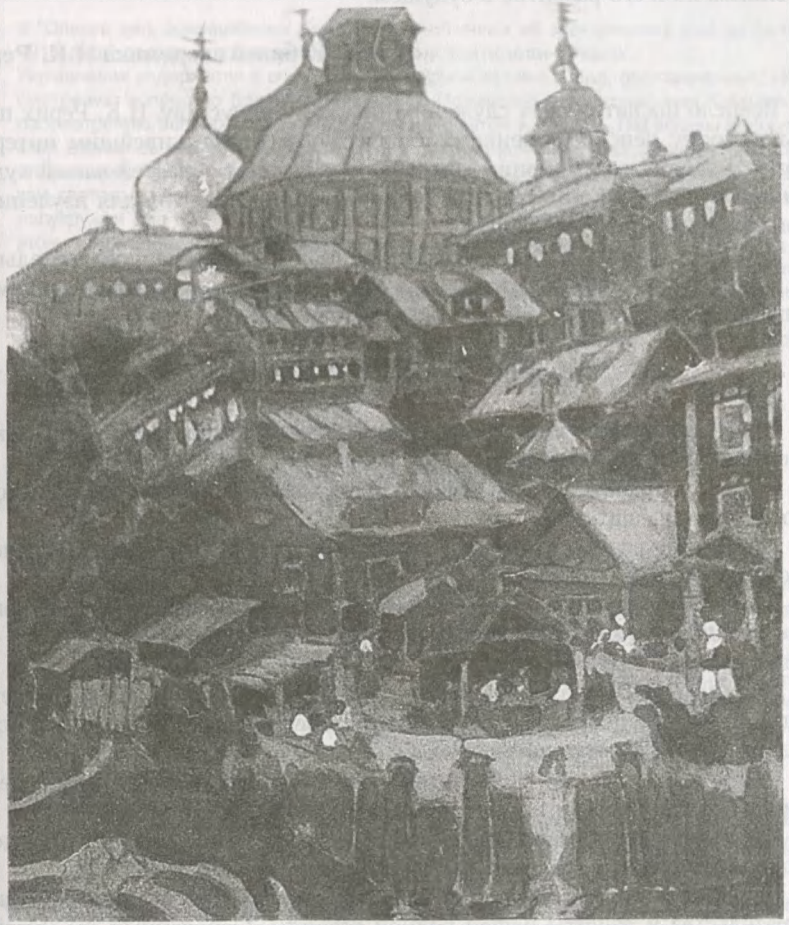
4. Сергей Яремич. Через былое в будущее *(БВ. 10 декабря 1915. Вечерний вып.)*[4]

Весьма важное место принадлежит художественно-критическим статьям Рериха. С того момента, когда он начал излагать для печати свои мысли, на сегодняшний день исполнилось двадцать пять лет. На протяжении этого времени много разрешено художественных вопросов, в настоящий момент уже имеющих общественно-историческое значение.

Нет такого явления в области русского искусства, которое бы ни нашло живого отклика в образной мысли художника. Особенную ценность имеют статьи и исследования, уясняющие художественные красоты древнерусского ис-

кусства. Первые раскопки 1890-х годов, давшие направление всей деятельности художника, не только выработали в нём необыкновенную чуткость к красотам забытых фрагментов искусства, но и дали ключ к уяснению современного их значения.

Впервые мы услыхали не сухое, отдающее затхлостью мнение археолога о предметах святых и драгоценных, а живой голос художника, уяснившего нам подлинное значение старых городов и городищ, древних церквей, древних церковных росписей, и вдруг воскрес живой смысл памятников отдалённых веков.



Н.К. Рерих. У стен монастыря (Сергиев Посад). 1909. Собрание ГТГ

Воистину воскрес, потому что Рерих первый подчеркнул художественную сторону суровых красот древнерусского искусства и уяснил это с такой же непререкаемой убедительностью, с какою Александру Н. Бенуа и барону Н.Н. Врангелю удалось уяснить и воскресить русское искусство XVIII века.

С необыкновенным рвением художник направляет свет во все закоулки, во все заброшенные места, и удивительно, как всё восстаёт в новом свете и получает совершенно новое значение, — и всем этим мы обязаны Рериху, инициатива принадлежит ему одному. И об этом сегодня необходимо вспомнить каждому, кто интересуется русским искусством и кому дорого не только его сохранение в настоящем, но и его развитие в будущем.

5. Юбилей академика Н.К. Рериха[5]

Всецело посвятив себя служению русскому искусству, Н.К. Рерих параллельно своему непосредственному творчеству всегда с живейшим интересом работал и работает на поприще самых разнообразных областей нашей художественной культуры, главным образом, в области археологии, для изучения которой им сделано весьма много.

Всегда скромный в своей художественной и общественной деятельности Н.К. Рерих категорически отказался, в связи с происходящими событиями, от каких бы то ни было юбилейных чествований.

6. Д. Б[уше]н. Юбилей Н.К. Рериха *(День. 10 декабря 1915)*

10 декабря исполняется двадцатипятилетие художественной деятельности академика Николая Константиновича Рериха.

С именем Рериха связано всё, что происходило в художественной России за последние двадцать пять лет.

Но одним из самых радостных завоеваний этих лет было самоё творчество Николая Константиновича.

Есть что-то глубоко волнующее в его художественном облике. Рериховская "археология" полна лирического пафоса, пропитана жизненностью, отвевающей всякую "пыль веков".

Один из самых покоряющих путей Рериха — путь эмоциональной передачи "пейзажа". И за последние года художник достиг в этом направлении исключительно крупных результатов.

Как в живописи, так и на путях сложной общественно-художественной жизни Николай Константинович является мастером и строителем.

Им коренным образом преобразована школа Императорского общества поощрения художеств, директором которой он состоит с 1906 года.

Целая область общественной деятельности Рериха посвящена "подвигу" собирательства и защиты нашей родной старины. Основанный им музей до-Петровского искусства, его собственные коллекции, предпринятые благодаря

его трудам и энергии раскопки, вышедшая в 1914 году его книга говорят о непрестанном горении, о бесконечной любви к родному прошлому.

Намечаются новые программы и планы работ. И рано ещё подводить какие бы то ни было итоги полному жизни и блестящего художественного творчества двадцатипятилетнему пути.

LI
ИИАК. № 61: Вопросы реставрации. № 17. *Пг.: тип. ГУУ, 1916*

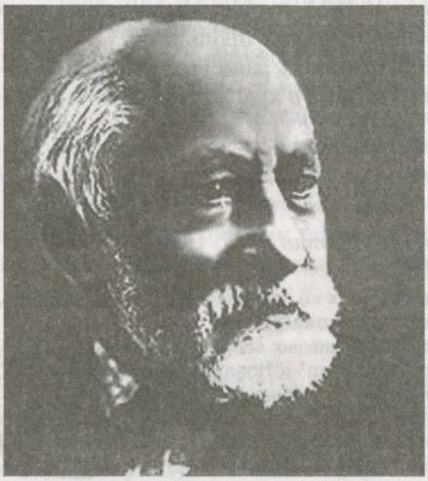
В "Списке дел, разрешённых Комиссиею в обычных её заседаниях с мая по сентябрь 1915 года" дважды упоминается **Борис Константинович Рерих**.
Упоминания содержатся в списках литературы и архивных дел, озаглавленных: «К рассмотрению вопроса о башне "Живоносного Источника" в Новгородском Кремле» и «К рассмотрению вопроса о реставрации иконы святой мученицы Параскевы в Новгородской церкви её имени». В первом случае реставрационное заседание разрешило поставить крест на крыше по образцу древних крестов (например, по форме крестов церкви святого Андрея Стратилата близ этой башни) и написать икону на деревянном полукружии под аркой с северной стороны, «по возможности в древнем стиле». При этом среди необходимых источников указаны фотографии Б.К. Рериха из архива ИАК, числящиеся под шифрами: Б., № 1145, 1147, 1148, 1151. Во втором случае реставрация иконы разрешена, «с соблюдением тех же условий, которые были поставлены при разрешении реставрации иконы святого Николая». При этом дана ссылка на фотографию Б.К. Рериха: Б., № 985. Ныне все перечисленные материалы хранятся в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН.

LII
ИИАК. Прибавление к № 63: Хроника и библиография. № 30
Пг.: тип. ГУУ, 1916

"Археологическая хроника" составлена по событиям первой половины 1916.
Отдельный раздел посвящён **Обществу возрождения художественной Руси** (ОВХР). Устав Общества, «имеющего целью распространение знакомства с древним русским искусством и способствование его развитию»[6], был утверждён весной 1915. Обозреватель "Аполлона" сообщил по этому поводу: «В числе учредителей — некоторые члены Государственного Совета и Государственной Думы и немало таких видных деятелей, как граф А.А. Бобринской, В.М. Васнецов, Н.П. Лихачёв, И.С. Остроухов, **Н.К. Рерих**, С.П. Рябушинский, А.И. Соболевский, В.В. Суслов, графиня П.С. Уварова, А.И. Успенский, В.А. Щусев, князь С.А. Щербатов и другие»[7].

1. Е. Поселянин. Общество возрождения художественной Руси
(НВ. 14 марта 1916. № 14374)

«Домой, домой!» Есть в Петрограде только что народившееся общество, над судьбою которого надо "дрожать" и любовно её оберегать всякому, кто чует старую Русь, кому говорят святыми призывами прежние века, родная, милая



Академик А.И. Соболевский

был. Это — Общество возрождения художественной Руси.

Мы так темны и невежественны относительно той нашей родной старины, пред которою уже млеет в счастливом изумлении Запад. Как лес, выросший вокруг замка спящей красавицы, это наше невежество скрывает от нас бесценные художественные сокровища нашей старины. По отношению всего родного мы равнодушны до преступности.

Нет той горы Швейцарии, которую бы ни облазили, нет той немецкой дыры, куда бы ни проникали русские люди, ни разу не плававшие по Волге, не переваливавшие чрез Кавказский хребет, не видавшие Урала, не помышлявшие даже о том, что можно проехать в Туркестан и на дальний русский Восток. Да что об этих местах говорить, когда то, что под носом — Новгород, Псков, Тихвин, Свирь, Шексна и Троицкая лавра, неизвестно громаднейшему большинству образованных петроградцев.

И вот недавно в закрытом заседании Общества возрождения художественной Руси её знатоки тихо и любовно «благоцветливыми словами» говорили о её сокровищах.

Это были подвижники русского художественного самосознания — академик А.И. Соболевский, академик Н.К. Рерих, В.Т. Георгиевский, археолог, сделавший замечательные открытия (фрески Ферапонтова монастыря)[8].

В этих речах вместе с восторгом пред тою древнею Русью, которой они отдали свои сердца и свои думы, звучала грусть, та грусть, с которою зрячий смотрит на слепых.

Академик ***Соболевский*** говорил о заветном Остромировом Евангелии

С.П. Яремич. Монограмма ОВХР

(Императорская Публичная библиотека)[9], где всё сверкает и сияет красотою, где в десятках одной и той же заглавной буквы нет ни одной повторяющейся, — а кто из нас видел этот воистину "памятник" русской письменности? О Дмитровском соборе во Владимире-на-Клязьме, изукрашенном как затейливая игрушечка «каменным резанием» русских, наших, каменщиков конца XII века и чудесно уцелевшем среди стольких погромов и разрушений.

Академик ***Рерих*** рассказывал о поразительных данных, обнаруженных раскопками в Новгороде, где земля возвращает назад последовательные наслоения веков, и как всё это вновь засыпали и посадили на этом «глаголе веков»... капусту[10].

О, спящая до одури Русь!

В.Т. Георгиевский звал летом проехать к тем истокам русской красоты, захватывающие образцы которой были тут же показаны в световых снимках господина Прокудина-Горского.

В.Т. Георгиевский. Фото около 1910
Из архива Г.И. Вздорнова

Нёсся шёпот восхищения.

Эти деревянные одноглавые церковки Севера, эти старые монастыри Свири и Шексны, Белоозера, эти шитые руками московских цариц плащаницы и пелены, эта восхитительная резьба прозрачных запрестольных крестов, эти сверкающие красками храмы старого тороватого Ярославля, эти «ветхие деньми» ограды старых обителей, непоколебимые «столпостены»... И мы этого не знаем! Подводите к старой Руси молодёжь, если старьё и средний возраст храпят беспробудно. И пусть боевым кличем тех, кто не отрекался от родины, кто в душе никогда не изменял ей, кто чувствовал её, станет одно слово: «Домой, домой!»

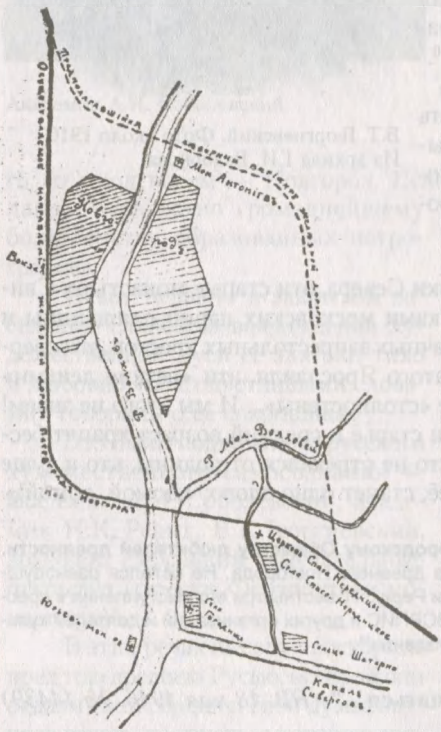
В разделе хроники, посвящённом **Новгородскому Обществу любителей древности**, помещена заметка в защиту памятников древнего Новгорода. Не остался равнодушным к поднятой новгородцами проблеме и Рерих. Известны три его выступления в прессе, поддерживающие протесты НОЛД, ОЗСРПИС и других организаций и деятелей культуры. Все они приведены в настоящем издании[11].

2. "Новгороду приходится защищаться..." *(НВ. 18 мая 1916. № 14439)*

Новгороду приходится защищаться от нашествия на его памятники старины. Местное Общество любителей древности, получив сведения, что новые железнодорожные линии будут проходить между Юрьевым монастырём и Городищем,

выступило по этому поводу с протестом, стоящим внимания. В том месте, где проектируется железнодорожная линия, высокая дамба, потребная для полотна железной дороги, на несколько вёрст прервёт заливные луга. Таким образом, дамба и мост лягут между городом и древней резиденцией первых русских князей, Юрьевским собором, Спасом-Нередицей и водным горизонтом истоков, т. е. разъединят навсегда те части знаменитого исторического ландшафта, которые составляли когда-то одно нерасчленимое культурное целое. Проведение моста с северной стороны от города у Антониева монастыря, как было предположено ранее, если бы и вызвало некоторое удорожание по проведению железнодорожной линии, то не уничтожало бы навсегда исторического места, оживляющего целую эпоху жизни русского народа.

3. Н.К. Рерих. Новгородским строителям[12] *(СГ. Апрель–июнь 1916 № 4–6. С. 122)*



"План города Новгорода с окрестностями, с указанием вариантов железнодорожного пути" (*ИИАК.* № 66)

«Богатое место Городище. Кругом синие заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой Стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются Лядка, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сковородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синеет Бронница. Всё как на блюдечке с золотым яблочком»[13].

Так писал я в 1910 году, после раскопок в Новгороде. Теперь слышу, что именно этот исторический вид собираются перерезать железнодорожным мостом. Даже болотистое место, даже изменчивое русло Волхова около Ильменя не страшит, лишь бы испортить одну из лучших страниц нашей старины. И нет желания попытаться перенести линию по другую сторону Новгорода[14].

С горечью знаем, что мы не любим своё. Знаем, что защита своего, древнего, прекрасного вызывает мало сочувствия и много угроз и насмешек. Но всё же во имя культуры, во имя ува-

жения к прошлому, во имя лучшего будущего попросим ещё раз: пощадите Новгород. Обойдитесь бережно с этой колыбелью русской общественности.

Перерезать, отемнить один из лучших русских видов легко. Испортить, очернить, оклеветать — самое любимое занятие тёмных людей.

Но попытайтесь без ущерба поднять город; привлеките к нему новые силы, не закрывая светлые дали.

Новгород берегите.

4. Н.К. Рерих. За Новгород *(БВ. 28 июля 1916)*[15]

Мне пишут: «Ну что же ваши общества, где они и что ими охраняется? Организуйте защиту — вся ваша деятельность взывает к вам». При письме прислана искренняя статья А. Анисимова из "Речи"[16] о нелепом проведении железной дороги через Новгород, которая перережет самые священные, исторические места.

Радуюсь, что находятся люди, восставшие за священность и красоту старины; отчасти могу их успокоить.

Общество защиты памятников искусства и старины уже весною обсуждало это возмутительное дело[17] и, конечно, единогласно и горячо решило воспрепятствовать нелепому проекту; затем была мною передана в совет общества записка о значении мест, подвергающихся опасности искажения. Не было двух мнений о том, что прикасаться к лучшим историческим местам кощунственно и немыслимо в наши дни понимания настоящих государственных народных ценностей.

О значении этих самых мест Новгорода мне пришлось писать ещё в 1910 году, по поводу раскопок в новгородском Детинце, а теперь, чтобы не повторяться, скажу только:

Стыдно нам, если и в наши дни вырастают такие проекты. Неужели наше строительство, так нужное и долгожданное, должно проходить лишь среди кощунства над лучшими местами государства. Неужели это нельзя предвидеть и вести проект дороги по ту сторону Новгорода, где ничто не нарушится, да, кстати, и болот меньше.

Верю, что министр путей сообщения не даст совершиться делу непоправимому.

Всё — для войны сейчас. Но все подвиги, всё строительство и творчество должны быть с сознанием своего достоинства, во имя будущего роста отечества, при котором священность лучшего прошлого — залог культурного и светлого будущего — ляжет краеугольным камнем.

Если германцы безгранично унизили свою прошлую культуру злодеяниями в Лувене и Реймсе, то неужели мы можем повредить нашу колыбель общественности, наш священный Великий Новгород?

Заметка "За Новгород" явилась откликом на статью **Александра Ивановича Анисимова**, вышедшую восемью днями раньше. Выдающийся историк искусства и педагог

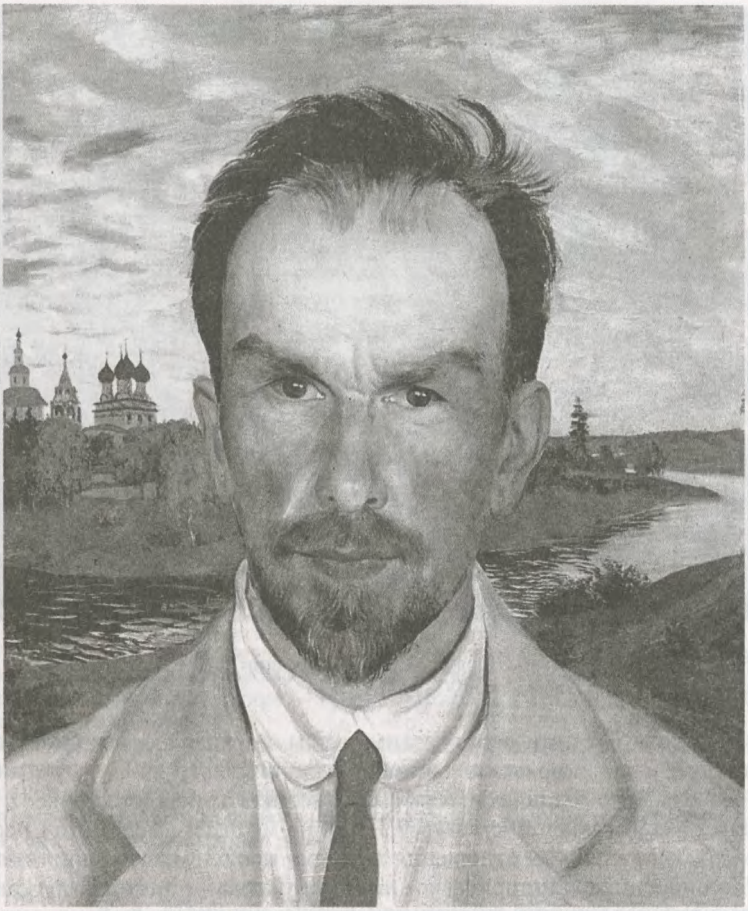
А.И. Анисимов, проживший в Новгороде с 1904 и до конца лета 1916, с горечью наблюдал, как начавшееся промышленное развитие города мало-помалу сглаживало его самобытность, стирало оригинальные следы глубокой древности. Однако его "наблюдение" не было пассивным, а было порой весьма даже воинственным. Как раз в конце новгородского периода жизни Анисимова возобновились его дружеские контакты с Рерихом; свидетельством тому его письма, публикуемые в настоящем издании[18]. Анисимова и Рериха объединила общая борьба против одного из самых абсурдных и бездарных предприятий российских военных промышленников — трёхлетнего (1915–17) строительства пресловутого участка железной дороги Петроград — Орёл. К сожалению, протесты общественности не были приняты во внимание, поскольку «дорога сооружалась в годы войны и имела стратегический характер»[19]. Вандализм совершился. Выброшены на ветер огромные средства. Остатки недостроенной дороги до сих пор зловещим шрамом разделяют холм Нередицы и Синичью горку...

5. А.И. Анисимов. Исчезающий Новгород. *15 июля 1916 (Речь. 20 июля 1916. № 197. С. 4)*[20]

Я заранее знаю, что то, что я сейчас пишу, будет гласом вопиющего в пустыне. Но у каждого есть свой долг, и долг этот надо выполнить, каковы бы ни были практические результаты этого выполнения, — иначе говоря, хотя бы последних совсем не было.

Есть в Новгороде Великом место, исключительное по красоте и по своему историческому значению. Центр его — широкие истоки Волхова из Ильменьозера с изумрудными пойменными лугами. Периферия его: Рюриково Городище — древняя резиденция всех князей новгородских, знаменитая церковь Спаса Нередицкого — памятник русской живописи XII века, дошедший до нас в полной почти неприкосновенности, Юрьев монастырь — детище Ярослава Мудрого, Всеволода Мстиславича и графини Орловой-Чесменской, несравненный в величии своих белых церквей и золотых глав, южные оконечности великого города и, наконец, ветхие башенные стены новгородские кремля.

Теперь этому замечательному месту, этому памятнику памятников грозит гибель. Железнодорожные линии Нарва — Валдай и Петроград — Орёл, проходящие мимо Новгорода, избрали это великое когда-то средоточие жизни русского севера местом своего пути. Инженеры нашли, очевидно, что негде с большим удобством перекинуть через Волхов их железное чудовище, как здесь, хотя в других местах река и уже, и линия дороги могла бы сократиться и стать прямее, если бы железнодорожное полотно обошло город с севера. Говорят, что строители хотят избежать дополнительного второго моста через Малый Волховец. Но, разрезая теперь пополам сердце древнего Новгорода, принуждены будут строить бесконечную высокую дамбу, так как Волхов в том месте разливается как нигде: самый мост будет стоить вдвое дороже, да и дамбу придётся чинить каждый год. Может быть, всё это так и нужно с точки зрения специальных строительных интересов, но людской здравый смысл недоумевает перед сложной изобретательностью и неисповедимыми путями инженерного искусства. Возможно ли опровергнуть "неопровержимые" доказательства и точные математические



Б.М. Кустодиев. Портрет искусствоведа и реставратора А.И. Анисимова
1915. Собрание ГРМ

выкладки этих людей, если только они одни посвящены в тайны этого искусства, если они — специалисты своего дела.

Но да будет позволено тогда и нам — специалистам другого дела — возвысить свой голос и выставить свои требования, хотя бы с ними не хотели считаться. Давно уже наша специальность — археология — слывёт профессией безумцев и чудаков. Говорят, что мы хотим мумифицировать мир, остановить колесо истории. Ничего подобного! Мы такие же живые люди, такие же граждане своего государства, которым дороги его насущные интересы. Мы так же

Н.К. Рерих. Князь. 1916. Первоначально в собрании Е.И. Рерих. Ныне в Музее искусств Узбекистана, Ташкент

стоим на страже его интересов и хотим, чтобы оно крепло, росло и процветало, достигая всё новых и новых теперешних вершин культуры. Но неужели те, кто губит безвозвратно великие остатки своего великого прошлого, думают, что они оказывают услуги родной культуре? Разве не мерится высота этой последней степенью сознательности отношения к своему прошлому, уважения и любви к нему? Это для дикаря историческое лицо его народа — ничто. Культурному же человеку оно дорого, ибо он сознаёт, что и сам он нечто только потому, что является частичным отражением этого великого национального лика. Любят ли и уважают свой русский народ те, кто шаг за шагом отнимает у него возможность в дальнейшем разобраться в своём самобытном облике, понять, оценить и почувствовать самого себя, свою значительность и давнюю культурность? Как будто нельзя сочетать прогресса материальной культуры и техники с бережливым отношением к старине! Как будто лучшее будущее должно и может родиться только при условии полного уничтожения прошлого!

То место, которое собираются губить, — единое культурное целое, нерасчленимый в своей слиянности исторический памятник. Пусть поймут, что перерезают мостом и дамбой не одни зелёные луга, каких на Руси много, слишком много. Рассекают пополам то, что раньше, да и теперь — понимающими людь-

ми — мыслилось и мыслится как живущее одной жизнью, как единый культурный организм. Достаточно на Новгород и того полуазиатского-полуевропейского чудовища, которое воздвигли посреди города на месте прежнего скромного моста[21]. В Америке и Европе выделяют целые территории, беря их под государственную охрану, чтобы сохранить в неприкосновенности отдельные уголки природы. Мы же бросаем на поток и разграбление неповторяемые, только раз возникающие комплексы памятников, отражающие наше собственное национальное лицо.

Ещё зимою я сделал соответствующий доклад в Новгородском обществе любителей древности, прося вступиться за древний Новгород, пока ещё не поздно. Обратились в Археологическую комиссию и в городскую думу[22]. Первая требует фотографий и карт, как будто П.П. Покрышкин, всюду комиссию представляющий, никогда не бывал в Новгороде, как будто не он реставрировал храм Спаса Нередицкого, фрески которого будет коптить теперь дым паровозов. Но можно ли иначе, если душа петроградских учреждений из бумаги?! Городская дума молчит: она заинтересована в "культуре", олицетворяемой набитыми доверху амбарами. А пока снимаются фотографии и чертятся карты, вагонетки подвозят всё новые и новые горы песку и брёвен, две деревянные башни возникли на обоих берегах Волхова перед стенами Юрьева монастыря и у подножия Рюрикова Городища, и скоро свистки локомотивов возвестят urbi et orbi[23] о торжестве русской "культуры"[24].

Страшно сказать, но описанная выше история типична для России. Можно даже говорить о широкой практике подобных "гибельных" строек. Этому явлению последовательно противостояли лишь немногие — Н.П. Кондаков, Н.К. Рерих, И.Э. Грабарь, М.И. Ростовцев, А.И. Анисимов...

Подобные события на Черноморском побережье, описанные в "Археологической хронике", тоже нашли скорый отклик у Н.К. Рериха, несмотря на его тяжёлую болезнь — воспаление лёгких, из-за которой он был вынужден надолго отойти от дел и поселиться в финском посёлке Сердоболь (ныне г. Сортавала). Снова источником беспокойства за памятники стала железная дорога.

6. А. Маринин. Гибель памятников старины *(Письмо из Сочи)* *(ПрК. 12 января 1916. № 10)*

Ещё задолго до постройки железной дороги по Черноморскому побережью Кавказа (Туапсе — Ново-Сенаки) известный исследователь и знаток края ***В.И. Чернявский*** (ныне покойный) неоднократно обращал внимание общества и учёных сфер на варварское отношение невежественных жителей к древним христианским святыням и замечательным памятникам старины побережья. Странный индифферентизм со стороны учёных обществ (например, Московского археологического общества), так типичный для нас русских, сопровождал все сообщения и указания неутомимого учёного о разрушении древностей и повёл к невозвратимой утрате неоценимых сокровищ для науки и государства.

В памяти жителей края ещё свежа печальная история гибели многих удивительных циклопических гробниц, так называемых дольменов, которые хищнически уничтожены рабочими при постройке знаменитого "голодного" шоссе в Новороссийском и Туапсинском округах Черноморской губернии. А эти дольмены считаются за границей "государственной собственностью", и их разрушение карается законами, как тяжкое преступление. Многие знают возмутительный факт разрушения величайшей христианской святыни в городе Сухуми (древней Диоскурии) — древнейшего храма-базилики, места упокоения святого Матфея-апостола, убитого сванетами близ Диоскурии, где апостол проповедовал...

Всё предыдущее бледнеет по сравнению с тем, что происходит в настоящее время на строящейся черноморской железной дороге. Полотно этой дороги, покорное воле природы, прихотливо ползёт и извивается то по берегу моря, то отбежит от него далеко в сторону материка или громоздится по отвесным скалам. Оно проходит по удивительному краю развалин великих городов древности, монастырей, храмов, замков и крепостей всех эпох и народов, где создавались страницы истории, где проповедовали и скончались апостолы. И вот, во многих пунктах своего прохождения (назовём: Сочи, Хосту, Гагры, Гудауты, Сухум, Очемчиры) дорога разрушила и будет разрушать в будущем массу памятников старины. Наш корреспондент лично наблюдал разрушение дорогой развалин двух древнехристианских храмов в городе Хосте и по этому поводу задал дорожному инженеру-строителю вопрос:

— Принимаются ли дорогой какие-либо меры к охранению древностей, и куда деваются находимые при таких разрушениях монеты, вещи?

— А вы думаете, что мы будем обращать внимание на такие пустяки (?!), как этот старый хлам? — иронически изумлённо ответил инженер.

Но сейчас же, как бы спохватившись, оправдывался:

— Вы знаете, что дорога и без того преодолевает громадные технические трудности при постройке, посудите сами, где же нам думать ещё об обходе и сохранении древностей!

Другой дорожный инженер (известный сочинский общественный деятель), показывая нашему корреспонденту обширную коллекцию древностей (украшения, монеты, амфоры, оружие и прочее), найденную им при прокладке дорожного полотна, между прочим, заметил:

— Какое мне дело до археологических обществ! Я вовсе не обязан давать им отчёт, а тем более дарить эту коллекцию! Эта коллекция принадлежит мне, и пусть-ка попробуют у меня её отнять!

Что же тогда остаётся сказать о многочисленных рабочих дороги, которые утаивают древности или продают их за гроши скупщикам (здесь есть такие!), если господа инженеры потворствуют этому! Пора, наконец, археологическим обществам обратить своё внимание на это грязное хищничество и принять энергичные меры к его искоренению! И это нужно сделать сейчас, пока идёт постройка дороги, ибо всякое промедление поведёт к окончательной гибели памятников старины.

Рерих принял самое деятельное участие в судьбе черноморских памятников. Единственный автограф Рериха, сохранившийся в архиве **ОЗСРПИС**, касается местечка Хоста в пределах теперешнего Большого Сочи. 13 февраля 1917 А.А. Лесли послала художнику письмо[25], в котором описала археологические объекты, называя их попеременно то «гробницами», то «плитами», то «саркофагами». (Видимо, это дольмены, упомянутые Мариниым). Реакция художника последовала незамедлительно. Уже 15 февраля он отправляет Е.Н. Волкову письмо Лесли с краткой сопроводительной запиской[26]. Из неё ясно, что, во-первых, Николай Константинович участвовал в работе ОЗСРПИС и в феврале 1917 как член Совета был приглашён на заседание 16 февраля, и, во-вторых, что это Общество имело реальные рычаги влияния, иначе бы Рерих не обратился с конкретным запросом к одному из его руководителей. Примечательно, что в архивном деле Общества, названном "По разной переписке", автограф Рериха *последний*. На автографе рукой Е.Н. Волкова резолюция: «Без последствий» и входящий штамп с датой 18 февраля 1917. Видимо, далее жизнь этого деятельного просветительского сообщества замерла навсегда, чтобы возродиться уже в других формах и в другое время...
В разделе "Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за первую половину 1916 года" отмечена книга председателя ИАК: **Граф А.А. Бобринской. Резной камень в России. Вып. I. Соборы Владимиро-Суздальской области XII–XIII столетий.** 41 таблица воспроизведений. Москва. 4°.
Рерих откликнулся на это издание отдельной заметкой.

7. Н.К. Рерих. Два лика. Собор в Юрьеве-Польско́м
(БВ. 28 октября 1916)

— Где же ваш "сказочный" собор? Где же гордость Руси? Просто загнали вы нас в отвратительный город. Заставили смотреть бедную церковку, застроенную, замазанную. Пусть же вам за нас отомстят все блохи и клопы, которые напали на нас в вашем сказочном городе.

Вернулись огорчённые. Злые за то, что послал их смотреть собор Юрьева-Польского.

Значит, не увидали. Заслонило что-то. Опять вылезло чудовище. Сколько дельных людей им перепугано.

Ещё подождём. Рано ещё. Глаза ещё не открыты на значительное. Внимание ещё остановлено плохим и ничтожным. Подождём, пока очистятся и смелости против чудищ наберутся.

Теперь другой лик.

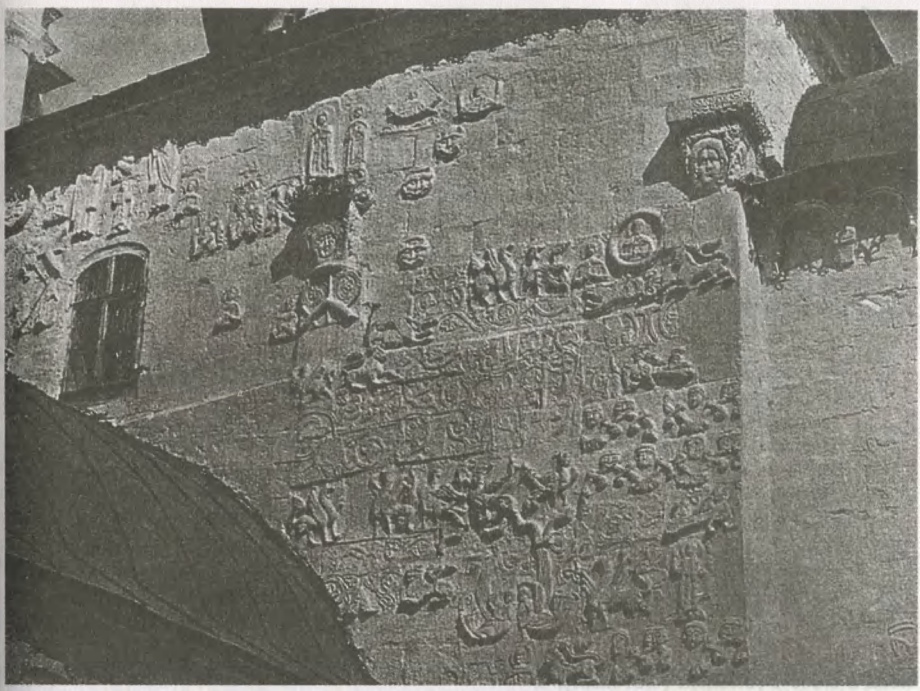
Показал я молодёжи новое издание графа А.А. Бобринского "Резной камень в России".

В издании показаны храмы Владимира, Суздаля, [Покров] на Нерли и собор Юрьева-Польского. По счастью, зрители в этих городах не были. Их глаза ещё не засорились всем тем, от чего отвернуться надо.

Резной камень привёл молодёжь в глубокий восторг.

Из всей группы Владимиро-Суздальских храмов самое высокое изумление вызвал, конечно, собор Юрьева-Польско́го. Истинная сказка заложена в этих приземистых стенах, затканных белокаменною резьбою. Бесконечно разнообразною, брошенною от богатства, от творчества неиссякаемого. Последыш самого красивого периода древней Руси, напитанный романскою волною.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польскóм. 1230–34. Северная стена. Фото И.Ф. Барщевского в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 3. С. 318



Георгиевский собор в Юрьеве-Польско́м. 1230–34. Южная стена. Фото И.Ф. Барщевского в изд.: *Грабарь И.Э.*, 1909–16. № 3. С. 319

В канонические формы невольно влились бытовые подробности. Романские здания получили русский смысл.

Знаю, что резной камень (так же, как и прежние выпуски дерева[27]) обратит на себя серьёзное внимание наших западных друзей. Никогда не встречал я графа Бобринского, но хочется сказать ему спасибо за прекрасную мысль давать в большом формате листы. Не убивая чрезмерным текстом возможности показать красоту в полном обличье и в частях, интересно ограниченных.

Такие изображения надо широко разбросать и в школах, и в толпе. Каково недоумение, смущённость? Каков восторг и радость!

Два лика. Один обшарпанный, искажённый нашей безобразной действительностью. Лик избитый, неузнаваемый часто.

Но за пострадавшим ликом скрыт лик другой. Неумелому глазу недоступный.

В издании о резном камне всё запечатлено много хуже, чем на самом деле, но эти листы вынесены из жизни. В них отразилась частица истинного лика. Эта часть уже так прекрасна, что даже неумелый глаз понимает великую ценность

изображения. В поездках по Руси особенно поражает враждебная противоположность двух ликов. Хотя враждебна лишь чудовищная сторона. Истинный лик и величав и спокоен.

Указывая на различие случайного впечатления собора среди жизни и малого, но настоящего отражения в издании, хочется предостеречь молодёжь, и нынче ищущую красоту Руси. Чтобы не пугались, не отчаивались, если широко раскрытым, доверчивым глазам покажется своеобразная личина. Это легко может случиться.

Но пусть помнят, что чудесною верою можно вызвать великий лик. Можно переступить за пределы глумления и глупости. Надо суметь. В поисках из-за безобразной личины прояснится лик чудесный и светлый.

В других местах "Хроники и библиографии" отмечены публикации, которые могли войти в круг чтения Рерихов:
Николай Э[нгельгардт]. Кто был Аполлоний Тианский[28]. Историческая справка. (*НВ.* № 14487);
Вестник Теософии. Книга 12 за 1915 год и книги 1–6 за 1916 год с публикацией Н. Павлиновой "Орфические гимны" (перевод)"[29].

ПРИМЕЧАНИЯ К № L–LII

[1] Обозреватель ИАК отметил, что в публ. помещён портрет Рериха. Приводятся фрагменты.

[2] Источник публ. неизвестен. Фрагменты приводятся по копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

[3] Точные выходные данные заметки неизвестны. Приводится целиком по копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

[4] Приводятся фрагменты по копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

[5] Из неизвестного период. изд. Приводятся фрагменты по копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

[6] *Аполлон.* Апрель–май 1915. № 4–5. С. 91.

[7] См. также в наст. разд., № LIV (1–3).

[8] *Георгиевский Василий Тимофеевич* (1861—1923) — писатель-археолог, исследователь древнерусской живописи, до революции тесно связанный с клерикальными кругами. Первооткрыватель фресок Ферапонтова монастыря (1905—06). Рерих мог с ним познакомиться ещё в 1898–1900, в период работы в ред. *ИХП.* Окончил курс в Киевской духовной академии; состоял членом учебного комитета и училищного совета при Св. синоде. Заведуя во Владимире древлехранилищем, собрал много рукописей и старопечатных книг. Принимал деятельное участие в организации иконописных школ в с. Мстера, Палех, Холуй Владимирской губ. и в с. Борисовка Курской губ.; ред. первых четырёх вып. "Иконописного Сборника", брошюры "Иконописный Комитет и его задачи" и обширного иссл. "Фрески Ферапонтова монастыря", со множеством снимков. Во время поездки на христианский Восток сделал свыше 200 снимков с фресок и икон монастырей Афона и сербских церк. XIV—XVI вв. Др., более крупные, его труды: "Флорищева пустынь" (Вязники, 1896), "Суздальский Ризоположенский женский монастырь"

(Владимир, 1900), "Владимир на Клязьме и его достопримечательности" (1896), "Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский" (2-е изд., СПб., 1900), "Фрески Ферапонтова монастыря" (СПб., 1911. Цветные копии Д.С. Стеллецкого), "Иконописцы-суздальцы" (*РО*. 1895. № 3 и 4), "Провозвестник нового направления в русской религиозной живописи (В.М. Васнецов и его работы во Владимирском соборе в Киеве)" (*РО*. 1896. № 9), "Холуйская школа иконописания" (*ИХП*. 1900. № 4), "Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале" (*СГ*. Ноябрь 1911) и др. С 15 июля 1918 сотрудник Комиссии по раскрытию памятников древнерусской живописи. См. также: *Анисимов А.И.*, 1983. С. 84, 392; *Вздорнов Г.И.*, 1986. С. 192, 208, 255, 284, 336, 340; *Вздорнов Г.И.*, 1993. С. 91.

[9] *Остромирово Евангелие* — древнейший датированный памятник старославянской письменности русской редакции (1056—57); содержит недельные евангелические чтения; названо по имени заказчика — новгородского княжеского посадника Остромира. Ценнейший памятник южнославянского и восточнославянского языков, образец искусства книги Киевской Руси (3 миниатюры с изображением евангелистов, десятки инициалов). (*БЭС*. 1998. С. 858).

[10] Это место в заметке поясняют воспоминания Н.К. Рериха: «...Хорошо ещё, что удалось довести широкую траншею до основного материка. С обеих сторон траншеи торчат наслоения разных веков. Сперва остатки каменных построек, потом деревянные строения, частью сожжённые, частью разрушенные. Повсюду находки разных веков. В одном из веков через траншею проходила улица, мощённая деревянными плахами. И так ниже и ниже, до находок скандинавского типа. Является мысль сохранить этот разрез всех новгородских наслоений. Сделать это не трудно. Стоит лишь над траншеей поставить навес с достаточными водостоками, и для посетителей Новгорода останется прекрасное вещественное доказательство, как наслаивались города. И денег на это сооружение ещё хватило бы. И донизу, до самых первонаселённых слоёв можно бы сделать хорошую лестницу. Идём с этим проектом к губернатору и, к удивлению, получаем отказ. Основная причина самая оригинальная: по пустырю ходят свиньи, и они могут упасть в траншею. Хотя бы о детях позаботился отец города, а то именно о свиньях. Так на свинстве и кончилось. И последние деньги пришлось на закапывание траншеи потратить...» (лист дневника "Великий Новгород", 1 февраля 1939). См. также в др. материалах наст. изд., например, № LIII (5).

[11] См. в наст. разд., № LII (3, 4) и LIII (2).

[12] Черновик хранится в архиве автора: ОР ГТГ, ф. 44, № 77.

[13] См. наст. разд., № XXXVIII (7).

[14] 2 варианта проекта ж.-д. линии в Новгороде обсуждались и на реставрационных заседаниях ИАК 22 сентября, 20 октября и 17 ноября 1916. См. в *ИИАК*: 1. № 65. 1918. С. 158; 2. № 66. (*ВР*. № 19). 1918. С. 41–49, 72–76, 80–83. Приложен "План г. Новгорода с окрестностями, с указанием вариантов железнодорожного пути" (см. в тексте).

[15] Текст приводится по изд.: *Рерих Н.К.*, 1993б. С. 50.

[16] См. ниже здесь.

[17] **НОЛД** (по инициативе А.И. Анисимова) забило тревогу ещё раньше:

«...Ещё зимой Новгородское Общество Любителей Древности, обеспокоенное тогда ещё проектом и изысканиями, горячо обратилось за помощью в Археологическую Комиссию. Последняя командировала одного из своих сочленов и вполне согласилась с его заключением, что проведение дороги не только нарушит исторический вид Новгорода, но и грозит гибелью такому памятнику, как церковь Спаса Нередицы.

Печать дружно вступила в дело. Ещё с лета начался ряд ярких выступлений, близких к воплям: в "Биржевых Ведомостях" Н.К. Рериха (статьи "За Новгород" и "Строительство"), в "Русском Слове" И.Э. Грабаря (статья "Поход на Новгород"), в "Речи" А.И. Анисимова (корреспонденция "Исчезающий Новгород") и др. Выяснялось святотатство самой мысли проекта...» (*Ростиславов А.А.*, 1916. С. 116).

Однако НОЛД в конце концов «пошло на попятный», см. наст. изд., разд. III, № LIII (3).

[18] См. в разд. II, № 158–160.

[19] *Анисимов А.И.*, 1983. С. 388.

[20] Публикуется по изданию Г.И. Вздорнова, с его примечаниями и подготовкой текста: *Анисимов А.И.*, 1983. С. 63–66, 388–390.

[21] Речь идёт об уродливых железных конструкциях моста, выстроенного в начале XX в. через Волхов в центре города на месте исторического деревянного моста, который соединял Софийскую часть города с Торговой. Этот деревянный мост существовал здесь с незапамятных времён, он постоянно упоминается в летописях. Имеются его многочисленные изображения, начиная с XV–XVI вв. (на иконах и миниатюрах). Железный мост сохранялся до второй мировой войны (см. его общий вид с крыши Софийского собора в путеводителе: *Муравьёв М.В.*, [1927]. С. 45). Взорван немцами при их отступлении из города в январе 1944. Новый мост через Волхов сооружён в послевоенное время в стороне от Кремля и Ярославова дворища. *(Примеч. Г.И. Вздорнова).*

[22] Текст этого "Обращения" опубликован нами по отпуску из архива НГОМЗ (ф. 6, № 3334). См.: *Вздорнов Г.И.*, 1975. С. 80. *(Примеч. Г.И. Вздорнова).*

[23] Везде и всюду (лат.).

[24] Продолжение темы см. ниже: № LIII (1–3). В примеч. дана подробная библ.

В наши дни эта статья была вновь востребована. В 1998 её поместил журнал "София" — издание Новгородской епархии. Символично, что в данном случае иллюстрацией к ней выбрана картина Н.К. Рериха *"Новгород. Спас Нередицкий"* (1899) (*София*. Новгород, 1998. № 3. С. 20). Так творчество двух подвижников Культуры продолжает защищать её сокровища. Снова, как и всегда, страна Культура ждёт от нас активной позиции, понимания, любви...

Памятуя о том, что "гибельная" дорога прежде всего угрожала столь любимой Рерихом Нередице, здесь мы воспроизводим фрагмент *"От редакции"*, помещённый "Софией" сразу после статьи Анисимова и на одной странице с рериховской картиной:

«Слова, сказанные замечательным реставратором А.И. Анисимовым в начале XX века, вполне актуальны. Сегодня судьба Нередицы также вызывает большую тревогу. Храм, являющийся настоящей святыней нашей православной культуры, брошен на произвол судьбы. Реставрационные работы прекращены. Деньги не отпускаются даже на самые необходимые противоаварийные ремонты. Идёт обрушение живописи, в том числе единственного портала, сохранившего первоначальное оформление. Появились многочисленные трещины, происходит сильное отслаивание штукатурки от стен. В любой момент могут быть утрачены изображения Петра Александрийского, Святых жён и другие. Трагедия военного времени грозит повторением, но тогда был направленный артиллерийский обстрел, а сейчас — направленное равнодушие. Даже в годы гражданской войны реставрационные работы не прекращались, а восстановление храма началось ещё до завершения Отечественной войны».

[25] Автограф в РА ИИМК, ф. 68, № 1, л. 77–78. Опубликовано: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 166.

[26] Автограф РА ИИМК, ф. 68, № 1, л. 76. Опубликовано факсимильно: *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 164–165.

[27] См.: *Бобринской А.А.*, 1910–13.

[28] Творчество этого новопифагорейского философа, жившего в I веке н. э., десятки лет привлекало внимание Рерихов. См.: *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 137, 307; *Рерих Н.К.*, 1996. С. 41; *Рерих Е.И.*, 1992–93. Т. I. Письмо 06.05.34. Т. III. Письма 04.12.37, 24.05.38, 19.12.39; Посещение Аполлонием Тианским севера Индии. Уход Аполлония Тианского. // *Рерих Е.И.*, 1992. С. 67–70; *Учение Живой Этики. (Агни-Йога)*. "Мир Огненный", ч. I, § 342 и 367; "Сердце", § 588; "Братство", ч. II, § 475 и ряд др. упом.

[29] С. 80 этого вып.

1917

LIII
ИИАК. Прибавление к № 64: Хроника и библиография. № 31
Пг.: тип. Министерства Земледелия, 1917

"Археологическая хроника" составлена по газетам второй половины 1916. В них по-прежнему много печаталось материалов **по строительству железной дороги в Новгороде**. Воспроизводимое здесь — лишь малая часть того, что собрано в изданиях и архивах ИАК по этому вопросу[1].

1. [На собрании Общества архитекторов-художников]
(Речь. 9 сентября 1916. № 248)

В начале сентября в собрании Общества архитекторов-художников обсуждался вопрос о направлении новой дороги через Новгород. С докладом выступил архитектор-художник ***К.К. Романов***, который был командирован Археологической Комиссией в Новгород для изучения вопроса на месте. По мнению докладчика, направление дороги должно быть изменено, ибо нынешнее направление нарушит исторический вид Новгорода. Можно также опасаться за устойчивость древних храмов, если поблизости пройдёт новая дорога. С возражениями выступил строитель дороги, инженер ***Новокумский***. В прениях участвовали председатель общества граф ***П.Ю. Сюзор***, член Археологической Комиссии ***П.П. Покрышкин***, ***Б.Н. Николаев*** и др. Большинством голосов собрание постановило возбудить соответствующее ходатайство об изменении направления новой дороги. Такое же ходатайство, как известно, возбуждено и Академией наук[2].

В сентябре 1916 железнодорожные работы велись уже на Нередицком холме. В архив ИАК (дело № 75/1896) поступали данные об уникальных находках при поднятии грунта. Николай Константинович снова, уже в третий раз, выступает с протестом. Его статья отмечена составителями хроники в "Обзоре повременных изданий, выходящих в России, за 2-ю половину 1916 года".

2. Н.К. Рерих. Строительство *(БВ. 18 сентября 1916. № 15909)*

Тихий погром всё-таки совершается. Все статьи о Новгороде мало помогают. Железная дорога и длиннейший мост всё-таки ещё могут прорезать лучшие, священные места.

Из Новгорода пишут:

«Не помогли все голоса печати. Инженеры и промышленники не обращают внимания. Все заявления не трогают их».

Подумаем, время ли говорить о лучших новгородских местах, когда гремит мировая война? Не всё ли равно, где и как, лишь бы провести долгожданный путь.

Конечно, путь необходим. Надо радоваться, что он поможет обойдённому Новгороду воскреснуть и восстать к жизни. Но "как" проводить путь — этот вопрос всегда неизменен. Ещё есть время одуматься. Если враги наши делают непоправимые шаги, то и этими, обречёнными, возмущаемся. Но нам, при всех светлых возможностях, сделать что-либо потом осуждённое уже непростительно.

Свидетелей славного минувшего остаётся так мало. У нас, всегда легко от своего отрекавшихся, столько испорченного, перестроенного, искажённого. Даже в центре столицы искажён блестящий смысл адмиралтейства. Искажён актом случайным — продажею земли, входившей непосредственно в красивый замысел строителя. В Новгороде Нередица исковеркана случайным решением реставратора. Софийский собор записан грубыми богомазами, и негодные краски уже отваливаются хлопьями. Столько тихих погромов, что к случайно сохранившемуся надо прикасаться бережно и любовно. И в наши великие дни должна быть велика и бережность, и любовь. Если жестоко срубить вековое памятное дерево, то как же назвать уничтожение исторического вида? Как же отнестись к пагубе священного места Великого Новгорода, ещё почти неисследованного?

Каково будет сознание, что под шум войны, когда, казалось бы, насторожены все лучшие и высокие чувства, сделалось нечто непоправимое, чего будем стыдиться глубоко.

И не будет у нас облегчения в сознании, что иначе нельзя было сделать. Будем изумлённо недоумевать, почему путь не проложен другою стороною Новгорода, где и болот меньше, и мост короче, и русло Волхова менее изменчиво.

У всех будет стыдное чувство, что не уберегли достояние народа, народа молодого, который весь в светлом будущем.

Здесь не спор художника с инженерами. Здесь вопрос о достоянии народном, о том, что непоправимо. Подумайте над этим словом.

И все мы будем виноваты, если всё-таки Новгород перережут. Мало убеждали. Мало настаивали. Мало любили. Думаю, что печатью вандализм будет ещё вовремя прекращён.

В близком будущем на Руси, в обновлённом строительстве, возникнут многие вопросы почти такого же значения. Надо к ним приготовляться.

Надо к закрытому глазу инженера придать глаз добрый и зрячий. При

ведомствах путей сообщения, внутренних дел и землеустройства надо сделать орган, который присмотрит за красотою и историческим значением нарастающего строительства.

Конечно, не технические комитеты и управы к этому способны. Там мёртвая буква, нужная в своих пределах, общежитейских. Не помогут и комиссии археологические, которые ограничены пределами науки. Должен явиться глаз художника, и совет художественный должен быть ограждён. Россия растёт могуче. Она должна наряду со знанием и техникой подумать и о красоте, и о значении духа.

Не улыбайтесь, господа инженеры, значение красоты и духа гораздо ближе к жизни и глубже в развитии государства, нежели вы полагаете.

Не мечтания художника, но жажда скорейшего и лучшего преуспеяния всего строя, всего лада жизни, заставит скоро всех поискать рычаги сильные и воздействующие.

За короткое время произошло столько необъяснимо великого. Так изменились отправные точки. Почувствовались перестроения, крупные и созидательные. Явились подвиги. К новым путям жизни готовиться надо. Этими путями пройдёт красота и величие духа.

Закончим тему замечательной статьёй А.И. Анисимова, отмеченной в обзоре ИАК. По данным Г.И. Вздорнова[3], основная часть этой статьи написана до 17 сентября 1916. Постскриптум написан после 19 (даже после 20) сентября, когда газеты сообщили о продолжении строительства железной дороги через Волхов, по южному варианту близ церкви Спаса на Нередице.

3. А.И. Анисимов. Уничтожение древнего Новгорода

(Аполлон. Август–сентябрь 1916. № 6–7. С. 76–82)

Среди губернских городов России я не знаю более захудалого, чем Новгород. Ни оживлённой местной торговли, ни интеллектуальной жизни. Среди бела дня самые людные улицы часто выглядят пустыми. Автохтоны — мелкие мещане, рабочие (очень немногочисленные) и средней руки купцы. Всё остальное — пришлое: чиновники, интеллигенция, священники и даже монахи. Сегодня они в Новгороде, завтра где-то уже далеко. Так, волею судеб, жизнью знаменитой столицы древней русской республики распоряжаются теперь малокультурный местный обыватель и равнодушный пришлый человек в казённой рясе или мундире...

Я не знаю, можно ли "оживить" в настоящее время этот умерший город, эту русскую Равенну, как мне всегда хочется его назвать. Но за долгие годы жизни под его стенами, среди болот, его окружающих, я полюбил Новгород не только как красивую гробницу: я научился жалеть его бедное невзыскательное население, которое жаждет "света культуры", которому нужны и учебные заведения, и железные дороги, и электрическое освещение, и благоустроенные залы для собраний, и хорошие магазины. Русская провинция — это и есть подлинная

Россия: последняя преобразится только тогда, когда преобразится первая. В столицах, к сожалению, немногие понимают это. Вероятно потому, что недостаточно любят Россию.

В то же время среди русских губернских городов едва ли найдётся другой, который, подобно Новгороду, был бы столь насыщен художественной стариной. Что ни шаг, то древняя церковь, полная удивительных икон или покрытая внутри старой фресковой живописью. Ризницы хранят утварь и облачения, сияющие блеском изысканного убранства. Но в новгородской древности есть ещё одна, особая сторона: помимо самодовлеющей ценности этих исключительных памятников искусства, рама, их облекающая, сообщает им такую неповторяемую прелесть, так осмысливает и одухотворяет их, что они кажутся нам явлениями как бы нездешнего, какого-то другого мира.

Поезжайте во Псков: вы там увидите церкви родственного новгородским типа, увидите поразительной красоты иконы и утварь церковную ещё большей сохранности. Но все эти стройные церкви, такие изящные своим узорочьем, задавлены каменными массами домов, сжаты соседними строениями. Молитвенная тишина их сумрачных сводов нарушена шумом толпы, снующей по улицам, гудками трамваев и автомобилей. Совсем другое в Новгороде. Каменные дома нечасты или невысоки. Широкие площади заросли травой. Взглянешь с колокольни — это какой-то город деревянных хибар и огородов. Огороды везде, даже в детинце. А дальше, за городом, тянутся заливные луга и бесконечные болота, пока тайговые леса не замкнут на горизонте этих однообразных далей равнины.

И вот, сравнивая Псков и Новгород, каждый раз ловишь себя на мысли: неужели и Новгород как город-памятник ждёт та же печальная судьба? Неужели и в нём доходные дома задавят старые церкви, кинематограф «гордо вознесётся» над храмом, сгорбленным и вросшим в землю, и звук трамваев ворвётся под их гулкие своды, повторявшие только слова молитв?

Неужели этой редкой возможности ощущать древнюю Русь такою, какою она когда-то была на самом деле, воспринимать её во всей её неискажённой подлинности будет положен предел?

Он, конечно, будет положен! И нельзя, нехорошо противиться наступлению этой минуты. Во имя того, что мы называем культурой, во имя благоустройства человеческой жизни и счастливого благосостояния русской провинции надо приветствовать и удобные дома, и чистые улицы, и усовершенствованные способы сообщения. Скоро ли эта перемена произойдёт с Новгородом, я не знаю, да и едва ли кто-нибудь знает, но рано или поздно она произойдёт. И производить её год за годом будут всё те же малокультурные местные обыватели и равнодушные к Новгороду временные пришельцы в казённых мундирах и рясах. Речь может идти только о том, как обезвредить эту перемену в отношении памятников прошлого, как сделать так, чтобы новое, лучшее будущее не покупалось ценою гибели великих достижений прежней культуры.

Позаботиться об этом должны те люди, те организации, что стоят во главе

нашей русской интеллектуальной жизни, и если государство как таковое действительно культурно, то пусть и государственные учреждения не отклоняют от себя этой задачи как не заслуживающей их высокого внимания. Ведь наша бедная культура идёт по удивительной кривой: прежде чем сделать шаг вперёд, она усиленно топчется на месте, чтоб смыть и затереть следы ранее пройденного пути. В течение стольких столетий мы не можем освободиться от стремлений варвара пережигать мрамор статуй в известь для кладки стен нового жилища и не мыслим иного прогресса и не приемлем его, если он не покоится на развалинах приобретений прошлого, как бы ни были они прекрасны! Воистину мы самый революционный народ в мире. Каждый раз хотим строить из ничего, всё начинать сначала. Не оттого ли и движемся мы так медленно?

За время своего знакомства с Новгородом мне уже неоднократно приходилось бороться против этих добрых вандалов XX века. Захотели строить реальное училище: старое здание пришло в угрожающую ветхость[4]. Где бы, думаете вы, избрали русские люди место для нового здания? Конечно, в детинце, в кремле! Да здравствует просвещение, да сгинет новгородский кремль! Как будто мало места в Новгороде, как будто не полны огородами и пустырями все его улицы? Нужен центр, чтобы отовсюду близко! Как будто Новгород такой большой, что по нему устанешь ехать. Затеяли строить офицерское собрание[5]. Где бы устроить его поудобнее и повиднее? Конечно, у заставы, по дороге к казармам, и для сего — срыть древний новгородский вал! Да здравствует клуб современного офицерства и да погибнут древние русские укрепления!

Нужно было видеть, с каким негодованием и тупою злостью относились эти радетели города к выступлениям "археологов", пытавшихся "остановить жизнь". Сколько горьких упрёков пришлось выслушать нам за то, что мы спасли малокультурных людей от самих себя, не дали им самих себя высечь. Ещё и до сих пор не могут нам "простить" и забыть того, что мы «противодействовали благоустройству и благосостоянию города и нанесли непоправимый ущерб насущнейшим интересам обывателей»[6]. И всё это с такою трогательной искренностью, что временами становится жаль этих наивных людей, не могущих понять того, что это они своими варварскими проектами наносят общерусской культуре ущерб, что это они, как слепые, растрачивают бесценное национальное достояние.

Теперь эти радетели посягают снова на один из новгородских памятников, на памятник, может быть, ценнейший из всех. Они хотят уничтожить единственный в своём роде по красоте и исторической значительности *вид*: заливные луга, окаймляющие истоки Волхова из Ильменя и обрамлённые невысокими холмами, на вершинах которых один памятник лучше и ценнее другого. Чему здесь отдать предпочтение: южным ли склонам левого берега Волхова со стенами детинца на них, белым ли храма Юрьева монастыря, ослепляющим блеском своих золотых глав, Городищу ли, древней резиденции новгородских князей, или знаменитому Спасу Нередицкому, чьи стены в течение семи веков хранят нетронутой замечательнейшую роспись? Куда ни взглянешь, везде кольцо

Н.К. Рерих. Белый город. 1916. По данным П.Ф. Беликова, находится в Московском патриархате

горизонта замыкается каким-нибудь художественным памятником глубокой старины.

И люди не могут понять, что такой *вид* — ценнейший памятник сам по себе. Надо им пояснять, что не только отдельные здания и вещи, уцелевшие от прошлого, надо сохранять как вещественные документы истории, что такие памятники памятников, как этот новгородский вид, и суть самые красивые, самые живые и самые красноречивые свидетели нашей старой родной культуры. Местные радетели ещё могут понять, если запрещают крушить старую стену, старую церковь, даже старые торговые ряды. Но они не могут взять в толк, как это можно охранять *вид*, и возмущаются до крайней меры, что снова археологи хотят "остановить жизнь". А археологи только и делают, что не дают перерезать этот исторический ландшафт восьмисаженной высоты дамбой и чудовищным железнодорожным мостом через Волхов, предлагая воздвигнуть эти полезные и необходимые сооружения ниже города, т. е. на север от него, около Антониева монастыря. Там не будут они воздвигаться ценою гибели одного из прекраснейших русских исторических ландшафтов, и польза от них городу не станет от этого меньше.

В союзе с городскими и земскими радетелями — строители-инженеры. Года два–полтора назад, когда возникал вопрос о направлении железнодорожной линии Нарва—Валдай, они сочли нужным спросить обывателей, и те просили их вести дорогу с северной стороны от города. Потом картина переменилась: городские управа и дума (не обыватели!) сочли за лучшее, если линия обогнёт город с юга! "Вечернее время" склонно видеть здесь скрытое преследование своекорыстных интересов как со стороны некоторых "влиятельных" обывателей города, так и со стороны инженеров*. Я не берусь ни защищать, ни опровергать этой точки зрения. Для меня ясно только одно — что вандализм этот не нужен ни городской массе, ни вообще кому-либо из незаинтересованных лично русских людей. Этот варварский проект вредит и частным интересам города, и общим интересам русской культуры.

Пред лицом готовящегося ужаса бодрствовало только одно Новгородское общество любителей древности. Но что могло оно сделать, маленькое, бедное авторитетом провинциальное общество?! Археологическая комиссия спала, дремало Общество защиты памятников старины, Московское Археологическое общество доискивалось каких-то планов и карт**. Стали слышаться в печати отдельные голоса, но кто их слушал? Было уже поздно, и надо было действовать стремительно, иными, более верными путями. И вот, несмотря на всю безнадёжность положения, удалось добиться временного прекращения работ, зашедших уже так далеко. Тогда-то последовало (31 августа) совещание при министерстве путей сообщения из представителей всех крупнейших учёных учреждений, общества, строящего дорогу, города Новгорода и земства.

На совещании столкнулись, конечно, обе точки зрения: и "археологическая", и "житейская". Обе они будут теперь "академически" сообщены по назначению, и та или иная победит. Предложен был компромисс: построить пока на юг от города лишь временный мост, чтобы не задерживать на несколько месяцев имеющего открыться по новой дороге движения. В своевременном открытии этого движения, все мы, русские граждане, якобы одинаково заинтересованы. Быть может! Только не есть ли это ловкий ход людей, пытающихся из страха проиграть своё дело заглушить разумный голос противника звуком патриотических фанфар? При нашей косности так часто временное дурное превращается в безобразное постоянное. Поэтому пусть помнят римское "caveant consules"[7] все те, кому дорого наследство старой родной культуры, пусть знают они, что спор из-за Новгорода ещё не доведён до конца!

Этот спор имеет отнюдь не местное и временное значение. Пусть решение его раз и навсегда покажет, доросли мы в XX веке до того, чтобы понимать, что "вид" есть тоже памятник народной старины и памятник особенно ценный. Никто из нас, "археологов", так часто обвиняемых в желании "мумифицировать" жизнь,

---

* Железнодорожники и господин Великий Новгород. // *ВВ*. 12 сентября 1916. № 1599. С. 3. — *Примеч. А.И. Анисимова.*

** В "Речи" я ошибочно приписал эту заботу Археологической комиссии. — *Примеч. А.И. Анисимова.* См. в наст. разд., № LII (5).

не станет защищать красивый ландшафт только потому, что он красивый, если он может стать ареной новых человеческих радостей, новых достижений культуры. Но *губить вид-памятник и губить его без всякой нужды, имея возможность удовлетворить запросы новой жизни другим, более целесообразным путём*, — и бессмысленно, и преступно, и от этой бессмыслицы и этого преступления должны мы непонимающих людей удержать.

Мы любим теперь, под влиянием бредового угара войны, обвинять германцев в вандализме. Это *они* разрушили Лувенскую ратушу и Реймсский собор. И даже ссылки немцев на то, что им чудились на соборе французские батареи, что избежать обстрела было невозможно, встречаются нами как наглая ложь. Вандалы! вандалы! Но что *мы* делаем у себя? Мы собственными руками губим, *имея полную возможность избежать этого*, одну из величайших своих святынь, *собор соборов*, и когда нам говорят: «Вы варвары и невежды!», мы лицемерно отвечаем: «Мы губим, но из любви к отечеству!»

Так даже великие минуты истории не могут научить нас истинному патриотизму, горячей, сознательной любви не к своему, а к общему народному достоянию.

P. S. Эти строки были уже написаны, когда я прочёл в № 1607 "Вечернего времени", что «председатель совета министров Б.В. Штюрмер, интересуясь *исходом дела** охраны новгородской старины, запросил министра путей сообщения о положении дела. За отъездом министра ему ответил товарищ министра Борисов. Придавая вопросу об опасности, грозящей некоторым памятникам родной старины Новгорода исключительно серьёзное значение, министерство подвергло этот вопрос рассмотрению в особом совещании. В совещании голоса разделились. Представители Св. синода и археологических обществ, *исключая Новгородское общество любителей древностей*, признавали необходимым для охраны памятников изменение направления железной дороги Новгород — Валдай по северному варианту; представители почти всех *ведомств, земства и города* стояли за необходимость продолжения постройки без замедления по южному варианту. Наконец, члены Государственного совета Кобылинский и барон Дистерло предложили оставить существующее направление только временно, с тем чтобы впоследствии провести дорогу по северному варианту. Все мнения были представлены *на усмотрение* министра. Министр путей сообщения А.Ф. Трепов признал необходимым: 1) отодвинуть линию около церкви Спаса Нередицы на расстояние вдвое большее против проектируемого теперь, 2) понизить насыпь около Юрьева монастыря на полторы сажени. Мотивировано это распоряжение тем, что дорога сооружается в срочном порядке и на работы истрачено 1 200 000 рублей, а в случае перенесения линии и постройки по северному варианту придётся истратить ещё 500 000 рублей».

* Курсив везде мой. — *Примеч. А.И. Анисимова.*

Итак, *исход дела* известен. *По усмотрению* министра путей сообщения, один из величайших русских памятников обречён на гибель ради спасения России от немцев и ради сбережения 500 000 рублей. Стоит ли снова повторять, что Россия не требует этих вандальских гетакомб, что она сумеет и сможет победить врага без этих лицемерных и варварских жертвоприношений. Губить же памятник старой национальной культуры, которому нет и нельзя определить цены, ради сбережения нескольких сот тысяч рублей, не значит ли это ставить ни во что наше великое родное прошлое, разменивать бесценное духовное достояние нации на мелкую ходячую монету? Какою глубокою иронией над нашим отношением к самим себе, к России, к русскому звучит эта расценка и как красива она особенно теперь, когда, как говорят в обществе, деньги стоят одиннадцать копеек аршин! Европа платит целые миллионы за отдельные вещи, не жалея средств, приобретает такие собрания, как знаменитые византийские эмали Звенигородского, гораздо более нужные науке русского Востока, чем европейского Запада. А мы боимся израсходовать какие-то 500 000 тысяч среди безумных трат настоящего и, уподобляясь мельнику басни, гоним от запруды кур, когда вода хлещет потоком, устранив все преграды. Кто поверит нашему лицемерию?

С достаточной очевидностью выяснено теперь, ради чьих интересов дорога Нарва — Валдай неожиданно переменила направление. Широкие массы обывателей вполне определённо выражали желание видеть линию железной дороги на север от города с вокзалом на Торговой стороне. Само общество, строящее дорогу, проектировало сначала путь в этом направлении. Конечно, и правительство не имело в то время ничего против этого проекта. Теперь строители дороги, несколько торговцев и домовладельцев Новгорода, "представитель" земства (всё тот же, что добивался когда-то срытия древнего вала для постройки офицерского собрания!) и, наконец, различные "ведомства" идут рука об руку и всеми силами отстаивают южное направление дороги. Надо отдать им справедливость: свой варварский проект они осуществляют с чисто варяжскою хитростью. Когда ещё зимою этого года я впервые возбудил вопрос о грозящей Новгороду опасности, эти люди через своих услужливых клиентов усиленно успокаивали бдительность насторожившихся археологов, говоря, что это ведутся только "разведки"! А летом, когда уже была срыта часть Нередицкого холма, когда не только историческому виду, взятому в целом, но и храму Спаса непосредственно грозила настоящая гибель, они сняли свою маску и показали подлинное лицо. Когда же от них стали требовать переноса линии, они сказали, что израсходовано уже больше миллиона и потребуется почти столько же ещё!

Иные сделают из этого вполне определённый вывод: пусть израсходуют ещё хоть два миллиона, пусть впредь несут тяжёлые убытки и ещё более тяжёлую ответственность за то, что посягнули на величайшую национальную святыню! Правительство взглянуло несколько иначе: пусть погибнет памятник памятников, лишь бы строители не потеряли даром свои два миллиона и несколько новгородских "граждан" остались не в обиде.

С глубокой горечью и стыдом прочёл я в сообщении "Вечернего времени", что представитель Новгородского общества любителей древности голосовал на совещании 31 августа вместе с этими "гражданами"[8]. Страшна русская провинциальная жизнь: закон «с волками жить — по волчьи выть» имеет там ещё всю силу действительности. Какой незначительный промежуток времени и какая разительная перемена "мнения"! Ещё 28 июля Общество голосовало за ходатайство перед правительством о переносе линии на север, а 31 августа его "представитель" спасает капиталы инженеров и новгородских домохозяев от посягательства на них науки и культуры, грозящих предать отечество врагу!

В конце июля ко мне обратилось несколько новгородских обывателей — простые, нехитрые люди — с упрёком, почему мы, "учёные люди", "археологи", не защищаем Новгород от гибели. Я им ответил, что нами сделано всё возможное, чтобы помешать готовящемуся варварству, но инженеры, городские и земские "отцы" в своём невежестве, в преследовании частных интересов видят больше смысла, чем в словах "учёных". Меня спросили: «Где же просвещённая власть? Где государство? Неужели нет спасения?» Я ничего не мог ответить им. Теперь они имеют ответ и без меня. Пусть знают, что Академия наук и Академия художеств, окружённые всеми крупнейшими учёными учреждениями России, имеют в нашем "просвещённом" государстве меньше "веса", чем сотня инженеров, землевладельцев и купцов!

И хочется закончить теми же бессмертными словами Пушкина, которыми начал М.В. Муравьёв свою прекрасную статью* на ту же тему: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим».

В разделе "Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за 2-ю половину 1916 года" названа брошюра **А.А. Спицына** "Новгородские древности", вышедшая в серии «Конспекты лекций, читанных в 1909 году в Новгородском Обществе любителей древности господами лекторами Императорского Археологического Института» (2-е изд., Новгород, 1916. 16°). В брошюре отмечен вклад Н.К. Рериха в изучение прошлого Новгородского края.

4. А.А. Спицын. Новгородские древности[9]

Каменный век

В 1881 году граф А.С. Уваров знал только две вещи каменного века в Новгородской губернии, а в 1882 году князь П.А. Путятин обнаружил близ Бологого огромную стоянку каменного века, столь прославившую его имя. В последнее время Бологовская стоянка издана[10]. Находки князя Путятина сделаны на "рожке" (озёрный мыс), куда они, быть может, попали со дна озера, вытесненные оттуда льдом[11].

* *Муравьёв М.* Великий Новгород в опасности. // *НВ.* 19 сентября 1916. № 14562. С. 5. — *Примеч. А.И. Анисимова.*

По обилию предметов каменного века в настоящее время Новгородская губерния в России занимает первое место, и после французского палеолита наши озёрные находки представляют явление едва ли не самое замечательное в каменном периоде всей Европы.

В 1888 году В.С. Передольский открыл близ Новгорода Коломецкую стоянку ещё неразгаданного устройства, несмотря на то, что она была осмотрена и специалистами. По мнению профессора А.А. Иностранцева, здесь человек

1.

2.

Вещи из собрания Н.К. Рериха, найденные в Коломцах близ Новгорода. 1. Обломок клина из серого сланца. 2. Головка от глиняного сосуда, служившая ему ручкой. Воспроизведено с рис. Н.Е. Макаренко по изд.: *Спицын А.А.*, 1907

поселился на чистой глине; потом, вследствие таяния ледников, уровень Ильменя страшно повысился, и находка была покрыта новым толстым глинистым слоем, делающим работу в Коломцах очень трудной.

В Бологовской стоянке можно различить не менее трёх слоёв разного времени; это определилось с помощью разбора черепков по составу и узорам. Н.К. Рерих на берегах озера Пироса Валдайского уезда нашёл громадное количество вещей и черепков каменного периода. Тут же обнаружена была прослойка из тёмной земли с отдельными находками на берегу[12].

Недавно близ Череповца, при устройстве шоссе, обнаружены предметы, аналогичные с находками А.А. Иностранцева в Сясьском канале. Погребения каменного века нигде не было найдены, что объясняется прежде всего тем обстоятельством, что их в эту пору и не было.

Н.К. Рерих раскопал курганчик близ села Кончанского в Боровичском уезде, в котором им были найдены в обилии поделки из янтаря, попавшие сюда из очажных ям каменного века, расположенных поблизости[13]. В Коломце найдена одна подобная поделка, но не из янтаря, а из кости. Такие же ямы с янтарями Аппельгрен нашёл в средней Финляндии.

Н.К. Рерих. Изба смерти. Рисунок. Набросок к "Соловью-разбойнику" из "Богатырского фриза". [1909—10]. Местонахождение неизвестно

[Другие эпохи]

Могильники расположены всегда по возвышенностям. Один такой могильник известен на Шелони в Старорусском уезде[14], другой в Бронницах, уже утраченный.

Затем в археологии Новгородского края наступает период смутный, времени бронзового века и других древнейших культур. Возможно, что к этому времени относятся свайные постройки, которые пока не обнаружены в Новгородской губернии, но могут быть найдены[15].

Из многочисленных финских древностей края наибольший интерес возбуждают удлинённые курганы, идущие от верховьев Днепра по Псковскому и Гдовскому уездам, и известные также в верховьях Мсты, у города Ладоги и Сестрорецка[16]. С ними в связи находятся древние курганы с золой. Князь Путятин в Бологом открыл урну с сожжёнными костями на глубине 1 аршина. Вообще же надо сказать, что финские древности края мало изучены.

В Тихвинском уезде известны древности Веси, именно курганы, раскопанные Бранденбургом. По всей губернии распространены древние финские городища обрядового значения, тронутые раскопками в Боровичском уезде на озере Кафтине и в Ляличах. Их характерные признаки: слои золы, битый камень, черепки с рябчатым или тканевым орнаментом. Все они укреплены валами, иногда двумя, или кругом всей площадки, или в одном месте[17].

В "Обзоре повременных изданий, выходящих в России, за 2-ю половину 1916 года"[18] отмечена статья Рериха "Слово напутственное". К ней хроникёр "Известий" дал выразительное резюме: «Об ответственности нашего времени в искусстве».

5. Н.К. Рерих. Слово напутственное *(БВ. 14 марта 1916. № 15440)*[19]

I

Ответственно наше время. Ответственно во всём будущем росте государства. Ответственно во всех грядущих достижениях, в постройке путей, в просветлении кругозора. Ответственно наше время и в искусстве.

Велик путь из Варяг в Греки. С Запада на Восток. За дарами прекрасными. Опять страница о том же пути. Опять нам, всегда о своём сомневающимся, наши друзья на Западе крепко подтвердили веру в наше художество, в значение нашего искусства. И сейчас, в дни подсчёта ценностей, мы можем к великому списку естественных богатств и возможностей прибавить всё сокровище нашего искусства. Непочатое, нетронутое, засыпанное землёю вместе с рудами и самоцветами.

В Париже, ещё в 1900 году, помню, Кормон говорил мне, писавшему тогда идолов:

— Nous sommes trop raffinés[20], — а вы идите своим путём. Мы у вас будем учиться. У вас так много прекрасного.

Роден, ясный в суждениях своих, Морис Дени, чуткий поэт Валлотон, Дегаз, Ришпен, Метерлинк, Верхарн и множайшие и лучшие поклонились русскому художеству. Громко восхитились нашими несравненными примитивами — иконами. Нам, боящимся, сомневающимся, эти люди сказали:

— Наконец откройте глаза. Отбросьте страх. Любуйтесь и знайте.

Лишь бы опять приобщиться к радости. Пусть хоть через Запад. Не всё ли равно? Пусть хоть исконным путём. Хоть вместе с оружием. Хоть волоками и торжками, — всё равно, лишь бы стремиться к познанью, лишь бы любоваться чудесами, скрытыми в нашей скрыне бездонной.

Кто по Руси ходил, кто от земли слушал, тот знает, как не утоптана земля наша. Точно путь первый.

В 1910 году, раскапывая Новгородский Детинец, мы нашли наслоения города на 7 аршин.

Открылась потрясающая картина наслоения жизни от каменных палат с изразцами и карнизами до первого поселения IX века, полного варяжских вещей. Срубы, помосты улиц, пожарища, слои строительных заготовок нагромоздились неожиданно, сказочно. Поразительное зрелище страданий и роста Великого Новгорода. Только воочию можно было убедиться, что под неприметным огородом могут сохранно лежать остатки целого города.

Я просил не зарывать этот разрез. По примеру Запада, покрыть его, сделать доступным для зрелища и изучения. Хотя бы за плату. Теперь и путешествующих много, и учащихся.

В печати просил я: «Добрые люди, не упустите дело доходное. Чем памятник сохраннее, чем он подлиннее, — тем он ценней. Привлеките к памятнику поезда любопытствующих. Бог да простит вас, извлекайте из памятника выгоду, сделайте доступ к нему оплаченным. Кормите пришедших во имя древности, поите их во имя старины, украшайте место каждое легендами (издатели, слушайте!). Освяти, Отче, средства, обложите памятники арендами, берегите их честно и крепко, как бумаги процентные, как деньги датские[21].

В памятниках вложены капиталы великие; опасны дела торговые, а памятник, что вино, чем старей, тем ценней! Чем до сердца доходчивей, тем и думайте, но старину сберегите»[22].

II

Видите, как *доходчиво* молил я городских и служилых людей, но, конечно, просьбам не вняли и раскопку засыпали. Зато новгородский губернатор занимался переводом испанских романов. Теперь на месте раскопки опять гряды с капустою. Разве это не символ?

Всей русской древности, всему русскому художеству приходится бороться с непомерным непониманием и глупостью. А за последнее время развелось ещё столько художественного фарисейства и предательства, что подчас находят глубокие сомнения. Где же люди-то?

Поэтому всякое общественное воздействие, всякий объединённый порыв, направленный к насаждению на Руси искусства и знания, неотложно необходим выше всякой меры.

Говорю не зря. Не поклёп возвожу. Есть доказательства. Мы — ленивы и нелюбопытны.Сознаемся. Число подписчиков на действительно художественные издания не превышает одной тысячи. Журналы искусства с трудом получают до 5000 подписчиков. В стране с населением в 180 миллионов. Число посетителей выставок колеблется от десяти до двадцати тысяч. Среди серьёзных концертов, лучших представлений и лекций значительная часть посетителей почти знакомы, чуть ли не свойственники. И это в столице с 1 500 000 населения. И в то же время наиболее гнусные кинематографы и так называемые миниатюры переполнены. Наибольшая книжная пошлость идёт в сотнях тысяч. Значит, какой ничтожный слой общества серьёзно затронут художеством! Как низок вкус толпы! Как необходимы широкие посевы. К тому же ещё отчислите всех предателей и клеветников, и преданных художеству людей останется так мало. Вспомним, как часто мы не знаем самых простых художественных понятий. Как часто не умеем различить самых противоположных явлений. Не осведомлены с языком искусства.

Мир, в котором живём, радость нашего духа, мы не замечаем и твердим о смешных делах, уже умерших в потёмках.

Художественная грамота, художественный обиход почти не вошли в нашу жизнь. А если и входят, то мало по убеждению и много под знаком моды.

Ну, что ж, пусть хоть модою, пусть хоть корыстью, хоть случаем войдёт в нашу жизнь художество и знание. И всякими мерами и всеми путями надо идти. И во все врата стучаться, чтобы вспомнили о том, чем светла наша жизнь.

На пути русского искусства, повторяю, столько горестных сознаний, что часто начинаешь сомневаться, расширяется ли круг познавших радости искусства? Правда ли, искусство нужно государству?

Ветхие слова! Но твердить их приходится бесконечно.

На далёких русских равнинах подчас вообще ещё не знают, что такое картина. Мне приходится получать вести о нетронутом чернозёме. И тут же вы узнаёте, что старинное, всенародное искусство уходит незаменимо.

III

Ответственно время, когда народное искусство ушло, а обновлённое понятие ещё осталось далёким от жизни.

Но не сетованиями проживаем.

Вспомним о путях высоких. И к тому же вполне доступных. Допуская и

уважая, откроем глаз добрый. По худой привычке, по безверию, брань и хула часто — сильней похвалы. Но думаем мы не во имя "вчера", но во имя "завтра"; во имя всенародного строительства и творчества. Думаем, зная, что творчество без подвига немыслимо.

Прежде всего, имеем ли мы право говорить об искусстве? В дни великой борьбы? Когда, казалось бы, умолкает искусство? Когда справедливо восстали против глупой роскоши и мотовства. Когда справедливо указали, что в ценах, в самом отношении к жизни часто проявляются бесстыдное мотовство и дикая

Н.К. Рерих. Пречистый град — врагам озлобление. Вариант. 1912. Частное собрание, США
Фото из архива МОО ЦДК

роскошь. Хорошо, если общество изгонит этих верных служителей самого злого начала — пошлости, невидимым ядом разъедающей толпы народов.

Но подлинное искусство — не глупая роскошь. Молящийся Богу правды и красоты — не мот. Искусство — потребность. Искусство — жизнь. Разве храм роскошь? Разве может быть мотовством — книга и знание?

Но, действительно, в пользовании искусством, в уважении к художеству, в искании радости духа нужны осмысленность, подвиг и знание. И тогда многие из толпы уразумеют, какой пошлости служат они и, Бог даст, взыскуют град[а] художества.

Конечно, если искусство — великая потребность и высокая жизнь, то, конечно, и сейчас можно говорить об искусстве. Если искусство служит Родине, то, конечно, перед ним нужно поклониться. А служение это, конечно, не в служебных изображениях, но в возвеличивании вкуса, в росте самопознания, в подъёме духа. В подготовке высоких путей.

Н.К. Рерих. Пречистый град — врагам озлобление. Вариант. 1914. Собрание NRM. Фото из архива МОО ЦДК

Проникновение искусством лежит в основе великих порывов. Создаёт собирательство, поднимает строительство. Счастлива страна, где нарождаются строители и собиратели. Где зреют хозяйство и народная мудрость.

Все периоды собирательства на Руси составляют нашу истинную гордость. И как бы ни было затруднено судьбою строительство и собирательство, будем всё-таки строить и собирать. Нам и, главное, следующим это будет так нужно. И во дни войны строительство и собирательство нужны. Пречистый град — врагам озлобление. Создаёт тот, кто верит в победу, кто знает, что воины праведного дела победят врагов рода человеческого.

И у нас уже светятся новые здания. Безличность зодчего сменилась исканиями и претворением лучших очертаний. Целый ряд даровитых строителей сложил за последние годы ряд замечательных храмов и гражданских построек. За храмами подумалось и о частных домах, и о вокзалах, и о банках.

Появились мысли о настоящей стенописи и скульптуре. Стала возможною мечта, что наши засиженные мухами, затканные пауками стены государственных учреждений покроются прекрасными красками. Университеты, суды, приёмные министерств — везде, где только неизбежно ожидает народ, порадуют глаз стенописью. Храмы, даже сельские, вместо бездарных трафаретов и (ужас) подражаний рисункам Дорэ, расцветут наследием нашей живописной старины. Всё это, желанное, не трудно достичь, лишь бы мы все пожелали это накрепко. Лишь бы сознание вошло в народную душу и повело искусство в новые глубины.

IV

В наших могущих лицах часто поражает странная подробность. Отчего они не хотят, во имя самых лучших чувств, сделать дело для родины полезное, для них — прекрасное. Обратите внимание, как мало число предметов, пожертвованных в наших хранилищах. Мало и коллективных пожертвований, так развитых во Франции. Казалось бы, связать своё имя с возрождённым памятником, сделать предмет искусства доступным для общественного пользования, создать возможность единения толпы с искусством, так прекрасно и для могущих возможно.

В театрах уже не редки постановки чисто художественные. Но нужно сказать, что русские постановки иногда при красочности ещё не выходят за пределы пёстрой кустарщины. А следует помнить, что в этих движущихся, преходящих картинах всегда возможности коренного воздействия на толпу. Красивый облик жизни прежде всего мелькнёт из-за рампы и может крепко запасть на сердце.

Такие же широкие возможности воздействия заключаются и в одежде. По преимуществу в женской.

Последние заграничные моды опять служат нам укором. Опять из Парижа привезли нам наши покрои. Опять на Западе мечтали о том, что у нас так прекрасно. Казалось бы, не трудно и у нас сложить красивое обличье и влить его в

средства доступные. Художники найдутся. Источники всех племён России полны. Каждая страница — неисчерпаема. Сырьё и материалы от нас же везут за границу. Но дело не двигается. Оно затруднено. Для проведения в жизнь рисунка нужна согласованность целого ряда работников. В Париже каждый рисунок обсуждается и принимается в собрании фабрикантов, портных, басонщиков, сапожников, ювелиров. Нужно соглашение всех заинтересованных лиц. Только тогда мы можем противопоставить притягательности чужой моды убедительность и, главное, достижимость наших сочинений. Иначе все лучшие начинания опять останутся мечтами и словами.

О деле думаем. Сознаём, что слова без дела не только бесполезны, но вредны. Ощетинивая глупость и пошлость, слова не имеют средств отбросить враждебные начала. А все мы знаем, что иногда самые почтенные люди враждебны началам искусства. Надо думать, что ценно только желание дела, искание исполнения и строения. И опять повторю, если власть и общественное мнение потребуют обращения к художеству, если обрат[я]тся к подлинному, то это движение даст настоящий устой, на который смогут опереться работники искусства. За одеждою откроются и все области обихода. Мебель. Конечно, не та угловато-петушиная, с острыми шипами на сиденье, а выросшая из красивых линий и приближенная к уюту жизни. Области фарфора и всех видов керамики. Миниатюры и финифть. А рельефы и чеканка! Бесконечные возможности. Именно делом можно ввести в жизнь творчество. И не отвратительную олеографию[23], но хоть маленький, но оригинал захочет видеть у себя на стене даже серый обыватель.

Теперь о старине. Умышленно я говорю о старине после общих путей искусства. Надеюсь, никто не заподозрит, что именно я забыл о значении и красоте нашей старины. Для истории, для будущего великого суда было бы слишком тяжёлым нашему времени упрёком, если бы забывали о творчестве будущего, довольствуясь лишь повторением и подражанием.

V

Старина узнанная, достойно возвеличенная, должна научить и открыть пути. Из чудесных древних камней сложите ступени грядущего.

С радостью должно сказать, что в деле открытия старины сделано много и многое может быть легко облечено в дело.

Всегда около старины существовала группа лиц зрячих и чувствующих. Конечно, их мало; эта маленькая группа слыла фанатиками или чудаками. Отдаляла дело группа некоторых исследователей, далёких от красоты искусства, смотревших на сокровище древности только как на предмет исследования. Исследовалась композиция и малейшие черты икон и росписи. Изучая детали, упускали самое главное. Просмотрели, что не в документе дело, а прежде всего в великом памятнике искусства. Дело в утверждении наших собственных примитивов, убранных чудесными красками, глубоких и потрясающих сочинением

и эпическим замыслом. При выборе области старины русская линия особенно бывала под сомнением. Таково было глупое предубеждение. Но сейчас уже стены пробиты, всё положение изменилось.

В любом древнем храме вы находите группы работающих и изучающих. Иконы стоят рядом с лучшими итальянскими примитивами. Лубочные листы, заставки, миниатюры прельщают лучших художников. Лёд сломлен. Глаза открылись. Правда, ещё кое-кто стороною утверждает, что же из чего исходит, что материал скуден, но эти утверждения всегда исходят от незнания и неподвижности. Такие утверждающие бывают посрамлены очень легко.

С древнейших времён очистились горизонты. Мы узнали, что владеем превосходным каменным веком. Мы открыли сокровища переселения народов. Мы связали эти вещи с таинственными обитателями городищ. Мы подошли к славянским и варяжским древнейшим насельникам. Наследие варяжско-романского искусства привлекло благородством и строгостью форм. Мы не забыли и чудовищную финскую фантасмагорию. Блеснули прекрасные дары Востока. Осенила слава Царьграда. [П]овеяли ароматы, претворённые о[т] Италии. От величия Киева, Новгорода, до пышности Москвы, до пёстрого ковра Ярославля, до замыслов Петра и Екатерины к нам нахлынули сокровища, которые переварить и усвоить ещё невозможно. Сейчас мы ещё во времени дивованья и любованья.

И хочется поделиться со всеми далёкими и малознающими. Поработайте, снимите завесу! Походите по земле! Когда представишь себе открывающиеся богатства, то невольно хочется простить всех отрицавших. Они ведь не знали! Они ведь, бедные, не видели.

На ступенях старины, прежде всего, стоит народное искусство — искусство всех народов России. В этом художестве земли не этнографические ценности, но настоящие страницы эпоса открываются. В этой бесконечной области для работающих уже истинно — целина нетронутая. Многое по распространению художества сделано, но в море народном, поверьте, это ещё только капля.

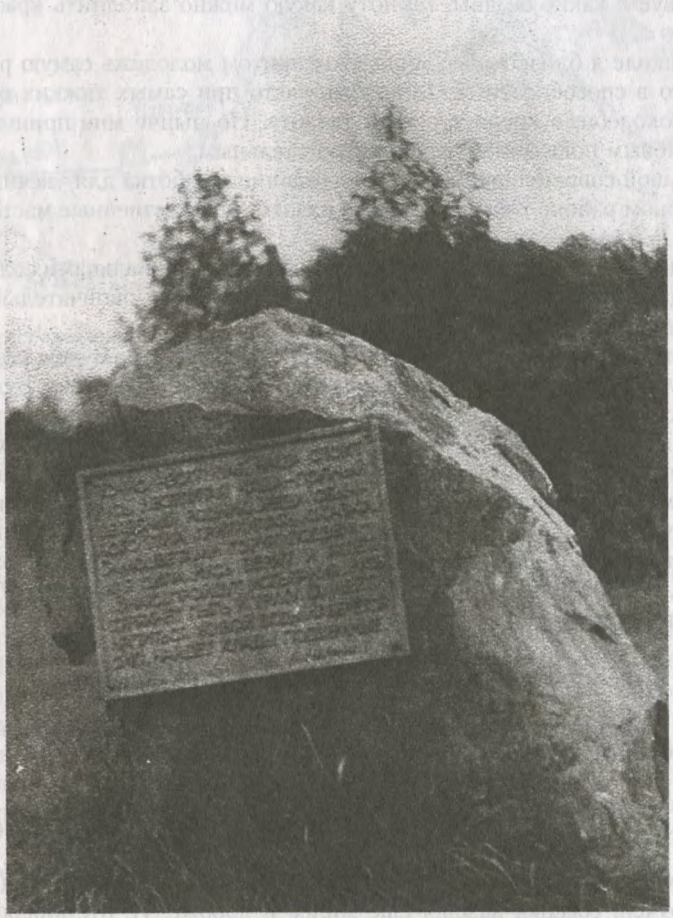
Именно теперь этот вопрос принимает небывалое значение. После водки, после бесчинства дайте народу то, над чем могут задуматься головы и чем дух возрадуется. Если мы думаем о великом значении народной песни, если мы хотим поднять народные инструменты, хотим учить художественному ладу, то изобразительные искусства займут во всенародном вопросе место ещё большее. Не о кустарях только говорю.

Вообще кустарный вопрос влился в какие-то служебные рамки. Не о поддержании только думаем, но о возрождении и творчестве новом.

Надо сеять искусство. Самою широкою горстью надо разбрасывать полезные и подлинные сведения. Отряхнув пыльные наносы, взглянуть глазом добрым и непредубеждённым. Не снисходительно служебные рисунки, не только шаблоны для кустарей печатать надо, но надо разлить широкие сведения [об искусстве вообще][24]. Сперва будем бросать их, как в бездну, отложив ожидания. Будет казаться, что эту пропасть ничем не засыпать.

VI

Малодушие будет подсказывать, что средства брошены на ветер. Об искусстве ли думать? Но лишь преступное безверие этим убедится. Угрожающие пройдут. Издёвка замолкнет. Мы же будем твёрдо знать, что всякое истинное просвещение зря не проходит. Вспомним детство. Дайте этим зёрнам полежать в чернозёме. Дайте размякнуть зерну и робко взойти. Просите Прокопия пра-



Валун у святого ключа во Мшенцах, на котором валдайские краеведы установили памятную доску с выбитыми на ней рериховскими словами из очерка "Неотпитая чаша". Фото 1990-х

ведного отвести каменную тучу. И дети наши увидят всходы чудесные. Захватывающе взойдут зёрна художества. И будущий просвещённый народ скажет спасибо тем, кто верил, что не бесполезно расточить перед народом лучшие сокровища. Повторяю, не свысока расскажите об искусстве! Не к "тёмным" кустарям обращайтесь, но к малым братьям, ждущим и уже предчувствующим.

Волнуют размеры близких и жданных возможностей. Не в ночной темноте думать, но уже светло, и перед сочувствующими можно говорить, веря, что слово о русском великом искусстве не будет осмеяно, но укрепится делом. Все мы чувствуем, какие бездны, темноту какую можно заполнить красотою подлинною.

По школе я близко знаю молодёжь, притом молодёжь самую разнообразную. Верю в способности её. Вижу, как часто при самых тяжких обстоятельствах непоколебимо крепнет росток таланта. Но нынче мне пришлось встретиться с новым показанием, глубоко трогательным.

Большой современный вопрос — создание заработка для увечных воинов. При северном районе Красного Креста начаты художественные мастерские для увечных.

Увидел я первые иконы, написанные загрубелыми пальцами солдат, в жизни не видавших доски и красок. И ещё раз я уверовал окончательно в совершенно невероятные способности народа.

Будем же сеять широко семя подлинного искусства. Будем разбрасывать картины, листы, обращения, письма, издания. И малые и большие. Будем проникать во все школьные книгохранилища. Овладеем внешкольными помыслами учащейся молодёжи. Проведём молодёжь по земле. Будем обращать к художеству видом возрождённых памятников. Будем твердить словом всенародно и укреплять делом. Не убоимся — поверим. Защитим радость духа от всех сил тёмных.

Нынче летом на Валдае наехали мы на огромный ключ железный. Посреди луга стоит полная чаша живой воды. Никому не нужная по полю разбегается. Целебная, неотпитая чаша подле большого пути. Вся безграничная область русских богатств, всё наше сокровище искусства, вся эта целебная чаша полна живой воды.

Русь — неотпитая чаша.

Как естественное продолжение этой статьи читается ныне широко известный очерк **"Неотпитая чаша"**.

6. Н.К. Рерих. Неотпитая чаша. *Сменцово, 1916*[25]

Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая ещё милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает её не только потому, что она своя, но потому, что она красива и превосходна и поистине полна скрытых, великих значений.

Схема расположения села Мшенцы Бологовского р-на Тверской обл. Публикуется по оригиналу из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония)*

Кроме прекрасной природы окраин, у нас бесконечно много того, что ещё недавно считалось неценным. Чего не хотели видеть из окон вагона, когда бывало ездили "куда следует" по словарю предрассудков. Чего не хотели знать; как вообще не хотели знать возможностей своей земли и своего народа.

Когда после простудной напасти меня стали в Крым отправлять, вопреки всему, потянуло меня опять в любимый Новугородский край. Коли пройдёт, то и здесь пройдёт.

За пределами оконного кругозора столько изумительных красот и в Водской и в Шелонской пятинах. Так близких по значению смыслу Новгорода и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Музей — музеем. А жизнь — жизнью. И теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь — настоящее, которое для такого великого будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит — всё пройдёт, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где недра не тронуты, там и сущность народа тверда, без смятения. Новугородцы бодры.

---

* Автор схемы, краевед Г. Нарышкин в марте 1976 сообщил П.Ф. Беликову, что «ключи тамошние слывут целебными и привлекают (данные осени 1968) массу паломников (верующих)»[26]. В наши дни возрождается почитание этого места: реставрируется каменный храм Параскевы Пятницы, заново отстроены часовня и купальня.

Бодры так же, как бодры их озёра. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как остры голубые глаза рыбаков озёрных.

Суровы так же, как непроходны леса, которыми засинели дали. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новугородских пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озёр. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменные. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинуты. Белые с зелёным, лиловые, красные, оранжевые, синие, чёрные с жёлтым... Любой выбирай. Всё нетронуто. Ждёт.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками — храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюженскому пути. Мста и Шелонь, Шере́годро, Пирос, Миронега, Шлино, Бронница и Валдай. Иверский монастырь, Нил Столбенский, возвышенности Валдайские. Всё это красота. Красота бодрая. Неописанная.

А вот и чудо. Не то чудо, что ещё живы русалки. Жив ещё «честной лес». По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время ещё.

А вот чудо. Среди зелёного, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина. Чаша неотпитая. Яма — сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям всё заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлётов. Бьёт мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студёная вода полна железом, и пить трудно. Сильно бьёт родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому и дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Ещё известны ключи в Варницах. И грязи целебные. Варницы — старое место, ещё при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же и горячие ключи — тоже никому не нужные.

Живая вода по полю, по озёрам разбегается. И странно, и больно, но и радостно знать, что даже на больших путях не тронуты такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдёт испытание. Всенародная, всетрудовая, крепкая делом Русь стряхнёт пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберётся сил. Найдёт клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь.

Неотпитая чаша — полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждёт.

Отметим материалы в "Археологической хронике", которые биографически связаны с семьёй Рерихов. Две прекрасные рецензии на книгу: **Венок Врангелю от Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины.** Пг., 1916[27]. 16 октября 1916 на заседании Московского Общества по исследованию памятников древности «вторым докладчиком на интересную тему о реконструкции лиц по черепу выступил **А.П. Калитинский**»[28], коллега Н.К. Рериха по ИМАИ, в будущем активный корреспондент семьи Рерихов[29]. В разделе "Библиография" названо издание, входившее в круг чтения Рерихов: **Вестник Теософии.** Книги 7–10 за 1916 год с публикациями Н. Павлиновой "Орфические гимны" (перевод) и И. Манциарли "Собор в Альби"[30].

ПРИМЕЧАНИЯ К № LIII

[1] См. сообщения и указ. на эту тему в данном приб. к вып. *ИИАК*: 1. Выступление К.К. Романова на собрании Имп. об-ва архитекторов 15 ноября 1916. С. 11. 2. Заседания московской Комиссии по сохранению древних памятников в июле–октябре 1916. С. 13–14. 3. Полемика в газете *НВ* в 1916. С. 79. — *Передольский, Владимир.* Блюдите Великий Новгород. // 11 июля. № 14492; *Аничков И.* В ответ печальникам Великого Новгорода. // 18 августа. № 14530; *Шумигорский Е.* Новгородские реликвии и Реймсский собор. // 19 августа. № 14531; *Передольский, Владимир.* «Кто против Бога и Великого Новгорода!» // 4 сентября. № 14547; *Передольский, Владимир.* Память о боярах Романовых в Великом Новгороде. Отцам Великого Новгорода. *Романцев*, новгородский городской голова. [Телеграмма с возражениями В. Передольскому]. // 11 сентября. № 14554; *Передольский, Владимир.* Отповедь "отцам" губернского города Новгорода. // 13 сентября. № 14556; *Муравьёв М.* Великий Новгород в опасности. // 19 сентября. № 14562; *Передольский, Владимир.* Новгород Великий тихо опочил... // 4 октября. № 14577. 4. Материалы в *СГ*. С. 81. — Например: *Ростиславов А.* Гидра, одолевшая Георгия (Новгородская эпопея). // *СГ*. Июль–сентябрь 1916. № 7–9. С. 116; 5. *Глаголь, Сергей.* Ещё о нередицком вандализме. С. 82. // *УР*. 13 сентября 1916. № 256. О борьбе против новгородской ж. д. в 1917 г. см.: *ИИАК*. Приб. к № 66. (ХБ, № 32). 1918. С. 30–34. Вся офиц. подоплёка подробно изложена в протоколах реставрационных заседаний ИАК 22 сентября, 20 октября и 17 ноября 1916, озаглавленных "Новый железнодорожный путь Петроград — Орел". См.: *ИИАК*. № 66. (*ВР*. № 19). 1918. С. 41–49, 72–76, 80–83. Упоминается «отзыв председателя Имп. Археологической Комиссии от 18 августа 1916 г. министру путей сообщения с уведомлением, что в Комиссию поступают заявления и письма от археологических обществ и ревнительней старины». В этой фразе графа А.А. Бобринского, конечно, имеются в виду и протесты Н.К. Рериха, А.И. Анисимова и др., отмеченные здесь. В то же время под председательством Н.П. Кондакова работала "Комиссия по вопросу о выработке мер к сохранению Новгородских древних памятников в связи с проведением около них железнодорожного пути", учреждённая ИАХ в 1916. См. указ. вып. *ИИАК*, с. 168–177; *Аполлон*. Октябрь 1916. № 8. С. 54–55. Ноябрь–декабрь 1916. № 9–10. С. 84. По данным Г.И. Вздорнова, подробное изложение вопроса о строительстве и его пагубном влиянии на исторические древности Новгорода изложено в "Исторической записке" на эту тему, составленной в 1918 И.В. Аничковым (ОПИ НГОМЗ, ф. 6, № 3422), и в докладе: *Покрышкин П.П.*, 1919.

[2] В хронике *СГ* появилось сообщение: «Сделанный в Обществе Архитекторов доклад К.К. Романова "Храм Спаса Нередицы и новая линия железной дороги" был повторён в Обществе имени Куинджи» (*СГ*. Октябрь–декабрь 1916. № 10–12. С. 165).

[3] *Анисимов А.И.*, 1983. С. 390.

[4] О строительстве реального училища см. в наст. изд., разд. II, № 128, 144, приложение к № 144, 146, в примеч. к № 102, 121.

[5] О строительстве здания офицерского собрания см. в наст. изд., разд. II, № 97, приложение к № 141, с примеч.

[6] Так как немало "обывателей" и особенно "радетелей города" входило в состав НОЛД, А.И. Анисимову и его единомышленникам приходилось вести борьбу за сохранение новгородских древностей и в самом Обществе. «Ссылки на то, что Общество, защищая вал, рискует лишиться сочувствия города, не имеет для местных любителей древности никакой убедительности, — говорил А.И. Анисимов на заседании НОЛД 16 мая 1910 г. — Перед Новгородским обществом любителей древности, только и существующим ради охранения и изучения старины, стоит дилемма: или пользоваться сочувствием города, но лишиться памятников археологии, или остаться с памятниками археологии, но без сочувствия города. Общество может избрать только последнее» (*Сборник НОЛД*. Новгород, 1911. № 4. С. 167–168). — *Примеч. Г.И. Вздорнова.*

[7] Здесь — *будьте бдительны* (лат.).

[8] Имя этого представителя названо в *РХЛ*: «...Чем дальше, тем ярче встаёт дикая и нелепая картина, может быть, самого варварского вандализма нашего времени. К сожалению, виновники его не подлежат уголовной ответственности, а пригвождение навсегда к позорному столбу невежества и низменных расчётов едва ли страшит таких деятелей, как председатель Новгородского общества любителей древности **Аничков** и другие новгородские "граждане", а также строители-инженеры, содействовавшие интересам этих "граждан"» (*Аполлон*. Ноябрь–декабрь 1916. № 9–10. С. 84).

[9] Публ. фрагменты, касающиеся научной деятельности Н.К. Рериха.

[10] *Спицын А.А.*, 1903б.

[11] См. в разд. II, № 20, примеч.; а также воспроизведение в наст. изд. карты князя П.А. Путятина "Бологое и окрестности" из публ.: *Спицын А.А.*, 1903б.

[12] См.: *Рерих Н.К.*, 1905.

[13] В фотоархиве ИИМК хранятся фотографии 3 табл. находок из раскопок Н.К. Рериха в 1902 у с. Кончанского. Фотографии выполнены в 1902 фотографом ИАК И.Ф. Чистяковым. (Шифр Q423/22–23/III2477–79 с пометкой "ИРАО"; № 60314–60316). Опубликованы: *Рерих Н.К.*, 1903.

[14] См.: *Рерих Н.К.*, 1899.

[15] Рерих также был убежден, что в будущем на территории российского озёрного края будут найдены свайные постройки (палафиты) — поселения на сваях (главным образом эпохи неолита и бронзового века) на заливаемых или заболоченных местах: «Остатки свайных жилищ указывают на развитую хозяйственность. Были ли у нас свайные постройки? Пока неизвестно, но они были, конечно. Идея сваи, идея искусственного изолирования жилья над землёю в пределах России существует издавна. [...] Здесь мы у большой древности. Погребение по Нестору "на столбах при путех" — избы смерти славянской старины, сказочные избушки на курьих ножках — всё это вращается около идеи свайной постройки. Многочисленные острова на озёрах и реках, конечно, только упрощали устройство изолированных деревень» (*Рерих Н.К.*, 1914. С. 149–150). Убеждённость в существовании в России подобных памятников отражена и в живописи Рериха. На нескольких полотнах Николай Константинович дал своеобразную реконструкцию свайных построек, например, *"Изба смерти"* (1905, 1909), *"Небесный бой"* (1909), *"Озёрная деревня"* (1915), *"Каменный век (Свайные постройки на озере)"* (1916) и ряд др.

[16] В этом перечислении имеются в виду и данные Рерихов — *Николая Константиновича* об удлинённых кург. по р. Мсте (на них опирался Спицын, выступая 17 марта 1907 на заседании ОРСА ИРАО) и *Бориса Константиновича* об удлинённых курганах близ д. Ситенки под Лугой (после указания на них в 1908 их исследовал С.С. Гамченко, причём оказалось, что они совершенно тождественны подобным псковским и смоленским курганам). См.: РА ИИМК, ф. 3, № 414, л. 4–5; № 415, л. 40, 45; № 416, л. 2 об., 3; в наст. изд., разд. III, № XXXI (1, 2).

[17] См. *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 156–158; в наст. изд., разд. II, № 78.

[18] Сюда же внесено содержание некоторых период. изд. более ранних, вышедших в свет или полученных в ред. "Известий" только во 2-й пол. 1916 г. — *Примеч. ред. ИИАК.*

[19] Текст приводится по машинописной копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

[20] Мы слишком изысканны (фр.).

[21] *"Датские деньги"* — налог в Англии раннего средневековья. Впервые собран в кон. X в. как выкуп нападавшим на англ. королевство скандинавским викингам (назывались в Англии датчанами). (*БЭС*. 1998. С. 330).

[22] См. в наст. разд., № XXI (2), XXXV (1).

[23] *Олеография* (от лат. oleum — масло и греч. grapho — пишу, рисую) — воспроизведение масляной живописи хромолитографией, причём отпечатку стараются придать шероховатый вид полотна, а краскам — штриховатость кисти.

[24] В оригинале: «вообще об искусстве».

[25] Впервые опубликовано в монографии: *Рерих Н.К.*, 1916. Публ. по изд.: *Рерих Н.К.*, 1924. С. 29–31. Известно возвращение к теме очерка — лист дневника *"Чаша неотпитая"* (Гималаи, 25 октября 1937): *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 69–72. **Имение Сменцово** находилось у ст. Лыкошино.

[26] Архив П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония). Предоставлено его сыном К.П. Беликовым. Упомянем др. интересные краеведческие материалы об этом месте и "рериховских" тропах Валдая, собранные в архиве Беликова: *Нарышкин Г.* Волнующий символ Руси. *Бужов Г.* Мшенцы сегодня // *НП*. 4 января 1969. (*Родник*. С. о сокровищах народных. Вып. 1); *[Бужов Г.]* Восхищение живописца. // *ЛеП*. 4 января 1969; *Нарышкин Г.* Добрый след на земле. // *КП*. 14 января 1969; *Бужов Г.* Велика красота русская. // *ЛеП*. 21 января 1969; *Фрумкин Л.* Отвечаем на вопросы читателей. [Биографический очерк о Н.К. Рерихе]. // *ЛеП*. 23 января 1969; *Фрумкин Л.* Николай Рерих на земле Новгородской. // *КИ*. 4 мая 1973; *Жукова И.* К походам готовы. // *НП*. 29 мая 1975.

[27] С. 59–60 этого вып. со ссылками: *РВ*. 13 июля 1916. № 161; *УР*. 23 июля 1916. № 204. В первом выпуске "ПРС" уже приводился фрагмент из статьи С.Л. Бертенсона в этой книге с упом. имени Рериха (*Рерих Н.К.*, 1998а. С. 180).

[28] С. 16–17 этого вып. со ссылкой: *МВ*. 8 октября 1916. № 240.

[29] См.: *Росов В.А.*, 1996, 1997. 29 января 1917 на заседании Московского Об-ва по исследованию памятников древности А.П. Калитинский сделал ещё один доклад — **"О Э.Б. Тайлоре"** (*ИИАК*. Приб. к № 66. (*ХБ*. № 32). 1918. С. 6). *Тайлор, Эдуард Бернард* (1832—1917) — англ. этнограф, основоположник эволюционной школы — «достаточно стройной концепции человека и его культуры» (*Культурология*. 1998. С. 38). Считается, что Тайлором дано первое научное определение культуры (*Тайлор Э.Б.*, 1989. С. 18).

[30] *И.В. Манциарли* — одна из лидеров Российского теософского об-ва и русского теософского движения в эмиграции; в 1920-х встречалась с Рерихами.

1918

LIV

Известия Археологической комиссии. Прибавление к № 66: Хроника и библиография. № 32. *Пг.: 9-я государственная тип., 1918*

В тоненьком выпуске "Археологической хроники", охватывающем, однако, **весь 1917**, целый ряд материалов касается общественной деятельности Рериха. Прежде всего это две рецензии на издания **Общества возрождения художественной Руси**[1] в разделе "Библиография".

1. А. М. [Издание Общества возрождения художественной Руси]

(ВВ. 5 января 1917. № 1712)

Общество возрождения художественной Руси издало список помеченных годами славянских рукописей, имеющих художественное значение. Вышел первый выпуск, материалом для которого послужило патриаршее древлехранилище в Москве. Сюда вошли рукописи, начиная с Изборника Святослава XI века. Богато представлены: XIV, XV, XVI и XVII века. Цена выпуска 50 копеек. Печатался он в московской синодальной типографии, издан очень богато, заботливо и умело. "Список" составлен ***Н.П. Поповым***, заведующим патриаршим древлехранилищем. Украшения, заставки, концовки и прописные буквы взяты из двух рукописей патриаршей библиотеки: Евангелия 1537 года и "Служебника патриарха Иова" 1604 года. Любители древней письменности оценят это изящное и полезное издание.

Издание "Списка" открывалось предисловием, в котором легко узнаются задачи, поставленные Рерихом ещё в университете[2]; узнаётся и программа Музея Допетровского искусства и быта, основанного им в 1909 году. «Общество возрождения художественной Руси, приступая к своей деятельности, — писал неизвестный автор предисловия, — наметило одной из ближайших задач — приведение в известность всякого рода художественных памятников, отражающих вкусы и стремления наших предков в до-Петровскую пору. Среди таких памятников рукописи с *строго определёнными годами* занимают выдающееся положение и имеют огромное значение при выяснении разного рода явлений в области древнерусского искусства. Настоящее издание открывает собою ряд списков или перечней, где будут указываться рукописи определённых лет с лицевыми изображениями, заставками, узорными буквами и другими показаниями художественных стремлений древнерусского человека»[3].

2. П. [Издание Общества возрождения художественной Руси]

(День. 7 января 1917. № 6)

Общество возрождения художественной Руси, поставившее своей целью распространение широкого знакомства с древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее преемственное его развитие в применении к современным условиям, исходит в своей деятельности из совершенно правильно-

го заключения, что на первом плане должно стоять ознакомление широких слоёв населения с художественными древними русскими образцами путём издания соответствующих книг, картин, открытых писем и т. п. В первую очередь в настоящее время общество выпустило: 1) Набор десяти открытых писем с картин художника ***С. Плотникова***, 2) Древности России: "Железо". Вып. 1, и 3) Список помеченных годами славянских рукописей, имеющих художественное значение.

Первый выпуск "Древностей" производит приятное впечатление. Дано 10 листов тщательно и аккуратно выполненных снимков со старинных железных вещей из монастырей, музеев столичных и провинциальных: тут кресты, светцы, било, железные двери, сундучное железо, замки висячие и амбарные; дверные петли, сечки, оковки. Все эти снимки — хороший материал для проникновения в основания русского творчества и для современного прикладного художества. Тут многое послужит источником современному мастеру. Можно пожелать успеха Обществу в деле издания "Древностей" и скорейшего появления следующих выпусков.

К сожалению, сведений об **ОВХР** в литературе сохранилось крайне мало. Известно, что Общество возникло по инициативе Н.К. Рериха. Однако данных о конкретном вкладе художника в его деятельность почти нет. Учитывая это, мы сознательно нарушили хронологической принцип составления настоящего раздела и включили в него статью современного автора — студентки художественно-графического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена Г. Авериной. Публикуется статья по газетной вырезке из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония). Название газеты не указано.

3. Г. Аверина. Ключ к разгадке *[1976]*[4]

Если любить мир по-настоящему, сколько интересного можно почерпнуть порой от обычного любопытства. Многие из вас бывали в Пушкине и обязательно проезжали мимо развалин, находящихся между Екатерининским дворцом и Египетскими воротами. Но немногие знают, сколько интересного хранят в себе эти стены, не такие уж и древние. При первом осмотре несколько загадочен русский стиль, он неожидан для классического Петербурга. Экскурс в историю даёт ключ к разгадке.

В архитектуре начала века было течение, опирающееся на древнерусские традиции. История ведёт нас ещё к более любопытному. Возрождение древнерусского искусства наблюдалось не только в архитектуре, но и в живописи, музыке и было настолько популярно, что возникло общество "Возрождение художественной Руси". Центр его размещался в Царском Селе. Деятельность общества пока мало изучена, но как интересны имена его членов... Это Билибин, Рерих, братья Васнецовы, Нестеров, Покровский, Кричинский, Щусев и другие.

Общество замыслило здесь грандиозный комплекс, возрождающий русскую архитектуру. Весь замысел осуществить не удалось. Что же было построено?

С.П. Яремич. Титульный лист издания ОВХР "Древности России. Вып. 1 Железо". 1917

Собор, Городок, Ратная палата — всё это своеобразный дар Дому Романовых к 300-летию.

Строительство велось на частные средства. Первым сооружением был собор, заложенный в 1909 году. Он предназначался для царского сводного полка,

стоявшего в Царском Селе. Прототипом ему послужил московский Благовещенский собор. Внутренние росписи должен был делать В. Васнецов. Мозаики выполнялись в частной мастерской Фролова, но одна из них заказчиков не удовлетворила и была переделана Нестеровым.

Во время войны из шести мозаик сохранилось только две. К счастью, одна из них нестеровская. Вторая — Фёдоровская Богоматерь[5], находится под великолепным порталом, выполненным фирмой Баринова.

На холме, у проточного пруда, были высажены сто кедров, привезённых из Верхотурья по инициативе Рериха. На другой стороне пруда в 1913 году заложен по проекту Кричинского[6] Фёдоровский Городок. В нём предполагалось создать уникальную коллекцию древнерусских орнаментов XVI–XVII веков, коллекцию парчи, икон, церковной утвари. На территории Городка жили также служащие собора. В 1916 году там находился военный лазарет, в котором проходил военную службу Сергей Есенин. В настоящее время именно Ратная палата представляет наибольший интерес. В ней сохранилось огромное количество росписей. Тематика их проста — это растительный орнамент на первом этаже, галерея второго расписана гербами древнерусских городов. Удивительно интересна роспись купола закрытой беседки. Она представляет своеобразную вариацию на тему иконы Московской школы XVI века "Церковь воинствующая". Тема росписей не случайна. Ратная палата предназначалась для экспозиции батальной живописи, но практически в самом начале стала музеем войны 1914 года. Здесь были собраны трофейные знамёна и оружие. Росписи Ратной палаты и трапезной Городка делались по эскизам Билибина, Рериха и В. Васнецова. Последний делает эскизы одежды для служащих собора.

Все эти сведения довольно интересны. Они требуют дальнейших исследований, которые раскроют одну из забытых страниц истории начала века[7].

Следующая группа материалов о том, что «грозит, — как писал составитель "Археологической хроники", — нашим художественным сокровищам и что следует предпринять для их спасения»: сообщения о необходимости охраны в наступившее революционное лихолетье храмов, дворцов, памятников на улицах, библиотек, древлехранилищ, частных собраний... В статье **П. Сурожского** есть такие строки: «Одним из тёмных пятен на величавом течении нашей революции несомненно является неосмысленное отношение к памятникам искусства и старины. Некоторые из этих памятников уже пострадали, другим угрожают порча, разрушение. В этом виноваты небрежное попустительство одних и дикий, оправдываемый только стихийной темнотой вандализм других. В шуме политической борьбы мы забыли о старинных зданиях, памятниках, сокровищах кисти и резца, а толпа в своем непонимании смотрит на эти сокровища как на мусор минувшего царствования и поступает с ними, как с мусором»[8].

Последние слова никак нельзя отнести к тем деятелям культуры, которые **4 марта 1917** в Петрограде, на квартире у А.М. Горького, совещались об охране памятников искусства, дворцах и коллекциях, принадлежавших царскому дому. В итоге была создана **Комиссия по делам искусств** под председательством **А.М. Горького**. Заместителями председателя были избраны **А.Н. Бенуа** и **Н.К. Рерих**. Вскоре членами комиссии были подписаны два заявления.

Н.К. Рерих. Рисунок к картине "Ждущие" ("Героическая серия"). 1917. Собрание ГРМ

4. Заявление "Комиссии Горького" в Совет министров Временного правительства. *Март 1917*[9]

Желая оградить памятники искусства от уничтожения, мы, нижеподписавшиеся, решили образовать при Временном правительстве Комиссию по делам искусства, в которую вошли бы как нижеподписавшиеся, так равно и другие лица, участие коих в деле принесло бы пользу.

В ближайшие задачи Комиссии входят: 1) охрана памятников старины, 2) разработка проектов памятников борцам за свободу, 3) устройство народных празднеств и 4) разработка вопросов, связанных с текущим моментом, так равно и с жизнью и развитием русского искусства.

Председатель Комиссии М. Горький. Товарищи председателя Н. Рерих и А. Бенуа. Секретарь М. Добужинский. Члены Комиссии: Билибин, Петров-Водкин, Щуко, Шаляпин, Маяковский [...].

5. Заявление "Комиссии Горького" в Совет рабочих и солдатских депутатов. *Март 1917*[10]

Комиссия по делам искусства, занятая разработкою вопросов, связанных с развитием искусства в свободной России, единогласно постановила предложить свои силы в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов для разработки вопросов об охране памятников старины, проектирования новых памятников, составления проекта положения об органе, ведающем делами изящных

искусств, устройства народных празднеств, театров, разработки проекта гимна свободы и т. п.

М. Горький, Н. Рерих, А. Бенуа, М. Добужинский.

В ответ на последнее заявление большевики выразили свою полную поддержку "Комиссии Горького", и в их печатном органе появилось следующее воззвание, опубликованное от имени Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

6. Воззвание "Комиссии Горького" по вопросам искусства

(Известия. 8 марта 1917. № 9)[11]

Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнётом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — всё это ваша история, ваша гордость. Помните, что всё это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство.

О делах "Комиссии Горького", спустя месяц преобразованной в **Особое совещание по делам искусств**[12], рассказывают заметки, отмеченные «Археологической хроникой». Так, в одной из них сообщалось, что совещание (названное в заметке **Союзом деятелей искусств**) командировало в село Грузино Новгородской губернии, в имение графа А.А. Аракчеева, архитектора А.Е. Белогруда для присмотра за ценными памятниками старины и зданиями, там находящимися[13]. 1 апреля 1917 М. Горький, Н. Рерих и А. Бенуа выступили в печати с новым открытым письмом.

7. Открытое письмо Особого совещания по делам искусств

(Русская Воля. 1 апреля 1917. № 44)[14]

При старом государственном строе, в тех ненормальных условиях, при которых развивалась наша художественная жизнь, во многих городах задуманы, а частью даже и осуществляются разного рода памятники.

Исходя из того, что значительная часть их не удовлетворяет требованиям художественного вкуса, Особое совещание по делам искусств при комиссаре над бывшим Министерством двора и уделов и Комиссия по делам искусств, утверждённая при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, постановили обратиться ко всем правительственным и общественным учреждениям, в ведении которых находится сооружение этих памятников, в особенности предназначенных к увековечению памяти династии Романовых, с настоятельной просьбой приостановить все работы по созданию этих

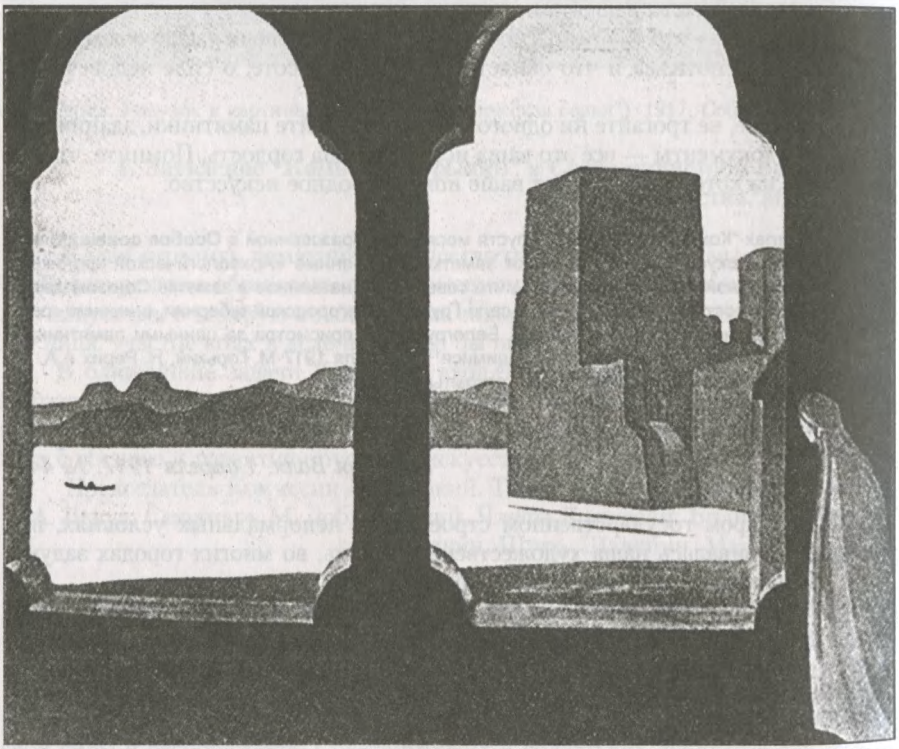
памятников, а о проектах и начатых работах довести до сведения Особого совещания по делам искусств (Зимний дворец).

Председатель М. Горький.
Товарищи председателя Н. Рерих, А. Бенуа.

Стремясь в заботах о Культуре быть "над схваткой", Совещание по делам искусств несколько месяцев объединяло разных деятелей, разные учреждения, партии, убеждения[15]. Казалось, благодаря этому объединению всё-таки удастся избежать самых губительных разрушений.

Деятельность, впервые открыто утверждавшая синтез прошлого, настоящего и будущего, конечно, отвечала взглядам Рериха. И он вновь оказался среди руководителей широкого культурного движения[16]. К концу "русского" периода авторитет Рериха в России был велик как никогда. За его плечами была четверть века в трудах на поприще искусства, науки и народного образования.

После известных октябрьских событий 1917 положение дел на культурном фронте рез-



Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). 1917. Т. Местонахождение неизвестно. Фото из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония)

ко ухудшилось. О судьбе памятников культуры в те трагические дни свидетельствуют публикуемые ниже выдержки из статьи, напечатанной в последнем номере журнала "Аполлон"[17].

8. А.А. Ростиславов. Октябрьские события

(Аполлон. 1917. № 6–7. С. 79–84)

...По величайшей иронии судьбы эвакуированные драгоценности, спасаемые от немецкого нашествия и немецких снарядов, почти немедленно после

Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). 1918. М. Местонахождение неизвестно. Фото из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония)

водворения в Московском Кремле подверглись обстрелу из русских орудий, а ставший национальным музеем Зимний дворец, эвакуация которого только ещё начиналась, был разгромлен и разграблен не врагами, а своими же.

...Нет пределов опасениям за будущее памятников русского искусства и русской старины. Всё возможно в стране, где революция уже запятнана злейшими преступлениями, где "тёмные массы" совершают не только подлые убийства, но и культурное самоубийство, в котором чувствуется какая-то дикая и злостная преднамеренность. Подверглись разгрому и поруганию величайшие святыни народа — одновременно и религиозные, и художественно-исторические.

...Понятно, что мог причинить расстрел Кремля. Каким-то чудом эвакуированные художественные драгоценности уцелели, частью, может быть, потому, что были размещены главным образом в задних, выходящих во дворы, дворцовых помещениях, а Исторический музей, по-видимому, не подвергался обстрелу. Зато один из снарядов попал в патриаршую ризницу и произвёл там такой хаос, что первое время не решались туда войти, боясь, как бы не повредить хранившимся там драгоценностям или их остаткам. А там, помимо ценнейших облачений и церковных предметов, хранилось, например, знаменитое Мстиславово Евангелие XI века. Пока ещё не получены сведения о потерях в этом хранилище, но потери эти могут оказаться невознаградимыми.

...Разгром Зимнего дворца увековечен фотографиями. Организованная комиссия с ***В.А. Верещагиным*** во главе усиленно занята приведением его в порядок и выяснением размеров повреждений и хищений. Наиболее интересным, конечно, является вопрос о возможности возвращения похищенного. Пока здесь мало утешительного.

...Само собой понятно, что события прежде всего должны были потрясти мир художников и художественных деятелей... Одним из первых отозвался на события Союз деятелей искусства. Много было горячих, страстных, даже истерических речей, много было внесено разных предложений, например — устроить митинги, шествия протеста, произвести повальный обыск в Александровском рынке, устроить специальную милицию по охране памятников искусства или род художественного Красного Креста, обратиться даже к иностранным державам с просьбой взять их под свою защиту. Напоминалось, что союз давно уже разрабатывал ряд законоположений и мероприятий, остающихся до сих пор под сукном, например, относительно борьбы с иностранными агентами-скупщиками, объявления дворцов национальными музеями и передачи их, а также музеев в ведение городских самоуправлений, причём не должно быть давности на вещи, принадлежавшие дворцам, и прочее. В заключение было вынесено следующее воззвание ко всему русскому народу:

«Граждане! В междоусобной борьбе разграблен Зимний дворец. Подверглись разрушению Московский Кремль, соборы Василия Блаженного и Успенский — художественные сокровища мирового значения. Борьба продолжается, и мы не знаем, какие ещё потери предстоят русскому искусству. Союз деятелей

искусства (архитекторы, живописцы, скульпторы, литераторы, музыканты, артисты и музейные деятели), потрясённый этими известиями, выражает всю силу своего негодования и протеста против варварских разрушений и во избежание полной гибели художественного достояния России требует: 1) не превращать дворцы, музеи и исторические здания в помещения правительственных учреждений и лиц; 2) не устраивать во дворцах, музеях и исторических зданиях митингов, собраний, совещаний и заседаний; 3) не превращать дворцы, музеи и исторические здания в места военной защиты и помещения войсковых частей, давая тем возможный повод к бомбардировкам, расстрелам и грабежам упомянутых зданий. Призыв этот обращается ко всему русскому народу как единственному хозяину художественных ценностей страны».

К этому воззванию присоединилось Общество архитекторов-художников, взявшее на себя также инициативу организации художественного Красного Креста как учреждения государственного характера.

...Союз деятелей искусства принципиально высказался против совместной работы с представителем новой власти по делам искусства — комиссаром ***А. Луначарским***... Художественных учреждений ещё не коснулась та ломка, какая произошла в учреждениях правительственных, но весьма печальным и угрожающим для музеев прецедентом является требование, скреплённое подписью господина Луначарского, о выдаче из Эрмитажа "украинских реликвий", предметов, имеющих отношение к гетманской Украйне и Запорожью. Впрочем, в наше ужасное время не бледнеет ли этот сам по себе вопиющий факт перед тем, что уже совершилось в октябрьские дни с нашими художественными сокровищами, перед тем, что может грозить им в грядущем?

События Октября застали Рериха в отрезанном от остальной России Сердоболе, где он находился с семьёй на лечении. Как бы уже прощаясь со стремительно меняющейся родиной, 12 ноября 1917 Рерих писал в Петроград: *«Я прослужил искусству 25 лет, по мере сил защищал русское народное достояние и подготовлял путь для молодых, буду счастлив, если мой опыт послужит на пользу будущим деятелям искусства»*[18].

ПРИМЕЧАНИЯ К № LIV

[1] Об этом об-ве см. также в наст. разд., № LII (1).

[2] См.: *ПРС.* № 1. С. 41. Примеч. 12.

[3] *Попов Н.П.*, 1916. С. 1.

[4] В публ. была помещена фотография "Ратная палата в г. Пушкине".

[5] Мы предполагаем, что она рериховская. См. воспроизведение во II разд. наст. изд., № 120.

[6] Приведём о нём справку из изд. "Архитектура эпохи модерна": «*Кричинский Степан Самойлович* (1874—1923), Россия. Родился в Вильно. В 1897 окончил петербургский

институт гражданских инженеров. Знакомился с архитектурой Италии, Германии, Франции, Швеции и Финляндии. Изучал памятники русского зодчества на севере и в среднерусских губерниях. Исследовал вопросы курортного строительства на Кубани и Черноморском побережье в 1916–17. Построил 24 здания в различных городах. Принимал участие в возведении крупных сооружений Петербурга: Торгового дома Гвардейского экономического общества (ул. Желябова [ныне — Большая Конюшенная ул. — *В. М.*], 21/23. 1908–10-е), мусульманской мечети (пр. М. Горького, 7. 1910). Автор храма-памятника трёхсотлетия Дома Романовых (Полтавская ул. 1911–14), особняка художника П.Е. Щербова в Гатчине (ул. Чехова, 4а. 1910–11), Фёдоровского городка в Царском Селе (г. Пушкин, Академический пр., 14–30. 1913–17)» (*Горюнов В.С., Тубли М.П.*, 1994. С. 339).

[7] Интересные сведения о **Фёдоровском городке** см.: *Короткина Л.В.*, 1985. С. 198–199.

[8] С. 52 этого вып. Со ссылкой на газету: *Новая жизнь*. 17 мая 1917. № 29.

[9] Оригинал в РГИА, ф. 471, год 1917, оп. 17 доб., № 2345, л. 1. Опубликовано: *Муратова К.Д.*, 1958. С. 14.

[10] Оригинал в РГИА, указ. ед. хр., л. 2. Опубликовано: *Муратова К.Д.*, 1958. С. 24.

[11] Воспроизводится по копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

[12] Как сообщал А.А. Ростиславов, 5 марта «представители комиссии предложили Временному Правительству свои услуги по устройству художественных дел, встретили сочувствие, и 13 марта, по предложению Ф.А. Головина, комиссара над бывшим министерством двора, организовалось “особое совещание по делам искусства”... Оставаясь инициативным органом, “особое совещание” наметило для устройства всех отраслей искусства в России 8 комиссий: музейную и охранения памятников, строительную, народных празднеств и распространения искусства в народе, музыкальную, театральную, государственных заводов и издательств, художественного образования и законодательную. С 5 марта началась деятельность, почти ежедневные заседания, поездки, осмотры, принятие мер, составление воззваний, плакатов и пр. Характер работ был обусловлен насущными нуждами ставшего государственным художественного богатства и жизненно-художественными вопросами, выдвинутыми переменой строя» (*Аполлон*. Февраль–март 1917. № 2–3. С. 65–66).

[13] *Охрана памятников старины*. С. 54 этого вып. Со ссылкой на газету: *БВ*. 1 июня 1917. № 16260.

[14] Воспроизводится по копии из архива П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

[15] См.: *Охрана художественных ценностей. // БВ*. 7 марта 1917. № 16122, утренний вып. С. 6; *Ведомство искусства. // Время*. М., 9 марта 1917. № 887; *Особое художественное совещание. // Речь*. 21 марта 1917. № 68. С. 6. 31 марта 1917. № 76. С. 5; *Гидони Г.* Выставки и художественные дела. // *Аполлон*. Апрель–май 1917. № 4–5. С. 73; *Ростиславов А.А.* Революция и искусство. // *Аполлон*. Август–сентябрь 1917. № 6–7. С. 70–85.

[16] Более подробно о культурной ситуации в России в 1917 в связи с Рерихом см.: *Шапошникова Л.В.*, 1994. С. 100–102. На наш взгляд, сравнение с культурной ситуацией сегодняшнего дня, данное Л.В. Шапошниковой, глубоко афористично. См. также: *Selivanova N.*, 1922. P. 73–75; *Полякова Е.И.*, 1973. С. 192–200; *Короткина Л.В.*, 1985. С. 205–212.

[17] В этом же номере помещена реклама монографии: *Рерих Н.К.*, 1916.

[18] Письмо Ивану Михайловичу Степанову. Автограф. СР ГРМ, ф. 71, № 57. Публ.: *Беликов П.Ф., Князева В.П.*, 1996. С. 105.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. СЕМЁНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Н.К. РЕРИХА В ИЗВАРЕ

Поработайте, снимите завесу!
Походите по земле!

Н.К. Рерих. Слово напутственное. 1916

Одной из главных задач Музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре является организация археологических исследований в окрестностях Извары и на территории Волосовского района Ленинградской области в целом. Музей считает своим долгом продолжить ту научную эстафету, в которой самое непосредственное участие принимал Н.К. Рерих.

Первая археологическая экспедиция музея по изучению древностей Волосовского района была организована в 1990 году. Научное руководство раскопками любезно согласилась принять на себя археолог ***Надежда Игоревна Платонова***, кандидат исторических наук, сотрудник отдела Славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Как известно, в 1896–1900 гг. Н.К. Рерих совершил исследования курганных могильников и жальников в зоне массовых раскопок Л.К. Ивановского, с целью уточнения данных, полученных его предшественником, и для установления деталей погребального обряда, отсутствовавших в материалах Ивановского[1]. Рерихом был выбран район диаметром около 30 км с центром в д. Озертицы (в трёх км от Извары). В этой же зоне находится и один из крупнейших сохранившихся могильников Волосовского района — могильник **"Озёра"**, исследованный экспедицией нашего музея. Расположен могильник около живописного озера Донцо, состоит из двух обширных курганных групп, поросших лесом, который, видимо, и сохранил их от распашки. В 1875 г. в древнейшей части могильника провёл раскопки Ивановский[2]. С тех пор могильник несколько раз обследовался, но раскопкам не подвергался*.

За неделю работы экспедицией был исследован один курган (детское захоронение XIII в.) и составлен план наиболее древней части могильника.

Летом следующего года исследования были продолжены. Было вскрыто ещё три насыпи и завершено составление плана. В археологической коллекции музея[3] появились новые экспонаты, относящиеся к XIII–XIV вв.: две застёжки-фибулы, ножики, поясные бляшки, бронзовые и стеклянные бусы, серпы и два глиняных предмета неизвестного назначения, по форме напоминающие пряники.

---

* Следует отметить, что этот могильник был хорошо известен Н.К. Рериху. После его предварительных разведок, «оставшихся не без результатов», 23 мая 1902 экскурсия ИПАИ исследовала могильник. См. об этом в наст. изд., разд. III, № XII (2), с примеч. Там же и справка об **Озёрах** по "Археологической карте Ленинградской области". — *Примеч. составителя.*

Кроме находок, результатом экспедиции стали и новые данные о могильнике в целом. Впервые составленный план части могильника ("Озёра–1") позволил уточнить общее число погребений. Только в этой части их 308, а в целом — более 400. Анализ деталей погребального обряда и вещевых находок позволил отодвинуть нижнюю границу времени функционирования могильника от второй половины XIII в. до конца XIV в.[4]

1.

2.

План (1) и разрез (2) одного из курганов могильника "Озёра-1"
Археологические раскопки Музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре. 1991

Основной объём работ экспедиций 1990 и 1991 гг. был выполнен добровольцами — друзьями музея. И, думаю, все они единодушно согласились бы с Николаем Константиновичем, писавшим в статье "На кургане" (1898), посвящённой раскопкам в окрестностях Извары: «Кто хоть немного соприкасался с археологией и хоть один раз побывал на раскопке, тому ведомо, насколько увлекательное это дело»[5].

Особо важным направлением в деятельности нашего музея является организация археологических исследований самой изварской усадьбы и, конечно, тех памятников в её окрестностях, с изучения которых начал свою научную деятельность Н.К. Рерих.

Усадьба Извара в археологическом плане представляет немалый интерес. Возникшая в начале XVIII в., она территориально соотносится с древненовгородской деревней Взвар (или «на Взваре»), входившей в конце XV в., по данным Новгородской писцовой книги, в состав Покровско-Озеретцкого погоста Водской пятины Великого Новгорода[6]. Первым исследователем Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества и изварской мызы (в последней трети XIX в. находящейся в частном владении Марии Васильевны Рерих, матери художника) был Н.К. Рерих-гимназист: «...Находки были отданы в гимназию, и в течение всей второй половины гимназии каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное»[7]. Обстоятельства открытия известного Изварского могильника описаны Рерихом в листе дневника "Диковины": «...Неожиданным образом около Извары был открыт древний могильник на месте, о котором менее всего можно было предполагать. На коровьем выгоне, где ежедневно дважды проходило большое стадо, из земли торчали сглаженные временем еле заметные камни. Но всё же удалось рассмотреть повторность этих камней и исследовать их»[8].

К сожалению, судьба изварских древностей, отданных Рерихом в гимназию К.И. Мая, неизвестна, как неизвестны и сами места его находок в Изваре. Также в настоящее время ещё не выяснено местонахождение Изварского могильника, открытого Рерихом в Таракановском лесу мызы в 1896–97 гг.

От многих построек усадьбы сохранились лишь фундаменты. Изучение их также вошло в программу археологических исследований музея.

В 1993 г. музеем была проведена первая небольшая работа в этом направлении. Под руководством археолога ***С.В. Чернова***, в то время инспектора Ленинградской областной инспекции охраны памятников, экспедиция музея приступила к обследованию фундамента парковой беседки. Две её фотографии, относящиеся к началу XX в., хранятся в архиве музея. Предполагаемое место беседки впервые было указано ***В.В. Экк***, вдовой архитектора А.Э. Экка, руководившего реставрационными работами в усадьбе. Это же подтвердили и местные жители.

В июле 1993 г. экспедиция, в составе руководителя, сотрудников музея и изварских школьников — членов краеведческого кружка, приступила к раскопкам. В первый же день выяснилось, что место раскопа было выбрано правильно. Беседка стояла именно здесь — в 100 м к югу от господского дома, видимо, на несохранившейся аллее, ведшей к родниковому озеру.

Беседка-грот в изварском парке. Фото 1902. Дар Л.В. Мищенко МСССМ

Проведённые работы позволили уточнить размеры беседки (по сохранившемуся фундаменту и низу стен), выяснить конструкцию фундамента и отдельных деталей беседки. Оказалось, что лестничный вход на второй этаж располагался с северной стороны, а в гроте были устроены декоративные ниши, стенки которых были украшены кусочками сильно патинированного стекла и мелкого щебня чёрного цвета, вдавленными в сырую штукатурку. Во время раскопок обильно встречались причудливые камни, похожие на кораллы, — возможно, окаменелые водоросли. Эти камни использовались для украшения беседки и хорошо видны на фотографиях 1902 и 1916 гг.

Анализ находок культурного слоя, расположенного ниже слоя разрушения, позволил утверждать, что беседка построена не в начале XX в., как предполагалось ранее, а ещё в XIX в.[9].

Коллекция, собранная при раскопках, включала, в основном, строительные остатки разрушенной беседки и бытовые предметы XVIII — начала XX в., но были и интересные археологические находки. Так, в первый день работ, при вскрытии дёрна, на глубине 10–15 см от дневной поверхности были найдены височное ромбощитковое кольцо новгородского типа (XII в.) и фрагмент стенки

Беседка-грот в изварском парке. Фото 1916 (?)
Дар Л.В. Мищенко МСССМ

керамического сосуда (XIII–XVI вв.). Орнамент, украшающий ромбические щитки, представляет из себя крест, концы которого завершаются тремя точками в виде треугольника.

В том же году музеем было осмотрено городище "Городок", разведочные раскопки на котором в 1896 г. предпринял Рерих. «Городок — одно из красивейших мест этой волости, — писал Н.К. Рерих в отчёте 1896 г. — При слиянии речки Изварки с лесным ручьём возвышается холм высотою от 4–5 сажен, поросший лесом. С холма открывается чудный вид на Изварку, лентой прорезывающую покосы...»[10]. Рерих обнаружил остатки сгоревшего тына на валу, заплывший ров и развалы камней, видимо, от печей-каменок. Он мечтал о полном археологическом исследовании "Городка", но осуществить это ему не удалось. Только в начале 1970-х гг. новые разведки на городище предпринял археолог ***Е.А. Рябинин***[11].

В рамках проведения исследований изварской округи по программе нашего музея, в сентябре–октябре 1993 г. археологом ***А.А. Селиным*** была проведена работа по реконструкции сельского расселения на территории Покровско-Озеретцкого погоста в XVI–XVIII вв. Были составлены сводные таблицы и карты-разрезы, суммировавшие результаты сбора данных устной традиции в деревнях, археологических разведок (поиски селищ, анализ подъёмного материала) и изучения архивных документов (писцовых книг, карт и др.)[12].

В настоящее время в музее разработан перспективный план археологических экспедиций, реализация которого уже начата. При наличии средств работы могли бы быть более масштабными и результативными. Музей всегда открыт для сотрудничества с заинтересованными учёными и организациями.

Необходимо продолжать комплексное изучение истории, культуры и природы нашего края, начатое более века назад великим художником и выдающимся учёным Николаем Рерихом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рябинин Е.А.*, 1998. С. 83–86.

[2] *Спицын А.А.*, 1896. С. 1, 70.

[3] Основу коллекции составляют находки 1970-х, сделанные экспедицией Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР (ныне — ИИМК РАН) под руководством доктора исторических наук, археолога ***Е.А. Рябинина.***

[4] *Платонова Н.И.*, 1996.

[5] *Рерих Н.К.*, 1991в. С. 15.

[6] *Селин А.А.*, 1993а.

[7] *Рерих Н.К.* Археология. 1937. // *Рерих в России.* Сборник. М.: МЦР, 1993. С. 26.

[8] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 606.

[9] *Чернов С.М.*, 1993.

[10] РА ИИМК, ф. 1, № 56/1896, л. 34. См. в наст. изд., разд. I, № VII (9).

[11] *Рябинин Е.А.*, 1984. С. 45.

[12] *Селин А.А.*, 1993а, 1993б.

С.М. ШАМИН

КЛАД ЗАХОРОНЁННЫЙ

«Художник-археолог Н.К. Рерих» — именно так называли Николая Константиновича петербургские газеты на заре его творческого пути. В этом двойном "титуле" отразились две стороны его личности — вдумчивый, внимательный к фактам исследователь и вдохновенный творец.

Возможно, именно на единстве этих начал основаны его удивительные прозрения. В литературном творчестве тоже почти невозможно уловить, когда Рерих-учёный передаёт перо Рериху-писателю и философу: они работают вместе и один прокладывает путь другому.

Тема кладов у Николая Константиновича тоже находится в совместном владении науки и литературы. С рассказами о кладах Рерих столкнулся ещё во время первых археологических разведок. И по сей день местные жители часто видят в археологах кладоискателей. Тут есть какая-то доля истины, ведь древние клады — это уникальный исторический источник, своеобразная посылка из далёкого прошлого. Николай Константинович постоянно собирал информацию о подобных находках. В 1899 г. у деревни Раглицы Старорусского уезда Новгородской губернии он даже попытался отыскать основную часть древнерусского клада, отдельные монеты из которого из года в год выпахивались крестьянами[1]. Другой пример — 5 сентября 1903 г. Рерих писал неизвестному жителю Новгородской губернии по поводу найденных в деревне Устрике Боровичского уезда монет, желая получить их для своей нумизматической коллекции[2]. К октябрю 1908 г., когда Николай Константинович решил расстаться со своим собранием русских монет[3], в его распоряжении были отличные экземпляры: «киевская гривна из Рогачёвского клада (с удостоверением)»[4], «новгородки, из них одна с даром и две — сидящий князь»[5], «новгородское пуло (со львом), издано у графа И.И. Толстого как чрезвычайно редкое»[6], «рубль Дмитрия Ивановича (Самозванца)»[7], «рубль Алексея Михайловича»[8], псковские, рязанские, кашинские, тверские, галицкие, московские великокняжеские и другие монеты допетровского времени, не говоря уже о монетах Петра I и последующих правителей, вплоть до Александра III, отдельный раздел сибирских монет 1767–81 гг. и т. д.

Но гораздо чаще, чем правдивые сведения, слышал Рерих полусказочные предания с нечистой силой, страшными заклятиями и неисчислимыми сокровищами. Атмосфера таких разговоров, сопровождающая раскопки, передана им в статье **"На кургане"** (1898)[9]. В народе ходили даже записи о кладах. В подстрочном примечании той же статьи Николай Константинович пишет, что один мужичок* предлагал ему купить такую "книжку", купленную им самим у старого нищего. Это была рукопись о предполагаемых местах кладов на русском, польском и литовском языках; внешние данные, вероятно, списаны с натуры.

---

* Видимо, это Сергей Яковлев. См. в наст. изд., разд. II, № 3, 4. — *Примеч. составителя.*

В 1912 г. Рерих написал сказку **"Клады"**[10], построенную как рассказ чёрного кузнеца из придорожной кузни[11]. Первая её часть — сообщения о разных кладах. Всего 5 рассказов о спрятанном золоте. Одно из описываемых мест легко узнаётся: «...Тоже хороший клад. На городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, ход под землёю, и ведёт тот ход в пещерку, а в ней — богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год даёт читать её пришлым людям». Это, безусловно, рассказ о Рюриковом Городище под Новгородом. Такие слова, как мшага, названия Лосиный бор, река Перестя[12], упоминание о литовских людях говорят о происхождении записей с северо-запада России. В пользу того, что при написании сказки Рерих использовал этнографический материал, свидетельствует одна характерная ошибка, допущенная в третьей записи: «...И тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой снаряд, и положен клад в татарское разорение». Монеты, называвшиеся в народе крестовиками, появились только во второй половине XVIII века, столетия спустя после татарского разорения. Специалист-археолог такой ошибки допустить не мог, даже при стилизации, а сознательная подделка в данном контексте исключается.

Таким образом, мы, очевидно, сталкиваемся с использованием результатов этнографических сборов в литературном произведении. Однако смысл сказки выходит далеко за пределы истории о спрятанных сокровищах.

После описания кладов кузнец рассказывает: «Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я услыхал:

— В подземной Руси, — сказал, — много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый был человек».

Примерно в то же время Рерихом была написана статья **"Подземная Русь"** (1910–13). В ней рассказывалось о раскопках Новгорода. Главный смысл изучения древностей Николай Константинович видел в поиске ушедших в прошлое сокровищ красоты, необходимых для того, чтобы идти «живым путём изучения старины для ступеней будущего творчества»[13].

Далее цитируемые указания к поиску клада, безусловно, более всего применимы к духовным сокровищам: «Про всякого человека клад захоронен. [...] Неверному человеку клад не дастся. Пьяному клад не взять. Со скоромными мыслями к кладу не приступай. [...]

А пойдёшь клад брать, иди смирно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся, потому что брать клад — великое дело.

Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. [...]

А, на счастье, возьмёшь клад, — никому про него не болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжёлый, клад от людей отвык — иначе в землю опять уйдёт. И самому тебе не достанется, и другому его уже труднее взять».

С ранних лет тема сокрытого клада присутствует в творчестве Рериха, но постепенно расширяется как её география, так и внутреннее содержание.

В 1917 г. Николай Константинович пишет картины *"Клад захоронённый"* и *"Победители клада"* (из *"Героической серии"*) — на них мы узнаём карельский пейзаж, характерный для этого периода его творчества. В 1943 г. появляются три эскиза *"Угадыватель кладов"*, и, наконец, в самом конце жизни, в 1947 г., художник возвращается к теме первых двух произведений и создаёт новый вариант обеих картин.

В подготовленном в конце 1920-х гг. сборнике **"Шамбала"** появляется рассказ **"Клады захоронённые"**, где эта тема приобрела совершенно новое звучание. Сборник составлен после первой экспедиции в Центральную Азию. В США он вышел в 1930 г. на английском языке[14], а русское издание состоялось только 64 года спустя[15]. Несмотря на то, что в него включены произведения разных лет, он, безусловно, является целостным произведением, полный анализ которого далеко выходит за рамки этой статьи.

Для нашей темы важно, что серия помещённых в сборнике рассказов географически охватывает Индию, Тибет, Китай, Монголию и Алтай, территории, расположенные вокруг заповедной зоны, давшей название книге. В рассказах есть один общий момент — во всех столь удалённых друг от друга странах народная мудрость разными символами говорит об одной и той же глубокой, сокровенной тайне.

Действие интересующего нас рассказа происходит на Алтае, его композиция и содержание во многом соответствуют сказке 1912 г. **"Клады"**: тот же рассказ кузнеца, хотя и ограниченный второй частью повествования, близки друг другу и сами описания кладов. Изменения, отличающие новый вариант от первоначального, направлены на устранение местного колорита и придание тексту более универсального, общечеловеческого звучания. Из описаний кладов убраны географические названия, привязанные к северо-западу России. Например, приведённое выше описание клада на Рюриковом Городище теперь звучит так: «На самом берегу Иртыша найдёшь городище. И на городище старинная часовня. И за ней увидишь старое кладбище. Среди могил — курганчик. Под курганчиком, говорили старики, глубокий подземный ход. [...] И на этот клад есть старая запись в Софийском соборе. И сам высокий митрополит раз в год даёт её читать пришлым людям». Заезжий же необычный человек говорит: «Под землёй в Сибири много богатств захоронено. Охраняй Сибирь!» События, происходившие на северо-западе России, Николай Константинович переносит в Сибирь, на Алтай, и прежний рассказ о духовных богатствах русской земли превращается в свидетельство о Шамбале, духовной сокровищнице всего человечества.

Достаточно интересен вопрос, пользовался ли Николай Константинович при написании рассказа "Клады захоронённые" только сказкой "Клады" (а значит, рассказами крестьян, воспроизводимыми по памяти), или же он использовал список "кладовой книжки", приобретённой или найденной им в Петербургской

Н.К. Рерих. Клад захоронённый. (Из "Героической серии"). 1917. Собрание NRM

губернии? С большой долей уверенности можно утверждать, что второе предположение ближе к истине*.

Во-первых, если сравнивать описание пятого клада, то сразу видно, что второй его вариант более полный. В версии 1912 г.: «За Великой Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитою закрыто, и вода спущена. Коли сумеешь воду от земли отвести да успеешь плиту откопать, — твоё счастье большое»[16]. В версии 1930 г.: «Место называется Великая Грива. С горы там течёт золотой ручей, и в ручье грабители утопили неисчислимое количество золота. И над этим местом всегда летают крошечные птички. Говорят, что души прежних владельцев этого золота превратились в птиц. И когда слышишь щебет птиц и созерцаешь это место, закрой уши и посмотри в ручей. Если увидишь, что смотришь не один, не волнуйся. Увидишь на дне ручья большую плиту. И в эту плиту ввинчено железное кольцо. А поверх её с горы течёт вода, и кажется в ряби, что эта плита дрожит, а кольцо исчезает. Не беспокойся, а начни читать священную молитву Святой Деве Марии. А после скажи: «Все-

* Как следует из документов, хранящихся в РА ИИМК (ф. 37), в распоряжении Рериха могли быть списки даже нескольких "кладовых книг"; в любом случае, он был осведомлён об их существовании. — *Примеч. составителя.*

могущая! На твоей ризе вытканы всё исцеляющие травы. Будь милосердна! Пошли мне из этих трав траву силы!»

И тогда узнаешь, как поймать свою удачу. Если сумеешь воду от земли отвести и плиту заколдованную откопать и успеешь схватить вовремя кольцо, тогда удача несказанна и невыразима»[17].

Кроме того, как уже говорилось выше, во втором варианте только последняя часть сказки построена как рассказ кузнеца, а при описаниях кладов прямо говорится: «Давайте посмотрим, как указаны сокровища в книге искателей сокровищ». Сами же рукописные книги описываются так: «Временами вы можете увидеть эти странные письмена на пожелтевших листах, уголки которых потёрлись от долгого употребления. Через многие деревни и становища прошли свой путь эти письмена. Они были написаны старинным почерком, иногда подобно старинным молитвенным книгам, с необычными завитушками и орнаментом. Действительно, нелегко расшифровать эти еле заметные знаки. Многие пытались следовать их указаниям. Правда, некоторые места указаны правильно. Некоторые типичные детали обозначены»[18].

Таким образом, мы видим, что собранные научные материалы на протяжении многих лет используются Николаем Константиновичем в его творчестве (как в литературном, так и в художественном). Рерих постоянно открывает в них всё большие глубины, что свидетельствует о расширении его творческого кругозора. Сначала этнографические записи помогают "оживить" прошлое

Н.К. Рерих. Клад захоронённый. 1947. Собрание ГМВ

славян, затем появляются мысли о духовном наследии Руси, и, наконец, ставятся проблемы общечеловеческого масштаба. Недаром на последнем варианте картины *"Клад захоронённый"*, созданном в год смерти автора, мы видим окружающие клад высочайшие горные вершины — вершины человеческого духа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н.К.*, 1899. С. 24.

[2] Автограф на 2 л. ОР ГТГ, ф. 44, № 114.

[3] *Аукцион собрания русских монет, принадлежащего Н.К. Рёриху.* [Каталог]. СПб.: ИОПХ, 1908. Объявлены даты аукциона: 5 и 12 октября.

[4] Указ. изд., № 1.

[5] Указ. изд., № 2.

[6] Указ. изд., № 5.

[7] Указ. изд., № 28.

[8] Указ. изд., № 30.

[9] *Рерих Н.К.*, 1914. С. 1–26.

[10] *Рерих Н.К.*, 1914. С. 318–320.

[11] Автографы первоначальных набросков к сказке см. в ОР ГТГ, ф. 44: № 46, л. 4а, 4б, 4в (не пронумерованы); № 55, л. 13.

[12] В публ. стоит «Пересня», в рукописи «Перестя».

[13] См. в наст. изд., разд. III, № XXXVIII (7).

[14] *Roerich N.*, 1930. Ещё одно изд. состоялось в 1978. Упом. рассказ назван **"Hidden Treasures"** (б. д.). Др. тексты в сборнике датированы с 1904 по 1929.

[15] *Рерих Н.К.*, 1994. Упом. рассказ помещён на с. 84–87. Одновременно с изд. МЦР вышло изд. рижского издательства "Виеда" (переводы разные).

[16] *Рерих Н.К.*, 1914. С. 319.

[17] *Рерих Н.К.*, 1994. С. 85–86.

[18] *Рерих Н.К.*, 1994. С. 84.

Е.П. МАТОЧКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ИСКУССТВЕ Н.К. РЕРИХА

Для Н.К. Рериха «памятники наряду с природой — живые вдохновители и руководители стиля»[1]. Всё его искусство буквально настояно на творческих достижениях мастеров древности, начиная с эпохи камня. Сам учёный-археолог, Рерих прекрасно ориентировался в массиве древних археологических памятников и активно претворял их в своём искусстве. Можно даже сказать, что у Рериха сложился своеобразный метод использования в своём творчестве произведений самого широкого круга мирового искусства. В одних случаях он цитирует какой-нибудь археологический памятник или использует чьё-то творение как мотив для создания собственного образа, с которым протооригинал имеет самые различные степени отображения. В других случаях он как бы подключается к тому эстетическому полю культуры, к тем мировоззренческим идеям, которые породили то или иное художественное явление. В любом случае, даже прямое цитирование всегда органично входило в художественную ткань рериховских образов и проводилось им так тактично, с той мерой, выражаясь его словами, «координации», что никогда не давало повода говорить об эклектике. Для него это был такой же художественный материал, как и окружающая его реальность, хотя и более организованная и очеловеченная. С её помощью он создавал не парафраз, не вариации на известную тему, не сочинение в подражание знаменитому автору или модному стилю. Рериховское произведение было всегда самостоятельным и оригинальным по замыслу. Цитированный же фрагмент включался в него примерно так же, как это делается в научном исследовании, с той лишь разницей, что в вербально-логических построениях связь с источником выявлена явно и определённо; здесь же эта связь должна быть узнана и прочувствована зрителем. Давая в руки некие ключи к восприятию, автор желал быть понятым именно в контексте сравнительно-сопоставительного анализа, более активного творческого осмысления. Рерих, как правило, обращался к уже известным, получившим мировое признание археологическим памятникам. Они не растворялись полностью в современном полотне, а продолжали жить, обогащая своим давно вспыхнувшим светом новое художественное образование.

В 1904 году Рерих создаёт проекты фриза для майолики *"Каменный век. Север": "Олени", "Охота на моржей", "Пляски"*. Художник стремился в своих рисунках ориентироваться на художественную пластику произведений палеолита. К тому же он явно следовал стилистике и сюжетам чукотско-эскимосского искусства гравировки по кости. Обращение Рериха к традиционной изобразительности арктических племён не было случайным. Здесь, на севере Азии, Рерих находил «наследие высокохудожественных сибирских древностей» и прибегал к этому источнику как наиболее достоверному для реконструкции образа жизни и художественной культуры людей каменного века. Подобный подход считается оправданным и с современной точки зрения. Так, А.П. Окладников

1.

2.

Н.К. Рерих. Каменный век. Север. Олени (1). Охота на моржей (2). Проекты фриза для майолики. 1904. Собрание ГРМ

писал, что «образ жизни обитателей Севера, обусловленный суровой природой и охотничьим хозяйством, обнаруживает наибольшее сходство с бытовым укладом верхнепалеолитических охотников приледниковых областей Европы и Азии»[2].

В эскизе *"Олени"* Рерих во многом следует образцам наскального искусства древности (например, петроглифы Залавруги из Карелии). Так же, как на каменных писаницах и в изделиях мастеров из Уэлена, в композициях Рериха доминирует плоскостная графика линий. Богатство ритмики контуров, силуэтов, изысканная гармония масс, условность пространственных планов — всё соответствует духу прошлого и общей декоративной направленности майолики.

В композиции *"Пляски"* художник изображает людей, ряженных в звериные шкуры и совершающих под удары бубна ритмичные движения. Рерих основывается здесь на понимании того, что для наших предков «ритм, священный символ и утончённость движения были величайшими и священными понятиями»[3]. *"Пляски"* Рериха нашли интересное продолжение в исследованиях современных авторов по палеохореографии (*В.Е. Ларичев и В.А. Ромм*, 1993–95)[4]. Они реконструировали древнейшие танцы, исходя из пластических особенностей известных изображений андрокефала из пещеры "Труа Фрэр" и туроня из Габийю, а также скульптурки рогатого божества из сонма астральных богов Мальты. Как отмечают учёные, двутелесность — признак изначальной божественности персонажей, а сам космический зооморфизм предков отразил великую идеюформулу: Человек — Животное — Космос. Исследователи приходят к выводу, что было бы вульгарной идеей усматривать в таком божественном танце всего лишь многократное повторение подражательных движений обычного земного охотника, направленных на убийство столь же земного животного. Люди, усердно «подражая небу и богам», выстраивались в строго определённом правилами порядке, а затем старательно имитировали «небесные движения» под ритмические мелодии. Рериховский образ палеолитического танца согласуется с его современным научным пониманием как процесса стимулирования верховных бо-

Швейцарская свайная постройка. Воспроизведено: *Нидерле Л.*, 1898. Табл. II

Н.К. Рерих. Каменный век (Призыв солнца). 1910. Частное собрание, США

гов с целью благотворного воздействия на свою жизнь. В подобного рода культовых и ритуально-танцевальных действах выражалась грандиозная идея тождества жизни сообщества людей и Неба со всеми его божественными обитателями.

В рисунке тушью *"Свайные постройки на озере"* (не датирован, Кировский художественный музей) Рерих изображает поселение первобытной общины на приподнятой над водоёмом платформе. По-видимому, в своём рисунке Рерих во многом основывается на реконструкции свайной постройки на озере, опубликованной в своё время Любором Нидерле.

В пастели 1910 года *"Каменный век (Призыв солнца)"* Рерих помещает своих героев среди окружающего пейзажа, окрасившегося первыми золотистыми лучами, вблизи расположенного в устье реки поселения. Его жители встречают победу весеннего солнца танцами и пением на ритуальной площадке, огороженной кольями и камнями. Всё оживает под кистью художника, сливаясь в пантеистическом ликовании. Линии его рисунка объединяют всё сущее: люди величавы, как камни, а камни и скалистые острова напоминают живые существа. Рерих вдохновляется народным творчеством северян: поэтическим образом, как он пишет в статье "Радость искусству" (1908), ему послужили весенние песнопения якутов[5].

Н.К. Рерих. Заклятие земное. 1907. Собрание ГРМ

Н.К. Рерих. Поцелуй Земле. 1912. Эскиз декорации к балету "Весна священная" 2-й вариант. Собрание ГРМ

Тема пробуждения природы в её мифологическом осмыслении древними обрела у Рериха наиболее законченное воплощение в картине *"Призыв солнца"*, написанной маслом в 1919 г. Здесь органически соединились художественное постижение каменного века и утверждавшиеся в те годы в его творчестве тенденции космизации искусства — стремление перейти к «ощущению космической близости»[6]. Именно в таком синтезе отчётливо зазвучали мотивы слитности человека с окружающим миром. Не случайно сам Рерих сравнивает «понятие части древнейшей жизни» с возможностью увидеть «клочок звёздного неба»[7]. Физическое ощущение рассвета перед появлением дневного светила, бурное, экстатическое поклонение ему в *"Призыве солнца"* воспринимаются как вселенский гимн космическому огню, гимн, перерастающий у Рериха в торжество жизни, духовное восхождение человечества по первым ступеням культуры. Противоборство света и тьмы — основной лейтмотив всего творчества Рериха, и победа света звучит здесь удивительно радостно, вплетая «великие ритмы человеческих устремлений» в космическую эволюцию планеты.

Рерих был хорошо знаком также с пещерным искусством верхнего палеолита Франко-Кантабрийской области. Отголоски этого искусства можно обнаружить в его картине *"Задумывают одежду"* (1908). Это произведение — одно из немногих у Рериха, где изображены обнажённые женщины. Красота их

смуглых тел, благородство линий, совершенство пропорций, а главное, подчёркнутая моделировка объёмов — всё выдаёт связь с замечательными рельефами из грота Ла Магдален. В этой картине Рерих выразил «первые мысли женщины об одежде, первые орнаменты, первые руны украшения».

В картине *"Заклятие земное"* (1907) Рерих реконструирует один из наиболее загадочных обрядов древности, связанный с масками-личинами. Антропоморфные личины — широко распространённый сюжет наскального искусства, встречающийся как на тихоокеанском побережье Азии и Америки, так и в глубинах Евразии — на Ангаре и Томи, в Туве и на Урале, на Скандинавском полуострове. Рерих археологически точен в своём произведении: основой его рисунка личин послужили петроглифы северо-западной Америки в Форте Руперт. Среди других подобных изображений они отличаются тщательностью исполнения и монументальностью образов: десять антропоморфных личин располагаются на семи плоских гранитных валунах, почти скрытых песком[8]. Близкое святилище под открытым небом изобразил на полотне и художник. Рерих воспроизводит наиболее характерные типы личин — с квадратными очертаниями, без внешнего контура, и сердцевидные, с тремя чашечными углублениями, — такие, как на Амуре у нанайского поселения Сакачи-Алян, самые ранние из которых датированы А.П. Окладниковым эпохой неолита[9].

По заключению Дж. Тьета, рисунки на северо-западе Америки создавались с целью обрести силу изображаемых сверхъестественных существ, а также с верой в то, что они могут отражать вражеские нападения[10]. Рерих оживляет ушедший в небытие ритуал. ...Узкий серп убывающей луны слабо освещает группу ряженых, облачённых в шкуры и в масках с оленьими рогами. Они идут шаг в шаг, сильно подгибая ноги, как бы пританцовывая и пробуждая своей поступью заснувших в камне грозных, устрашающих духов. Всё обрело высшую реальность — и выбитые на камнях личины, и перевоплотившиеся в звериные облики люди. По своей образной характеристике они напоминают забавных человечков с мохнатыми звериными туловищами и козлиными головками из грота Тейжа (Франция), а также фигуры, выбитые на скалах в байкальской бухте Саган-Заба. В этих петроглифах Байкала перед нами предстаёт коллективное шаманское действо в виде танца — заклинания могущественных духов[11].

Поразительно близкий по сюжету петроглиф, подтверждающий верность реконструкции Рериха, был недавно открыт в урочище Мугур-Саргол на Саянах. Здесь на скалах, выступающих из Енисея, изображён человек в странной полусогнутой позе с посохом, шагающий среди антропоморфных личин. Как отмечает исследователь енисейских петроглифов М.А. Дэвлет, эту композицию можно отчасти связать с обширной группой танцующих человечков в петроглифах Карелии и мелкой пластики Прибалтики[12].

«Радость прекрасным законам природы и героическое самопожертвование» являются «основными чувствованиями "Весны Священной"»[13]. Хронологические рамки поэтического замысла "Весны священной" не имеют строгих границ, хотя многие её элементы восходят к самым древним пластам человечес-

кой культуры. В своих декорациях Рерих подчёркивает пантеистическое восприятие природы. В эскизе к первой части балета *"Поцелуй Земле"* (1912) он явно очеловечивает священное дерево с его ветвями-руками, словно следуя тем сакральным представлениям о родовых деревьях, которые ещё до недавнего времени существовали у аборигенных народов Сибири. В эскизе ко второй части балета *"Великая жертва"* (1910) художник рисует холм с выложенными с помощью валунов кругами — так ограждали в древности ритуальную территорию. И, быть может, не случайно в феерии подсвеченных ранним солнцем облаков просматривается всё та же трёхчашечная сердцевидная маска-личина с высоким и пышным обрамлением*.

Полотна Рериха подлинно историчны не только благодаря отличному знанию археологического материала, но и в силу драгоценного ощущения духа времени, присущего художнику. Особенно ярко эти качества проявились в работах на тему язычества древних славян. *"Гонец. Восстал род на род"* (1897) — это хрестоматийное произведение Рериха интересно не только своим историческим сюжетом, но и использованием в оформлении рамы образцов древнего изобразительного искусства. Наверху рамы, симметрично друг другу в геральдической композиции представлены так называмые "собачки". В четырёх углах изображены повёрнутые друг к другу какие-то животные, которые более всего напоминают зайчиков. "Собачки" — это изображение Рерихом подлинных археологических памятников X–XIII вв., которые были известны по материалам предшествующих археологов и собственных раскопок Рериха, опубликованных в его статье "Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца" (1899)[14]. Художник точно воспроизводит их стилистику и украшения в виде кружков. У животных длинный хвост, с петлёй у шеи, и мягкая вкрадчивая поступь. Б.А. Рыбаков идентифицирует их с рысью и называет «лютым» зверем[15].

Пейзажи Рериха дышат историей. Огромные валуны на его полотнах кажутся живыми существами, свидетелями языческих ритуалов. Исследователи писали, что у древних славян «каменная глыба возбуждала внимание и почтение своею таинственностью», им казалось, что «она живёт самостоятельной, обособленной жизнью или же служит обиталищем особого существа, духа»[16]. Это мироощущение предков удивительно точно и живо передаёт художник в своих полотнах: *"Путь великанов"* (1910), *"Тропа прямоезжая"* (1912), *"Урочище"* (1912), *"Великанша Кримгерд"* (1915) и многие другие.

Рерих чутким глазом художника уловил в искусстве исчезнувших народов «не затемнелую археологию, а ясность мысли обобщения»[17]. Он искренне надеялся, что художественное мышление способно к синтезу, к объединению, поскольку «время сложило красоту, общую всем векам и народам»[18]. Эта общность, несомненно, основывалась на единстве человеческой природы, на общности общечеловеческих чувствований. Помимо наследия каменного века, замечательных по своей стилизации скифских украшений, экспонатов собственных раскопок, Рерих открыл для себя и так называемые чудские бляшки. Чудские бляшки — образцы пермского звериного стиля — литые бронзовые изделия

Н.К. Рерих. Пучина морская. (Рыбы). Эскиз фриза. 1904. Местонахождение неизвестно
Первоначально принадлежал А.М. Ремизову

ломоватовской культуры середины первого тысячелетия новой эры теперь широко известны благодаря высокому художественному исполнению. В них сочетаются богатая фантазия, мир синкретичных зооморфно-антропоморфных существ и яркая пластическая выразительность. «...И современный художник, и археолог придут в одинаковое восхищение, наблюдая эти изысканнейшие формы животнообразного царства, — писал Рерих. — От средневековых химер и бездонно вглубь, может быть, к самым пещерным рисункам протянулось ожерелье богатого народного творчества. И в бронзе, и на скалах, и на остатках тканей народы, носившие столь разнообразные наименования, запечатлевают свою фантазию. После Кавказа и Минусинска находки Средней Азии, Гималаев, Тибета, а теперь Ордоса, Алашани и других монгольских местностей, дают новые и блестящие нахождения... Некоторые формы [...] перенесут нас и на Урал, и в Пермь, и в Минусинск, и в Луристан, оживляя пути великих насельников. Можно было вновь порадоваться, любуясь замечательными стилизациями горных козлов, оленей, леопардов, птиц, змей и других реальных и фантастических существ»[19].

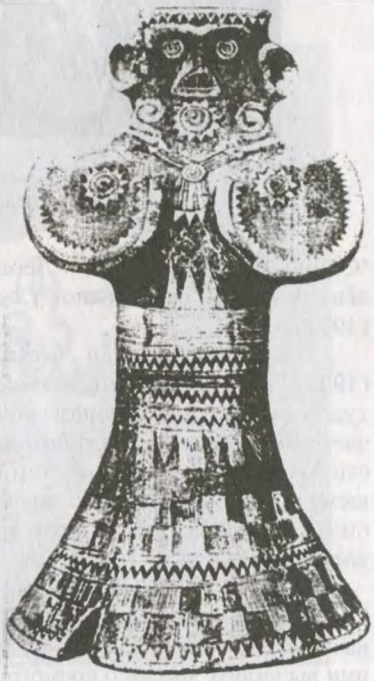
Поначалу Рерих использовал чудские мотивы для проектов мебели (1899)[20]. В них миниатюрные вещицы увеличивались в размерах, почти не меняясь, и затем представали в резном деревянном рельефе. Рериховские проекты создавали атмосферу реальности ирреального, погружали в мир представлений, глубоко отличных от стандартизованного порядка вещей, внедряемого современной механической цивилизацией. Рерих противопоставлял наступающей бездуховности окружения рукотворное наследие далёких эпох, наполненное глубоким художественным смыслом.

Следующим шагом были эскизы фризов: *"Птицы"*, *"Звери"*, *"Пучина морская"*, *"Гады подземные"* (1904). Здесь чудские образы составляют лишь часть стилистически однородной монументальной композиции, призванной украсить общественное здание. Через несколько лет Рерих создаёт эскиз декорации к сюите Лядова "Кикимора" (1910). Весь эскиз буквально насыщен популярными образами искусства Прикамья. Претворённые в театральном действе, соразмерные человеку шаманские изображения ожили в интерьере терема Кикиморы. От этого эскиза шаг до обычного его станкового произведения. Собственно, многие театральные работы Рериха смотрятся нередко как самостоятельные кар-

тины. Таковы были и известные эскизы к "Снегурочке" и "Весне священной" о язычестве славян, насыщенные яркими археологическими мотивами.

Значительна тема идолов в творчестве Рериха. Она вобрала в себя наследие многих времён и культур. Картина *"Идолы"* (1901–10; известно не менее 8 вариантов и эскизов) явилась итогом его многолетней художественной и источниковедческой работы. Рерих изображает здесь пять деревянных изваяний — именно столько было обнаружено киевскими археологами в 1973 году[21]. По-видимому, Рерих следовал в своём замысле «Повести временных лет», где говорится, что князь Володимер поставил кумиры на холме вне двора теремного: Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла и Макоши. В своих исследованиях Б.А. Рыбаков показал, что Семаргл изображался зооморфно, поэтому княжеский пантеон состоял из пяти антропоморфных божеств[22].

Центральный кумир написан по типу бронзовой антропоморфной фигурки с рогом в руке из Приуралья, найденной в Кинтусовском могильнике X–XIII вв. (собрание ТМЗ). Справа от него идол, во многом повторяющий черты глиняной статуэтки из Кличевана (Югославия), представляющей богиню плодородия земледельческой культуры дубовач-жуто-брдо (гырла-маре) эпохи средней бронзы[23]. Остальные три скульптуры по облику близки половецким изваяниям европейских степей XI–XIII вв. В то же время в них можно усмотреть родство с древнерусскими изображениями деревянных идолов X–XIII вв. из Новгорода[24]. Выставленная в Америке под названием *"Pagan Russia"* картина была принята за Alaska's Totem Pales. Действительно, тотемные столбы индейцев имеют некоторое сходство со славянскими изображениями языческих богов. И хотя древние идолы русичей отошли в предание, но, как пишет Рерих, «обобщающий голос всё-таки остаётся. И за нациями поднимается Лик Человечества»[25].



Статуэтка из Кличевана (Югославия)

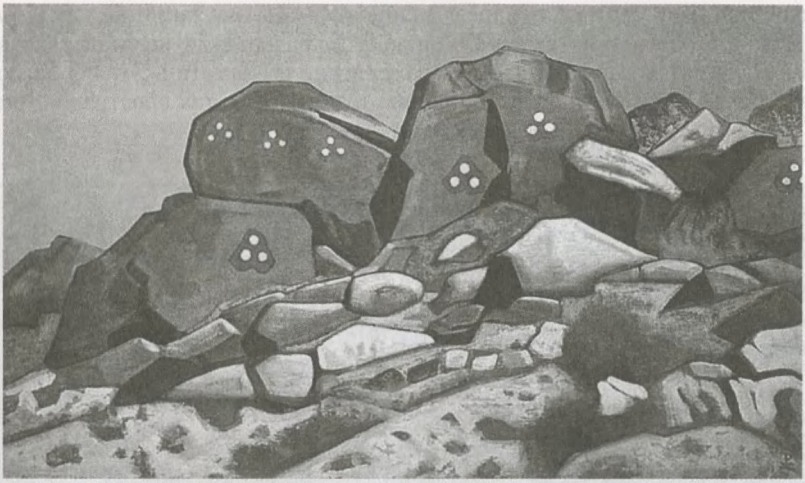
В своих путешествиях по миру Рерих постоянно обращал внимание на петроглифы, которые встречались ему на горных путях, копировал их, а затем создал на основе своих наблюдений целый ряд произведений. Три объединённых круга Рерих воспроизводит в своих картинах *"Святые камни. Монголия"* (1935–36) и *"Монголия. Всадники"* (1935–36). А.П. Окладников, нашедший подобный знак на горе Тэбш в Монголии, охарактеризовал его, как «три кольца, соединённых вместе и образующих как бы треугольник, похожий на

Н.К. Рерих. Идолы (Идольское). Эскиз. 1901. Собрание Башкирского республиканского художественного музея им. М.В. Нестерова, Уфа

"Символ Пакта Рериха"»[26]. Легенду о сокровище мира — Чинтамани, запечатлённую кем-то на каменной глыбе, Рерих перенёс на картину *"Белый камень"* (1933).

В картинах *"Камни Лахула"* (1932), *"Три меча"* (1932), *"Скалы Ладака"* (1933), *"Скалы Лахула (Знаки Гэсэра)"* (1935), *"Знаки Гэсэра"* (1940) и других художник даёт петроглифам точную стилистическую характеристику и включает этот образ в пейзаж, без определённой хронологической привязки, существующий как бы извечно. Тем самым он приближает творения древних к нашему времени, делая их достоянием современной духовной культуры. При этом он опирается на тот факт, что традиция выбивания наскальных рисунков продолжается и в наши дни.

«Эти рисунки, — писал он, — полны замечательного значения, ведя ко времени единого языка. Так, наблюдая и объединяя национальные символы, мы выясняем историческое значение чистого рисунка. В этом первичном начертании вы видите мысли о космогонии, о символах природы. В радуге, в молнии, в облаках вы видите всю историю устремления к прекрасному. Эти начертания



Н.К. Рерих. Святые камни. Монголия. 1935–36. Собрание ГТГ

Н.К. Рерих. Белый камень (Знак Чинтамани). 1933. Собрание NRM

объединяют давно разъединённое сознание народов; они такие же, как и в Аризоне, так и в Монголии, так и в Сибири. Те же начертания, как и на скалах Тибета и Ладака, так и на камнях Кавказа, Венгрии и Норвегии. Эти обобщающие осознания должны быть особенно ценны теперь, когда так обострено стремление к эволюции»[27].

Н.К. Рерих. Камни Лахула. 1932. Собрание ГМВ

Н.К. Рерих. Скалы Ладака. 1933. Собрание NRM

Рерих верно подмечает здесь общечеловеческую сущность архетипов, выраженную на уровне «единого языка» с помощью «чистого рисунка», где выявляются образы «обобщающего осознания». «Те образы были из жизни, страдания

Н.К. Рерих. Три меча. 1932. Собрание NRM

Н.К. Рерих. Три меча. 1932. Собрание NRM

и радости предков, и они желают опять вернуться в жизнь как в виде переживаний, так и дел», — писал о древних художественных символах Юнг[28]. Он считал, что «прожить полноценную и наполненную жизнь возможно, лишь когда мы находимся в гармонии с этими символами, мудрость же представляет собой возврат к ним. Это вопрос не веры или знания, а лишь согласованности нашего мышления с изначальными образами бессознательного»[29]. Рерих, мудрый художник XX столетия, вдыхает новую жизнь в архетипы наскального искусства и создаёт современные произведения «о космогонии, о символах природы». Его *"Матерь мира"* и гималайские пейзажи космогоничны, его «картины небесные» связывают жизнь земную и жизнь надземную. «Чудные животные, богатыри, сражающиеся с драконами, белые кони с волнистыми гривами, ладьи с цветными золочёными парусами, заманчивые призрачные горы — чего только не было», говоря словами самого Рериха, в его «бесконечно богатых, неисчерпаемых картинах небесных»[30].

В его *"Сантане"* (1935–36) поток жизни сопровождает радуга, а *"Молния"* (1935–36) словно сообщает веления неба. Хороводы взявшихся за руки людей в наскальных рисунках Ладака, запечатлённые в картине *"Знаки Гэсэра"* (1940), преобразились под кистью Рериха в хоровод девушек, танцующих в пору пробуждения природы на вершине холма и славящих в победную весну 1945-го приход Света (*"Весна Священная"*, 1945). Ну, а вездесущие козлы петроглифов — анималистические символы огня — можно связать в архетипическом смысле с образами космического Агни в произведениях Рериха.

Помимо петроглифов, во время Центральноазиатской экспедиции художник наблюдал немало древних каменных монументов. Затем они стали "героями" его картин. Это *"Керексуры"* (1927), *"Чёрная Гоби (Менгиры в Монголии)"* (1928–30), *"Менгиры Гималаев"* (1932), *"Драконовы зубы"* (1935–36) и др. Древнетюркские изваяния V–X вв. воплотились в картинах: *"Каменная баба. Монголия"* (1935–36), *"Держатель чаши. Монголия"* (1937), *"Страж пустыни"* (1941).

Рериха вдохновляли археологические памятники всего мира. Знаменитый мраморный рельеф античного мастера 470 г. до н. э., так называемый "Трон Людовизи" органично вошёл в картину *"Рождение мистерий"* (1924). Плывущие ладьи перекочевали на его заставки с датских бритв эпохи бронзового века, изображения которых были опубликованы Л. Нидерле[31]. Фрески Аджанты VI века претворились в иллюстрациях к сказке "Девассари Абунту" (1905). В картине *"Юнган"* (1937) запечатлена колоссальная статуя Будды из одноимённого пещерного храма V в. на юге Китая. Прототипы *"Архата"* (1932) и *"Меча Мира"* (1933) можно усмотреть в каменных скульптурах "Чиновника" и "Воина" из аллеи духов в ансамбле Шисаньлин XV–XVII вв. Не могла не восхищать Рериха Великая китайская стена, которую он неоднократно писал в 1935–36 годах. В картине *"Огни победы"* (1940) Рерих цитирует замечательный памятник — рельеф из погребения императора Тайцзуна в Сиани 637 года, где изображён воин, вынимающий стрелу из раненого коня. Словно оживший, исторически убедительный образ воина предстал на полотне художника. Ощущение полёта духа в бесплотных женских фигурках стенописи Дуньхуаня нашло своё продолжение

Н.К. Рерих. Держатель чаши. Монголия. 1937. Собрание NRM

в рериховской картине *"Выше, чем горы"* (1924). Эскиз занавеса для МХАТа *"Бой со змеем"* (1912) своими тёмными силуэтами обнаруживает художественные параллели с ханьскими фризовыми рельефами (III век до н. э. — III в. н. э.). Общность основных законов формообразования в народном искусстве разных стран и народов обусловила близость этих, казалось бы, столь далёких произведений. Не случайно сам Рерих писал в 1908 году, что «понятие наших начал искусства становится почти равнозначащим с обращением к Индии, Монголии, Китаю или к Скандинавии, или к "чудовищной" фантазии финской»[32].

В одной небольшой статье невозможно осветить все взаимосвязи искусства Рериха с археологическими памятниками — слишком они глубоки и обширны, охватывают огромные временные пласты и пространственные ареалы. В произведениях Рериха они проявлялись не только в виде исторических образов, но подчас очень конкретно: в виде определённых деталей одежды, орнамента, украшений. Рерих признавал, что «художнику нельзя выдумывать и фантазировать, надеясь на неподготовленность зрителей, а в самом деле надо изучать древнюю жизнь, как только возможно, проникаться ею, пропитываться насквозь»[33]. Только в этом случае «историческая живопись, стоящая в тесной связи с успехами археологии» станет значительным явлением «для науки и национального самосознания»[34]. Действительно, в русском искусстве ещё не было столь всеохватного проникновения в доисторическую эпоху. Картины Николая Рериха

являются не сухой, более или менее удачной реконструкцией — по сей день они поражают жизненной правдой, ощущением подлинной историчности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н.К.*, 1991в. С. 57.

[2] *Окладников А.П.*, 1971. С. 21.

[3] *Рерих Н.К.*, 1974. С. 361.

[4] *Ларичев В.Е., Ромм В.В.*, 1994. С. 3–8; *Те же*, 1995а. С. 278–287; *Те же*, 1995б. С. 171–181.

[5] *Рерих Н.К.*, 1991в. С. 113.

[6] *Рерих Н.К.*, 1924. С. 69.

[7] *Рерих Н.К.*, 1991в. С. 101.

[8] *Boas F.*, 1897.

[9] *Окладников А.П.*, 1968. С. 116.

[10] *Окладникова Е.А.*, 1979. С. 7.

[11] *Окладников А.П.*, 1974. С. 80.

[12] *Дэвлет М.А.*, 1980. С. 233.

[13] *Рерих Н.К.*, 1974. С. 361.

[14] *Рерих Н.К.*, 1899. Рис. 44. С. 358.

[15] *Рыбаков Б.А.*, 1988. С. 548.

[16] *Гальковский Н.М.*, 1916. С. 283.

[17] *Рерих Н.К.*, 1991в. С. 100.

[18] *Рерих Н.К.*, 1991в. С. 123.

[19] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 69.

[20] *Рерих Н.К.* Нехудожественность наших художественных магазинов // *ИХП*. 1899. № 11. С. 914–918. См. в наст. изд., разд. III, № X.

[21] *Толочко П.П., Боровський Я.Е.*, 1979. С. 3–10.

[22] *Рыбаков Б.А.*, 1988. С. 416.

[23] *Монгайт А.Л.*, 1974. Рис. на с. 85.

[24] *Колчин Б.А.*, 1971. № 228а, 231, 224, 225.

[25] *Рерих Н.К.*, 1924. С. 76.

[26] *Окладников А.П.*, 1980. С. 253. Табл. 153. № 25. С. 28. Табл. 58. № 7.

[27] *Рерих Н.К.*, 1974. С. 363.

[28] *Юнг К.Г.*, 1996. С. 132.

[29] *Юнг К.Г. и др.*, 1997. С. 326.

[30] *Рерих Н.К.*, 1974. С. 169.

[31] *Нидерле Л.*, 1898. С. 233.

[32] *Рерих Н.К.*, 1991в. С. 103.

[33] *Рерих Н.К.* Искусство и археология. // *ИХП*. 1898. № 1–2. С. 192.

[34] *Там же*. С. 194.

В.Л. МЕЛЬНИКОВ

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЯХ Н.К. РЕРИХА
(По материалам Императорской Археологической комиссии)

Как мог заметить читатель, ознакомившись с разделами настоящего выпуска "Петербургского Рериховского сборника", на его страницах археология в современном её узкоспециальном понимании часто отступает на второй план. Это обусловлено тем, что в конце XIX — начале XX века наука археология ещё до конца не оформилась и имела ярко выраженную искусствоведческую направленность, занимаясь зачастую массой смежных вопросов, которые теперь не являются её предметом. Однако какой здесь простор для культуролога! Памятуя о том, что «целью культурологического исследования является понимание как своей, так и иной культуры, а предметом становится содержание общественной жизни»[1], рассмотрим культурологический аспект наследия Н.К. Рериха, представленного в этой книге. Это тем более важно, что сам Рерих неоднократно подчёркивал *культурную функцию археологии*[2] как науки, способной преодолеть всякого рода "бытописательские" апории и стать основой «для познания истинной истории человечества»[3]. Для этого и в его время, и сейчас «необходимо освоить взаимодополнительные познавательные процедуры и развить в себе способности прямого, непосредственного поиска истины»[4]. Рерих, как никто другой из его современников, обладал такими способностями. Его видение мира и человечества ближе всего соответствует тому, что предпринимают в своих исследованиях современные культурологи.

Впервые в научной литературе некоторые идеи гуманистической культурологии Рериха были кратко сформулированы С.Н. Иконниковой (1996). Это, прежде всего, духовное восхождение как главное предназначение человека, освобождение общества от социальных и нравственных пороков, бережное отношение к природе, проникновение в мудрость Востока и бесконечная любовь к Русской культуре, почитание Красоты и Света, пути возрождения России, проблемы мира и охраны культурных ценностей, объединение всех прогрессивных сил под Знаменем Культуры[5]. При жизни художника на родине эти и другие его идеи нашли отклик и поддержку практически всего общества: от скромных тружеников науки до официальных кругов, включая самого императора Николая II[6]. Об этом довольно полно свидетельствуют публикуемые в настоящем издании материалы.

Сегодня, после десятилетий забвения и полупризнания, многие идеи Рериха в российском обществе оказываются вновь востребованными и получают реальную государственную поддержку. Подтверждением тому является высказывание министра культуры России В. Егорова, опубликованное на страницах "Российской газеты": «Творчество и жизнь Николая Рериха утвердили его в качестве полномочного посла России в мире. Его неустанными усилиями мировому сообществу была доказана вненациональная и вневременная ценность

культуры всех стран и народов. Успешно действующая сегодня международная система охраны культурного наследия неразрывно связана с именем и памятью Николая Рериха. Российское государство, культурная и научная общественность страны с уважением и тщательностью сохраняют для нас и будущих поколений творческое и духовное наследие прекрасного художника и мыслителя»[7].

Как известно, на чужбине наперекор испытаниям и лишениям творчество Рериха продолжало развиваться и принимать новые формы деятельной Красоты и Познавания. Это и триумфальные выставки, и разнообразные инициативы в защиту памятников культуры, и длительные путешествия по Европе, Америке, Египту, Индии, Трансгималаям, Китаю, Монголии, Сибири, Японии...

Н.К. Рерих (слева) и его дядя Н.М. Коркунов (?)
Фото 1896–98. МСССМ

Но все великие идеи и действия Рериха 20–40-х гг. закономерно выросли из художественной, научно-исследовательской, собирательской, культурно-охранительной работы в России.

Приведём несколько ярких свидетельств тому по материалам ИАК. Из многих культурологических задач, которые ставил перед собою Рерих, одна задача выделяется своей грандиозностью: **проследить путь арийских племён на необъятных просторах Евразии**[8]. Возникает вопрос: когда впервые Рерих узнал о следах этого великого пути, почти начисто развеянных ветрами тысячелетий и необозримых пространств? «К сердцу Азии потянуло уже давно, можно сказать, от самых ранних лет», — вспоминал он в 1937 году. И далее: «Профессора восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали профессора Томска, и все

Мария Васильевна Рерих и её дети: Лидия, Николай, Борис (сидит справа) и Владимир (стоит). Фото 1910-х. МСССМ

толковали об азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и так или иначе приобщиться к азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным, от ранних лет и на всю жизнь»[9].

Из опубликованных в настоящем издании материалов об интересе к исследованию культур "великих путников" говорят следующие факты:

— ежегодные отчётные выставки ИАК, где демонстрировались находки Рериха и относящиеся к теме экспонаты (1890–1910-е гг.)[10];

— выявление насыпей над источниками в Петербургской губернии в 1894–97 гг. (спустя десятки лет он сравнит их с подобными объектами в Центральной Азии)[11];

— сведения о "великих путниках" на страницах изданий ИАК (многие из них, несомненно, имел в своей библиотеке художник, т. к. в них, начиная с 1896 г., публиковались его статьи и материалы);

— тесное сотрудничество Рериха с востоковедом-археологом Н.И. Веселовским (1897—1903), чьи исследования по этой теме широко известны;

— собственная находка Рериха — медная пряжка от пояса с фигурами зверей, найденная на Дону против устья Хопра, на Сторожевой горе, принесённая в дар ИРАО (1899);

— посещение Рерихом музеев Парижа, Берлина и Бонна, где также имелись соответствующие экспонаты (1900–11);

— интерес Н.К. Рериха и Б.К. Рериха к перспективному в археологическом отношении району на территории Воронежской губернии, где спустя десятилетия будут обнаружены следы переселения народов (1905)[12];

— сотрудничество Н.К. Рериха с историком искусства и археологом Б.В. Фармаковским, который в своей книге "Архаический период в России" использовал рериховскую реконструкцию Майкопского кургана (1910–14)[13];

— изучение Рерихом южнорусской коллекции из раскопок К.А. фон Мерса в Кубанской области (1911)[14];

— археологическая разведка "городка" на Рым-горе в окрестностях Кисловодска (1913)[15];

— выступление Рериха в защиту дольменов Черноморского побережья Кавказа[16].

Н.К. Рерих. Варяжский путь. 1907. Собрание С.Н. Валка, СПб.

Н.К. Рерих. Ярославль. Церковь Рождества Богородицы. Из серии этюдов, выполненных во время путешествия по древнерусским городам ("Архитектурная серия"). 1903. Собрание ГМВ

Как видим, ещё задолго до отъезда из России Рерих интересовался проблемой "великих путников", чтобы потом "на месте" заняться её изучением.

Следующая поставленная Рерихом задача не уступает предыдущей по масштабности и актуальности и тесно с ней связана: **найти прародину человеческой культуры**[17]. Но к ней Рерих пришёл также после многолетних исследований на родине. Археологическая практика навела его на мысль о неслучайности сходства определяющих признаков разных культур, таких, как художественное творчество, предания, традиции, священная символика, и т. д. И уже в России Рерих подошёл к обобщённому решению: «Сердце Азии является как бы и сердцем мира, ибо откуда же шли все учения и вся мыслительная мудрость? Поищем внимательно и найдём ко многому истоки всё-таки в Азии»[18].

Прекрасные иллюстрации этой мысли мы находим в материалах ИАК. Обращаясь к пермским древностям в 1890–1910-х гг., Рерих не прошёл мимо экскурсов в мифологию и религию древних жителей Прикамья, где когда-то располагалась Биарманландия скандинавских саг, она же — Пермь Великая русских летописей. Уже тогда он мог узнать, что главный пермский храм,

посвященный Иомале (финское название Высшего Существа), веками притягивал скандинавских путешественников, ради него делающих остановку в Биармии во время паломничества в Асгар, который они считали «месторождением законодателя своего богослужения». По преданиям, Асгар находился где-то в Центральной Азии. В храме Иомалы важнейшей святыней была чаша на коленях главного божества — «такой величины, что четыре богатыря могли утолить из неё жажду»[19]. (Интересно, что чаше, «в представлении всех народов... предмету знаменательному», спустя годы Рерих посвятил отдельный очерк[20]). Подобными сведениями насыщены труды Теплоуховых — создателей и хранителей уникальной коллекции древностей камской чуди[21].

Другой пример непрерывности творческой эволюции художника относится к его методике историко-художественного исследования. Сын художника, выдающийся востоковед и лингвист *Юрий Николаевич Рерих (1902—60)* так сформулировал главную цель Центральноазиатской экспедиции (1923–28): **«создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии»**[22]. Но впервые такой историко-художественный метод Рерих опробовал ещё в России, задолго до экспедиций в Азию. Художественно-археологические поездки 1903–04 гг. дали замечательный результат — более 90 произведений *"Архитектурной серии"*. Выставленные в залах ИОПХ, они поразили российского зрителя неисчерпаемостью сюжетов и суровой красотой. Историко-археологическое значение выставки было особо отмечено критикой. Памятники отечественной культуры как таковые впервые стали темой целого вернисажа. На страницах "Хроники и библиографии", специального приложения к "Известиям ИАК", появилась восторженная рецензия, в которой цель выставки определялась так: «для ознакомления публики с художественными памятниками старины»[23].

И в дальнейшем, до окончательного отъезда из России, Рерих использовал "панорамный" метод в научно-художественном исследовании отдельно взятого региона, народа или культуры. Таковы его этюды, выполненные во время путешествий по Италии и Швейцарии (1906), Финляндии (1907), Кавказу (1913).

«Весь мир был полем его деятельности, культура каждой страны представляла для него интерес»[24], — редко о ком в нашем веке можно сказать такие слова. Но пути возрождения России всегда волновали его, и в России, и за её пределами. Его выступления на эту тему были поддержаны Археологической комиссией. В "Хронике и библиографии", своеобразном летописном своде всех главных событий научной жизни России, ориентированном на ценности отечественной культуры, отмечена большая статья Рериха "Слово напутственное" (1916). Обозреватель ИАК дал ей выразительное резюме: «Об ответственности нашего времени в искусстве». Статья начинается словами: «Ответственно наше время. Ответственно во всём будущем росте государства. Ответственно во всех грядущих достижениях, в постройке путей, в просветлении кругозора»[25]. Эти мысли будут актуальны всегда.

Знакомство с материалами Императорской Археологической комиссии не оставляет места для бытующих среди некоторых современных историографов поверхностных представлений о научной деятельности Н.К. Рериха. Только "тенденциозное незнание" и непонимание задач, которые ставил перед собой художник, до сих пор заставляют отдельных авторов утверждать, что Рерих «печатал свои наблюдения, добытые из археологических занятий, хотя очевидно они не всегда имели профессиональный характер», или публиковать изречения типа: «Мы не склонны идеализировать адекватность картин художника и действительности»[26].

Многочисленные примеры, свидетельствующие именно о поразительной адекватности его художественной и научной деятельности, даны в настоящем издании, и здесь мы не будем повторять их. Напомним только два высказывания археологов В.В. Быковского и Г.С. Лебедева. Первый утверждает, что рериховское видение прошлого столь реалистично, что может в художественной форме дополнять научный поиск[27]. Второй пишет в трудах петербургского семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки" (1995) следующее: «Археологические исследования Н.К. Рериха нашли адекватное

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1901. Собрание ГТГ

и глубокое отражение в его художественном творчестве, произведениях живописца. Своеобразный триптих образуют его работы, посвящённые Древней Руси: *"Тонец. Восстал род на род"*, *"За морями земли великие"*, *"Заморские гости"*, раскрывающие в выразительных и этнографо-исторически совершенно достоверных образах содержание летописного "Предания о варягах", словно изобразительный эквивалент тексту древнерусской "Повести временных лет"»[28].

Многозначны мысли самого Рериха об истории и историографии, уже рассмотренные в наше время в отдельных исследованиях[29]. Интересен вывод А.Н. Сидорова о понимании Рерихом истории как истории культуры и, прежде всего, культуры духовной[30]. В этом ему вторят А.А. Никонова и А.Д. Столяр, когда пишут, что уже в молодости основой концепции Рериха «служит положение о духовной сущности человеческого феномена, сложившегося исторически»[31]. В своём исследовании А.Н. Сидоров обозначил два блока проблем, связанных с формированием и развитием исторических взглядов Рериха:

Руины церкви Петра и Павла в погосте Грызово на территории бывшей Изварской мызы, принадлежавшей М.В. Рерих. Современная фотография

— историческая наука рубежа XIX–XX веков и исторические воззрения Рериха;

— эволюция историософских взглядов художника и художественных средств, приёмов, тематики его произведений.

Материалы Археологической комиссии позволяют комплексно исследовать первую проблему и наметить изучение второй.

Сам Рерих сформулировал ряд задач, решение которых, по его мнению, откроет перед историками новые горизонты. Остановимся только на двух из них, имеющих большое культурно-нравственное значение.

Первая задача — **изучение актов помощи в истории:** «Можно написать целый исторический труд, посвященный походам помощи. Очень любопытные выводы могут получиться для многих стран. Произойдут какие-то новые классификации. Рядом с отделом себялюбцев появится и деление на помощников добрых.

Мысленно просматривая разные периоды всемирной истории даже наизусть, сразу припоминаются многие, иногда даже мало оценённые деяния помощи доброй. Очень поучительны были бы итоги, на какой народ больше бы пришлось этой помощи доброй. [...]

Молодые историки, среди работ ваших уделите внимание теме о помощи доброй, о тех деланиях, которые были порождены какими-либо высокими порывами. Очень добрая книга получится. Только для неё придётся опять много порыться во всяких ещё не уничтоженных архивах. Нередко лучшие акты, порывы и побуждения остаются менее всего записанными»[32].

Ценно здесь указание на справедливость. Рерих писал: «Каждый истинный историк прежде всего обладает справедливостью»[33]. С этим понятием связана следующая задача, предложенная им: **изучение ошибок истории**. По мнению Рериха, в истории наряду с правдой кристаллизуется также и немало выдумок, поэтому часто положение историографа бывает чрезвычайно сложным. «Перед ним лежат обширные тома классических историков, имена которых окружены мировым почитанием, но факты, изложенные ими, нередко противоречивы»[34].

Эта же задача, но применительно к жизни и творчеству самого Николая Константиновича, стояла и перед нами, когда мы готовили эту книгу. Если в будущем кому-нибудь из нового поколения учёных она поможет избежать хотя бы одной "ошибки истории", то можно считать, что весь труд по выявлению, подготовке и составлению всего представленного материала проделан не зря.

Хотелось бы затронуть только одну "историческую ошибку", которую ныне делают некоторые новоявленные "богословы", клерикально настроенные журналисты и, как ни странно, многие рериховеды. Последние в лучшем случае признают, что Рерихи действовали в лоне русской культуры, но серьёзно вопрос о взаимоотношениях Рерихов и Православия, «а скорее даже укоренённости Рерихов в Православной культуре»[35], ими до сих пор не рассматривался или рассматривался поверхностно. В этом, по нашему глубокому убеждению, одна

из главных причин того негативного отношения к рериховскому наследию, которое ныне усиленно насаждается отдельными авторами, декларирующими о своей приверженности к Православию, Соборности, Церковности и другим христианским институтам, от которых-де Н.К. Рерих отказался. Мы настаиваем, что **Рерих был и до конца жизни оставался истинно православным христианином**, о чём неоднократно свидетельствовал он сам всем своим художественным творчеством, выступлениями в печати и на собраниях. Нет нужды приводить здесь все эти свидетельства, тем более, что совсем недавно вышла прекрасная книга Ксении Мяло на эту тему[36]. Мы отметим только некоторые факты из материалов Императорской Археологической комиссии, иллюстрирующие данное положение.

Значителен вклад Рериха в церковную археологию. Десятки артефактов первых веков отечественного Православия, обнаруженные во время археологических разведок и раскопок в российской провинции, опубликованы и переданы в отечественные музеи Рерихом и, таким образом, спасены для культуры. Таковы православные святыни — крест в фундаменте церкви Апостолов Петра и Павла погоста Грызово (1896)[37]; поклонные кресты XIII–XIV веков из деревень Ославье и Ямки (1896)[38]; крест, обнаруженный в урочище "Воскресенский Нос" (1899)[39], и другие.

К сожалению, современные "блюстители Православия" очень мало осведомлены о вкладе Рериха в церковную культуру России и, в частности, о его занятиях по изучению отечественных христианских древностей и Православия вообще, иначе никогда не появилось бы несправедливое решение Архиерейского собора 1994 года, негативно оценивающее его наследие.

Однако вернёмся к началу XX века, когда труды Рериха заслуженно были признаны в самых широких кругах общества.

Н.К. Рерих. Курганы Ижорского плато Петербургской губернии. Рисунок. 1898. Собрание ГРМ

Н.К. Рерих. Кладбище. Автолитография. 1915. Отдел эстампов РНБ

Начиная с 1898 г. он добивался качественного ремонта и научно обоснованной реставрации нескольких храмов (Софийского собора в Новгороде, Спаса Нередицы под Новгородом, церквей Иоанна Предтечи в Угличе и Ярославле, Николы Мокрого в Ярославле, Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове, собора Василия Блаженного в Москве, собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря и др.). По поручению ИАК он исследовал старообрядческое кладбище в деревне Дубня (1899)[40]. Участвовал в оформлении древнерусской литургической драмы "Пещное действо" в большом зале Московского епархиального дома (1905). Выступил с инициативой о создании во Пскове музея в честь святой княгини Ольги (1909)[41]. Под его руководством Комиссия Музея Допетровского искусства и быта разработала план серии монографий о монастырях (1909)[42]. Выступал в защиту Новгородского городского вала — места, где было явлено чудо иконы Знамения Божией Матери (1910)[43]. По открытому листу ИАК Рерих совместно с Н.Е. Макаренко произвёл первые научные раскопки в Новгородском детинце — очаге древнейшего Православия, в районе бывшей улицы Пискупли (Епископской) и изучил остатки древней Никольской церкви на Рюриковом Городище (1910). Опубликовал несколько статей и заметок о древних иконах (1910–14).

Н.К. Рерих. Спас со святыми предстоящими. Эскиз для церкви села Пархомовка Киевской губернии. 1906. Эскиз выполнен в мозаике В.А. Фроловым

Эта подвижническая работа была высоко оценена церковными историками — современниками художника. Николай Васильевич Покровский, профессор Петербургской духовной академии, создатель Церковно-археологического музея при ней, многие годы поддерживал Рериха. Сперва он пригласил его «в виде опыта приватно и бесплатно вести беседы со слушателями»[44], а затем распорядился напечатать лекции его курса "Художественная техника в применении к археологии" (1898–1901), поручил ему курировать учебные раскопки и т. д.

Рерих был близок многим деятелям русской церкви. Получал от них десятки писем о памятниках для готовящейся под его руководством "Археологической карты Петербургской губернии" (1899–1902)[45]. Стремился к личному общению с благочестивыми старцами и старицами[46]. Был привлечён архиереями и настоятелями к работам по украшению соборов, церквей, часовен. Его храмовые творения, проникнутые основами древнего Православия, полны су-

ровой радости и молитвенной торжественности, так отвечающей всему возвышенному строю его образов[47]. «Помню, — писал Рерих, — как приходилось представлять на благословение Иерархов и эскизы стенописи Святодуховской церкви в Талашкине под Смоленском, и иконостас Пермского монастыря, и мозаики для Шлиссельбурга, и роспись в Пскове...» ("Светочи", 1934)[48]. И всегда его работа получала одобрение и вызывала восхищение.

Митрополит Антоний, глядя на картину Рериха *"Ростов Великий"* (1903, ныне в ГТГ), произнёс: «Это молитва земли небу!»[49]. А через тридцать лет другой архиерей написал Рериху замечательные слова: «Ваша добрая помощь в трудную минуту существования Дома Милосердия, Ваш чудный дар — древние священные образы русских икон и, наконец, Ваш бесценный вклад в наш скромный музей — Ваши творения, на которые с восторгом и благоговением взирает весь мир, — всё это Ваше внимание наполняет наши сердца чувством глубокой, искренней и самой пламенной благодарности... Преподобный Сергий Радонежский, которого так свято чтите Вы, святым молитвам которого с любовью посвящаю наш скромный музей-хранилище, да будет Вам всегда помощником в Ваших трудах. Молитвенно призываю Божие благословение на Вас и дела Ваши. С любовью во Христа, вседушевно расположенного к Вам, Ваш постоянный богомолец Архиепископ Нестор» (Харбин. 12 сентября 1934)[50].

Безнравственно отрицать наследие мастера, справедливо названного **«учеником святых храмостроителей»**.

Но учил и сам Рерих. Он имел многолетний педагогический опыт. Начав преподавать сразу после окончания Императорского Петербургского университета (1898), он всю жизнь был связан с обучением, учебным процессом, образовательными учреждениями. Первым в его педагогической практике явился упомянутый выше ИПАИ.

В 1906–17 гг. Рерих возглавлял Рисовальную Школу ИОПХ — крупнейшее в России художественно-промышленное учебное заведение. В годы директорства Рериха Школа насчитывала до двух тысяч учащихся, из них значительная часть — обучались бесплатно. Биографы отмечали высокий профессионализм Рериха в этой должности и в подтверждение приводили длинный список тех преобразований и нововведений, которые прошли при его непосредственном участии. Например, он восстановил деятельность Педагогического совета Школы, пригласил новых педагогов, поднял уровень преподавания в существующих классах и мастерских и открыл новые. В годы его директорства Школа жила насыщенной творческой жизнью, в ней были созданы все условия для всестороннего художественного образования.

В последующие годы Рерих продолжил свою педагогическую деятельность, сначала в США, а затем в Индии. Он возглавил Чикагский институт искусств (1920–23), организовал и возглавил Нью-йоркские Мастер-Институт Объединённых Искусств (1921–35) и Международный центр искусств "Corona Mundi"

(1922–35). Последнее учреждение существует до сих пор и продолжает свою деятельность на принципах, сформулированных его основателем.

В 1928 году в Индии семья Рерихов основала Институт гималайских исследований "Урусвати", который имел, кроме специально научной, ещё и учебную программу. Институт работал более десяти лет в североиндийской долине Кулу и прекратил свою деятельность только с началом второй мировой войны.

Таким образом, Рерих имел богатый педагогический и преподавательский опыт, уникальность которого не только в том, что носителем его был крупнейший художник, мыслитель, учёный, один из самых выдающихся деятелей своего времени, но и в том, что накапливался этот опыт работой не в одном городе, даже не в одной стране, а поистине по всему миру, в разных государствах, разных образовательных традициях, разных социальных и психологических условиях. Необходимость его осмысления и приложения давно назрела[51].

Замечательно охарактеризовал Рериха с этой стороны академик Б.А. Рыбаков: «Рерих учил. Учил обращением к многовековому прошлому народа, к его далёким корням, к легендам и преданиям. Рерих смело раздвигал временные рамки и показывал то далёкую первобытность, то древних славян, их языческие верования, их с трудом угадываемую жизнь, их красочные праздники, обряды, одежды. Жизнь народа была неразрывно связана с природой, и эта связь тоже подчёркнута...»[52].

Александр Гидони, характеризуя научный метод Рериха, отметил, на наш взгляд, важнейшую его черту: «верить только самому себе, принять в свою работу только то, что найдено личным трудом, личным ощущением, своей догадкой, потому что важно не только то, что было найдено, но и то, как нашлось»[53]. Рерих редко отступал от этого принципа, и, может быть, именно поэтому его исследования внесли весомый вклад в деятельность ИАК и близких к ней научных учреждений. В этом «как нашлось» — указание на будущие методы науки и путь к её гуманизации. По Рериху, в научной работе важны не только сами новые знания, но прежде всего их этическая, нравственная оценка. В этом проявился глубочайший платонизм Рериха[54]. Для него знание любого феномена заведомо ограничено и не может удовлетворить исследователя без знания его ноумена, иначе говоря, его незримой умопостигаемой сущности-основы[55]. Отсюда принципиальная неполнота, можно сказать, бессмысленность изучения материальной культуры человечества без синхронного познавания его духовной культуры.

Наиболее ярко эти взгляды выразились в суждениях Рериха об искусстве каменного века. Он выдвинул смелое для своего времени положение об обязательной связи любого артефакта каменного века с какой-то человеческой идеей[56].

Теодор Хеллин отметил синтетический характер работ Рериха, и в этом другая важная черта его научной деятельности. Хеллин писал: «...Рерих сделал-

ся учёным, исследуя культуру первобытного, каменного века. Этот мир околдовал его... Он осознал процессы природы и их космическое значение. Он созвучал с ритмами творческой эволюции. Он наблюдал, как наблюдает учёный, он понимал, как понимает интуитивно художник, и он созерцал в благоговении, как созерцает человек, полный почитания. Он внутренне ощущал единство, существующее в недрах искусства, науки и религии, что современный человек обычно не понимает и рассматривает лишь в состоянии разъединения»[57].

К этим замечательным словам Хеллина можно добавить лишь то, что союз искусства, науки и религии скреплялся ещё и тем, что во всём Рерих был знатоком, а в некоторых областях сказал новое слово. Его дар учёного и дар художника не мешали друг другу, а, напротив, усиливали общую значимость и убедительность его трудов. Как отметил Михаил Фокин, «работа учёного-археолога не помешала Рериху остаться чистым художником и через глубь веков почувствовать древнего человека, его религию, его искусство и его отношение к природе»[58].

Исключительно благодаря его дару художника археологическая методика обогатилась некоторыми новыми приёмами. Он первый ввёл фиксацию стратиграфии в цвете, причём не только на бумаге или холсте, но и в объёмной лепной глиняной модели[59]. Рериховские модели курганов были высоко оценены на заседаниях ИАК и ИРАО и поступили в Российский Исторический музей в Москве[60]. По признанию Ю.М. Лесмана, такая регистрация стратификации раскапываемых насыпей и в наши дни является редким исключением[61]. Качество выполненных Рерихом чертежей, рисунков, набросков, профилей, полевых зарисовок таково, что они «до сих пор остаются первоклассным научным источником»[62].

Многие исследования Рериха имели ещё и прогнозирующий характер. Например, он был убеждён, что около озёр Тверской и Новгородской областей можно ожидать целую серию интересных неолитических находок. Поток этих находок не прекращается и в наши дни.

Академик Б.А. Рыбаков указал на факт предвидения в исследованиях Рериха: «Чутьё художника помогало ему предугадывать будущие археологические открытия. На рисунке *"Изба смерти"* Рерих дал умозрительную конструкцию славянского языческого погребального сооружения. Через три десятка лет раскопки на Верхнем Дону подтвердили предсказание художника»[63].

Перечисление подобных "научно-художественных" прозрений Рериха заняло бы несколько страниц[64], но одно поразительное открытие последних лет мы всё-таки отметим.

Всем известна картина Рериха *"Заморские гости"* (1901–10), созданная в нескольких вариантах и эскизах. В правом верхнем углу картины, за высокой сопкой — могилой Вещего Олега Рерих написал загадочное поселение на возвышенности — крепость, археологических данных о которой в его время не было. В 1997 г. археолог Е.А. Рябинин действительно обнаружил на этом месте, известном под названием Любши, древнейшую на территории Восточной

Н.К. Рерих. Изба смерти. 1909. Собрание В.А. Дудакова и М.К. Касуры, Москва

Европы славянскую каменно-земляную крепость, датируемую серединой VIII века. Под каменной Любшанской крепостью оказалась деревянная последней трети VII столетия. «Ай да Рерих!.. — воскликнул историограф Андрей Чернов. — Интуиция гения? Не только. Вид с сопки Вещего Олега Николай Рерих назвал «одним из лучших русских пейзажей». На фоне Любши он и изобразил своих *"Заморских гостей"*»[65]. Е.А. Рябинин считает, что дальнейшее исследование Любшанской крепости позволит прочитать древнейшую страницу истории нашего Отечества, ответить на вопрос летописца: «Откуда есть пошла Русская земля?»[66]. Вот какие фундаментальные задачи выявлял в своих предвидениях Рерих — родоначальник русского исторического пейзажа.

Из материалов, представленных в настоящем издании, можно видеть, что контакты Рериха с Императорской Археологической комиссией соответствуют самому широкому спектру общественных и человеческих взаимоотношений — от официально-научных с государственным учреждением до дружеских с отдельными членами комиссии. Рерих не только регулярно, в течение 15 лет, обращался в комиссию за очередным открытым листом для своих собственных исследований или работал по заданиям ИАК на её средства, но начиная с 1906 г. выступал с критикой деятельности ИАК и отдельных её сотрудников. Особенно Рериха беспокоила низкая эффективность действий комиссии в вопросах консервации и реставрации конкретных памятников. По каждому памятнику Рерих выступал в печати и на собраниях. Известно его личное обращение к председателю ИАК графу Алексею Александровичу Бобринскому, в котором, в частности, есть такие слова:

«Относясь всегда с внимательностью к деятельности столь важного учреждения и высоко ценя Вашу просвещённую работу в деле отечественной археологии, я с исключительною признательностью приму факты, которые помогли бы печатно опровергнуть высказанное мною в листке "Разрушения".

Прошу Вас верить, что всё высказываемое мною в отношении Императорской Археологической Комиссии говорится с особою скорбию, а потому возможность опровергнуть сказанное будет встречена с особою радостью» (СПб. 31 января 1907)[67].

В упомянутом записном листке (№ XXVI) Рерих писал о неудачной реставрации церкви Спаса Нередицы, о порче фресок церкви Иоанна Предтечи в Ярославле, о запустении дворца в Батурине, о разрушении старого Петербурга за последние годы — всё с попустительства ИАК. Листок кончается страстным призывом: «Запишите имена разрушителей»[68]. О подобных отрицательных примерах в настоящем издании говорят не только рериховские листки, но и выступления М.И. Ростовцева, А.В. Прахова, А.В. Щусева и других.

Но всё-таки больше было позитивного в контактах Рериха с комиссией. Не случайно его имя так часто появлялось на страницах её изданий, причём в тех случаях, когда необходимо было прибегнуть к авторитетному мнению по тому или иному вопросу. Качество научной работы самого Рериха оценивалось неизменно высоко.

Биограф Рериха Морис Лихтман заметил: «Никогда ещё призвание к археологии не проявлялось в столь раннем возрасте»[69]. Публикуемые нами документы свидетельствуют, что Николай Рерих производил раскопки будучи семнадцатилетним юношей. В мемуарах Рериха и трудах биографов начало его самостоятельных полевых исследований относится к ещё более раннему возрасту — к четырнадцати годам. Доподлинно известно, что в девять лет Рерих впервые присутствовал на раскопках ассистента Медико-хирургической академии Л.К. Ивановского.

Таким образом, тридцать лет непрерывных, из года в год, из лета в лето, историко-археологических занятий — вот с каким багажом Рерих покинул свою родину и устремился к вершинам Гималайским. Были в его "копилке" и данные, почерпнутые от коллег. О творческих связях Рериха с деятелями науки и культуры рассказывают многие заметки в настоящем издании и, конечно, сотни очерков самого художника последующих лет. Здесь же в качестве иллюстрации отметим деятеля, чьё творчество представлено менее других. Речь идёт о председателе ИАК ***графе А.А. Бобринском***. Его роль в научной деятельности худож-

Камень с рисунками у кишлака Мионшар на Верхнем Пяндже
Ил. в книге: *Бобринской А.А.*, 1908. Табл. XV, 2

ника трудно переоценить: ведь именно его рукой или по его прямому указанию подписаны все открытые листы на имя Рериха[70].

В наследии графа А.А. Бобринского удивительно много близких Рериху тем и решаемых задач; иногда их оценки по тому или иному вопросу просто совпадали.

В работе "Херсонес Таврический. Исторический очерк" (СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1905) граф Бобринской писал: «Историческая критика ещё почти не коснулась многих эпох быта Херсонеса. Эта же критика строго отвергает

Камень с рисунками у кишлака Мионшар на Верхнем Пяндже
Ил. в книге: *Бобринской А.А.*, 1908. Табл. XV, 3

многочисленные рассказы и легенды, которыми испещрена летопись о прошлом города. Однако во многих из этих рассказов кроется, вероятно, правдивое основание. Дело будущих историков подвергнуть весь этот "набор баснословия" тщательной переработке. Быть может, на помощь истории придёт и археология. В моей же книге я поместил все рассказы, легенды, басни и сказания, которые мне удалось встретить» (с. V). Рерих в листе дневника "Шамбала" (1 марта 1943) писал: «Поучительно следить за движением и ростом легенд. За последнее время признали историческое значение легенд и мифов. Немало ценных археологических открытий сделано на основе изучения легенд. Где раздел между сказкой и сказанием? Где граница мечты-памятки и были? Истинная, беспредрассудочная наука разберёт и оценит истину»[71].

В другой книге графа "Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и Ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам" (М., 1908) есть поразительные фрагменты. Читая их, невольно вспоминаешь дневники рериховской экспедиции 1923–28 гг. в Центральную Азию. Ещё живя в России, Рерих знал о Восточном Туркестане то, что сообщил о нём граф Бобринской в своём историко-культурологическом исследовании. Он отметил уникальную смесь религий и культур: Ойрат, «монголы с Чингиз-Ханом во главе», Мохаммеданство, Буддизм, религия Зороастра, Христианство[72] — всё это спустя 20 лет своими глазами увидит и Рерих. Может быть, и книгу графа Бобринского имел в виду художник, когда вспоминал о многих «зовах в Азию».

В "Священных камнях" (глава XV) читаем: «По верхнему течению Пянджа развито почитание священных камней... особенно часто встречали мы их в Шугнане и Рошане. В большинстве случаев священные камни представляют из себя отдельно лежащие валуны или осколки скал, оторвавшиеся от своей породы, не обделанные и не тронутые со своих природных мест. Случайно или нет, но многие из священных камней лежат у воды. Не следует смешивать священные камни с камнями, имеющими какие-либо надписи, знаки или рисунки, которые, в громадном большинстве случаев, в настоящее время горцами не почитаются. Все виденные нами священные камни не имеют на себе ни надписей, ни рисунков. Выделяются священные камни среди себе подобных камней: или наложенными на них небольшими камнями причудливых форм (выветрившиеся), или же следами возлитого на них масла, или золою — остаток сжигаемых на них лучин (вместо свечей), или же, наконец, возложенными на них приношениями в виде пригоршней зерна, тута, муки»[73].

В главе XVI "Мазары, graffiti на камнях, камни-драконы" читаем: «...Предания о поглощении святых мужей скалами довольно распространены по всему верхнему Пянджу и его притокам...

Около кишлака Мионшар (ниже его) среди нагромождённых камней некоторые из них с рисунками, которые изображают: ладони, всадника, кресты, козлов, круги с точкою в середине...

В Вахане около Даршая скала, в которой заметно правильное четырёхугольное углубление, напоминающее дверь. Горцы называют эту скалу дверью дьявола...

Недалеко от урочища Баджу на границе Рошана на камнях грубо высечены два изображения правой (?) ладони; в одном случае рядом с рукою изображён козёл, а на самой ладони небольшая точка или звезда. На Гунте ниже Ван-Кала также заметили изображение ладони. Горцы довольствовались объяснением, что это есть рука Али, другие при этом добавляли, что ладонь с пятью пальцами изображается в память "пятерни" (пянджта), которая состоит из Мохаммеда, Али, Фатимы, Хасана и Хусейна...

Можно предположить, что новые религиозные предания приспособились к более древним эмблемам и воспользовались ими для своих целей...

Вообще, рука была одной из обычных эмблем многих солнечных богов»[74].

Соответствующие многочисленные параллели в творчестве Рериха мы предоставляем читателю отыскать самостоятельно[75].

Следующий пример из другой области. Рериху так понравились серии выпусков "Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода" (М., 1910–14) и "Резной камень в России" (М., 1914), что он отметил их отдельной рецензией[76]. В выпуске № 1 первой серии граф Бобринской писал: «В настоящее время волна возрождения прикладного искусства как будто собирается подкатить и к нам, русским... Быть может, со временем и у нас более широкие круги постигнут, что в искусстве, как и вообще во всех проявлениях творческой деятельности народов, необходима преемственность, что преемственность в народной жизни есть синоним культуры и источник самобытности, что без преемственности нет жизнеспособного искусства, сильного и здорового своею самостоятельною жизнью» (с. 3). Не за то ли самое ратовал Рерих за 5–10–15 лет до этого? Напомним рериховские высказывания о преемственности в культуре из первой книги его "Собрания сочинений" (1914): «Сейчас нам нужно наметить главные вехи радости искусства. Не измерение, а впечатление нужно в искусстве. Без боязни преемственности строго сохраним принцип, что красивое, замечательное, благородное всегда таким и останется, несмотря ни на что» ("Радость искусству", 1908); «Преемственность была всегда и везде. То, что красиво, интересно, курьёзно, то остаётся таким же, несмотря ни на что. И этот принцип искусства надо хранить всеми силами» ("Древнейшие финские храмы", 1908)[77]. Как видим, здесь уже скорее Рерих оказал влияние на ход мыслей своего старшего коллеги.

Есть ещё одна интересная параллель между Рерихом и графом Бобринским. Как известно, Рерих — художник, занимавшийся археологией, писал ещё и стихи. Ярким примером "историко-археологического" мотива в его поэзии является следующее четверостишие, ранее не публиковавшееся (автограф в МСССМ):

Юность напрасно от старших сторонится,
Старшие — кроткий, хороший народ...
Больше надежд в саркофагах хоронится,
Чем в колыбелях младенцев цветёт!

Сочинял Рерих и сказки, рассказы, сочинения для театра[78]. То же делал и археолог граф Бобринской, под псевдонимом «граф А.А. Самойлов». Например, его перу принадлежит историческая драма в пяти действиях "Филарет Никитич" (СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1913), приуроченная ко дню всероссийского чествования 300-летия царствования Дома Романовых. В предисловии граф обращается к русским художникам: «И.Е. Забелин, в своих "Прямые и Кривые", сетует на русских историков, "которые мало или вовсе не помогают художникам". "Наши исторические личности, — говорит Забелин, — неясны, тусклы, освещены фальшивым светом... естественно, что исторические картины очень редко нам удаются". Со своей стороны, автор драмы "Филарет Никитич" льстит себя надеждой, что в его труде окажется кое-что живое и интересное и для художников».

И, наконец, ещё один пример близости интересов и убеждений графа А.А. Бобринского и Н.К. Рериха: одинаково отрицательное отношение к «разрушителям культуры» (выражение Рериха)[79] — **большевикам**. Если Рерих определённо отмежевался от большевизма лишь в 1919 г., то граф Бобринской ещё в марте 1910 г. обращал внимание на антикультурную, антинародную природу большевиков в своём выступлении на VI Съезде уполномоченных объединённых дворянских обществ. Граф представил съезду фрагменты «фонографических пластинок с того, что ежедневно и громогласно произносится на кафедре высокого государственного учреждения» — Третьей Государственной Думы. «Мой труд, — говорил граф, — заключается в компиляции, в извлечении из бездонных пучин государственного красноречия тёмных жемчужин революционного закала... Господа! Я сегодня указываю вам на болезнь, на общественную язву. Я призываю вас, государственных и земских людей, как экспертов проверить мой диагноз. Если вы признаете, что он верен и что указываемое мною явление действительно составляет опасность для здорового развития нашей Родины, то моя задача будет исполнена, моя цель достигнута»[80].

Горько читать эти строки, зная, что произошло с Россией в последующие годы. Тогда призыв графа Бобринского услышан не был. Но и сейчас не то же ли самое творится в современной Думе? Не те же ли "большевики" усугубляют положение нашей страны, расточая «тёмные жемчужины революционного закала»?

Вспомним рериховские слова: «Вульгаризм и лицемерие. Предательство и подкуп. Искажение всех святых основ человечества — вот что такое большевизм. Это наглый монстр, обманывающий человечество. Монстр, который владеет россыпями драгоценных камней. Но подойдите поближе! Не бойтесь взглянуть! Камни-то не настоящие. Только слабый зрением не увидит, что их блеск фальшив. В этих отблесках гибнет мир. В этих отблесках гибнет настоящая духовная культура»[81].

Рерих не понаслышке знал, что такое работать с большевиками. Страницы последнего выпуска "Хроники и библиографии" — этого бесценного издания ИАК — оставили нам несколько упоминаний об этом[82].

Отдадим должное графу Бобринскому ещё раз словами, некогда обращёнными к нему. Опубликованы они были в "Сборнике археологических статей, поднесённом графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии. 1886 $^{1}/_{II}$ 1911" (СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1911): «Вы, Граф, обладаете редчайшею способностью привлекать к себе симпатии всех, кому выпадает на долю вступать в близкое общение с Вами, и неотразимо действовать на них обаянием Вашей личности. Для всех Ваших сотрудников по Комиссии работа в ней под Вашим благожелательным руководством представляет собою не тяжёлый обязательный труд, а истинное наслаждение». Подписали сотрудники ИАК: М. Боткин, Н. Веселовский, А. Марков, К. Романов, Б. Фармаковский, Ф. Браун, В. Латышев, Д. Милеев, М. Ростовцев, М. Фармаковский, Н. Булычов, Р. Лепер, П. Покрышкин, А. Спицын, В. Шкропил и Э. фон Штерн.

Как видим, представленный в "Петербургском Рериховском сборнике" материал далеко выходит за пределы одной темы "Н.К. Рерих и Императорская Археологическая комиссия" и конкретно её археологической составляющей, которой посвящена вступительная статья Е.А. Рябинина. Перед читателем прошёл широкий поток имён, произведений, открытий, собраний, поездок, изданий и других событий и фактов, объединённых творческой волей великого сына России, за тридцать лет его жизни.

Это не означает, что книга вполне объемлет деятельность Рериха и его семьи в России. Уникальность материалов ИАК в том, что они всё-таки позволяют проследить развитие его взглядов, оценить в целом его вклад в отечественную культуру и наметить конкретные задачи дальнейшего изучения его жизни и творчества. Теперь на карту "Держава Рерихов", предложенную в 1989 г. К.И. Новосельским[83], можно нанести ещё десятки новых пунктов.

Надеемся, что наш труд подтвердил слова Н.К. Рериха о его работе на благо Культуры России. Они написаны у подножия Гималаев, за полтора года до ухода из жизни, и звучат как ободряющее напутствие-завещание новым исследователям: *«Всегда работал для Русской Культуры, и за это некие любители Версаля меня поносили. Тем ценнее слышать, что наши устремления оказались правильными и теперь дружные изыскания направлены именно по этому пути. Множество находок подтвердят, какие многозначительные открытия предстоят»*[84].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Культурология.* 1998. С. 17.

[2] *Лебедев Г.С.*, 1992. С. 204.

[3] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 282.

[4] *Культурология.* 1998. С. 16.

[5] *Иконникова С.Н.*, 1996. С. 163.

[6] Известно, что Николай II приобрёл для картинной галереи Императорского Эрмитажа картину Рериха *"Заморские гости"*. В январе 1906 Рерих обратился через А.А. Васильчикова к императору за разрешением снять с неё копию. В то время картина находилась в Императорском Царскосельском Александровском дворце и была выдана для копирования автору только на два месяца. (Этот факт сообщила искусствовед Т.М. Мокина).

[7] *Егоров В.* Спор о наследии Рерихов можно решить только в рамках закона. // *Российская газета*. 8 апреля 1999. № 67. С. 5.

[8] *Шилов Ю.*, 1991. С. 40.

[9] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 114.

[10] Например, в 1903 был богато представлен сибирский отдел с новыми приобретениями Минусинского музея, добытыми при раскопках большого кургана на р. Абакан. См. в наст. изд., разд. III, № XIV (1).

[11] См. в наст. изд., разд. I, примеч. 183.

[12] См. в наст. изд., разд. II, № 59; разд. III, № XXXII.

[13] См. в наст. изд., разд. II, № 102, разд. III, № XLVI, XLVIII (9).

[14] См. в наст. изд., разд. III, № XXXIX (4, 5).

[15] См. в наст. изд., разд. II, № 154.

[16] См. в наст. изд., разд. III, № LII (6).

[17] *Лазаревич О.В., Молодин В.И.*, 1997. С. 1.

[18] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 114.

[19] *Смышляев Д.Д.*, 1891. С. 2–16.

[20] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 332–334.

[21] См. в наст. изд., разд. III, № III, V, IX, X, XXVII.

[22] *Рерих Ю.Н.*, 1994. С. 4.

[23] См. в наст. изд., разд. III, № XX.

[24] *Иконникова С.Н.*, 1996. С. 161.

[25] См. в наст. изд., разд. III, № LIII (5).

[26] *Манджу Тхакур*, 1996. С. 11, 14.

[27] *Рерих Н.К.*, 1992г. С. 4.

[28] *Лебедев Г.С.*, 1995. С. 62.

[29] *Ефремов Ю.К.*, 1978; *Кривошей В.А.*, 1984; *Мантатов В.В.*, 1984, 1988; *Сидоров А.Н.*, 1994; *Жук А.В.*, 1997; *Никонова А.А., Столяр А.Д.*, 1997.

[30] *Сидоров А.Н.*, 1994. С. 60.

[31] *Никонова А.А., Столяр А.Д.*, 1997. С. 102.

[32] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 185.

[33] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 436.

[34] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. II. С. 245.

[35] От редакции. (Имеет ли Россия право на светскую духовность?) // *Мяло К.*, 1998. С. 6.

[36] *Мяло К.*, 1998.

[37] См. в наст. изд., разд. I, № VI.

[38] См. в наст. изд., разд. I, № VII (6, 7).

[39] См. в наст. изд., разд. III, № VII.

[40] См. в наст. изд., разд. I, № XII.

[41] См. в наст. изд., разд. III, № XXXV (3).

[42] См. в наст. изд., разд. III, № XXXVI (12).

[43] См. в наст. изд., разд. II, № 97.

[44] *Жук А.В.*, 1997. С. 99.

[45] См., например, в наст. изд., разд. III, № XV (3).

[46] См., например, в наст. изд., разд. II, № 107, примеч. 1.

[47] См. также: *Мельников В.Л.*, 1998д.

[48] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. I. С. 45

[49] *Шмидт М.*, [1930-е]. С. 4.

[50] Автограф в ГМВ. См.: *Ученик святых храмостроителей.* Н.К. Рерих. Письмо архиепископу Мелетию. Харбин. 10 сентября 1934. Архиепископ Нестор. Письмо Н.К. Рериху. Харбин, Дом Милосердия. 12 сентября 1934. // *Наука и религия*. 1995. № 6. С. 27.

[51] См. также: *Мельников В.Л.*, 1998е. С. 180–181.

[52] *Рыбаков Б.А.*, 1993.

[53] *Гидони А.И.*, 1916.

[54] С философией Платона Рерих был хорошо знаком уже в 19 лет. См. в наст. изд., разд. II, № 2.

[55] *Бондаренко А.А., Мельников В.Л., Тихомиров В.Р.*, 1998. № 6. С. 3.

[56] *Никонова А.А., Столяр А.Д.*, 1997. С. 102.

[57] *Хеллин Т.*, 1992. С. 46.

[58] *Держава Рериха.* М.: Изобразительное искусство, 1994. С. 95–96

[59] См.: *Рерих Н.К.* Художественная техника в применении к археологии. [Отчёт о занятиях в ИПАИ]. Без места, б. д. // *Жук А.В.*, 1997. С. 99–100.

[60] См. в наст. изд., разд. II, № 9 и 12.

[61] *Лесман Ю.М.*, 1988. С. 11–12.

[62] *Лебедев Г.С.*, 1977. С. 66.

[63] *Рыбаков Б.А.*, 1993.

[64] См. об этом также в статье *Е.П. Маточкина* в приложениях к наст. изд.

[65] *Чернов А.*, 1999б. С. 29.

[66] *Чернов А.*, 1999а. С. 27.

[67] *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 160.

[68] *Рерих Н.К.*, 1998а. С. 160–161.

[69] *Лихтман М.М.*, 1998. С. 182.

[70] *Мельников В.Л.*, 1998б. С. 111. Здесь же помещён портрет графа Бобринского.

[71] *Рерих Н.К.*, 1995–96. Т. III. С. 98.

[72] *Бобринской А.А.*, 1908. С. 32–39. В более ранних работах графа на эту тему — "Орнамент горных Таджиков Дарваза (нагорная Бухара)" (М., 1900) и "Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии" (М., 1902) — тоже есть подобные сведения.

[73] *Бобринской А.А.*, 1908. С. 108.

[74] *Бобринской А.А.*, 1908. С. 111–114.

[75] Прежде всего см.: *Рерих Н.К.*, 1992б, 1992в, 1994; *Рерих Ю.Н.*, 1994; а также статью *Е.П. Маточкина* в приложениях наст. изд.

[76] См. в наст. изд., разд. III, № LII (7).

[77] *Рерих Н.К.*, 1914. С. 159. См. в наст. изд., разд. III, № XXXIV (2).

[78] Вопрос о влиянии научной деятельности Рериха на его литературное творчество рассмотрен в наст. изд., в приложениях в статье *С.М. Шамина* на примере сказки "Клады" (1912).

[79] Разрушители культуры. 1919. // *Рерих Н.К.* Россия. М.: МЦР, 1994. С. 26.

[80] *Бобринской А.А.*, 1910. С. 3, 5, 6.

[81] Разрушители культуры. 1919. // *Рерих Н.К.* Россия. М.: МЦР, 1994. С. 28.

[82] См. в наст. изд., разд. III, № LIV (4–8).

[83] *Новосельский К.И.*, 1989.

[84] Письмо американским сотрудникам. 1 мая 1946. // *Рерих Н.К.*, 1998б. С. 636.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

акв. — акварель

англ. — английский

археол. — археолог, археологический

б. — бумага

б. д. — без даты

библ. — библиография, библиографический

бр. — бронза

быв. — бывший

веч. — вечерний

вып. — выпуск, выпуски

выс. — высота

выш. — вышина

г. — год, город, господин

гг. — годы, города, господа

г-жа — госпожа

гр. — граф, графиня

греч. — греческий

голл. — голландский

губ. — губерния, губернатор, губернское

д. — деревня, дело

дд. — дела

дер. — деревни

диам., дм — диаметр

доп. — дополнение, дополнительный, дополнительно, дополняющих, дополнить

др. — другой

ед. — единица

ед. хр. — единица хранения

ж. д., ж.-д. — железная дорога, железнодорожный

жен. — женщин

зав. — заведующий

замуж. — замужество

изд. — издание, издатель

ил. — иллюстрация, иллюстрации, иллюстрирование

им. — имени

иссл. — исследование, исследования, исследовал, исследованное, исследователь

к. — копейка, картон

кв. — квартира

кн. — книга, книги, князь, княгиня

кон. — конец

коп. — копейка, копеек

к-рый — который

кург. — курган, курганы, курганный, курганно-...

Л. — Ленинград

л. — лист, листы, литьё

лат. — латинский

М — месье (фр. господин)

М. — Москва

м. — место, местечко, масло

м. б. — может быть

мн. — многие

муж. — мужчин

наб. — набережная

наз. — называемый, называется, называли

назв. — название

наст. — настоящий

нач. — начало

н. ст. — новый стиль

н. э. — наша эра

об. — оборо́т архивного листа

об-во — общество

обл. — область

о-в, о-ва — остров, острова

оз. — озеро

ок. — около

оп. — опись, описи

особ. — особенно, особенный

отд. — отдел, отдельный, отделение

офиц. — официальный
п. — пастель
Пг. — Петроград, Петроградский
период. — периодический
п-ов — полуостров
пос. — посёлок
посв. — посвящается, посвящён, посвящённый
приб. — прибавление
примеч. — примечание, примечания
проф. — профессор
проч. — прочее
публ. — публикация, публикуемый, публикуется
р. — река, рек, рубль
разд. — раздел
рис. — рисунок, рисунки
р-н — район
род. — родился
руб. — рубль, рублей
с. — село, страница, страницы
сб. — сборник
св. — святой, священный, святейший
сер. — середина, серия
след. — следующий
см. — смотри
собр. — собрание, собрания
соотв. — соответствуют, соответственно, соответствующий
соч. — сочинение
СПб. — Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
ср. — сравни
ст. — станция, станица
стр. — страница, страницы
ст. ст. — старый стиль
т. — том, темпера
табл. — таблица, таблицы
т. д. — так далее
т. е. — то есть
тип. — типография, типографский
т. к. — так как
т. н. — так называемый
т. о. — таким образом
т. п. — тому подобное
тт. — тома
т. ч. — том числе
тыс. — тысяча, тысяч
тюрк. — тюркский
у. — уезд, уезды
указ. — указанный, указывает, указание, указывается
ум. — умер
упом. — упоминается, упомянутый, упоминание
урожд. — урождённая (фамилия в девичестве)
ф. — фонд
фин. — финский
фр. — франк, французский
х. — холст
худ. — художественный, художественно
церк. — церковь, церковный
ч. — часть, части
чел. — человек
экз. — экземпляр

СОКРАЩЁННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЕДИНИЦ ВЕЛИЧИН

арш. — аршин
в. — век, вершок
верш. — вершок
га — гектар
д. — дюйм
км — километр
м — метр
саж. — сажень
см — сантиметр
ф. — фут

ОСНОВНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

АГ — Академическая гимназия

АЖ — "Артиллерийский журнал"

АН — Академия наук

АН — "Архитектурное наследство", журнал, М.

БАН — Библиотека Академии наук

БВ — "Биржевые ведомости", газета, Пб.

ВАИ — "Вестник археологии и истории", издание ИПАИ

ВВ — "Вечернее время", газета, Пб.

ВГ — "Вечерняя газета", газета, Пб.

ВЕ — "Вестник Европы", журнал, Пб.

ВЗ — "Вечерний звон", газета, Суздаль

ВИКА —Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах, Вышний Волочёк

ВИМ — Государственный Военно-исторический музей, СПб.

ВМ — "Варшавская мысль", газета

ВМИ — "В мире искусств", журнал, Киев

ВП — "Восточный путь" ("Austrvegr"), журнал, Таллинн

ВП — "Вечерний Петербург", газета

ВР — "Вопросы реставрации", изд. ИАК

ВС — "Военный сборник"

ВСПбГ — "Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства", газета

ВЭГ — "Временник Эстляндской губернии", Ревель

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры

ГАНО — Государственный архив Новгородской области

ГИМ — Центральный Государственный Исторический музей в М. (до 1917 — Императорский Российский Исторический музей)

ГМ — "Голос Москвы", газета

ГМВ — Государственный музей Востока в М. (до 1992 — Музей искусства народов Востока)

ГМФ — Государственный Музейный фонд

ГР — "Голос Руси", газета

ГРМ — Государственный Русский музей

ГУУ — Главное управление уделов министерства Императорского Двора

ГХМ — Художественный музей, Горловка (Украина)

ГЭ — Государственный Эрмитаж, СПб.

ДНР — "Древняя и новая Россия", журнал

ЖВ — "Жизнь Волыни", газета

ЖЛИ — "Журнал любителей искусства", СПб.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЖР — "Живописная Россия", еженедельник, Пб.

ЗИ-БУ — Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Боровичский уезд. Новгород, 1914. Вып. I. Земельный инвентарь

ЗИ-ВУ — Земельный инвентарь Валдайского уезда Новгородской губернии. Новгород: губ. тип, 1902

ЗИРАО — "Записки Императорского Русского Археологического общества", новая серия период. изд., СПб.

ЗОРСА ИРАО — "Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества", период. изд., СПб.

ЗР — "Золотое руно", журнал, М.

ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания

ИАК — Императорская Археологическая комиссия

ИАХ — Императорская Академия художеств

ИВ — "Исторический вестник", ежемесячный петербургский журнал, 1880–1917

ИИАК — "Известия Императорской Археологической комиссии", период. изд., СПб. (Пг.)

ИИЕТ — Институт истории естествознания и техники РАН

ИМАО — Императорское Московское Археологическое общество

ИМАИ — Императорский Московский Археологический институт

ИОЛЕАЭ — "Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии", М.

ИОПХ — Императорское общество поощрения художеств, СПб.

ИПАИ — Императорский Петербургский (с 1914 — Петроградский) Археологический институт

ИПУ — Императорский Петербургский (с 1914 — Петроградский) университет

ИРАО — Императорское Русское Археологическое общество, СПб.

ИРВИО — Императорское Русское Военно-историческое общество, СПб.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН

ИСС — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, СПб.

ИХП — "Искусство и художественная промышленность", период. изд. ИОПХ, СПб.

КИ — "Красная искра", газета, Боровичи

КОМИИ — Костромской областной музей изобразительных искусств

КП — "Калининская правда", газета

КС — "Киевское слово", газета

КСИА — "Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР", М.; Л.

ЛеП — "Ленинский путь", газета, Валдай (Новгородская обл.)

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ныне ИИМК)

ЛП — "Ленинградская правда", газета

МАР — "Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической комиссией", СПб.

МВ — "Московские ведомости", газета

МИ — "Мир искусства", журнал, Пб.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МЛ — "Московский листок", газета

МСССМ — Мемориальное собрание С.С. Митусова, СПб.

МУРИ — Музей-усадьба Н.К. Рериха в Изваре

МХТ — Московский Художественный театр

МОО ЦДК — Межрегиональная общественная организация «Центр духовной культуры», Самара

МЦР — Международный центр Рерихов, Москва

НВ — "Новое время", газета, Пб.

НГОМЗ — Новгородский государственный объединённый музей-заповедник

НЖ — "Новгородская жизнь", газета, выходившая в начале XX в.

НЖ — "Новая жизнь", газета, Бологое (Тверская обл.), вторая половина XX в.

НИС — Новгородский исторический сборник, М.-Л. (СПб.)

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НОЛД — Новгородское общество любителей древности

НП — "Новгородская правда", газета, Новгород

ОВХР — Общество возрождения художественной Руси

ОГ — "Оренбургская газета"

ОЗ — "Отечественные записки", журнал, Пб.

ОЗСРПИС — Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, СПб.

ОИАК — Отчёт(ы) Императорской Археологической комиссии, изд. ИАК

ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Эрмитажа

ОЛ — "Одесский листок", газета

ОПИ — Отдел письменных источников

ОР — Отдел рукописей

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, М.

ОРСА — Отделение русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества

ОС — "Оружейный сборник"

ОХМ — Одесский художественный музей

ПВ — "Правительственный вестник", газета, Пб., 1869—1917

ПВ — "Перед восходом", период. изд. Сибирского Рериховского об-ва, Новосибирск

ПГ — "Петербургская газета"

ПгВ — "Петроградские ведомости", газета (быв. до 1914 СПбВ)

ПгК — "Петроградский курьер", газета

ПК — "Пермский край", изд. Пермского губернского статистического комитета

ПрК — "Приазовский край", газета

ПЛ — "Петербургский листок", газета

ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей

ПО — "Памятники Отечества", период. изд., М.: Русская книга

ПП — "Псковская правда", газета

ПРС — "Петербургский Рериховский сборник", изд. АГ СПбГУ и МСССМ (№ 1 вышел в 1998)

РА — "Российская археология", журнал, М.-СПб.

РА ИИМК — Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук, СПб.

РАН — Российская Академия наук

РБ — "Русский библиофил", журнал, Пб.

РВ — "Русские ведомости", газета, изд. в М. до 1918

РВ — "Рериховский вестник", бюллетень Музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре (издаётся с 1989)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства в М. (до 1992 — ЦГАЛИ)

РГИА — Российский государственный исторический архив, СПб.

РИ — "Русский инвалид", газета, Пб.

РИИИ — Российский институт истории искусств, СПб.

РЗ — "Русское знамя", газета

РМ — "Рижская мысль", газета

РНБ — Российская национальная библиотека (быв. Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) в СПб.

РО — "Русское обозрение", журнал

РР — "Русская речь", газета

РС — "Русское слово", газета, М.

РУ — "Раннее утро", газета

РХЛ — Русская художественная летопись. СПб.: изд. "Аполлона"

РЧ — "Русское чтение", газета

СА — "Советская археология", журнал, М., с 1992 — РА

САИ — Свод археологических источников. М.-Л.

СВ — "Смоленский вестник"

СГ — "Старые годы", журнал, Пб.

СГХМ — Саратовский государственный художественный музей

СЗ — "Современные записки", журнал, Париж

СИПАИ — "Сборник Императорского Петербургского Археологического института"

СМ — "Советская музыка", журнал, М.

СН — "Сельская новь", районная газета, Волосово (Ленинградская обл.)

СНГ — Союз независимых государств

СПбВ — "Санкт-Петербургские ведомости", газета

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

СПбОИИРАН — Санкт-Петербургское отделение Института Истории РАН

СПбУ — "Санкт-Петербургский университет", журнал

СР — сектор рукописей

СС — "Современное слово", газета, Пб.

ТМ — "Тульская молва", газета

ТМЗ — Тобольский музей-заповедник

ТПУАК — Труды Пермской учёной архивной комиссии

УЗ — "Утренняя звезда", альманах МЦР, М.

УР — "Утро России", газета, М.

ХБ — "Хроника и библиография", выпуски прибавлений к ИИАК

ХСР — "Художественные сокровища России", журнал ИОПХ, СПб.

MDZ — Mosk. Deutsche Zeit.

NRM — Nicholas Roerich Museum, N. Y.

SPbH — "Sankt Petersburg Herold", газета

ХЧ — "Христианское чтение", журнал

ЦВ — "Церковный вестник", журнал

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (с 1992 — РГАЛИ), М.

ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские

ЧС — "Черниговское слово", газета

ЭС — Энциклопедический словарь

ЮК — "Южный край", газета, Северный Кавказ

ЮТ — "Южный телеграф", газета

ЛИТЕРАТУРА*

Алёхин А.Д., 1968 — Древнерусским творчеством вдохновляясь. // *Творчество*. М., 1968. № 7.

Алёхин А.Д., 1974 — Николай Константинович Рерих. М.: Знание, 1974. Сер. "Искусство".

Алёхин А.Д., 1993 — Как начинался художник Николай Рерих. // *УЗ*. 1993. № 1. С. 86–97.

Алёхин А.Д., 1994 — Когда начинается художник. М.: Просвещение; Владос, 1991. 2-е изд.

Алпатов М.В., 1977 — Фрески церкви Успения на Волотовом поле. М.: Искусство, 1977.

Амальрик А.С., Монгайт А.Л., 1966 — В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966.

Андреев А.И., 1992а — Санкт-Петербургский Буддийский храм. // *РВ*. 1992. № 4. С. 87–94.

Андреев А.И., 1992б — Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992.

Андреев Е., 1885 — Краткие историко-статистические сведения о церквах и приходах Гдовского уезда. // *ИСС*. 1885. Дополнение.

Аникина И., 1998 — Детство и юность Елены Шапошниковой (Рерих): страницы из жизни петербургской дворянской семьи последней четверти XIX века. СПб.: Университет Санкт-Петербурга, 1998. (На правах рукописи).

Анисимов А.И., 1910 — Историко-археологическая выставка Новгородского общества любителей древности, 22 апреля — 3 мая. // *НЖ*. 16 и 19 мая 1910. № 139 и 140.

Анисимов А.И., 1916 — Исчезающий Новгород // *Речь*. 20 июля 1916. № 197.

Анисимов А.И., 1983 — О древнерусском искусстве. Сборник статей. М.: Советский художник, 1983. Составитель Г.И. Вздорнов.

Антонович В.Б., 1893 — Древности Юго-Западного края: раскопки в стране древлян. // *МАР*. 1893. № 11.

Антонович В.Б., 1895 — Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895.

Анучин Д.Н., 1899 — К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. // *Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые ИМАО*. М., 1899. Т. 3.

Аралова М., 1911 — Пятнадцатый Археологический съезд в Новгороде. // *ИИАК*. 1912. Приб. к № 44. (*ХБ*. № 21). С. 177–194. (Перепечатка из источника 1911 года).

Арсеньев С.В., 1891 — Древности острова Готланда. // *ЗИРАО*. СПб., 1891. Т. V. Вып. 1–2. С. 230–235.

Арциховский А.В., 1956 — Археологическое изучение Новгорода. // *Труды Новгородской археологической экспедиции*. М., 1956. Т. I.

Багажова И., 1995 — Бологое 500 лет. Ржев, 1995.

Барышников М.Н., 1998 — Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб.: Искусство — СПб; Logos; 1998.

Беликов П.Ф., 1960-е — Рерих — мыслитель. 1960-е. Неоконченная рукопись в архиве П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

* Здесь не отмечено большинство изданий ИАК, вошедших в "Хронику и библиографию" (III разд. наст. изд.). Не учтены также многие небольшие публикации в газетах и журналах, упомянутые в примечаниях только раз. То же относится и к большинству изданий, использованных Н.К. Рерихом и его современниками в их текстах. Однако сюда включены некоторые рукописные сочинения, хранящиеся в общедоступных хранилищах.

Беликов П.Ф., 1972 — Рерих и Индия. // *Страны и народы Востока.* Под общей ред. Д.А. Ольдерогге. М.: Наука, 1972. Вып. XIV.

Беликов П.Ф., 1979–82 — Семейство Рерихов (опыт духовной биографии). 1979–82. Авторизованная машинопись в МСССМ.

Беликов П.Ф., Князева В.П., 1972 — Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972. Серия "Жизнь замечательных людей".

Беликов П.Ф., Князева В.П., 1996 — Николай Константинович Рерих. Самара: Агни, 1996. 3-е изд. (1-е изд. в 1972).

Белов Ю., 1998 — По Рериховским местам. // *ВЗ.* 1998. № 37.

Белогорцев И., 1950 — Талашкино. Смоленск: Смолгиз, 1950.

Белодубровский Е.Б., Благово Н.В., Лихачёв Д.С., 1990 — Школа на Васильевском. Л.: Просвещение, 1990.

Беляева Н.А., 1995 — Из документального наследия Н.Е. Бранденбурга (по документам Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН). // *Программа "Храм".* Сборник материалов. Вып. 8. 17-е заседание древнерусского семинара "Храм и Культура". Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга (1839–1903). (Тезисы докладов). СПб., 1995. С. 33–37.

Бенуа А.Н., 1993 — Мои воспоминания. М.: Наука, 1993. 2-е изд. В 2 тт.

Билибин И.Я., 1970 — Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР, 1970.

Билибин И.Я., 1998 — Из стихотворных приветствий и посланий. // *ПРС.* 1998. № 1. С. 267–274.

Бобринской А.А., 1908 — Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и Ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. М., 1908.

Бобринской А.А., 1910 — Доклад Графа Алексея Александровича Бобринского в заседании 17 марта 1910 года VI съезда Уполномоченных Объединённых Дворянских Обществ. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1910.

Бобринской А.А., 1910–13 — Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода. 2-е изд. Вып. I–XI. М., 1010–13.

Богословский А., 1994 — Запретные слова Павла Муратова. // *Человек.* Журнал Института человека РАН. М.: Наука, 1994. № 1. С. 130–132.

Бонгард-Левин Г.М., 1997а — Архивное наследие М.И. Ростовцева. Архивы США и Европы. // *СР.* 1997.

Бонгард-Левин Г.М., 1997б — Индийское путешествие М.И. Ростовцева. // *СР.* 1997.

Бондаренко А.А., 1997 — Идея и программа самообразования Николая Рериха периода учёбы в гимназии К.И. Мая. // *Путник.* Ярославль, 1997. № 2 (8). С. 7.

Бондаренко А.А., 1998 — Слово к 100-летию окончания Н.К. Рерихом Санкт-Петербургского университета. // *ПРС.* 1998. № 1. С. 11–27.

Бондаренко А.А., Мельников В.Л., 1998 — Н.К. Рерих и Петербургский университет. // *СПбУ.* 1998. № 11–12. С. 47–51.

Бондаренко А.А., Мельников В.Л., Тихомиров В.Р., 1998 — О «незримой онтологии» в физике. // *Левша.* Нижний Новгород, 1998. № 4 (12). С. 9. № 5 (13). С. 11. № 6 (14). С. 2–3.

Бондаренко И.Е., 1993 — Записки коллекционера. // *ПО.* 1993. № 29.

Брокгауза—Ефрона ЭС — Российская универсальная энциклопедия. Выпущена акционерным издательским обществом Ф.А. Брокгауз—И.А. Ефрон (СПб., 1890–1907, 82 ос-

новных и 4 дополнительных тт.; первые 8 тт. под ред. И.Е. Андриевского, остальные — под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского). В 1911–16 выпускался Новый энциклопедический словарь (вышло 29 тт. из намеченных 48). В наст. изд. использовано современное мультимедийное переиздание биографий из этих тт., названное "Биографии России" (1997).

Брюсов В.Я., 1994 —Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1994. (*Литературное наследство*. Т. 98).

Брюсова В.Г., 1969 — Фрески Ярославля XVII — начала XVIII века. М., 1969.

Булкин В.А., 1998 — Нередица. // *София*. Новгород: изд. Новгородской епархии при участии журнала "Нева", 1998. № 3. С. 11–15.

Булкин В.А., Овсянников О.В., 1981 — По Неве и Волхову. Л.: Искусство, 1981.

БЭС. 1998 — Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., переработанное и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт; 1998.

Варенцов В.А., Коваленко Г.М., 1991 — Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII века. Л.: Лениздат, 1991.

Васнецов А.М., 1914 — Древнее симеизское кладбище. // *Древности*. М.: ИМАО, 1914. Т. XXIV. С. 324–438.

Введение в культурологию, 1996 — Введение в культурологию. Учебное пособие для вузов. Руководитель авторского коллектива и отв. ред. Е.В. Попов. М.: ВЛАДОС, 1996.

Вёдров С., [1907–08] — Фёдор Александрович Теплоухов. [Оттиск некрологов]. СПб., тип. М.П. Фроловой, [1907–08]. С. 1–2. (Экз. в БАН).

Вейбулль Й., 1994 — Краткая история Швеции. Стокгольм: Шведский институт, 1994.

Вернадский В.И., 1988 — Письма Н.Е. Вернадской. М.: Наука, 1988.

Веселовский Н.И., 1906 — В защиту русских археологов. // *НВ*. 25 октября 1906. № 10998.

Вздорнов Г.И., 1975 — Архивные материалы по истории древнерусского искусства. // *Археографический ежегодник за 1974 год*. М., 1975.

Вздорнов Г.И., 1986 — История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986.

Вздорнов Г.И., 1993 — Из переписки А.И. Анисимова и В.Т. Георгиевского с И.Э. Грабарём (1918–19). // *ПО*. 1993. № 30.

Виноградов А.Н., 1878/79 — Палеографическая коллекция князя П.А. Путятина. СПб., 1879/79.

Висковатов П.А., 1893 — Пюхтицкое древнее кладбище. // *ВЭГ*. 1893. Кн. I. С. 237–244.

Власов В.Г., 1993 — Иллюстрированный художественный словарь. СПб.: АО "ИКАР", 1993.

Воронин Н.Н., 1954 — Древнее Гродно. М.-Л., 1954.

Воронов В., 1917 — Керамика Вяжищского монастыря. // *ИИАК*. 1917. № 64. (*ВР*. № 18). С. 32–39.

Воронова О.П., 1986 — Куинджи в Петербурге. Л.: Лениздат, 1986.

"В поисках истоков...", 1996 — Программа научно-практического семинара "В поисках истоков...", посв. археологической деятельности Н.К. Рериха. Извара. Музей-усадьба Н.К. Рериха. 13 октября 1996.

Врангель А., 1859 — Курганы в Ямбургском уезде С.-Петербургской губернии. // *Известия ИРАО*. 1859. СПб. Т. I.

Врангель Н.Н., 1911 — Собрание И.С. Остроухова в Москве. // *Аполлон*. 1911. № 10.

Врубель М.А., 1963 — Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Л.-М.: Искусство, 1963.

Гальковский Н.М., 1916 — Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков: Епархиальная тип., 1916.

Гарновский В.В., 1966 — Стоянки на средней Мсте и в окрестностях города Боровичей. // *СА*. 1966. № 4. С. 156–160.

Гейкель Г.К., 1911 — Из финляндской археологической литературы. // *ИИАК*. 1911. № 38.

Гидони А.И., 1915 — Творческий путь Рериха. // *Аполлон*. 1915. № 4–5.

Голубева О.Д., 1991 — Автографы заговорили. М.: Книжная палата, 1991.

Горюнов В.С., Тубли М.П., 1994 — Архитектура эпохи модерна. Концепции. Направления. Мастера. СПб.: Стройиздат СПб., 1994.

Горюнова Е.И., 1961 — Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. (*МИА*. № 94).

Грабарь И.Э., 1909–16 — История русского искусства. М.: изд. И. Кнебель, 1909–16.

Грабарь И.Э., 1922 — Пётр Петрович Покрышкин. // *Среди коллекционеров*. 1922. № 3. С. 33–34.

Гребельский П.Х., 1993 — Князья Путятины. // *Дворянские роды Российской империи*. Т. I. Князья. СПб.: ИПК "Вести", 1993.

Грюнведель А., 1904 — Отчёт об археологических исследованиях Турфана и его окрестностей. // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. 1904. № 3.

Гумилёв Н.С., 1991 — В огненном столпе. М.: Советская Россия, 1991.

Гурвич И.Н., 1962–69 — Учитель Академик Николай Константинович Рерих. 1962–69. // Экз. рукописи в ОР РНБ и ЦГАЛИ СПб., препринт в МСССМ.

Гурулева В.В., 1991 — Византийская нумизматика в Эрмитаже. // *Византиноведение в Эрмитаже*. Л., 1991.

Данилевич Н., 1992 — Жизнь и дело Марии Тенишевой. // *ПО*. 1992. № 28. С. 83–90.

Данилов И.Г., 1879 — Заметка о курганах и раскопках в 1878 г. в деревне Новосиверской. // *СИПАИ*. 1879. Кн. II. Отд. 1. С. 106–112.

Данилов И.Г., 1880 — Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. // *СИПАИ*. 1880. Кн. III. Отд. I. С. 20–41.

Девель Т.М., 1950 — Обозрение коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР. // *СА*. 1950. Т. XII.

Десятилетие ресторана "Вена", 1913 — Литературно-художественный сборник. СПб., 1913.

Доманская Э.С., Анищенко Ж.Г., 1980 — Архивы фотодокументов Института археологии. // *КСИА*. 1980. № 163.

Дополнения к Актам историческим, 1846 — Дополнения к Актам историческим. Т. I. СПб., 1846.

Дроздович И.М., 1912 — Развалины Трокского замка. // *ИИАК*. 1912. Приб. к № 44. (*ХБ*. № 21). С. 81.

Дубов И.В., 1989 — Н.К. Рерих и его археологические изыскания в Ярославской губернии. // *Великий Волжский путь*. Л.: изд-во ЛГУ, 1989. С. 207, 238–241.

Дэвлет М.А., 1980 — Петроглифы Мугур-Саргол. М.: Наука, 1980.

Дэвлет Е.Г., 1999 — Н.К. Рерих и использование культурного наследия. // *Труды V Рериховских чтений в Новосибирске.* (Ноябрь 1997; готовится к печати в 1999). Ср.: *ПВ.* 1997. № 11 (43). С. 3.

Екатеринодар — Краснодар, 1993 — *Екатеринодар — Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...* Материалы к Летописи. Краснодар: Книжное изд-во, 1993.

Елецкая быль, 1994 — Краеведческий сб. Липецк,1994. № 1.

Ендольцев Ю.А., 1997 — Санкт-Петербургский университет на страницах возвращённой мемуарной литературы. // *СПбУ.* 1997. № 6 (3440). С. 15–17.

Ефремов Ю.К., 1978 — Учёный и путешественник. // *Н.К. Рерих. Жизнь и творчество.* Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1978.

Жебелёв С.А., 1915 — Учёные заслуги Б.В. Фармаковского. // *Отчёт ИМАО.* М., 1915. С. 13–21.

Жебелёв С.А., 1923 — Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. I: История археологического знания.

Жервэ Н.Н., 1992 — Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX века. // *РА.* 1992. № 6.

Жервэ Н.Н., 1994 — Археологическая деятельность и коллекции В.С. Передольского в оценке А.А. Иностранцева. // *Вопросы геологии и археологии.* Тезисы докладов международного симпозиума, посвящённого 150-летию со дня рождения профессора Санкт-Петербургского университета, члена-корреспондента РАН, Александра Александровича Иностранцева. СПб., 1994. С. 59–60.

Жервэ Н.Н., 1995 — Петербургский археологический центр и изучение древностей Новгородской земли (XIX – начало XX вв.). // *Санкт-Петербург и отечественная археология.* Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". СПб., 1995. Вып. 1.

Жервэ Н.Н., 1998а — "Иже нарекается Сыркова пустыня на речке Веряжи..." // *Где Святая София, там и Новгород.* СПб.: журнал "Нева", 1998. С. 260–266.

Жервэ Н.Н., 1998б — Николо-Вяжищский монастырь. // *Где Святая София, там и Новгород.* СПб.: журнал "Нева", 1998. С. 251–259.

Жервэ Н., Секретарь Л., 1998 — Десятинный монастырь. // *Где Святая София, там и Новгород.* СПб.: журнал "Нева", 1998. С. 237–242.

Жук А.В., 1997 — "Художественная техника для археологов" Н.К. Рериха. // *Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.* Омск, 1997. С. 78–102.

Жукова Н., 1998 — Тайна Девассари. // *ПВ.* 1998. № 3 (47). С. 7–9.

Журавлёва Л.С., 1969 — Смоленский областной музей изобразительных искусств. "Теремок". Филиал музея. Смоленск, 1969.

Журавлёва Л.С., 1971 — Жизнь, отданная искусству. // *Художник.* М., 1971. № 7.

Журавлёва Л.С., 1974 — Теремок. М.: Московский рабочий, 1974.

Журавлёва Л.С., 1978 — Н.К. Рерих в Талашкине. // *Н.К. Рерих. Жизнь и творчество.* Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1978.

Журавлёва Л.С., 1989 — Талашкино. М.: Изобразительное искусство, 1989.

Журавлёва Л.С., 1990 — «Придите и владейте мудрые...». Смоленск, 1990.

Журавлёва Л.С., 1994 — Княгиня Мария Клавдиевна. Смоленск: Полиграмма, 1994.

Журавлёва Л.С., 1995 — Талашкино. Сб. документов. Автор-составитель Л. Журавлёва. Смоленск, 1995.

Забочень М., Бабинцев С., 1982 — Произведения Н.К. Рериха на открытках. // *Советский коллекционер*. М., 1982. № 20.

Замятнин С.Н., 1948 — Миниатюрные кремнёвые скульптуры. // *СА*. М.-Л., 1948. № 10.

Зелинский А., 1962 — Забытый памятник русского искусства. // *Искусство*. М., 1962. № 3.

ЗИ-БУ, 1914 — Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Боровичский уезд. Новгород, 1914. Вып. I. Земельный инвентарь.

ЗИ-ВУ, 1902 — Земельный инвентарь Валдайского уезда Новгородской губернии. Новгород: губ. тип, 1902.

Зимина М.П., 1981 — Каменный век бассейна реки Мсты. М.: Наука, 1981.

Зимина М.П., 1996 — Мстинская культура. // *Неолит северной Евразии*. М., 1996.

Золин П.М., 1979 — Юрьево. Л.: Лениздат, 1979.

Золотницкий И.П., 1885 — По Новгородской дороге. [Путеводитель]. СПб., 1885.

Зуев В.Ю., 1997 — М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника. // *СР*. 1997.

Иванов В.Н., 1939 — Рерих — художник-мыслитель. 1935. // *РЕРИХ*. Рига: изд. Музея Рериха, 1939. Ч. I. С. 41–189.

Иванов М.А., 1989 — Находка подтверждает версию. // *НЖ*. Бологое. 26 сентября 1989.

Иванов М.А., 1990 — Путятины. Кто они? // *НЖ*. Бологое. 24 июля 1990.

Иванов М.А., 1992 — Краеведческий материал по истории г. Бологое (в помощь преподавателям). Бологое, 1992.

Иванов М.А., 1994 — Путятины в эмиграции. // *НЖ*. Бологое. 27 августа, 22 октября 1994.

Иванов М.А., [1995] — Бологое на Валдае. Бологое, [1995].

Иванов М.А., 1998 — На родине предков Елены Рерих: озеро Пирос и Рютинская волость. // *ПРС*. 1998. № 1. С. 119–128.

Ивановский Г., 1974а — Неолитический могильник у озера Шерéгодро. // *КИ*. 20 июля 1974.

Ивановский Г., 1974б — Загадка с янтарём. // *НП*. 9 августа 1974.

Ивановский Л.К., 1880 — Курганы Водской пятины Новгородской земли. // *Известия ИРАО*. СПб., 1880. Т. IX. С. 93–101.

Иваск У.Г., 1911 — Материалы для библиографического указателя трудов и изданий А.А. Титова. // *РБ*. 1911. № 7.

Иконникова С.Н., 1996 — Н.К. Рерих о мире через культуру. // *История культурологии*. Идеи и судьбы. СПб., Академия культуры, 1996. С. 161–174.

Исланова И.В., 1997 — Археологические древности Вышневолоцкого края. // *ВИКА*. 1997. № 1. С. 13–29.

ИСС, 1883 — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. VIII. Царскосельский и др. у.

ИСС, 1885 — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1885. Вып. X. Петергофский, Гдовский и Ямбургский уезды. С приложениями.

Кайдаш С., 1993 — Молодые годы Елены Рерих. // *УЗ*. 1993. № 1. С. 138–156

Казанская Л., 1990 — Степан Митусов. // *СМ*. 1990. № 12.

Каковкин А.Я., 1991 — Я.И. Смирнов. // *Византиноведение в Эрмитаже*. Л.: ГЭ, 1991.

Капланова С.Г., 1979 — Новое о Кустодиеве. М.: Изобразительное искусство, 1979.

Каргер М.К., 1966 — Новгород Великий. Л.-М.: Искусство, 1966.

Карева И.И., 1975 — Юрьев монастырь. История. Строительные периоды. Реставрация. Новгород: НГОМЗ, 1975.

Карклиня И., 1997 — Капли живой воды. Самара: Агни, 1997.

Кирилл Владимирович, 1996 — Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996.

Клейн Л.С., 1995 — Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии. // *Санкт-Петербург и отечественная археология*. Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". СПб., 1995. Вып. 1.

Князева В.П., 1968 — Н. Рерих. М.: Искусство, 1968.

Князева В.П., 1994 — Николай Рерих. СПб., 1994.

Ковалёва В.М., 1977 — Нередица. Новгород: НГОМЗ, 1977.

Козочкина А.М., Перегудова З.И., 1974 — Н.К. Рерих о раскопках в Новгороде. // *НП*. 18 октября 1974. С. 4.

Колчин Б.А., 1971 — Новгородские древности. Резное дерево. // *Археология СССР*. Свод археологических источников. (EI-55). М.: Наука, 1971.

Колчин Б.А., Янин В.Л., 1982 — Археологии Новгорода 50 лет. // *Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода*. М.: Наука, 1982.

Кольчатов В.А., 1982 — О времени заселения Ижорского плато. // *Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья*. Л., 1982. С. 62–63.

КОМИИ, 1980 — *Костромской областной музей изобразительных искусств*. Русское дореволюционное искусство. Живопись, графика, скульптура. Каталог. Л: Художник РСФСР, 1980.

Конецкий В.Я., 1985 — О "каменных кругах" юго-западного Приильменья. // *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Л.: Наука, 1985.

Конова Л.С., 1996 — Общество Поощрения Художеств. // *ЖЛИ*. Декабрь 1996. № 4. С. 48–55.

Корнилова А.В., Экк А.Э., 1978 — Н.К. Рерих в Изваре. // *Н.К. Рерих. Жизнь и творчество*. Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1978.

Короткина Л.В., 1985 — Рерих в Петербурге — Петрограде. Л.: Лениздат, 1985.

Короткина Л.В., 1989 — Работа Н.К. Рериха с архитекторами А.В. Щусевым и В.А. Покровским. Эскизы к монументальным росписям и мозаики. // *Музей-10. Художественные собрания СССР*. М.: Советский художник, 1989. С. 156–161.

Короткина Л.В., 1998а — Образ "древа жизни" в творчестве Н.К. Рериха. // *ПРС*. 1998. № 1. С. 213–222.

Короткина Л.В., 1998б — Картина Н.К. Рериха "Сокровище ангелов" (1904–1905). // *ПРС*. 1998. № 1. С. 280–292.

Косачёва Р., 1966 — Письма И. Стравинского к Н.К. Рериху. // *СМ*. 1966. № 8.

Кривошей В.А., 1984. — Индийская и русская культуры в мировоззрении Н.К. Рериха. // *IV Рериховские чтения*. Улан-Удэ, 1984. Новосибирск, 1985.

Кривощёков И.Я., 1911 — Пермь Великая, её живая старина и вещественные памятники. // *Материалы по изучению Пермского края*. Пермь, 1911. Вып. IV.

Крылов В.М., 1994 — Бранденбург. // *Отечественная история*, 1994. Т. 1. С. 283.

Культурология, 1998 — Учебник для студентов технических вузов. М.: Высшая школа, 1998.

Курбатов А.В., 1995 — Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области. // *Лапшин В.А.*, 1995. С. 179–193.

Курочкин Г.Н., 1995 — Большая охота за сибирским "могильным золотом". // *Санкт-Петербург и отечественная археология*. Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". СПб., 1995. Вып. 1.

Кутепов Н.М., 1899 — Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии. Под ред. Н.М. Кутепова. СПб., 1899.

Кузнецова И.Н., 1998 — Николай Рерих. Из собрания Нижегородского художественного музея. Самара: изд. дом "Агни", 1998.

Лазаревич О.В., Молодин В.И., 1997 — Археологическое исследование культуры кочевников Центральноазиатской экспедицией под руководством Н.К. Рериха в 1924–28 гг. Новосибирск, 1997. Рукопись в МСССМ.

Лапшин В.А., 1990 — Археологическая карта Ленинградской области. Л., 1990. Ч. 1. Западные районы.

Лапшин В.А., 1995 — Археологическая карта Ленинградской области. СПб., 1995. Ч. 2. Восточные и северные районы.

Ларичев В.Е., 1993 — Н.К. Рерих и сотоварищи в Сибири. // *Рерих и Сибирь*. Новосибирск: кн. изд-во, 1993.

Ларичев В.Е., Ромм В.В., 1994 — Пляска Юпитера (реконструкция танца эпохи мальтинской культуры). // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1994. № 3.

Ларичев В.Е., Ромм В.В., 1995а — Пляска Юноны (семантика туроня и опыт реконструкции танца древнекаменного века). // *Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1995.

Ларичев В.Е., Ромм В.В., 1995б — Пляска Минотавра. // *Методы естественных наук в археологических реконструкциях*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1995. Ч. II.

Лебедев Г.С., 1977 — Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977.

Лебедев Г.С., 1982 — Археологическое изучение Новгородской земли. // *НИС*. Л.: Наука, 1982. № 1 (11).

Лебедев Г.С., 1992 — История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: изд. СПбГУ, 1992.

Лебедев Г.С., 1995 — Петербург как центр региональной археологии. // *Санкт-Петербург и отечественная археология*. Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". СПб., 1995. Вып. 1.

Лебедев Г.С., 1996 — "Из варяг в греки" — под парусом и на вёслах. // *ВП*. 1996. № 2.

Левина Р.Ш., 1980 — Из истории библиотеки ЛОИА. // *КСИА*. 1980. № 163.

Леонтьев А.Е., 1975 — Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.): Автореферат кандидатской диссертации. М., 1975.

Леонтьев А.Е., 1996 — Археология Мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Лесман Ю.М., 1988 — Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV (синхронизация вещевых комплексов). Кандидатская диссертация. М., 1988.

Лихтман М.М., 1998 — Николай Рерих и наука. (Перевод Ю.Ю. Будниковой). // *ПРС.* 1998. № 1. С. 182–190.

Лукашов А.М., 1989 — Н. Рерих из собрания Государственной Третьяковской галереи. М.: Изобразительное искусство, 1989.

Лукомский Г.К., 1913 — Общество защиты памятников искусства. // *Аполлон.* 1913. Апрель. № 4.

Макаренко Н.Е., 1911 — Археологические исследования 1907–09 годов. // *ИИАК.* 1911. № 43. СПб.: тип. ГУУ.

Макаренко Н.Е., 1916 — Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель. Пг.: изд. Общины св. Евгении, 1916.

Маковская Л.К., 1996 — Автографы Н.К. Рериха в документальном фонде Государственного Военно-исторического музея. //*"В поисках истоков..."*, 1996. Стенограмма в МСССМ.

Маковский С.К., 1907 — Н.К. Рерих. // *ЗР.* 1907. № 4.

Маланин И.Д., 1989 — Следовики. // *ПО.* 1989. № 1 (19). С. 130–134.

Малков Ю.Г., 1983 — Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год). // *Древний Новгород:* История. Искусство. Археология. Новые исследования. Сборник статей. М.: Изобразительное искусство, 1983. С. 346–350.

Манджу Тхакур, 1996 — Древняя Русь. Славянский цикл в творческом наследии Н.К. Рериха (до 1916 года). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1996.

Мантатов В.В., 1984 — Эстетический пантеизм Н.К. Рериха. // *IV Рериховские чтения.* Улан-Удэ, 1984. Новосибирск, 1985.

Мантатов В.В., 1988 — Философия культуры Н.К. Рериха и гуманистический стиль мышления. // *Философия: история и современность.* М., 1988.

Марков А.К., 1910 — Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

Материалы... 1915 — Материалы для биографического словаря членов Императорской Академии Наук. Пг., 1915.

Маточкин Е.П., 1984 — Каменный век в творчестве Н.К. Рериха. // *IV Рериховские чтения.* Улан-Удэ, 1984. Новосибирск, 1985.

Маточкин Е.П., 1998 — К 100-летию "Тонца". // *ПРС.* 1998. № 1. С. 191–204.

Маточкин Е.П., Мельников В.Л., 1999а — Идолы в произведениях Н.К. Рериха. // *Труды V Рериховских чтений в Новосибирске.* (Ноябрь 1997, готовится к печати в 1999). Ср.: *ПВ.* 1997. № 11 (43). С. 3.

Маточкин Е.П., Мельников В.Л., 1999б — Пермский звериный стиль в творчестве Н.К. Рериха. // *Труды V Рериховских чтений в Новосибирске.* (Ноябрь 1997; готовится к печати в 1999).

Мельников В.Л., 1994 — Памятник. (К юбилеям Н.А. Римского-Корсакова и Н.К. Рериха). // *Музыкальная академия.* М., 1994. № 2. С. 164–169.

Мельников В.Л., 1995а — Находки в Краснодаре. ("Щирый батька Михайло Осипович Микешин". Кубанский Третьяков). // *Нива России.* М. 23 октября 1995.

Мельников В.Л., 1995б — Н.К. Рерих в Екатеринодаре–Краснодаре. // *Российские вести на Дону и Кубани.* Краснодар. 20 декабря 1995. № 241 (914).

Мельников В.Л., 1996 — К столетию начала деятельности Н.К. Рериха в Императорском Русском Археологическом обществе. // *ПВ.* 1996. № 11 (31). С. 6–7.

Мельников В.Л., 1997а — Николай Рерих и Императорское Русское Археологическое общество. // *СПбУ*. 1997. № 3 (3437) С. 22.

Мельников В.Л., 1997б — Союз Муз и Закон Прекрасного. // *ПВ*. 1997. № 4 (36). С. 8–10. № 5 (37). С. 6–9.

Мельников В.Л., 1997в — Н.К. Рерих и Петербургская палеоэтнологическая школа. // *Традиции отечественной палеоэтнологии*. Тезисы докладов Международной конференции. СПб.: изд. СПбГУ, 1997. С. 41–43.

Мельников В.Л., 1997г — Находки в Краснодаре. (Н.К. Рерих о Кавказе и юге России). // *Путник*. Ярославль, 1997. № 3 (9). С. 4–5.

Мельников В.Л., 1998а — О наследии Н.К. Рериха в ИИМК РАН. // *Левша*. Нижний Новгород, 1998. № 1 (9). С. 3. № 2 (10). С. 2–3.

Мельников В.Л., 1998б — Н.К. Рерих и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа. // *ПРС*. 1998. № 1. С. 102–118.

Мельников В.Л., 1998в — Н.К. Рерих и издательство "Свободное искусство" (1916–1918). // *ПРС*. 1998. № 1. С. 293–340.

Мельников В.Л., 1998г — Н.К. Рерих и Вышневолоцкий край. // *Дельфис*. М., 1998. № 2 (15). С. 42–47. № 3 (16). С. 41–46.

Мельников В.Л., 1998д — Николай Рерих в Шлиссельбурге. // *Ладога*. Ленинградская обл., г. Кировск. 30 апреля 1998. С. 7.

Мельников В.Л., 1998е — Этические взгляды Н.К. Рериха и проблемы общения. // *Специализация школы. Нервно-психическая адаптация*. Сб. материалов Всероссийской школы-семинара. СПб. — Старый Петергоф, 1998. С. 180–189.

Мельников П.И., 1841 — Дорожные заметки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. // *ОЗ*. 1841. № 9.

Милюков П.Н.,1899 — Отчёт о раскопках рязанских курганов летом 1896 г. // *Труды X Археологического съезда*. М., 1899. Т. I. С. 14–137.

Милюков П.Н.,1993 — Очерки по истории русской культуры. М.: Прогресс; Культура; Труд; 1993. Т. I.

Митусов С.С.,Стравинский И.Ф., 1994–97 — Фрагменты из переписки С.С. Митусова и И.Ф. Стравинского. (1909–25). Публ. Ю.Ю. Будниковой и В.Л. Мельникова. // *УЗ*. М.: МЦР, 1994–97. № 2–3.

Михайлов М.К., 1962 — Анатолий Константинович Лядов. Л.: ЛГМИ, 1962.

Мокина Т.М., 1998 — Картины из коллекции Н.К. Рериха в Государственном Эрмитаже. // *ПРС*. 1998. № 1. С. 205–207.

Монгайт А.Л., 1955 — Археология в СССР. М.: изд. АН СССР, 1955.

Монгайт А.Л., 1974 — Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974.

Мунин А., 1964 — Север и художники. (Глава "Картины русской старины"). Вологда, 1964.

Муравьёв М.В., [1927] — Новгород Великий. Л., [1927].

Муратов П., 1914 — Древнерусская живопись в собрании И.С. Остроухова. М., 1914.

Муратова К.Д., 1958 — Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.-Л., 1958.

Мусатов В., 1998а — Старица Мария Михайловна. // *Где Святая София, там и Новгород*. Журнал "Нева". СПб., 1998. С. 379–383.

Мусатов В., 1998б — Тайна Веры — Молчальницы. // *Где Святая София, там и Новгород.* Журнал "Нева". СПб., 1998. С. 266–268.

Мяло К., 1998 — Звезда волхвов, или Христос в Гималаях. М.: Беловодье, 1998.

Набойщиков Г., 1974 — Эскизы созданы в Пскове. // *ПП.* 10 декабря 1974.

Неверов О.Я., 1993 — Боткин. // *Санкт-Петербург и античность.* СПб., 1993.

Неволин К.А., 1853 — О пятинах и погостах Новгородских. // *Записки Императорского Русского Географического общества.* СПб., 1853. Кн. VIII.

Нестеров М.В., 1985 — Воспоминания. М.: Советский художник, 1985.

Нидерле Л., 1898 — Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и, в частности, славянских земель. Перевод с чешского Ф.К. Волкова, под ред. Д.Н. Анучина. 459 рис. и карт. СПб.: изд. Л.Ф. Пантелеева, 1898.

Николаев С.Ф., 1957 — Хранители леса. Александр Ефимович и Фёдор Александрович Теплоуховы. Пермь, 1957. Серия "Замечательные люди Прикамья".

Никонова А.А., Столяр А.Д., 1997 — Н.К. Рерих об отношении древнего искусства и археологии. // *Гуманитарный вектор.* Вестник Забайкальского отделения Академии гуманитарных наук. Чита, 1997. С. 101–102.

Новосельский К.И., 1984 — Урал и Рерих. // *Вечерний Свердловск.* 16 июня 1984.

Новосельский К.И., 1989 — Проект карты "Держава Рерихов". // *Матерь Агни Йоги.* Материалы конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения Е.И. Рерих. Новосибирск: Детская литература, 1989. С. 77–81.

Носов Е.Н., 1982 — Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении). // *НИС.* Л.: Наука, 1982. № 1 (11).

Носов Е.Н., 1990 — Новгородское (Рюриково) Городище. Л.: Наука, 1990.

Носов Е.Н., 1995 — Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города). // *НИС.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. № 5 (15).

Оборин В.А., Чагин Г.Н., 1988 — Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.

Окладников А.П., 1968 — Лики древнего Амура. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1968.

Окладников А.П., 1971 — Искусство эпохи палеолита. // *История искусства народов СССР.* М.: Изобразительное искусство, 1971. Т. 1.

Окладников А.П., 1974 — Петроглифы Байкала. Новосибирск: Наука, 1974.

Окладников А.П., 1980 — Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука, 1980.

Окладникова Е.А., 1979 — Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1979.

Орлов И.И., 1903 — Смоленская стена. Смоленск, 1903.

Орлов С.Н., 1969 — Памятники I тыс. н. э. на территории Ленинградской и Новгородской областей. 1969. Рукопись. Хранится на кафедре археологии СПбГУ.

Орлов С.Н., 1973 — Находки янтарных изделий у озера Шере́годро. // *КИ.* 24 октября 1973.

Осетров Е., 1984 — Живая Древняя Русь. М., 1984.

Осокин В.Н., Рыбченков Б.Ф., Чаплин А.П., Фёдоров В.В., 1967 — Художники земли Смоленской. Л.: Художник РСФСР, 1967.

Острой О.С., 1995 — [Биографическая справка]. // *Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры.* Биографический словарь. Т. I. СПб.: изд-во РНБ, 1995. С. 166–168.

Остроумов И.Г., 1905 — Ф.А. Теплоухов: биография. // *Отчёт Пермского Музея за 1904*

год. Изд. Пермского Научно-Промышленного Музея. Пермь: тип. "Пермского края", 1905. С. 1–11.

Отечественная история, 1994 — Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия. Начато издание в 1994. В 5 тт.

Охрана памятников, 1978 — Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX в. Сборник документов. М.: Наука, 1978.

Пескарёва К.М., Владимирова Т.Т., 1980 — Рукописные архивы Института археологии АН СССР. // *КСИА.* 1980. № 163.

Пескарёва К.М., Рябинин Е.А., 1984 — Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии). // *СА.* 1984. № 4. С. 299–307.

Петрицкий В.А., 1995 — Вехи времени. Рукописи и инскрипты деятелей культуры русского зарубежья в частном собрании. СПб.: РНБ, 1995.

Петров Ю.А., 1997 — Рябушинские и их вышневолоцкое предприятие. // *ВИКА.* 1997. № 1. С. 54–65.

Петрова Л.И., 1995 — О культурном слое Новгородского кремля. // *НИС.* СПб.: Дмитрий Буланин,1995. № 5 (15).

Петрова Л.И., Трояновский С.В., 1995 — Сводный план раскопов, шурфов и участков наблюдений за земляными работами на территории Новгородского кремля. (1839–1993). // *НИС.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. № 5 (15). С. 25–75

Печёнкин Н.М., 1905 — Памяти Н.Е. Бранденбурга. // *АЖ.* 1905. № 7.

Платонова Н.И., 1996 — Новые исследования древнерусского могильника "Озёра–1" на Ижорском плато. 1996. Рукопись в научном архиве МУРИ.

Плетнёв В.А., 1903 — Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903.

Покрышкин П.П., 1919 — О способах и мерах по сохранению фресок церкви Спаса Нередицы. 1919. // РА ИИМК, ф. 67, № 8, л. 59–74 об.

Полевая М.И., 1983 — "Знание будет сочетаться с искусством". // *Нева.* 1983. № 11.

Полевая М.И., 1986 — Письма Рериха. // *ЛП.* 16 марта 1986.

Полевая М.И., 1991 — Письма Н.К. Рериха А.Л. Липовскому из фондов Изварского музея. // *РВ.* 1991. № 2.

Полевая М.И., 1994а — Забытый меценат. // *РИ.* Март–апрель 1994. № 3–4 (20–21). С. 16–18.

Полевая М.И., 1994б — Семья адмирала. // *РИ.* Май–июнь 1994. № 5–6 (22–23). С. 16–18.

Полевая М.И., 1997 — В.В. Голубев: статьи о Востоке и об искусстве. // *Ариаварта.* 1997. № 1. СПб.

Полунина Н., Фролов А., 1993 — Русские коллекционеры. Опыт биографического словаря. // *ПО.* М.: Русская книга, 1993. № 29. С. 111–161.

Полякова Е.И., 1973 — Николай Рерих. М.: Искусство, 1973.

Попов А.С., 1981 — В поисках Дивьего камня. М.: Московский рабочий, 1981.

Попов Н.П., 1916 — Общество возрождения художественной Руси. Список помеченных годами славянских рукописей, имеющих художественное значение. Пг., 1916. Вып. I. Патриаршее Древлехранилище в Москве. Составитель *Н.П. Попов.*

Порфиридов Н.Г., 1982 — Воспоминания. // *НИС.* Л.: Наука, 1982. № 1 (11).

Протоколы соглашения ИАК... 1889 — Протоколы соглашения Имп. Археологической комиссии с учёными обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании Высочайшего повеления, объявленного министром Имп. двора в предложении от 11 марта 1889 г. СПб., 1889.

Пруслина К.Н., 1974 — Русская керамика (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1974.

ПСЗ, 1861 — Полное собрание законов Российской империи (второе собрание). СПб., 1861. Т. 34. Отд. 1.

Пятницкий Ю.А., 1991 — Русский Археологический институт в Константинополе. // *Византиноведение в Эрмитаже*. Л.: ГЭ, 1991. С. 31–40.

Раевская А.М., 1876 — Донесение о раскопках в урочище Чёрном. // *ИОЛЕАЭ*. 1876. Т. XX. Кн. 2. Вып. 1. С. 31–33.

Раппопорт П.А., 1972 — Церковь Василия в Овруче. // *СА*. 1972. № 1.

Редин Е.К., 1897 — Профессор Никодим Павлович Кондаков. К 30-летней годовщине учёно-педагогической деятельности. // *ЗИРАО*. СПб., 1897. Т. IX. Вып. 3–4. С. 1–41.

Репин И.Е., 1952 — Письма к художникам и художественным деятелям. М.: Искусство, 1952.

Рерих Е.И., 1950–55а — Герб рода Голенищевых-Кутузовых. 1950–55. Машинопись в МСССМ и архиве П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

Рерих Е.И., 1950–55б — Род Шапошниковых. 1950–55. Машинопись в МСССМ и архиве П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

Рерих Е.И., 1950–55в — Род Путятиных. 1950–55. Машинопись в МСССМ и архиве П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).

Рерих Е.И., 1992 — *Ж. Сент-Илер* [*Е.И. Рерих*]. Криптограммы Востока. 2-е изд. Рига: УГУНС, 1992.

Рерих Е.И., 1992–93 — Письма. 1929–55. В 3 тт. Новосибирск, 1992–93.

Рерих Е.И., 1993 — У порога Нового Мира. М.: МЦР, 1993.

Рерих Н.К., 1899 — Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. (Раскопки, произведённые в 1899 г. по поручению ИРАО). СПб., 1899. Отд. оттиск из *ЗИРАО* (Т. XI. Вып. 1–2. С. 349–377).

Рерих Н.К., 1900 — Экскурсия Археологического Института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии. // *ВАИ*. 1900. Т. XIII. С. 102–114.

Рерих Н.К., 1901 — К древностям Валдайским и Водским. (Раскопки 1900 г.). // *ИИАК*. 1901. № 1. С. 60–68. (См. № VIII разд. III наст. изд.).

Рерих Н.К., 1903 — Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. (Раскопки, произведённые в 1902 г. по поручению ИРАО). // *ЗОРСА ИРАО*. Т. V. Вып. 1. С. 14–43. Табл. I–III. Отдельный вып.: СПб., 1903. 30 с.

Рерих Н.К., 1905 — Каменный век на озере Пирос. // *ЗОРСА ИРАО*. Т. VII. Вып. 1. С. 160–169. Отд. вып. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1905. 13 с.

Рерих Н.К., 1907а — Янтари каменного века. // *ЗОРСА ИРАО*. 1907. Т. VII. Вып. 2. (Отд. оттиск в БАН. С. 16–17).

Рерих Н.К., 1907б — Фигурные поделки из кремня. // *ЗОРСА ИРАО*. 1907. Т. VII. Вып. 2. (Отд. оттиск в БАН. С. 17–18).

Рерих Н.К., 1914 — Собрание сочинений. Книга первая. М.: изд. И.Д. Сытина, 1914. (Отпечатано к ноябрю 1913).

Рерих Н.К., 1916 — РЕРИХ. Пг.: Свободное искусство, 1916. Доп. тираж в 1917. Текст

А.Н. Бенуа, Ю.К. Балтрушайтиса, А.И. Гидони, А.М. Ремизова, Н.К. Рериха, С.П. Яремича и В.Н. Левитского.

Рерих Н.К., 1924 — Пути Благословения. New York, Paris, Riga, Harbin: Alatas, 1924.

Рерих Н.К., 1974 — Из литературного наследия. М.: Изобразительное искусство, 1974.

Рерих Н.К., 1986 — Н.К. Рерих и народное искусство. (Письма Н.К. Рериха к М.К. Тенишевой). Публ. В.П. Нечаева. // *Встречи с прошлым*. Сб. материалов ЦГАЛИ. М.: Советская Россия, 1986. № 2. С. 96–111.

Рерих Н.К., 1991а — Твердыня Пламенная. Рига: Виеда, 1991.

Рерих Н.К., 1991б — Врата в Будущее. Рига: Виеда, 1991.

Рерих Н.К., 1991в — Глаз добрый. М.: Художественная литература, 1991.

Рерих Н.К., 1992а — Держава света. Священный дозор. Рига: Виеда, 1992.

Рерих Н.К., 1992б — Сердце Азии. СПб.: ЛО СФК, 1992.

Рерих Н.К., 1992в — Алтай — Гималаи. Путевой дневник. Рига: Виеда, 1992.

Рерих Н.К., 1992г — Н.К. РЕРИХ. Сборник. М.: МЦР, 1992.

Рерих Н.К., 1993а — Письма к А.Н. Бенуа. [1917–39]. СПб.: Сердце, 1993.

Рерих Н.К., 1993б — Берегите старину. М.: МЦР, 1993.

Рерих Н.К., 1994 — Шамбала. М.: МЦР, 1994.

Рерих Н.К., 1995 — Химават. Самара: АГНИ, 1995.

Рерих Н.К., 1995–96 — Листы дневника. 1931–47. В 3 тт. М.: МЦР, 1995–96.

Рерих Н.К., 1996 — Гималаи — Обитель Света. Адамант. Самара: АГНИ, 1996.

Рерих Н.К., 1997 — Цветы Мории. Минск, 1997.

Рерих Н.К., 1998а — Из неопубликованной переписки Н.К. Рериха с петербургскими учёными (1896–1917). Публ. В.Л. Мельникова. // *ПРС*. 1998. № 1. С. 129–181.

Рерих Н.К., 1998б — Письма в Америку (1923–47). М.: Сфера, 1998.

Рерих Н.К., Антокольский Л.М., 1993 — Письма к Л.М. Антокольскому. Письма к Н.К. Рериху. СПб.: Сердце, 1993.

Рерих Н.К., Стасов В.В., 1993 — Письма к В.В. Стасову. Письма к Н.К. Рериху. СПб.: Сердце, 1993.

Рерих С.Н., 1993 — Стремиться к Прекрасному. М.: МЦР, 1993.

Рерих С.Н., 1994 — Свет искусства. М.: МЦР, 1994.

Рерих Ю.Н., 1994 — По тропам Срединной Азии. Самара: АГНИ, 1994.

Родник, 1903 — Родник. Художественные крестьянские изделия под руководством кн. М.К. Тенишевой и А.Л. Погосской. М., 1903.

Рожнов В., 1993 — Господин Голу. // *Вокруг света*. М., 1993. № 5. С. 38–43.

Романовская Э., 1996 — Живая память. // Классика. Информационный бюллетень. СПб., 1996. Октябрьский вып. С. 7–8.

Росов В.А., 1996 — Неудавшееся попечительство. К истории взаимоотношений Института гималайских исследований "Урусвати" и Института им. Н.П. Кондакова в Праге. // *Ариаварта*. СПб., 1996. Нач. вып. С. 153–167.

Росов В.А., 1997 — Письма А.П. Калитинского в Семинарий им. Н.П. Кондакова. // *Ариаварта*. 1997. № 1. СПб. С. 227–272.

Ростиславов А.А., 1903 — Красота старины. // *Театр и искусство*. 1903. № 6. С. 133–134.

Ростиславов А.А., 1916 — Гидра, одолевшая Георгия. // *СГ*. Июль – сентябрь 1916. № 7–9.

Ростиславов А.А., 1918 — Н.К. Рерих. Пг.: изд. Н.И. Бутковской, 1918. («Современное искусство». Серии иллюстрированных монографий).

Ростовцев М., Степанов П., 1917 — Эллино-скифский головной убор. // *ИИАК*. 1917. № 63.

Рудаков, 1912 — Титов А.А. Некролог. // *ЖМНП*. 1912. Ч. 37.

Рудзите Г.Р., 1978 — Н.К. Рерих и Прибалтика. // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1978.

Румянцева О.В., 1979 — Государственный музей искусства народов Востока. Путеводитель. М.: Советский художник, 1979.

Румянцева О.В., 1980 — О коллекции картин Н.К. Рериха и собрании произведений искусства Востока в Государственном музее искусства народов Востока. // [II] Рериховские чтения. 1979 год. К 50-летию института "Урусвати". Новосибирск, 1980. С. 138–140.

Румянцева О.В., 1982 — Государственный музей искусства народов Востока. Краткий обзор коллекций. М.: Изобразительное искусство, 1982.

Румянцева О.В., 1984 — Николай Константинович Рерих. К 110-летию со дня рождения. // Каталог выставки "Николай Рерих. Святослав Рерих". М.: Советский художник, 1984.

Румянцева О.В., 1985 — Письма к другу. // *Аврора*. 1985. № 8. С. 110–120.

Рыбаков Б.А., 1979 — Космогоническая символика чудских шаманских бляшек и русских вышивок. // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Рыбаков Б.А., 1988 — Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.

Рыбаков Б.А., 1993 — Новизна формы и философская глубина. // *Дельфис*. М. Октябрь 1993. С. 20–22.

Рычков Н., 1770 — Журнал или Дневные Записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. Ч. II.

Рябинин Е.А., 1981 — Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981. (*САИ*. Е1–60).

Рябинин Е.А., 1984 — Городища Водской земли. // *КСИА*. 1984. № 179. Славянская археология.

Рябинин Е.А., 1997 — Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб.: изд. СПбГУ, 1997.

Рябинин Е.А., 1998 — Н.К. Рерих и археология Ижорского плато. // *ПРС*. 1998. № 1. С. 80–101.

Савельев А.И., 1877 — О насыпях и кургане в С.-Петербургской губернии. // *Известия ИРАО*. СПб., 1877. Т. VIII. С. 56–60

Седов В.В., 1974 — Длинные курганы кривичей. М., 1974. (*САИ*. Е1–8).

Седов В.В., 1982 — Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. (*Археология СССР*).

Седов В.В., 1995 — Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Секретарь Л., 1998 — Боровичская святыня. // *Іде Святая София, там и Новгород*. Журнал "Нева". СПб., 1998. С. 268–272.

Селин А.А., 1993а — Отчёт о комплексном обследовании территории бывшего Покровского Озеретцкого погоста. СПб., 1993. Рукопись в научном архиве МУРИ.

Селин А.А., 1993б — Покровский Озеретцкий погост. История сельского расселения в XVI–XVIII вв. СПб., 1993. Рукопись в научном архиве МУРИ.

Сергеев С.И., 1901 — Раскопки на реке Колве Чердынского уезда. // *ЗУОЛЕ*. Екатеринбург, 1901. Т. 22. С. 51–66.

Серебренников А.П., 1926 — Краткий исторический очерк государственного историко-этнографического музея в Смоленске, основанного М.К. Тенишевой. Смоленск, 1926.

Серебрякова М., 1994 — Гимн Богородице. // *ПО*. 1994. № 30.

Серов В.А., 1971 — Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л.: Художник РСФСР, 1971. Т. II.

СИ, 1998 — Словарь исторический. Личности. Общество. Политика. В 2 тт. М.: Остожье, 1998. Воспроизведение изд.: *Словарь исторический и социально-политический.* Под ред. В.В. Битнера. СПб., 1906.

Сидоров А.Н., 1994 — Формирование и развитие исторических взглядов Н.К. Рериха. // *Сборник материалов научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения Н.К. Рериха.* Нижний Новгород, 1994. С. 55–62.

Сизов В.И., 1902 — Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска. // *МАР*. 1902. № 28.

Смирнов Б.А., 1978 — Русский пейзаж в творчестве Н.К. Рериха. // *Н.К. Рерих. Жизнь и творчество.* Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1978.

Смирнов-Русецкий Б.А.,1997 — Семья Рерихов. Воспоминания. Одесса: Маяк, 1997.

Смирнов Я.И., 1909 — Восточное серебро. СПб., 1909.

Смышляев Д.Д., 1891 — Сборник статей о Пермской губернии. Пермь: изд. автора, 1891.

Сойни Е.Г., 1981 — Переписка Н.К. Рериха с современниками. // *Север*. 1981. № 4. С. 105–114.

Сойни Е.Г., 1987 — Николай Рерих и Север. Петрозаводск: Карелия, 1987.

Соколов Б.С., 1997 — Верю в провинцию. // *ВИКА*. 1997. № 1.

Соколова-Покровская З.К., 1960 — Неопубликованная работа А.В. Щусева. // *АН*. 1960. № 12. С. 210–211.

Соколовский В.В., 1978 — Художественное наследие Николая Константиновича Рериха (перечень произведений с 1885 по 1947 гг.). // *Н.К. Рерих. Жизнь и творчество.* Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1978.С. 259–304.

Соловьёв М., 1899 — По поводу реставрации Новгородской Св. Софии (открытое письмо Н.П. Собко). // *ИХП*. 1899. № 11. С. 939–945.

Сотрудники РНБ... 1995 — Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб.: изд-во РНБ, 1995. Т. I.

Список, 1909 — Список населённых мест Новгородской губернии. Крестецкий уезд. Новгород, 1909.

Спицын А.А., 1895 — Производство археологических раскопок. СПб., 1895.

Спицын А.А., 1896 — Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. // *МАР*. 1896. № 20.

Спицын А.А., 1897 — Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. IX. С.-Петербургская губерния. // *ЗИРАО*. 1897. Т. IX. Вып. 1–2. С. 268–278.

Спицын А.А., 1899 — Раскопки художника Н.К. Рериха в Петербургской губернии. ("Материалы по доисторической археологии России"). // *ЗИРАО*. 1899. Т. IX. Вып. 1–2. С. 323–330.

Спицын А.А., 1901 — Пещное действо и халдейская пещь. Дополнения к статье о пещном действе. // *ЗИРАО*. 1901. Т. XII. Вып. 1–2. С. 95–131, 201–209.

Спицын А.А., 1902 — Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. // *МАР*. 1902. № 26.

Спицын А.А., 1903а — Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. // *ЗОРСА ИРАО*. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 203–234.

Спицын А.А., 1903б — Бологовская стоянка каменного века. // *ЗОРСА ИРАО*. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 239–278. Табл. IV–XV, XXXIII–XLIII.

Спицын А.А., 1905а — Владимирские курганы. // *ИИАК*. 1905. № 15.

Спицын А.А., 1905б — Новые сведения о городищах Дьяковского типа. // *ЗОРСА ИРАО*. 1905. Т. VII. Вып. 1.

Спицын А.А., 1906 — Шаманские изображения. // *ЗОРСА ИРАО*. 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 29–145.

Спицын А.А., 1907 — Из собрания Н.К. Рериха. // *ЗОРСА ИРАО*. 1907. Т. VII. Вып. 2. (Отд. оттиск в БАН. С. 7–11).

Спицын А.А., 1908 — Краткий каталог Музея Императорского Русского археологического общества. «Составил А. Спицын, действительный член Общества, хранитель Музея». СПб., тип. М.А. Александрова, 1908.

Спицын А.А., 1910 — Археологические раскопки. СПб., 1910.

Спицын А.А., 1927 — Разведки памятников материальной культуры. Пособие для краеведов. Л.: изд. Центрального бюро краеведения, 1927*.

Спицын А.А., 1928 — Мои научные работы. // *Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н.П. Кондакова*. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1928.

СР, 1997 — Скифский роман. [Книга о М.И. Ростовцеве с его публ.]. М.: *РОССПЭН*, 1997.

Стасов В.В., 1866 — Владимирский клад. СПб., 1866.

Стасов В.В., 1876 — Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи. // *ОИАК за 1872 год*. 1876. С. 235–238.

Стернин Г.Ю., 1970 — Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков. М.: Искусство, 1970.

Стравинский И.Ф., 1998 — Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Ред.-составитель В.П. Варунц. М.: Композитор, 1998. Т. I.

Строков А.А., 1936 — Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода. // *НИС*. 1936. № 1.

Султанов Н.В., 1885 — Успехи русской художественной археологии в царствование Императора Александра II. // *Вестник изящных искусств*. СПб., 1885. Т. III.

Суриков В.И., 1977 — Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Искусство, 1977.

Суслов В.В., 1912 — Церковь Василия Блаженного в Москве (Покровский собор). История, значение и современное состояние памятника. С рис. СПб., 1912.

Сюзев П.В., 1906 — Памяти Ф.А. Теплоухова. // *Труды Ботанического Сада Императорского Юрьевского Университета*. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1906. Т. VII. Вып. 2. С. 109–115.

Тайлор Э.Б., 1989 — Первобытная культура. М., 1989.

Талашкино, 1905 — Талашкино. Статьи Н. Рериха и С. Маковского. СПб.: Содружество, 1905.

Талашкино, 1973 — Талашкино. М.: Изобразительное искусство, 1973.

Тенишева М.К., 1930 — Эмаль и инкрустация. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1930.

---

* Это редкое издание предоставил Б.П. Коваленко.

Тенишева М.К., 1991 — Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991.

Тенишева М.К., 1993 — Святые минуты. // *Рерих в России*. М.: МЦР, 1993. С. 69–71.

Теплоухов А.Е., 1844 — Заметки о лесном хозяйстве и о значении важнейших древесных пород на Урале, в сравнении с породами Новгородской губернии. // *Лесохозяйственный альбом Котты*. Бреславль, 1844. С. 244–273 (на нем. яз.).

Теплоухов А.Е., 1848 — Устройство лесов в помещичьих землях. Руководство для управителей, лесничих и землемеров. Издано иждивением Императорского Вольного Экономического Общества. СПб.: тип. III отд. собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848.

Теплоухов А.Е., 1879 — Археологические сообщения с Востока Европы. // *Сообщения Антропологического общества в Вене*. 1879. Т. VIII. № 10–12 (на нем. яз.).

Теплоухов А.Е., 1880 — О доисторических жертвенных местах на Уральских горах. // *ЗУОЛЕ*. Екатеринбург: тип. И.П. Романова, 1880. Т. VI. Вып. I.

Теплоухов Ф.А., 1871 — Заметки о климате и растительности Алтая. // *Котта Б.* Алтай, его геологическое строение и рудные месторождения. Лейпциг, 1871. Глава IV. С. 267–297 (на нем. яз.).

Теплоухов Ф.А., 1892а — Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии. // *ТПУАК*. Вып. I. Пермь, 1892. С. 27–63.

Теплоухов Ф.А., 1892б — Народное празднество "Три Ёлочки", в Богородской волости, Пермского уезда. // *ПК*. Пермь: тип. наследников П.Ф. Каменского, 1892. Т. I. С. 138–148.

Теплоухов Ф.А., 1893 — Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных. (3 табл.). // *ПК*. Пермь: тип. Губернской Земской Управы, 1893. Т. II. С. 1–74.

Теплоухов Ф.А., 1897а — Чудское жертвенное место на реке Колве. // *ТПУАК*. Пермь, 1897. Вып. III.

Теплоухов Ф.А., 1897б — Рисунки древностей Пермской Чуди, принадлежащих Пермскому музею. // *ТПУАК*. Пермь, 1897. Вып. III. С приложением 13 табл. рис.

Тихомиров И.А., 1903 — Поездка на реку Мсту. // *ЗОРСА ИРАО*. 1903. Т. V. Вып. 1.

Тихонов И.Л., 1995 — Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования). // *Санкт-Петербург и отечественная археология*. Историографические очерки. Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". СПб., 1995. Вып. 1.

Тихонов И.Л., Швембергер С.В., 1998 — Творческое наследие Н.К. Рериха и перспективы развития художественной жизни в Санкт-Петербургском университете. // *ПРС*. 1998. № 1.

Толочко П.П., Боровський Я.Е., 1979 — Язычницьке капище в «городі» Володимира. // *Археологія Київа*. Досліджения і матеріли. Київ, 1979.

Томес Т.Б., 1968 — Фотоархив научного учреждения. // *Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти*. М.: Наука, 1968.

Третьяков П.Н., 1941 — К истории племён Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. М.-Л., 1941. (*МИА*. № 5).

Трояновский В., 1974 — [Сообщение о раскопках]. // *Известия*. 1 декабря 1974.

Трояновский С.В., 1995 — История изучения Новгородского кремля. // *НИС*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. № 5 (15).

Трояновский С.В., 1996 — Раскопка в Новгородском кремле. История о том, как Н.К. Рерих с новгородцами поссорился. // *Чело*. Новгород, 1996. № 1 (8). С. 5–7.

Трубников А., 1912 — Картины Павловского дворца. // *СГ*. 1912. № 10.

Трусман Ю.А., 1885 — Финские элементы в Гдовском уезде Санкт-Петербургской гу-

бернии. // *Известия Императорского Русского Географического Общества*. СПб., 1885. Т. XXI. Вып 3.

Тюляев С., 1975 — Живопись Аджанты. // *Сокровища искусства стран Азии и Африки*. М.: Изобразительное искусство, 1975. Вып. I.

Указатель памятников Российского Исторического музея, 1893 — Указатель памятников Российского Исторического музея. М., 1893.

Ушаков Ф., 1902 — Псковский Городец и Мирож как места первых псковских поселений. СПб., 1902.

Фармаковская Т.И., 1988 — Борис Владимирович Фармаковский. Киев: Наукова думка, 1988.

Фёдорова Н.А., 1971 — Николай Константинович Рерих. // *50 биографий мастеров русского искусства*. Л., 1971. С. 277–278.

Феномен Института Урусвати... 1994 — Программа научного семинара "Феномен Института Урусвати: формирование научной картины мира". Малый зал СПб. научного центра РАН, 1994.

Формозов А.А., 1961 — Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

Формозов А.А., 1986 — Страницы истории русской археологии. М., 1986.

Фосдик З.Г., 1998. — Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934). М.: Сфера, 1998.

Фролов А., 1970 — Творческое содружество Н. Рериха и В. Фролова. // М.: Искусство, 1970. № 6.

Фролов А., 1992 — Не княжеское дело... // *ПО*. 1992. № 28. С. 79–82

Харузин А.Н., 1893 — Заметка о черепах Пюхтицкого могильника. // *ВЭГ*. 1893. Кн. I. С. 245–259.

Хвощинская Н.В., 1983 — К вопросу о древних захоронениях води. // *КСИА*. 1983. № 75. С. 43–48.

Храмченко В.В., 1991а — Научное описание документов личного фонда Н.К. Рериха в Отделе рукописей ГТГ. М., 1991. Препринт в научном архиве МУРИ и в ОР ГТГ.

Храмченко В.В., 1991б — Синтез, Культура, Община. О кружке самообразования Н.К. Рериха. // *РВ*. 1991. № 2. С. 8.

Чернов С.М., 1993 — Об архитектурно-археологических исследованиях 1993 г. в усадьбе Н.К. Рериха "Извара". Рукопись в научном архиве МУРИ.

Чернов А., 1999а — Здесь была столица России. // *Огонёк*. Февраль 1999. № 8 (4595). С. 24–27.

Чернов А., 1999б — Загадки озёрных людей. // *Огонёк*. Март 1999. № 9 (4596). С. 28–31.

Черкасова О.А., 1997 — Октябрь. Извара собирает друзей. // *ЖЛИ*. 1997. № 10–11. С. 112–116.

Чупин Н., 1873 — Географический и статистический словарь Пермской губернии, составленный Н. Чупиным. Пермь, 1873. Т. I.

Шамин С.М., 1998 — Новгородские раскопки Н.К. Рериха // *Мир Огненный. (Uguniga Pasaule)*. М.–Рига, 1998. № 2 (17).

Шапошникова Л.В., 1987 — От Алтая до Гималаев. По маршруту Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха. М.: Планета, 1987.

Шапошникова Л.В., 1994 — «Синтез действенного блага...» // *Человек*. Журнал Института человека РАН. М.: Наука, 1994. № 1. С. 90–102.

Шилов Ю., 1991 — "День Брахмы" на Чонгаре. // *Вокруг света*. 1991. № 3. С. 40–44.

Ширинский-Шихматов А.А., 1906 — Фёдовский могильник. // *Труды II Областного Археологического съезда*. Тверь, 1906.

Шмидт А.В., 1927 — К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. // *Сборник Музея Антропологии и Этнографии*. Л.: изд. АН СССР, 1927. Вып. VI. С. 123–164.

Шмидт М., [1930-е] — Религиозное творчество академика Н.К. Рериха. (Драгоценный вклад великого художника в русское храмостроительство). Харбин, без года. [1930-е].

Штендер Г.М., 1959 — Памятники архитектуры Новгорода. Церковь Спаса на Нередице. Новгород: НП, 1959.

Штофф Н.А., 1901 — Отчёт о раскопках, произведённых Санкт-Петербургским Археологическим Институтом 13–14 мая 1900 года. // *ВАИ*. 1901. Т. XIV. С. 211–218.

Эдинг Д.Н., 1928 — Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.

Энтин Д., 1997 — История находки картины Н.К. Рериха "Сходятся старцы". // *ПВ*. 1997. № 8 (40). С. 10–11.

Эрнст С.Р., 1918 — Н. Рерих. Пг.: изд. Общины Св. Евгении, 1918. (В приложении стихотворения Н.К. Рериха и список его произведений).

Юнг К.Г., 1996 — Структура психики и процесс индивидуализации. М.: Наука, 1996.

Юнг К.Г. и др., 1997 — *Юнг К.Г., фон Франц М.Л., Хендерсон Д.Л., Якоби И., Яффе А.* Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997.

Яковлева Е.П., 1996 — Театрально-декорационное искусство Н.К. Рериха. Самара: АГНИ, 1996.

Allen W.E.D., 1950 — Paul Paulovitsh Muratoff (1881—1950). // *Byzantion*. 1950. Vol. XX. P. 397–400.

Alojz Benac, 1967 — Steċci. Beograd: Jugoslavija, 1967.

Boas F., 1897 — The social organisation and the secret societies of the Kwakiutl indians. // *Annual report of American Ethnology Smithsonian Institute U. S. National Museum*. Washington, 1897.

Conlan B.D., 1938 — Nicholas Roerich A Master of the Mountains. France, 1938. Специальный фоторепринт в ознаменование 100-летия рождения Николая Рериха, 1974. Экз. в архиве П.Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония), отд. А, № 214.

Dalton O.M., 1905 — The treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India. London, 1905.

Decter J. & NRM, 1989 — Nicholas Roerich. The Life and Art of a Russian Master. Rochester, Vermont: Park Street Press, 1989.

Minns E.H., 1913 — Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

Roerich N., 1930 — Shambala — The Resplendent. New York, 1930.

Selivanova N., 1922 — The World of Roerich. New York: Corona Mundi International Art Center, 1922.

Tallgren A.M., 1911 — Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Finska Fornminnesföreningens Tidskrift)*. Helsingfors, 1911. Vol. XXV.

Watters T., 1905 — On Juan Chwang's. Travels in India, II. London, 1905.

ОБ АВТОРАХ

Маточкин Евгений Палладиевич — физик, кандидат искусствоведения. В 1970-е годы вместе с академиком А.П. Окладниковым и Н.Д. Спириной стоял у истоков сибирского рериховедения. Был организатором и участником восхождений на пики Рерихов на Алтае. Соавтор книг "Петроглифы Алтая" и "Рерих и Сибирь". Специалист по искусству каменного века и петроглифам, автор более 50 публикаций по ядерной физике, различным вопросам естествознания, философии и истории отечественного искусства конца XIX — начала XX века.

Мельников Владимир Леонидович — физик, преподаватель истории культуры Академической гимназии СПбГУ, где ведёт спецкурс "Синтез искусств в культуре Серебряного века". Сотрудник Мемориального собрания С.С. Митусова в Санкт-Петербурге, руководитель группы "Петербургский архив семьи Рерихов". Области научных интересов — философские аспекты естествознания, рериховедение, культура Серебряного века, история отечественной археологии.

Рябинин Евгений Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. Основные темы исследований: Северная Русь и её соседи; финно-угорские и славянские племена эпохи средневековья; языческие культы народов Восточной Европы; процесс урбанизации в Балтийском регионе. Автор 150 научных публикаций, в том числе трёх монографий. Больше 20 лет ведёт археологические работы по изучению средневековых памятников на территории Ленинградской, Костромской и Ивановской областей.

Семёнов Александр Витальевич — младший научный сотрудник и хранитель фондов Музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре. Главная тема исследований — Н.К. Рерих и археология.

Шамин Степан Михайлович — историк, сотрудничал в Тульской археологической экспедиции, отделе археологии Тульского областного краеведческого музея, историко-археологическом музее "Тульские древности". Автор публикаций по археологии и рериховедению. Тема исследований — влияние научной деятельности Н.К. Рериха на его литературное и художественное творчество.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 11

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Е.А. Рябинин. Н.К. Рерих и Императорская Археологическая комиссия 15

РАЗДЕЛ I

Рукописи Н.К. Рериха. 3 августа 1892 – 4 марта 1904 35

РАЗДЕЛ II

Переписка Н.К. Рериха и членов Императорской Археологической комиссии. 1894–1922 149

РАЗДЕЛ III

Н.К. Рерих в публикациях Императорской Археологической комиссии. 1896–1918 359

ПРИЛОЖЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Семёнов. Археологические экспедиции Музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре 717

С.М. Шамин. Клад захоронённый 723

Е.П. Маточкин. Археологические мотивы в искусстве Н.К. Рериха 729

В.Л. Мельников. О культурологических идеях Н.К. Рериха (По материалам Императорской Археологической комиссии) 745

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 771

ЛИТЕРАТУРА 777

ОБ АВТОРАХ 797

ОГЛАВЛЕНИЕ 798

На авантитуле в качестве эмблемы Мемориального собрания С.С. Митусова в Санкт-Петербурге использована заставка Н.К. Рериха "Птица".

На с. 6 — рисунок Н.К. Рериха "Сова над стопкой книг" из "Литературного сборника произведений студентов Императорского С.-Петербургского университета..." (1896).

Сборник посвящён одному из аспектов научной и общественной деятельности выдающегося художника, археолога, путешественника, писателя и философа Н.К. Рериха (1874—1947). До самого отъезда из России Рерих активно и успешно занимался археологическими раскопками, собирательством, изучением и охраной памятников старины. Представленные в сборнике материалы — рукописи, переписка, научные публикации, рисунки и документальные фотографии — позволяют непосредственно прикоснуться к научному наследию Рериха и оценить по достоинству его вклад в отечественную науку. Большая часть материалов публикуется впервые.

Книга рассчитана на историков, культурологов, искусствоведов и всех, кто интересуется вопросами истории культуры России конца XIX — начала XX века и жизнью Н.К. Рериха.

ББК 94.3

П-29

Петербургский Рериховский сборник: Вып. II–III: Н.К. Рерих. Археология. Книга первая: Материалы Императорской Археологической комиссии (1892–1918) / Ред.-сост. В.Л. Мельников; Вступит. статья Е.А. Рябинина. — Самара: Издательский дом «Агни», 1999. — 800 с.

ISBN-5-89850-019-7

Иллюстрированное
научно-художественное издание

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск II–III

Главный редактор А.А. Бондаренко
Ответственный секретарь редакционного совета В.Л. Мельников
Художник Т.А. Обатнина
Научный редактор Н.Н. Трофимова
Литературный редактор Т.М. Занько
Компьютерная вёрстка Л.И. Агрофениной
Корректор О.Н. Зызлаева
Технический редактор Е.В. Королёва

ЛР № 063081 от 10.02.98
Подписано в печать 20.08.99. Формат 60 x 84 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 64,82. Тираж 1000 экз. Заказ 226

Издательский дом «Агни»
Тел.: (8462) 38-73-71, 70-32-87, 70-32-89, факс 35-86-08

Отпечатано в типографии Издательского дома «Агни»
443110, Самара, Мичурина, 23

150=

III–II

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК